

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 16

Moscow
2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 16

Москва
2020

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль (составитель), И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. А. Беляев,
доктор исторических наук А. Н. Сорокин

Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.
А87 **Выпуск 16.** – М.: Институт археологии РАН, 2020. 464 с.
ISBN 978-5-94375-309-1

Шестнадцатый выпуск сборника «Археология Подмосковья. Материалы научного семинара» открывается разделом, посвященным юбилею видного российского археолога, сотрудника ИА РАН В. В. Сидорова. Статьи следующих трех разделов организованы по хронологическим периодам от раннего железного века до Нового времени. В последний вошли публикации исследований средневековой городской фортификации.

Сборник будет интересен археологам, историкам, музейным сотрудникам и краоведам.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-309-1
ISSN 2686-6897
DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-309-1

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2020
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2020

Содержание

К юбилею Владимира Владимировича Сидорова

<i>Лопатина О. А., Забигаило Н. В.</i> Археология Каширского края в исследованиях В. В. Сидорова	9
<i>Кашина Е. А., Емельянов А. В.</i> Костяные подвески и нашивки в виде птиц в финале каменного века лесной зоны Центральной России	15
<i>Уткин А. В., Костылёва Е. Л.</i> Янтарные кольца из нео-энеолитических захоронений лесной зоны европейской части России: типология и хронология	27
<i>Лычагина Е. Л.</i> Хозяйственные занятия населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита	33
<i>Смольянинов Р. В., Куличков А. А., Юркина Е. С., Желудков А. С.</i> Керамические материалы льяловской культуры с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону	39
<i>Холкина М. А., Гусенцова Т. М., Герасимов Д. В.</i> Перо феникса: об особом значении примеси асбеста в керамике Северо-Запада	49
<i>Исланова И. В.</i> О прогнозировании местоположения памятников определенного культурного типа (по материалам раннесредневековых поселений)	61

Древности эпохи раннего железного века и древнерусского времени

<i>Сидоров В. В.</i> Торфяниковые стоянки	68
<i>Тавлинцева Е. Ю., Коваль В. Ю., Гольева А. А.</i> Древнейшая постройка раннего железного века на городище Ростиславль	76
<i>Миненко В. В., Разумов И. Н., Сироштан И. И.</i> Неготино-8 («Красный городок») – городище раннего железного века на верхней Десне	93
<i>Сыроватко А. С., Свиркина Н. Г., Гусева В. П.</i> Грунтовые кремации могильника Кременье: исследования 2018 года	108
<i>Яковчик М. С., Энговатова А. В., Орфинская О. В., Чернова О. Ф.</i> Вязаная рукавица из раскопок в Ярославле	116
<i>Зоц Е. П.</i> Древнерусский погребальный костюм по материалам раскопок курганного могильника XI–XII веков Шейка I в Истринском районе Московской области	130
<i>Завьялов В. И., Энговатова А. В.</i> Палаш из Ярославля	149
<i>Коваль В. Ю.</i> О некоторых диагностирующих прослойках в заполнениях котлованов построек	155

Археология удельного и московского периодов

<i>Гоняный М. И., Сарачева Т. Г.</i> «Только у молодца и золотца, что пуговка оловца»: средневековые изделия из легкоплавких сплавов с территории Устьинского археологического комплекса на Куликовом поле	162
<i>Алексеев А. В., Кузьменко С. В.</i> О среднерусских каменных крестах-кенотафах XVI–XVII веков	202

<i>Быков А.Ю.</i> К вопросу о принадлежности надгробных плит и крестов из бывшей деревни Кузмадемьянка Мышкинского района	208
<i>Чернов С.З.</i> «Душеное с деревнями и с бортью»: феномен парных селищ по данным раскопок Верхних и Нижних Кукарок в 2009–2011 годах	219
<i>Лубкова Т.Н., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., Хабибуллина Ю.Н.</i> Исследование химического состава металлического оклада иконы из собора Покрова на Красной площади	263
<i>Иванов Д.А.</i> Результаты радиоуглеродного датирования двух челнов-однодревков из Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника	280
<i>Пронин Г.Н., Суханов Е.В.</i> Керамический комплекс из раскопок селища Микулино 7 (опыт применения геометрической морфометрии к анализу фрагментированного материала)	287
<i>Жилина Н.В.</i> Пуговицы в костюме Московской Руси XVII – начала XVIII века	297
<i>Лазарев А.С., Осипов Д.О.</i> Коллекция обувных деталей и других кожаных изделий из раскопок Торговых рядов в Костроме в 2017–2018 годах	312

Археология Нового времени

<i>Лихтер Ю.А.</i> Сосуды из раскопок археологической службы Москвы (1989–2015). Открытые формы	322
<i>Сатурин А.А.</i> «Турецкие» курительные трубки из собрания Костромского музея-заповедника	351
<i>Полюях А.А., Беркович В.А.</i> Чайник завода Гребенщиковых из археологических наблюдений в Большом Головине переулке в Москве в 1998 году	368
<i>Федорова Л.И., Ткаченко В.А., Федоров В.В.</i> Морфологические особенности глиняной игрушки-лошадки в контексте эволюции технологических приемов изготовления традиционной калужской керамики	381
<i>Кочкина А.Ф., Цибин В.А.</i> Парфюмерные флаконы из погребений Всесвятского кладбища середины XIX – первой четверти XX века в Самаре	388

Средневековая городская фортификация

<i>Коваль В.Ю.</i> Методика изучения валов древнерусских городов и попытки реконструкции древних оборонительных сооружений в натуре	401
<i>Носов К.С., Медведь А.Н.</i> Две крепости Петрока Малого: Себеж и Пронск, 1535 год. Факты и предположения	415
<i>Малыгин П.Д., Богданов С.В.</i> Датировка археологизированных средневековых оборонительных сооружений: проблемы и решения (на примере Тверского кремля)	425
<i>Хохлов А.Н., Иванова А.Б.</i> О датировке тьмацкой линии укреплений Тверского кремля	431
<i>Табунова Н.В.</i> Дмитровский кремль на планах города	440
<i>Денисов С.А.</i> Оборонительные сооружения Альгштадта в XIII–XIV веках (по данным письменных источников)	455
Список сокращений	460

Contents

On the anniversary of Vladimir Vladimirovich Sidorov

<i>Lopatina O. A., Zabigailo N. V.</i> Archeology of the Kashira region in the research of V. V. Sidorov	9
<i>Kashina E. A., Emelyanov A. V.</i> Bone pendants and stripes in the form of birds in the Stone Age Finale in the Forest zone of Central Russia	15
<i>Utkin A. V., Kostyleva E. L.</i> Amber rings from Neo-Aeneolithic graves of the forest zone of the European part of Russia: typology and chronology	27
<i>Lychagina E. L.</i> Household occupations of the Upper and Middle Prikamye during the Neolithic	33
<i>Smolyaninov R. V., Kulichkov A. A., Yurkina E. S., Zheludkov A. S.</i> Ceramic materials of Lyalovsky culture with site Dobroye 9 on the Upper Don	39
<i>Kholkina M. A., Gusentsova T. M., Gerasimov D. V.</i> Phoenix feather: on the special significance of the inclusion of asbestos in ceramics of the North-West	49
<i>Islanova I. V.</i> On predicting the location of sites of a certain cultural type (based on materials from early medieval settlements)	61

Early Iron Age and Old Rus

<i>Sidorov V. V.</i> Turfen archaeological sites	68
<i>Tavlintseva E. Yu., Koval V. Yu., Golieva A. A.</i> The Oldest Early Iron Age dwelling of Rostislavl hillfort	76
<i>Minenko V. V., Razumov I. N., Siroshstan I. I.</i> The Negotino-8 (“Krasny Gorodok”) hillfort of the Early Iron Age on the Upper Desna River	93
<i>Syrovatko A. S., Svirkina N. G., Guseva V. P.</i> Soil cremations of the Kremenye cemetery: 2018 studies	108
<i>Yakovchik M. S., Engovatova A. V., Orfinskaya O. V., Chernova O. F.</i> Knitted mitten from excavations in Yaroslavl	116
<i>Zots E. P.</i> Old Russian burial suit based on excavations of the burial mound of the 11 th – the 12 th centuries Sheika I in the Istra district of the Moscow region	130
<i>Zavyalov V. I., Engovatova A. V.</i> Broadsword from Yaroslavl	149
<i>Koval V. Yu.</i> Some diagnosing interlayers in the filling of pits buildings	155

Archaeology of the Period of Feudal Principalities and Muscovy

<i>Gonyanyi M. I., Saracheva T. G.</i> “Whether the rich man – gold, or the poor man – tin, with each and his own lies delight therein”: medieval fusible alloys from the territory of Ustye archeological complex on the Kulikovo field	162
<i>Alekseev A. V., Kuzmenko S. V.</i> About the Central Russian stone crosses-cenotaphs of the 16 th – 17 th centuries	202

<i>Bykov A. Y.</i> To the question of belonging of tombstones and crosses from the former village Kuzmademyanka in Myshkinsky district	208
<i>Chernov S. Z.</i> “Dushenoe with hamlets and with apiculture”: the phenomenon of doubles sites according to the excavations of the Upper and Lower Kukarki in 2009–2011	219
<i>Lubkova T. N., Mitoyan R. A., Saracheva T. G., Khabibullina Y. N.</i> A study of chemical composition of an icon frame from the Protecting Veil Cathedral on the Red Square	263
<i>Ivanov D. A.</i> The results of radiocarbon dating of two shuttle-odnoderevki from the Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve	280
<i>Pronin G. N., Sukhanov E. V.</i> Ceramic complex from the excavation of the rural settlement Mikulino 7 (the experience of applying geometric morphometry to the analysis of fragmented material)	287
<i>Zhilina N. V.</i> Buttons in a suit of Muscovy in 17 th – early 18 th centuries	297
<i>Lazarev A. S., Osipov D. O.</i> Collection of shoe parts and other leather products from the excavations of Torgovyye ryady in Kostroma in 2017–2018	312

Archeology of the Modern Times

<i>Lighter Yu. A.</i> Vessels from the excavations of the archaeological service of Moscow (1989–2015): open forms	322
<i>Saturin A. A.</i> “Turkish” smoking pipes from the collection of the Kostroma Museum-Reserve	351
<i>Polulah A. A., Berkovich V. A.</i> Grebenshchikov factory teapot from the archaeological observations in Bolshoy Golovin Lane in Moscow in 1998	368
<i>Fedorova L. I., Tkachenko V. A., Fedorov V. V.</i> Morphological features of a clay toy-horse in the context of the evolution of technological methods for the manufacture of traditional Kaluga ceramics	381
<i>Kochkina A. F., Tsibin V. A.</i> Perfume bottles from the graves of the cemetery at the All Saints Church in the middle of the 19 th – first quarter of the 20 th century in Samara	388

Medieval city fortification

<i>Koval V. Yu.</i> Methods of studying the earthen walls of medieval Russian towns and attempts to reconstruct old defensive structures in kind	401
<i>Nosov K. S., Medved' A. N.</i> Two fortresses by Petrok Maloy: Sebezh and Pronsk, 1535. Facts and assumptions	415
<i>Malygin P. D., Bogdanov S. V.</i> Dating of archaeological medieval defensive structures: problems and solutions (on the example of the Tver Kremlin)	425
<i>Khokhlov A. N., Ivanova A. B.</i> About the dating of the Tmatskaya line of fortifications of the Tver Kremlin	431
<i>Tabunova N. V.</i> Dmitrov Kremlin on town plans	440
<i>Denisov S. A.</i> Fortifications in Altstadt in 13 th –14 th centuries (according to written sources)	455
List of abbreviations	460

К юбилею Владимира Владимировича Сидорова

О. А. Лопатина*, Н. В. Забига́йло**

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Каширский краеведческий музей, г. Кашира Московской обл.*

Археология Каширского края в исследованиях В. В. Сидорова

Каширская страница в научной биографии В. В. Сидорова во многом связана с исследованиями городищ раннего железного века: Мутёнковского, Старшего Каширского и Корыстовского. Раскопки этих памятников наверняка запомнились многим принимавшим участие в экспедиции, и сотрудникам Каширского краеведческого музея, и школьникам города Кашира, и членам обнинского археологического клуба АРКОС под руководством В. А. Тарасова, и волонтерам – постоянным членам экспедиций Владимира Владимировича. Без их посильного и заинтересованного участия экспедиция бы не состоялась. Особую роль в этом сыграла личность Владимира Владимировича, который своим энтузиазмом, знаниями, оригинальными суждениями мог заинтересовать окружающих.

Систематические археологические исследования в Каширском районе проводились В. В. Сидоровым с конца 1980-х гг. Их начало связано с охранными работами в зоне строительства автомагистрали М-4 «Дон», выполняемыми Подмосковной экспедицией ИА РАН, руководителем которой до 1994 г. являлся Владимир Владимирович (Энговатова, Сидоров, 2004). Полевые исследования затронули самые разные памятники от палеолита до Средневековья.

Одним из объектов исследований стала группа памятников археологии в районе с. Колтово (Колтово 1–10), связанных в основном с летописным городом Колтеском, разрушенным дорожным строительством еще в 1960-е (Розенфельдт, 1960). Полевые исследования колтовской группы затронули частично сохранившийся посад города и прилегающие к нему поселения (Сидоров, 1989; 1991; 1993; 1995; Трусов, 1990; Сидоров, Энговатова, 1992; Зубарев,

1993; 1995). Наиболее значимым среди колтовской группы оказался многослойный памятник Колтово 7, к исследованию которого экспедиция возвращалась в разные годы в течение почти десяти лет. Здесь выявлены многочисленные подпечные ямы и погребка древнерусского поселения времени существования города Колтеска, раскопаны также остатки жилища эпохи финальной бронзы и стоянка-мастерская финального палеолита – мезолита (Трусов, 1990; Сидоров, Энговатова, 1992; Сидоров, 1993; 1995; 2001). Помимо селищ древнерусского времени среди колтовской группы памятников выявлены местонахождения эпохи мезолита (Колтово 3 и 10), отмечены материалы раннего железного века, предположительно дяковской культуры (Колтово 2, 8, 9). Результаты исследований этого памятника отражены в публикациях (Сидоров, Шарова, 1996; Сидоров, 2006а; 2006б; 2006в; Трусов, 2011. С. 233–235).

Другим значимым памятником, исследовавшимся Подмосковной экспедицией, стала стоянка эпохи финального палеолита – раннего мезолита Умрышенка 3, открытая А. В. Трусовым на ручье Завальском (Трусов, 1990; 2011. С. 235–238). В дальнейшем раскопки памятника вели В. В. Сидоров и А. В. Энговатова (Сидоров, Энговатова, 1991; 1992; Сидоров, 1993). В конце 1980-х – начале 1990-х на территории Каширского района выявлены другие памятники эпохи палеолита – мезолита – Малеево, Пятница 1а, 1б (Трусов, 1990), Корыстово 5 (Сидоров, 1991). Проводились обследования селищ железного века – Лиды (Сидоров, 1989), Корыстово 4 (Сидоров, 1991).

В 1997 г. по инициативе Каширского краеведческого музея и К. А. Смирнова¹ В. В. Сидоров возобновил раскопки на Старшем Каширском городище

¹ Кирилл Алексеевич Смирнов (1931–2001) – доктор исторических наук, ученый секретарь ИА РАН, известный исследователь дяковской культуры.

Рис. 1. Находки с Мутёнковского городища (Каширский краеведческий музей)

1, 2 – роговые рукояти; 3–5 – грузики дьякова типа; 6 – роговой псалий

(Сидоров, Смирнов, 1999; Сидоров, 2001), которое исследовал В. А. Городцов в 1925–1926 гг. Работы на памятнике начались благодаря финансовой поддержке, организованной Каширским краеведческим музеем и его директором Н. В. Забига́йло.

Важные культурно-хронологические построения В. А. Городцова (1933), ставшие реперными в дальнейших исследованиях дьяковских памятников, тем не менее оставляли ряд нерешенных вопросов, в частности, о характере сооружений (землянки и жертвенники), правильности соотнесения со скифскими прототипами так называемых однокрылых стрел каширского типа и т. д. (Смирнов, 1991. С. 104–105).

В ходе работ на Старшем Каширском городище Владимир Владимирович дал оценку современного состояния памятника, выявил его топографические особенности, схематичные чертежи В. А. Городцова были сопоставлены с реальным объектом. Исследования убедительно показали отсутствие следов так называемых землянок, определенных В. А. Городцовым как основной тип жилищ населения дьяковских городищ. Таким образом, вопрос о «круглых землянках» был снят.

Новые раскопки на Старшем Каширском городище дали представление о массовом керамическом материале, дефицит которого остро ощущался ранее при историко-культурных реконструкциях, связанных с этим памятником. Характер находок, в частности невысокий процент текстильной керамики, малое количество грузиков дьякова типа, дал основание К. А. Смирнову и В. В. Сидорову сделать предположение о существовании особого окского варианта дьяковской культуры (Сидоров, Смирнов, 1999. С. 165). В числе значимых находок этих раскопок – зооморфная роговая руко-

ять с головой животного, пополнившая коллекцию изделий в зверином стиле с дьяковских городищ. Изображение сочетает в себе черты медведя и лося и является местным подражанием скифскому звериному стилю (Сидоров, Смирнов, 1999).

Работы на памятнике продолжались два сезона: в 1997 и 2001 гг. (Сидоров, Смирнов, 1999; Сидоров, 2001). Основные результаты работ на Старшем Каширском городище изложены в статьях (Лопатина, Сидоров, 2003а; 2003б).

В 2002 году В. В. Сидоров приступил к раскопкам Мутёнковского городища (рис. 1). Ранее, в 1975 и 1978 гг., памятник исследовал К. А. Смирнов (1980). В 1980-е городище сильно повредили при строительстве прудов, сопровождавшемся сооружением плотин на реках Мутёнке и Медведке. Обширные разрушения на памятнике, выявленные В. В. Сидоровым в 1987 г., связаны с рекультивацией глиняных склонов прудов, куда с помощью техники вывозился культурный слой. Считалось, что существенная часть городища утрачена. Однако в ходе исследований в 2002–2005 гг. (Сидоров, 2002а; 2006г; Сидоров, Лопатина, 2003; 2004; 2005) оказалось, что, несмотря на разрушения, значительная часть культурного слоя все же осталась неповрежденной. В ходе раскопок выявлены интересные объекты – остатки наземных построек с очагами, в том числе с обожженными глиняными бортиками, хозяйственные ямы, среди которых яма с очагом внутри, комплексы, связанные с бронзолитейным производством, и др. (Сидоров, 2004). Владимир Владимирович выявил существенные конструктивные особенности жилых построек, ранее не отмечавшиеся: валики уплотненной глины в основаниях стен, а также ступенеобразные конструкции внутри жилых помещений. В ходе раскопок

Рис. 2. В. В. Сидоров на раскопках Мутёнковского городища в 2005 г.

получена богатая коллекция находок, в том числе костяных изделий (рис. 2). О них В. В. Сидоров высказал интересные наблюдения как в отношении использования, так и приемов обработки кости. Вместе с Владимиром Владимировичем и под его руководством подготовлены студенческие работы: одна о стрелах Мутёнковского городища (*Оксенюк Ан.*, 2006), другая посвящена реконструкции его жилищ (*Оксенюк Ал.*, 2006).

Исследования Владимира Владимировича материалов каширских городищ (и не только их) отличается, с одной стороны, особое внимание к деталям, а с другой, – широкие этнокультурные обобщения. Уже первые результаты раскопок на Мутёнковском городище позволили ему выдвинуть предположение об особой каширской культуре, существовавшей в правобережье Оки от устья Протвы до Осетра и в калужской части ее бассейна (*Сидоров*, 2006д; 2006е). Один из основных признаков этой культуры – гладкостенная керамика со штриховкой и крупнозубым гребенчатым орнаментом. По мнению Владимира Владимировича, в сетча-

той керамике лесной зоны эпохи бронзы, непосредственно предшествовавшей дьяковской, отсутствует прототип такого орнамента. Происхождение каширской культуры В. В. Сидоров склонен связывать со срубной культурой воронежской группы, керамика которой имеет сходство с архаичными формами каширской. Исчезновение культуры – с уходом населения вглубь дьяковской территории (*Сидоров*, 2006д. С. 143). Гипотеза Владимира Владимировича о каширской культуре далеко не бесспорна. Трудно согласиться с мнением о ее своеобразии, так как сходство каширских и верхнеокских древностей достаточно очевидно. Вызывает вопрос и утверждение о существовании резких отличий, в частности этнических, между населением каширской и дьяковской культур. Тем не менее предположение Владимира Владимировича не лишено оснований и является серьезным стимулом для дальнейших размышлений о культурных взаимодействиях в начале железного века.

Корыстовское городище В. В. Сидоров раскапывал в 2004 г. по следам обширных грабительских

разрушений. Небольшой по площади раскоп дал интереснейший материал разных хронологических эпох: сгоревшая постройка раннего железного века, отделенная слоем делювия от вышележащих напластований, материалы мощинской культуры и позднего Средневековья (Сидоров, 2005).

Результаты раскопок в Каширском районе послужили Владимиру Владимировичу источником для статей обобщающего характера. Помимо упомянутых выше им подготовлен ряд публикаций, отличающихся широким исследовательским диапазоном от палеолита до Средневековья, стремлением к крупномасштабным реконструкциям древней этнической истории, вниманием к методическим аспектам раскопок городищ (Сидоров, 2002б; 2006ж; 2011; 2012). Материалы каширских городищ раннего железного века нашли отражение также в работах О. А. Лопатиной о керамике этих памятников (Лопатина, 2019) и И. А. Сапрыкиной о бронзолитейном комплексе Мутёнковского городища (Сапрыкина, 2005).

Благодаря полевым исследованиям В. В. Сидорова в составе Подмосковной экспедиции ИА РАН и экспедиции Каширского музея археологическая экспозиция Каширского краеведческого музея практически полностью обновилась. В ее создании принимал непосредственное участие и сам Владимир Владимирович. Фонды музея пополнились более чем на 5000 единиц хранения. Сегодня Каширский краеведческий музей располагает археологическими коллекциями, составленными в основном из материалов этих работ. В разделе «Археология» в экспозиции музея нашли свое место находки со следующих памятников:

- Умрышенка 3 – стоянка финального палеолита – мезолита. Коллекция каменных орудий, нуклеусов, пластин, минеральной краски, отщепов;
- Малеево – местонахождение финального палеолита – мезолита. Орудия и пластины, отщепы;
- Колтово 7 – стоянка-мастерская финального палеолита – мезолита. Орудия, нуклеусы, пластины, отщепы;
- Корыстово 6 – стоянка-мастерская (нуклеусы, отщепы);

– Колтово 7б – поселение эпохи бронзы. Керамика, кремневые орудия, нуклеусы, отщепы;

– Корыстово 4 – поселение, культурная принадлежность которого дискуссионна. Высказывались мнения, что целый реставрированный сосуд относится к позднедьяковскому времени (Сидоров, 1991. С. 6, 7) или бронзовому веку (Сидоров, 2002. С. 29);

– Старшее Каширское – городище раннего железного века. Индивидуальные находки из кости, бронзы, железа, глины, керамики и фаунистические останки;

– Мутёнковское – городище раннего железного века, раскопки 1975, 1978 и 2002–2005 гг. Индивидуальные находки, реставрированные сосуды, керамика;

– Корыстово – городище, ранний железный век, Средневековье. Раскопки 2004 г. Индивидуальные находки, реставрированный сосуд, керамика;

– Колтовская группа памятников, связанных с летописным городом Колтеском (селища Колтово 2, 3, 4, 7). Индивидуальные находки, реставрированные сосуды, керамика, отщепы;

– Лиды 2 – селище раннего железного века, сборы 1988 г. Индивидуальные находки, отщепы, керамика.

Общее количество материалов из 13 перечисленных археологических коллекций включает около 3380 индивидуальных находок основного фонда, 23 реставрированных сосуда, около 2300 единиц керамики основного фонда, из которых значительная серия сосудов Старшего Каширского и Мутёнковского городищ может быть полностью реставрирована. Массовый материал (изделия из кремня и керамика) научно-вспомогательного фонда – около 18000. Фаунистические останки – около 20000. В целом полевые исследования Владимира Владимировича дали обширный корпус материалов, потенциал которых еще далеко не исчерпан.

Пройдя замечательный юбилей, Владимир Владимирович остается полным сил и энергии, ему по-прежнему свойственны увлеченность, щедрость на идеи и преданность профессии. Хочется пожелать ему сохранить эти замечательные качества еще на многие годы!

Литература

Городцов В. А., 1933. Старшее Каширское городище (Результаты археологических исследований в 1925–26 гг.) // Изв. ГАИМК. Вып. 85. М.–Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 106 с.

Зубарев Н. В., 1993. Отчет об археологических исследованиях в Каширском р-не Московской

обл. близ с. Колтово в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 18543.

Зубарев Н. В., 1995. Отчет о проведении археологических исследований в Московской области на территории Каширского и Ступинского р-нов в 1995 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19140.

Лопатина О. А., 2019. Керамика москворецких и окских памятников дьяковской культуры как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН.

Лопатина О. А., Сидоров В. В., 2003а. Старшее Каширское городище и каширская группа памятников // Археология Восточноевропейской лесостепи. Всероссийская науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения видного российского археолога А. Е. Алиховой. Пенза: ПОКМ. С. 274–276.

Лопатина О. А., Сидоров В. В., 2003б. Каширские городища раннего железного века // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. Ч. II. М.: ГИМ. С. 49–52.

Оксенюк Анатолий А., 2006. Наконечники стрел. Мутёнковское городище // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 53–60.

Оксенюк Александра А., 2006. Реконструкция жилищ Мутёнского городища VII–III вв. до н. э. // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 46–52.

Розенфельдт Р. Л., 1960. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Московской области для выяснения их сохранности 1960 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2042.

Сапрыкина И. А., 2005. Литейные формы из раскопок Мутёнского городища // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. М.: ГИМ. С. 204–210.

Сидоров В. В., 1989. Отчет Подмосковной экспедиции Лужковско-Ловецкий отряд в сезоне 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15433.

Сидоров В. В., 1991. Отчет о работах 1 отряда Подмосковной экспедиции в Московской области в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15568.

Сидоров В. В., 1993. Отчет о раскопках в Каширском и Серпуховском р-нах московской области в 1993 г. Ч. II / Архив ИА РАН. Р-1. № 17981.

Сидоров В. В., 1995. Раскопки селища Колтово 7 (Каширский район) и стоянок Заболотского озера (Сергиев-Посадский район) в Московской области в 1995 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 20525.

Сидоров В. В., 2001. Отчет о раскопках в Каширском р-не в 2001 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 25369.

Сидоров В. В., 2002а. Отчет о раскопках Мутёнского городища в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 27758.

Сидоров В. В., 2002б. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. I. Кашира: КKM. С. 22–47.

Сидоров В. В., 2004. Мутёнковское городище // АП. М.: ИА РАН. С. 108–127.

Сидоров В. В., 2005. Корыстовское городище // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 10–25.

Сидоров В. В., 2006а. «Колтово 7» – слобода города Колтеска // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 114–143.

Сидоров В. В., 2006б. Колтово-7: комплекс эпохи бронзы // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь: ТГОМ. С. 343–348.

Сидоров В. В., 2006в. «Колтово-7» – стоянка мастерская // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 105–113.

Сидоров В. В., 2006г. Мутёнковской городище. Четвертый сезон работы // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 67–83.

Сидоров В. В., 2006д. Каширская культура в железном веке бассейна Оки // Обнинский краеведческий сб. Матер. историко-краеведческой конф. «Город и регион: проблемы археологии, истории и культуры». Обнинск: Музей истории г. Обнинска. С. 136–145.

Сидоров В. В., 2006е. Каширская культура // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 8–12.

Сидоров В. В., 2006ж. Городища железного века. Опыт раскопок и интерпретация // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 38–45.

Сидоров В. В., 2011. Древнейшая история окрестностей Обнинска // Обнинский краеведческий сб. Матер. историко-краеведческой конференции. Обнинск: Музей истории г. Обнинска. С. 169–196.

Сидоров В. В., 2012. Этногенез русского народа по археологическим источникам // Приобнинский край. Город и окрестности. История и современность. Обнинск. С. 6–35. (Тр. Обнинского краеведческого объединения «Репинка». Вып. 1. Ч. 2).

Сидоров В. В., Лопатина О. А., 2003. Мутёнковское городище // АО 2002 года. М.: ИА РАН. С. 476–478.

Сидоров В. В., Лопатина О. А., 2004. Раскопки Мутёнского городища // АО 2003 года. М.: ИА РАН. С. 200–201.

Сидоров В. В., Лопатина О. А., 2005. Каширская группа городищ // АО 2004 года. М.: ИА РАН. С. 218–220.

Сидоров В. В., Смирнов К. А., 1999. О раскопках Старшего Каширского городища в 1997 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22806.

Сидоров В. В., Смирнов К. А., 1999. Зооморфная рукоять со старшего Каширского городища // РА. 1999. № 1. С. 165–166.

Сидоров В. В., Шарова О. А., 1996. Древнейший Колтеск и его пригороды // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века

и раннее и новое время (XI–XVIII вв.). М.: ИРИ РАН. С. 133–136.

Сидоров В. В., Энговатова А. В., 1991. Отчет второго отряда Подмосковной археологической экспедиции за 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15975.

Сидоров В. В., Энговатова А. В., 1992. Отчет Подмосковной экспедиции в 1992 г. в Московской и Костромской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 17772.

Смирнов К. А., 1980. Мутёнковское городище // КСИА. Вып. 162. С. 72–75.

Смирнов К. А., 1991. Роль В. А. Городцова в изучении культур эпохи раннего железа // Пробле-

мы изучения древних культур Евразии. М.: Наука. С. 101–111.

Трусов А. В., 1990. Отчет о работе в Каширском, Ступинском, Зарайском р-нах Московской обл. и в районе г. Щербинка Московской обл. в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15908.

Трусов А. В., 2011. Палеолит бассейна Оки. М.: Репроцентр-М. 312 с.

Энговатова А. В., Сидоров В. В., 2004. Подмосковная экспедиция в 1987–2002 гг. // 30 лет Отделу охранных раскопок. Тула: Гриф и К. С. 95–98. (Тр. Отдела охранных раскопок. Т. 2).

O.A. Lopatina, N.V. Zabigailo

Archeology of the Kashira region in the research of V.V. Sidorov

Summary

The article introduces the results of archaeological research V.V. Sidorov in the Kashirsky district of the Moscow region. It is dedicated to the 80th anniversary of the scientist. His fieldwork here covered archaeological sites of different epochs from the Paleolithic to the Middle Ages. However, the main place among them is occupied by ancient Kashirskoye and Muten-

kovskoye settlements of the Early Iron Age. Bright findings from these sites became the basis of the archaeological exhibition of the Kashira Museum. Scientific articles of V.V. Sidorov has a wide research range, contains original hypotheses, reconstructs the processes of cultural interactions in antiquity.

List of figures

Fig. 1. Finds from the Mutenkovsky settlement (Kashira Museum)

1, 2 – horn handles; 3–5 – weights of a deacovo type; 6 – horny psalies

Fig. 2. V.V. Sidorov at the excavations of the Mutenkovsky settlement in 2005

Е. А. Кашина*, А. В. Емельянов**

* Государственный исторический музей, Москва

** Музей Подолье, Подольский р-н Московской обл

Костяные подвески и нашивки в виде птиц в финале каменного века лесной зоны Центральной России

Введение

В 1968 г. В. В. Сидоров в ходе разведок в бассейне р. Пра выявил поселение Великодворье I у д. Великодворье Шатурского р-на Московской обл. (Сидоров, 1968). В результате планомерных раскопок этого поселения в 2000–2008 гг. Неолитической экспедицией ГИМ под руководством А. В. Емельянова получены обширные и яркие материалы волосовской культуры (Емельянов, 2002; 2003; 2004; 2009; Емельянов, Кашина, 2005; 2007; Емельянов, Глазунова, 2010), в числе которых костяные подвески и нашивки в виде птиц (Кашина, Емельянов, 2003). Благодаря выверенной методике и тщательной фиксации находок в процессе этих раскопок получены важные данные о контексте залегания скульптур птиц, во многом определившие направление наших поисков в области функционально-смысловой интерпретации этих предметов искусства. И мы сердечно благодарим Владимира Владимировича Сидорова за проделанную им работу.

Костяные подвески и нашивки в виде птиц являются характерными, хотя и довольно редкими предметами для материальной культуры волосовской общности Волго-Окского междуречья и прилегающих территорий (Тверская, Ивановская, Московская, Рязанская, Нижегородская области, Республики Мордовия и Татарстан). На данный момент их известно 89 экземпляров. Поскольку абсолютная хронология волосовских древностей разработана недостаточно, можно наметить лишь приблизительный отрезок бытования этих предметов искусства малых форм: между 3500 и 2700 гг. до н. э. Целый ряд изученных на территории Волго-Окского междуречья волосовских поселений обладает признаками, указывающими на осед-

лый образ жизни охотников, собирателей, рыболовов. Это огромные археологические коллекции, содержащие фрагменты керамики, каменные и костяные орудия, обширные коллекции фаунистических останков, а также наличие остатков больших по площади полуземлянок, рассматриваемых как зимние жилища или как круглогодичные (Крайнов, 1987). При этом вопрос о круглогодичном обитании сообществ охотников, собирателей, рыболовов лесной зоны на одних и тех же местах в настоящий момент ставится под сомнение некоторыми исследователями (Piezonka, in prep.).

Костяные подвески и нашивки в виде птиц являются не единственной группой в составе волосовского искусства малых форм, но, пожалуй, одной из самых многочисленных (дискуссию о принадлежности кремневой скульптуры к волосовским древностям см.: Кашина, 2013). Из 89 экземпляров 82 происходят из культурных отложений поселений, 5 – из погребений, 2 являются случайными находками (рис. 1). Несмотря на обращение к этим материалам в нескольких публикациях (Кашина, Емельянов, 2003; Жульников, Кашина, 2010), мы считаем необходимым вернуться к их анализу по нескольким причинам. Прежде всего, за прошедшие годы число предметов несколько возросло, появились новые данные по контексту находок (раскопки поселения Великодворье I), а также привлечены и проанализированы заново некоторые архивные материалы по остеологии волосовских памятников бассейна Оки.

Далее мы рассмотрим морфологические особенности скульптурных подвесок и нашивок в виде птиц в рамках типологии, технологию их изготовления, представим анализ археологических контекстов, связанных с этими предметами,

Рис. 1. Карта поселений с находками скульптурных подвесок и нашивок в виде птиц

затем обратимся к изучению их функционального и смыслового значения с привлечением данных палеозоологических (остеологических) исследований и, наконец, изложим выводы об их месте и значении в культуре оседлых охотников и рыбаков Центральной России в целом.

Морфология предметов

Имеется два вида изображений птиц: полнофигурные и парциальные, то есть частичные (рис. 2). Полнофигурные скульптуры изображают фигуру птицы целиком: голову, шею, туловище, а также ноги и хвост в виде небольших выступов. В случае отсутствия ног птица, видимо, изображена плывущей. Как правило, эти скульптуры уплощенные и довольно тонкие и имеют одно или несколько круглых сверленных отверстий для крепления (нашивания). Максимальная длина подавляющего большинства скульптур обычно не превышает 5–6 см, самая крупная из найденных – 8,4 см длиной. Парциальные скульптуры изображают только голову птицы с шеей, представляющими собой прямой стержень с приспособлением для крепления на конце. Длина большинства целых парциальных скульптур близка к 5,5 см, самая крупная скульптура была 13,5 см длиной.

Все полнофигурные скульптуры изображают фигуру птицы в виде силуэта и не имеют никаких дополнительных резных или гравированных деталей, за очень редким исключением. Напротив, парциальные скульптуры всегда имеют глаза, показанные сверленными ямками, и гравированную линию рта. Также у них иногда неглубокими сверлинами показаны ноздри и некоторые дополнительные детали клюва. Всего к полнофигурным относится 21 предмет, а к парциальным – 68. Последние, очевидно, составляют большинство всей коллекции. Девять предметов из общего количества следует считать незаконченными (рис. 3, 1, 3, 5).

Технология изготовления

Изучение технологической последовательности изготовления скульптур проводилось нами на основании непосредственного визуального исследования предметов (Кашина, Емельянов, 2003). Сами по себе эти изделия не позволяют проследить весь процесс их производства, давая информацию лишь о его заключительных этапах. Они обработаны по всей поверхности, что затрудняет точное определение сырья. Согласно фаунистическим определениям, проведенным И. В. Кирилловой (1996) на волосов-

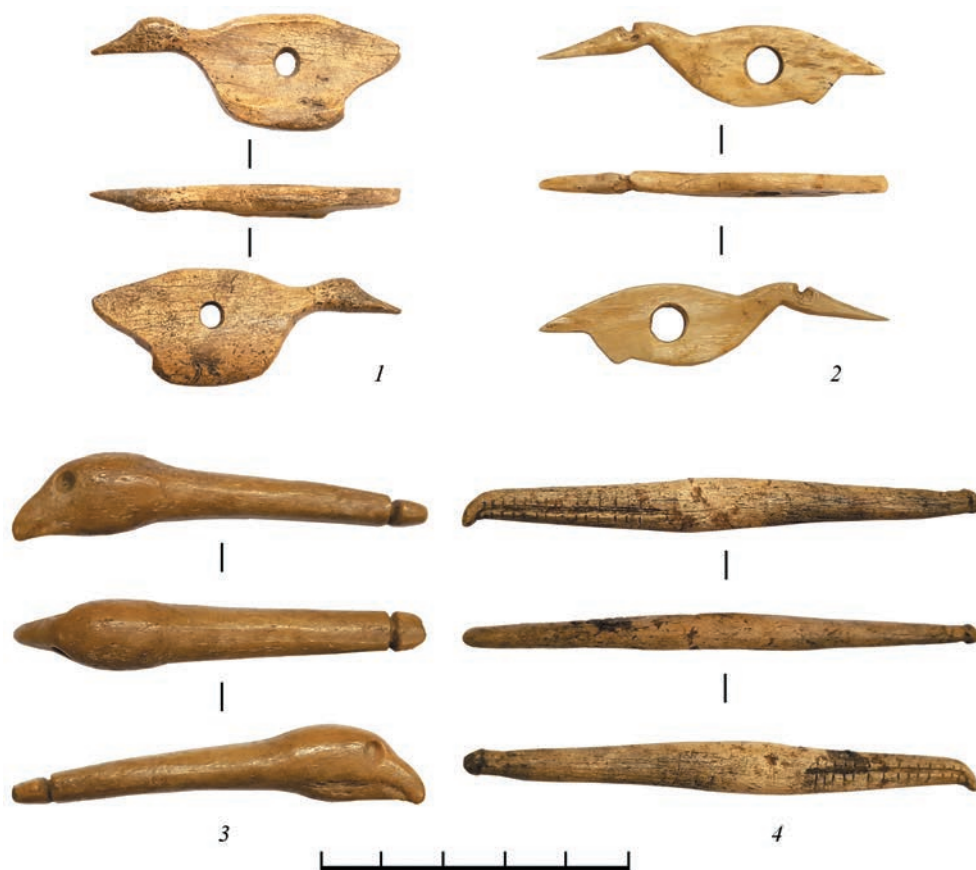

Рис. 2. Полнофигурные (1, 2) и парциальные (3, 4) изображения птиц
1 – оз. Шагара; 2, 3 – Великодворье I; 4 – Шагара II

ских материалах бассейна Оки, исходным материалом служили расщепленные длинные кости и ребра крупных млекопитающих, в основном лося, но также могли использоваться кости медведя или кабана. Для оформления внешнего вида использовался прием шлифовки абразивными плитками. Об этом говорят мелкие параллельные царапины, прослеженные на многих предметах. Затем при помощи кремневого сверла высверливались глазные ямки и отверстие для крепления на конце стержня (у парциальных) или двусторонние отверстия на туловище птицы для крепления (у полнофигурных), а с помощью кремневого ножа или резца у парциальных изображений вырезались детали клюва и/или элементы крепления на конце стержня. Элементы крепления были разной формы: канавка, отверстие, утолщение, парные насечки на уплощенном стержне. Детали клюва в виде ряда поперечных коротких насечек на линии рта, зафиксированные всего у нескольких скульптур, очевидно, отражают манеру изображения особого строения клюва определенных пород птиц, например крохали. Наконец, поверхность изделия по-

лировалась, вероятно, с помощью тонких абразивов, кожи млекопитающих или рыб. Подавляющее большинство скульптур были полностью законченными изделиями. В целом анализ следов изготовления на предметах указывает на ряд одинаковых приемов обработки кости в строго определенной последовательности. Соблюдение зеркальной симметрии и отсутствие ошибок говорят о высоком уровне косторезного искусства. Однако два парциальных изображения формально нельзя отнести ни к законченным изделиям, ни к заготовкам: первое не отшлифовано, но имеет сверленные глаза, второе отполировано, но не имеет глаз и выделенного приспособления для крепления (рис. 3, 2, 4). Наличие лоска, интенсивной полировки, хорошо заметной невооруженным глазом на поверхностях большинства скульптур, указывает на длительное использование (ношение) подвесок и нашивок. У трех парциальных скульптур сохранились следы красной охры, затертой в глазницы (рис. 4, 6), поэтому не исключено, что все парциальные скульптуры декорировались подобным образом, хотя прямых доказательств этому нет.

Рис. 3. Незаконченные изделия

1 – Волосово; 2 – Николо-Перевоз II; 3 – Великодворье I; 4 – Шагара II; 5 – Черная Гора

Аналоги из соседних регионов и датировка

Сам по себе образ птицы был, очевидно, самым распространенным среди остальных зооморфных скульптур в искусстве малых форм лесной зоны Восточной Европы, на территории России, Белоруссии и стран Балтии в IV и кое-где в III тысячелетии до н.э. Благодаря равнинному ландшафту и обилию водоемов древнее население лесной зоны постоянно контактировало между собой на всей Восточно-Европейской равнине еще с эпохи мезолита. Полнофигурные скульптурные нашивки в виде птиц известны на поселениях Латвии (оз. Буртниекс и Лубанс), Эстонии (оз. Тамула и устье р. Нарвы), Белоруссии (Кривинский торфяник), Смоленской (пос. Сертея II), Архангельской (Веретье) и Вологодской (Каравайха IV) областей (Жульников, Кашина, 2010). Из 21 находки 6 происходят из погребений (могильники Тамула и Звейниеки) (Фосс, 1952; Jaanits, 1961; Loze, 1983; Kriiska et al., 2007; Мазуркевич и др., 2016; Косорукова и др., 2016; Tõrv et al., 2017).

Судя по результатам изучения антропоморфных глиняных скульптур круга культур гребенчатоямочной керамики IV тысячелетия до н.э. на территории Русского Севера, стран Балтии и Финляндии, культурные контакты между сообществами, выраженные в первую очередь в брачных связях, достигали в длину 700 км по прямой. Будучи, скорее всего, продуктами женского производства, глиняные скульптуры создавались из подручного сырья, но в своих формах и декоре полностью копировали образцы, усвоенные мастерницей с детства или юности по месту рождения (Кашина, 2012). Таким об-

разом, существовавшая сеть контактов в несколько сотен километров длиной могла играть определенную роль и в распространении традиции изготовления резных скульптурных подвесок-нашивок в виде птиц. Была ли реальная связь между этими скульптурами из регионов стран Балтии и Волго-Окского междуречья или они возникли и существовали независимо – достаточно сложный вопрос.

Есть аргументы как за, так и против. Расстояние по прямой между такими поселениями, как, например, Тамула (Эстония), Риннюкалнс (Латвия), с одной стороны, и Сахтышские стоянки (Ивановская обл.) – с другой, составляет около 1000 км по прямой. И те, и другие находки датируются более-менее одинаковым периодом, около середины IV тысячелетия до н.э., согласно имеющимся сериям радиоуглеродных дат (Bērziņš et al., 2014; Костылева, Уткин, 2010). Однако между этими территориями находится Валдайская возвышенность, где в культурных отложениях вообще не сохраняются никакие органические материалы, поэтому мы не знаем, какие скульптуры птиц (если они там были) могли быть в этой зоне. Наконец, костяные нашивки в виде птиц из Эстонии и Латвии очень сходны между собой. То же самое можно сказать о нашивках из Белоруссии и Смоленской обл.: это взаимное сходство явно обусловлено межобщинными связями внутри микрорегионов, ограниченных определенными бассейнами рек. При этом в самих силуэтах скульптур стран Балтии, Белоруссии и Сертеи, Волго-Очья мы не находим сильного сходства; это явно были три отдельные изобразительные традиции подвесок и нашивок. Парциальные скульптуры вообще не известны нигде за пределами бассейнов Оки и Волги.

Рис. 4. Виды птиц

1 – глухарь *m*; 2 – глухарь *f*; 3 – утка; 4 – цапля; 5 – крохаль; 6 – журавль; 7 – рябчик; 8 – куропатка; 9 – лебедь.
1, 6 – Шагара II; 2 – Вешняк; 3 – Волосово; 4, 8 – Черная Гора; 5, 9 – Маслово Болото IV; 7 – Маслово Болото

Опираясь на имеющийся к настоящему моменту комплекс радиоуглеродных дат культурных отложений поселений, а также антропологических материалов из ряда погребений, представляется вероятным, что полнофигурные подвески-нашивки существовали в разных регионах в течение нескольких различных хронологических периодов (Каверзнева, 1992; Kriiska et al., 2007; Чужевский, 2008; Костылева, Уткин, 2010; Bērziņš et al., 2014; Мазуркевич и др., 2016; Чернявский, 2016; неопубликованные данные авторов этой статьи).

1. Могильники Тамула I (Эстония) и Мурзиха II (Татарстан): 4600–3700 гг. до н. э. (соответственно, AMS даты и традиционные даты по кости челове-

ка, костяные подвески и нашивки в виде птиц найдены в этих погребениях).

2. Поселение Риннюкалнс (Латвия): 3600–3300 гг. до н. э. (надежная серия дат).

3. Сахтышские стоянки (Ивановская обл.): 3500–2500 гг. до н. э. (даты разного характера, из которых ни одна не связана по контексту со скульптурами).

4. Поселение Великодворье I (Московская обл.): 3300–2500 гг. до н. э. (традиционный ^{14}C по углю из очагов, находки скульптур птиц в тех же котлованах жилищ, где находились очаги).

5. Погребение 18 Шагарского могильника (Рязанская обл.): 3700–3500 гг. до н. э. (традиционный ^{14}C по кости человека; две парциальные подвески были найдены в этом погребении).

6. Поселение Кривина I (Белоруссия): 3000–2300 гг. до н. э. (даты разного характера, из которых ни одна не связана по контексту со скульптурами).

7. Сертея II (Смоленская обл.): 2500–2000 гг. до н. э. (даты разного характера, из которых ни одна не связана по контексту со скульптурами).

Несомненно, в Центральной России полнофигурные и парциальные резные скульптурные подвески и нашивки в виде птиц существовали параллельно и синхронно. Доказательство этому – не только их находки на одних и тех же памятниках, но и находки в пределах одного жилища, например на поселении Великодворье I (жилище 1). К сожалению, для волосовских поселений бассейна Оки не проводилось пока ни одного датирования образцов методом AMS, а имеющиеся серии традиционных дат ^{14}C , сделанные по углю и костям человека, очень невелики и имеются далеко не для всех памятников. Поэтому пока невозможно создать более точную хронологическую шкалу для всех этих скульптур птиц, и, вероятно, это еще долго останется невозможным из-за присутствия калибровочного плато: все абсолютные калиброванные даты второй половины IV тыс. до н. э. так или иначе имеют погрешность в 300 лет (Кулькова, 2007), и именно этот временной отрезок представляется наиболее вероятным этапом массового бытования костяных подвесок и нашивок в виде птиц.

Виды птиц в скульптуре и остеология поселений

Полнофигурные скульптуры птиц, выполненные в достаточно стилизованной, силуэтной манере, крайне редко дают возможность определить изображенную особь. Исключением является, пожалуй, лишь одна незаконченная скульптура из Великодворья I, изображающая глухаря (рис. 3, 3). Парциальные скульптуры, напротив, часто позволяют определить изображенные виды птиц. Исходя из реалистичной манеры передачи зооморфных образов в волосовском искусстве малых форм, соотношение пропорций деталей птичьей головы и наличие характерных видовых особенностей дают возможность определить изображенные виды птиц.

Благодаря любезной помощи орнитолога, кандидата биологических наук И. В. Фадеева (Государственный Дарвиновский музей, Москва) удалось установить, что изображены разные по местам обитания виды птиц: водоплавающие (утки, лебедь (гусь?), крохаль), околотовные (журавль, цапля, кулик) и лесные (глухарь, куропатка, рябчик) (рис. 4). Среди большинства парциальных скульптур удалось выявить следующие виды: глу-

харь (*Tetrao urogallis*) – 40 экземпляров; утки (*Anatidae*) – 8; цапля (*Ardea cinerea*) – 5; крохаль (*Mergus merganser*) – 4; журавль (*Grus grus*) – 2; рябчик (*Tetrastes bonasia*) – 2; лебедь (*Cygnus cygnus*) и куропатка (*Perdicinae*) – по одному экземпляру. Самый многочисленный изображенный вид – это глухарь, что представляется чрезвычайно важным для реконструкции функции и смыслового значения подвесок и нашивок в виде птиц.

Теперь обратимся к анализу и интерпретации остеологических данных. Мы изучили архивные данные, связанные с ныне утраченными фаунистическими коллекциями с поселений Черная Гора и Владычинская-Береговая I (Владычино), а также неопубликованные данные по изучению части остеологической коллекции с поселения Шагара II из раскопок 1992–1995 гг. (Рязанская обл.). Все эти памятники расположены в Озерной Мещере; все они имели в своем составе кости птиц, демонстрирующие широкий спектр охотничьей добычи волосовского населения.

Среди фаунистических материалов стоянки Черная Гора (раскопки начала 1970-х гг. под руководством И. К. Цветковой, определения остеолога Е. Г. Андреевой) среди 193 птичьих костей 84 принадлежали крякве (*Anas platyrhynchos*), и это были в основном плечевые кости (*humerus*). Остальные принадлежали следующим породам птиц: водоплавающие – хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*), чирок-свиистунок (*Anas crecca*), гусь (*Anser*), лебедь (*Cygnus*); хищные – баклан (*Phalacrocorax*), степной орел (*Aquila nipalensis*), ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*); лесные – тетерев (*Lyrurus tetrix*), рябчик (*Tetrastes bonasia*). К сожалению, никаких статистических данных в источнике не приведено (Андреева, 1974а).

На поселении Владычинская-Береговая I (Владычино), расположенном поблизости от Черной Горы, на противоположном берегу р. Пра (также раскопки И. К. Цветковой 1974 г. и определения костей Е. Г. Андреевой), 39 из 1260 определимых костей принадлежали птицам (Андреева, 1974б). Пропорциональное соотношение и состав видов практически совпадают с данными по Черной Горе, к тому же приведен подсчет костей по видам, однако отсутствуют какие-либо данные по названиям костей: кряква (*Anas platyrhynchos*) – 20 штук, хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*) – 4, чирок-свиистунок (*Anas crecca*) – 4, гусь (*Anser anser*) – 3, лебедь (*Cygnus cygnus*) – 1, хищники (*Accipitrinae* или *Milvinae*) – 1; лесные виды: глухарь или тетерев (*Tetrao urogallis* или *Lyrurus tetrix*) – 6.

С одной стороны, такое сходство распределения птичьих костей на этих соседних стоянках ука-

зывает на вероятное использование общих охотничьих угодий, но у нас нет данных об особенностях заселения обоих памятников, и мы не можем быть уверены в их более-менее одновременном существовании. Возможно, это было одно сообщество, которое однажды просто переселилось за реку. С другой стороны, сходство видового распределения костей может указывать на избирательность при охоте на птиц.

На поселении Шагара II (раскопки 1990-х под руководством Е. Д. Каверзневой и А. В. Емельянова), относящимся к той же озерной системе, что и предыдущие памятники, остеологические материалы определил орнитолог кандидат биологических наук А. А. Карху (Палеонтологический институт, Москва). Для 137 костей птиц выявлен 21 вид, и приведены некоторые статистические данные. Почти половина костей (46,5%) принадлежала крякве (*Anas platyrhynchos*), причем отмечено, что в основном представлены плечевые кости, как и в коллекции Черной Горы. Другие виды встречаются гораздо реже. Глухарь (*Tetrao urogallis*) занимал второе место (10,1%), остальные 19 видов представлены единичными костями, это гагара (*Gavia arctica*), аист (*Ciconia nigra*), водоплавающие семейства утиных (лебедь, гусь, различные виды уток – *Anatidae*), лысуха (*Fulica atra*), журавль (*Grus grus*); лесные виды: тетерев (*Lururus tetrix*), куропатка (*Tetrastes bonasia*); хищные птицы: орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*), филин (*Bubo bubo*), длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis*) (неопубликованные данные, переданы А. А. Карху и А. В. Емельянову 1.12.1998).

Архивные данные можно сравнить с опубликованными материалами по определению видов и количественному соотношению костей птиц из раскопок поселения Языково I на Верхней Волге (оз. Скробез, р. Яхрома, Тверская обл.) (Карху, 1992). Там В. В. Сидорову удалось разделить материал на волосовский и более ранний, льяловский, поэтому мы остановимся на выводах А. А. Карху по костям птиц из волосовского слоя: среди 470 определимых костей существенно преобладали кости уток восьми различных видов (456 шт.). Среди них, в свою очередь, преобладали кости кряквы (*Anas platyrhynchos*) – 199 штук. Внутри коллекции костей каждого вида уток, как правило, преобладали плечевые кости (*humerus*). Единичными костями представлены следующие виды: большой крохаль (*Mergus merganser*), скопа (*Pandion haliaetus*), глухарь (*Tetrao urogallis*), журавль (*Grus grus*), вальдшнеп (*Scolopax rusticola*), болотная сова (*Asio*

flammeus) и бородатая неясыть (*Strix nebulosa*) (Карху, 1992. С. 130).

Согласно всем этим данным, можно полагать, что все виды птиц, изображаемые в подвесках и нашивках, были желанной охотничьей добычей для волосовского населения. Утки, особенно кряквы, явно преобладали в добыче, а кости плеча (*humerus*) и предплечья (*antebrachium*) использовались в качестве заготовок для различных орудий, прежде всего так называемых костей с кольцевыми канавками для подготовки сухожильных нитей, а также шильев и проколов. Эти орудия распространены на любом волосовском памятнике, где сохранялась кость. Довольно редкими находками являются пронизки из тонких птичьих костей, так называемые игольники и флейты (цилиндрические изделия из крупных полых костей птиц) (Андреева, 1974а; Цветкова, 1970). Преобладание плечевых костей в остеологических коллекциях связано с их лучшей сохранностью по сравнению с другими костями птичьего скелета, и не случайно их использование в качестве орудий и заготовок: прочность играла важную роль.

Если кости уток преобладают на поселениях, то образ глухаря преобладает в скульптурных подвесках-нашивках: прямой корреляции не прослеживается ни на одном из памятников. Образ утки, как и образы лебедя (гуся?), крохали, журавля, цапли, куропатки, рябчика, встречаются в серии скульптур довольно редко, некоторые виды фактически единичны. Тот же перечень видов, за исключением кряквы, представлен на всех четырех памятниках малым количеством костных остатков.

Функциональное и смысловое значение скульптурных подвесок и нашивок

Без сомнения, все костяные скульптурные изображения птиц подвешивались или нашивались на одежду: на это указывает присутствие элементов крепления различной формы у парциальных подвесок и круглых отверстий – у полнофигурных. Скульптурные подвески-нашивки могли носиться вместе с другими видами украшений, например, подвесками из зубов млекопитающих. В могильнике Тамула (Эстония) в погребении XIX, где был захоронен молодой человек, возле шеи найдены две полнофигурные подвески-нашивки в виде лебедя (гуся?) совместно с набором подвесок из зубов млекопитающих и пронизками из тонких птичьих костей (Kriiska et al., 2007. Р. 99). В коллективном погребении 18 Шагарского могильника (Рязанская обл.) между тазовыми костями двух погребенных были сложены две парциальные

подвески, изображающие цаплю и утку (?), в сопровождении набора из десяти подвесок из зубов кабана (*Каверзнева, Кашина, 2015*). Парциальная скульптурная подвеска в виде глухаря была найдена на стоянке Сахтыш I в погребении 10 (Ивановская обл.) взрослого индивида около правой кисти, которая, возможно, была прикреплена к поясу (*Костылева, Уткин, 2010. С. 13*). Наконец, еще одна такая же подвеска найдена на стоянке Сахтыш II в составе так называемого ритуальногоклада 10, одного из объектов, расположенных поблизости от волосовских погребений, в сильно обожженном состоянии (*Костылева, Уткин, 2010. С. 96*).

Двадцать семь предметов, как полнофигурных, так и парциальных, имеют сломы или повреждения, однако нельзя сказать, произошло это намеренно или случайно, в результате залегания в слое. Погребальные контексты Тамулы и Шагарского могильника скорее указывают на преднамеренное повреждение скульптур (Тамула – отломаны птичьей головы, Шагарский могильник – отломан стержень у скульптуры цапли). С другой стороны, подвеска в виде глухаря из погребения на Сахтыше I имеет дополнительное отверстие на стержне, высверленное чуть выше взамен сломанного (*Костылева, Уткин, 2010. С. 13*). Некоторые находки с поселений также имеют следы различного ремонта элемента крепления, что вместе с наличием участков сильной залощенности указывает на стремление сохранять и носить эти предметы как можно дольше.

Значительное число этих находок позволяет предположить, что каждый член коллектива постоянно носил эти вещи на себе. При раскопках поселений Великодворье I и Шагара II, расположенных недалеко друг от друга в одной озерной системе, найдено 20 скульптурных подвесок и нашивок. При этом удалось довольно точно зафиксировать их планиграфическое расположение внутри котлованов жилищ и доказать, что большинство находилось в придонной части и поблизости от очагов (рис. 5). Присутствие красной охры в глазницах некоторых парциальных скульптур этой серии (рис. 4, 6) заставляет вспомнить о ритуальном значении этой краски как символа жизни для всех доисторических обществ еще со времен верхнего палеолита. Видимо, скульптурные подвески в виде голов птиц воспринимались владельцами как живые существа и несли функцию оберегов (*Кашина, Емельянов, 2003*).

Согласно исследованиям, проведенным на материалах скульптурных подвесок и нашивок разного сюжета, выполненных из различных материалов (кость, янтарь, кремь), зооморфные изделия

такого рода могли воплощать тотемных предков сообщества или рода, поскольку существует немало этнографических свидетельств подобного почитания разных видов животных в качестве предков (*Кашина, 2012*). Кроме того, зооморфные подвески и нашивки разного сюжета образуют региональные концентрации, охватывающие территории бассейнов одной-двух крупных рек:

- на северо-востоке Латвии и в Эстонии (костяные нашивки в виде лебедя/гуся);
- в Эстонии, Латвии, Литве и на севере Белоруссии (костяные подвески в виде змей);
- в Эстонии и Латвии (подвески из кости и янтаря в виде бобра);
- в Тверской и Ленинградской областях (кремневые подвески в виде змей);
- в Московской, Владимирской и Нижегородской областях (кремневые подвески в виде рыбы);
- и наконец, на территории всего Волго-Окского междуречья – парциальные костяные подвески в виде разных пород птиц, среди которых явно преобладает глухарь.

Присутствие морфологически сходных подвесок и нашивок на разных поселениях указывает на наличие коллективов, живших на известном расстоянии друг от друга, но при этом осознававших свое родство и почитали одного предка.

Дискуссия

Присутствие изображений разных видов птиц в подвесках-нашивках, найденных в придонной части одного жилища, может свидетельствовать о совместном проживании в одном жилище представителей разных кланов/родов. Очевидно, это свидетельствует об экзогамных брачных связях. Исследование, проведенное Н. Ю. Петровой на материалах волосовской керамики из трех жилищ Великодворья I, показало, что орнаментация сосудов, являясь в целом сходной, обнаруживает различия при сравнении фрагментов, залегающих в нижних и верхних пластах культурных отложений котлована, что может указывать на приход в жилище извне мастерицы следующего поколения со своими орнаментальными традициями (*Петрова, 2010*).

Таким образом, подвески-нашивки могли играть роль не только амулетов, но и опознавательных знаков. Наиболее многочисленные парциальные подвески с изображением глухаря были широко рассеяны по поселениям Волго-Окского междуречья, поэтому можно предполагать, что данное родовое объединение было наиболее многочисленным. Скульптурные парциальные подвески, изображающие уток (рис. 4, 3), довольно

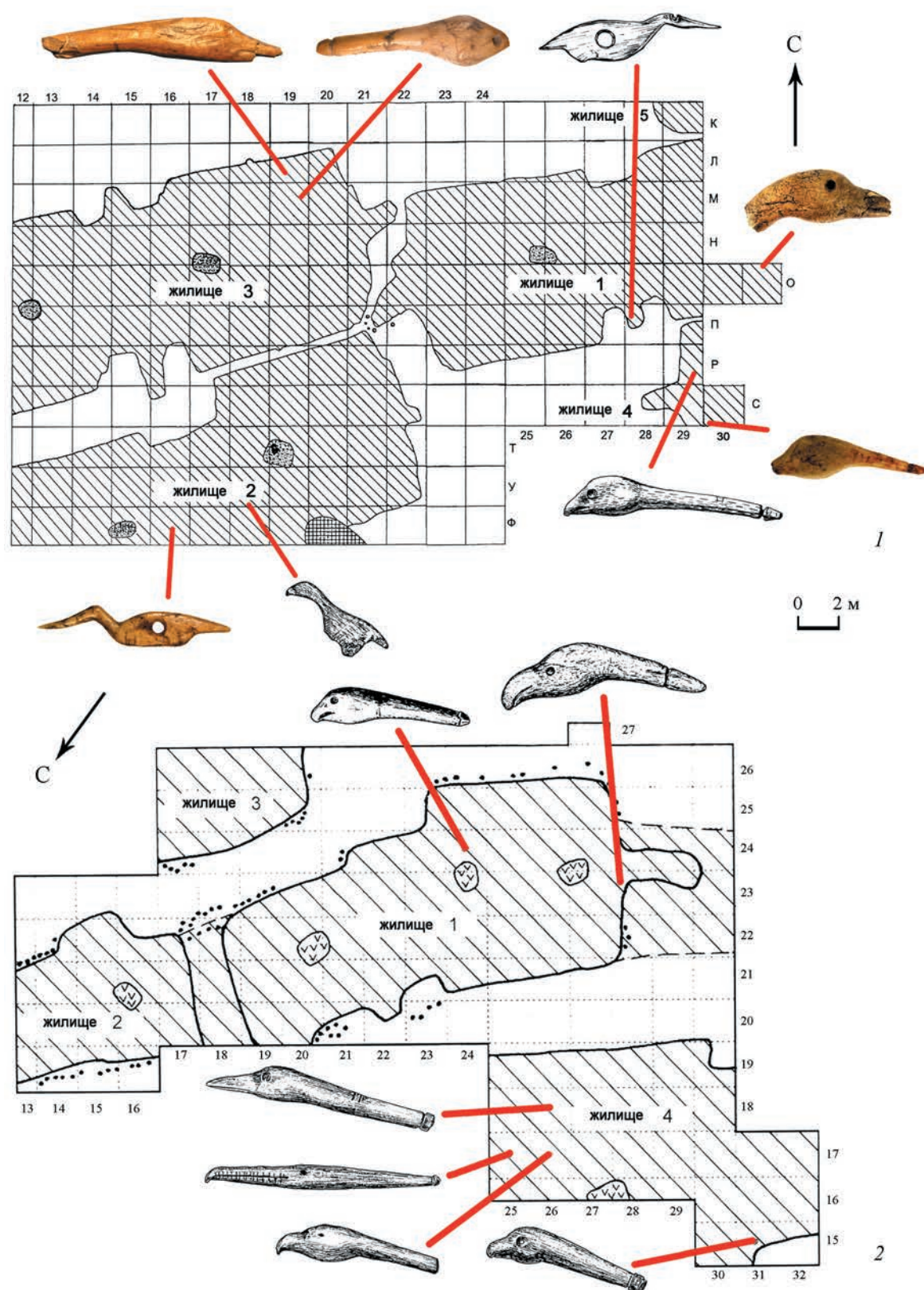

Рис. 5. Находки скульптур птиц в котлованах волосовских жилищ
1 – Великодворье I; 2 – Шагара II

стилизованные, и распознать конкретный вид по ним невозможно. При этом они сконцентрированы на Средней и Нижней Оке и окских притоках; только два предмета известны севернее, на поселениях Сахтыш I и II на Верхней Волге, что может гипотетически означать присутствие тут пришлых индивидов (женского пола?) с юга.

Обилие костей уток и глухаря в фаунистических коллекциях волосовской культуры указывает на отсутствие пищевого табуирования этих птиц.

Существуют этнографические свидетельства тотемного почитания птиц в зоне сибирской тайги в XIX – середине XX в., более-менее соотносимые с реконструируемой нами волосовской моделью почитания птиц: в качестве тотемов фигурировали орел, ястреб, а также лебедь, врановые, совы и глухарь (Косарева, 1991).

Представляется, что выбор конкретного животного в качестве тотема мог быть обусловлен чертами его поведения, которые напоминают человеческие, и кажется, что глухарь в достаточной мере подходил для этого. Глухари не улетают на зиму – волосовцы ведут оседлый образ жизни, глухари прячутся под снегом – волосовцы строят полуземлянки, глухари едят ягоды, как люди, глухари танцуют и поют в брачный период – вероятно, в ритуалах волосовцев, почитающих глухаря в качестве предка, могли присутствовать действия и атрибуты, отображающие единство человека и глухаря, например, в костюме, раскраске лица, движениях танца, манере пения. У остальных сообществ, почитавших другие виды птиц, вероятно, происходило то же самое.

Заключение

Очень представительная группа предметов искусства малых форм из Центральной России (бассейны Волги и Оки), датируемая приблизительно серединой IV – началом III тысячелетия до н. э., отображает чрезвычайно яркий и интересный феномен духовной жизни оседлых охотников и рыболовов финального каменного века – вероятное почитание разных пород птиц в качестве предков. Птицы играли важную роль в мировоззрении волосовцев и несли важную семантическую нагрузку

как существа летающие, небесные во всех первобытных обществах мира (Студзицкая, 1994).

Примечательно, что места для поселений выбирались оседлыми охотниками, собирателями, рыболовами по принципу максимальной близости к разным типам мест обитания зверей, птиц и рыбы, охота на которых позволяла эффективно прокормить большой коллектив в течение всего года. Разные по местам обитания виды птиц изображены и на костяных подвесках, и нашивках волосовцев.

Волосовская культура, как она представлена в литературе (Крайнов, 1987), отнюдь не была гомогенной. При общем сходстве типов инвентаря, посуды, домостроительства, погребального обряда региональные различия существовали в рецептах формовочных масс, орнаментации, украшениях, формах кремневых, костяных, каменных орудий и т. д., что указывает на существование более мелких социальных объединений (племен, родов) внутри того конгломерата, который мы определяем как волосовская культура. Эти объединения и могли маркироваться различными тотемами-птицами. Конечно, спектр значений зоо- и антропоморфных образов в искусстве малых форм лесной зоны Восточно-Европейской равнины отнюдь не исчерпывался тотемными представлениями. Эти предметы могли быть связаны с календарными, гендерными, магическими, охотничьими понятиями (Kashina, Zhulnikov, 2011). Несомненно, мировоззрение и верования сообществ охотников, собирателей, рыболовов финала каменного века были очень сложными, и их изучение следует продолжать.

Благодарности

Мы благодарны орнитологу, кандидату биологических наук И. В. Фадееву (Государственный Дарвиновский музей, Москва) за помощь в определении видов птиц по скульптурным изображениям; орнитологу, кандидату биологических наук А. А. Карху (Палеонтологический институт, Москва) за определение видов птиц по остеологической коллекции с поселения Шагара II; а также С. В. Беловой сотруднице Музейно-выставочного комплекса «Новый Иерусалим» (г. Истра, Московская обл.) за консультации и помощь в работе.

Литература

Андреева Е. Г., 1974а. Фауна древней стоянки Черная Гора / ГИМ. Архив отдела археологических памятников, группа А. Папка 78. Дело 103.

Андреева Е. Г., 1974б. Научный отчет о животных Владыченской стоянки по костным остаткам из архео-

логических раскопок / ГИМ. Архив отдела археологических памятников, группа А. Папка 79. Дело 108.

Емельянов А. В., 2002. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2001 года. М: ИА РАН. С. 146.

Емельянов А. В., 2003. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2002 года. М.: ИА РАН. С. 118.

Емельянов А. В., 2004. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2003 года. М.: ИА РАН. С. 127.

Емельянов А. В., 2009. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2006 года. М.: ИА РАН. С. 184.

Емельянов А. В., Глазунова Е. В., 2010. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2007 года. М.: ИА РАН. С. 112.

Емельянов А. В., Кашина Е. А., 2005. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2004 года. М.: ИА РАН. С. 129.

Емельянов А. В., Кашина Е. А., 2007. Раскопки поселения Великодворье I // АО 2005 года. М.: ИА РАН. С. 139.

Жульников А. М., Кашина Е. А., 2010. Образ птицы в искусстве неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. № 2. С. 5–17.

Каверзнева Е. Д., 1992. Шагарский могильник III – начала II тыс. до н.э. в Центральной Мещере // РА. № 3. С. 147–159.

Каверзнева Е. Д., Кашина Е. А., 2015. Скульптуры и кости птиц в ритуальной практике населения Северо-Востока Европы финала каменного – середины бронзового века // IV Северный археологический конгресс. Матер. Екатеринбург: УрО РАН. С. 240–243.

Карху А. А., 1992. Птицы неолитической стоянки Языково I // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.: ИА РАН. С. 129–134.

Кашина Е. А., 2012. К проблеме изучения обменных и брачно-родственных связей в лесной зоне Восточной Европы и Финляндии // Образы времени: из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. М.: ГИМ. С. 35–41. (Тр. ГИМ. Вып. 189).

Кашина Е. А., 2013. Кремневая антропоморфная скульптура: выработка подходов к территориально-хронологическому и культурному подразделению // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Матер. тематической науч. конф. СПб.: Скифия Принт. С. 168–171.

Кашина Е. А., Емельянов А. В., 2003. Костяные изображения птиц финала каменного века Мещерской низменности // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: Поверенный. С. 53–70.

Кириллова И. В., 1996. Фауна поселения Шагара II // Тез. докл. Отчетной сессии ГИМ по итогам

полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.: ГИМ. С. 100–101.

Косарев М. Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. М.: Наука. 302 с.

Косорукова Н. В., Пицонка Х., Нестерова Л. А., Семенцов А. А., Лебедева Л. М., Тербергер Т., Харц С., 2016. Радиоуглеродное датирование неолитических памятников в местности Караваиха в бассейне оз. Воже // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 410–424.

Костылева Е. Л., Уткин А. В., 2010. Нео-энеолитические могильники верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Планиграфические и хронологические структуры. М.: Таус. 300 с.

Крайнов Д. Н., 1987. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. С. 10–27. (Археология СССР).

Кулькова М. А., 2007. Климатические катастрофы в раннем и среднем голоцене и их влияние на доисторические сообщества // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Матер. конф. СПб.: Теза. С. 316–333.

Мазуркевич А. Н., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Долбунова Е. В., Семенцов А. А., Ришко С. А., 2016. Абсолютная хронология неолитических древностей Днепро-Двинского междуречья. VII–III тыс. до н.э. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы. VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 317–355.

Петрова Н. Ю., 2010. Орнаментация волосовской керамики как источник изучения истории населения // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 107–116.

Сидоров В. В., 1968. Отчет о разведках в Московской обл. в 1968 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3723.

Студзицкая С. В., 1994. Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки. М.: ГИМ. С. 59–77. (Тр. ГИМ. Вып. 85).

Цветкова И. К., 1970. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М.: ГИМ. С. 97–153. (Тр. ГИМ. Вып. 44).

Фосс М. Е., 1952. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М.: АН СССР. 278 с. (МИА. № 29).

Чернявский М. М., 2016. Новые даты с поселения Асавец II // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы. VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 310–316.

Чижевский А. А., 2008. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. 1. М.: ИА РАН. С. 367–371.

Jaanits L., 1961. Jooni kiviaja uskumustest//E. Jansen (ed.) Religiooni ja ateismi ajaloost Eestis. Artiklite kogumik. Tallinn. P. 5–70.

Bērziņš V., Brinker U., Klein C., Lübke, H., Meadows J., Rudzīte M., Schmölke U., Stümpel H., Zagorska I., 2014. New research at Riņņukalns, a Neolithic freshwater shell midden in northern Latvia // *Antiquity*. 88. P. 715–732.

Kashina E., Zhulnikov A., 2011. Rods with elk's heads: symbol in ritual context // *Journal of Estonian Archaeology*. 15/1. P. 1–14.

Kriiska A., Lõugas L., Lõhmus M., Mannerman K., Johanson K., 2007. New AMS dates from Estonian Stone Age burial sites // *Estonian Journal of Archaeology*. 11/2. P. 83–121.

Loze I., 1983. Akmens laikmeta māksla Austrumbaltijā. Rīga: Zinātne. 136 p.

Piezonka H., in prep. North of the Farmers. Mobility and sedentism among Stone Age hunter-gatherers from the Baltic to the Barents Sea // *Mesolithic or Neolithic? Searching for the late hunter-gatherers* / J. Orschiedt, C. Liebermann, H. Stäuble, W. Schier (eds.). Edition TOPOI. P. 1–13.

Tõrv M., Lübke, H., Meadows J., Zagorska I., Bērziņš V., 2017. Soul carriers to the afterlife? The context and meaning of the bird figurines from Riņņukalns. In: B. V. Eriksen et al. (eds.), *Interaction without borders. Exemplary archaeological research at the beginning of the 21st century*. 1. Schleswig. P. 49–61.

E. A. Kashina, A. V. Emelyanov

Bone pendants and stripes in the form of birds in the Stone Age Finale in the Forest zone of Central Russia

Summary

The article discusses one of the groups of small art objects – bone pendants in the form of birds, most of which belong to the Volosovo cultural and historical community of Central Russia (about 3500–2700 BC). Their morphology, manufacturing technology, functional use and semantic meaning are analyzed. The set of bird images is compared in the article with the data on osteological collections that contain bird bones, in the framework of the discussion about the existence of certain species preferences in the Volosovo population when hunting

birds and spiritual ideas about them. The capercaillie image definitely prevails in pendants and stripes, however duck bones (mallards) make up the majority in osteological collections. The semantic meaning of pendants and stripes in the form of birds was most likely associated with totemic beliefs. It is possible that certain groups of the Volga-Ochya population revered certain bird species as totemic ancestors. Based on this hypothesis, the capercaillie could be the totem of the most numerous tribal association in this territory.

List of figures

Fig. 1. Map of settlements with finds of sculptural pendants and appliques in the form of birds

Fig. 2. Full figure (1, 2) and partial (3, 4) images of birds

1 – Lake Shagara; 2, 3 – Velikodvorye I; 4 – Shagara II

Fig. 3. Unfinished products

1 – Volosovo; 2 – Nicolo-Perevoz II; 3 – Velikodvorye I; 4 – Shagara II; 5 – Chernaya Gora

Fig. 4. Bird species

1 – capercaillie m; 2 – capercaillie f; 3 – duck; 4 – heron; 5 – merganser; 6 – crane; 7 – grouse; 8 – partridge; 9 – swan.

1, 6 – Shagara II; 2 – Veshnyak; 3 – Volosovo; 4, 8 – Chernaya Gora; 5, 9 – Maslovo Boloto IV; 7 – Maslovo Boloto

Fig. 5. Finds of bird sculptures in the pits of Volosovo dwellings

1 – Velikodvorye I; 2 – Shagara II

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

Ивановский государственный университет, Иваново

Янтарные кольца из нео-энеолитических захоронений лесной зоны европейской части России: типология и хронология

Янтарные украшения как составная часть декора костюма получили широкое распространение в лесах Восточной Европы среди населения неолитических и энеолитических культур с пористой керамикой. Первым из русских археологов, оценивших и обративших на них внимание как на датирующие артефакты, был, кажется, А. Я. Брюсов (1951). Приоритет же в их изучении по сей день остается за восточноприбалтийскими коллегами. Сначала Р. Клебс (*Klebs*, 1882), а затем Л. В. Ванкина (1970) и И. А. Лозе (1979) на базе обширных коллекций, большинство которых происходит с относительно хорошо стратифицированных поселенческих памятников, разработали основы типологии и относительной хронологии янтарных украшений эпохи позднего неолита – бронзы.

На территории Европейской России, в отличие от стран Балтии, янтарь из культурных слоев представлен до сих пор крайне скудно. На этом фоне резким контрастом является его обилие в ряде волосовских могильников. Комплексы янтарных украшений из отдельных захоронений внушительны по количеству и разнообразны по составу, что позволяет, на наш взгляд, приступить к уточнению хронологии бытования отдельных типов изделий, определить ареал распространения и установить их место в системе костюмов погребенных.

В настоящей заметке мы рассматриваем только два типа украшений из янтаря, самых малочисленных и самых эффектных, – кольца и кольца с выступом.

Кольца

Они происходят с девяти могильников. По нашим подсчетам, в 24 погребениях и двух риту-

альныхкладах на начало XXI в. их найдено всего 55 штук, включая обломки (табл. 1). Точные формы 11 экземпляров нам остались неизвестны. Прочие в плане представляют практически правильный геометрический круг с высверленным точно по центру отверстием. В сечении кольца в основном линзовидные, реже – сегментовидные, иногда подтрапцевидные. Их максимальная толщина варьируется от 3 до 5 мм.

По длине внешнего диаметра кольца распадаются на три размерные группы: малые (1,5–3,0 см), средние (3–4,5 см) и крупные (4,5–6,5 см), а по внешнему облику – на массивные и ажурные (табл. 1). К массивным мы относим украшения с диаметром отверстия равным или меньше ширины дуги (рис. 1, 2), к ажурным, наоборот, изделия с диаметром отверстия, превышающим ширину дуги (рис. 1, 1).

Изредка кольца украшались незамысловатым декором, как правило, мелкими ритмичными насечками по внешнему краю, придавая ему некое подобие зубчатости. Порой насечки столь нечеткие, что с трудом различаются визуально (Тудозеро V: 5)¹ (*Иванищев*, 1996. Рис. 14, 1, 2, 5).

Практически все кольца дошли в сломанном или фрагментированном состоянии. Объясняется это двумя различными факторами, никак не связанными между собой. Большинство изделий оказалось разрушено механически непосредственно в могилах в более позднее время (проседанием грунта, корнями деревьев, грызунами и т. п.).

А серия колец (примерно 11 экз.), несмотря на относительную прочность янтаря как поделочного материала, была сломана еще в древности – как при изготовлении, так и в процессе

¹ Здесь и далее приводится название могильника, а через двоеточие арабской цифрой – номер погребения.

Таблица 1. Волосовские янтарные кольца и кольца с выступом.

Моги́льник	№ погр.	Малые		Средние		Крупные		Тип неизвестен	Всего
		ажурные	массивные	ажурные	массивные	ажурные	массивные		
Кольца									
Сахтыш II	15/I	–	–	–	–	–	2	–	2
Сахтыш IIА	4	–	–	–	–	2	–	–	2
	15	–	–	–	–	2	–	–	2
	17	–	–	–	–	–	1	–	1
Сахтыш VIII	5	–	–	–	–	1	–	–	1
	14	2	–	–	–	–	1	–	3
	25	–	–	–	–	4	–	–	4
	Клад II	–	–	–	–	1	–	–	1
Языково I	17	–	–	–	–	–	2	–	2
	25	–	–	–	–	1	–	–	1
	26	–	–	–	–	1	–	–	1
Иловец I	3	–	–	1	–	–	–	–	1
Тудозеро V	1	–	–	2	–	–	–	–	2
	2	–	–	1	1	–	–	–	2
	5	–	–	–	3	2	–	–	5
	6	–	–	–	1	–	1	–	2
	7	1	1	–	–	–	–	–	2
	8	–	–	–	1	–	–	–	1
	Клад	–	2	–	–	–	–	–	2
Репище	31	–	–	–	–	1	–	–	1
Кончанское	18	–	–	–	1	–	–	–	1
	37	–	–	–	–	–	–	6	6
	54А	–	–	–	–	–	–	4	4
	212	–	–	–	1	–	–	1	2
	232	–	–	–	–	1	–	2 (?)	3
Путкинская I	Погр. (?)	–	–	–	–	2	–	–	2
Всего	–	3	3	4	8	18	7	13	56
Кольца с выступом									
Сахтыш VIII	15	–	–	1	–	–	–	–	1
Языково I	16	–	–	1	–	–	–	–	1
Тудозеро V	5	–	–	1	–	–	–	–	1
Кончанское	1	–	–	–	–	–	–	1	1
	232	–	–	1	–	–	–	–	1
Всего		–	–	4	–	–	–	1	5

их ношения. Обычно они ломались на две части или на дуге образовывалась одиночная трещина. В связи с этим обломки «сшивались» через отверстия, попарно просверленные по краям разломов, и вновь использовались по прямому назначению. Подобные кольца найдены в захоронениях могильников Сахтыш II: 15/I; Сахтыш IIА: 4, 15, 17; Сахтыш VIII: 14, 25; Тудозеро V: 6; Иловец I: 3; Языково I: 25 (Костылёва, Уткин, 2000. Рис. 3, 4; 5,

9, 13; Крайнов, 1973. Рис. 4; Иванищев, 1996. С. 5. Рис. 14, 34; Урбан, 1973. Рис. 5, 5; Уткин, Костылёва, 2009; Сидоров, 1992. Рис. 25, 65). Порой кольца разваливались на столь мелкие куски, что ремонту не подлежали, и их ничтоже сумняшеся перделывали в простые подвески серповидной формы (Сахтыш VIII: 14) (Крайнов, 1973. Рис. 4).

Во всех исследованных захоронениях кольца встречены исключительно в сочетании с другими

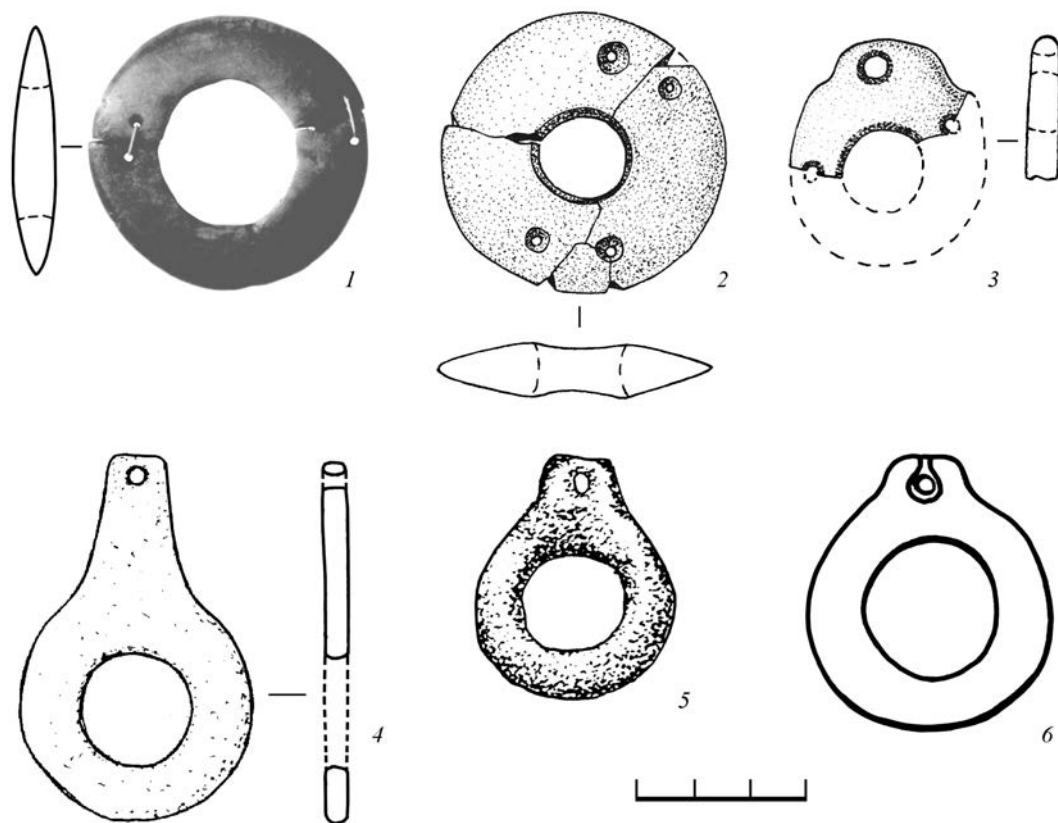

Рис. 1. Янтарные кольца и кольца с выступом

1 – Сахтыш-IIA, погр. № 15 (фото Л. М. Нескверновой); 2 – Сахтыш-VIII, погр. № 15; 3 – Сахтыш-VIII, погр. № 14 (рис. А. В. Уткина); 4 – Тудозеро-V, погр. № 5 (по: *Иванищев*, 1996. Рис. 14:6); 5 – Кончанское, погр. 232 (по: *Зими́на*, 1993. Рис. 59, 26); 6 – Языково-I, погр. № 16 (по: *Сидоров*, 1992. Рис. 25, 1)

типами янтарных украшений в составе погребального инвентаря (пуговицами, подвесками и пронизками). Лишь двух покойников помимо янтаря сопровождали еще и кремневые наконечники стрел: Кончанское: 37, 54А (*Зими́на*, 1993. С. 196, 200). Правда, не исключено, что они попали в могилы из культурного слоя поселения случайно при засыпке ям.

Количество колец в погребениях различно: от одного экземпляра до шести, но в основном это или одно, или два; соответственно восемь и десять случаев. К ним следует также добавить три находки в двух ритуальныхкладах: одно – на Сахтыше VIII и пара на Тудозере V (табл. 1).

Более-менее надежное расположение колец в системе декора одежды погребенных устанавливается только в тех могилах, где сохранились костяки, и предположительно в тех захоронениях, где скелетные останки истлели без остатка, но украшения лежали *in situ*. Так, у трех сахтышских волосовцев янтарные кольца входили в состав нагрудных украшений, причем они замыкали по концам гирлянды из пуговиц, пронизок или подвесок (Сах-

тыш IIA: 15; Сахтыш VIII: 5, 14) (*Костылёва, Уткин*, 2000. С. 177, 178. Рис. 3; *Крайнов*, 1973. С. 51). У одного кольца были нашиты на рубаху и на груди, и по краю подола (Сахтыш VIII: 25) (*Крайнов*, 1973. С. 53. Рис. 5), а у двух они украшали головной убор (Сахтыш II: 15/I; Сахтыш IIA: 4) (*Костылёва, Уткин*, 2000. С. 178. Рис. 5, 1, 9).

Аналогичное расположение колец в могилах без костяков зафиксировано примерно еще в 14 захоронениях: в девяти случаях они являлись элементами нагрудных нашивок (Тудозеро V: 1, 2, 5; Языково I: 17, 25; Кончанское: 1, 18, 54А, 232) (*Иванищев*, 1996. С. 3–5. Рис. 2, 5, 12; *Сидоров*, 1992. С. 75, 76. Рис. 24, 2, 4; *Зими́на*, 1993. С. 192–194, 200, 205), в четырех – головных (Тудозеро V: 6, 7; Кончанское: 212; Репище: 31) (*Иванищев*, 1996. С. 5. Рис. 16, 18; *Зими́на*, 1993. С. 205, 212, 213) и в одном – нагрудных и поясных (Кончанское: 37) (*Зими́на*, 1993. С. 196, 197). То есть кольца предназначались строго для определенных мест в системе украшения костюма и несли какую-то, неведомую нам, смысловую нагрузку.

Крепились они двояко. Основная масса пришивалась с двух сторон через дугу, иногда же они закреплялись на одежде по принципу подвесок – через просверленное на краю кольца небольшое отверстие (Кончанское: 1; Репище: 31) (Зими́на, 1993. С. 192; 2004. Рис. 2, 3).

Кольца с выступом²

Говорить о массовости этой категории не приходится. Их всего пять штук; найдены на четырех памятниках: по одному экземпляру на Сахтыше VIII, в Языкове I и на Тудозере V, два экземпляра расчищены в двух погребениях Кончанского могильника (см. табл. 1; рис. 1, 3–5).

Они отличаются от простых колец только тем, что на внешней стороне дуги имеют одиночный выступ с просверленным по плоскости фасада отверстием. Высота выступа – от 7 до 22 мм, толщина в среднем не превышает толщину кольца. Он расположен по отношению к дуге строго перпендикулярно, переход выступа в тело кольца в разной степени плавный. Геометрические параметры этих колец в целом одинаковы. Одинаковы также приемы их обработки и крепления на костюме. Четыре известных нам кольца с выступом относятся к одной размерной группе, они ажурные, средней величины (о пятом, с Кончанского, мы ничего не знаем).

Заключение

Временные рамки бытования колец основаны на хронологии волосовских погребальных древностей, определенной нами по совокупности следующих данных: стратиграфии отдельных захоронений, общей планиграфии того или иного могильника, радиоуглеродным датировкам костяков и по составу всех украшений в каждом конкретном погребении (Костылёва, Уткин, 2010).

Только в ранних могилах найдены простые ажурные кольца и все кольца с выступом. По абсолютным датам Сахтыша ПА это 4540 ± 160 – 4800 ± 200 л. н. (ГИН-6234, 7190 и 6237), то есть в интервале минимум 260 лет (Костылёва, Уткин, 2009).

Наоборот, массивные кольца сопровождают как ранние захоронения, так и финального периода развития волосовской культуры. Особен-

но это четко зафиксировано на кладбищах Тудозера V и Сахтыша II. Первые захоронения – порядные и, бесспорно, ранневолосовские, что доказывается обилием янтарных украшений, в частности, типами, которые обычны для этого времени (пронизками с утолщением в центре, крупными трапециевидными подвесками с вогнутым основанием) (Иванищев, 1996). Вторые – финальноволосовские (3820 ± 40 – 4190 ± 50 л. н.; Ле – 2617 и 2615). В одном одиночном захоронении (Сахтыш II: 7) на костях черепа зафиксирован медный окисел от какого-то предмета, украшавшего головной убор. Во втором, коллективном (Сахтыш II: 15), два массивных янтарных кольца были в составе украшений костюма в сочетании с шайбами, цилиндрическими и бочонковидными короткими бусинами-пронизками и кулоном.

Шайбы хорошо известны в поздних коллективных захоронениях могильника Звейниек. Часть их нашивали на рубахи, а в погребении 206 они были расчищены на глазницах, то есть перед совершением погребения покойнику ими закрыли глаза (Zagorskis, 1987. Lpp. 47, 126. Tab. XIX, 10–11).

И. А. Лозе отмечала, что шайбы характерны для культуры шаровидных амфор Польши и прилегающих регионов, а также известны в Швеции на поселениях культуры боевых топоров (Лозе, 1979. С. 118).

Бочонковидные бусы украшали костюм костяка из верхнего яруса группового погребения 274–278 на могильнике Звейниек, где они сопровождалась парой бронзовых колец (Zagorskis, 1987. Tab. XXX, 7–9, 31, 32).

Наконец, сахтышский кулон имеет прямые аналогии кулонам из могил Волосово-Даниловского фатьяновского некрополя в Ярославской обл. и культур шнуrowой керамики эпохи бронзы в Центральной Европе (Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 128. Табл. 55, 8–12; Krzak, 1961. S. 113. Rys. 110, e).

Другими словами, янтарные ажурные кольца и кольца с выступом являются надежными хронологическими реперами, и они в большинстве коллекций доминируют как ранние. Массивные кольца определяются как поздние только по синхронности с другими, надежно датированными типами украшений из янтаря.

² В литературе встречаются разные названия колец с выступом: «кольцо с ушком» (Сидоров, 1992. С. 76), «ключевидная подвеска» (Иванищев, 1996), «подвеска ключевидной формы» (Зими́на, 1993. С. 205). Однако необходимо заметить, что, по типологии И. А. Лозе, «ключеобразные подвески», имеющие несколько иной вид и иной характер сверлений (боковая перфорация, перфорация с верхней площадки и тыльной стороны выступа), соотносятся с культурами боевых топоров (Лозе, 1975. С. 57–59). Поэтому, чтобы избежать путаницы, как типологической, так и хронологической, мы предлагаем для рассматриваемого нами типа колец закрепить термин «кольцо с выступом».

Вообще же янтарь в качестве исходного материала на берегах Балтики массово начали использовать еще во времена бытования типичной гребенчатой керамики второго стиля в Финляндии. В этом плане показателен могильник Куккаркоски. Там в могилах (костики не сохранились) собрано много разнообразных украшений, но серийно представлены только некоторые: необработанные подвески из удлиненных кусков янтаря, подвески языковидной формы (как малые, так и крупные), кольца ажурные и массивные, а также сланцевые кольца (Torvinen, 1979; Костылёва, Уткин, 2006). В конце развития культу-

ры типичной гребенчатой керамики, очевидно, мелкие группы населения стали расползаться по соседям – в Прибалтику, где в неолитических слоях стоянки Звидзенакрогс была найдена языковидная подвеска; в лесную зону Европейской России, где на Луковом Озере III раскопана льяловская могила с опять-таки языковидной подвеской и сланцевым кольцом (Сидоров, 1990. С. 25). Не исключено, что «моду» на кольцевые украшения в центр Русской равнины занесли именно тогда, на закате льяловской культуры, и впоследствии, в волосовское время, она распространилась более широко.

Литература

- Брюсов А. Я., 1951. Свайное поселение Модлона и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. № 20. С. 7–76.
- Ванкина Л. В., 1970. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне. 268 с.
- Зими́на М. П., 1993. Каменный век бассейна реки Мсты // Российский этнограф. Т. 16. М. 268 с.
- Зими́на М. П., 2004. К вопросу о распространении янтаря на неолитических памятниках лесной полосы Европейской части России // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 322–330.
- Зими́на М. П., 2009. Янтарные украшения из могильников Кончанского и Репище // Зверь и человек: Древнее изобразительное творчество Евразии. СПб. С. 77–78, 260–262. (Тр. ГЭ. Т. XLIV).
- Иванищев А. М., 1996. Могильник на Тудозере // Изв. Вологодского общ-ва изуч. Северного края. Вып. V. Вологда. С. 3–28.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2000. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш-ПА // ТАС. Вып. 4. Тверь. Т. I. С. 175–184.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2006. Хронология и планировочная структура неолитического могильника Куккаркоски // ТАС. Вып. 6. Тверь. Т. I. С. 384–391.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2009. Радиоуглеродная хронология неолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». Иваново. Вып. 4. С. 28–37.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2010. Неолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС. 300 с.
- Крайнов Д. А., 1973. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука. С. 46–55.
- Крайнов Д. А. Гадзяцкая О. С., 1987. Фатьяновская культура: Ярославское Поволжье. М.: Наука. 144 с. (САИ. В1-22).
- Лозе И. А., 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне. 203 с.
- Сидоров В. В., 1990. Погребения льяловской культуры в Подмоскowie // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново. С. 28–31.
- Сидоров В. В., 1992. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна: Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М. С. 4–112.
- Урбан Ю. Н., 1973. Поселение и могильник Иловец // КСИА. Вып. 137. С. 107–114.
- Уткин А. В., Костылёва Е. Л., 2009. Волосовский могильник на стоянке Иловец I в Тверском Поволжье: Структура и хронология // ТАС. Тверь. Вып. 7. С. 334–337.
- Klebs R., 1882. Der bernsteinschmuck der steinzeit von der baggerei bei Schwarzort und anderen lokalitäten Preussens aus den Sammlungen der Firma Stantien & Beckes und der physik.-ekonom Gesellschaft. Königsberg.
- Krzak Z., 1961. Materiały do zjawomości kultury Złockiej. Wrocław – Warszawa – Kraków: Wydawnictwo PAN. 183 s.
- Loze I., 1975. Neolithic amber ornaments in the Eastern part of Latvia // Przeglądu Archeologicznego. T. XXIII. S. 49–82.
- Torvinen M., 1979. Liedon Kukkarkosken kivi-kautinen kalmisto // Suomi Muzeum-1978. S. 37–80.
- Zagorskis F., 1987. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga: Zinātne. 132 lp.

A. V. Utkin, E. L. Kostyleva

Amber rings from Neo-Aeneolithic graves of the Forest zone of the European part of Russia: typology and chronology

Summary

In this article authors consider the amber rings and rings with ledge Volosovo culture of the epoch of Neo-Aeneolithic age. They were all costume jewelry of the dead is well known to archaeologists as *de visi* and publications.

They come from nine burial grounds of the forest zone of the European part of Russia. According to our calculations in 24 burials and two ritual hoards at the beginning of the 21st c.; they found the entire 61-piece, including fragments (table). The exact form of the 13 copies I have left are not known. Rings divided by the length of the outer diameter into three size groups: small (1,5–3,0 cm), medium

(3,0–4,5 cm) and large (4,5–6,5 cm), and in appearance – to the massive and thin (see table). To massive we refer those decorations that have a hole diameter equal to or less than the width of the arc, fishnet, on the contrary, those products in which the diameter of the hole exceeds the width of the arc.

In the process a comprehensive analysis of all data revealed that amber openwork rings and rings with ledge are reliable chronological repers, and they are in most collections dominate early. Massive rings are defined as late only by synchronicity and joint occurrence with firmly dated types of amber jewelry in concrete graves.

List of figures

Fig. 1. Amber rings and rings with ledge

1 – Sakhtysh IIA, burial No. 15 (foto L.M. Neskvernova); 2 – Sakhtysh VIII, burial No. 15; 3 – Sakhtysh VIII, burial No. 14 (drawing A.V. Utkin); 4 – Tudoszero V burial No 5 (*Ivanishchev*, 1996. Fig. 14, 6); 5 – Konchanskoe, burial No 232 (*Zimina*, 1993 Fig. 59, 26); 6 – Iazykovo I, burial No 16 (*Sidorov*, 1992. Fig. 25, 1)

Е.Л. Лычагина

Пермский гос. гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Хозяйственные занятия населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита¹

Под территорией Верхнего и Среднего Прикамья понимается район Среднего Предуралья в пределах современного Пермского края. В этом регионе известно 78 неолитических памятников, которые относятся к камской и волго-камской культуре. Анализ их расположения показал зависимость от древних пойм крупных водных артерий (в первую очередь р. Камы). Большинство памятников находится на невысоких первых надпойменных террасах (*Демаков и др.*, 2018).

Для реконструкции хозяйственных занятий населения Верхнего и Среднего Прикамья использованы итоги типологического анализа каменного инвентаря ряда памятников, результаты трасологического анализа коллекций каменных предметов восьми опорных неолитических поселений. Помимо этого были приняты во внимание итоги анализа палеозоологических остатков, обнаруженных на ряде стоянок.

К сожалению, культурный слой на большинстве памятников представлен темно-коричневой супесью, в которой органические материалы практически не сохраняются. Палеоботанических макроостатков в культурном слое ни на одном из памятников обнаружено не было. Спорово-пыльцевой анализ, проведенный на ряде стоянок (Чашкинское Озеро II, IIIa, IV и др.), также не выявил растений, попадание пыльцы которых могло носить искусственный характер (*Лантева*, 2014). Таким образом, никаких следов раннего земледелия в неолите Верхнего и Среднего Прикамья не фиксируется.

Прежде чем перейти к характеристике хозяйственных занятий населения, необходимо рекон-

струировать природные условия – фон, на котором шло развитие неолитических культур.

Реконструкция палеоклиматических условий проводилась на основе данных палеорусловедения и палеоботаники (палинология, палеокарпология). Материалы для анализа отбирались в пойменных отложениях в непосредственной близости от археологических памятников. Судя по результатам палеоэкологических анализов, в начале неолита в регионе преобладали темнохвойные еловые леса, сменившиеся широколиственно-темнохвойными (еловыми) лесами, сходными с современными подтаежными лесами Предуралья во время термического максимума в позднеатлантическую фазу (*Лантева и др.*, 2017). В таких лесах могла обитать лесная фауна (лось, кабан, бобр, волк, лиса, заяц и др.), произрастать съедобные растения (ягоды, грибы).

Прямых свидетельств развития собирательства нами не обнаружено. Мы можем только предполагать, что население использовало в пищу известные ему съедобные растения. В пользу такого предположения свидетельствуют исследования нагара на керамике с поселения Горный Сомотнел I в Нижнем Приобье (*Тупахина, Тупахин*, 2019). В результате анализа пригара с 21 сосуда установлено, что в 10 сосудах варилась только наземная растительность, а еще в семи случаях наблюдался смешанный состав, включавший и рыбу, и наземные растения. Мы полагаем, что на территории исследуемого региона население использовало керамическую посуду для приготовления отваров из трав, ягод и т. д.

¹ Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ проект № 17-46-590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене».

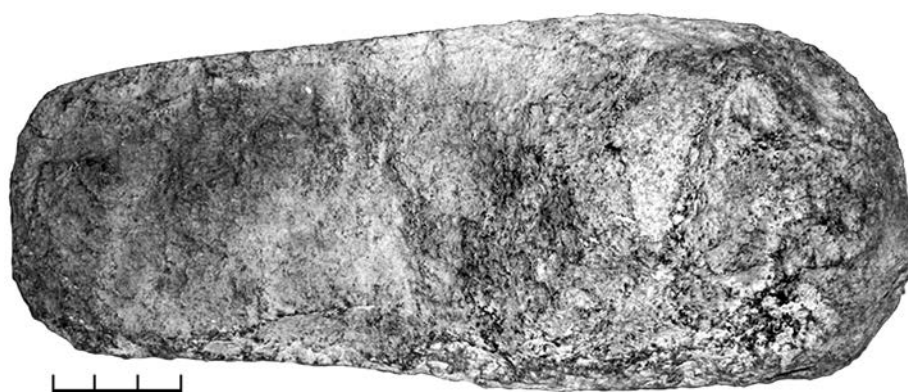

Рис. 1. Пешня. Поселение Чашкинское Озеро VI

Палеозоологические материалы представлены исключительно мелкими кальцинированными костями, основная масса которых неопределима. Подобные остатки обнаружены на стоянках Хуторская, Чашкинское Озеро IIIa, VI, VIII, IX.

В частности, на стоянке Хуторская внутри жилища № 1 обнаружены кости северного оленя и лося (Денисов, 1960. С. 67). Кальцинированные кости, собранные в ходе раскопок стоянки в 2006 г., также принадлежали млекопитающим среднего и крупного размера – северному оленю или лосю (устное сообщение П. А. Косинцева).

Похожая ситуация фиксируется и на других памятниках. Так, на стоянке Чашкинское Озеро VI 12 фрагментов костей удалось определить как кости млекопитающих. На стоянке Чашкинское Озеро VIII 19 костей принадлежит млекопитающим, из них по одной – бобру и северному оленю. На стоянке Чашкинское Озеро IIIa 137 фрагментов костей принадлежит крупным и средним млекопитающим, в том числе одна – лосю (определения П. А. Косинцева).

Самая крупная коллекция костей собрана на стоянке Чашкинское Озеро IX. Всего просмотрено 348 фрагментов костей (из них 328 фрагментов – неопределимые кости животных). Остальные принадлежали лосю и бобру (определение П. А. Косинцева). По всей видимости, лось, северный олень и бобер являлись основными объектами охоты. Наличие костей северного оленя на ряде памятников свидетельствует о сохранении достаточно сурового климата, по крайней мере, в начале неолита.

В ходе типологического анализа каменного инвентаря выделены типы орудий, которые можно связать с конкретными видами хозяйственных занятий: наконечники стрел – с охотой, грузила и пешни – с рыболовством. Наконечники стрел обнаружены практически на всех неолитических па-

мятников региона. Различие в размерах орудий (от 1 до 3–4 см) может косвенно свидетельствовать о специализации на определенных видах животных (птица, крупные копытные и т. д.). Единичный характер находок наконечников стрел на части памятников можно связать с изготовлением некоторых орудий из органических материалов (кость, рог), плохо сохраняющихся в песчаном грунте. При этом мы не исключаем наличие других форм охоты – с помощью силков, ловушек и т. д., трудно фиксируемых археологически.

Грузила также встречены практически на всех неолитических памятниках региона. Они изготавливались из округлых угловатых галек или подпрямоугольных плиток песчаника и имели подработанные выемки для крепления на боковых сторонах (Лычагина и др., 2015а. С. 164. Рис. 11). Их количество может варьироваться от 1 до 11 (Хуторская стоянка). Пешни для колки льда известны на стоянках Хуторская, Чашкинское Озеро VI и VIII (рис. 1). Возможно, в этом же качестве могли использоваться мотыжки – изделия трапецевидной или подпрямоугольной формы с заостренным рабочим краем, изготовленные из песчаника или кварцитопесчаника. Подобные изделия обнаружены на стоянках Хуторская и Чашкинское Озеро IIIa и IX (Денисов, 1960. С. 63; Лычагина и др., 2015а. С. 163, 165. Рис. 12). Грузила могли использоваться для сетевого рыболовства в летнее и зимнее время, в то время как пешнями пользовались исключительно зимой для долбления льда.

К косвенным признакам развития рыболовства можно отнести находки тесел и долотовидных орудий, пригодных для изготовления лодок, которые использовали в рыбной ловле. В частности, В. В. Сидоров отмечает, что важнейшим инструментом, определяющим принадлежность к хозяйственно-культурному типу рыболовов, было

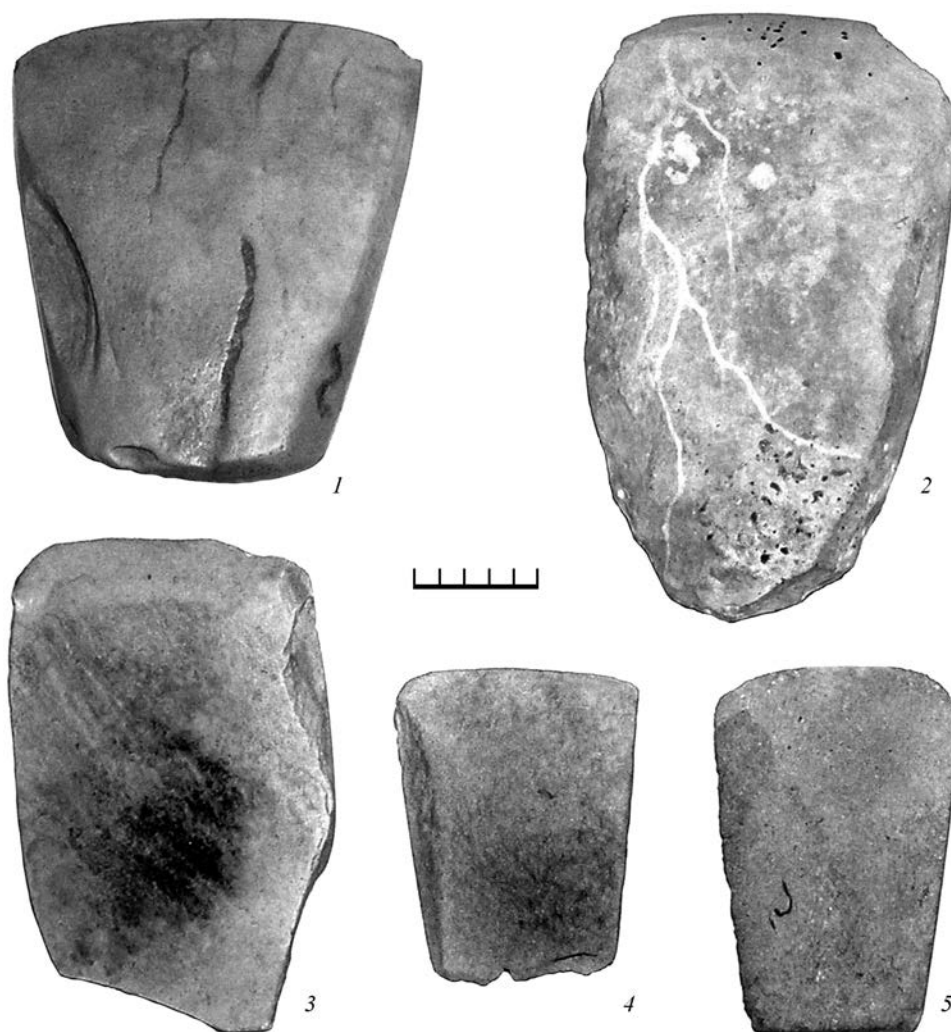

Рис. 2. Тесла. Поселение Чашкинское Озеро VI

тесло – инструмент для изготовления лодки-долбенки (Сидоров, 2013. С. 136; 2018. С. 198). Тесла и долота обнаружены практически на всех неолитических стоянках, где проводились стационарные раскопки (рис. 2). Их количество варьируется от 3 до 36 экз.

Проведенный типологический анализ свидетельствует о возможности существования круглогодичного рыболовства в неолите Прикамья. Выделение такого малого количества прямых признаков рыболовства связано с изготовлением большей части приспособлений из дерева, кости и других органических материалов, не сохраняющихся в песчаных почвах региона.

Рыболовство требовало коллективных усилий для расчистки протоков, установления запоров и т.д. В рыбном промысле применяли как сетевой лов (сети плелись из растительных волокон различных

видов растений: крапивы, осоки, ивы, липы и др.), так и крючковые, гарпунные орудия, остроги и рыболовные ловушки (верши, ворота и др.) (Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова, 2009. С. 54). В зависимости от объекта лова, сезона и особенностей водоема применялись те или другие приемы. Судя по размерам грузил, обнаруженных на неолитических памятниках Верхнего и Среднего Прикамья, их основная масса использовалась для установки сетей и ловушек. Большинство приемов ловли рассчитано на теплый сезон и лов на открытой воде. К зимним способам можно отнести постановку подо льдом сетей и верш, ловлю в проруби на крючок. Интересно, что традиция ловли рыбы подо льдом с помощью сетей сохранялась в бассейне Верхней Камы вплоть до XX в. (Чагин, 2017. С. 168).

В рамках работы по комплексному анализу каменных индустрий опорных неолитических

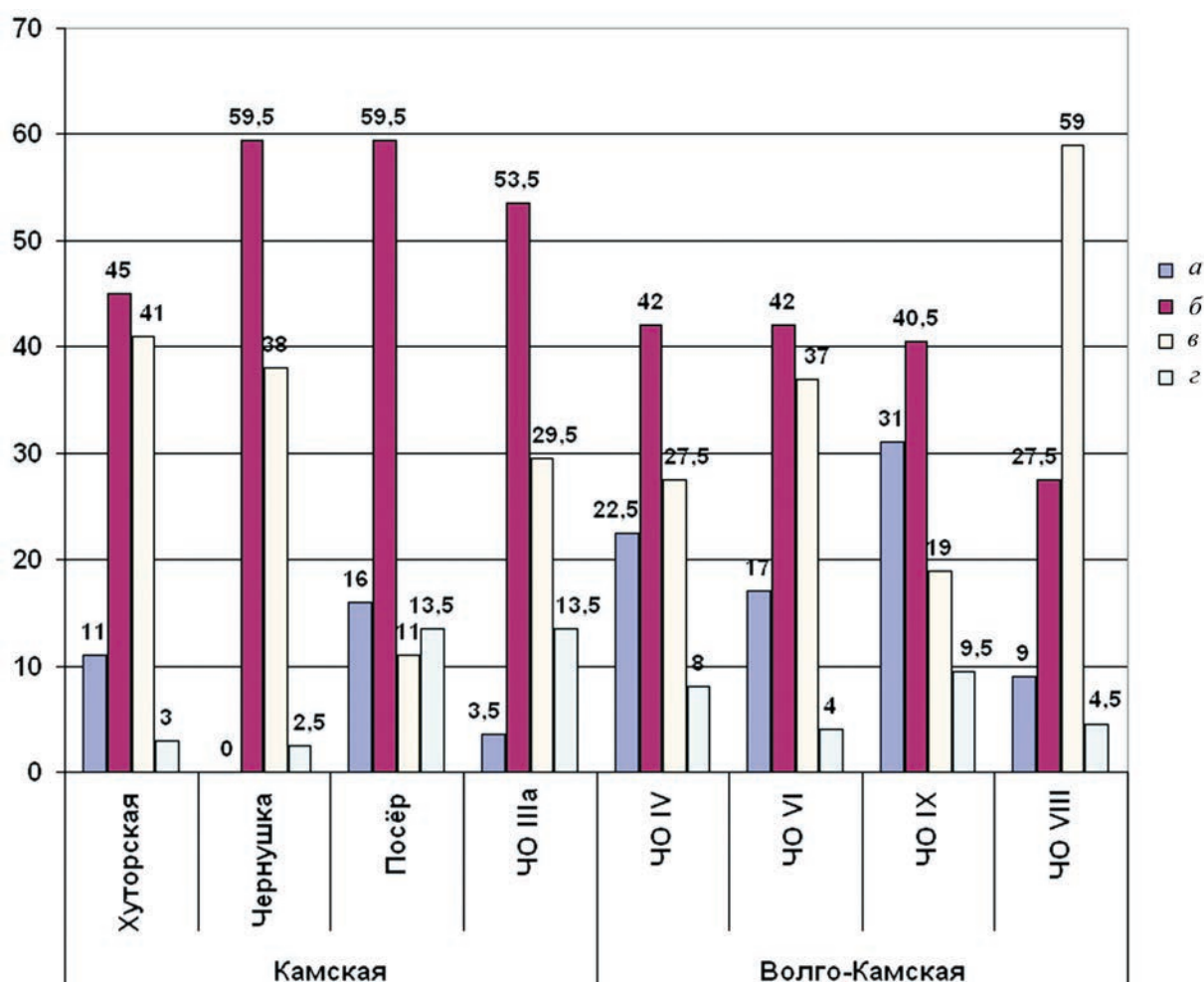

Рис. 3. Распределение орудий по хозяйственным типам

а – обработка кости и рога; б – обработка продуктов охоты, рыбной ловли (мяса, шкур);
в – обработка дерева; з – обработка камня

памятников Верхнего и Среднего Прикамья проведено трасологическое исследование материалов стоянок Хуторская (раскоп VI), Чернушка (раскоп II), Чашкинское Озеро IIIa (раскоп II), Посёр, относящихся к камской культуре и Чашкинское Озеро IV, VI (раскоп I, 2005 г.), VIII и IX, относимых к волго-камской культуре.

Проведенное исследование позволило выявить следующее (рис. 3). Охотничье-рыболовный комплекс является ведущим как на памятниках камской (45,0–59,5%), так и волго-камской культуры (27,5–42%) (Лычагина и др., 2017). К орудиям, связанным с обработкой продуктов охоты и рыболовства, мы относим скребки по шкуре, ножи по шкуре, проколки, мясные/рыбные ножи, наконечники, вкладыши метательных орудий (гарпуны?).

Скребки по шкуре выделены на всех памятниках, кроме стоянки Чашкинское Озеро VIII.

На памятниках камской культуры они составляли 25–100% скребков, в то время как на стоянках волго-камской культуры это соотношение было несколько ниже и варьировалось в пределах 0–30%.

Проколки отмечены на всех памятниках, однако их количество не превышало 1–8% на памятниках камской и 1,5–9,5% волго-камской культуры. Тем не менее присутствие данной категории орудий (наряду со скребками по шкуре) свидетельствует об активной переработке продуктов охоты на крупных и средних животных.

На стоянке Чашкинское Озеро IIIa выделена такая интересная группа орудий, как ножи для шкур. Для них характерна очень сильная скругленность кромки и яркая жирная заполировка, сглаживающая всю микроструктуру кромки рабочего лезвия. Кромка имеет овальный профиль в разрезе.

На данных орудиях нет полулунных выломов, характерных для тонких кромок ножей для мяса (*Лычагина и др.*, 2015б. С. 223–224). Выделение такой группы орудий свидетельствует об интенсивной работе по утилизации продуктов охоты (шкур животных), происходившей на памятнике. В пользу этого говорит и то, что 60% скребков, обнаруженных на стоянке, использовались для обработки шкур.

В целом мы можем говорить о том, что на памятниках камской культуры уделялось большее внимание обработке шкур, нежели на памятниках волго-камской культуры.

Самую большую категорию орудий на всех памятниках составляли ножи для мяса и рыбы. Их количество варьировалось в пределах 21,5–47,6% на памятниках камской и 18,3–28,5% волго-камской культуры. Часть орудий имела слабовыраженные следы работы, поэтому мы не можем четко разделить мясные и рыбные ножи. К тому же не исключено, что некоторые орудия были универсальными и использовались для разделки и мяса, и рыбы. В любом случае эта функция играла важнейшую роль практически на всех поселениях и стоянках.

Наконечники стрел и дротиков обнаружены на всех памятниках камской и половине стоянок

волго-камской культуры. Незначительность этой группы (не более 11,5%) можно объяснить как изготовлением наконечников из органических материалов, так и использованием других способов охоты.

Интерес вызывает выделение на ряде памятников такой категории орудий, как вкладыши составных метательных орудий. По мнению Г.Н. Поплевко, данные орудия могли использовать в качестве вкладышей гарпунов и применять в осторожном рыболовстве (*Лычагина и др.*, 2015в. С. 19).

Таким образом, на основании прямых (определение костей животных, типов орудий труда) и косвенных (реконструкция климата и ландшафта, расположение памятников) фактов мы можем частично реконструировать хозяйственные занятия неолитического населения Верхнего и Среднего Прикамья. Ведущую роль, вероятно, играла охота на крупных и средних млекопитающих (северный олень, лось, бобр), также имела место охота на боровую и водоплавающую птицу. Другим важным занятием являлась рыбная ловля с помощью сетей и гарпуна, как в летнее, так и в зимнее время. Активное развитие рыболовства способствовало постепенному формированию оседлости, то есть было одним из аспектов процесса неолитизации (*Сидоров*, 2018. С. 199–200).

Литература

- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н., 2009. Природная среда человека в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань: АН РТ. С. 32–112.
- Демаков Д.А., Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е., Чернов А.В., 2018. Особенности расположения неолитических памятников в бассейне Верхней Камы // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Матер. междунар. конф., посв. 50-летию В.М. Лозовского. СПб.: ИИМК РАН. С. 91–93.
- Денисов В.П., 1960. Хуторская неолитическая стоянка // Уч. зап. Пермского университета. Пермь: Изд-во ПГУ. Т. XII. Вып. I. Тр. КАЭ. Вып. III. С. 34–72.
- Лантева Е.Г., 2014. Палинологические исследования на археологических памятниках в районе Чашкинского озера // Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Изд-во ПГГПУ. С. 502–512.
- Лантева Е.Г., Зарецкая Н.Е., Косинцев П.А., Лычагина Е.Л., Чернов А.В., 2017. Первые данные о динамике растительности Верхнего Прикамья в среднем и позднем голоцене // Экология. № 4. С. 267–276.
- Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Батуева Н.С., 2015а. Чашкинское Озеро Ша – новый неолитический памятник на восточном берегу Чашкинского озера // ТАС. Тверь: Триада. Вып. 10. Т. 1. С. 154–167.
- Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Поплевко Г.Н., 2015б. Каменный инвентарь поселения Чашкинское Озеро Ша (по итогам раскопок 2014 г.) // Изв. Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. С. 220–227.
- Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Поплевко Г.Н., 2015в. Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VI (по итогам раскопок 2005 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4. С. 17–26.
- Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Поплевко Г.Н., 2017. Сравнительная характеристика каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. С. 25–34.

Сидоров В. В., 2013. Неолитизация лесной зоны Восточной Европы // ТАС. Тверь: Триада. Вып. 9. С. 136–140.

Сидоров В. В., 2018. Специфика неолитизации лесной зоны Восточной Европы // КСИА. № 250. С. 194–201.

Тупахина О. С., Тупахин Д. С., 2019. Определение диеты населения севера Западной Сибири в эпо-

ху энеолита методом анализа стабильных изотопов // Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (с международным участием). М. С. 98.

Чажин Г. Н., 2017. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от древности до 1917 г. Пермь: Пушка. 672 с.

E. L. Lychagina

Household occupations of the Upper and Middle Prikamye during the Neolithic

Summary

The article is devoted to the study of the economic activity of the population of the Upper and Middle Prikamye in the Neolithic. For the reconstruction of the main occupations of the population uses the data paleoecological studies, analyzes paleozoological material, the results of typological and trasological analysis of stone tools.

The author comes to the conclusion about the leading role of hunting for large and medium mammals, as well as various forms of fishing in the economy of the population of this era. No traces of the producing economy were found.

List of figures

Fig. 1. The icepick. Settlement Chashkinskoye Ozero VI

Fig. 2. Adzes. Settlement Chashkinskoye Ozero VI

Fig. 3. Distribution of tools by household types

a – bone and horn treatment; *б* – hunting products processing, processing of fishing products (meat, pelts);
в – wood processing; *г* – stone processing

**Р. В. Смольянинов^{*}, А. А. Куличков^{**},
Е. С. Юркина^{*}, А. С. Желудков^{***}**

^{*} Липецкий гос. пед. унив-т
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк

^{**} Межпоселенческий координационно-методический центр, г. Грязи, Липецкой обл.

^{***} НОО «Археологические исследования», Липецк

Керамические материалы льяловской культуры с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону

Поселение Доброе 9 (рис. 1) открыл А. А. Ключок в 2014 г. на берегу р. Воронеж, у южной окраины с. Доброе Липецкой обл. (Ключок, 2014). В 2017–2018 гг. А. А. Куличков на разрушаемой части стоянки заложил раскоп площадью 58 кв. м. В раскопе выявлены материалы эпох неолита VI–IV тысячелетий до н. э. (среднедонская неолитическая культура, ранний и поздний этапы льяловской культуры), энеолита IV тыс. до н. э. (среднепоселенская и репинская культуры), бронзы III тысячелетия до н. э. (воронежская культура), раннего железного века (начало I тысячелетия н. э.) и древнерусского времени XII–XIV вв. (Куличков, 2017; 2018).

Раскоп разбит в единой сетке с разведочной зачисткой 2014 г. и ориентирован по линии берега р. Воронеж. Стратиграфия едина для всего раскопа: 0–0,05–0,1 м – дерн; 0,05–0,1–0,35–0,55 м – темно-серая супесь; 0,35–0,55–0,95–1 м – коричневая супесь; 0,95–1–1,15–1,30 м – серая супесь; 1,15–1,30–1,6 м – серый суглинок. Материк – светло-серая глина (рис. 2, 1).

В ходе работ получены очень яркие материалы среднедонской неолитической культуры, датируемые последней четвертью VI тысячелетия до н. э. – 6150±100 BP (5317–4839 calBC) SPb 2840 (гумины). При этом впервые за время ее изучения на стоянке Доброе 9 выявлен однородный литологический слой, вмещающий только материалы этой культуры: керамику, кости, изделия из камня. Часть этой коллекции опубликована ранее (Куличков и др., 2018; Смольянинов и др., 2018; Смольянинов, Юркина, 2018; Smolyaninov, 2018).

Настоящая работа посвящена публикации керамических материалов, связанных с разными этапами проживания населения льяловской культуры на данном месте.

В раскопе найдено 107 фрагментов от семи сосудов раннего этапа льяловской культуры (рис. 2, 2–6; 3). Они залегали в верхней части серого суглинка на глубине 120–140 см от дневной поверхности (рис. 4). Венчики диаметром 24–32 см, толщина стенок – 4–8 мм. Четыре горшка открытой формы (рис. 2, 2; 3, 1, 2, 4), один со слегка стянутыми внутрь краями (рис. 3, 3). Два сильно профилированы (рис. 2, 3, 4). Срезы трех венчиков закруглены (рис. 2, 3; 3, 1, 4), один заострен (рис. 3, 3), один косо срезан наружу (рис. 3, 2) и два уплощены (рис. 2, 2, 4). Единственное найденное днище и придонная часть – от округлодонных горшков (рис. 2, 3; 3, 7).

Вся поверхность сосудов орнаментирована. Мотивы орнамента представлены в виде чередования ямочных и гребенчатых элементов, один фрагмент украшен сочетанием ямочных вдавлений и диагональных рядов строчечного скобковидного накола (рис. 3, 6).

В качестве исходного пластического сырья (далее ИПС) описываемой керамики использовалась ожелезненная илистая глина. В единичной концентрации встречены органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений. Сырье среднезапесоченное, с кварцевым окатанным песком размером 0,2–0,5 мм в концентрации 1:6–1:7 (рис. 5, 1–3). ИПС двух сосудов содержит твердые окатанные железистые частицы размером 1–3 мм (рис. 5, 3).

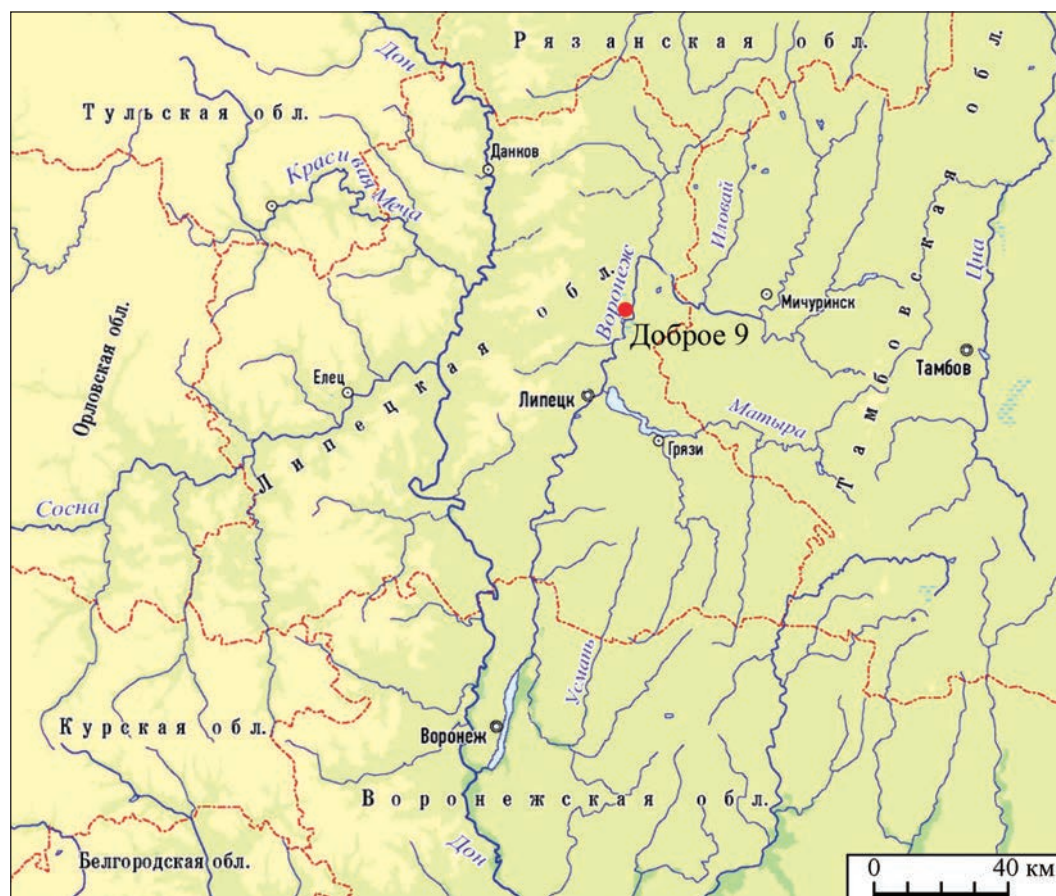

Рис. 1. Местоположение поселения Доброе 9 на карте

Еще в двух найдены непромешанные частицы высокопластичной глины белого цвета. ИПС всех сосудов раннего этапа льяловской культуры использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано.

В формовочную массу всех сосудов в качестве искусственной примеси добавлена некалиброванная кварцевая дресва размером 0,2–4,0 мм, в концентрации от 15 до 40 включений на квадратный сантиметр (рис. 5, 1–3).

Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налепом, строительными элементами служили лепешкообразные лоскутки размером от 1,5×1,5 до 3,0×3,0 см, которые накладывались по горизонтальной траектории. У всех сосудов обе поверхности заглажены грубо выделанной кожей.

Механическая прочность сосудов высокая. Окраска изломов фрагментов одно- или двухслойная. Слои неравномерные по толщине, границы между ними размытые, что свидетельствует об остывании сосудов в обжиговом устройстве долгое время после обжига. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно про-

должительной выдержкой при температурах каления 650–700 °С. В то же время наличие насквозь прокаленных изломов сосудов свидетельствует о существовании способа термической обработки с более длительной выдержкой при высоких температурах.

Следует отметить, что технология изготовления, орнаментация и формы гребенчато-ямочной керамики с поселения Доброе 9 достаточно однородны, мотивы и элементы орнамента имеют сходство с мотивами и элементами на керамике раннего этапа льяловской культуры. Отличительная черта – отсутствие отпечатков шнура, намотанного на палочку. В этой керамике присутствует дресва, характерная для посуды раннего этапа льяловской культуры (Энговатова, 1997. С. 117–118; 1998. С. 243). Появление наколов в орнаментации сосудов говорит о контактах с населением автохтонной среднедонской неолитической культуры (Смольянинов, 2009. С. 218).

В датировке подобных материалов помогает серия радиоуглеродных дат, полученных на стоянках с гребенчато-ямочной керамикой раннего этапа льяловской культуры: Ивница – 5840±90 BP (4932–4494 до н.э.) Ki-16638, Ксизово 6 –

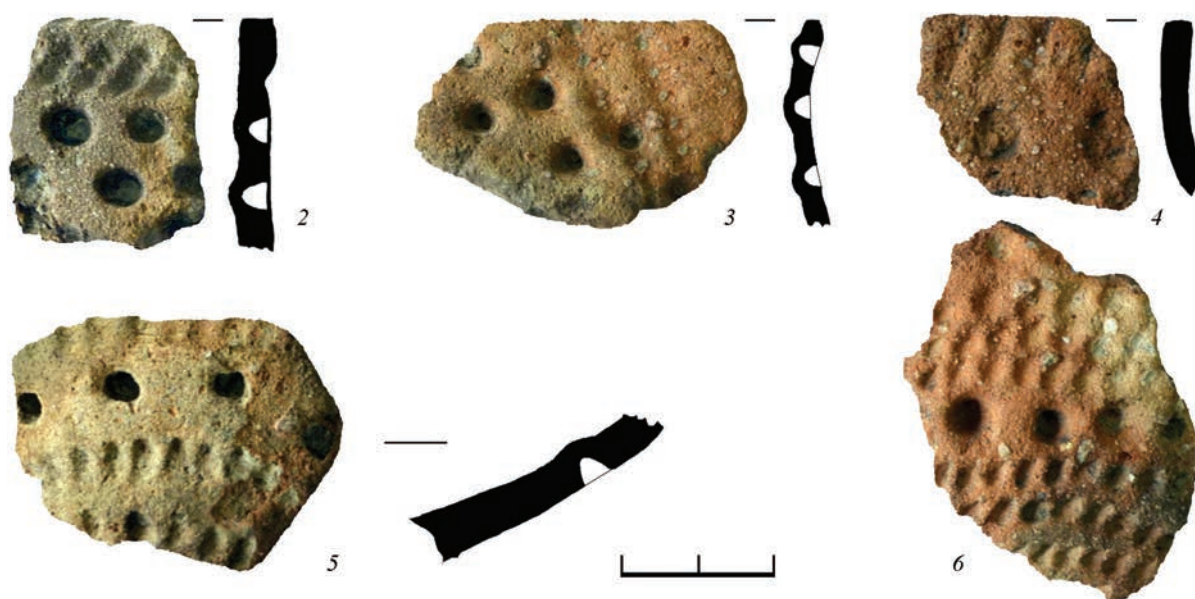

Рис. 2. Поселение Доброе 9

1 – стратиграфия раскопа 1; 2–6 – керамика архаичного этапа льяловской культуры

5820±130 BP (4995–4371 до н.э.) Ki-13307, Курино 1 – 5400±120 BP (4458–3975 до н.э.) Ki-13308 (Smolyaninov, Skorobogatov, Surkov, 2017). Видимо, два вытянутых на спине погребения со стоянки Ксизово 6 также относятся к раннельяловскому населению 6000±50 BP (5200–4800 до н.э.) ГИН-13544, 6000±50 BP (5200–4800 до н.э.) ГИН-13546 (Васильев и др., 2018. С. 179).

Ямочно-гребенчатая керамика позднего этапа льяловской культуры представлена 111 фрагментами не менее чем от трех лепных сосудов (рис. 6). Эти материалы были приурочены к слою серой супеси и залегали на глубине 110–130 см от дневной поверхности (рис. 4). Сосуды относительно крупных размеров, с диаметром верха 34 (рис. 6, 1) и 38 см (рис. 6, 2) при толщине стенок

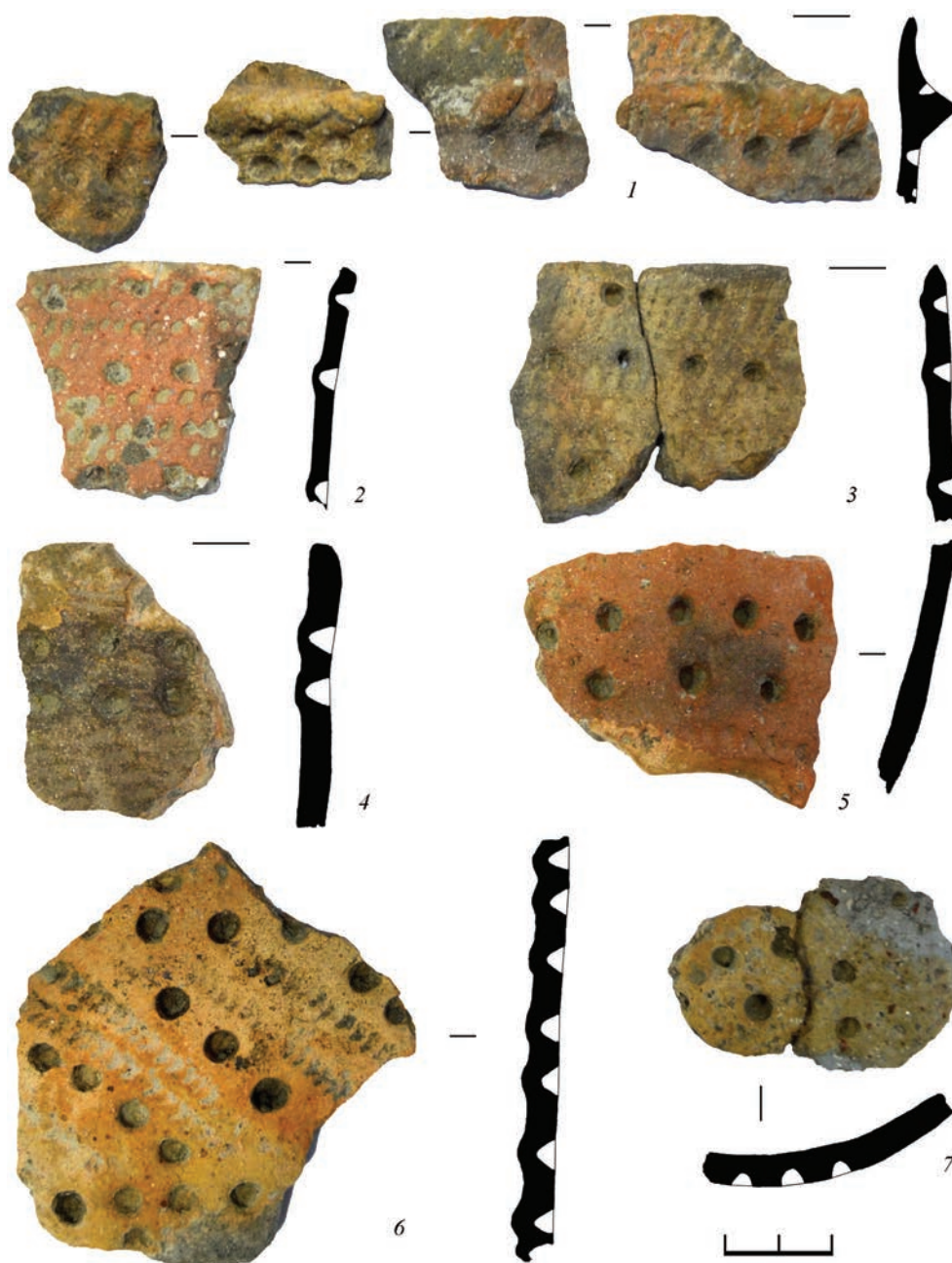

Рис. 3. Поселение Доброе 9. Керамика архаичного этапа льяловской культуры

5–7 мм. Один сосуд прямостенный (рис. 6, 2), а второй открытой формы (рис. 6, 1). Края обоих венчиков закруглены (рис. 6, 1–2). Единственное найденное днище округлое, утолщенное (рис. 6, 3).

Доминирующим элементом орнамента являются ямочные вдавления овальной и круглой формы с коническим или цилиндрическим дном, расположенные в шахматном порядке (рис. 6). Под венчиком одного из сосудов имеется жемчужный поясик,

состоящий из двух горизонтальных рядов жемчужин (рис. 6, 1).

Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным налетом: строительным элементом служили лепешкообразные лоскутки различных размеров от 2×2 до 3×3 см, которые накладывались по траектории, близкой к спиралевидной. Установлено два способа обработки поверхностей: 1 – внешняя поверхность заглажена грубо выделанной кожей, а внутренняя расчесана пучком

Рис. 4. Поселение Доброе 9, вид с севера

травы; 2 – внешняя поверхность заглажена грубо выделанной кожей, внутренняя расчесана жестким гребенчатым штампом.

Механическая прочность сосудов средняя. Окраска изломов фрагментов двухслойная. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700 °С. Слои неравномерные по толщине, границы между ними размытые, что свидетельствует о том, что сосуды долгое время после обжига оставались остывать в обжиговом устройстве.

Керамику позднего этапа льяловской культуры на Верхнем Дону по аналогии с подобной посудой Волго-Окского междуречья в калиброванных значениях можно датировать первой половиной IV тысячелетия до н. э. Для слоя позднего этапа поселения Воймежное 1 получена дата 5100±70 (4000–3710 до н. э.) ГИН-6867, а для аналогичных материалов с Ивановского 3–5100±70 ВР (4000–3710 до н. э.) ЛЕ-1976 (Энговатова, 1998. С. 245). На Верхнем Дону подобная посуда датируется этим же временем. Получена серия радиоуглеродных дат по материалам стоянок Университетская 3: 5080±125 ВР (4250–3600 до н. э.) ЛЕ-1013; Ямное: 4850±90 ВР (3950–3350 до н. э.) Кі-

16634, 4790±80 ВР (3710–3360 до н. э.) Кі-16636 (Сурков, Скоробогатов, 2012. С. 67); Подзорново: 4770±60 ВР (3660–3370 до н. э.) ЛЕ-725; Курино 1: 5225±90 ВР (4319–3802 до н. э.) Кі-13313 (Smolyaninov, Skorobogatov, Surkov, 2017).

В раскопе также было найдено 82 фрагмента стенок лепных сосудов с гибридной накольчато-ямочной орнаментацией (рис. 7).

Доминирующим элементом орнамента выступали накольчатые вдавления треугольной (рис. 7, 1–4, 7–12), овальной (рис. 7, 5) и прямоугольной формы (рис. 7, 6), поставленные в горизонтальные (рис. 7, 1, 2, 4, 6, 7), но чаще диагональные ряды (рис. 7, 3–5, 8–12). На накольчато-ямочной керамике ямочным вдавлениям зачастую отводится роль делителей орнаментальных зон (рис. 7, 1, 2, 5, 7–12).

Накольчато-ямочную керамику поселения Доброе 9 можно разделить на две группы. Первая появилась в результате контактов населения автохтонной среднедонской культуры и пришедших с более северных территорий носителей раннего этапа льяловской культуры на рубеже VI–V тысячелетий до н. э. В формовочную массу этих 34 фрагментов накольчато-ямочной керамики в качестве искусственной примеси была добавлена кварцевая окатанная дресва размером 0,5–2,0 мм (рис. 5,

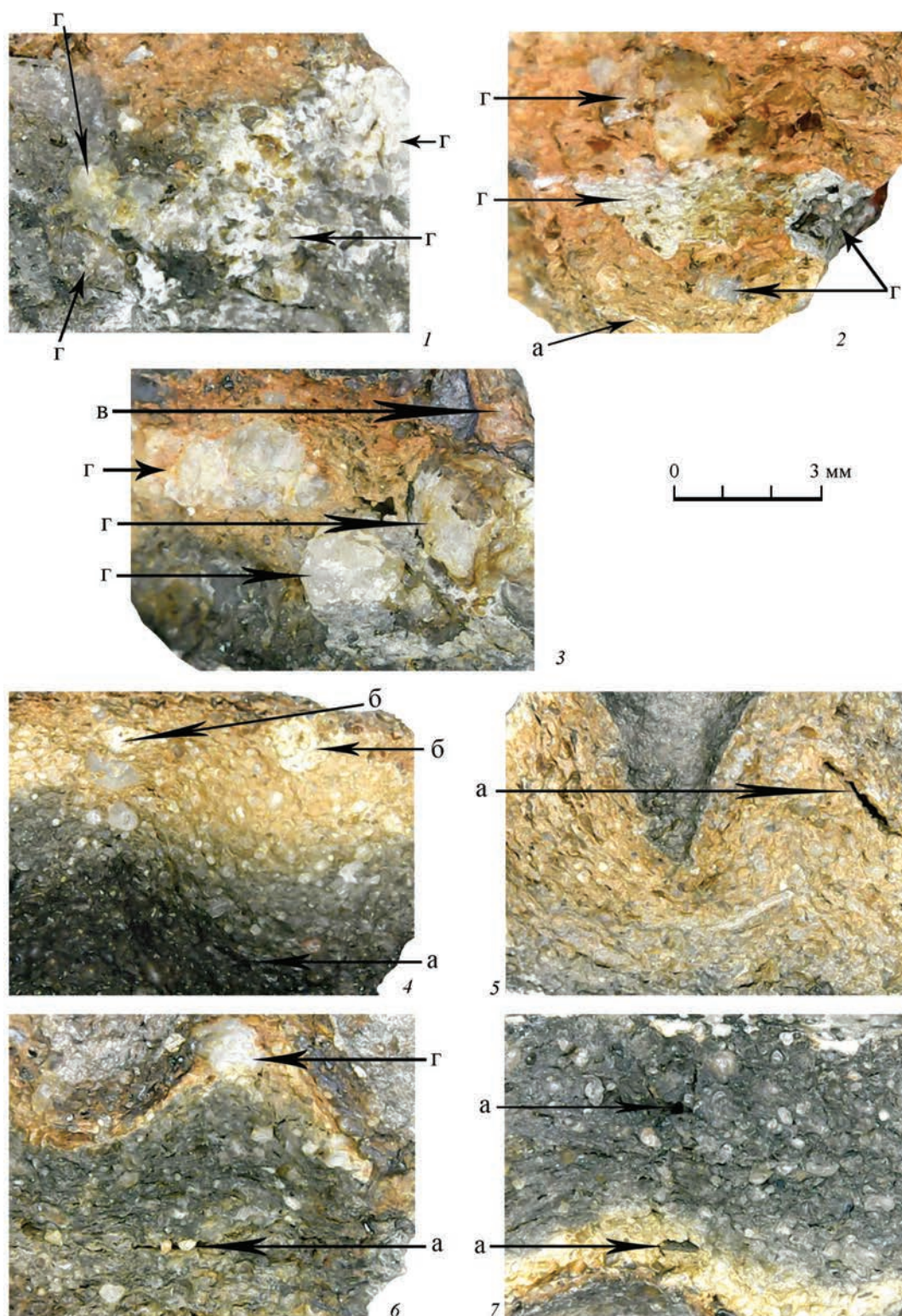

Рис. 5. Поселение Доброе 9. Микроснимки изломов керамики

1–3 – раннего этапа льяловской культуры; 4, 5 – позднего этапа льяловской культуры;
6, 7 – гибридной посуды с накольчато-ямочным орнаментом

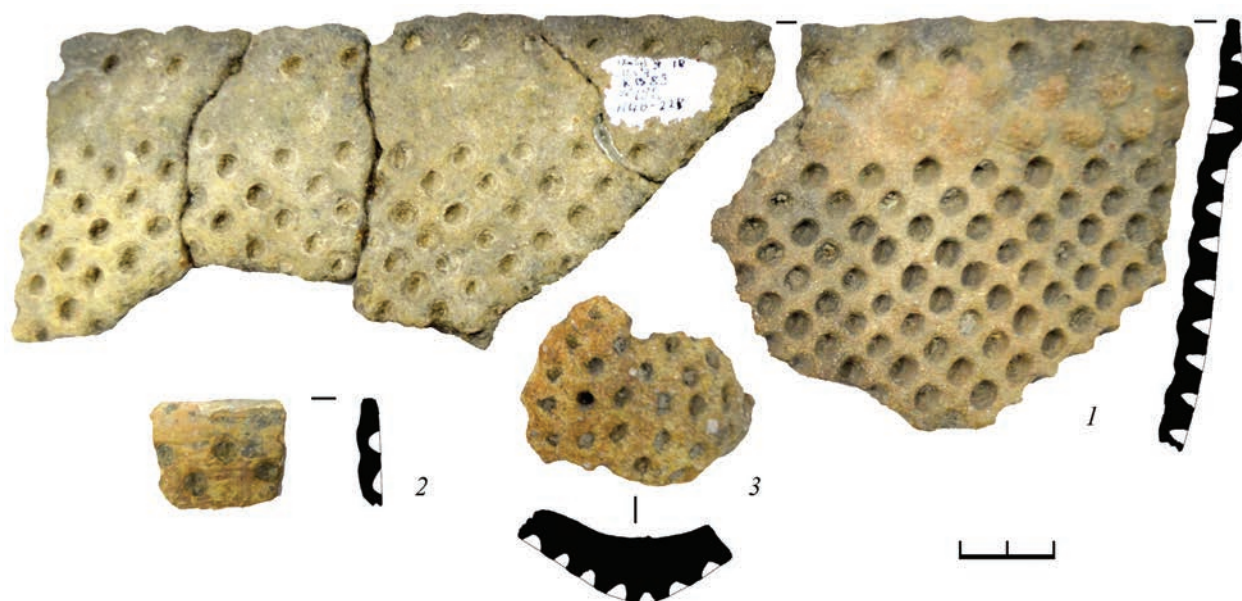

Рис. 6. Поселение Доброе 9. Керамика позднего этапа льяловской культуры

б), ее наличие в тесте горшков отмечается на Верхнем Дону только в посуде раннельяловской культуры. Концентрация в изломах достаточно разная: от 1–2 включений на квадратный сантиметр до 10. Вся эта керамика лепилась по технологии изготовления описанной выше посуды раннего этапа льяловской культуры. Датировка ранненеолитического комплекса стоянки Доброе 9 последней четвертью VI тысячелетия до н.э. и присутствие раннельяловских материалов и погребений рубежа VI–V тысячелетий до н.э. полностью подтверждают возможность временного отрезка, когда это население вошло в контакт, что отразилось в появлении гибридной накольчато-ямочной посуды. Видимо, эти взаимодействия были крайне незначительные, на данный момент мы их фиксируем на трех верхнедонских стоянках: Доброе 9, Липецкое Озеро и Рыбное Озеро 2.

Для ранней накольчато-ямочной керамики Подонья на стоянке Липецкое Озеро получена дата 5810 ± 110 SPb 2086 (4944–4447 до н.э.) (Выборнов и др., 2017. С. 368). Но при этом образцом послужила гибридная накольчато-ямочная керамика с примесью раковины, а не дресвы. По всей видимости, в ее изготовлении отражены иные процессы смешения керамических традиций еще и с энеолитическим населением нижнедонской культуры. Последнее более ярко отразилось в керамической коллекции стоянки Курино 1, где компонент среднедонской культуры отсутствовал (Смолянинов и др., 2011).

Вторая группа накольчато-ямочной керамики, изготовленная по технологии позднего этапа лья-

ловской культуры, появляется в связи с активными контактами населения среднедонской и позднего этапа льяловской культур на рубеже V–IV тысячелетий до н.э. По этой керамике также получено несколько радиоуглеродных дат по керамике стоянки Ямное: 4960 ± 90 (3970–3630 до н.э.) Ki-16635, 4910 ± 80 (3950–3620 до н.э.) Ki-16637 (Сурков, Скоробогатов, 2012. С. 67). Им также не противоречат приведенные выше радиоуглеродные даты по поздним материалам льяловской культуры.

На наш взгляд, первые единичные случаи проявления процесса смешения керамических традиций носителей накольчатой среднедонской неолитической культуры и гребенчато-ямочной керамики архаичного этапа льяловской культуры произошли на рубеже VI–V тысячелетий до н.э. Наиболее масштабным процессом гибридизации накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики поздних этапов льяловской культуры стал во второй половине V – начале IV тысячелетия до н.э. Наиболее ярко он проявился на материалах памятников Университетское 3, Ксизово 6, поселение 1 у Первомайского лесничества, Липецкое Озеро, Васильевский Кордон 1, 5 и 7, Савицкое 1, Доброе 4, Ямное (Смолянинов, 2009). Именно подобные процессы взаимодействия древнего населения мы можем проследить по керамическим материалам поселения Доброе 9.

Работа написана при поддержке гранта РФФИ, проект 18-49-480004 р_а, и гранта Фонда президентских грантов.

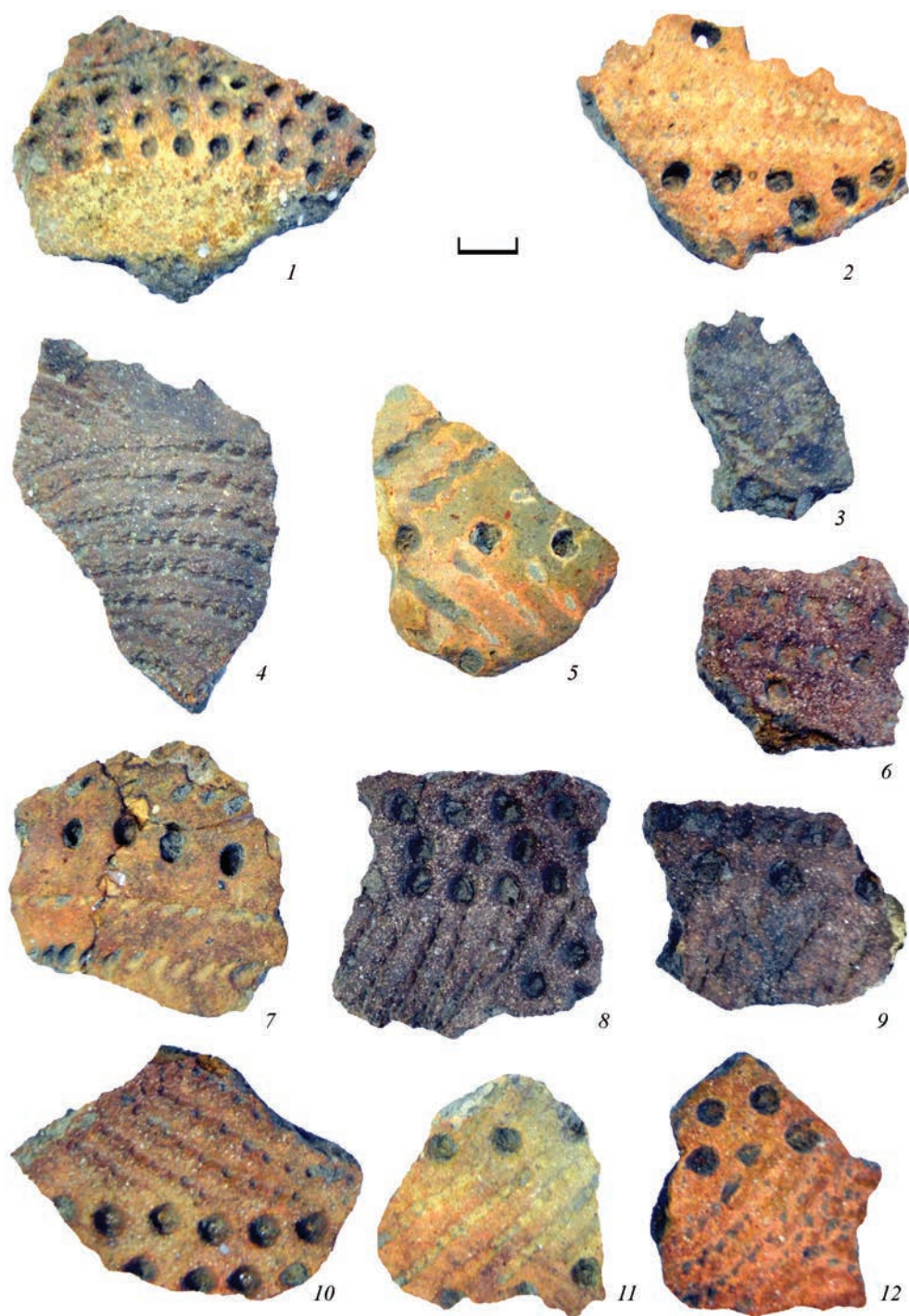

Рис. 7. Поселение Доброе 9. Гибридная накольчато-ямочная керамика

Литература

- Васильев С. В., Смольянинов Р. В., Боруцкая С. Б., Бессуднов А. Н., 2018. Население неолита-энеолита Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового могильника Ксизово 6) // Поздняя преистория Евразии: социальные модели и культовая практика. Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа». С. 167–195. (Stratum plus. № 2).
- Выборнов А. А., Кулькова М. А., Ойнонен М., Посснерт Г., 2017. Новые радиоуглеродные даты неолитических памятников Подонья // Изв. Самарского научного центра РАН. Т. 19, № 3 (2). Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН. С. 168–171.
- Клюкойть А. А., 2015. Отчет о проведении разведочных работ в среднем течении р. Воронеж на территории Добровского, Грязинского и Липецкого районов Липецкой области в 2014 году / Архив ИА РАН. Р-1.
- Куличков А. А., 2018. Отчет к открытому листу № 1927 об археологических исследованиях на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Доброе 9» в Добровском районе Липецкой области в 2018 году / Архив ИА РАН. Р-1.
- Куличков А. А., 2018. Отчет о разведочных исследованиях в бассейне р. Воронеж в пределах Добровского района Липецкой области, Мичуринского района Тамбовской области в 2017 году / Архив ИА РАН. Р-1.
- Куличков А. А., Юркина Е. С., Смольянинов Р. В., 2018. Раскопки стоянки Доброе 9 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. Липецк. Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд». С. 116–119.
- Смольянинов Р. В., 2009. Памятники эпохи неолита с накольчато-ямочной керамикой на территории лесостепного Подонья // ТАС. Вып. 7. Тверь: Триада. С. 199–219.
- Смольянинов Р. В., Куличков А. А., Юркина Е. С., 2018. Стоянка среднедонской культуры Доброе 9 на Верхнем Дону // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Матер. Всерос. науч. конф. с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ. С. 67–71.
- Смольянинов Р. В., Свиридов А. А., Бессуднов А. Н., 2011. Материалы нижнедонской культуры на Верхнем Дону // ТАС. Вып. 8. Т. 1. Тверь: Триада. С. 234–253.
- Смольянинов Р. В., Юркина Е. С., 2018. Каменная индустрия раннего неолита Верхнего Дона // Самарский научный вестник. Т. 7. № 3 (24). Самара: Изд-во СГСПУ. С. 189–199.
- Энговатова А. В., 1997. Древние охотники и рыболовы Подмоскovie. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное 1. М.: ИА РАН. 283 с.
- Энговатова А. В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3. Тверь: Триада. С. 238–246.
- Smolyaninov R., Skorobogatov A., Surkov A., 2017. Chronology of Neolithic sites in the forest steppe area of the Don River // Documenta Praehistorica. XLIV. Ljubljana, Slovenia. P. 192–202.
- Smolyaninov R., 2018. The early Neolithic of the Upper Don // 24th EAA Annual Meeting (Barcelona, 2018). Abstract Book. Vol. 2. Barcelona. 672 p.

R. V. Smolyaninov, A. A. Kulichkov, E. S. Yurkina, A. S. Zheludkov

Ceramic materials of Lyalovsky culture with site Dobroye 9 on the Upper Don

Summary

The materials of the Lyalovo culture of the site Dobroye 9 reflect the two stages the process mixing the ceramic traditions – of carriers of the stroke-ornamented pottery the Srednedonskaya neolithic culture and comb-patching pot-tery of the archaic stage of the

Lyalovo culture at the turn of the 6th – 5th mill. BC and of carriers of the stroke and pit-comb ornamented pottery of the later stages of Lyalovskaya culture at the turn the 5th–4th mill. BC.

List of figures

Fig. 1. The location of the settlement Dobroye 9 on the map

Fig. 2. Settlement Dobroye 9

1 – excavation stratigraphy 1; 2–6 – pottery of the archaic stage of Lyalovo culture

Fig. 3. Settlement Dobroye 9. Pottery of the archaic stage of Lyalovo culture

Fig. 4. Settlement Dobroye 9, view from the North

Fig. 5. Settlement Dobroye 9. Micrographs fractures of pottery

a – cavities from burnt vegetation; *б* – highly plastic clay particles; *в* – ferruginated particles; *г* – grit. *1–3* – early stage of Lyalovo culture; *4, 5* – late stage of Lyalovo culture; *6, 7* – hybrid stroke-ornamented ware

Fig. 6. Settlement Dobroye 9. Pottery of the late stage of Lyalovo culture

Fig. 7. Settlement Dobroye 9. Hybrid stroke-ornamented pottery

М. А. Холкина*, Т. М. Гусенцова**, Д. В. Герасимов***

* Институт истории СПбГУ

** НИИ культурного и природного наследия

*** МАЭ (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

Перо феникса: об особом значении примеси асбеста в керамике Северо-Запада

Введение

Минерал асбест широко распространен по всему миру, его крупные залежи известны в России, Канаде и Южной Африке. Но традиция добавления измельченных волокон асбеста в керамику была распространена в древности лишь в Фенноскандии и на северо-западе России (рис. 1). Она зародилась в Финляндии вблизи месторождений минерала в районе оз. Сайма в V тысячелетии до н. э. В IV–III тысячелетиях до н. э. традиция асбестовой керамики распространилась на значительной территории, за сотни километров от природных выходов асбеста.

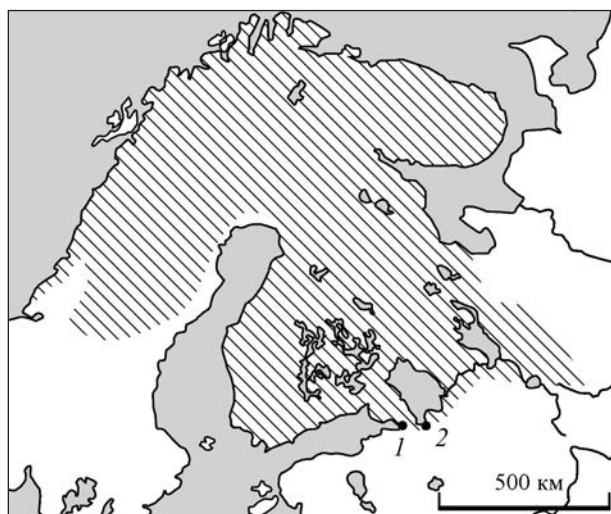
Изучение примеси асбеста в керамике представляет особый интерес по ряду причин. Во-первых, ее присутствие, в отличие от разных органических добавок (раковина, перо, пух, растительность), легко определить в керамике даже в мелких фрагментах.

Во-вторых, можно с уверенностью говорить о намеренном добавлении асбеста в глину при изготовлении посуды, особенно на памятниках, далеких от месторождений минерала. Хотя, вероятно, нельзя отрицать возможность присутствия асбеста в глине в естественном виде, как это известно, к примеру, для талька (*Шорин и др.*, 2015; *Цетлин*, 2017. С. 75). Наконец, в-третьих, месторождения асбеста локализируются на ограниченной территории. Следовательно, традиция изготовления керамики с асбестом могла зародиться только там, где этот минерал в природе есть, а находки асбестовой керамики либо волокон асбеста в культурном слое археологических памятников на территориях, где природных выходов асбеста нет, являются свидетельствами контактов между удаленными территориями в древности.

Специфика асбеста, импортировавшегося из порой весьма удаленных месторождений специально для использования в качестве примеси при изготовлении глиняной посуды, давно отмечена исследователями и использовалась для обоснования моделей древних систем коммуникаций (*Ошибкина*, 1966. С. 30–32; *Carpelan*, 1979; *Жульников*, 2006; *Кулькова, Гусенцова*, 2012). В отличие от иных «редких» материалов (янтарь, кремнь, онежский метатиф, лидит, медь), перемещавшихся на значительные расстояния в качестве готовых изделий, асбест в керамике позволяет не только проследить удаленные контакты, но и оценить значение (функциональное, культурное, социальное), которое могла играть примесь в керамике на протяжении тысячелетий ее использования.

Наряду с сосудами, которые на памятниках, далеких от месторождений минерала, могут тем не менее исчисляться десятками (на Охте 1–130 сосудов с асбестом), в культурном слое встречаются также и волокна самого минерала, очевидно, намеренно принесенные за сотни километров (*Гусенцова и др.*, 2014а). Распространение асбестовой керамики нельзя объяснить лишь передвижениями отдельных групп древнего населения и импортом сосудов. Асбест транспортировался в виде сырья, предназначенного для добавления к глине при изготовлении посуды. Поддержание этой традиции на протяжении сотен лет требовало стабильной системы поставки асбеста. Что же заставляло транспортировать асбест на сотни километров? Почему на территории, где отсутствуют выходы сырья, традиция сохранялась на протяжении тысяч лет?

Представляется, что для ответа на эти вопросы следует в первую очередь рассмотреть особенно

Рис. 1. Ареал асбестовой керамики в Финноскандии и на сопредельных территориях (по: Jørgensen, Olsen, 1988. Р. 4. Рис. 1; Ошибкина, 1966; Недомолкина, 2007; Жульников, 1999; 2005; Гусенцова, Андреева, 1994)
1 – Охта-1; 2 – Подолье-1

сти керамики с асбестом и другой синхронной посуды в районах, далеких от месторождений асбеста. Периферийные районы распространения традиции керамики с асбестом, к которым относятся восточная часть Финского залива, не позволяют оценить разнообразие этой традиции. Вместе с тем окраина ареала (т. е. территория, где керамика с асбестом присутствует, но месторождений минерала нет) дает прекрасную возможность проследить и понять важность и значение асбеста в древности как примеси при изготовлении глиняной посуды.

Для выяснения причин, по которым асбест транспортировался на значительные расстояния, произведена оценка типологических и технологических особенностей асбестовой керамики на археологических памятниках, расположенных на периферии традиции асбестовой керамики, и сопоставление их с прочей синхронной посудой из тех же комплексов.

Материалы и результаты анализа

В настоящее время в восточной части Финского залива известно не менее 35 археологических памятников с асбестовой керамикой. Особый интерес представляют самые южные из них – стоянки Охта 1 и Подолье 1. Оба памятника исследовались в последние два десятилетия на большой площади с соблюдением современных методических требований, включая точную фиксацию положения находок в культурном слое и применение широкого спектра современных естественнонаучных

методов. С обоих памятников происходят представительные коллекции керамического материала.

Памятник Подолье 1 был открыт в 2009 г. в 4 км к югу от южного берега Ладожского озера в Кировском р-не Ленинградской обл. (Гусенцова и др., 2014а. С. 189). За четыре года раскопок на площади 177 кв. м изучены культурные отложения, залегающие на глубине до 1,0–1,7 м от поверхности и перекрытые торфом, включающим древесные остатки. В культурном слое сохранилось большое количество развалов крупных сосудов (Гусенцова и др., 2014б. С. 128). На основании совокупности данных о технологии, форме и орнаментации 1961 крупного фрагмента на памятнике выделено всего 104 условных сосуда. В коллекции выделяется два комплекса – ямочно-гребенчатая керамика с примесью дресвы, относящаяся к развитому неолиту (9 условных сосудов, 44 крупных фрагмента), и группа пористой и асбестовой керамики эпохи раннего металла (95 условных сосудов, 1917 крупных фрагментов) (Холкина, 2016).

Памятник Охта 1 расположен на мысу при слиянии р. Охта с р. Невой в черте г. Санкт-Петербурга. Раскопки памятника продолжались с 2006 по 2010 г., отложения неолита – эпохи раннего металла изучены на площади не менее 10 000 кв. м (Сорокин и др., 2009а; 2009б; Кулькова и др., 2010; Сорокин, 2011). Коллекции, полученные из раскопок этого памятника, включают комплексы гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамики и посуды с примесью асбеста и органики. Материалы в настоящий момент частично опубликованы (Кулькова, Гусенцова, 2012; Kulikova et al., 2014; Гусенцова, Холкина, 2015). На памятнике выделено не менее 130 сосудов с примесью асбеста и не менее 590 сосудов с примесью органики (пуха и пера, раковины) (Гусенцова, Холкина, 2015).

В комплексе пористой и асбестовой керамики Подолье 1 выделено три группы сосудов на основании состава формовочной массы (1 – керамика с органическими добавками; 2 – с шамотом; 3 – с асбестом/асбестом и органикой). Основу керамического комплекса памятника Подолье 1 составляет посуда с примесью раковины. При этом две трети сосудов с раковинной примесью содержат также птичье перо. И те, и другие сосуды со следами выгоревшей органики имеют поверхностную орнаментацию из отпечатков гребенчатого штампа и неглубоких ямочных вдавлений, которые образуют ряды и, реже, геометрический орнамент: зигзаги и елочки, перекрещивающиеся полосы из одного или двух-трех рядов элементов.

Фрагменты стенок сосудов с органической примесью имеют толщину от 7 до 15 мм, преобладает средняя толщина – 8–10 мм. Для двух крупных развалов сосудов со следами органической примеси удалось восстановить более половины окружности венчика и определить его диаметр – 58 и 42 см (Гусенцова, Холкина, 2015. С. 160. Рис. 1). Верхние части стенок сосудов не имеют выраженной профилировки, но устьевая часть сосуда слегка прикрыта. Достигается это либо за счет небольшого утолщения на внутренней стороне стенок (г-образный венчик или венчик с наплывом изнутри), либо за счет небольшого изгиба верхней части стенки внутрь. Сам срез венчика чаще всего прямой или слегка скругленный, иногда бывает срезан внутри.

Среди рассмотренных сосудов асбест встречается либо как единственная добавка (9 из 16 сосудов), либо в сочетании с пером и раковиной. Практически единственным элементом орнамента на сосудах являются оттиски гребенчатого штампа, на одном фрагменте присутствуют ямочные вдавления. Девять сосудов с примесью чистого асбеста орнаментированы простыми горизонтальными рядами отпечатков гребенчатого штампа. В то же время сосуды, имеющие смешанную примесь асбеста и органики, нередко орнаментированы более сложными мотивами, включающими в себя зигзаг и пересекающиеся горизонтальные и вертикальные либо диагональные ряды (рис. 2).

В материалах стояки Подолье 1 представлены венчики от 5 из 16 выделенных сосудов с примесью асбеста. Венчики прямые, с небольшим утолщением или небольшим наклоном внутрь (рис. 2, 1–5). У четырех из пяти сосудов венчик орнаментирован оттисками гребенчатого штампа. Средняя толщина стенок сосудов – около 8 мм (Гусенцова, Холкина, 2015; Холкина, 2016).

В целом на Подолье 1 асбестовая керамика имеет выраженное сходство с синхронной ей пористой с примесью пера, раковины и растительности. Примесь растительности (измельченной травы) в объеме 34,5% фрагмента в сочетании с 15% песка выявлена в одном сосуде с Подолье 1 благодаря микротомографическому анализу (Кулькова и др., 2016. С. 216). На одном сосуде с примесью асбеста и раковины зафиксирован орнамент из вертикальных и горизонтальных рядов отпечатков гребенчатого штампа, ограниченных с двух сторон короткими наклонными отпечатками (рис. 2, 9), который также встречается на шести сосудах с примесью раковины и пера. То, что такой достаточно сложный и редкий орнаментальный образ зафиксирован на сосудах с разным составом формовочной массы,

возможно, свидетельствует об их принадлежности к одному культурно-хронологическому комплексу.

Шамот в качестве примеси встречен в четырех сосудах – везде как дополнение к примеси раковины и/или пера. При этом все сосуды с шамотом отличаются тонкими и плотными стенками, скругленным неорнаментированным венчиком и орнаментацией из рядов округлых и овальных мелких вдавлений и очень коротких отпечатков штампа.

На памятнике Охта 1 в комплексе сосудов позднего неолита – эпохи раннего металла также выделяется группа керамики с асбестом/асбестом и органикой (130 сосудов) и группа керамики только с органикой (590 сосудов). На основании петрографического анализа образцов посуды выделена также отдельная небольшая технологическая группа керамики с примесью органики и шамота (около 10 сосудов). Однако среди ее отличительных черт можно отметить лишь наличие ямочной и гребенчатой орнаментации, в том числе с узором в виде «елочки».

Сосуды с примесью асбеста с Охты 1 имеют слегка загнутый внутрь, утолщенный или прямой венчик, диаметр сосудов 30–50 см. Керамика, как правило, тонкостенная (7 мм). Большинство венчиков орнаментировано оттисками гребенчатого штампа или неглубокими ямочными вдавлениями. В орнаментации сосудов встречаются геометрические узоры (зигзаги) и ряды отпечатков гребенчатого штампа, насечки, ямки, прочерченные линии (Кулькова, Гусенцова, 2012).

Отличительной чертой глиняной посуды обоих памятников является многообразие смешанных рецептов формовочных масс. Зафиксированы следующие варианты, включающие примесь асбеста (Кулькова, Гусенцова, 2012; Гусенцова, Холкина, 2015; Холкина, 2016):

1. Асбест (Охта 1, Подолье 1).
2. Асбест + шамот (Охта 1, Подолье 1).
3. Асбест + песок (Охта 1).
4. Асбест + раковина (Подолье 1).
5. Асбест + перо (Подолье 1).
6. Асбест + раковина + перо (Подолье 1).
7. Асбест + перо + шамот (Охта 1).

Зафиксировано три случая использования в качестве примеси шамота с примесью асбеста – два на Охте 1 и один на Подолье 1 (Кулькова, Гусенцова, 2012. С. 202; Кулькова и др., 2016. С. 216). Комбинации примесей без асбестового компонента в составе керамики еще более многообразны:

1. Раковина (Охта 1, Подолье 1).
2. Перо (Охта 1, Подолье 1).
3. Раковина + перо (Подолье 1).
4. Раковина + шамот (Подолье 1).

Рис. 2. Керамика с примесью асбеста с памятника Подолье-1

5. Перо + песок (Охта 1).
6. Растительность + песок (Подолье 1).
7. Перо + песок + шамот (Охта 1).
8. Раковина + перо + шамот (Подолье 1).

На основании анализа морфологии и орнаментации сосудов с примесью асбеста и органических материалов обоих памятников можно выделить ряд схожих черт, позволяющих рассматривать весь изученный материал как продукт единой традиции (за отдельными исключениями, вероятно, импортами):

- венчик прямой или слегка утолщен изнутри/загнут внутрь;
- форма горловины прямая или слегка прикрытая;
- венчик часто орнаментирован гребенчатым штампом, ямочками, нарезками;
- основные элементы орнамента: гребенчатый штамп и ямочные вдавления;
- основные мотивы: простые горизонтальные или вертикальные ряды элементов, елочка или вертикальный зигзаг (то есть плотные ряды элементов с попеременным наклоном в одну или другую сторону), реже – геометрические мотивы (ромбы, треугольники);
- поверхность фрагментов гладкая: расчески, отпечатки ткани, следы заглаживания встречаются в виде исключений;
- средняя толщина стенок варьируется в пределах 8–9 мм (до 13 мм) для асбестовой керамики и 9–10 мм (до 14 мм). На Охте 1 средняя толщина сосудов обеих групп – 7 мм.

Следовательно, говорить об особенной тонкостенности асбестовой керамики на фоне пористой нет оснований.

Культурно-хронологическая атрибуция

Комплекс асбестовой керамики памятника Охта 1 в целом многочисленнее и разнообразнее, чем комплекс стоянки Подолье 1 (Гусенцова, Холкина, 2015. С. 223). Отмечается, что часть сосудов схожа с керамикой типа Войнаволок XXVII и Оровнаволок XVI, распространенной на территории Прионежья и Приладожья (Жульников, 1999. С. 40–55. Рис. 27–30). Ряд других сосудов также имеет аналогии с типами Киерикки и Пелья в Финляндии (Carpelan, 1978; Nordqvist et al., 2008; Pesonen, 2004). Вместе с тем основная масса асбестовой и пористой керамики Охты 1 аналогична материалам Подолья 1.

Асбестовую керамику Подолья 1 невозможно однозначно сопоставить с каким-то из описанных типов неолитической керамики. В первую очередь

важно отметить, что она не имеет аналогий с керамикой Финляндии: здесь нет характерных для типа Пелья Г-образных венчиков, расчесов и тонкостенности либо присущих типу Киерикки ямок. При сравнении керамики памятника Подолье 1 с материалами Карелии наибольшее сходство выявлено с типом Оровнаволок-XVI, особенно с его поздним этапом (Жульников, 1999. С. 50). Здесь также преобладают оттиски гребенчатого штампа, отсутствуют ямки, а основные композиции – чередование рядов и горизонтальная елочка. Однако под определение типа Оровнаволок-XVI на памятнике Подолье 1 подходит лишь около половины сосудов с примесью асбеста и органики. Отличие оставшихся заключается в первую очередь в сохранении значительной доли геометрических мотивов (перекрещивающихся полос, зигзагов).

Сходство наблюдается при сравнении керамики Подолья 1 с волосовской керамикой Волго-Окского междуречья. Северная граница ареала этой традиции близка к территории Южного Приладожья (Крайнов, 1987. С. 12). Существует даже упоминание о «заимствовании с территории Карелии керамической примеси асбеста» для волосовской культуры. Обратной стороной этих контактов явилось появление в Прибеломорье волосовских фигурных кремней (Крайнов, 1987. С. 27). В первую очередь следует отметить сходство в составе формовочной массы – сочетание птичьего пуха и перьев с раковиной (Бобринский, 1978. С. 102; Цетлин, 1988. С. 49; Петрова, 2008. С. 260). Для сосудов с таким составом формовочной массы на памятнике Подолье 1 характерна орнаментация вертикальным зигзагом из отпечатков гребенчатого штампа, также распространенная на волосовской керамике. Вместе с тем такая характерная черта, как оттиски рамчатого штампа, мотив сетки из прочерченных линий и мотив отступающей лопаточки (Цетлин, 2008. С. 137) на керамике Подолья 1 отсутствуют.

Наконец, можно говорить о сходстве комплекса керамики Подолья 1 с керамикой памятников типа Модлона. Оно прослеживается в технологии (примесь органики и асбеста), морфологии (утолщенный или загнутый внутрь венчик) и прежде всего орнаментации (преобладание оттисков штампов в сочетании с неглубокими ямочными вдавлениями) (Ошибкина, 1966; Крайнов, 1987).

Что касается абсолютной хронологии комплексов керамики с асбестом и органической примесью с памятников Подолье 1 и Охта 1, то в настоящее время получено 17 радиоуглеродных датировок (рис. 3). В распределении радиоуглеродных дат нет ни явных хронологических разрывов в бытовании

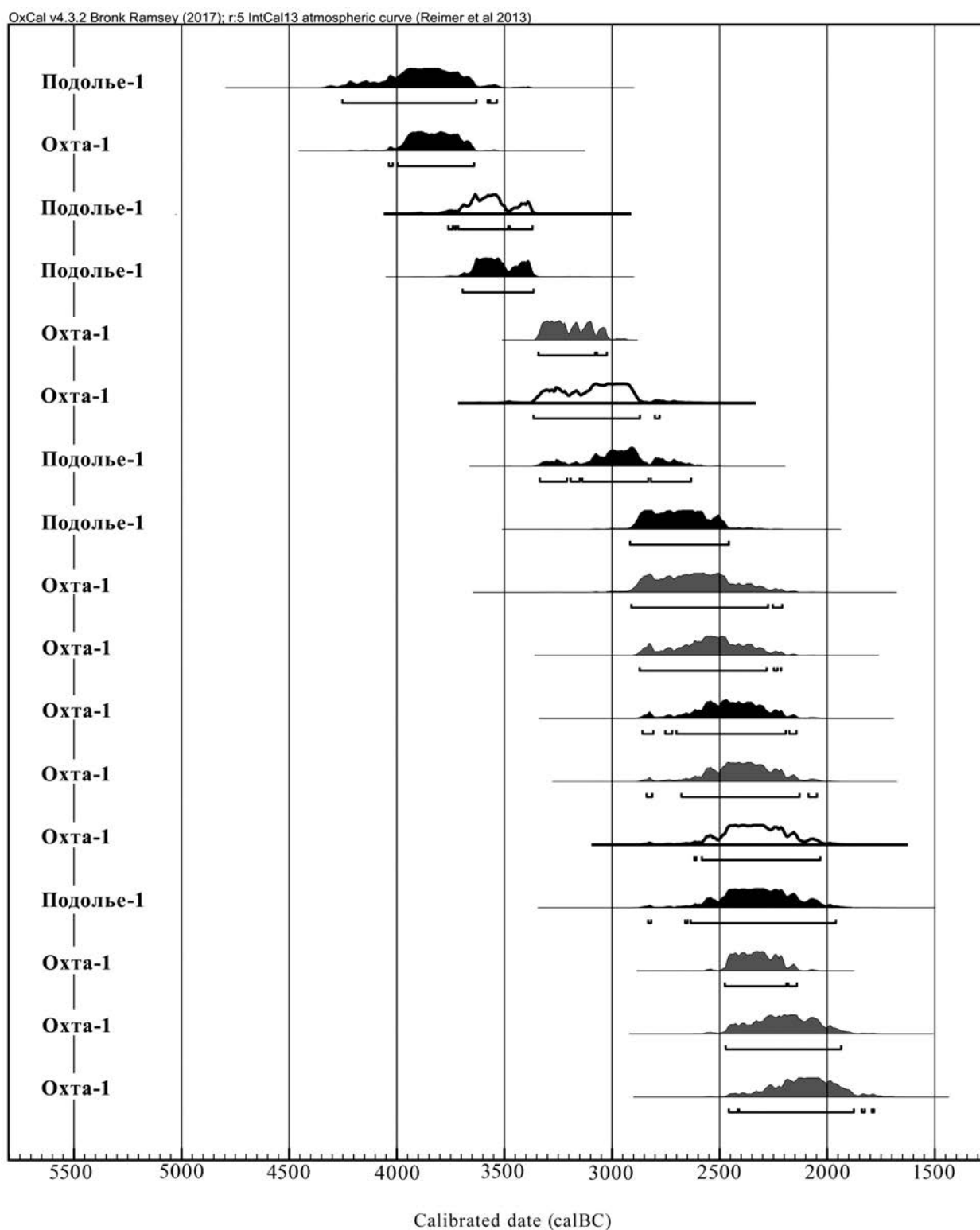

Рис. 3. Радиоуглеродные датировки пористой и асбестовой керамики памятников Охта-1 и Подолье-1 (Сорокин и др., 2009а; Гусенцова, Холкина, 2015; Кулькова и др., 2016). Черным выделены датировки по нагару на пористой керамике, белым – на асбестовой, серым – датировки по углю

асбестовой и пористой керамики, ни каких-либо закономерностей по распределению дат, сделанных по нагару на посуде с асбестом или другими примесями, а также по иным материалам на памятниках. Исходя из имеющихся датировок, можно предполагать, что на двух рассмотренных памятниках керамика с разными примесями бытовала синхронно. Традиция изготовления керамики с асбестом на двух рассмотренных памятниках бытовала непрерывно не менее 2000 лет.

Дискуссия

Результаты анализа асбестовой и пористой керамики на южной периферии ее ареала позволяют сделать несколько заключений.

1. Первой важной чертой асбестовой и синхронной ей пористой керамики на рассматриваемой периферийной территории является обилие смешанных комбинированных составов формовочной массы, включающих две или три разные примеси. При этом асбест может являться одним из компонентов, либо, при его отсутствии, остаются только органические добавки, песок, шамот.

Наличие схожей керамики с добавкой асбеста и с добавкой органики либо комбинированной примесью неоднократно отмечалось в литературе. В Финляндии такие упоминания скорее можно назвать единичными: *“Consequently, only pottery with asbestos temper has been usually classified as Kierikki Ware... a topic rarely discussed in Finland”* (Mökkönen, Nordqvist, 2017. P. 85). Так, к примеру, на ряде памятников в провинции Кайнуу зафиксирована керамика, которая по форме и орнаментации напоминает типы Киерикки и Пелья (обозначена как Kierikki/Pölja Ware), но наряду с примесью асбеста или вместо нее имеет примесь пера, шамота, кальцинированных костей (Huurre, 1984. P. 46; Pesonen, 1995. P. 143).

Что касается материалов Карелии, то здесь, как и в рассматриваемой восточной части Финского залива, присутствуют смешанные составы формовочной массы. «В ходе раскопок слоя пола некоторых энеолитических полуземлянок найдены сосуды как с примесью асбеста и органики, так и с примесью только органики. По всем другим показателям обе группы сосудов из одного жилища не различаются» (Жульников, 1999. С. 43).

Учитывая отсутствие принципиальных отличий между асбестовой и пористой керамикой, можно предполагать взаимозаменяемость разных компонентов примеси. Можно предположить, что в районах, далеких от месторождений, при дефиците асбеста в рамках той же керамической традиции ис-

пользовали другие примеси в составе многокомпонентных формовочных масс. Внешнее сходство «пушистых» светлых волокон асбеста-антофиллита и птичьего пера могло быть важным фактором при замене примесей.

2. Большую часть сосудов с примесью асбеста и органики с памятников Подолье 1 и Охта 1 невозможно однозначно сопоставить с каким-то конкретным описанным в литературе типом. Можно лишь указать на общие черты с опубликованными материалами, что, вероятно, объясняется взаимодействием нескольких традиций.

С другой стороны, *“asbestos and organic tempered wares of Finland and Russia are not strictly defined exclusive types, but rather polythetic and overlapping entities”* (Mökkönen, Nordqvist, 2017. P. 97). Даже в Финляндии и Карелии, где созданы наиболее подробные классификации асбестовой керамики, есть большой массив «гибридного», «нетипичного» материала (Pesonen, 1995; Жульников, Тарасов, 2014; Mökkönen, Nordqvist, 2017).

Показательна ситуация с такими типами керамики, как Юсмя или Сипилянхака в Финляндии. Они выделены при раскопках эпонимных памятников, однако впоследствии оказалось, что выделенные «типы» существуют лишь на единичных стоянках на узколокальной территории (Pesonen, 1999; Nordqvist, 2018. P. 66). Определенные проблемы существуют и с определением «классического» типа Киерикки (Mökkönen, Nordqvist, 2017). Выделение типичной стоянки и керамики на ней может являться случайным событием (Манко, 2019: 25), и весь непохожий материал не обязательно является нетипичным.

Единственное, что можно однозначно утверждать касательно Охты 1 и Подолья 1, – это общность комплекса асбестовой и пористой керамики двух памятников, что указывает в том числе на местное производство сосудов с асбестом.

3. Следующий важный вывод заключается как раз в отсутствии принципиальных различий в морфологии и орнаментации сосудов с асбестом, асбестом и органикой и только органикой. Единой для всех групп является толщина стенок, оформление венчика и система орнаментации. Можно ли здесь говорить об особой традиции изготовления асбестовой керамики, связанной с технологическими преимуществами примеси?

При изучении традиции асбестовой керамики, распространившейся далеко от природных выходов асбеста, исследователи нередко задавались вопросом о его функциональных технологических преимуществах перед другими добавками.

Отмечалось, в частности, что он позволяет делать тонкостенную, прочную, огнестойкую и легкую, а значит, и легко транспортируемую посуду (см., напр.: *Carpelan*, 1978; *Lavento, Hornytzkyj*, 1995). Согласно распространенному представлению, эти качества могли цениться древними коллективами, что приводило к широкому распространению асбестовой керамики.

Однако чтобы оправдать трудозатраты на транспортировку и воспользоваться функциональными преимуществами асбеста, следовало в действительности изготовить качественную прочную тонкостенную посуду, что неизбежно подразумевало освоение определенной технологии, знание физико-технических свойств материала. Так распространялась ли в действительности примесь асбеста вместе с определенной технологией работы с ним? И можно ли объяснить популярность асбеста как примеси только его функциональными преимуществами или причина кроется в чем-то другом?

Изучение фрагментов керамики с асбестом методом петрографии позволяет определить процентное соотношение примеси и глины. Такие данные есть, к примеру, для территории Швеции: там изучаемые сосуды в результате анализа были разделены на «керамику с асбестом» (*Asbestos pottery*), где его доля составляет 50–60%, и «асбестовую керамику» (*Asbestos Ware*), где процент достигает 90 (*Hulthen*, 1991; *Stilborg*, 2017. Р. 661). На памятниках Карельского перешейка Гвардейское 1, Комсомольское-3 и Силино процент асбеста во фрагментах также составляет от 50 до 70 (анализ четырех фрагментов асбестовой керамики проведен в 2013 г. М. А. Кульковой, РГПУ им. Герцена, не опубликован).

Для памятника Охта 1 процент содержания асбеста в черепке для разных групп составляет 50, 40, 25, 15 (в этом случае добавлено также 15% шамота) и 10 (*Кулькова, Гусенцова*, 2012. С. 202). В проанализированном сосуде с Подолья 1 асбест составляет 29% объема черепка (*Кулькова и др.*, 2016. С. 216). Визуально в керамике Подолья 1 и некоторых сосудов с Охты 1 примесь асбеста составляет небольшой процент от объема черепка, и, вероятно, она не могла оказать столь же сильное влияние на технологические свойства этой керамики.

4. Добавляемые в глину компоненты разделяют условно на две большие группы: минеральные и органические. Первые добавляются в жирную высокопластичную глину, чтобы сделать ее более тощей, менее пластичной и, следовательно, уменьшить процент брака от растрескивания при сушке и обжиге. Сюда относятся такие минеральные при-

меси, как дресва, песок, шамот и др. Вторая группа примесей, которая включает различные органические компоненты, делает сосуд пористым, легким, уменьшает усадку, а при низких температурах обжига увеличивает прочность и водонепроницаемость изделий. Различные органические растворы также увеличивают пластичность формовочной массы при лепке (*Цетлин*, 2017. С. 133).

Что касается асбеста, то помимо функции отопителя (как минеральная примесь) он обладает и своими специфическими свойствами. Длинные и тонкие волокна асбеста, так же как, например, слюда или спикеры губок (*Shepard*, 1956. Р. 27), в глиняной массе ложатся параллельно и формируют каркас стенок сосуда. Они таким образом препятствуют усадке при сушке и значительно укрепляют стенки, позволяя делать их тоньше и одновременно прочнее, а сами сосуды – легче. Следовательно, асбест одновременно играл роль и отопителя, и пластификатора, а любые дополнительные компоненты (раковина, перо, песок, шамот, дресва) лишь дублировали его функции. Собственно функциональное значение асбеста неочевидно.

Немаловажен и тот факт, что разные виды минерала асбеста имеют разный внешний вид, который варьируется от «пушистых» тонких волокон антофиллита до крупных плотных темно-зеленых игл актинолита (*Кулькова, Гусенцова*, 2012). Есть указания, что в разных культурно-хронологических группах асбестовой керамики преобладал тот или иной тип волокон и минералов: длинные или короткие, различные по цвету (*Lavento, Hornytzkyj*, 1996; *Mökkönen, Nordqvist*, 2017. Р. 98), однако эту зависимость нельзя назвать устойчивой. Так, на памятнике Охта 1 выявлено пять разных видов асбеста (*Кулькова, Гусенцова*, 2012), а на Подолье 1 – еще один вид, шестой (*Кулькова и др.*, 2016). Следовательно, внешний вид волокон асбеста, их размерность и плотность не играли принципиальной роли, был важен сам факт присутствия минерала.

5. При характеристике древней керамики наиболее важными свойствами асбеста как примеси считаются его волокнистость, прочность и легкость. Основные свойства асбеста, используемые в современных технологиях, – огнеупорность, низкая тепло- и электропроводность. В настоящее время асбест используется в строительстве, промышленности, ракетостроении в качестве электро- и теплоизолятора (*Федосеев и др.*, 1966). Эти свойства минерала были известны и в древности. Так, Плиний Старший в I в. н. э. упоминает лен, который «не уничтожается огнем». «Рождается он

в пустынных, выжженных солнцем местах Индии, где не идут дожди, среди страшных змей, и привык жить раскаленным». «Когда находят его, он равен по цене превосходным жемчужинам. Греками же он называется асбэстинон [неразрушимый] по его природе» (Древний Восток... 2007. С. 128).

Традиционные дошедшие до нас названия асбеста «горная куделька» или «горный лен» даны ему за мягкость и гибкость волокон, позволявших изготавливать из них ткань (БСЭ, 1970). Интересен в связи с этим рассказ Марко Поло: «Править этою областью и добывать там саламандру великий хан отправляет всегда на три года». «Когда в горе докопаются до той жилы, о которой вы слышали, наломают [из нее кусков], разотрут их, и они разметливаются как бы в шерстяные нитки». «В Риме... есть то полотно, что великий хан послал апостолу в дар, и завернута в него святая плоть Господа нашего Иисуса Христа» (Поло, 2015. С. 131). Полотно это было изготовлено из асбеста и подавалось под видом кожи саламандры – мифического существа, живущего в огне, и в данном случае было призвано сохранить реликвию от пожара. Если в Европе асбестовая ткань часто отождествлялась со шкурой саламандры, то на Востоке – с перьями мифической птицы феникса или «огненной мышью» (см., напр.: Семенова, 1982. С. 89; Малявкин, 1989. С. 230).

Традиция изготовления керамики с примесью асбеста возникает и широко распространяется в эпоху неолита. Одна из ярких черт этой эпохи – интерес к миру вокруг, к поиску и созданию новых материалов: керамики, металла (Herva et al., 2014). Особый цвет и текстура объясняют «популярность» и широкое распространение от мест выработки таких материалов, как янтарь, зеленый онежский сланец, медь, лидит, кремень. Возможно, не случайно и асбест с его необычными свойствами стал добываться и экспортироваться именно в этот период. Вероятно, волокна асбеста, остававшиеся холодными в пламени очага, и в древности воспринимались как своего рода «перья феникса» или «шкура саламандры», и к ним было особое отношение.

6. Косвенным свидетельством социальной значимости примеси асбеста являются примеры его использования в сочетании с шамотом. Наличие на Охте 1 и Подолье 1 в составе асбестовой керамики шамота, который сам представляет собой дробленую асбестовую керамику, очень важен. В первую очередь это доказывает устойчивость и длительность существования здесь традиции добавлять в глину асбест.

На Подолье 1 петрографическому анализу был подвергнут один фрагмент такого сосуда: для его из-

готовления использовались смектитовые глины, которые могли сформироваться при выветривании карбонатно-щелочных пород или в результате ледниковой деятельности (моренные отложения) (Кулькова и др., 2016. С. 216). Из глин тех же отложений изготовлен на Подолье 1 и другой сосуд – с дресвой, относящийся к традиции ямочно-гребенчатой керамики развитого неолита. На Охте 1 шамот с асбестом зафиксирован в двух случаях. Оба сосуда, как и на Подолье 1, изготовлены из глин смектитового состава. По совокупности данных, полученных по результатам анализа 53 фрагментов сосудов с Охты 1 петрографическим методом, а также анализа химического состава 14 образцов глин и суглинков из выходов глинистых отложений, расположенных в пределах различных раскопов (Кулькова, Гусенцова, 2012. С. 203), сделан вывод о местном происхождении используемых смектитовых глин. Следовательно, сосуды с асбестом и шамотом были сделаны на месте.

Помимо функции отождителя шамот играет также и иную, нефункциональную роль и может свидетельствовать о стремлении установления связи с сосудами предков (Larsson, 2009. Р. 353; Цетлин, 2012. С. 253): как если бы при нехватке асбеста в качестве примеси его пытались заменить асбестом из старого, возможно, разбитого сосуда. Небольшой процент сосудов с шамотом на Охте 1 и Подолье 1 может говорить либо о том, что традиция добавлять эту примесь пришла извне, либо об особом отношении к ней, использовании в редких случаях.

Заключение

Традиция изготовления керамики с примесью асбеста зародилась в районе оз. Сайма и оттуда, вероятно, через Карельский перешеек и Приладожье распространилась вплоть до р. Невы и южного берега Ладоги. Принесенный сюда однажды населением с более северных территорий обычай добавлять в керамику асбест стал неразрывной чертой местных керамических традиций более чем на 2000 лет. Для поддержания этой традиции были необходимы постоянные поступления сырья. Петрографический анализ волокон асбеста в керамике показывает, что контакты впоследствии были налажены не только с районом Саймы, но и с территорией Карелии.

Основной причиной устойчивости традиции изготовления керамики с примесью асбеста, несмотря на все сложности с доставкой сырья, едва ли может быть функциональное преимущество этой добавки. Вероятно, популярность асбеста объясняется иными, социальными и культурными причинами.

На примере примеси асбеста можно наглядно видеть, как распространяется и функционирует керами-

ческая традиция на уровне отбора компонентов для формовочной массы. Первоначальное формирование традиции обусловлено физико-географическими особенностями среды обитания людей – присутствием асбеста в месторождениях, а возможно, и в глине. Впоследствии эмпирически накопленные поколениями знания и навыки работы с асбестом закрепились нормами и обычаями и стали традиционными (Цет-

лин, 2012. С. 57). При перемещении групп населения в другие районы эта традиция сохранялась, несмотря на изменение географических условий.

Статья подготовлена при поддержке РФФ в рамках проекта «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов» № 19 18–00375.

Литература

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 272 с.

БСЭ, 1970. В 30-ти тт. (комплект из 31 книги). М.: СЭ, 1969–1978. 18240 с.

Гусенцова Т. М., Андреева Н. А., 1994. Итоги изучения памятников эпохи камня в северо-восточных районах Ленинградской области // ТАС. Вып. 1. Тверь. С. 63–69.

Гусенцова Т. М., Кулькова М. А., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю., Холкина М. А., 2014а. Геоархеология памятников первобытной эпохи Приневского региона // Геология, геоэкология, эволюционная география, 12. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена. С. 189–197.

Гусенцова Т. М., Сапелко Т. В., Лудикова А. В., Кулькова М. А., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю., Холкина М. А., 2014б. Археология и палеогеография стоянки Подолье 1 в Южном Приладожье // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. Матер. межд. конф., посв. полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России. СПб.: Периферия. С. 127–134.

Гусенцова Т. М., Холкина М. А., 2015. Анализ технологии керамики эпохи неолита – раннего металла в регионе Санкт-Петербурга и Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замятинский сб. 4. СПб.: МАЭ РАН. С. 218–227.

Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия), 2007. М.: Ладомир. 642 с.

Жульников А. М., 1999. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН. 187 с.

Жульников А. М., 2006. Асбест как показатель связей древнего населения Карелии // ТАС. Вып. 6. Т. 1. Тверь. С. 330–334.

Жульников А. М., Тарасов А. Ю., 2014. К вопросу о керамике «переходного» типа (по матери-

лам поселения Фофаново XIII) // Тр. IV (XX) ВАС в Казани 2014 г. Казань. Т. 1. С. 259–260.

Крайнов Д. А., 1987. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. С. 10–27. (Археология СССР).

Кулькова М. А., Сапелко Т. В., Лудикова А. В., Кузнецов Д. Д., Субетто Д. А., Нестеров Е. М., Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., 2010. Палеогеография и археология стоянок неолита – раннего металла в устье реки Охты (г. Санкт-Петербург) // Изв. Российского географического общества. 142 (6). СПб.: Наука. С. 13–31.

Кулькова М. А., Гусенцова Т. М., 2012. Особенности технологии и источники сырья для изготовления глиняной посуды эпохи неолита – раннего металла на поселении Охта 1 в Санкт-Петербурге // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: Лема. С. 200–206.

Кулькова М. А., Гусенцова Т. М., Кульков А. М., 2016. Особенности технологии изготовления и радиоуглеродный возраст глиняной посуды стоянки Подолье 1 (Южное Приладожье) // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Матер. межд. науч. конф. 24–27 мая. СПб.: ИИМК РАН. С. 215–218.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука. СО РАН. 435 с.

Манко Д., 2019. Как заселялась Европа. От первых людей до викингов. М.: ЯСК. 442 с.

Недомолкина Н. Г., 2007. Неолит Верхней Сухоны. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. СПб. 22 с.

Ошибкина С. В., 1966. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре // СА. № 4. С. 27–37.

Петрова Н. Ю., 2008. Природная адаптация гончарного производства древних волосовцев // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН. С. 259–261.

Поло М., 2015. Книга о разнообразии мира. Сетевое издание. 522 с.

Семенова Л. А., 1982. Ибн аз-Зубайр о Фатимидах // Письменные памятники Востока. М.: Наука,

ГРВЛС. 82–92. (Историко-филологические исследования. Ежегодник 1975).

Сорокин П. Е., Гусенцова Т. М., Глухов В. О., Екимова А. А., Кулькова М. Н., Мокрушин В. П., 2009а. Некоторые результаты изучения поселения Охта 1 в Санкт-Петербурге: Эпоха неолита – раннего металла // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3. С. 205–221.

Сорокин П. Е., Гусенцова Т. М., Екимова А. А., Кулькова М. А., Нестеров Е. М., Шаркова А., 2009б. Некоторые результаты изучения поселений эпохи неолита – раннего металла в устье р. Охты в Санкт-Петербурге // Геология в школе и вузе: Геология и цивилизация: Матер. конф. Т. I. СПб.: РГПУ им. Герцена. С. 320–324.

Сорокин П. Е., 2011. Археологические памятники Охтинского мыса // Наука в России. № 3. С. 19–25.

Федосеев А. Д., Григорьева Л. Ф., Макарова Т. А., 1966. Волокнистые силикаты. Природные и синтетические асбесты. М.: Наука. 194 с.

Холкина М. А., 2016. Керамика эпохи раннего металла на памятнике Подолье 1 (Южное Приладожье) // Вестник НГУ: История, филология, 15 (5). Новосибирск: НГУ. С. 53–62.

Цетлин Ю. Б., 1988. Периодизация культур неолита и энеолита Верхнего Поволжья по данным морфологического и стратиграфического изучения керамики (проблемы методики). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 26 с.

Цетлин Ю. Б., 2008. Неолит Центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К. 352 с.

Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 379 с.

Цетлин Ю. Б., 2017. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 346 с.

Шорин А. Ф., Вилисов Е. В., Шорина А. А., 2015. Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // РА. № 1. С. 5.

Carpelan C., 1979. Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien // FM, 85. Helsinki. P. 5–25.

Herva V.-P., Nordqvist K., Lahelma A., Ikäheimo J., 2014. Cultivation of Perception and the Emergence of the Neolithic World // Norwegian Archaeological Review. 47 (2). P. 141–160.

Hulthén B., 1991. On Ceramic Ware in Northern Scandinavia During the Neolithic, Bronze and Early Iron Age: A ceramic-ecological study (Archaeology and environment) Umeå University: Department of Archaeology. 60 p.

Huurre M., 1984. Kainuu from the Stone Age to the Bronze Age. Finds and cultural connections // Iskos, 4. Helsinki. P. 42–50.

Jørgensen R., Olsen B. 1988. Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge. 2100 f. Kr. – 100 e. Kr. – Tromsø Kulturhistorie, 13. Universitetet i Tromsø, Tromsø.

Kulkova M. A., Gusentzova T. M., Nesterov E. M., Sorokin P. E., Sapelko T. V., 2014. Chronology of Neolithic-Early Metal Age Sites at the Okhta River Mouth (Saint Petersburg, Russia) // Radiocarbon, 54 (3–4). P. 1049–1063.

Larsson Å. M., 2009. Breaking and making bodies and pots. Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC. Uppsala: Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University. 456 p.

Lavento M., Hornytzkij S., 1995. On asbestos used as temper in Finnish Subneolithic, Neolithic and Early Metal Period pottery // FA, 12. Helsinki. P. 71–77.

Lavento M., Hornytzkij S., 1996. Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland and Eastern Karelia//Pithouses and potmakers in Eastern Finland: Reports of the Ancient Lake Saimaa Project // HPIA, 9. Helsinki. P. 41–70.

Mökönen T., Nordqvist K., 2017. Kierikki Ware and the Contemporary Neolithic Asbestos- and Organic-tempered Potteries in North-east Europe // Fennoscandia archaeologica. Vol. 34. Helsinki: Suomen arkeologinen seura. P. 83–116.

Nordqvist K., Seitsonen O., Uino P., 2008. Appendix 1. Stone Age and Early Metal Period sites in the studied municipalities // Iskos, 16. Helsinki. P. 291–328.

Nordqvist K., 2018. The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 cal. BC. Bridging the gap between the East and the West. Oulu.

Pesonen P., 1995. Hut floor areas and ceramics – analysis of the excavation area in the Rääkkylä Pörrinmökki settlement site, Eastern Finland // FA, 12. Helsinki. P. 139–151.

Pesonen P., 1999. Suomen esihistoriallinen keramiikka. URL: <http://www.helsinki.fi/hum/arla/keram/>. Дата обращения: 27.05.2019.

Pesonen P., 2004. Neolithic pots and ceramics technology – AMS-datings of Middle and Late Neolithic ceramics in Finland // Fenno-Ugri et slavi. Dating and chronology. Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja, 10. Helsinki. P. 87–97.

Shepard A. O., 1956. Ceramics for the archaeologist. Washington. 415 p.

Stilborg O., 2017. Pottery craft tradition in transition: From Neolithic central China to Bronze Age northern Sweden // Journal of Archaeological Science: Reports. V. 16. P. 658–664.

М. А. Холкина, Т. М. Гусенцова, Д. В. Герасимов

Phoenix feather: on the special significance of the inclusion of asbestos in ceramics of the North-West

Summary

Studying ceramics with asbestos in areas where there are no deposits of this mineral allows, on the one hand, to trace contact networks and import routes. On the other hand, cases of the spread of asbestos in the form of raw materials for impurities make it possible to generally assess the value (functional, cultural, social, etc.) that an impurity in ceramics could play for millennia. In order to find an answer to the question about the reasons for transporting asbestos over long distances and its significance, the authors determined the typological and technological features of asbestos ceramics at peripheral monuments (Okhta 1 and Podolia 1) and compared it with other synchronous ceramics from the same complexes.

As a result of the analysis, a conclusion was made about the uniqueness of the complex of asbestos and porous ceramics of the considered monuments. The study shows that the main reason for the stability of the tradition of asbestos ceramics, despite all the difficulties in the delivery of raw materials, can hardly be the functional advantage of this additive. In addition to the custom learned from the ancestors of adding asbestos, one can also assume its status value, rarities, transportation distance, communication with ancestors, etc.

List of figures

Fig. 1. Area of asbestos pottery in Fennoscandia and in adjacent territories

1 – Okhta-1; 2 – Podolye-1

Fig. 2. Pottery with addition of asbestos. Podolye-1

Fig. 3. Radiocarbon dating of porous and asbestos pottery of the Okhta-1 and Podolye-1. Black highlights dating on thief on porous ceramics, highlighted in white – on asbestos, gray – coal dating

И. В. Исланова

Институт археологии РАН, Москва

О прогнозировании местоположения памятников определенного культурного типа (по материалам раннесредневековых поселений)

Введение

Выявленные В. В. Сидоровым в 1984 г. поселение и грунтовый могильник Юрьевская Горка (рис. 1) в начале XXI в. стали реперными памятниками для выделенной в бассейне Верхней Мсты раннесредневековой группы так называемых предсопочных древностей (удомельского типа) (Исланова, 2016. С. 155–158). К этой группе древностей была отнесена еще серия поселений после проведения на них рекогносцировочных исследований. Близкие по культурному типу объекты позднее обнаружили и в других регионах лесной зоны Восточной Европы (городище и селище Городок на р. Маяте, городище Сельцо) (Исланова, 2016. С. 151–154).

Предсопочные памятники датируются третьей четвертью I тысячелетия н. э. В это же время в тех же регионах, но в иных ландшафтах существовали поселения и могильники так называемой культуры псковских длинных курганов (КПДК) (Исланова, 2016. С. 136–150).

Географическая ситуация

Рассматриваемая далее территория занимает центральный участок на Волго-Балтийском водоразделе. Водные магистрали – это р. Мста и ее притоки, переплетенные с левыми притоками р. Мологи, впадающей слева в Волгу. На рельефе и почвах отразилась деятельность в основном последнего осташковского (валдайского) ледника (Виноградов и др., 1999. С. 38, 123). Поэтому в регионе наблюдается пестрый характер почв и ландшафтов. Зандровые равнины чередуются с холмистой поверхностью Лесной гряды, ледниковые и водно-ледниковые отложения – с аллювиальными; песчаные почвы – с почвами на лессовидной основе, а благоприятные для заселения людьми участки – с заболоченными пространствами.

История изучения культурной принадлежности и местоположения неукрепленных поселений

В середине 90-х гг. XX в. проведен анализ ландшафтной приуроченности массива раннесредневековых неукрепленных поселений, выявленных преимущественно при разведочных работах (Исланова, 1994). Эти объекты были дифференцированы на три группы по следующим признакам: размеры селищ, высота площадки над водоемом, почвенная и ландшафтная приуроченность, характер и наличие погребальных памятников или их отсутствие.

Наиболее рельефно тогда выделились поселения групп 1 и 3. В группу 1 вошли селища КПДК, расположенные на песчаных почвах. Им соответствовали один или несколько курганных могильников. Будущие предсопочные памятники вошли в группу 3. Эти объекты расположены на почвах, благоприятных для ведения пашенного земледелия. Курганные могильники КПДК вблизи этих селищ отсутствовали.

Проблематика в изучении раннесредневековых древностей

Исследования конца XX – начала XXI в. и проведенный анализ материалов, полученных в поле, позволяют определенно говорить о том, что в раннесредневековое время в рассматриваемом регионе существовало неоднородное в культурном плане население. Носители разного хозяйственно-культурного типа заселяли разные ландшафтные микрорегионы. Археологически здесь фиксируются памятники КПДК и памятники предсопочной группы (Исланова, 2017. С. 82–83).

На объектах КПДК доминируют местные прибалтийско-финские и балтские компоненты

Рис. 1. Селище Юрьевская Горка, вид с северо-запада (фото И. В. Ислановой, 1985 г.)

(Исланова, 2016. С. 150–151). Экономика этих памятников соотносится с хозяйственно-культурным типом ручных земледельцев, где доминировало подсечное земледелие и скотоводство лесной зоны умеренного пояса (Конецкий, Самойлов, 2000. С. 265).

Для населения предсопочных групп, предшествовавших и, весьма вероятно, «генетически» связанных с древностями конца I тысячелетия н. э. (с культурой сопок) (Исланова, 2017. С. 82–84), был характерен в основном аналогичный хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев умеренного пояса при ограниченной роли присваивающих отраслей (Конецкий, Самойлов, 2000. С. 265). Появление памятников предсопочного типа связано с притоком нового населения с территорий современного Белорусского Поднепровья и из Центральной и Северной Белоруссии (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 115, 123, 406).

В настоящее время рассматриваемая группа древностей переживает начальный этап изучения. В Помостье и Приильменье пока известно небольшое число памятников. Достоверный погребальный объект – грунтовый могильник с кремацией, не фиксируемый на дневной поверхности, известен лишь вблизи одного поселения – Юрьевская Горка (Исланова, 1997. С. 50–55). Малочисленна источниковая база по керамике и радиоуглероду, единичны вещевые находки – хронологические маркеры. Дис-

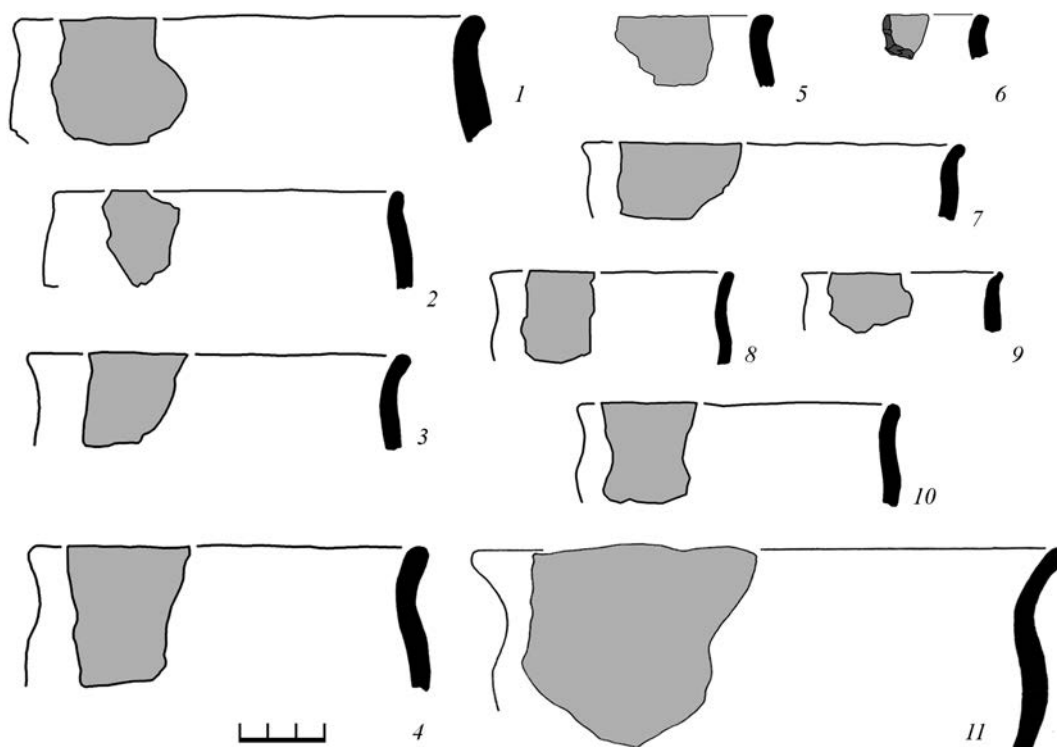
куссионными остаются вопросы, касающиеся времени бытования этих древностей, непрерывности их существования и возможной преемственности с памятниками культуры сопок.

Увеличение источников невозможно без выявления и дальнейших исследований предсопочных памятников. Поиски подобных объектов были предприняты среди поселений, имевших признаки выделенной ранее группы 3. Проведенный сравнительный анализ материалов, полученных при стационарных раскопках с нескольких таких поселений, позволил в настоящее время дополнить количество признаков предсопочных памятников.

Итак, признаки, по которым можно на основании небольших разведочных работ предварительно вычислить раннесредневековое предсопочное поселение:

- расположение на местности с достаточно разработанным рельефом, с хорошо дренированными участками и на берегах водоемов с обширными пойменными террасами; с отсутствием крупных лесных сосновых массивов;
- расположение на ключевых участках водных и сухопутных путей из одного бассейна в другой;
- расположение в микрорегионах, где в конце I тысячелетия н. э. находились памятники культуры сопок; как правило, сопки расположены не более чем в 3 км и на том же берегу водоема;

Рис. 2. Фрагменты лепных сосудов из предсочных поселений

1, 2, 5, 6 – тип 7; 3, 4 – тип 8; 7, 9 – тип 9; 8, 10 – Р1; 11 – тип 10; 1–4, 7–10 – керамика селища Юрьевская Горка; 5 – керамика селища Дудиха 1; 6 – керамика селища Ухаб 1; 11 – керамика селища Леонтьево

– лепная керамика представлена преимущественно слабопрофилированными сосудами, по классификации Н. В. Лопатина, типов 7, 8, 9, 10 и относительно тонкостенными сосудами ребром в верхней трети Р1 (рис. 2) (Лопатин, Фурасев, 2007. Рис. 11);

– отсутствие вблизи поселений могильников культуры псковских курганов.

Искомое поселение в идеальных случаях будет иметь полный набор этих характерных черт; но, как правило, при разведочных работах можно зафиксировать лишь большую часть из перечисленных выше признаков.

Результаты и перспективы дальнейших исследований

Исследования, проведенные в конце XX – начале XXI в., позволили откорректировать список селищ группы 3. Из первоначально включенных объектов следует удалить поселения, связанные с древностями первой половины и середины I тысячелетия н. э., – это селища Михалёво, Полукарпово, Ящино, Очеп 1 и 2, Троица 1. На последнем (а здесь было раскопано свыше 4000 кв. м) обнаружены фрагменты только от восьми лепных сосудов, которые можно отнести к раннесредневековому времени (Исланова, Лагуткина, Лагуткин, 2017. С. 131). Поэтому

му среди предсочных памятников Троицу 1 надо обозначить как местонахождение. Селища Очеп 1 и 2 находятся вблизи могильников КПДК.

Однако в список можно добавить несколько «новых» поселений. Это два селища – Леонтьево 1 и Борисково 1 (рис. 3) на западном берегу оз. Мстино, не вошедшем в изучаемую ранее территорию. Это также селище Пашино (рис. 4), выявленное и исследованное в начале XXI в. (Исланова, 2016. С. 155–156). Раскопки на селище Леонтьево 1 подтвердили правильность выбранных признаков для выделения предсочных памятников на основании разведочных данных. Детальный анализ керамического комплекса, полученного при охранных раскопках многослойных селищ Курово 2 и Ряд 3 (АКР, 2012. С. 228–339), также позволяет включить их в искомую группу древностей.

К настоящему времени на основании не только местоположения, но и отдельных керамических находок (рис. 2, 5, 6) очерчивается круг перспективных для дальнейших исследований поселений (рис. 5), которые могут претендовать на предсочные древности, оставленные преимущественно пришедшим на Волго-Балтийский водораздел, в том числе и раннеславянским населением. К таким объектам следует отнести селища Казикино,

Рис. 3. Селище Борисково 1, поврежденное при прокладке газопровода, вид с юго-запада (фото И. В. Ислановой, 2010 г.)

Рис. 4. Селище Пашино, вид с запада (фото И. В. Ислановой, 2010 г.)

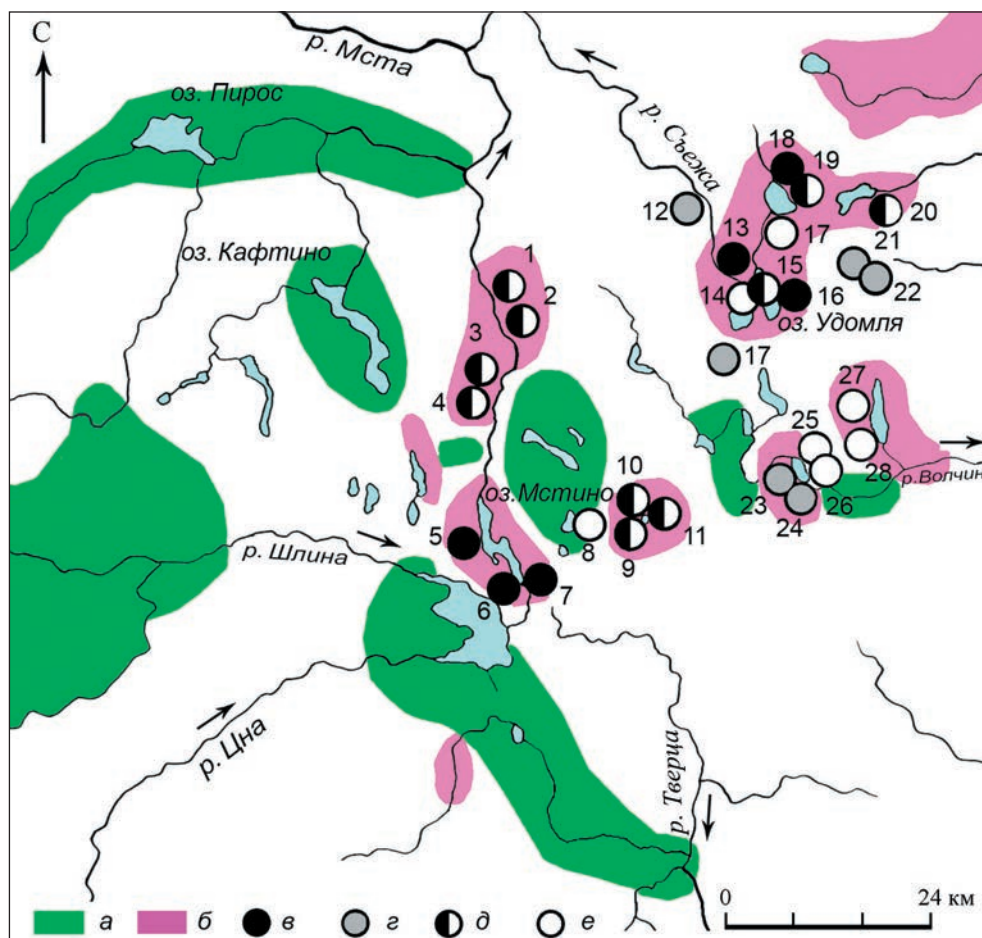

Рис. 5. Раннесредневековые поселения на участке Волго-Балтийского водораздела

a – микрорегионы с памятниками КПДК; *б* – микрорегионы с памятниками культуры сопок; *в* – предсочное поселение; *г* – поселение, культурная принадлежность которых неясна; *д* – предполагаемые предсочные поселения; *е* – поселения с другой периодизацией, но ранее включенные в группу 3;

1 – Казикино, 2 – Млѣво 3; 3 – Поляны 2; 4 – Поляны 1; 5 – Леонтьево 1; 6 – Борисково 1; 7 – Пашино; 8 – Яшино; 9 – Дудиха 2; 10 – Дудиха 1; 11 – Ухаб 1; 12 – Доронино; 13 – Юрьевская Горка; 14 – Троица 1; 15 – Стан 3; 16 – Ряд 3; 17 – Заселище 1; 18 – Курово 2; 19 – Курово 4; 20 – Устье 2; 21 – Мишутинское 1; 22 – Мишутинское 2; 23 – Труфаниха 2; 24 – Труфаниха 4; 25 – Очеп 1; 26 – Очеп 2; 27 – Михалёво; 28 – Полукарпово

Млѣво 3, Поляны 1 и 2, Дудиха 1 и 4, Ухаб 1, Заселище 1, Курово 4, Устье 2 (рис. 5; 6).

Местоположение этих памятников отличается от размещения древностей КПДК. Они обнаружены на участках, где имеются относительно плодородные для данного региона почвы (пойменные и дерново-подзолистые на лессовидном суглинке); в микрорегионах, где известны памятники культуры сопок и отсутствуют погребальные объекты КПДК.

Почти аналогичные признаки имеет еще одна серия поселений, находившаяся в группе 3, но здесь поблизости нет памятников культуры сопок. Это селища Елманова Горка, Мишутинское 1 и 2, Доронино, Труфаниха 2 и 3 (рис. 2). Предсказать их культурную принадлежность затруднительно.

Вполне вероятно, что некоторые раннесредневековые предсочные объекты, порой сильно поврежденные и перекрытые отложениями последующих культур, выявятся на многослойных поселениях. Например, подобная ситуация фиксировалась на селищах Курово 2 и Ряд 3 в рассматриваемом регионе. Аналогичная ситуация встречена ниже по течению р. Мсты, где следы раннесредневекового слоя третьей четверти I тысячелетия н. э. обнаружены при раскопках древнерусского селища Золотое Колено (Носов, Плохов, 1991; Исланова, 2016. С. 154–155).

В любом случае подтвердить или опровергнуть включение конкретных поселений в прогнозируемую культурную группу помогут последующие рекогносцировочные или стационарные раскопки.

Рис. 6. Селище Ухаб 1, вид с северо-востока (фото И. В. Ислановой, 1981 г.)

Литература

АКР. Тверская область. Ч. 4. Бологовский, Осташковский, Пеновский, Удомельский, Фировский районы. М.: ИА РАН. 2012. 481 с.

Виноградов Б. К., Архангельский Н. А., Коробков А. Г., Пронина В. Г., Бариньяк А. В., Крюкова М. С., Кузьмина М. В., Намзин А. Б., 1999. География Удомельского района. Тверь: РИУ ТГУ. 356 с.

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История. 670 с.

Исланова И. В., 1994. Неукрепленные поселения Мстинско-Моложского междуречья в I тыс. н. э. // ТАС. Вып. 1. Тверь: Книжно-журнальное изд-во. С. 134–138.

Исланова И. В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 302 с.

Исланова И. В., 2016. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред.

А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 136–220. (РСМ. Вып. 17).

Исланова И. В., 2017. О культурных трансформациях раннесредневековых древностей на Волго-Балтийском водоразделе // Европа от Лате-на до Средневековья: варварский мир и рождение средневековых культур. К 60-летию А. М. Обломского / Отв. ред. В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 82–89 (РСМ 19).

Исланова И. В., Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В., 2017. Поселение эпохи Великого переселения народов Троица 1 на озере Удомля (по материалам 1984, 1985, 1987, 2002 и 2003 гг.) // РА. № 3. С. 124–134.

Конечный В. Я., Самойлов К. Г., 2000. Хозяйство носителей культуры длинных курганов: проблема структурности // ННЗ. Вып. 14. Великий Новгород. С. 261–275.

Лопатин Н. В., Фурсьев А. Г., 2007. Северные рубежи славянского мира в III–V веках н. э. М.: ИА РАН. 251 с. (РСМ. Вып. 8).

Носов Е., Н., Плохов А. В., 1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Ред. В. Л. Янин, Е. Н. Носов, П. Г. Гайдуков. М. С. 117–149.

I. V. Islanova

On predicting the location of sites of a certain cultural type (based on materials from early medieval settlements)

Summary

For the early Middle Ages in the central section of the Volga-Baltic watershed, a new group of antiquities is known – sites preceding the hill culture. Based on the studied individual settlements, a set of features is identified: the location of the settlements in certain landscapes, which are then occupied by the culture of

hills; location on key sections of water and land routes; a specific set of stucco ceramics; lack of burial mounds. Based on these signs, a series of settlements is predicted that can also claim to be included in the group of sites that precede and were “genetically” associated with antiquities of the late 1st millennium BC in this region.

List of figures

Fig. 1. Rural settlement Yuryevskaya Gorka. View from the Northwest (photo by I. V. Islanova, 1985)

Fig. 2. Fragments of molded vessels from pre-tuffet settlements

1, 2, 5, 6 – type 7; 3, 4 – type 8; 7, 9 – type 9; 8, 10 – P1; 11 – type 10. 1–4, 7–10 – pottery of rural settlement Yuryevskaya Gorka; 5 – pottery of rural settlement Dudiha 1; 6 – pottery of rural settlement Ukhab 1; 11 – pottery of rural settlement Leontievo

Fig. 3. Rural settlement Boriskovo 1, damaged during gas pipeline laying, view from the Southwest. Photo by I. V. Islanova, 2010

Fig. 4. Rural settlement Pashino. View from the West. Photo by I. V. Islanova, 2010

Fig. 5. Early medieval settlements on the site of the Volga-Baltic watershed

a – microregions with sites of CPDC; *б* – microregions with sites of Tuffet culture; *в* – pre-tuffet settlements; *г* – settlements, which cultural background is unclear; *д* – prospective pre-tuffet settlements; *е* – settlements with other periodization, but previously included in the group 3. 1 – Kazikino, 2 – Mlovo 3; 3 – Polyany 2; 4 – Polyany 1; 5 – Leontievo 1; 6 – Boriskovo 1; 7 – Pashino; 8 – Leontievo; 9 – Dudikha 2; 10 – Dudikha 1; 11 – Ukhab 1; 12 – Doronino; 13 – Yuryevskaya Gorka; 14 – Troitsa 1; 15 – Stan 3; 16 – Ryad 3; 17 – Zaselishche 1; 18 – Kurovo 2; 19 – Kurovo 4; 20 – Ustye 2; 21 – Mishutinskoye 1; 22 – Mishutinskoye 2; 23 – Trufanikha 2; 24 – Trufanikha 4; 25 – Ochep 1; 26 – Ochep 2; 27 – Mikhailovo; 28 – Polukarpovo

Fig. 6. Rural settlement Ukhab 1. View from the Northeast. Photo by I. V. Islanova, 1981

Древности эпохи раннего железного века и древнерусского времени

В. В. Сидоров

Институт археологии РАН, Москва

Торфяниковые стоянки

Термин «торфяниковые стоянки» означает поселенческий памятник, сочетающий торфяные слои и культурные остатки. При этом подразумевается, что у них хорошая сохранность органики, есть привязка к климатической шкале, какая установлена для памятников южной Балтики. Край, где ледники создали рельеф, способный содержать озера, занимает также и лесную зону Восточной Европы. В восточном Приледниковье продолжают те же торфяные элементы ландшафта, и естественно ожидать, что такие же, как в Южной Прибалтике, стоянки были и здесь. При этом исследователи надеются, что памятники окажутся еще и свайными поселениями, являющими прямо-таки палеонтографические реалии, как на свайных поселениях альпийских озер. Как-то при этом забывается, что климат восточно-европейской лесной зоны значительно более суров, чем в итальянских предгорьях Альп и даже в Западной Балтике, свайные поселения на наших озерах смотрятся несколько противостественно – не субтропики все-таки.

Поселение могло возникнуть на обсохшем торфяном берегу или быть перекрыто позднее сформировавшимся торфом. В этих случаях культурный слой не связан с процессом торфообразования. Если слой поселения формируется в процессе торфообразования, то есть на переувлажненном берегу, поскольку торф имеет субэвральную природу, площадка поселения малокомфортна для стационарного обитания. Она требует переоборудования, следы которого должны бы сохраняться в торфе. Если предполагать существование свайного поселения, с отложением артефактов в донные осадки, формирующиеся на мелководье и в дальнейшем ставшие торфом, то необходимо проследить, во-первых, водную стадию формирования слоя, по сути сапропеля, а не торфа, во-вторых, следы функционирования межжилищ-

ного пространства: поселение не исчерпывается одними жилищами. По-видимому, предполагается, что такие следы полностью уничтожены подъемом воды, но в таком случае необходимо проследить размыв и переотложение, следы естественной переработки культурного слоя.

В случае перекрытия торфом культурного слоя ничего не добавляется к информативности памятника. Торф образуется быстро. Руслу р. Дубны на стоянках Замостье 4 и 13, заполненные торфом на 2,5–3,0 м, на дне содержали лепную керамику и железные изделия X в. На стоянке Языково 1 слой сгоревшего торфяного отвала 1926 г. (принятый Ю. Б. Цетлиным (1991) за культурный слой) был перекрыт молодым торфом на 35–40 см. Начало формирования торфяного слоя может быть отделено от времени функционирования поселения тысячелетиями. Типичный случай – перекрытие суббореальным торфом Давыдовской стоянки раннего этапа верхневолжской культуры или торф, перекрывающий культурные слои на стоянках оз. Неро (Сидоров, 1992). Ни в одном случае не прослежены межжилищные объекты поселения, предполагаемые на подтопленном участке. Нет и следов перемыва подтопленного жилого слоя, который был бы синхронен функционированию предполагаемых свайных построек.

Встречается торфяной материковый слой, то есть поселение возникает на торфе, заполнившем какие-то части озерной котловины (типичные случаи: Маслово Болото 4 и 7, Луково Озеро 1). То есть озеро уже было спущено вытекающей рекой, прошло стадию регрессии, затем сток был перекрыт из-за зарастания русла, когда сформировалось вторичное озеро. Трансгрессия приближает береговую черту к высоким участкам и делает их вновь пригодными для обитания. Почти все такие памятники относятся к волосовской культуре.

Исключений немного: на Воймежной 1 торф перекрыл склоны острова (Древние... 1997). Торф был лесным, древесным, затем случился торфяной пожар, на пожарище возникла стоянка верхневолжской культуры. Льяловские и волосовские слои на площадке и склоне здесь тоже торфянистые. Торфяники заполняют и части котловины озера Воже и Лача, на котором возникла стоянка Веретье 1, заключенная в торфянике (*Ошибкина*, 1997). Торф продолжает формироваться параллельно с формированием культурного слоя, составляя вмещающую его часть, но может и перестать формироваться, разлагается, становясь торфянистой почвой.

Тем не менее памятники с хорошей сохранностью слоя, близко напоминающего торф, известны от Балтики до Среднего Урала и сохранили уникальные материалы. Их историческая интерпретация требует комплексного подхода, который отражал бы генезис и развитие озер, поскольку все поселения связаны с озерами – основной экологической нишей в лесной зоне от момента освоения Приледникового края до начала становления производящего хозяйства. Не менее необходима для понимания условий использования озер реконструкция среды обитания.

Характер генезиса слоя и состав находок показывает, что за «торфяниковые поселения» здесь принимаются участки, формировавшиеся на границе воды и суши, но жилыми площадками они не были. Это *шлейф культурного слоя*, формировавшийся одновременно с культурным слоем жилого участка, но в воде, у берега и на затопливаемой части берегового склона, на выходе грунтовых вод. Далеко не все торфяники имеют подобные памятники.

Обширные площади верховых торфяников возникают в результате слабого стока, характерного для Русской равнины. Но они бесполезны для поиска памятников. Озера Приледникового относятся к зоне действия днепровского, московского и валдайского ледников. Характер озер определяется возрастом и условиями их формирования. Ледники создавали озера выпахивания дном ледника, протянувшиеся по направлению движения ледниковых языков, в долинах стока и среди моренных гряд. Озера редко бывают одиночными – обычно это озерные системы, связанные общим происхождением и развитием. Моренные гряды формировались на возвышенностях и между лопастями ледника. Время существования таких озер определяется скоростью врезания дренирующих рек. Зандровые равнины связаны с зонами тектонических

прогибов, именно низменности направляли движение ледниковых лопастей и долин сброса талых вод. Оставшиеся в таких низменностях массивы мертвого льда оставляли гряды боковых морен, разделявших каскад сбросовых озер на обособленные плесы. Характер озер и возможности их освоения человеком со временем менялись.

Не всегда правильно определяют и торф: за него иногда принимают растительный детрит – чисто водное образование, а не субаэральное (как это имеет место на стоянках Замостье 2 и Становое 4), который тоже богат растительными остатками (*Алешинская и др.*, 2001; *Жилин*, 2002; *Зарецкая и др.*, 2002; *Сидоров*, 2009). Ракушечный детрит, тоже насыщенный растительными остатками, заполняет желоба в русле.

Торф формируется в переувлажненной среде, которая далеко не комфортна для обитания человека. Повышенная влажность увеличивает теплоотдачу, требует мер по осушению, которые могут быть зафиксированы археологически. Исключаются на таком памятнике углубленные сооружения – они будут сразу заполнены грунтовыми водами. То есть зимние поселения на торфяных берегах маловероятны.

На осушенном торфе поселенцам приходилось принимать противопожарные меры. Древнейшие очажные пятна на волосовском летнем поселении Маслово Болото 4 – простые кострища с развалами протоволосовских сосудов – возникали на тростниковом торфе. Торф под ними околосовался, но не горел из-за высокой влажности. В дальнейшем под очаги насыпали песчаную подушку, уложенную на настил из горбылей, сколотых с деревьев. Длина настилов горбылей достигает 2 м при средней ширине в метр, ширина доски – до 20 см (в среднем 14 см). Иногда настил делался из бересты. Такие берестяные прослойки в песчаных очагах есть и на льяловских поселениях (Воймежная 1, Языково 1, Луково Озеро 1). Известны они на поселении Сарнате, культурно и хронологически близком к волосовским (*Ванкина*, 1975). На периферии поселения Маслово Болото 4 очаги однослойные, с прекрасной сохранностью настилов. В прибрежной части и в центре очаги многослойны, многократно возобновлявшиеся на старом месте. Они делались не только на торфе, но и в углубленных зимних жилищах на суглинке пола, на поселениях Маслово Болото 2, 5, 8. Возможно, такие прослойки делались как гидроизоляция очага.

Регулярное возведение песчаных очагов вело к нарастанию культурного слоя, и в итоге верхние

волосовские слои перестают оторфовываться. Им соответствует торфянистая, но уже почва верхнего волосовского слоя. После прекращения существования стоянок они оказываются перекрытыми стерильным торфом, формировавшимся в заболоченной озерной котловине.

Торф далеко не всегда способствует сохранению кости – кислые торфы полностью растворяют кальциты кости, сохраняя при этом древесину. Сохранность кости обеспечивает не торф, а сапропель, наполненный ракушками. И только в тех случаях, когда на памятнике хозяйственная деятельность концентрирует очень большое количество кости и раковин, они могут затормозить растворение кости. Возможно, обилие мергеля в волосовских слоях (отмеченное Н. А. Хотинским на стоянке Языково 1) – результат растворения в них раковин. Сами раковины удается зафиксировать только в тех случаях, когда они образуют массивные кухонные кучи. Превращение раковин в мергель наблюдалось на стоянке Замостье 5. Здесь в позднельяловском слое на двух участках прослежены раковинные кучи, а под ними на 5–10 см глубже слои концентрации мергеля. Из 23 стоянок Маслово Болота только два памятника удовлетворительно сохраняли кость и только в волосовских слоях. Небольшие стоянки Центральной Мещеры кость не сохраняют, но в волосовских слоях крупнейших поселений она присутствует. На многослойном поселении Черная Гора кость отлично сохраняется, но связи с торфом здесь нет – это песчаная дюна. То же самое наблюдается на Волосовском поселении. На Воймежной сохранилась кость в песчаных оторфованных слоях жилой площадки и совершенно не сохранилась в торфянике у берега.

Значительно чаще встречаются шлейфы культурного слоя поселений, опускающиеся по береговому слону и уходящие в воду. Это стандартная черта летних поселений. Образ жизни озерных рыболовов ориентирован на использование водных ресурсов озер. Уже первые обитатели Приледниковья плейстоценового времени выбирают озерные ландшафты. Особенно ярко озерная специализация проявляется на волосовских поселениях финального неолита. Использование озер требует лодки: волновая эрозия формирует пологие илистые берега, подойти к берегу здесь трудно. В качестве пристани гораздо удобнее приустьевые участки берегов рек и речек-притоков или вытекавших из озера. Один из берегов обычно удобен для причаливания лодки и выхода на сушу. Рыболовные снасти тоже требуют применения лодки – громоздкие, тяжелые

и непрочные сети не транспортабельны, но могут использоваться с лодки. С нее же могут устанавливаться верши и прочие ловушки. Так что лодка определяет выбор жилой площадки теплого сезона.

Обработка рыбы шла на берегу, и берег на десятки метров бывает завален пластами рыбьих костей и особенно чешуи, толщиной в несколько сантиметров (Святое Озеро 1, Языково 1, Владычино-Береговая, Никольская 2, Воймежная 1, Маслово Болото 4). Тот же шлейф кухонных и бытовых отходов продолжается в воде у берега. Однако, попадая в воду, распределение в слое и состав отходов определенным образом изменяются и оказываются не тождественны сохранившемуся в культурном слое поселения.

Исследователи, касающиеся попавшего в воду материала, интерпретируют его не всегда адекватно – в зависимости от своих представлений об этом процессе. М. Г. Жилин (2002а; 2002б) представляет его затопленным при озерной трансгрессии культурным слоем площадки поселения. Колебания уровней озер он интерпретирует как показатель колебаний количества осадков, хотя в условиях равнины и избыточного увлажнения трансгрессия выше порога стока, как показал Д. Д. Квасов (1975), невозможна. Следы аридизации (образование почвы на торфе) могут иметь отношение не к климату, а к врезанию русла. Закономерность, определенная для аридной зоны, применена М. Г. Жилиным (2006) к совершенно иной среде. Подобный подход можно найти и у географов. Э. И. Девятова (1982) трактует полутораметровую трансгрессию Онежского озера как воздействие климатического фактора, не обращая внимания на тектонический перекоп ванны озера, вызвавший перекрытие старого стока в северной части озера и образование р. Свири. Осадки тут совершенно ни при чем.

Река Дубна несколькими рукавами впадала в Заболотское озеро. Современное русло идет в районе стоянок группы Замостье по каналу, проложенному в 1969–1972 гг. через прибрежные участки памятников. Древний рельеф дельты перекрыт озерными отложениями вторичного озера, начавшего затоплять котловину около середины III тыс. до н. э. Весенний паводок заливал котловину до июля. Читаются только контуры песчаной террасы с отметкой 132 м, сформированной на склонах моренных холмов, окружавших озеро. Уступ террасы сделан позднеледниковым озером, торфяника на ней нет (Сидоров, 1996). Часть русел действовала в Средневековье – они отмечены рыбацкими стоянками. Мезолитические и неолитические

памятники приурочены к прирусловым валам, постепенно вытягивавшимся в озерную котловину. Самый низкий уровень озера приходился на финал льяловской культуры. Правый равнинный берег Дубны не торфяник, а пойма. Торфа с пойменным суглинком тут не больше 0,3 м, но он на 2–3 м заполняет старые русла, по берегам которых и располагались поселения.

Места концентрации материала в русле совпадали со скоплениями кольев, коряг (плавника) и с русловыми желобами. То есть переотложенный течением материал концентрировался у преград. Рыбьи и птичьи кости, кремневые чешуйки течения уносит дальше всего, концентрируя мелочь в перекатах. Крупные фрагменты керамики и массивные камни почти не дрейфуют. То есть по составу находок в русле и по окатанности керамики можно определить, как далеко они снесены от места попадания в воду.

На дне современного русла, идущего по шлейфу стоянки Замостье 2, расчищены горизонтально лежащие сооружения из тонких оплетенных тростником лучин, принятые исследователями за верши (*Лозовский и др.*, 2013). Но обручей, составляющих основу конструкции верш, у этих сооружений нет. Функционально эти сооружения вроде штор могут быть мелкочаеистыми сетями. Они детально исследованы на стоянке в устье Охты в Петербурге.

Волновая эрозия при размыве озерных берегов тоже ведет к переотложению археологического материала, который включается в береговые валы и дно озера, но при штормовом волнении он поднимается на береговой вал – волна выбрасывает даже крупные каменные изделия. Но это наблюдается не на торфяниках, а на молодых, не заросших озерах Валдая.

Существует и другое объяснение возникновения полей кольев – как наслоившихся друг на друга разновременных рыболовных сооружений (*Цедмар, Лубанас – Лозе*, 1988; *Тимофеев*, 1998). Здесь тоже делаются попытки вычленить отдельные конструкции. Но поля кольев тянутся вдоль берега, а не поперек протоки. Видимо, эту гипотезу надо дополнять наблюдениями. Помимо рыболовных сооружений тут могут быть мостки и настилы для облегчения доступа к воде и преодоления топкого побережья. На Воймежной в льяловском слое фрагментарно прослеживались простейшие жердевые настилы, идущие перпендикулярно берегу. Они сопровождалась группами кольев, на которые мог опираться такой настил. В эту пору шло падение уровня озера, и берег становился менее доступным.

Один из видов такой конструкции – жердевой настил мезолитического возраста – исследован на стоянке Замостье 5 (*Сорокин и др.*, 2018. С. 104–106). Он лежал на сфагновом торфе, фрагмент которого прихватил при оползании настила в воду. Настил состоял из двух продольных толстых березовых жердей, лежавших вдоль берега, на который были настелены мелкие жерди с ветками. Такой настил из веток, полностью заложенный осоковым дерном, не в состоянии выдержать вес человека. Дерн на настиле сохранился как пласт в 4–6 см «растительного войлока» – пласта переплетающихся осоковых корней. А. Н. Сорокин считает, что дерн сам сформировался на настиле (для чего потребовались бы десятки лет), но нигде в раскопах Замостья 5 и 2, кроме как на настиле, фрагментов подобного дерна не встречено, т. е. жердевой настил служил арматурой для дернового настила. Конструкция берегоукрепительной отмости вполне рациональная. Попав в воду, дерновый настил был промыт на месте, от него осталась путаница корней.

Цикличность развития озер связана не только с климатическим фактором (количеством осадков), но имеет также собственные лимнологические закономерности, меняющие уровень воды в нем. В зоне избыточного увлажнения по мере увеличения количества осадков ускоряется падение уровня озер. Положение порога стока зависит также от устойчивости к размыву пород, составляющих этот порог. Важен также тектонический фактор, вызывающий перекося озерных чаш, перекрытие стока и с тем – трансгрессию озера до образования нового стока. Это явление хорошо изучено в Фенноскандии, но неотектоника работает и в центре Русской равнины.

Переориентация Верхней Волги на восток могла произойти только в результате прорыва Костромского озера через моренную гряду у г. Плёса. Присоединение озер Селигерской группы к Волге вряд ли обошлось без тектоники – подъема Валдая.

В любом случае при исследовании стоянки необходимо определить положение береговой линии, которую надо включать в границы памятника. Без определения береговой отметки характеристика поселения не полна. Исследование берега памятника необходимо для определения сезонности площадки: у летнего поселения максимально использовалась прибрежная полоса, и количество находок возрастает к берегу, где присутствует активно используемый прибрежный подводный шлейф. Шлейф не всегда имеет возможность сформироваться в воде, что связано с формой

русла. У песчаного берега с хорошим течением шлейф не накапливается, хотя концентрация находок на берегу летнего поселения проявляется и без шлейфа. У зимнего поселения гораздо вероятнее углубленное жилище с хозяйственными ямами, концентрация находок в жилище и рядом с ним четко выражена.

Прибрежная зона поселений заполнена множеством кольев. Воткнутые в топкое дно, далеко не все они доходят до плотного минерального дна (песок, алевроит), формировавшегося в приледниковых озерах, бедных бентосом. Поселения, возникавшие на островах, оказались окружены торфяниками, и на полях фрезерных торфоразработок можно было наблюдать сотни вертикально торчащих кольев. Это один из самых заметных признаков при поиске поселений на торфяниках. Поля кольев, окружающих стоянку, наблюдаются и на размываемых берегах деградировавших озер. При этом делаются попытки выделить с помощью радиоуглеродных датировок отдельных кольев их синхронные структуры, что вряд ли реалистично – диапазон датировок во много раз превосходит время функционирования подобных сооружений. Попытки раскопок полей кольев (Древние... 1997. С. 18) дает незначительный археологический материал, осевший в толще донных отложений, который никак не связан с сооружениями из кольев. Жердей в раскопе оказывается гораздо больше того количества, которое фиксируется торчащим из торфа. Многие были вытащены, оставив следы ямок, по диаметру соответствующих кольям. Их высотные отметки несущественны – колья обломаны на разных уровнях. Колья есть не только в воде, но и на берегу и качественно не различаются. Разновременные колья мало отличимы. Острие оформлялось желобчатыми теслами, образуя конус или клин (обычно у более толстых). В мезолитических слоях Замостья 5 оказались колья из расколотых стволов, не требовавших отески острия.

Назначение кольев у некоторых исследователей не вызывает сомнений – это сваи жилых построек. Идея искать свайные поселения на российских озерах выдвинута А. Я. Брюсовым (1951), поддержана С. В. Ошибкиной (1966; 1978; 1997), активно разрабатывалась А. М. Микляевым и продолжает внедряться А. Н. Мазуркевичем. Всякую группировку кольев, сопровождаемую скоплением археологического материала, они рассматривают как свайную постройку. Только сваями видит эти группы кольев Н. Г. Недомолкина (*Недомолкина и др.*, 2015).

Свайные жилые постройки характерны для тропиков, для которых свайное жилище вполне ком-

фортно и естественно. Этнография не дает никаких следов существования свайной традиции жилищ в лесной зоне. Амбары Костромской низины жилищами не были. Характер кольев, исследованных на Воймежной, Масловом Болоте, Тростенском озере и стоянках Заболотского озера, показывает, что это не сваи, а элементарные вешки, часто даже не заостренные – их нетрудно воткнуть в топкое дно.

Сторонники свайной гипотезы видят доказательство в редких случаях связанности кольев. Но уже определения разнообразных пород и диаметров кольев исключают подобное толкование. Большинство из них – береза, очень быстро (за 2–4 года) гниющая и становящаяся хрупкой. Больше того, характер излома показывает, что многие колья уже были гнилыми при установке, то есть использовались одноразово. Из статистики надо исключить ветки и шесты до 3 см, точно ни к каким сооружениям не имеющие отношения. Пик диаметров (в комлевой части) – 5–6 см, колья свыше 10 см диаметром – единицы, максимальные диаметры – 14 см. Сблокированных крупных кольев, которые могли быть опорами свайных построек, нет. А одиночные колья – это слишком шаткое основание.

В качестве доказательства жилого характера постройки привлекается концентрация находок, очажных конструкций, зольных слоев. Но они не могли сохранять структуру слоя, падая даже с небольшой высоты в воду, не говоря уже о непригодности климата умеренной зоны для обитания в легкой хижине над водой (а при таких кольях-сваях она может быть только легкой, без настланного массивного пола). Продуваемая со всех сторон, легкая и очень непрочная хижина не могла обеспечить теплозащиту. Таким образом, гипотеза свайных построек не представляется оправданной. Надо искать другое объяснение связи полей кольев и концентрации материала.

Более перспективно истолкование их как остатков рыболовных сооружений, куда более эфемерных, чем жилые постройки и не требующих той же прочности. И. А. Лозе истолковывала поля кольев при поселениях как остатки рыболовных сооружений. Это же подтверждено находками на Охте. Такие же конструкции прослежены и в русле Дубны. Наивно рассчитывать на возможность выделения среди сотен сохранившихся кольев отдельной конструкции у берега при существовавшем много веков поселении. Это при том, что предшествовавшие группы кольев частично уничтожались новыми сооружениями. Реконструкция сооружений

возможна только при кратковременном их использовании, а это значит, не в связи с долговременными поселениями.

Единственное реалистичное истолкование скоплений материала в водных отложениях – это прибрежные шлейфы культурного слоя, формировавшиеся во время функционирования поселения на берегу. Это не переотложение, хотя промоины, перпендикулярные руслу и с переотложенным материалом, тут встречаются. Характер отложений в них тот же, что в промоинах на суше – они возникали только при низком уровне воды в русле (появление промоин указывает на понижения базиса эрозии, в данном случае и реки, и озера).

Расположение поселения непосредственно на берегу создавало свалку отходов на суше, продолжающуюся в воде. Такие свалки у берега характерны для летних поселений, использовавших лодку. И именно в воде происходит консервация и древесины, и кости, и иных органических материалов, вплоть до фекалий (*Энговатова, Хрусталёв, 1996*). Концентрация находок в глубине площадки – в жилищах и при входе, при уменьшении количества находок к берегу – ясное свидетельство зимнего поселения, это наиболее заметное различие сезонности поселений.

В воде идет сортировка материала течением и волновой эрозией уже при его отложении. Накопление осадка идет в зависимости от скорости течения. Если течение минимально, то оседает органическая взвесь. Зона особенно активного накопления – приустьевой бар, где гаснет течение реки. Состав детритовых слоев на стоянке Замостье 2 тот же самый, который накапливается в современной косе при впадении р. Сулаты. Здесь накапливается неуплотненный растительный детрит, в котором происходит вертикальная сортировка материала в зависимости от удельного веса и угла погружения. Но и в этом слое формируются горизонты уплотнения, на которые оседает археологический материал. Они видны по тонким кальцитовым и опесчаненным прослойкам. Разделение пласта наносов такими зонами уплотнения позволяет группировать материал по фазам формирования наносов. Именно они, а не абсолютные глубины могут отражать последовательность формирования комплексов.

Приходится учитывать и перенос, он зависит от плавучести предметов: дальше всего уносит птичьи и рыбы кости, затем – кремневые чешуйки. Менее всего перемещаются крупные черепки и массивные камни. Их находки прямо указывают на соседство с жилой площадкой. Необходимо так-

же отметить, что в русле складываются зоны накопления перенесенного материала – это перекапы, желоба, коряги и группы кольев. То есть состав культурных остатков в каждом конкретном месте формирования русловых наносов соотносится не столько с антропогенным фактором, сколько с природным – течением реки.

Виды деятельности связаны с разной сезонностью поселений. Так, состав (но не типология!) наборов костяных орудий синхронных и однокультурных слоев стоянок Замостье 2 и 5 очень сильно отличается. Стоянки приурочены к разным берегам одной протоки, имевшей меридиональное течение, берега при этом формировались по-разному. Левый (западный) берег – пологий, здесь шел горизонтальный размыв и горизонтальное же наслоение наноса, русло прижимается к правому берегу, подмывая его, но при этом на правом берегу формируется прирусловой вал на пойме.

Зона шлейфа – не поселение. Это зона естественного (стихийного) накопления культурных остатков, исследование которых необходимо вести вместе с изучением формирования слоя в каждом конкретном месте, учитывать промоины, русловые желоба и зоны накопления. Вертикальные замеры без стратиграфической интерпретации неактуальны. Точная планиграфия находок тут тоже несущественна – в воде материал смещен на разное расстояние. Здесь нам не удастся выделить какие-то функциональные комплексы, связанные с сушей. Это могут быть рыболовные сооружения, водяные хранилища запасов. Вероятны простейшие мостки для преодоления топкой прибрежной полосы.

Переотложение русловыми желобами, врезанными в дно проток, может переносить ранее уже отложенный материал. Соответственно, заполнение желоба будет содержать разновременные компоненты и необходимо выяснять момент его врезания и момент закрытия желоба. По сути такую же работу приходится проделывать с отложениями промоин краев сухих площадок поселения. На стоянках Замостье 4 и 13 в поздних руслах, на дне которых была керамика X в. и железные изделия, в торфяной толще заполнения русла на разной глубине оказались рассеяны мезолитические и ранненеолитические находки, главным образом костяные. То есть эти русла вскрывали всю толщу отложений шлейфа на глубину не менее 2 м и переотлагали вымытый ими материал по мере заполнения.

Все это относится к берегам протоков, а не озер. На берегах озер не образуются шлейфов. Необходимо отметить, что стоянки редко располага-

лись непосредственно на берегу озера (как и современные села) – волновая эрозия формирует быстро зарастающие пляж и мелководье. Берега для причаливания лодок должны быть устойчивы к волновой эрозии, как это наблюдается на скальных мысах поселений уральских озер. Дело не в размыве площадки, а в формировании обширных пляжей, которые при любой регрессии, даже сезонной, зарастают и превращаются в труднопроходимые плавни, непригодные для жизни и недоступные с воды. То есть при регрессии берега вовсе не обсыхают, как полагал А. Я. Брюсов. В регрессии открытая вода становится труднодоступной. Благоприятны для освоения берегов только моменты трансгрессий. Поселения же ориентировались именно на текучую воду, дренирующую берега и поддерживающую их доступность.

Соответственно, формирование прибрежных отложений – это работа рек, а не озер, хотя и на участках, максимально приближенных к озеру –

основе хозяйства озерных сетевых рыболовов. Сетевое рыболовство невозможно без лодки, и именно возможность ее использования определяла места поселений, но только в сочетании с максимальным комфортом площадки. Термин «торфяниковые стоянки» не точен. Есть торфяниковые участки поселений, и их исследование весьма специфично. Залегание под торфом или на торфе не содержит особой поселенческой специфики, оно отражает только историю водоема.

Снимается, как не соответствующая реалиям, проблема свайных поселений в лесной зоне Евразии – в древнем Приледниковье, не стоит создавать лишние сущности вроде свайных поселений. Вместо нее остается проблема интерпретации жилого пространства, в которое входит также водное пространство вокруг поселения – характер его освоения, специфика формирования вмещающих слоев. Это особый тип источника, отражающий только часть деятельности исследуемых нами социумов.

Литература

- Алёшинская А. С., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., 2001. Геолого-палеогеографические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Древности Залесского края. Матер. к междунар. конф. «Каменный век Европейских равнин». Сергиев Посад. С. 248–254.
- Брюсов А. Я., 1951. Свайное поселение Модлона и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. № 20. С. 5–76.
- Ванкина Л. В., 1970. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне. 176 с.
- Девятова Э. И., 1982. Природная среда и ее влияние на расселение человека в Северодвинском бассейне и Карелии. Петрозаводск: Карелия. 157 с.
- Древние охотники и рыболовы Подмосковья. Поселение Воймежное I / Ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 1997. 286 с.
- Жилин М. Г., 2002а. Заселение Сахтышского торфяника // ТАС. Вып. 5. Тверь: ТГОМ. С. 99–105.
- Жилин М. Г., 2002б. Стратиграфия и палеогеография многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. Вып. 5. Тверь: ТГОМ. С. 106–116.
- Жилин М. Г., 2006. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.: ИА РАН. 140 с.
- Зарецкая Н. Е., Успенская О. И., Жилин М. Г., 2002. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 // ТАС. Вып. 5. Тверь: ТГОМ. С. 117–122.
- Квасов Д. Д., 1975. Позднепалеолитическая история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука. 278 с.
- Лозе И. А., 1988. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне. 211 с.
- Лозовский В. М., Лозовская О. В., Кlemente-Конте И., Мазуркевич А. Н., Гасют-Бальбе Э., 2013. Деревянные рыболовные конструкции на стоянке каменного века Замостье 2 // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне верхней Волги. СПб.: ИИМК РАН. С. 46–75.
- Недомолкина Н. Г., Пищонка Х., Лоренц С., Шмёлке У., 2015. Новые археологические, остеологические и геоморфологические исследования на комплексе многослойных поселений Вёкса в бассейне Верхней Сухоны // ТАС. Вып. 10. Т. 1. Тверь: Триада. С. 75–84.
- Ошибкина С. В., 1966. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре // СА. № 4. С. 27–37.
- Ошибкина С. В., 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 205 с.

Ошибкина С. В., 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука. 234 с.

Сидоров В. В., 1992. Многослойные стоянки верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.: ИА РАН. С. 4–103.

Сидоров В. В., 1996. Озерные системы бассейна р. Дубны в неолите // ТАС. Вып. 2. Тверь: ТГОМ. С. 249–258.

Сидоров В. В., 2009. К вопросу о палеогеографической ситуации стоянки Становое 4 // ТАС. Вып. 7. Тверь: ТГОМ. С. 49–51.

Сорокин А. Н., Грачева Р. Г., Добровольская Е. В., Добровольская М. В., 2018. Геоархеология Заболотского края. М.: ИА РАН. 416 с.

Тимофеев В. И., 1998. Цедмарская культура в неолите Восточной Европы // ТАС. Вып. 3. Тверь: ТГОМ. С. 273–280.

Энговатова А. В., Хрусталёв А. В., 1996. Исследование копролитов со стоянок каменного века в Подмоскowie // ТАС. Вып. 2. Тверь. С. 148–154.

Цетлин Ю. Б., 1991. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.: ИА АН СССР. 196 с.

V. V. Sidorov

Turfen archaeological sites

Summary

Settlements on swampy lakes can occur on turf and their cultural layer grows along with the growth of turf. It does not ensure the preservation of organic materials. More often we deal with coastal areas of summer settlements that accumulated deposits of a functioning settlement at the base of the coast. Partial sorting of the incoming material and its fixation in water sediments outside the settlement site takes place in water. The coastal

zone of the settlement is filled with many stakes accumulated over the centuries of the settlement. Select specific fishing constructions here are not real. The interpretation of these stakes fields as pile structures is not realistic – building material is not suitable for this. But it can be elements of the equipment of the coastal zone of the settlement, providing access to water and boats in the conditions of regressive lakes with marshy shores.

Е. Ю. Тавлинцева*, В. Ю. Коваль**, А. А. Гольева***

* Музейное объединение «Музей Москвы»

** Институт археологии РАН

*** Институт географии РАН, Москва

Древнейшая постройка раннего железного века на городище Ростиславль

Городище Ростиславль, расположенное в Озерском районе Московской области, на сегодняшний день является одним из наиболее полно исследованных памятников Подмосковья раннего железного века¹. Археологические раскопки показали, что укрепленное поселение возникло здесь еще в I тысячелетии до н. э. и продолжало существовать вплоть до середины I тысячелетия н. э. Из-за сложной стратиграфии памятника его культурные слои имели различную степень сохранности. Верхний слой древнего городища был в значительной степени нарушен ямами и перекопами древнерусского времени. Нижние слои, относящиеся к I тысячелетию до н. э., сохранились лучше. Именно при их изучении стало возможным выделить и исследовать комплексы древних жилищ, относящихся к раннедьяковскому периоду.

В течение 19 полевых сезонов, с 1998 по 2016 г., на городище исследовались остатки двух построек, представлявших собой так называемые «длинные дома» – многокамерные жилища, разделенные поперечными перегородками на отдельные отсеки. Постройкам были даны условные наименования «постройка А» (ранняя) и «постройка Б» (более поздняя). Постройка А сохранилась на длину около 30 м², постройка Б – около 47 м. К сожалению, северные концы этих построек, выходившие к стрелке мыса, были уничтожены эрозионными процессами, поэтому полная длина их не могла быть точно установлена, но изначально она была

явно больше сохранившейся. Эрозия уничтожила эти постройки на протяжении не менее 5 м. Оба жилища располагались вдоль того края площадки, который был обращен к р. Оке и который имел, вероятно, в древности некоторый уклон в сторону обрыва. Поэтому они были немного заглублены в материк и при этом постройка Б частично перекрывала заполнение постройки А. Таким образом, восточная часть поздней постройки залегала на материке, а западная располагалась непосредственно над заполнением более раннего жилища. Эта работа посвящена публикации материалов постройки А, самой ранней постройки городища (рис. 1).

Постройка А была перекрыта слоем 2, напластования которого включали в том числе и постройку Б. Таким образом, можно предположить, что стратиграфически постройка А относилась к самому раннему слою 3, сохранившемуся на памятнике фрагментарно. Западная часть постройки была повреждена эрозией – западный (обращенный к реке) ее край сохранился лишь в нескольких местах, а от ее заполнения остались лишь нижние части столбовых ям, углубленных в материк. Это заполнение залегало под плотным слоем желтого материкового суглинка, представлявшего собой искусственную подсыпку над заполнением жилища (рис. 2). Максимальной мощности эта прослойка достигала в южной части постройки – около 20 см. По направлению к северу ее толщина уменьшалась до 4–8 см, а на северной

¹ Начиная с 1998 г. и по настоящее время раскопки на памятнике ведет Ростиславльская археологическая экспедиция ИА РАН (нач. экспедиции В. Ю. Коваль). Материалы раскопок хранятся в Музее Москвы.

² В предыдущей публикации (Гольева и др., 2018) указывалась иная длина постройки А – до 40 метров. Разница объясняется появившимся в процессе анализа предположением, что в южной ее части могли располагаться участки, возникшие позже первоначального объема (см. ниже). На сводном плане эти участки обозначены как А-1 и А-2 (рис. 1).

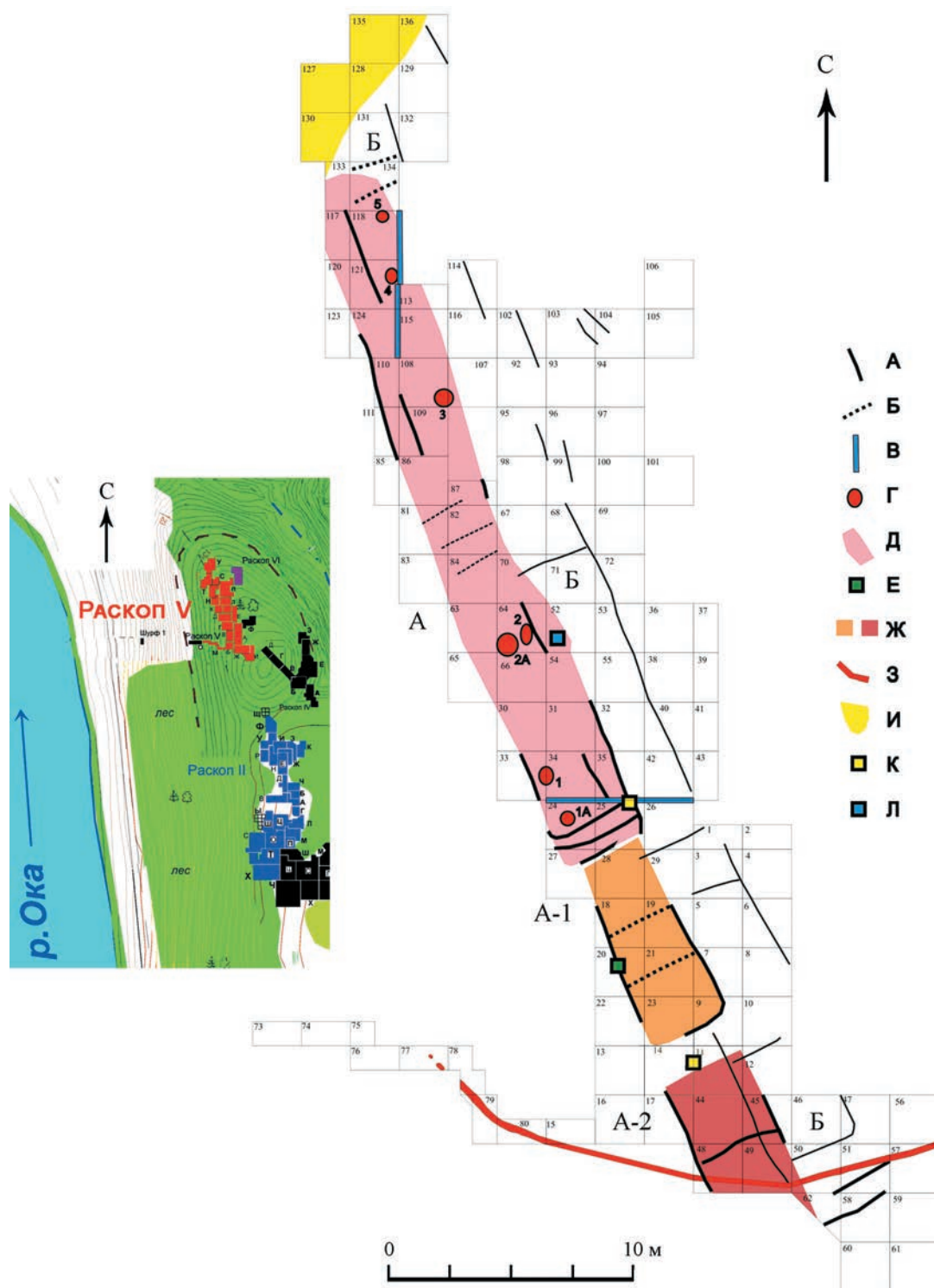

Рис. 1. Схема мысовой части городища с раскопом V и общий план построек А и Б

А – канавки от стен построек; Б – предполагаемые трассы разделительных стенок; В – стратиграфические разрезы (см. рис. 2; 4); Г – очаги постройки А; Д – пятно постройки А; Е – место находки костей куницы; Ж – постройки А-1 и А-2; З – канава от частокла ранней оборонительной линии; И – зона, разрушенная эрозией и средневековыми ямами; К – места отбора палинологических колонок; Л – место отбора образца для радиоуглеродного датирования (ИГАН-3362)

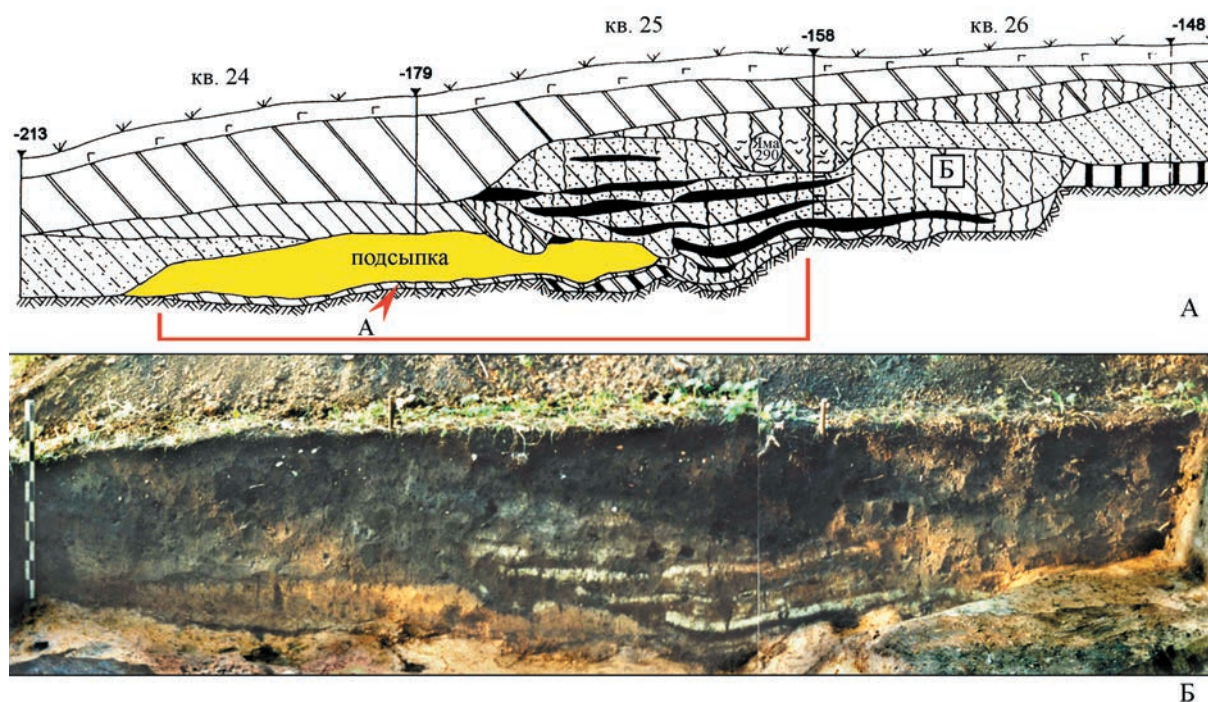

Рис. 2. Северный профиль раскопа в 2001 г. (участок Г)

оконечности постройки она уже полностью отсутствовала (рис. 3).

Само заполнение постройки сохранилось очень плохо, поскольку большая его часть была уничтожена при строительстве более позднего жилища Б, потребовавшего сооружения описанной выше подсыпки плотного материкового суглинка, служившего ее первоначальным полом. Это заполнение представляло собой тонкую (1–10 см) прослойку темно-серого суглинка с включениями желтого суглинка и угольков на поверхности материкового пола. На некоторых участках заполнение постройки практически отсутствовало или сохранялось лишь в виде отдельных тонких пятен на материке. Так, на участках Р и С 2013 и 2014 гг. (кв. 107–111, 113–116) остатки постройки А археологически прослежены не были. В юго-западном углу участка С на материке был зафиксирован очень тонкий, менее сантиметра, угольный слой, который первоначально был отнесен к заполнению постройки Б. Впоследствии, после анализа полевой документации и проведения естественно-научных исследований, он был предположительно связан с заполнением более ранней постройки (Гольева и др., 2018. С. 38). Это предположение подтверждается тем, что тот же тонкий прослой продолжался на участке Т 2015 г., где его можно было однозначно интерпретировать как заполнение постройки

А. Мощность этого горизонта была по-прежнему невелика, 2–10 см, но выражен он был гораздо более отчетливо. Нижняя его часть состояла из желтого материкового суглинка с включениями темно-серого суглинка, золы и углей, верхняя представляла собой тонкий (до 1–2 см) прослой темно-серого суглинка, густо насыщенного золой и углями. Его перекрывала подсыпка плотного желтого суглинка толщиной 4–8 см (рис. 3).

На участках работ 2013 и 2014 гг. в материале, происшедшем из заполнения более поздней постройки Б, были отмечены отдельные обломки гладкостенной керамики, орнаментированной гребенчатым штампом, в том числе по обрезу венчика, а также фрагменты штрихованной керамики. Как будет показано ниже, подобные сосуды были характерны для керамического комплекса постройки А. В заполнении постройки Б развалы таких сосудов отсутствовали. Все это говорит о том, что, возможно, на данном участке мыса заполнение постройки А оказалось полностью переработано в процессе функционирования более позднего жилища.

Длинный дом, по-видимому, состоял из нескольких теплых отсеков. Однако следы поперечных перегородок удалось проследить только один раз в 2010 г., когда на участке Н (кв. 81, 82, 84, 87) были расчищены контуры трех канавок шириной 20–25 см, которые шли почти параллельно друг

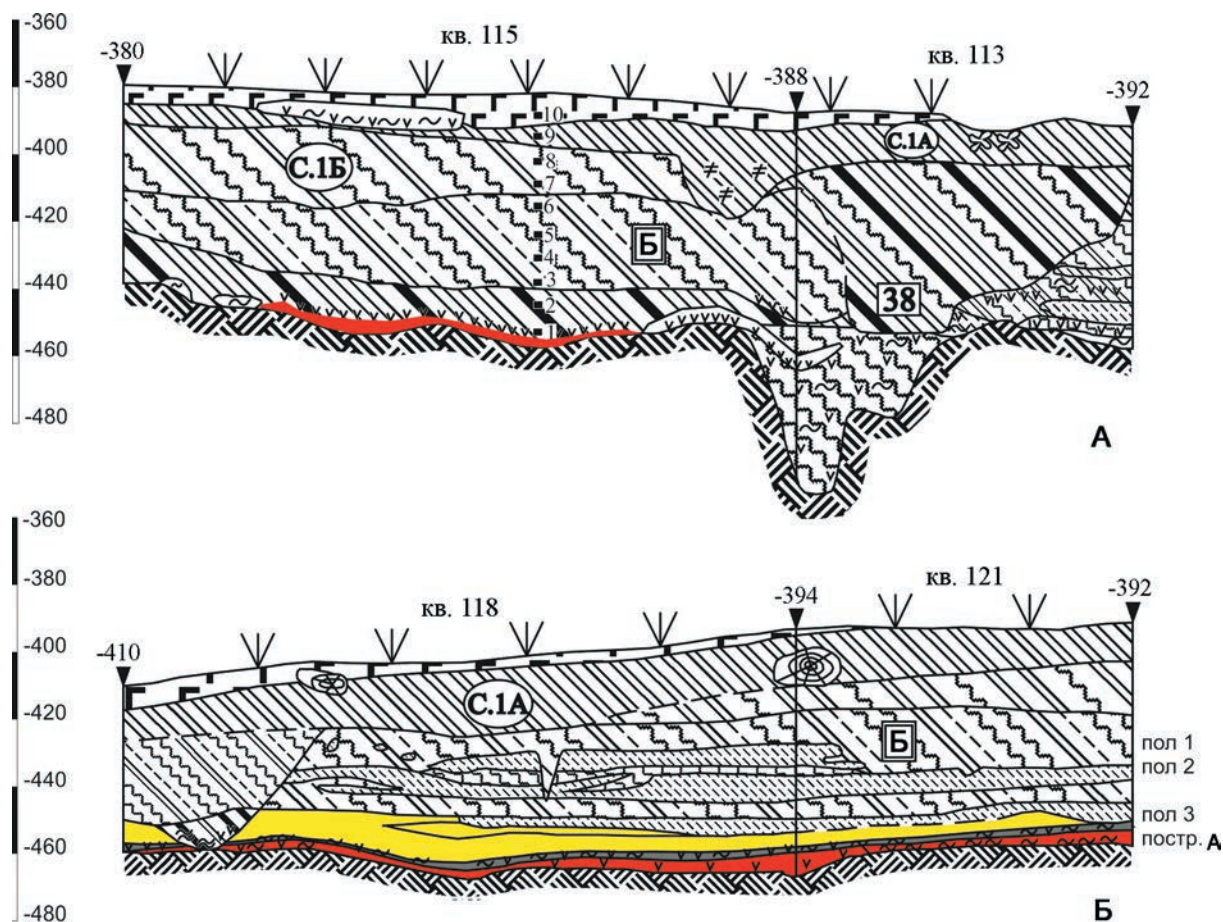

Рис. 3. Стратиграфическое положение постройки А

А – западный профиль участка С (2014 г.); Б – восточный профиль участка Т (2015 г.)

другу по линии ЮЗ – СВ, т.е. строго перпендикулярно восточной стенке постройки.

Судя по остаткам очагов, в сохранившейся части постройки отсеков было 4 или 5, но, так как северный край постройки был уничтожен эрозией, можно думать, что изначально их было больше. Сами отопительные устройства практически не сохранились, в основном от них остались лишь пятна прокала на материке (рис. 1). К сожалению, ничего определенного нельзя сказать о конструкции очагов, на сегодняшний день она остается неизвестной. Заполнение очагов сохранилось в незначительном объеме в двух случаях. При его изучении зафиксировано использование топлива как растительного, так и животного происхождения. Исследование остатков очага 1 показало, что в нем сжигалась животная органика (шкура, кожа, шерсть). Наличие древесного детрита в образце из заполнения очага 2 позволило допускать, что в этом очаге использовалось растительное топливо. Образец также содержал много фосфора

и малое количество фитоцитов. Значительное количество фосфора можно объяснить тем, что при приготовлении пищи в очаг попадали различные продукты питания, а малое количество фитоцитов – использованием в качестве топлива древесины, которая не образует фитоцитов (Гольева, 2004. С. 31; 2018. С. 36).

Лучше всего сохранился очаг 2, исследованный на участке К (кв. 64) в 2008 г. От него сохранилось углубленное в материк на 5–7 см ложе овальной формы размерами 90×55 см, вытянутое по линии С–Ю (рис. 4, а). Северо-восточный край очага был поврежден канавкой от западной стены постройки Б. Его заполнение наряду с грунтом содержало древесные угли и большое количество золы. Материк под очагом был прокален до красно-бурого цвета (рис. 4, б). Рядом с очагом, к западу от него, фиксировалось еще одно пятно прокала размерами 110×80 см, возможно, отмечавшее место размещения более раннего или более позднего отопительного устройства (очаг 2а).

Рис. 4. Очаг 2 постройки А

А – пятно очажной золы; Б – пятна прокала на поверхности материка

Остатки очага 1 были обнаружены в 2002 г. на границе кв. 33 и 34 (участок Д). Это было пятно прокала с вкраплениями угольков. Пятно имело овальную форму, было вытянуто по оси СЗ–ЮВ, его размеры – 100×76 см. К югу от него почти вплотную к южной торцевой стене постройки

на материке было расчищено еще одно небольшое пятно прокала – очаг 1а (?).

Участки прокаленного материка фиксировались и дальше к северу: в кв. 108 и 107 было расчищено достаточно большое пятно прокаленного материка размерами 150×110 см (очаг 3?). Точные размеры

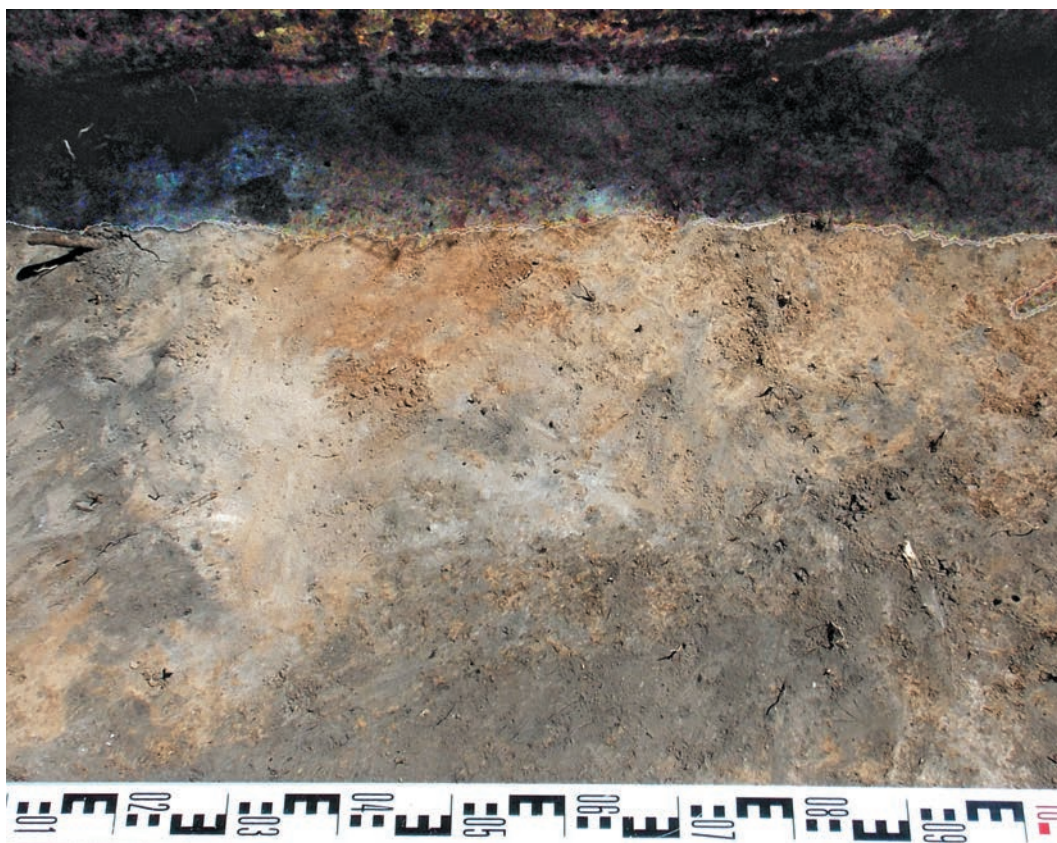

Рис. 5. Пятно прокала от очага 4 (кв. 121). Вид с запада

пятна установить было невозможно, так как его северная часть была полностью уничтожена позднейшими перекопами. Еще два небольших пятна прокала на полу постройки А (очаги 4 и 5) были выявлены в 2015 г. при исследовании отсека в северной части жилища. Диаметр первого пятна (кв. 118) был около 30 см, второго (в кв. 121) – 50–60 см (рис. 5). Между этими пятнами было значительное расстояние – около 2 метров, что не позволяет считать их остатками одной очажной конструкции. Вероятнее всего, это были два разных отопительных устройства.

Интересно, что в двух случаях очаги располагались попарно на близком расстоянии друг от друга (очаги 1 и 1а, 2 и 2а). Между очагами 1 и 1а расстояние было чуть больше метра, но оба они были расположены близко от торцевой стены постройки. Наличие в отсеках дублирующих друг друга отопительных устройств свидетельствует о том, что, вероятно, жилые помещения неоднократно перестраивались, при этом новые стены возводились, возможно, с некоторым отступом от старых: следы подобных перестроек хорошо видны в южном торце длинного дома.

На всем своем протяжении постройка А была заглублена в материк, в большей степени – с юга.

Перепад высот на этом участке между современной поверхностью материка и дном постройки составил от 50 до 80 см, в древности он был, видимо, больше, поскольку уровень древней дневной поверхности был несомненно выше (к сожалению, он нигде не сохранился и может быть установлен лишь гипотетически). С востока и запада постройка А была ограничена канавками, врезанными в материк. Они не всегда хорошо прослеживались, в некоторых случаях по трассе канавки фиксировался лишь неглубокий протяженный уступ в материке. Лучшее всего конструкция постройки А была прослежена в 2002 г. на участке Д. В раскоп попали отрезки сразу двух параллельных стен «длинного дома». Ширина постройки (между канавками от двух стен) составила около 3 м. На сохранившейся без повреждений части пола постройки А фиксировались многочисленные углубления различных размеров, в том числе столбовые ямы. Контуры постройки особенно хорошо просматривались на поверхности материка (рис. 6).

С востока постройка А была заглублена в материк в среднем на 20–30 см. Здесь ее ограничивала канавка шириной 24–26 см при глубине 8–10 см, которая проходила по линии ЮЮВ – ССЗ. Заполне-

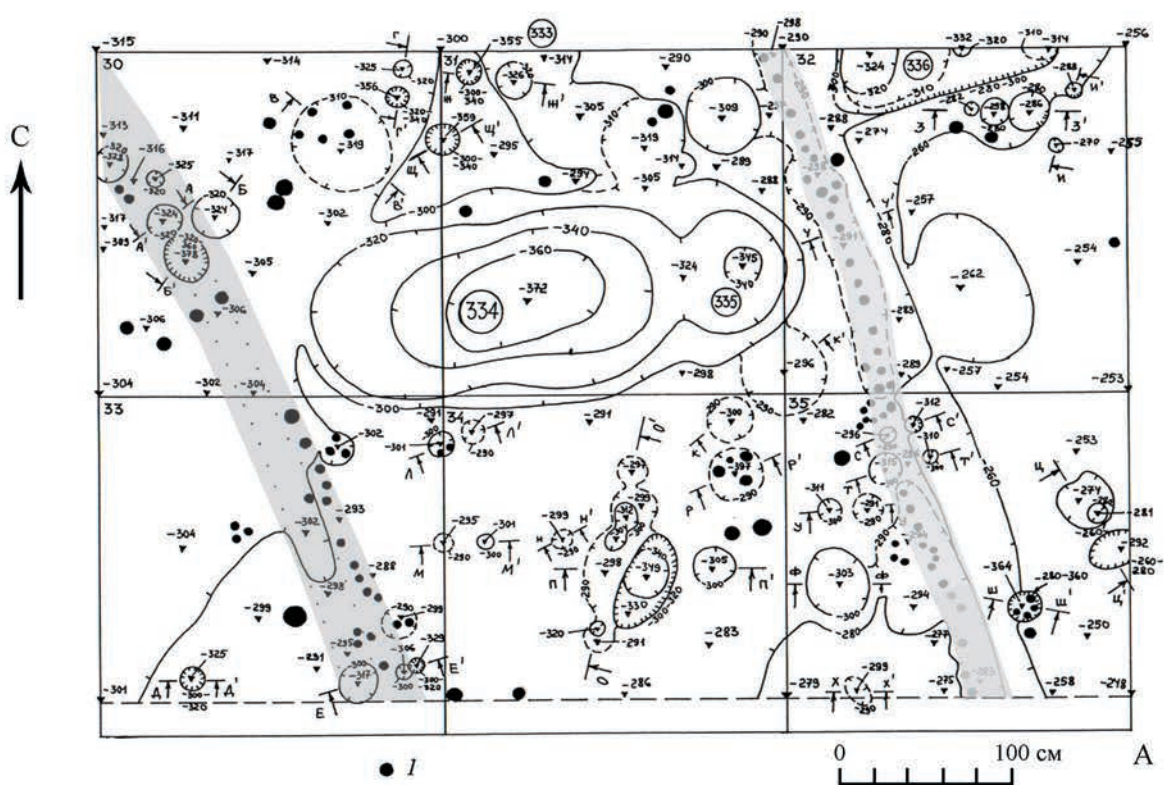

Рис. 6. Контуры постройки А на поверхности материка. Участок Д (2002 г.)
 1 – ямки глубиной до 5 см; А – план поверхности материка; Б – фото. Вид с востока

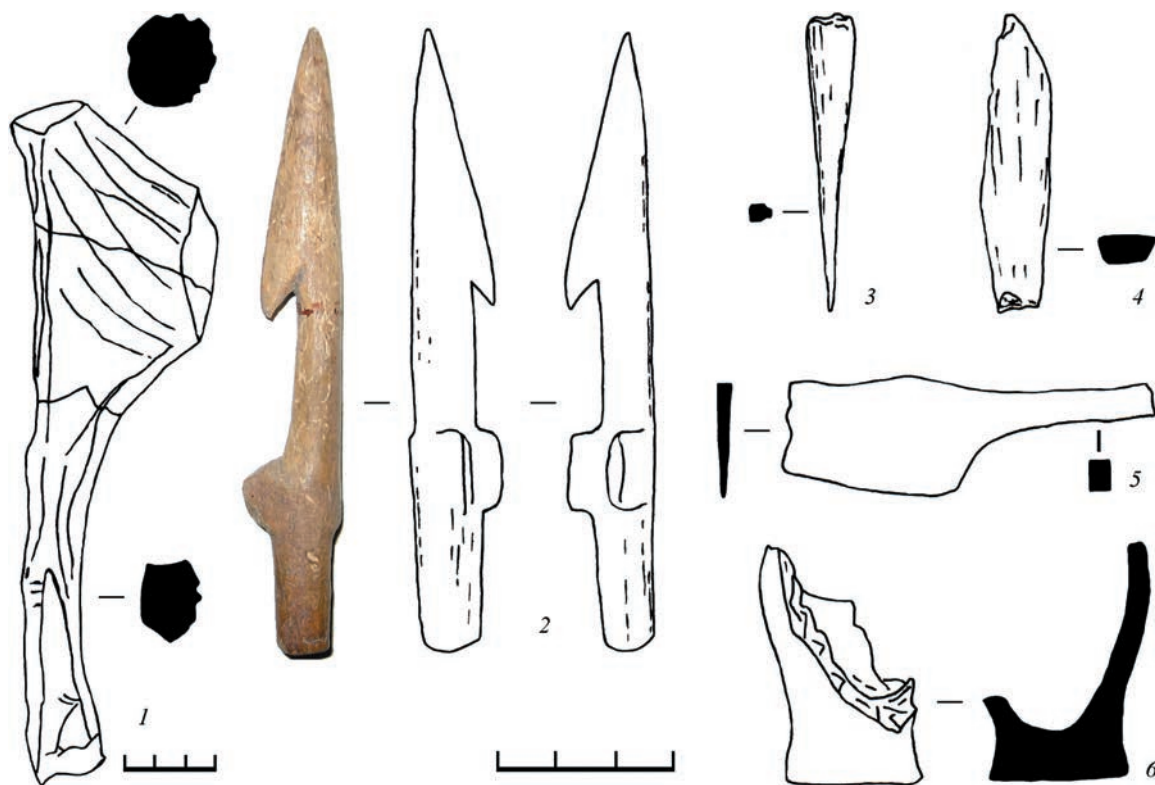

Рис. 7. Находки из заполнения постройки А

ние канавки варьировалось от темно-серого до светло-серого суглинка. На дне канавки была расчищена линия столбовых ямок диаметром 4–7 см и глубиной не более 5 см, шедшая по трассе канавки на всем ее протяжении. В основном ямки располагались вытянутыми в линию группами, по три в каждой. Таким образом, можно предположить наличие в этом месте какой-либо стены в виде плетневой конструкции, обмазанной глиной или грязью.

С запада постройка А также была ограничена врезанной в материк канавкой, которая сохранилась гораздо хуже и отчетливо фиксировалась только на отдельных участках. Ее ширина составляла 14–20 см, а глубина 1–10 см. Заполнение канавки состояло из серого суглинка. Вдоль восточного края канавки местами прослежены ямки диаметром 4–5 см и глубиной до 5 см, образующие отдельные группы. На дне канавки были также зафиксированы крупные столбовые ямы диаметром около 20 см, глубиной от 17 до 45 см (в кв. 30 и 33), которые, вероятно, относились к конструкции стены. Расстояние между ними составило чуть более 2 м.

Из заполнения постройки А происходит 19 индивидуальных находок. В основном это различные отходы косторезного производства и заготовки из кости и рога (рис. 7, 1). Два таких обломка со следами обработки, один из которых представ-

лял собой, вероятно, заготовку наконечника стрелы (рис. 7, 4), были найдены рядом с пятном прокала от очага 1 на полу постройки. Еще один – в ямке рядом с канавкой от восточной стены постройки. Обломок костяной проколки (рис. 7, 3) находился в заполнении столбовой ямы на материковом полу жилища.

Из остальных находок следует отметить костяной однозубый гарпун с муфтой (рис. 7, 2), принадлежавший к отделу отделяющихся, тип 1 по К. А. Смирнову (1974. С. 35. Табл. II, 11), обломок точильного камня из красного кварцита с зашлифованными ложбинками на обеих сторонах и обломок «рогатого кирпича», который по составу формовочной массы (красный суглинок, насыщенный мелким песком, но без органической примеси) существенно отличался от других «рогатых кирпичей», найденных на городище (в постройке Б и слоях 1–2). Обломок лежал рядом с пятнами прокала на материке (кв. 64), которые маркировали местонахождение очагов 2 и 2а. Исключительно редкой находкой является обломок железного ножа (рис. 7, 5). К комплексу постройки также относился фрагмент миниатюрного сосуда (рис. 7, 6), изготовленного из формовочной массы с примесью мелкой дресвы. По форме он близок к аналогичным находкам из слоя В Дьякова городища

Таблица 1. Состав формовочных масс керамики раннего железного века из раскопок в Ростиславле

Рецепты составления формовочных масс	Типы керамики		
	штрихованная	гладкостенная	сетчатая
Глина + дресва крупная	7	10	2
Глина + песок + дресва мелкая	16	4	–
Глина + песок + дресва крупная	26	58	16
Глина + песок + дресва из карбонатов	–	7	–

Таблица 2. Форма края сосудов раннего железного века из раскопок в Ростиславле

Форма венчика	Типы керамики		
	штрихованная	гладкостенная	сетчатая
Вертикальный край без каких-либо деформаций	6	12	–
Вертикальный, переходящий в расширяющееся тулово	2	1	2
Такой же венчик, имеющий срез по верхней грани	–	2	–
Изогнутый в наружную сторону	–	–	2

(Кренке, 2011. Рис. 189). В заполнении постройки А также были найдены 6 кремневых отщепов³.

Керамический комплекс постройки А (собранный на участках раскопа V, исследовавшихся в 2001, 2002, 2004, 2008, 2009 и 2015 гг.) был невелик (148 обломков), но при этом отличался цельностью и своеобразием. Больше половины его составляла гладкостенная керамика (79 шт. или 53%), ровно треть комплекса (49 шт. или 33%) – «штрихованная»⁴ керамика, еще 18 шт. (12%) относились к ранней «сетчатой» керамике. При этом не исключено, что доля «штрихованной» керамики могла быть несколько выше, поскольку среди гладкостенной посуды встречались обломки с очень слабыми следами расчесов аналогичным гребнем только по внутренней поверхности, которые не исключались из числа гладкостенной керамики.

Если типы гладкостенной и «штрихованной» керамики не имели каких-то внутренних градаций, в «сетчатой» керамике доминировала группа «нитчатой» – с отпечатками тонких крученых нитей (14 шт.), но были также встречены 1 обломок сосуда с отпечатками толстых крученых веревок и три обломка стенок сосудов с «мелкорябчатыми» отпечатками. Последние могли попасть в комплекс по случайным причинам (по кротовинам). Заметим, что обломки сосудов с «веревочными» отпечатками составляла существенную часть керамики слоя 3, фрагменты которого были обнаружены в 1999 г. на склоне площадки городища.

Все три типа керамики из постройки А были изготовлены фактически по единой рецептуре составления формовочной массы: глина + дресва, однако в ней отмечались небольшие различия – использование жирной или запесоченной глины, крупной или мелкой дресвы из камней кварцитов пород либо дресвы из карбонатов (обломочного известняка). Эти характеристики представлены в таблице 1.

Из таблицы видно, что тут преобладали массы с примесями песка и кварцевой дресвы. Несколько выделяется лишь гладкостенная керамика, для изготовления которой изредка применялась масса, в которую был добавлен дробленый известняк. Известняковая дресва, вероятно, являлась лишь заменителем обычной дресвы из кварцитов.

Интересно рассмотреть также морфологию горшков разных типов, о которой свидетельствуют их краевые части (табл. 2)

Несмотря на то что выборка невелика, она свидетельствует о морфологической близости «штрихованных» и гладкостенных горшков, имевших одинаковую усеченно-коническую форму с вертикальным или слегка наклоненным внутрь горшка краем (рис. 8, 1; 9, 1–5, 11–16). Более профилированные горшки с выделенным венчиком (рис. 8, 2–3; 9, 7, 10, 19, 20) встречались редко, причем тот факт, что им принадлежали лишь небольшие обломки, заставляет думать, что они могли попасть в комплекс как переотложенный более ранний материал. Единично (причем толь-

³ Отщепы могли попасть сюда из более ранних отложений, практически не сохранившихся на мысовой площадке.

⁴ При раскопках Ростиславльского городища такое наименование дали керамике, внешняя (а иногда и внутренняя) поверхность которой покрыта глубокими расчесами гребнем. В это название не вкладывалось никакой смысловой отсылки к посуде «культуры штрихованной керамики» западной части Русской равнины, а лишь обозначалась фактура поверхности сосудов.

Таблица 3. Типы орнаментации на керамике раннего железного века из раскопок в Ростиславле.

Способ нанесения декора	Типы керамики		
	Штрихованная	Гладкостенная	Сетчатая
Венчики с орнаментом, из них:	3	5	—
– гребенчатый штамп	3	1	—
– нарезы	—	4	—
Стенки с орнаментом, из них:	5	8	1
– гребенчатый штамп	3	6	—
– нарезы	—	2	—
– ямки	2	—	—
– фигурный штамп	—	—	1

Рис. 8 Керамика из постройки А

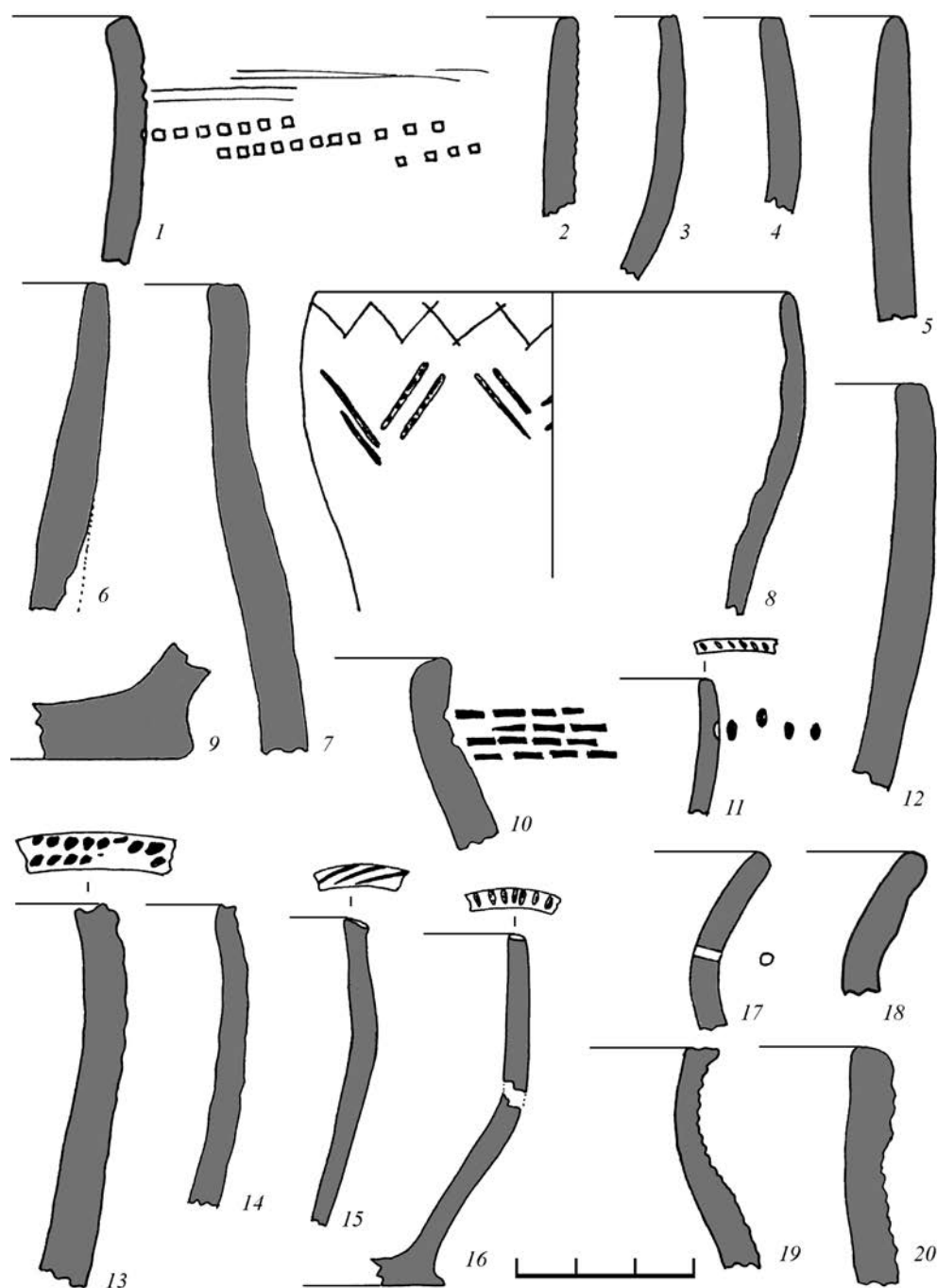

Рис. 9. Керамика из постройки А

ко у горшков с «сетчатой» нитчатой поверхностью) встречены изогнутые наружу венчики (рис. 9, 17, 18), которые, скорее всего, попали в комплекс по кротовинам из вышележащих отложений слоя 1. Следовательно, «баночно-конические» горшки были абсолютно доминировавшей формой кухонной посуды, использовавшейся хозяевами постройки А.

Целесообразно рассмотреть и орнаментацию, которая была зафиксирована на 22 обломках, т. е. на 15% керамики (табл. 3).

При этом гребенчатым штампом украшалась не только «штрихованная» керамика (6 из 8 орнаментированных обломков), но и гладкостенная (7 из 13), т. е. отпечатки гребенчатого штампа составляли тут половину орнаментации.

Характерной чертой заполнения постройки А была его насыщенность мелкими углями и золой, это позволило предположить, что на одном из первых этапов своего существования постройка пострадала от пожара. Исследование угольков, най-

денных в этой прослойке в 2004 г., показало, что они принадлежали дубу (1 шт.), вязу (4 шт.), ясеню (7 шт.), иве (1 шт.). Образец золы с пола постройки, взятый в 2002 г., содержал большое количество обугленного древесного и травянистого детрита, много фитолитов и целых панцирей диатомовых водорослей, которые, напротив, не были обуглены, т.е. они не горели вместе с древесиной. Анализ образца позволил сделать вывод, что в этом месте пол посыпался готовой золой, а после этого на золистую подсыпку настилались различные травы. Диатомовые водоросли могли попасть в образец как вместе с водой, так и в составе выстилок на полу, которые могли включать водные и болотные растения. В образце грунта с пола постройки А, взятого в 2002 г., были следы древесины и различных трав. Почвенные образцы, взятые с пола постройки в 2008 и 2015 гг., также содержали большое количество валового фосфора (более 1,0–1,5%), что возможно только при разложении животной органики, вероятно, применявшейся для выстилок на полу жилища. В образцах также были обнаружены фитолиты мхов, тростника и культурных злаков (Гольева, 2004. С. 31, 32; Гольева и др., 2018. С. 35, 36, 41).

На сегодняшний день не совсем ясно, были ли в постройке А светлые суглинистые подсыпки пола, характерные для более поздних жилищ городища, поскольку сохранилась лишь придонная часть заполнения сооружения, его основной объем был уничтожен, вероятнее всего, при строительстве постройки Б. Таким образом, этот вопрос остается открытым.

К югу постройку А продолжала постройка А-1, которая исследовалась в 1998, 2000 и 2001 гг. (в полевых отчетах пронумерована как «постройка 4»). Одним из оснований в пользу выделения этого участка длинного дома в отдельную единицу послужило то, что между полом постройки А и полом постройки А-1 в древности был значительный перепад высот, до 80 см, что выглядит странным, если мы говорим о соседних отсеках одного жилища. Однако если предполагать, что уклон древней дневной поверхности мыса был близок современному, то ступенчатое строение полов постройки кажется вполне возможным. Таким образом, нет твердых оснований считать постройку А-1 отдельным жилым комплексом, тем более что ее восточная стенка продолжала линию восточной стенки постройки А. При этом имелось важное стратиграфическое различие – при возведении постройки Б заполнение постройки А-1 не было перекрыто

прослойкой желтого материкового суглинка (как в постройке А). Поэтому представляется возможным рассматривать постройку А-1 в качестве следов расширения постройки А к юго-востоку.

Постройка А-1 имела прямоугольную форму и была несколько заглублена в материк (глубина составляла около 5 см). Пол постройки был выровнен и имел небольшой уклон к ССЗ (перепад отметок составил около 10 см). Западный край постройки был оформлен канавкой шириной около 40 см и глубиной 5–10 см, зафиксированной по линии ССЗ–ЮЮВ на протяжении 6,4 м. В этой канавке была обнаружена строительная жертва – кости расчлененных тушек 3 куниц (рис. 1, Е). На дне постройки А-1 выявлены 2 крупные ямы неправильных очертаний поперечником до 80 см, а также следы очага диаметром около метра – в виде пятна слабо прокаленного материка, перекрытого прослойкой золистого песка.

Выделить комплекс находок, соответствующий заполнению этого жилища, в настоящий момент достаточно сложно: постройка А-1 была частично перекрыта постройкой Б, но здесь, как отмечено выше, не было стерильной прослойки, разделявшей их заполнения, что не позволяло надежно разделить эти два комплекса.

Определенный интерес представляет набор керамики, собранный со дна постройки А-1. Среди 30 обломков здесь были только 3 фрагмента «сетчатой» керамики (2 с «рябчатыми» отпечатками и 1 – с «нитчатыми»), 1 обломок «штрихованной» керамики, а все остальные (25 шт.) принадлежали гладкостенным сосудам из теста с примесью мелкой или крупной дресвы. Из них 12 принадлежали четырем разным горшкам с горизонтальными расчесами многозубым штампом по внутренней и внешней поверхности, в том числе с орнаментом из отпечатков того же гребенчатого штампа (их также можно было причислить к «штрихованной» керамике, но глубина расчесов была настолько незначительной). Остальные 13 обломков принадлежали в основном тонкостенным сосудам из теста с очень небольшим содержанием песка и дресвы.

В предыдущей статье, посвященной исследованию раннедьяковских жилищ Ростиславльского городища, в состав постройки А были также включены остатки жилища, зафиксированного в южной части площадки, на участке, вплотную примыкающем к валу (постройка 8)⁵ (Гольева и др., 2018. Рис. 1). Она перекрывала заполнение сооружения 22 (канавка от частокола), представлявшего

⁵ Цифровая нумерация присваивалась постройкам в ходе полевых исследований. С такой нумерацией они отражались в отчетах о раскопках.

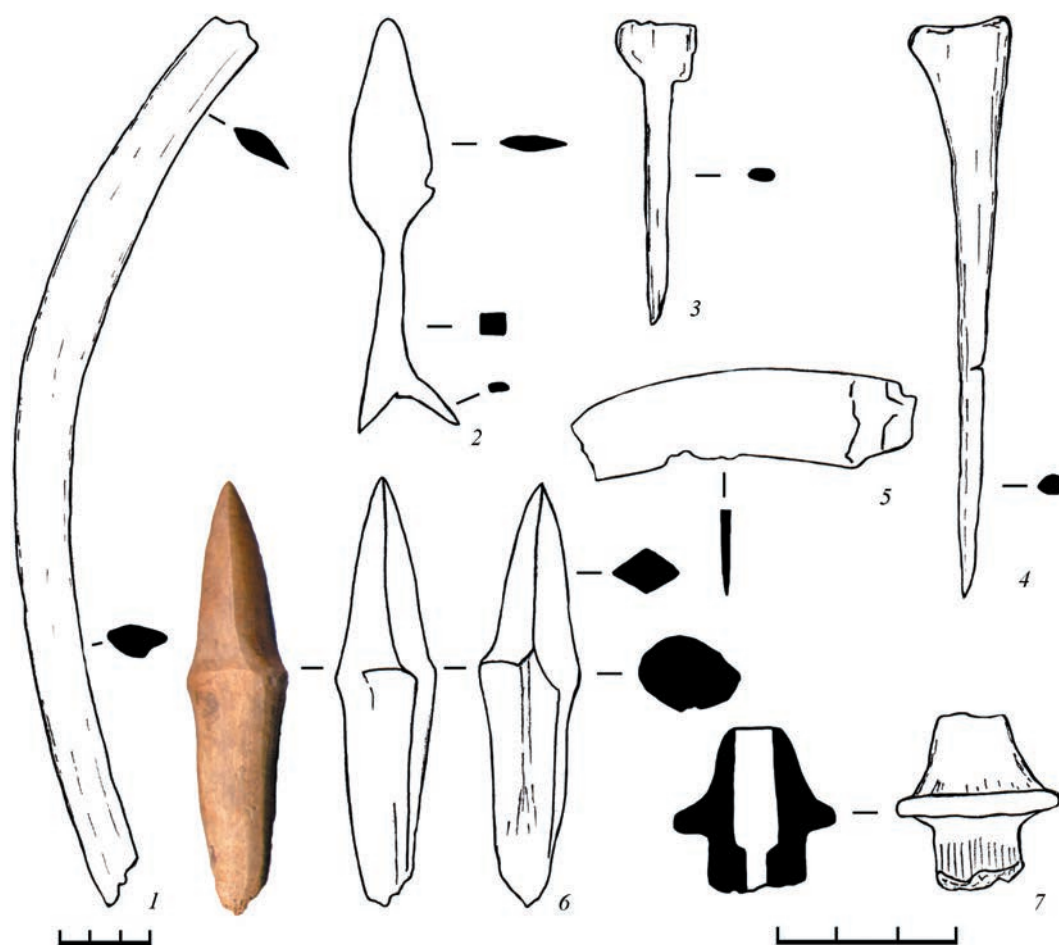

Рис. 10. Находки из заполнения постройки А-2

собой следы самой ранней оборонительной линии городища. Осталось не вполне ясным соотношение этой постройки и первого этапа насыпи вала, сменившего стену-часток. Анализ материала, происходящего из этого сооружения, показал, что, возможно, оно относится к более позднему времени, чем постройка А, и стратиграфически занимает промежуточное положение между постройкой А и постройкой Б. В дальнейшем это сооружение будет обозначаться как *постройка А-2*.

Постройка А-2 впервые выявлена при работах 2004 г. Ее направление также совпадало с направлением построек А и А-1. Ее северный и западные края уходили в раскопы 1998–1999 гг., однако на них ее не удалось выделить в отдельный комплекс, хотя канавка от западной стены этой постройки хорошо видна на плане материка участка Б 1999 г. (кв. 17)⁶. Связано это с тем, что постройка

А-1, вероятно, подвергалась ремонтам, что привело к появлению нескольких канавок и уступов, маркирующих перестройки. По этой причине четко отделить ее заполнение от постройки А-2 в настоящий момент не представляется возможным. В 2004 г. на участке Ж при исследовании заполнения постройки А-2 были зафиксированы светлые суглинистые подсыпки пола, аналогичные имевшимся в более поздней постройке Б.

Наиболее яркими находками, происходившими из заполнения постройки А-2, были обломок костяной рукояти с грибовидным навершием и железный наконечник стрелы с двушипным черешком (типа «ласточкин хвост») (рис. 10, 2). Рукоять ножа (рис. 10, 7) найдена в верхнем горизонте постройки. Она была изготовлена из рога лося (олень?)⁷ и орнаментирована вертикальными насечками. Рукояти подобного типа встречены в нижнем

⁶ В 1999 г. канавка от западной стены постройки Г была обозначена как сооружение 8.

⁷ Определение Е.Е. Антипиной (ИА РАН).

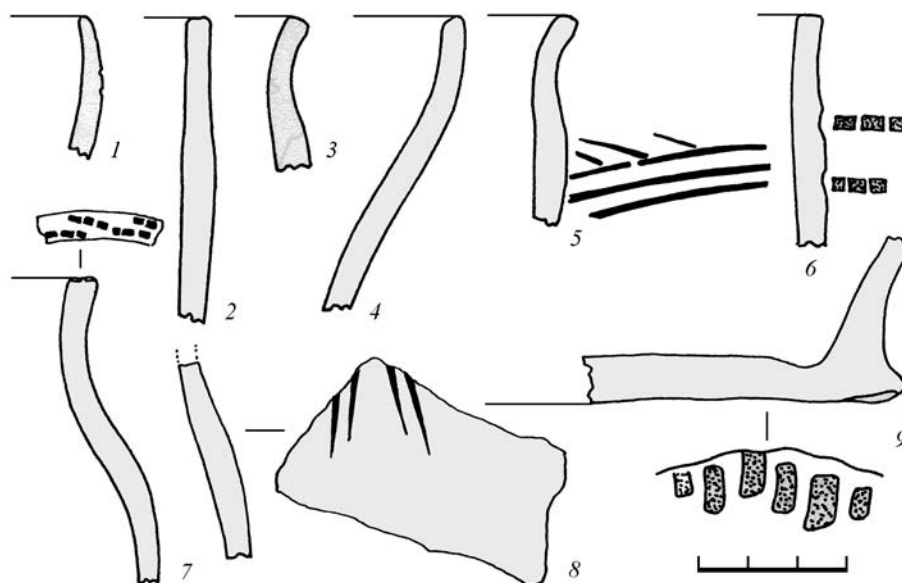

Рис. 11. Керамика из постройки А-2

горизонте верхнего слоя Щербинского городища, на Старшем Каширском, Дьяковом, Сетунском городищах, а также городищах Прислон, Графская гора, где датируются второй половиной I тысячелетия до н. э. (Розенфельдт, 1974. С. 101).

Здесь же найдена заготовка костяного наконечника стрелы, изготовленной из длинной трубчатой кости крупного копытного животного (рис. 10, 6). Форма заготовки – ромбическое сечение пера и утолщение при переходе к черешку – сближает этот предмет с наконечниками стрел раннего этапа дьяковской культуры: это стрелы типа 5, группа 1 и типа 9, группа 2 (по Н. А. Кренке). Она также близка стрелам типов 9 и 10 по К. А. Смирнову. Подобные стрелы характерны для слоя В Дьякова городища. Стрелы этого типа известны как на Ростиславле, так и на других городищах дьяковской культуры: Щербинском, Старшем Каширском, Сетунском, Дьяковом, Боршеве, Мутенковском и Мамоновом (Кренке, 2011. С. 47, 48. Рис. 84; Смирнов, 1974. С. 31. Табл. I, 16, 17; Медведев, 2007. Рис. 2, в). В заполнении постройки А-2 также были обнаружены 2 мелких обломка «рогатых кирпичей», небольшой выплеск бронзы и костяной скобель (рис. 10, 1). Подобные орудия из кости с продольно изогнутым лезвием типичны для нижнего слоя Дьякова городища. Они найдены также на многих других дьяковских городищах с ранним слоем (Кренке, 2011. С. 49. Рис. 88).

Из самого нижнего горизонта постройки (не выше 20 см от ее материкового пола) происходили всего 3 находки: костяная заготовка (рис. 10, 6), обломок железного ножа (рис. 10, 5), и железный наконечник стрелы (рис. 10, 2). Последний близок к типам 3 и 5, по К. А. Смирнову (Смирнов, 1974. С. 34). Эта находка может служить определенным хронологическим репером: наконечники с черешком в виде ласточьего хвоста принято датировать в рамках IV–III вв. до н. э.⁸ (Медведев, 2006. С. 53. Рис. 2, б).

Керамический комплекс постройки А-2 (рис. 11) в целом схож с комплексом постройки А. Хотя он статистически нерепрезентативен (66 обломков), в нем, как и в постройке А, преобладала гладкостенная непрофилированная или слабопрофилированная керамика, при небольшой доле «штрихованной», но количество «сетчатой» керамики было уже гораздо выше и, по этому признаку она сближается с керамикой постройки Б. Надо также заметить, что ранний комплекс, отложившийся на полу постройки А-2, не являлся закрытым комплексом и, несомненно, был загрязнен более поздним материалом, залегающим в верхней части ее заполнения, где присутствовала в том числе и лощеная посуда, пусть и в единичных обломках. Поэтому делать какие-то выводы, опираясь на материал из заполнения постройки А-2, рискованно.

Датировка постройки А представляет собой непростую задачу. Индивидуальные находки,

⁸ Устная консультация В. Е. Маслова (ИА РАН).

найденные в заполнении постройки А, не дают точной даты. В слое плотного желтого суглинка, перекрывавшего постройку А и представлявшего собой следы позднейшей перепланировки на этом участке, был найден костяной однозубый гарпун с муфтой, аналогичный найденному в заполнении постройки и относящийся, по К. А. Смирнову, к раннему этапу дьяковской культуры, не позднее IV–III вв. до н. э. (Смирнов, 1974. С. 35. Табл. II, 11).

Керамика из ее заполнения в целом соответствовала комплексу, отложившемуся на этапах 2–3 создания вала городища, в котором было близкое процентное соотношение трех основных типов керамики (гладкостенной/штрихованной/сетчатой – 60/21/16). Впрочем, сходство имелось и с комплексом более раннего этапа 1 (соотношение 48/40/10) (Коваль, 2011. Табл. 2). При этом надо помнить, что на первых этапах создания вала в его тело укладывался срезанный с площадки городища более ранний культурный слой, который можно предварительно датировать VI–IV вв. до н. э., тогда как возведение самой насыпи вала относится ко второй половине – концу III в. до н. э. (Коваль, 2011. С. 51).

Заполнение постройки А происходило, разумеется, иначе, однако и сюда могла проникать часть материала из более раннего культурного слоя. Например, «штрихованная» и гладкостенная керамика профилированных форм с гребенчатым орнаментом (рис. 9, 2, 3; 11, 10) могла попасть сюда также с площадки городища как переотложенный материал (впрочем, такой сценарий нельзя считать единственно возможным). Гораздо более важным датировочным признаком рассматриваемого комплекса является присутствие в нем развала части непрофилированного горшка с «штрихованной» поверхностью (рис. 9, 1). Можно думать, что этот развал синхронен периоду жизни постройки А, причем самому раннему ее этапу. Кажется возможным предполагать, что непрофилированные «штрихованные» горшки отражают переходную стадию развития керамики данного памятника – от профилированных «штрихованных» и гладкостенных горшков к непрофилированным гладкостенным сосудам.

Чрезвычайно важны находки в заполнении постройки А керамики с отпечатками гребенчатого штампа. Для Москворечья керамика, орнаментированная гребенчатым штампом, характерна для культуры начального железного века. Принято считать, что на памятниках бассейна Москвы-реки

сосуды, орнаментированные отпечатками гребенчатого штампа, исчезают на рубеже VI–V вв. до н. э. По наблюдению О. А. Лопатиной, подобная керамика, которую она предлагает обозначать термином «керамика каширского типа», встречается на дьяковских городищах и в более поздних слоях V–III веков до н. э. В целом данный керамический комплекс имеет несомненные черты сходства с керамикой ранних слоев Мутенковского, Старшего Каширского и Корыстовского городищ, для которых характерно сочетание штрихованной и гладкостенной посуды с отпечатками гребенчатого штампа и сетчатой («нитчатой») керамики. Керамика с оттисками гребенчатого штампа была найдена также на городище Свиридоново III, которое расположено всего в нескольких километрах от Ростиславля (Кренке, 2019. С. 42, 53; Лопатина, 2019. С. 199–200; Сидоров, 2004. С. 126; 2005. С. 12, 22).

Таким образом, наиболее вероятным представляется синхронизировать отложение культурного слоя в постройке А с несколько более ранним временем, чем возведение вала Ростиславльского городища: в пределах середины – третьей четверти I тысячелетия до н. э.

На сегодняшний день последовательность возведения построек на Ростиславльском городище выглядит следующим образом: наиболее древней следует считать постройку А. Самая поздняя – постройка Б. Между ними хронологически помещаются постройки А-1 и А-2, при этом нельзя исключать того, что обе они были более поздними частями постройки А, появившимися в ходе ее расширения к юго-востоку. Постройка А-2 предшествовала возведению постройки Б. Но если последняя не доходила до канавки от стены-частокола, то А-2 перекрывала ее, т. е. возникла после того, как этот частокол был ликвидирован и его сменил насыпной вал. Находка в заполнении постройки А-2 наконецника стрелы с двушипным черешком IV–III вв. до н. э. может служить своеобразной «точкой отсчета». Эту дату можно рассматривать как верхнюю хронологическую границу для заполнения постройки А и одновременно нижнюю границу для заполнения постройки Б. Это предположение не вступает в противоречие с радиоуглеродной датой, полученной по древесному углю из кв. 52 в постройке А (рис. 1, Л), в интервале 595–356 гг. до н. э. (ИГАН-3362)⁹, т. е. VI–IV вв. до н. э.

⁹ Калиброванный возраст по ¹⁴C. Даты откалиброваны по программе Вашингтонского университета (Stuiver, Reimer, 1993. P. 215–230).

Эту дату подтверждают и результаты палинологического анализа. Колонка образцов была отобрана по северному борту участка Г в 2001 г. (кв. 25). К постройке А относятся два образца (№ 1 и 12). По мнению Е. А. Спиридоновой, «характер палинологических спектров данного комплекса по сравнению с рядом других этапов отражает теплые и достаточно влажные условия». При этом два других образца (№ 2 и 3), которые происходят из нижней части заполнения более поздней постройки Б, относятся к более холодной фазе I тысячелетия до н. э. Судя по характеру спектров, между образцами из постройки А и этой группой образцов был перерыв. Два указанных выше образца из постройки А имеют одинаковый состав палинологических спектров с образцом (№ 5) из другой колонки, отобранной в 1999 г. (кв. 14; рис. 1, К). По мнению Е. А. Спиридоновой, они отражают время, близкое к середине I

тысячелетия, на которое приходился один из оптимумов железного века (Спиридонова, 2007. Л. 184). Здесь надо указать, что кв. 14, где отбирались образцы для палинологического анализа, находился на границе построек А-1 и А-2, поэтому образец № 5 мог относиться к заполнению как одного, так и другого сооружения. Тем не менее, отмеченная близость состава образцов является одним из свидетельств, указывающих на хронологическую близость построек А, А-1 и А-2. Отсюда можно делать вывод о том, что все ремонты и расширения постройки А происходили в рамках одной эпохи, характеризовавшейся сходными климатическими особенностями.

Таким образом, как археологический материал, так и данные разных естественно-научных методов совпадают в точке, близкой к середине I тысячелетия до н. э. Этим временем мы и считаем возможным предварительно датировать постройку А.

Литература

- Гольева А. А., 2004. Комплексные естественно-научные исследования на городище Ростиславль Рязанский // АП. М.: ИА РАН. С. 24–33.
- Гольева А. А., Тавлинцева Е. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Исследование жилищ дьяковской культуры Ростиславля Рязанского естественнонаучными методами (предварительная публикация) // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 32–43.
- Коваль В. Ю., 2011. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 35–57.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Кренке Н. А., 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Москва – Смоленск: ИА РАН. 392 с.
- Лопатина О. А., 2019. Керамика москворецких и окских памятников дьяковской культуры как исторический источник. Дис. ... канд. истор. наук. Т. I / Архив ИА РАН. Р-2.
- Медведь А. Н., 2007. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 52–57.
- Розенфельдт И. Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 90–197.
- Сидоров В. В., 2004. Мутенковское городище // АП. М.: ИА РАН. С. 108–127.
- Сидоров В. В., 2005. Корыстовское городище // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 10–25.
- Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 7–89.
- Спиридонова Е. А., 2007. Результаты палинологических исследований на городище Ростиславль / Отчет Ростиславльской археологической экспедиции о работах 2007 года. Приложение 7 / Архив ИА РАН. Р-1. № 30980. Л. 178–191.
- Stuiver M., Reimer P. J., 1993. Extended ^{14}C data base and revised Calib 3.0 ^{14}C age calibration program // Radiocarbon. Vol. 35. № 1. P. 215–230.

E. Yu. Tavlintseva, V. Yu. Koval, A. A. Golieva

The Oldest Early Iron Age Dwelling of Rostislavl Hillfort

Summary

The early Iron Age dwelling A excavated at Rostislavl hillfort between 1998 and 2016 dates back to the middle of the first millennium BC. Being about 30 meters long and 3 meters wide it was a type of "longhouse". Most part of it was destroyed during the construction of the later dwelling B. Judging by the number of hearths, the dwelling was separated into at least 4 or 5 individual compartments. The walls of the "longhouse" probably had a palefence construction

and were reconstructed several times as well as hearths. There is no much information about the interior of the dwelling but analysis of soil samples allows to presume that the floor had organic coverings or mats on it. Ceramics discovered in the dwelling A (148 fragments) included scratched (33%), smoothed (53%) and textile (12%) pottery, some vessels with scratched and smoothed surface bearing comb stamp imprints.

List of figures

Fig. 1. Cape part of the settlement excavated in 1998–2016 and the general plan of A – B dwellings

A – grooves of the walls of dwellings; Б – suggested separating walls; В – stratigraphic cuts (fig. 2; 5); Г – dwelling A hearths; Д – dwelling A area; Е – place where marten bones were discovered; Ж – A-1 and A-2 dwellings; 3 – ditch of the early defensive stockade; И – zone destroyed by erosion and medieval pits; К – palynological column location; Л – place where the sample for radiocarbon dating (IGAN-3362) was got

Fig. 2. Northern profile of the excavation in 2001 (area "Г")

Fig. 3. Stratigraphic position of dwelling A

A – western profile of the excavation area C (2014); Б – eastern profile of the excavation area T (2015)

Fig. 4. Outlines of dwelling A on the mainland surface. Excavation area Д (2002)

1 – small pits up to 5 cm deep; А – mainland surface plan; Б – photo. View from the East

Fig. 5. Hearth 2 of dwelling A

А – ashes; Б – burned mainland surface

Fig. 6. Burned mainland surface under hearth 4 (sq. 121). View from the West

Fig. 7. Finds discovered in dwelling A

Fig. 8. Pottery discovered in dwelling A

Fig. 9. Pottery discovered in dwelling A

Fig. 10. Finds discovered in dwelling A-2

Fig. 11. Pottery from the dwelling A-2

В. В. Миненко, И. Н. Разумов, И. И. Сироштан
Институт археологии РАН, Москва

Неготино-8 («Красный городок») – городище раннего железного века на верхней Десне

Окрестности с. Вщиж на участке от д. Дятковичи на северо-западе до д. Неготино на юго-востоке, расположенные на территории современного Жуковского р-на Брянской обл., в бассейне Верхней Десны, достаточно хорошо изучены в археологическом отношении (рис. 1). Но поскольку данный микрорегион находится в контактной зоне нескольких археологических культур раннего железного века лесной полосы Восточной Европы – юхновской, днепро-двинской, милоградской, верхнеокской, – научный интерес к нему не ослабевает.

Одни из первых археологических раскопок (хоть и на любительском уровне) на территории Брянской области были проведены именно здесь местными помещиками и сельским духовенством (В. М. Зиновьевой, М. М. Фоминым, Н. Митропольским) в 40-х гг. XIX в. (Поляков, 2011).

Сбор и обобщение сведений о городищах рассматриваемого региона начали во второй половине XIX – начале XX в. члены Орловской ученой архивной комиссии А. Г. Пупарев (1877. С. 59–108) и А. Н. Шульгин (1906). В XX в. здесь работали И. Е. Евсеев (1908. С. 46–52) и С. А. Чуев (1903), после революции – брянские археологи и краеведы С. С. Деев (1927. С. 32) и В. А. Восинский (1928). В середине XX в. в течение трех полевых сезонов во Вщиже и его окрестностях работала экспедиция ИИМК под руководством Б. А. Рыбакова (1951). Были проведены масштабные раскопки во Вщиже, на городище-святилище Благовещенская Гора (исследовано практически полностью)

и на городище Овстуг. Разведки по р. Десна проводили Р. Л. и И. Г. Розенфельдты, Ф. М. Заверняев, Е. А. Шмидт, А. К. Амброс, Л. В. Артишевская, И. И. Ляпушкин, А. С. Смирнов, П. Н. Третьяков, И. И. Артеменко. С 1990-х гг. в этом регионе работают археологи БГУ (Е. А. Шинаков, В. Н. Гурьянов, А. А. Чубур, Д. А. Карпов) и сотрудники Деснинской экспедиции ИА РАН (Р. А. Нигматуллин) (Кашкин, 2001).

Казалось бы, найти новые городища на этой территории уже невозможно. Тем не менее, в ходе обследования территории бассейнов верхней Десны и Судости, проведенного сотрудниками отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в рамках плановой научной темы «Актуализация данных о городищах периодов раннего железного века и Средневековья на территории Московской и Брянской областей (по материалам спасательных работ)», на участке береговой линии правого берега р. Десны, протяженностью всего 9 км, за 2017–2018 гг. открыто и обследовано на современном научном уровне четыре неизвестных ранее городища.

Данная статья посвящена анализу результатов проведенных работ на одном из этих памятников – городище Неготино-8.

Предварительный этап работ включал несколько направлений, в первую очередь проводился анализ архивных (в том числе картографических) материалов¹. Наиболее ранние сведения из сохранившихся письменных источников, отражающих землевладения в округе села Вщиж, деревень Неготино

¹ Авторы статьи выражают глубокую признательность ведущему специалисту отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов РГАДА А. В. Дедуку за помощь в работе над архивными источниками.

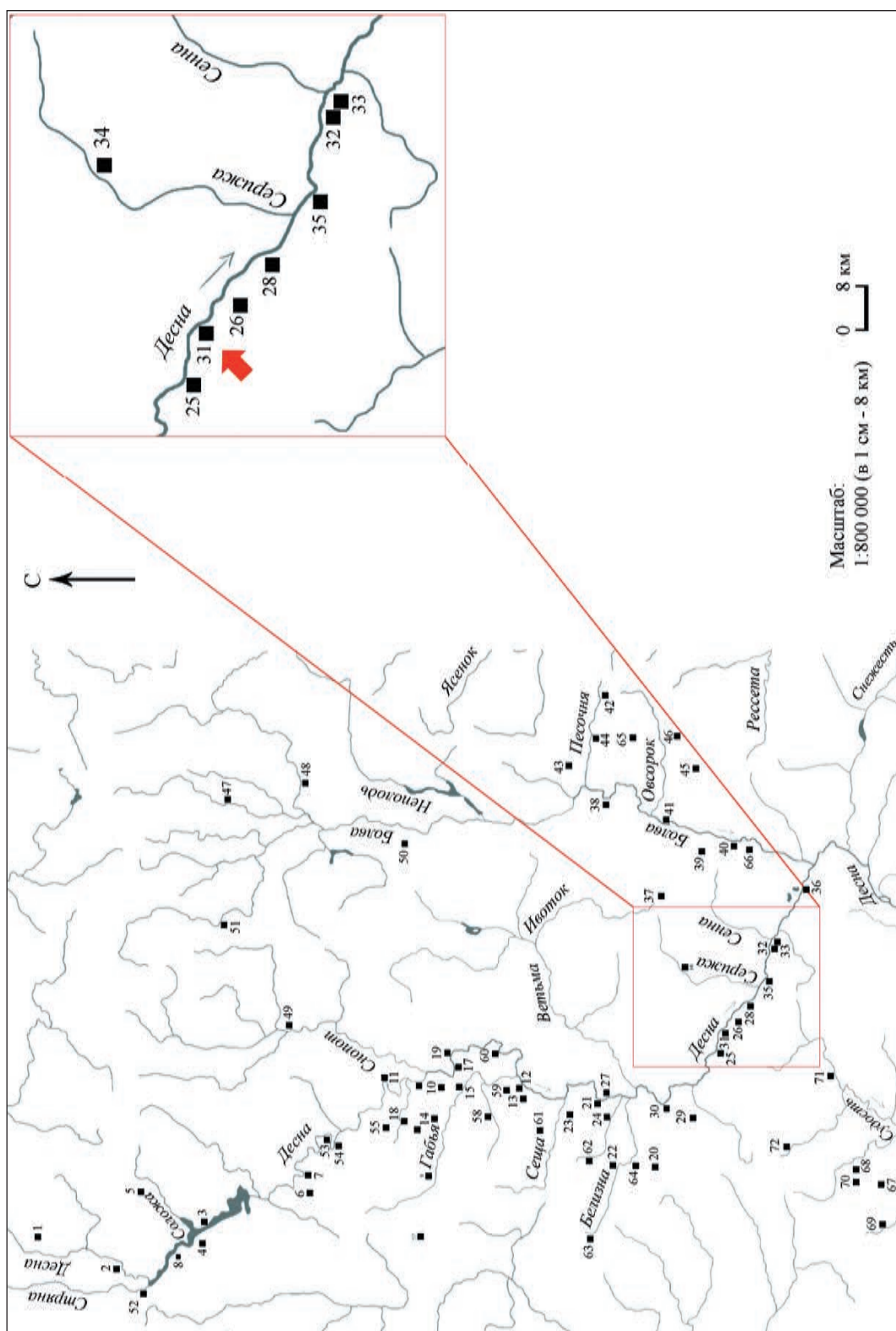

Рис. 1. Схема городищ раннего железного века в бассейне верхней Десны
(№ 31 – городище Неготино-8 «Красный городок»)

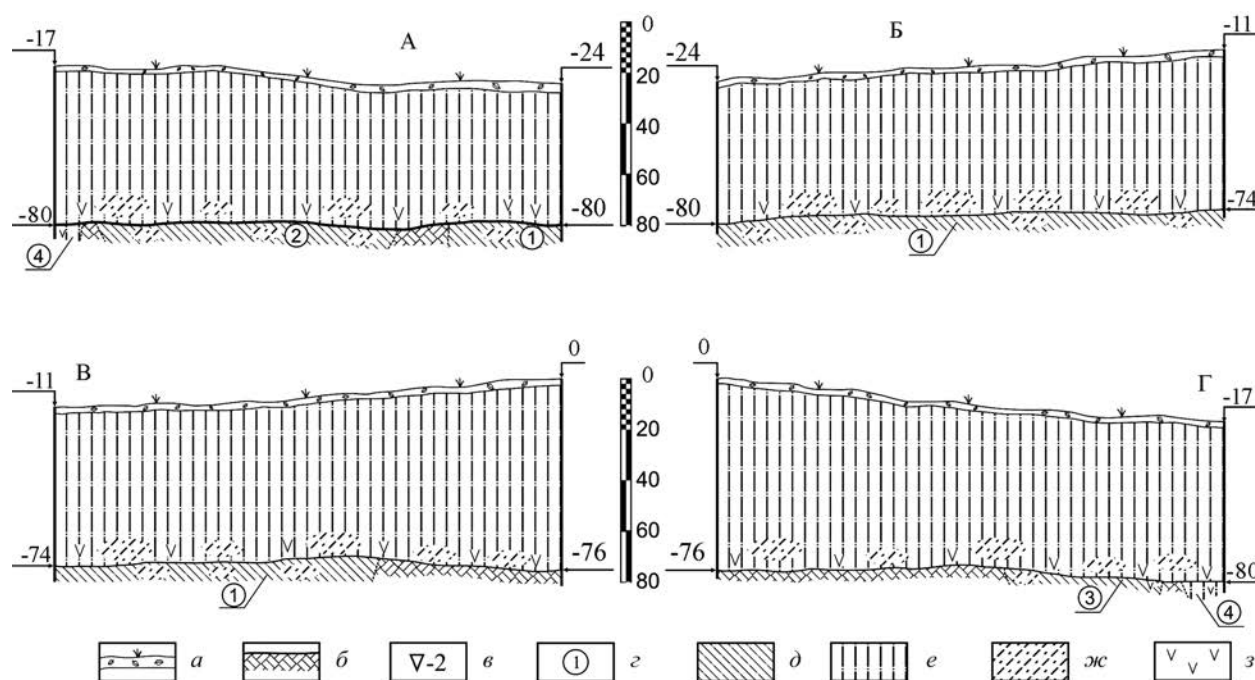

Рис. 2. Городище Неготино-8 «Красный городок». Стратиграфия шурфа 1

А – профиль северной стенки; Б – профиль восточной стенки; В – профиль южной стенки; Г – профиль западной стенки; а – лесная подстилка (листовой опад); б – материк (бело-желтая супесь); в – нивелировочная отметка; г – номер объекта (ямы); д – серая супесь; е – темно-серая супесь; жс – бело-желтая супесь; з – уголки деревянные

и Сельцо Рудное, содержатся в писцовой книге 1625/26–1628/29 гг. Обращает на себя внимание упоминание в ней таких микротопонимов как «Городищенская дубрава» и «Завалье», которые могут указывать на присутствие на границе этих земельных владений древнего укрепленного поселения – городища. «Да по *Городищенской дубровке* (Здесь и далее курсив наш. – Авт.) сена пять копен, лесу черного Неготинского з бортым ухажьем от Свербигуского источка вверх по речке по Десне по одной стороне по речку по Пересьянку в длину на полверсты, а поперег меньши». «Сена по Кузьминской Стрелице дватцать копен, да полушку под *Завальем*» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10231. Л. 160. Л. 162). В писцовой книге 1684/85–1685/86 гг. рассматриваемые землевладения описаны следующим образом: «Сена по Кузьминской стрелицы сто дватцать шесть копен да полушку под *Завальем*» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10230. Л. 66).

Кроме этого, были использованы данные немецкой аэрофотосъемки местности 1941–1944 гг., полученные из Национального управления архивов и документации США (*The U.S. National Archives and Records Administration – NARA*), и современные данные дистанционного зондирования поверхности земли (космические снимки *Google*), находящиеся в свободном доступе. К сожалению, эти

материалы оказались малоинформативными, поскольку участки правого коренного берега Десны, наиболее перспективные для поиска укрепленных поселений, поросли лиственным лесом (как в период Великой Отечественной войны, так и в настоящее время), и контуры городищ не просматривались даже на зимних снимках.

Наиболее действенным оказался анализ рельефа местности на современных топографических и землеустроительных картах масштаба 1:10 000. В результате установлено наличие здесь микротопонима «Красный городок», что позволило в дальнейшем локализовать этот объект на местности в ходе натурного обследования.

Городище Неготино-8 («Красный городок»), впервые открытое и обследованное в 2017 г., находится в 0,9 км к северо-западу от д. Неготино Жуковского р-на Брянской обл., на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Десны. В ходе работ 2017 г. определены границы памятника, снят топографический план, собрана коллекция подъемного материала. На основе полученных данных городище Неготино-8 было соотнесено с древностями юхновской археологической культуры и горизонтом памятников «типа верхнего слоя Полужского городища» и датировано VII–I вв. до н. э. (Миненко, Разумов, 2018. С. 97–100).

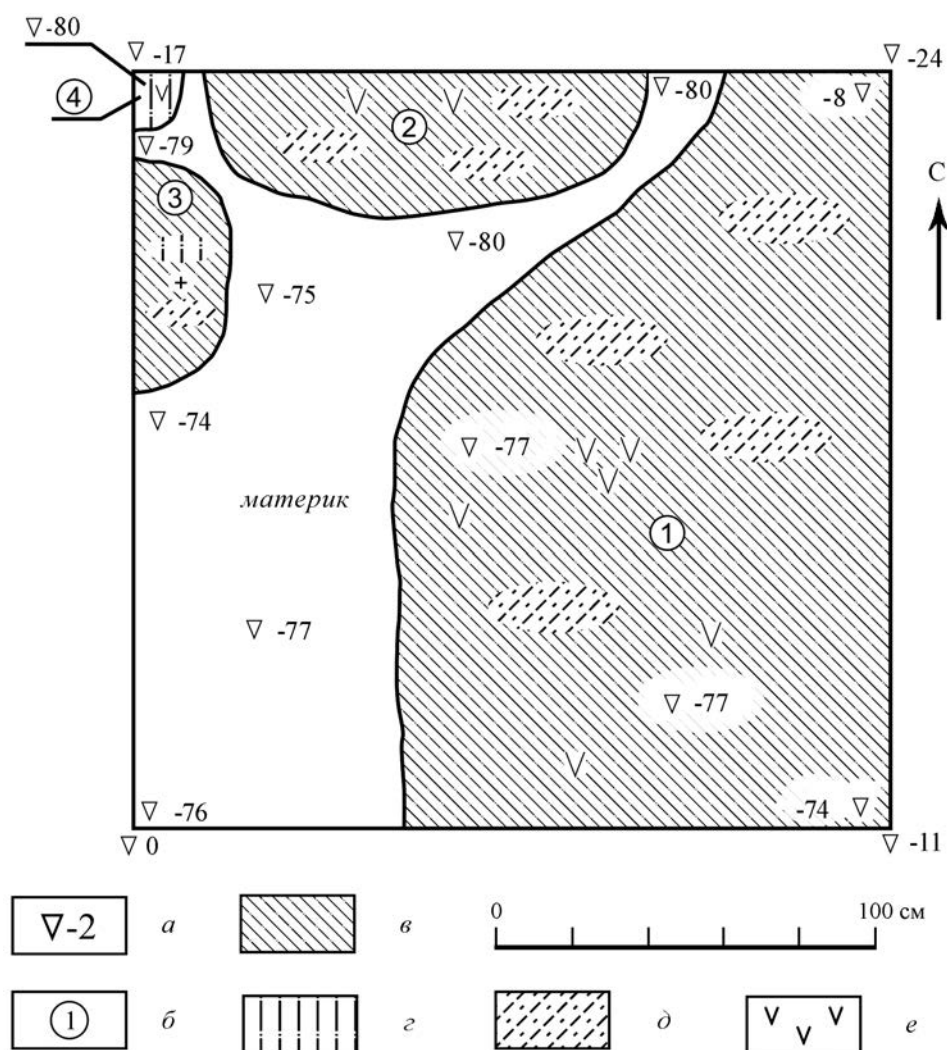

Рис. 3. Городище Неготино-8 «Красный городок». Шурф 1, зачистка на уровне поверхности материка

a – нивелировочная отметка; *б* – номер объекта (ямы); *в* – серая супесь; *г* – темно-серая супесь; *д* – бело-желтая супесь; *е* – угольки древесные

В 2018 г. работы по изучению памятника были продолжены. На площадке городища, примыкающей к подошве внутреннего склона вала № 1, заложен шурф № 1 размером 2×2 м. Культурный слой городища Неготино-8 залегает под лесной подстилкой (темно-серая гумусированная супесь, перекрытая мощным листовым опадом и редким травяным покровом) и представлен слоем темно-серой супеси, общей мощностью 0,52–0,74 м, в нижней части которой имеются примеси бело-желтой материковой супеси и многочисленные включения мелких древесных угольков. Материк – бело-жел-

тая супесь (рис. 2). На дне шурфа зафиксированы верхние контуры заполнения четырех археологических объектов (рис. 3).

Из верхней части заполнения объекта 1 в южной части шурфа отобран образец древесного угля для AMS датирования². Результаты анализа (табл. 1) показали, что полученная для образца дата 2520±20 лет назад (середина VII в. до н. э.) является кондиционной и соответствует раннему этапу юхновской археологической культуры. Однако остается неясным, с какими обстоятельствами связано попадание проанализированного образца

² Радиоуглеродное датирование образцов проведено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и центра изотопных исследований Университета Джорджии (США).

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образца из шурфа 1 на городище Неготино-8.

ИГАН _{AMS}	Описание образца	Материал	¹⁴ C, BP (1σ)	Cal BP, AD ⁱ
6886	Городище Неготино-8, шурф № 1, верхняя часть заполнения объекта 1	уголь	2520±20	68.3 (1 sigma) cal BP 2539–2587 0,458; 2617–2632 0,189; 2699–2727 0,353; 95.4 (2 sigma) cal BP 2498–2595 0,523; 2613–2636 0,158; 2688–2738 0,318; Median Probability: 2593
				68.3 (1 sigma) cal BC 778–750 0,353; 683–668 0,189; 638–590 0,458; 95.4 (2 sigma) cal BC 789–739 0,318; 687–664 0,158; 646–549 0,523; Median Probability: -644

ⁱ RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM CALIB REV7.1.0 Copyright 1986–2016 M Stuiver and PJ Reimer References for calibration datasets: Reimer PJ, Bard E, Bayliss A, Beck JW, Blackwell PG, Bronk Ramsey C, Buck CE Cheng H, Edwards RL, Friedrich M, Grootes PM, Guilderson TP, Hafflidason H, Hajdas J, Hattig C, Heaton TJ, Hogg AG, Hughen KA, Kaiser KF, Kromer B, Manning SW, Niu M, Reimer RW, Richards DA, Scott EM, Southon JR, Turney CSM, van der Plicht J. IntCal13 and MARINE13 radiocarbon age calibration curves 0–50000 years calBP Radiocarbon 55(4). DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947.

в заполнение археологического объекта – использовалась ли эта древесина для строительства, в качестве топлива или в следствие лесного пожара.

В заполнении шурфа № 1 обнаружено значительное количество индивидуальных находок и массового археологического материала, анализ которого позволил получить новую информацию о памятнике.

Коллекция изделий из цветного металла, представленная по итогам 2017 г. несколькими предметами, среди которых выделяется ажурная биметаллическая булавка с листовидным навершием (рис. 4, 1), так называемого верхнеокского типа, в 2018 г. пополнилась новыми находками. В частности, обнаружены два экземпляра дровяных браслетов (рис. 4, 2–3). Первый из них изготовлен из стержня плоско-выпуклого сечения 3×2 мм, концы разомкнутые, слегка сужаются, внутренний диаметр – 5 см. Поверхность гладкая, без орнамента. Второй браслет типологически схож с первым, изготовлен из утолщенного стержня плоско-выпуклого сечения 5×3 мм, концы разомкнутые, прямо обрубленные, внутренний диаметр – 5,5 см. Поверхность также гладкая, без орнамента. Находки браслетов достаточно редки для юхновских городищ. Так, два фрагмента кругло-проволочных браслетов были найдены на городище Бужанка 1 (Каравайко, 2012. С. 121).

Интересна находка подвески подтреугольной формы размером 1,5×1,5 см (с ушком – 1,8 см), толщиной 0,3–0,4 см, диаметр ушка – 0,2 см. Налицую сторону пластины напаяны несколько шариков

расплавленного металла, из-за чего подвеска напоминает перевернутую виноградную гроздь (рис. 4, 4). Подвески треугольной формы известны на памятниках юхновской культуры, но аналогий изделия с городища Неготино-8 пока найти не удалось.

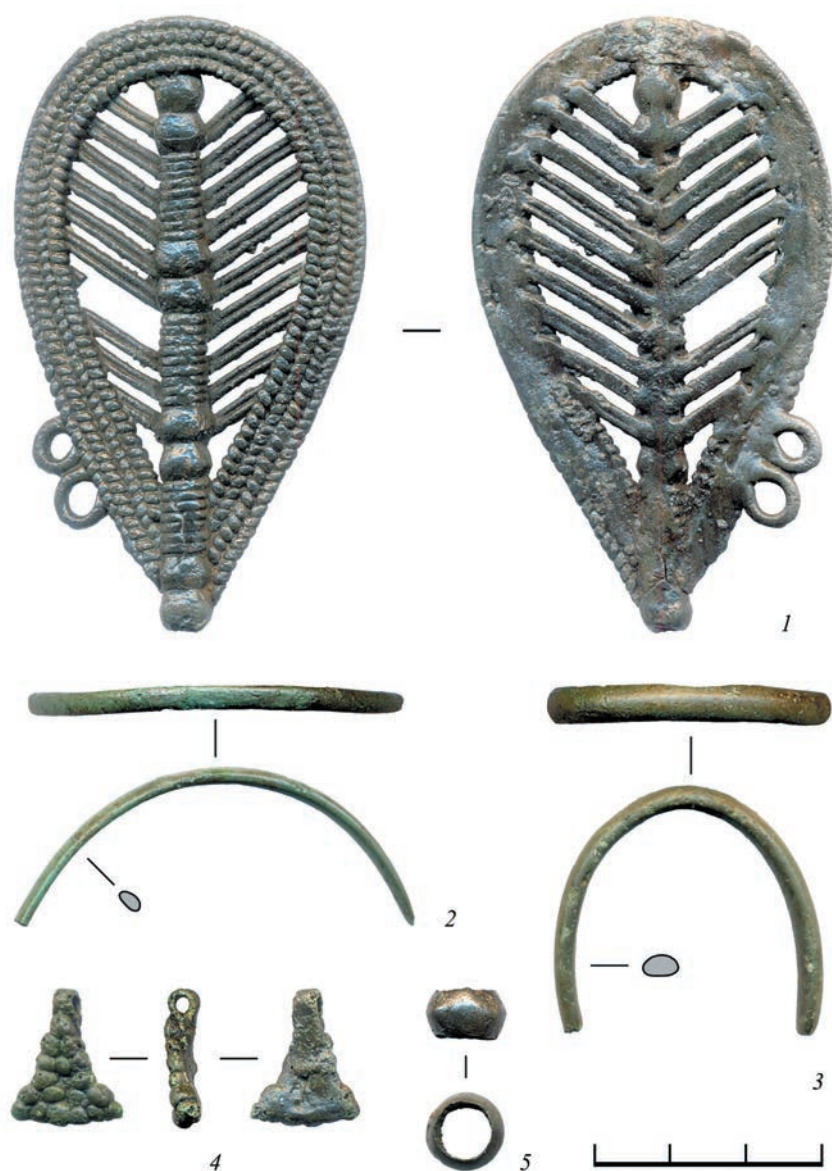
Кроме того, найдена бусина биконической формы (рис. 4, 5) с ярко выраженным ребром по центру, максимальный диаметр расширения – 1 см, диаметр оснований – 0,8 см, высота бусины – 0,7 см, диаметр канала – 0,8 см. Края бусины и внутренний канал неровные, шероховатые. Подобные бусины известны на городищах Кудлаевка и Западное Юхновское (Каравайко, 2012. С. 122. Рис. 73, 24–25).

Необходимо отметить многочисленные (24 экз.) находки оплавков и выплесков цветного металла, что служит косвенным признаком наличия на городище Неготино-8 собственного литейного производства.

Среди изделий из глины любопытна находка в шурфе № 1 практически целого глиняного блока (рис. 5, 1) овальной (вытянуто-яйцевидной) формы. Длина – 11 см, диаметр 5,0–5,5 см. Подобные блоки различной формы считаются «типично юхновскими предметами» (Левенок, 1963. С. 92), но среди исследователей нет единого мнения об их назначении (ядра для метания из пращи, ритуальные предметы или рыболовные грузила привязного типа).

Кроме того, на северном склоне городища найден грузик биконической формы (рис. 5, 2), изготовленный из ожелезненной глины с примесями коричневого цвета (болотной руды?). Высота – 3,5 см, диаметр в средней части – 3,8 см, диаметр основа-

Рис. 4 – Городище Неготино-8 «Красный городок». Находки из цветного металла

1 – ажурная биметаллическая булавка с листовидным навершием; 2, 3 – фр-ты браслетов; 4 – подвеска; 5 – бусина

ний – 1,5–2,0 см. Диаметр внутреннего канала цилиндрической формы равен 0,6 см. Орнаментация отсутствует, на поверхности видны следы растрескивания. Находки грузиков биконической и усеченно-конической формы также характерны для древностей юхновской археологической культуры.

Остеологический материал городища Неготино-8, происходящий из шурфа № 1, насчитывает 56 костей, 20 из которых, к сожалению, не поддаются определению³ (табл. 2). Несмотря на недо-

статочное для статистически достоверного анализа количество костей, в целом можно согласиться с выводами предшествующих исследований (Каравайко, 2012), что в хозяйстве представителей юхновской культуры значительную роль занимали как животноводство (преимущественно, разведение крупного рогатого скота и свиней), так и охота на крупную лесную дичь. Кости коровы (25% всего остеологического материала), домашней свиньи (12%), лося (12%) и дикого кабана (7%) не толь-

³ Анализ остеологического материала выполнил кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории БГУ А. А. Чубур.

Таблица 2. Состав фаунистических останков (млекопитающие) на городище Неготино-8 (шурф № 1).

Фауна	Пласт 1	Пласт 2	Пласт 3	Объект 1	Всего	Доля
Неопределимые кости	6	8	6		20	35,7%
Крупный рогатый скот	2	5	7		14	25,0%
Мелкий рогатый скот (овца)	1	1	1		3	5,4%
Свинья		3	4		7	12,5%
Лошадь				1	1	1,8%
Лось	2	3	1	1	7	12,5%
Кабан дикий	2		1	1	4	7,1%
Всего	13	20	20	3	56	100,0%

ко преобладают над количеством костных останков мелкого рогатого скота (3 кости) или лошади (одна кость), но и расположены более равномерно по стратиграфическим слоям.

Для представителей юхновской культуры лось являлся основным объектом охоты (Цалкин, 1962. С. 50; Каравайко, 2012. С. 135) и ценным источником сырья для производства различных изделий. Так, в шурфе № 1 найдена заготовка рукояти (или проковка) из стержня рога лося (рис. 6). Предмет представляет собой ограненный, плавно заостряющийся к краю стержень, полученный в результате строгания ножом. Длина изделия – 15,7 см, диаметр у основания рога – 2,0–2,2 см. На острие видны следы распиливания. Такие предметы достаточно широко распространены на городищах юхновской культуры, в частности, рукоять ножа из рога лося происходит с городища Киселевка II (Каравайко, 2012. С. 112, 113. Рис. 70, 5).

Авторы настоящей статьи ранее уже публиковали анализ массового керамического материала городища Неготино-8 (Миненко, Разумов, 2018. С. 99, 100). Однако исследования 2018 г. значительно расширили количество керамики и ее состав, что позволило дополнить предварительные результаты (полученные, к тому же, исключительно на основе подъемного материала) новыми выводами.

Весь керамический материал по способу формовки относится к группе грубой лепной керамики, изготовленной из ожелезненной глины (в единичном экземпляре в коллекции имеется фрагмент сосуда из слабоожелезненной – светложгущейся – глины). Обжиг, как правило, неполный, окислительный (двух- или трехцветный). Цвет поверхности черепков в большинстве случаев ровный – кремовый, бежевый, желтовато-серый, красно-коричневый и бурый (иногда на поверхности сосудов отмечаются разноокрашенные пятна из-за неравномерного обжига), на изломе или на внутренней стороне черепка – черный или темно-серый.

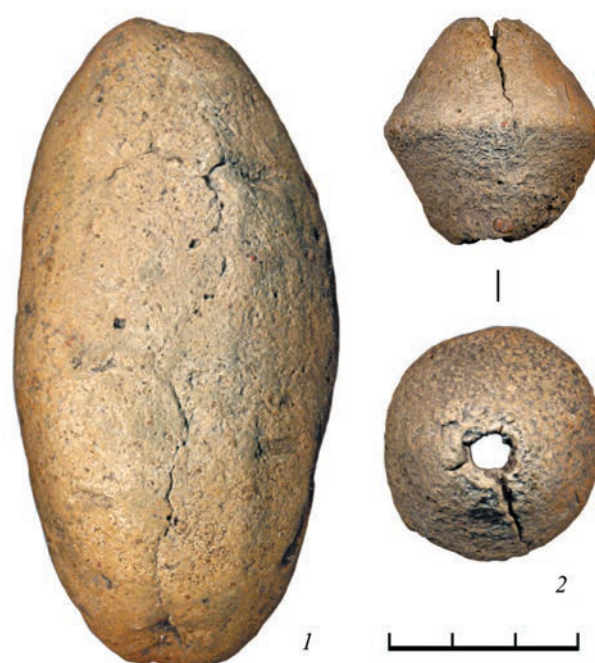

Рис. 5. Городище Неготино-8 «Красный городок». Находки из глины

1 – блок (ядро от пращи); 2 – грузик биконический

Рис. 6. Городище Неготино-8 «Красный городок». Заготовка рукояти из стержня рога лося

Таблица 3. Городище Неготино-8: количество и доля керамики соответствующих групп, в зависимости от обстоятельств находки.

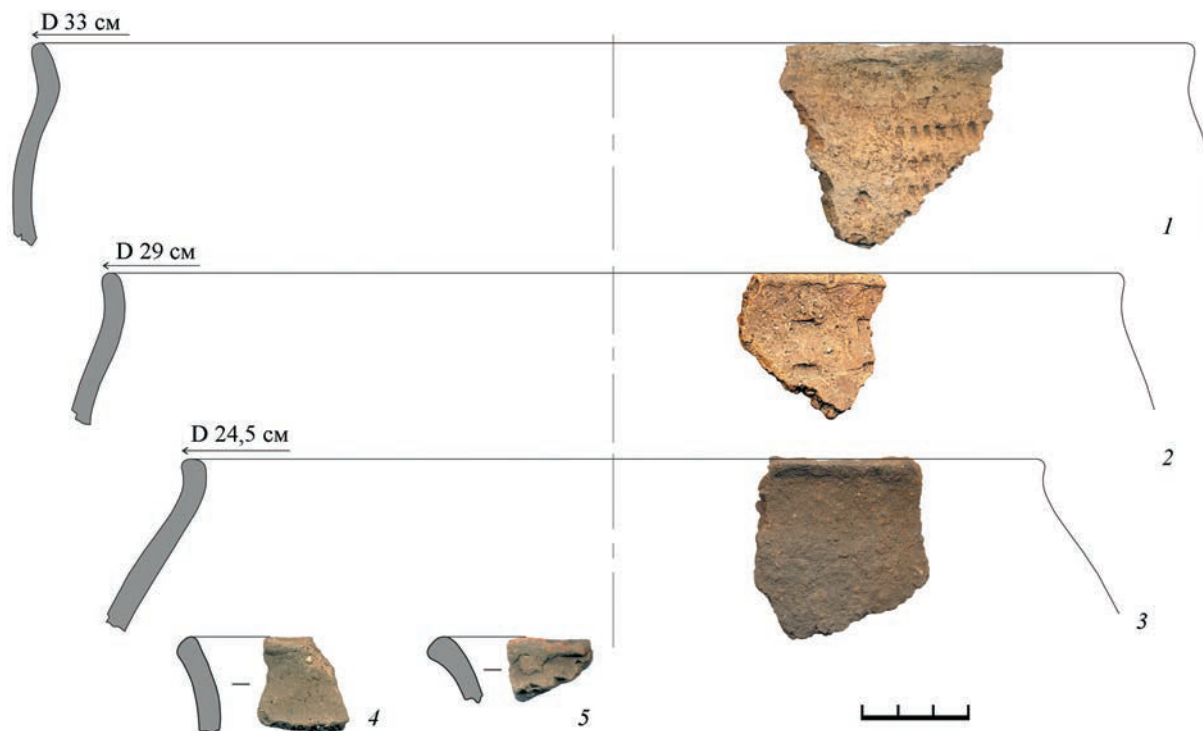
Рецептура керамического теста	Подъемный материал	Шурф 1				Всего
		пласт 1	пласт 2	пласт 3	зачистка объекта 1	
Группа 1 (глина + дресва + песок)	18 (25,7%)	19 (11,2%)	7 (13%)	10 (21,3%)	1 (25%)	55 (15,9%)
Группа 2 (глина + дресва + лимонит + песок)	44 (62,9%)	84 (49,4%)	35 (64,8%)	30 (63,8%)	3 (75%)	196 (56,8%)
Группа 3 (глина + лимонит + песок)	8 (11,4%)	67 (39,4%)	12 (22,2%)	7 (14,9%)	–	94 (27,2%)
Итого	70 (100%)	170 (100%)	54 (100%)	47 (100%)	4 (100%)	345 (100%)

По признаку дополнительной обработки поверхности до обжига эта керамика относится к группе лепной гладкостенной – с характерной бугристой поверхностью из-за выступающих наружу крупнозернистых примесей, без следов ее дополнительной обработки (в ряде случаев присутствуют следы хаотичного заглаживания). Дресва является наиболее массовым компонентом почти всех формовочных масс, за исключением рецепта «лимонит + песок» (табл. 3).

По составу формовочных масс выделяются три типа лепной керамики.

1. Формовочная масса, изготовленная по рецепту глина + дресва + песок (почти 16% от общего числа). Дресва средне- и крупнозернистая, с зернами от 1 до 5 мм (а в ряде случаев, и крупнее) в поперечнике. Ее концентрация в тесте высокая, в пропорции от 1:4 до 1:5. Песок, в основном, мелкозернистый, диаметром менее миллиметра. Сосуды этого типа лепной керамики – трех видов: горшки со слабо- и хорошо профилированным венчиком, а также миски (рис. 7–12).

Сосуд слабопрофилированной формы имел короткий, слабо отогнутый наружу венчик с округ-

Рис. 7. Городище Неготино-8 «Красный городок». Лепная керамика юхновской культуры. Слабопрофилированные горшки

1–3 – тип 1; 4 – тип 2; 5 – тип 3

лыми, покатыми плечиками (линия отгиба венчика не выходит за линию максимального расширения сосуда с области плечиков). Верхний край венчика округлый, графически реконструированный диаметр – 13 см. Орнаментация отсутствует (рис. 9, 3).

Еще один сосуд имел достаточно высокий, плавно отогнутый наружу венчик, шейка выражена слабо, край слегка уплощен с небольшим наплывом наружу. Орнаментация отсутствует (рис. 7, 4).

Венчик третьего сосуда, напротив, хорошо профилирован, резко отогнут наружу, край немного уплощен. По обрезу края нанесен орнамент в виде чередующихся пальцевых вдавлений (с отпечатком ногтя) и наплывом глины с внешней стороны венчика, из-за чего венчик имеет характерную волнистость (рис. 12, 3).

Практически все сосуды этой группы – тонкостенные, толщина по тулову – 0,4–0,6 см, в придонной части – до 0,8–0,9 см.

Днища всех сосудов – плоские, на внешней поверхности одного из них есть следы подсыпки мелкой толченой дресвы, у второго – единичные отпечатки и включения известняковой крошки. У всех при переходе от стенки к днищу имеется закраина в виде небольшого «карнизика» или «сапожка». По мнению В.И. Шадыро, «при раскопках городищ Белорусского Подвинья посуда с карнизиками встречена как в ранних горизонтах, так и в поздних. Часто она совмещается в одних стратиграфических комплексах. Поэтому пока не представляется возможным рассматривать наличие карнизика как хронологический признак. Появление его, скорее всего, обусловлено характером лепки сосудов на подставке и способом скрепления дна сосуда со стенками» (Шадыро, 1985. С. 72).

2. Формовочная масса, изготовленная по рецепту глина + дресва + бурый железняк (лимонит) + песок (56,8%). Дресва средне- и мелкозернистая, ее количественное соотношение находится в пределах 1:8. Также в тесте отмечено высокое содержание бурого железняка (лимонит) и мелкого песка. Из-за повышенной ожелезненности исходного сырья сосуды второго и третьего типа имеют более темную окраску поверхности черепка после обжига (красно-коричневых и серо-бурых оттенков), по сравнению с сосудами первого типа. Окатанность и довольно крупные размеры зерен свидетельствуют о том, что руда уже находилась в глине во влажном виде. Очевидно, что сырье добывали на сырых и заболоченных участках, скорее всего, в пойме Десны. В черепках также имеются редкие пустоты от выгоревшей органики.

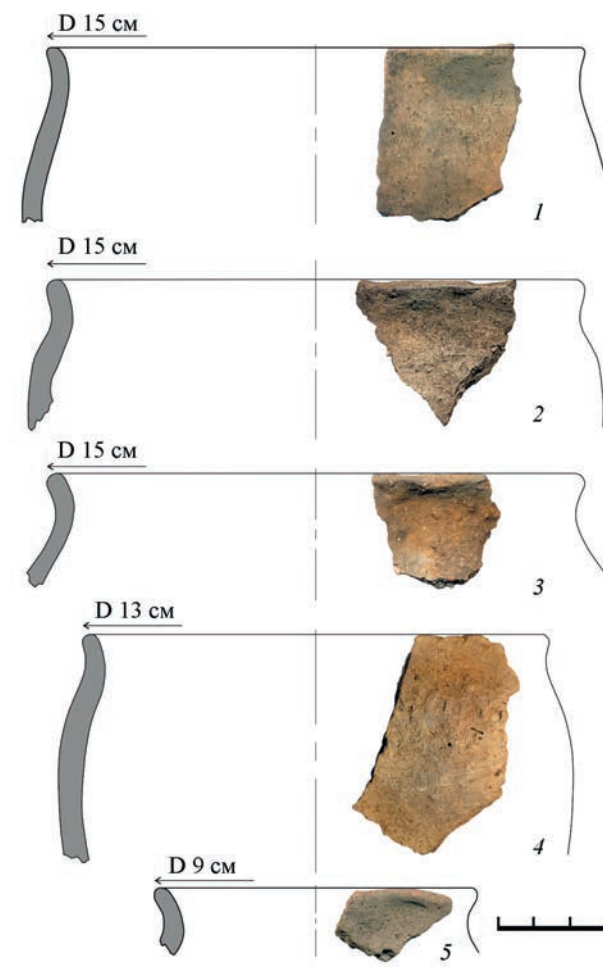

Рис. 8. Городище Неготино-8 «Красный городок». Лепная керамика юхновской культуры. Слабопрофилированные горшки
1, 3, 5 – тип 2; 2 – тип 1; 4 – тип 3

Сосуды этого типа лепной керамики относятся к четырем разновидностям – горшки слабопрофилированные, баночной формы, хорошо профилированные и миски (рис. 7–12).

Венчики слабопрофилированных сосудов короткие, немного отогнуты наружу, плечики покатые и слабо выражены, верхний край округлый или немного уплощен с образованием небольшого округлого валика с внешней стороны, диаметр венчика – меньше диаметра максимального расширения сосуда в его верхней трети (в районе плечиков). Реконструирован диаметр края двух сосудов – 9 и 15 см (рис. 8, 1, 5). Еще один сосуд с невыраженными плечиками имел короткий венчик в виде расширяющейся кверху воронки (так называемый раструбообразный). Его максимальный диаметр – 12 см. По своей форме этот сосуд, вероятно, относится к числу горшков-мисок (рис. 9, 4).

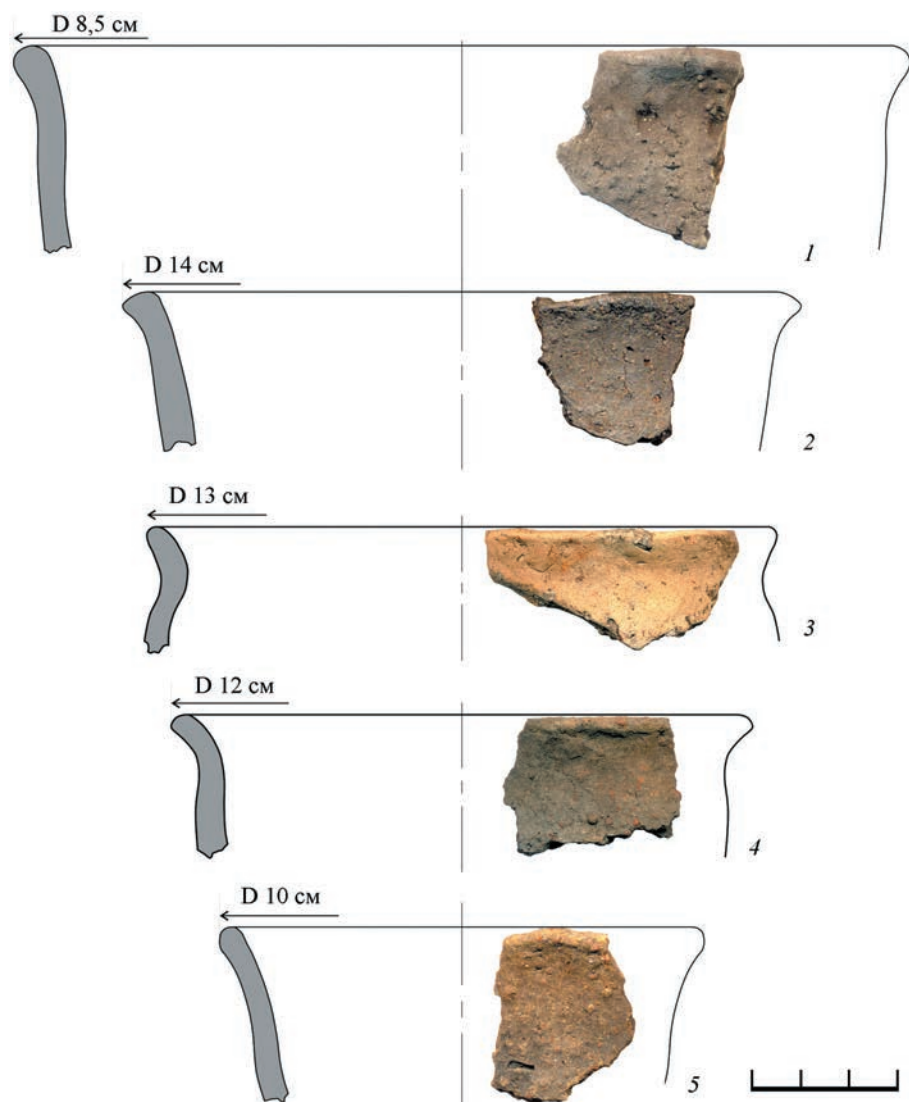

Рис. 9. Городище Неготино-8 «Красный городок». Лепная керамика юхновской культуры.
«Тюльпановидные» горшки
1, 2 – тип 3; 3 – тип 1; 4, 5 – тип 2

Венчики второго вида принадлежат сосудам так называемой баночной формы: венчики вертикальной постановки, их край, как правило, уплощен с образованием небольшого, короткого, отогнутого наружу «козырька». Для одного сосуда графически реконструирован диаметр по краю венчика – 40 см (рис. 10, 1).

Третий вид сосудов имел хорошо профилированные венчики, резко отогнутые наружу. Их край приострен или немного уплощен, с небольшим наплывом наружу. Для одного сосуда графически реконструирован диаметр по краю венчика – 18 см (рис. 12, 2). Основной способ орнамента такой посуды (он отмечен для всех найденных венчиков) – пальцевые зацепы или насечки по краю

венчика. Насечки наклонены влево, нанесены твердым предметом клиновидной в сечении формы с заостренным рабочим краем (ширина отпечатка в верхней части – 0,6–0,7 см, что позволяет предположить применение для насечек, не ножа, а деревянной щепки с острым краем – рис. 12, 4).

Черепки в средней части горшка имели толщину 0,4–0,7 см (в редких случаях – до 0,8–0,9 см), увеличиваясь к придонной части до 1,0–1,2 см. Днища сосудов этой группы относились к двум видам – простые плоские и плоские с закраиной в виде небольшого «карнизика» или «сапожка», в одном случае прослежена подсыпка дресвы.

3. Третий тип керамики близок ко второму по рецептуре формовочной массы: глина + бурый

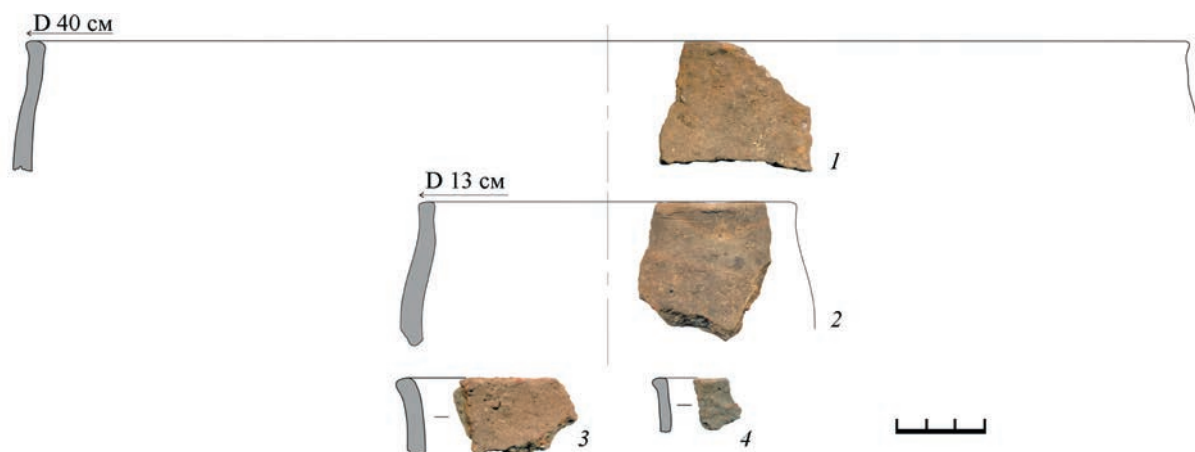

Рис. 10. Городище Неготино-8 «Красный городок». Лепная керамика юхновской культуры.
Горшки баночной формы
1, 3, 4 – тип 2; 2 – тип 3

железняк (лимонит) + песок. Отличие состоит в отсутствии примеси дробленой дресвы, или же ее включения единичны. Примеси песка и бурого железняк, вероятно, имели природный характер (запесоченность исходного глиняного сырья).

Сосуды этого типа лепной керамики принадлежали к трем видам – слабопрофилированные, баночной формы и хорошо профилированные (рис. 7–12).

Венчики слабопрофилированных сосудов короткие, немного отогнуты наружу, плечики покатые и слабо выражены, их край округлый или немного уплощен с образованием небольшого округлого валика с внешней стороны, диаметр венчика меньше диаметра максимального расширения сосуда в его верхней трети (в районе плечиков). Один из венчиков имел на шейке ямочный орнамент в виде оттисков косо поставленной палочки (рис. 7, 5).

Край сосуда «баночной» формы был вертикальным, сверху уплощен с образованием короткого отогнутого наружу «козырька» (рис. 10, 4).

На одном из днищ имеется подсыпка песка.

Подводя итог, можно разделить керамический материал городища Неготино-8 на две культурно-хронологические группы. Для их выделения определяющую роль играют морфологические особенности сосудов, в первую очередь, форма и вид венчиков, а также орнаментация и способ дополнительной обработки поверхности (или, как в данном случае, ее отсутствие). Рецептный состав формовочных масс играет вспомогательную роль, так как, несмотря на все имеющиеся в них различия, каких-то четких признаков, характеризующих тот или иной культурно-хронологический пери-

од существования городища на основе имеющихся материалов пока выделить не удастся (в каждой выделенной нами группе имеются сосуды всех трех рецептурных типов керамики).

В первую (наиболее раннюю) культурно-хронологическую группу включены фрагменты лепных гладкостенных округлобоких горшков (ребристые формы не встречены):

1. Слабопрофилированные сосуды с короткими, немного отогнутыми наружу венчиками. Их край округлый или немного уплощен с образованием небольшого округлого валика с внешней стороны, диаметр – меньше диаметра максимального расширения сосуда в его верхней трети (в районе покатых и слабо выраженных плечиков) (рис. 7–8).

2. Сосуды так называемой тюльпановидной формы (диаметр венчика равен или больше диаметра плечиков) (рис. 9).

3. Сосуды баночной формы (венчики вертикальной постановки, их край, как правило, уплощен с образованием небольшого, короткого, отогнутого наружу «козырька», плечики при переходе к тулову не выражены) (рис. 10).

4. Миски с прямым или наклоненным высоким венчиком, плавно переходящим к придонной части (рис. 11).

Дополнительная обработка поверхности сосудов отсутствует. Орнаментация сосудов редкая: встречен единичный экземпляр со сквозным отверстием (характерен для раннего этапа юхновской культуры, испытывавшей в это время влияние более южных скифоидных лесостепных культур; вероятная датировка – VII–VI вв. до н.э.); экземпляры с «классической юхновской» орнаментацией в виде оттисков конца косо поставленной

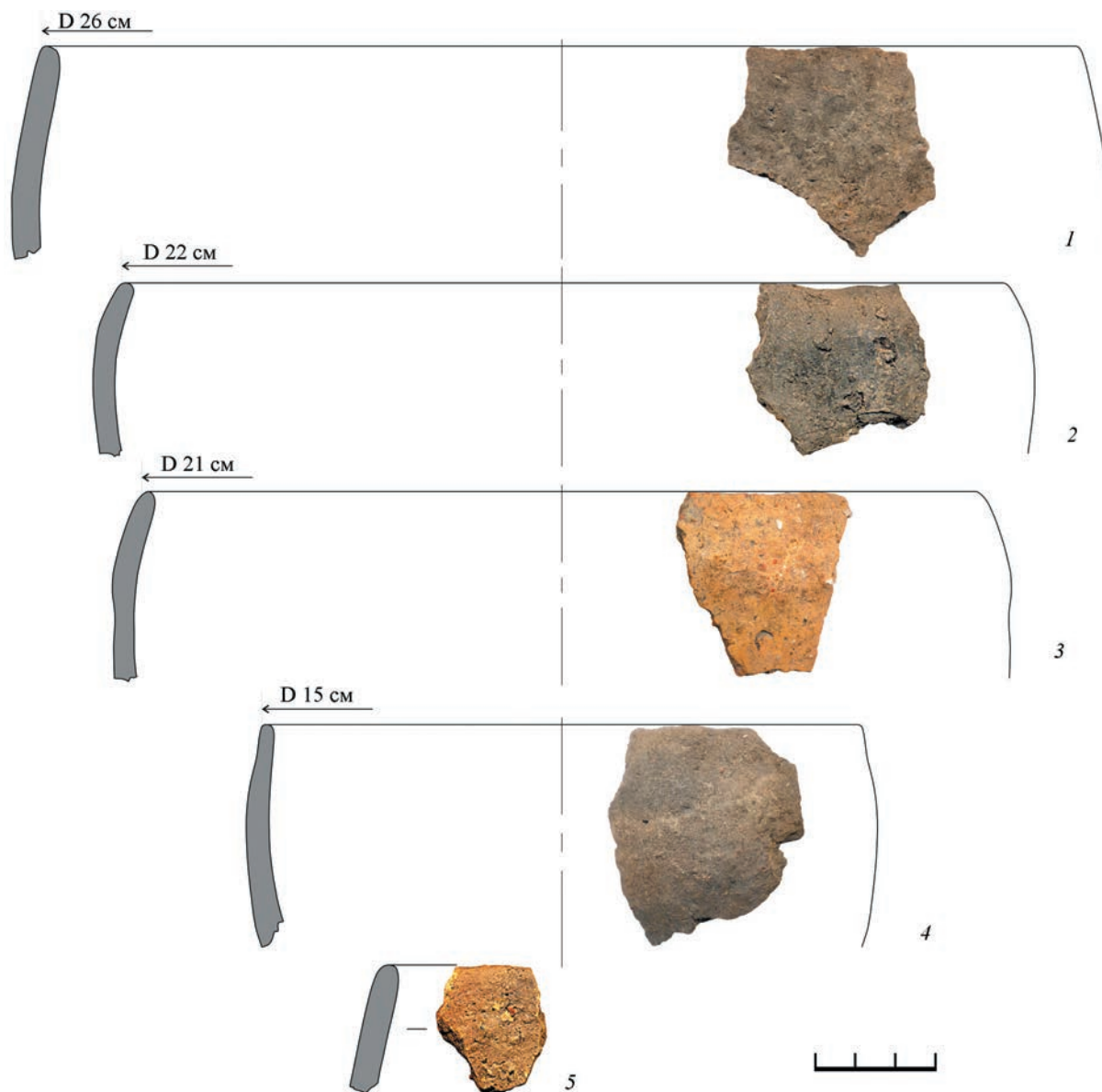

Рис. 11. Городище Неготино-8 «Красный городок». Лепная керамика юхновской культуры. Миски
1, 3–5 – тип 2; 2 – тип 1

палочки (наиболее характерна для среднего этапа юхновской культуры – V–III вв. до н. э.) (рис. 7, 5), отпечатков гребенки или зубчатого штампа в виде горизонтальных рядов или наклонных оттисков (рис. 7, 1–2), хаотично нанесенных неглубоких тычков, а также вдавления, выполненные предметом с неровными краями (сломанная ветка?) (рис. 9, 1). На одном из горшков встречено сочетание оттисков гребенки и насечек по верхнему обрезу сосуда (рис. 8, 4). Необходимо отметить полное отсутствие в этой группе керамики обломков миниатюрных лепных сосудов, в значительном количестве встречаемых на юхновских городищах.

Ко второй культурно-хронологической группе отнесены фрагменты лепных гладкостенных сосудов, с хорошо профилированными и резко отогнутыми наружу венчиками, образующими характерный S-видный профиль (рис. 12). Верхний их край приострен или немного уплощен с небольшим напылом наружу. Основной способ орнаментации этой посуды – пальцевые вдавления (в том числе и с отпечатками ногтя) или насечки по краю венчика, из-за чего они имеют характерную волнистость (рис. 12, 2–5). Насечки наклонены влево, нанесены твердым предметом клиновидной в сечении формы с заостренным рабочим краем (ширина

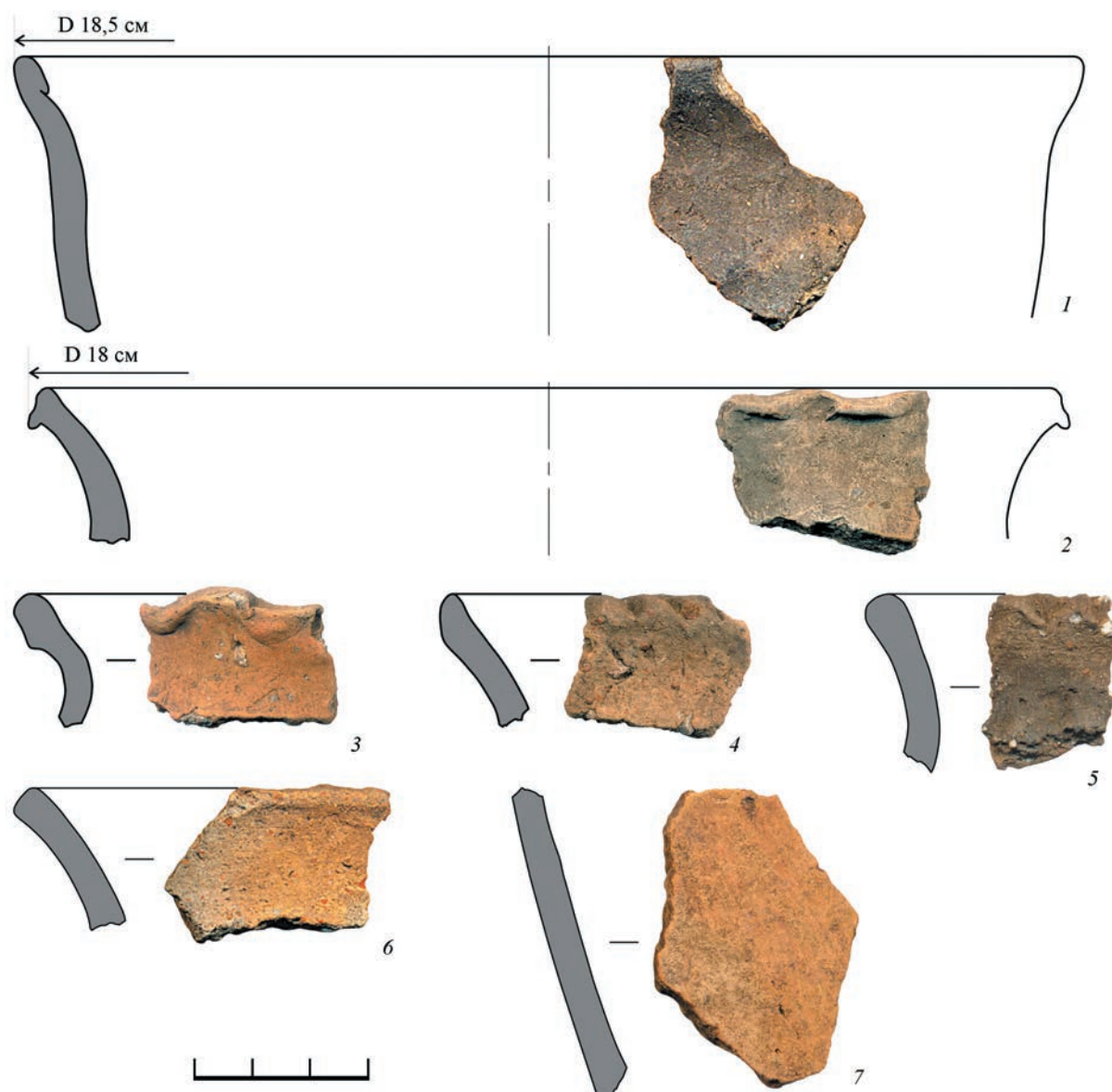

Рис. 12. Городище Неготино-8 «Красный городок». Лепная керамика типа «верхнего слоя Полужского городища»

1, 2, 4–5 – тип 2; 3 – тип 1; 6, 7 – тип 3. 1, 7 – сосуды с тщательно заглаженной поверхностью; 2–6 – венчики гладкостенных сосудов

отпечатка в верхней части – 0,6–0,7 см, что позволяет предположить их нанесение не ножом, а деревянной щепкой с острым краем (рис. 12, 5).

Такая керамика находит аналогии на памятниках круга древностей типа «верхнего слоя Полужского городища», или I и II этапа Почепской культуры (по А.К. Амброзу). Время бытования этого типа памятников приходится на I в. до н.э. – начало I в. н.э. (Амброз, 1964. С. 59–62) или II–I вв. до н.э. по А.И. Дробушевскому (2006; 2008. С. 96–104; 2012. С. 313). Практически полное отсутствие на данном памятнике обломков керами-

ки с лощеной (или тщательно заглаженной поверхностью – найдено всего два экземпляра) (рис. 12, 1, 7) может свидетельствовать о том, что период окончания функционирования городища не выходит за рамки рубежа I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э.

Таким образом, в результате работ 2018 г. получены новые материалы, позволяющие уточнить культурно-хронологическую атрибуцию городища Неготино-8 («Красный городок») и дополнить картину расселения и хозяйственного освоения региона в эпоху раннего железного века.

Литература

- Амброз А. К., 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. // СА. № 1. С. 56–71.
- Восинский В. А., 1928. Вщиж. Экскурсии // Брянский край. Вып. III. Брянск: Изд-е Общ. изуч. Брянского края. С. 86–102.
- Деев С. С., 1927. Археологические памятники Брянской губернии // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М.: Гос. музей Центрально-Промышленной обл. С. 31–34.
- Дробушевский А. И., 2006. Связи населения Нижнего Посожья и Подесенья в раннем железном веке // Деснинские древности. Матер. межгос. науч. конф., посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Вып. IV. Брянск: Изд-во Клиновской городской тип. С. 41–50.
- Дробушевский А. И., 2008. О верхней дате юхновской культуры // Деснинские древности. Матер. межгос. науч. конф., посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Вып. V. Брянск: Изд. ГУП «Клиновская городская типография». С. 95–104.
- Дробушевский А. И., 2012. Памятники Чечерской группы (типа Кистени – Чечерск) и древности Верхнего Поднепровья периода римских влияний // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 3. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 306–329.
- Евсеев И. Е., 1908. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (Орловского) течения реки Оки и ее притоков: Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда. Вып. II. М.: Тип. Общ. распространения полезных книг. С. 29–52.
- Каравайко Д. В., 2012. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАНУ. 276 с.
- Кашкин А. В., 2001. Археология Брянской области // АКР. Кн. 1. М.: ИА РАН. С. 8–32.
- Левенок В. П., 1963. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. № 3. С. 79–96.
- Миненко В. В., Разумов И. Н., 2018. Городища раннего железного века бассейна верхней Десны и Судости в свете новых археологических данных // Вестник Брянского государственного университета. № 4 (38). Исторические науки и археология/юридические науки/экономические науки. Брянск: РИСО БГУ. С. 94–108.
- Поляков Г. П., 2011. Вщижская соседка семьи Тютчевых и ее роль в истории отечественной археологии // Домонгольские летописные центры Брянской земли (история, археология, топонимика и историческая география). Экспериментальное учебное пособие. Брянск: РИО БГУ. С. 43–48.
- Пупарев А. Г., 1877. Материалы для истории и статистики Орловской губернии. Т. 1: Древние городища и курганы в Орловской губернии. Орел: Тип. губ. правления. 179 с.
- Рыбаков Б. А., 1951. Раскопки во Вщиже в 1948–1949 гг. // КСИИМК. Вып. 38. С. 34–41.
- Чуев С. А., 1903. Результат раскопок, произведенных в Брянском уезде летом 1901 года // Тр. ОУАК за 1901 и 1902 гг. Орел: Типо-Литография М. П. Гаврилова. С. 1–7.
- Цалкин В. И., 1962. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. № 107. 129 с.
- Шадыро В. И., 1985. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск: Наука и техника. 126 с.
- Шульгин А. Н., 1906. Исследования в северо-западном углу Орловской губернии // Тр. ОУАК за 1904 и 1905 гг. Орел: Тип. Губернского правления. С. 91–115.

V. V. Minenko, I. N. Razumov, I. I. Siroshstan

The Negotino-8 (“Krasny Gorodok”) hillfort of the Early Iron Age on the Upper Desna River

Summary

The article discusses and summarizes the results of archaeological research of the Negotino-8 (“Krasny Gorodok”) hillfort of the Early Iron Age in 2017–2018. The fortified settlement is situated in the Zhukovsky district of the Bryansk region. There were several stages before the field research: searching and studying of the archival materials, analyzing of aer-

ial photographic data of the WWII period, studying modern space images and cartographic material to get some data about toponymy of this region.

Stratigraphic data of the hillfort, features and characteristics of the cultural layer were studied by digging prospect holes. The analysis, cultural and chronological attribution, typological dating of archaeological

finds (such as handmade ceramics, adornments, household items and weapons) were carried out. New archaeological finds were included into scientific field. In general they are dated to the period of the 7th – 1st cc. BC.

Radiocarbon AMS-dating of charcoal sample was carried out. This sample was obtained from the

upper layer of the archaeological object in virgin soil.

The obtained materials confirm the previous conclusion about the correlation of The Negotino-8 hillfort with the Yukhnovo Culture and finds of “The Type of the upper layer of The Paluzhskoye hillfort”.

List of figures

Fig. 1. Scheme of the hillforts of the Early Iron Age in the basin of the Upper Desna. No. 31 – hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”

Fig. 2. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Stratigraphy of prospect trench 1

Fig. 3. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Prospect trench 1, cleaning on the level of virgin soil.

Fig. 4. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Non-ferrous metal finds

1 – openwork bimetallic pin with leaf top; 2, 3 – fragments of bracelets; 4 – suspension; 5 – bead

Fig. 5. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Clay finds

1 – block (slingshot nucleus); 2 – biconical sinker

Fig. 6. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Harvesting a handle from an elk horn

Fig. 7. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Modeled pottery of Yukhnovskaya culture. Low profile pots

1–3 – type 1; 4 – type 2; 5 – type 3

Fig. 8. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Modeled pottery of Yukhnovskaya culture. Low profile pots

1, 3, 5 – type 2; 2 – type 1; 4 – type 3

Fig. 9. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Modeled pottery of Yukhnovskaya culture. “Tulip” pots

1, 2 – type 3; 3 – type 1; 4, 5 – type 2

Fig. 10. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Modeled pottery of Yukhnovskaya culture. Jar form pots

1, 3, 4 – type 2; 2 – type 3

Fig. 11. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Modeled pottery of Yukhnovskaya culture. Bowls

1, 3–5 – type 2; 2 – type 1

Рис. 12. Hillfort Negotino-8 “Krasnyy gorodok”. Modeled pottery of the “upper layer of the Poluga settlement” type.

1, 2, 4–5 – type 2; 3 – type 1; 6, 7 – type 3. 1, 7 – vessels with carefully floated surface; 2–6 – rims of smooth-walled vessels

А. С. Сыроватко*, Н. Г. Свиркина*, В. П. Гусева**

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Коломенский археологический центр, г. Коломна Московской обл.*

Грунтовые кремации могильника Кременье: исследования 2018 года

Грунтовая часть могильника Кременье представляет собой совершенно новый тип погребальных памятников Домонгольской Руси. Это самые поздние грунтовые кремации, поле погребений, относящееся к середине XII в. Курганная часть могильника открыта В. А. Городцовым (*Городцов*, 1928; *Рыбаков*, 1928), осматривалась Р. Л. Розенфельдом и Т. И. Степановой (*Розенфельдт*, 1976; *Степанова*, 1989), грабилась местными жителями и краеведами (*Гусева*, *Сыроватко*, 2018). Подробно обстоятельства открытия и история изучения памятника изложены в публикациях (*Сыроватко*, *Фомченко*, 2015; *Сыроватко*, *Клещенко*, 2017; *Сыроватко*, *Свиркина*, *Клещенко*, 2019).

Раскопки памятника продолжены одним из авторов в 2018 г., и цель настоящей публикации – ознакомить читателя с результатами этих работ. Как и в предыдущие годы, раскоп был разделен грядами с молодыми соснами на узкие останцы (рис. 1), в 2018 г. его расширили на СВ от раскопов предыдущих лет, до оврага, ограничивающего памятник в северной и северо-восточной частях. Таким образом получили разрез – от курганов «основной» группы, ограничивающих, вероятно, грунтовую часть могильника на юге, до северного края, где также расположена цепочка курганов (рис. 2). На площади в 242 кв. м обнаружено 5 погребений (№ 11–15). Все они открыты на минимальной глубине, прямо под современным дерном, что сближает памятник с могильниками Щурово и Соколова Пустынь.

Погребение 11 (рис. 3) представляло собой скопление костей в надматериковом горизонте. Основным маркером границ объекта являлся слой серого (темно-серого) песка. «Ядро» погребения располагалось в кв. 223, часть шлейфа в сосед-

них квадратах (рис. 3, В, Г). Размеры скопления 100×60 см. По глубине «ядро» костей имело максимальную толщину около 15 см. Среди костей найдено железное кольцо (рис. 3, З). Еще один железный предмет (рис. 3, И) найден при просеивании грунта из погребения. Вероятно, это черешок ножа. После того, как кости были сняты, на фоне материка раскрыто пятно кольцевой или подковообразной формы диаметром 40 см (рис. 3, А). Поперечный разрез выявил углубление, которое можно охарактеризовать как канавку шириной 15 и глубиной до 10 см с неоднородным серым заполнением. Нельзя утверждать, что этот объект антропогенного происхождения, однако в миниатюре он повторяет кольцевую структуру погребения 5 (2017 г.) с шириной кольца 20 см, глубиной до 16 см и заполнением из серого песка. На 3D-модели погребения (рис. 3, В, Г) видно, что «облако» костей имеет западины в нижней части линзы, т. е. кости частично находились в заполнении этой кольцевидной структуры, так же, как и в погребении 5.

Погребение 12 (рис. 4) представляло собой скопление в виде двух примыкавших друг к другу ареалов костей в кв. 249–252 (рис. 4, В). Внешне при зачистке материка погребение также имело вид двойного пятна серого песка на фоне материка (рис. 4, А), но распространение костей не было тождественно пятнам серого слоя, и полностью исключать биогенное происхождение пятен серого цвета (корневая система дерева?) нельзя. Размеры скопления в кв. 252 – 60×60 см, в кв. 249 – 100×60 см. Западнее скоплений располагался сгнивший пенек от дерева, погибшего в пожарах 2010 г. В скоплении костей найдены пять фрагментов сердоликовых бипирамидальных бусин,

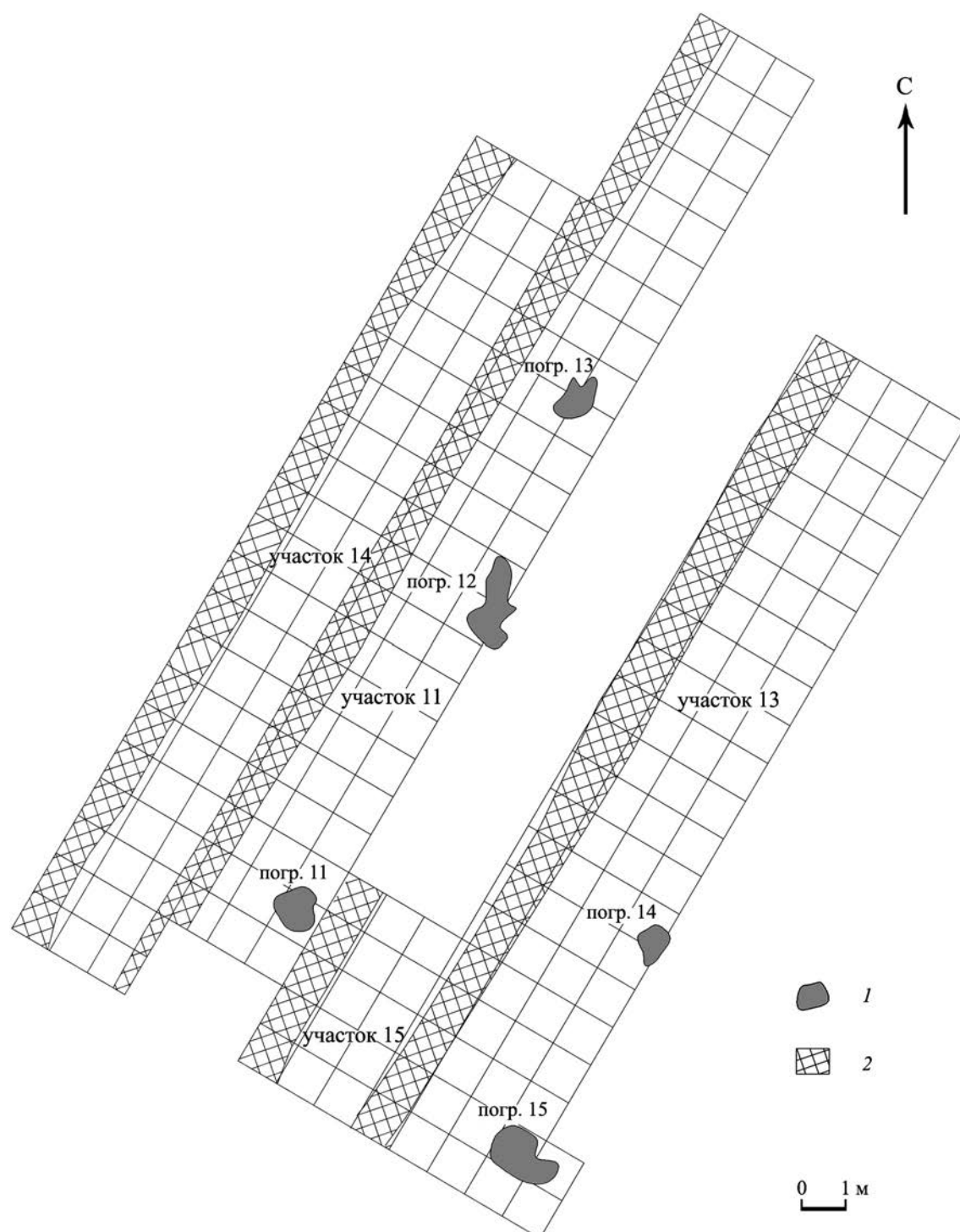

Рис. 1. План раскопа 2018 г. с контурами погребений

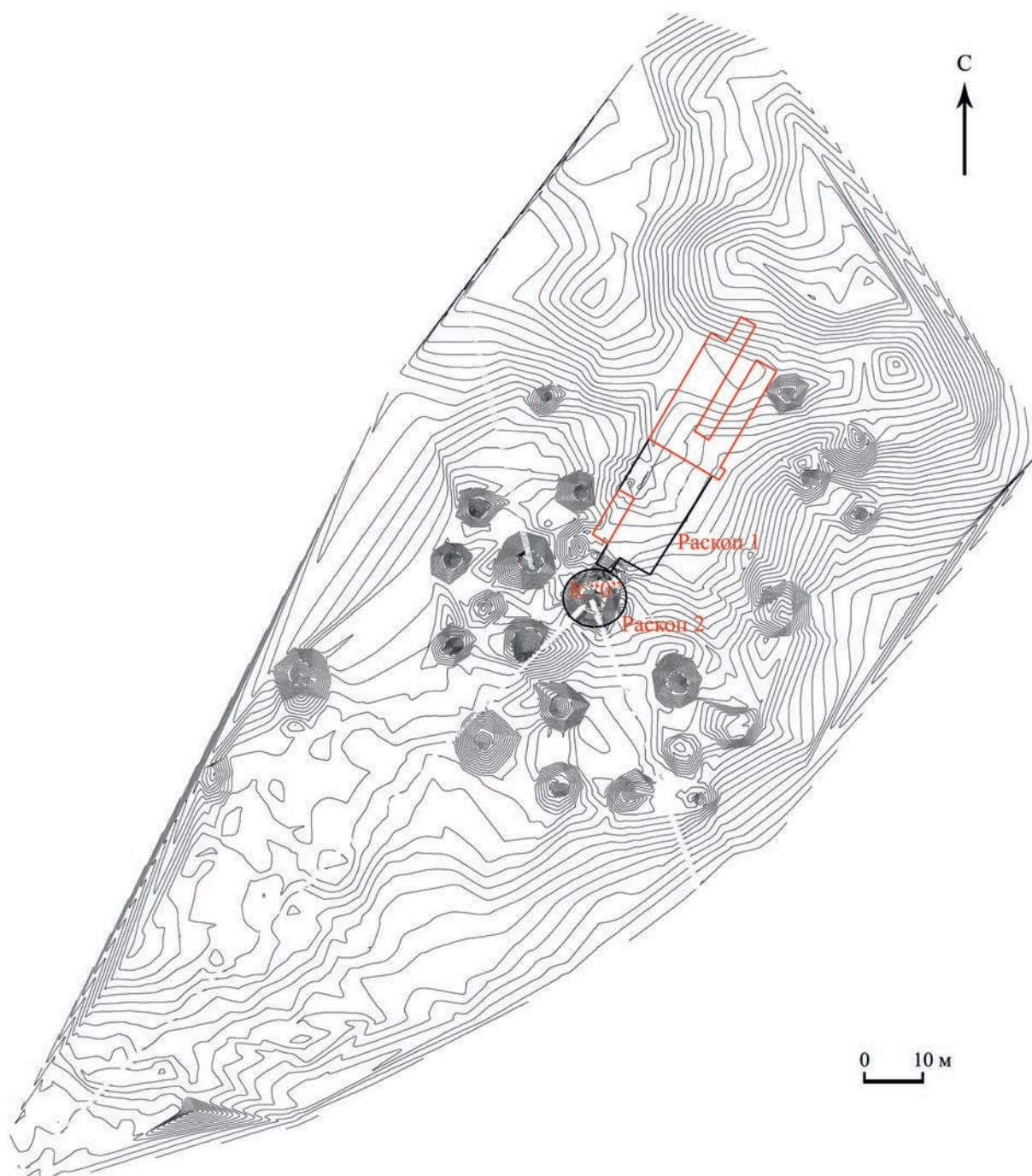

Рис. 2. План могильника Кременье с контурами раскопов. Исследованная в 2018 г. часть показана красным цветом

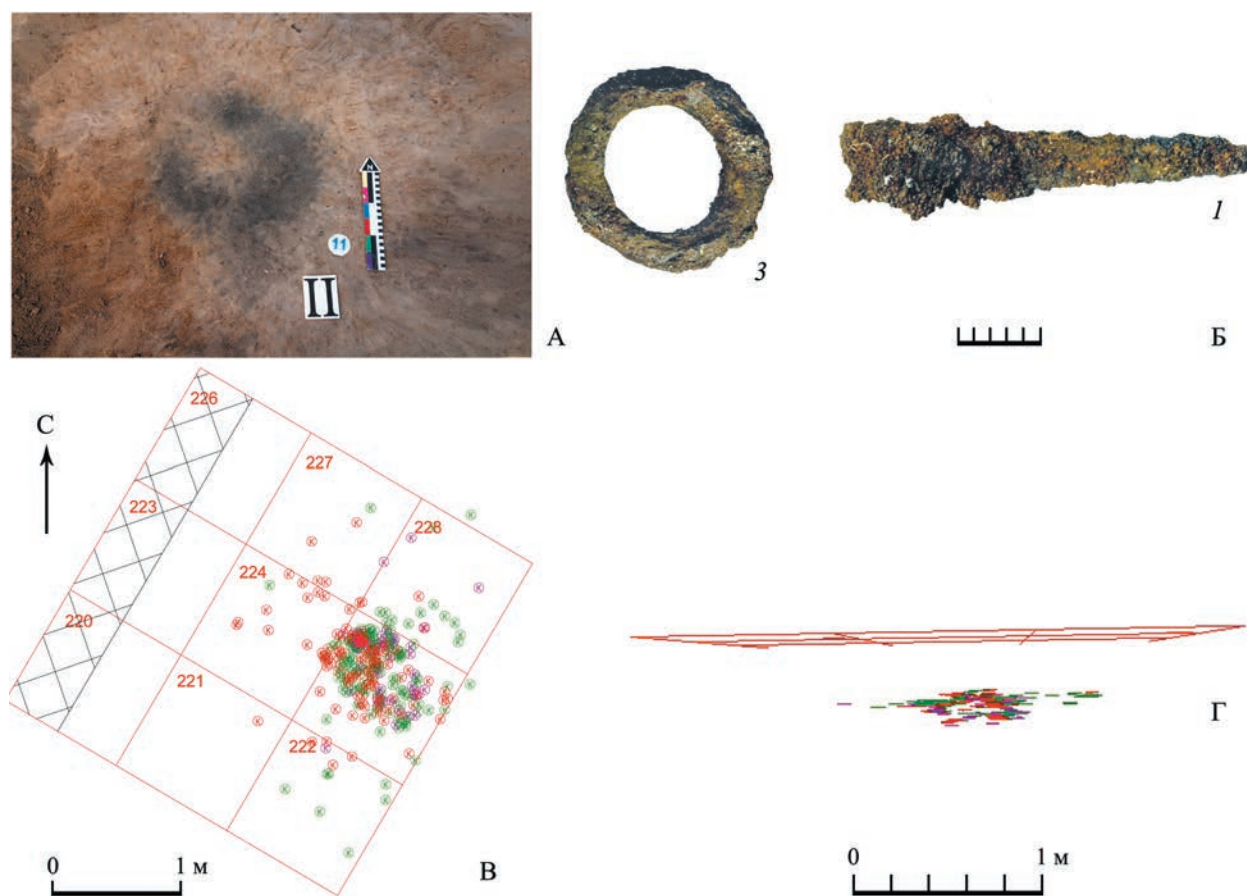

Рис. 3. Погребение 11

А – контур кольцевой структуры на материке; Б – вещи из погребения (указаны полевые номера); В–Г – 3D-модель, вид сверху и с юго-востока. Красным обозначены кости размером до 1 см в поперечнике, зеленым – от 1 до 2 см, фиолетовым – свыше 2 см

обожженных до молочно-белого цвета (рис. 4, 9, 29, 30, 31, 38), капля металла № 15, фрагмент железной иглы № 16 и фрагмент костяного (?) изделия № 44.

Погребение 13 (рис. 5) располагалось на СВ окончании участка 11 и частично было скрыто бровкой, разделявшей участок (рис. 5, А). Размеры основного скопления 100×60 см. На 3D-модели (рис. 5, В–Г) видно, что и это погребение представляет собой фактически двойное скопление, хотя при исследовании погребения в полевых условиях это обстоятельство не было замечено.

В скоплении костей найдены фрагменты кости с припекшейся к ней темной вспененной массой (сильно обожженным стеклом?) (рис. 5, 35, 36, 37). Просеивание грунта позволило обнаружить дополнительно бусину молочно-белого стекла (рис. 5, 14), фрагмент изделия медного сплава (обломок круглого в сечении дрота с петлей – рис. 5, 19).

Погребение 14 (рис. 6). Самое разреженное из всех исследованных в отчетном сезоне погребение располагалось в кв. 346–350. Размеры основного скопления 60×100 см, максимальная толщина линзы костей 18 см (рис. 6, А). Вмещающий слой – серый или светло-серый песок, визуально четких границ это погребение, как и все предыдущие, не имело.

Рядом со скоплением костей обнаружены обломок сердоликовой бипирамидальной бусины, обожженной до белого цвета (рис. 6, 10), оплавленная бусина (рис. 6, 12), а в самом скоплении обломок костяного изделия с орнаментом (рис. 6, 32). Еще два фрагмента костяного изделия, вероятно, от этого же предмета (рис. 6, 28, 33), найдены при просеивании грунта из погребения. Вероятнее всего, это части костяного гребня.

Погребение 15 (рис. 7). Основное скопление костей почти круглой в плане формы, размерами 60×70 см, в кв. 326 с небольшим шлейфом

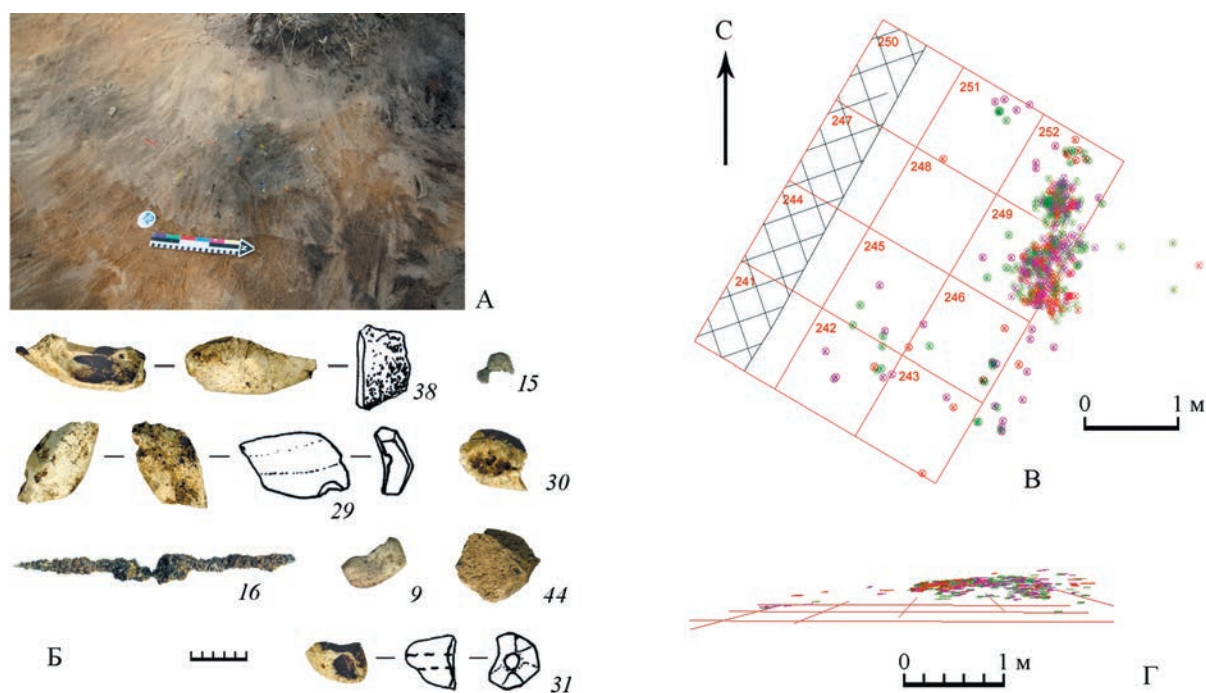

Рис. 4. Погребение 12

А – пятно на материке, после разбора основной линзы слоя с костями; Б – вещи из погребения (указаны полевые номера); В–Г – 3D-модель, вид сверху и с юго-востока.
Красным обозначены кости размером до 1 см в поперечнике, зеленым – от 1 до 2 см, фиолетовым – свыше 2 см

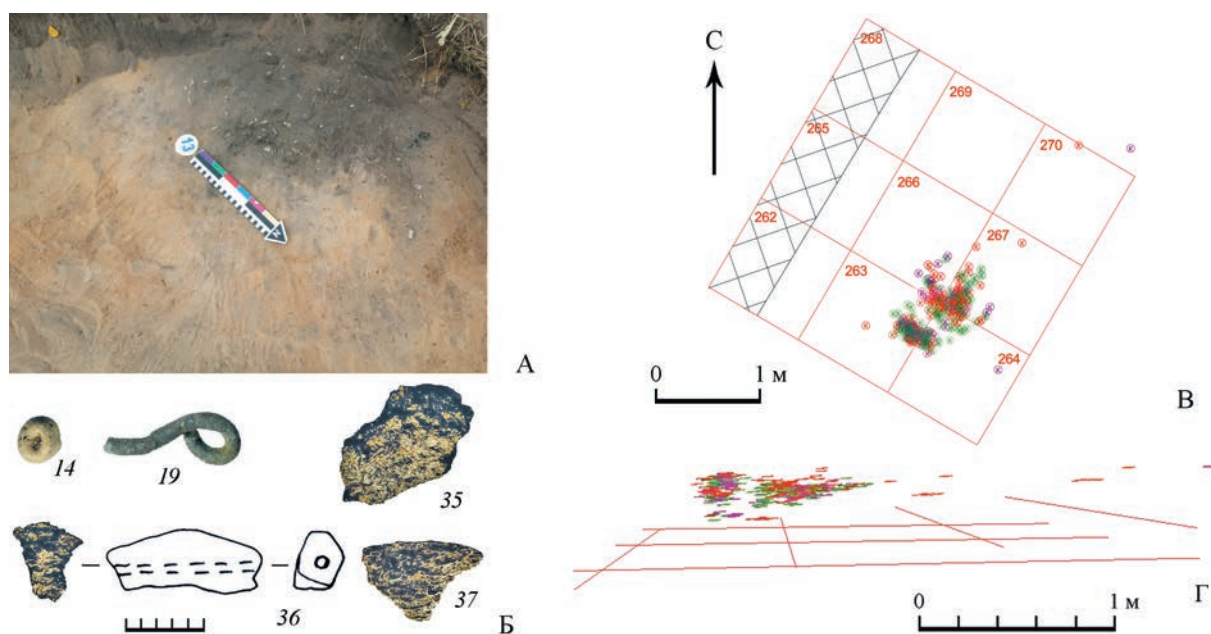

Рис. 5. Погребение 13

А – пятно части погребения, заглубленной в материк, под бровкой раскопа; Б – вещи из погребения (указаны полевые номера); В–Г – 3D-модель, вид сверху и с юго-востока.
Красным обозначены кости размером до 1 см в поперечнике, зеленым – от 1 до 2 см, фиолетовым – свыше 2 см

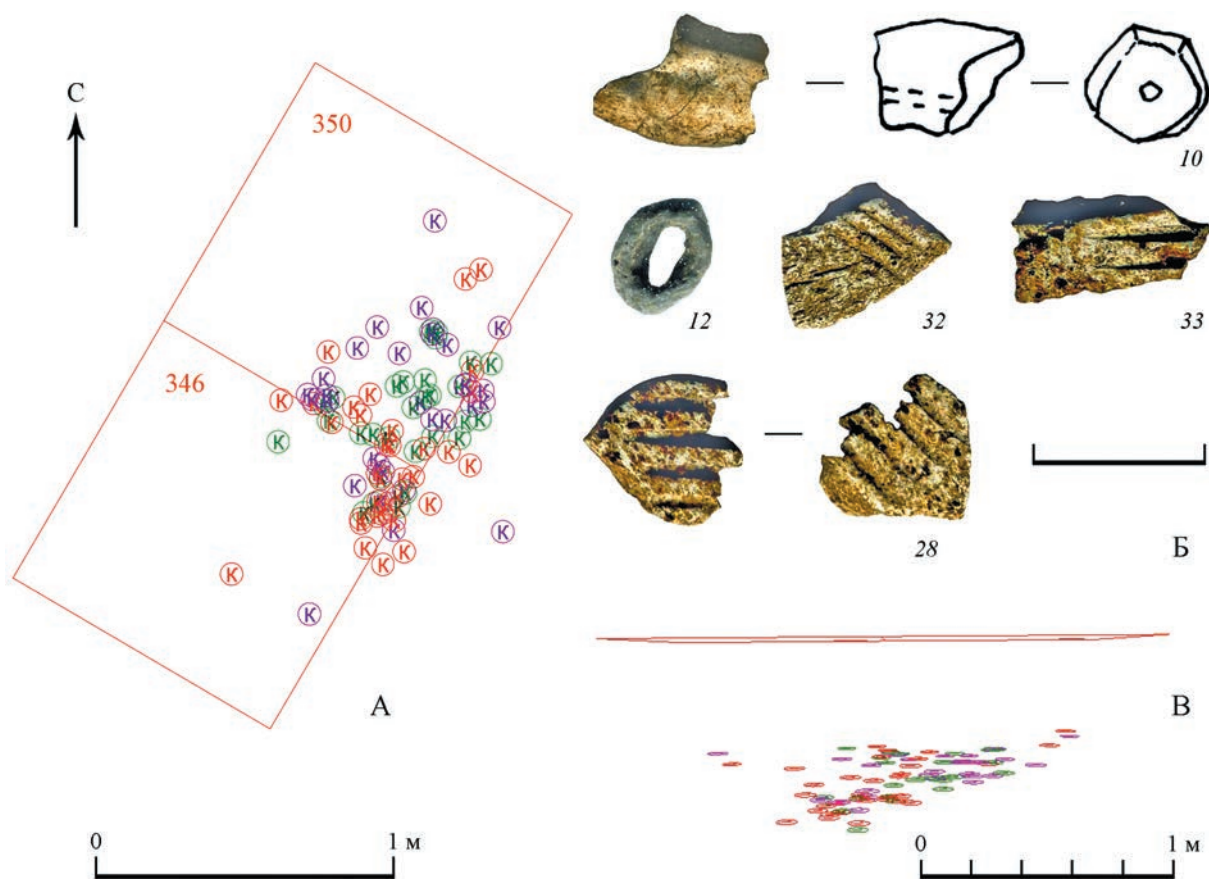

Рис. 6. Погребение 14

А, В – 3D-модель, вид сверху и с юго-востока. Красным обозначены кости размером до 1 см в поперечнике, зеленым – от 1 до 2 см, фиолетовым – свыше 2 см; Б – вещи из погребения (указаны полевые номера)

за пределами раскопа (квадраты с прибавлением к номеру литеры А), в грядке (рис. 7, А, В). Вероятно, эта часть погребения получила повреждения при лесоустроительных работах. Максимальная толщина скопления 10 см. В скоплении костей найдены литой линейнопрорезной бубенчик с металлическим шариком внутри (рис. 7, 21), капля металла (рис. 7, 22). Еще две капли металла и слиток стекла (рис. 7, 27) найдены при просеивании грунта из восточной части погребения.

Выводы по результатам работ 2018 года. Установлено, что поле погребений занимает все пространство, окольцованное курганами, по крайней мере, по линии ЮЗ – СВ. Правда, плотность погребений к СВ несколько снижается, и нельзя исключать, что могильник рос в таком же направлении – с ЮЗ на СВ. Границы распространения погребений в направлении ЮВ – СЗ еще предстоит выяснить.

Все кремации достоверно датируются временем не ранее XII в., особенно красноречивой датирующей находкой остаются сердоликовые бипирамидальные бусы, обнаруженные в нескольких погребениях.

Всем погребениям, исследованным в отчетном сезоне, присущи общие черты: размеры (почти все – около 100×60 см), небольшая толщина линзы слоя с костями и распределение этого слоя по плоской поверхности, малое количество находок, отсутствие дополнительных ямок возле «основных» погребений (как в погребениях 1–5). Однако в предыдущие годы были открыты погребения других форм или с другими элементами: помимо упоминавшихся «дополнительных ямок» это могли быть погребения в ямах, погребение во рву кургана, погребение с кольцевой конструкцией. Вероятно, вариативность погребального обряда на этом памятнике так же велика, как и в могильниках предшествующего времени – Щурово, Лужки Е, Соколова Пустынь.

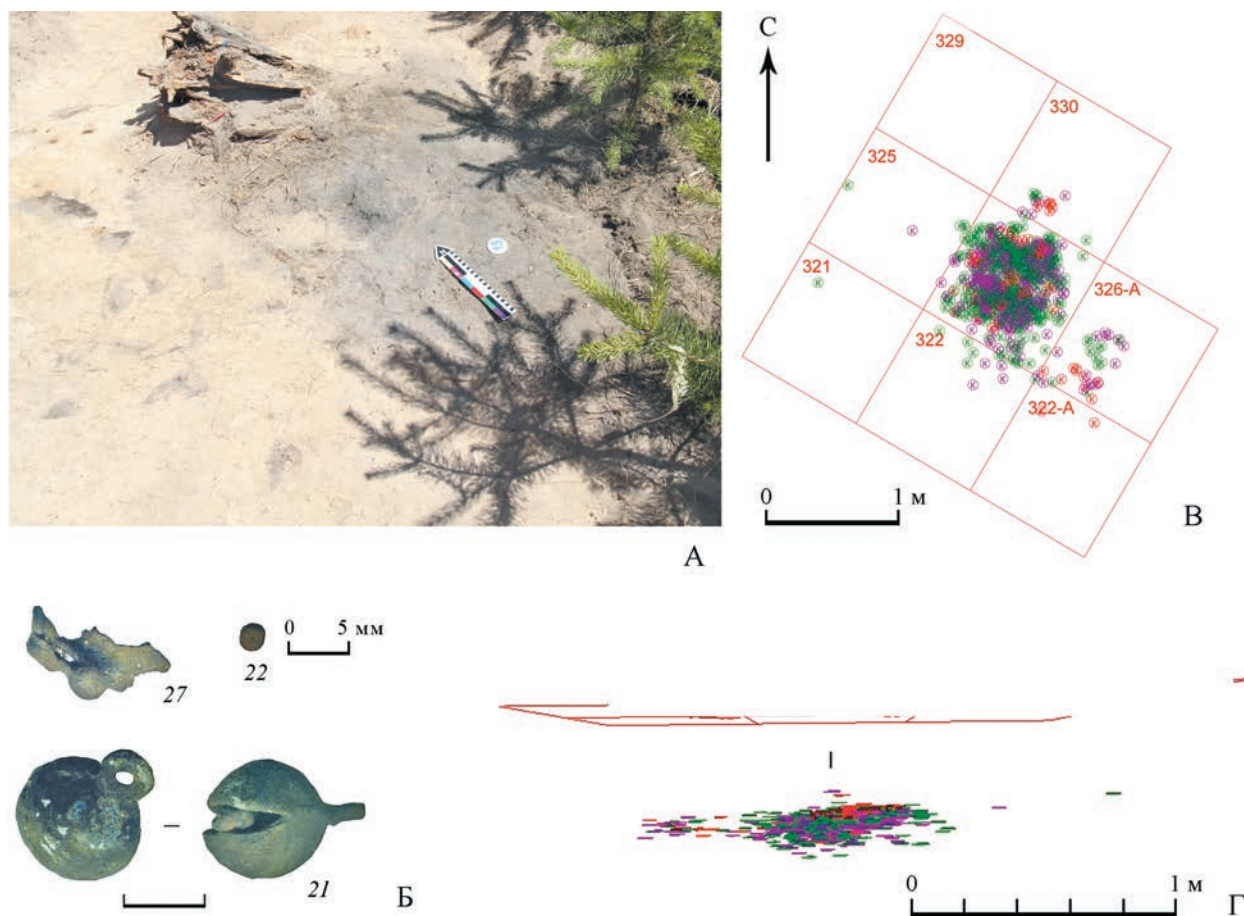

Рис. 7. Погребение 15

А – пятно на материке, после разбора основной линзы слоя с костями (погребение обрезано грядкой сосен);
 Б – вещи из погребения (указаны полевые номера); В–Г – 3D-модель, вид сверху и с юго-востока.
 Красным обозначены кости размером до 1 см в поперечнике, зеленым – от 1 до 2 см, фиолетовым – свыше 2 см

Литература

Городцов В. А., 1928. Археологические исследования в Коломенском и Каширском уездах. М.: 1-й МГУ. 22 с.

Гусева В. П., Сыроватко А. С., 2018. Коллекция из могильника Кремень в фондах Ступинского краеведческого музея // Оки связующая нить. Сб. матер. XI Региональной научно-практической конференции. Ступино: МБУК «Ступинский историко-художественный музей». С. 53–61.

Розенфельд Р. Л., 1976. Отчет разведочно-го отряда Московской экспедиции ИА АН СССР о проведении обследования состояния археологических памятников Московской обл. в 1976 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6462.

Рыбаков Б. А., 1928. О раскопках вятичских курганов в Мякинине и в Кремень в 1927 году // Сборник Научно-археологического кружка 1-го МГУ. Вып. 1. М.: 1-й МГУ. С. 5–11.

Степанова Т. И., 1989. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Ступинского района Московской области в 1989 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 15445, 15446.

Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., 2017. Грунтовые погребения-кремации XII в: новые исследования курганного могильника Кремень // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН.

Сыроватко А. С., Свиркина Н. Г., Клещенко Е. А., 2019. Биритуальность в погребальном обряде «вятичей»: парадоксы могильника Кремень // РА. № 4. С. 102–117.

Сыроватко А. С., Фомченко Э. Э., 2015. Курганная группа в Кремень – новый археологический сюжет // Оки связующая нить: археология Среднего Потожья. Сб. матер. VII и VIII региональной научно-практической конференции. Ступино: МБУК «Ступинский историко-художественный музей». С. 132–138.

A. S. Syrovatko, N. G. Svirkina, V. P. Guseva

Soil cremations of the Kremenye cemetery: 2018 studies

Summary

The article presents the results of excavations of burials at the mixed soil-mound burial ground in the Stupinsky district of the Moscow region. The cemetery is characterized in that cremations in it were carried out simultaneously with burials in mounds. Proof

of this are the findings in mound graves and cremations of the same things the 12th century (including bipyramidal carnelian beads, linear slotted bronze bells). Such biritual cemetery is still the only one studied in Moscow.

List of figures

Fig. 1. Excavation plan in 2018 with the contours of the burials

Fig. 2. The plan of the Kremenye cemetery with the contours of the excavations. The part examined in 2018 is shown in red

Fig. 3. Grave 11

A – contour of the circle structure on the virgin soil; Б – things from the burial (excavation numbers are indicated); Б-Г – 3D model, view from above and from the southeast. Red indicates bones up to 1 cm across, green – from 1 to 2 cm, purple over 2 cm

Fig. 4. Grave 12

A – spots on the virgin soil, after parsing the main lens of the layer with bones; Б – things from the burial (excavation numbers are indicated); Б-Г – 3D model, view from above and from the southeast. Red indicates bones up to 1 cm across, green – from 1 to 2 cm, purple over 2 cm

Fig. 5. Grave 13

A – spot of part of the burial buried in the mainland, under the baulk of the excavation; Б – things from the burial (excavation numbers are indicated); Б-Г – 3D model, view from above and from the southeast. Red indicates bones up to 1 cm across, green – from 1 to 2 cm, purple over 2 cm

Fig. 6. Grave 14

A, Б – 3D model, view from above and from the southeast. Red indicates bones up to 1 cm across, green – from 1 to 2 cm, purple over 2 cm; Б – things from the burial (excavation numbers are indicated)

Fig. 7. Grave 15

A – spot on the virgin soil, after parsing the main lens of the layer with bones (burial is cut off by a ridge of pines); Б – things from the burial (excavation numbers are indicated); Б-Г – 3D model, view from above and from the southeast. Red indicates bones up to 1 cm across, green – from 1 to 2 cm, purple over 2 cm

**М. С. Яковчик^{*}, А. В. Энговатова^{*},
О. В. Орфинская^{**}, О. Ф. Чернова^{***}**

^{*} *Институт археологии РАН*

^{**} *Центр египтологических исследований РАН*

^{***} *Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва*

Вязаная рукавица из раскопок в Ярославле

В 2009 г. в ходе охранных раскопок Ярославской археологической экспедиции ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой на территории Рубленого города, исторической части Ярославля, была найдена весьма редкая вещь – вязаная шерстяная рукавица. Она была обнаружена в заполнении ямы № 256 (раскоп «Волжская наб., д. 1 – 2009») (рис. 1). Длина ямы изначально составляла не менее 150 см (один край был перерезан постройкой XVII в.), ширина – от 50 до 110 см, общая глубина – около 100 см, причем яма была заглублена в материк примерно на 60–70 см (рис. 2). Стенки ямы отвесные, к одной из них вплотную примыкали остатки наземной деревянной постройки XI – начала XIII в. (рис. 3). Обнаруженный в яме № 256 вещевой комплекс был небогат: помимо рукавицы он включал 20 фрагментов круговой древнерусской керамики, датированной второй половиной XII – началом XIII в. (определение Е. К. Кадиевой).

Поскольку яма заглублена с уровня слоя начала XIII в., а также по характеру обнаруженного в яме керамического материала в ходе исследований ее датировали этим временем. Объекты (в том числе жилые и хозяйственные постройки, остатки уличного мощения) и культурный слой начала XIII в. зафиксированы на всей площади раскопа «Волжская наб., д. 1 – 2009». Яма № 256 впущена с уровня -300 см (пласт 8), тогда как на всей площади раскопа культурный слой начала XIII в. фиксируется в среднем с уровня пласта 6 (-260/-280 см), что в полевых условиях не оставляло сомнений в датировке самого объекта. При этом яма до материка прорезает культурные слои, датированные по керамическому материалу XI–XIII вв. (Энгова-

това, 2010а). В ходе анализа материалов отчета стало ясно, что на участке зафиксировано еще пять ям, которые по размерам, заполнению, уровню выявления, глубине впуска, а также датировке немногочисленного керамического материала оказались очень схожи с ямой № 256 (это ямы № 252, 253, 257, 258 и 268). При этом планиграфически ямы № 256, 257, 258 и 268 выстроены в ряд с северо-востока на юго-запад через практически равное расстояние. Ямы № 252 и 253 расположены в параллельном ряду (рис. 3; 4). Подобная четкая планиграфия объектов может и вовсе свидетельствовать об их позднем происхождении. Все они прорезали культурные слои XI–XIII вв., чем, возможно, и вызвано попадание в их нижнее заполнение материалов, датированных XII–XIII вв. Редкая для древнерусских городов находка вязаной варежки при неоднозначности археологического контекста, в котором она была найдена, требовала более точной датировки.

Для уточнения датировки рукавицы проведено радиоуглеродное AMS-датирование ее нитей в лаборатории университета Джорджии, США (*Center for Applied Isotope Studies University of Georgia*) под руководством А. Е. Черкинского. Получена калиброванная дата 1025–1154 calAD (UGAMS-45574: 950±25). Поскольку полученная дата в калибровочной шкале приходится на горизонтальное плато (рис. 5), она имеет довольно широкие хронологические рамки – от начала XI до середины XII в.

Таким образом, датировка варежки определенным образом соотносится с датировкой керамических материалов, выявленных в ходе разборки ямы № 256 в ее нижних слоях. В данном случае датировка ямы, какой бы поздней она ни была,

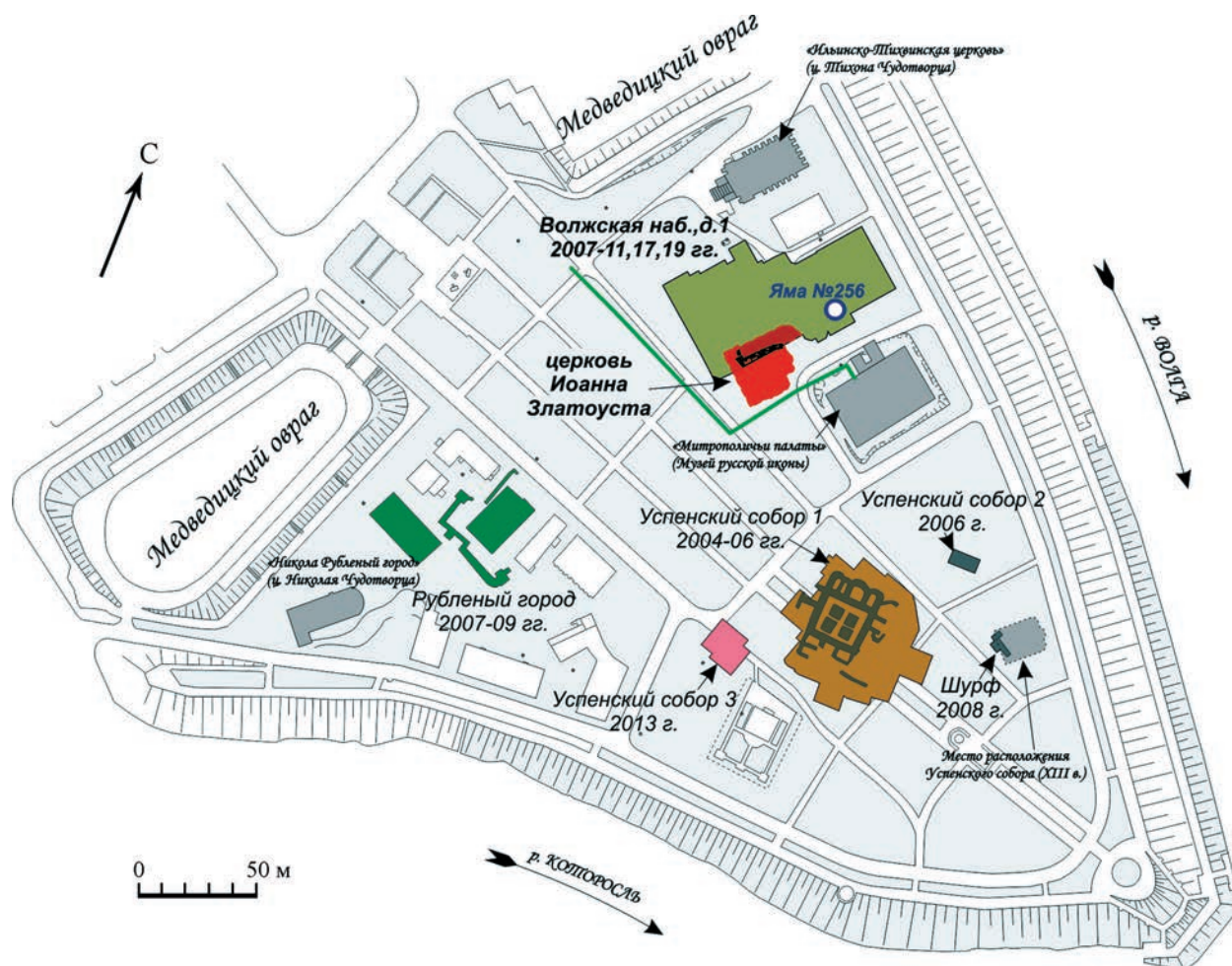

Рис. 1. Схема раскопок ИА РАН в историческом центре Ярославля с указанием местоположения объекта, где найдена рукавица (яма № 256)

не соотносится с содержащимися в ней находками, включая остатки вязаной варежки, датировка которой по ^{14}C (не позднее второй половины XII в.) представляется нам достоверной.

При обнаружении рукавица (рис. 6) была представлена тремя фрагментами с утратами¹; сохранилась большая часть изделия, что дает возможность достаточно точно определить его конструктивные особенности и реконструировать первоначальный облик.

Длина сохранившейся части рукавицы составляет 17,5 см. Кисть практически полностью отсутствует в области пальцев, в связи с чем невозможно определить форму верха варежки и ее изначальную длину. Широкое запястье с частично сохранившимся краем плавно переходит в кисть, отсут-

ствие на нем следов стяжек и перевязывания говорит о том, что рукавица носилась и удерживалась на руке без дополнительных средств крепления (шнурков или завязок). Корректно оценить ширину запястья и ладони невозможно, поскольку изделие обнаружено в разорванном фрагментированном виде. Большой палец сохранился практически полностью, его длина равна 5 см, ширина у основания – 4,5 см.

Рукавицу подвергли комплексному, стандартному при анализе текстильных изделий исследованию с целью изучения технологии ее изготовления и характеристик материала, из которого она сработана. Исследование структуры изделия и нитей выполнено М. С. Яковчик (ИА РАН); толщина и направление крутки нитей определены при по-

¹ Первичное изучение и реставрация выполнены О. В. Орфинской, а также Н. Н. Цветковой под руководством Н. П. Синицыной.

Рис. 2. Яма № 256. Разрез

мощи стереомикроскопа *Carl Zeiss Stemi-2000C* при увеличении 13х–100х; природа волокна, из которого спрядены нити, определена методом оптической микроскопии в проходящем неполяризованном свете на микроскопе *Zeiss Primo Star* при увеличении 200–400х.

Варежка выполнена из шерстяных нитей второго порядка крутки (S,2z): они состоят из двух нитей с круткой Z, свитых вместе в направлении S. Толщина нитей составляет 2–3 мм (рис. 7, А). Шерстяные волокна (или волосы) устроены довольно просто и состоят из трех основных роговых компонентов:

- наружного тонкого или многослойного и обычно прозрачного кутикулярного слоя (кутикулы);
- лежащего под ним слоя плотного, обычно пигментированного коркового слоя (коры);
- проходящего по всему стержню в виде тяжа разной конфигурации и степени развития центрального сердцевидного слоя (сердцевины), который в разной степени наполнен воздухоносными полостями, роговыми перегородками и пигментными гранулами (Чернова, Целикова, 2004. С. 30–46).

В зависимости от наличия и степени развития сердцевины различают несколько видов волокон: пуховые, переходные (полуостевые) и остевые. Варежка изготовлена из шерстяных нитей, спря-

денных из волокон всех видов. Данное обстоятельство, а также довольно слабая крутка нитей говорят об их невысоком качестве. Возможно, причина заключается в том, что это сучанина – нити, изготовленные из шерсти не самого лучшего качества (порой из отходов, оставшихся после первичной обработки шерстяного сырья) путем кручения между ладонями (Савенкова, 2011. С. 103).

Одной из первостепенных задач настоящего исследования стало определение видовой принадлежности животных, из шерсти которых изготовлена варежка. С этой целью образцы нитей рукавицы были переданы в Институт истории материальной культуры РАН; исследование шерстяных волокон выполнено Е. Ю. Медниковой, С. С. Миняевым (ИИМК РАН) и В. Е. Куликовым (Европейская академия естественных наук) с помощью разработанного в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН метода полиполяризации. Суть данного микроскопического метода заключается в изучении археологических артефактов на оптико-электронной полиполяризационной системе в проходящем свете при увеличении 500–550х с последующим сравнением полученных снимков с фондом эталонных изображений; в качестве последних использовались полиполяризационные снимки волос шерсти домашних и диких животных, обитающих на территории Восточной Европы

Рис. 4. Раскоп «Волжская наб., д. 1 – 2009». Участок 11. Зачистка по предматерику.
Фото. Вид с северо-запада

(Куликов и др., 2017. С. 259–260). Сопоставление проводилось по показателям тонины (толщины), цвета и рисунку кутикулы волос². Таким образом проанализировано около 100 образцов шерстяных текстильных изделий (тканей, войлока и др.), найденных при раскопках древнерусских памятников (Новгорода, Старой Руссы, Старой Ладogi, Ярославля, могильника Залахтове, памятников Бело-руссии), а также в Польше. Было установлено, что рукавичка из Ярославля, как и все остальные изученные вещи, изготовлена из шерсти верблюда (Куликов и др., 2017. С. 260, 263).

Полученные результаты показались необычными. Маловероятным выглядит наличие столь значительного количества текстиля из верблюжьей шерсти на территории Древней Руси. Вместе с тем было бы ошибочно полностью исключать возможность появления на Руси изделий из шерсти верблюда. Можно предположить импорт сырья и готовых изделий из шерсти верблюда на Русь, хотя данное утверждение весьма спорно, поскольку из имеющихся письменных источников об этом

ничего не известно. Стоит отметить, что для жителей средневековой Руси верблюды были известными, хотя и диковинными животными: они изредка упоминаются в письменных источниках (летописях и др.), и их кости были найдены в слоях Москвы, Суздаля, Киева, Вышгорода (Тарасов, 2017. С. 102). Эти данные свидетельствуют о спорадическом характере присутствия верблюдов на Руси, и они явно не использовались в качестве источника шерсти для текстильного производства. Другими словами, многочисленные ткани, войлочные, плетеные и вязаные изделия из верблюжьей шерсти не могли быть продуктом непосредственно древнерусского ремесла, базирующегося на местном сырье, поскольку ареал обитания и разведения верблюдов находится в более южных регионах Евразии, а потому их содержание на Руси невозможно.

В свете указанных обстоятельств было решено провести повторную таксономическую экспертизу шерстяных волокон рукавицы из Ярославля. Исследование выполнили О. Ф. Чернова и Т. Н. Целикова (лаборатория морфологических адаптаций

² Авторы выражают благодарность Е. Ю. Медниковой за дополнительную консультацию о методике, примененной при видовой идентификации шерстяных волос.

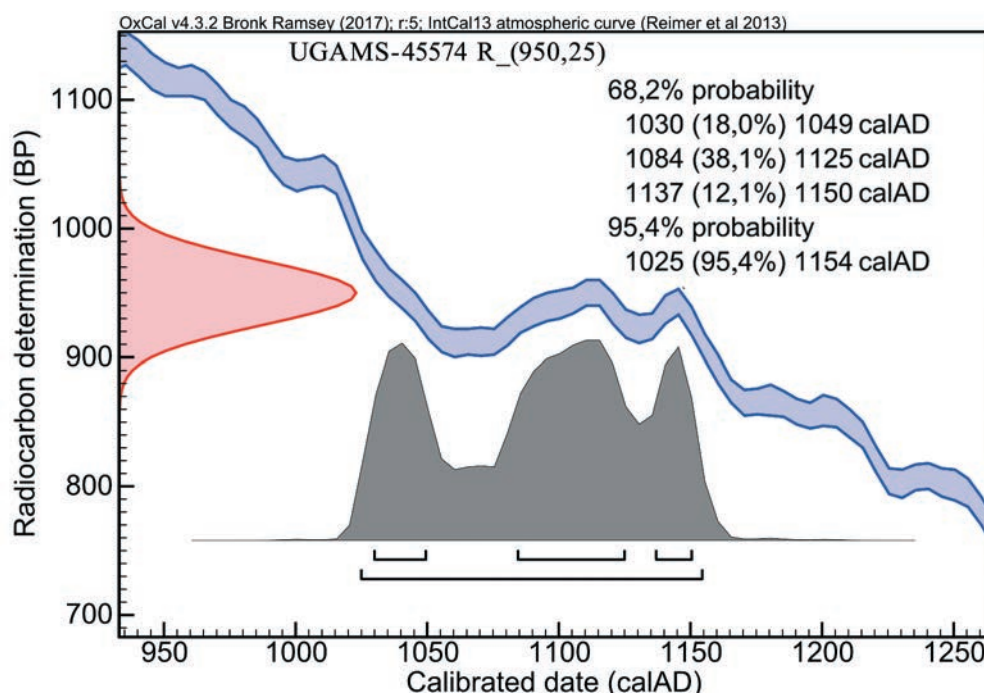

Рис. 5. Результаты радиоуглеродного датирования рукавицы из Ярославля

позвоночных ИПЭЭ РАН им. А.Н. Северцова). Как уже говорилось выше, волосы млекопитающих чрезвычайно разнообразны, тем не менее известен целый ряд диагностических признаков, позволяющих проводить полноценную таксономическую экспертизу. Степень развития и строение всех трех компонентов имеют диагностического значения. Методические приемы изучения микроструктуры и архитектоники волос хорошо известны. Тотальные препараты волос помогают определять окраску волос, степень и характер их пигментации, развитие внутренних структур. Светооптическая микроскопия позволяет улавливать тонкие детали строения слоев волоса, а сканирующая электронная микроскопия (СЭМ) – понять и сравнить архитектуру этих структур у разных видов.

Методика световой микроскопии и СЭМ волос неоднократно использовалась, подробно описана в литературе (Чернова, 2006; Чернова, Целикова, 2004; Чернова и др., 2011а; 2011б) и заключается в следующем. Тотальные препараты остевых волос и их фрагментов изучали под световым микроскопом *Amplival* (VEB Carl Zeiss Jena), а также *Leica DM-R* с цифровой видеокамерой *JVC 3CCCD* с использованием окуляра 10х и объектива 10х. Микрофотографии дали представление о степени дифференциации шерсти.

Электроннограммы получали при применении обычных методов исследования объектов в скани-

рующем электронном микроскопе *JSM 840A* (Япония). Если сохранность волос позволяла, то их отмывали и обезжиривали в шампуне, затем проводили по спиртам возрастающей концентрации и наклеивали бесцветным лаком на столик, напыляли золотом и изучали при помощи сканирующей электронной микроскопии. Большинство волос и их фрагментов оказались сильно загрязненными и хрупкими, поэтому качество их очистки осталось невысоким. Полученные электронограммы скомпонованы в определенном порядке, указанном в подрисовочных подписях: поперечные срезы разных участков стержня (обычно основания и гранны – наиболее расширенной части стержня); сердцевина на поперечном срезе стержня; продольный срез основания и гранны волоса; сердцевина на продольном срезе стержня; поверхностный рельеф (орнамент) кутикулы от основания к гранне. Для проведения сравнительного анализа использовали базу данных по архитектонике волос млекопитающих (Чернова, 2006; Чернова, Целикова, 2004; Чернова и др., 2011а; 2011б) и другую справочную литературу (Кисин, 2001; Соколов, 1973; Соколов и др., 1988; Соколов, Петрищев, 1997). Также были изучены контрольные образцы волос некоторых видов, предположительно родственных обладателям тестируемых волос.

Помимо морфологического описания для сравнения тестируемых и контрольных волос вы-

Рис. 6. Рукавица из Ярославля (фото)

числены следующие относительные морфометрические показатели: D/d – отношение максимального и минимального диаметров поперечного среза в гранне (наиболее расширенной части) стержня; D/M – отношение максимального диаметра стержня к таковому сердцевинного тяжа в гранне стержня; D/H – отношение высоты чешуйки кутикулы к ширине стержня в основании и гранне стержня; s/S – отношение площади сердцевинки к площади стержня на поперечном срезе гранны волоса, в процентах. Результаты представлены в таблице 1.

Из рукавицы взяты две пробы: проба 1 – из темных нитей, проба 2 – из светлых нитей. Фрагменты волос из обеих проб практически не отличаются: волосы в основном тонкие, их можно разделить на три категории. Толщина самых мелких пуховых волос изменяется от 14,6 до 17,8 мкм, а толщина более крупных остевых волос – от 29,5 до 46,6 мкм. Поперечники волос овальной конфигурации. Сердцевина, как правило, отсутствует (рис. 8, А, В), а если встречается в самых крупных остевых

волосах, то фрагментарна и развита очень слабо (рис. 8, А). Орнамент кутикулы кольцевидный (одна чешуйка полностью охватывает стержень) или полукольцевидный. Чешуйки средней высоты, невысокие в основании волос (11,8–27,8 мкм) и более высокие в расширенной части стержня (гранне) (17,3–31,7 мкм), имеют гладкий или волнистый свободный край (рис. 8, Б).

Сравнение основных морфометрических параметров тестируемых волос показало их сходство с таковыми у домашней овцы, но не у верблюда (табл. 1). Например, у полутонкорунной овцы породы Дорсет, толщина остевых волос которой вполне сравнима с таковой у тестируемого образца (26,8–39,4 мкм), основные показатели вполне сходны (табл. 1; рис. 9). У домашнего двугорбого верблюда толщина волос составляет 39,9–47,3 мкм, форма поперечника вполне сходна с таковой у тестируемых волос. Однако в его волосах достаточно хорошо развита толстостенная сердцевина, а чешуйки кутикулы более уплотненные (табл. 1; рис. 10). Кроме того, орнамент кутикулы верблюда

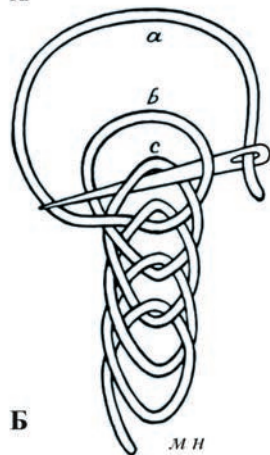

Таблица 1. Морфометрия основных структур волос рукавицы и эталонных образцов ($\lim$, $n = 5$; n – число промеров для каждого параметра).

Показатель, участок стержня	Вид-порода			
	Варежка, пробы 1, 2	Домашняя овца		Двугорбый верблюд
		Дорсет	Каракульская	
D/d, гранна	1,1–1,6	1,3–1,9	1,3–2,5	1,3–1,7
D/M, гранна	Сердцевина отсутствует, в единичном случае имеется – 6,2–6,7	Сердцевина отсутствует		2,3–3,4
D/H, основание, гранна	1,2–2,9 1,3–2,7	2,1–2,8 2,0–2,7	2,1–2,4 1,9–2,6	3,7–4,7
s/S, гранна, %	0,02	Сердцевина отсутствует		22,0

А

Б

Рис. 7. Структура рукавицы

А – нити второго порядка крутки (отмечены стрелками).
Б – схема вязания рукавицы (по: *Hald*, 1980. Р. 290–291. Fig. 323, 323b)

сильно отличается от такового у овец и тестируемых волос.

Таким образом, можно заключить, что нити рукавицы спрядены из шерсти полутонкорунной овцы.

Варежка выполнена в технике вязания. Вязание – это способ изготовления текстильного изделия посредством создания из нити рядов соединяющихся друг с другом петель при помощи инструментов (крючка, игл, спиц и др.). В отличие от тканей и плетеных изделий, для формирования структуры которых необходимы как минимум две системы нитей, вязаные вещи вырабатываются из одной непрерывной нити. Исследование показало, что рукавичка выполнена в технике вязания одной иглой³. Иглы для вязания обычно изготавливались из кости, дерева, металла и подразделяются на два типа: одноконечные, с одним рабочим заостренным концом и уплощенным концом с отверстием для нити; двухконечные, с двумя рабочими концами и отверстием для нити в уплощенной центральной части (*Савенкова*, 2011. С. 101). При раскопках на территории Рубленого города в остатках постройки XIII–XIV вв. обнаружена деревянная одноконечная игла длиной 13 см, по своим морфологическим признакам очень похожая на иглы для вязания (*Энговатова*, 2008а. Л. 154; 2008б. Л. 129. Илл. 98). Также коллекция из 11 деревянных и костяных игл для вязания обоих типов собрана во время раскопок Людина и Славенского концов Новгорода, их датировка – X–XIV вв. (*Савенкова*, 2011. С. 101. Табл. 1. Рис. 1).

³ В зарубежных публикациях техника игольного вязания часто обозначается датскими терминами *nålbinding* / *naalbinding* и *nålebinding*.

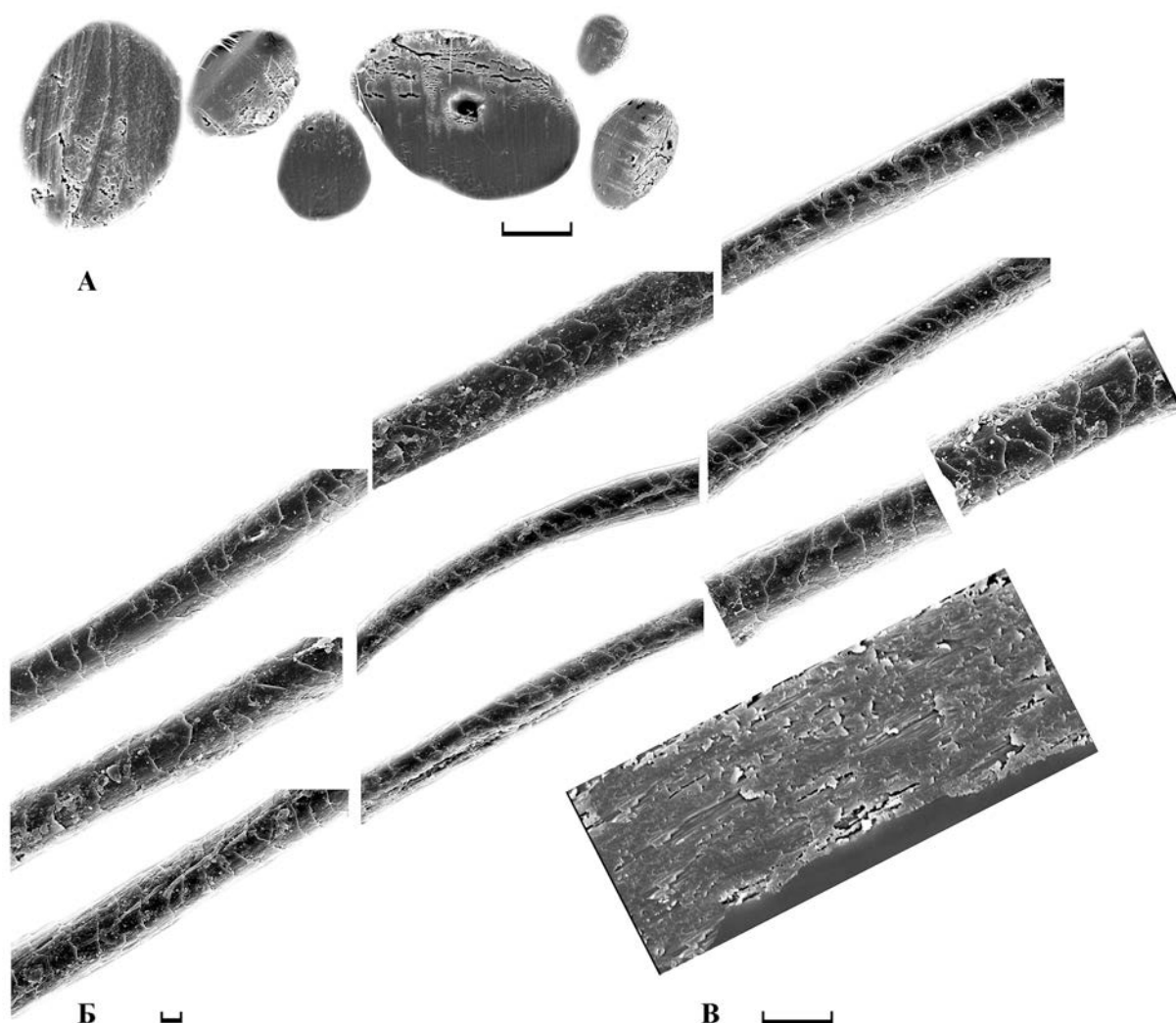

Рис. 8. Микроструктура фрагментов волос из рукавицы (пробы 1 и 2)

А – поперечные срезы различных волос. Б – орнамент кутикулы вдоль стержня (снизу вверх).
В – продольный срез волоса. СЭМ. Масштаб – 10 мкм

Техника вязания иглой неоднократно исследовалась и имеет обширную историографию, одной из центральных проблем которой является изучение и классификация многочисленных вязальных схем (см., например: Nordland, 1961; Hald, 1980; Hansen, 1990). Схема вязания варежки из Ярославля представлена на рисунке 7, Б, и соответствует следующим типам: Па, по М. Хальд; 4 (12), по О. Нордланду; UO/UOO F1, по Э. Хансену; «петля Осло» (англ. *Oslo stitch*), по Л. Шмидту (Nordland, 1961. Р. 41–44; Hald, 1980. Р. 285–291; Claßen-Büttner, 2015. Р. 13–18). Для эпохи Средневековья круг ближайших аналогий ярославской варежки невелик и включает всего 7 рукавиц, изготовленных по идентичной схеме. Основная часть этих находок происходит из Новгорода: в ходе раскопок на Славенском и Людином концах найдены

четыре рукавицы (целая и три неполной сохранности); три из них датируются XII, XIII и XIV вв., одна не имеет точной датировки (Нахлик, 1963. С. 264–265; Савенкова, 2011. С. 106–107. Табл. 3. Рис. 2, 3). На поселении Арнхейдарстадир (исл. *Arnheiðarstaðir*) в Исландии найдена рукавица, датируемая приблизительно X в. (Pálsson, 1995. Р. 34–35; Lehmann-Filhés, 1896. S. 30; Hald, 1951; 1980. Р. 304; Nordland, 1961. Р. 41; Claßen-Büttner, 2015. Р. 47. Fig. 38). В Норвегии вязаная варежка происходит из г. Осло и датируется XI в. (Nordland, 1961. Р. 42–44. Fig. 24; Claßen-Büttner, 2015. Р. 46. Fig. 37). Еще одна варежка найдена в Швеции в г. Лунд и датируется временем до XV в. (Nordland, 1961. Р. 43; Hald, 1980. Р. 304; Claßen-Büttner, 2015. Р. 46). Круг аналогий, имеющий широкий ареал и хронологический диапазон (X–XV вв.), свиде-

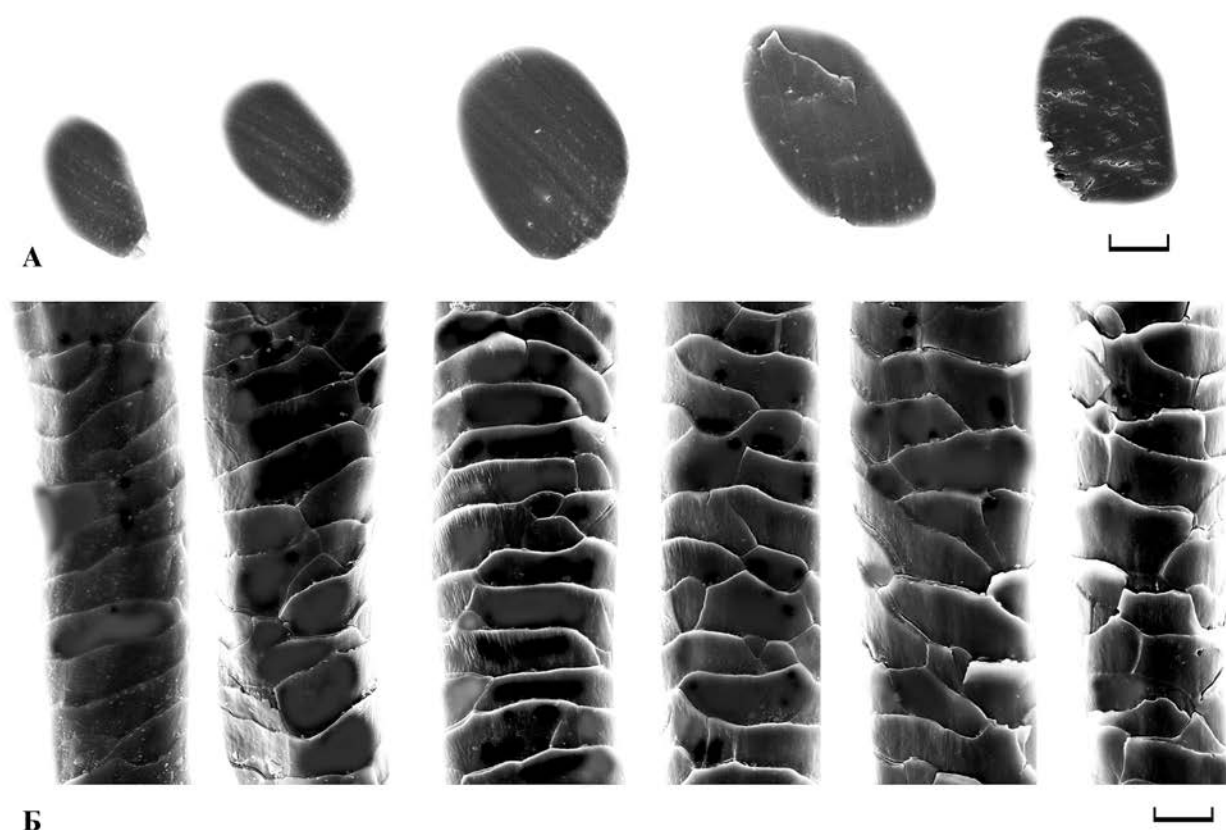

Рис. 9. Микроструктура волос домашней овцы породы Дорсет

А – поперечные срезы, сердцевина отсутствует. Б – орнамент кутикулы от основания до грани стержня (слева направо). СЭМ. Масштаб – 10 мкм

тelleствует о том, что рукавица из Ярославля является довольно типичным по технике изготовления изделием данного типа.

Кроме того, известны находки рукавиц, выполненных по иным схемам игольного вязания. Так, на Неревском конце Новгорода в слоях X в. обнаружена целая рукавица, сработанная по типу вязания одной иглой IIIa, по М. Хальд (Савенкова, 2011. С. 106–107. Табл. 3. Рис. 2, 2). Из раскопок в Гданьске происходит фрагментированная рукавичка, тип вязания которой – VII, по М. Хальд; по одним данным, изделие датируется концом XI – началом XII в., по другим – XIII в. (Kamińska, Nahlik, 1958. S. 106. Рус. 50; Rybarczyk, 2010. P. 54. Fig. 1; Claßen-Büttner, 2015. P. 47). Связанная из шерсти белого цвета варежка обнаружена в Риге в слоях XIII в. Она выполнена в одном из вариантов «финской» схемы одноигольного вязания и декорирована вышивкой (Claßen-Büttner, 2015. P. 47).

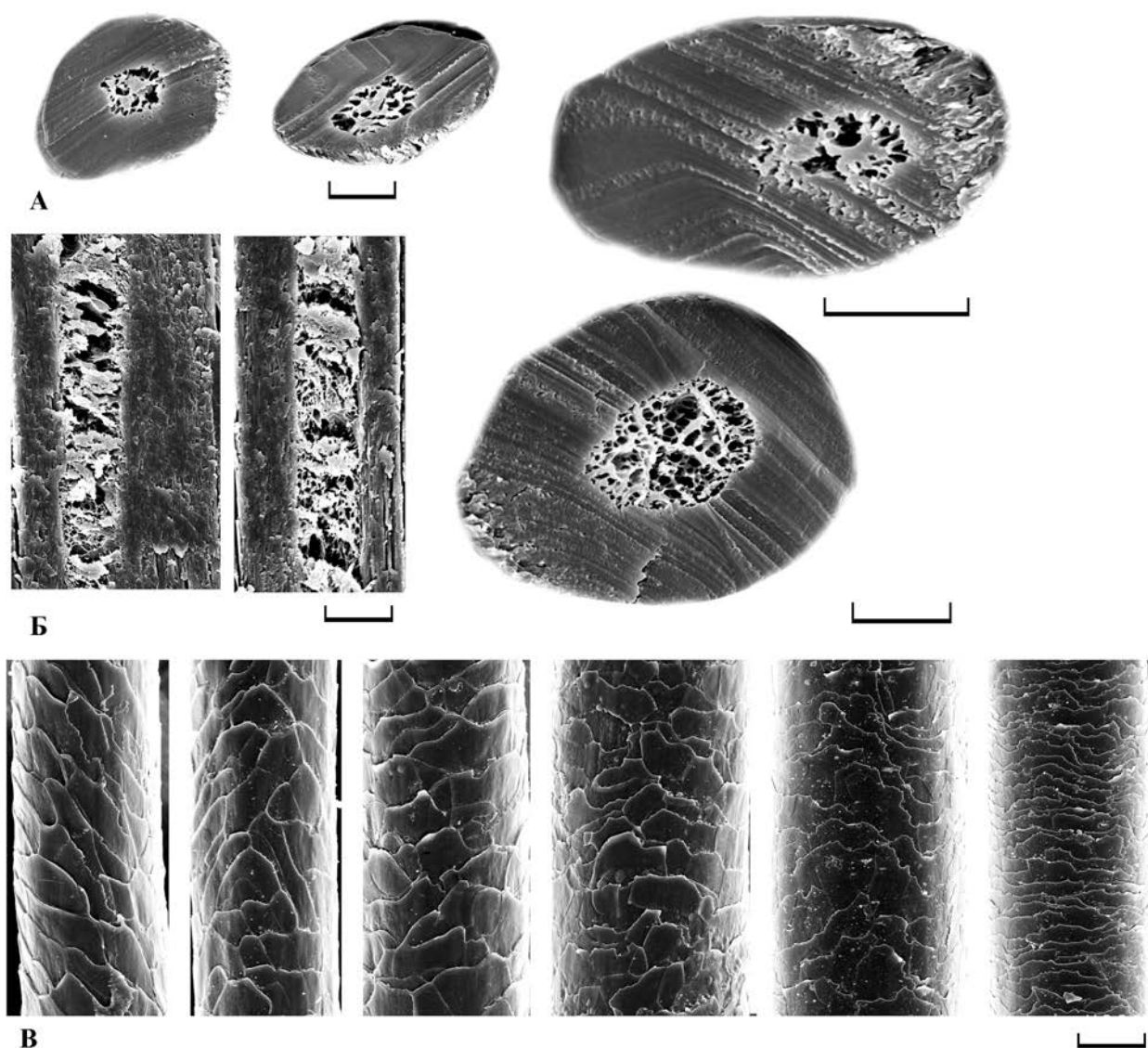
Помимо указанных изделий известны 5 средневековых рукавиц, схема вязания которых

в настоящий момент не определена. Две из них происходят с территории Древней Руси: одна обнаружена в Ростове и датируется серединой XIII – XV в. (Самойлович, 2007. С. 27, 80. Рис. 49, 5), другая найдена в Берестье в слоях XIII–XIV вв. (Лысенко, 1985. С. 374. Рис. 253, 2; 1989. С. 145). В Швеции вязанная иглой рукавица происходит из г. Лёдёсе (швед. *Lödöse*), ее датировка – XII в. (Claßen-Büttner, 2015. P. 46). В Дании в г. Риббе (дат. *Ribe*) обнаружена варежка, согласно результатам радиоуглеродного датирования изготовленная в 1150–1250 гг., с меньшей вероятностью в 1168–1217 гг.⁴ (Claßen-Büttner, 2015. P. 44. Fig. 34). В Германии в Шлезвиге найдена рукавица, не имеющая точной датировки, но бесспорно относящаяся к периоду Средневековья (Claßen-Büttner, 2015. P. 9, 47. Fig. 2).

Рукавица из Ярославля связана из нитей двух цветов, однако вследствие длительного нахождения в почве и воздействия неблагоприятных факторов они потеряли свою первоначальную

⁴ <https://jyllands-posten.dk/kultur/article6853012.ece/>.

Рис. 10. Микроструктура волос двугорбого верблюда

А – поперечные срезы стержня. Б – продольные срезы стержня. В – орнамент кутикулы от основания до участка выше гранны стержня. СЭМ. Масштаб 10 мкм

окраску: в настоящий момент нити, из которых выполнены кисть и пальцы, включая большой, имеют светло-коричневый цвет, а нити, из которых связана полоса на запястье, – темно-коричневый цвет (рис. 6). Анализ на наличие красителей в нитях варежки выполнен методами высокоэффективной жидкостной хроматографии (прибор *Agilent 1200* (*Agilent*) с диодно-матричным детектором) и спектрофотометрии (*UV-VIS* спектрофотометр *Cary-5000* (*Varian*)). Исследование проведено Е. В. Карповой (Новосибирский

институт органической химии им. Н. Н. Ворожцова СО РАН)⁵.

Согласно полученным данным, при изготовлении рукавицы не использовались нити красного цвета: результаты спектрофотометрии показали отсутствие в волокнах красителей из группы антрохинонов – природных красителей, получаемых главным образом из растений семейства мареновых (*Rubiaceae*) или насекомых-паразитов из подотряда кокцид (*Coccoidea*) и служащих источником красного цвета (*Карпова*, 2007. С. 92–93).

⁵ Авторы выражают искреннюю благодарность Е. В. Карповой за проведенный анализ красителей нитей рукавицы.

В светло-коричневых нитях варежки обнаружен лютеолин – флавоноидный желтый краситель, содержащийся во многих растениях. Источником красителя для варежки послужило, видимо, травянистое растение резеда желтая (*Reseda lutea* L.). Лютеолин принадлежит к категории протравных красителей: качественное окрашивание требует предварительной обработки текстильных волокон специальными вспомогательными веществами – протравами, обеспечивающими устойчивую связь волокна и красителя (Карпова, 2007. С. 94; Голиков и др., 2010. С. 39–40).

В темно-коричневых нитях рукавицы присутствуют сразу два красителя: лютеолин и индиго. Индиго или индиго – синий краситель растительного происхождения, который в Древней Руси и Европе получали из растений рода вайда, в частности, из вайды красильной (*Isatis tinctoria* L.), или синильника. Индиго – кубовый краситель: крашение текстиля предполагает сложный процесс с обязательным использованием куба – специальной емкости, которая содержит водный экстракт или суспензию щелочных агентов, окислителей,

восстановителей, микроорганизмов и других веществ. Наличие в темных нитях варежки помимо индиго еще и лютеолина говорит о том, что эти нити могли иметь не синий, а зеленый цвет, поскольку при крашении текстиля зеленый цвет получали путем смешивания синего и желтого красителей. В этом случае использовали метод смешанного крашения: протравного – лютеолином и кубового – индиго (Карпова, 2007. С. 89, 95; Голиков и др., 2010. С. 39–40).

Таким образом, найденная в Ярославле рукавица выполнена из нитей двух цветов: кисть с пальцами – из желтых или светло-коричневых нитей, полоса на запястье – из синих или зеленых нитей.

Подводя итог, можно отметить, что на фоне вышеуказанных средневековых аналогов найденная в Ярославле рукавица выглядит довольно стандартным с точки зрения конструкции и техники изготовления изделием с интересным и уникальным двухцветным декором: ни одна другая известная средневековая вязаная рукавица не выполнена подобным образом.

Литература

- Голиков В. П., Семикин В. В., Жарикова З. Ф., 2010. Исследование красителей и технологии крашения коптского текстиля в коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина // Лечицкая О. В. Коптские ткани. М.: Тип. «Новости». С. 38–57.
- Карпова Е. В., 2007. Все краски мира // Наука из первых рук. Вып. 4 (16). Новосибирск: Инфолио. С. 88–99.
- Кисин М. В., 2001. Судебно-биологическая экспертиза волос животных: Методики экспертного исследования. Вып. 2. М.: РФЦСЭ. 175 с.
- Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С., 2017. О верблюжьей и овечьей шерсти // АВ. Вып. 23. СПб. С. 259–264.
- Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Минск: Наука и техника. 399 с.
- Лысенко П. Ф., 1989. Открытие Берестья. Минск: Наука и техника. 159 с.
- Нахлик А., 1963. Ткани Новгорода: опыт технологического анализа // Тр. НАЭ. Т. IV. М.: АН СССР. С. 228–313. (МИА; № 123)
- Савенкова М. М., 2011. Вязаный текстиль средневекового Новгорода // АИППЗ. Матер. 57-го заседания. М. – Псков: ИА РАН. С. 99–110.
- Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом: материалы охранных археологических исследований. Т. 9. М.: ТАУС. 88 с.
- Соколов В. Е., 1973. Кожный покров млекопитающих. М.: Наука. 487 с.
- Соколов В. Е., Скурат Л. Н., Сумина Е. Б., Шабаша С. А., 1988. Руководство по изучению кожного покрова млекопитающих. М.: Наука. 280 с.
- Соколов В. Е., Петрищев Б. И., 1997. Кожный покров домашних млекопитающих (копытные). М.: ИПЭЭ РАН. 288 с.
- Тарасов А. Е., 2017. Верблюд Ивана III: о великокняжеском даре псковскому посольству в 1463/1464 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чт. памяти акад. РАН Л. В. Милова. Матер. к Междун. науч. конф. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М.: С. 101–105. (Тр. Исторического фак-та МГУ: Вып. 104. Сер. II. Исторические исследования: 57.)
- Чернова О. Ф., 2006. Архитектоника волос и ее диагностическое значение. М.: Наука. 80 с. (Сер. «Библиотека судебного эксперта».)
- Чернова О. Ф., Целикова Т. Н., 2004. Атлас волос млекопитающих. Тонкая структура остевых

волос и игл в сканирующем электронном микроскопе. М.: Тов-во науч. изданий КМК. 429 с.

Чернова О. Ф., Перфилова Т. В., Жукова Ф. А., Киладзе А. Б., Новикова В. М., Маракова Т. И., 2011а. Атлас микроструктуры волос млекопитающих – объектов судебной экспертизы М.: ООО «ЭКОМ Паблишерз». 286 с.

Чернова О. Ф., Перфилова Т. В., Спасская Н. Н., Киладзе А. Б., Ибраев М. В., 2011б. Атлас микроструктуры волос лошадей. М.: Тов-во науч. изд-й КМК. 223 с.

Энговатова А. В., 2008а. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля «Мэриотт» (Волжская набережная, д. 1) в 2007 г. Т. II / Архив ИА РАН. Р-1. № 44362.

Энговатова А. В., 2008б. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля «Мэриотт» (Волжская набережная, д. 1) в 2007 г. Т. III. Приложение № 1. Иллюстрированная опись археологических находок / Архив ИА РАН. Р-1. № 44363.

Энговатова А. В., 2010а. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2009 г. Т. I / Архив ИА РАН. Р-1. № 30435.

Энговатова А. В., 2010б. Альбом к отчету об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2009 г. Т. II / Архив ИА РАН. Р-1. № 30436.

Claßen-Büttner U., 2015. Nalbinding – What in the World is That? History and Technique of an Al-

most Forgotten Handicraft. Norderstedt: Books on Demand. 116 p.

Hald M., 1951. Vötturinn frá Arnheiðarstöðum // Árbók hins Íslenzka fornleifafélags 1949–1950. Reykjavík: Ísafoldarprentsmiðju. P. 73–77.

Hald M., 1980. Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials. A Comparative Study of Costume and Iron Age Textiles. Publications of the National Museum: Archaeological-Historical Series. Vol. XXI. Copenhagen: The National Museum of Denmark. 399 p.

Hansen E., 1990. Nålebinding: Definition and Description // Textiles in Northern Archaeology. NESAT III: Textile Symposium in York, 6–9 May 1987. L.: Archetype Publications. P. 21–27.

Kamińska J., Nahlik A., 1958. Włókiennictwo gdańskie w X–XIII wieku. Acta Archaeologica Universitatis Lodzensis. Nr. 6. Łódź: Zakład narodowy imienia Ossolińskich we Wrocławiu. 261 s.

Lenhmann-Filhés M., 1896. Zwei isländische Handschuhe // Zeitschrift für Ethnologie. Berlin: Verlag von A. Asher & Co. S. 29–30.

Nordland O., 1961. Primitive Scandinavian Textiles in Knotless Netting. Studia Norvegica. No. 10. Oslo: Oslo University Press. 154 p.

Pálsson P., 1895. Um myndir af gripum í forn-gripasafninu // Árbók hins Íslenzka fornleifafélags 1895. Reykjavík: Ísafoldarprentsmiðju. S. 30–35.

Rybarczyk A., 2010. Fabrics in Medieval Dress in Pomerania // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Vol. XXIII. Łódź: Agencja Reklamowa TOP. P. 53–60.

M. S. Yakovchik, A. V. Engovatova, O. V. Orfinskaya, O. F. Chernova

Knitted mitten from excavations in Yaroslavl

Summary

The article publishes the results of a comprehensive study of a unique find – knitted mitten, found during excavations on the territory of Yaroslavl Rubleny town (excavation site «Volzhskaya emb., 1 – 2009»). Radiocarbon dating indicates that the mitten was made no later than the second half of the 12th c. The data obtained allow us to reconstruct the initial appearance

and technology of manufacturing mitten: it was made of woolen threads of two colors using the technique of knitting with one needle. Particular attention is paid to the definition of a specific animal supplies, whose wool was the raw material for the mitten. It outlines the range of analogies, covering the northern territories of Europe – from ancient Russia to Iceland.

List of figures

- Fig. 1.** The scheme of excavations of the IA RAS in the historical center of Yaroslavl with the location of the object where the mitten was found (pit No 256)
- Fig. 2.** Pit No. 256. Cut
- Fig. 3.** Excavation site “Volzhskaya emb., 1 – 2009”. Section 11. Pre virgin soil. Plan
- Fig. 4.** Excavation site “Volzhskaya emb., 1 – 2009”. Section 11. Pre virgin soil. Foto. Northwest view
- Fig. 5.** The results of radiocarbon dating of mitten from Yaroslavl
- Fig. 6.** Mitten from Yaroslavl (photo)
- Fig. 7.** Mitten structure
- Fig. 8.** Microstructure of mitt hair fragments (samples 1 and 2)
- Fig. 9.** Microstructure of hair of domestic sheep breed Dorset
- Fig. 10.** Microstructure of the hair of a two-humped camel

Е. П. Зоц

Институт археологии РАН, Москва

Древнерусский погребальный костюм по материалам раскопок курганного могильника XI–XII веков Шейка I в Истринском районе Московской области

Курганная группа Шейка I располагалась в Истринском районе на левом берегу р. Молодильни (левого притока р. Малой Истры), недалеко от ее устья, на западной окраине ныне не существующей д. Шейка. На начало 1980-х годов могильник находился в 1,3 км к северо-востоку от с. Мансурово Истринского р-на Московской обл. (рис. 1). Памятник известен давно, в 1926 г. его раскапывал К. Я. Виноградов, число исследованных им курганов неизвестно. Вероятно, позже некоторые курганы копались местными школьниками и краеведами.

С 1978 по 1981 г. могильник изучал Р. Л. Розенфельдт (1978б; 1980а; 1980б; 1981). До начала его работ в группе насчитывалось 122 кургана, из них 24 уже были раскопаны. За четыре года экспедиция Р. Л. Розенфельдта исследовала 60 курганов (рис. 2)¹. Материалы этих раскопок и послужили источником для данной работы.

Все погребения были совершены по обряду ингумации, головой на запад. Исключение составляет кремация из погребения 4 кургана 20 (1980 г.). Всего проанализировано 77 погребений, из них

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Шейка I

¹ Нумерация курганов в разные годы в отчетах Р. Л. Розенфельдта немного отличается, иногда номера курганов в описании дублируются, и не всегда можно установить, какой точно курган имелся в виду. Здесь представлен наиболее точный, с нашей точки зрения, план, сделанный на основании анализа всех планов Р. Л. Розенфельдта и текстов его отчетов.

Рис. 2. План курганного могильника Шейка I

а – раскопки 1926 г.; б – 1978 г. в – 1979 г.; г – 1980 г.; д – 1981 г.; е – нераскопанные курганы

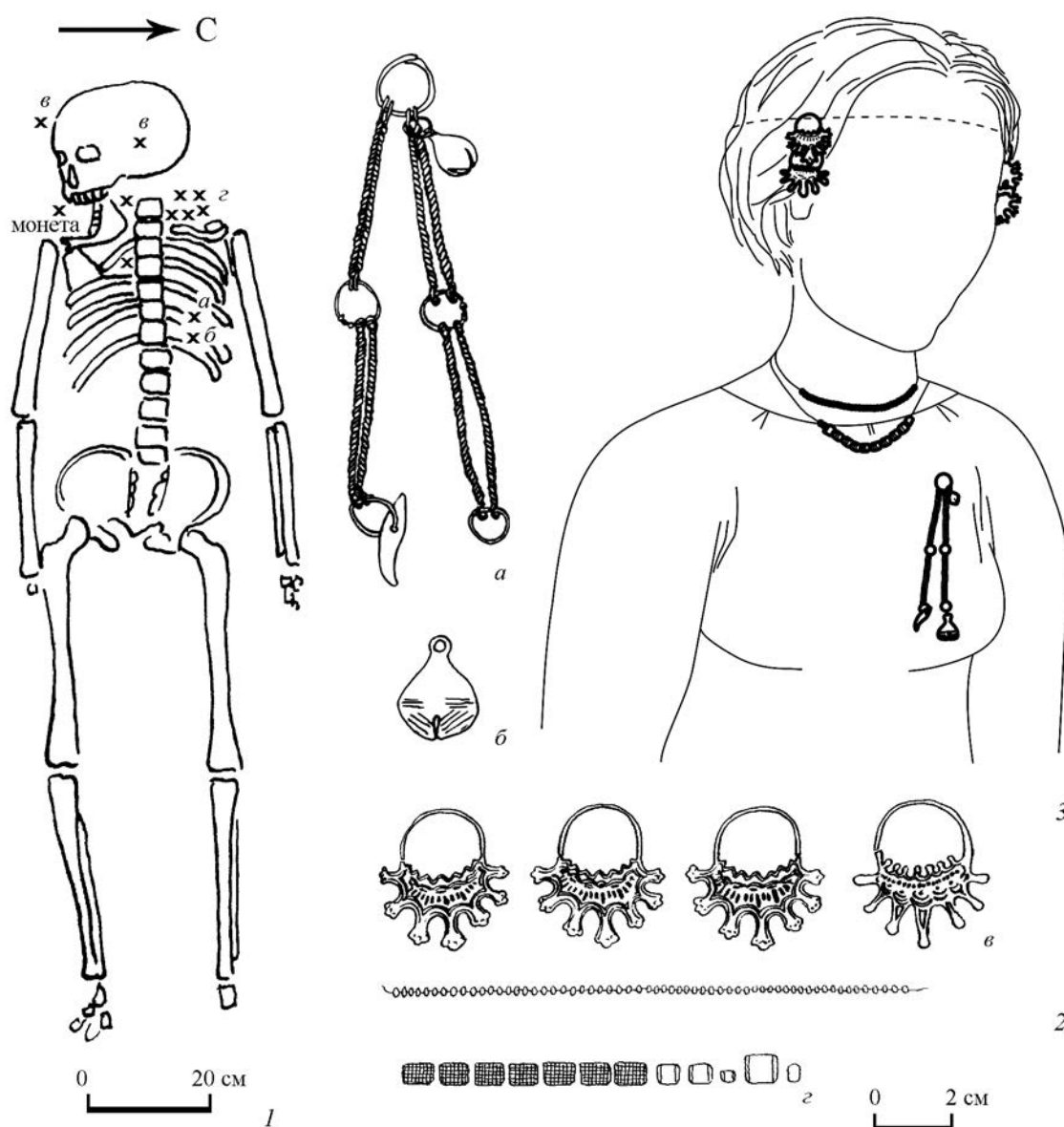

Рис. 3. Курган 76 (погр. 1), 1978 г. (по: Розенфельдт, 1978б. Рис. 43–45). 1. План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

а – цепочка с бубенчиком и клыком, «видимо, лисицы»; б – крестопорезной бубенчик; в – 3 семилопастных височных кольца деснинского типа, ранневятическое височное кольцо; г – золотостеклянные («позолоченные») и серебряностеклянные («посеребренные») бусы, бисер. а–в – металл в отчете не указан

37 мужских, 33 женских и 7 детских. Основным принципом определения пола – анализ сопроводительного инвентаря и размер скелета (при его наличии), так как антропологические исследования не проводились.

Судя по височным кольцам, могильник принадлежит потомкам племени кривичей. Лишь одно

погребение (к. 76, п. 1) содержало вятические семилопастные височные кольца (рис. 3²). Большая часть погребений датируется XI в. (учитывая обряд труположения, ближе к середине – второй половине XI в.), но есть и те, что можно отнести к XII в. (Сабурова, 1997. С. 93–109; Седов, 1982. С. 162, 163).

² В иллюстрациях к нашей статье приводятся рисунки автора раскопок Р. Л. Розенфельдта. Рисунки реконструкций погребальных костюмов выполнил С. А. Зоц.

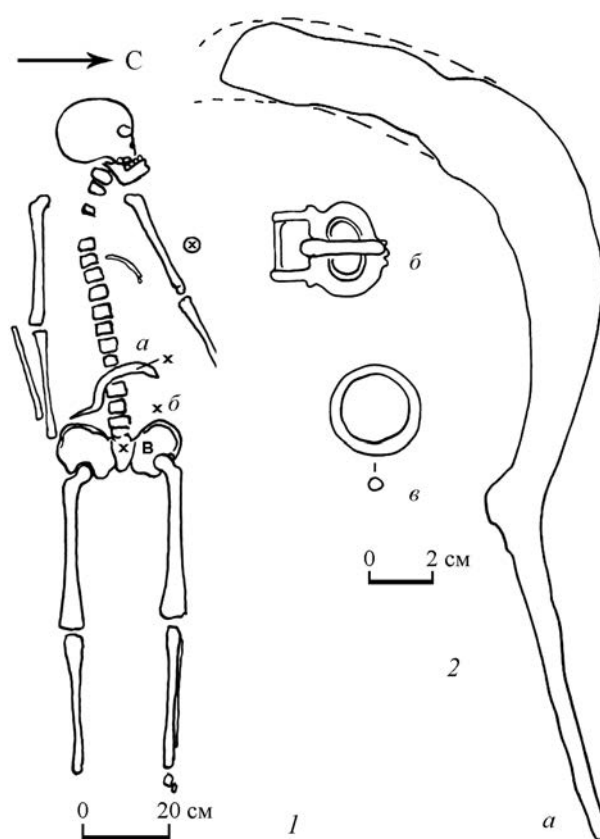

Рис. 5. Курган 65, 1980 г. (по: Розенфельдт, 1980б. Рис. 37, 38).
План погребения (1) и находки (2)

а – железный серп; *б* – пряжка из медного сплава; *в* – кольцо из медного сплава

кольце висели железные нож и штырь с кольцом. Справа, на бедре, обнаружена пряжка из медного сплава, которая могла застегивать пояс и позже сместилась или, что скорее всего, это была застёжка сумки, висевшей на правом боку. В районе предплечья рядом с погребённым лежал железный ключ типа А по новгородской шкале (Хорошев, 1997. С. 14. Табл. 5) – вероятно, погребальный дар.

Украшения рук (перстни) встречены в трех мужских погребениях. В кургане 42 в погребении 1 обнаружен один рубчатый перстень на правой руке (рис. 7); в кургане 36А – два рубчатых перстня, возможно с одной руки (рис. 8). Это погребение Р. Л. Розенфельдт считал женским, однако, на мой взгляд, более оправданно говорить о подростке, вероятно, мальчике. В кургане 11 встречен завязанный широкосрединный перстень из медного сплава (рука неизвестна).

Женщины.

Женский костюм более богат и разнообразен, чем мужской. Все женские и детские (девичьи) погребения содержали погребальный инвентарь.

Так, *остатки головных уборов* прослежены в двух курганах. В кургане 31 есть прорисовка такого предмета (возможно, это войлок) (рис. 9, 2в), но о нем в тексте не упомянуто, и в кургане 105 – фрагменты кожаного головного убора (рис. 10, 2а). Об их конструкции ничего не известно, видно лишь, что на них крепились височные кольца путем продевания (прокалывания); на обоих фрагментах прослеживается, вероятно, нижний край изделия.

Практически единственным *украшением головного убора* в этом могильнике являлись височные кольца. Из 33 женских и подростковых, а также детских (девичьих) погребений височные кольца отсутствовали в шести, пять из них можно предположительно определить как детские и подростковые. Исключение составляет погребение из кургана 103, где, судя по размеру скелета, была захоронена относительно взрослая женщина.

Перстнеобразные височные кольца были встречены в трех погребениях, также подросткового возраста. По одному с каждой стороны – в кургане 44,

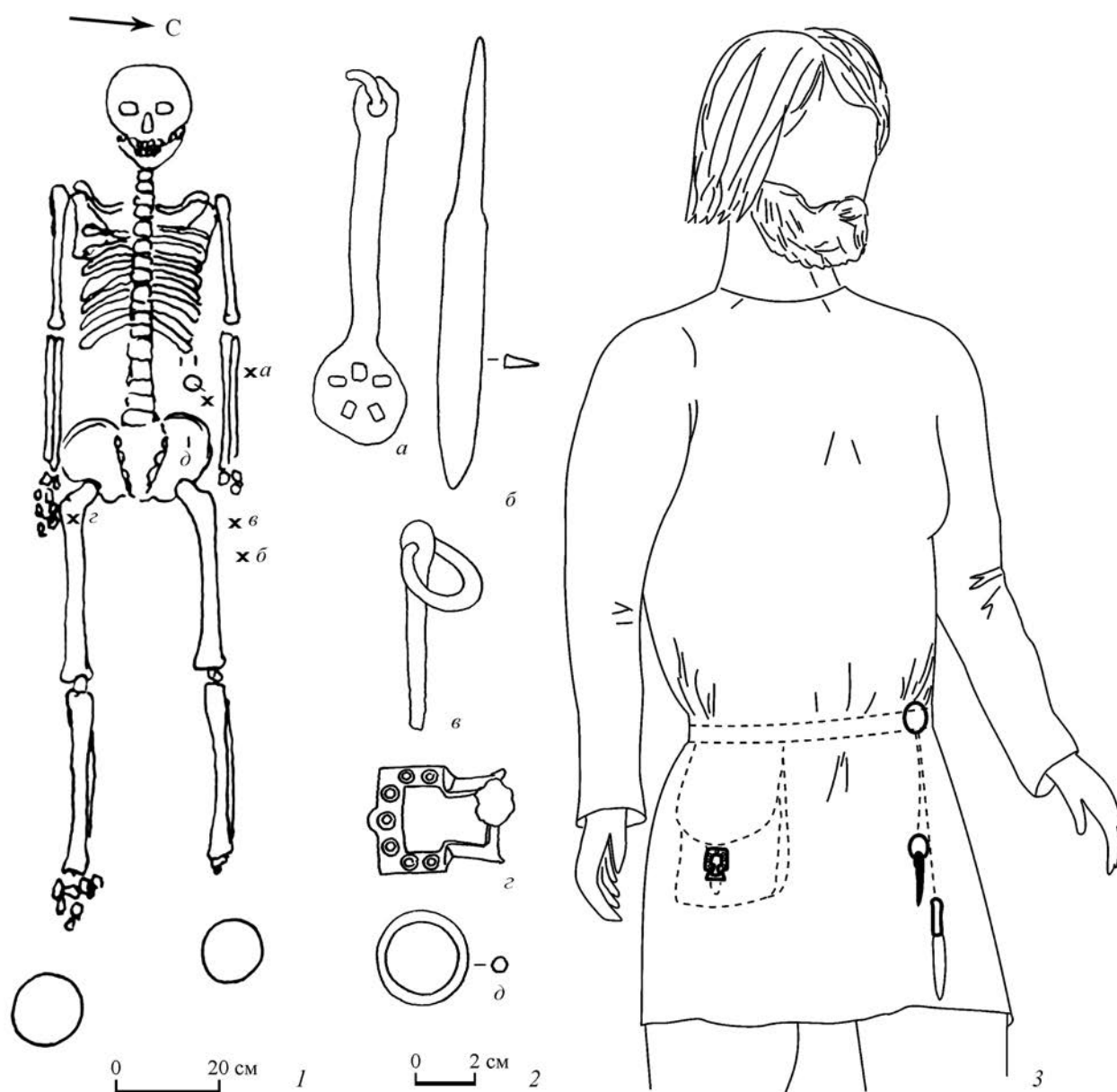

Рис. 6. Курган 100, 1979 г. (по: Розенфельдт, 1980а. Рис. 52, 51).
 План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)
 а – железный ключ; б – железный нож; в – штырь с кольцом железные;
 з – пряжка из медного сплава; д – поясное кольцо (металл в отчете не указан)

по одному слева – в курганах 36 (1979 г.) и 76 (п. 3). В кургане 33 с левой стороны черепа также было найдено височное кольцо малого диаметра, которое Р.Л. Розенфельдт интерпретировал как серьгу.

Бусинные височные кольца встречены в четырех погребениях. В трех из них – с левой стороны. В детском погребении кургана 51, в кургане 24 (вероятно, оно носилось как серьга) (рис. 11), в кургане 58 они находились вместе с проволоочными кольцами (рис. 12). В погребении из кургана 79 бу-

синное кольцо также сочеталось с проволоочными. Это погребение было сильно нарушено землеройными животными, украшения головы и шеи находились слева от предполагаемой оси, среди височных колец обнаружен рубчатый перстень, который мог входить в состав головного убора в качестве перстнеобразного височного кольца или попасть в этот набор случайно.

Больше всего в погребениях могильника найдено кривических браслетообразных (и иных

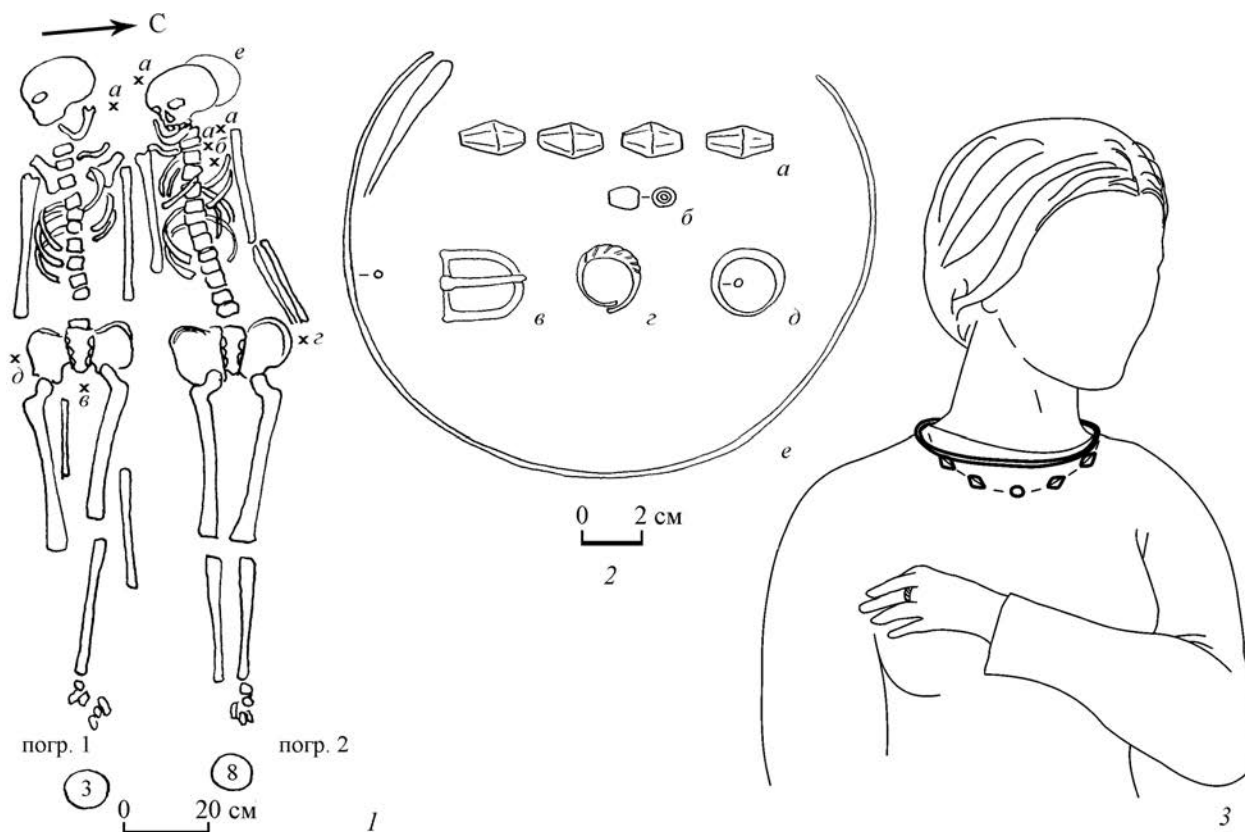

Рис. 7. Курган 42, 1980 г. (по: Розенфельдт, 1980б, Рис. 24, 25). План погребения (1), находки (2) и реконструкция костюма из погр. 2 (по Р.Л. Розенфельдту, девушка 14–15 лет) (3)

a – 4 сердоликовые бипирамидальные бусины (погр. 2); *б* – стеклянная бусина (погр. 2); *в* – пряжка из медного сплава (погр. 1); *г* – рубчатый перстень из медного сплава (погр. 2); *д* – перстень «сомкнутый» из медного сплава (погр. 1); *е* – проволоочная незамкнутая гривна с «расплюснутыми концами» (металл в отчете не указан) (погр. 2)

проволоочных различного диаметра) височных колец. Они встречены в 22 погребениях. Обычно они подвешивались по обеим сторонам головы от одной до пяти штук. Исключение составляли лишь три захоронения – курганы 38, 66 и 108 (п. 3) – там встречено по одному кольцу с левой стороны.

Дважды проволоочные височные кольца входили в состав убора с бусинными кольцами (к. 58 и 79) (рис. 12).

В подавляющем большинстве проволоочные височные кольца носились симметрично, асимметрия встречена лишь в семи случаях, в пяти погребениях большее количество украшений находилось слева и лишь в двух случаях справа.

Способ крепления и взаиморасположение височных колец определить крайне трудно. Практически никаких текстильных или иных фрагментов головных уборов найдено не было (исключение – курганы 31 и 105, описанные выше).

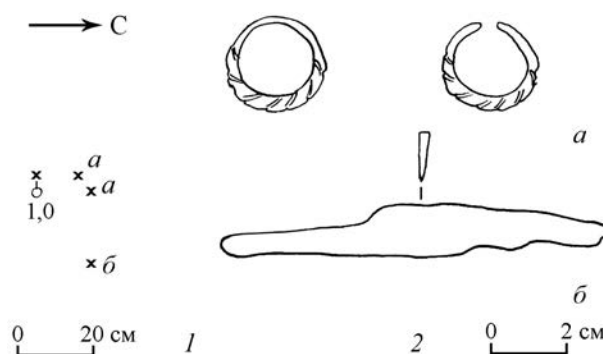

Рис. 8. Курган 36А, 1979 г. (по: Розенфельдт, 1980а, Рис. 19, 20). План погребения (1) и находки (2)

a – рубчатые перстни (металл в отчете не указан); *б* – железный нож

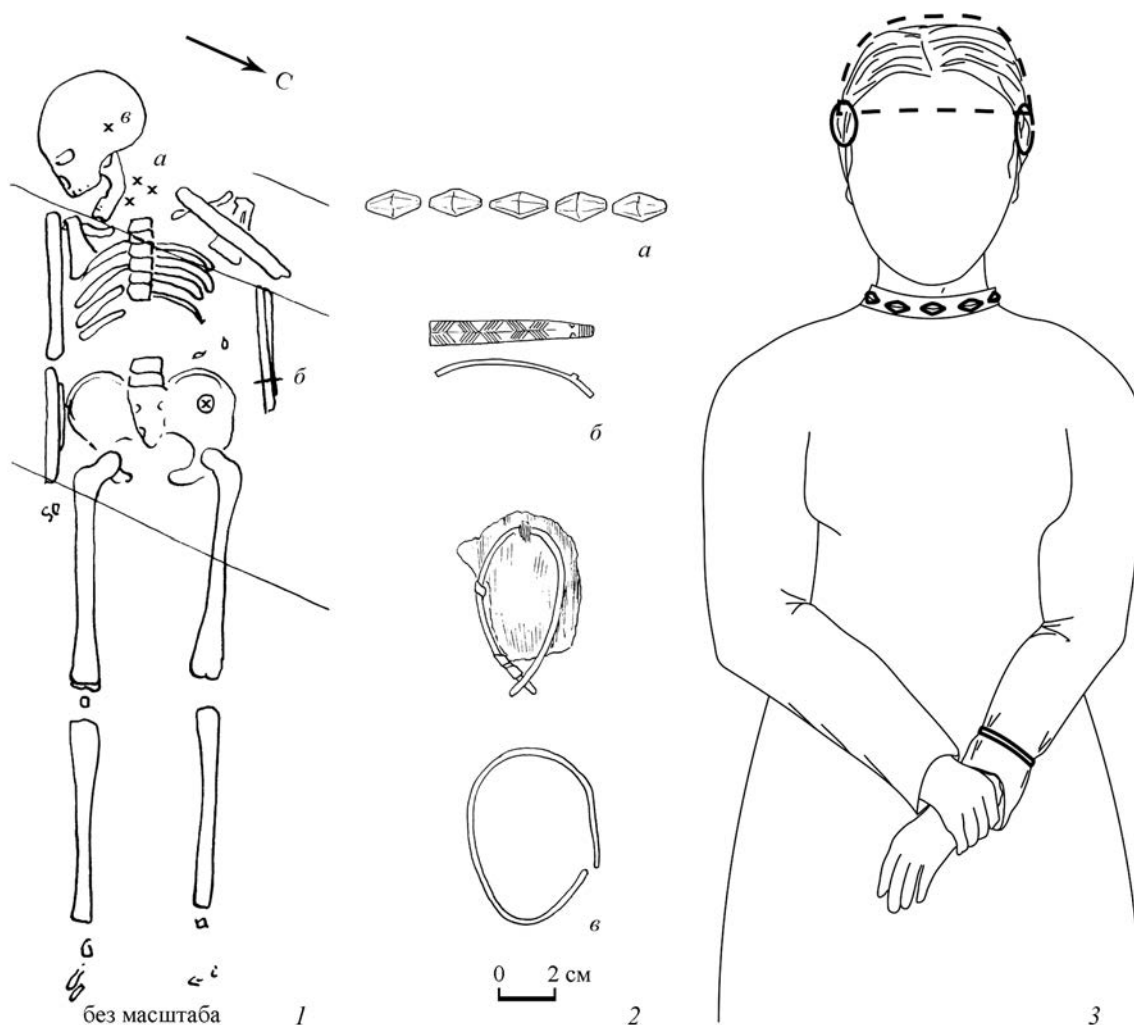

Рис. 9. Курган 31, 1978 г. (по: Розенфельдт, 1978б. Рис. 14, 15).

План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

а – 5 сердоликовых бипирамидальных бусин; *б* – пластинчатый браслет плохой сохранности (металл в отчете не указан) «с концами в виде мордочек»; *в* – 2 проволочных несомкнутых височных кольца из «толстой серебряной проволоки» на фрагменте головного убора (в тексте не упомянут)

Взаиморасположение деталей головных уборов в отчетах не описано, часто даже не указано, сколько с какой стороны височных колец. Варианты их ношения были предложены на основе анализа чертежей и описания погребений там, где это было возможно.

Итак, в пяти случаях можно предположить горизонтальное внахлест расположение височных колец (к. 28 п. 2; к. 54 п. 2; к. 50 п. 2 (1979 г.); к. 72; к. 105) (рис. 10; 13).

В пяти погребениях кольца, вероятно, привешивались вертикально (к. 1 п. 1; к. 20 п. 1; к. 24 п. 2; к. 36; к. 58) (рис. 4; 12; 14). Отдельного внимания заслуживает погребение 2 из кургана 24 – там коль-

ца висели вертикально в два ряда, с асимметрией на левую сторону (рис. 11).

В курганах 41 и 77 было обнаружено по 4 и 5 колец с каждой стороны черепа соответственно. Судя по чертежу, они были разного размера и лежали очень компактно, что может говорить о том, что их носили «одно в другом» (рис. 15; 16).

В единственном погребении в кургане 76 встречены семилопастные височные кольца, висевшие, вероятно, вертикально, внахлест по два с каждой стороны головы (рис. 3).

Определение конструкции и оформления ворота – зачастую крайне сложная задача. Находки одной-двух бусин компактно в районе шеи могут ука-

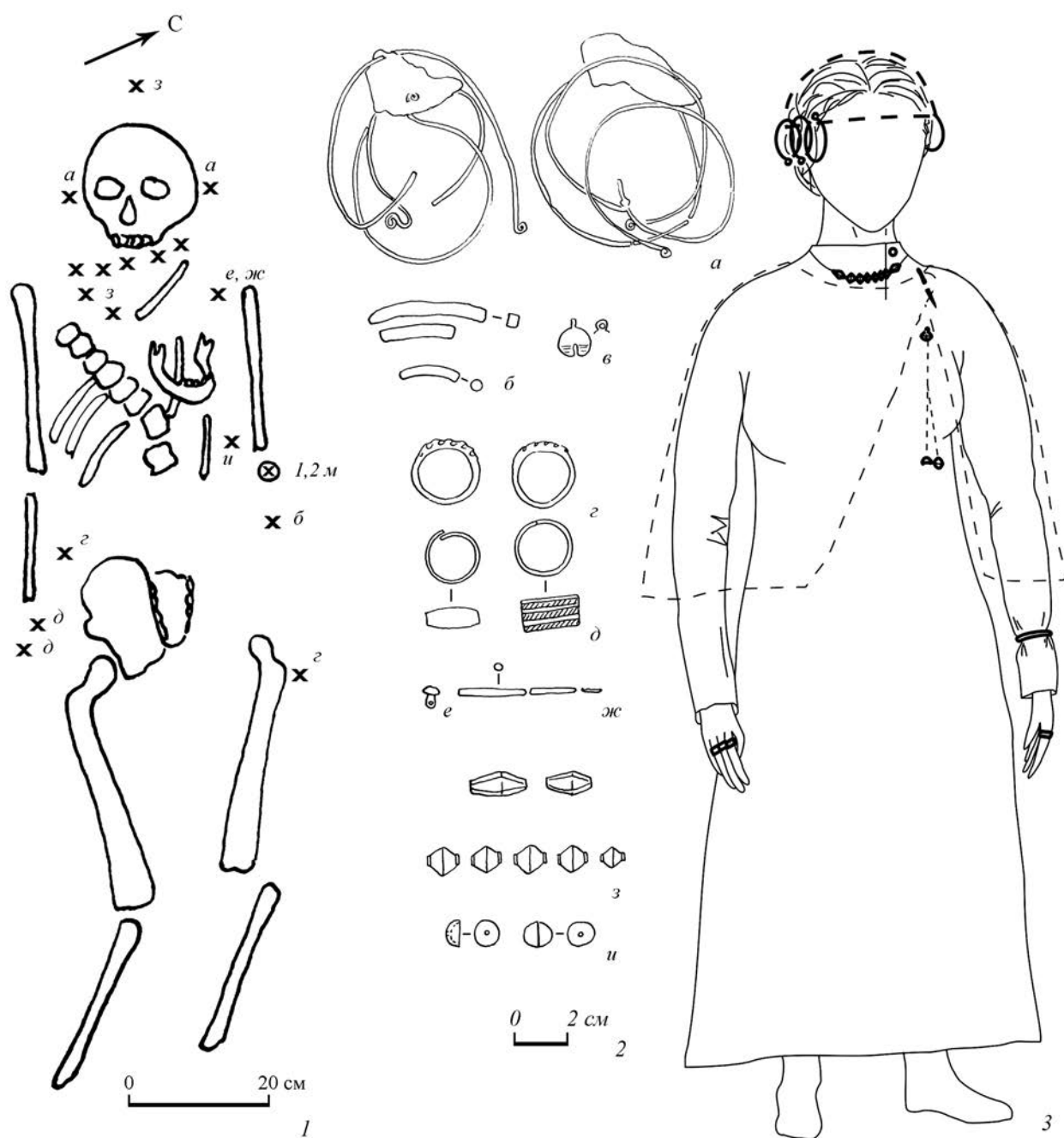

Рис. 10. Курган 105, 1979 г. (по: Розенфельдт, 1980а. Рис. 65, 66).

План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

a – по 3 проволочных височных кольца на фрагментах кожного головного убора; *б* – фрагменты железного браслета; *в* – бубенчик из медного сплава; *г*, *д* – рубчатый и 2 пластинчатых перстня (правая рука) и рубчатый перстень (левая рука); *е* – пуговица из медного сплава; *жс* – железная игла; *з* – 2 сердоликовые бипирамидальные бусины, 5 «бронзовых» бусин; *и* – целая и половинки такой же металлической бусины. *а*, *г*, *з* – металл в отчете не указан

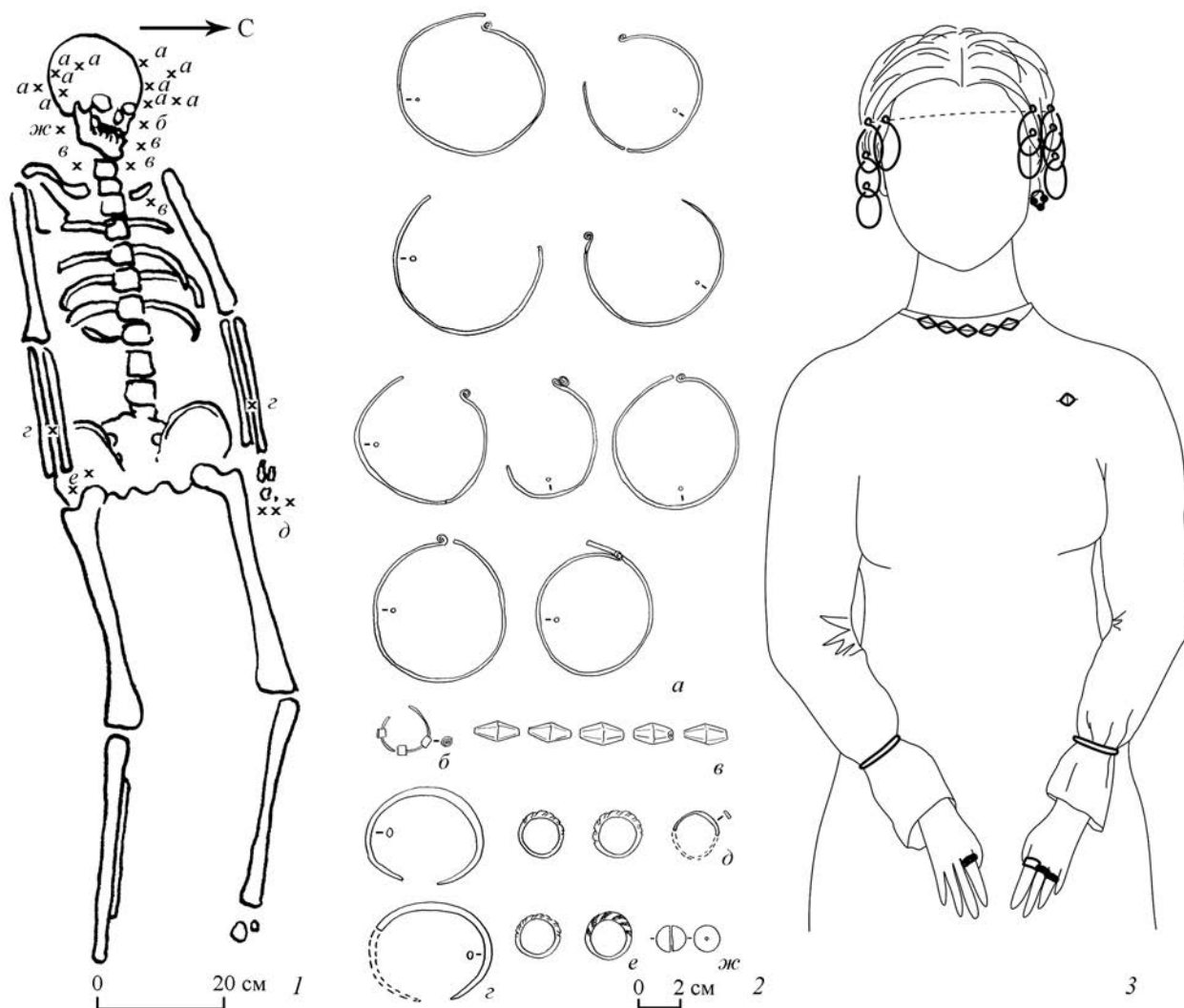

Рис. 11. Курган 24 (погр. 2), 1980 г. (по: Розенфельдт, 1980б. Рис. 18–20).
План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

а – 9 браслетообразных височных колец; б – трехбусинное височное кольцо; в – 5 сердоликовых бипирамидальных бусин; з – круглодротовые браслеты из медного сплава; д – 2 рубчатых перстня, пластинчатый перстень – левая рука; е – 2 рубчатых перстня – правая рука; жс – металлическая бусина (по чертежу – в районе шеи, по описанию – в районе груди). а, б, д, е, жс – металл в отчете не указан

зывать на наличие стоячего ворота. Бусины украшали ворот или служили пуговицами (Сабурова, 1997. С. 99, 100; Степанова, 2007. С. 213; 2009, С. 43, 44). Подобный вариант можно предположить в курганах 23 (1981 г.) и 28, погребение 2 (рис. 17).

В кургане 31 обнаружено 5 сердоликовых бусин, располагавшихся близко к шее. Можно предположить, что они нашивались на стоячий ворот (рис. 9).

В погребении из кургана 105 в районе шеи лежала маленькая бронзовая пуговица, вероятно, также для застегивания ворота (рис. 10).

К наиболее часто встречающимся *нагрудным украшениям*, конечно, можно отнести бусы – стеклянные и металлические. Зачастую они составляли ожерелье или входили в его состав. Обнаружены бусы в 20 погребениях, в количестве от 2 до 90 штук. Небольшое количество обычно характерно для погребений девочек-подростков. В большинстве случаев бусы носились в один ряд, лишь в одном случае (к. 58) можно относительно достоверно говорить о двух или более рядах (рис. 12).

В трех погребениях взрослых женщин обнаружено небольшое количество бусин (по 4–5 штук),

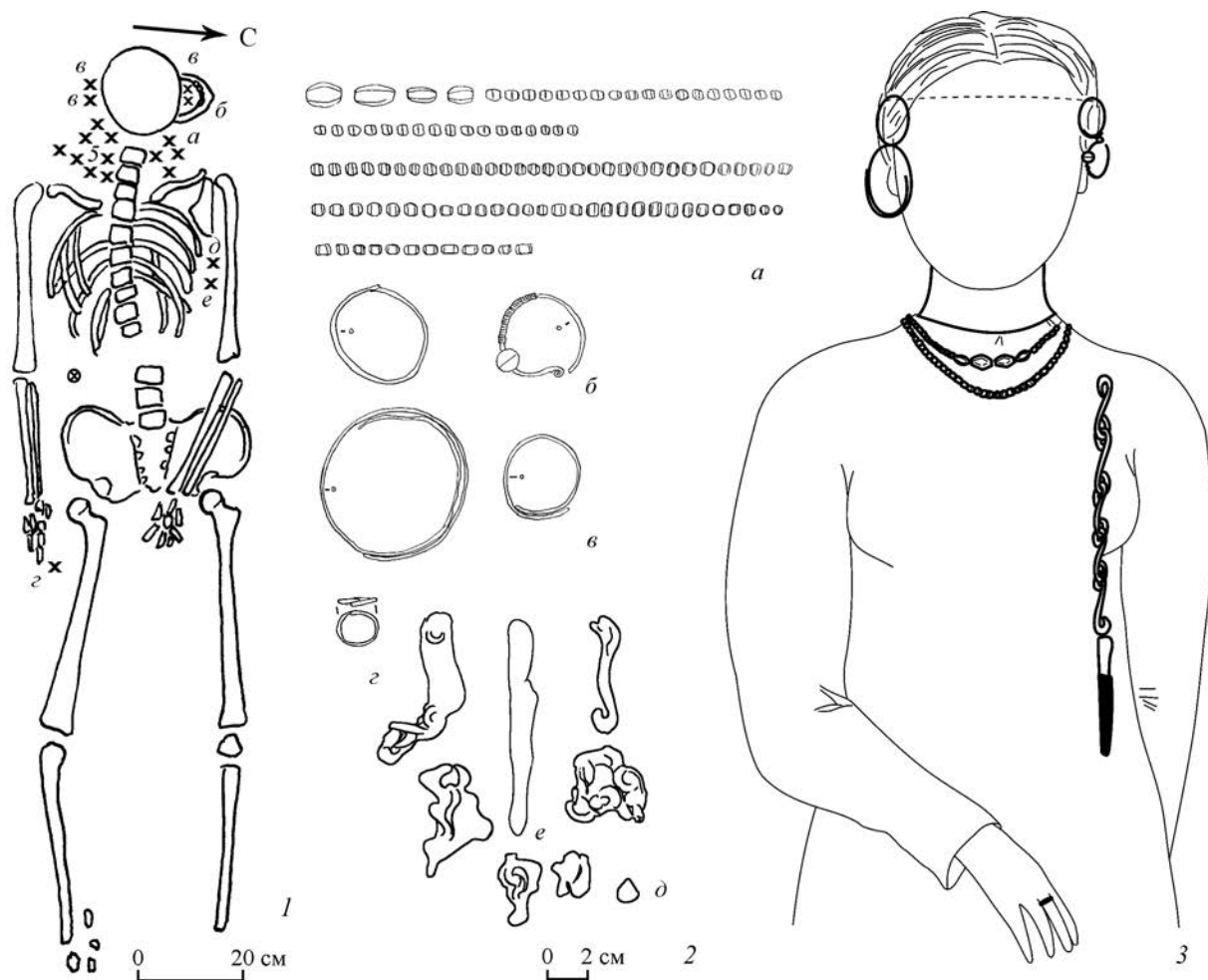

Рис. 12. Курган 58, 1980 г. (по: Розенфельдт, 1980б. Рис. 30–32).

План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

а – 35 золотостеклянных («позолоченных») бусин, 72 серебряностеклянные («посеребренные») бусины, 2 аметистовые бусины, 2 горнохрустальные бусины; б – бусинное височное кольцо; в – 3 проволочных височных кольца; г – проволочный перстень; д – железная цепочка; е – железный нож. б, в, г – металл в отчете не указан

расположенных на относительно равном расстоянии друг от друга. Они могли нашиваться на ворот или входить в состав ожерелья вместе с полностью истлевшими бусами из органических материалов или быть единственными шейными украшениями (к. 24 п. 2; к. 38; к. 42 п. 2) (рис. 7; 11).

В трех комплексах встречены шейные гривны (к. 36; к. 42 п. 2; к. 72) (рис. 7; 14). В двух случаях они находились в сочетании с бусинными ожерельями (к. 42 п. 2; к. 72).

В ожерелье также входили различные привески. В могильнике Шейка I в двух погребениях найдены лунницы (к. 108–7 шт.; к. 33–1 шт.). Ожерелье женщины из кургана 103 погребения 1 состояло только из 8 монетовидных подвесок (7 кресто-включенных и луннице-включенная).

В трех погребениях зафиксированы ножи. В погребении 2 кургана 20 и кургане 72 они обнаружены с правой стороны груди (рис. 4), в кургане 58 нож висел на железной цепочке слева (рис. 12). Также с левой стороны находилась железная цепочка в кургане 82 (в отчете указано, что цепочка находилась на поясе; на рисунке она показана между ребрами и тазом), но, поскольку поясных привесок в женских погребениях данного могильника не встречено, можно предположить, что цепочка сместилась с ребер вниз. В кургане 76 в погребении 1 к костюму слева привешена цепочка с бубенчиком и клыком, а также еще один большой бубенчик (рис. 3). В погребении 3 этого же кургана встречен еще один бубенчик, располагавшийся с той же стороны груди,

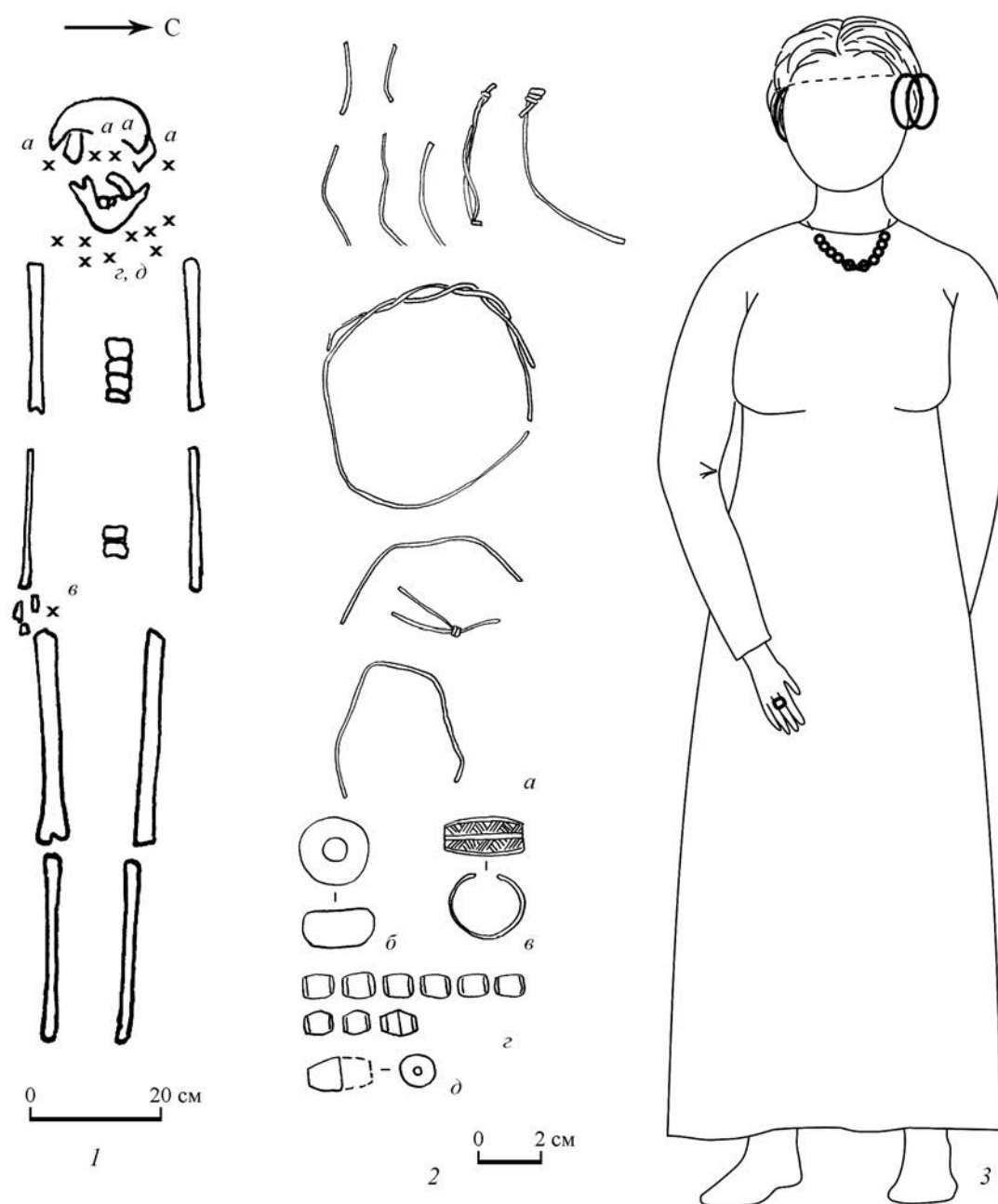

Рис. 13. Курган 50 (погр. 2), 1979 г. (по: Розенфельдт, 1980а. Рис. 27, 28). 1. План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

а – 4 завязанных проволочных височных кольца «диаметром 7 см»; *б* – шиферное пряслице (дар);
в – перстень пластинчатый широкосрединный; *г* – 9 золотостеклянных бусин; *д* – горнохрустальная бусина.
а, б – металл в отчете не указан

где находилась металлическая поясная бляшка с растительным орнаментом. В кургане 105, также слева, вероятно, висели одна целая и одна половинка от металлической бусины. В этом погребении за левым плечом обнаружен бубенчик, который также мог нашиваться или привешиваться

на одежду или находиться в могиле в качестве дара (рис. 10). Интересна находка ложечки, вероятно, в кожаном орнаментированном чехле, обнаруженная в детском (?) погребении в кургане 78. Она находилась слева от предполагаемого центра погребения (кости не сохранились) (рис. 18).

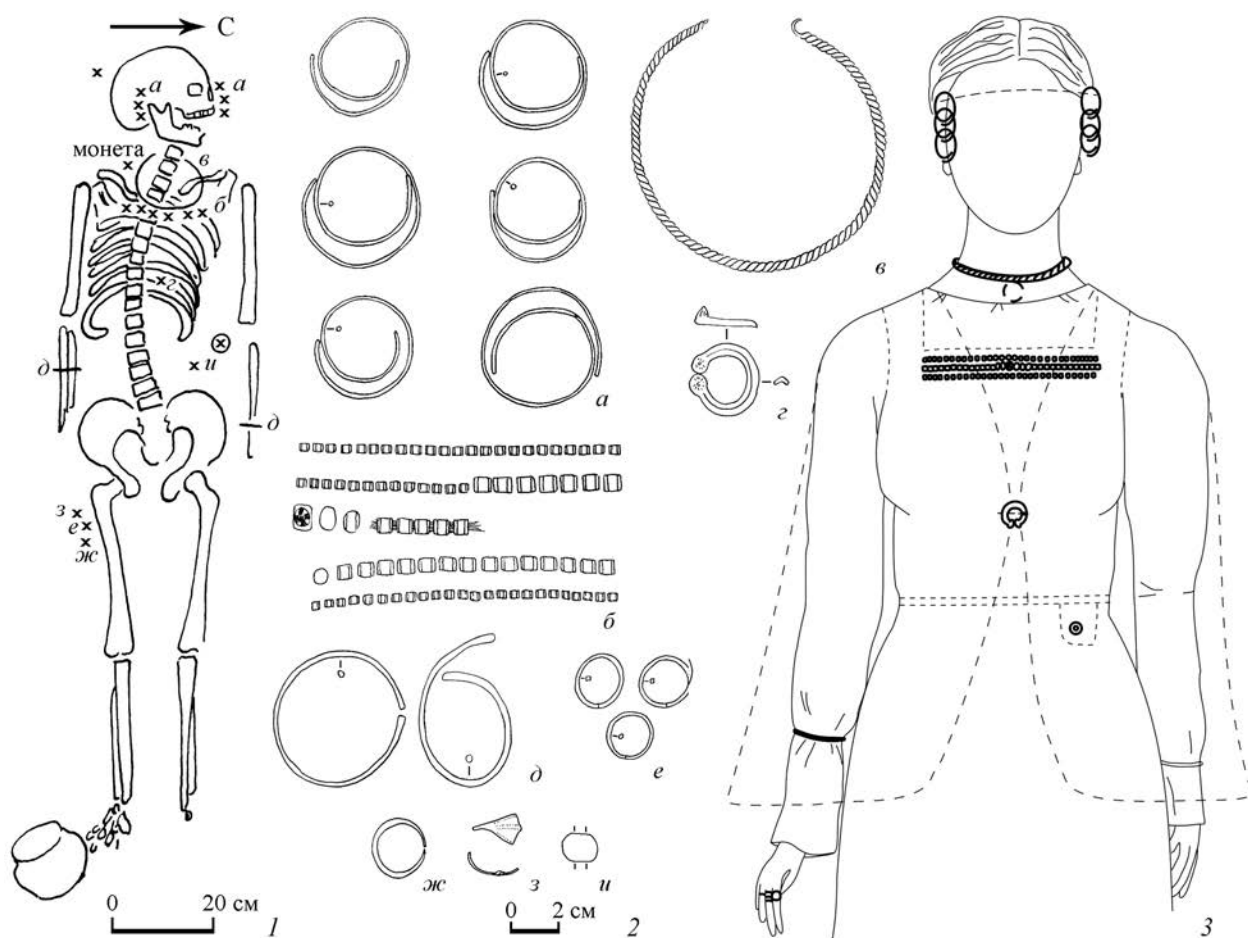

Рис. 14. Курган 36, 1978 г. (по: Розенфельдт, 1978б. Рис. 21–24).
План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

а – 6 проволочных височных колец с заходящими концами; б – «около 60 мелких позолоченных стеклянных (золотостеклянных) бусин, 20 шт. таких же бус среднего размера и стеклянная посеребренная (серебряностеклянная) бусина, там же была позолоченная (золотостеклянная) стеклянная бусина бочонковидной формы, две пастовые бусины шаровидной формы и одна желтого цвета пастовая бусина со звездчатым глазком»; в – крученая гривна, «видимо, завязанная с испорченным замком»; г – фибула (пряжка) из медного сплава; д – круглодротовые браслеты из медного сплава; е – 3 перстня из квадратного дрота (правая рука); ж – перстень «из круглой проволоки» (правая рука); з – щитковый завязанный перстень (правая рука); и – шиферное пряслице. В отчете указано наличие в районе шеи западноевропейской монеты, «видимо входившей в состав ожерелья». а, е–з – металл в отчете не указан

Выявление *наплечной одежды* является сложной задачей. Предполагать наличие сарафана (с прямоугольным вырезом) можно по горизонтально расположенным поперек груди бусам, обычно нашитавшимся на его верхний край (Исланова, 1996. С. 61, 62; Степанова, 2007. С. 214; 2009. С. 56). Такая ситуация выявлена в кургане 36 (рис. 14). Присутствие парных нагрудных украшений также может указывать на наличие сарафана (Степанова, 2007. С. 214; 2009. С. 56). В первом погребении кургана 1 встречены четыре бусины, попарно расположенные по двум сторонам от позвоночника (рис. 19). Можно предполагать в погребении кургана 82 парное расположение двух серебряных крупных бусин с зернью.

На наличие *пояса* в женских погребениях могильника Шейка I указывает обнаружение в двух комплексах шиферных пряслиц, расположенных у левого бедра погребенных (курганы 36 и 41). Они, вероятно, находились в сумочках или мешочках, подвешенных к поясу (рис. 14; 15).

Верхняя одежда обычно фиксируется по наличию застежек. Так, в кургане 105 в районе шеи, с левой стороны, встречена железная булавка или игла, возможно, для застегивания толстой верхней одежды (рис. 10). В комплексе из кургана 36 найдена фибула (рис. 14).

Большое количество *украшений рук* (браслетов и перстней) обнаружено в женских погребениях могильника. Носились они в различных сочетаниях,

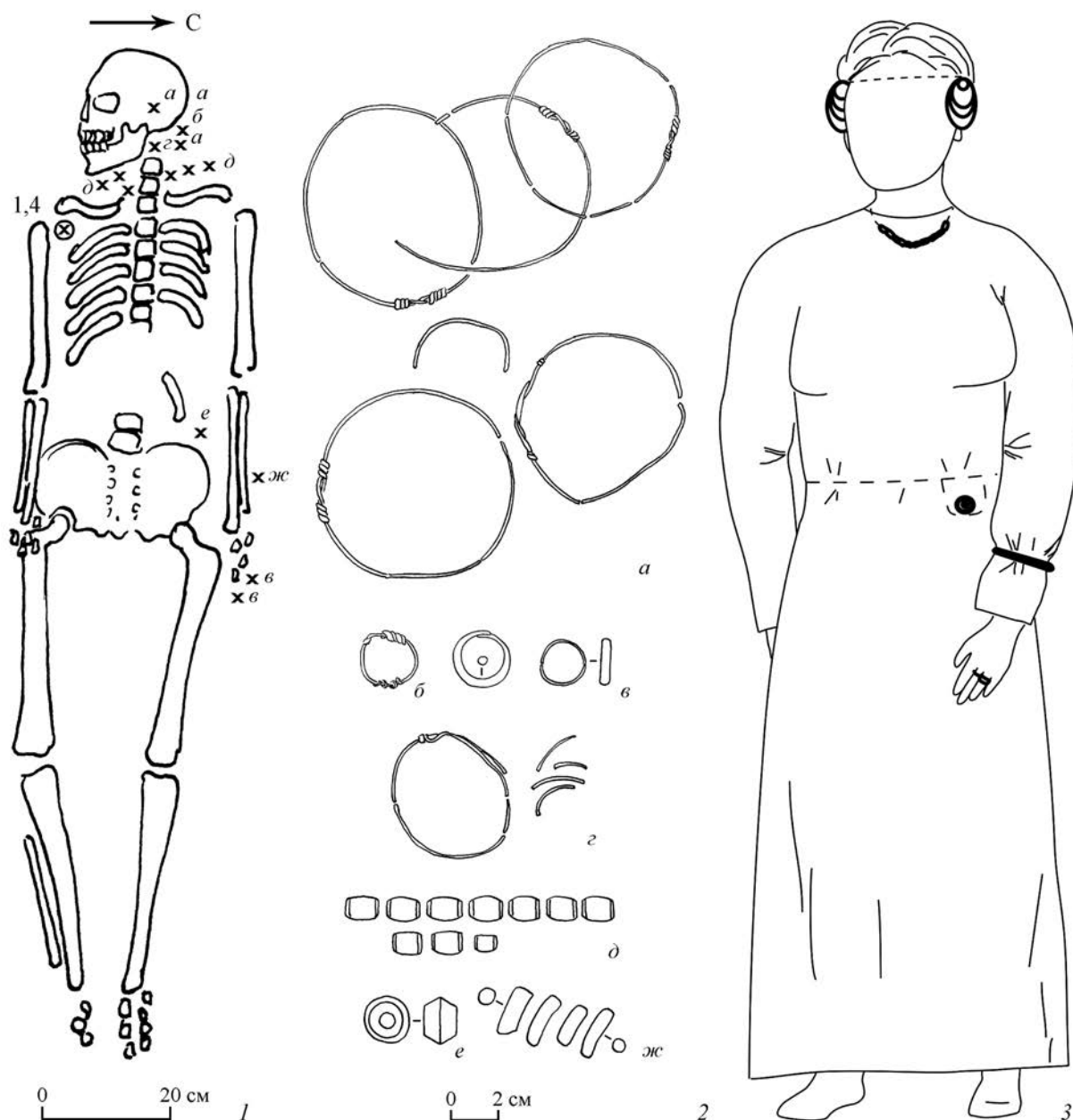

Рис. 15. Курган 41, 1979 г. (по: Розенфельдт, 1980а. Рис. 22–24).

План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

а, б, г – «7 или 8 серебряных» завязанных проволочных височных колец (диам. 2–8 см); в – круглодротовый перстень, пластинчатый перстень; д – 10 золотостеклянных бусин; е – шиферное пряслице; ж – браслет железный. в – металл в отчете не указан

на одной или обеих руках. Браслеты встречены в 16 комплексах (в 13 – по одному, в трех – по два). Нужно отметить, что, исходя из местоположения браслетов на середине предплечья, можно говорить о том, что носились они именно в этом месте, поверх рукава одежды (рис. 9; 10; 11; 14; 15; 19; 20). Перстни встречены в 15 погребениях, от одного до пяти на одной руке.

Таким образом, можно сказать, что в могильнике Шейка 1 представлен характерный кривический женский костюм, возможно, с небольшими региональными отличиями. В целом то же можно сказать и про мужской костюм (Степанова, 2009; Сабурова, 1997. С. 93–109; Седов, 1982. С. 162–164). Асимметрия в женском костюме, часто с большим количеством украшений на левой

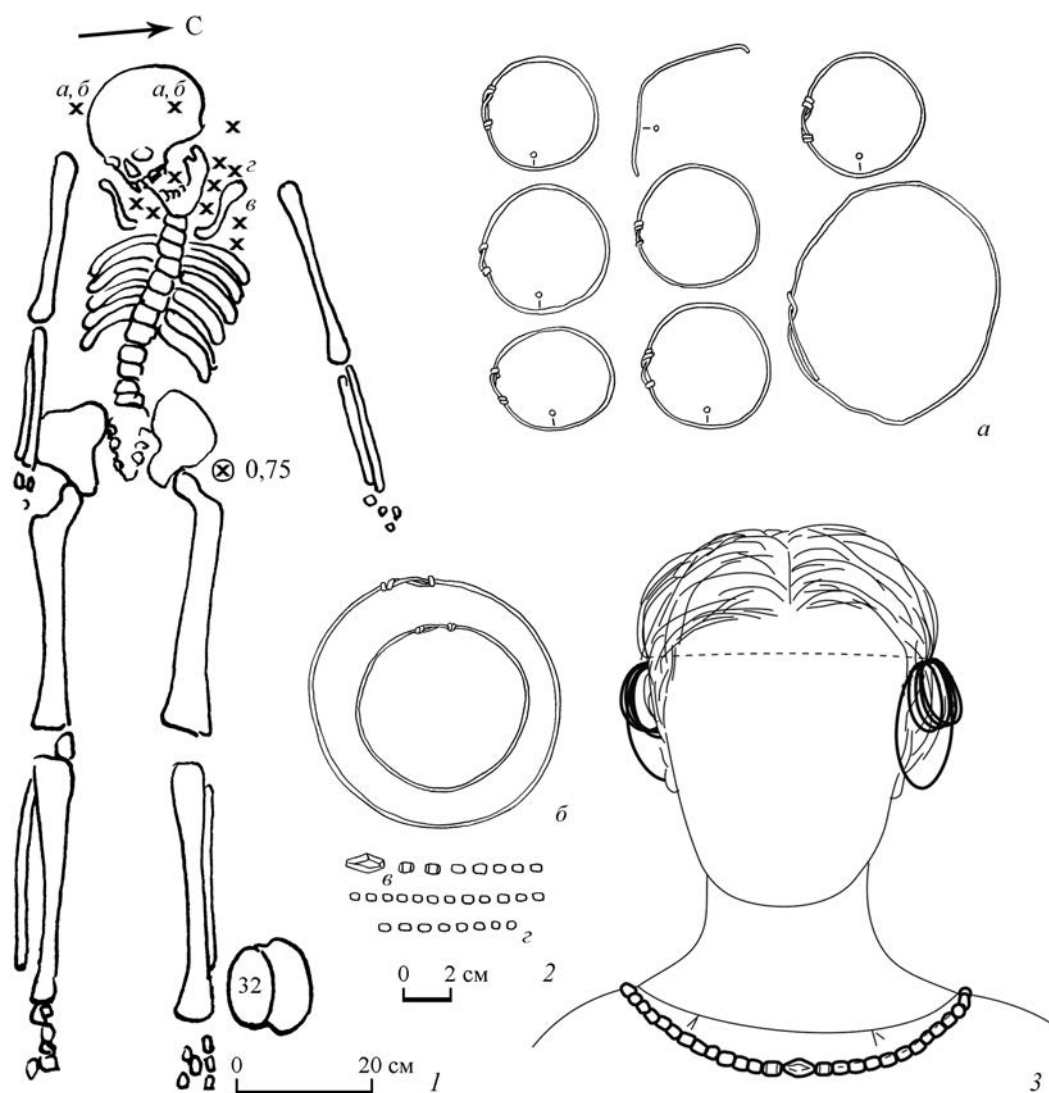

Рис. 16. Курган 77, 1979 г. (по: Розенфельдт, 1980а. Рис. 34–36).

План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

а, б – 10 проволочных завязанных височных колец (диам. 5,0–10,5 см) (металл в отчете не указан); в – сердоликовая бипирамидальная бусина; з – 2 мелкие золотостеклянные бусины и 25 мелких стеклянных бусин

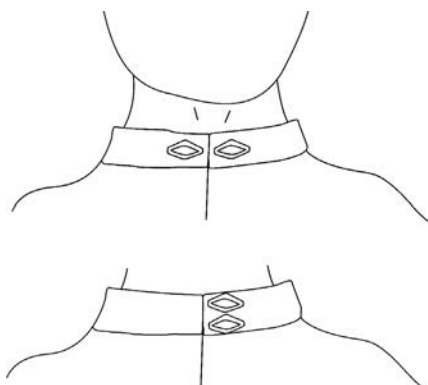

Рис. 17. Курган 28 (погр. 2), 1981 г. (по: Розенфельдт, 1981. Рис. 11, 13). Варианты конструкции ворота

стороне, также не уникальна, она нередко встречается в восточнославянских захоронениях (Арциховский, 1930. С. 47; Захарова, 2009. С. 165, 166; Зоц Е.П., Зоц С.А., 2012. С. 115–117; Зоц, 2017. С. 58–61; Недошивина, 1981. С. 297; Никольская, 1981. С. 107; Розенфельдт, 1973. С. 192–194, 196, 197; 1975. С. 5, 7, 9; 1976а. С. 2, 7; 1976б. С. 5; 1978а. С. 5, 8, 9; Сабурова, 1974. С. 88; Степанова, 2009. С. 38, 39. Рис. 11, 101, 102, 128, 136, 141, 159, 164, 170–172, 176). Детские и подростковые одежды были явно скромнее, чем убор взрослых, что не противоречит археологическим и этнографическим данным (Павлова, 2008. С. 111; Степанова, 2009. С. 65, 66; 2014. С. 153, 154).

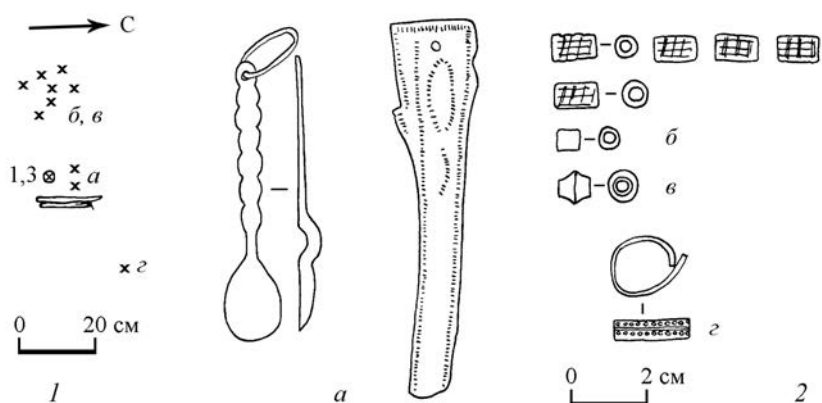

Рис. 18. Курган 78, 1979 г. (по: Розенфельдт, 1980а. Рис. 39, 40).

План погребения (1) и находки (2)

a – ложка-амулет медного сплава и фр-ты орнаментированного кожного чехла; *б* – 5 стеклянных рубчатых бусин синего цвета, «пастовая» бусина; *в* – каменная бусина, «видимо, изготовленная из овручского шифера»; *г* – пластинчатый перстень из медного сплава с заходящими концами

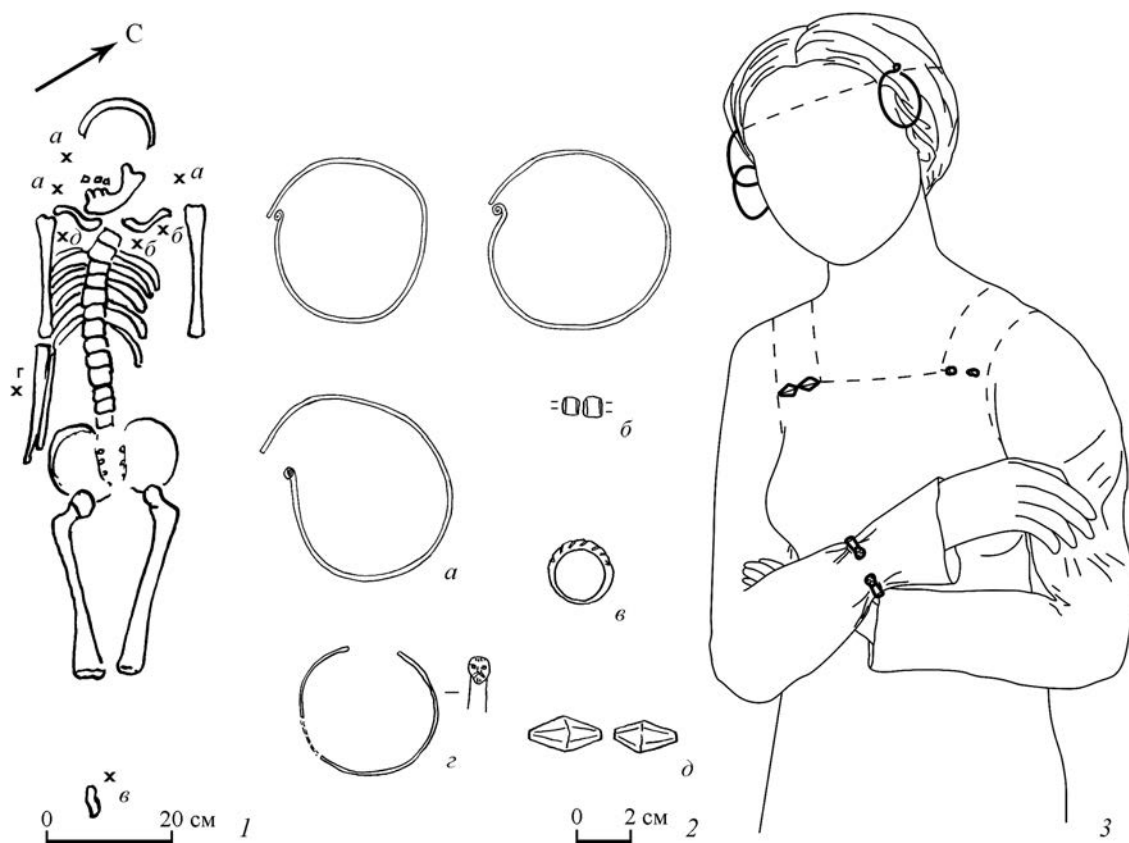

Рис. 19. Курган 1 (погр. 1) 1978 г. (по: Розенфельдт, 1978б. Рис. 4, 5).

План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

a – браслетообразные височные кольца; *б* – 2 «позолоченные» (золотостеклянные) бусины; *в* – рубчатый перстень; *г* – пластинчатый браслет «с концами в виде головы человека»; *д* – 2 сердоликовые бипирамидальные бусины.
a, в, г – металл в отчете не указан

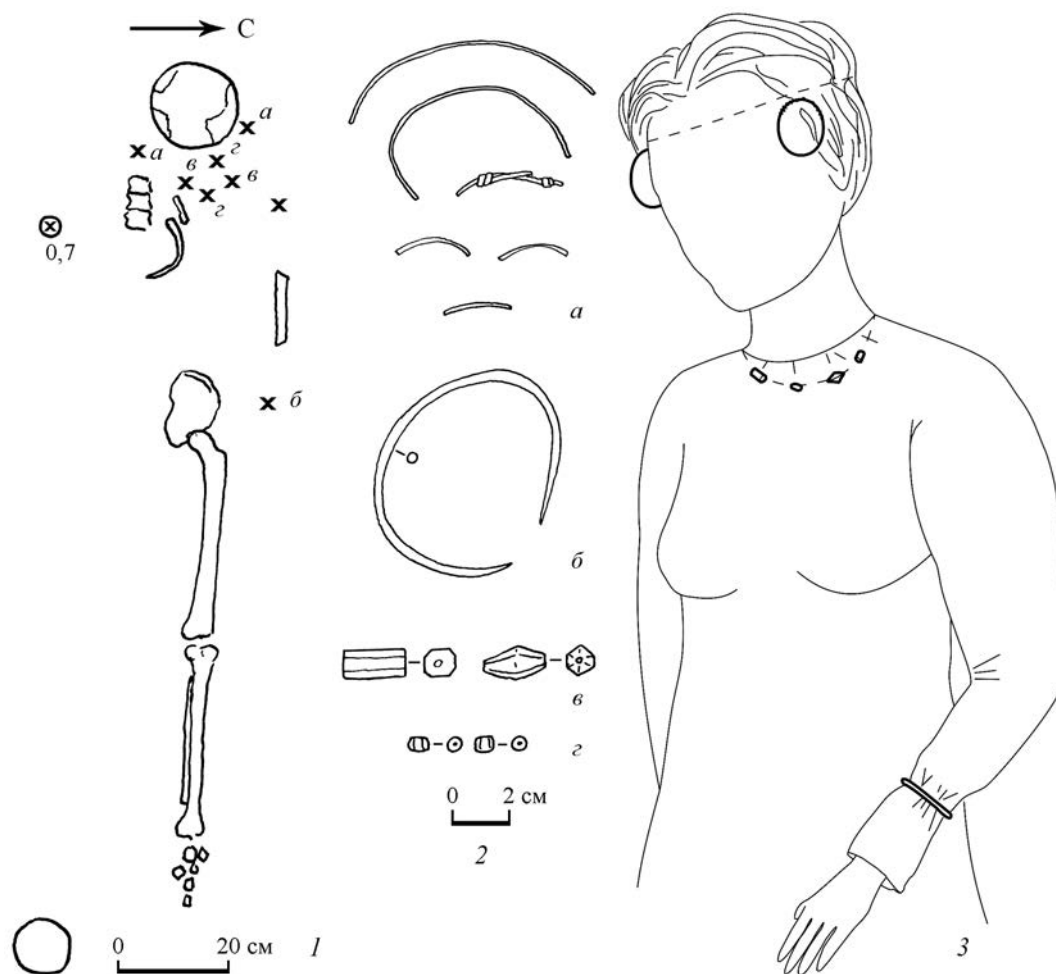

Рис. 20. Курган 95, 1979 г. (по: Розенфельдт, 1980а. Рис. 47, 48).
План погребения (1), находки (2) и реконструкция погребального костюма (3)

а – фрагменты 2 проволочных завязанных височных колец (металл в отчете не указан); *б* – круглодротовый браслет из медного сплава; *в* – сердоликовые призматическая и бипирамидальная бусины; *г* – 2 мелкие золотостеклянные бусины

Литература

- Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.
- Захарова Е. П., 2009. Женский костюм и его детали по материалам Мякининского курганного могильника // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 163–169.
- Зоц Е. П., Зоц С. А., 2012. Реконструкция женского погребального костюма по материалам курганного могильника Новоселки 2 // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 115–126.
- Зоц Е. П., 2017. Древнерусский погребальный костюм по материалам грунтового могильника Ксизово 17 на Верхнем Дону // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 57–68.
- Исланова И. В., 1996. Элементы женского костюма XI–XII вв. Моложского региона // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья Лесной зоны Восточной Европы. Вып. III. Иваново. С. 60–68.
- Недошивина Н. Г., 1981. Новлянские курганы // СА. № 1. С. 293–297.
- Никольская Т. М., 1981. Земля вятичей. М.: Наука. 304 с.
- Павлова М. С., 2008. Женский костюм и структура традиционного общества: опыт построения модели // Исследования археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Нестор-История. С. 103–132.
- Равдина Т. В., 1968. Типы и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.
- Розенфельдт Р. Л., 1973. Раскопки курганов у села Битягово в 1968–1970 гг. // СА. № 1. С. 192–199.

Розенфельдт Р.Л., 1975. Отчет о раскопках курганов у с. Федоскино Мытищинского района Московской области в 1974 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5253.

Розенфельдт Р.Л., 1976а. Отчет о раскопках курганов у с. Федоскино Мытищинского района и у с. Жуково Раменского района Московской области в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5475.

Розенфельдт Р.Л., 1976б. Отчет о раскопках курганной группы, расположенной у с. Тургенево Домодедовского района Московской области в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6379.

Розенфельдт Р.Л., 1978а. Отчет о раскопках курганов в курганных группах у д. Пузиково и с. Ивановское Подольского района Московской области в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6922.

Розенфельдт Р.Л., 1978б. Отчет об археологических исследованиях курганной группы «Шейка» в Истринском районе Московской области в 1978 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7273.

Розенфельдт Р.Л., 1980а. Отчет об археологических исследованиях курганной группы «Шейка I» и курганной группы «Шейка II» в Истринском районе Московской области в 1979 г. / Архив ИА РАН Р-1. № 8035.

Розенфельдт Р.Л., 1980б. Отчет об археологических исследованиях курганных групп Шейка I и Шейка II в Истринском районе Московской области и курганной группы у с. Никитское в Домодедовском районе Московской области в 1980 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8319.

Розенфельдт Р.Л., 1981. Отчет об археологических исследованиях курганной группы «Шейка I» и курганной группы «Шейка II» в Истринском районе Московской области в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10043.

Розенфельдт Р.Л., 1983. Отчет о раскопках курганов в Пушкинском районе Московской области в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9333.

Сабурова М.А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2. С. 85–97.

Сабурова М.А., 1997. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 93–109. (Археология).

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 327 с.

Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78. (Археология).

Степанова Ю.В., 2007. Покрой и конструкция древнерусской погребальной одежды (по материалам Верхневолжья) // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь: ТГОМ; ООО «ТНИИР центр». С. 213–218.

Степанова Ю.В., 2009. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: ТверГУ. 364 с.

Степанова Ю.В., 2014. Костюм древнерусского человека: реконструкция по данным археологии. Тверь: РГНФ, ТверГУ. 201 с.

Хорошев А.С., 1997. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 14–17. (Археология).

E. P. Zots

Old Russian funerary costume based on excavations of the burial mound of the 11th – the 12th centuries Sheika I in the Istra district of the Moscow region

Summary

The article is devoted to the analysis of the details of the funerary costume from the Krivichsky burial mound the 11th – 12th centuries. Sheika I (Istra district of the Mos-

cow region), excavated in 1978–1981. R.L. Rosenfeldt. Also using the example of several burials an attempt was made to reconstruct the funeral costume as a whole.

List of figures

Fig. 1. Location of barrows group Sheyka I

Fig. 2. Plan of barrows group Sheyka I

Fig. 3. Barrow 76 (grave 1), 1978 (by: Rosenfeldt, 1978б. Fig. 43–45). 1. Grave plan (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3). (The R.L. Rosenfeldt's drawings for excavation reports are used in the illustrations for this article. S.A. Zots drew reconstructions)

- Fig. 4. Barrow 20, 1979 (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 8–10). 1. Plan of graves (1), finds (2) and reconstruction of the burial suits (3)
- Fig. 5. Barrow 65, 1980 (by: *Rosenfeldt*, 1980b. Fig. 37, 38). Plan of grave (1) and finds (2)
- Fig. 6. Barrow 100, 1979. (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 52, 51). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 7. Barrow 42, 1980. (by: *Rosenfeldt*, 1980b. Fig. 24, 25). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit from grave 2 (3) (by R.L. *Rosenfeldt*: girl of 14–15 years old)
- Fig. 8. Barrow 36A, 1979 (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 19, 20). Plan of grave (1) and finds (2)
- Fig. 9. Barrow 31, 1978 (by: *Rosenfeldt*, 1978b. Fig. 14, 15). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 10. Barrow 105, 1979. (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 65, 66). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 11. Barrow 24 (grave 2), 1980. (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 18–20). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 12. Barrow 58, 1980. (by: *Rosenfeldt*, 1980b. Fig. 30–32). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 13. Barrow 50 (grave 2), 1979. (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 27, 28). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 14. Barrow 36, 1978. (by: *Rosenfeldt*, 1978b. Fig. 21–24). . Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 15. Barrow 41, 1979. (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 22–24). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 16. Barrow 77, 1979. (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 34–36). . Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 17. Barrow 28 (grave 2), 1981 Γ. (by: *Rosenfeldt*, 1981. Fig. 11, 13). Collar design options
- Fig. 18. Barrow 78, 1979. (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 39, 40). Plan of grave (1) and finds (2)
- Fig. 19. Barrow 1 (grave 1) 1978 (by: *Rosenfeldt*, 1978b. Fig. 4, 5). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)
- Fig. 20. Barrow 95, 1979 . (by: *Rosenfeldt*, 1980a. Fig. 47, 48). Plan of grave (1), finds (2) and reconstruction of the burial suit (3)

В. И. Завьялов, А. В. Энговатова
Институт археологии РАН, Москва

Палаш из Ярославля

Совершенствование клинкового оружия в среде кочевников привело в третьей четверти I тысячелетия н.э. к возникновению нового вида – палаша, рубяще-колющего однолезвийного холодного оружия с длинным клинком. Первые палашы на территории Восточной Европы появляются в памятниках Хазарского каганата. Так, например, в подкурганных погребениях второй половины VII в., за единичными исключениями, представлены лишь однолезвийные палашы. Возникновение палашей стало следствием поисков повышения эффективности клинкового оружия в условиях конного боя. Применение лишь одной режущей поверхности делало первый шаг в этом направлении – уменьшало вес клинка, что автоматически повышало его маневренность¹. В древнерусских памятниках находки палашей редки. По всей видимости, этот вид оружия не был характерен для древнерусского воина, о чем свидетельствует и известная легенда о дани мечами, которую предложили поляне хазарам. В этом тексте недвусмысленно утверждается преимущество двулезвийного меча над однолезвийными хазарскими клинками.

Известно, что палашы были широко распространены в войске татаро-монголов. В связи с этим большое значение представляет находка из Ярославля. При исследовании Успенского раскопа в Ярославле был найден фрагмент палаша в коллективном захоронении, в погребке или подклете сооружения 27 (рис. 1–2) (Энговатова и др., 2009. С. 71). Ширина однолезвийного клинка составляла всего 2,6 см. Оружие было сломано, рукоять утрачена, а клинок согнут (рис. 3).

В захоронении вместе с палашом обнаружен обширный комплекс бытовых предметов XII–XIII вв.: украшения (фрагменты браслетов, бронзовый перстень, височные кольца); хозяйственные принадлежности (железные ключи, части рыболовных снастей, белокаменный жернов), большое количество керамики.

Результаты аналитических исследований

В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН проведено археометаллографическое исследование артефакта. Шлиф сделан на сломе палаша и представляет полное поперечное сечение клинка. На большей части поверхности шлифа обнаружена однородная перлитная структура с цементитной сеткой и избыточным цементитом в виде игл (рис. 4, 1). Микротвердость 221–297 кг/мм². Шлаковые включения практически отсутствуют. По внешнему периметру шлифа отмечены тонкие зоны феррита с перлитом. Это отчетливо видно на фотографии результатов рентгеновской микротомографии (рис. 4, 2), выполненной с помощью аппаратуры фирмы XRADIA (США – Германия)². По всей площади шлифа (особенно в верхней части, на обушке) отмечены микротрещины (рис. 4, 3). Клинок по длине сварен из нескольких полос. Сварной шов стал хорошо виден визуально после расчистки палаша электрохимическим способом в лаборатории реставрации ИА РАН. Наличие сварки подтверждено при проведении рентгеновской микротомографии участка (рис. 4, 4). Элементный анализ поверхности, проведенный методом растровой электронной

¹ Восточноевропейский археологический журнал. 2 (3) март – апрель 2000 г. (Электронный ресурс) http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm.

² Работы по рентгеновской микротомографии и растровой электронной микроскопии выполнены в компании «Системы для микроскопии и анализа».

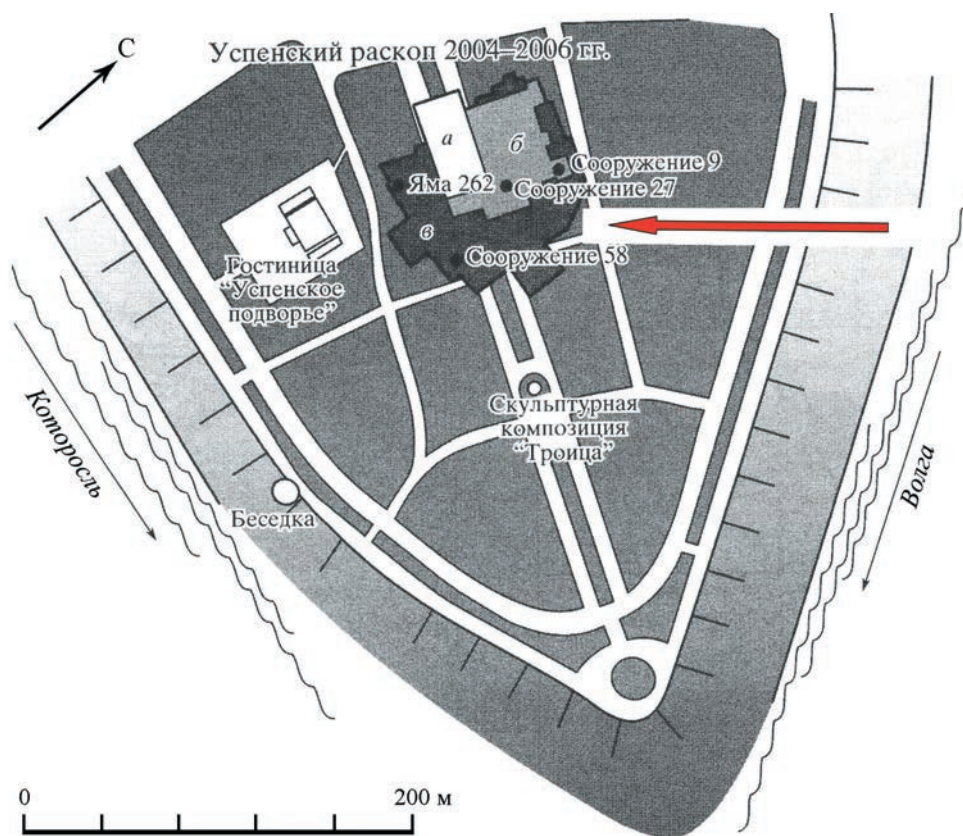

Рис. 1. Место находки палаша на плане исторической части Ярославля

Рис. 2. Палаш в момент находки

Рис. 3. Палаш после реставрации

микроскопии с помощью прибора *Versa 3D FEI* (США), выявил содержание углерода до 1,83% и марганца до 1,07% (рис. 5).

Вывод

Палаш откован из литой тигельной стали. Качествоковки хорошее. Критерии оценки качества кузнечных работ предусматривают следующие металлографические показатели: отсутствие нарушений температурного режима, мелкозернистость структурных составляющих, малочисленность и небольшие размеры шлаковых включений; при сварке – наличие тонких, четких сварных швов, что подразумевает хорошее качествоковки и сварки. Соответственно отсутствие одного или нескольких показателей свидетельствуют об удовлетворительном качестве работ. Структура феррито-перлита по краям шлифа и микротрещины в металле свидетельствуют о пребывании предмета в огне. Нагревание можно связывать с попаданием артефакта в огонь пожара.

Обращает на себя внимание высокое (выше 1%) содержание марганца в металле (рис. 5, 2). Значение марганца для литых сталей было открыто в начале XIX в.: марганец способствует удалению из стали кислорода и связывает серу. В древних литых сталях содержание марганца крайне неоднородно. В металле, полученном сыродутным способом из болотных и луговых руд (лимонит и сидерит), содержание марганца, как правило, не превышает 0,1–0,2%. С другой стороны, сравнительно высокое содержание (до 0,62%) этого элемента зафиксировано при исследовании предметов из литой стали из средневекового городища Талгар (Северо-Восточное Семиречье) (Зиняков, Савельева, 2005. С. 180). В то же время образцы из Даилама (*Dailam*) в северо-западном Иране показали низкое (около 0,2%) содержание марганца (Lan, Craddock, Simpson, 1997. Р. 8). Скорее всего, это свидетель-

ствует не о сознательном применении марганца в качестве легирующей примеси в тигельной плавке, а об использовании при металлургическом процессе руд из разных источников.

Исследованный палаш в настоящее время является единственным образцом откованного из тигельной стали средневекового клинкового оружия, найденного на территории Древней Руси. Правда, следует оговориться, что база аналитических

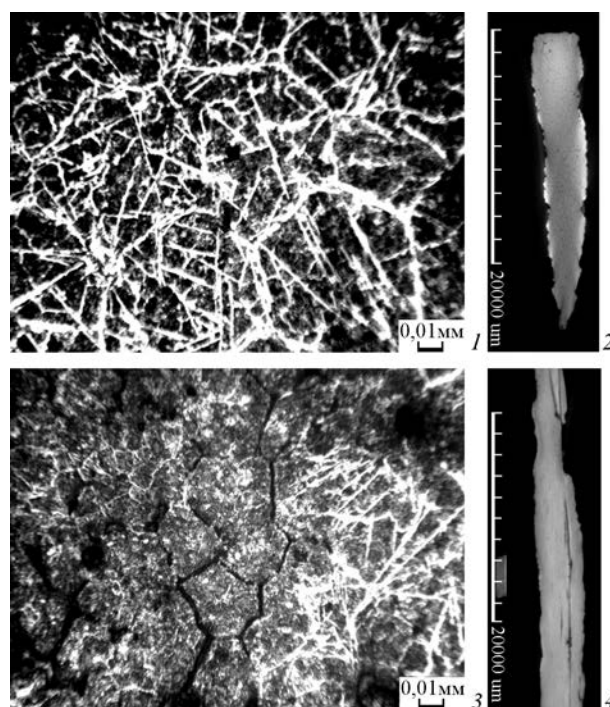
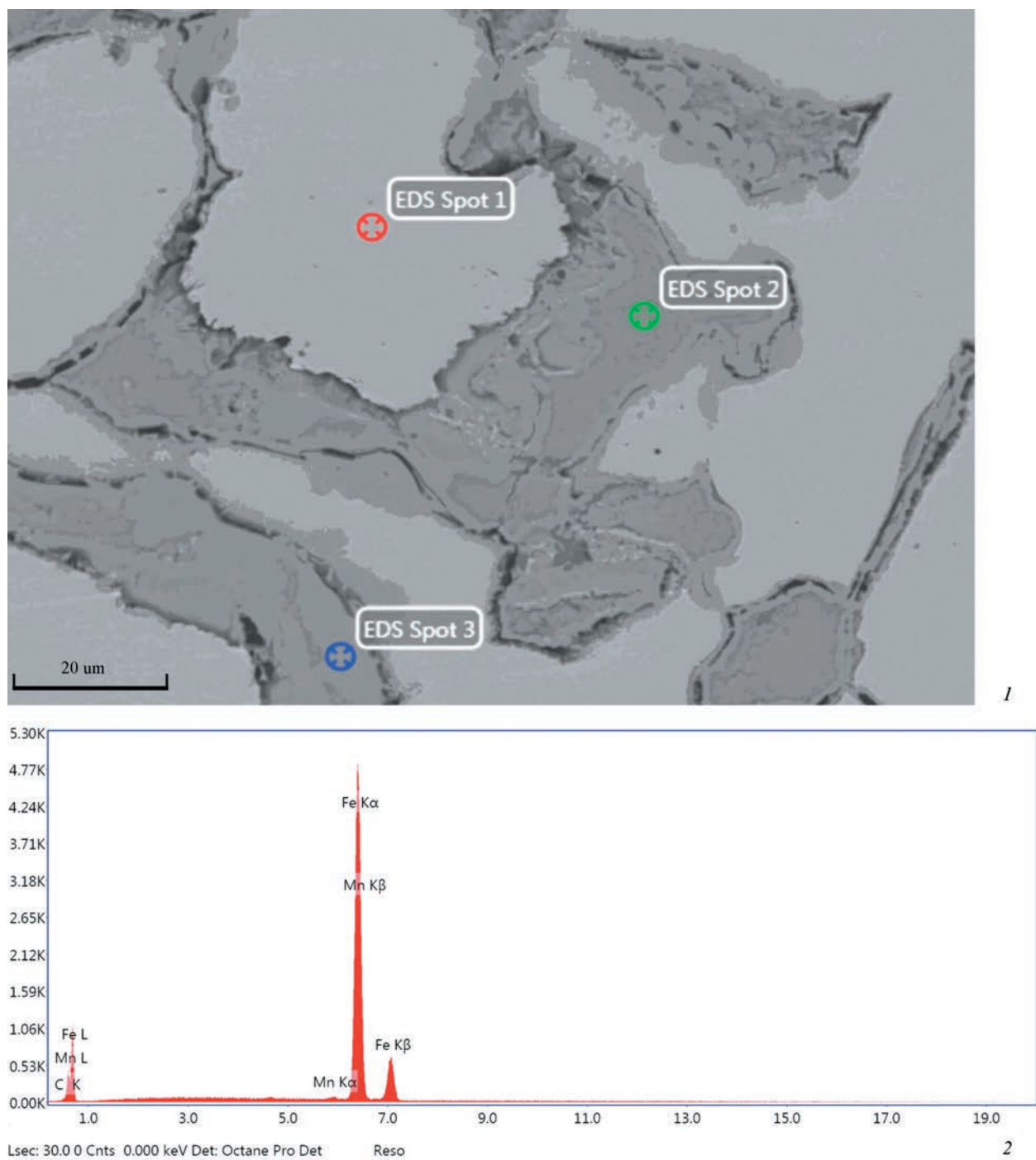

Рис. 4. Технология изготовления палаша

1 – структура палаша. Перлит и избыточный цементит. Травлено ниталем; 2 – рентгеновская микрофотография: светлые зоны – частичное обезуглероживание металла (структура феррита с перлитом); 3 – микротрещины в металле. Травлено ниталем; 4 – рентгеновская микрофотография: темная полоса – сварной шов

Рис. 5. Исследование состава металла

1 – места взятия проб для определения химического состава;
2 – результаты исследования элементарного состава металла

данных по клинковому оружию из древнерусских памятников невелика. Результаты металлографических анализов 12 мечей опубликованы Б. А. Колчиным (1953). Исследователь установил, что основными технологическими приемами изготовления мечей были наварка стальных лезвий на основу

из железа, малоуглеродистой стали или дамасской стали и цементация (Колчин, 1978. С. 192). Эти выводы подтверждают аналитические исследования мечей из Изяславля (Вознесенська, Недопако, Паньков, 1996. С. 120, 121), Киева (Вознесенская, Толочко, 1983. С. 275), Блистовита (Вознесенська, Коваленко,

Орлов, 1984. С. 33), Серенска (Хомутова, 1973. С. 222). Сабли XII–XIII вв., прошедшие металлографический анализ, представлены шестью экземплярами. Они происходят из древнерусских памятников: четыре из Изяславля³, одна с селища Лесковое и одна беспаспортная находка из коллекции ГИМ (Арендт, 1936. С. 166; Вознесенська, Недопако, Паньков, 1996. С. 121, 122; Вознесенская, 1999. С. 121). Сырьем для всех сабель послужил сыродутный металл. Два клинка из Изяславля и фрагмент сабли с селища Лесковое изготовлены по технологической схеме сквозной цементации. Два других клинка из Изяславля и сабля из коллекции ГИМ имели наварное стальное лезвие.

Сравнительно редкие клинки из литой стали известны из средневековых памятников Средней Азии (Зиняков, 2003. С. 137; Папахристу, Терехова, 2002. С. 201). Производство тигельной стали открыто в ремесленных центрах северо-западной Индии в начале I тысячелетия н. э. (Lang, Craddock, Simpson, 1997. Р. 10). В Средние века европейским мастерам секрет ее производства не был известен. Со второй половины I тысячелетия н. э. цен-

тры по производству тигельной стали возникают в среднеазиатских городах (Ахсикет, Мерв) (Папахристу, Терехова, 2002. С. 200; Feuerbach et al., 1998. Р. 42). Интересно отметить, что с самого начала производства тигельной стали она использовалась главным образом для производства клинкового оружия (Lang, Craddock, Simpson, 1997. Р. 10).

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что изученный палаш был дорогим престижным оружием. Исходя из общего историко-археологического контекста, местом его изготовления, скорее всего, является один из городов Средней Азии, покоренных монголами.

В связи с этим уместно вспомнить результаты антропологического исследования индивида № 2 из коллективного захоронения № 76. О его несхожести с остальными погребенными говорят пропорции черепа (широкоскулость), антропологический «комплекс всадника», сапоги с высокими голенищами из мягкой кожи на тонкой подошве. Не исключено, что в братских могилах Ярославля наряду с жертвами нашествия покоились и нападавшие.

Литература

- Арендт В. В., 1936. О технике древнего клинкового производства // Архив истории науки и техники. Сер. I. Вып. 8. М.; Л. С. 161–188.
- Вознесенская Г. А., 1999. Технология кузнечно-го производства на южнорусских сельских поселениях // Археология. № 2. С. 117–126.
- Вознесенская Г. А., Толочко П. П., 1983. Кузнечное ремесло // Новое в археологии Киева. Киев: Наукова думка. С. 267–284.
- Вознесенська Г. О., Коваленко В. П., Орлов Р. С., 1984. Дослідження літописного Блистовита // Археологія. Вип. 48. С. 19–34.
- Вознесенська Г. О., Недопако Д. П., Паньков С. В., 1996. Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ: ІА НАНУ. 192 с.
- Зиняков Н. М., 2003. Средневековые стали ледебуритного и карбидного класса. Проблемы булата // Археолого-этнографический сборник. Кемерово: КемГУ. С. 135–147.
- Зиняков Н. М., Савельева Т. В., 2005. Металлографическое исследование булатных сталей Казахстана // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. № 1. Алма-Ата. С. 176–184.
- Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: АН СССР. 260 с. (МИА № 32).
- Колчин Б. А., 1978. Оружейное дело древней Руси (техника производства) // Проблемы советской археологии. М.: Наука. С. 188–196.
- Папахристу О. А., Терехова Н. Н., 2002. Результаты металлографического изучения коллекции железных предметов из средневековых памятников Узбекистана VIII – нач. XIII в. // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент: Узб. гос. ун-т. С. 199–201.
- Хомутова Л. С., 1973. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске (вторая половина XII–XIV в.) // СА. № 2. С. 216–225.
- Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Бужилова А. П., Гончарова Н. Н., 2009. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. № 2. С. 68–78.

³ Следует отметить, что, судя по рисунку, приведенному в работе Г. А. Вознесенской (Вознесенська, Недопако, Паньков, 1996. С. 121. Рис. 49), эти экземпляры имеют прямой клинок (его сечение, к сожалению, не приведено) и, скорее всего, являются палашами.

Feuerbach A.M., Merkel J.F., Griffiths D.R., 1998. An examination of crucible steel in the manufacturing of Damascus steel, including evidence from Merv, Turkmenistan // *Metallurgica Antiqua*. Vol. 8. P. 37–44.

Lang J., Craddock P.T. and Simpson St.J., 1997. New evidence for early crucible steel // *Historical Metallurgy*. Vol. 32. № 1. P. 7–14.

V.I. Zavyalov, A.V. Engovatova

Broadsword from Yaroslavl

Summary

The broadsword from the excavations in Yaroslavl was studied at the Laboratory of Natural Sciences Methods of the Institute of Archeology RAS. The study was conducted according to the method devel-

oped in the metallography cabinet of this laboratory. It was found that the broadsword is forged from cast crucible steel and is a high-quality weapon.

List of figures

Fig. 1. The location of the broadsword on the plan of the historical part of Yaroslavl

Fig. 2. Broadsword at the time of discovery

Fig. 3. Broadsword after restoration

Fig. 4. Broadsword manufacturing technology

1 – broadsword structure. Perlite and excess cementite. Nital etching; 2 – X-ray microtomography: light zones – partial decarburization of metal (ferrite perlite structure); 3 – microcracks in metal. Nital etching; 4 – X-ray microtomography: dark strip – welding seam

Fig. 5. Metal composition research

1 – chemical sampling sites; 2 – metal elemental composition research results

В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

О некоторых диагностирующих прослойках в заполнениях котлованов построек

Интерпретация заполнения котлованов построек – одна из самых сложных проблем в современной средневековой археологии (Коваль, 2007; 2010). Для преодоления «примитивистского» понимания этих процессов необходима разработка «археологической теории» расшифровки заполнения котлованов, которая до сих пор в нашей науке отсутствует. Она должна включать выявление признаков, способных объективно указать на причины их возникновения. В настоящее время мы находимся на этапе накопления знаний о таких признаках. Продуктивной является мысль А. В. Борисова о выявлении «диагностических слоев» в заполнении котлованов (Борисов, 2010а; 2010б; 2014). Эта мысль перекликается с подходом Н. Н. Грибова, пытающегося выделить в заполнениях котлованов «характерные структуры» (рис. 1). Среди них выделим прослойки, в отношении которых Н. Н. Грибов применяет термин «покровная форма», имея в виду, что такие прослойки фиксируются по всей площади котлована, как правило, в верхней его части (Грибов, 2012). Правда, происхождение таких прослоек в работах автора не рассматривается.

Следует признать, что формирование заполнения котлованов и ям происходило под воздействием двух одинаково важных факторов:

1) искусственного, определявшегося целенаправленной деятельностью человека, сбрасывавшего в ставший ненужным котлован различный по происхождению (органический и неорганический) мусор и грунт для того, чтобы ликвидировать мешавшее ему углубление;

2) природного, связанного с различными процессами диагенетических преобразований заполнения котлованов (выгнивание органики, вымывание подвижных элементов грунта) и компенсации возникавших при этом пустот или областей с по-

ниженной плотностью подвижками более плотного грунта, а также в связи с возникавшими вертикальными нагрузками на заполнение ямы (которые сами по себе обычно были связаны также с деятельностью человека, например, с возведением поверх ямы стены здания и т. п.).

Таким образом, заполнение котлована во многих (но, конечно, не абсолютно всех) случаях представляет собой сложный процесс, в котором участвовали как человек, так и природные факторы, причем они могли действовать последовательно, одновременно, попеременно, что вносило существенное разнообразие в получаемую картину.

Однако при всем многообразии результатов «характерные структуры» все-таки образовывались. Некоторые из них убедительно описаны А. В. Борисовым («натопт» на полу, подвижки масс грунта с периферии котлована в его центр). В данной работе хотелось бы сосредоточиться на двух разновидностях таких «структур», имеющих яркое диагностирующее значение.

Первая из них – это остатки крепежа стенок котлована в виде полосок древесного тлена или угольных прослоек (когда крепеж сгорел), имеющих сильнейшую деформацию как в плане, так и в профиле. Как правило, такие прослойки бывают сильно наклонены внутрь объема погреба, но иногда угол наклона превышает 45 градусов, а в ряде случаев (селище Игнатьево 2, яма 44 – рис. 2) эта прослойка приобретала даже горизонтальное положение (Смирнов, Алексеев, Двуреченский, 2018. Рис. 5). Как такое могло происходить? Если бы внутри погреба оставался свободный объем (пустота), гниение крепежа стенок и давление на них массы грунта из пазух котлована привели бы не к изгибанию истлевших или тем более сгоревших стенок, а к их обрушению на пол. Но в большой серии

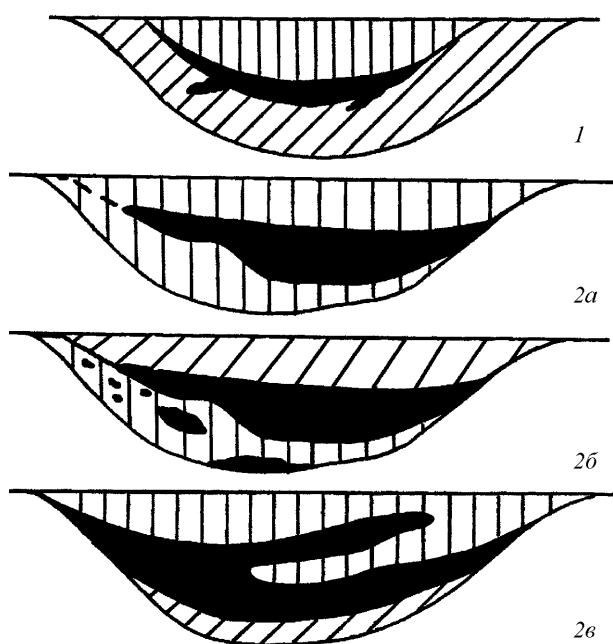

Рис. 1. Прослойки «покровной» (1) и «внедренной» формы (2), по Н. Н. Грибову (2012. Рис. 1)

случаев наблюдается именно деформация, причем очень сильная. Она могла происходить лишь в том случае, если внутри погребка уже имелся грунт, однако этот грунт не был достаточно плотным, чтобы оказать сопротивление давлению со стороны стенок. Такое могло происходить, если в составе этого грунтового заполнения находилось много органики, которая гнила и теряла объем, постепенно

уплотняясь. Именно такой сценарий представляется наиболее вероятным.

Интересно, что во всех известных на сегодняшний день случаях такого рода на полу погребов фиксировалось полное отсутствие каких-либо бытовых вещей, известных по ряду других сгоревших построек (горшков, корчаг, коробов с зерном или иными запасами и т. п.), а это доказывает, что все ценные вещи из них были вынесены, следовательно, погреб был заранее подготовлен к засыпке, а дом к разборке. Какая органика могла попадать в погреб при его засыпке? Это подгнившие венцы и другие деревянные части старого дома, негодные на дрова, навоз, щепы от нового строительства, кожа, солома, кухонные отбросы и т. п. Через некоторое время органика сгнивала – перерабатывалась микроорганизмами, и результаты их жизнедеятельности могли вымываться грунтовыми водами. В итоге погреб заполнялся материалом, имевшим гораздо меньшую плотность, чем окружающий его по периметру материковый грунт, причем объем этого заполнения сокращался. Если же над засыпанным котлованом уже начал откладываться культурный слой (а это типичная ситуация в любом живом поселении, на любом дворовладении), то этот слой проседал вниз. Давление на пазухи котлована также усиливалось и вызывало процессы медленного движения грунта в направлении наименьшего сопротивления, т. е. внутрь погребка. Над котлованом при этом образовывался прогиб поверхности. Степень деформации стенок

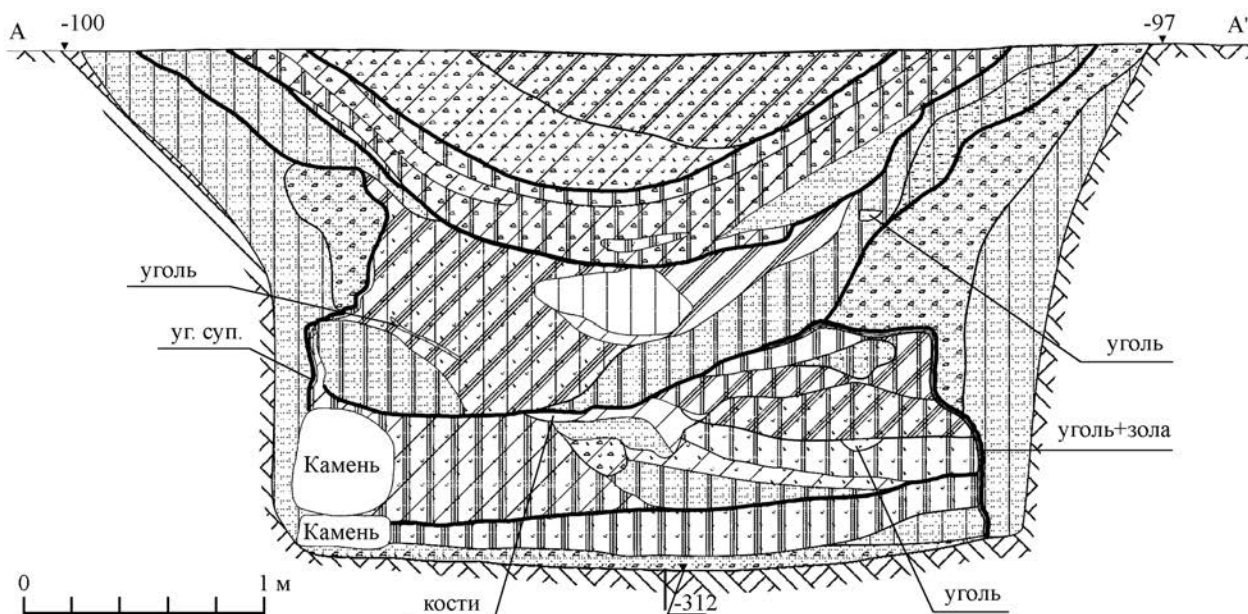

Рис. 2. Разрез ямы 44 на селище Игнатьево (Смирнов и др., 2018. Рис. 5)

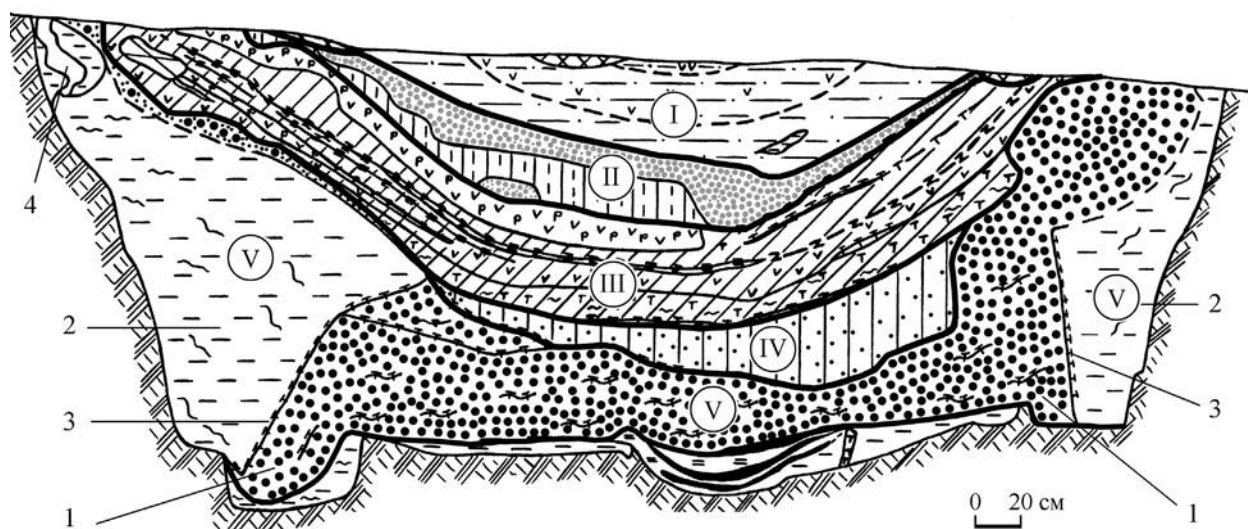

Рис. 3. Поселение Бешенцево-3, раскоп 3. Разрез ямы 54

I–V – выделенные горизонты заполнения; V – горизонт, соответствующий структуре 1-го типа.
 1 – типобразующий слой структуры 1-го типа (колловий обрушения); 2 – грунт пристенной забутовки;
 3 – прослойка древесного тлена (отпечатки деревянной обшивки на вертикальном разрезе); 4 – стерильный грунт элювиального почвенного горизонта, оползший в результате размораживания (Грибов, 2012. Рис. 2)

«крепежа» определялась разницей между плотностью грунта во внутреннем объеме погреба и в пазах котлована.

Таким образом, деформированные остатки крепежа стенок котлованов являются диагностирующими прослойками, указывающими на то, что внутренний объем этих котлованов сразу после ликвидации построек быстро засыпался, причем наряду с грунтом, в засыпку поступал большой объем органического вещества (в большинстве случаев, скорее всего, старой древесины). Эти диагностирующие прослойки исключают вероятность, что котлованы-погребя долгое время оставались незаполненными и их заполнение происходило под действием исключительно природных процессов, к которым человек отношения не имел.

Теперь рассмотрим вторую разновидность диагностирующих прослоек, непосредственно связанных со случаями, рассмотренными выше. Если поверх засыпанного котлована (с большой долей органики в засыпке) происходило отложение культурного слоя, то он включал прослойки горизонтального простираения. Но просадка заполнения котлована неизбежно приводила и к просадке этих горизонтальных прослоек, причем в центре котлована толщина перекрывавших прослоек также достигала максимальных величин. Процесс такой деформации мог происходить с различной скоростью, но его результат всегда фиксируется по дуговидным (или серповидным) очертаниям прослоек, которые они приобретали фактически *только*

в результате процессов уплотнения нижней части заполнения и проседания перекрывавших его слоев. Характерными особенностями этих прослоек являются примерно одинаковая их толщина (часто, правда, уменьшавшаяся к краям котлована) и распространение по всей площади котлована. Причем в тех случаях, когда стратиграфия над котлованом не сохранилась, например, из-за распахки на сельских поселениях или искусственных подрезок слоя в городах, такие просевшие прослойки обрываются по краям и в разрезах выглядят как дуги с прогибом вниз. Именно такую картину можно наблюдать на разрезах ям 44 и 45 на селище Игнатьево и ямы 54 селища Бешенцево-3 (Смирнов, Алексеев, Двуреченский, 2018. Рис. 5, 17; Грибов, 2012. Рис. 2) (рис. 3).

Описываемые прослойки Н.Н. Грибов называет «покровными». Следовательно, «покровная» форма прослоек в заполнении котлованов является диагностирующим признаком трансформации заполнения котлована и присутствия в нем в древности большого объема органики, которая впоследствии сгнила и полностью или почти полностью была вымыта из этого заполнения, вызвав тем самым процесс просадки грунтов.

Описанный тут сценарий позволяет объяснить, почему в толще котлованных засыпок очень редко встречаются следы делювиально-эрозионных замывов под действием дождей и ливней (тонкослоистые осадочные структуры, прогнутые к центру котлованов). Он объясняет также, почему в верхней части

Рис. 4. Московский Кремль – 2017. Разрез ямы 50. Фото

заполнения котлованов можно встретить материалы, датировка которых на 50, 100, 200 или более лет позже, чем материалы из придонной части котлована. Раньше такую разницу толковали как результат многолетней (если не сказать – вековой) засыпки ям. В действительности засыпались не ямы, а просадки поверхности, которые над ними возникали. И даже не засыпались, а естественным образом затягивались грунтом.

Еще одним ярким примером такой «характерной структуры» является объект, исследованный в 2016 г. при раскопках на месте разобранного корпуса № 14 в Московском Кремле (яма 50). Этот объект представлял собой котлован размерами 5×5 м, с остатками погребца глубиной до 2 м, крепёж стенок которого имел столбовую конструкцию (столбы по углам котлована) и сильно деформированные (изогнутые к центру погребца) деревянные стенки из горизонтально уложенных плах или досок, которые фиксировались по тонким, дугообразным в плане, полоскам древесного тлена (рис. 4; 5). После разборки дома и ликвидации погребца он был засыпан материковым песком с включениями культурного слоя и тонких прослоек коричневой органики, которая, скорее всего, является остатками древесного тлена. Вероятно, погреб был заполнен гнилой древесиной и присыпан материковым песком в смеси с некоторым количеством культурного слоя. Керамический и вещевой материал из этой части заполнения включал несколько обломков стеклянных браслетов и характерную керамику, по которым момент засыпки этой постройки может быть датирован в пределах конца XII – первой трети XIII в. Однако непосредственно поверх этой засыпки зафиксирована прослойка сильно гумусированной супеси, простиравшаяся по всей

площади котлована и имевшая практически одинаковую толщину (прослойка «покровной» формы). Эта прослойка была насыщена крупными обломками стеклянных браслетов, так что ее допустимо рассматривать как культурный слой, отложившийся в период максимального распространения в Москве (и на Руси в целом) стеклянных браслетов, т.е. в первой половине XIII в. Этот слой фиксировался и на других участках раскопа. Он был перекрыт другими прослойками, также имевшими одинаковую толщину, распространявшимися по всей площади котлована, датированными по ряду признаков (керамический комплекс, вещевые находки) от второй половины XIII до середины XIV в. Их, в свою очередь, перекрывал слой белокаменных отесков, оставленных строительством собора Чуда Архангела Михаила в Хонех, построенного в 1365 г. Этот слой также имел стабильную толщину, но прогибался к центру котлована.

Надежная стратиграфическая колонка позволяет утверждать, что крупная постройка с погребом была ликвидирована до первой половины XIII в. (или на протяжении этого периода) и ее нельзя связывать с погромом Москвы зимой 1237/38 г. В этом убеждает полное отсутствие всяких следов пожара или иного катастрофического уничтожения рассматриваемой постройки, на дне которой не осталось никаких вещей. Таким образом, можно утверждать, что процесс выгнивания органики в заполнении погребца (ямы 50) происходил на протяжении 150–200 лет, что приводило к постоянной деформации культурных слоев, перекрывавших его сверху.

Если мы попытаемся иначе объяснять данный случай, то придется допустить, что большой участок внутри территории города, застроенный

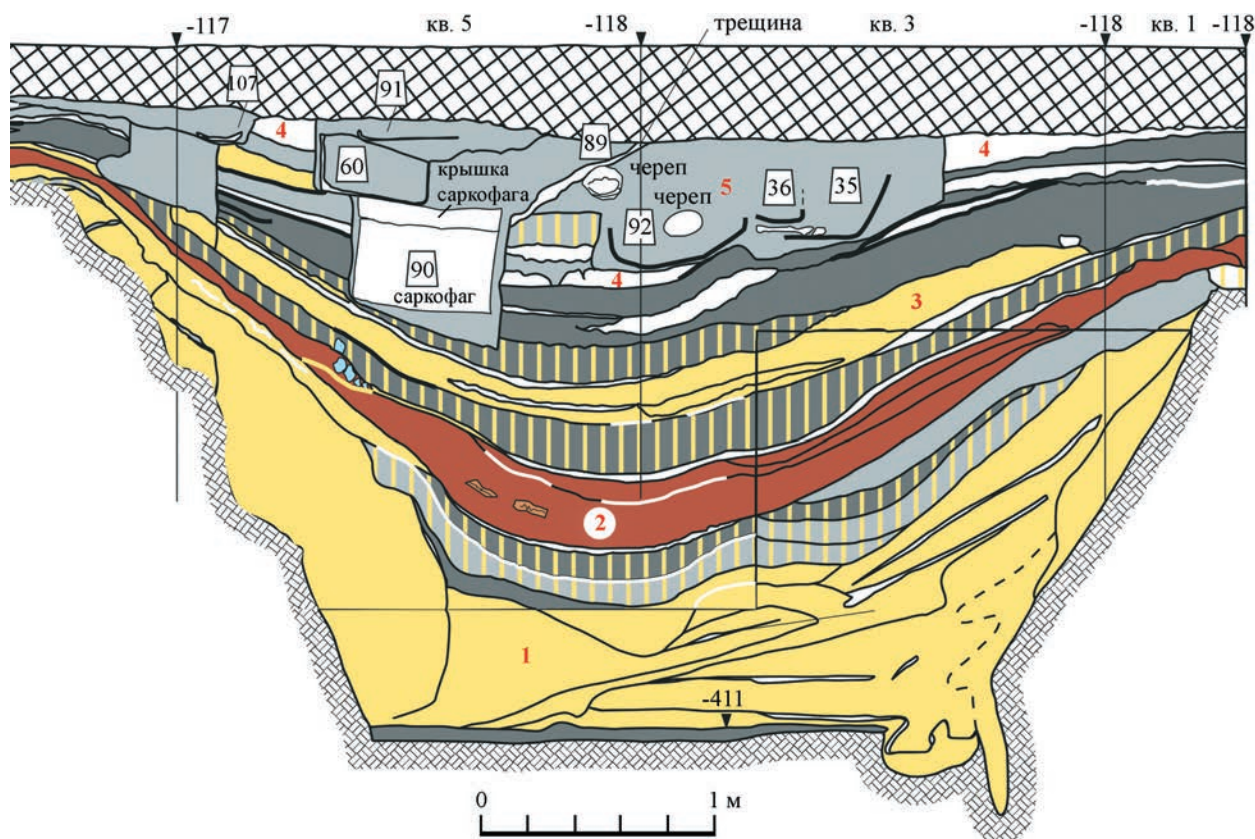

Рис. 5. Московский Кремль – 2017. Разрез ямы 50. Чертеж

1 – заполнение ямы; 2 – слой 1-й пол. XIII в., перекрывший яму; 3 – слой 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV в.; 4 – строительные прослойки сер. XIV – XV в.; 5 – могильные перекопы XVI–XVII вв.

крупными богатыми домами (имеются следы еще 4 аналогичных по размерам и ориентации погребов, размещавшихся рядом с исследованным), был оставлен заброшенным на долгие годы. Причем отсутствие ливневых и весенних замылов внутри заполнения заставляло бы предполагать, что эти крупные дома продолжали стоять едва ли не посреди города и гнить. Позднее на этом самом месте столь же внезапно жизнь возобновилась, и стал откладываться слой, насыщенный разнообразными предметами, но он почему-то не накапливался на дне ямы, а сверхъестественным образом «размазывался» по ее стенкам. Количество необъяснимых странностей, в том числе физического плана, в этом случае превышает порог доверия.

Предлагаемое объяснение позволяет выстроить события в непротиворечивый ряд: после внезапной и быстрой перепланировки участка несколько крупных богатых домов были быстро разобраны, котлованы погребов наскоро засыпаны, причем в них сбросили значительную часть древесины от разборки домов. После этого жизнь здесь продолжилась без малейшего перерыва, с прежней ин-

тенсивностью. Разумеется, остается неясной причина перепланировки участка, но часто такие события в городской жизни объясняются строительством новых линий укреплений и освобождением территории перед ними от застройки. Хронологически данная перепланировка увязывается с периодом конца XII – начала XIII в., а это время быстрого роста Москвы.

Прослойки «внедренной» формы, по Н. Н. Грибову (рис. 1), имели, очевидно, различный генезис, однако локальный характер их размещения в котлованах заставляет видеть в большинстве случаев разного рода засыпной грунт, сбрасывавшийся в котлован искусственно и частично перемешивавшийся при этом с соседними, хронологически одновременными, порциями иных по происхождению грунтов. Поэтому название, предложенное для этой разновидности морфологических объектов, кажется не совсем удачным. Более соответствовало бы морфологии именовать их локальными. Правда, независимо от выбранного термина в число таких прослоек попадают и иные образования, генезис которых имеет более сложный

характер. Работу над выявлением, описанием и объяснением ситуаций, отраженных в стратиграфии котлованов построек, следует продолжать, поскольку без этого нет шанса построить настоящую «теорию археологизации» жилых и хозяйственных строений.

Надо сказать, что в настоящее время осмысление генезиса заполнений котлованов идет достаточно динамично. Появляются работы, в которых даются совершенно адекватные интерпретации. Хотелось бы обратить внимание на полезный опыт тверских коллег, выделяющих в разрезах котлованов три этапа: строительства и функционирования (I), разрушения (II) и засыпки после прекращения функционирования (III) (Сафарова, Кунгурцева, 2019). Правда, как было показано выше, в некоторых котлованах отдельные этапы могли отсутствовать, поэтому такое деление не представляет строго обязательным.

В то же время продолжают появляться публикации, по-прежнему объясняющие любую прослойку угля в заполнении котлована как след пожара, уничтожившего постройку, к которой этот котлован принадлежал, а попытки выделения этапов формирования котлована даже не предпринимаются (Пронин, Кирсанов, 2019). Очевидно, что устаревший примитивистский подход к пониманию процессов, приведших к появлению заполне-

ния древних объектов, пока не собирается сдавать своих позиций.

Подведем небольшой итог. Заполнения котлованов построек нельзя рассматривать как нечто неизменное, изначально данное, сформировавшееся когда-то в определенном виде и сохранявшееся неизменным на протяжении столетий. Заполнения котлованов изменяются и трансформируются ровно так же, как происходят изменения в культурном слое, разрушаются постройки, происходят размыты и наносы грунта. Природные процессы не только сопровождают (и способствуют) заполнение котлованов, но также протекают и после формирования этих заполнений. При этом большую роль играют попадавшие в заполнения котлованов органические материалы, которые могли как сохраняться на протяжении столетий в благоприятных для этого условиях, так и разлагаться без остатка, что приводило к перемещениям масс грунта – просадкам, деформациям и т. п. Таким образом, заполнение котлована – это организм, который «жил» и продолжает «жить» вплоть до наших дней, изменяя свой облик. Археолог же фиксирует только один (финальный) момент этой «жизни», но он должен понимать, что все предыдущие этапы развития этого объекта от него скрыты, и проявить их можно только путем максимального учета всех данных, собранных при раскопках.

Литература

Борисов А. В., 2010а. Природные процессы, участвующие в заполнении котлованов построек // РА. № 3. С. 119–129.

Борисов А. В., 2010б. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвовед) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 99–106.

Борисов А. В., 2014. Диагностические слои в заполнении котлованов построек // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 339–344.

Грибов Н. Н., 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 155–165.

Коваль В. Ю., 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // АП. Вып. 3. М., ИА РАН. С. 58–70.

Коваль В. Ю., 2010. Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 84–98.

Пронин, Кирсанов, 2019. Раскопки в с. Микулино // ТТЗ. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр. С. 261–296.

Сафарова, Кунгурцева, 2019. Стекланные изделия и керамическая посуда из комплексов второй половины XII – начала XIV в. (по материалам раскопа 22 в Тверском кремле) // ТТЗ. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр. С. 63–99.

Смирнов А. Н., Алексеев А. В., Двуреченский О. В., 2018. Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // ТТЗ. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр. С. 252–289.

V. Yu. Koval

Some diagnosing interlayers in the filling of pits buildings

Summary

The article offers explanations for some complex cases of stratigraphy filling the pits of medieval buildings, when after the cessation of the functioning of buildings, organic material fell into the back-

fill, gradually expelling, which led to a reduction in the volume of the soil being deposited, its compaction, and subsidence of the layers formed over the backfilled pit.

List of figures

Fig. 1. Interlayers of “integumentary” (1) and “introduced” form (2) by N. N. Gribov (2012. Fig. 1)

Fig. 2. Cut of the pit 44 on the settlement Ignatievo

Fig. 3. Settlement Beshentsevo-3, excavation site 3. Cut of the pit 54

I–V – identified fill horizons; V – horizon corresponding to the structure of the 1 st type. 1 – type-forming layer of the structure of the 1 st type (colluvial collapse); 2 – soil of the wall-mounted backfilling; 3 – layer of wood decay (prints of wood paneling in a vertical section); 4 – sterile soil of the eluvial soil horizon crawling as a result of thawing

Fig. 4. Moscow Kremlin 2017. Section of the pit 50. Photo

Fig. 5. Moscow Kremlin 2017. Section of the pit 50. Drawing

1 – pit filling; 2 – the 1st floor layer, the 13th c., blocked the pit; 3 – layers of the 2nd half of the 13th – 1st half of the 14th c.; 4 – construction interlayers mid. of the 14th – 15th c.; 5 – grave ditches, the 16th – 17th cc.

Археология удельного и московского периодов

М. И. Гоняный, Т. Г. Сарачева

Государственный исторический музей, Москва

«Только у молодца и золотца, что пуговка оловца»: средневековые изделия из легкоплавких сплавов с территории Устьинского археологического комплекса на Куликовом поле

Археологические памятники, расположенные на территории Куликова поля (Тульская обл.), активно стали исследоваться с конца XX в. За истекшее время в ходе разведочных работ выявлено более 300 сельских поселений и грунтовых могильников. Более чем на 20 из них осуществлены раскопки. 31 памятник изучен по методике планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла. Подобные исследования проводятся с целью уточнения датировки, площади и границ не выраженных в рельефе объектов археологического наследия, выделения зон жилой и хозяйственной застройки, локализации металлургических, кузнечных, меднолитейных, ювелирных и иных производств, границ и хронологии грунтовых могильников. Использование подобных методов поиска на значительных по площади древнерусских поселениях позволяет фиксировать динамику роста или уменьшения их территорий, например, выделять участки, где с 1260-х гг. могли проживать представители ордынской администрации и сопровождающие их военные контингенты, осуществляющие управленческие функции в регионе.

Прежде чем приступить к обследованию части археологического памятника или всего объекта культурного наследия, проводится разбивка поискового планшета на местности при помощи геодезических приборов. Он должен быть инструментально привязан к топографическому плану объекта археологического наследия. Для непосредственного сбора находок на территории памятника при помощи мерных веревок размечается поисковый планшет, который делится на створы шириной 4 м. Операторы в три прохода сканируют его, выкапы-

вают каждую металлическую аномалию, временно оставляя ее на месте обнаружения. Затем при помощи теодолита осуществляется фиксация находок, выстраиваются планы их распространения на обследованных участках, отражающие степень насыщенности, соотношение и состав предметов.

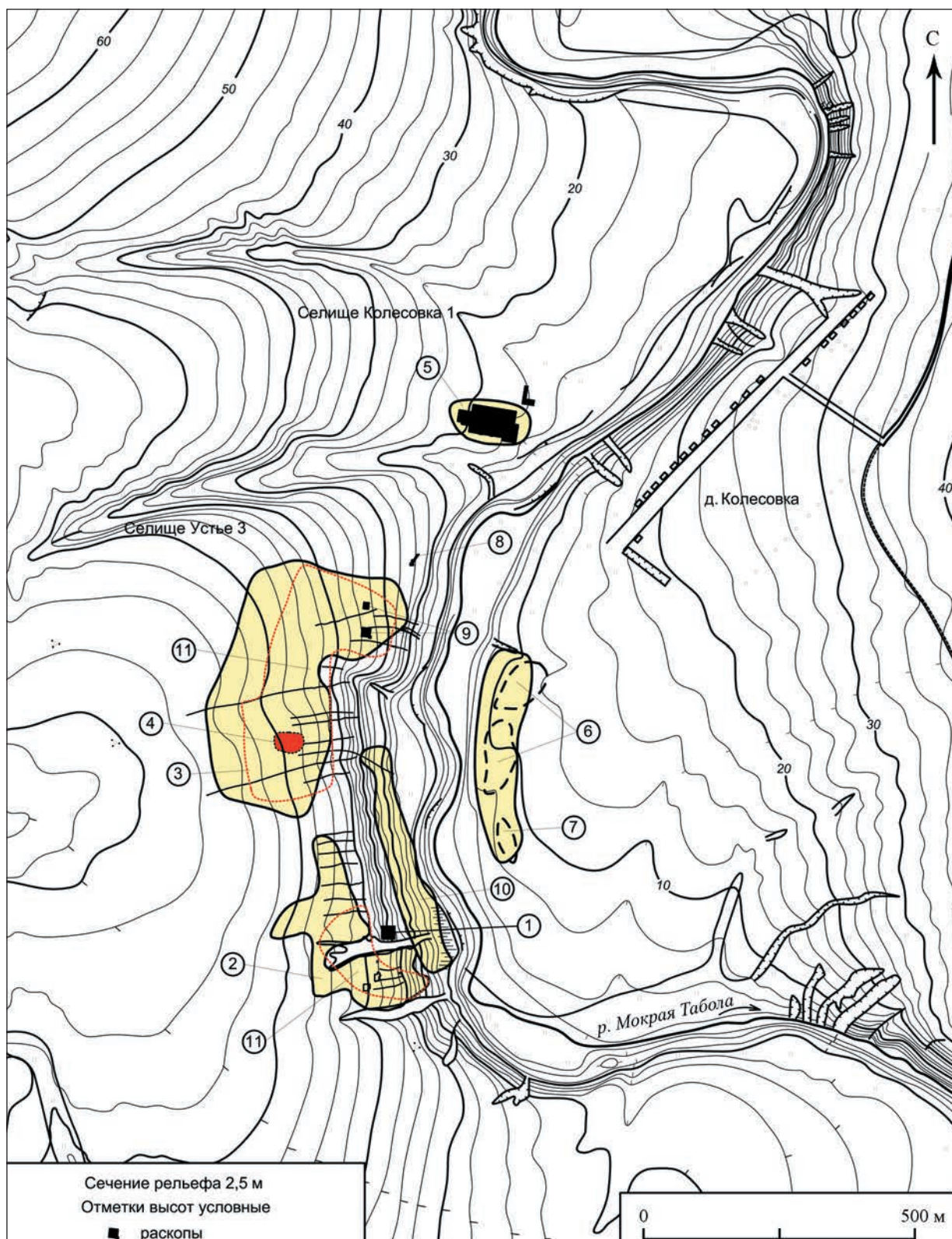
Если на площади поискового планшета встречены различные по хронологии находки, это учитывается при построении плана их распространения и группировки по дате. Находки, относящиеся к одному хронологическому периоду, объединяются по категориям и наносятся на отдельные планы. Анализ десятков подобных планов позволяет подойти к вопросу определения границ, планировочных особенностей и хронологии обследуемого памятника.

Импульсом к поиску и изучению памятников археологии на Куликовом поле послужил 600-летний юбилей Куликовской битвы. С 1981 г. под руководством Б. А. Фоломеева проводились комплексные междисциплинарные исследования древнерусских памятников XII–XIV вв. в рамках программы «Куликово поле. История. Ландшафт». С 1983 г. по настоящее время исследованиями на древнерусских памятниках региона, включая группу объектов археологического наследия у д. Устье, занимается Верхне-Донская археологическая экспедиция ГИМ (руководитель М. И. Гоняный).

Устьинский археологический комплекс, включающий памятники эпохи бронзы, начала IX – начала X в., второй-третьей четвертей XII в., конца XII – конца XIV в. и XVII в., расположен на правом и левом берегах р. Мокрая Табола неподалеку от ее впадения в р. Дон (рис. 1; 2)¹. Это гнездо древнерусских памятников включает домонгольское

¹ Благодарим научного сотрудника ООО «ЦАИ Куликово поле» А. А. Мезенцева (компьютерная обработка карт), художника С. И. Вилькину (рисунки находок) и старшего научного сотрудника музея-заповедника «Подолье» А. В. Емельянова (фотографии находок) за помощь в подготовке иллюстративного материала к статье.

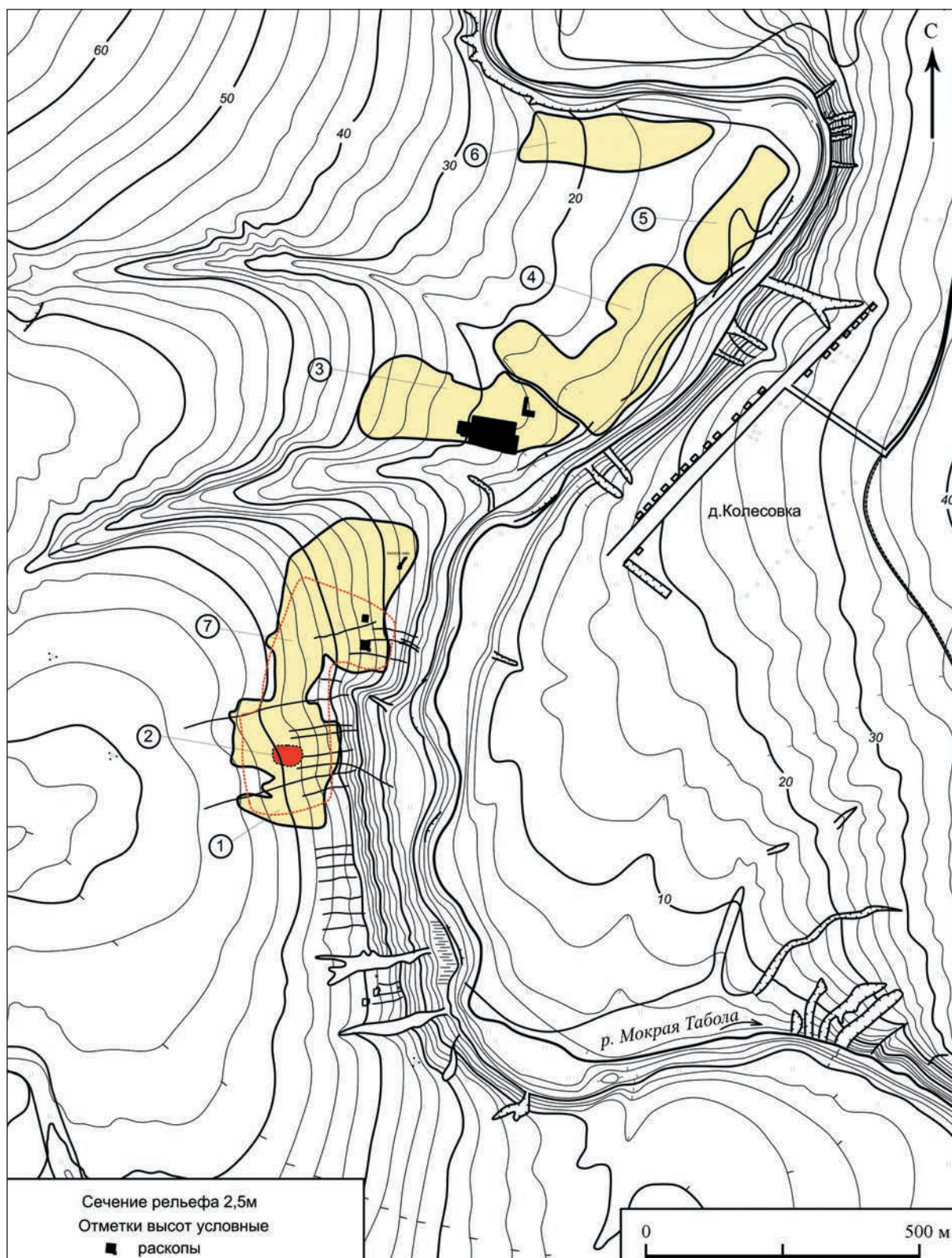

Рис. 1. Памятники Устьинского археологического комплекса второй-третьей четв. XII – 3-й четв. XIII в. и зоны концентрации находок из легкоплавких сплавов

1 – городище Устье (Чичино); 2 – поселение Устье 2, раскопы 1, 2, 3 (2014, 2015, 2017 гг.); 3 – селище Устье 3;
4 – грунтовый могильник Устье; 5 – селище Колесовка 1 (кон. XII – XIV в.); 6 – селище Колесовка 5;
7 – селище Колесовка 6; 8 – селище Устье 3, раскоп 1 (1987 г.); 9 – селище Устье 3, раскоп 1, 2 (2003 г.);
10 – селище Устье 4; 11 – зоны концентрации находок из легкоплавких сплавов

Рис. 2. Памятники Устьинского археологического комплекса кон. XIII – кон. XIV в. и зоны концентрации находок из легкоплавких сплавов

1 – селище Устье 3; 2 – грунтовый могильник Устье; 3 – селище Колесовка 1; 4 – селище Колесовка 2; 5 – селище Колесовка 3; 6 – селище Колесовка 4; 7 – зона концентрации находок из легкоплавких сплавов

городище Устье (Чичино), грунтовый могильник древнерусского времени середины XII – конца XIV в. и девять неукрепленных селищ общей площадью более 40 га.

В южной правобережной части Устьинского археологического комплекса сохранилось небольшое по площади (укрепленная часть составляет немногим более 1000 кв. м) городище, упоминаемое в документах XVII в. как Чичино (*Фомин*, 1999. С. 46). Оно занимает склон правого коренного берега р. Мокрая Табола, возвышаясь над урезом воды на 25–30 м (рис. 1, пункт 1). С юга крепость ограничена небольшим молодым оврагом, северный борт которого постоянно осыпается, разрушая южную часть площадки. С напольной (западной) стороны сохранились вал и ров, с северной и восточной сторон – только ров. Протяженность вала 25 м, максимальная ширина в основании 8 м, высота 1 м.

Ров, опоясывающий городище полукольцом, имеет протяженность 80 м, ширину 4–5 м, глубину 1,0–1,2 м. В плане городище имеет округлую форму, длина его с запада на восток 32 м, с севера на юг сохранившейся части 28 м, а в древности могла достигать 30–32 м (*Гоняный, Шишков*, 1991. С. 18).

После проведения геофизических и палеопочвенных исследований были раскопаны центральная и северная части памятника. В результате изучено 518 кв. м площадки городища, в древности свободной от построек. По краям укрепленной части удалось зафиксировать остатки сгоревших деревянных оборонительных сооружений, выполненных в различной строительной технике. Въезд располагался в северной части памятника.

Находки представлены 187 фрагментами лепной роменской керамики IX – начала X в., 98 обломками белоглиняной круговой керамики с линейным и редко волнистым орнаментом, железным ножом, заготовкой пряслица из стенки сосуда. Обнаруженная круговая керамика позволяет датировать время строительства крепости концом второй четверти – серединой XII в. (*Гоняный*, 1991. Л. 17–21). На городище не встречено следов ювелирных, железоделательных и кузнечных мастерских, а также находок из легкоплавких сплавов.

Отсутствие жилых и хозяйственных построек на укрепленной площади городища, слабая насыщенность находками культурного слоя свидетельствуют о его нежилом характере. Скорее всего, оно было построено в начальный период освоения территории Куликова поля древнерусским земледельческим населением и являлось форпостом на севе-

ро-восточных рубежах Черниговского княжества, а также убежищем для первопоселенцев.

Городище расположено на территории гнезда памятников. Площадь его жилой и хозяйственной застройки к третьей четверти XIII в. достигает 19,7 га. С ростом численности населения оно теряет функцию убежища. Видимо, в конце 50-х – начале 60-х гг. XIII в. по указанию проживающей на посаде ордынской администрации деревянные крепостные укрепления разбираются для вторичного использования, а нижние венцы стен предаются огню и впоследствии не восстанавливаются.

Рассмотрим неукрепленные поселения, окружающие посад вокруг крепости. С юга, запада и севера к городищу примыкает многослойное поселение Устье 2 (рис. 1, пункт 2). Оно расположено в 1,7 км к северу от приустьевой части р. Мокрая Табола на пологом коренном склоне правого берега реки на высоте 25–42 м над урезом воды. Наиболее древние находки представлены кремневым и керамическим материалом, предметами из медного сплава, остатками наземных построек с глинобитными отопительными устройствами, оставленными в начале II тысячелетия до н. э. носителями Покровской археологической культуры (*Гоняный*, 2016. Л. 24–29, 34, 65, 75, 85, 87–88).

Материалов раннего железного века, которые были обнаружены В. Г. Мироновой в 1980 г. на городище Устье и на селище Устье 1 (АКР, 2002. С. 122, 123), расположенном к западу от валов крепости, найти не удалось. Зато встречена лепная красноглиняная керамика с примесью шамота эпохи бронзы и роменско-боршевского времени. Поселение Устье 2 IX – начала X в. площадью 2,14 га (260 × 86 м) – единственный памятник роменской археологической культуры раннего периода в верховьях Дона на участке от истоков до устья р. Большой Кочур (Милославский р-н Рязанской обл.).

На поселении помимо геофизической разведки (площадь 3800 кв. м) и планшетного бурения на площади 5920 кв. м в 2003, 2006, 2009, 2013–2015, 2019 гг. проводился планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла, охвативший всю территорию памятника. Это позволило собрать информативную коллекцию, включающую 63 находки IX – начала X в., а также зафиксировать следы боевых действий, произошедших здесь в первой четверти X в. и повлекших за собой гибель поселения. Собранные металлические находки роменского времени изготовлены из железа, медных сплавов, серебра. Предметов из легкоплавких металлов не зафиксировано (*Гоняный*, в печати).

Ограниченные по площади раскопки (251,5 кв. м), проведенные на поселении Устье 2 в 2014, 2015 и 2017 гг. (Гоняный, 2016. Л. 2–73; 2016. Л. 2–116; 2018. Л. 2–212), позволили изучить три роменские постройки. На раскопанной территории следов металлообработки и литейного дела роменского времени не зафиксировано (Гоняный, в печати).

Во второй четверти – середине XII в. переселенцами из южнорусских земель, возможно из Черниговского княжества (Коваль, 2004. С. 13), застраивается территория, где раньше располагалось роменское поселение. Площадь поселения Устье 2 второй четверти – середины XII – третьей четверти XIII в. достигала 3,47 га (Гоняный, 2017. С. 167). Помимо многолетнего планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла, позволившего обнаружить около тысячи находок из цветного и черного металлов, в юго-восточной части поселения было встречено около 100 фрагментов металлургического шлака, заготовки черешковых ножей, кресала, пробойник, слесарные и кузнечные зубила (Гоняный, 2010. Л. 32–39, 127–153).

В дополнение к этому в одной из раскопанных построек встречены фрагменты металлургического горна, шлаки, поковки, заготовка сулицы. Можно предполагать, что в домонгольское время на памятнике функционировала мастерская, где выплавлялось кричное железо, используемое местными кузнецами.

В это же время жители поселения занимались меднолитейным делом. При сборе подъемного материала найдено 20 выплесков медного сплава и 14 обрезков медных котлов, которые могли использоваться в качестве сырья. Еще 2 медные пластинки найдены в раскопе 3, заложенном в 2017 г. (Гоняный, 2018. Л. 20, 116, 118, 119. Рис. 9, 3; 10, 5).

Во второй-третьей четверти XIII в. на памятнике появляются изделия из легкоплавких сплавов. Они представлены украшениями: бусами и обручем височных колец – 7 экз. (рис. 3, 1, 3, 16, 17, 24, 398; 4, 1, 4, 6, 8, 9, 17), четырьмя лучами колтов (рис. 3, 2, 17, 46, 94), тремя привесками (рис. 5, 209, 215, 306; 6, 1, 2, 5), нашивной накладкой (рис. 5, 74; 7, 3), тремя перстнями – ложновитым, ромбошитковым и овальношитковым (рис. 8, 75, 178; 9, 4; 10, 5), фрагментом ложновитого, пластинчатого браслетов и накладкой на конец браслета (рис. 8, 14, 127, 183; 11, 2–4), двумя нателными крестами

(рис. 12, 2, 59; 13, 9, 11). Найденные на поселении бытовые предметы немногочисленны: два грузика конической и дисковидной формы (рис. 14, 40, 41) и тыльник рукояти ножа (рис. 14, 44; 15, 8).

В изученном в 2015 г. раскопе 2 обнаружен пока единственный на поселении выплеск легкоплавкого сплава; не встречено среди находок шлаков, инструментария, бракованных изделий. Это может свидетельствовать об отсутствии на поселении Устье 2 мастерской по изготовлению предметов из свинцово-оловянных сплавов. Поселение перестает функционировать в третьей четверти XIII в., возможно, в одно время с разрушением укрепленный Чичина городища.

Рассмотренные находки дают представление о времени бытования перечисленных категорий предметов, за исключением грузиков, которые встречаются на памятниках региона до конца 1380-х годов. Территория, на которой встречено 28 находок из легкоплавких сплавов, достигает 1,6 га.

В 50 м севернее на пологом склоне второй надпойменной террасы и коренного правого берега р. Мокрая Табола располагается крупнейшее в верховьях Дона селище Устье 3 (рис. 1, пункт 3). Его высота над уровнем воды в р. Мокрая Табола от 20 до 55 м, а площадь к третьей четверти XIII в. достигает 10,2 га. На протяжении 8 лет (1998, 2002, 2003, 2014–2017, 2019 гг.) на памятнике проводился планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла, позволивший провести многократное сканирование поверхностного горизонта культурного слоя и локализовать границы грунтового могильника Устье (середины XII – конца XIV в.). Были выявлены следы металлургического, кузнечного и ювелирного производств, усадебная застройка, намечена территория, где могла располагаться усадьба «наместника», церковное место, участок в центральной части селища, где во второй половине XIII–XIV в. проживала ордынская администрация и сопровождающий ее военный контингент, осуществлявшие контроль над территорией верховьев Дона². Это первый случай локализации в районе Куликова поля на русском поселении поселка баскаков (Гоняный, 2017. С. 167–170).

В центральной части селища Устье 3 на площади 6,6 га (рис. 1, пункт 11; 2, пункт 7) удалось обнаружить 158 артефактов, изготовленных из легкоплавких сплавов. Это украшения, нателные

² В дальнейшем следует искать следы построек, в которых они проживали, в центральной части селища на площади 9,48 га.

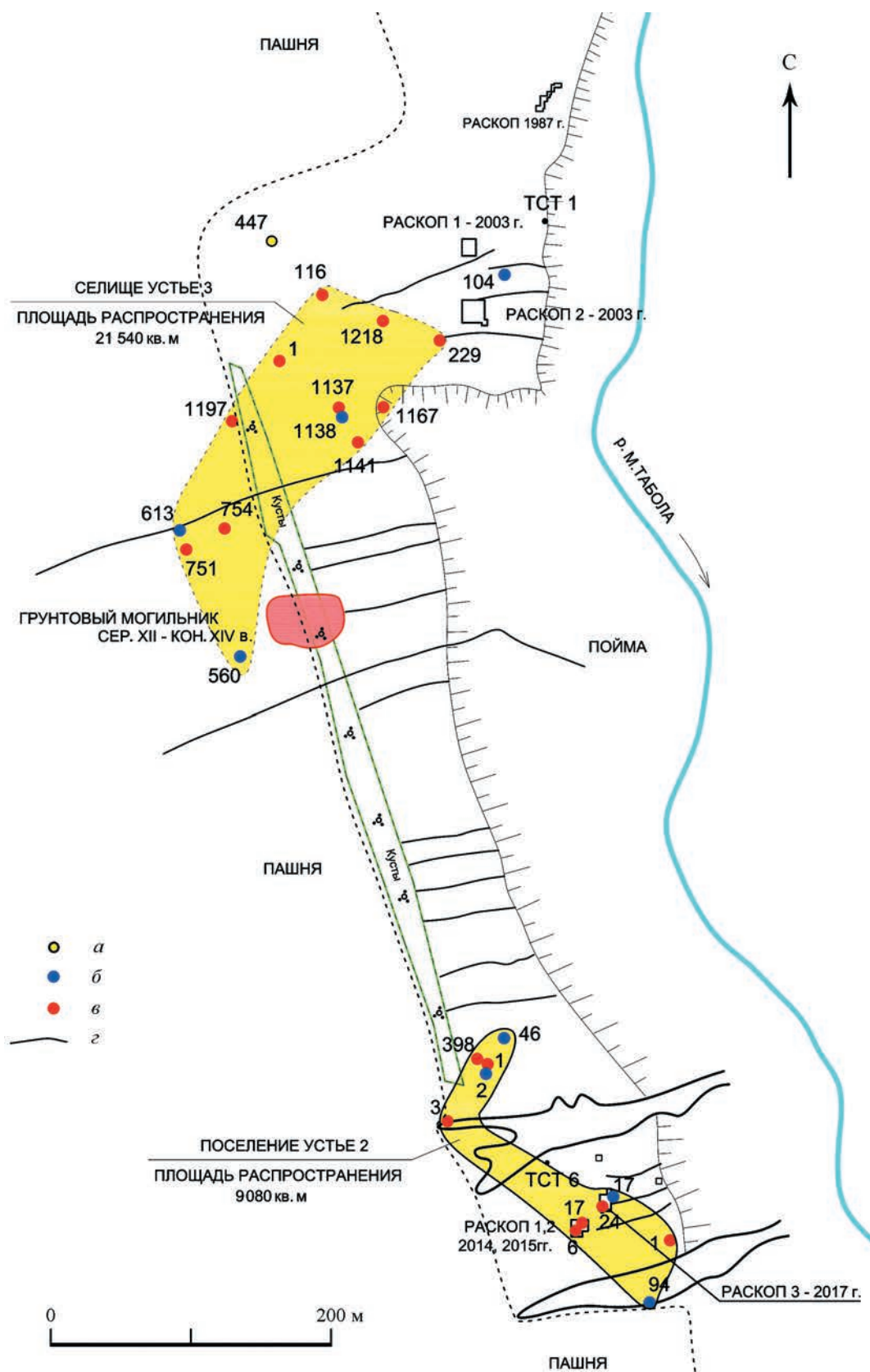

Рис. 3. Места находок серьги, височных колец и бус

а – серьга в виде знака вопроса; б – колты; в – бусы и височные кольца; г – древние проезды, прогоны, улицы

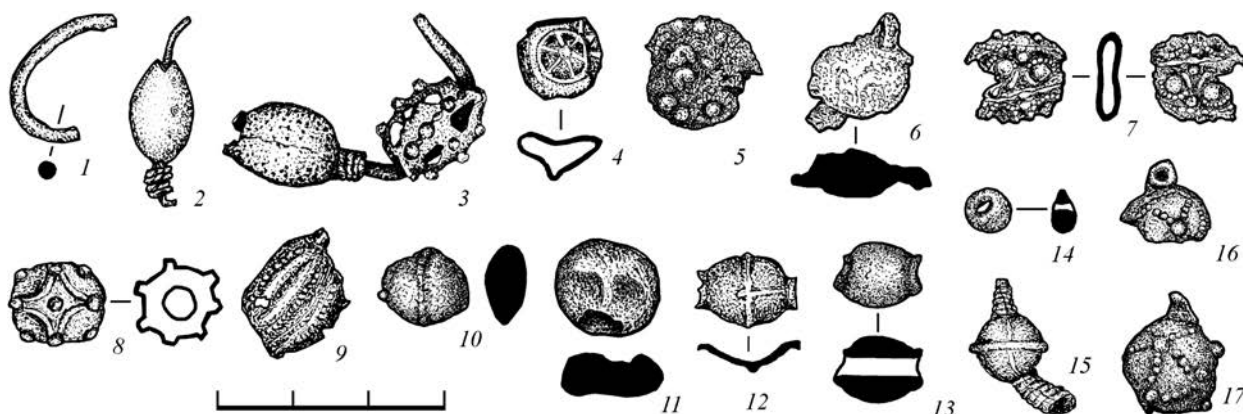

Рис. 4. Серьга, височные кольца, бусы

1 – 2017, р. 3/24; 2 – 2015, планш. 475/447; 3 – 2016/754; 4 – 2015, р. 1/17; 5 – 2017/1218; 6 – 2016/398; 7 – 2017/1197; 8 – 2017, р. 3/6; 9 – 2019/1; 10 – 2017/1137; 11 – 2015, планш. 475/1; 12 – 2015, планш. 475/116; 13 – 2017/1167; 14 – 2016/751; 15 – 2015, планш. 475/229; 16 – 2017/1141; 17 – 2019/3. 1, 4, 6, 8, 9, 17 – Устье 2; 2, 3, 5, 7, 10–16 – Устье 3. (Здесь и далее в подписях указаны год находки, номер раскопа, номер предмета в коллекционной описи и на планах находок; «планш.475» – означает, что на планшете было собрано 475 находок)

кресты, грузики, фрагменты предметов, назначение которых определить не удалось.

На площади 3,9 га зафиксировано 63 находки, включающие выплески и шлаки, слитки, прутки, рубленные брусочки – сырье и производственные отходы, являющиеся бесспорным маркером нахождения на этом селище мастерской, где могли заниматься литьем изделий из легкоплавких сплавов.

В 1987 г. на северной окраине селища Устье 3 по результатам геомагнитной геофизической разведки был заложен раскоп 1 площадью 88 кв. м (рис. 1, пункт 8). Исследованы две сгоревшие хозяйственные постройки со срубной конструкцией стен и зерновая яма, в заполнении которой зафиксирован скелет молодого мужчины (Гоняный, 1988. Л. 16–24). Керамическая серия, нательный крестик с желтой эмалью, наконечник стрелы-срезня, серьга в виде знака вопроса с напускной бусиной синего стекла позволяют соотносить гибель раскопанных сооружений с набегом, организованным темником Мамаем в сентябре 1378 г., в ходе которого были разорены Переяславль-Рязанский и Дубок с волостями (Селезнев, 2010. С. 99. Табл. 67).

В 2003 г. в северо-восточной части селища Устье 3 было заложено два раскопа с целью изучения планировочных особенностей двух крестьянских дворов, локализованных в результате геофизической разведки и анализа скоплений находок, собранных с использованием детекторов металла (Гоняный, 2004. Л. 33–42, 189–250). На раскопе 1 площадью 120 кв. м удалось зафиксировать три наземных сооружения с заглубленными в материк ямами. В северной части раскопа располагалась одна из них. Ее заглубленная часть на уровне со-

временной дневной поверхности имела размеры $2,7 \times 4,0$ м и достигала глубины 1,25 м. В центре прямоугольной ямы найдены остатки каменно-глинобитной печи. Под ее развалом зафиксирована припечная яма размером $1,00 \times 1,28$ м. Наличие печи, не характерной для бытовых отопительных сооружений XII–XIV вв., изученных в жилищах на древнерусских памятниках района Куликова поля, и ее расположение в центре постройки позволяют предположить, что изученный археологический объект второй – третьей четвертей XIII в. являлся баней (Гоняный, 2004. С. 34–36).

Южнее раскопаны остатки двух наземных построек с подпольными ямами округлой и овальной формы. Они датируются второй-третьей четвертью XIII – серединой XIV в. Заметим, что котлованы построек 2 и 3 перерезают две плетневые канавки, идущие параллельно с юго-запада на северо-восток через весь раскоп. Они прослежены на протяжении 10,4 м. Скорее всего, канавки маркируют границу крестьянского двора, существовавшего в XII – начале XIII в.

Раскоп 2 площадью 272 кв. м был заложен в 20 м к югу от раскопа 1 (рис. 1, пункт 9). В северо-западной его части изучена наземная срубная, с углубленным подполом, сгоревшая хозяйственная постройка 1. Фрагменты чугунных котлов и серебряный дирхем хана Джанибека позволяют датировать ее второй половиной XIV в. Вблизи найден свинцовый грузик цилиндрической формы (рис. 14, 10).

Наземная постройка 2 зафиксирована в юго-восточном углу раскопа 2. Ее подпольная яма перерезает линию плетневых канавок, идущих в сторону

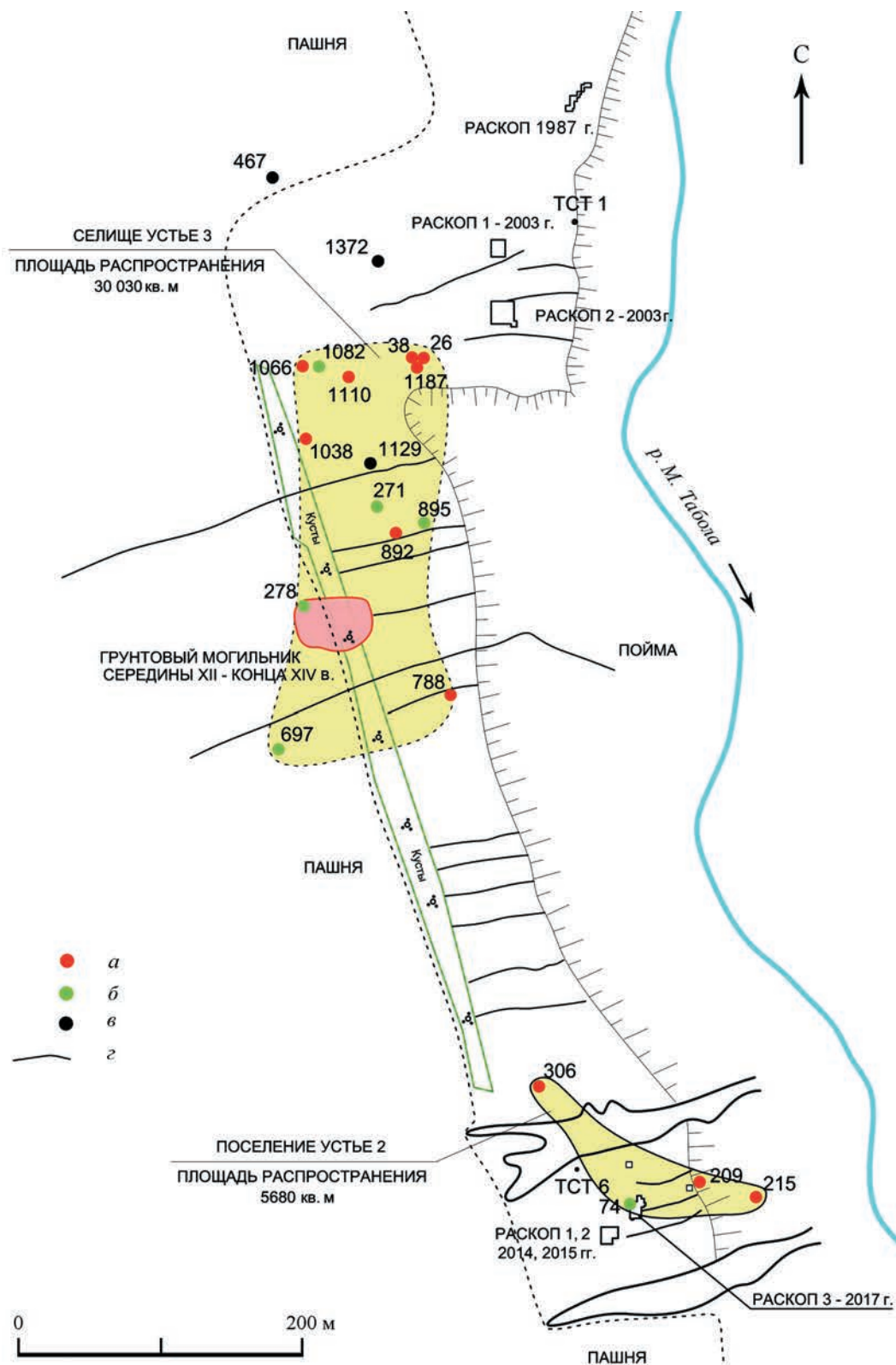

Рис. 5. Места находок привесок, накладок и пуговиц

а – привески; б – накладки; в – пуговицы; г – древние проезды, прогоны, улицы

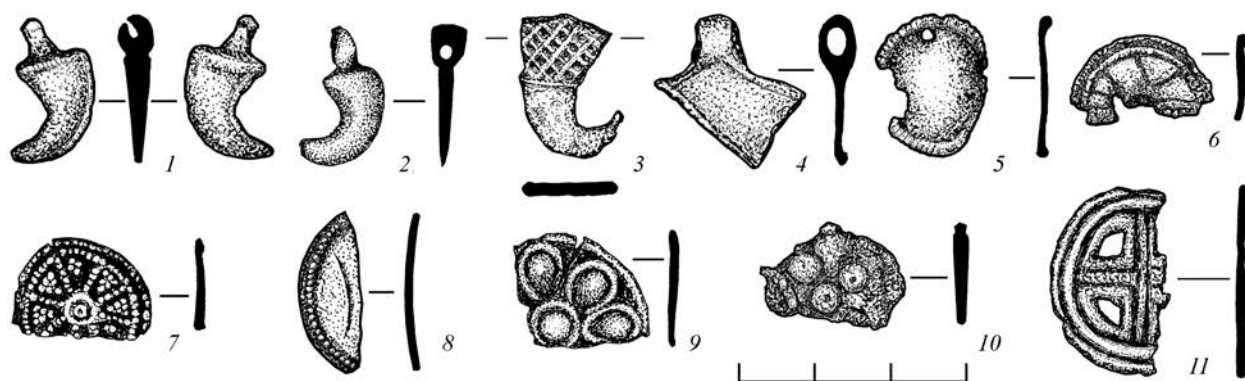

Рис. 6. Привески

1 – 2015/209; 2 – 2016/306; 3 – 2015, планш. 475/26; 4 – 2017/1038; 5 – 2015/215; 6 – 2017/1066; 7 – 2017/1187; 8 – 2016/892; 9 – 2016/788; 10 – 2017/1110; 11 – 2015, планш. 475/38. 1, 2, 5 – Устье 2; 3, 4, 6–11 – Устье 3

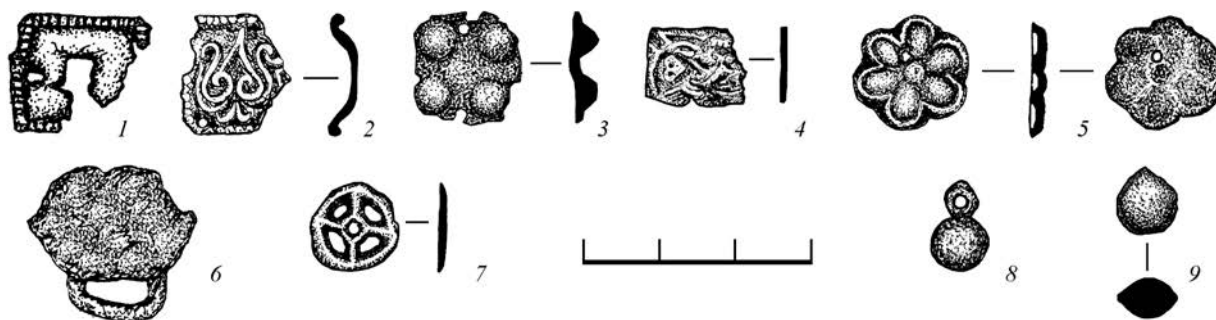

Рис. 7. Накладки и пуговицы

1 – 2003/697; 2 – 2012/278; 3 – 2015/74; 4 – 2017/1082; 5 – 2016/895; 6 – 2002/271; 7 – 2017/1372; 8 – 2015, планш. 475/467; 9 – 2017/1129. 1, 2, 4–9 – Устье 3; 3 – Устье 2

русла реки. Керамический материал позволяет датировать ее второй половиной XIII в. Сооружений и находок, связанных с ювелирным делом или с мастерскими по производству изделий из легкоплавких сплавов, на площади раскопов 1, 2 не зафиксировано.

На пологом уступе коренного склона правого берега р. Мокрая Табола, на высоте 10–12 м над урезом воды в 2019 г. обнаружено селище Устье 4 конца второй четверти XII – начала XIV в. (рис. 1, пункт 10). Его протяженность вдоль русла 430 м, максимальная ширина 60 м. Площадь, установленная на основании визуального сбора керамического материала и планшетного сбора находок с использованием детекторов металла, составляет 21 711 кв. м. На поисковом планшете площадью около 3 га собрано 352 находки из железа, медного и легкоплавких сплавов, серебра. Наиболее ранние представлены фрагментами семилопастных височных колец с первым орнаментом на щитке, с боковыми колечками и без них (типы IV, V

по Т. В. Равдиной), лировидной пряжкой с лиевидным носиком второй половины XI – первой четверти XII в. (Равдина, 1975. Табл. 4, 8, 14). Время прекращения жизни на поселении точно не установлено, так как собранная коллекция детально не исследована. Очевидно, что памятник функционирует до начала XIV в.

На селище обнаружено пять находок из свинцово-оловянного сплава. Это частично сохранившийся нательный крест с трехчастным завершением ветвей (рис. 12, 55; 13, 13). Типологически близкий фрагмент креста обнаружен в 2014 г. на селище Устье 3 (рис. 12, 32; 13, 12) и при раскопках на селище Смолка 2 в 1987 г. (Гоняный, 1988. Л. 27). Селище Смолка 2 датируется второй половиной XII – первой половиной XIII в. Оно расположено на левом борту балки Смолка в Кимовском р-не Тульской обл., поблизости от места Куликовского сражения. Еще два фрагмента подобных крестов из свинцово-оловянного сплава найдены в 2015 г. в процессе планшетного сбора

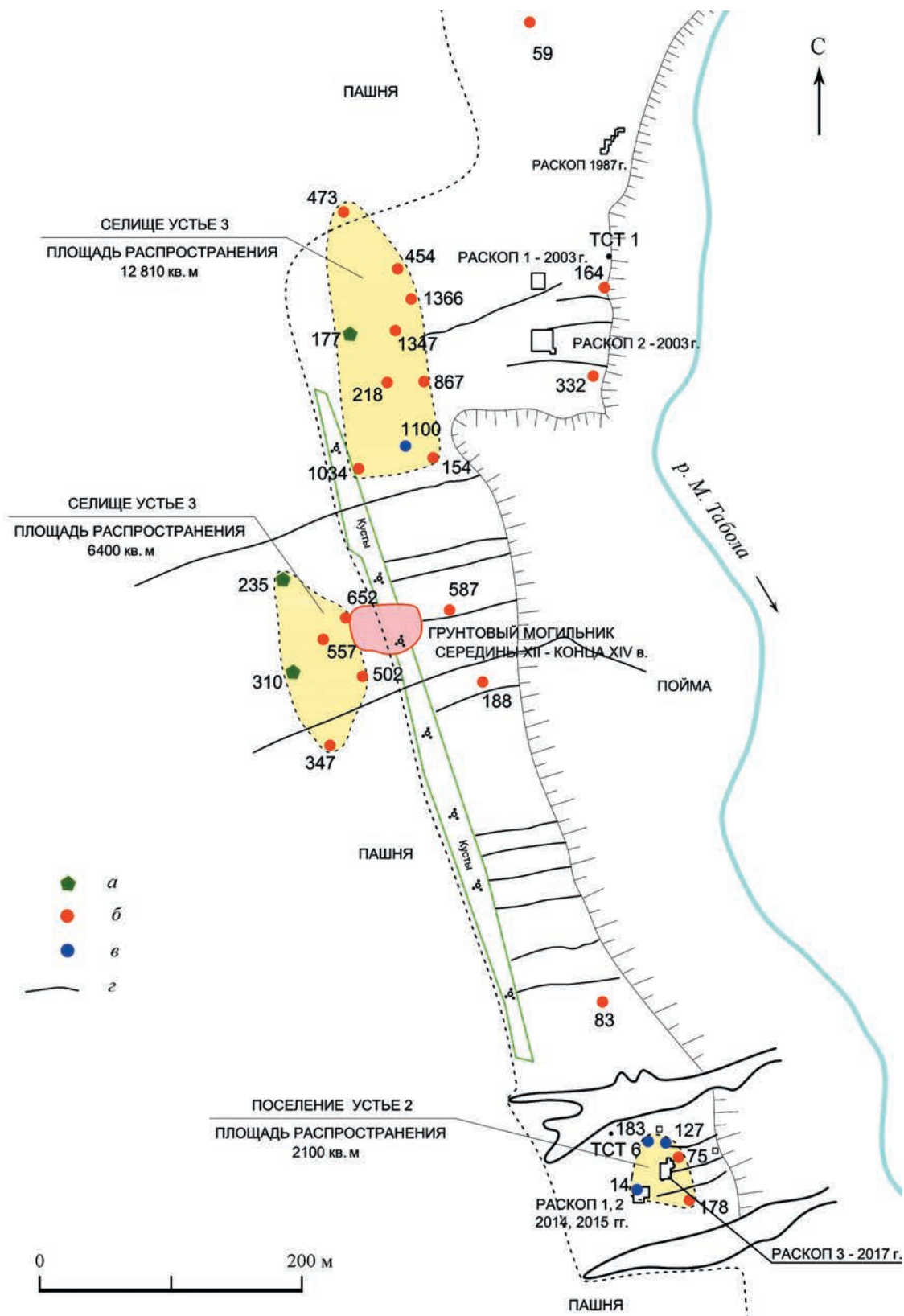

Рис. 8. Места находок перстней и браслетов

а – перстни с изображением архангела на щитке; б – перстни;
в – фрагменты браслетов; г – древние проезды, прогоны, улицы

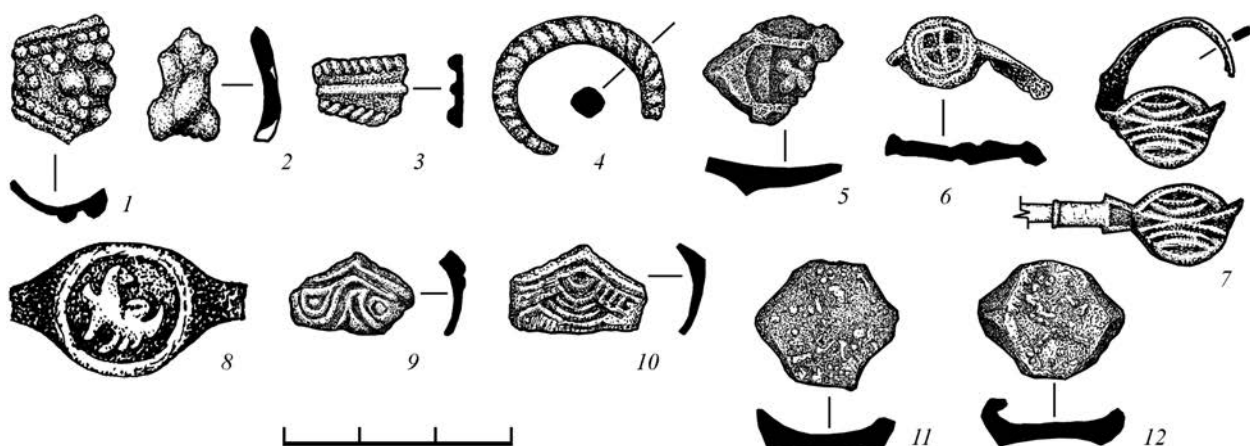

Рис. 9. Перстни

1 – 2016/347; 2 – 2016/587; 3 – 2019/188; 4 – 2015/75; 5 – 2017/1366; 6 – 2019/83; 7 – 2019/59; 8 – 2003/867; 9 – 2017/1034; 10 – 2016/557; 11 – 2015, планш. 475/473; 12 – 2016/502. 1–3, 5, 7–12 – Устье 3; 4, 6 – Устье 4

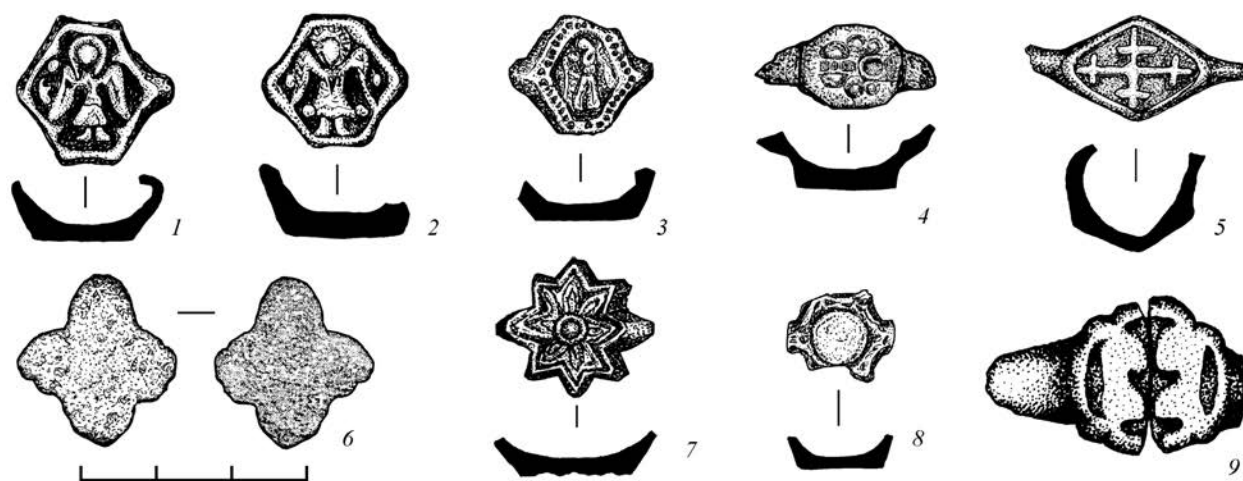

Рис. 10. Перстни

1 – 2012/235; 2 – 2012/310; 3 – 2014/177; 4 – 2015, планш. 475/454; 5 – 2015/178; 6 – 2015, планш. 475/332; 7 – 2017/1347; 8 – 2014/164; 9 – 1998/218. 1–4, 6–9 – Устье 3; 5 – Устье 2

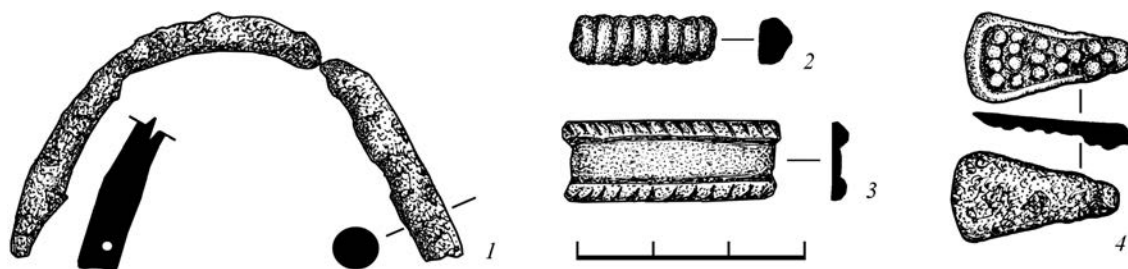

Рис. 11. Браслеты

1 – 2017/1100; 2 – 2015, планш. 475/127; 3 – 2015, планш. 475/183; 4 – 2015, р. 2/14. 1 – Устье 3; 2–4 – Устье 2

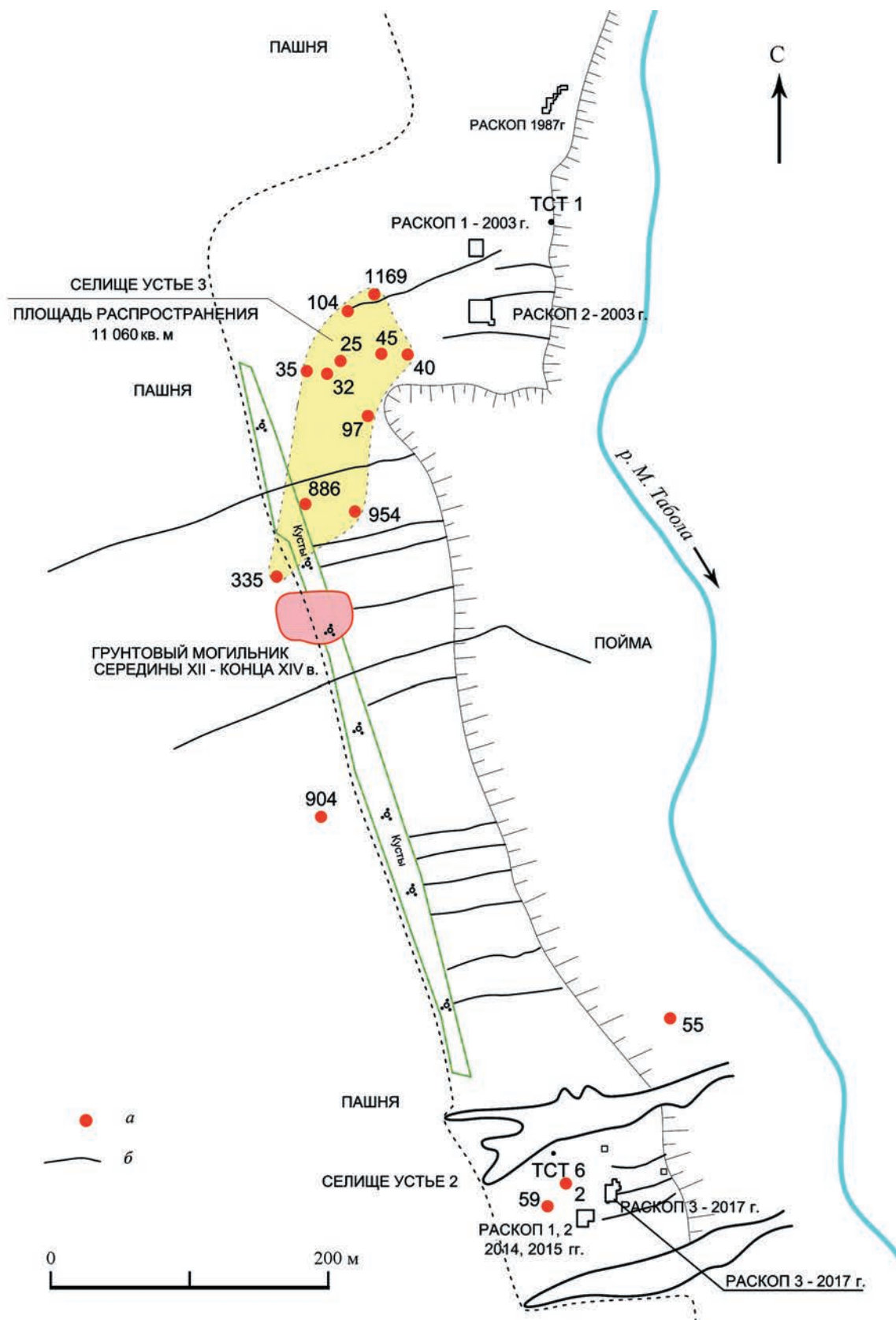

Рис. 12. Места находок нательных крестов

a – крест; б – древние проезды, прогоны, улицы

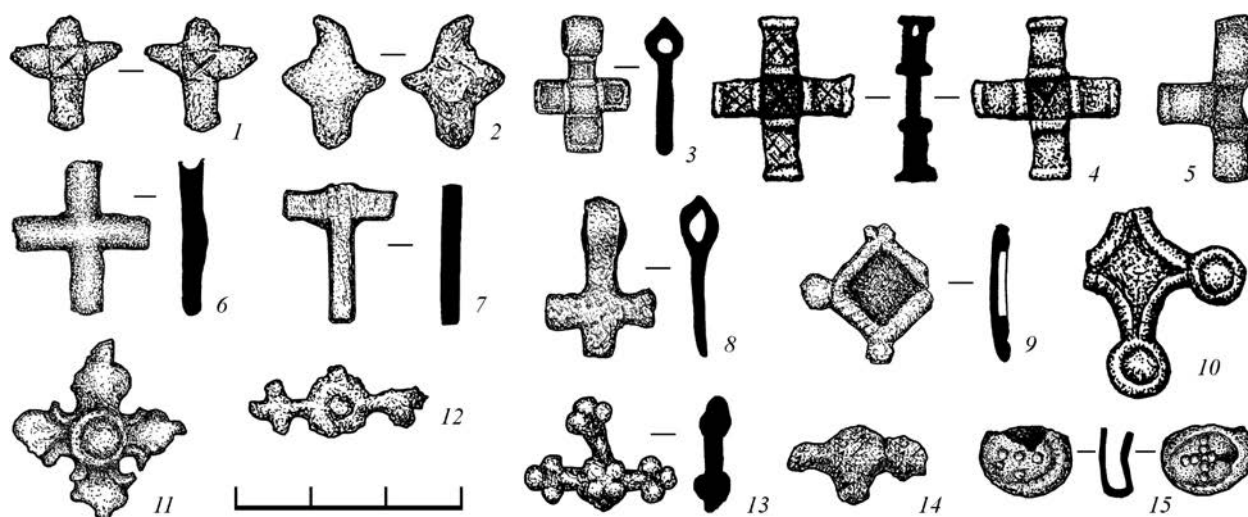

Рис. 13. Нательные кресты

1 – 2012/335; 2 – 2016/954; 3 – 2015, планш. 475/35; 4 – 2002/25; 5 – 2002/97; 6 – 2015, планш. 475/104; 7 – 2016/904; 8 – 2015, планш. 475/45; 9 – 2015/59; 10 – 2003/886; 11 – 2013/2; 12 – 2014/32; 13 – 2019/55; 14 – 2017/1169; 15 – 2015, планш. 475/40. 1–8, 10, 12, 14, 15 – Устье 3; 9, 11, 13 – Устье 4

подъемного материала на селище Лешки 2 Узловского р-на Тульской обл., у истоков р. Дон (Гоняный, 2016. Л. 125. Рис. 33, 2–3).

Кроме того, на поисковом планшете площадью 1,2 га обнаружены 3 грузика, 2 обрубленных с двух и четырех сторон брусочка, выплеск. Один грузик несет следы литейного брака (Гоняный, 2016. Т. 2. Л. 8, 22). Обращает на себя внимание зафиксированное на селище Лешки 2 соотношение находок из черного и цветного металлов. Всего на поисковом планшете найдено 79 металлических находок; 42 (53%) из них – предметы из медного и легкоплавких сплавов. Несколько медных изделий свернуты – приготовлены к переплавке. Датируется памятник концом XII – серединой XIII в. Собранные материалы позволяют предполагать, что в XIII в. на селище могла функционировать мастерская по изготовлению изделий из медных и легкоплавких сплавов.

Вторая находка, найденная на селище Устье 4, представлена круглощитковым перстнем (рис. 8, 83; 9, 6). Фрагмент третьего перстня следует отнести к широкосрединным (рис. 8, 188; 9, 3). Две находки – с шести сторон обрубленный кубик и слиток (рис. 16, 64, 66; 17, 3, 7) – представляют собой сырье, приготовленное для дальнейшей переработки. Следов мастерской, где могли изготавливать предметы из легкоплавких сплавов, на памятнике не обнаружено.

Еще два поселения – Колесовка 5 и 6, возникшие во второй четверти – середине XII в. и просуществовавшие до середины – начала третьей чет-

верти XIII в., расположены на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Мокрая Табола, напротив селищ Устье 3 и 4 (рис. 1, пункты 6, 7). Их площадь составляет 28 530 кв. м.

В 2011 г. на площади 41 700 кв. м был размечен поисковый планшет, перекрывающий территории поселений Колесовка 5 и 6. Обнаружено 98 предметов из камня, цветного металла и железа. Важно отметить, что расположение скоплений подъемного материала, локализованных в результате визуального сбора керамического материала, прокаленных камней, шиферных пряслиц, территориально хорошо совпадает с концентрацией металлических находок (Гоняный, 2012. Рис. 2, 24).

Наиболее ранними из металлических артефактов являются фрагмент пластинчатого браслета, украшенный кольцевым пуансоном и орнаментом «волчий зуб» (Гоняный, 2014. С. 68, 82. Рис. 3, 14), фрагмент семилопастного кольца с первым орнаментом на щитке, однолезвийное кресало, броневой наконечник стрелы типа 83 (Медведев, 1966. С. 81), шиферные пряслица (Гоняный, 2011а. Л. 25, 26, 77. Рис. 28, 18, 19). Подобные находки позволяют предположить, что поселения возникли в конце второй четверти – середине XII в.

Фрагменты семилопастных височных колец с вторым орнаментом на щитке (Гоняный, 2014. С. 85. Рис. 6, 8, 9), двузигзагов, трехзигзагов, многовосьмерочный ромбоштитковый, рубчатый перстни (Гоняный, 2014. С. 91. Рис. 12, 9, 10, 12), монетовидная ажурная привеска с включенным криноконечным равноконечным крестом

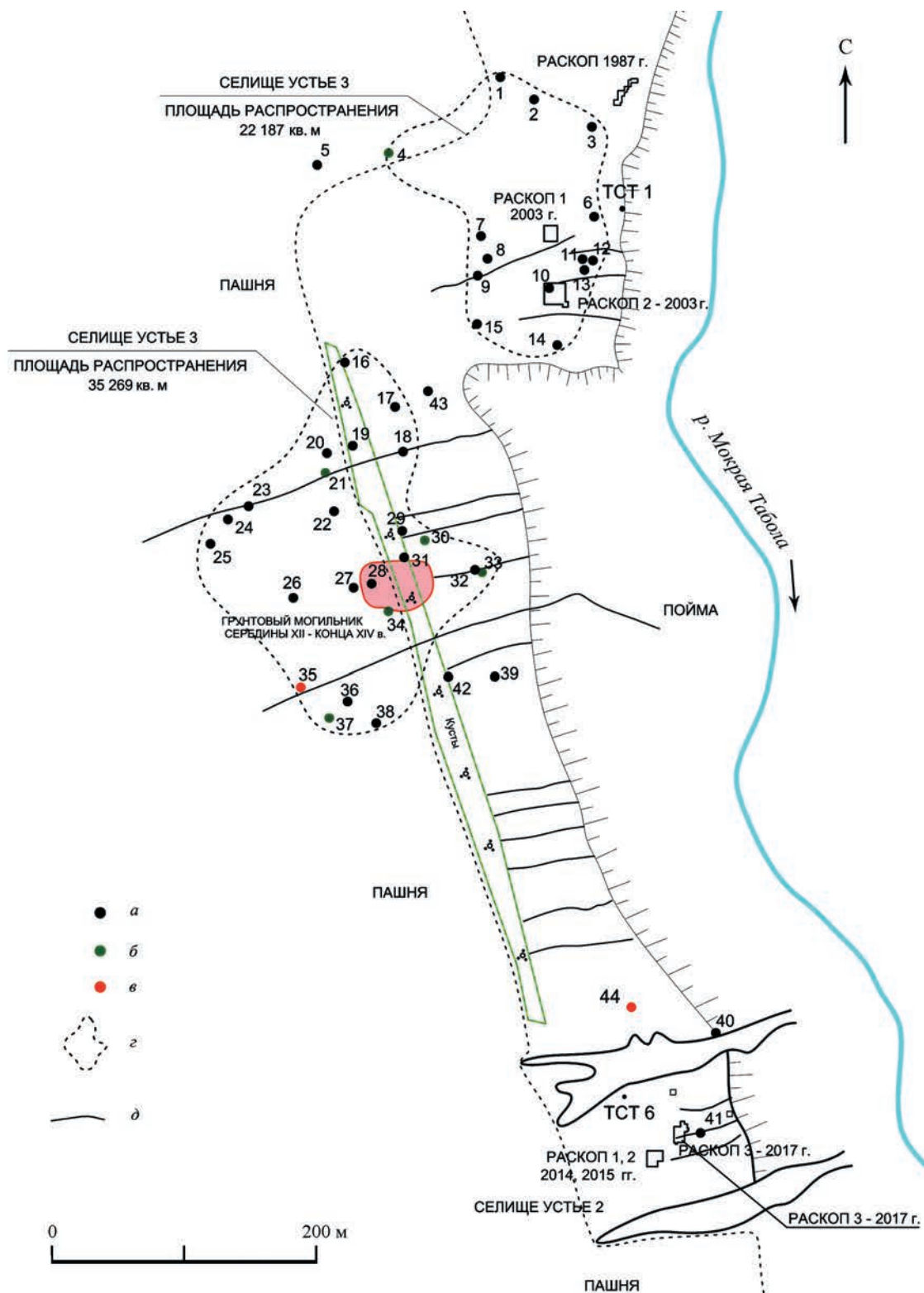

Рис. 14. Места находок грузиков (1–34, 36–43), обоймицы (35) и тыльника рукояти ножа (44)

1 – 2003/395; 2 – 2003/344; 3 – 1998/24; 4 – 2003/353; 5 – 2003/362; 6 – 1998/2; 7 – 2017/1259; 8 – 2017/1263; 9 – 2003/72; 10 – 2003/43; 11 – 2014/106; 12 – 2014/116; 13 – 2014/108; 14 – 1998/74; 15 – 1998/153; 16 – 2003/849; 17 – 2002/165; 18 – 2014/2; 19 – 2003/959; 20 – 2012/182; 21 – 2012/193; 22 – 2012/244; 23 – 2016/905; 24 – 2003/946; 25 – 2003/973; 26 – 2012/284; 27 – 2003/656; 28 – 2003/659; 29 – 2002/384; 30 – 2003/882; 31 – 2003/772; 32 – 2016/848; 33 – 2002/424; 34 – 2016/540; 35 – 2016/573; 36 – 2003/698; 37 – 2003/751; 38 – 2003/766; 39 – 2016/777; 40 – 2014/249; 41 – 2013/37; 42 – 2019/171; 43 – 2017/1118; 44 – 2016/369. а – грузики; б – бракованные грузики; в – детали рукояти ножа; г – граница скопления бытовых находок из легкоплавких сплавов; д – древние проезды, прогоны, улицы

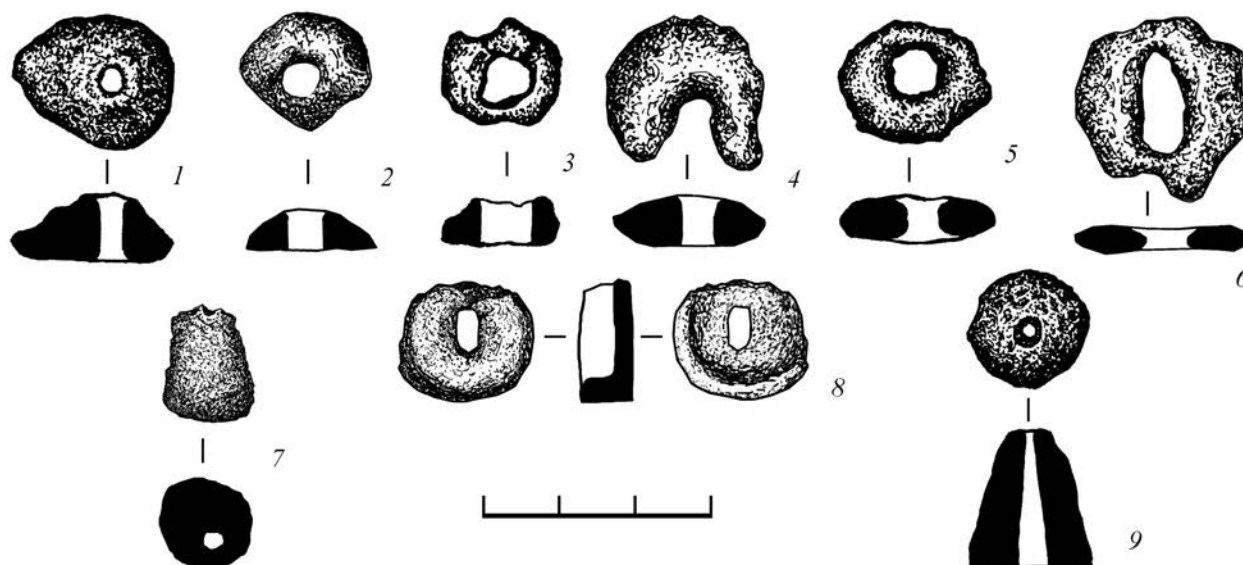

Рис. 15. Бракованные грузики, обоймица и тыльник рукояти ножа
1 – 2003/751; 2 – 2016/882; 3 – 2003/353; 4 – 2016/540; 5 – 2002/424;
6 – 2016/573; 7 – 2017/1118; 8 – 2016/369; 9 – 2003/659. 1–7, 9 – Устье 3; 8 – Устье 2

(Гоняный, 2012. Л. 22, 74, 77. Рис. 37, 3; 39, 3, 4), ключи типа Б позволяют с уверенностью говорить, что поселения функционируют во второй половине XII – первой половине XIII в. Наконечник стрелы-срезня, найденный в центральной части поселения Колесовка 5, заставляет осторожно относиться к верхней датировке памятника (Гоняный, 2012. Л. 66, 74. Рис. 29, 32; 37, 7).

На поселении Колесовка 5 обнаружены лишь две находки из легкоплавких сплавов: свинцовый брусочек и выплеск (Гоняный, 2012. Л. 128, 36; 132, 52). С литейным делом могут быть связаны еще выплески из медных и серебряного сплавов (?). Предполагать наличие следов мастерских по обработке меди, серебра и легкоплавких металлов, в силу малочисленности находок на этих памятниках не приходится.

В конце XII – начале XIII в. в северной заовражной части Устьинского археологического комплекса возникает селище Колесовка 1 площадью 1 га (рис. 1, пункт 5). Оно было открыто в 1987 г. Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ (Гоняный, 1988. Л. 4). В 1998 г. Тульской археологической экспедицией ГВИПМЗ «Куликово поле» на селище начаты раскопки, нацеленные на изучение металлургических мастерских конца XIII – XIV в., расположенных на древнерусских

памятниках в северной пойменной части Устьинского археологического комплекса (рис. 2, пункты 3–6). В раскопе площадью 608 кв. м были расчищены остатки ямного двухкамерного глинобитного гончарного горна домонгольского времени и две округлые в плане железодельные печи золотоордынского периода.

Среди находок встречен круглощитковый орнаментированный перстень-печатка плохой сохранности³ (Наумов, 1999. Л. 135. Рис. 110, 1). Раскопки на селище Колесовка 1 продолжались ежегодно с 2003 по 2012 г. На памятнике вскрыто 6680 кв. м, изучено 8 металлургических горнов XIV в., ряд жилых и хозяйственных построек конца XIII – XIV в. За время раскопок лишь один раз, в 2005 г., была обнаружена монетовидная привеска из легкоплавкого сплава плохой сохранности.

В 2010 г. на селище осуществлен планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла, в результате чего удалось обнаружить два грузика дисковидной формы. Производственных отходов – выплесков, слитков, брусочков, прутков, бракованных предметов – маркеров мастерских по изготовлению изделий из легкоплавких сплавов зафиксировать не удалось.

В 2010–2011 гг. Верхне-Донская археологическая экспедиция ГИМ при помощи детекторов

³ Выражаем сердечную благодарность руководителю работ А. Н. Наумову и участникам экспедиции А. М. Воронцову, Т. В. Наумовой, Е. В. Столярову за возможность использовать в статье неопубликованные материалы.

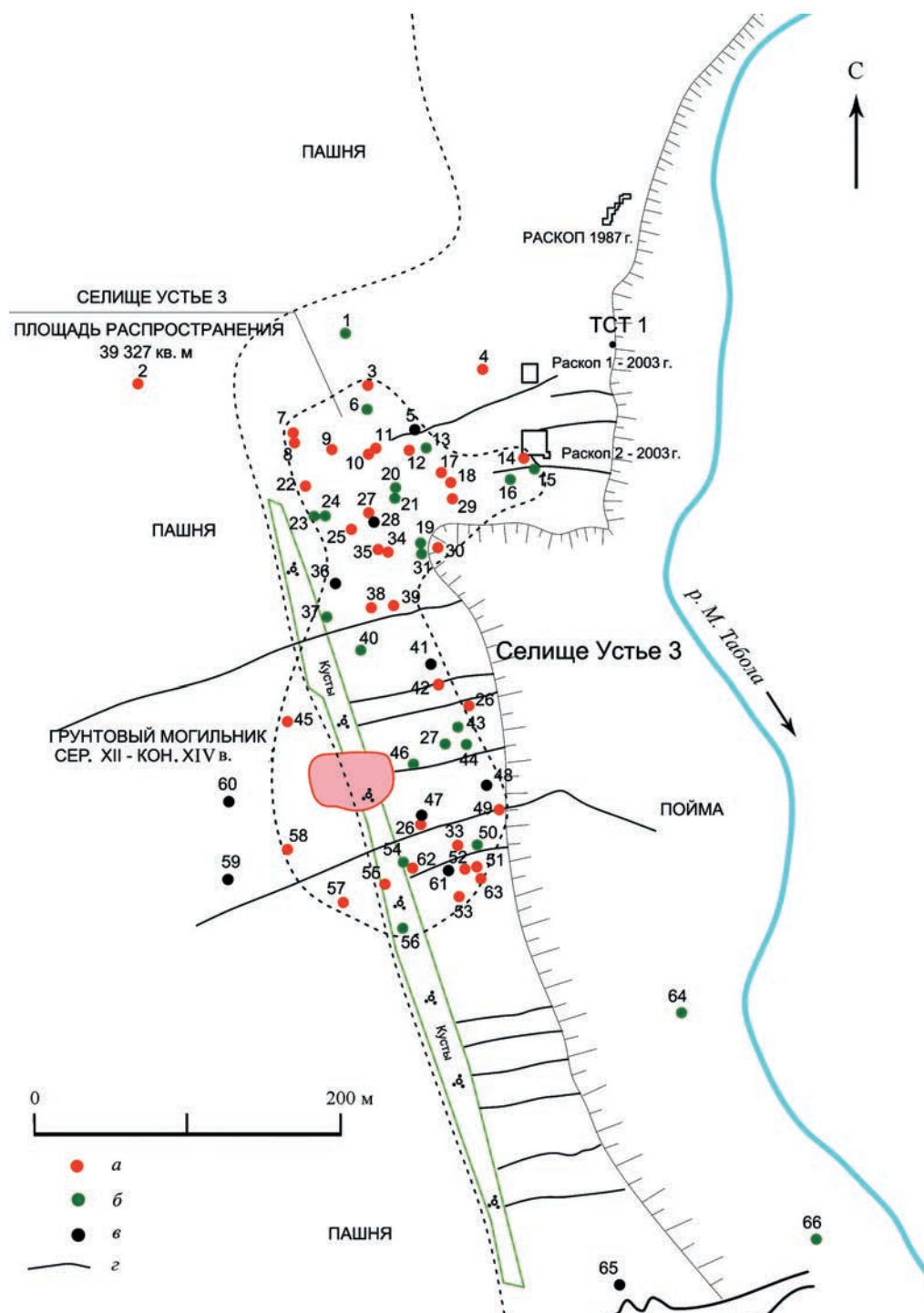

Рис. 16. Места находок производственных отходов и неопределенных предметов

1 – 1998/410; 2 – 2017/1293; 3 – 2015, планш. 475/167; 4 – 2015, планш. 475/379; 5 – 2017/1171; 6 – 2003/166; 7 – 2015, планш. 475/108; 8 – 2015, планш. 475/109; 9 – 2003/39; 10 – 2015, планш. 475/80; 11 – 2017/1353; 12 – 2015, планш. 475/79; 13 – 2017/1177; 14 – 2015, планш. 475/270; 15 – 2015, планш. 475/253; 16 – 2015, планш. 475/230; 17 – 2015, планш. 475/56; 18 – 2015, планш. 475/42; 19 – 2017/1155; 20 – 1998/193; 21 – 2015, планш. 475/46; 22 – 2003/7; 23 – 2003/850; 24 – 2017/1067; 25 – 2017/1205; 26 – 2016/880; 27 – 2016/866; 28 – 2017/1216; 29 – 2015, планш. 475/23; 30 – 2017/1167; 31 – 2017/1155; 32 – 2016/815; 33 – 2019/186; 34 – 2017/1117; 35 – 2017/1116; 36 – 2017/1058; 37 – 2002/219; 38 – 2002/278; 39 – 2017/1129; 40 – 2002/265; 41 – 2016/956; 42 – 2016/888; 43 – 2016/873; 44 – 2016/860; 45 – 2016/706; 46 – 2016/847; 47 – 2016/829; 48 – 2016/923; 49 – 2016/909; 50 – 2012/101; 51 – 2016/789; 52 – 2012/105; 53 – 2016/780; 54 – 2016/539; 55 – 2003/757; 56 – 2016/542; 57 – 2003/702; 58 – 2012/329; 59 – 2016/495; 60 – 2016/648; 61 – 2019/174; 62 – 2019/183; 63 – 2019/168; 64 – 2019/303; 65 – 2015, планш. 300/298; 66 – 2019/112. а – выплески; б – слитки, прутки, брусочки; в – неопределенные предметы; г – древние проезды, прогоны, улицы

металла обследовала территории селищ Колесовка 2, 3 и 4 суммарной площадью свыше 10,26 га (Гоняный, 2011а. Л. 8–23, 38–73; 2012. Л. 9–19, 32–57). Сводный поисковый планшет достигал 24,52 га и заведомо перекрывал территории селищ с целью уточнения их границ. В результате исследований на северо-восточной окраине селища Колесовка 2 (рис. 2, пункт 4), на площади около 1300 кв. м, локализована ювелирная мастерская XIV в. (Гоняный, 2011б. С. 279–295). Большинство находок, маркирующих ее границы, представлено пластинами листовой меди (40 экз.). Они являются сырьем для переработки. С этой же целью могли использовать брусочки, пруток и лом цветного металла. Неоспоримым доказательством наличия на селище ювелирного производства является заполнение литникового канала двустворчатой разъемной формы для отливки четырех изделий, а также два бракованных нательных креста. Обнаружен лишь один небольшой кусочек легкоплавкого металла с отверстием (Гоняный, 2011б. С. 291. Рис. 12, 4). Кроме того, на селище Колесовка 2 найдено два грузика дисковидной формы (Гоняный, 2011б. С. 288. Рис. 9, 14, 15) и литой овальнощитковый перстень с плоской площадкой на щитке и четырьмя лапками-крапанами (Гоняный, 2012. Л. 13, 44. Рис. 9, 5; 49, 1). В центральной части селища Колесовка 3 обнаружен выплеск свинцово-оловянного сплава (Гоняный, 2012. Л. 13, 43. Рис. 8, 55).

В процессе планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла на селищах Колесовка 2, 3, 4 обнаружено 404 находки из черного и цветных металлов; предметов из легкоплавких сплавов – всего 5, что составляет 1,2%. Никаких следов использования легкоплавких сплавов в ювелирной мастерской нет. С полной уверенностью можно утверждать, что литейная мастерская, где могли изготавливать изделия из легкоплавких сплавов, локализована лишь в центральной части селища Устье 3.

Комплексное использование различных поисковых методик, включающих визуальное обследование территории, планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла, геофизические исследования, охватившие площадь более 7 га, площадное бурение с использованием ручного мотобура, ограниченные по площади раскопки с целью заверки локализованных аномалий антропогенного характера, а также раскопки на ключевых участках Устьинского комплекса, дало многоплановую дополнительную информацию для осмысления памятника в целом.

Удалось локализовать границы трех поселений эпохи бронзы, пока единственное на Куликовом поле селище IX – начала X в., пять домонгольских селищ, возникших во второй четверти – середине XII в. и просуществовавших до третьей четверти XIII в., выделить участки, где жизнь протекала в золотоордынское время. Выявлены особенности планировки, плотности застройки на селищах Устье 2–4 и Колесовка 1–6. Комплексные исследования позволили установить хронологические этапы формирования неукрепленного посада, примыкающего к городищу Устье (Чичино), отождествляемого нами с летописным городом Дубок, который упоминается в летописи: «Вверх Дону Дубок» (НПЛ, 1950. С. 476; Тихомиров, 1979. С. 95). Используя новейшие поисковые методики, в последние годы удалось обнаружить сотни узко датированных предметов, что позволило обоснованно говорить о времени начала и направления заселения верховьев Дона, а также выяснить причины и время его запустения.

В результате многолетних широкоплощадных сборов подъемного материала с использованием детекторов металла удалось выявить железоделательную и кузнечную мастерские домонгольского времени на селище Устье 2, ювелирную мастерскую первой – третьей четвертей XIII в. на селище Устье 3, следы ювелирной мастерской XIV в. на поселении Колесовка 2, следы железоделательного производства золотоордынского времени на селище Устье 3 и квартал металлургов XIV в. на селищах Колесовка 1–4. Была собрана представительная и разнообразная коллекция, включающая более 6000 находок. Наиболее яркая и выразительная ее часть – изделия из цветных и драгоценных металлов (около 30%).

В настоящее время осуществляется комплексное изучение металлических находок, включающее в себя классификацию по различным признакам, определение химического состава металла и технологии изготовления, хронологии предметов. Цветная металлообработка территории Верхнего Подонья в эпоху Средневековья оставалась практически не изученной до недавнего времени. В связи с этим начатое исследование приобретает особую актуальность. Оно позволит определить общее и особенное в развитии ювелирного дела Юго-Восточной Руси, а также сравнить металлообработку домонгольского и золотоордынского периодов.

База данных по химическому составу находок с поселений Устье 2–4 насчитывает 800 анализов, выполненных по безэталонному рентгенофлюо-

Рис. 17. Выплески, слитки, прутки и брусочки

1 – 2016/866; 2 – 2016/873; 3 – 2019/303; 4 – 2017/1116; 5 – 2016/880; 6 – 2017/1155; 7 – 2019/112;
8 – 2016/539; 9 – 2016/860; 10 – 2016/847. 1–2, 4–6, 8–10 – Устье 3; 3, 7 – Устье 4

ресцентному энерго-дисперсному неразрушающему методу⁴. 146 предметов изучены в 2003 г. в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ; 654 анали-

за состава металла получено в отделе археологических памятников ГИМ в 2017–2019 гг. с помощью микрорентгенофлуоресцентного спектрометра *Bruker MI MISTRAL*⁵.

⁴ О методике анализа см.: Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 114–120.

⁵ Выражаем искреннюю благодарность заведующему рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Р. А. Митояну и младшему научному сотруднику отдела археологических памятников ГИМ А. О. Шевцову за аналитическую работу и расшифровку полученных данных.

В выборке преобладают сплавы на основе меди. Обращает на себя группа предметов, изготовленных из легкоплавких сплавов, – 131 анализ, что составляет 16,4% выборки (табл. 1). Различные конструктивные элементы двух бусинных височных колец проанализированы отдельно. Таким образом, в аналитическую выборку вошло 128 изделий.

Если сравнивать долю легкоплавких сплавов в металле различных древнерусских регионов эпохи Средневековья, можно заметить, что, например, в курганном материале Земли вятичей второй половины XI – XIII в. она составляет 3,7%. Причем преобладают украшения из погребальных комплексов позднего периода конца XII – первой половины XIII в. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 116, 124). В материалах золотоордынского времени этого региона процент легкоплавких сплавов возрастает. Такую же картину демонстрируют данные по цветному металлу Владимира, Москвы и поселений Московской обл. Немногим выше процент этих сплавов – 5–6% – зафиксирован в металле Волжской Болгарии и Золотой Орды, Пскова и Южной Руси. Гораздо больше изделий из легкоплавких металлов выявлено в материалах Северо-Западной Руси – 10–13%, а в Новгороде⁶ они составляют 18% (Ениосова и др., 2008. С. 148–149; Ениосова и др., 2017. С. 200–201).

Из этого ряда выбиваются данные по химическому составу цветного металла Рубленого города Ярославля конца XII – XIV в. (Зайцева, Сапрыкина, 2014. С. 193–208). Сплавы на основе свинца и олова составляют 28%. Столь высокий показатель объясняется прежде всего спецификой формирования аналитической выборки, в которой оказалось множество предметов, полученных в имитационных литейных формах (Сапрыкина, 2014. С. 170–188).

Таким образом, изученная нами выборка сопоставима с аналитической базой Новгорода. Бесспорно, приведенные данные позволяют лишь наметить общую тенденцию, но не отражают реальную картину потребления легкоплавких сплавов в эпоху Средневековья. В первую очередь это связано с методикой проведения анализов и формирования выборок. Длительное время в распоряжении исследователей были аналитические методы, не позволяющие определять количественный состав металла, основу которого составляли олово и свинец, и банк анализов

легкоплавких сплавов с территории Руси оставался нерепрезентативным. В последние десятилетия, для которых характерно активное применение РФА, ситуация изменилась, и доля легкоплавких сплавов в аналитических выборках существенно возросла.

Широкое применение древнерусскими ювелирами сплавов олова и свинца связано с технологией литейного процесса. Благодаря многочисленным экспериментам, установлено, что из всего разнообразия металлического сырья только легкоплавкие сплавы были пригодны для многократного литья в каменных, деревянных и металлических формах без потери репродукционных качеств изложниц (Dresher, 1978. S. 84–98; Svarane, 1994. S. 97–104; Ениосова, Сарачева, 2006. С. 91–94). Следовательно, этот способ литья обеспечивал серийное производство недорогих изделий, сходных по форме и цвету с серебряными.

Объемные полые изделия получали в так называемых имитационных формах, предназначенных для литья навыплеск. Технология изготовления украшений в таких формах изучена детально (Рындина, 1963. С. 257–258; Минасян, 2014. С. 204–205). Они позволяли получать тонкостенные полые украшения, иногда сложной формы, украшенные затейливым декором. Огромное количество каменных форм является важным индикатором широкого распространения легкоплавких сплавов, а изображения на них расширяют наши представления об ассортименте готовых изделий из этих металлов.

Для характеристики сплавов использована классификация, разработанная в лаборатории рентгеноспектрального анализа кафедры геохимии геологического факультета МГУ и неоднократно апробированная исследователями цветной металлообработки различных регионов Древней Руси (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 125–132). В соответствии с этой классификацией выделено семь типов легкоплавких сплавов (табл. 2).

Доминируют сплавы на основе олова, составляющие 93% в выборке. Так как классификация осуществлена по формальным признакам, показательным в данном случае является распределение концентраций основы и легирующих элементов в металле. Среди оловянных сплавов преобладают предметы, полученные из чистого олова⁷ или из сплава, в составе

⁶ Благодарим ст. научного сотрудника кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. ист. наук Н. В. Ениосову за возможность ознакомиться с неопубликованными данными по химическому составу металла новгородских находок.

⁷ Термины «чистое» олово и «чистый» свинец условные. К этому типу сплавов отнесены анализы состава металла с содержанием олова или свинца 100%, а также сплавы на их основе, примеси в которых ниже процента. Исключение составляет лишь железо, значения которого в отдельных случаях превышают этот порог.

Таблица 1. Химический состав металла находок из легкоплавких сплавов.

№ п/п	Предмет	№ предмета	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Au	Hg	Pb	Bi	Тип сплава
1	Бусина цилиндрическая	2013/63	3,07	0	0	0,12	0	0	0	96,8	0	0	0	0	0	«чистое» олово
2	Привеска-коготь	2015/475/26	0,68	0	0	0,18	0	0	0,01	96,87	0	0	0	2,26	0,01	сплав олова со свинцом
3	Привеска круглая	2015/475/38	0,21	0	0	0,29	0	0	0	97,47	0	0	0	2,03	0	сплав олова со свинцом
4	Крест нагательный	2015/475/104	0,37	0	0	1,05	0	0	0	93,86	0	0	0	4,72	0	сплав олова со свинцом и медью
5	Бусина	2015/475/116	0,99	0	0	0	0	0	0	98,82	0	0	0	0,19	0	«чистое» олово
6	Браслет ложновитой	2015/475/127	0,15	0	0	0,48	0	0	0	93,63	0	0	0	5,74	0	сплав олова со свинцом
7	Височное кольцо бусинное	2015/475/229	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово
8	Бусина серьги	2015/475/447	0,27	0	0	0,72	0,05	0	0,1	61,58	0	0	0	37,19	0,09	сплав олова со свинцом
9	Перстень щитковый	2015/475/454	0	0	0	0,45	0	0	0	75,66	0	0	0,02	23,54	0,33	сплав олова со свинцом
10	Перстень щитковый	2015/475/473	0,17	0	0	0	0	0	0	99,83	0	0	0	0	0	«чистое» олово
11	Привеска-коготь	2015/475/209	1,52	0	0	0	0	0	0,06	98,16	0,18	0	0,03	0,06	0	«чистое» олово
12	Выплек	2015/133	0,62	0	0	0	0	0	0,11	98,6	0,44	0	0,15	0,08	0	«чистое» олово
13	Перстень щитковый	2015/178	1,8	0	0	0,16	0	0	0,1	97,07	0,57	0,03	0,12	0,12	0,03	«чистое» олово
14	Выплек	2012/101	0,45	0	0	0,19	0	0	0,08	98,66	0,38	0,03	0,1	0,03	0,07	«чистое» олово
15	Изделия фрагмент	2012/105	0,43	0	0	0,26	0	0	0,11	96,33	0,44	0	0,12	2,33	0	сплав олова со свинцом
16	Перстень щитковый	2012/235	0,37	0	0	0,32	0	0,18	0,08	43,45	0,18	0	0,57	54,85	0	сплав свинца с оловом
17	Грузик	2012/244	0,33	0	0	0,11	0	0	0,11	88,38	0,34	0,03	0,26	10,43	0	сплав олова со свинцом
18	Выплек	2012/252	0,37	0	0	0	0	0	0,1	98,75	0,49	0,03	0,13	0,08	0,04	«чистое» олово
19	Накладка	2012/278	0,23	0	0	0	0	0	0,09	99,07	0,44	0	0,12	0	0,04	«чистое» олово
20	Выплек	2012/303	0	0	0	0,34	0	0,06	0,08	57,85	0,14	0	0,43	41,09	0	сплав олова со свинцом
21	Перстень щитковый	2012/310	0	0	0	0	0	0,1	0,11	63,13	0,24	0	0,52	35,91	0	сплав олова со свинцом
22	Крест нагательный	2012/335	0	0	0	0	0	0	0,09	92,08	0,4	0	0,28	7,14	0	сплав олова со свинцом
23	Пруток	2015/475/230	1,81	0,14	0	0,18	0	0	0,1	94,19	0,42	0,02	0,17	2,96	0	сплав олова со свинцом
24	Выплек	2015/475/253	1,71	0	0	0	0	0	0,13	97,56	0,4	0	0,11	0,03	0,06	«чистое» олово
25	Выплек	2015/475/379	0,19	0	0	1,46	0	0	0,12	97,22	0,39	0	0,11	0,49	0,03	сплав олова с медью
26	Выплек	2014/136	0,62	0	0	0,19	0	0	0,14	96,24	0,41	0,03	0,11	2,26	0	сплав олова со свинцом
27	Выплек	2015/194	0,14	0,09	0	0	0,04	0,98	0	0,12	0,04	0	0,17	98,42	0	«чистый» свинец
28	Привеска-коготь	2016/306	0	0	0	0,08	0	0	0	96,48	0	0	0	3,45	0	сплав олова со свинцом
29	Перстень широкосрединный	2016/347	1,5	0	0	0,13	0,1	0	0	97,97	0	0	0	0,31	0	«чистое» олово

Таблица 1. Химический состав металлов находок из легкоплавких сплавов (продолжение).

№ п/п	Предмет	№ предмета	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Au	Hg	Pb	Bi	Тип сплава
30	Тыльник рукояти ножа	2016/369	8,29	0	0	0,32	0	0	0,02	86,49	0	0	0	4,86	0,02	сплав олова со свинцом
31	Выплек	2016/398	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово
32	Выплек	2016/495	0	0	0	0,11	0	0	0	0	0	0	0	99,89	0	«чистый» свинец
33	Выплек	2016/324	0	0	0	0	0	0	0	65,69	0	0	0	34,3	0,02	сплав олова со свинцом
34	Перстень шитковый	2016/502	0,1	0	0	0	0	0	0	98,73	0	0	0	1,17	0	сплав олова со свинцом
35	Грузик	2016/540	0	0	0	0,14	0	0	0	72,98	0	0	0	26,85	0,03	сплав олова со свинцом
36	Перстень шитковый	2016/557	0,2	0	0	0,18	0	0	0,01	99,6	0	0	0	0	0	«чистое» олово
37	Обойма ножа	2016/573	0	0	0	1,08	0	0	0	98,92	0	0	0	0	0	сплав олова с медью
38	Перстень пластинчатый	2016/587	0	0	0	0,5	0	0	0,02	99,15	0	0	0	0,32	0	«чистое» олово
39	Перстень шитковый	2016/652	0,15	0	0	0	0	0	0	92,69	0	0	0	7,15	0,02	сплав олова со свинцом
40	Выплек	2016/539	0	0	0	0,7	0	0	0	74,68	0	0	0	24,62	0	сплав олова со свинцом
41	Выплек	2016/542	0	0	0	0,37	0	0	0	98,41	0	0	0	1,22	0	сплав олова со свинцом
42	Выплек	2016/548	0	0	0	0	0	0	0,02	97,96	0	0	0	2,03	0	сплав олова со свинцом
43	Выплек	2016/618	0,66	0	0	0	0	0	0	99,34	0	0	0	0	0	«чистое» олово
44	Выплек	2016/706	0,3	0	0	0,15	0	0,37	0,01	99,04	0	0	0	0,1	0,02	«чистое» олово
45	Бусина цилиндрическая	2016/751	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	«чистое» олово
46	Грузик	2016/777	0,1	0	0	0	0	0	0,02	95,69	0	0	0	4,19	0	сплав олова со свинцом
47	Выплек	2016/780	0	0	0	0	0	0	0	68,76	0	0	0	31,19	0,05	сплав олова со свинцом
48	Привеска круглая	2016/788	1,19	0	0	0,39	0	0	0	66,23	0	0	0	32,19	0	сплав олова со свинцом
49	Выплек	2016/789	0	0	0	0,07	0	0	0	99,93	0	0	0	0	0	«чистое» олово
50	Пруток	2016/873	0,79	0	0	0	0	0,13	0	0	0,06	0	0	99,03	0	«чистый» свинец
51	Пруток	2016/880	0,34	0	0,27	9,59	0	0	0	76,52	0,48	0	0,08	12,66	0,06	сплав олова со свинцом и медью
52	Привеска круглая	2017/1038	0	0	0	0	0	0	0	64,03	0	0	0	35,97	0	сплав олова со свинцом
53	Выплек	2017/1067	0,29	0	0	0	0	0	0,01	99,7	0	0	0	0	0	«чистое» олово
54	Выплек	2017/1106	0	0	0	0,24	0	0	0	95,05	0	0	0	4,7	0,02	сплав олова со свинцом
55	Височное кольцо бусинное	2017/1141	0,54	0	0	0	0	0	0	99,46	0	0	0	0	0	«чистое» олово
56	Перстень шитковый	2017/1216	0,39	0	0	0	0	0	0	99,61	0	0	0	0	0	«чистое» олово
57	Выплек	2017/1205	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово
58	Грузик	2017/1259	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово

Таблица 1. Химический состав металлов находок из легкоплавких сплавов (продолжение).

№ п/п	Предмет	№ предмета	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Au	Hg	Pb	Bi	Тип сплава
59	Грузик	2017/1263	0	0	0	0	0	0	0	87,09	0	0	0	12,86	0,05	сплав олова со свинцом
60	Выплек	2017/1293	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово
61	Височное кольцо бусинное (бусина)	2016/754	1,12	0	0	0	0	0	0	98,88	0	0	0	0	0	«чистое» олово
62	Височное кольцо бусинное (бусина)	2016/754	1,32	0	0	0,16	0	0	0	98,52	0	0	0	0	0	«чистое» олово
63	Височное кольцо бусинное (обруч)	2016/754	2,58	0	0	0,89	0	0	0,02	96,51	0	0	0	0	0	«чистое» олово
64	Перстень щитковый	2017/1347	0	0	0	0,55	0	0	0	99,45	0	0	0	0	0	«чистое» олово
65	Выплек	2017/1353	0,18	0	0	0	0	0	0	81,37	0	0	0	18,43	0,02	сплав олова со свинцом
66	Перстень щитковый	2017/1366	0	0	0	0	0	0	0	96,65	0	0	0	3,35	0	сплав олова со свинцом
67	Накладка	2017/1372	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	«чистое» олово
68	Выплек	2015/11	0,3	0	0	0	0	0	0	99,7	0	0	0	0	0	«чистое» олово
69	Накладка на браслет	2015/14	0,37	0	0	0	0	0	0	41,12	0	0	0	58,45	0,06	сплав свинца с оловом
70	Височное кольцо бусинное	2015/17	0,44	0	0	0	0,06	0	0	99,5	0	0	0	0	0	«чистое» олово
71	Бусина цилиндрическая	2017/6	0,13	0	0	0	0	0	0	99,84	0	0	0	0	0,03	«чистое» олово
72	Колт звездчатый	2017/17	0,11	0	0	0	0,07	0	0	99,82	0	0	0	0	0	«чистое» олово
73	Височное кольцо	2017/24	0	0	0	0	0	0	0	98,86	0	0	0	1,14	0	сплав олова со свинцом
74	Грузик	2003/973	0	0	0	0	0	0	0	97,81	0	0	0	2,19	0	сплав олова со свинцом
75	Грузик	2003/946	0	0	0	0	0	0	0	97,96	0	0	0	2,04	0	сплав олова со свинцом
76	Грузик	2003/959	0	0	0	0	0	0	0	97,82	0	0	0	2,18	0	сплав олова со свинцом
77	Пуля мушкетная	2003/783	0	0	0	11,85	1,3	0	0	65,41	0,62	0	0	20,83	0	сплав олова со свинцом, медью и цинком
78	Перстень щитковый	2003/867	0	0	0	6,36		0	0	92,17	0,63	0	0	0,84	0	сплав олова с медью
79	Выплек	2003/702	0	0	0	0	0	0	0	66,13	0,44	0	0	33,43	0	сплав олова со свинцом
80	Грузик	2003/772	0	0	0	0	0	0	0	95,81	0,64	0	0	3,55	0	сплав олова со свинцом
81	Выплек	2003/850	0	0	0	0	0	0	0	99,25	0,75	0	0	0	0	«чистое» олово
82	Перстень ложновитой	2015/75	0	0	0	0,07	0	0	0	99,93	0	0	0	0	0	«чистое» олово
83	Крест нагательный	2015/45	0,28	0	0	0,2	0	0	0	97,72	0	0	0	1,77	0,03	сплав олова со свинцом
84	Крест нагательный	2002/97	0	0	0	0	0	0	0	89,66	0	0	0	10,34	0	сплав олова со свинцом
85	Грузик	2003/165	0	0	0	0	0	0	0	93,57	0	0	0	6,43	0	сплав олова со свинцом

Таблица 1. Химический состав металлов находок из легкоплавких сплавов (продолжение).

№ п/п	Предмет	№ предмета	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Au	Hg	Pb	Bi	Тип сплава
86	Грузик	2002/384	0	0	0	0	0	0	0	48,47	0	0	0	51,53	0	сплав свинца с оловом
87	Крест нагельный	2002/25	0	0	0	0	0	0	0	93,08	0	0	0	6,92	0	сплав олова со свинцом
88	Пруток	2003/265	0	0	0	0	0	0	0	91,53	0	0	0	8,47	0	сплав олова со свинцом
89	Привеска монетовидная	2015/215	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово
90	Изделие с изображением крестов	2015/298	0,13	0	0	0	0	0	0	99,87	0	0	0	0	0	«чистое» олово
91	Колг звездчатый	2019/2	1,02	0	0	0	0	0	0	98,98	0	0	0	0	0	«чистое» олово
92	Бусина височного кольца	2015/1	0	0	0	0	0	0	0	99,94	0	0	0	0	0,06	«чистое» олово
93	Крест, завершение ветви	2015/40	0,18	0	0	0	0	0	0,02	99,8	0	0	0	0	0	«чистое» олово
94	Выплек	2015/46	0	0	0	0,41	0	0	0	99,59	0	0	0	0	0	«чистое» олово
95	Перстень овальнощитковый	2019/59	1,7	0	0	0,38	0	0	0	63,18	0	0,04	0	34,53	0,17	сплав олова со свинцом
96	Выплек	2015/65	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,04	0	99,85	0,11	«чистый» свинец
97	Височное кольцо бусинное, бусина	2016/398	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово
98	Височное кольцо бусинное, обруч	2016/398	1,67	0	0	0,72	0	0	0	97,61	0	0	0	0	0	«чистое» олово
99	Колг звездчатый	2016/560	1,1	0	0	0	0	0	0	98,9	0	0	0	0	0	«чистое» олово
100	Изделие цилиндрическое с каналом	2016/648	0,42	0	0	0,16	0	0	0,02	98,97	0	0	0	0,44	0	«чистое» олово
101	Выплек	2016/815	0	0	0	0	0	0	0	98,91	0	0	0	1,09	0	сплав олова со свинцом
102	Пластина	2016/829	0	0	0	0	0	0	0	98,78	0	0	0	1,2	0,02	сплав олова со свинцом
103	Выплек	2016/847	0	0	0	0,22	0	0	0	72,05	0	0	0	27,65	0,07	сплав олова со свинцом
104	Грузик конический	2016/848	0,11	0	0	1,22	0	0	0	77,84	0	0	0	20,77	0,06	сплав олова со свинцом и медью
105	Выплек	2016/860	0,19	0	0	0	0	0	0	92,34	0	0	0	7,34	0,13	сплав олова со свинцом
106	Слиток (?)	2016/866	0	0	0	0,12	0	0	0	47,61	0	0	0	52,1	0,16	сплав свинца с оловом
107	Грузик дисковидный	2016/882	0,46	0	0	1,0	0	0	0	98,54	0	0	0	0	0	сплав свинца с медью
108	Выплек	2016/888	1,87	0	0	0	0	0,23	0	97,91	0	0	0	0	0	«чистое» олово
109	Привеска монетовидная	2016/892	0	0	0	0	0	0	0	75,06	0	0	0	24,86	0,07	сплав олова со свинцом
110	Накладка-розетка	2016/895	0,54	0	0	0	0	0	0	99,39	0	0	0	0,06	0,01	«чистое» олово
111	Перстень щитковый	2017/1034	0	0	0	0,11	0	0	0	99,89	0	0	0	0	0	«чистое» олово

Таблица 1. Химический состав металлов находок из легкоплавких сплавов (окончание).

№ п/п	Предмет	№ предмета	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Au	Hg	Pb	Bi	Тип сплава
112	Пластина	2017/1058	0	0	0	0,4	0	0	0	98,84	0	0	0	0,75	0	«чистое» олово
113	Привеска монетовидная	2017/1066	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово
114	Накладка прямоугольная	2017/1082	0	0	0	0	0	0	0	99,94	0,05	0	0	0	0,02	«чистое» олово
115	Браслет дротовый	2017/1100	0,22	0	0	0,37	0	0	0,22	84,89	0	0	0	14,22	0,08	сплав олова со свинцом
116	Привеска монетовидная	2017/1110	0,31	0	0	0	0	0	0	99,69	0	0	0	0	0	«чистое» олово
117	Выплек	2017/1116	0	0	0	0,33	0	0	0,02	99,04	0,05	0	0	0,56	0	«чистое» олово
118	Пруток	2017/1117	0	0	0	0,24	0	0	0,2	90,67	0	0	0	8,83	0,06	сплав олова со свинцом
119	Выплек	2017/1118	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово
120	Пуговка (?)	2017/1129	0,28	0	0	0	0	0	0	99,72	0	0	0	0	0	«чистое» олово
121	Височное кольцо бусинное, бусина	2017/1137	0,21	0	0	0	0	0	0	99,76	0	0	0	0,03	0	«чистое» олово
122	Колт звездчатый	2017/1138	1,54	0	0	0	0	0	0,01	98,45	0	0	0	0	0	«чистое» олово
123	Выплек	2017/1155	0	0	0	0,66	0	0	0	98,13	0	0	0	1,21	0	сплав олова со свинцом
124	Выплек	2017/1160	0	0	0	0	0	0	0,01	99,99	0	0	0	0	0	«чистое» олово
125	Височное кольцо бусинное, бусина	2017/1167	0,7	0	0	0	0	0	0	99,3	0	0	0	0	0	«чистое» олово
126	Крест, средокрестие	2017/1169	0,34	0	0	0	0	0	0,01	99,64	0	0	0	0	0	«чистое» олово
127	Изделие трапезиевидной формы	2017/1171	0,32	0	0	0,15	0	0	0	98,24	0	0	0	1,29	0	сплав олова со свинцом
128	Слиток	2017/1177	0,48	0	0	0	0	0,04	0	99,48	0	0	0	0	0	«чистое» олово
129	Привеска монетовидная	2017/1187	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово
130	Височное кольцо бусинное, бусина	2017/1197	0,32	0	0	0	0	0	0,04	99,57	0,07	0	0	0	0	«чистое» олово
131	Височное кольцо бусинное, бусина	2017/1218	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	чистое олово

Таблица 2. Типы легкоплавких сплавов.

Группа сплавов	Тип сплава	Количество предметов	%
Сплавы на основе олова	«Чистое» олово	65	49,6
	Сплав олова со свинцом	50	38,9
	Сплав олова с медью	4	3,1
	Сплав олова со свинцом и медью	3	2,3
	Сплав олова со свинцом, медью и цинком	1	0,8
Сплавы на основе свинца	«Чистый» свинец	4	3,1
	Сплав свинца с оловом	4	3,1
Итого		131	100

которого олово превышает 90% (рис. 18). В качестве легирующих элементов в оловянных сплавах отмечены медь, свинец и цинк. Содержание свинца позволяет выделить две группы предметов: 1) с низкой концентрацией этого элемента – менее 1 или 1–2%; 2) со средней или высокой концентрацией, достигающей в одном случае 41% (рис. 19). Содержание меди

свыше процента зафиксировано в семи анализах, максимальная концентрация этого элемента 11%.

Сплавы на основе свинца представлены существенно меньшим числом – 8 предметами. Четыре получены из «чистого» свинца; концентрация элемента 98–99%. В металле четырех предметов зафиксировано высокое содержание олова: 41–48%.

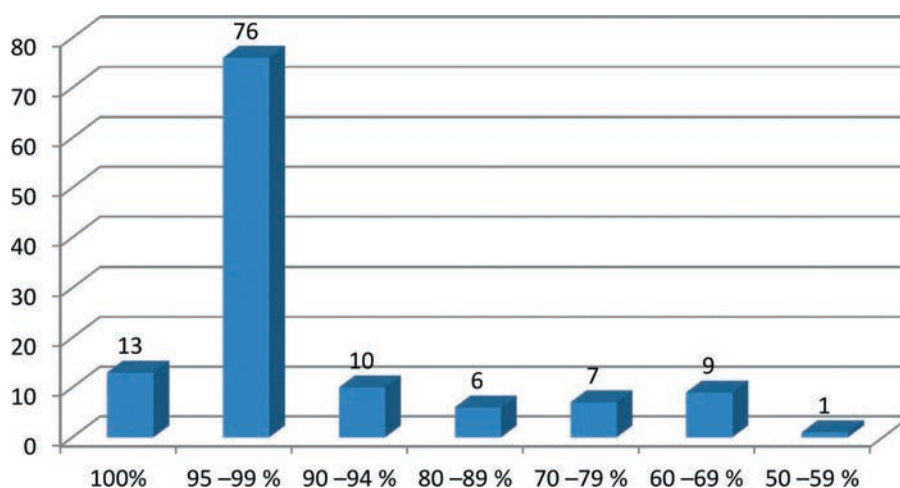

Рис. 18. Концентрация олова в сплавах на его основе

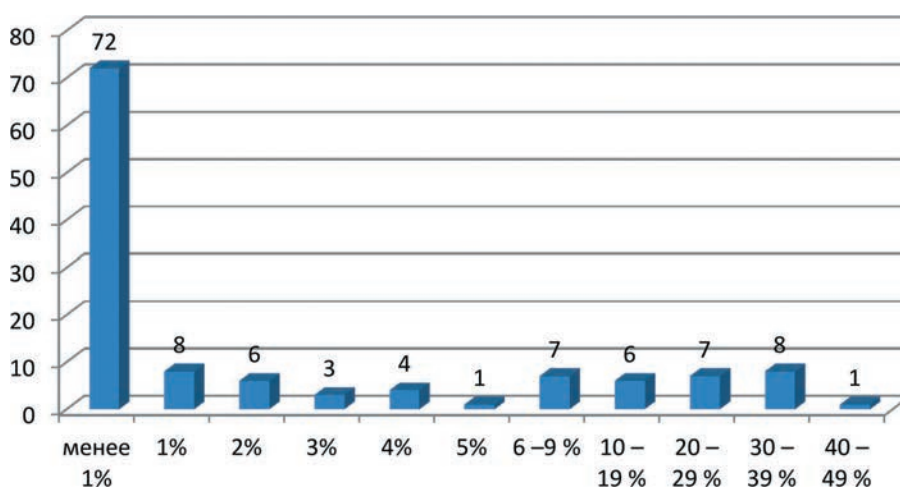

Рис. 19. Концентрация свинца в сплавах на основе олова

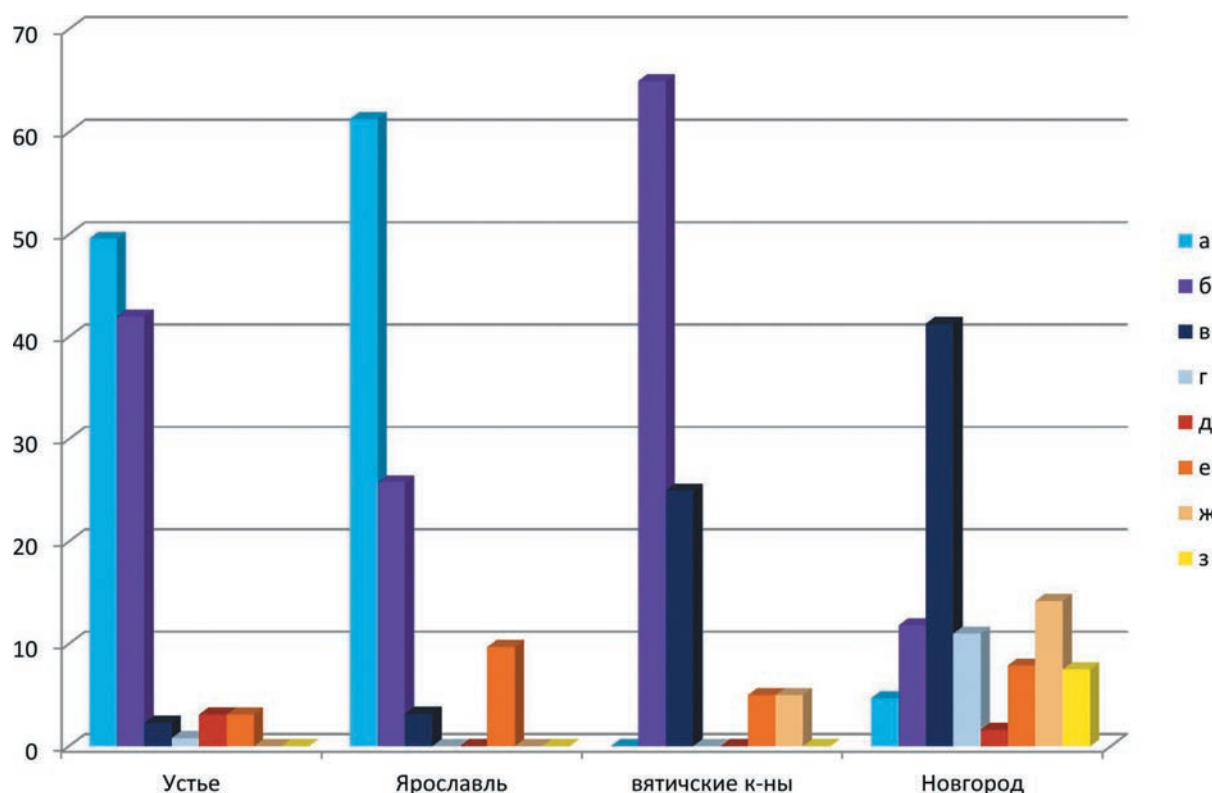

Рис. 20. Легкоплавкие сплавы в материалах разных памятников (%)

а – «чистое» олово; б – двойные оловянные сплавы; в – тройные оловянные сплавы;
г – четверные оловянные сплавы; д – «чистый» свинец; е – двойные свинцовые сплавы;
ж – тройные свинцовые сплавы; з – четверные свинцовые сплавы

Таким образом, становится очевидным, что в мастерских по металлообработке Верхнего Подонья предпочитали использовать легкоплавкие сплавы, основу которых составляет олово. Существенно преобладают «чистое» олово и сплав олова со свинцом. Предметы из «чистого» олова, а также содержание этого элемента в сплавах показывают, что ювелиры этого региона имели в своем распоряжении достаточное количество оловянного сырья. Это же подтверждает отсутствие предметов, в составе которых выявлено три и более легирующих элементов. Обычно такие сплавы получаются в результате переплавки ювелирного лома. Исключение составляет лишь мушкетная пуля, которая относится к периоду не ранее XVI в.: в ее составе выявлены свинец, медь и цинк.

В домонгольское время территория Верхнего Дона входила в вятческую зону металлообработки, занимавшую огромную территорию Северо-Восточной Руси. Однако сравнительный анализ легкоплавких сплавов из Устья и вятчских курганов (20 проб) выявил отличия (рис. 20). «Чистые» олово и свинец в вятчской выборке отсутствуют, преобладают оловянные двойные и тройные спла-

вы, в которых кроме олова и свинца представлены медь и цинк. Содержание олова также существенно ниже и не превышает 88%. Кроме сплава олова с медью и олова с медью и свинцом, другие типы представлены единичными находками (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 124). Это свидетельствует о том, что легкоплавкие сплавы оказывались в мастерских вятчских ювелиров случайно, в отличие от материалов устьинских поселений.

Проанализированная выборка обнаруживает сходство с материалами Рубленого города Ярославля. Это объясняется единством зоны металлообработки, сложившейся на территории Северо-Восточной Руси еще в XII столетии, а также наличием в обеих выборках большого количества находок золотоордынского времени. Ярославские материалы демонстрируют широкое употребление «чистого» олова и сплавов на его основе с преимущественным содержанием этого элемента более 90%. Помимо «чистого» олова заметным числом представлены двойные сплавы олова со свинцом и с медью. Сплавы на основе свинца представлены также небольшим числом – три находки (Сапрыкина, 2014. С. 173–174).

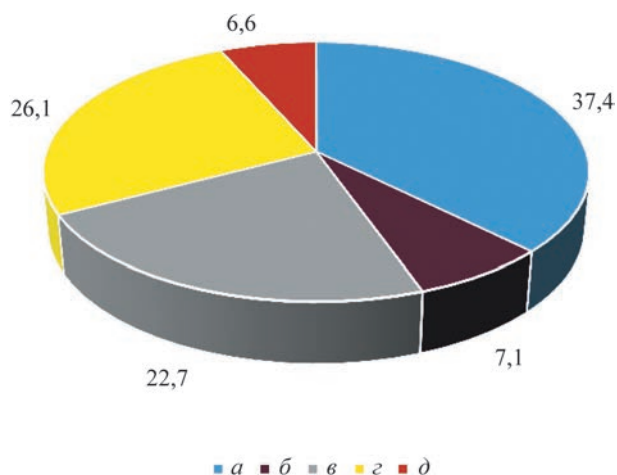

Рис. 21. Распределение групп находок из легкоплавких сплавов по категориям (%)

а – украшения и детали костюма; б – предметы личного благочестия; в – бытовые предметы; г – производственные отходы; д – неопределенные предметы

Напротив, в репрезентативной выборке легкоплавких сплавов из Новгорода (254 предмета) преобладают сплавы с двумя и тремя легирующими элементами, а не «чистые» олово или свинец: $\text{Sn}+\text{Pb}+\text{Cu}$, $\text{Sn}+\text{Pb}+\text{Zn}$, $\text{Pb}+\text{Sn}+\text{Cu}$, $\text{Pb}+\text{Sn}+\text{Cu}+\text{Zn}$. Они составляют 85,2%. В металле многокомпонентных сплавов (18,5%) кроме свинца, олова и меди выявлен цинк, имевший широкое применение в новгородских мастерских. Как и в выборке из устьинских поселений, преобладают оловянные сплавы, иногда с высоким содержанием олова. Однако количество сплавов на основе свинца здесь заметно выше – 31,2%. Это свидетельствует о том, что в распоряжении новгородских ювелиров было в достаточном количестве не только олово, но и свинец в чистом виде, который использовали даже в качестве кровельного материала для храмов (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 148–149).

В то же время Псков, который также является крупным центром цветной металлообработки Северо-Западной Руси, демонстрирует отличную от Новгорода картину употребления олова и свинца. Распределение 23 проб по типам сплавов сходно с металлом устьинских поселений и Ярославля (Королева, 1996. С. 234–235).

Выявленные особенности в традиции употребления легкоплавких сплавов объясняются различными источниками сырья. В ремесленные центры Северо-Запада Руси и прежде всего в Новгород свинец поступал из рудных источников Силезско-Краковского региона. Об этом свидетельствует находка в слоях XIV в. части свинцового слитка с клеймами весом более 150 кг (Янин, 1966. С. 324).

Британские острова и Центральная Европа снабжали ювелиров оловянным сырьем (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 158). На территорию Северо-Восточной Руси цветные металлы поступали преимущественно через болгарский рынок. Волжская Болгария, а впоследствии Золотая Орда являлись посредниками в торговле металлами между Русью и восточными регионами. По Оке и Волге проходил знаменитый торговый путь, соединявший Болгар и Киев (Даркевич, 1985. С. 402).

Зачастую находки из легкоплавких сплавов можно определить с большой долей вероятности в результате визуального осмотра коллекции. Они имеют характерную блестящую поверхность темно-серого, стального цвета. В совокупности с аналитическими данными эти наблюдения позволили выявить в устьинской коллекции 211 предметов из олова и свинца. Отличительной чертой выборки является то, что подавляющее большинство находок представлено сравнительно небольшими фрагментами, часто со следами рубки. Многие предметы сплюснены. Это характерно для изделий, вышедших из употребления и предназначенных для переплавки. Их наличие является надежным индикатором производственной деятельности.

В изучении сформированных в результате сборов коллекций на первый план выходят атрибуция и датировка находок. Изделия из легкоплавких металлов разделены на пять групп: украшения и детали костюма, предметы личного благочестия, бытовые предметы, производственные отходы и предметы, назначение которых не определено (рис. 21). Наиболее многочисленной оказалась первая группа.

Головные украшения представлены серьгой в виде знака вопроса, фрагментами височных бусинных колец, отдельными бусинами и колтами (рис. 3; 4; 22). Вероятно, к головным украшениям относится фрагмент круглого в поперечном сечении проволочного кольца, полученный из практически чистого олова с незначительным содержанием свинца (рис. 4, 1). Серьга является сборным украшением, конструктивные элементы которого изготовлены из разных по составу металлов: стержень и навивка-фиксатор – из свинцовой латуни, а овальная бусина – из оловянно-свинцового сплава с высоким содержанием свинца (рис. 4, 2). Довольно крупная бусина $0,7 \times 1,3$ см отлита в двустворчатой разъемной форме. Из-за неплотного примыкания створок на тулове остались наплывы металла. Серьги этой формы встречены на многих русских памятниках в слоях XIV–XV вв. (Сарачева, 2007. С. 82. Рис. 2, 4–8). М. В. Седова считала,

что это украшение пришло с Востока (Седова, 1981. С. 16). Подобные серьги, в том числе с металлическими бусинами, известны в большом количестве по материалам золотоордынских памятников (Полякова, 1996. С. 171–175).

К сборным украшениям относятся фрагменты четырех бусинных колец. На круглом в поперечном сечении обруче одного кольца сохранились две подвижные, разные по форме бусины (рис. 4, 3). Все элементы изготовлены из единого вида сырья – «чистого» олова с близкими показателями примесей. Овальные бусины отлиты в разъемных двустворчатых формах. Ажурная украшена рядами больших шариков ложной зерни. Тулово другой бусины гладкое, без декора, лишь канал оформлен воспроизведенной в литье сканью.

Три находки – это сплюснутые бусины круглой формы с остатком обруча внутри (рис. 4, 4–6). Они украшены ложной филигранью. Судя по фрагменту каменной литейной формы из Серенска, предназначенной для отливки височных колец с аналогичными бусинами, они отливались в трехстворчатых формах (Зайцева, Сарачева, 2011. Рис. 148, 35).

Бусины серьги в виде знака вопроса и височных колец отлиты в так называемых имитационных формах. Толщина тулова бус составляет около миллиметра. Каменные литейные формы для изготовления бус известны по материалам Киева, Пскова, Серенска, Старой Рязани и Мстиславля (Каргер, 1958. Табл. LIV, LVI; Королева, 1997. Рис. V, 1; VI, 4–6; Зайцева, Сарачева, 2011. Рис. 145, 23, 24; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 331. Табл. 103, 1; Алексеев, 1980. С. 176. Рис. 26, 14).

В подобных формах изготовлены восемь бусин, которые также могли использоваться для изготовления височных сборных колец или ожерелий. Четыре находки имитируют дорогостоящие филигранные украшения княжеско-боярского убора, хорошо известного по кладам, спрятанным во время Батыева нашествия (рис. 4, 7–9). Как правило, шарики ложной зерни оплывчатые, приплюснутые. Возможно, это результат изношенности створок форм, предназначенных для многократного литья в случае использования легкоплавких сплавов.

Две овальные с валиками вокруг каналов и две шаровидные бусины имеют гладкое тулово (рис. 4, 10–13). На одной шаровидной бусине сохранился поперечный литейный шов. Расположенные перпендикулярно литейные швы на овальной бусине свидетельствуют об отливке в четырехстворчатой литейной форме. Из раскопок Серенска происходит височное кольцо, на котором сохранилась

аналогичная бусина из легкоплавкого сплава (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 171, 175).

Миниатюрная цилиндрическая литая бусина (0,2 × 0,6 см) могла входить в состав сборных из несколько элементов серег или в ожерелье (рис. 4, 14). Литейные швы на ней отсутствуют, а канал смещен. Подобные бусы из легкоплавких сплавов второй половины XII – начала XIII в. обнаружены при раскопках Мининского археологического комплекса (Зайцева, 2008. С. 104. Рис. 95, 14–18).

В совершенно иной технике сделаны пять других бусинных колец (рис. 4, 15–17). Их обручи отливались вместе с бусами. Фрагмент одного кольца состоит из круглого в поперечном сечении обруча с имитацией навитой проволоки и круглой бусины. Обруч и бусина полые, с хорошо видимыми литейными швами, разделяющими все изделие на две равные части. Поперечный валик на бусине имитирует шов, возникающий при соединении с помощью пайки двух половинок тисненой бусины. Изготовленное по сходной технологии височное кольцо с полыми бусинами и аналогичной формы обручем обнаружено в Ярославле (Санпрыкина, 2014. С. 178. Рис. 4). От трех колец сохранились бусины и миниатюрные фрагменты полого обруча (на одном имитация витя). Тулова бус украшены ложной зернью и сканью.

Известно несколько створок каменных имитационных форм для изготовления бусинных височных колец. Они происходят из раскопок Серенска, Пскова, подмосковных Митяевских курганов, Биляра и Селитренного городища (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 280–281. Рис. 144, 19; Королева, 1997. С. 180. Рис. 9, 2; Арциховский, 1930. С. 121–125; Рыбаков, 1948. С. 146. Рис. 22, 1; Монгайт, 1961. Рис. 90, 7; Культура Биляра, 1985. С. 87. Табл. XXXIV, 10; Крымина, 1977. С. 259–260). Отлитые в подобных формах кольца из легкоплавких сплавов известны в материалах второй половины XII – середины XIV в. Новгорода, Пскова, Белоозера (Седова, 1981. С. 14. Рис. 3, 12–16; Королева, 1997. С. 142; Захаров, 2004. С. 169. Рис. 49, 1, 2, 12).

Все сохранившиеся фрагментарно колты литые (рис. 3; 22). Их тонкие стенки действительно напоминают драгоценные украшения. Металл четырех колтов изучен аналитически: выявлено «чистое» олово, примеси в котором составляют сотые доли процента. Еще четыре фрагмента отнесены к легкоплавким украшениям на основе визуального осмотра.

Семь небольших фрагментов лучевых колтов полые внутри и сплюснуты. Сохранившиеся сле-

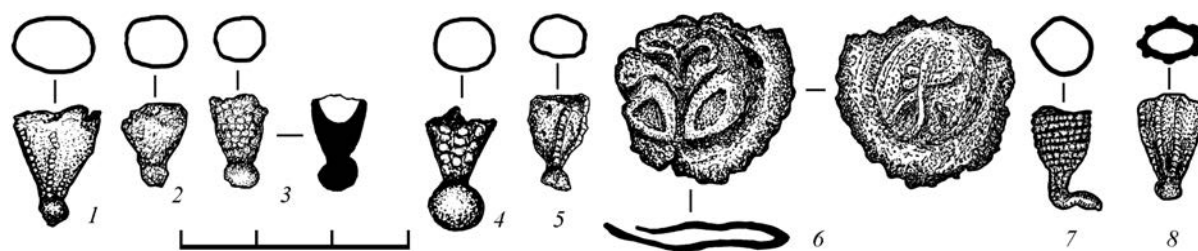

Рис. 22. Колты

1 – 2017, р. 3/17; 2 – 2017/1138; 3 – 2014/104; 4 – 2003/613; 5 – 2015/94; 6 – 2016/560;
7 – 2019/2; 8 – 2019/46. 1, 5, 7, 8 – Устье 2; 2–4, 6 – Устье 3

ды инструментов свидетельствуют о том, что завершения лучей не были случайно сломаны, а срезаны и подготовлены для переплавки. Поверхность находок украшена рядами мелких шариков ложной зерни; крупный шарик расположен на конце луча. Такие же два фрагмента из легкоплавких сплавов происходят из сборов в Белоозере (Захаров, 2004. С. 171. Рис. 52). Близкие по форме шестилучевые колты из этого металла, а также каменные литейные формы для их изготовления обнаружены в Новгороде, Пскове, Гродно и Серенске⁸ в слоях конца XII – начала XIV в. (Седова, 1981. С. 19, 20. Рис. 5, 10, 12; Королева, 1997. С. 180. Рис. IX, 1; Воронин, 1954. С. 69, 72. Рис. 32, 34, 6; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 164, 284–285. Рис. 79, 149).

Форму колта с двусторонним изображением процветшего дерева или крина (?) в круге определить по сохранившемуся фрагменту сложно (рис. 22, 6). Вероятно, это подражание серебряному черновому украшению. По нижнему краю сохранились миниатюрные выступы, свидетельствующие о том, что с тулова колта была спилена обнизь.

Шейные украшения представлены 11 привесками разных форм (рис. 5; 6). Состав металла десяти находок определен аналитически, два экземпляра включены в выборку на основе визуального осмотра. Три амулета в форме когтя животного отлиты из разного по составу сырья (рис. 6, 1–3). Поверхность двух плосковыпуклых привесок гладкая; на широкой части плоской привески читаются плохо пролитые рельефные линии, образующие сетчатый декор. Он имитирует металлическую оправу когтя. Привески отлиты в разъемных формах, по контуру сохранились остатки литейных швов. Одна находка демонстрирует отчетливые следы смещения створок формы, что привело к сильной деформации ушка (рис. 6, 1).

Аналогичные привески из легкоплавкого сплава, в том числе декорированные, обнаружены в Белоозере и на селище Минино I Вологодской обл. (Захаров, 2004. С. 172. Рис. 58, 1, 2; Зайцева, 2008. С. 132. Рис. 120, 14). Из Минина, а также из владимирских и костромских курганов происходят амулеты-когти, изготовленные из медных сплавов и серебра.

Восемь сохранившихся фрагментарно привесок принадлежат к широко распространенному типу круглых, получивших название «монетовидные». Все они получены литьем в разъемных формах. Привеска с отчетливыми следами рубки не имела декора (рис. 6, 4). Украшенная по бордюру параллельными линиями находка с отверстием, возможно, представляет собой пример приспособления для ношения изделия с сломанным ушком (рис. 6, 5). Два украшения сплошь покрыты мелкими шариками ложной зерни, образующими круги, треугольники и лучи (рис. 6, 6, 7). Сохранность одного экземпляра, также украшенного по бордюру ложной зернью, не позволяет определить характер декора (рис. 6, 8). Близкие по декору привески из легкоплавкого сплава известны по материалам XII–XIII вв. Торопца, Ярославля, Белоозера и Мининского археологического комплекса (Фоняков, 1991. С. 224. Рис. 3, 7; Сапрыкина, 2014. С. 176. Рис. 2; Захаров, 2004. С. 173. Рис. 64, 5, 6; Зайцева, 2008. С. 130. Рис. 120, 4, 5).

Две находки принадлежат к часто встречающимся привескам с изображением лепестковых розеток (рис. 6, 9, 10). Образцы из легкоплавких сплавов с подобными розетками в окружении шариков ложной зерни обнаружены в Новгороде в слоях XIII в. (Седова, 1981. С. 41. Рис. 14, 9, 12).

Одна находка относится к ажурным привескам с христианской символикой (рис. 6, 11). Она

⁸ Серенский экземпляр не сохранился и отнесен к группе легкоплавких предположительно.

получена литьем в форме с плоской крышкой по оттиску готового изделия или модели. После литья в центре тулова выгравировали косой крест. Крестовключенные ажурные привески являются частой находкой на домонгольских памятниках Руси, однако точной аналогии устьинскому экземпляру не обнаружено (Успенская, 1967. С. 108).

Украшения рук представлены браслетами и перстнями. Определен состав металла двух браслетов и накладки на браслет. Две находки отнесены к этой категории на основе визуального осмотра (рис. 8; 11). Все изделия получены в процессе литья. Литые из легкоплавких сплавов браслеты происходят из Новгорода, Пскова и Белоозера (Седова, 1981. С. 98, 103–119; Королева, 1996. С. 279–280; Захаров, 2004. С. 180–181. Рис. 83–85).

С большой долей вероятности к этой категории можно отнести два фрагмента обруча дровяного браслета овального поперечного сечения с разомкнутыми концами (рис. 11, 1). Сохранившийся конец имеет прямоугольную форму и отверстие в центре. По контуру обруча проходят литейные швы, свидетельствующие об отливке в разъемной двустворчатой форме, причем конец с отверстием был сформирован в процессе литья. Дровяные сомкнутые и разомкнутые браслеты – частая находка на древнерусских памятниках. В Новгороде они встречаются до XIV столетия, причем среди поздних находок преобладают изделия из легкоплавких сплавов (Седова, 1981. С. 94).

Обруч ложновитого браслета плосковыпуклый (рис. 11, 2). Имитация витья расположена только на лицевой поверхности. Аналогичный браслет происходит из слоя второй половины XIII в. Новгорода (Коновалов, 2008. С. 105. Табл. 13). Так же, как и витые, ложновитые браслеты были широко распространены на территории Древней Руси. Несколько экземпляров происходит с памятников Куликова поля (Гоняный, 2005. С. 154. Рис. 40, 11–13).

По краям пластинчатого браслета идут валики с косой насечкой (рис. 11, 3). Литые браслеты с двумя или тремя валиками происходят из раскопок селища Минино I, Старой Рязани, Новгорода и Серенска, а также из сборов на территории Белоозера (Зайцева, 2008. С. 119. Рис. 105, 25, 27; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 150; Седова, 1981. С. 112–113; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 244. Рис. 125, 3, 9, 10, 15; Захаров, 2004. С. 181. Рис. 85, 28, 30). Известны они также по материалам золотоордынских памятников Поволжья (Полякова, 1996. С. 182, 184. Рис. 63, 3–5).

Треугольная литая накладка на конец витого или плетеного браслета представляет собой тонкую пластину 0,12 см с бортиками (рис. 11, 4). Она покрыта рядами шариков ложной зерни, три больших шарика оформляют острый угол пластины. Накладки для браслетов из легкоплавкого сплава обнаружены в Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 84, 4, 5). Витые, ложновитые и пластинчатые браслеты с треугольными накладками, украшенными ложной зернью, известны по материалам Новгорода, Серенска, Белоозера, Каблукова Московской обл., Кривишина Рязанской обл., Кохан Смоленской обл. (Седова, 1981. С. 111. Рис. 43, 13; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 239. Рис. 122, 3; 124, 1; 125, 17; Захаров, 2004. С. 180. Рис. 84, 5). В отдельных случаях накладки отливались одновременно с обручем.

В XIII–XV вв. легкоплавкие сплавы часто использовали для отливки перстней, известных преимущественно по материалам городов (Новгород, Псков, Ярославль, Ростов, Торопец, Белоозеро); в последнее время заметно возросло количество находок с сельских памятников (Коновалов, 2008. С. 106. Табл. 14; Седова, 1981. С. 130–141; Королева, 1996. С. 248, 279. Табл. I, 6–21; Самойлович, 2012. С. 236–242; Фоняков, 1991. С. 225–226; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 54. Рис. 91, 8, 9; Захаров, 2004. С. 182–184. Рис. 90–93; Сумина, 1999. С. 167–189).

В устьинской коллекции перстни составляют наиболее многочисленную категорию украшений из легкоплавких сплавов. В выборку по изучению состава металла попали 15 экземпляров; еще восемь находок определены по результатам визуального осмотра (рис. 8–10). Они представлены тремя типами: пластинчатые (3 экз.), ложновитой (1 экз.) и щитковые (20 экз.). В ярославской выборке изделий из легкоплавких сплавов перстни также оказались преобладающими (Сапрыкина, 2014. С. 181).

Судя по сохранившимся фрагментам, пластинчатые перстни относятся к широкосрединным (рис. 9, 1–3). Они отлиты в разъемных формах и декорированы валиками с насечками, выпуклыми овалами, розетками и треугольниками из шариков ложной зерни разного размера⁹. Подобные по форме перстни с разнообразным декором, в том числе ложнозерненным, отлитые из легкоплавких сплавов, найдены в большом количестве в Новгороде в слоях середины XI – начала XIV в. и в Белоозере; один экземпляр обнаружен в напластовках XIV в. Ростова Великого (Седова, 1981. С. 130).

⁹ Нельзя исключать, что украшение с валиками и насечками – это фрагмент браслета, а не перстня.

Рис. 47, 1, 4–7; Захаров, 2004. С. 182; Самойлович, 2012. С. 237. Рис. 1, 8).

Ложновитой перстень, скорее всего, относится к разомкнутым (рис. 9, 4). Между выпуклыми рельефными элементами в углублениях сохранились остатки литейных швов, свидетельствующих об отливке в двустворчатой разъемной форме, возможно, по оттиску готового изделия. Литые перстни, имитирующие витые, делали преимущественно из медных сплавов. Они встречаются повсеместно в древнерусское время; в Новгороде продолжают бытовать до конца XIV в. (Седова, 1981. С. 122). Известны также находки каменных (Серенск, Старая Русса) и глиняной (Торопец) форм для отливки ложновитых перстней (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 278. Рис. 138, 3; Медведев, 1978. С. 23; Фояков, 1991. С. 217–218. Рис. 1, 6).

Расположение литейных швов на щитковых перстнях демонстрирует их отливку в разъемных двустворчатых формах. Декор также получен в процессе литья. Наряду с массивными экземплярами встречаются перстни, обручи и щитки которых имеют толщину всего в 1,5–2,0 мм. Они напоминают серебро бедняков и свидетельствуют не только о высоком уровне мастерства литейщиков, но и об их умении экономить привозной металл.

На круглощитковых перстнях находятся изображение креста и четырехлепестковая розетка внутри квадрата (рис. 9, 5–6). По углам квадрата различаются шарики ложной зерни, которые частично переходят на торцевые поверхности щитка, напоминающая крапаны перстней со вставками. С большой долей вероятности к этой группе относятся еще две находки: круглый щиток с четырьмя расположенными по краям шаровидными выступами и фрагментом пластинчатого обруча, а также щиток перстня с едва различимым рельефным декором. Круглощитковые перстни с розетками из легкоплавкого сплава известны в слоях конца XIII – XIV в. в Новгороде (Седова, 1981. С. 132, 135).

Щитки трех перстней овальные. Появляясь в домонгольское время, перстни такой формы широко распространяются в золотоордынский период (Седова, 1981. С. 135). Они часто встречаются в материалах русских памятников; также хорошо известны в древностях XIII–XIV вв. из раскопок Болгарского городища и вымских могильников (Седова, 1981. С. 135; Сарачева, 2007. С. 82. Рис. 3, 1–23; Полякова, 1996. С. 178–179. Рис. 61, 12, 28, 29, 31–33; Савельева, 1987. С. 126. Рис. 34).

Декор одного перстня состоит из параллельных изогнутых линий, делящих щиток на две части (рис. 9, 7). Переход от щитка к обручу фигур-

ный, украшенный геометрическим декором из линий и треугольников. Четыре выступа-крапаны на перстне из Колесовки 2 предполагают крепление на овальном щитке стеклянной или каменной вставки. Однако в золотоордынское время появляются подобные щитковые перстни с гладкими щитками или несущие разнообразные изображения, с крапанами и без вставок (Сарачева, 2007. Рис. 3, 11).

Перстень из Устья 2 пополняет немногочисленную, но яркую коллекцию находок с изображением зверя с поднятым над туловищем хвостом и повернутой головой (рис. 9, 8). Первой половиной XIV в. датируется новгородский перстень с изображением барса, также отлитый из легкоплавкого сплава (Седова, 1981. С. 138. Рис. 52, 4). Четыре перстня с изображением зверя конца XIII – XV в. происходят с территории Северо-Восточной Руси (Тверь, Нاستасьино, Щапово 4 Московской обл.); один из них обнаружен в непосредственной близости от Устьинского комплекса на поселении Вединец I (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 55. Рис. 91, 13; Гоняный, 1998. С. 165. Рис. 4, 4; 2005. С. 155. Рис. 41, 7; Сарачева, 2007. С. 82. Рис. 3, 11). К золотоордынскому времени относится перстень из Болгара с изображением льва (Полякова, 1996. С. 178. Рис. 61, 15).

Перстни с шестиугольными щитками представлены 7 экземплярами. На четырех находках сохранность рельефного геометрического и растительного декора не позволяет определить композицию (рис. 9, 9–12). Шестиугольные перстни из легкоплавких сплавов обнаружены в Ярославле и Белоозере (Сапрыкина, 2014. С. 182. Рис. 5; Захаров, 2004. С. 183. Рис. 92, 1, 2).

Три перстня несут на себе изображение фигуры архангела (рис. 10, 1–3). Они отличаются деталями композиции и размерами. Так, фигура архангела на одном щитке заключена в бордюр из параллельных линий. Состав металла двух изученных находок различный. В каталоге серебряных черновых изделий Т.И. Макаровой учтен перстень с шестиугольным щитком и схематической «человеческой фигурой», отдаленно напоминающей устьинских архангелов. Любопытной деталью случайной находки в районе Канева Черкасской обл. является изображение креста в круге, что указывает на святость фигуры (Макарова, 1986. С. 45. Рис. 41, № 89).

Восьмиугольный щиток перстня украшен углубленными линиями растительного декора (рис. 10, 4). По контуру щитка идет бордюр из поперечных линий. Этот декор переходит на торцевую поверхность щитка. На обруче различаются линии завитков растительного характера. Перстни с щитками такой формы встречаются

ся нечасто. Из Суздаля происходит находка с растительным декором, характерным для золотоордынских изделий XIV–XV вв. (Седова, 1997. С. 71).

Декор щитка в форме ромба отличается отчетливым изображением креста с поперечными линиями на концах ветвей (рис. 10, 5). Ромбощитковые перстни из легкоплавких сплавов известны по материалам второй половины XIII – XIV в. из Новгорода и Торопца (Седова, 1981. С. 136. Рис. 47, 17, 21; Фонаков, 1991. С. 226. Рис. 4, 9). Овальнощитковый перстень с крестовидной композицией из легкоплавкого сплава происходит из селища Настасьино Московской обл. (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 54. Рис. 91, 8). Новгородские щитковые перстни со сходным изображением обнаружены в слоях XIII в. (Лесман, 1990. С. 15).

Щитки двух перстней сделаны в форме розеток (рис. 10, 6–7). Четырехлепестковая розетка лишена декора. Восьмичастная розетка с шариком ложной зерни в центре украшена линиями, которые, возможно, также состояли из мелких шариков ложной зерни, однако качество отливки не позволило передать их детально. К этой же группе примыкает находка, форму щитка которой определить сложно (рис. 10, 8). Новгородские перстни из легкоплавкого сплава с фигурными щитками-розетками датируются началом XV в. (Седова, 1981. С. 138. Рис. 49, 19, 24).

Щиток перстня квадрифолийной формы (рис. 10, 9) украшен декором, отдаленно напоминающим процветшее древо или крест на серебряных черневых перстнях (Макарова, 1986. С. 40, 41). Квадрифолийные перстни из легкоплавких сплавов появляются в середине XIII в., широко распространяясь в следующем столетии (Седова, 1981. С. 139; Захаров, 2004. С. 184. Рис. 92, 3; Королева, 1996. С. 279. Табл. I, 16). Изображение на белозерском перстне обнаруживает наибольшее сходство с устьинской находкой (Сумина, 1999. С. 184. Рис. 6, 12).

Детали костюма представлены накладками и пуговицей (рис. 5; 7). Исследован металл четырех накладок, три находки отнесены к этой группе на основе визуального осмотра. Изготовленные из легкоплавких сплавов накладки известны по материалам Новгорода, Ярославля и Белоозера (Седова, 1981. С. 149, 155; Сапрыкина, 2014. С. 177, 178; Захаров, 2004. С. 186–190. Рис. 96).

Четыре находки имеют прямоугольную форму и отверстия для крепления (рис. 7, 1–4). В центре одной накладки пробито квадратное отверстие, по контуру она украшена бордюром из параллельных насечек, напоминающим сканую проволоку.

Такой же бордюр у экземпляра с криновидной композицией. По углам третьей накладки расположены четыре массивные полусферы, напоминающие шарики ложной зерни. Еще одна находка украшена выпуклым декором геометрического характера: прямые и изогнутые линии и круг с косым крестом. Тисненные из серебра прямоугольные и квадратные накладки с отверстиями в центре, с криновидными композициями и крупными шариками входили в состав парадных одежд XI–XIII вв. (Сабурова, 1997. С. 320. Табл. 74).

Способ крепления находки в форме шестилепестковой розетки не определен (рис. 7, 5). Возможно, для этого служило миниатюрное отверстие у основания одного из лепестков. Накладка отличалась в двустворчатой разъемной форме. С обратной стороны заметны углубления внутри лепестков, позволяющие сэкономить металл. Отлитые из легкоплавких сплавов новгородские накладки в форме многолепестковых розеток датируются XII–XV вв. (Седова, 1981. С. 155. Рис. 61, 12, 16). К золотоордынскому времени относятся шестилепестковые накладки из Болгара, а находка из Твери датируется XV–XVI вв. (Полякова, 1996. С. 209, 220. Рис. 67, 11–13; Солдатенкова, 2008. С. 162, 163. Рис. 4, 7).

Щиток восьмиугольной накладки с петлей плоский, без декора (рис. 7, 6). Разнообразной формы накладки с подобными петлями для крепления боковых ремней характерны для золотоордынских памятников (Полякова, 1996. С. 211–214, 221).

Круглая ажурная накладка или пуговица отличалась в форме с плоской крышкой (рис. 7, 7). Шаровидная пуговица отлита в двустворчатой разъемной форме (рис. 7, 8). Такие находки встречаются повсеместно и имеют широкие рамки бытования – XI–XVI вв. Возможно, фрагментом пуговицы является слегка вытянутое шаровидное тулово со следами слома в верхней части и литейными швами по контуру (рис. 7, 9). Из сборов в Белоозере происходят две шаровидные пуговицы из легкоплавких сплавов (Захаров, 2004. С. 192. Рис. 106, 24, 25).

Предметы личного благочестия. На территории Устьинского археологического комплекса собрана представительная коллекция нательных крестов, отлитых из легкоплавких сплавов – 15 экз. (рис. 12; 13). Металл семи находок изучен аналитически, остальные включены в выборку на основе визуального осмотра.

Преобладают прямоконечные кресты (рис. 13, 1–8), характерные для древностей XIII–XV вв. (Беленькая, 1993. С. 13). Две находки представляют

собой, вероятно, пример литейного брака (рис. 13, 1, 2). Декор на ветвях трех крестов воспроизводит металлические оправы с рельефными кантами на каменных крестах (рис. 13, 3–5). Особенно показателен крест, в котором вместо ушка был пролит канал, копирующий каналы в каменных крестиках. Его средокрестие и ветви на лицевой стороне украшены углубленными косыми крестами. Возможно, крест отлит в пластичной форме, полученной посредством оттиска каменного экземпляра. В полученной подобным образом форме мог быть отлит сохранившийся фрагментарно экземпляр с плосковыпуклыми ветвями, в верхней ветви которого частично сохранился канал, однако нельзя исключать отливку таких крестов в каменных формах (рис. 13, 6). Они известны по раскопкам ювелирных мастерских Серенска и Болгара XIII–XIV вв. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 278. Рис. 138, 4; Кокорина, 2001. С. 210–213).

В мастерской по обработке цветных металлов второй половины XII – начала XIII в., исследованной на поселении Минино I, выявлены свидетельства, документирующие изготовление прямоконечных плоских и с объемными ветвями крестов из легкоплавких сплавов, имитирующих каменные (Зайцева, 2008. С. 60. Рис. 41, 2–5). Зафиксировано их производство также в Новгороде (Седова, 1981. С. 54; Коновалов, 2008. С. 105. Табл. 13). Легкоплавкие прямоконечные кресты происходят из сборов в Белоозере (Захаров, 2004. С. 166. Рис. 43, 3–5, 7, 10).

Основу двух крестов составляют ромбы с углублением в средокрестии. На одном экземпляре завершения углов ромба объемные, каплевидные (рис. 13, 9). Каменная форма для отливки крестов этого типа происходит из раскопок Новгорода и датируется концом XII – началом XIII в. (Рындина, 1963. С. 217. Рис. 20, 3). Такие кресты бытуют впоследствии: первой половиной XIV в. датируется близкий по форме крест из Новгорода (Коновалов, 2008. С. 105. Табл. 13). Аналогичные находки из медных сплавов известны в материалах Латвии, Старой Рязани, Плеса, Белоозера, Минино II (Мугуревич, 1974. С. 226. Рис. 2, 25; Даркевич, Пуцко, 1981. С. 223. Рис. 7, 2; Травкин, 2000; Захаров, 2004. С. 164. Рис. 41, 38; Зайцева, 2008. С. 60. Рис. 41, 17).

Ветви другого креста завершаются большими плоскими кругами с углубленной средней частью (рис. 13, 10). Близкий по форме крест из легкоплавкого сплава обнаружен в детском погребении XI в. Мининского археологического комплекса (Зайцева, 2008. С. 40. Рис. 41, 19). Находки из медных

сплавов (селище Настасьино, Переяславль-Рязанский, курган Бегуницы 1 на Ижорском плато) также датируются древнерусским временем (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 56, 57. Рис. 93, 2; Подземная охранная зона... 1995. С. 48. Рис. 23, 16; Равдина, 1998. С. 23).

К широко распространенным в древнерусское время типам относятся три находки: криноконечный крест и сохранившиеся фрагментарно кресты с трехчастным завершением ветвей (рис. 13, 11–13). В Серенске обнаружена каменная форма для отливки криноконечного креста (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 278. Рис. 140, 8). Близкие по форме кресты из легкоплавких сплавов происходят из раскопок новгородского слоя XII – середины XIII в. и поселения Минино I, а также из сборов в Белоозере (Седова, 1981. С. 52. Рис. 17, 4; Зайцева, 2008. С. 60. Рис. 41, 12, 23; Захаров, 2004. С. 165. Рис. 42, 7, 8). Криноконечные экземпляры продолжают бытовать и в золотоордынское время: известны их находки в материалах XIV–XV вв. (Седова, 1981. С. 54; 1997. С. 203. Рис. 72, 3, 5; Беговатов, Казаков, 1991. С. 120; Полубояринова, 1978. С. 64. Рис. 17, 4; 21, 1а; Романченко, 1928. С. 29. Табл. XXIV, 3; Фояков, 1991. С. 227. Рис. 4, 21, 23, 31).

Одна находка представлена лишь средокрестием, что не позволяет отнести ее к указанным выше группам (рис. 13, 14). Интерес представляет также фрагмент полого изделия, предположительно завершения ветви креста (рис. 13, 15). С обеих сторон находятся ложнозерненные изображения крестов в овалах.

Бытовые предметы представлены грузиками и деталями рукоятей ножей (рис. 14; 15; 23). Репрезентативные коллекции грузиков X–XV вв. собраны в Новгороде, Белоозере, Болгаре и на Билярском городище (Седова, 1981. С. 157, 158. Рис. 62, 18–32; Лесман, 1990. С. 81–84; Захаров, 2004. С. 192. Рис. 108; Полякова, 1996. С. 246–248. Рис. 76, 10–14; Культура Биляра, 1985. С. 101–110. Табл. XLI, 1–7). Исследователи выдвигают разные гипотезы, касающиеся их назначения. Детальное исследование новгородских находок конической формы позволило прийти к выводу об использовании их в ткацком ремесле (Олейников, 2014).

На территории Устьянского археологического комплекса обнаружено 46 грузиков: дисковидной (17 экз.; рис. 23, 1–7), конической (16 экз.; рис. 23, 13–16; 15, 7, 9) и цилиндрической формы (7 экз.; рис. 23, 8–12). Обнаружено 7 бракованных грузиков (рис. 14, 4, 21, 30, 33–35, 37; 15, 1–5). Декор на грузиках отсутствует; их диаметр варьируется

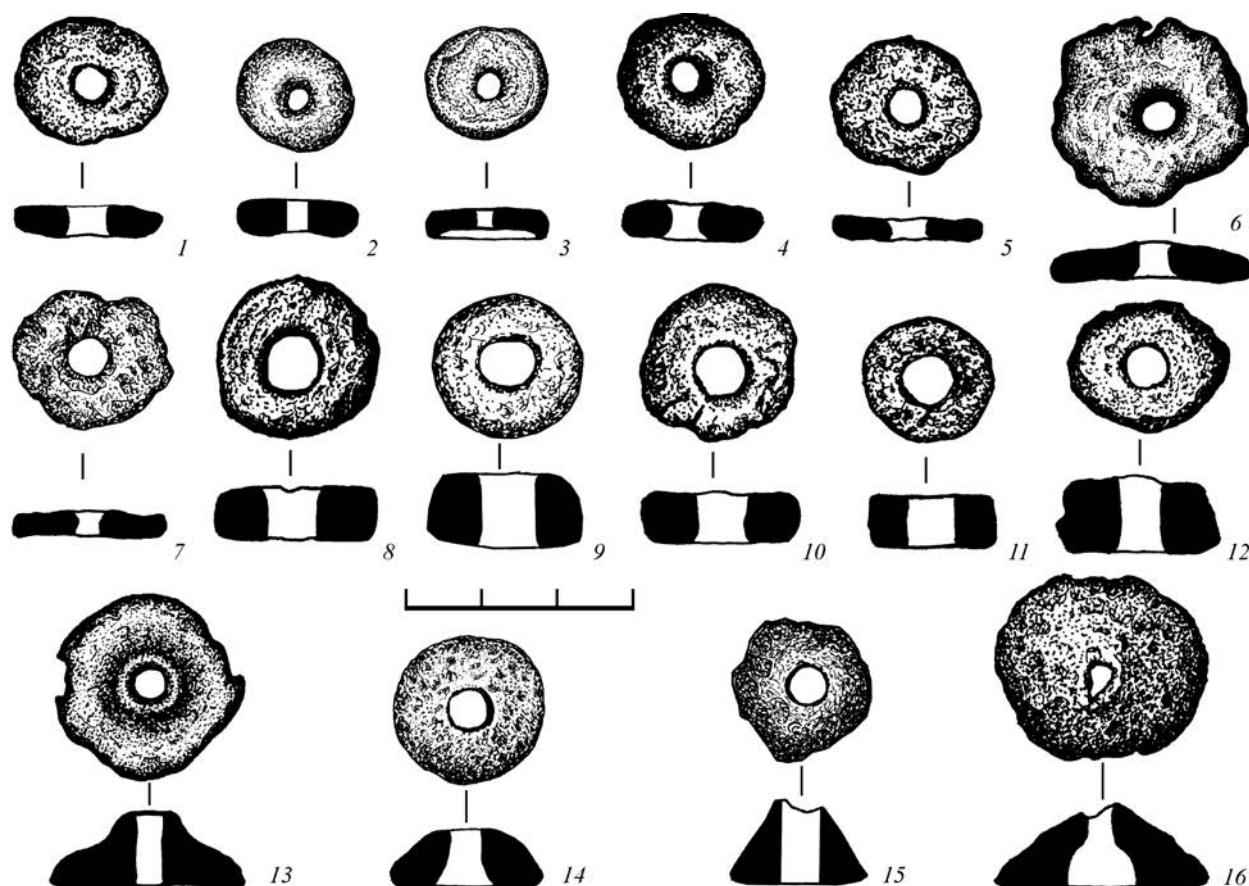

Рис. 23. Грузики. Устье 3

1 – 2003/772; 2 – 2017/1263; 3 – 2014/108; 4 – 2003/698; 5 – 2002/384; 6 – 1998/153; 7 – 2015/116; 8 – 2002/165; 9 – 2012/284; 10 – 2003/395; 11 – 2003/973; 12 – 2003/344; 13 – 1998/2; 14 – 2014/106; 15 – 2017/1259; 16 – 2003/362

от 1,4 до 2,3 см. Все экземпляры получены литьем в двусторчатых разъемных формах и формах с плоской крышкой. Каменные формы для отливки грузиков происходят из Серенска, Новгорода и Болгара (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 279. Рис. 142, 12; Рындина, 1963. С. 215. Рис. 8, 1, 4, 8; 9, 2; 10, 5; Олейников, 2014. С. 190; Полякова, 1996. С. 247. Рис. 55, 12).

Принято считать, что грузики, отливали из свинца. Однако анализ металла 13 грузиков из Устья показал, что они изготовлены из «чистого» олова или сплава на основе олова, преимущественно с невысокой концентрацией свинца. Лишь в одном случае зафиксировано практически равное содержание олова и свинца: 48 и 51% соответственно. Новгородский грузик второй половины XIII в. также изготовлен из сплава на основе олова (Коновалов, 2008. С. 71, 92).

Тыльник рукоятки ножа имеет круглую форму (1,8 см). Овальная обоймица несколько больших размеров (2,0 × 2,2 см); отверстия у них овальные (рис. 15, 6, 8). Обе детали получены в процессе литья.

В группу, условно названную нами «производственные отходы», включены капли и выплески металла, а также оплавленные предметы, некоторые со следами рубки (рис. 17, 1–10). В нее вошло 55 находок; 37 исследованы аналитически (рис. 16; 17; 24). Форма и размеры их различные: от 0,6 × 0,8 см до 2,2 × 2,5 см. Выделяется своими размерами фрагмент толстого массивного выплеска весом 128 г: 5,5 × 8,2 × 0,5 см (рис. 17, 10), а также четверть круглого слиточка (?) с отчетливыми следами рубки с двух сторон (рис. 17, 1). Картографирование свинцово-оловянных выплесков показало, что большинство находок сосредоточено в районе ювелирной мастерской золотоордынского времени, открытой на селище Устье 3.

В отдельную группу объединены фрагменты разных изделий (14 экз.; рис. 16; 24): округлого предмета – щиток перстня (?) (рис. 24, 1), фигурной пластины, возможно, накладки (2,0 × 2,2 см) с овальным отверстием; изделия с рельефным изображением креста (рис. 24, 3); овального кон-

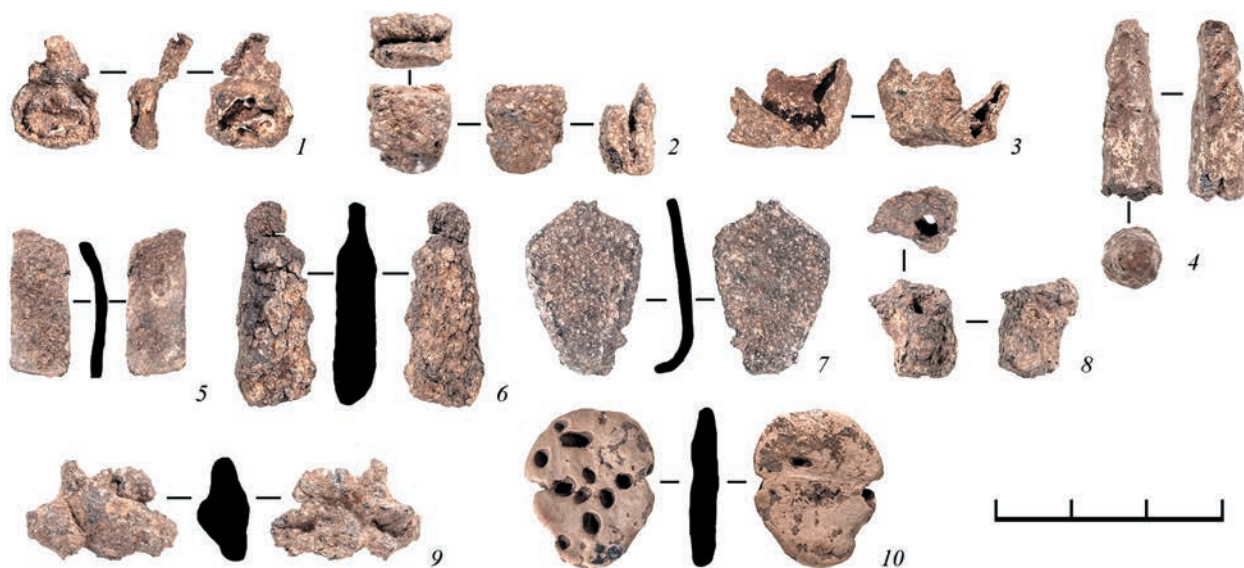

Рис. 24. Слитки, пластина, неопределенные предметы

1 – 2017/1216; 2 – 2016/829; 3 – 2015/298; 4 – 2015/230; 5 – 2017/1058; 6 – 2016/542; 7 – 2017/1171; 8 – 2016/648; 9 – 2016/888; 10 – 2016/495. 1, 2, 4–10 – Устье 3; 3 – Устье 2

ца, возможно, браслета или креста, пяти прутков (рис. 24, 4, 6); четырех пластин (рис. 24, 2, 5), трапециевидного с треугольным завершением украшения (рис. 24, 7), объемного цилиндра с каналом (рис. 24, 8). Исследован металл шести находок.

Многолетние планомерные работы по планшетному сбору подъемного материала с использованием детекторов металла, инструментальной привязкой каждой находки к топографическим планам памятников позволяют сделать ряд важных наблюдений по картографированию находок из легкоплавких сплавов. Так, небольшая серия легкоплавких крестов-тельников собрана на площади 1 га неподалеку от грунтового могильника Устье. Скопление предметов личного благочестия может указывать на близость церкви (часовни), следы которой следует искать у могильника.

Украшения концентрируются на незначительных по площади участках около 3 га, которые, в свою очередь, планиграфически накладываются друг на друга. На территории 5,7 га локализованы 40 оловянных грузиков. Столь высокая концентрация на ограниченной территории находок из легкоплавких сплавов позволяет предположить деятельность на памятнике мастерской по их изготовлению. Наблюдения подтверждаются находками небольших слитков, прутков, брусочков (рис. 16; 17, 1–3, 6–10; 24, 4, 6), а также многочисленных выплесков и шлаков (рис. 16; 17, 4; 24, 9), сопутствующих литейному производству. Территориально они совпадают с производственными

отходами из сплавов на основе меди. Эти находки из оловянно-свинцовых сплавов концентрируются на площади более 6,6 га в центральной части селища Устье 3 – наиболее крупного памятника исследованного археологического комплекса.

В выборке преобладают находки золотоордынского времени – второй четверти – середины XIII – XIV в. или имеющие широкие рамки бытования. Необходимо отметить, что на других селищах конца XIII – XIV в. Устьинского археологического комплекса легкоплавких украшений, деталей костюма практически нет, так же, как и следов литейного производства. На селищах Колесовка 1 и Колесовка 2 найдено всего 4 оловянных грузика. Исключение составляет селище Устье 2, жизнь на котором затухает в третьей четверти XIII в. На его территории встречено 28 предметов из легкоплавких сплавов. Вероятно, пик производства и использования предметов из этих сплавов приходится на вторую половину XIII – начало XIV в.

Рассмотренные находки из легкоплавких металлов, локализованные на селище Устье 3, являются на сегодняшний день наиболее многочисленной, включающей различные категории предметов коллекцией, собранной на сельских памятниках юго-восточной окраины Древней Руси. Она демонстрирует широкое употребление этого металла не только в больших городах, но и в сельской местности. Практически все изученные предметы получены литьем в разъемных формах. Многие украшения имитируют драгоценные филигранные изделия.

Технология их изготовления с помощью отливки в резных каменных формах позволяла наладить серийное производство. Создать довольно сложный декор, состоящий из десятков и сотен мельчайших шариков, проще всего было резьбой на створках литейной формы. Бесспорно, это трудоемкая операция, но с помощью одной формы можно было получить десятки отливок из легкоплавких сплавов. Именно этим в первую очередь объясняется широкое распространение так называемых имитационных украшений, схожих по форме и цвету с серебряными. Не случайно в русской поговорке, приведенной в названии статьи, оловянная пуговка приравняется к драгоценности (Даль, 1989. С. 681). Ассортимент изделий из легкоплавких сплавов не ограничивался копиями драгоценных украшений, характерных для убора городских модниц. Многие находки не соотносятся с ним. В этом отношении особенно показательны нательные кресты, чаще всего отливавшиеся из сплавов на основе меди.

Полученные аналитические данные представляются крайне важными с нескольких точек зрения. Во-первых, они существенно расширяют наши представления об употреблении изделий из этих металлов в эпоху Средневековья. Во-вторых, появилась возможность уточнить характеристику металлообработки населения юго-восточных окраин Руси, ремесло которого на протяжении длительного хронологического периода формировалось под влиянием соседних ювелирных традиций. Особенно важны результаты состава металла изделий второй половины XIII – XIV в. Их изучение начато сравнительно недавно, и каждая публикация новых данных позволяет более полно воссоздавать картину развития русского ювелирного дела в этот период. И, наконец, исследование металла показывает, что традиционно считающиеся свинцовыми находки целесообразнее называть предметами из легкоплавких сплавов, если не проводилась аналитическая работа.

Литература

- Алексеев Л. В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука. 264 с.
- АКР. Тульская область. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2002. 138 с.
- Арциховский А. В., 1930. Митяевские литейные формы // Тр. секции археологии РАНИОН. Вып. V. М.: РАНИОН. С. 121–125.
- Беговатов Е. А., Казаков Е. П., 1991. О некоторых новых находках славяно-русских изделий в памятниках Волжских болгар // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к «Своду памятников истории и культуры РСФСР». Вып. 1. Нижний Новгород: НИП «Этнос». С. 118–121.
- Беленькая Д. А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208. С. 11–19.
- Воронин Н. Н., 1954. Древнее Гродно (По материалам археологических раскопок 1932–1942 гг.). М. 237 с. (МИА. № 41).
- Гоняный М. И., 1988. Отчет о работе Верхне-Донской археологической экспедиции ГИМ в районе Куликова поля в 1987 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11927.
- Гоняный М. И., 1991. Результаты археологических работ 1990 года в Кимовском, Богородицком, Воловском районах Тульской области (район Куликова поля) / Архив ИА РАН. Р-1. № 15715.
- Гоняный М. И., 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII – XIV в. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской волости // Тр. ГИМ. Вып. 96. М.: ГИМ. С. 151–168.
- Гоняный М. И., 2004. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных ВДАЭ ГИМ в Серпуховском, Чеховском, Подольском районах Московской области и в Кимовском районе Тульской области в 2003 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 25072, 25073.
- Гоняный М. И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М.: ГИМ. С. 95–162. (Тр. ГИМ. Вып. 150).
- Гоняный М. И., 2007. Отчет о научно-исследовательских археологических работах, проведенных ГИМ в Тульской области в 2006 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 53567.
- Гоняный М. И., 2010. Отчет о результатах охранных разведочных археологических исследований в Рязанской, Липецкой и Тульской областях (район Куликова поля) в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 36877.
- Гоняный М. И., 2011а. Отчет о разведочных археологических исследованиях, проведенных на селище Колесовка 2, поселениях Колесовка 5, 6, входящих в комплекс археологических памятников у д. Устье, расположенных в Кимовском районе Тульской области в 2010 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 40122.

Гоняный М. И., 2011б. Следы ювелирной мастерской XIV в. на Устьинском археологическом комплексе в районе Куликова поля // Золотоордынское наследие. Матер. Второй междунар. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усмано-ва. Вып. 2. Казань: Фолиант. С. 279–295.

Гоняный М. И., 2012. Отчет о разведочных археологических исследованиях, проведенных на селищах Колесовка 2–4, поселениях Колесовка 5, 6, входящих в комплекс археологических памятников у д. Устье, расположенных в Кимовском районе Тульской области в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 29569.

Гоняный М. И., 2014. Находки вятичского круга древностей конца XII–XIII вв. на сельских археологических памятниках бассейна верховьев Дона // Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. М.: ГИМ. С. 65–91. (Тр. ГИМ. Вып. 198).

Гоняный М. И., 2016. Отчет о разведочных археологических исследованиях в Узловском, Новомосковском, Кимовском районах Тульской области в 2015 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 49478.

Гоняный М. И., 2017. Предварительные итоги археологических разведок с использованием детекторов металла на Устьинском археологическом комплексе на Куликовом поле // Тр. V (XXI) ВАС. Т. II. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 165–170.

Гоняный М. И., 2018. Отчет об археологических раскопках, проведенных в 2017 г. на селище Устье 2, расположенном в Кимовском районе Тульской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 57610.

Гоняный М. И., в печати. Предварительные результаты археологических исследований на селище IX – начала X в. Устье 2 в верховьях Дона.

Гоняный М. И., Шишков А. В., 1991. К вопросу о древнерусских городищах XII–XIII вв. бассейна Верхнего Дона // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск: Курский госпединститут. С. 31–33.

Даль В. И., 1989. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Русский язык. 779 с.

Даркевич В. П., 1985. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука. С. 387–411. (Археология СССР).

Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Кругъ. 448 с.

Даркевич В. П., Пуцко В. Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3. С. 218–232.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи сред-

невековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: Восточная литература. С. 107–162.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сингх В. К., 2017. Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // АИППЗ. Матер. 62-го заседания семинара. М.–Псков: ИА РАН. С. 187–203.

Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г., 2006. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования) // КСИА. Вып. 220. С. 88–101.

Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.: Наука. С. 57–142.

Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А., 2014. Новые данные к характеристике цветного металла Северо-Восточной Руси (По материалам исследований в средневековом Ярославле) // КСИА. Вып. 223. С. 193–208.

Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. М.: Индрик. 404 с.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Каргер М. К., 1958. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.–Л.: АН СССР. 579 с.

Коваль В. Ю., 2004. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // АП. М.: ИА РАН. С. 12–21.

Кокорина Н. А., 2001. Литейная форма с тамгой из Болгара // Средневековые древности Евразийских степей. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 210–213. (Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15).

Коновалов А. А., 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: Восточная литература. С. 7–106.

Королева Э. В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков: Псковский Гос. пед. ин-т. С. 229–300. (Археологическое изучение Пскова. Вып. 3).

Королева Э. В., 1997. Ювелирное ремесло Средневекового Пскова // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 2. М.: ИА РАН. С. 169–179.

- Крымина М. М., 1977. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. № 3. С. 249–266.
- Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А. Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: б. и. С. 29–98.
- Макарова Т. И., 1986. Черное дело Древней Руси. М.: Наука. 156 с.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. 180 с. (САИ. Вып. Е1–36).
- Медведев А. Ф., 1978. Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе // АО 1977 года. М.: Наука. С. 23.
- Минасян Р. С., 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: ГЭ. 472 с.
- Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.: АН СССР. 400 с.
- Мугуревич Э. С., 1974. Крестовидные подвески XI–XV веков в Латвии // *Arheologija un Etnografija*. XI. Riga: Zinātne. С. 220–237.
- Наумов А. Н., 1999. Отчет о работах в г. Туле и на Куликовом поле в 1998 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 23081, 23082.
- НПЛ. М. – Л.: АН СССР, 1950. 642 с.
- Олейников О. М., 2014. К вопросу о назначении свинцовых грузиков X–XV вв. // КСИА. Вып. 232. С. 189–196.
- Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань: Стиль, 1995. 140 с.
- Полубояринова М. Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука. 67 с.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана. С. 154–268.
- Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических» древностей. Дисс. ... канд. ист. наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.
- Равдина Т. В., 1998. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М.: Наука. 152 с.
- Романченко Н. Ф., 1928. Образцы старицкого медного литья // Материалы по истории русского искусства. Вып. 1. Б/м: Б/и. С. 37–42.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло древней Руси. М.–Л.: АН СССР. 802 с.
- Рындина Н. В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. № 117. С. 200–268.
- Сабурова М. А., 1997. Реконструкция древнерусской одежды // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 106–109. (Археология).
- Савельева Э. А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ. 200 с.
- Самойлович Н. Г., 2012. Металлические перстни Ростова Великого // ABC3. Вып. 4. М. – СПб.: ИА РАН; Нестор-История. С. 236–243.
- Сапрыкина И. А., 2014. Ювелирные изделия из раскопок «Рубленого города» Ярославля // КСИА. Вып. 232. С. 170–188.
- Сарачева Т. Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI в. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.
- Сарачева Т. Г., Сапрыкина И. А., 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 52–65. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2).
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) М.: Наука. 198 с.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 320 с.
- Селезнев Ю. В., 2010. Русско-Ордынские конфликты XIII–XV веков. М.: Квадрига. 221 с.
- Солдатенкова В. В., 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (По материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада г. Твери) // КСИА. Вып. 222. С. 153–169.
- Сумина И. А., 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.: ГИМ. С. 167–189.
- Тихомиров М. Н., 1979. «Список русских городов дальних и ближних» // Русское летописание. М.: Наука. С. 83–137.
- Травкин П. Н., 2000. Плесское ювелирное искусство от истоков до наших дней. Иваново: А-Гриф. 14 с.
- Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия. С. 88–132.
- Фомин Н. К., 1999. Куликово поле. Документы по землевладению XVII века. Тула: Гриф и К. 240 с.
- Фоняков Д. И., 1991. Цветной металл Торопца (типология и технология) // СА. № 2. С. 217–231.
- Янин В. Л., 1966. Находка польского свинца в Новгороде // СА. № 2. С. 324–328.
- Drescher H., 1978. Untersuchungen und Versuche zum Blei- und Zinn-guss in Formen aus Stein, Lehm, Holz, Geweih und Metall // *Frümittelalterliche Studien*. Jahrbuch des Instituts für frühmittelalterforschung der Universität Munster. Bd. 12. S. 84–115.
- Svarane D., 1994. Rigas 13–14 Gs. Lejamveidnes un Tigeli // *Arheologija un Etnografija*. XVII. Riga. S. 97–104.

M. I. Gonyanyi, T. G. Saracheva

**“Whether the rich man – gold, or the poor man – tin,
with each and his own lies delight therein”: medieval fusible alloys
from the territory of Ustye archeological complex on the Kulikovo field**

Summary

The article is dedicated to chemical and technological analysis of fusible alloys items (211 specimens) founded on the territory of Ustye archeological complex (Tula region, Uzlovsky district). In a sample are prevail Golden Horde time objects. Almost all studied items are casting in two-piece moulds. Numerous jewelry imitate precious filigree goods. Vast majority of items are presented by relatively small pieces, often with traces of cutting. Some of them are depressed. It is typical for preparing to smelting.

128 items are studied X-ray fluorescence analysis. Here are dominate alloys on the base of tin (93%). It is indicate that goldsmiths of this region had enough quantity of tin row materials. Analytical data significantly expand our view about using of goods from these metals in Medieval Age and clarify characteristics of Russian metalworking uptowns people on the Southeast. Their craft developed throughout long period influenced by neighbors' jewelry traditions.

List of figures

Fig. 1. Topographic plan of the Ustinsky archaeological complex of the 2nd or 3rd quarter of the 12 – 3rd quarter of the 13 century and concentration zones of finds from fusible alloys

1 – hillfort Ustye (Chichino); 2 – settlement Ustye 2, excavation sites 1, 2, 3 (2014, 2015, 2017); 3 – rural site Ustye 3; 4 – cemetery Ustye; 5 – rural site Kolesovka 1 (late 12 – early 14 c.); 6 – rural site Kolesovka 5; 7 – rural site Kolesovka 6; 8 – rural site Ustye 3, excavation site 1 (1987); 9 – rural site Ustye 3, excavation sites 1, 2 (2003); 10 – rural site Ustye 4; 11 – concentration zones of finds from fusible alloys

Fig. 2. Topographic plan of the Ustinsky archaeological complex of the end of 13 – end of 14 c. and concentration zones of finds from fusible alloys

1 – rural site Ustye 3; 2 – burial ground Ustye; 3 – rural site Kolesovka 1; 4 – rural site Kolesovka 2; 5 – rural site Kolesovka 3; 6 – rural site Kolesovka 4; 7 – concentration zone of finds from fusible alloys

Fig. 3. Findings of earrings, temporal rings, beads and colts

a – earring in the form of a question mark; *б* – colts; *в* – beads and temporal rings; *г* – ancient passages, well-shafts, streets

Fig. 4. Earring, temporal rings, beads

1, 4, 6, 8, 9, 17 – Ustye 2; 2, 3, 5, 7, 10–16 – Ustye 3

Fig. 5. Findings of pendants (*a*), pads (*б*), buttons (*в*), ancient passages, well-shafts, streets (*г*)

Fig. 6. Pendants

1, 2, 5 – Ustye 2; 3, 4, 6–11 – Ustye 3

Fig. 7. Linings and buttons

1, 2, 4–9 – Ustye 3; 3 – Ustye 2

Fig. 8. Findings of rings and bracelets

a – rings with the image of the archangel on the shield; *б* – rings; *в* – fragments of bracelets; *г* – ancient passages, well-shafts, streets

Fig. 9. Rings

1–3, 5, 7–12 – Ustye 3; 4, 6 – Ustye 4

Fig. 10. Rings

1–4, 6–9 – Ustye 3; 5 – Ustye 4

Fig. 11. Bracelets

1 – Ustye 3; 2–4 – Ustye 2

Fig. 12. Findings of cross pendants (*a*) and ancient passages, well-shafts, streets (*б*)

Fig. 13. Cross pendants

1–8, 10, 12, 14, 15 – Ustye 3; 9, 11, 13 – Ustye 4

Fig. 14. Find places of sinkers (1–34, 36–43) of band (35) and hilt of knife handle (44)

a – sinkers; *б* – defective sinkers; *в* – knife handle parts; *г* – the boundary of the accumulation of finds of household finds from fusible alloys; *д* – ancient passages, well-shafts, streets

Fig. 15. Defective sinkers, band and hilt of knife handle

1–7, 9 – Ustye 3; 8 – Ustye 2

Fig. 16. Findings of manufacturing waste and undefined items

a – splashes; *б* – ingots, rods, bars; *в* – undefined items; *г* – ancient passages, well-shafts, streets

Рис. 17. Sheets, ingots, rods, bars

1–2, 4–6, 8–10 – Ustye 3; 3, 7 – Ustye 4

Fig. 18. The concentration of tin in the alloys on its basis

Fig. 19. Lead concentration in tin-based alloys

Fig. 20. Fusible alloys in materials of different sites (%)

a – “pure” tin; *б* – double tin alloys; *в* – triple tin alloys; *г* – quaternary tin alloys; *д* – “pure” lead; *е* – double lead alloys; *ж* – triple lead alloys; *з* – quaternary lead alloys

Fig. 21. Distribution of groups of finds from fusible alloys by categories (%)

a – jewelry and costume details; *б* – objects of personal piety; *в* – household items; *г* – manufacturing waste; *д* – undefined items

Fig. 22. Colts

1, 5, 7, 8 – Ustye 2; 2–4, 6 – Ustye 3

Fig. 23. Sinkers. Ustye 3

1–16 – Ustye 3

Fig. 24. Ingots, plate, undefined items

1, 2, 4–10 – Ustye 3; 3 – Ustye 2

А. В. Алексеев*, С. В. Кузьменко**

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *ЗИАХМ, Звенигород, Московская обл.*

О среднерусских каменных крестах-кенотафах XVI–XVII веков

Весьма интересную группу лапидарных памятников средней полосы России составляют каменные кресты, в отношении которых можно уверенно утверждать, что они так или иначе связаны со случаями насильственной гибели людей. Эта уверенность основывается на надписях, объясняющих мотив установки креста. Среди этой группы каменных крестов имеются: а) надгробный памятник, б) кенотафы – памятники, поставленные на месте убийства, в короткий промежуток времени после происшествия; при этом предполагается, что сами убитые были похоронены на кладбищах; в) памятники, поставленные в воспоминание о погибших в далеком прошлом на месте предполагаемых захоронений.

Памятником над могилой убитого человека является каменный крест, происходящий из Никитского монастыря Переславля-Залесского, датированный 1619 г. (*Левицкая, Сукина, 1990*). Оформление памятника двустороннее. Лицевая сторона снабжена бортиком; во внутреннем поле имеется обронное изображение восьмиконечного креста на Голгофе, с символами Страстей; по сторонам изображения креста – прорезанные монограммы Иисуса Христа. На ровной оборотной стороне помещен текст эпитафии, выполненный врезанными буквами. Его высота 76 см, толщина 16 см (рис. 1).

Сохранившиеся кенотафы: крест по стряпчему С. М. Пустошкину (рис. 2) из окрестностей с. Виноградово (ныне в черте г. Москвы), 1686 г. (*Золотов, 1986; Яганов, 2011*); крест по «рабу божью Зеновию» из окрестностей ст. Жилёво (Ступинский р-н Московской обл.), 1693 г. (*Золотов, 1960*); крест по убитым крестьянам с. Благовещенского, найденный в окрестностях д. Шапилово (Сергиево-Посадский р-н Московской обл.), 1693 г. (*Николаева, 1960. С. 188–190*); плохо читае-

мый крест, найденный в окрестностях д. Рязанцы (Сергиево-Посадский р-н Московской обл.), XVI (?) – XVII вв. (*Николаева, 1960. С. 190*). Эти кресты были установлены обособленно, вне жилья и кладбищ, и на месте установки они находились вплоть до начала или даже середины XX в., в целом или разбитом виде. Ю. М. Золотов со ссылкой на источник XIX в. сообщает еще об одном кенотафе, находившемся около г. Шуи и имевшем надпись об убийстве в 1624 г. «раба божия Григория Иванова сына Груздева» (*Золотов, 1960*).

К кенотафам-«воспоминаниям» относится комплекс из трех каменных крестов в Зарайске, установленный стольником Никитой Гагариным в 1665 г. на месте предполагаемой могилы рязанского князя Федора, его супруги Евпраксии и их сына Ивана, чья гибель в 1237 г. описана в «Сказании о разорении Рязани Батыем». В настоящее время подлинники крестов, поврежденные в 1930 г., хранятся в Историко-архитектурном, художественном и археологическом музее «Зарайский кремль», а монумент в целом воссоздан как копия в 2002 г. Три креста, составлявшие единый ансамбль, размещались на общем массивном постаменте, при этом каждый крест также был снабжен собственным постаментом-Голгофой. На лицевой стороне крестов помещена надпись, распределенная между тремя крестами: «10 июня 1665 года по рассмотрению летописной книги поставил сии кресты по обещанию стольник князь Никита Григорьевич Гагарин на благоверных князях рязанских которые побиты от безбожного царя Батия». Близкой аналогией зарайскому монументу является комплекс на погосте Пять Крестов на р. Семи-славке, ныне в черте г. Воскресенска Московской обл. До нас дошли изображение (рис. 3) и описание этого комплекса, сделанные в середине XIX в.

Н. Д. Иванчиным-Писаревым (1844. С. 39, 40). Четыре из пяти каменных крестов были установлены на общем большом постаменте, при посредстве малых постаментов-Голгоф, а пятый крест находился на индивидуальном постаменте, размещенном у торца большого постамента. Кроме того, рядом был еще один каменный крест, вросший в землю. Кресты не имели никаких надписей и изображений; лишь на большом постаменте указана дата – 1688 г. Н. Д. Иванчин-Писарев сообщает о местном предании, что «эти пять крестов поставлены над телами пяти воевод, павших в лихолетье». Отмечая, что дата 1688 г. «несовременна никакому побоищу», он предлагает свое толкование монумента: «По находящимся тут же пяти курганам... можно полагать, что под крестами никто не похоронен, а поставлены они в память похороненных под этими насыпями». В настоящее время от комплекса сохранились лишь два постаменты (большой и дополнительный).

Кенотафы имели высоту 80–100 см и толщину 17–23 см, т. е. были довольно крупными памятниками, что весьма естественно ввиду их обособленного размещения: кенотафы должны быть хорошо заметными на местности. Оформление кенотафов либо двустороннее (крест Пустошкина, крест из д. Рязанцы), либо одностороннее, представленное лишь врезанным текстом (крест из д. Шапилово, крест со ст. Жилёво). Стоит отметить, что строгость декоративного оформления кенотафов и надгробного креста из Переславля-Залесского контрастирует с оформлением современных им надгробных плит, украшавшихся на лицевой поверхности плетенкой, а на боковых – каннелюрами и другими орнаментальными мотивами. Между тем для «московских» надгробных крестов конца XV – первой половины XVI в. декоративность свойственна не в меньшей мере, чем плитам этого же времени (Алексеев, Кузьменко, 2018).

Три из четырех кенотафов имеют навершие, причем ширина навершия такая же, как у единственной (крест Пустошкина) или двух перекладин (крест из д. Шапилово). В принципе навершие является верхней перекладиной, «надставленной» дополнительным объемом под двумя венчающими скатами, однако мастера, изготовившие кенотафы, обращались с формой навершия совершенно свободно. Так, на кресте Пустошкина оно в целом дуговидное, однако с легкой килевидностью верхушки. Навершие креста из д. Шапилово можно грубо

Рис. 1. Крест 1619 г. из Никитского монастыря Переславля-Залесского. Переславль-Залесский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Фото А. В. Яганова

описать как трапезиевидное с вогнутыми боковыми сторонами. Упомянутых признаков кенотафов достаточно, чтобы причислить к ним также образец 1672 г. из Саратова, от которого сохранился лишь обломок (Герасимов, 1911)¹. Этот образец оформлен двусторонне. Его толщина 17–18 см, а реконструируемая высота – не менее 80 см, что соответствует приведенным выше значениям для кенотафов. Полукруглое навершие равно по ширине перекладине. На лицевой стороне обронное изображение креста помещено таким образом, что его главная перекладина находится в навершии памятника, так же, как и на кресте Пустошкина. Повреждения образца не позволили публикатору полностью прочесть текст надписи, и он высказал предположение, что крест поставлен в память построения храма. Учитывая же аналоги, о которых не мог знать С. Герасимов в начале XX в., вернее всего рассматривать крест как кенотаф, привезенный из Москвы в Саратов кем-то из родственников убитого.

Кресты из Зарайска и погоста Пять Крестов отличаются от известных нам кенотафов примени-

¹ Благодарим А. В. Яганова за указание на эту редкую публикацию.

Рис. 2. Крест 1686 г. по стряпчему С. М. Пустошкину из окрестностей с. Виноградово. Музей-заповедник «Коломенское» (по: Яганов, 2011. С. 364. Рис. 1)

ем косой нижней перекладины. При этом композиционный принцип одинакового размаха наверху и обеих перекладин соблюден и для зарайских крестов (также, если верить рисунку 1844 г., три перекладины на памятниках с погоста Пять Крестов были одинакового размаха). Особенность оформления зарайских крестов – помещение текста на лицевой стороне, в поле между бортиком и обронным изображением креста.

Итак, сохранившиеся до наших дней памятники позволяют сделать вывод о том, что в XVII в. каменные кресты в центральных московских территориях устанавливались преимущественно (или даже исключительно) в связи со случаями насильственной гибели, причем не столько в качестве надгробных сооружений, сколько в качестве памятных знаков на месте трагических событий, недавних или имевших место в далеком прошлом по отношению ко времени установки крестов. Однако когда такая связь могла возникнуть? Самый ранний случай установки кенотафа в Подмоскovie зафиксирован для 1521 г. Об этом кенотафе, находившемся на тер-

ритории современного Раменского р-на Московской обл., сообщает источник XVII в., процитированный Т. В. Левиной (2006). Согласно источнику – акту 1687 г., упоминание о кресте в качестве межевого признака имеется в Писцовой книге Московского уезда Семена Колтовского и подьячего Анисима Ильина 1623–1624 гг., в самом же акте 1687 г. приводится текст на кресте: «Лета 7029 году июля в 29 день убиен от татар Тимофей Шемяка Григорьев сын». Эта дата весьма точно соответствует опустошительному набегу на Москву крымских татар под предводительством хана Махмет Гирея. К сожалению, нам ничего не известно о том, как выглядел крест 1521 г. в источнике не указаны ни его размеры, ни форма. Сам по себе факт наличия эпитафии на этом кресте существенно отличает его от намогильных «московских» крестов и сближает с сохранившимися кенотафами XVII в.

Были ли кенотафы в новгородских и псковских землях, мы не знаем. Кроме Воймерицкого креста XII в., других каменных крестов на землях Новгорода и Пскова, которым бы в научной литературе приписывалась функция кенотафа, не имеется. Несомненно, подавляющее большинство каменных крестов XIV–XVI вв. на указанной территории были намогильными памятниками.

Интересный пример представляет собой «эстляндский» крест, поставленный на месте гибели в 1590 г. Василия Росладина, перешедшего в 1582 г. вместе с двумя братьями на шведскую службу. Как сообщает помещенный на одной стороне креста текст на немецком языке, Василий Росладин погиб при отражении нападения русских войск на шведский лагерь. На другой стороне креста помещен русский текст: «Лета 7198 месяца февраля на память святого Сидора... убиен бысть на сем месте раб Божий Василей...» (Спицын, 1903. С. 208). Формула этого текста весьма близка эпитафиям на русских надгробных плитах и, что важнее, надписи на кресте близ г. Шуи и первой части надписи на кресте Пустошкина. Учитывая это сходство, можно считать «эстляндский» крест косвенным свидетельством практики установки кенотафов в то время в России (на эту практику и ориентировались родственники Василия Росладина), т. е. подмосковный кенотаф 1521 г. был в XVI в. не единственным.

Отметим, что кенотафы в XIV–XVI вв. часто ставились в католических землях, например, на территориях современных Германии, Чехии и Польши. Связано это с существовавшими тогда судебными правилами, согласно которым виновный в непреднамеренном убийстве мог избежать смертной казни, если он заключал с родственниками погибшего прими-

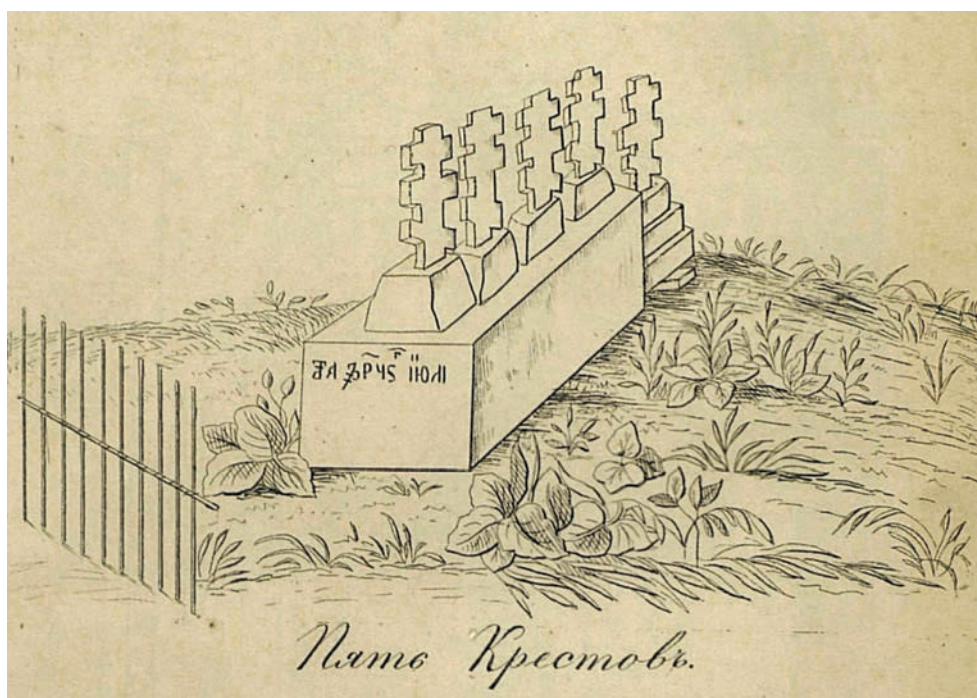

Рис. 3. Комплекс из пяти крестов на р. Семиславке.
Рисунок Н. Д. Иванчина-Писарева (1844. С. 39–40. Рис. II)

рительный договор, по которому помимо денежных выплат и заказа поминальных служб он брал на себя обязанность установить каменный крест на месте убийства. Такие документы сохранились в архивах (в частности, для одной только Саксонии выявлено 45 договоров, упоминающих обязанность виновного поставить каменный крест – *Kuhfahl*, 1928). Большинство уцелевших донныне позднесредневековых каменных крестов Германии и Польши считаются примирительными крестами (их невозможно связать с конкретными сохранившимися договорами, так как в договорах не указывалось место установки крестов). После введения в 1533 г. судебно-уголовного уложения Карла V, так называемых Каролин, возможность частного соглашения отменялась, однако в некоторых местностях обычай примирительных крестов продолжал существовать на протяжении всего XVI в. Кроме того, родственники погибших от насилия или несчастного случая могли устанавливать кенотафы по собственной инициативе.

Разумеется, кенотафы Московского региона не имели формально-юридический подопле-

ки², они устанавливались по личному побуждению родственников, близких или покровителей убитых. Однако эти кенотафы схожи с немецкими купительными крестами самой идеей установки долговечного памятника на месте пролития крови, с главным назначением такого памятника – побуждать проходящих мимо к молитве за упокоевание души убитого. Эта идея, новая для Московской Руси XVI в., вполне могла инспирироваться предшествующим двухвековым опытом католического Запада, с которым у Руси были дипломатические, торговые и культурные контакты. Для этого достаточно было, чтобы какой-либо купец или дьяк, общавшийся с иноземцами и узнавший от них о значении на их родине каменных крестов, сам поставил на месте гибели родственника каменный крест, после чего его примеру последовали другие представители торговой или служилой элиты. Кресты, конечно, изготавливались мастерами на основе местных образцов, в числе которых, в частности, фигурировал крест митрополита Ионы (*Шелятина*, 1973. С. 233, 234). Описанную гипоте-

² Впрочем, Т. В. Николаева приводит один любопытный документ, проливающий свет на вопрос о причине установки каменного креста-кенотафа 1693 г., найденного в окрестностях д. Шапилово под Сергиевом Посадом. Этот памятный знак был установлен на месте убийства монастырских крестьян села Благовещенского крестьянами села Черной Речки. За это священноначалие Троице-Сергиевого монастыря вменило в обязанность черноречским крестьянам выплатить значительную сумму денег и, вероятно, установить на месте преступления памятный каменный крест (*Николаева*, 1960. С. 189).

зу ослабляет тот факт, что неперенным атрибутом кенотафов Московского региона была надпись (присутствующая уже на памятном кресте 1521 г.), в то время как на западных кенотафах надписи являются большой редкостью³. Однако подписанных кенотафов где-либо на Руси ранее XVI в. все равно не известно (не считая Воймерицкого креста). Так что обязательное применение надписи на кенотафах следует признать чисто московской чертой, что не исключает возможности заимствования самой идеи креста-кенотафа из других культур, раз такая там существовала.

Надгробные «московские» каменные кресты и кресты-кенотафы Московского региона могли быть инспирированы двумя различными источниками. «Московские» кресты соответствовали бытовавшему в XIV–XVI вв. русскому (точнее, новгородско-псковскому) пониманию каменных крестов преимущественно как надгробных памятников (Алексеев, Кузьменко, 2019). Кресты-кенота-

фы Московского региона соответствовали центральноевропейскому пониманию каменного креста преимущественно как памятника на месте трагедии. Зависимость «московских» намогильных крестов и крестов-кенотафов от разных источников подтверждается разным временем их бытования: последняя четверть XV в. – первая половина XVI в. и 1520-е годы – конец XVII в. соответственно. Кладбищенские намогильные кресты были некоторое время довольно многочисленны, но в дальнейшем не закрепились в погребальной культуре Московской Руси. Кенотафы же бытовали продолжительное время, хотя до нас дошли лишь единичные примеры, в основном второй половины XVII в. Надгробный крест 1619 г. из Никитского монастыря Переславля-Залесского из-за наличия эпитафии, особенностей оформления, связи со случаем насильственной смерти, несомненно, стоит гораздо ближе к сохранившимся кенотафам, чем к намогильным крестам.

Литература

Алексеев А. В., Кузьменко С. В., 2018. «Московские» каменные кресты XV–XVI вв. с геометрическим декором. Каталог памятников // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 307–329.

Алексеев А. В., Кузьменко С. В., 2019. О среднерусских каменных крестах XV–XV вв. // ТТЗ. Вып. 12. Тверь: ИА РАН, «ТНИИР-Центр». С. 371–387.

Герасимов А., 1911. По поводу находки в Саратове каменного креста с надписью XVII века // Тр. Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 27. Саратов: Тип. Союза печатного дела. 8 с.

Золотов Ю. М., 1960. Каменный крест XVII в. со станции Жилево // СА. № 3. С. 333–335.

Золотов Ю. М., 1986. Памятный крест по стряпчем Пустошкине // СА. № 1. С. 266–268.

Иванчин-Писарев Н., 1844. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М.: Тип. А. Семена. 176 с.

Левина Т. В., 2006. Белокаменное надгробие XV – начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие XIII–XVII в. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 87.

Левитская Н. В., Сукина Л. Б., 1990. Крест XVII в. из Никитского монастыря на Плещеевом озере // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново. С. 36–37.

Николаева Т. В., 1960. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // Сообщ. Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника. Вып. 3. Загорск: Тип. ЦБТИ Мособлсовнархоза. С. 181–190.

Потрапов А. Л., Хмельник Т. Ю., 2018. Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты. М.: Вече. 368 с.

Спицын А. А., 1903. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА ИРАО. Т. 5. Вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. С. 203–234.

Шеляпина Н. С., 1973. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля // СА. № 4. С. 227–235.

Яганов А. В., 2011. По поводу происхождения памятного креста по стряпчему С. М. Пустошкину // Вопросы эпиграфики. Вып. 5. М.: РФСОН. С. 362–369.

Kuhfahl G., 1928. Die alten Steinkreuze in Sachsen. Dresden. 240 p.

³ В предместье г. Трутнова (Чехия, Крконоше), на окраине деревни сохранился крупный средневековый крест из песчаника. На одной стороне у него пространная надпись о том, что на месте установки креста в 1501 г. у некоего жителя было «отнято тело», а на другой – изображение погибшего вместе с орудием убийства – топором (Потрапов, Хмельник, 2018. С. 196, 197).

A. V. Alekseev, S. V. Kuzmenko

About the Central Russian stone crosses-cenotaphs of the 16th – 17th centuries

Summary

The paper summarizes information about white stone crosses in Central Russia, the installation of which was associated with cases of violent deaths of people. Such cenotaph crosses were used in the

16th – 17th centuries. New data on this rare group of lapidary monuments significantly enriches our ideas about the funerary and memorial culture of Moscow Russia.

List of figures

Fig. 1. Cross 1619 from the Nikitsky monastery of Pereslavl-Zalessky. Pereslavl-Zalessky historical-architectural and art museum-reserve. Photo by A. V. Yaganov

Fig. 2. Cross of 1686 according to the lawyer S. M. Pustoshkin from the locality of the village Vinogradovo. Museum-Reserve «Kolomenskoye» (by Yaganov, 2011. P. 364. Fig. 1)

Fig. 3. A complex of five crosses on the river Semislavka. Drawing by N. D. Ivanchin-Pisarev (1844. P. 39–40. Fig. II)

А. Ю. Быков

*Историико-культурный комплекс Вятское им. Е.А. Анкудиновой,
г. Ярославль*

К вопросу о принадлежности надгробных плит и крестов из бывшей деревни Кузмадемьянка Мышкинского района

В 2014 г. опубликованы первые сведения о каменных крестах из деревни Кузмадемьянка (Быков, 2014. Рис. 1, 2). В 2018 г. А. В. Алексеев предложил интерпретацию каменных крестов московского типа (надгробных или памятных в православной поминальной традиции в Московском государстве), назвав их стелами (Алексеев, Кузьменко. 2018. С. 315–328). В целом выводы А. В. Алексеева об уникальности фрагментов и их периодизации совпадают с моими, учитывая, конечно, поправку на достаточно интенсивное изучение каменных крестов и их фрагментов в московском регионе в период между 2014 и 2018 гг. (рис. 1; 2).

Сейчас же хочу обратить внимание не на художественные достоинства кузмадемьянских памятников, а попытаться выяснить, какое из владельческих семейств Кацкого стана могло быть их заказчиком во второй половине XV – начале XVI в. Скорее всего, таким семейством может быть род новгородца Михаила Прушанича, или же, если исходить из второго аргументированного предположения, род Морозовых, появившийся в Москве в последней четверти XIV в. (Синелобов, 2011) и разделившийся в XV–XVI вв. на многочисленные ветви. В пользу такого предположения приведу сведения по землевладению рода Морозовых, антропонимике края и особенностям престолонаименования в угличских церквях XVII в. Определение конкретного рода (новгородского или московского с новгородскими или какими-либо другими корнями), поставившего рассматриваемые кресты, не является целью данной работы. Пока важно само наличие фактического материала о присутствии в Кацком стане многочисленных Морозовых; в статье делается попытка связать воедино доступные сведения о них и возможных местах

владений рода на локальной территории. Стоит упомянуть о следующих существенных моментах, связанных с происхождением угличских землевладельцев Морозовых. Во-первых, появление фамилии на угличской земле связано, по-видимому, с расширением влияния Москвы, в результате чего на территорию Угличского княжества проникают старомосковские землевладельцы указанного рода. Путь Морозовых лежал через дворы членов семьи великих московских князей. Во-вторых, даже если допустить параллельное служение в Москве в XV–XVI вв. двух или нескольких родов-однофамильцев, не будет высока вероятность того, что члены этих родов служили одним и тем же персонам великокняжеской семьи (как то: княгине Марии Ярославне, князьям Андрею Большому и Дмитрию Жилке) и получали вместе землю в относительно небольшой волости Угличского удельного княжества. Пока логичнее предположить, что земли разных родов Морозовых не переплетались в Кацком стане, да и в Угличе в целом, и все члены фамилии, имевшие владения в Кадке, происходили из одного рода. Поэтому в статье говорится об одном роде, а не о нескольких возможных.

Начну с землевладения. В алфавитном порядке можно упомянуть сначала фамилию *Голочеловых* (рис. 3, 1). В завещании угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки говорится о возврате вотчины Ивана *Голочола* Дмитриева Давыдова (сельцо Рождественное с деревнями) (ДДГ, 1950. С. 414) после его смерти в 1520 или 1521 г. Месторасположение сельца пока достаточно спорно. Учитывая информацию о территории землевладения Морозовых всех упомянутых ниже ветвей, следует предположить, что Иван Голочол в первой четверти XVI в. являлся владельцем либо села

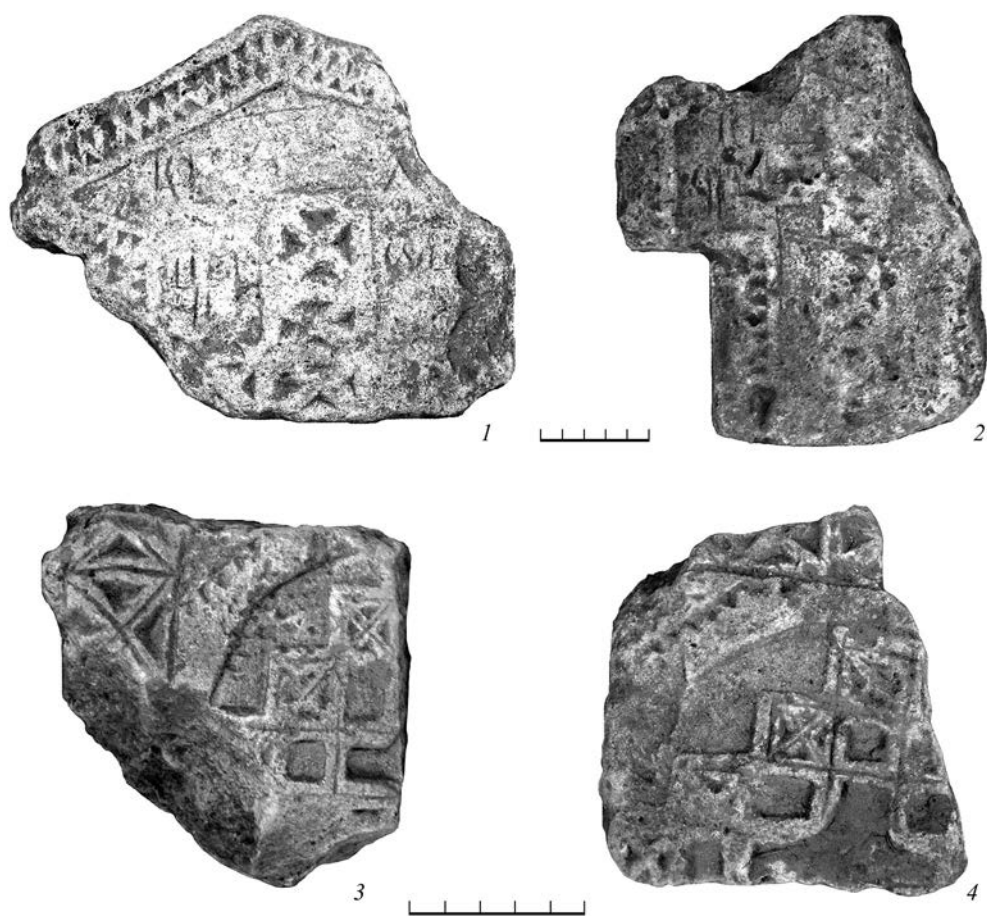

Рис. 1. Фрагменты крестов (стел) из д. Кузмадемьянка, кон. XV – 1-я пол. XVI в.
1 – КД-9, 22×17×7 см; 2 – КД-10, 21,0×18,0×5,5 см; 3 – КД-25, 14×13×9 см; 4 – КД-8, 11,5×12,0×9,0 см

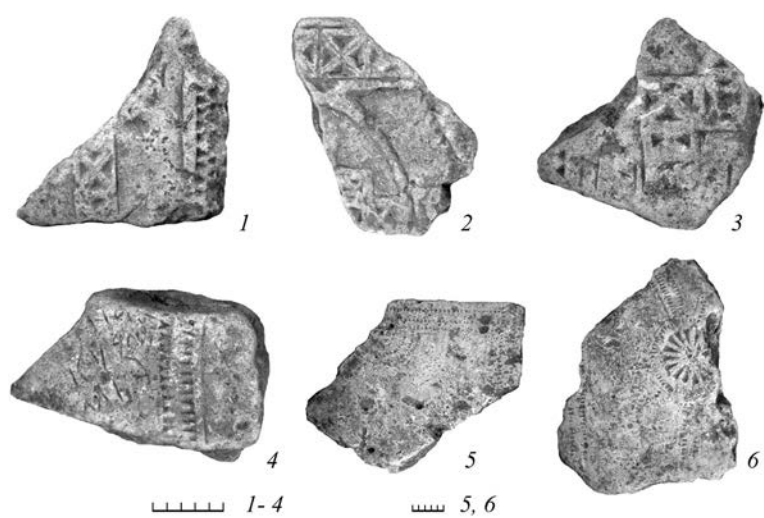

Рис. 2. Фрагменты крестов (стел) и надгробий из д. Кузмадемьянка, кон. XV – 1-я пол. XVI в.
1 – КД-16, 17×18×9 см; 2 – КД-17, 13×14×9 см; 3 – КД-24, 14,5×16,0×8,5 см; 4 – КД-15, 12,0×20,0×7,5 см;
5 – КД-20, 18,5×34,0×6,5 см; 6 – КД-21, 39,0×29,0×8,5 см

Рождественного на Корожечне Городского стана, либо села Рождественного в Кадке. Часть вотчины Андрея Романова Морозова находилась вблизи от погоста Рождественного на Корожечне Городского стана (с XIX в. и по сей день село Никольское-Масальское); не исключено, что она непосредственно примыкала к землям на Корожечне. В писцовой книге Угличского уезда (далее – ПК УГЛУ) село Рождественное на Корожечне с деревнями Хлудово на Курге, Лукьяново на Курге и Яковлево на Корожечне принадлежало ранее окольному Михаилу Глебовичу Салтыкову (*Липинский*, 1887–1888. № 270. С. 143, 144) на правах вотчины, т.е. находилось в руках представителя рода Морозовых до измены Михаила Глебовича во время Смуты (СЭ, 2003. С. 304, 305). На Корожечне же до 1560-х гг. находились вотчинные земли Ивана Петрова Голочелова: западнее Рождественного пустоши (что было сельцо) Подольское, Чеченино, Шелудяково и др. (*Липинский*, 1887–1888. № 259. С. 133). В то же время еще один представитель Голочеловых (Иван Борисов) владеет землями, примыкающими к границам Генерального межевания 1770-х гг. (далее – ГМ) села Рождественного в Кадке на р. Нерге до 1616–1617 гг.: селом Таралыковым и двумя деревнями – Жуковым на Норше и Неноровым Нероновым тож с пустошами Ведрово; Глубенка, Лубенка тож; Коренево на Пизденке; Косиково, Косяки тож; Кошкина; Любенка; Мохилниково, Мохиняково тож; Сокольниково; Черноусово на Пизденке (*Липинский*, 1887–1888. № 83. С. 337. Рис. 3, 4). Владели ли в XVI в. представители Морозовых в Угличском уезде двумя селами Рождественскими? Или же нужно считать, что село Рождественное в Кадке случайно оказалось окруженным с запада и с востока землями Голочеловых (представитель которых владел неким одноименным селом в Угличе в 1520–1521 гг.)? На данный момент исследования, село Рождествено в Кадке я считаю относящимся к землевладению семейства

Морозовых, что и отражено у меня на карте. Тем не менее необходимо сделать оговорку про гипотетичность такого соотнесения.

Упомянутые чуть выше Иван Петров и Иван Борисов Голочеловы являлись вотчинниками в Городском и Кацком станах по ПК УГЛУ на 1555–1556 и 1616–1617 гг. соответственно.¹

Следующее семейство по алфавиту – непосредственно *Морозовы*. Вотчина упомянутого Андрея Романова Морозова была разделена на несколько частей и полностью перешла во владение Покровского Угличского монастыря (*Липинский*, 1887–1888. № 106. С. 355). Большая часть земель представляла собой монолитный комплекс к востоку от села Ордино, ограниченный с юга речкой Роговкой (рис. 3, 3)². Возможно, что неопределенная часть монастырского комплекса к югу от Роговки до границы с Городским станом, выделенная на карте пунктиром, также принадлежала упомянутому лицу или иному представителю семейства, на что косвенно указывает наличие «морозовской» деревни Ташлыково с юго-запада от вотчины Покровского монастыря, но пока такие данные по территории восточнее Ташлыкова не выявлены. Другие части бывшей морозовской вотчины, значительно меньшие по площади, находились у западных границ Кацкого стана³. Личность Андрея Романова Морозова не идентифицирована по родословцам; не исключено, что он является сыном Романа Андреева Морозова, на котором вместе с братом Исааком остановилось перечисление ветки Якова Дмитриева Морозова, кстати, брата Ивана Дмитриева Голочоло, владельца обсуждавшегося выше села Рождественного (ПИРСС, 2011. Л. 143 об. С. 82).

Следующая ветвь семейства владела в Кадке сельцом Синцово с деревнями⁴ в качестве поместья до 1520–1521 гг., что отмечено в духовной грамоте князя Дмитрия Ивановича Жилки. Синцово находится вблизи от вотчины Андрея Морозова (рис. 3, 2). Помещиком до того времени являлся

¹ Не исключено, в писцовых книгах Угличского уезда 1631–1632 гг. произошла путаница с идентификацией этих личностей или описка в более ранней дате сделки, так как оба они продают свои земли супруге Сабурова Михаила Богдановича Ульяне Степановне с разницей в 61 год (!). Тем не менее историчность Ивана Борисова Голочелова не вызывает сомнений: он упомянут как вкладчик в Троице-Сергиев монастырь в 1571–1572 гг. в Бежецком Верху (ВК ТСМ, 1987. № 539. Л. 587об.) и как владелец двора в Угличе в 1618 г. (*Шумаков*, 1899. С. 90, 91).

² Пустоши: Воронцово; Глебенки, Макарово тож; Дергаевская; Драчево; Карцово; Кашин Починок; Квасово, Красино тож; Коробанцово; Лызлово; Ондрюково; Реброво; Рогово; Рогово Большое; Студениково; Тимофеевская; Трухино; Ташлыково; Ханчики; Шилово.

³ Пустоши Бебяково; Пестово; Петрушино; Окулово, Петрушино тож.

⁴ Исходя из «тяготения» селений и пустошей к бывшему сельцу Синцову в описании в ПК УГЛУ 1631–1632 гг., можно реконструировать состав поместья Якова Поплевина, куда можно добавить пустоши Белячки, Белцово тож; Билцово; Боеданово; Бухарин Починок; Деревенки; Мироново; Мямлино; Обросимово, Обросово тож; Плишкино; Скребуны; Степаново; Чеченино; Якучево (*Липинский*, 1887–1888. № 107. С. 357, 358).

Яков (Григорьев) Попплевин (ДДГ, 1950. С. 410); по результатам завешания удельного князя бывшее поместье оказалось передано Воскресенскому монастырю в Угличе и до 1631–1632 гг. запустело.

Перейду к блоку данных антропонимики Кацкого стана. В 2017–2019 гг. мною была проведена работа по выявлению фамильных топонимов, названия которых могут происходить от дворянских фамилий. В результате появился каталог антропонимов. Одним из важных итогов стало определение процента вероятности принадлежности фамильного топонима какому-либо дворянскому семейству. Выяснилось, что 32,72% (1/3 часть) кацких топонимов (от общей цифры в 599 топонимов) выводятся из дворянских фамилий с разной степенью вероятности; 10,52% (1/10 часть) кацких топонимов могут иметь дворянское происхождение названий с высокой и доказанной степенью вероятности. Под эти критерии попадают и возможные следы присутствия представителей рода Морозовых на кацкой земле, выраженные в топонимике края. Представленные ниже топонимы будут указаны по статусу места на момент составления Писцовой книги Угличского уезда 1631–1632 гг.

Все потенциально «морозовские» топонимы были отнесены к 1/10 части топонимов с фамильной основой. В первую очередь в Кадке известны два топонима с вероятным указанием на главную фамилию рода Михаила Прушанича – Морозовых, чей представитель Андрей Романов Морозов в XVI в. владел в Кадке значительной территорией в вотчине:

128-9⁵. *Морозово, Пулово* тож, пустошь (ПГМ, № 453);

129-47. *Морозово*, пустошь.

По-видимому, землевладение фамилии Морозовых стало складываться в Угличском уезде с середины XV в., со времени службы боярина Дмитрия Давыдовича Морозова князю Андрею Большому; он упомянут в начале 1460-х гг. как судья этого князя (АСВР, 1964. С. 84). Его потомками являются все вышеперечисленные Голочеловы и, не исключено, Андрей Романов Морозов (ПИРСС, 2011. Л. 143 об. С. 82). Обратим внимание, что обе пустоши находятся в непосредственной близости от Кузмадемьянской пустоши (рис. 4). Одна пустошь точно идентифицирована в границах Генерального межевания; вторая пустошь упомянута в ПК УГЛУ в бывшем владении Микиты Нестерова Замыцкого, включающего в себя также пуст. Ульяново, Шишкино Бурцово, Чернятино Ворково

и Будданово. Большинство из них идентифицированы и находятся вокруг бывшего села Кузмадемьянского. Можно полагать, что и второе Морозово также могло находиться рядом с бывшим селом.

В других станах Угличского уезда имеются пустоши Горка, *Морозово тож*; *Морозово на Сити* села Ивановского в Рожаловском стане (*Липинский*, 1887–1888. № 44, 117. С. 387, 419); пустошь Молявино, *Морозово тож* – в Елоцком стане (*Липинский*, 1887–1888. № 35. С. 261); три пустоши в Городском стане (*Липинский*, 1887–1888. № 35, 231, 308. С. 30, 117, 202).

Дворяне Морозовы в четвертой четверти XVI – первой половине XVII в. упомянуты на службе по Кашину (*Сторожев*, 1895. С. 295); в конце XV – первой трети XVII в. они являлись землевладельцами в Ростовском (*Стрельников*, 2009. С. 72), а в 1450–1467 гг. – в Переяславском уездах (АСВР, 1952. С. 169, 170).

27-47. *Бурцово*, пустошь (ПГМ, № 237).

Дворяне Бурцовы (Бурцевы) известны практически во всех соседних с Угличем уездах: в Ярославле (ПМЯУ, 2000. Л. 256–258, 308–309, 341. С. 172, 202, 203, 222, 223) и Переславле-Залесском (*Алексеев*, 1966. С. 79, 81, 111, 160) они владели землями в XV–XVI вв.; в Дмитрове (ТКДТ. Л. 159), Ростове (ТКДТ. Л. 173), Твери (*Сторожев*, 1895. С. 290), служили по корпорациям в конце XVI в.; упомянуты среди новиков в Костроме, Юрьеве и Туле в 1596 г. (*Лихачев*, 1909. С. 118, 134, 158). Писцовая книга 1631–1632 гг. не знает владений Бурцовых в Угличском уезде, однако Бурцовы несколько раз упомянуты в качестве послухов по Угличу и Кашину за 1553 (54) – 1602 гг.: Бурцов Фёдор Семёнов, послух в Кинеле Городского стана в 1553–1554 гг. (*Шумаков*, 1899. С. 72, 73); Бурцов Четвертый Григорьев, послух в Городском стане в 1598–1599 гг. (АСЗ, 1997. № 248. С. 221); ок. 1602 г. (АСЗ, 1997. № 250. С. 223); послух в Кашинском уезде в 1589–1590 гг. (АСЗ, 2002. № 425. С. 348). Подтверждением наличия владений Бурцовых в Угличе косвенно может служить наличие антропонимов с одноименным корнем в Городском стане: пустошь *Бурцово* и пустошь Кузьминская, *Бурцово тож* на Улейме (*Липинский*, 1887–1888. № 144, 307. С. 93, 196).

Топоним *Бурцово* в Кацком стане, скорее всего, связан с ветвью Григория *Бурца* Кузьмича Морозова (конец XIV – первая половина XV в.) (*Веселовский*, 1969. С. 187). Пустошь Бурцово отстоит несколько в стороне (хотя и совсем не намного,

⁵ Здесь и далее приводится номер по каталогу фамильных топонимов автора статьи.

Рис. 4. Карта-схема фамильных топонимов и землевладения в окрестностях бывшего села Кузмадемьянского

в 5–7 км) от массива «морозовских» земель и топонимов с выявленными «морозовскими» фамильными основами и прямо с ними не связана (рис. 4). Однако на 1631–1632 гг. она указана в порожних поместьях Замыцких, имевших среди прочих и пустошь Морозово. Кроме того, вся дача Замыцких на восточной окраине Кацкого стана, судя по всему, располагалась в непосредственной близости от земель Голоцеловых (на карте) и потенциально могла вобрать часть земельных владений представителей изучаемого рода.

Показательно наличие пустоши *Кузьминская*, *Бурцово тож на Улейме* в Городском стане Угличского уезда. По-видимому, двойное наименование топонима может означать факт обладания местом непосредственно Григорием *Бурцом Кузьмичем* Морозовым⁶ в первой половине XV в. (а также его отцом или детьми) и дополнительно косвенно подтверждает предлагаемую схему присутствия рода Морозовых на части угличской земли, в Кацком стане.

Упомянутая в бывшем владении Замыцких пустошь *Ульяново*, несмотря на видимое отсутствие

такой фамилии в роду, может также оказаться маркером присутствия Морозовых на угличской земле. 184-47. *Ульяново*, пустошь (ПГМ. № 349).

Дворяне Ульянины упомянуты в ТКДТ служащими на уделе по Дмитрову (ТКДТ. С. 98, 130), позднее – по Пскову (*Лихачев*, 1909. С. 200). Связи семейства с Угличским уездом по документам пока не выявлены. Пустошь Ульяновская на Княжице зафиксирована в Моложском стане; (*Липинский*, 1887–1888. № 48. С. 510); пустошь Ульянино – в Городском стане (*Липинский*, 1887–1888. № 92. С. 77).

В связи с данными антропонимами наметилась следующая гипотеза. 128–9. Пустошь Морозово, *Пулово тож* (ПГМ. № 453) в районе д. Глотова в Кацком стане (рис. 4). В ближайшем соседстве с пустошью находится пустошь Кузмадемьянское и другие пустоши, принадлежавшие Василию Григорьеву Опочинину. В том же районе д. Глотова находится пустошь № 35–9 *Власово*, *Диково тож* (ПГМ. № 360), которая мной гипотетически связана с представителями Власьевых-Опочининых. При этом в Городском стане на р. Килене в даче к деревне *Пулово*, *Популово*

⁶ В числе прочих многочисленных пустошей Николо-Улейминского монастыря упомянуто *Григорково* на Улейме; насколько близко пустошь располагалась к исследуемому топониму, пока сказать трудно, но в перечислении Григорково идет седьмым пунктом по счету после *Кузьминской*, *Бурцово тож* (*Липинский*, 1887–1888. № 307. С. 196).

тож, принадлежавшей ранее 1631–1632 гг. Ивану Посникову Власьеву Опочинину, примыкает упомянутая выше пустошь Ульянино. Еще одно Пулово – пустошь в районе рек Пукша и Святица (смежном с р. Киленой) находилась на момент составления писцовой книги во владении помещика Малюты Абрамова Опочинина, а ранее за его дедом Василием (Литинский, 1887–1888. № 28. С. 24). Не является ли такое переплетение названий топонимов и фамилий владельцев Городского (в Килене) и Кацкого станов свидетельством владельческих прав боярыни Ульяны Морозовой (Стрельников, 2009. С. 72) на кацкую пустошь *Морозово*, *Пулово тож* и *Ульяново* (а заодно с ней и двух пуловских топонимов Городского стана и топонима *Ульянино*) в середине XVI в.? Не получили ли два топонима из двух станов с «ульяновской» основой свое название от имени упомянутой боярыни? Местная топонимика в данном случае дает основания так предполагать, но обязательно взятая только в комплексе сведений по одному или нескольким станам уезда. Ретроспективно свидетельством в пользу упомянутой версии может быть прямое указание на позднейшее владение землями рода Морозовых дворянами Опочиниными. Так, Данила и Петр Семеновы Опочинины в 1631–1632 гг. являлись помещиками селца Перекладова с деревнями (Литинский, 1887–1888. № 15, 16. С. 13, 14), которое в 1510 г. принадлежало на вотчинных правах Фёдору Алексееву Давыдову (Шумаков, 1899. С. 3).

Еще один вопрос стоит о непосредственной связи двух родов – Опочининых и Морозовых. Версия с приданым за невестой из рода Морозовых отпадает по причине поместного статуса земель, зафиксированных писцовыми книгами Угличского уезда за Опочиниными. По-видимому, последние получили морозовские земли спустя какое-то время после утраты их представителями старомосковского рода. Тем не менее я не исключаю возможную родственную линию, связывающую два рода в XVI в.

Три фамильных топонима относятся к имени Алексей или фамилии Алексеев:

1-39. *Алексеево*, Олисово тож, пустошь (ПГМ. № 791);

2-100. *Алексеевское* на Кадке, пустошь, ч.б. село (ПГМ. № 659);

3-64. *Алексеевское*, пустошь (ПГМ. № 1060).

В ПК УГЛУ 1631–1632 гг. Алексеевы упоминаются как бывшие вотчинники в Городском стане: «Оринское поместье Алексеевы, да ее детей Ивана да Юрия» (Литинский, 1887–1888. № 199. С. 109). В Дворовой тетради 1552–1561 гг. по Угличу упомянуты двое служащих Алексеевых: Юрий и Иван Федоровы (ТКДТ. Л. 133). Угличские Алексеевы от-

носятся, скорее всего, к большому роду Морозовых. Конечно, нельзя до конца исключить вероятность связи с другими Алексеевыми, один из которых (Роман Алексеев) служил дьяком Ивана III, а его сын Юрий имел вотчину в 1511 г. в Ростовском уезде (Стрельников, 2009. С. 74). Тем не менее массив данных землевладения и топонимики свидетельствует скорее в пользу «морозовской» версии дворянского происхождения, чем какой-либо другой. Сопоставив известные нам территории, точно принадлежавшие как самим Морозовым, так и прямым ветвям этой фамилии, следует отметить, что расположение по крайней мере двух пустошей из трех – Алексеевой и Алексеевского (рис. 3) – хорошо соотносится на карте с вотчинными и помещичьими землями Морозовых в районе д. Кузьминской, селца Синцова, и возможно, села Рождественного в Кадке с деревнями, потому предположение об отнесении этих топонимов к владению Алексеевых из рода Морозовых, несмотря на распространенность имени среди всех сословий, как представляется, не лишено оснований.

Алексеевы упомянуты землевладельцами в первой четверти XVII в. в Вологодском, Галичском и Ржевском уездах (Сторожев, 1906. № 2. С. 124).

Фамильная основа зафиксирована также в Городском стане (пустоши Олексино; Олексеево; Олексейково; Олексино, Опекино тож; Алексейково) (Литинский, 1887–1888. № 90, 148, 183, 200, 289. С. 75, 94, 106, 110, 154); в Рожаловском стане (деревни Климовское, Харламовская, Климово, Алексеевская тож и Алексеевское, Олексеево тож на Ильди) (Литинский, 1887–1888. № 101, 145. С. 406, 437); в Моложском стане (пустошь Алексеевское) (Литинский, 1887–1888. № 25. С. 483); в Елоцком стане (деревня Олексино на Корожечне и пустошь Алексеев починок) (Литинский, 1887–1888. № 22, 34. С. 253, 261).

Еще один топоним косвенно может свидетельствовать о присутствии рода Морозовых на кацкой земле:

171-2. Спрягино, *Скрябино тож*, пустошь (ПГМ. № 455).

Семейство Скрябиных в ТКДТ известно на службе по Торжку (Сторожев, 1895. Л. 150 об.), Москве (ТКДТ. Л. 94, 128), в качестве послухов – в ростовско-кашинском акте 1510-х гг. (АРГ. Л. 126), а также по Звенигороду (ТКДТ. Л. 166) и Галичу (Лихачев, 1909. С. 128). В конце XVI в. Скрябины-Травины упомянуты по Можайску и Дорогобужу (ТКДТ. Л. 138, 143 об.). Связи семейства с Угличским уездом по документам пока не выявлены. Топонимы с одноименной основой в Угличском уезде более не имеются. Не исключена связь семейства

Скрябиных с представителями рода Морозовых-Скрябиных (от Тимофея Игнатьевича Скрябы) (*Веселовский*, 1969. С. 202). В пользу этой гипотезы могут свидетельствовать как соседство обширной дачи с деревнями Жуково и Черноусово – бывшими владениями упомянутого Ивана Борисова Голочелова-Морозова до 1616–1617 гг. (рис. 4), так и с упомянутой же пустошью *Морозова*, *Пулово тож*.

Наконец, последним топонимом, название которого этимологически может быть связано с семейством рода Морозовых является:

107-94. *Кузьминская*, пустошь, ч. б. деревня (ПГМ. № 684).

Дворяне *Кузьминские* и *Кузьмины* широко известны в источниках середины XVI – первой половины XVII в. Они упоминаются в ТКДТ служащими по Твери (ТКДТ. Л. 145 об.), Переяславлю-Залескому (ТКДТ. Л. 105 об.), Боровску (ТКДТ. Л. 129 об.), Можайску (ТКДТ. Л. 140), Владимиру (ТКДТ. Л. 116 об., 117 об.), Москве (ТКДТ. Л. 96 об.) и Тарусе (ТКДТ. Л. 123). В 1570–1650-х гг. *Кузьмины* и *Кузьминские* служили по Твери, Старице, Зубцову и Ржеве Володимеровой (*Сторожев*, 1895. С. 294), а также по Романову (*Лихачев*, 1909. С. 1310). Известны земли *Кузьминских* в 1540–1548 гг. в Тверском (*Ланно*, 1893. № 65. С. 212), Владимирском (1588 г.) (АСЗ, 1998. № 226. С. 208) и *Кузьминых* в 1629–1631 гг. в Ростовском (ПМРУ, 2012. Л. 165–167 об. С. 270, 271), Вологодском (с 1587 (АСЗ, 1998. № 227. С. 209) по 1620 г. (АСЗ, 1998. № 12, 26. С. 83, 356), Галичском уездах (1606 г. (АСЗ, 1998. № 228. С. 209).

Пустошь *Кузьмино* известна в Койском стане (*Липинский*, 1887–1888. № 17. С. 187); пустоши *Кузьминское* и *Кузьминское Другое* – в Моложском стане (*Липинский*, 1887–1888. № 10. С. 461); пустошь что была починок Глинин, *Кузьмин*, Митенин тож на Сити; пустоши *Кузьмино* и *Кузьминское*; пустошь что была деревня *Кузьминская*, Плотниково тож – в Рожаловском стане (*Липинский*, 1887–1888. № 23, 102, 107, 140. С. 377, 407, 413, 430); пустоши *Кузьминская*; *Кузьминская*, *Бурцово тож* на Улейме; *Кузьминское* и *Кузьмы*, *Погорелово*, *Якимово тож* – в Городском стане (*Липинский*, 1887–1888. № 146, 176, 307, 310. С. 94, 104, 196, 211).

Учитывая тесные связи Углича с Тверью в XIV–XV вв., Переславлем и Ростовом в XV в., не исключено, что часть топонимов (которых, кроме Кадки, насчитывается 11 пунктов) в Угличском уезде могла произойти от упомянутых семейств дворян *Кузьминских*/*Кузьминых* (не исключая и антропоним в Кадке). Однако утверждать этого наверняка пока нельзя: имя Кузьма было очень популярно среди всех сословий.

Параллельный путь исследования можно выявить после сопоставления данных о землевладении и топонимике исследуемого края. Он может касаться конкретного старомосковского рода Морозовых; от ветви Григория Бурца Кузьмича *Морозова* (третья треть XIV в.) (*Веселовский*, 1969. С. 197). Дело в том, что пустошь (впоследствии деревня) с севера и запада соседствует с выявленными землями Андрея Романовича Морозова: пустошью *Окулово*, *Петрушино тож* и деревней (после Смуты пустошью) Бибаки (рис. 3). С востока пустошь Кузьминская (в ГМ деревня) граничит с большой дачей села Рождественного, предположительной вотчиной Ивана Голочолола Дмитриева Давыдова в 1520–1521 г. Наличие фамильной основы антропонима Кузьма в связи с этим очень удачно подходит к сведениям источников XVI в. и позволяет закрепить реконструкцию землевладения рода Морозовых в волости Кадка (Кацком стане) Угличского уезда.

Наконец, последним аргументом в пользу «морозовского» присутствия в Кадке могут являться церковные сведения. Нельзя обойти вниманием тот факт, что в Кацком стане находились три церкви из пяти, посвященных святым Козьме и Дамиану во всем Угличском уезде в 1631–1632 гг.: в селе Балакирево, селе что была пустошь *Глотова*, и в пустоши что было село *Кузмадемьянское*. Посвящение этим святым находится на первом месте среди всех святых и церковных праздников вообще в Кадке на 1631–1632 гг. (вместе с разными «Иисусовыми» праздниками – подсчет автора). Обратим внимание, что кузмадемьянские церкви упомянуты в селах Балакирево и Кузмадемьянском, окруженные как вышеупомянутыми «морозовскими» владениями, так и «морозовскими» фамильными топонимами. В этот ряд вписывается наличие пустоши Кузьминской (рядом с «церковно-кузьминским» же селом Балакиревым) и Бурцово (в окрестностях пустоши что было село *Кузмадемьянское*). Учитывая данные о землевладении различных ветвей Морозовых, следует предположить, что такое посвящение церквей связано с покровительством святых чудотворцев бессребреников Козьмы и Дамиана семейству Кузьминых и Бурцовых из рода Морозовых. Можно предположить также, что присутствие этого рода на Кацкой земле началось именно с данных ветвей Морозовых, а затем распространилось и на собственно Морозовых, Голочеловых, Поплевиных, Алексеевых. Добавлю, что служебные и имущественные связи других ветвей Морозовых с Угличем за период до первой трети XVII в. выявлены у *Давыдовых*: на первую половину XVI в. известны члены двора князя Дмитрия Ивановича

С. 431) и «государыня» Марфа Ивановна (Шестова) (*Липинский*, 1887–1888. № 146. С. 441–443); в Городском стане «государыня» же (*Липинский*, 1887–1888. № 314. С. 229).

На этом моменте можно возвратиться к вопросу, давшему название всей статье: какое семейство могло быть заказчиком каменных резных фрагментов стел или крестов? Для второй половины XV – начала XVI в. наличие белокаменных плит и крестов на территории кладбища, конечно же, свидетельствует о статусности места: ведь совсем не случайно представители владельческих кацких родов выбрали местом своего упокоения далекое от Москвы село (рис. 5). Село Кузмадемьянское в данном случае должно быть центром (или одним из центров) владений семейства; я предполагаю, что таким семейством в XV–XVI вв. могла быть именно фамилия потомков старомосковского рода. Конечно, пока в данном предположении большая доля гипотетичности, однако массив топонимических и исторических (в том числе церковных) и археологических (некрополь) данных позволяет делать такие предположения. Связи фамилии (в широком смысле) с Кадкой оказались настолько крепкими, что «морозовские» фамилии встречаются на территории бывшего стана в самом конце XVIII в., например владельцы дер. Труфаново в 1797 г. девица Екатерина Иванова и Елизавета Ивановы Тучковы (ГАЯО. Ф. 100. Оп. 7. Д. 741. Л. 98об.).⁷

Рассматривая по отдельности каждый фамильный топоним, мы, скорее всего, не сможем заметить связи между ними, так как характерными названиями из всех исследуемых являются только пункты

с фамильной основой «Морозов» и наличие кацкого владельца А.Р. Морозова. Мало ли было крестьян и дворян с такими фамилиями и прозвищами, как Алексеев, Бурец, Кузьмин, Скряба, да и Мороз тоже. Но если посмотреть на их изучение в совокупности исторических фактов, топонимических данных, картографии и наименовании престолов в церквях, что было представлено выше, то получится достаточно стройная картина присутствия конкретного рода в отдельно взятой исторической области в XV – начале XVII в., в нашем случае – волости Кадка. Наличие в непосредственной близости от родовых владений представителей фамилии Морозовых не просто надгробий из белого камня второй половины XV – начала XVI в., а фрагментов художественных памятников, вызывающих дискуссии по своей типологии и назначению, как представляется, свидетельствует в пользу принадлежности данных памятников семействам упомянутых ветвей Морозовых, способных заказать такие памятники в силу своего высокого имущественного и служебного статуса. Отнесение памятников из дер. Кузмадемьянки к типу белокаменных крестов, встречающихся в московской округе, также может подтвердить принадлежность заказчиков именно к выходцам из старомосковских владельческих семейств, к которым относятся и Морозовы. Надеюсь, что дальнейшее археологическое изучение современного урочища Кузмадемьянки и села Балакирева (а также других упомянутых пустошей) в Мышкинском районе сможет дополнительно подтвердить выдвинутую гипотезу о заказчиках каменных памятников из Кузмадемьянки.

Литература

- АРГ. М.: АН СССР, 1975. 437 с.
- АСЗ. Т. 1. М.: Археографический центр, 1997. 432 с.
- АСЗ. Т. 2. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 610 с.
- АСЗ. Т. 3. М.: Древлехранилище, 2002. 680 с.
- АСВР. Т. 1. М.: АН СССР. 1952. 690 с.
- АСВР. Т. 3. М.: АН СССР, 1964. 689 с.
- Алексеев А. В., Кузьменко С. В., 2018. «Московские» каменные кресты XV–XVI веков с геометрическим декором. Каталог памятников // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. 2018. С. 307–329.
- Алексеев Ю. Г., 1966. Аграрная и социальная история северо-восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.–Л.: Наука. 264 с.
- Алфавит о количестве душ по селениям Ярославской губернии за 1797 год / Гос. архив Ярославской обл. Ф. 100. Оп. 7. Д. 741.
- Быков А. Ю., 2014. Уникальные находки. (Надгробные памятники-кресты XV–XVI вв. из собрания Мышкинского музея) // Мышкинская логия. № 7 (13). Мышкин. С. 5–13.
- Веселовский С. Б., 1969. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука. 583 с.

⁷ В Мышкинском уезде Тучковы были известны вплоть до начала XX в. (*Третьякова*, 2017. С. 130, 131). Обратим внимание, что Екатерина Константиновна Тучкова, похороненная в 1902 г. на кладбище с. Каменка, являлась родной сестрой Фёдора Константиновича Опочинина; не исключено, что два рода (Морозовых с Опочиниными) уже многократно в течение столетий роднились друг с другом, о чем косвенно, но довольно навязчиво свидетельствуют топонимика, география и данные о землевладении в бывших Угличских землях.

- ВК ТСМ. М.: Наука, 1987. 440 с.
- Горстка А. Н., 2005. Горай: (повесть об Андрее, князе Угличском). Углич – Рыбинск: Углич. музей; Рыбинск. музей-заповедник. 105 с.
- ДДГ. М.–Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
- Ланно И. И., 1893. Тверской уезд в XVI в. М.: Унив. тип. 220 с.
- Литинский М. Н., 1887–1888. Угличские писцовые книги XVII в. // Временник Демидовского юридического лица. Кн. 41–46. Ярославль: Типо-Литография Фальк в Ярославле и Волчанинова в Москве. 619 с.
- Лихачев Н. П., 1909. Сводная десятня новинов Московского государства, поверстанных в 1596 г. // Изв. русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб.: Тип. Сириус. С. 113–209.
- ПГМ / РГАДА. Ф. 1354. Оп. 605. Ч. 1, 2.
- ПИРСС. М.: Древлехранилище, 2011. 558 с.
- ПМРУ. М.: Древлехранилище, 2012. 856 с.
- ПМЯУ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 360 с.
- СЭ. Т. 2. М.: Олма-Пресс, 2003. 816 с.
- Синелобов А. П., 2011. Спорные вопросы генеалогии боярского рода Морозовых-Тушиных в XIV–XV вв. // РИ. № 2. С. 69–76.
- Сторожев В. Н., 1895. Тверское дворянство XVII в. Вып. 4, Тверь: Тип. Губернского правления. 303 с.
- Сторожев В. Н., 1906. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в., собранные В. Н. Сторожевым. Вып. 1. СПб.: Тип. Императорской АН. 463 с.
- Стрельников С. В., 2009. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII в. М., СПб.: Альянс-Архео. 358 с.
- Третьякова Т., 2017. Дворянский некрополь Угличско-Мышкинского Верхневолжья (вторая половина XVIII – начало XX вв.). М.: Граница. 464 с.
- ТКДТ. М.–Л.: АН СССР, 1950. 456 с.
- Шумаков С., 1899. Угличские акты 1400–1749 гг. М.: Унив. тип. 248 с.

A. Y. Bykov

To the question of belonging of tombstones and crosses from the former village Kuzmademyanka in Myshkinsky district

Summary

The article attempts to determine the personal affiliation of anonymous white-stone gravestones of the 15th – 16th centuries from Yaroslavl region, based on

local toponymy data and written sources. Hypotheses are expressed as to what surnames of nobles – immigrants from Moscow, could they belong.

List of figures

Fig. 1. Fragments of crosses (steles) from the village Kuzmademyanka. The end of the 15th – 1st half of the 16th c.

1 – KD-9, 22×17×7 cm; 2 – KD-10, 21,0×18,0×5,5 cm; 3 – KD-25, 14×13×9 cm; 4 – KD-8, 11,5×12,0×9,0 cm

Fig. 2. Fragments of crosses (steles) and gravestones from the village Kuzmademyanka. The end of the 15th – 1st half of the 16th c.

1 – KD-16, 17×18×9 cm; 2 – KD-17, 13×14×9 cm; 3 – KD-24, 14,5×16,0×8,5 cm; 4 – KD-15, 12,0×20,0×7,5 cm; 5 – KD-20, 18,5×34,0×6,5 cm; 6 – KD-21, 39,0×29,0×8,5 cm

Fig. 3. Land ownership of the Morozov clan in the Katsky camp of the 15th – 16th cc. Reconstruction

№ 1 – patrimony of Ivan Golochol Dmitriev Davydov, 1520–1521. (presumably); № 2 – estate Yakov Grigoriev Poplevin, till 1520–1521; № 3 – patrimony of Andrei Romanov Morozov, the 1st half – middle of the 16th c.; № 4 – patrimony of Ivan Borisov Golochelov, till 1616–1617; № 5 – family names, supposedly attributed to landowners of the Morozov clan. *a* – numbers of summer residences in the plans of the general land survey; *b* – village settlements with churches, where the altars are sanctified in honor of st. Kozma and Damian (according to ПК УГЛЮ information 1629–1631)

Fig. 4. Map of family names and land tenure in the vicinity of the former village Kuzmademyanskiy

Fig. 5. Urochishche Kuzmademyanka on the map of the General Staff, O-37-077-B. Scale 1: 50000

С.З. Чернов

Институт археологии РАН, Москва

«Душеное с деревнями и с бортью»: феномен парных селищ по данным раскопок Верхних и Нижних Кукарок в 2009–2011 годах

Целью проекта «Первые деревни Московского княжества», осуществленного сектором археологии Москвы ИА РАН в 2007–2012 гг., стало исследование возникшего на Руси в XIII–XIV вв. нового типа поселений, для которого характерны небольшие размеры, дисперсное расположение и концентрация вокруг крупных сел (Чернов, 2015). Наиболее ранние из этих групп идентифицированы с волостями, известными по духовным грамотам великих московских и удельных князей (Чернов, 1991). Причины формирования этого типа поселений остаются не уясненными, хотя не вызывает сомнений, что перестройка иерархии расселения была связана с закономерностями внутренней колонизации и с особенностями социальной организации общества (Chernov, Erschova, 2013).

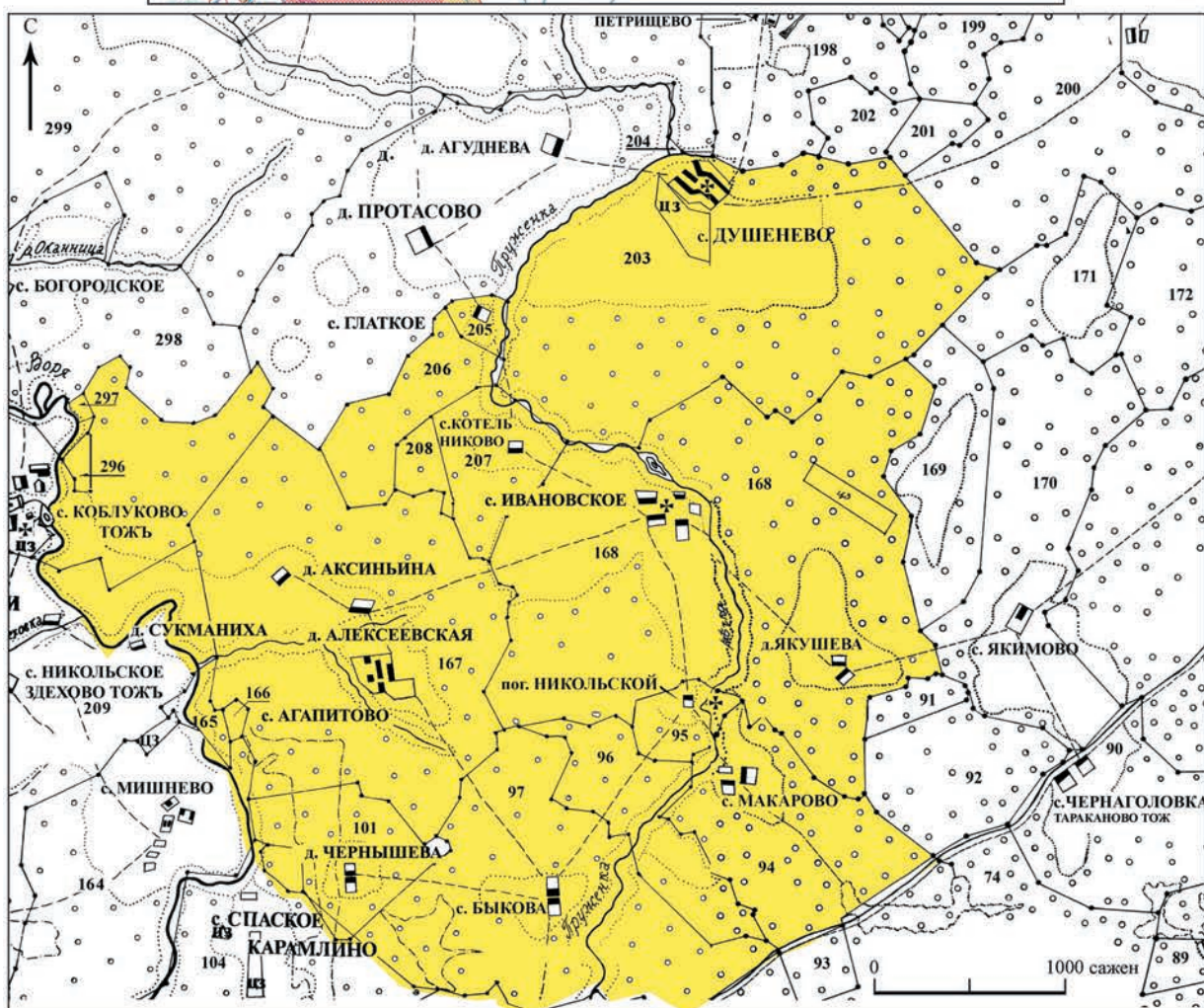
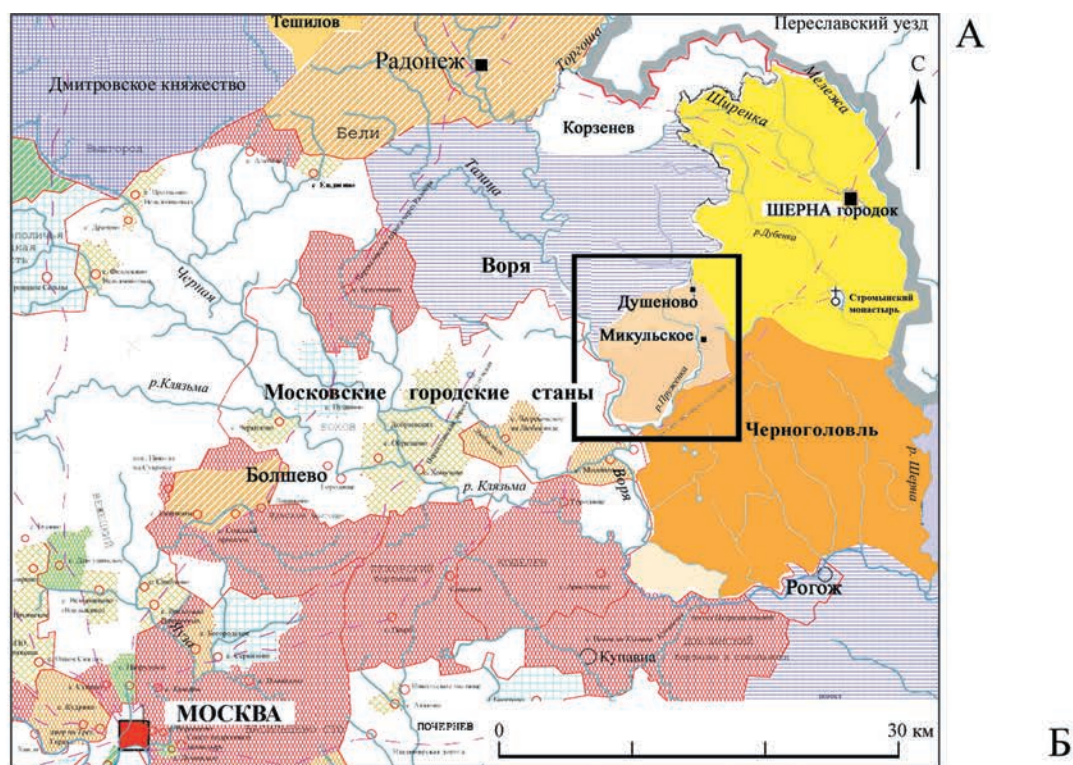
Одной из важных характеристик деревни являлась устойчивость раз сложившихся комплексов деревенских угодий и владений. С.Б. Веселовский, который ввел в научный оборот обширный пласт свидетельств актов и писцовых книг XIV–XVI вв., писал: «Запустевшие деревни очень долго описываются в последующих писцовых книгах, большею частью в тех же границах, как пустоши, “что были деревни”. С течением времени пашни и покосы запустевших деревень порастали лесом, иногда столь большим, что весь участок утрачивал комплексный характер и становился просто селищем, но сами землевладельцы были заинтересованы в сохранении памяти о бывших владениях деревень» (Веселовский, 1936. С. 28).

Археологические исследования сельских поселений на северо-востоке Московской области показали справедливость представлений об устойчивости деревень, существовавших на определенных местах многие столетия. Однако по мере

того, как разведки становились более детальными и позволяли фиксировать следы отдельных дворов, был отмечен интересный феномен. В ряде случаев на расстоянии порядка 50–100 и более метров друг от друга обнаруживались два разновременных селища, причем оба они располагались в центральной части комплекса угодий, который фиксируется в письменных источниках как земельная дача одной деревни.

Первый случай «парных селищ» был зафиксирован в 1978 г. к югу от с. Шарапова Сергиево-Посадского р-на. В пределах пустоши Шиловой, площадь которой, по данным межевой книги 1557–1559 гг., составляла 55 десятин (60 га), обнаружено два селища: Шарапово-5В первой четверти XV в. площадью 0,12 га и Шарапово-5А второй половины XIII в. площадью 0,22 га. На основании разъезжей грамоты Димитрия Лазарева 1473–1485 гг. первое селище идентифицировано с деревней, на которой в первой половине XV в. жил отец волостного человека Площевской великокняжеской волости Конана Шилова. Селище XIII в. интерпретировано как следы более ранней деревни той же волости (Чернов, 2017а).

Феномен «парных селищ» важен для понимания механизмов функционирования и воспроизводства «деревни», поскольку может открыть пласт информации, остающийся скрытой при изучении поселений, развивавшихся на одном и том же месте. В связи с этим было решено изучить подобные «парные» и разновременные поселения раскопками. Для исследования был выбран район волости Воря – единственной волости, где изучение перехода от древнерусского типа расселения к расселению в форме ранних деревень обеспечено как археологическими, так и письменными (более 50 актов) источниками. Особенно интересна

в этом плане округа с. Душенова¹, расположенного в верховьях притока р. Вори – речки Пруженки, поскольку на это место приходится одно из ранних упоминаний «деревень» (рис. 1, А).

*Владения Московского Чудова монастыря
в селе Душеное и локализация деревни Кукарки*

Первое упоминание села Душеное содержится в духовной грамоте митрополита Алексея, составленной незадолго до его кончины 12.02.1378 г. Среди сел, которые митрополит передавал «с(вя)т(о)му великому арх(а)нг(е)лу Михаилу и честному его чуду», то есть основанному им кремлевскому Чудову монастырю, значится «Душеное с деревнями и с бортью» (АСЭИ. Т. 3. № 28. С. 51). Из монастырской описи известно еще о двух грамотах на это владение. Первая дана Василием II 20.07.1461 г. «на пустошь Душеное» (АСЭИ. Т. 3. № 48а, № 68. С. 73), из чего можно заключить, что к этому времени село запустело. 21.03.1506. Василий III дал архимандриту Феогносту грамоту на «село Душеное и сельцо Кукарка» за подписью дьяка Федора Мишурина (АСЭИ. Т. 3. № 48а, № 73. С. 73).

Как владение Чудова монастыря Душеное существовало около 400 лет. Вскоре после передачи земель монастыря в ведомство Коллегии экономии (1763) земельная дача с. Душеное была отмежевана 11.08.1768 г. землемером Ладыженским (рис. 1, Б, № 203). Она охватывала 2699 десятин по обе стороны верхнего течения речки Пруженки, в районе села именовавшейся Белой (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 859. Ч. 1 Д-8).

На левом берегу речки Белой располагалось само село, а на правом – деревни Протасово и Огуднево, полученные обителью по разделу с Троице-Сергиевым монастырем в 1490–1495 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 554. С. 430–432). Это была компенсация за владения, на которые обитель претендовала в пределах вотчины Федора Тимофеевича Валуева в селе Петровском, данной Троице-Сергиеву монастырю его вдовой Акулиной в мор 1417–1424 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 282. С. 202). Следовательно, земли на правом берегу Пруженки не имели отношения к пожалованию митрополита Алексея.

Знание о разделе 1490–1495 гг. позволяет выделить из земельной дачи 1768 г. интересное нас владение – «Душеное с деревнями». Для

Рис. 1. А – схема расположения земель, относившихся к с. Микульскому на Пруженке (показана в рамке) на северо-востоке Московского княжества; Б – расположение вотчины Чудова монастыря в с. Душеное относительно села Микульского на Пруженке. План Богородского уезда Генерального межевания 1784 г.: масштаб – 1 верста в английском дюйме (РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189)

Номерами указаны земельные дачи по Генеральному межеванию 1766–1769 гг. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 859, Ч. 1): 90 – ЧЕРНАГОЛОВКА сельцо титулярного советника Алексея Федорова Протопопова; 91 – ИЕВЛЕВА и ДОРОГИНА пустоши Алексея Васильева сына Исленьева; 92 – ИЕВЛЕВА и ДОРОГИНА пустоши вдовы полковницы Прасковьи Ивановой дочери Зыбиной; 93 – ФОМИНА пустошь ФОКИНА тожъ графа Якова Александровича Брюса; 94 – МАКАРОВО сельцо полковницы Пелагеи Петровой дочери Матруниной; 95 – НИКОЛЬСКОЙ ПОГОСТЪ ЧТО НА ПРУЖКАХЪ священно и церковно служителей; 96 – ВЫСОКАЯ пустошь с пустошми полковницы Пелагеи Петровой дочери Матруниной; 97 – БОКОВО сельцо графа Александръ Ивановича Шувалова; 98 – ДЯТКИНА деревня ведомства Главной дворцовой канцелярии; 99 – ПАНИНА пустошь села ВОСКРЕСЕНСКАГО церкви Покрова Пресвятыя Богородицы священно и церковно служителей; 100 – ТИМОНЦОВА отделенная пустошь гвардии капитана Николая Александрова сына Лопухина; 101 – ЧЕРНЫШЕВА деревня капитана Ивана Артамонова Мамонова; 104 – СПАСКОЕ село КАРМОЛИНО тожъ прокурора Николая Ивано (вича) Волконского; 164 – МИШНЕВО сельцо гвардии капитана Николая Александрова Лопухина; 165 – КЛЕШНИНСКОЙ лугъ графа Александръ Ивановича Шувалова; 166 – Сенной покосъ сельца КОТЕЛЬНИКОВА коллежского ассесора Ивана Васильева сына Приклонского; 167 – АГАФИТОВО сельцо съ деревнями владения графа Александръ Ивановича Шувалова; 168 – ИВАНОВСКОЕ село и деревня ЯКУШЕВА полковника Алексея Васильева сына Исленьева и съ выделаною церковною землею; 169 – ХОЛМЫ БОЛЬШИЯ и МАЛЫЯ полпустоши адъютанта Хрущева; 170 – ЯКИМОВО сельцо генералъ поручика Александра Петровича; 171 – ХОЛМЫ БОЛЬШИЯ и МАЛЫЯ полпустоши генерала Лачинова; 172 – ТОЛКОСОСОВА пустошь съ пустошми бригадира Василья Петровича Лачинова; 198 – ПЕТРИЦЕВО сельцо гвардии подпоручика Михайлы Степанова Вышеславцова; 199 – КОПЫЛЫ полпустоши генералъ поручика Александра Петровича Логинова; 200 – ДЕМИХОВА пустошь и БАРКОВА ведомства Коллегии экономии прежде была во владении Свято Троицкой Сергиевой лавры; 201 – ГАРСКАЯ пустошь прапорщика Ивана Васильева сына Булыгина; 202 – ПРОНИНА пустошь подпоручика Тимофея Михайлова сына Регина (Ресина); 203 – ДУШЕНОВО село съ деревнями ведомства Коллегии Экономии прежде были и съ выделанною церковной землею; 204 – Сенной покосъ села МУРОМЦОВА церкви Николая чудотворца; 205 – ГЛАТКОЕ сельцо советницы Прасковьи Никитишны Жеребцовой; 206 – НОВИНКИ пустошь что было сельцо графа Александръ Ивановича Шувалова; 207 – КОТЕЛЬНИКОВО сельцо коллежского ассесора Ивана Васильева сына Приклонского; 208 – ВЕЛИКОЕ ПОЛЕ пустошь Николая Петровича Жеребцова жены его; 209 – НИКОЛЬСКОЕ село ЗДЕХОВА тожъ и деревня БОРИСОВИЧИ надворного советника Якова Андреева Дашкова; 296 – Лугъ села ДУШЕНЕВА внутри дачи села Спаского ведомства Коллегии Экономии что прежде былъ Чудова монастыря что въ Москве; 297 – Лугъ принадлежащей къ селу ПРУЖЕНКАМЪ церкви Николая чудотворца священно и церковно служителей; 298 – БОГОРОДСКОЕ село ведомства Коллегии экономии что прежде было во владении Иверскаго монастыря; 299 – ПЕТРОВСКОЕ село генеральши Марфы Васильевны Балковой

¹ Расположено в Щелковском р-не Московской обл.

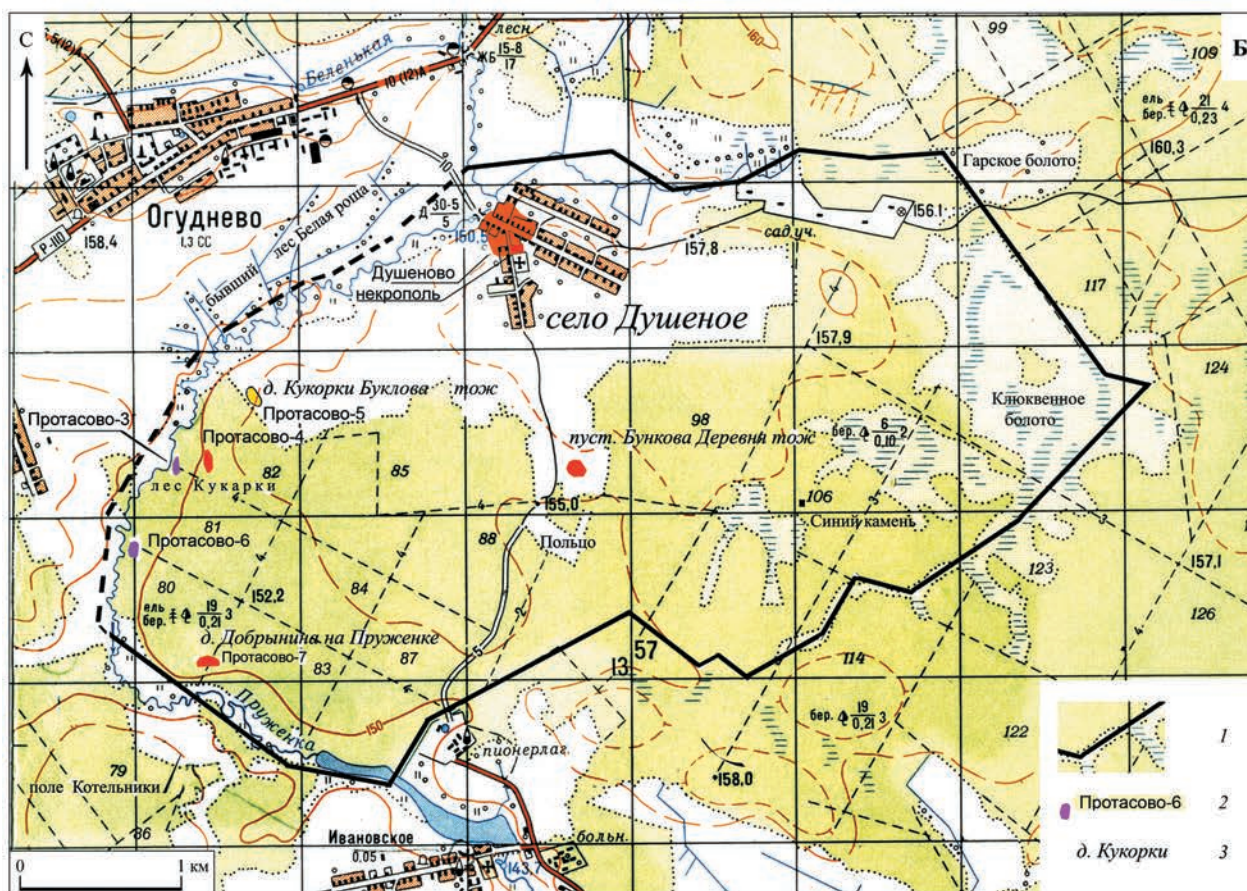

Таблица 1. Душеновская вотчина Чудова монастыря по описанию 1584–1586 гг.²

Поселение	Дворы	Пашни средние земли (в четвертях)	Перелог (в четвертях)	Сено и роща
село Душеное ц. Николая Чудотворца	Поп, пономарь, монастырский (приказчик), [15] крестьянских, [10] бобыльских, [4] пустых	50	21 и 1/8	200 копен, роща 10 десятин
деревня Кукорки Буклова тод	[3]	27	4 и 1/8	20 копен
деревня Протасова	[3]	30		20 копен
деревня Обутлево	[2]	22 и 1/8	1 и 1/8	50 копен
деревня Добрынина на реке Пружинке	[2]	7 и 1/8	10 и 1/8	100 копен
пустошь Бункова Деревня тож		4		
пустошь Золотилова, а Вороткова тож		6 и 1/16		
пустошь Коведяево		[4 и 3/8 1/16]		
пустошь Теренино		6 и 1/8		
Всего		152 3/8 1/16		
Итог писцов	25 крестьянских, 10 бобыльских, 4 пустых	137 (sic) верно 157 и 1/8	[41 и 7/8 1/16]	410 копен, роща 10 десятин
Всего 199 и 1/16				

этого необходимо обратиться к наиболее раннему описанию вотчины, сохранившемуся в писцовой книге 1584–1586 гг. Т. А. Хлопова и позволяет рассмотреть владение как хозяйственную систему (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 275) (табл. 1).

За вычетом правобережных земель, полученных монастырем в 1490–1495 гг. (Протасово и Обутлево [Огуднево], пустоши Золотилово, Коведяево и Теренино, перечисленные грамоте 1490–1495 гг.), остается искомое нами владение на левом берегу Пруженки. Помимо самого села Душенова оно включало деревни Кукорки и Добрынина, а так-

же пустошь Бункова Деревня тож. Деревня Кукорки идентифицируется с селищем Протасово-5 конца XV – XVI в., обнаруженным на поле, близ леса Кукарки, в 1,85 км к западу от церкви с. Душеново (рис. 2, Б). Деревню Добрынину «на реке Пружинке» можно связать с селищем Протасово-7 на берегу Пруженки. Пустошь Бункова Деревня тож, возможно, находилась у дороги на с. Ивановское (рис. 2, Б).

Описание застает вотчину Чудова монастыря на этапе восстановления после хозяйственного кризиса 1570-х годов. В ее древней левобережной части, площадью 1510 га³,

Рис. 2. Ранняя часть вотчины московского Чудова монастыря в с. Душеное, переданная митрополитом Алексеем

А – Топографическая карта Московской губернии, составленная съ топографической съемки произведенной в 1852 и 1853 годах и гравированная въ Военно-Топографическом Депо. 1860 г.: Масштаб въ англійском дюйме 2 версты или въ 1/84 000 долю настоящей величины. Ряд III. Лист 7 (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387); Б – реконструкция, выполненная на основе карты ГУГК масштаба 1:50 000. Лист 0-37-137 Г, по материалам съемки 1964 г. и обследования 1984 г. 1 – границы, нанесенные по данным плана Генерального межевания; 2 – памятники археологии: селище Душеново-1 (в с. Душеново), пл. 70 000 кв. м, XIV–XVII вв., некрополь XV–XVII вв. Селища: Протасово-3 (в кварталах 81 и 82), пл. 2000 кв. м, сер. – 2-я пол. XIII в.; Протасово-4 (в кв. 82), пл. 2500 кв. м, 2-я пол. XIV – 1-я четв. XV в.; Протасово-5 (на поле), пл. 5500 кв. м, посл. четв. XV – XVI в.; Протасово-6 (у источника, в кварталах 80 и 81), 2 тыс. кв. м, 2-я пол. XIII в.; Протасово-7 (на дороге на хутор Котельниково в кварталах 80 и 83), пл. 7500 кв. м, XIV–XVI вв. 3 – названия поселений и пустошей, упоминаемых в описании 1584–1586 гг.

² Поселения, расположенные на землях, переданных в Чудов монастырь митрополитом Алексеем, показаны полужирным шрифтом. В квадратных скобках указано число четвертей земли, утраченное в основном тексте описания и реконструируемое на основе итога писцов. Число дворов в деревнях реконструировано исходя из размеров запашки (15 десятин на двор).

³ Расчет произведен по Публичной кадастровой карте посредством наложения на нее границ земельной дачи Генерального межевания (рис. 1, Б, № 203).

или 1382 десятины, обрабатывалось⁴ при селе – 105,3 десятины пашни и перелога и 20 десятин лугов, при деревне Кукорки – 46,68 десятины пашни и перелога и 2 десятины лугов, при деревне Добрыниной – 25,86 десятины пашни и перелога и 10 десятин лугов, а в пустоши Бунковой – 6 десятин пашни. Всего под пашней и перелогом было 183,84 десятины, а под лугами 32 десятины, или 15,6% от площади имения, что кажется беспрецедентно низкой величиной даже для кризисных лет. Такая запашка не могла прокормить 25 дворов крестьян, проживавших в селе и деревнях, которые по стандартным нормам должны были обрабатывать около 375 десятин⁵. Для сравнения: в XIX – середине XX в. в левобережной части Душеновской вотчины распахивалось и выкашивалось около 340 га, или 331 десятина (рис. 2), а в 1768 г. – немного более (рис. 1, Б). Таким образом, общий объем запашки и покосов в XVI–XX вв. в районе Душенова колебался от 250 до 350 десятин.

До Смутного времени помимо прилегающего к селу большого поля существовали небольшие поля при каждой из трех деревень (Кукорки, Добрынина, Бункова), которые лежали к юго-западу от села. К юго-востоку располагались лес и болота (рис. 2, Б). Поле деревни Кукорки сохранилось в своих старинных границах, зафиксировано топосъемкой 1852–1853 гг. (32 га – рис. 2, А). Судя по плану 1768 г., оно распространялось далее на юг (северная часть нынешнего квартала 82 была свободна от леса – рис. 2, Б) и охватывало примерно ту же площадь, что и в 1584–1586 гг. (46,68 дес.)⁶.

Археологические разведки в лесу Кукарки

Обрисовав географический и исторический контекст, сконцентрируем теперь внимание на деревне Кукарки, которая является предметом исследования. Первый археологический памятник в лесу, известном жителям села Душенова как Кукарки (кварталы 81 и 82 Воря-Богородского лесничества), выявлен в 1977 г. в 2,5 км к западу

от церкви села Душеново в ходе маршрутного обследования первой террасы правого берега речки Пруженки и получил название Протасово-3 (Нижние Кукарки) (Чернов, 1977) (рис. 2; 3). В 2009 г., когда мы вернулись к этому памятнику, на селище были проведены археологические раскопки (72 кв. м), позволившие датировать его XIII в. (Чернов, 2009). Поскольку памятник не содержал культурных отложений XIV в., их поиск был развернут на прилегающей территории.

В геоморфологическом отношении левый берег Пруженки, занятый лесом Кукарки, включает первую террасу реки, возвышенность и плато. Этой структуре соответствует сеть лесных дорог, восходящих к эпохе Средневековья (рис. 4). Нижняя дорога пролегает вдоль бровки первой террасы через поляну, на которой расположено селище Нижние Кукарки. Средняя – ведет параллельно первой, в 100–300 м от нее, по возвышенности. Верхняя дорога пролегает по плато в 400 м восточнее Средней к селу Котельники (рис. 2).

В 120 м к северо-востоку от Нижних Кукарок, при Средней дороге, обнаружено селище Протасово-4 (Верхние Кукарки) (рис. 5). Оно расположено в 135 м от р. Пруженки, на пологом всхолмлении (156,0–156,5 м⁷, падение уровня по 2 см на 10 м по горизонтали) и возвышается на 6 м над уровнем реки (149 м) и на 4 м над уровнем Нижних Кукарок. Применительно к условиям Мещерской низменности древнее поселение отвечает параметрам селищ «на пологих холмах», типичных для XIV–XV вв. (Чернов, 1991. С. 118–120). И наконец, в 400 м к северо-востоку от Верхних Кукарок, на краю поля, у соединения Нижней и Средней дорог, обнаружено селище Протасово-5, содержавшее отложения конца XV – XVI в. с белоглиняной грубой керамикой.

Селище Верхние Кукарки локализуется к северу от перекрестка двух лесных дорог (рис. 6). Место древнего поселения покрыто смешанным лесом с преобладанием сосны и ели, причем лес здесь показан еще на плане 1768 г. (рис. 1, Б, № 203). Для определения границ распространения культурного

⁴ Как известно, четверть ржи высевалась на половину десятины, которая затем должна быть утроена, чтобы получить размер пашни в трех полях.

⁵ После описания угодий села публикатор указывает на пробел в тексте документа, за которым следует фраза «а въ дву потомужь добр. земли, сѣна 120 коп., лѣсу пашенного 6 дес.». Следовательно, при селе было не 105,3 десятины пашни, а значительно больше, а луга выкашивались на площади не 20, а 32 десятины. Остается при этом не ясным, почему писцы не включили эти угодья в итоговое описание.

⁶ Такая площадь могла обеспечивать существование трех крестьянских дворов. Площадь селища Протасово-5, зафиксированного в центре этого поля, составляет 0,55 га, что соответствует примерно трем дворам. На уровне данных о площади селища, которые дают археологические разведки (шурфовка и сбор подъемного материала на пашне), на двор приходится примерно 2000 кв. м (Гоняный и др., 2003. С. 234; Чернов, 2004. С. 182–184).

⁷ Здесь и далее отметки указываются в Балтийской системе высот.

Рис. 3. Вид на лес Кукарки с запада, от р. Пруженки. Край леса отмечает бровку реки, на которой, в 50 м южнее, расположено селище Протасово-3 (Нижние Кукарки). В глубине леса, в 70 м от его края, находится селище Протасово-4 (Кукарки Верхние). 05.06.2009 (точку съемки см. на рис. 5)

слоя разбито три линии шурфов вдоль западной (4–7) и восточной сторон дороги (12–17) и перпендикулярно ей (8, 9, 10, 18) (рис. 5). На фоне обычной лесной дерново-подзолистой почвы шурфы позволили выделить зону слабо гумусированной светло-бурой супеси, которая была трактована как культурный слой. Мощность его составляла 20 см и увеличивалась в северной части селища (шурфы 5 и 6) до 25 см. В шурфе 9 зафиксирована яма в материке глубиной 0,2 м. Зона светло-бурой супеси вытянута вдоль лесной дороги с северо-запада на юго-восток, имеет овальную форму, размеры 75×35 м и площадь 2,5 тыс. кв. м (0,25 га) (рис. 6). Керамика выявлена лишь в центре этой зоны на площади 30×20 м или 600 кв. м (рис. 6, шурфы 5, 7, 9, 11–15 – всего 25 фрагментов). Керамика (с примесью песка с кварцитами 1 мм и более и полным окислительным обжигом) относится к красноглиняной грубой, а венчик, найденный

в шурфе 9, может быть описан и как 6-й вариант серой посуды. В южной части этой «керамической зоны» шурф 15 затронул пятно ямы, в связи с чем здесь был заложен раскоп.

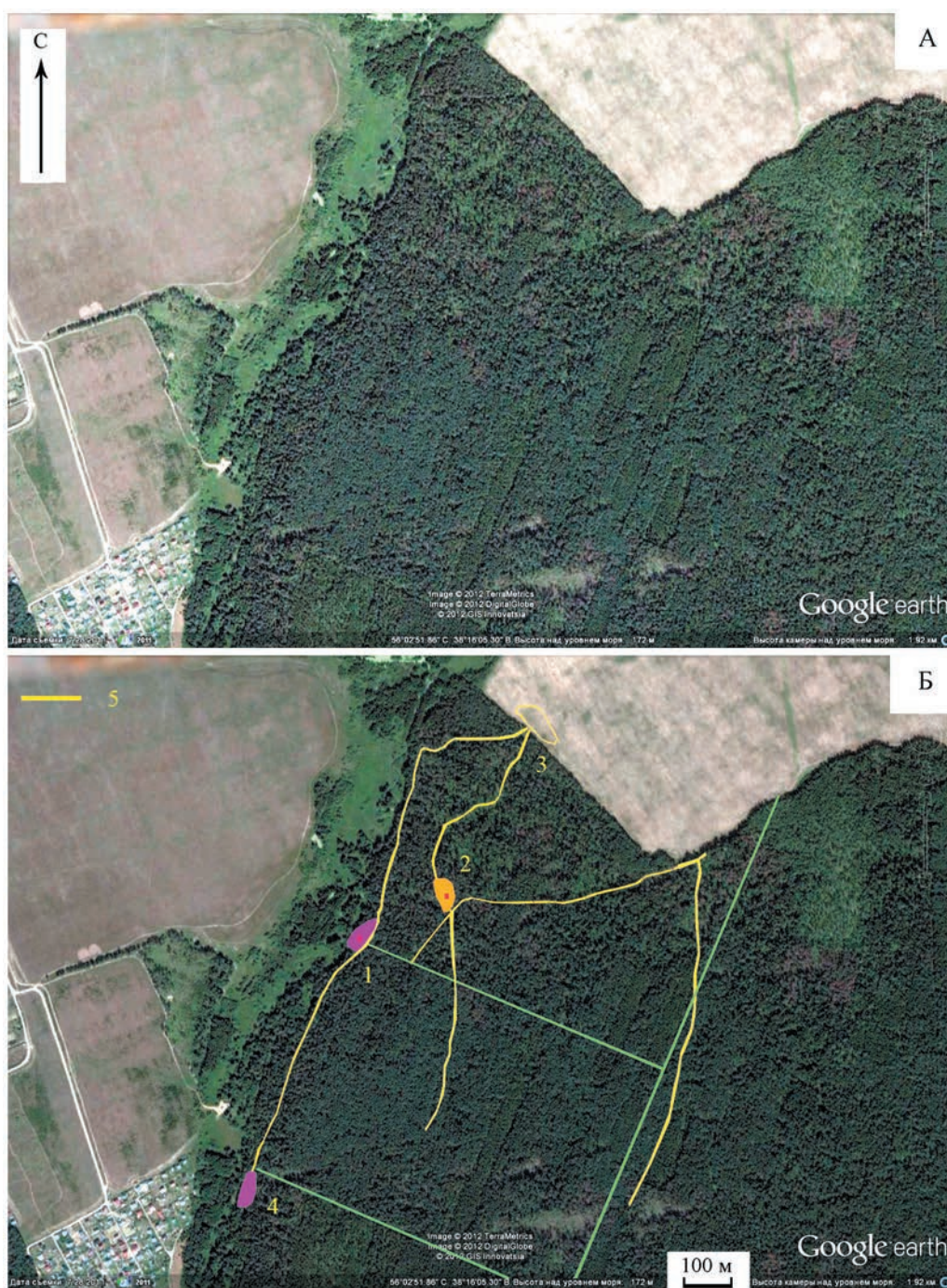
Раскопки селища Протасово-4 (Кукарки Верхние)

Исследования верхнего слоя

Раскоп (53 кв. м), вписанный в пространство между крупными деревьями, имел ровную поверхность с небольшим уклоном к юго-западу (-16/-35 см)⁸. Верхний слой, залегающий под дерном и снимавшийся в два пласта, представлял собой светло-серую слабо гумусированную супесь с включением мелких угольков мощностью 20–25 см (рис. 7). Зачистка материка (-40/-54 см) открыла в южной части раскопа две ямы. Эти обширные пятна вначале читались на фоне желтого

⁸ Раскопки производились пластами по 10 см с разборкой на ситах (зерно сетки 0,7 мм). Археологическая фиксация осуществлялась при участии Н. Н. Потапова. Разборку заполнения ям вели М. А. Малышкин и А. С. Лиферов, камеральную обработку материала – Е. Ю. Лебедева, земляные работы – учащиеся московской школы «Интеллектуал» (директор школы Е. В. Маркелов, руководитель практики археолог П. А. Евдокимов).

**Рис. 4. Лес Кукарки по данным археологического обследования 2009–2011 гг.
Космоснимок 28.07.2011 (А) и локализация археологических объектов на космоснимке (Б)**

1 – селище Протасово-3 (Кукарки Нижние); 2 – селище Протасово-4 (Кукарки Верхние); 3 – селище Протасово-5 (Кукарки на поле); 4 – селище Протасово-6 (у источника); 5 – дороги, трассировки которых восходят к Средневековью

материкового песка не очень явственно – в виде буро-серой супеси с мелкими угольками.

Яма 1 (–43/–51 см) округлой формы, диаметром 4,6 м и площадью около 17 кв. м. Яма 2 (1,8×1,3 м) имела вид выступающего пятна овальной формы (–50/–51 см).

В верхнем слое, в метре к северу от ямы 1 (рис. 7), зафиксировано несколько предметов из железа: поясная накладка с прикованной дужкой для ношения мелких предметов, гвоздь, гвоздик и поковка (рис. 8, А, 5, 1, 4, 3, 2). Столь же беден и керамический материал. Число фрагментов на квадрат колеблется

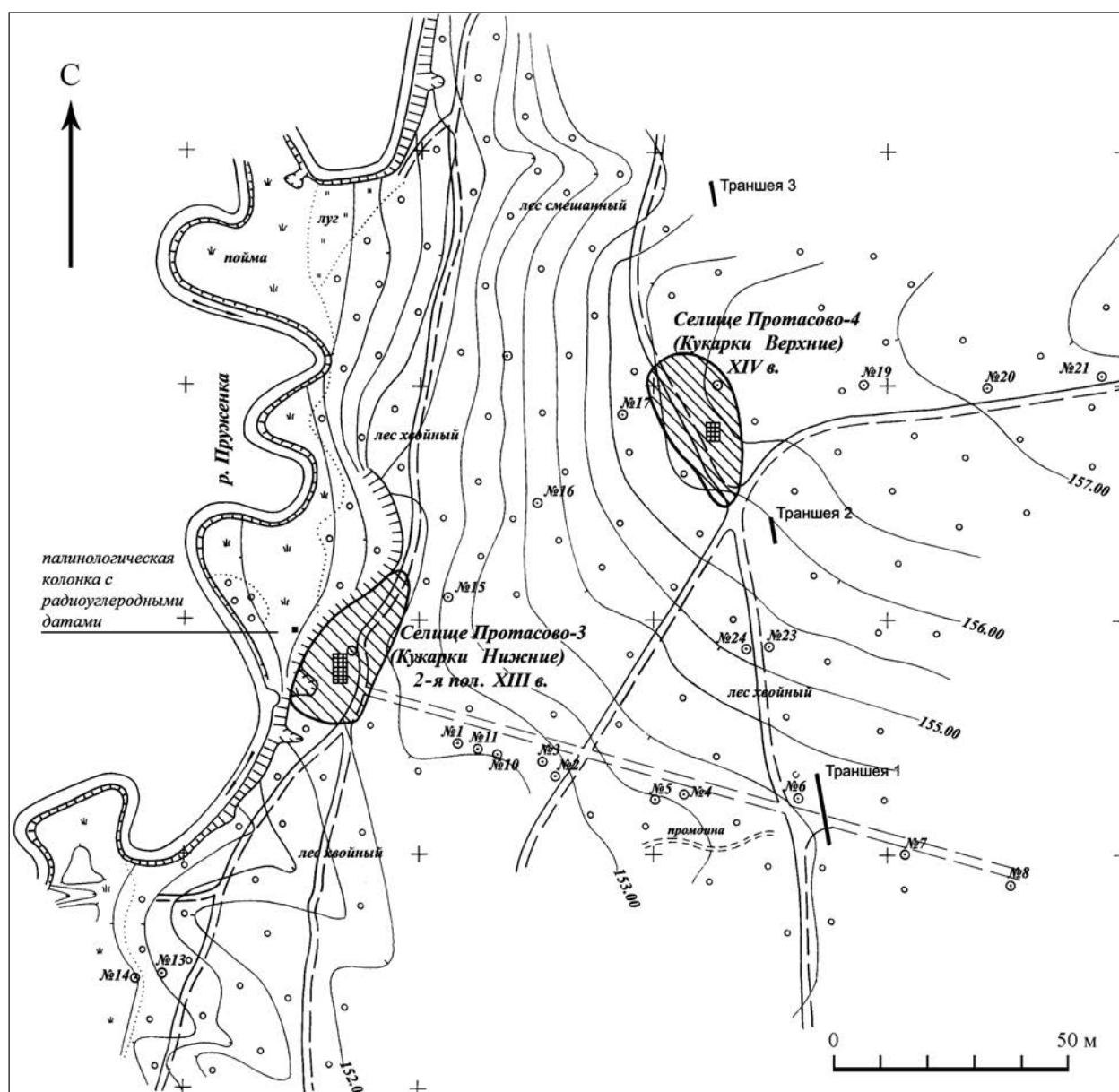

Рис. 5. Селище Протасово-3 (Нижние Кукарки) и Протасово-4 (Верхние Кукарки). План 2009–2011 гг. (съемка В.В. Петрова)

от 16 до 50 (рис. 7, Б), тогда как в Потасово-3 найдено от 25 до 145, а в Лешково-4 – от 18 до 418 фрагментов (Чернов, 2015. С. 319. Рис. 10Б).

Этот материал заслуживает внимания, поскольку характеризует культурный слой в целом, тогда как закрытый комплекс из ям, о котором пойдет речь ниже, отражает лишь время существования постройки. Всего собрано 415 фрагментов, из которых в коллекцию отобрано 49, в том числе 26 венчиков (рис. 7, Б; 9). Процентное соотношение серой/красноглиняной грубой/керамики из белой глины/красноглиняной гладкой ранней составляет

с учетом всего материала 11 / 8,2 / 79,3 / 1,5 / 11%, с учетом лишь венчиков – 27 / 57 / 4 / 12%, а в среднем – 16 / 71 / 2 / 11%. Подобное соотношение позволяет предполагать, что материал накапливался на протяжении периодов бытования керамики, которые отражают комплексы Шавыкина монастыря (1380–1390-е годы) и Михайловского-2 (1400–1425). Попробуем уточнить этот вывод с учетом керамических типов на уровне технологии и форм сосудов.

Серая керамика характеризуется присутствием в тесте дресвы (кварцита 0,5–2,0 мм) повышенной толщиной стенок (6–8 мм) и неполным

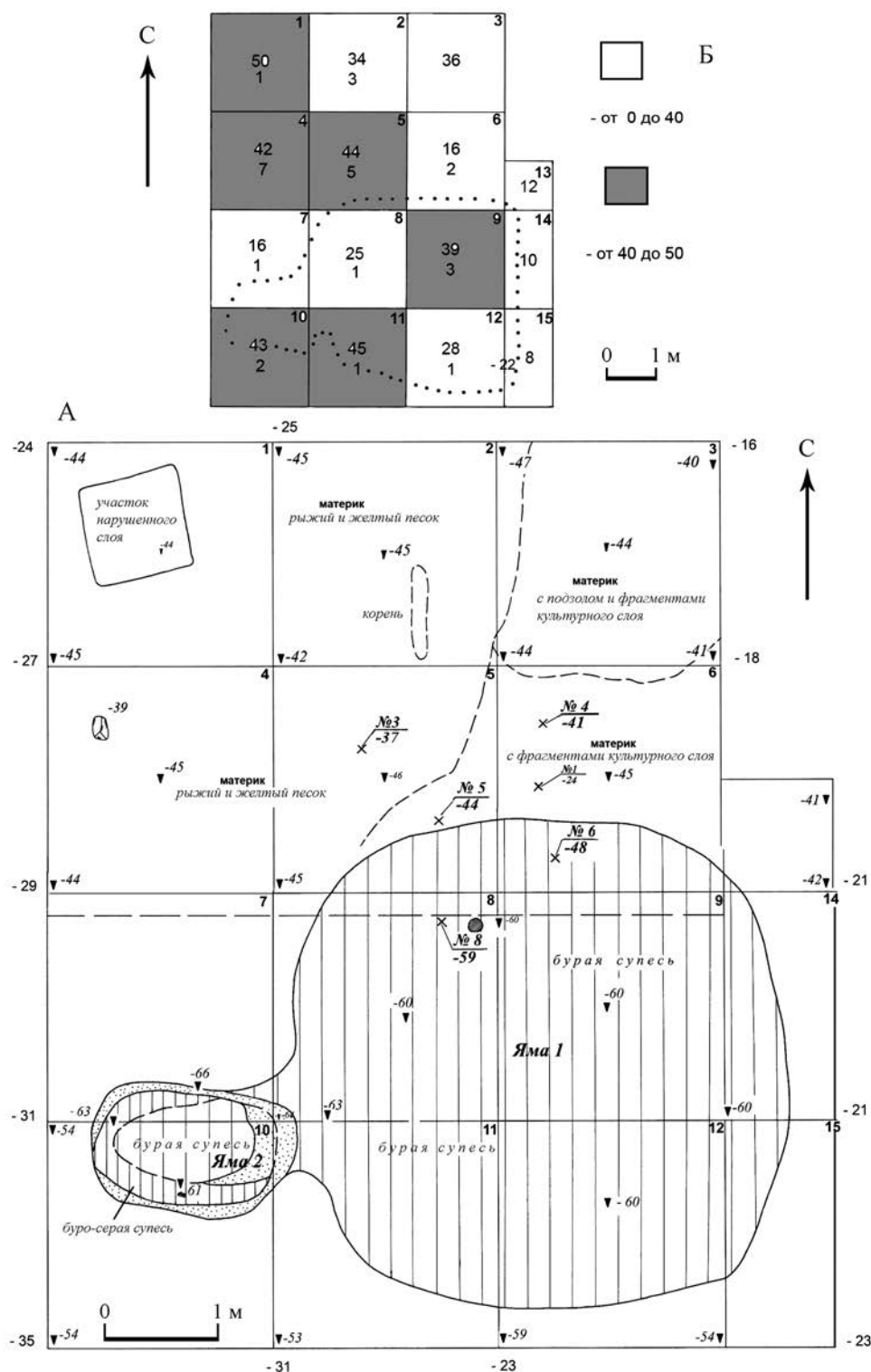
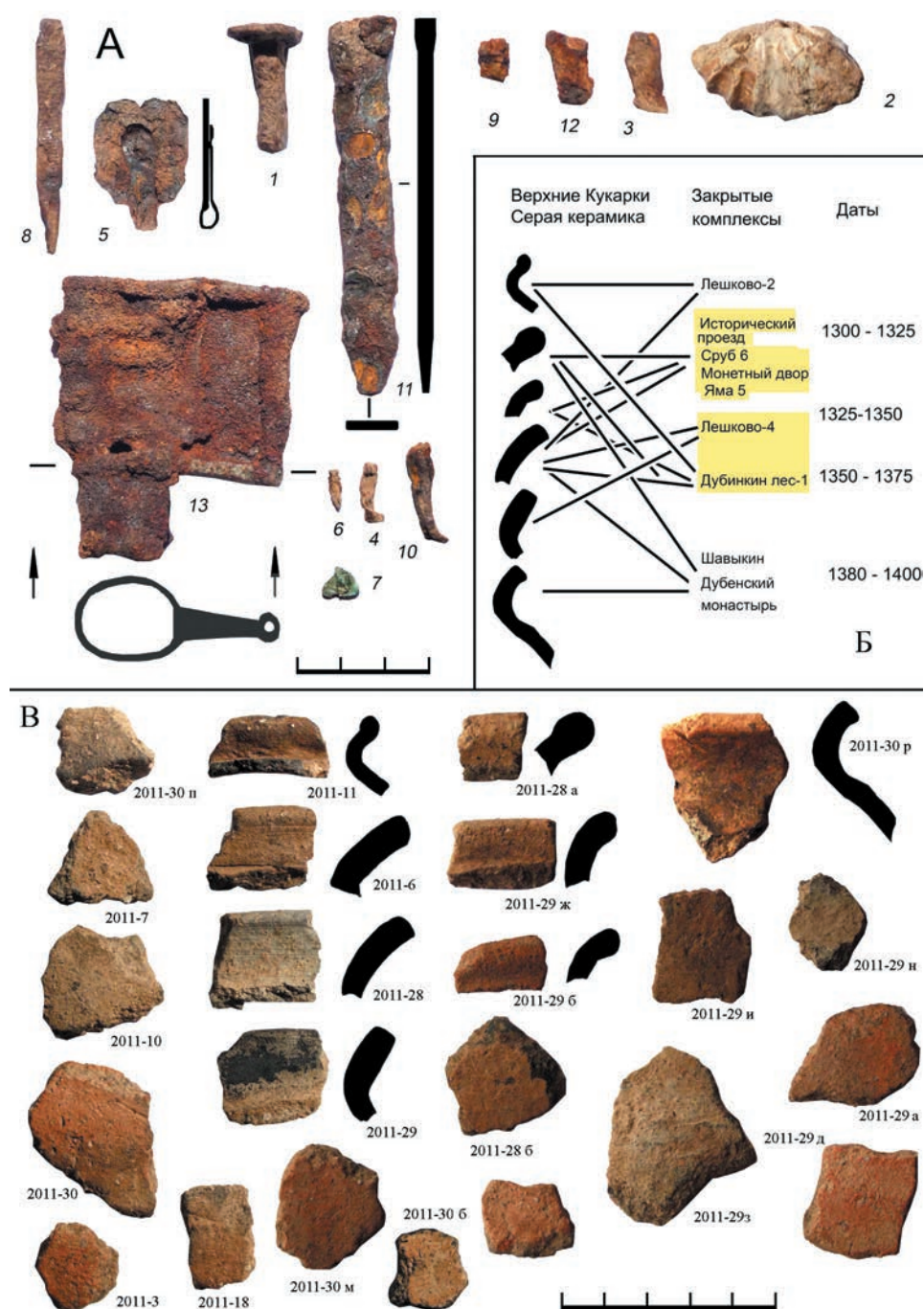

Рис. 7. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1. Яма 1

А – зачистка материка на уровне пл. 2 (-40/-45 см) и ямы 1 на уровне пл. 3 (-60 см); Б – планиграфия керамики с указанием количества фр-тов на квадрат (2×2 м); вверху – общее количество керамики, внизу – количество серой керамики

Рис. 8. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1

А – находки из железа из верхнего слоя: поясная накладка с прикованной дужкой для ношения мелких предметов (5), гвоздь (1), гвоздик (4), поковка (3); аммонит (2); из ямы 1: полоса, выкованная в форме клинка с незаостренными краями (11), замок цилиндрический железный типа Г (13), пробой (8), гвоздик (6), поковки (9, 12); обрывок бронзовой пластины-оковки (7); железный крючок из ямы 2 (10); Б – схема встречаемости венчиков серой керамики из Верхних Кукарок с закрытыми комплексами XIV в.; В – серая керамика из верхнего слоя раскопа

бинкине лесе-1 (Кренке, 2005. С. 306, рис. 33, 5) и Шавыкине монастыре (Чернов, 1995. С. 140, рис. 7, 8-й сверху). К третьему варианту (со слабо отогнутым венчиком, имеющим эллипсоидный валик) относятся венчики со слабо выражен-

ным валиком (рис. 8, В, 29б и 29ж). Подобные сосуды появляются в срубе 6 Исторического проезда (МК. Табл. 48, 2215) и яме 5 Монетного двора (МК. Табл. 60, 5114, 4906) и фиксируются в комплексах Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. С. 308,

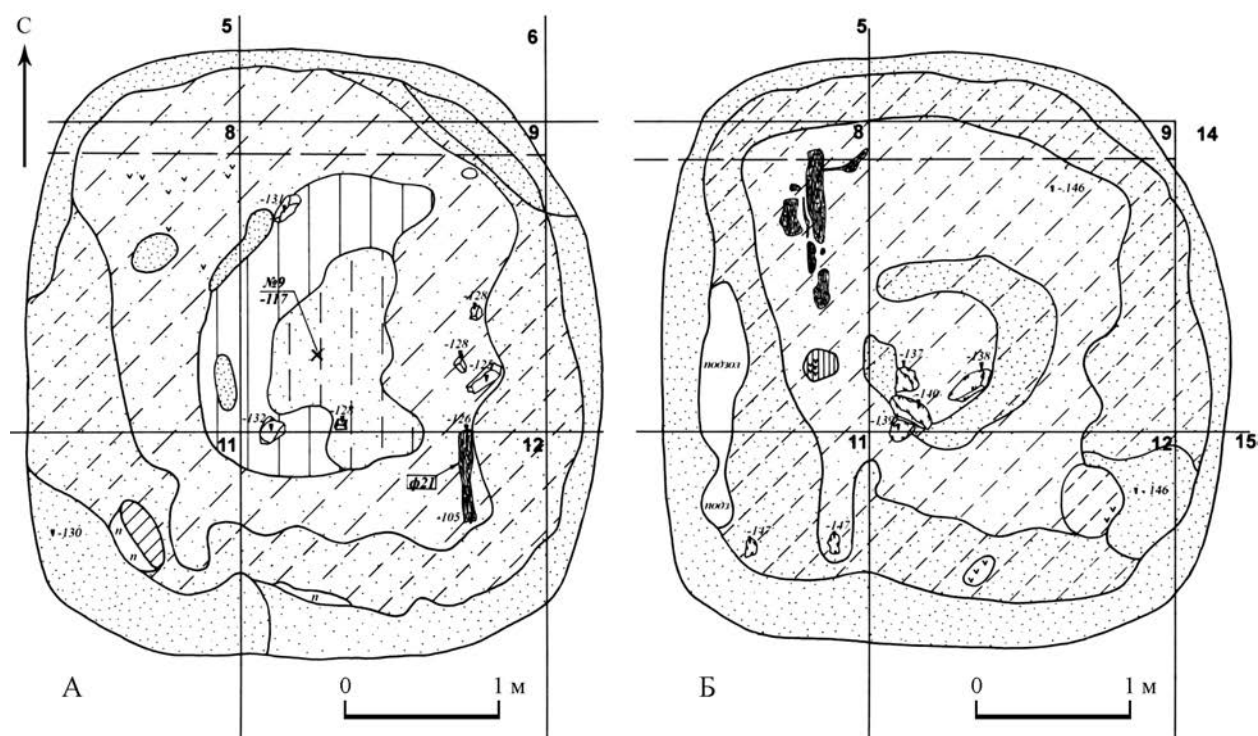

Рис. 9. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1. Яма 1

А – зачистка пл. 7 (-135 см); Б – зачистка пл. 8 (-150 см)

рис. 34, 10, 14; с. 309, рис. 35, 6; с. 310, рис. 36, 1, 2). К шестому варианту (срезанные венчики) относятся сосуды 6 и 28 и горшок 29, выполненный из белой глины (рис. 8, В). Ребра на срезе сглажены, что характерно для поздней серой керамики. Серию таких форм находим в комплексах Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. С. 310, рис. 36, 5; с. 312, рис. 38, 12 – оба украшены косой волной) и Шавыкин монастырь (Чернов, 1995. С. 140, рис. 7, верхний венчик), включая точную аналогию горшка из белой глины (Кренке, 2005. С. 305, рис. 32, 5). Переходная форма от серой к красноглиняной грубой посуде с ребром по плечу (рис. 8, В, 30р) также вписывается в этот круг аналогий (Чернов, 1995, С. 140. Рис. 7, 1-й и 5-й снизу). Сведение наших наблюдений в таблицу показывает, что центр тяжести связей серой керамики Верхних Кукарок приходится на третью четверть XIV в. (рис. 8, Б).

Красноглиняная грубая керамика изготовлена с примесью крупнозернистого песка и дресвы (кварциты до 1 мм) при полном окислительном обжиге, дающем в изломе однородный бурый или серый цвета (рис. 10). К первому варианту (со слабо отогнутым венчиком и заостренным краем) относится 4 венчика (рис. 10, 4, 12, 22, 30д), один из которых (30д) несет по шейке орнамент в виде косой

волны. Керамика такого типа появляется в комплексах первой половины XIV в. Лешково-2 (МК. Табл. 64, 102, 117, 118), срубе 6 Исторического проезда (МК. Табл. 49Б, 2434) и Лешково-4 (МК. Табл. 67, 104, 170, 487) и широко распространяется во второй половине века – в комплексах Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. С. 310, рис. 36, 3, 7), Шавыкин монастырь (Чернов, 1995. С. 141. Рис. 8, 5-й и 9-й сверху) и Михайловском-2 первой четверти XV в. (МК. Табл. 71, 163 – аналог – рис. 10, 12). Второй вариант, со слабо отогнутым венчиком и подтреугольным валиком с внутренней стороны, представлен горшками (рис. 10, 23, 26), близкими сосудам из Дубинкина леса-1 (Кренке, 2005. С. 305. Рис. 32, 10–14; с. 308, рис. 34, 8, 16, 17), Шавыкина монастыря (Чернов, 1995. С. 141, рис. 8, 1-й сверху) и доминируют в комплексе из Старого Ваганькова первой половины XV в. (МК. Табл. 76, 181, 187, 195). Венчики четвертого варианта, унаследовавшие свою форму от серых срезанных горшков (рис. 10, 2, 9, 30в), представлены в комплексах Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. С. 310. Рис. 36, 6; С. 312, Рис. 38, 6; С. 311, рис. 237, нижний сосуд), Шавыкин монастырь (Чернов, 1995. С. 140, рис. 7, 10-й и 11-й сверху; С. 141, рис. 8, 12-й, 13-й, 14-й сверху) и Михайловское-2 (МК. Табл. 70, 167, 170, 186).

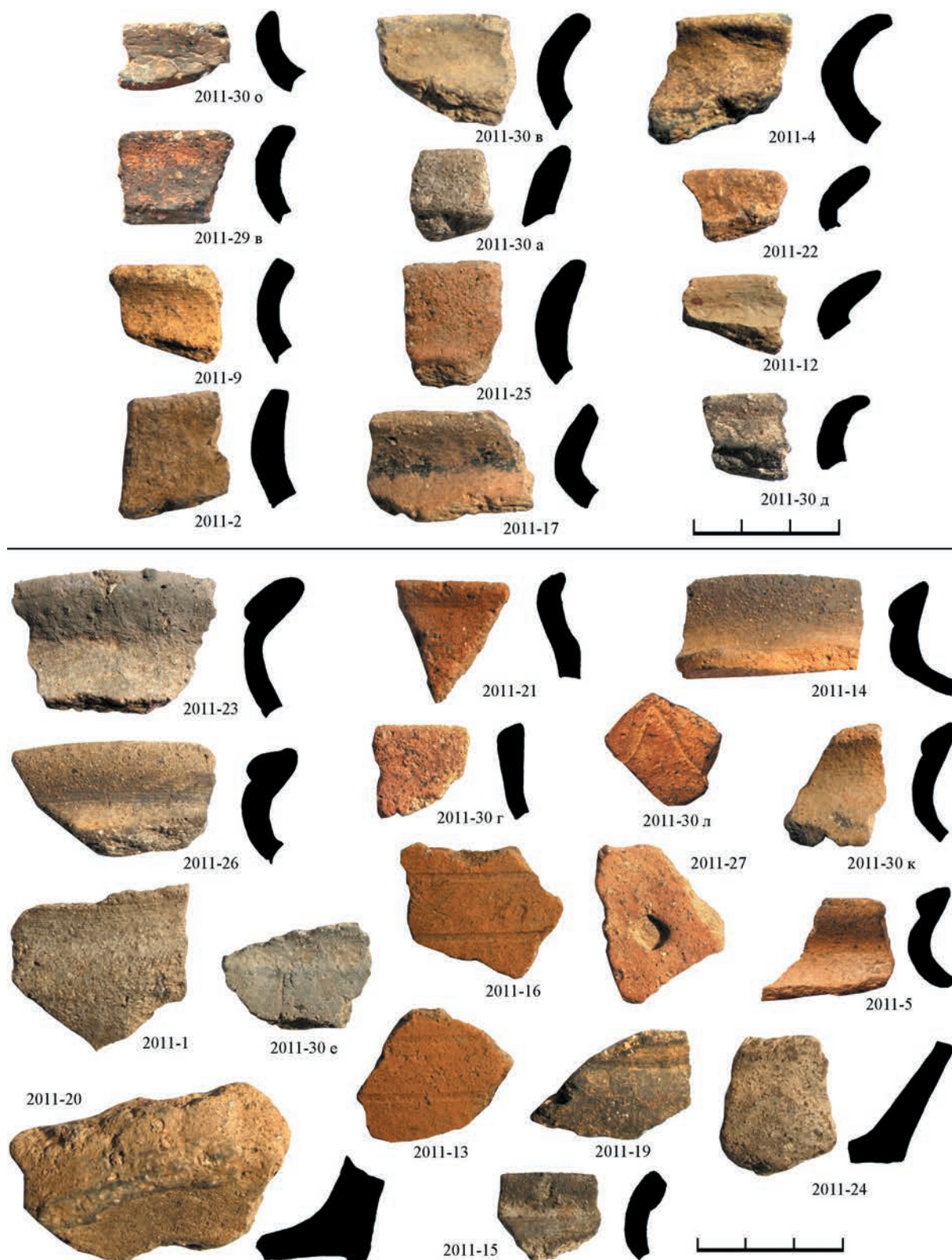

Рис. 10. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1.
Красноглиняная грубая керамика из верхнего слоя

Таблица 2. Селище Верхние Кукарки. Раскоп 2011 г. Соотношение типов керамики по четвертям века (проценты в скобках означают соотношение типов керамики для данной четверти века)

Тип керамики	1350–1375 гг.	1375–1400 гг.	1400–1425 гг.
Серая	10% (30%)	6% (17%)	
Красноглиняная грубая	23% (70%)	29% (83%)	22% (67%)
Красноглиняная гладкая ранняя			11% (33%)

Часть сосудов могут быть отнесены к красноглиняной гладкой ранней керамике (тесто с примесью среднезернистого песка и полный окислительный обжиг, тонкие стенки 5–6 мм – *Бойцов*, 1991. С. 26–28). Это венчики (рис. 10, 5, 14, 30к) и серия стенок с горизонтальным орнаментом, нанесенным тонкими (0,5 мм) полосами через сантиметр (рис. 10, 13, 16). Аналогичные венчики происходят из комплексов Михайловское-2 (МК. Табл. 71, 155, 150), Старого Ваганькова (МК. Табл. 76, 196) и сруба 7 Исторического проезда, который датируется по московской берестяной грамоте № 1 1410–1430-ми гг. (МК. Табл. 79, 2515, 2517, 2559).

В целом керамика из верхнего слоя Верхних Кукарок может быть датирована 1350–1425 гг. или несколько позднее со следующим соотношением типов керамики (табл. 2).

Малое количество серой керамики (30%) по сравнению с комплексом Дубинкин лес-1 (65%) говорит о том, что селище возникло, скорее всего, не ранее 1360-х гг.

Жилая постройка и ее стратиграфия

Открытая раскопками подземная часть жилой постройки диаметром 4,6 м и глубиной 1,7 м – яма 1 – исследовалась по половинам: вначале северная (кв. 8, 9), а после фиксации разреза (рис. 11, Б) – южная (кв. 11 и 12). Заполнение ее отчетливо делилось на три части (верхняя, средняя и нижняя), причем стратиграфия каждой из них формировалась в результате различных процессов.

Верхняя часть заполнения (пласты 3–7; -50/-135 см) представляла собой однородную буро-серую гумусированную супесь с редкими мелкими угольками мощностью 90 см. Этот слой был почти свободен от находок (гвоздик – пл. 3, -48, рис. 8, А, б; пробой – пл. 3, -59, рис. 8, А, 8), но насыщен керамикой (в пластах 3–7 соответственно 79, 75, 88, 10, 65 фрагментов) и камнями (в пластах 4–7 10, 16, 11, 9 камней не менее 10 см). Зачистка пласта 4 (-75 см) обнажила в южной части ямы погребен-

ную почву с подзолом – завалившийся в яму борт ее котлована. В пласте 6 буро-серая гумусированная супесь начала выклиниваться, и количество керамики снизилось до 10 фрагментов. В зачистке пласта 6 (-115 см) яма приобрела подквадратную форму (4,0×3,8 м) с закругленными углами и была ориентирована по сторонам света.

Средняя часть заполнения (пласты 8–11; -135/-195 см) была сложена последовательно залегающими и проседающими к центру ямы слабогумусированными супесчаными отложениями (профиль на рис. 11 – слои 4, 5, 6, 7), а также черной супесью с углем (5–30 см) с развалом камней и деревянных конструкций, погибших в пожаре (рис. 11, № 9). Сравнение пластовых зачисток позволило составить представление об этой конструкции. В зачистке пласта 7 (-135 см) в юго-восточной части ямы, в буро-серой опесчаненной супеси, зафиксирована меридионально лежащая плаха (фрагмент 21, -105/-126 см; 60×10×2 см) (рис. 9, А). Меридионально лежащее дубовое бревно (фрагменты 2, 4, 6) длиной 95 см и еловые плахи (1 и 3)⁹ прослежены в северо-западном углу ямы, в том же слое, в зачистке пласта 8 (-150 см) (-138/-148 см – рис. 9, Б; 12). В пласте 9, в желто-сером грязном песке, фрагменты дерева 7 и 12 открылись в северо-восточном углу ямы (-149/-155 см) (рис. 13, А). Будучи рассмотрены в целом, эти фрагменты образуют прямоугольник 2,5×2,2 м, ориентированный по сторонам света.

В зачистке пласта 9 (-165 см) размеры ямы сократилась (3,8×3,6 м), а слой желто-серого грязного песка приобрел форму «песочных часов», поскольку западная и восточная стенки котлована погребла на каком-то этапе его разрушения сместились вниз. В зачистке пласта 10 (-180 см) открылось дно средней части заполнения. Оно состояло из грязного желто-серого песка и черной супеси с большим количеством углей и следами прокала (рис. 13, Б), под которыми в пласте 11 был зачищен (-168/-190 см) развал печи-каменки (19 камней,

⁹ Александровский А. Л. Определение пород дерева. 23.06.2010 (*Чернов*, 2011. Прил. 5. С. 44).

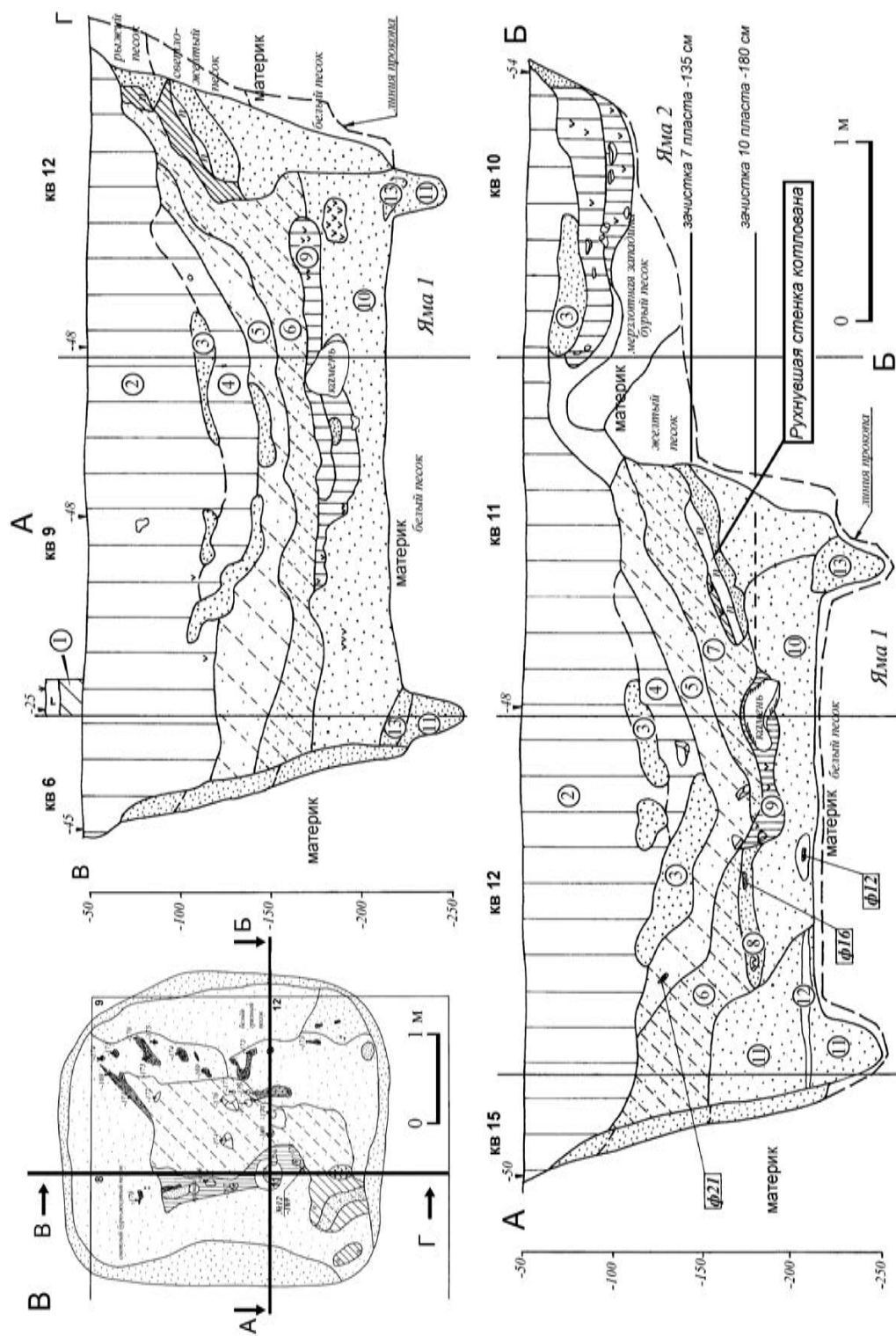

Рис. 11. Селище Прогасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1. Разрезы ям 1 и 2

А – разрез ямы 1 (вид с запада); Б – разрез ям 1 и 2 (вид с севера); В – схема разрезов на плане постройки в зачистке пл. 10. 1 – светло-серая слабо гумусированная супесь с включениями мелких углов – верхний слой; 2 – буро-серая гумусированная супесь с редкими мелкими угольками – верхняя часть заполнения ямы 1; 3 – линза желтого грязного песка; 4 – буро-серая супесь; 5 – буро-серая супесь с включениями углов и серой супеси; 6, 7 – желто-серый грязный песок; 8 – линза песка; 9 – темно-серая, переходящая в черную, супесь с углем; 10 – грязный буро-желтый песок; 11 – грязный бурый-белый песок; 12 – прослойка песка; 13 – заполнение ямок от крепежных конструкций на дне ямы – бурый и белый грязный песок с включениями серой супеси и мелких углов

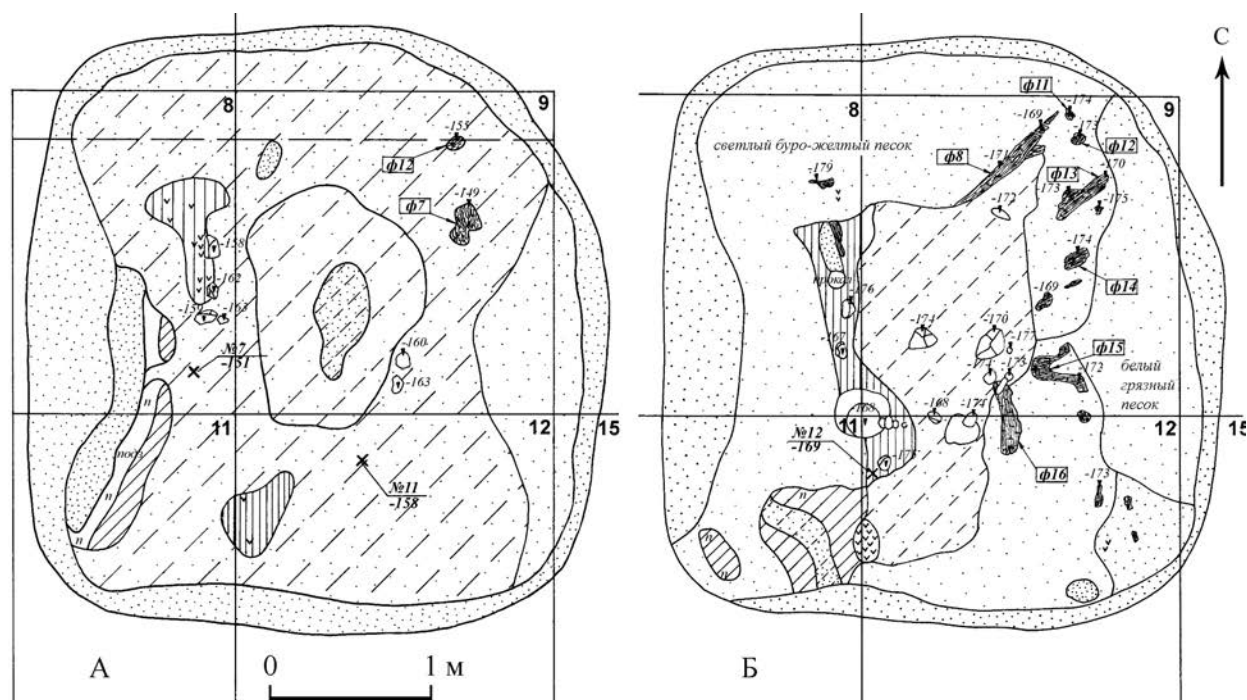

Рис. 13. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1. Яма 1

А – зачистка пл. 9 (-165 см); Б – зачистка пл. 10 (-180 см)

включая 46×40×30 см), провалившейся в погреб вместе с недогоревшим подпечьем (фрагменты 8–17, -169/-205 см; фрагмент 8 – 110×14×3 см) (рис. 14, А; 15). Самая нижняя часть деревянных конструкций (18, 19, 23) залегала на отметках -192/-207 (рис. 14, Б). Определение пород дерева подпечья показало, что он сделан из тонких еловых бревен (рис. 15). Сохранившиеся обломки имели 30 тонких колец (фр-т 15), 24 тонких кольца (фр-т 12), 20 колец (фр-т 10), 15 средних колец (фр-т 8), 12 широких колец (фр-т 13), 6 колец (фр-т 11)¹⁰. По фрагментам 10 и 15 были выполнены радиоуглеродные анализы.

Средняя часть заполнения характеризовалась большим количеством камней (в пластах 8–12: 12, 8, 11, 19, 8), сокращением числа керамики (пласты 8–10: 7, 42, 14) и находками обрывка бронзовой пластины-оковки (пл. 9, -151 – рис. 8, А, 7), железной полосы, выкованной в форме клинка с незаостренными краями (пл. 9, -158 – рис. 8, А, 11) и поковки (пл. 10, -169 – рис. 8, А, 12).

Нижняя часть заполнения (пласты 11–15; -195/-280) была сложена грязным буро-желтым и бу-

ро-белым песком (рис. 11, слои 10–12), поступившим в котлован в результате разрушения его стенок. В этих отложениях найдено значительное количество керамики (пласты 11–14: 34, 37, 28 и 34 фр-та), а на самом дне постройки (пласт 15) – развалы двух сосудов (124 фр-та). В пласте 12, в линзе черной супеси (-210), обнаружены кости животных. Определение показало (табл. 3), что это мелко раздробленные кухонные остатки (щепы со следами обжига). Видовой состав представлен коровой *Bos taurus* (взрослые и молодые особи), мелким рогатым скотом *Capra-Ovis* (коза, баран), плохо диагностируемыми костями свиньи *Sus scrofa domestica* (несколько обожженных костей таза, поросенок – полторы коронки) и лошади *Equus caballus* (несколько зубов)¹¹.

В северной части кв. 9 на отметке -209 см обнаружен цилиндрический пружинный железный замок типа Г (рис. 8, А, 13; 14, Б). Замок сплюснут, дужка и пружины утрачены, форма ключевой щели не определяется, зато хорошо виден огромный предохранительный щиток, прикрепленный снизу к цилиндру. Замки типа Г появились,

¹⁰ Александровский А. Л. Определение пород дерева. 26.01.2011 (Чернов, 2011. Прил. 6. С. 46).

¹¹ Дмитриева Е. Л., Сердюк Н. В. (Палеонтологический институт РАН). Заключение по костным останкам животных. 9.09.2011 (Чернов, 2011. Прил. 4 С. 43).

Таблица 3. Селище Кукарки Верхние. Раскопки 2011 г. Кости животных.

Пласт	Кв.	№ находки	Кость	Кол-во	Вид	Примечание
12	9	1	фр-ты позвонка	3	<i>Capra-Ovis</i>	
12	9	1	верхнечелюстная кость, разроз. зубы	13	<i>Bos taurus</i>	
12	9	2	фр-ты резцов	5	<i>Equus caballus</i>	
12	9	3	os lunatum	1	<i>Capra-Ovis</i>	
			os pisiforme	1		
12	9	4	sesamoidea	1	<i>Bos sp.</i>	
			фр-т черепа	1	возможно <i>Bos</i>	
12	9	5	неопред. фр-т	1		обжиг
12	9	6	неопред. фр-т	6		
12	9	7	фр-т головки бедра	1	<i>Capra-Ovis</i>	
12			фр-т позвонка	1		
12	9	8	фр-т ребра	1	неопред.	
12	9	9	фр-ты таза	2	<i>Sus scrofa</i>	обжиг
12	9	11	фр-ты таза	2	<i>Sus scrofa</i>	обжиг
3	10	3	нижний зуб	1	<i>Bos sp.</i>	
6	10	5	коронка мол. зуба	2	<i>Sus scrofa</i>	молодая
4	10	4	нижний зуб	1	<i>Bos taurus</i>	
			неопред. фр-ты	7		

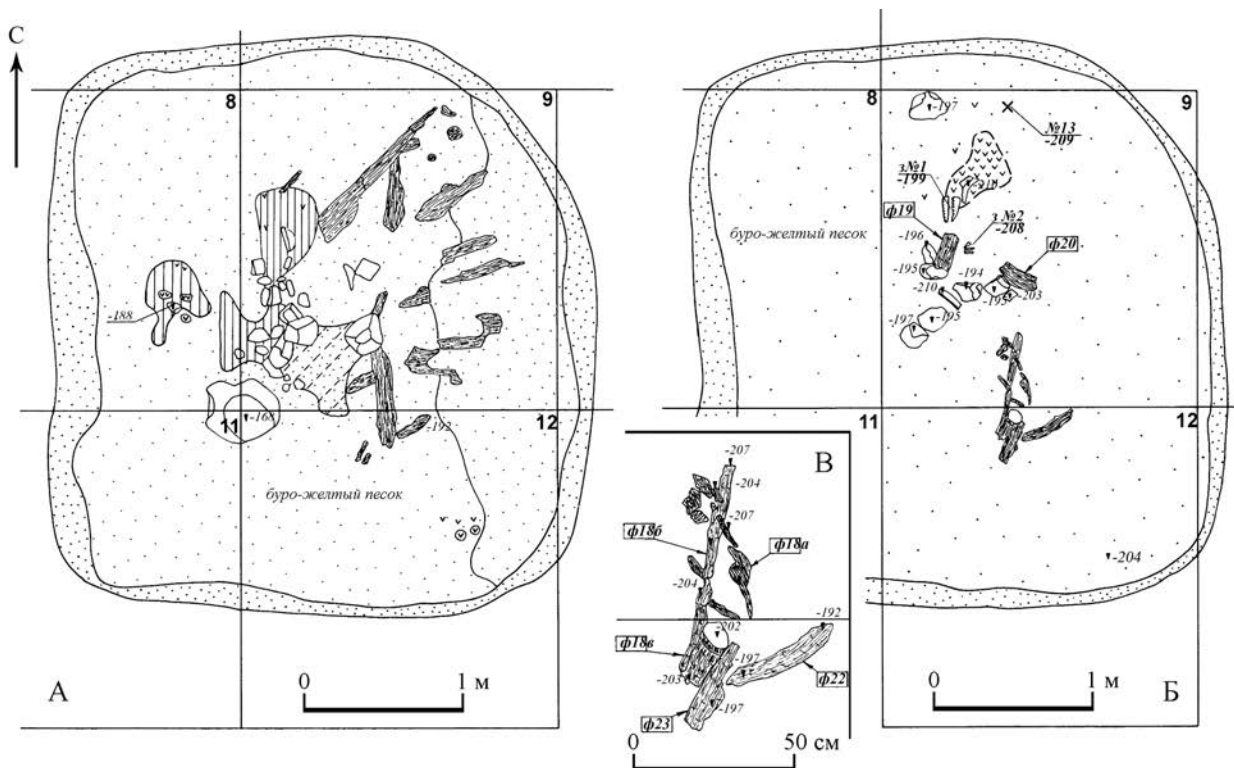
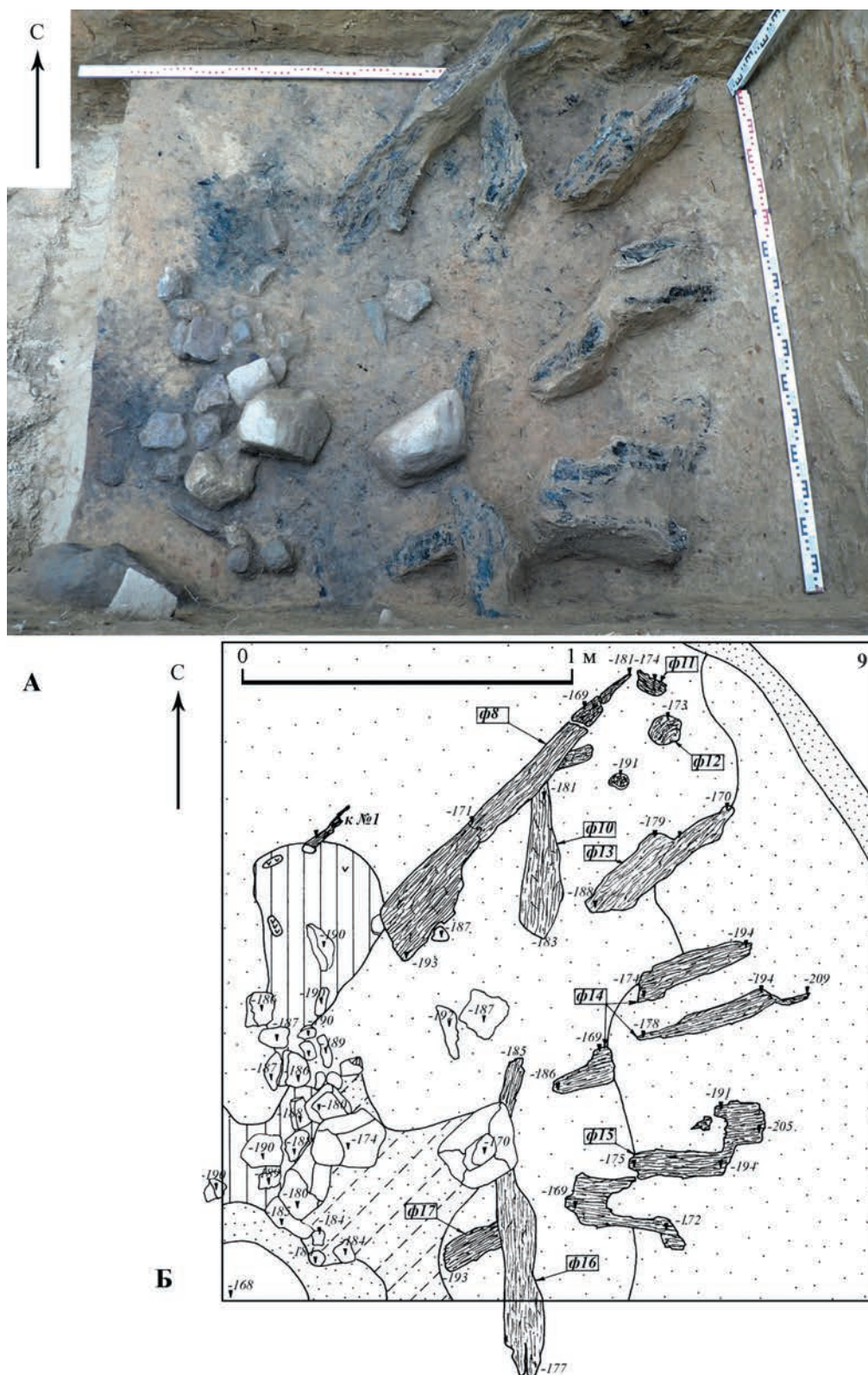

Рис. 14. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1. Яма 1

А – зачистка пл. 11 (-195 см); Б – зачистка пл. 12 (-210 см);

В – деревянная конструкция в зачистке пл. 12 (-210 см)

Рис. 15. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1. Яма 1. Деревянная конструкция в зачистке пласта 11 (-195 см)

А – фото, вид с юга; Б – чертеж

судя по материалам Неревского раскопа, в конце XIII в. (Колчин, 1959. С. 82. Рис. 68, № 2, 5, рис. 70), а с учетом данных других раскопов – в середине XIII в. (Колчин, 1982. С. 160, 162) и бытовали до середины XV в.

Дно ямы (-212/-231 см) имело подквадратную форму и размеры 3,5×3,3 м (рис. 16, А). На фоне желтого материкового песка отчетливо фиксировалось основание столбовых крепежных конструкций, удерживавших стенки котлована, в виде полос слабогумусированного песка вдоль бортов ямы (в 2–8 см от них). Западная и восточная полосы имели длину до 2,9 м, северная и южная – 2,8 м. Ширина полос составляла 28–38 см, а их заполнение – бурый или белый грязноватый материковый песок с включениями серой супеси и мелких угольков (рис. 17, Б). После выборки полос они предстали в виде канавок глубиной 20–40 см от уровня дна погребя (рис. 16, Б)¹².

Разрезы ямы позволили уяснить процессы, сформировавшие ее заполнение (рис. 18). Верхние слои (рис. 11, № 2–4) возникли на последней стадии заполнения котлована. Средняя генерация слоев сформировалась в ходе активной фазы проседания в подвал конструкций печи и включала буро-серую опесчаненую супесь (рис. 11, № 5, 10–40 см), желто-серый и белый грязный песок (рис. 11, № 6, 7 – 10–50 см) и слой темно-серой, переходящей в черную, супеси с углями и валунами (рис. 11, № 9, 5–30 см), которые представляют собой остатки печи-каменки.

Нижняя генерация слоев состоит из двух блоков, имеющих разное происхождение. Первый залегал в центральной части ямы под черной супесью и представлял собой светло-буро-желтый грязный песок (рис. 11, № 10, 10–40 см), который проник в котлован на начальной стадии разрушения его столбовых крепежных стенок до или параллельно с проседанием печи-каменки. Второй блок слоев, фиксируемый в разрезе запад – восток у восточного и западного бортов ямы, – не что иное, как сместившиеся стенки котлована (рис. 11, А). Они сохранились *in situ* и состояли (сверху вниз) из серой супеси (ранний культурный слой), гумусового и подзолистого горизонтов погребенной почвы, рыжего и желто-белого материкового песка с деструктированными ожелезнениями, которые (в их естественном состоянии) видны на соседних

участках материковых наслоений (рис. 19, А). Стратиграфически сдвиг стенок котлована произошел после отложения песка на его дне, возможно, во время проседания печи-каменки и до формирования супесчаных слоев № 5–7.

Сместившаяся в котлован его западная стенка первоначально отделяла яму 1 от ямы 2, следовательно, между ямами находился гумусовый горизонт почвы с культурным слоем (рис. 11, Б). Поэтому проследить последовательность откопки ям невозможно. Учитывая идентичность керамики в заполнении ям (рис. 20, А, 113, 168), эти сооружения нужно считать синхронными. Яма 2 примыкала к яме 1, была ориентирована по линии запад – восток и имела в зачистке материка (-50 см) овальную форму и размеры 1,8×1,3 м (рис. 7; 19, Б). Под верхней частью заполнения (общей с ямой 1) залегала буро-серая и темно-серая супесь с угольками (рис. 16, В). Зачистка на отметке -95 выявила в темно-серой углистой супеси много камней, часть которых растрескалась под влиянием огня. Глубина ямы от поверхности материка составляла 65 см (дно -116 см). В ней встречен железный крючок (-101; рис. 8, А, 10) и 55 фрагментов керамики, равномерно распределенной по пластам 3–7 (9, 19, 4, 15, 8).

Итак, перед нами следы жилого строения с обширным, в рост человека, подвалом, типичным для домостроения сельских территорий Московского княжества второй половины XIV – XV в. (Михаловское-2 – МК. Табл. 89). Несколько неожиданной является лишь печь-каменка вместо более обычной глинобитной печи. Исчезающее малое число находок позволяет предположить, что жилье было оставлено осмысленно и лишь позднее сгорело, а остатки его просели в погреб.

Комплекс керамики из постройки

Закрытый комплекс керамики из ям 1 (631 фрагмент, в том числе 53 венчика и 23 донца) и 2 (55 фрагментов) по своему объему превышает керамику из верхнего слоя. Благодаря подклейкам установлено, что фрагменты одних и тех же сосудов встречены в верхней, средней (развал печи-каменки) и нижней частях заполнения (рис. 20, А). Это характерно, в частности, для горшков 1 и 2, развалы которых найдены на дне котлована, и для горшка 4, ошлакованного в огне. Поэтому

¹² Фиксация ямы в материке (рис. 17, А) показала, что на уровне зачистки материка (-43/-51 см) она имела округлую форму диаметром 4,6 м. Стенки плавно понижаются к дну ямы. С уровня -115 см яма приобрела подквадратную форму со сторонами 4,0×3,8 м с сильно закругленными углами. Дно имеет подквадратную форму (3,5×3,3 м), оно плоское, с понижением к югу (-212/-231 см). Глубина ямы от поверхности материка составляет 160–170 см. Нижняя отметка дна -231 см.

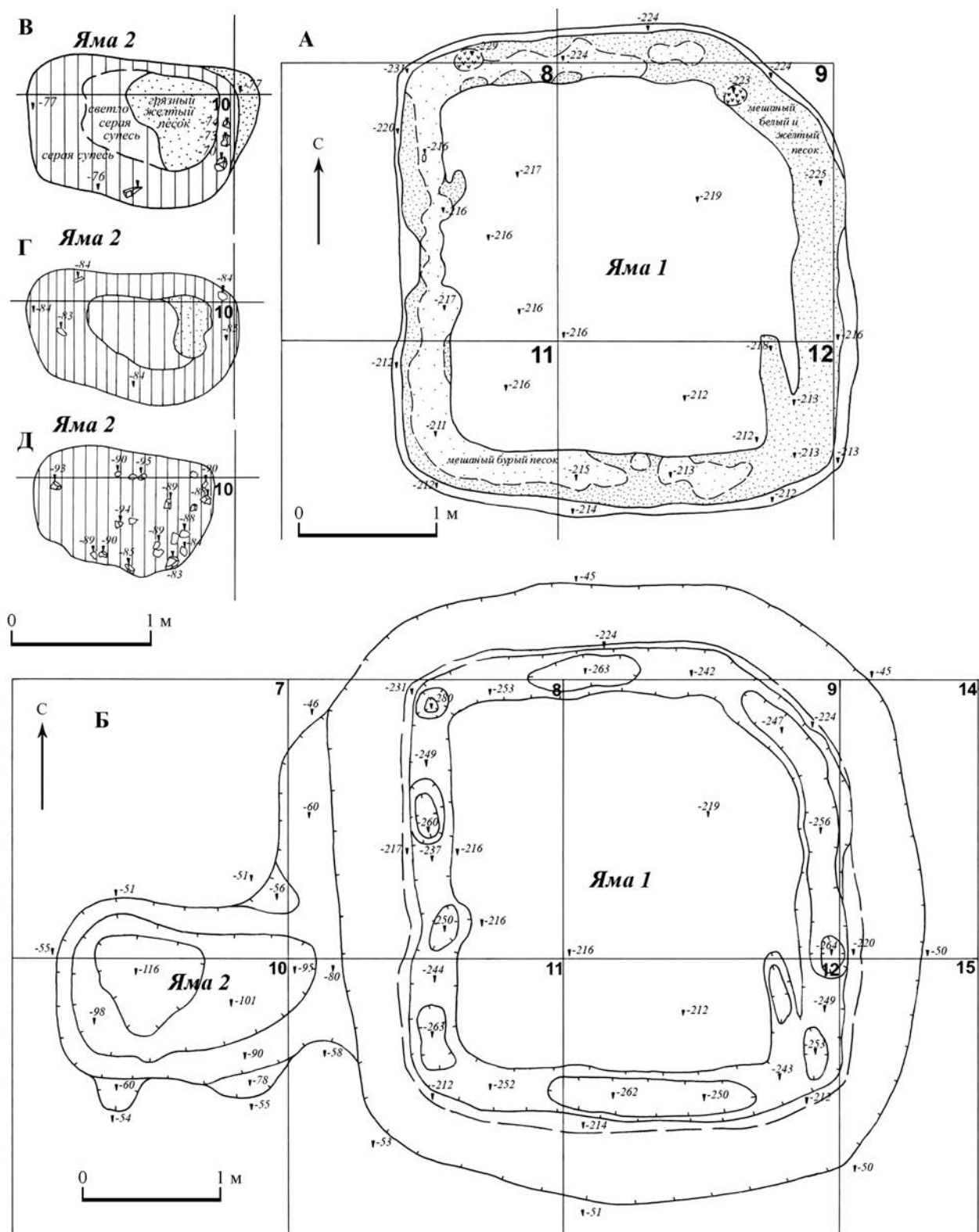

Рис. 16. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1

А – зачистка дна ямы 1 на отметках -215/-225 см; Б – ямы 1 и 2 в материке после выборки заполнения;
 В – яма 2 в зачистке пл. 4 (-75 см); Г – яма 2 в зачистке пл. 4 (-85 см); Д – яма 2 в зачистке пл. 5 (-95 см)

Рис. 17. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1

А – ямы 1 и 2 в материке после выборки заполнения. Вид с северо-востока; Б – зачистка дна ямы 2, вид с юга – видны следы основания крепежных конструкций вдоль южного борта ямы

Рис. 18. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1.
Изучение профиля ям 1 и 2 после выборки их северной половин. Вид с севера

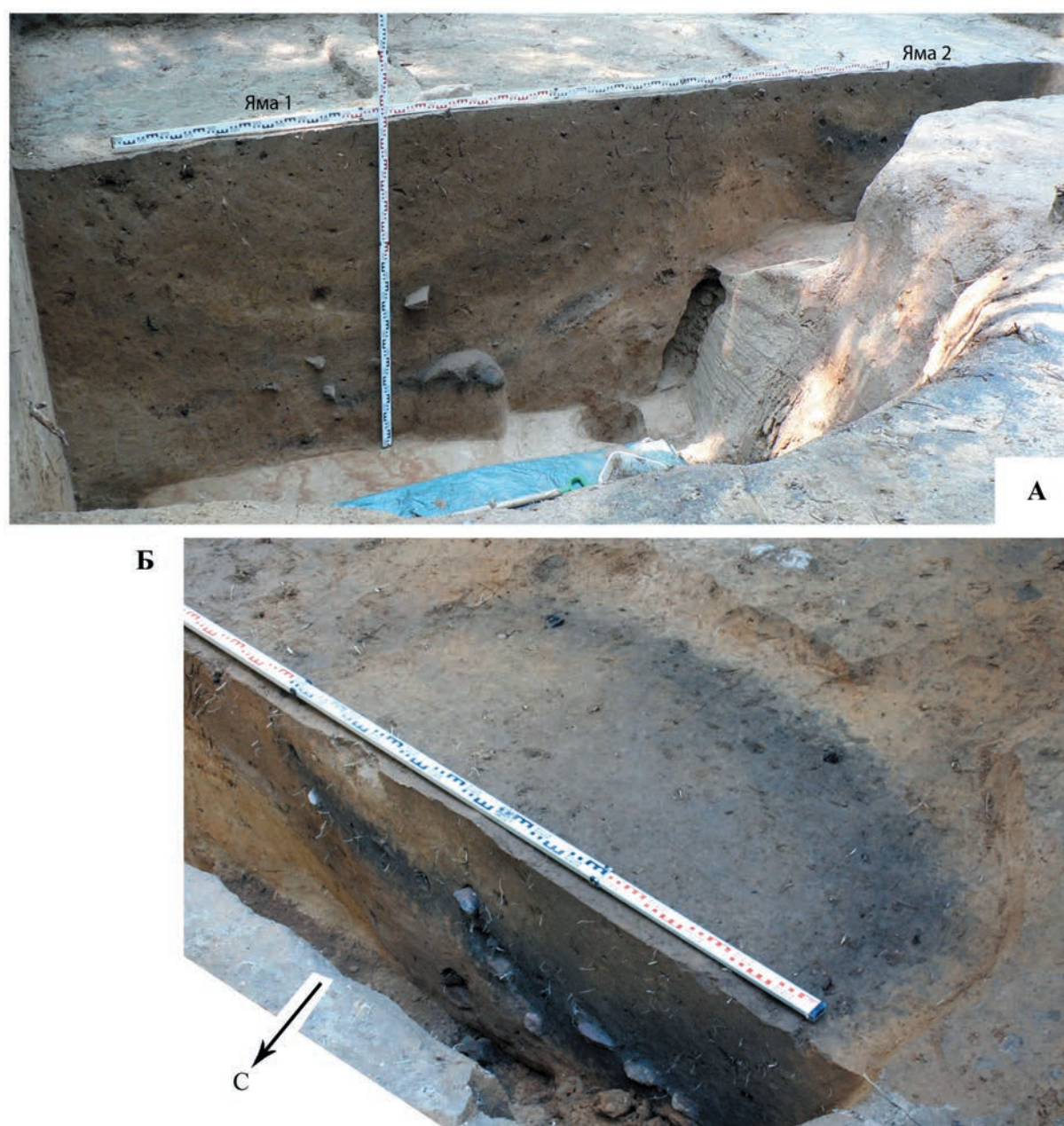

Рис. 19. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки). Раскоп 1. Ямы 1 (слева) и 2 (справа) после выборки северной половины. Зачистка пл. 5 на отметке – 65 см и разрез по линии запад – восток
 А – разрез ямы 1 по линии запад – восток, вид с севера; Б – разрез ямы 2, вид с северо-запада

комплекс можно рассматривать как единый и отложившийся на протяжении жизни сооружения. Тем интереснее, что этот комплекс дает довольно неожиданную хронологическую информацию. Он состоит исключительно из красноглиняной посуды, причем горшки 1 и 2, выполненные из хорошо отмученного теста с мелким песком (кварциты 0,2–0,4 мм) и прошедшие полный окислительный обжиг, могут быть отнесены к поздней красноглиняной грубой или красноглиняной гладкой ранней

керамике. Вертикально стоящий венчик с подтреугольный валиком внутри, глубокая посадка шейки и редкий равномерный горизонтальный орнамент по тулову (рис. 20, Б, 403; 21) – все это характерно не столько для комплекса Михайловское-2 первой четверти XV в. (МК. Табл. 71, 150), сколько для недавно выделенной группы комплексов Котово – Дунино-6, датируемых второй четвертью XV в. (Чернов, 2017б, С. 339. Рис. 20, Б). Ближе к Михайловскому-2 (МК, Табл. 71, 150)

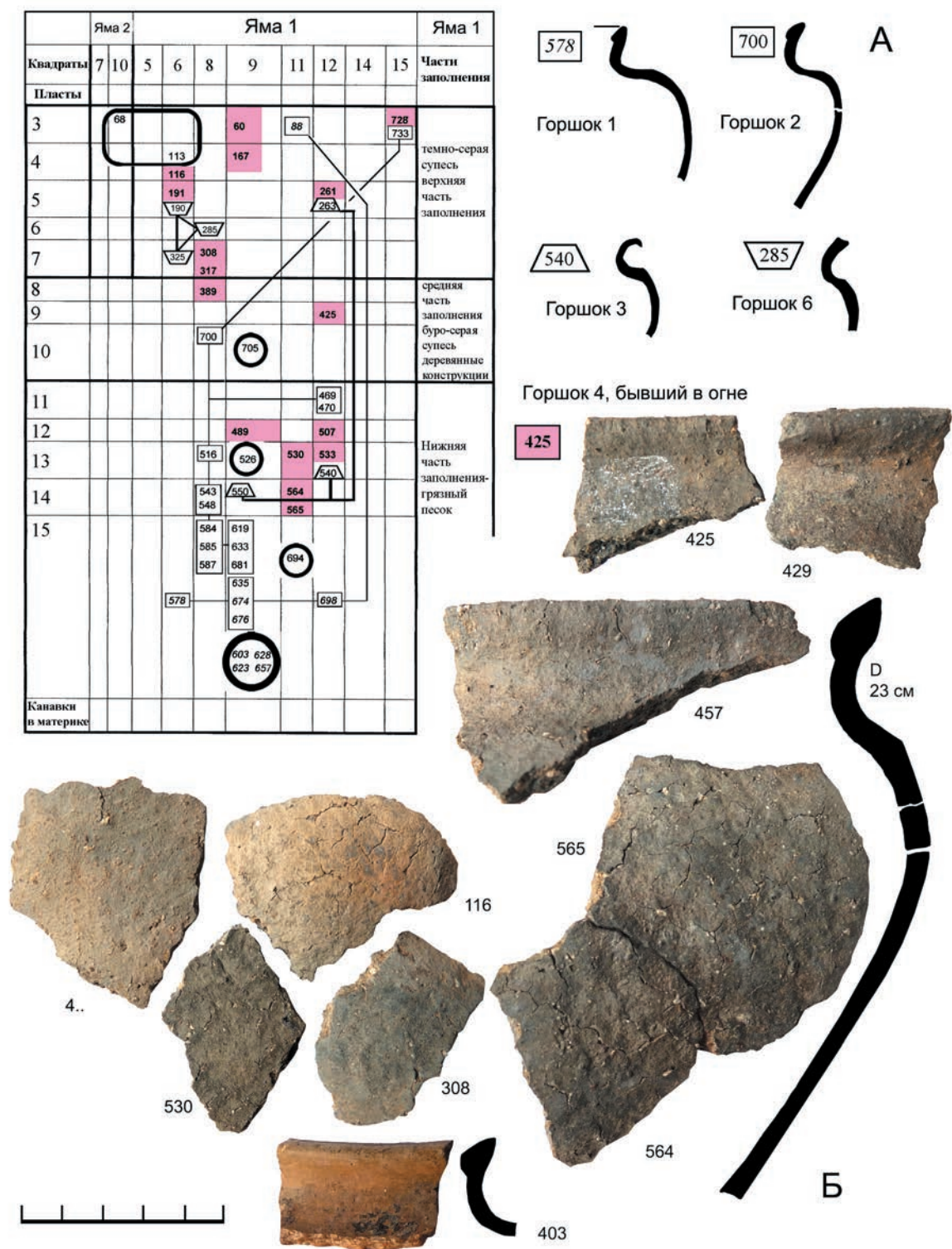

Рис. 20. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки)

А – распределение склеек горшков по пластам и квадратам заполнения ям 1 и 2;
 Б – горшок 4, бывший в огне, из заполнения ямы 1

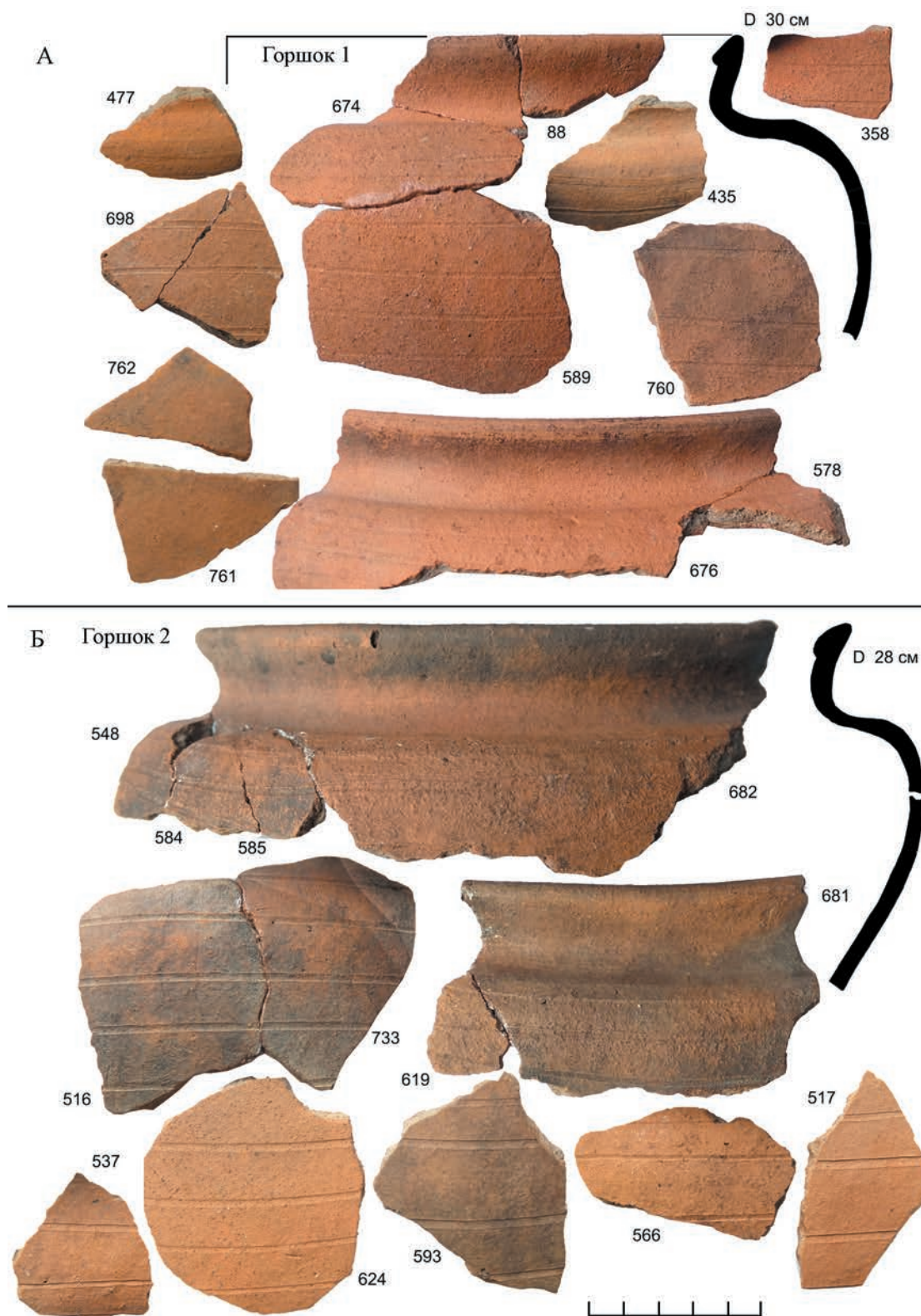

Рис. 21. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки).
 Закрытый комплекс красноглиняной грубой керамики из ям 1 и 2

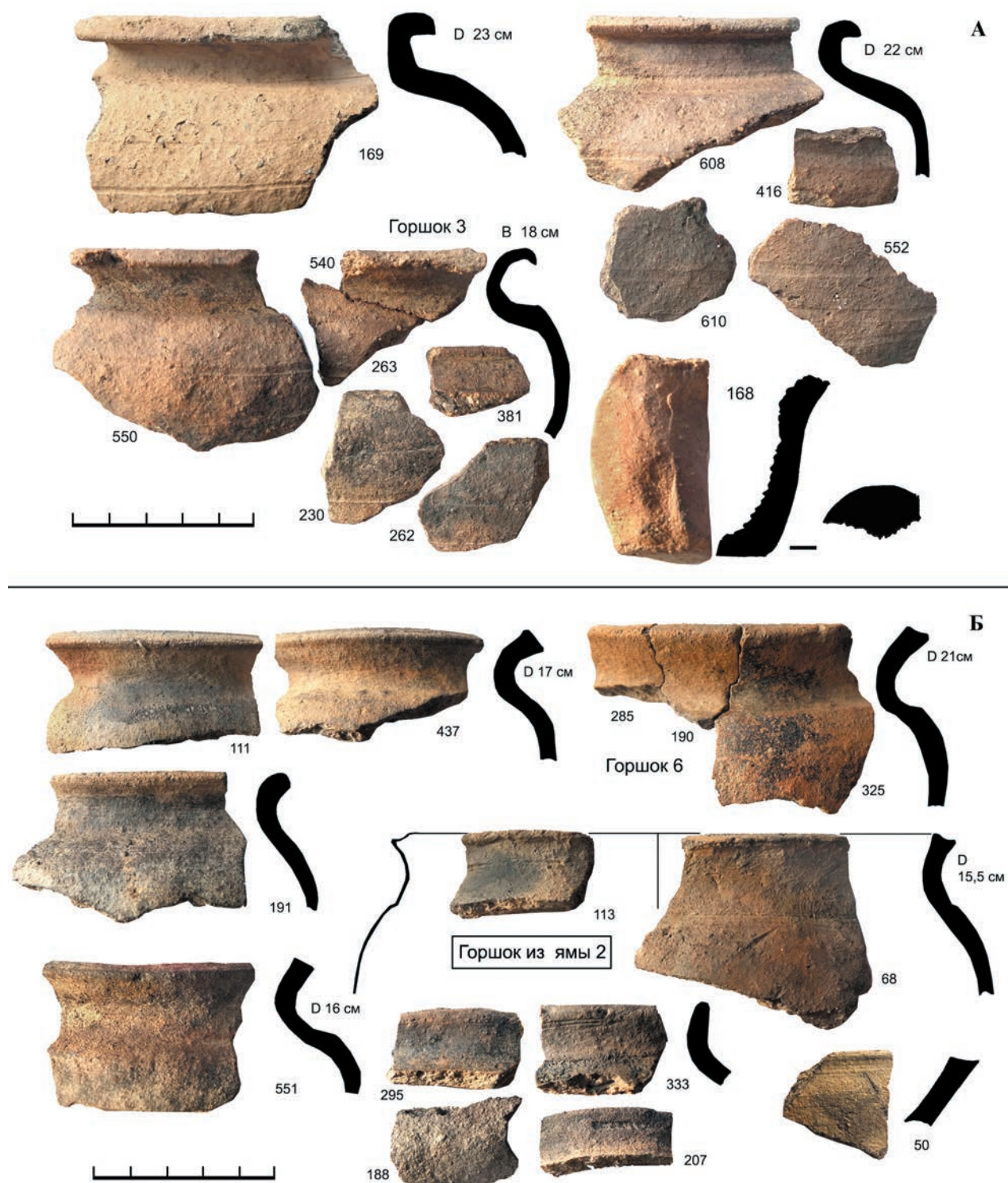

Рис. 22. Селище Протасово-4 (Верхние Кукарки).
Закрытый комплекс красноглиняной грубой керамики из ям 1 и 2

Таблица 4. Селище Верхние Куарки. Раскоп 2011 г. Радиоуглеродные даты.

Шифр образца (уголь)	Куарки. Яма 1. Пл. 11, кв. 9. Описание	Лабораторный № анализа	ВР	Интервал калиброванного возраста ¹⁴ C	
				AD при вероятности 68% (1σ)	AD при вероятности 95% (2σ)
Куарки 12, 1г (микро)	Фрагм. 10 (20 колец)	Ki – 17754	260 ± 80	1490–1680	1450–1710
Куарки 13		Ki – 17755	680 ± 60	1280–1330; 1350–1390	1240–1410
Куарки 14, 1г (микро)	Фрагм. 15 (30 колец)	Ki – 17756	590 ± 90	1300–1420	1250–1490
Куарки 15		Ki – 17752	540 ± 70	1300–1360; 1380–1440	1290–1480

ошлакованный горшок 4 – он имеет высокую посадку и ребро по плечу (рис. 20, Б).

Группа средних по размеру горшков с вертикально стоящим венчиком, край которых отогнут под прямым углом и заострен, выполнены в технологии, типичной для классической красноглиняной грубой посуды: тесто содержит крупнозернистый песок (кварцита до 1 мм), но обжиг полный (рис. 22, А, 169, 608, 263). Они находят аналогии как в Михайловском-2 (МК. Табл. 70, 153; Табл. 71, 159), так и в Дунино-6 (Чернов, 2017б; С. 336. Рис. 17, А, 195, Рис. 17Б, 131; С. 338. Рис. 19Б, 44, 226). В той же технике выполнены срезанные красноглиняные сосуды (рис. 22, Б), имеющие аналогии в Михайловском-2 (МК. Табл. 70, 170, 186; Табл. 71, 156), причем совпадает даже бороздка на краю венчика, которая сообщает ему в профиле форму ласточкина хвоста (рис. 22, Б, 68) (МК. Табл. 70, 157). При наличии аналогий с Дунино-6 комплекс из Верхних Куарок отличается от него отсутствием белоглиняной грубой посуды. Поэтому логично предположить, что последний формировался синхронно Михайловскому-2 (1-я четверть XV в.) и началу бытования комплекса Дунино-6 (1420–1430-е) (Чернов, 2017. С. 341–343), то есть в первой трети XV в.

Радиоуглеродная дата постройки

По углю из деревянных подпечных конструкций (пл. 8; рис. 15) получено 4 радиоуглеродные даты (табл. 4), проанализированные А.Л. Александровским. Образцы взяты из нижних и верхних колец двух тонких еловых бревен, имевших 20–30 годичных колец. Следовательно радиоуглеродные даты не должны сильно отстоять от времени сооружения подпечной конструкции.

Если исключить первую дату – результат технического сбоя, то калиброванные даты при вероятности 68% – 1350–1390, 1300–1420, 1380–1440 гг. совпадают в диапазоне 1350–1420 гг., что не противостоит

речит датировке, полученной по керамике, – первая треть XV в.

Таким образом, можно заключить, что поселение возникло в 1360-е – 1370-е годы, то есть в период, когда в селе уже сформировалась боярская вотчина. Ранняя усадьба располагалась, по-видимому, в северной части поселения. Южнее, на месте исследованной постройки, успел отложиться небольшой культурный слой, фрагмент которого обнаружен в ее котловане. Примерно через два десятилетия после перехода села к Московскому Чудову монастырю (1378), где-то на рубеже XIV–XV вв., в южной части поселения был поставлен новый крестьянский двор и возведено жилое сооружение с подвалом. Его насельники пережили мор 1417–1424 гг. и ушли из «деревни» примерно в 1430-е годы. Быт этого двора ставит ряд вопросов, на которые пока нет ответов. Исключительная бедность материальной культуры проявляется в отсутствии красной посуды, встреченной на синхронном селище Михайловское-2 (в 14 км к северо-западу от с. Душеное) и на многих других крестьянских поселениях этого времени. Отсутствие в Верхних Куарках орнамента «косая волна», излюбленного украшения посуды в московском крае в первой четверти XV в., свидетельствует об индивидуальных приоритетах жителей двора, которые появляются здесь и, как тени, исчезают по прошествии жизни одного поколения. К 1461 г. в пустошь обращается и само село Душеное, и лишь в последней четверти XV в. деревня Куарки возрождается в 400 м к северу уже как село.

Раскопки селища Протасово-3 (Куарки Нижние)

Несколько предварительных замечаний

Данные, полученные при изучении селищ Протасово-4 (Верхние Куарки) и Протасово-5, не противостоят представлению о с. Душеное как

боярской вотчине Бяконтовых, возникшей в середине XIV в. Действительно, в этот период на периферии княжеских волостей (служебных организаций) появляются такие крупные боярские владения. Примером может послужить соседнее село Петровское, принадлежавшее Тимофею Васильевичу Окатьевичу Валую, возглавлявшему владимирский и юрьевский полки и погибшему на Куликовом поле (1380). По предположению С. Б. Веселовского, его брат Семен Васильевич входил в думу Дмитрия Донского и четвертым подписал его духовную грамоту 1389 г. (ДДГ. № 12. С. 37; *Веселовский*, 1969. С. 235). Село Душеное по размерам владения (1382 десятины) и застройки (площадь селища – около 7 га), датировке (серая и красноглиняная керамика XIV в.), наличию при храме большого некрополя с валунными надгробиями вполне отвечает параметрам боярского села.

Еще более красноречиво об этом свидетельствует описание передаваемых Чудову монастырю групп зависимого населения, которое содержится в духовной грамоте митрополита Алексея. «А все тѣ села даю съ серебром и с половники и с третники и с животин[ою]. А что моя челяд(ь) в селѣх, а на них серебрецо, [т не похот]ять служити, и хто куды похочет, и тем воля, отдав серебрецо; а хто рост даст, тѣм воля же» (АСЭИ. Т. 3. С. 51). Из этого описания видно, что в селе имела господская запашка, на которой работали крестьяне, отдававшие владельцу имения половину или треть урожая. Кроме того, имелись холопы, которые по обычаю того времени отпускались на свободу при условии выплаты процентов по кредитам.

В то же время – и это принципиально важно для нашего исследования – в отличие от других владений, Душеное было передано монастырю «с деревнями и с бортью». Это позволяет полагать, что наряду с половниками, третниками и челядью здесь существовала корпорация крестьян, находившихся в несколько иных отношениях с феодальным владельцем, чем те, кто обрабатывал господскую запашку. О характере этих отношений мы сможем составить представление, если обратимся к свидетельствам источников, которые относятся ко времени до возведения тринадцатилетнего Дмитрия Ивановича на великокняжеский владимирский стол (8.01.1363).

Административным центром бассейна речки Пруженки являлось с. Микульское на Пруженке, идентифицируемое с погостом Николы на Пруж-

ках, сохранившемся на северной окраине д. Макарово, в 5,4 км к югу от с. Душеное (рис. 1, Б). В договоре великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном и Андреем, заключенном в 1347–1353 гг., а наиболее вероятно в 1348 г. (*Кучкин*, 1984), говорится: «А княз(ю) Ив[ану и] княз(ю) Андрѣю: Мих[але]вское сел(о), Ми[кульс]кое сел(о) [на Пру]женкѣ, Мики[фото]вское сел(о), Парфень[евское] сел(о)...» (ДДГ. № 2. С. 11). По всей видимости, после смерти во время эпидемии чумы Симеона Гордого (26.04.1353) и Андрея Ивановича (6.06.1353) село перешло к их брату Ивану Красному, занявшему великокняжеский престол¹³.

По церковному преданию, которое было записано в дозорной книге 1680 г. со слов «погоста Пружковъ Николаевского попа Антония церковь Николая чудотворца на погосте Пружки на реке Пруженке изстарины строение блаженных памяти великого князя Василия Ивановича всея Руси, и в тое церкви дано его великого князя евангелие кажаное тетра напрестольное» (*Холмогоровы*, 1887. С. 130). Около 1551 г. это крупное дворцовое владение было передано тысячнику Ивану Семеновичу Черемисинову, выдающемуся государственному деятелю, участнику присоединения к России Казани, Астрахани и Дагестана в 1552–1560 гг. Ко времени составления писцовой книги 1584 г. село находилось во владении его сына Демида Ивановича и включало около 2109 десятин на среднем течении Пруженки (рис. 1, Б, № 94, 95, 96, 168) (*Чернов*, 1998. С. 336–339). При храме Николая Чудотворца сохранился некрополь с валунными и белокаменными плиточными надгробиями XIV–XVI вв. (*Чернов*, 1998. С. 321–334).

Углубленное археологическое изучение окрестностей села Душеново позволило выделить более раннюю, чем середина XIV в., структуру поселений и показало, что до формирования боярской вотчины здесь функционировали более архаичные социальные структуры. Селище, исследованное к югу от погоста и идентифицируемое с селом Микульским на Пруженке, содержит отложения не только XIV–XVI вв., но первой и второй половин XIII в. (*Чернов*, 1998. С. 317–321). В верхнем течении Пруженки, в 120 и 600 м к юго-западу от Верхних Кукарок, выявлены селища Протасово-3 (0,2 га) и Протасово-6 (0,2 га), по присутствию курганный посуды датированные XIII в. (рис. 2, Б).

¹³ В духовной грамоте его сына Владимира Андреевича Храброго, скончавшегося 11.05.1410, оно не значится, хотя упоминаются села на р. Любосеевке, притоке р. Вори (ДДГ. № 17. С. 47).

Следует заметить, что если бы мы не обладали историческими свидетельствами XIV–XV вв., эти селища могли быть трактованы как элементы древнерусского расселения, которые нет возможности рассматривать в контекстах раннемосковских исторических реалий. Между тем применительно к Протасово-3 (Нижние Кукарки) мы обладаем уникальной топографической информацией. «Парность» Нижних и Верхних Кукарок свидетельствует о том, что корпорация душеновских бортников поставила около 1360-х годов деревню (Верхние Кукарки) на пустоши, о которой сохранялась память.

Из судебных дел XV в. мы знаем, как на практике волостные крестьяне опознавали пустоши и, конкретно, следы строений, которые некогда на них располагались. В 1488–1490 гг. в костромской волости Нерехте состоялся суд о пустоши Гилееве, которая около 60 лет до того была приобретена Троице-Сергиевым монастырем, но не использовалась. Истец, представитель волости Ивашко Федотов, так обосновывал принадлежность пустоши крестьянам: «Яз, господине, помню за пятьдесят лет, что то Гилеево да Дубовици земли великого князя черные. А на Дубовицах, господине, и нынечи печища старое, а на весне печищо и найду» (АСЭИ. Т. 1, № 535. С. 414). В 1495–1497 гг. во время суда о землях на р. Которосли в Ярославском уезде старец Спасского Ярославского монастыря Александр говорил: «А что, г(о)с(поди)не, Карпик да Федко называют то мѣсто пустош(ь)ю и дворищом, ино, г(о)с(поди)не, пустош(ь) и дворищо не бывало на тои поженной землѣ; а печищо, г(о)с(поди)не, одно есть: стояла тут изба да клѣт(ь) при архимандритѣ при Варламѣ на приѣздѣ – приежжал(и) в сѣнокос съ старцы и с людьми тѣх пожен косити, и в тои избѣ стоял(и)» (АСЭИ. Т. 3, № 209. С. 221).

Последнее известие показывает, что крестьяне-старожилы и старцы могли не только помнить о месте прежнего поселения, но и различать остатки волостной деревни от монастырской избы при покосе. В судебной практике того времени известен случай, когда судные мужи в поисках печниц даже производили раскопки и обнаруживали их. Речь идет о споре волостных крестьян села Раменья со слугой Спасо-Евфимьева суздальского монастыря, который имел место к востоку от Гороховца в 1529 г. Крестьяне настаивали на том, что печища являются следами «зимниц» «раменских деревень на убежище от татар», а монастырский

слуга именовал их «печищами овинными» (Акты... 1998. С. 70, 73, 74)¹⁴.

Производя сегодня раскопки на той или иной пустоши и анализируя мельчайшие подробности быта насельников некогда существовавшей здесь «деревни», мы производим своего рода археологическую экспертизу, в чем-то сродни свидетельствам, которые получали судьи средневекового времени, пытавшиеся разобраться в череде пользователей той или иной пустоши.

*Селище Кукарки Нижние
по данным археологической разведки*

Опираясь на изложенный выше подход, обратимся вновь к археологическому источнику – раннему «парному» селищу в лесу Кукарки, о котором помнили душеновские бортники в середине XIV в.

Селище Протасово-3 (Кукарки Нижние) занимает край бровки коренного берега р. Пруженки (рис. 3) там, где к ней выходит просека, разделяющая кварталы 81 и 82 (рис. 2). Культурный слой выявлен на отметках 151,5–152,5 м, на высоте 2,5 м над уровнем реки (149 м) (рис. 5). Склон к реке крутой: падение уровня составляет 5 м на каждые 10 м по горизонтали. Площадка селища практически плоская: падение уровня составляет 0,25 м на каждые 10 м по горизонтали (рис. 23). Таким образом, селище по своим топографическим характеристикам относится к типу поселений «на плоских террасах», типичному для XII–XIII вв. (Чернов, 1991, С. 118–120). В южной части селища, приближенной к реке, фиксируется ложбина, оформившаяся, судя по всему, в период Средневековья как сход к реке. Напротив нее русло реки имеет характерное расширение, которое могло использоваться в прошлом как место для выволакивания лодок. Южная часть селища расположена на небольшой лесной поляне (27×43 м), северо-восточная – в смешанном лесу с преобладанием сосны. По восточному краю селища пролегает старинная лесная дорога, которая ведет вдоль речки (рис. 23).

Как показала закладка 17 проб, верхний культурный слой имеет мощность 25–30 см и представлен серо-бурой гумусированной супесью, насыщенной керамикой. Ниже прослеживается слой погребенной почвы, состоящий из подзолистого (светло-серая супесь) и бурого (оранжевый песок) горизонта. Подобная стратиграфия характерна для северной и восточной частей поляны и залесенной территории (пробы 6, 8, 9, 10, 15). В центральной же

¹⁴ Благодарю С.В. Шполянского, указавшего мне на этот источник.

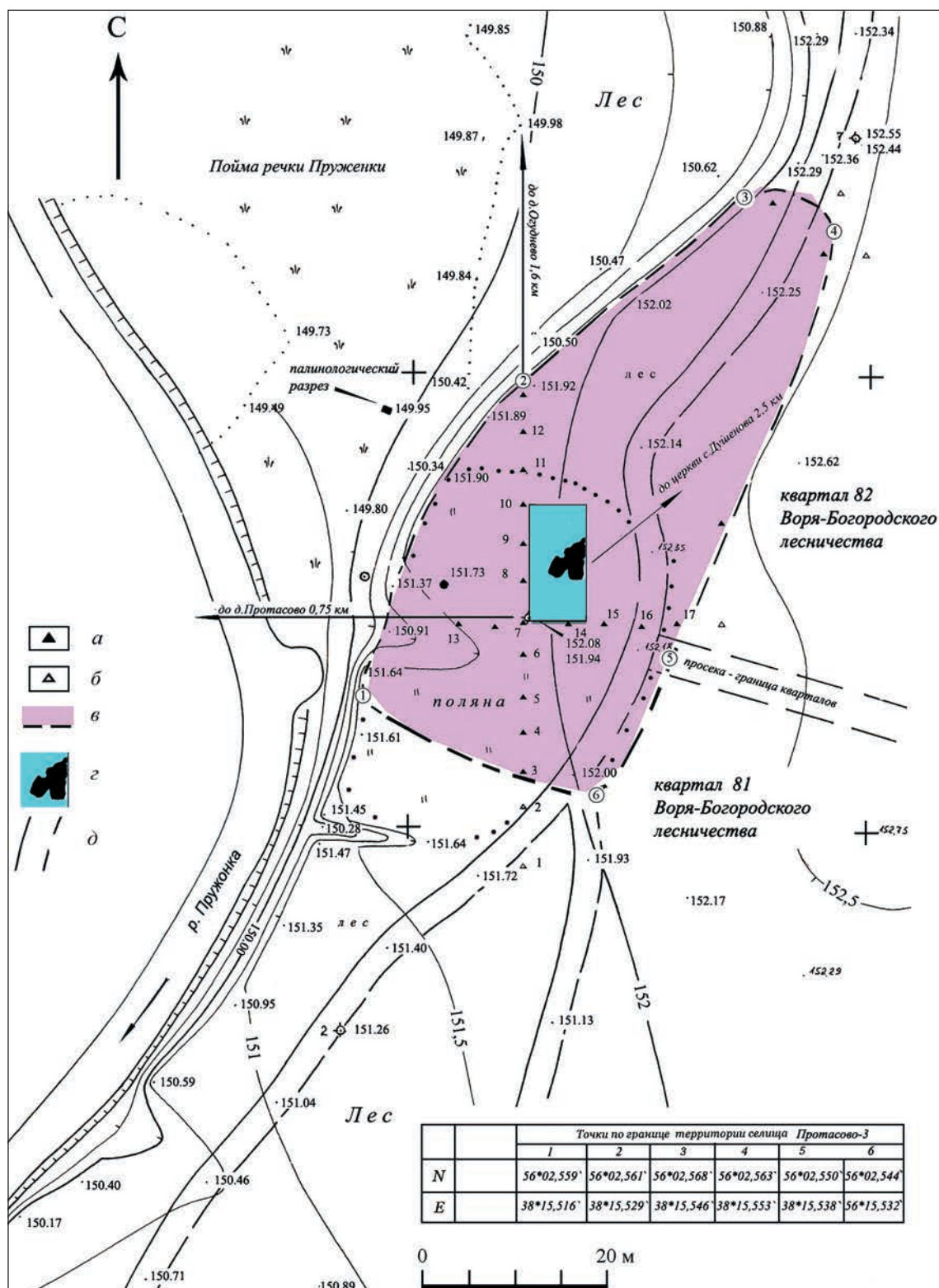

Рис. 23. Селище Протасово-3 (Нижние Кукарки). План, ноябрь 2008 г. (съемка В. В. Петрова)

а – пробы с культурным слоем; *б* – пробы без культурного слоя; *в* – границы селища; *г* – раскоп 2011 г. и выявленные в нем ямы от построек; *д* – лесные исторические дороги

части поляны культурный слой имеет мощность 30–40 см и образован бурой гумусированной супесью. По мнению А. Л. Александровского, подобная стратиграфия является результатом перемешивания культурного слоя с подзолистым и бурым горизонтами в ходе активного почвообразования, идущего на полянах с мощным травянистым покровом. Культурный слой вытянут вдоль бровки первой террасы реки, имеет овальную форму, размеры 70×30 м и площадь 2000 кв. м (0,2 га).

Керамический материал, собранный из проб (52 фр-та), состоит из курганной, серой и красноглиняной грубой посуды в пропорции 60/28/12%. Кроме того, встречено два фрагмента красноглиняной гладкой посуды, свидетельствующей о посещении этого места в XVI в. Курганная керамика имеет толщину стенок 4–7 мм, тесто с крупнозернистым песком и дресвой (кварциты до 2 мм) (рис. 24, А). Поверхность сосудов — от оранжевого и кирпично-красного до серого. В изломе черепок двух- или трехслойный, что свидетельствует о неполном окислительном обжиге. Сосуды украшены горизонтальным рифлением — от широких и глубоких полос шириной 2 мм до более узких, в миллиметр, нанесенных через 5 мм. Формы курганных горшков представлены 3-м вариантом с секировидным венчиком и 7-м вариантом с воронкообразным завершением (рис. 24, А, 960, 974, 978). Горшки с воронковидными венчиками встречаются в подмосковных курганах рубежа XII–XIII вв. (МК. Табл. 16, 3) и нижнем слое Богоявленского монастыря, отражающего сооружения Великого посада Москвы второй четверти XIII в. (МК. Табл. 21, 372). Секировидные формы наряду с Богоявленским монастырем (рис. 24, А, 960 – МК. Табл. 21, 50; рис. 24, А, 969 – МК. Табл. 21, 510) и ямой 8 Исторического проезда Москвы первой трети XIII в. (рис. 24, А, 960 – МК. Табл. 27, 2581) продолжали использоваться и во второй половине XIII в. Они найдены в срубе 1 Исторического проезда, имеющего порубочные даты 1249 и 1251 г. (МК. Табл. 48, 2471), а также в Царево-1 – волостном центре Воря (МК. Табл. 62А, 10).

Серая керамика с заглаженной поверхностью и отсутствию дресвы выделяется по венчику эллипсовидным валиком (вариант 3) (рис. 24, А, 979), которые встречены в срубе 1 (МК. Табл. 32, 638) и яме

3 Исторического проезда (МК. Табл. 43, 1904), а также срубе 2 Монетного двора (МК. Табл. 54, 3723) и Царево-1 (МК. Табл. 62А, 1) – комплексах второй половины XIII в. и позднее (МК. Табл. 67, 505). О присутствии на селище небольшого числа материалов первой четверти XIV в. свидетельствуют вертикально стоящие красноглиняные грубые венчики с подтреугольным валиком внутри (рис. 24, А, 956, 958) (один украшен «косой волной» на шейке). Они появляются в комплексе сруба 6 Исторического проезда (МК. Табл. 49 Б, 2362) и синхронной ему яме 3 (МК. Табл. 43, 1878, 2066), которые датируются по синим стеклянным венецианским перстням.

Итак, перед нами однослойный памятник, который на предварительном уровне может быть датирован серединой XIII – началом XIV в.

Раскопки усадьбы на селище Нижние Кукарки

Раскоп в центральной части селища (12×6 м, площадь 72 кв. м – рис. 25, А) был заложен над микровысшем (+9 см), от которого уровень поверхности понижался к западу, в сторону речки (-13/-20 см) (рис. 25, А)¹⁵. Верхний слой (12–16 см) снимался двумя пластами по 10 см. Он состоял из серо-бурой гумусированной супеси, переработанной почвенными процессами. Фрагменты культурного слоя и подзолистого горизонта почвы, сохранившиеся *in situ*, прослежены в зачистке пласта 1 (кв. 7 и 10) и в зачистке материка – в виде семи пятен (рис. 25, А). При малом количестве печины (9 в кв. 5 и по одному в кв. 8, 9, 14) в центре раскопа были встречены камни, растрескавшиеся в огне.

В зачистке материка (-27/-32 см) в центре раскопа отчетливо проявилась яма 1 прямоугольной формы, сложенная серо-бурой супесью (1,8×1,6 см). В 10 см к востоку от нее, на отметках -15/-23 см, отрылось более крупное пятно серо-бурой супеси (4,5×2,05 м) (рис. 25, А). Над ямами найдены пластинчатый перстень и орнаментированная пластинка из олова (фрагмент украшения), а несколько южнее – сердоликовая биконическая бусина и бусина, выточенная из окаменелости (рис. 24, Б, 8, 11, 13, 10). Среди предметов из железа – нож, накладка с крепежными штифтами, распределитель от поясного набора, гвоздь, крючок и поковка округлой формы (рис. 24, Б, 15, 16, 14, 7, 9, 12)¹⁶. Накладка

¹⁵ Раскопки производились пластами по 10 см и разборкой на ситах (зерно сетки 0,7 мм). Фиксация осуществлялась при участии Н. Н. Потапова и В. С. Курмановского, камеральную обработку материала проводила Е. Ю. Лебедева, земляные работы – учащиеся московской школы «Интеллектуал» (директор Е. В. Маркелов, руководитель практики археолог П. А. Евдокимов).

¹⁶ XVIII–XIX вв. датируется бронзовый распределитель конской упряжи (№ 5), XX в. – 20 копеек 1961 г. (№ 4), гильза (№ 6), обломки лесовозной техники, стекла, пластика и кирпича.

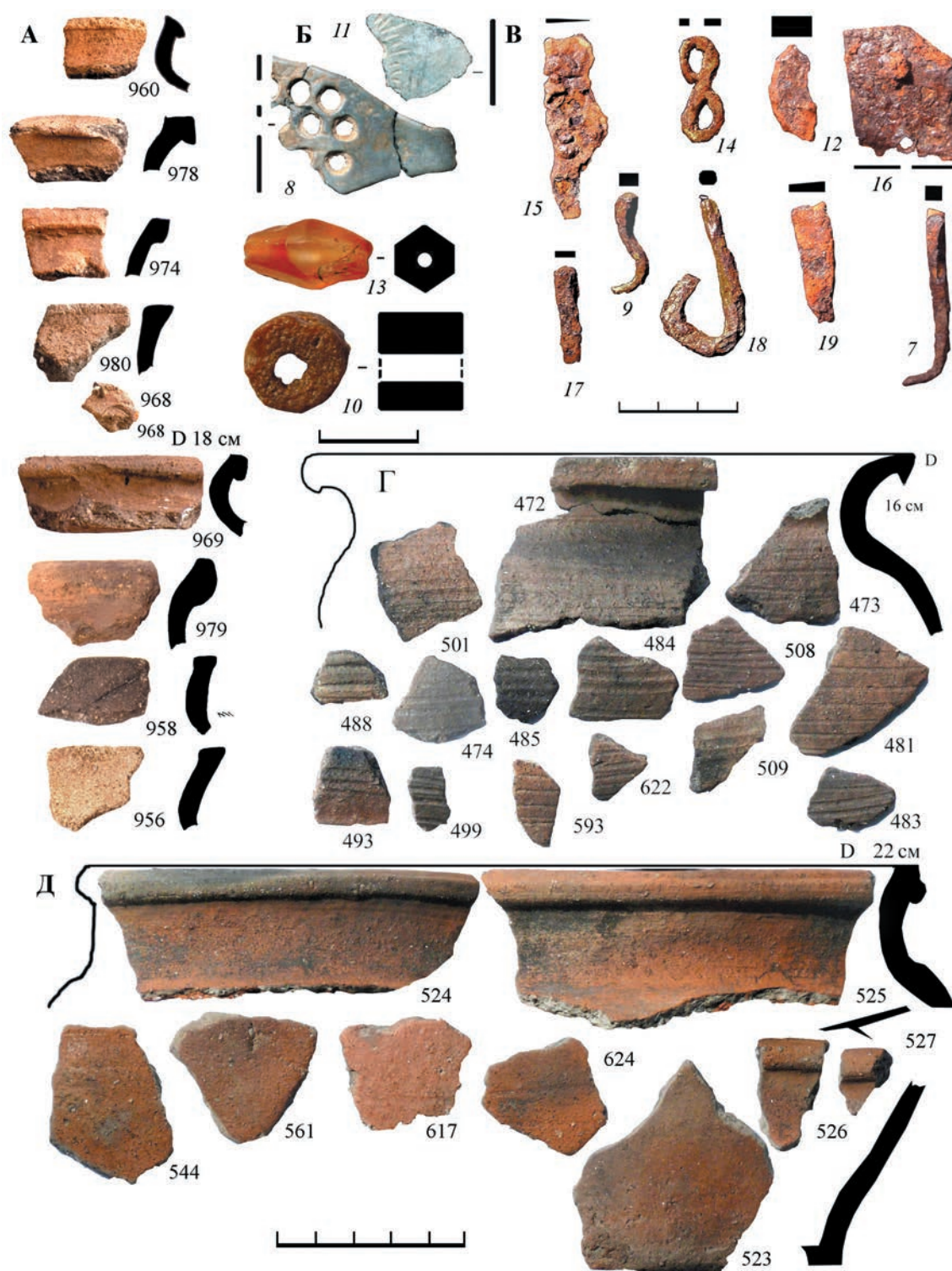

Рис. 24. Селище Протасово-3 (Нижние Кукарки). Раскоп 1

А – керамика из проб культурного слоя; Б – находки из цветного металла и камня из верхнего слоя и ям (8 над ямой 1; 11 над ямой 3): пластинчатый оловянный перстень (8), фр-т оловянного украшения (11), сердоликовая бипирамидальная бусина (13), окаменелость цилиндрической формы с отверстием (10); В – находки из железа из верхнего слоя и ямы 1 (17, 18, 19): фр-т ножа (15), накладка с крепежными штифтами (16), распределитель от поясного набора (14), гвозди (7, 17), крючки (9, 18), предмет округлой формы (12); Г, Д – керамика из заполнения ямы 1

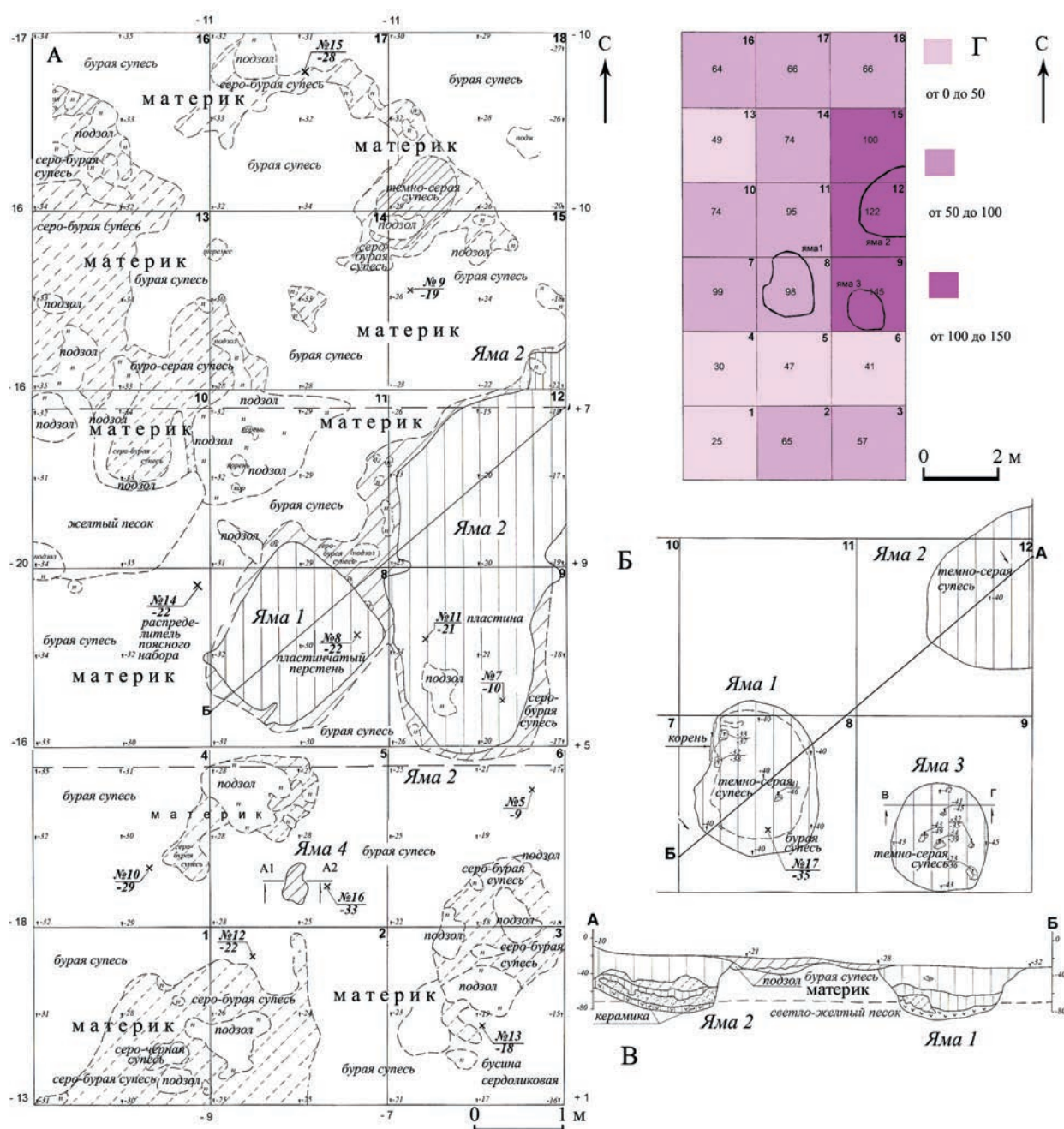

Рис. 25. Селище Протасово-3 (Нижние Кукарки). Раскоп 1

А – зачистка материка; Б – план ям 1, 2, 3 на уровне зачистки -40 см; В – разрез ям 1, 2, 3, вид с северо-запада;
Г – планиграфия керамики с указанием количества фрагментов на квадрат (2×2 м)

выполнена слишком грубо, чтобы быть элементом упряжи лошади, по всей видимости, крепились на кожаный ремень, который использовался для выполнения каких-то работ. Точно такая накладка найдена на раннем радонежском селище Лешково-11 (Чернов, 2016. С. 101, илл. 15, 2).

В верхнем слое встречено 1318 фрагментов керамики, которая концентрировалась над ямами в восточной части раскопа. Без учета стенок раз-

мерами менее 1×1 см (23%) процентное соотношение курганный/серой/красноглиняной грубой керамики равнялось 64,5 / 33,5 / 2,0%, с учетом лишь венчиков – 64 / 36 / 0%, а в среднем – 64 / 33 / 2%. С учетом медленного распространения серой керамики в сельской местности подобное соотношение характерно не для комплексов типа нижнего слоя Богоявленского монастыря второй четверти XIII в. (46/54/0%), а для третьей четверти XIII в.

Таблица 5. Селище Протасово-3 (Нижние Кукарки). Раскоп 1, яма 2. Радиоуглеродная дата.

Шифр образца (уголь)	Описание	Лабораторный № анализа	ВР	Интервал калиброванного возраста ^{14}C	
				AD при вероятности 68% (1 σ)	AD при вероятности 95% (2 σ)
Кукарки № 11, Протасово-3	Яма 2. Пл. 3, кв. 12, уголь	Ki-17753	880 $\pm$ 40	1s 1040–1090 AD; 1120–1140; 1150–1220	2s 1030–1260 AD

Верхняя часть заполнения ямы 1 (20–30 см) представляла собой серо-бурую гумусированную супесь с мелкими угольками. В зачистке пласта 3 (–40 см – рис. 25, Б) форма ямы стала овальной (1,8×1,4 м; глубина 60 см), зафиксировано 3 камня (15×10 см). На грани пластов 4 и 5 (–60 см) открылась темно-серая гумусированная супесь с большим количеством мелких угольков и древесного тлена (10–20 см). На отметке –62 встречен фрагмент обугленного дерева (12×6 см), а на дне ямы вогнутой формы (–75 см) – слой черной углистой супеси (6–10 см). Обнаружены железные гвоздь (–35 см), крюк (–52 см) и пластина (–67 см) (рис. 24, В, 17, 18, 19).

Размеры ямы 2 (2×1,3 м; глубина 70 см) определились на отметках –14/–22 см. Она располагалась в 1,4 м к северо-востоку от первой и уходила восточную стенку раскопа. Верхняя часть ее заполнения включала серо-бурую гумусированную супесь с мелкими угольками (25–35 см). В зачистке пласта 3 (–40 см – рис. 25, Б) границы сократились (1,8×1,2 м). В пласте 4 залегала темно-серая супесь с мелкими угольками (6–12 см) и бурая супесь (10–35 см) (рис. 25, Б), а в зачистке пласта 5 (–60 см) яма приобрела округлую форму (1,2×1,2 м).

Яма 3 располагалась в 0,5 м к востоку от первой (–23 см до –28 см). В зачистке пласта 3 (–40 см – рис. 25, Б) она имела овальную форму и размеры 1,25×1,45 м и заполнена серо-бурой супесью с мелкими угольками, переходящей в темно-серую. На отметках –23/–49 см встречено пять камней, часть которых потрескалась от огня. В зачистке на –60 см размеры ямы сократились (1,0×0,9 м). Ее глубина от поверхности материка составила 50 см (–72 см).

Таким образом, раскопки открыли подполье наземного сооружения. Большое количество растрескавшегося в огне камня и фрагменты печины свидетельствуют о наличии печи-каменки, которое располагалось на уровне пола наземного сооружения. По углю из ямы 2 получена радиоуглеродная дата (880 $\pm$ 40), типичная для жилых сооружений домонгольского времени (табл. 5). Калиброванный возраст дерева – не позднее 1220 г. Поскольку при

строительстве подпечий использовались 20–40-летние бревна, можно предполагать, что постройка была возведена не позднее 1250-х – 1260-х годов.

Присутствие находок, типичных для вятских курганов первой половины XIII в. (решетчатый перстень, биконическая сердоликовая бусина), говорит о том, что поселение существовало в XIII в. Обращаясь к описанию закрытых комплексов керамики, следует сказать, что мы имеем возможность сопоставить их как с комплексами XIII в. Велико-го посада Москвы, так и с комплексами из Радонежа (Лешково-11, Лешково-9, Лешково-2), отражающими этапы развития деревенского керамического ремесла. Сравнение материалов Нижних Кукарок с селищем Лешково-11 представляет особый интерес, поскольку последнее трактуется как наиболее раннее поселение Радонежской волости, для которого предложена дата вторая-третья четверти XIII в. (Чернов, 2016. С. 84–86). Близким временем датируется и раннее селище Шарапово-5А, «парное» поселение которого идентифицировано с деревней Плосцевской волости (Чернов, 2017а).

Процентное соотношение типов керамики из ям и верхнего слоя практически идентично (табл. 6).

В ямах 1 и 2 доминирует древнерусская курганная посуда (рис. 24, Г, Д), изготовленная из краснойжгущейся глины с примесью крупнозернистого песка и дресвы (кварциты до 1–2 мм), толщиной черепка 5–8 мм и неполным окислительным обжигом. В яме 1 наряду с архаичным горшком 4-го варианта со срезанным венчиком и орнаментом в виде сплошного рифления по тулову (рис. 24, 472; 26, 862), известными в домонгольское время (курган 40 Балятина середины XII в. – МК. Табл. 12, 3, Алексеевка-2 на р. Воре – табл. 18 А, ямы 8 Исторического проезда – табл. 27, 2570, 2595), и воронковидными сосудами присутствует горшок варианта 3 с округлым валиком снаружи, ребром по плечу и заглаженной поверхностью. Последний близок керамике из нижнего слоя Богоявленского монастыря второй четверти XIII в. (МК. Табл. 23, 61) и яме 1 селища Лешково-11 (Чернов, 2016. Рис. 16, 294).

Таблица 6. Селище Протасово-3 (Нижние Кукарки). Раскоп 1, ямы 1, 2, 3. Процентное соотношение типов керамики.

Тип керамики	Верхний слой	Яма 1	Яма 2	Яма 3
Всего керамики (фр-тов)	1318	217	232	34
Курганная	64%	63%	54%	59%
Серая	33%	37%	45,5%	41%
Красноглиняная грубая	2%	—	0,5%	—

Материал из ямы 2, отличающийся богатством керамических форм (рис. 26–28), дает возможность уяснить место Нижних Кукарок в развитии керамических традиций XIII в. Курганная керамика весьма разнообразна. В серии сосудов со срезанными венчиками варианта 4 наряду с архаичными (рис. 28, 698, 787, 895) присутствуют формы (рис. 26, 863, 900), близкие комплексу Шарапово-5А, который имеет системные аналогии с Лешково-11 (Чернов, 2017а, Рис. 10, 1, 2). Воронковидный сосуд варианта 7 из Нижних Кукарок (рис. 26, 756) находит аналогии и в нижнем слое Богоявленского монастыря (МК. Табл. 22, 2) и в яме 1 Лешково-11 (Чернов, 2016. Рис. 17, 298). Венчики варианта 1 с сильной профилировкой, валиком снаружи и упором под крышку (рис. 28, 9-й сверху) также имеются в Богоявленском монастыре (МК. Табл. 21, 71, 510). Слабопрофилированные формы, близкие варианту 1 серой керамики (рис. 27, 739; рис. 28, 1-й и 8-й сверху), есть и в Богоявленском монастыре (МК. Табл. 25, 600, 597) и в Лешково-11 (Чернов, 2016, Рис. 17, 540).

Наряду с керамикой, которая укоренена в древнерусской традиции и близка комплексам второй четверти XIII в., в яме 2 присутствует постдревнерусская серая посуда без дресвы в тесте и с заглаженной поверхностью. Она представлена небольшими горшками (диаметр венчика 16–20 см) варианта 3 с вертикально стоящим венчиком и валиком снаружи. Три горшка имеют эллипсовидный валик с рудиментарным упором под крышку (рис. 27, 689, 898), вдавлениями по плечу и орнаментом, напоминающим «косую волну» (рис. 27, 689, 902). У других горшков – эллипсовидный валик без упора под крышку и вдавления по плечу (рис. 27, 908) или округлый валик (рис. 28, 4-й и 5-й сверху). Все они имеют системные аналогии с комплексами ям Лешково-11 (Чернов, 2016, Рис. 18, 312, 508, 433, 509, 416; рис. 17, 539, 550, 553, 554), где, однако, отсутствует орнаментация в виде «косой волны». Следовательно, период функционирования ямы 3 Лешково-11 и ямы 2 Нижних Кукарок частично совпадают, но последний охватывает

и более позднее время, когда серая керамика получила распространение в сельской местности.

В нашем распоряжении имеется лишь одна надежная веха, позволяющая судить об абсолютных датах начала распространения серой керамики. Это комплекс из сруба 1 Исторического проезда с порубочными датами 1249 и 1251 гг. В нем появляются горшки с эллипсовидными валиками (МК. Табл. 32, 839, 942) и пробы, впоследствии завершившиеся появлением орнамента «косая волна» (МК. Табл. 32, 704). Если на посаде Москвы такая керамика бытовала в третьей четверти XIII в., то аналогичный состав керамики в сельской местности мы не можем датировать более ранним временем. Следовательно, комплексы из Шарапово-5А и Нижних Кукарок, которым соответствуют поселения без курганных могильников, следует датировать около 1250–1275 гг., а Лешково-11, при котором имеется курганный комплекс и где присутствуют древнерусские вещи, включая шиферное пряслице, 1225–1275 гг.

Таким образом, раскопанное жилое ядро Нижних Кукарок датируется третьей и, частично, четвертой четвертями XIII в. Само же поселение использовалось до рубежа XIII–XIV вв., когда на нем отложились красноглиняная грубая керамика. Запустение деревни длилось с начала XIV в. до середины XIV в., то есть примерно 50 лет.

Выводы

Сравнение Верхних и Нижних Кукарок по археологическим данным показывает, что между ними присутствуют стадийные культурные различия. Нижние Кукарки, хотя и возникли после монгольского нашествия (1238), вполне типичны для древнерусского приречного расселения. При поселении не было курганной группы, но в быту еще сохранялись вещи, отражающие последнюю стадию вятичской курганной культуры, и, видимо, отсутствовали предметы личного благочестия. Наземное сооружение имело при себе лишь небольшие подполья. Тем не менее это было не сезонное, но вполне стационарное поселение с отапливаемым жилым зданием

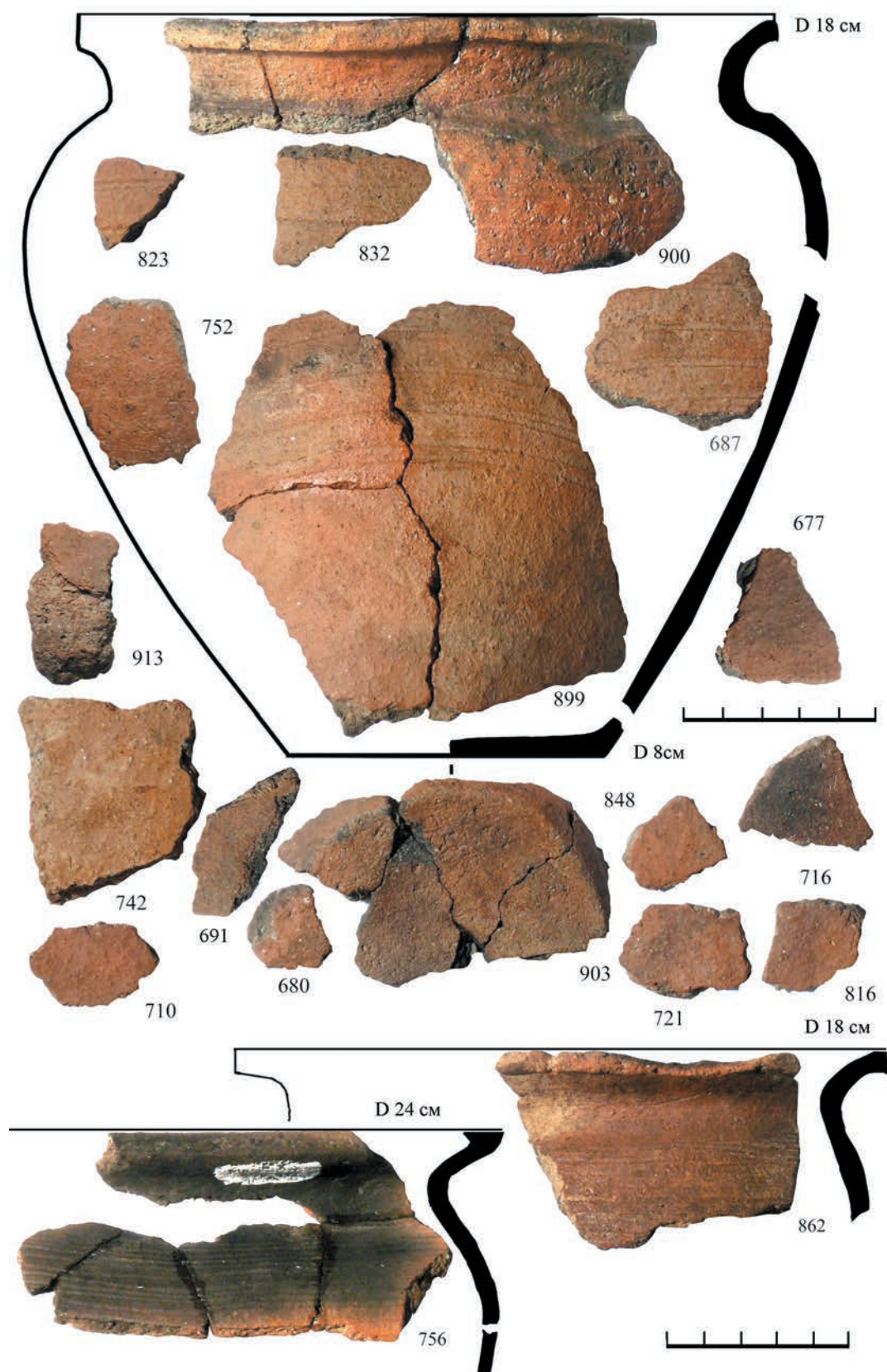

Рис. 26. Селище Протасово-3 (Нижние Кукарки). Раскоп 1.
Керамика из заполнения ямы 2. Курганная керамика

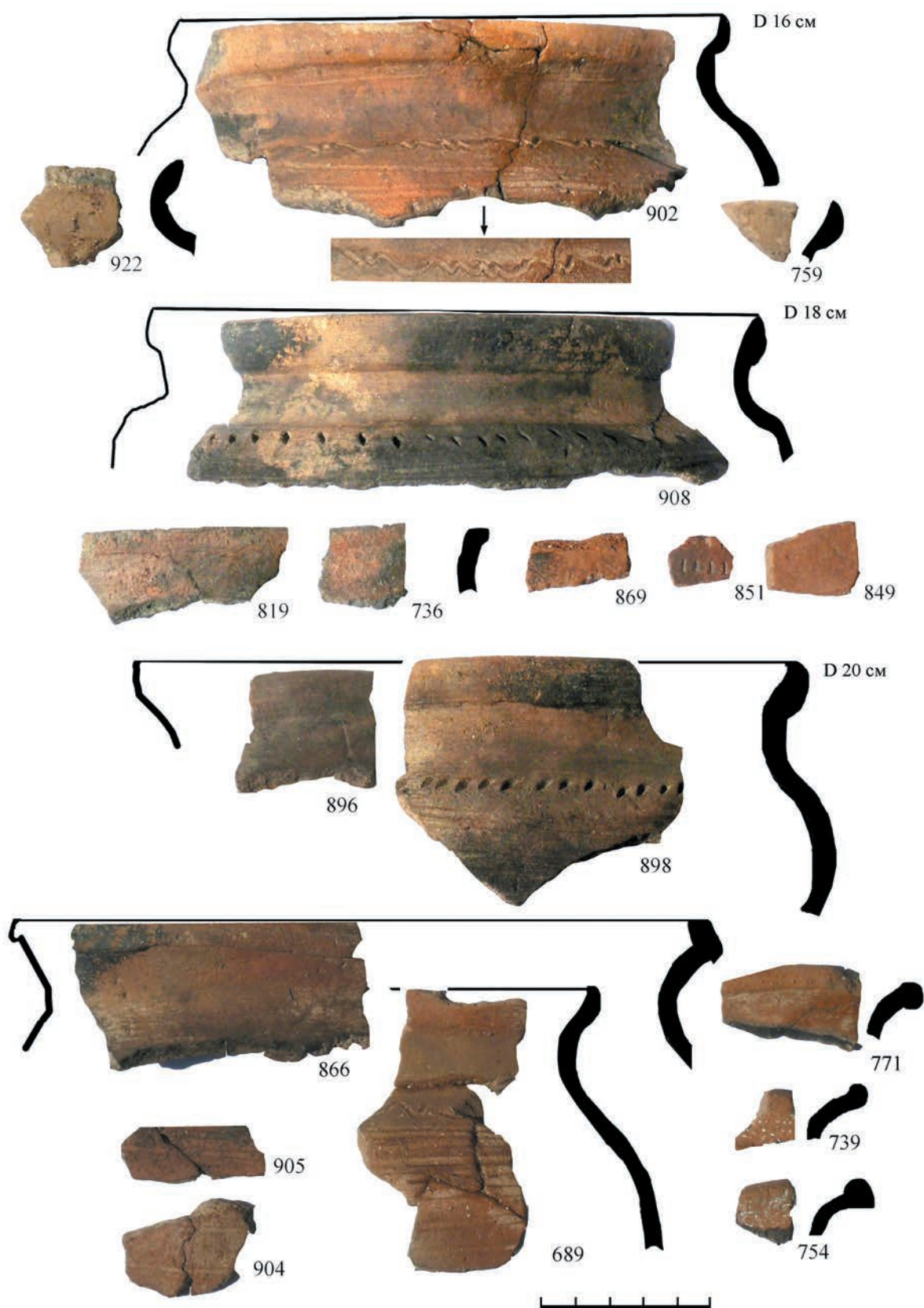

Рис. 27. Селище Протасово-3 (Нижние Кукарки). Раскоп 1.
Керамика из заполнения ямы 2. Серая керамика

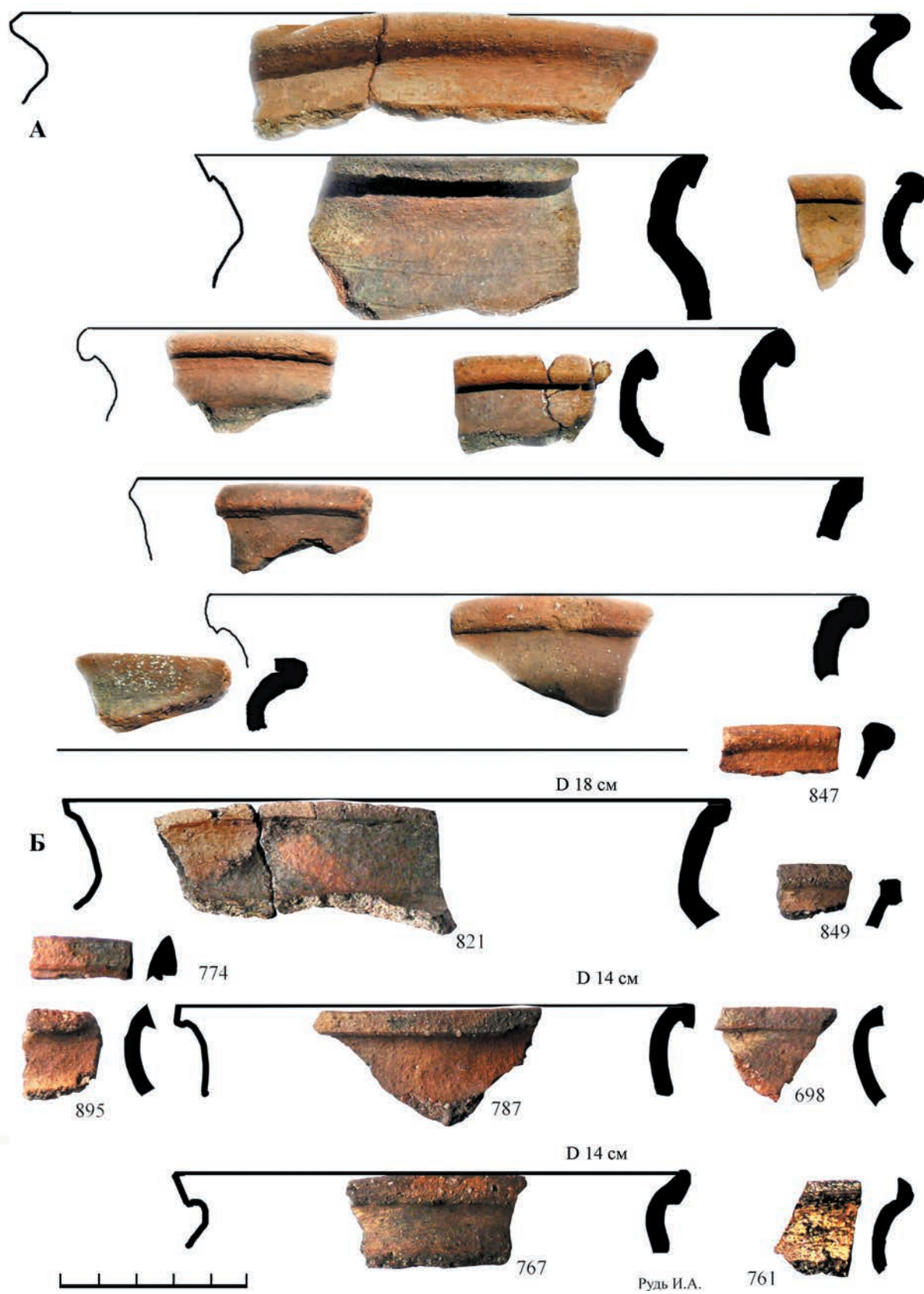

Рис. 28. Селище Протасово-3 (Нижние Кукарки). Раскоп 1. Керамика из заполнения ямы 2
А – серая; Б – курганная

и развитым домашним хозяйством. Помимо мужчины, использовавшего кожаный ремень с железными накладками (бортный керам?), здесь присутствовала женщина, носившая сердоликовые бусы. Эти особенности материальной культуры напоминают поселения второй половины XIII в. на берегах р. Пехорки, которые отражают ранний этап развития Пехорской бортной волости (Чернов, 2004; Чернов, Медведев, Потапов, 2010; Савицкий, Гоняный, Цыбин, 2015). Селище Шарапово-5А Площевской волости также очень близко стоит к Нижним Кукаркам — даже в условиях моренной гряды, где оно возникло, его насельники выбрали для селитьбы бровку на берегу оврага. Напротив, Верхние Кукарки поставлены на «пологом холме», а присутствие глубокого погребка, выполнявшего функцию клети, говорит о новых приемах домостроительства, предполагавших строительство жилой «избы» и «клети» для хранения имущества. Наличие стада, фиксируемого по находкам костей животных, типично для пахотного двора.

В то же время между этими памятниками имеется существенное родство. Перед нами следы небогатых крестьянских дворов, рассеянных на расстоянии одного-двух километров друг от друга. Совпадают размеры поселения (0,20–0,25 га) и сам характер культурного слоя, который типичен для однослойных деревень XIV–XV вв., а не для древнерусских селищ.

Весьма заманчиво сравнить керамические традиции Нижних и Верхних Кукарок на предмет их преемственности. Следует, впрочем, учесть, что наборы посуды известны лишь для ранних Нижних Кукарок (1250–1300) и поздних Верхних Кукарок (1400–1430-е). О керамике, которая бытовала в конце жизни первой деревни (рубеж XIII–XIV вв.) и начале жизни второй (1360-е – 1390-е), мы можем судить лишь по материалам из верхних слоев раскопок. Жизнь в Нижних Кукарках прервалась, когда постдревнерусская (серая) керамика (рис. 27) сочеталась с отдельными образцами ранней красной грубой посуды с орнаментом «косая волна» (рис. 24, А, 956, 958). В Верхних Кукарках жизнь началась в период, когда эти типы уже господствовали (рис. 8, В). Таким образом, мы наблюдаем обычное для сельских местностей Московского края преемственное развитие керамической традиции. Напротив, между керамикой предполагаемой первой усадьбы Верхних Кукарок и второй наблюдается некоторый разрыв преемственности, который стилистически проявляется в отсутствии «косой волны» в керамике из погребка (рис. 20–22). Имеются свидетельства о появлении в этот период

земледелия. Возможно, в первой трети XV в. поселские Чудова монастыря произвели какие-то перемены в жизни корпорации бортников, упоминаемой в 1378 г.

Деревню Кукарки поставили в 1360-е годы на участке, освоенном во второй половине XIII в., оставленном в начале XIV в. и обратившимся в пустошь, но сохранившем в земельном фонде крестьянской корпорации. На это указывают установленные выше датировки. За полвека, прошедших с момента запустения Нижних Кукарок, здесь не могло еще полностью восстановиться лесной массив. Не пройден был и рубеж устной памяти (70 лет).

Данная ситуация воспроизводит прослеженное археологически заселение места старой деревни Площевской волости, где оно документировано судным списком 1473–1485 гг. Это позволяет сделать вывод, что за археологическим феноменом «парных селищ» стоит порядок предоставления земли членам служебной («волостной») организации, предполагавший владение и пользование земель волостным человеком, распоряжение земельным участком волостью (коллективным собственником) и наличие верховного собственника в лице князя (Чернов, 2017).

Все эти соображения позволяют рассматривать Нижние Кукарки как следы ранней волостной деревни и предполагать наличие в бассейне реки Пруженки во второй половине XIII в. структуры малодворных деревень, тяготевшей к селу Микульскому. По всей видимости, эта служебная крестьянская организации («волость») была достаточно развита, чтобы быть упомянутой в договоре 1348 г. как особая единица домена Калитовичей. С появлением вотчины часть служебников оказалась в ее составе в качестве небольшой корпорации крестьян-бортников, которая была оговорена в духовном завещании митрополита Алексея 1378 г. («с деревнями и с бортью»).

Раскрытие «волостного» пласта в истории края проливает свет и на происхождение Душеновской вотчины. Скорее всего, перед нам владение, выросшее из кормления бояр Бяконтовых в Микульском на Пруженке в годы, когда после смерти великого князя Ивана Красного (13.11.1359) митрополит Алексей стал главой регентского совета при девятилетнем князе Дмитрии и его младшем брате Иване. Преобразование части княжеской служебной организации (волости Бели) в вотчину племянника митрополита Алексея Данила Феофановича Бяконтова (1392) было изучено ранее на примере села Даниловского, которое, также как и Душеное, перешло к Чудову монастырю (Чернов, 2000).

Литература

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина; ред. С. Н. Кистерев. М.: Памятники исторической мысли, 1998.

АСЭИ. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1952. 804 с.

АСЭИ. Т. 3. М.: Наука, 1964. 687 с.

Бойцов И. А. 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М. С. 33–40.

Веселовский С. Б. 1936. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М.–Л.: ОГИЗ. 166 с.

Веселовский С. Б. 1969. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 583 с.

Гоняный М. И., Кац М. Я., Наумов А. Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – первой четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука, С. 228–252.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М. С. 7–81.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.

Кренке Н. А., 2005. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты / Ред. С. З. Чернов. Т. 3. М.: Наука. С. 293–325.

Кучкин В. А., 1984. Договор Калитовичей (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. Статьи и материалы. М.: Наука. С. 16–24, 255–257.

МК / ред. С. З. Чернов, М. Д. Полубояринова. М., 1991. 198 с.

ПКМГ / ред. Н. В. Калачев. Ч. 1. Отд. 1–2. СПб., 1872–1877.

Савицкий Н. М., Гоняный М. И., Цыбин М. В., 2015. Раскопки селища Горбово-3 в г. Балашиха Московской области // АО 2010–2013 годов. М. С. 254–256.

Холмогоровы В. И. и Г. И., 1887. Радонежская десятина Московского уезда. М. 220 с. (Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий. Вып. 5).

Чернов С. З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. Ч. VIII / Архив ИА РАН. Р-1, № 6699.

Чернов С. З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1. С. 112–133.

Чернов С. З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.: Наука. С. 123–182.

Чернов С. З., 1998. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Канонизация святых на Руси. М.: Можайск-Терра. С. 316–349. (Макариевские чтения. Вып. 6).

Чернов С. З., 2000. Землевладение волости Бели Радонежского удела // Очерки феодальной России. Вып. 4. М.: Эдиториал-УРСС. С. 20–70.

Чернов С. З., 2004. Сельское расселение и ландшафты на Пехорке: загадка хозяйственного подъяема в Мещере при первых московских князьях // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1 / Ред. Н. А. Кренке, С. З. Чернов. М.: Наука, С. 126–188.

Чернов С. З., 2009. Археологические исследования селища Протасово-3 (Кукарки) Щелковского района Московской области в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 36325.

Чернов С. З., Медведев П. В., Потапов Н. Н., 2010. Раскопки селищ Горбово 3 в Балашихе и Зименки3 в Ленинском районе Московской области // АО 2007 года. М., С. 228–230.

Чернов С. З., 2011. Археологические исследования селища Протасово-3 (Кукарки Верхние) Щелковского района Московской области в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 37402.

Чернов С. З., 2015. Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося *in situ*: селище Лешково-4 (Белухинское) // АП. Вып. 11. М. С. 304–338.

Чернов С. З., Волков И. В., 2015. Археологические маркеры смутного времени: Комплекс керамики с кладом из Лешково-6 и датировка запустения малодворных деревень Радонежского края // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII веков. М. – Вологда: Древности Севера.

Чернов С. З., 2016. Курганная группа и селище Лешково-11 в верховьях Оржавца: Радонеж за пол-

века до отрока Варфоломея // История и культура Ростовской земли. Ростов. С. 68–104.

Чернов С.З., 2017а. Мужичья Платовщина: владения земель в раннемосковской волости XIV–XV вв. (археологическая экспертиза разъездной грамоты АСЭИ – I – 422) // История. Электронный научно-образовательный журнал. Т. 8. Вып. 8 (62). Собственность в средневековой Западной Европе (земля – власть – право) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001984-1-1> (дата обращения: 01.05.2018).

Чернов С.З., 2017б. Двор с монетными весами в д. Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век // АП. Вып. 13. М. С. 309–345.

Чернов С., Erschova E., 2013. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements / Ed. Jan Klápště. Vol. 9. Turnhout: Brepols Publishers. P. 387–406.

S. Z. Chernov

Dushenoe with hamlets and with apiculture»: the phenomenon of doubles sites according to the excavations of the Upper and Lower Kukarki in 2009–2011

Summary

The article is devoted to the phenomenon of doubles sites – two or more archaeological sites located in 50–100 m or more from each other, different in Dating and identified with one hamlet by written sources.

Through archeological excavations it was determined that the hamlet of Kukarki arose around 1250–1300 and after desolation was restored about 1360–1440 100 m to the East. After a new desolation, about 1504, it was delivered 400 m from the place of the former.

The author suggests that the early village reflects the community of free peasants-beekeepers («volost») of the Moscow princes in the village of Mikulsky. After the occurrence in 1360-s manor of Byakontovy in the village Dushenoe the part of peasants-beekeepers were under the power of the new owner. They were marked by Metropolitan Alexei (+1378) in his Testament («villages and borts»).

List of figures

Fig. 1. A – The layout of land related to the village Mikulsky on Pruzhenka (shown in frame) in the north-east of the Moscow principality; Б – location of the estate of the Chudov monastery in the village Dushenoye relative to the village of Mikulsky on Pruzhenka. Plan of the Bogorodsky Uyezd of the General Land Survey of 1784

Fig. 2. The early part of the estate of the Moscow Chudov Monastery the village Dushenoye, transferred by Metropolitan Alexei

A – Topographic map of Moscow province, 1852 and 1853; Б – reconstruction based on survey data from 1964 and a survey of 1984. 1 – borders according to the General Land Survey plan; 2 – monuments of archeology of the 14th – 19th cc.; 3 – names of settlements and wastelands mentioned in the description of 1584–1586

Fig. 3. View of the Kukarka forest from the west, from the Pruzhenka river

Fig. 4. Kukarka forest according to archaeological survey 2009–2011. Satellite image 28.07.2011 (A) and the localization of archaeological sites on satellite (Б)

1 – settlement Protasovo-3 (Kukarki Nizhniye); 2 – settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye); 3 – settlement Protasovo-5 (Kukarki na pole); 4 – settlement Protasovo-6 (u istochnika); 5 – medieval roads

Fig. 5. Settlement Protasovo-3 (Kukarki Nizhniye) and Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Plan 2009–2011 (shooting by V.V. Petrov)

Fig. 6. Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Plan

a – prospect trench without a cultural layer; б – prospect trench with cultural layer; в – prospect trench with ceramics in the cultural layer; г – settlement borders; д – excavation site of 2011 and pits from buildings in it; e – forest historical roads

Fig. 7. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1. Pit 1

A – cleaning the virgin soil; Б – ceramic planography indicating the number of fragments per square (2×2 m); above – the total amount of ceramics, below is the amount of gray pottery

Fig. 8. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1

A – finds from iron from the upper layer; B – compatibility scheme of corollas of gray ceramics from Verkhniye Kukarki with closed complexes of the 14th c.; B – gray pottery from the upper layer of the excavation

Fig. 9. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1. Pit 1**Fig. 10. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1. Red clay rough processed ceramics from the top layer****Fig. 11 Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1. Cut of pits 1 and 2**

A – pit 1 cut (view from the west); B – Cut of pits 1 and 2 (view from the north); B – section diagram on the construction plan in cleaning sq. 10

Fig. 12. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1. Wooden construction in cleaning 8 (-150 cm)**Fig. 13. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1****Fig. 14. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1**

A – sq. 11; B – sq. 12; B – wooden construction in cleaning sq. 12

Fig. 15. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1. Pit 1. Wooden construction in cleaning of layer 11 (-195 cm)**Fig. 16. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1****Fig. 17. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1**

A – pits 1 and 2 in the virgin soil after filling sampling. View from the northeast; B – Cleaning the bottom of the pit 2, view from the south – visible traces of the base of the fastening structures along the southern side of the pit

Fig. 18. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1. Studying the profile of pits 1 and 2 after sampling their northern halves. View from the north**Fig. 19. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Excavation site 1. Pits 1 (left) and 2 (right) after sampling the northern half. Cleaning sq. 5 at the mark -65 cm and the West – East; cut**

A – cut of pit 1 along the line west - east; B – cut of pit 2, view from the northwest

Fig. 20. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye)**Fig. 21. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Indoor complex of red clay rough processed ceramics from pits 1 and 2****Fig. 22. Settlement Protasovo-4 (Kukarki Verkhniye). Indoor complex of red clay rough processed ceramics from pits 1 and 2**

A – pot gluing distribution by layers and by the squares of filling pits 1 and 2; B – pot 4, which was on fire from filling of pit 1

Fig. 23. Settlement Protasovo-3 (Kukarki Nizhniye). Plan, November 2008 (shooting by V.V. Petrov)

a – culture layer samples; б – samples without culture layer; в – settlement borders; г – excavation site 2011 and pits from buildings revealed in it; д – forest historical roads

Fig. 24. Settlement Protasovo -3 (Нижние Кукарки). Раскоп 1

A – Pottery from culture layer samples; Б – finds from non-ferrous metal and stone from the upper layer and pits; B – finds from iron from the upper layer and the pit 1; Г, Д – ceramics from the filling of the pit 1

Fig. 25. Settlement Protasovo-3 (Kukarki Nizhniye). Excavation site 1

A – cleaning the mainland; Б – pit plan 1, 2, 3 at cleaning level -40 cm; B – cut of pits 1, 2, 3, view from the north-west; Г – ceramic planography indicating the number of fragments per square (2×2 m)

Fig. 26. Settlement Protasovo-3 (Kukarki Nizhniye). Excavation site 1 Pottery from the filling of the pit 2. Mound ceramics**Fig. 27. Settlement Protasovo-3 (Kukarki Nizhniye). Excavation site 1 Pottery from the pit filling 2. Grey pottery****Fig. 28. Settlement Protasovo-3 (Kukarki Nizhniye). Excavation site 1. Pottery from the pit filling 2**

A – grey; Б – mound

**Т. Н. Лубкова*, Р. А. Митоян*,
Т. Г. Сарачева**, Ю. Н. Хабибуллина***

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

** Государственный исторический музей, Москва

Исследование химического состава металлического оклада иконы из собора Покрова на Красной площади

Собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву, чаще называемый храмом Василия Блаженного, возведен по распоряжению царя Ивана IV Грозного в 1555–1561 гг. Необычный по архитектурной композиции храм давно превратился в общеизвестную национальную достопримечательность. Первоначально он состоял из девяти церквей; впоследствии были пристроены два нижних придела над мощами Василия и Иоанна Блаженных, погребенных у стен храма. После этого Покровский собор стал восприниматься как усыпальница двух самых известных московских юродивых.

Василий Блаженный, умерший в 1557 г., завещал похоронить себя у стен тогда еще строящегося Покровского собора. Церковь над его погребением была возведена после канонизации святого в 1588 г. Святого Иоанна, умершего в 1589 г., похоронили по его просьбе рядом с Василием Блаженным. Мощи Иоанна, обретенные в 1672 г., поместили в пристроенную тогда же к собору церковь. В конце XVIII в. обе нижние церкви, где покоились мощи блаженных, объединили в единое богослужebное пространство, что подчеркивало высокий духовный статус обоих святых в русской церкви.

За более чем 450-летнюю историю в Покровском соборе сформировалась представительная и разнообразная по своему составу коллекция предметов церковно-прикладного искусства XVI–XIX вв. Это иконы, светильники, богослужebная утварь, книги, образцы лицевого шитья. Среди них есть вклады государей и богатых горожан, предметы, специально изготовленные для Покровского собора, а также попавшие в него после того, как в 1923 г. в храме был открыт историко-архитектурный музей. Особый интерес пред-

ставляет коллекция предметов из цветных и драгоценных металлов, состоящая в том числе из редко встречающихся в других музеях большемерных икон, написанных на металлической основе, окладов икон, накладок на раки блаженных, а также церковных знамен – хоругвей.

Необходимо отметить, что свидетельства о богослужebной утвари Покровского собора, представляющей собой высококлассные произведения ювелирного дела, в исторических документах крайне скудны. За редким исключением, мы не имеем сведений о точной дате изготовления, в какой мастерской и кем они были выполнены. Как правило, исследователи рассматривают отдельные предметы в контексте искусствоведческих и иконографических аспектов изучения церковно-прикладного искусства.

В настоящее время авторами статьи начато химико-технологическое исследование предметов из Покровского собора, которое существенно расширит знания о цветном металле эпохи позднего Средневековья и Нового времени. В отличие от металлообработки Древней Руси, активно исследуемой в последние десятилетия, период XVI–XIX вв. в целом изучен слабо. Важные результаты изучения серии предметов медного художественного литья, относящихся по иконографическим и стилистическим признакам к различному времени (XI–XIX вв.), были получены в 1990-е годы в отделе исследования, консервации и реставрации музейного металла ГосНИИР (*Шемаханская и др.*, 1996). Большой интерес представляют работы по изучению элементного состава образцов православной пластики XIX в. из коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего

Востока ИАЭТ СО РАН (Сальникова, 2016), а также исследования по определению химического состава предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. Омского Прииртышья (Татаурова, Тишкин, 2018).

Работа является частью комплексных химико-технологических исследований реликвий, включенных в воссозданный в 2018 г. интерьер церкви святого Иоанна Блаженного. В ней приведены результаты рентгенофлуоресцентного анализа химического состава оклада большемерной иконы «Покров Пресвятой Богородицы с предстоящими Василием и Иоанном Блаженными». Определение химического состава металла осуществлено осенью 2017 г. в процессе воссоздания интерьера церкви, что позволило выполнить анализ деталей демонтированного оклада с лицевой и оборотной сторон.

Объект исследования

После прекращения богослужений в Покровском соборе в 1929 г. церковь святого Иоанна Блаженного была закрыта и на долгие десятилетия выведена из богослужебного и экспозиционного пространства храма. В 1935 г. ее отреставрировали, восстановив первоначальные архитектурные формы придела. Перед проведением реставрационных работ богослужебные предметы из церкви удалили и передали в фонды музея. Несмотря на антирелигиозные кампании 1920–1930-х гг., сопровождавшиеся повсеместной переплавкой металлических предметов церковно-прикладного искусства, многое в Покровском соборе удалось сохранить усилиями музейных сотрудников.

В 2015 г. Государственный исторический музей, филиалом которого с 1928 г. является Покровский собор, при содействии благотворительного фонда «Транссоюз» РЖД приступил к масштабной реставрации и воссозданию интерьера церкви. В ноябре 2018 г. ее открыли для верующих, посетителей музея и исследователей.

Восстановительные работы в церкви святого Иоанна Блаженного осуществлялись в соответствии с единичными фотографиями 1930-х гг., сохранившимися в архиве музея. В церковь возвращены и укреплены на историческом месте две детали на раку святого. Над ней висит большая металлическая доска с текстом тропаря Иоанну Блаженному. Металлическое убранство дополняют две парные выносные хоругви конца XIX в. и запрестольный крест XVII в. Церковь освещает паникадило.

В придел возвращена главная реликвия – железные вериги, которые, по преданию, принадлежали святому Иоанну Блаженному. Воссоздан утраченный иконостас XIX в., центральное место в котором заняли подлинные царские врата XVIII в.

Оклад большемерной иконы «Покров Пресвятой Богородицы с предстоящими Василием и Иоанном Блаженными» размещен на западной стене церкви. Икона была написана на доске масляными красками специально для южного фасада колокольни Покровского собора. Фигурная доска имеет большие размеры (3,5×2,5 м). Общепринятая датировка иконы – 1780-е годы (Баталов, Успенская, 2010. С. 85; Троскина, 2003. Л. 90; Успенская, 1999).

Иную дату создания настенного образа находим в работе протоиерея, историка Покровского собора И. И. Кузнецова. Он упоминает о том, что в 1837 г. иконописец Адриан Козмич Малахов «написал (за 400 руб.) большую икону Покрова и свв. блаж. Василия и Иоанна, помещенную на наружной части южной стены соборной колокольни» (Кузнецов, 1919. Л. 475). Эта работа исполнялась в рамках очередного ремонта Покровского собора в 1830-е годы, в преддверии торжеств в Москве, приуроченных к 25-летию взятия Парижа русскими войсками в 1814 г. Нельзя исключать также, что в то время велось серьезное поновление написанной ранее иконы, письмо на которой за полвека пребывания ее на открытом воздухе могло обветшать.

В 1838 г. «около настенного (на колокольне) образа Покрова была устроена лепная рама, лепщик за лепку этой рамы отдано 250 руб.» (Кузнецов, 1919. Л. 475). В 1839 г. «над настенным на южной стороне колокольни образом Покрова был устроен зонт для прикрытия и защиты от непогоды – 600 руб.» (Кузнецов, 1919. Л. 479). Вероятно, какие-то работы, связанные с иконой, выполнялись на средства, пожертвованные купцом Сергеем Александровым Виноградовым в ноябре 1838 г. «на украшение образа в стене колокольни»¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в подробном перечне работ на колокольне не указано изготовление оклада иконы, которое исследователи относят к началу XIX в. или к 1830-м годам (Баталов, Успенская, 2010. С. 85; Троскина, 2003. Л. 90; Успенская, 1999). Скорее всего, он был изготовлен вместе с металлическим навесом в 1838 г. Известно также, что в 1875 или 1876 г. «иконописец Глазунов... поновлял настенную икону Покро-

¹ Книга прихода. Январь 1813 – март 1827 г. / Архив отдела «Покровский собор». ГИМ. П. 1/7. Л. 70.

ва на колокольне, тогда же (за 400 руб.) вызолочена была риза (оклад) на этой иконе» (Кузнецов, 1919. Л. 503, 629). В XIX в. икона с окладом была закрыта стеклянной рамой и оставалась в таком виде до 2007 г.

После неоднократных реставраций в 1990-е и 2000-е годы специалисты приняли решение не экспонировать икону на открытом воздухе в целях ее сохранности. В настоящее время она включена в экспозицию центральной церкви Покровского собора, а хранившийся в фондах оклад представлен в приделе Иоанна Блаженного.

Исследуемый оклад является великолепным образцом ювелирного искусства. Повторяя в металлических формах иконописное изображение, он полностью закрывал поле иконы, за исключением личного святых. Оклад сборный и состоит из деталей разной формы и размеров, каждая из которых крепилась отдельно на доску иконы с помощью гвоздей. Выделяются несколько больших деталей: прямоугольная икона «Покров Пресвятой Богородицы» в верхней части оклада; фигуры ангелов, несущих икону; сцена чуда святого Василия Блаженного на море; нижняя часть оклада, украшенная растительным декором; фигура Иоанна Блаженного. Дополняют оклад несколько деталей меньшего размера – ажурные венцы ангелов и святых, препоясание на фигуре Василия Блаженного, накладки с пальметтами и прямоугольные бордюры шириной 12–14 см по контуру оклада.

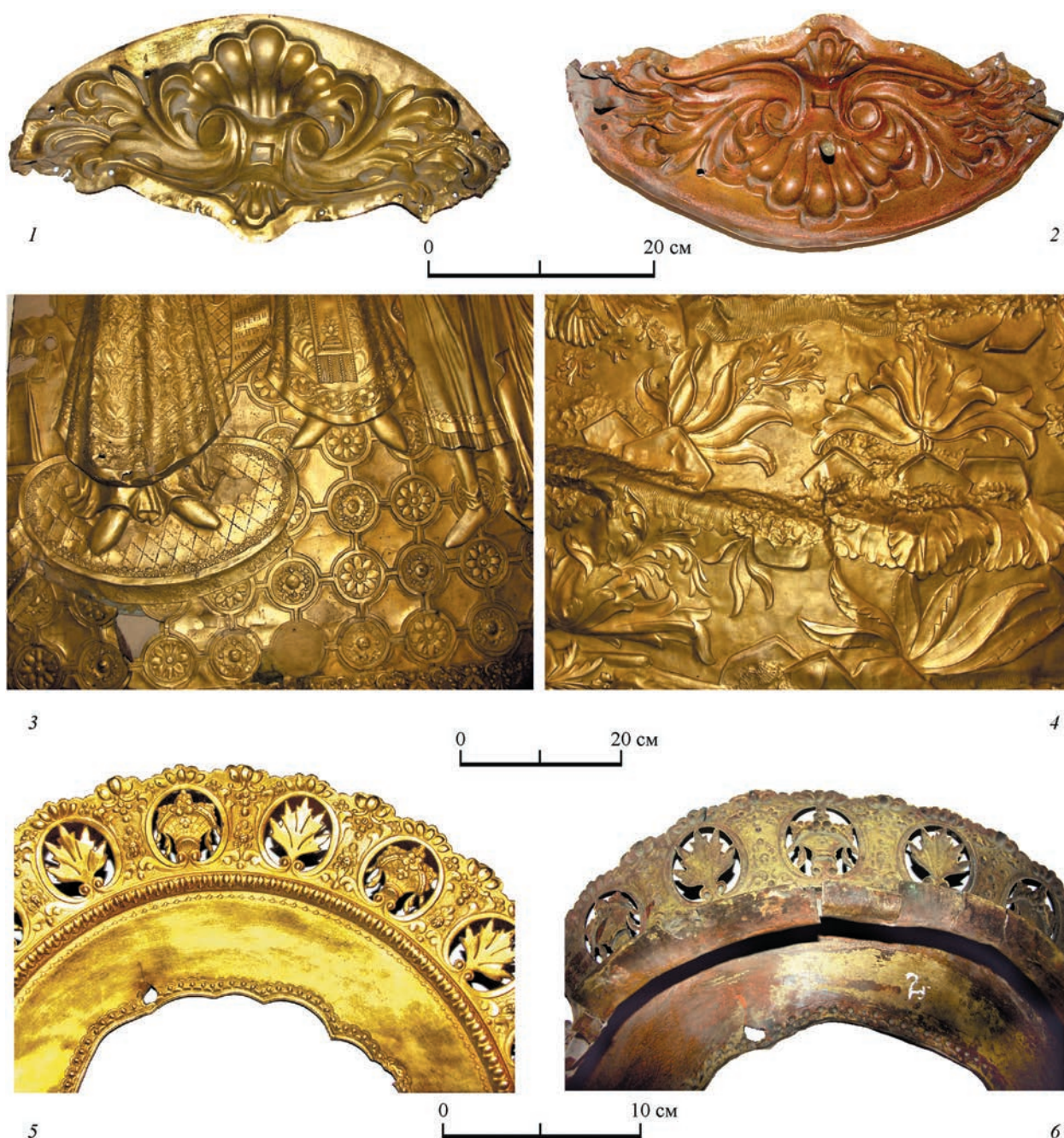
Все детали выполнены из кованных заготовок толщиной около 0,1–0,2 см в технике высоко-рельефной чеканки (рис. 1, 1, 2). Отдельные сцены и декоративные накладки выполнены с тонкой проработкой деталей гравировкой и канфарением фона для создания игры света и тени. Особенно это проявилось на иконе «Покров» и на венцах святых. Плавные линии складок на облачениях святых, морские волны на сцене чуда святого Василия Блаженного придают динамизм и живость композиции. Изящно проработаны растительные элементы в нижней части иконы, декор на облачениях (рис. 1, 3, 4). Ажурный декор выполнен с помощью штамповки (рис. 1, 5, 6). С лицевой стороны оклад покрыт золочением, с обратной на многих деталях заметно окрашивание антикоррозионной краской (рис. 1, 2, 6). На некоторых накладках в форме пальметт с обратной стороны сохранились массивные штифты (рис. 1, 2). Они изготовлены отдельно и напаяны. Возможно, их наличие обусловлено высоким рельефом чеканки, который не должен был пострадать в процессе монтажа и эксплуатации оклада.

Метод исследования и оборудование

Изучение химического состава оклада выполнено методом энергодисперсионного рентгено-флуоресцентного анализа (РФА-ЭД). Данный метод позволяет одновременно определять широкий круг элементов в поверхностном облучаемом слое, не требует специальной подготовки анализируемого материала, является неразрушающим и экспрессным. Указанные характеристики метода РФА-ЭД обуславливают его широкое использование при исследовании материалов и объектов, имеющих археологическую, историческую и художественную ценность: икон, фресок, живописных полотен, монет, орудий труда, ювелирных изделий, посуды, керамических и стеклянных предметов и др. (Ревенко А. Г., Ревенко В. А., 2007. С. 4, 5, 11–13, 15, 16, 18).

В последние десятилетия в связи с развитием портативных вариантов спектрометров появилась возможность исследовать объекты *in situ*, что создает условия для изучения большемерных объектов без риска их повреждения при транспортировке. Следует отметить, что в отечественной практике такие работы пока не получили широкого распространения; метод РФА-ЭД преимущественно используется при исследовании археологических находок небольшого размера (Ениосова, Митоян, 2014; Сальникова, 2016; Татаурова, Тишкин, 2018).

Анализ химического состава оклада проведен с использованием портативного спектрометра *Niton XL3t900 GOLDD (Thermo Scientific NITON Analyzers LLC, США)*. Прибор состоит из источника рентгеновского излучения, детектора, управляющей электроники и электронного блока питания, скомпонованных в едином корпусе. Источником рентгеновского излучения является трубка (материал анода – серебро) мощностью 2 Вт с подаваемым напряжением до 50 кВ, что позволяет анализировать широкий круг элементов (от Mg до U) в содержаниях от 0,001–0,01 до 100%. Для регистрации излучения служит геометрически оптимизированный дрейфовый кремниевый детектор большой площади поверхности (25 мм²) с высокой разрешающей способностью (140 эВ на линии FeK_α) и скоростью счета до 200 000 импульсов в секунду. Охлаждение детектора – термоэлектрическое, на основе эффекта Пельтье. Применение технологии автоматического выбора фильтров первичного излучения (до 4 фильтров) оптимизирует параметры излучения для достижения максимальной чувствительности по каждому определяемому элементу. Диаметр пятна измерений – 8 мм (Спектрометры... 2009).

Рис. 1. Общий вид некоторых деталей оклада

1 – пальметта, лицевая сторона (высокорельефная чеканка); 2 – пальметта, оборотная сторона с массивными напаянными штифтами (высокорельефная чеканка); 3 – икона «Покров Пресвятой Богородицы», фрагмент (гравировка, канфарение); 4 – нижняя часть оклада, украшенная растительным декором, фрагмент (гравировка); 5 – ажурный венец, фрагмент, лицевая сторона (штамповка); 6 – ажурный венец, фрагмент, оборотная сторона (штамповка)

Спектрометр оборудован интегрированным процессором и цветным сенсорным дисплеем. Управляющая электроника обеспечивает автоматическую калибровку детектора, получение и обработку результатов измерений. Последние, включая спектры, сохраняются в памяти прибора и затем могут быть загружены на внешний компьютер

для дальнейшей обработки. Питание спектрометра осуществляется через электронный блок питания от аккумуляторной батареи или электрической сети через адаптер питания.

Прибор первично градуирован применительно к анализу различных по составу материалов. В режиме диагностики состава металлов и сплавов для

обработки спектров применяется метод фундаментальных параметров. При выполнении измерений оклада для контроля правильности анализа авторы использовали имеющиеся в коллекции образцы состава металлов (медь, цинк, серебро; содержание элементов 99,9%), латуней, бронз – BrO4Ц7C5 , BrO5Ц5C5 , BrO10Ф1 (ГОСТ 613-79, 2000. С. 3), а также золото-серебряно-медного сплава – ЗлСрМ96-3 (ГОСТ 6835-2002, 2007. С. 2).

Измерения деталей оклада с лицевой позолоченной и с оборотной сторон оказались крайне важны. В последнем случае результаты измерений соответствуют только составу металлической основы. Кроме того, удалось уточнить состав антикоррозионных красок, следы которых сохранились на оборотной стороне многих деталей оклада. Результаты с лицевой позолоченной стороны оклада характеризуют суммарно состав покрытия и металлической основы в пределах измеряемого слоя. Степень поглощения золотом первичного излучения и флуоресцентного излучения от основы прямо зависит от толщины покрытия.

Химический состав оклада проанализирован в 139 точках (102 – с лицевой стороны, 37 – с оборотной). Выборочно рентгенофлуоресцентный анализ выполнен в условиях повторяемости и воспроизводимости; общее число измерений – 185. С лицевой стороны оклада сделано 141 измерение: прямоугольной иконы «Покров Пресвятой Богородицы» – 30; основной части оклада (включает фигуры ангелов, несущих икону; сцену чуда святого Василия Блаженного на море; нижней части оклада; фигуры Иоанна Блаженного; препоясания на фигуре Василия Блаженного) – 57; ажурных венцов ангелов и святых – 32; фигурных накладок с пальметтами – 12; прямоугольных бордюров по контуру оклада – 10. С оборотной стороны оклада выполнены 44 измерения: 12 – основной части оклада, 22 – ажурных венцов ангелов и святых, по три измерения – накладок с пальметтами и бордюров по контуру оклада. Также выполнен анализ штифтов, скрепляющих фигурные накладки с основной частью оклада.

Результаты исследований

Химический состав металлической основы оклада.

Для определения состава сплава основы оклада использовали результаты анализа его деталей с оборотной стороны, не покрытой антикоррозионной краской (число измерений $n=18$). Установлено, что детали выполнены из двух типов латуни (рис. 2). Латунь первого типа характеризуется следующими концентрациями главных компо-

нентов: $\text{Cu} - 67 \pm 3\%$, $\text{Zn} - 29 \pm 2\%$ ($n=12$; соотношение $\text{Cu}: \text{Zn}=2,3$). В латуни второго типа содержание цинка ниже, ее основной состав: $\text{Cu} - 81 \pm 1\%$, $\text{Zn} - 17 \pm 1\%$ ($n=6$; соотношение $\text{Cu}: \text{Zn}=4,8$).

В качестве примесей присутствуют Pb (0,2–0,5% в латуни I типа; 0,1–0,2% в латуни II типа), Ni (до 0,6% в латуни I типа; около 0,1% в латуни II типа), Sn (до 0,2% в латуни I типа; около 0,3% в латуни II типа), Fe (до 0,3% в латуни I типа; до 0,1% в латуни II типа), которые диагностируются на спектрах измерений (рис. 3).

Согласно исследованиям металла меднолитой мелкой пластики, такие высокие содержания цинка характерны для предметов, появившихся не ранее середины XVIII в. Высокоцинковую латунь (с содержанием цинка более 28%) можно было изготовить, только добавляя в медь металлический цинк, полученный заводским способом. Все предметы, выполненные из латуни с высоким содержанием цинка, проанализированные группой исследователей ГосНИИР, относятся к XVIII–XIX вв. (*Шемаханская и др.*, 1996. С. 16).

Результаты измерений деталей оклада методом РФА-ЭД (табл. 1) характеризуют химический состав в измеряемом слое ($n=10$ мкм). В связи с этим при анализе оклада с лицевой позолоченной стороны наряду с основными компонентами латуни определяется золото, вариативное содержание которого обусловлено различной толщиной покрытия. Под накладными деталями с лицевой стороны оклада позолота, как правило, отсутствует (табл. 1, точки 34, 47, 50). Это позволяет предположить исполнение позолоты уже полностью смонтированного оклада. Возможно, оно производилось не сразу после его изготовления, а спустя какое-то время. Не случайно И. И. Кузнецов упоминает о золочении оклада в 1870-е годы.

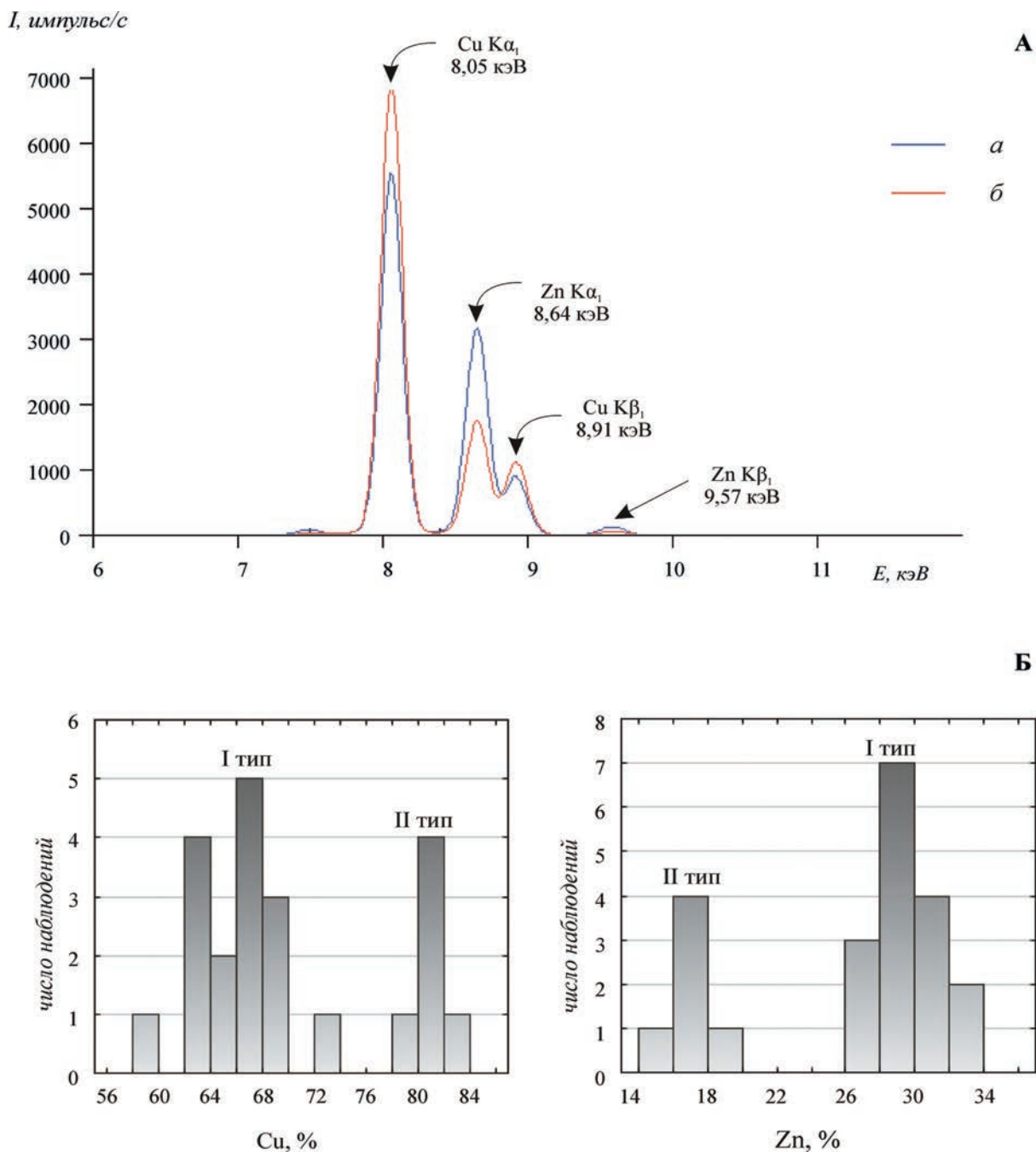
С оборотной стороны большинство деталей оклада покрыты антикоррозионной краской красного цвета (рис. 4). Рентгенофлуоресцентный анализ в этих областях показал высокое содержание свинца (максимально – 37,4%; табл. 1, точка 46), что указывает на окрашивание свинцовым суриком ($2\text{PbO} \cdot \text{PbO}_2$), известным своими антикоррозионными свойствами. Некоторые части оклада с лицевой стороны, под накладными деталями (в первую очередь бордюрами), также обработаны антикоррозионной краской аналогичного вида и состава (содержание Pb 25,3%; табл. 1, точка 1).

На участках с позолотой и покрытых антикоррозионной краской содержание главных компонентов латуни – меди и цинка – в измеряемом слое пропорционально снижается, однако отношение

Таблица 1. Результаты анализа химического состава металла оклада иконы в некоторых точках (н. о. – не обнаружено; * – позолота; ** – окрашивание антикоррозионной краской красного цвета).

Деталь оклада	Сторона	№ точки	Au	Hg	Cu	Zn	Pb	Fe	Ni	Sn	Cu:Zn	Тип латуни
			%									
Икона «Покров Пресвятой Богородицы»	лицевая	58*	47.0	3.2	32.5	16.4	0.5	0.3	0.1	<0.1	2.0	I
		71*	40.6	2.4	38.2	17.9	0.6	0.1	0.1	<0.1	2.1	I
		73*	42.9	2.1	35.8	18.4	0.5	0.2	0.1	<0.1	1.9	I
Ажурный венец	лицевая	24*	32.0	1.8	45.1	20.5	0.5	0.1	<0.1	<0.1	2.2	I
Ажурный венец	лицевая	38*	23.2	0.7	52.6	22.5	0.4	0.1	0.4	<0.1	2.3	I
Ажурный венец	лицевая	57*	30.4	1.5	47.3	19.9	0.5	0.1	0.4	<0.1	2.4	I
Ажурный венец	лицевая	I-1*	32.0	1.1	45.9	20.1	0.5	0.1	0.4	<0.1	2.3	I
	оборотная	I-8	н.о.	н.о.	70.6	28.4	0.3	0.1	0.5	<0.1	2.5	I
Ажурный венец	лицевая	III-6*	67.6	6.6	16.9	8.0	0.5	0.4	<0.1	<0.1	2.1	I
	оборотная	III-10**	н.о.	н.о.	63.0	28.7	8.0	0.2	<0.1	<0.1	2.2	I
		III-14	н.о.	н.о.	68.0	31.5	0.3	0.2	<0.1	<0.1	2.2	I
Ажурный венец	лицевая	V-2*	27.0	1.1	49.6	21.7	0.5	0.1	<0.1	<0.1	2.3	I
	оборотная	V-12**	н.о.	н.о.	54.0	25.1	20.6	0.3	<0.1	<0.1	2.2	I
Основная часть оклада	лицевая	13*	38.4	3.2	46.8	10.8	0.4	0.1	<0.1	0.4	4.3	II
		18*	38.5	2.7	46.9	11.1	0.3	0.1	<0.1	0.3	4.2	II
		26*	37.9	2.3	47.6	11.1	0.4	0.1	<0.1	0.7	4.3	II
	оборотная	5**	н.о.	н.о.	66.1	13.8	19.7	0.1	0.1	0.2	4.8	II
		7**	н.о.	н.о.	68.6	15.1	15.8	0.1	0.1	0.3	4.5	II
		46**	н.о.	н.о.	51.6	10.6	37.4	<0.1	0.1	0.3	4.9	II
	лицевая, под накладной деталью	1**	н.о.	н.о.	59.9	14.3	25.3	0.1	0.1	0.3	4.2	II
		33*	23.4	1.5	61.3	13.1	0.3	0.1	0.1	0.3	4.7	II
		34	н.о.	н.о.	82.6	16.7	0.2	0.1	0.1	0.3	5.0	II
		47	н.о.	н.о.	81.2	18.0	0.2	0.1	0.1	0.4	4.5	II
		50	н.о.	н.о.	82.8	16.8	0.1	0.1	0.1	0.1	4.9	II
Фигурная накладка с пальметтами	лицевая	8*	50.5	5.8	34.4	8.4	0.5	0.1	<0.1	0.4	4.1	II
Фигурная накладка с пальметтами	лицевая	11*	39.2	3.2	47.1	9.7	0.3	0.2	<0.1	0.3	4.9	II
Фигурная накладка с пальметтами	лицевая	16*	49.7	4.8	35.9	8.6	0.5	0.2	<0.1	0.3	4.2	II
Фигурная накладка с пальметтами	лицевая	II-1*	19.2	1.6	65.8	12.7	0.2	0.1	0.1	0.3	5.2	II
	оборотная	II-7	н.о.	н.о.	83.6	15.9	0.1	0.1	0.1	0.3	5.3	II
		II-8	н.о.	н.о.	82.8	16.6	0.2	0.1	0.1	0.3	5.0	II
Прямоугольный бордюр	лицевая	41*	19.2	0.5	65.8	13.5	0.3	0.2	<0.1	0.4	4.9	II
Прямоугольный бордюр	лицевая	48*	26.3	1.5	58.5	12.8	0.3	0.1	0.1	0.4	4.6	II
Прямоугольный бордюр	лицевая	IV-3*	25.8	1.3	59.0	13.1	0.3	0.1	0.1	0.3	4.5	II
	оборотная	IV-9	н.о.	н.о.	81.2	18.3	0.1	<0.1	0.1	0.3	4.4	II

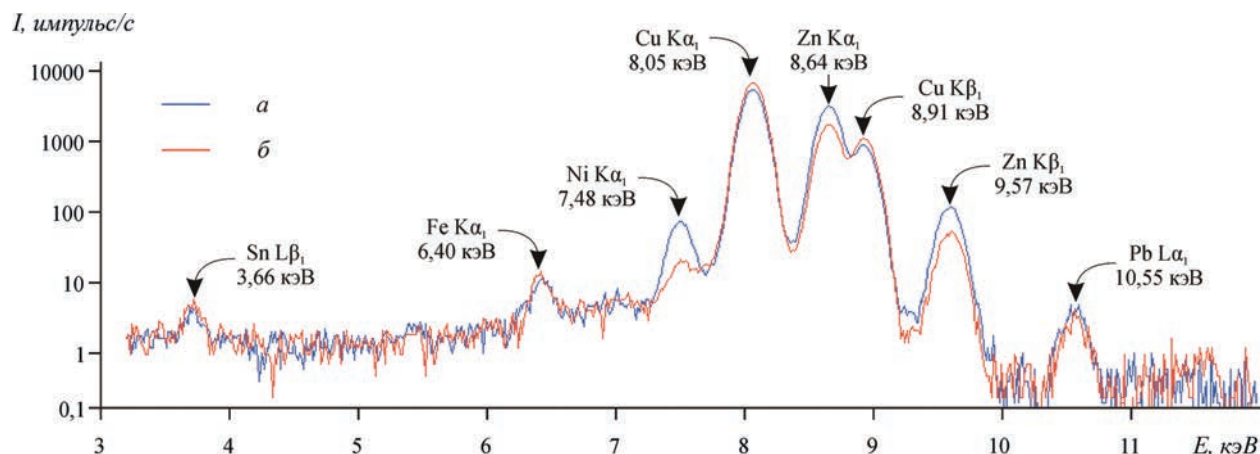

Рис. 2. Соотношение содержания главных компонентов сплавов, из которых изготовлены детали оклада
А – пример спектров измерений (латунь I типа, венец, т. I-9: Cu – 68%, Zn – 30%, примеси – <2%; латунь II типа, фигурная накладка с пальметтами, т. II-7: Cu – 83%, Zn – 16%, примеси – 1%); **Б** – гистограммы распределения содержаний главных компонентов; а – латунь I типа; б – латунь II типа

их концентраций остается на прежнем уровне. Таким образом, вывод об изготовлении деталей оклада из латуней двух типов подтверждается более представительной выборкой, в которую включены результаты измерений с оборотной стороны оклада в точках, покрытых антикоррозионной краской, а также с лицевой позолоченной стороны. По объединенной выборке соотношение между

медью и цинком для анализов первой группы составляет в среднем 2,2; для анализов второй группы – в среднем 4,6 (рис. 5).

Из латуни первого типа (с более высоким содержанием цинка) выполнены икона «Покров Пресвятой Богородицы» и ажурные венцы. Прочие элементы оклада, включая штифты, изготовлены из латуни второго типа (рис. 6).

Рис. 3. Пример спектров измерений латуней с диагностированными пиками главных элементов и примесей *a* – латунь I типа, венец, т. I-9: Cu – 68%, Zn – 30%, Ni – 0,5%, Pb – 0,3%, Fe – 0,1%, Sn – <0,1%; *б* – латунь II типа, фигурная накладка с пальметтами, т. II-7: Cu – 83%, Zn – 16%, Sn – 0,3%, Pb – 0,1%, Ni – 0,1%, Fe – 0,1%; шкала интенсивности флуоресцентного излучения приведена в логарифмическом масштабе

Известно, что в зависимости от содержания цинка меняется цвет изготовленных из сплава предметов. Так, латунь, содержащая около 30% цинка, характеризуется желтой окраской (*Untracht*, 1975. Р. 18). Если предположение о том, что какое-то время после изготовления оклад не был покрыт золочением, верно, то понятно стремление мастеров использовать материал, который по цвету напоминал драгоценный металл. Разница в составе металла позволяла выигрышно выделить цветом отдельные значимые участки оклада.

Рис. 4. Обратная сторона оклада, покрытая свинцовым суриком, ф-т (приведены результаты анализа в т. 46)

Важно отметить, что мастера хорошо знали механические и технологические свойства латуней, благодаря которым они являются самыми востребованными медными сплавами в современной промышленности. Область твердого раствора α -фазы латуней при температуре 453–455 °С простирается до 39% (по массе) Zn (рис. 7, *a*). Все сплавы этой области весьма пластичны, отлично ведут себя при сварке, пайке и лужении и хорошо поддаются обработке давлением в горячем и холодном состояниях (*Жадан, Гринберг, Никонов*, 1970. С. 207; *Промышленные...* 1974. С. 39). Латунь, содержащая более 39% Zn, имеют двухфазную структуру $\alpha+\beta$ или однофазную β . Эти сплавы имеют низкую пластичность и хорошо обрабатываются давлением лишь в горячем состоянии (*Промышленные...* 1974. С. 40).

Согласно диаграмме состояния медь-цинк, оба исследованных типа сплава относятся к α -фазе латуни (рис. 7, *a*). Латунь I типа с более высоким содержанием цинка характеризуется большим пределом прочности и относительным удлинением – пластичностью (рис. 7, *б*), что определило выбор мастера, изготовившего из нее икону «Покров Пресвятой Богородицы» и ажурные венцы. Они отличаются детальной проработкой и высоким уровнем исполнения.

Химико-технологический анализ слоя позолоты.

Золотое покрытие выполняет декоративную функцию, создает впечатление объекта, целиком выполненного из золота, повышает его коррозионную стойкость. Содержание золота в измеряемом слое при анализе оклада с лицевой стороны варьируется в широком диапазоне (максимально – 68%,

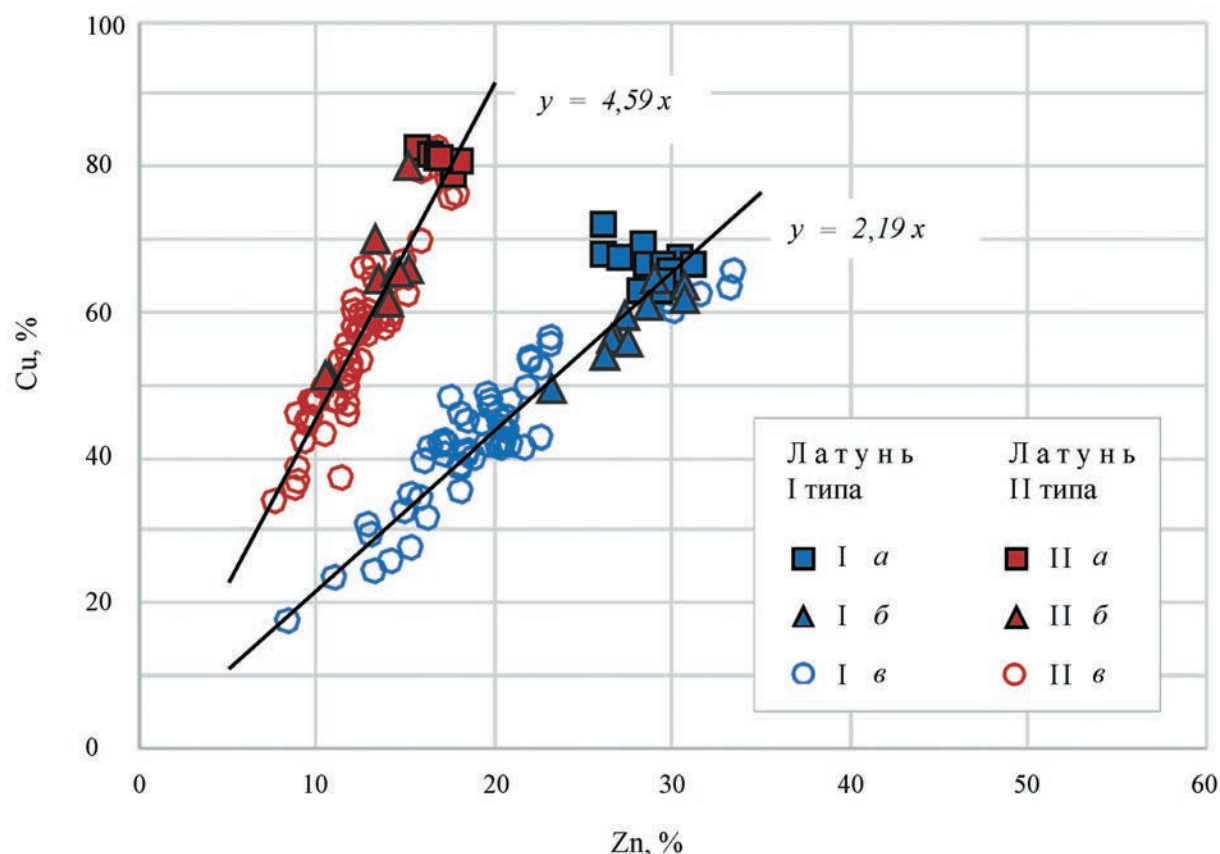

Рис. 5. Соотношение между медью и цинком в латунях I и II типов

а – в точках с оборотной стороны оклада, без покрытия; б – в точках с оборотной стороны оклада, покрытых антикоррозионной краской; в – в точках с лицевой стороны оклада

ажурный венец – табл. 1, точка III-6), что обусловлено различной толщиной золотого покрытия. На отдельных участках оклада позолота практически утрачена (содержание золота 20% и менее; фигурная накладка с пальметтами – табл. 1, точка II-1) или отсутствует (части под накладными деталями).

Совместно с пиками Au на рентгеновских спектрах диагностированы пики в области значений энергий 9,99; 11,82 и 13,83 кэВ, которые соответствуют линиям L_{α} , L_{β} и L_{γ} ртути (рис. 8). Содержание Hg по результатам расчета через нормированные на золото интенсивности флуоресцентного излучения не превышает 7%. Присутствие ртути в позолоте позволяет предположить, что золочение оклада происходило при помощи амальгамы.

Метод создания золотого покрытия с использованием амальгамы, известный также как огневое золочение, был разработан в III в. до н. э. в Китае и в I в. до н. э. в Европе. До него позолоту наносили механически, оборачивая, вбивая в углубления или наклеивая на поверхность предметов тонкие листы золота, или же методом диффузионной

сварки, когда золотая фольга накатывалась на разогретую металлическую поверхность украшаемого предмета. К II–III вв. огневое золочение стало основным способом нанесения покрытия на металлические предметы в Европе и на Ближнем Востоке и оставалось им до середины XIX в., когда был изобретен гальванический метод золочения – быстрый, безопасный для здоровья и обеспечивающий малый расход золота за счет тонкого покрытия, что, однако, вело к ухудшению защиты основы от коррозии (Anheuser, 1997. Р. 58).

Для огневого золочения листы золота измельчали и смешивали с ртутью в соотношении 80–90% Hg и 10–20% Au до образования пастообразной амальгамы (Андрющенко, 1904. С. 53; Anheuser, 1997. Р. 58). Такая система является полидисперсной и состоит из двух фаз. Жидкую фазу составляет ртуть с небольшим количеством растворенного золота. Растворимость золота в ртути ничтожна (Диаграммы... 1996. С. 356) и при комнатной температуре находится в пределах 0,15–0,17% (Техническая энциклопедия, 1936. С. 63–64). Пластичная часть амальгамы представлена частицами твердой γ -фазы состава Au_2Hg ,

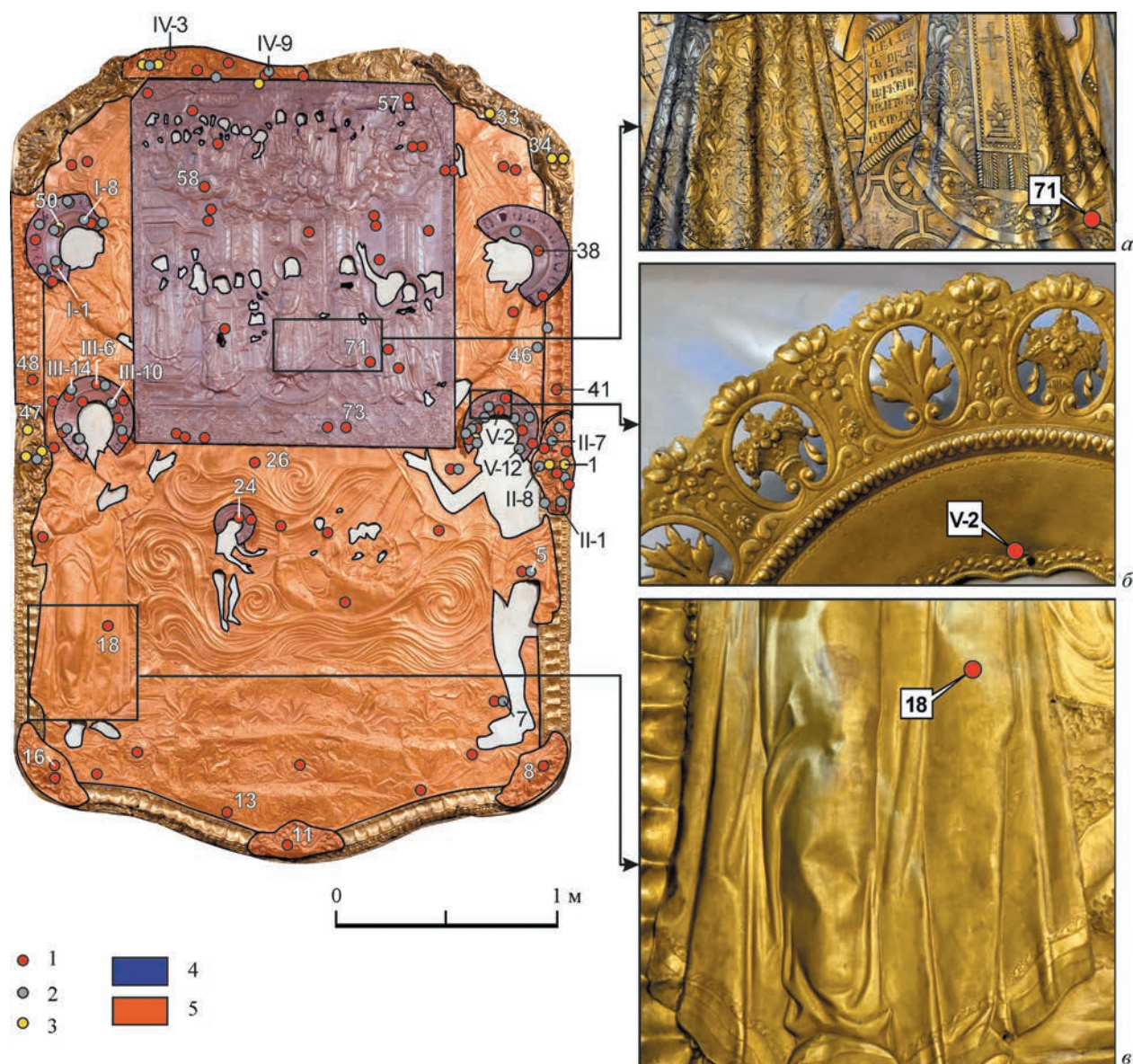

Рис. 6. Детали оклада, выполненные из латуней I (4) и II (5) типов

а – фр-т иконы «Покров Пресвятой Богородицы», лицевая сторона с позолотой, основа – латунь I типа; результаты измерения в т. 71, %: Au – 41, Cu – 38, Zn 18, Hg – 2.4, Pb – 0.6, Fe – 0.1, Ni – 0.1, Sn – <0.1; б – фр-т ажурного венца, лицевая сторона с позолотой, основа – латунь I типа; результаты измерения в т. V-2, %: Au – 27, Cu – 50, Zn – 22, Hg – 1.1, Pb – 0.5, Fe – 0.1, Ni – <0.1, Sn – <0.1; в – фр-т основной части оклада, фигура Иоанна Блаженного, лицевая сторона с позолотой, основа – латунь II типа; результаты измерения в т. 18, %: Au – 39, Cu – 47, Zn – 11, Hg – 2.7, Pb – 0.3, Sn – 0.3, Fe – 0.1, Ni – 0.1. Точки анализа: 1 – с лицевой стороны; 2 – с оборотной стороны; 3 – с лицевой стороны под деталью

которая также замещает периферический слой частиц золота (Техническая энциклопедия, 1936. С. 63–64; *Anheuser*, 1997. Р. 58). Для получения необходимой консистенции пасты излишки ртути отжимали через замшу (*Андрющенко*, 1904. С. 53).

В случае золочения изделия из медьсодержащего сплава его поверхность сначала требовалось очистить от быстро образующейся на воздухе (особенно при нагревании) оксидной пленки, например, раствором азотной кислоты. До того,

как в позднем Средневековье научились получать неорганические кислоты, для этих целей использовали смесь квасцов, каменной соли и уксуса. Усовершенствованная методика предполагала обработку медной поверхности раствором ртутного нитрата в азотной кислоте для амальгамации поверхности посредством электрохимического замещения; втирание киновари (природный минерал HgS) приводило к такому же эффекту (*Андрющенко*, 1904. С. 53; *Anheuser*, 1997. Р. 59).

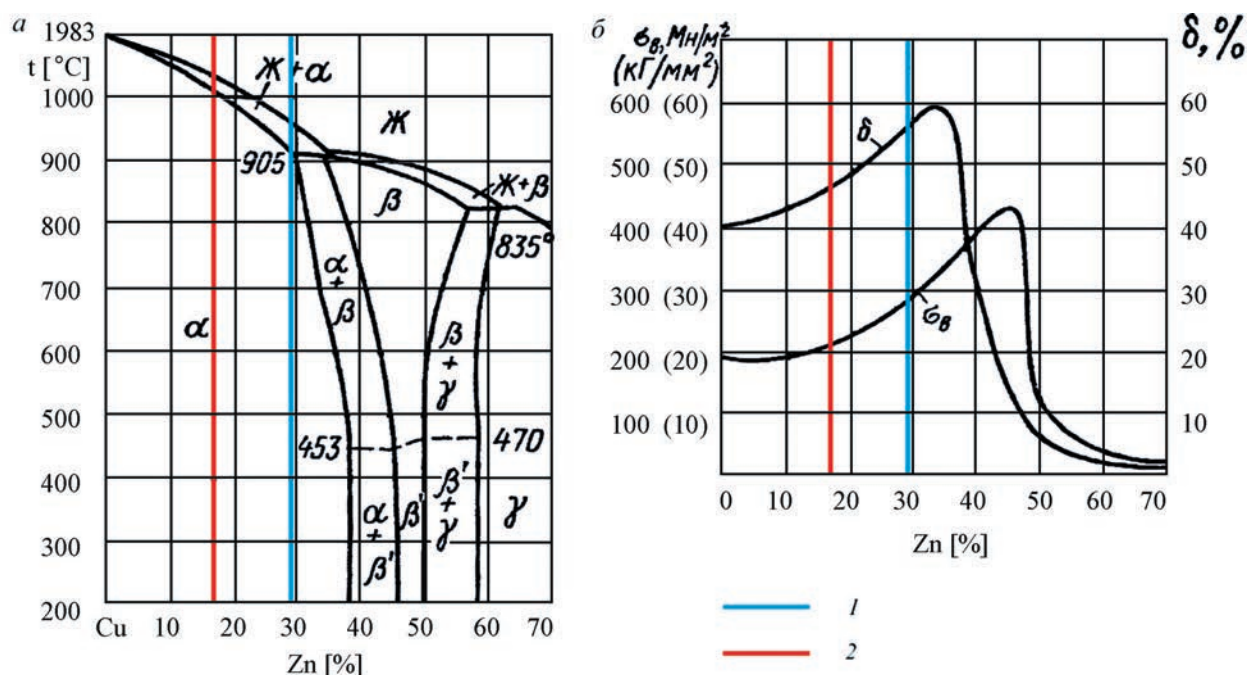

Рис. 7. Фазовое состояние и механические свойства исследованных латуней

a – диаграмма состояния медь – цинк; b – диаграмма механических свойств латуни в зависимости от содержания цинка; σ_b – предел прочности, δ – относительное удлинение (пластичность) сплава; основа диаграмм (по: Жадан и др., 1970. С. 207); 1 – латунь I типа; 2 – латунь II типа

Пасту наносили на предмет и нагревали его. По прошествии нескольких минут при нагревании до 250–300 °C (что ниже температуры кипения ртути – 357 °C) золотая амальгама меняла цвет с серого на тусклый желтый, указывая на то, что нагревание можно прекратить (Anheuser, 1997. Р. 59). Мастер должен был не перегреть предмет, поскольку медная поверхность быстро окисляется на воздухе, а с ростом температуры и продолжи-

тельности нагревания толщина оксидной пленки росла, что могло в конечном итоге вызвать отслаивание позолоты.

При нагревании ртуть частично испарялась – в позолоте удерживалось 8–25% остаточной ртути (Anheuser, 1997. Р. 58). При смене цвета амальгамы с серого на желтый и испарении излишков металлической ртути происходит твердофазный переход γ -фазы Au_2Hg в ζ -фазу Au_3Hg .

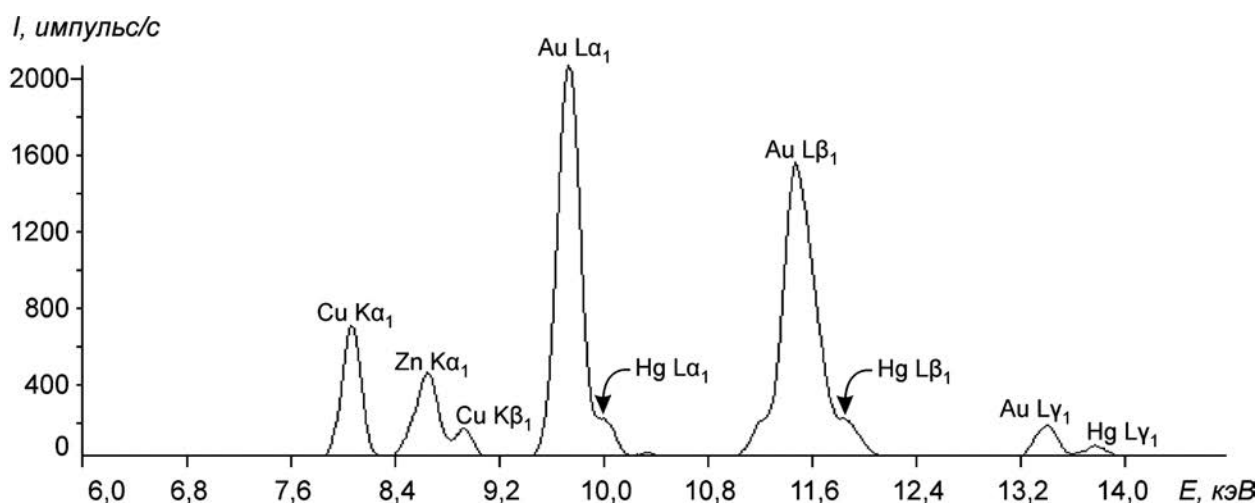

Рис. 8. Пример спектра измерений позолоченной области оклада (ажурный венец, т. III-6)

Дальнейшее нагревание приводит к образованию α -амальгамы, представляющей собой смесь частиц золота и ртути (Anheuser, 1997. Р. 59). Следы ртути, доступные для обнаружения, будут оставаться в позолоте независимо от того, сколько времени прошло с момента золочения, каковы условия экспонирования или хранения образцов (Lins, Oddy, 1975. Р. 370).

При огневом золочении слой позолоты плотно сцеплялся с поверхностью, но оставался пористым и матовым, поэтому для получения гладкой и блестящей поверхности ее полировали агатовым или стальным инструментом. Согласно анализу золотых амальгамных покрытий предметов из различных регионов и периодов (Anheuser, 1997), толщина покрытия составляла от 2 до 10 мкм, что гораздо больше, чем при холодном приклеивании листов золота (0,1–0,4 мкм). Поскольку из субстрата в позолоту может диффундировать медь и серебро, покрытие толщиной менее 1–2 мкм обнаруживало бы заметное обесцвечивание. При этом нанесение позолоты толщиной более 10 мкм означало излишние траты, и такое покрытие не могло быть разглажено даже полировкой (Anheuser, 1997. Р. 58–59).

Альтернативным вариантом нанесения являлось первичное покрытие поверхности предмета ртутью, затем наложение золотых листов, нагревание и полировка (Anheuser, 1997. Р. 58; Lins, Oddy, 1975. Р. 365).

Следует отметить, что само по себе определение ртути в образце не доказывает однозначно, что покрытие было создано при помощи амальгамы (Lins, Oddy, 1975. Р. 370; Patterson, 1971. Р. 302), поскольку некоторые нетрадиционные типы золотых руд содержат значительное количество ртути в качестве примеси. В самородном золоте может содержаться до 57,4% ртути, при этом указанная мода распределения ртути в золоте – >1% (Patterson, 1971. Р. 302). Известны отдельные минеральные разновидности природного золота, содержащие до 26% ртути, – ртутисто-серебряное и ртутистое золото² (Борисенко, Наумов, Оболенский, 2006. С. 349).

В России золото-ртутные руды связаны, например, с месторождениями Коневинское в Восточном Саяне³, Кючюс в Республике Саха⁴, Солоне-

шное и Нерчинское в Восточном Забайкалье (Борисенко, Наумов, Оболенский, 2006. С. 349). Кроме того, золото легко абсорбирует ртуть из окружающей среды (Lins, Oddy, 1975. Р. 370), и находящиеся, например, в погребении позолоченные артефакты могут со временем обогатиться ртутью.

Помимо золота, ртути, основных компонентов латуни (меди и цинка) на спектрах анализов позолоченных деталей оклада присутствует серия пиков свинца (рис. 9), которая диагностируется по результатам обработки спектров 79 измерений из 100 (в рассматриваемую выборку включены анализы в точках без следов окрашивания суриком и содержанием золота более 10%). Содержание свинца в измеряемом слое для позолоченной стороны оклада составляет 0,2–0,7%. Присутствие свинца в позолоте может указывать на загрязнение им ртути и/или золота, используемых при золочении.

Отсутствие принципиальных отличий в соотношении меди и цинка, по данным анализа позолоченной стороны деталей оклада, от результатов измерений с обратной стороны, как было показано выше (рис. 5), указывает на аналитически незначимое содержание указанных элементов в золотом покрытии.

Оценка толщины слоя золочения.

Для уточнения толщины позолоты были выполнены экспериментальные исследования зависимости содержания золота и остаточной меди в измеряемом слое от толщины покрытия. В качестве подложки (основы) взята металлическая пластина известного состава: Cu 84%, Zn 5,3%, Pb 5,1%, Sn 4,3%; в качестве покрытия – листы золото-серебряно-медного сплава марки ЗлСрМ 96–3 (сусальное золото). Состав сплава по ГОСТ 6835–2002: Au 96,0±0,3%; Ag 3,0±0,3%; Cu 1,0±0,3%.

Пластины последовательно накрывали листами сусального золота известной толщины (0,208 и 0,417 мкм) и проводили анализ системы со стороны покрытия, фиксируя на каждом этапе увеличение содержания золота и снижение концентрации меди. Измерения выполняли до достижения слоя насыщения по покрытию, когда интенсивность спектральной линии перестает зависеть от толщины излучателя (Лосев, 1969. С. 27).

² Gold [Электронный ресурс] // Online mineralogical database. URL: <https://www.mindat.org/min-1720.html> (дата обращения: 20.09.2018).

³ Mercurian gold [Электронный ресурс] // Online mineralogical database. URL: <https://www.mindat.org/min-32249.html> (дата обращения: 20.09.2018).

⁴ Kyuchus, Sakha Republic [Электронный ресурс] // Online mineralogical database. URL: <https://www.mindat.org/loc-251662.html> (дата обращения: 20.09.2018).

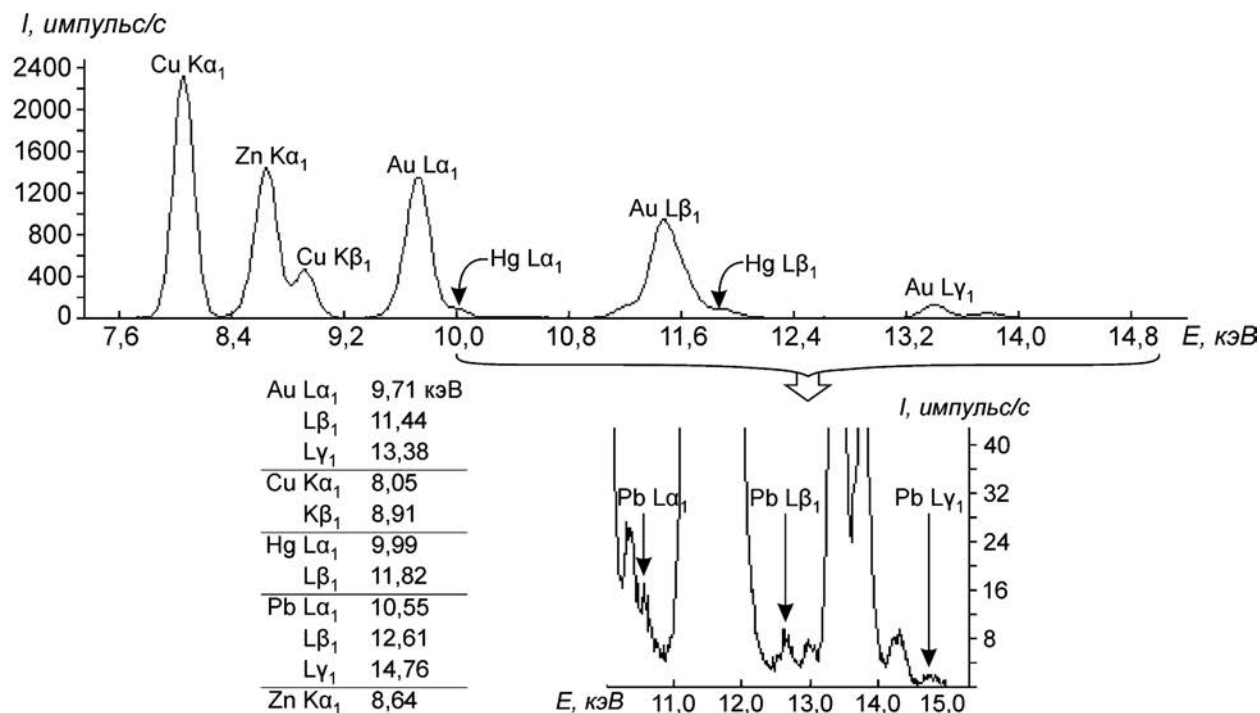

Рис. 9. Пример спектра измерений позолоченной части оклада с диагностированной серией пиков свинца (фр-т иконы «Покров Пресвятой Богородицы», т. 71)

Установлено (рис. 10, а), что увеличение толщины слоя сусального золота h (мкм) приводит к росту C_{Au} – измеренной концентрации золота (в %) в системе, согласно эмпирической зависимости вида:

$$C_{Au} = k \cdot (1 - 0,99e^{-0,241h}),$$

где $k=96$ – содержание золота (в%) в золото-серебряно-медном сплаве марки ЗлСрМ 96–3.

Толщина насыщенного слоя для золотого покрытия, по экспериментальным данным, составляет около 12 мкм. С увеличением толщины слоя сусального золота C_{Cu} измеряемая концентрация меди (в %) в системе уменьшается согласно зависимости вида:

$$C_{Cu} = C_{Cu}^0 \cdot 0,96e^{-0,242h},$$

где C_{Cu}^0 – исходное содержание меди (в%) в подложке.

Нормализация измеренных содержаний меди на ее исходное содержание в подложке (рис. 10, б) отражает степень поглощения излучения от основы золотым покрытием в зависимости от его толщины для любых сплавов на основе меди независимо от ее абсолютных содержаний.

Полученные зависимости позволяют вычислить толщину золотого покрытия по содержанию золота и меди в системе, где золото является

главным компонентом покрытия, а медь – основы. Ввиду высоких концентраций данных элементов их случайные относительные вариации, наблюдаемые при проведении анализа, не будут обуславливать существенные ошибки в оценке толщины покрытия, как если бы в качестве реперов были использованы содержания элементов-примесей.

Оценки толщины слоя позолоты, рассчитанные по концентрациям золота, коррелируют со значениями, полученными по остаточным содержаниям меди (коэффициент корреляции Пирсона 0,99; $n=122$; критическое значение 0,15 на 5% уровне значимости), сопоставимы и, таким образом, контролируют друг друга (рис. 11, а). В рассматриваемую выборку не включены результаты измерений в точках с лицевой стороны оклада, где позолота отсутствует (части оклада под накладными деталями).

Толщина слоя золочения деталей оклада, по результатам расчетов, варьирует от <0,1 до 5,5 мкм, составляя в среднем $1,9 \pm 0,9$ мкм, что значительно больше толщины покрытия сусальным золотом при холодном приклеивании и подтверждает гипотезу о нанесении позолоты с помощью амальгамы.

Анализ толщины золочения применительно к отдельным деталям оклада свидетельствует об отсутствии явных закономерностей в распределении ее оценок (рис. 11, б). Большей толщиной

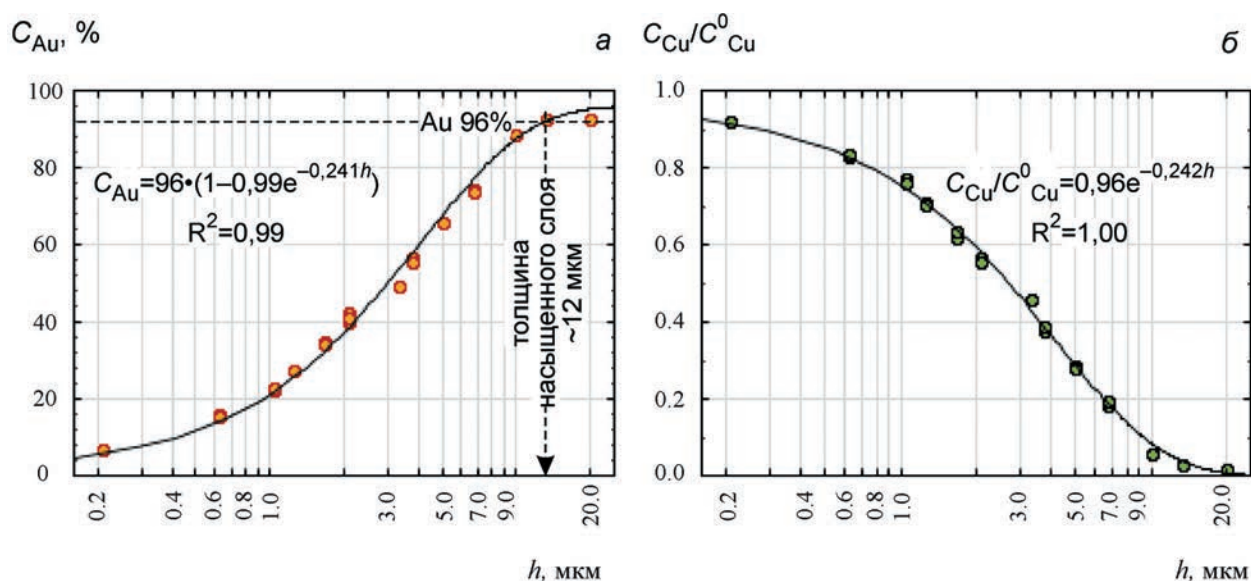

Рис. 10. Результаты экспериментальных исследований зависимости содержания золота и остаточной меди в измеряемом слое от толщины покрытия

a – зависимость измеренного содержания золота, C_{Au} от толщины золотого покрытия, h ; *б* – зависимость отношения измеренного содержания меди к исходному (доли измеренного содержания меди от исходного в подложке), C_{Cu}/C_{Cu}^0 от толщины золотого покрытия, h

золотого слоя (3–6 мкм) характеризуются отдельные области ажурных венцов и бордюров. Некоторые части деталей оклада имеют меньшую толщину позолоты (<0,1–1,0 мкм); ее истончение и утрата, вероятно, могли произойти при экспонировании и хранении оклада.

Выводы

Рентгенофлуоресцентный анализ оклада большемерной иконы «Покров Пресвятой Богородицы с предстоящими Василием и Иоанном Блаженными» показал, что его детали выполнены из латуни двух типов. Оба типа сплава относятся к α -фазе латуни, которая пластична и хорошо обрабатывается давлением в горячем и холодном состояниях. В качестве примесей в латуни в следовых количествах присутствуют Ni, Pb, Sn, Fe; суммарное содержание примесей в среднем не превышает одного-двух процентов.

Латунь первого типа характеризуется более высоким содержанием цинка – $29 \pm 2\%$ (соотношение между медью и цинком – в среднем 2,2) и соответственно большими пределом прочности и относительным удлинением (пластичностью), что определяет проработанность и детальность выполненных из нее композиций – прямоугольной иконы «Покров Пресвятой Богородицы», ажурных венцов ангелов и святых. Прочие элементы оклада

изготовлены из латуни второго типа – с меньшим содержанием цинка, в среднем $17 \pm 1\%$ (соотношение между медью и цинком – в среднем 4,6). Существенное различие в содержании цинка в металлической основе деталей оклада позволяет предположить его поэтапное изготовление из отличающихся по составу заготовок и, скорее всего, разными мастерами.

С обратной стороны большинство деталей оклада покрыто свинецсодержащей краской – суриком, известным своими антикоррозионными свойствами. Некоторые части оклада с лицевой стороны, под накладными деталями, также обработаны антикоррозионной краской аналогичного состава.

По результатам анализа деталей оклада с лицевой позолоченной стороны диагностирована ртуть (содержание в измеряемом слое до 7%). Присутствие ртути, а также толщина слоя золочения деталей оклада (в среднем $1,9 \pm 0,9$ мкм) указывают на нанесение позолоты при помощи амальгамы.

Полученные результаты существенно расширяют имеющуюся информацию о металлических предметах церковно-прикладного искусства Покровского собора в части их химико-технологического анализа, а также пополняют базу данных по металлу России Нового времени, который в отличие от металлообработки Древней Руси в целом изучен достаточно слабо.

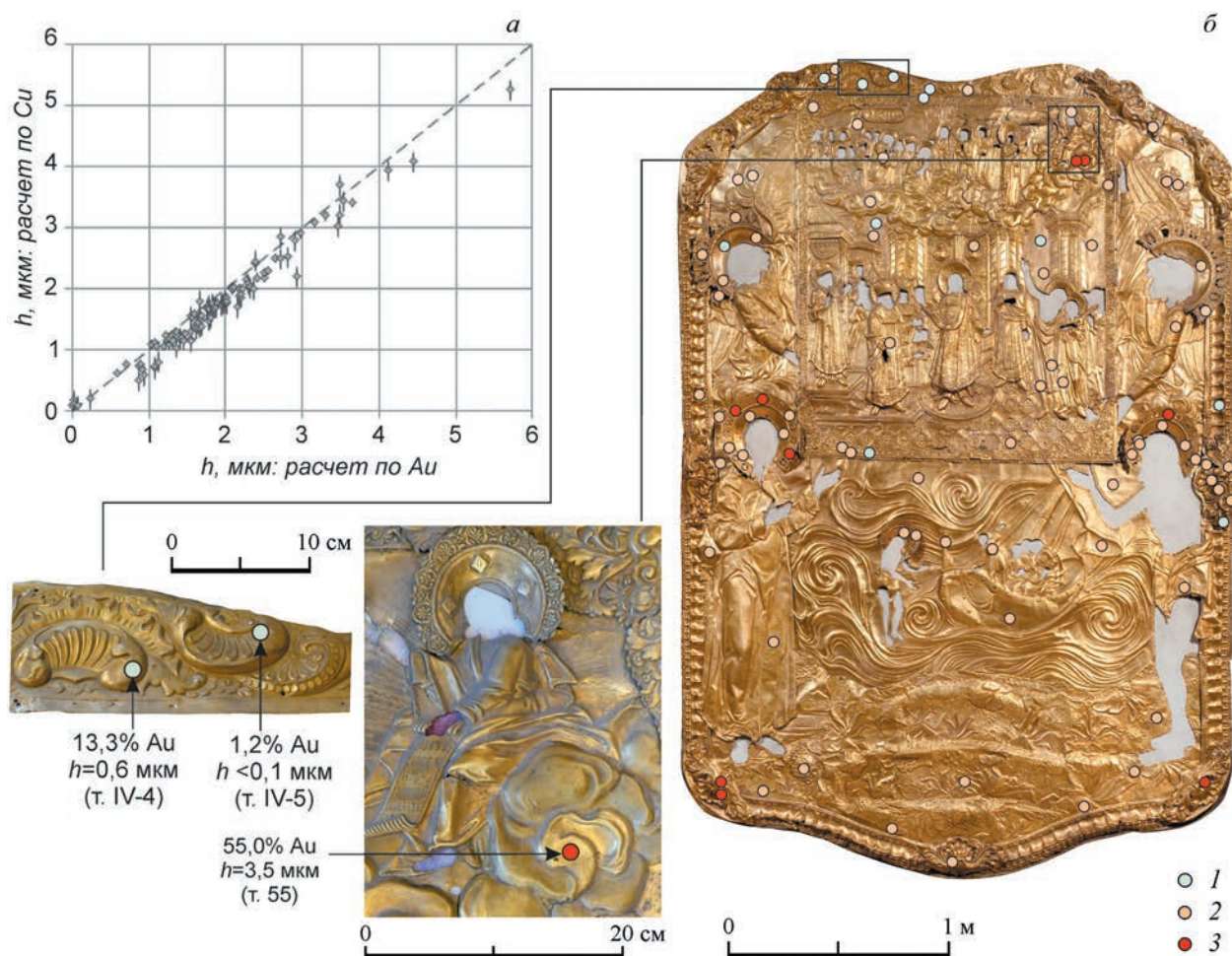

Рис. 11. Результаты оценки толщины золотого покрытия оклада (1–3)

а – сопоставление значений толщины позолоты h , рассчитанных по содержанию золота и остаточной меди в измеряемом слое; б – толщина золотого покрытия различных деталей оклада; 1 – $< 0,1$ – $1,0$ мкм; 2 – 1 – 3 мкм; 3 – 3 – 6 мкм

Литература

- Андрющенко А. И., 1904. Руководство золотых и серебряных дел мастерства. Нижний Новгород: Тип. Губернского правления. 58 с.
- Баталов А. Л., Успенская Л. С., 2010. Собор Покрова на Рву (Храм Василия Блаженного). М.: Северный паломник. 96 с.
- Борисенко А. С., Наумов Е. А., Оболенский А. А., 2006. Типы золото-ртутных месторождений и условия их образования // Геология и геофизика. Т. 47. № 3. С. 342–354.
- ГОСТ 613-79. Бронзы оловянные литейные. Марки // Цветные металлы. Бронза. Технические условия. Марки. М.: ИПК Изд. Стандартов, 2000. С. 3–5.
- ГОСТ 6835-2002. Золото и сплавы на его основе. Марки. М.: Стандартинформ, 2007. 10 с.
- Диаграммы состояния двойных металлических систем. Справочник / Под общ. ред. Н. П. Лякишева. Т. 1. М.: Машиностроение, 1996. 992 с.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., 2014. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. 4. Казань: Отечество. С. 143–146.
- Жадан В. Т., Гринберг Б. Г., Никонов В. Я., 1970. Технология металлов и других конструкционных материалов. М.: Высшая школа. 704 с.
- Кузнецов И. И., 1919. Покровский (Василия Блаженного) собор в Москве. Очерк монументальной истории собора (рукопись) / ОР РГБ. Ф. 743. Ед. хр. 52.4. 683 л.

Лосев Н. Ф., 1969. Количественный рентгено-спектральный флуоресцентный анализ. М.: Наука. 336 с.

Промышленные цветные металлы и сплавы. М.: Металлургия, 1974. 488 с.

Ревенко А. Г., Ревенко В. А., 2007. Применение рентгеноспектрального метода анализа для исследования материалов культурного наследия // Методы и объекты химического анализа. Т. 2. № 1. С. 4–29.

Сальникова И. В., 2016. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // Вестник МГУ. Сер. История, филология. Т. 15. № 5. С. 50–69.

Спектрометры рентгенофлуоресцентные моделей NITON XL2, XL3t. Приложение к свидетельству об утверждении типа средств измерений (Регистрационный № 43722-10). ГЦИ СИ ФГУП «ВНИИМ им. Д. И. Менделеева», 2009. 5 с.

Татаурова Л. В., Тишкин А. А., 2018. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестник Омского ун-та. Сер. «Исторические науки». № 1 (17). С. 220–231.

Техническая энциклопедия. Доп. том: Авиационные двигатели – Яркость / Гл. ред. Л. К. Мартенс. М.: Глав. ред. технических энциклопедий и словарей ОНТИ НКТП СССР, 1936. 1228 с.

Троскина Н. Д., 2003. История строительства, перестроек и реставрации Покровского собора на Рву в XVI–XX вв. Историческая справка. Гл. 2. Рукопись / Архив ЦНРПМ. Шифр 36. Инв. № 812. 132 л.

Успенская Л. С., 1999. Фасадные иконы XVIII в. Покровского собора (Храма Василия Блаженного) // VI Филевские чтения: Проблемы русской художественной культуры XVII – первой половины XVIII в. М.: ЦМДРКиИ им. А. Рублева. С. 83–84.

Шемаханская М. С., Дубровин А. Ф., Дубровин М. Ф., Равич И. Г., 1996. Исследование металла древнерусской меднолитой мелкой пластики как основа ее атрибуции // Консервация и реставрация памятников истории и культуры. Вып. 5–6. М.: Экспресс-информация. 100 с.

Anheuser K., 1997. The practice and characterization of historic fire gilding techniques // Journal of The Minerals, Metals and Materials Society. Vol. 49. Iss. 11. P. 58–62.

Lins P. A., Oddy W. A., 1975. The origins of Mercury Gilding // Journal of Archaeological Science. Vol. 2. P. 365–373.

Patterson C. C., 1971. Native Copper, Silver, and Gold Accessible to Early Metallurgists // American Antiquity. Vol. 36. No. 3. P. 286–321.

Untracht O., 1975. Metal Techniques for Craftsmen. N. Y.: Doubleday & Company. 509 p.

T. N. Lubkova, R. A. Mitoyan, T. G. Saracheva, Y. N. Khabibullina

A study of chemical composition of an icon frame from the Protecting Veil Cathedral on the Red Square

Summary

The article investigates the riza for the icon “Protecting Veil of the Mother of God with interceding Sts. Basil and John the Blessed” from the collection of the Protecting Veil Cathedral (Moscow, Russia). Using a portable X-ray fluorescence spectrometer, the metal mounting on the icon has been inspected to estimate its chemical composition. It was found that details of the icon frame have been made of two types of copper-zinc alloy, containing $29 \pm 2\%$ and $17 \pm 1\%$ of Zn respectively. Also traces of Ni, Pb, Sn and Fe have been detected in brass in total content up to 1–2% on average. Significantly diverse

zinc content in alloy of the icon frame would suggest its phased manufacturing from blanks of varying composition and, probably, by different craftsmen. Riza’s front side is covered by mercury-containing gold (up to 7% of Hg). According to experimental data the average thickness of gilding layers is about $1,9 \pm 0,9$ mkm. Both of these facts reveal on application of fire gilding technique, also known as amalgam or mercury gilding. These results allow us to significantly supplement database of the New Age Russia’s metalworking which has been largely unstudied compare to the Medieval Russia’s one.

List of figures

Fig. 1. General view of some icon frame details

1 – palmette, front side (high relief chasing); 2 – palmette, back side with massive soldered pins (high relief chasing); 3 – icon “Protecting Veil of the Mother of God”, fragment (engraving, chasing); 4 – lower part of the icon frame, decorated with floral decorations, fragment (engraving); 5 – openwork wreath, fragment, front side (stamping); 6 – openwork wreath, fragment, back side (stamping)

Fig. 2. The ratio of the major components in brass for the details of the icon frame

A – X-ray fluorescence spectra (a – brass, type I, open-work wreath, point I-9: Cu – 68%, Zn – 30%, impurities – <2%; δ – brass, type II, palmette, point I-7: Cu – 83%, Zn – 16%, impurities – 1%); Б – bar graphs of the content distribution for major components in brass

Fig. 3. X-ray fluorescence spectra of brass with detected peaks of main and trace elements

a – brass, type I, open-work wreath, point I-9: Cu – 68%, Zn – 30%, Ni – 0,5%, Pb – 0,3%, Fe – 0,1%, Sn – <0,1%; δ – brass, type II, palmette, point II-7: Cu – 83%, Zn – 16%, Sn – 0,3%, Pb – 0,1%, Ni – 0,1%, Fe – 0,1%; X-Ray fluorescence intensity is shown on a logarithmic scale

Fig. 4. Back side of the icon frame, fragment with red lead (data are given for analysis at point 46)**Fig. 5. The ratio between copper and zinc contents in various types of brass**

a – at points on the back side of the icon frame, no red lead; δ – at points on the back side of the icon frame, red lead; ϵ – at points on the front side of the icon frame

Fig. 6. The icon frame parts crafted from various types of brass

a – fragment of icon “Protecting Veil of the Mother of God”, front side, gilding, brass type I (contents at point 71, %: Au – 41, Cu – 38, Zn 18, Hg – 2,4, Pb – 0,6, Fe – 0,1, Ni – 0,1, Sn – <0,1); δ – fragment of open-work wreath, front side, gilding, brass type I (contents at point V-2, %: Au – 27, Cu – 50, Zn 22, Hg – 1,1, Pb – 0,5, Fe – 0,1, Ni – <0,1, Sn – <0,1); ϵ – fragment of the figure St. John the Blessed, front side, gilding, brass type II (contents at point 18, %: Au – 39, Cu – 47, Zn 11, Hg – 2,7, Pb – 0,3, Sn – 0,3, Fe – 0,1, Ni – 0,1); 1, 2 and 3 – points of analysis at the front side, at the back side and at the front side underlying other details of the icon frame, respectively; 4 and 5 – details crafted from brass type I and brass type II

Fig. 7. Phase state and mechanical properties of the investigated brass

a – copper – zinc phase diagram; δ – diagram of the mechanical properties of brass, σ – tensile strength, δ – percentage elongation (ductility) of alloy; chart basis (by: Zhadan, Grinberg, Nikonov, 1970. P. 207)

Fig. 8. X-Ray fluorescence spectrum for a gilded detail of the icon frame (openwork wreath, point III-6)**Fig. 9. X-Ray fluorescence spectrum for a gilded detail of the icon frame with detected peaks of lead (fragment of icon “Protecting Veil of the Mother of God”, point 71)****Fig. 10. Relationship between the gold content (a) or the percentage residual copper content (δ) and the gilding thickness (experimental data)**

C_{Au} – the measured gold content; C_{Cu}/C_{Cu}^0 – the percentage residual copper content (i.e. «the measured copper content – the copper content in brass» ratio); h – the thickness of the gold coating

Fig. 11. Assessment of the gilding thickness on the icon frame

a – the gilding thickness data correlation estimated by the measured gold content and the percentage residual copper content; δ – the gilding thickness on the different details of the icon frame, h : 1 – < 0,1–1,0 μm ; 2 – 1–3 μm ; 3 – 3–6 μm

Д. А. Иванов

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Рязань

Результаты радиоуглеродного датирования двух челнов-однодревок из Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника

В Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике хранятся два экспоната, которые по праву могут считаться одними из самых крупных и удивительных предметов в собрании музея. Это деревянные челны-однодревки – образцы одного из древнейших средств передвижения по воде.

Челны относятся к категории редких археологических находок и, несмотря на то что представляют собой довольно примитивные речные суда, выдолбленные из одного ствола дерева, являются важным источником, расширяющим наши представления о развитии судостроения в древности.

По предварительным оценкам, на сегодняшний день имеется информация о 54 челнах, обнаруженных на территории бывшего Советского Союза, в том числе 38 однодревок, найденных в пределах современной России и имеющих широкий диапазон датировок от III тысячелетия до н. э. до XVIII в. н. э. (О कोरोков, 2016. С. 2).

Два челна из Рязанского музея-заповедника стали первыми находками древних судов, сделанными в бассейне Оки. Всего же из окского бассейна известно девять челнов, четыре из которых к настоящему времени оказались безвозвратно утраченными. Остальные пять в том или ином виде сохранились в экспозициях и фондах музеев Рязани, Тарусы, Алексина и Серпухова (Журавлева, Чубур, 2005. С. 180).

Рязанские челны уже неоднократно упоминались в отечественной литературе с подробным изложением их конструктивных особенностей и технологии изготовления (Блаватский, 1958. С. 89; Фаворов, 1976. С. 78; Мельник, 1991. С. 6–12; Мельник, 1995. С. 140–145; Журавлева, Чубур, 2005. С. 179–180), поэтому ограничимся лишь краткой историей их обнаружения и основными характеристиками.

Первый челн-однодревка поступил в музей 24 сентября 1936 г. Он был извлечен из Оки бакенщиками летом того же года у с. Половское Спасского р-на Рязанской обл. Челн выдолблен из цельного ствола дуба, имеет три отсека, разделенных оставленными для прочности двумя переборками (рис. 1–5). Нос судна заострен с боков и снизу, корма в плане треугольная, верх ее имел небольшую площадку. У краев обоих бортов рядом с переборками сохранились небольшие прямоугольные отверстия. Сохранившаяся длина челна 5,55 м, сохранившаяся высота бортов до 0,5 м, ширина между бортами 0,6 м, вес 516 кг, грузоподъемность до 350 кг. Судно могло вместить двух-трех человек с небольшим грузом.

Рядом с местом находки челна на высоком правом берегу Оки расположены три городища городищ культуры раннего железного века, соседство с которыми сильно повлияло на предварительную датировку судна. Так, исследователь рязанских челнов А. Н. Мельник, предположив связь древних поселений и найденной однодревки, отнес последнюю к IV в. до н. э. – IV в. н. э. (Мельник, 1995. С. 142). Половский челн выставлен в экспозиции РИАМЗ и до недавнего времени датировался именно ранним железным веком. Другого мнения по вопросу датирования этого судна придерживаются Ю. Б. Журавлева и А. А. Чубур. Собрав воедино и проанализировав все археологические источники по судостроению, обнаруженные в бассейнах Десны и Оки, они высказали сомнение относительно столь ранней даты, считая более вероятной для челна средневековую датировку (Журавлева, Чубур, 2005. С. 180).

Второй челн найден в р. Оке в 1951 г. бакенщиком Остролукского переката Юхановым у с. Троица (б. Троица-Пеленица) Спасского р-на Рязанской

Рис. 1. Половский челн

обл. Судно сделано из дуба, имеет кормовую и носовую переборки, длина его достигала 6,5 м, высота бортов 0,48 м, ширина между бортами 0,80–0,86 м (рис. 6–8). Носовая и кормовая части челна заостренные. В бортах на уровне переборок имеются овальные отверстия, предназначенные, вероятно, для крепления уключин.

Информация о троиче-пеленицком челне попала в районную газету, где вместе с обстоятельствами находки древнего судна приведено и первое указание на его возраст – около 300 лет (Находка... 1951). По мнению А. Н. Мельника, датировка троиче-пеленицкой однодревки укладывается в пределы XV–XVIII вв., а сама находка может быть связана с местом древнего перевоза через Оку возле некогда существовавшего здесь муж-

ского Троицкого Пеленицкого монастыря (Мельник, 1995. С. 143). В настоящее время челн проходит комплекс мероприятий по реставрации и подготовке к экспонированию.

Рассмотренные челны-однодревки имеют одну технику изготовления, схожее устройство, конфигурацию и линейные характеристики, оба выполнены из единого ствола дуба, имеют приостренные нос и корму, корпус судов делится двумя переборками на три отсека, под краем каждого борта имеется по несколько отверстий.

По способу изготовления долбленых судов челны из РИАМЗ входят в группу однодревок – лодок, имеющих цельное выдолбленное днище («трубу») (Окороков, 2016. С. 5). Согласно типологии средневековых судов Юго-Востока Руси, предложенной

Рис. 2. Половский челн

Рис. 3. Половский челн (кормовая часть и переборка)

Рис. 4. Половский челн (переборка)

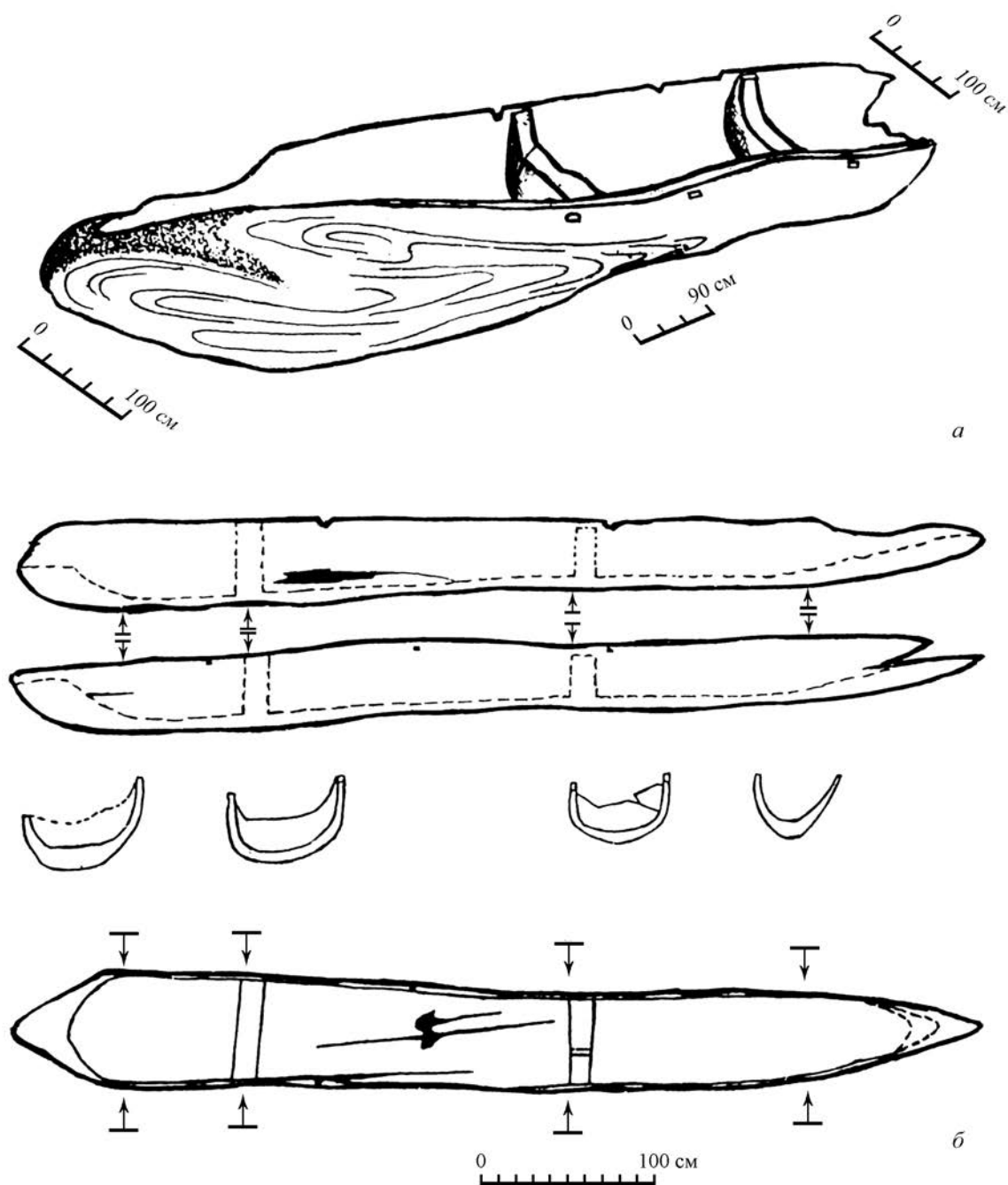

Рис. 5. Половский челн. Аксонометрия и чертеж (по А. Н. Мельнику)

Ю.Б. Журавлевой и А.А. Чубуром, челны относятся к бытовым низкобортным однодревкам (Журавлева, Чубур, 2005. С. 183, 184. Табл. 1–2). Такие долбленные челны, отличающиеся своей простотой и архаичностью, вероятно, представляли собой рыболовные или индивидуальные гребные транспортные средства, которые могли использоваться также для перевозки небольших грузов или переправы.

Что касается уточнения датировки рязанских челнов, то вопрос о необходимости проведения радиоуглеродного анализа для них уже поднимался (Мельник, 1995. С. 140; Журавлева, Чубур, 2005. С. 182–183). Вновь вернуться к этой теме заставила работа по составлению тематико-экспозиционного плана, разрабатываемого для новой экспозиции Музейного центра РИАМЗ – чел-

Рис. 6. Троице-Пеленицкий челн

Рис. 7. Троице-Пеленицкий челн

ны должны занять свое место в разделе «Древнейшая и древняя история». Оставалось только узнать это «место», определить положение древних памятников судостроения в абсолютной хронологии.

Радиоуглеродное датирование двух отобранных образцов проводилось в Лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН с использованием метода ускорительной масс-спектрометрии

(AMS). Измерение радиоуглеродного возраста выполнено в Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США). Измерения проводились относительно *OXII* стандарта, радиоуглеродный возраст рассчитан с использованием значения полураспада Либби 5568 лет. Для перевода из радиоуглеродного в календарный возраст полученные даты откалиброваны с помощью последней версии программы *CALIB* 7.1. Результаты анализа представлены в таблице.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного анализа.

IGANams	Образец	Материал	^{14}C , BP (1 σ)	Cal AD
6424	Половский челн, КП-1724, А554, древесина	целлюлоза	380 $\pm$ 20	68.3 (1 σ) cal AD 1453–1493 0.786; 1602–1614 0.214; 95.4 (2 σ) cal AD 1447–1521 0.762; 1577–1583 0.012; 1590–1621 0.226; Medial Probability: 1486
6425	Троице-Пеленицкий челн, КП-1786, А619, древесина	целлюлоза	515 $\pm$ 20	68.3 (1 σ) cal AD 1412–1428 1.000; 95.4 (2 σ) cal AD 1403–1438 1.000; Medial Probability: 1419

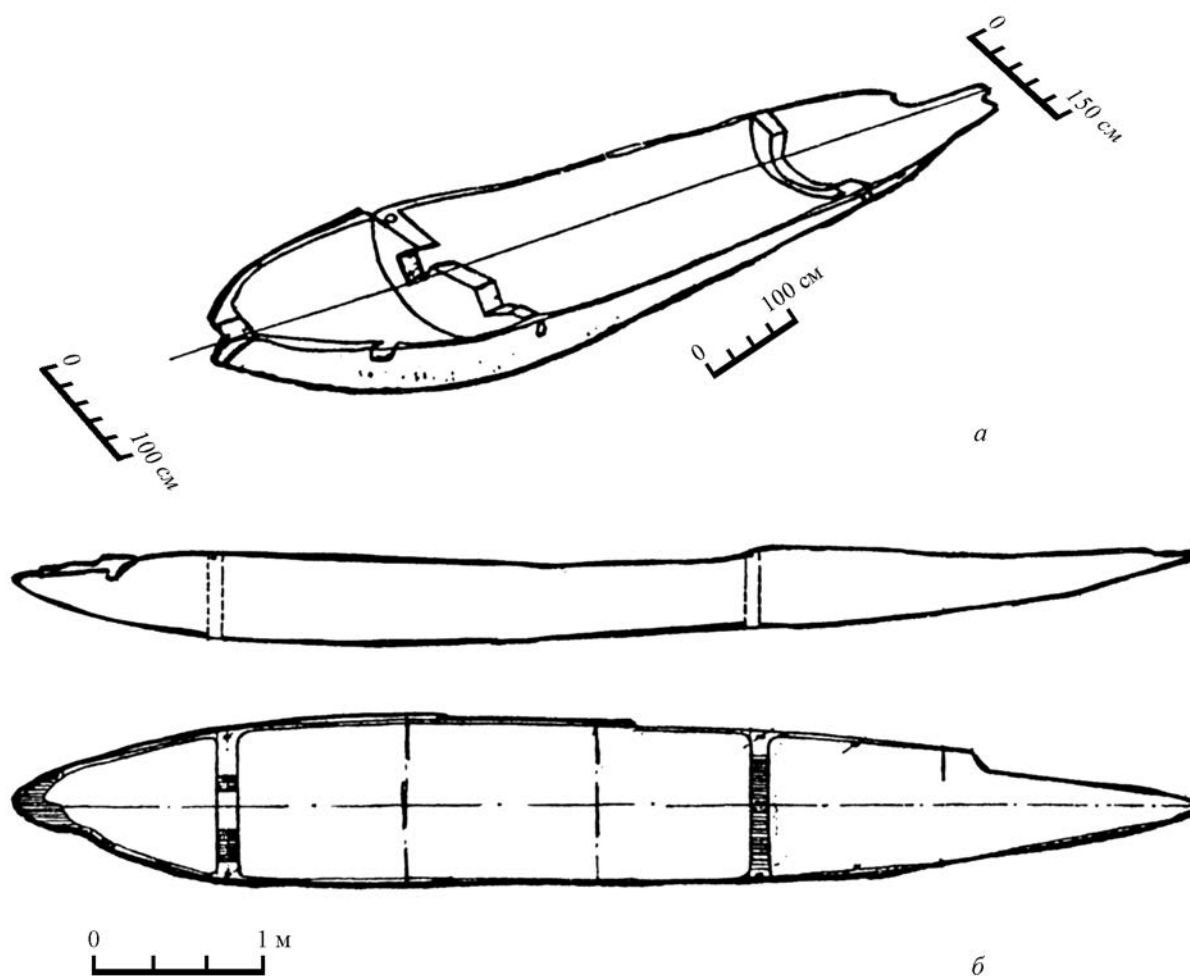

Рис. 8. Троице-Пеленицкий челн. Аксонометрия и чертеж (по А. Н. Мельнику)

Окские челны из РИАМЗ являются прекрасно сохранившимися образцами легких средневековых судов южнорусской судостроительной традиции. Наряду с другими однодревками, имеющими схожую

конструкцию и близкие датировки, полученные методами радиоуглеродного и дендрохронологического датирования, они могут быть использованы для первичного сравнительного анализа подобных находок.

Литература

Блаватский В. Д., 1958. О подводной археологии // СА. № 3. С. 73–89.

Журавлева Ю. Б., Чубур А. А., 2005. Средневековое судостроение в Юго-Восточной Руси (басейны Десны и Оки) по археологическим источникам // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула: Инфра. С. 176–191.

Мельник А. Н., 1991. Находки древних челнов-однодревков на Оке // Изучение памятников судостроения, мореплавания и гидротехники. М.: НИИ культуры. С. 6–12.

Мельник А. Н., 1995. Окские челны // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань. С. 140–145.

Находка древнего челна // «Сталинское знамя». 1951. 16 сентября. С. 4.

Окороков А. В., 2016. Древнейшие средства передвижения на территории России (по материалам археологических и этнографических исследований) // Журнал Института наследия. № 1 (4). С. 1–16.

Фаворов Б. П., 1976. Долбленные челны // Катера и яхты. № 5. С. 50–58.

D. A. Ivanov

The results of radiocarbon dating of two shuttle-odnoderevki from the Ryazan historical and architectural museum-reserve

Summary

The paper presents the results of radiocarbon dating of two shuttle-odnoderevki from the Ryazan historical and architectural museum-reserve, found in the

middle reaches of the Oka River. The analyzes showed that both canoes were created in the 15th c.

List of figures

Fig. 1. Polovskiy shuttle

Fig. 2. Polovskiy shuttle

Fig. 3. Polovskiy shuttle (stern and bulkhead)

Fig. 4. Polovskiy shuttle (bulkhead)

Fig. 5. Polovskiy shuttle. Axonometry and drawing (by A. N. Melnik)

Fig. 6. Troitse-Pelenitskiy shuttle

Fig. 7. Troitse-Pelenitskiy shuttle

Fig. 8. Troitse-Pelenitskiy shuttle. Axonometry and drawing (by A. N. Melnik)

Г. Н. Пронин, Е. В. Суханов
Институт археологии РАН, Москва

Керамический комплекс из раскопок селища Микулино 7 (опыт применения геометрической морфометрии к анализу фрагментированного материала)

*Общая информация о памятнике
и его керамическом материале*

В 2016 г. отдел сохранения археологического наследия ИА РАН проводил охранные раскопки у с. Микулино Лотошинского р-на Московской обл. Исследовались селища Микулино 7 и Микулино 11, датируемые XIV (?) – XVII вв. (рис. 1). Оба памятника неоднократно обследовались в ходе археологических разведок в районе села (Ивченков, 1987).

В окрестностях этого населенного пункта помимо широко известного Микулинского городища зафиксировано 11 селищ (рис. 2), большинство из которых датируются в пределах XV–XVII вв. и, по сути дела, являются частями обширных посадов столицы удельного Микулинского княжества. К их числу относятся и селища Микулино 7 и Микулино 11. Следует отметить, что практически вся информация о памятниках с. Микулино и окрестностей известна только по разведочным данным. Стационарных исследований поселений здесь не проводилось, границы памятников и их датировка устанавливались по подъемному материалу и находкам из шурфов.

Селище Микулино 7 находится в 0,7 км к востоку от с. Микулино, в 0,9 км к юго-востоку от церкви этого села. Селище занимает песчаное всхолмление надпойменной террасы левого берега р. Шоша (правый приток р. Волги). Площадка памятника имеет овальную в плане форму и вытянута по оси северо-восток – юго-запад, повторяя конфигурацию всхолмления (рис. 3). Высота площадки памятника над уровнем реки составляет 3,0–3,5 м. По разведочным данным, площадь

памятника составляет около 4500 кв. м. Раскопки 2016 г. проводились в центральной и северо-восточной частях селища, исследованная площадь памятника составила 3300 кв. м.

В результате многолетней распашки и техногенного воздействия культурный слой селища Микулино 7 полностью деструктурирован. Культурные напластования *in situ* зафиксированы только в объектах, впущенных в материк. Это многочисленные ямы различного назначения – столбовые, мусорные, хозяйственные. Глубина ям составляет от 0,50 до 1,85 м.

В ходе раскопок селища Микулино 7 получена представительная коллекция массового материала. Это преимущественно обломки верхних частей глиняных сосудов – около 2500 фрагментов. Наиболее массовой и морфологически разнообразной функциональной категорией посуды на селище являются горшки. В качестве искусственно введенных минеральных добавок в формовочную массу сосудов использовались в основном мелкая дресва и песок¹. Отмечены единичные находки белоглиняной керамики, а также редкие фрагменты чернолощенных и глазурованных сосудов, относящихся, скорее всего, к более позднему периоду – XVII–XVIII вв.

*Цель исследования и характеристика
методов анализа*

Цель данного исследования заключается в морфологической систематизации фрагментированного керамического материала, полученного при раскопках селища Микулино 7. Подобная цель является достаточно стандартной при обработке мате-

¹ По визуальным определениям. Специальное технологическое изучение этой керамики не проводилось.

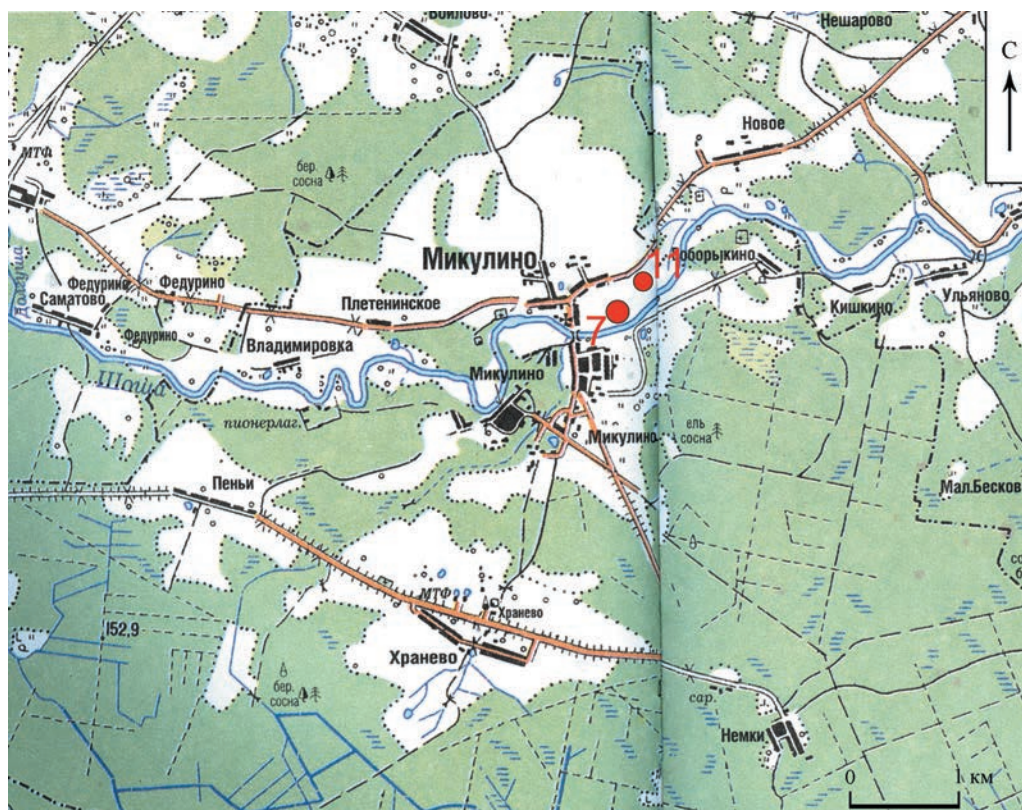

Рис. 1. Селища Микулино 7 и Микулино 11 на плане местности

риалов того или иного археологического памятника, и чаще всего она достигается традиционными способами, основанными главным образом на «интуитивной» группировке материала по принципу сходства/различия. В этой статье мы хотели бы представить вниманию коллег опыт решения такого вопроса новым способом, используя инструментальный метод геометрической морфометрии.

Геометрическая морфометрия представляет собой метод или же группу методов количественного анализа формы объектов (Bookstein, 1991; Павлинов, Микешина, 2002). Она широко используется в биологических науках, в последние годы получает распространение в палеоантропологических (Медникова, Тарасова, 2014) и археологических исследованиях (Wilczek et al., 2014; Громов, Казарницкий, 2014; Казарницкий, Туркина, 2015). Суть геометрической морфометрии заключается в описании формы исследуемых объектов с помощью специальных меток, которые обладают координатами в двухмерном или трехмерном пространстве, и последующем многомерном статистическом анализе полученных координат. Это позволяет сравнивать морфологию нескольких объектов или нескольких серий объектов как таковую, абстрагируясь от их абсолютных линейных размеров.

Здесь важно подчеркнуть, что геометрическая морфометрия как научный метод была разработана для изучения серий форм целых, гомогенных объектов, обладающих одинаковой степенью сохранности. Инструментарий геометрической морфометрии подразумевает, что на каждый рассматриваемый объект мы можем нанести равное количество меток, описывающих его форму, причем эти метки будут сопоставимы друг с другом. Например, метка 1 будет всегда ставиться на верхнем крае венчика сосуда, метка 2 – всегда на точке перехода тулова в дно, а метка 3 – в месте наибольшего диаметра сосуда.

Наше исследование является в определенной мере пилотным, поскольку в нем предпринимается попытка адаптации геометрической морфометрии для анализа фрагментированного и «негомогенного» материала. Это обстоятельство, с одной стороны, накладывает определенные ограничения, особенно на этапах формирования исследуемой выборки и определения единообразной схемы описания контура. С другой стороны, адаптация геометрической морфометрии к такому специфичному источнику, возможно, откроет новые перспективы для получения группировок материала на основании строгой единообразной схемы описания

Рис. 2. Селища в окрестностях с. Микулино (по В.Л. Ивченкову)

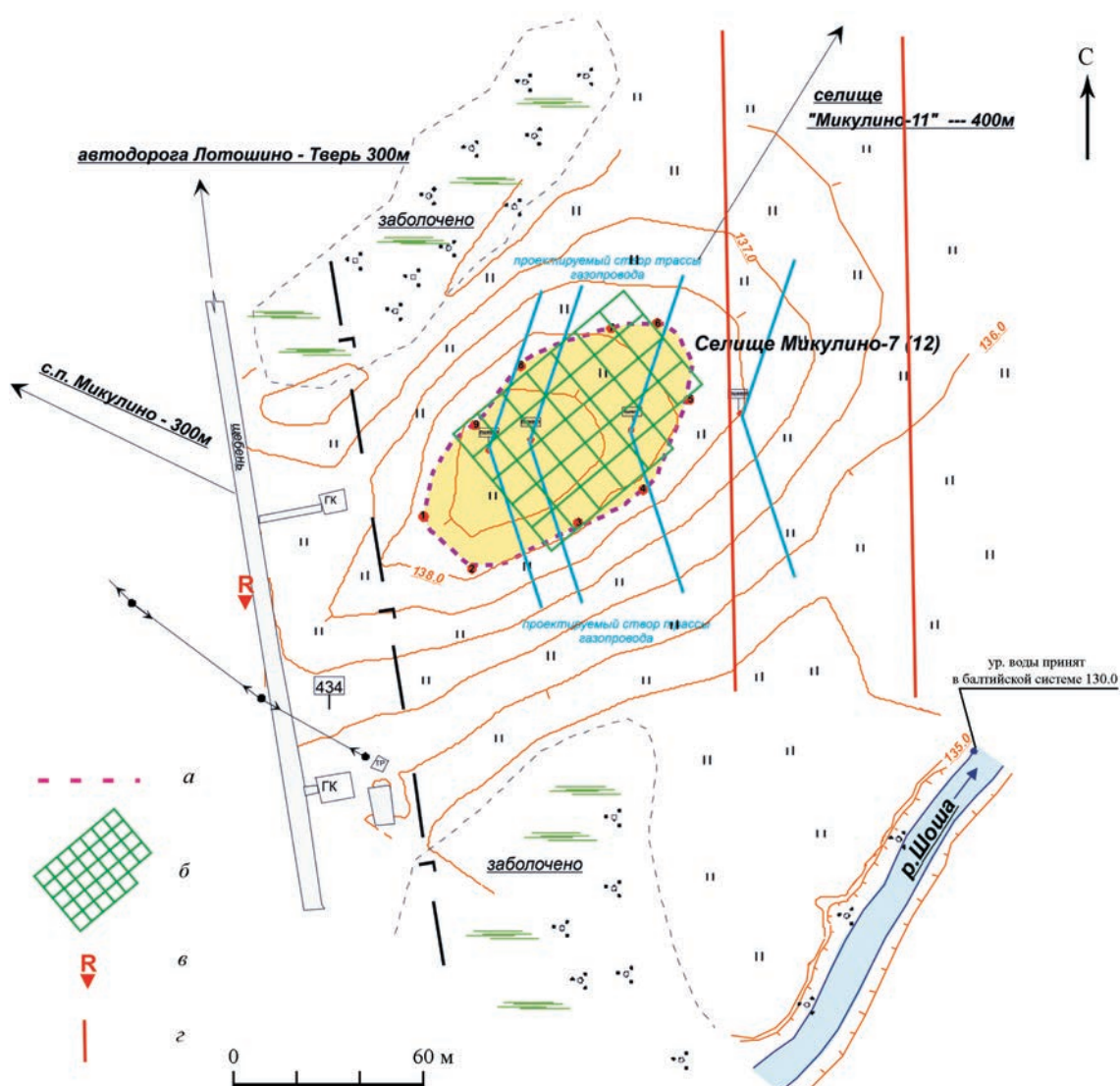

Рис. 3. Селище Микулино 7. Топоплан

а – граница селища Микулино 7; *б* – раскоп 2016 г.; *в* – реперная отметка; *г* – предполагаемый вариант обхода проектируемой трассой газопровода территории объекта археологического наследия

и анализа, что является актуальной задачей для современных исследователей.

Перейдем к описанию процедурной части работы.

Как было сказано ранее, инструментарий геометрической морфометрии предназначен для изучения форм гомогенных объектов. В нашем случае мы имеем дело с фрагментированным материалом, степень сохранности которого различается – от обломков венчиков до практически полных профилей. Поэтому единственным способом выполнить правило единообразия изучаемой серии на наших материалах является ограничение на профиле сосуда высоты исследуемого участка. При этом целесообразно сделать это таким образом, чтобы данный участок можно было бы описать с помощью меток на максимально большом количестве сосудов.

В качестве такого участка был выбран промежуток от верхнего края венчика сосуда до места его наибольшего диаметра. Именно эти две «ограничивающие» точки довольно легко поддаются идентификации при разборе керамической коллекции массового материала. Нужно, однако, отметить, что такой выбор участка для морфологического изучения сосуда имеет и очевидный минус. Он состоит в том, что фрагменты верхних частей, не сохранившиеся до места наибольшего диаметра (например, венчики с небольшим участком верхней части плеча), оказываются непригодными для изучения в рамках этой методики. В соответствии с этим правилом для тестового анализа из коллекции памятника были отобраны 100 фрагментов сосудов, сохранность которых соответствует описанному требованию.

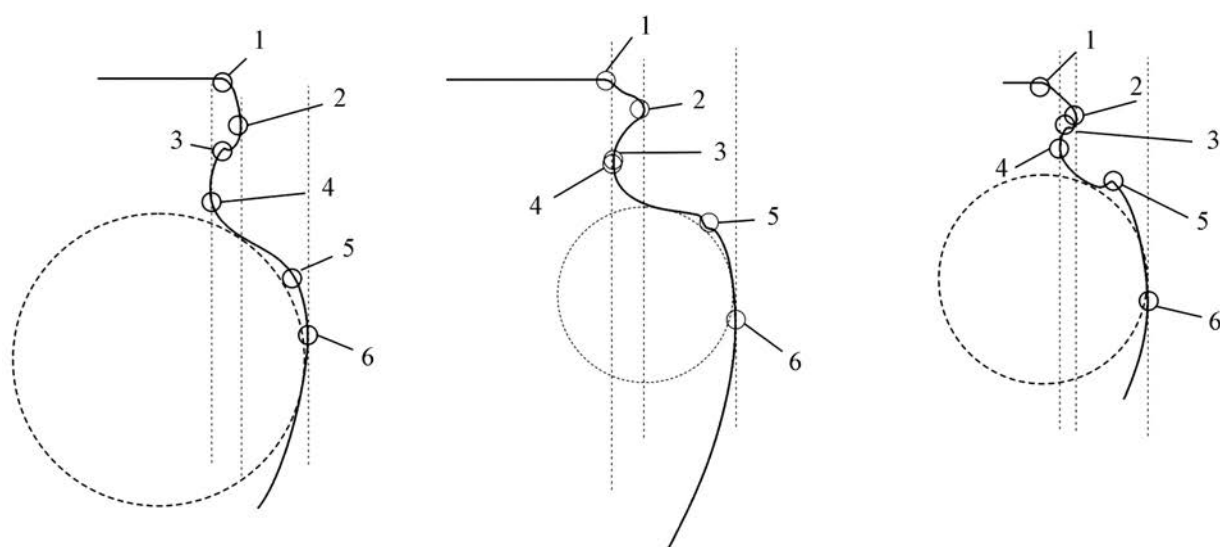

Рис. 4. Схема нанесения меток для описания контура сосудов

Следующий этап работы – нанесение меток на контуры сосудов – реализуется в компьютерной программе *tpsDig*. Можно выделить два способа описания контура сосудов для их анализа с помощью геометрической морфометрии (Суханов, Волкова, 2018. С. 214–216. Рис. 2, 7). Первый – максимально детальная фиксация морфологии сосуда с помощью большого числа меток, расставленных на контуре сосуда на равном расстоянии друг от друга. Такой способ подразумевает «обрисовку» контура в компьютерной программе *tpsDig*, после чего он преобразуется в требуемое исследователю количество меток (5, 10, 20, 50 и т. д.), которые впоследствии располагаются на контуре автоматически, на равном расстоянии друг от друга. Второй способ – расстановка определенного числа меток вручную только в тех точках, которые исследователь интуитивно считает важными и нужными.

Наш скромный опыт применения геометрической морфометрии для анализа форм сосудов (Суханов, Волкова, 2018) показывает, что при первом способе достигается высокая детализация формального описания контура. Однако на этапе статистического анализа этот способ плохо справляется с задачей выделения дискретных и хорошо различимых друг от друга множеств сосудов. Из-за большого количества меток конечный результат всегда получается более смазанным. По-видимому, это связано с тем, что из N числа меток в реальности важными и определяющими культурные особенности внешнего облика сосудов является лишь небольшая их часть.

Поэтому для решения поставленной в этой работе задачи более подходящим представляется

второй способ. Решение вопроса о том, где именно на контуре сосудов будут расставляться метки, принималось после предварительного просмотра материала и интуитивного определения тех точек на контуре, которые можно фиксировать на максимально высоком числе объектов, включенных в исследуемую выборку. Нужно признать, что из-за морфологического разнообразия материала, очевидного даже без специальных исследовательских процедур, довольно сложно предложить максимально непротиворечивую схему описания контура. В связи с этим на некоторых сосудах приведенные ниже метки дублировали друг друга, однако это пока не представляется критичным. Ниже приводим список использованных меток (рис. 4):

- метка № 1 ставилась в самой верхней точке профиля сосуда. Фактически это точка перехода от внутреннего контура сосуда во внешний;
- метка № 2 ставилась на наиболее выступающей наружу точке венчика;
- метка № 3 ставилась в точке перехода выступающего края венчика в шейку или плечо сосуда;
- метка № 4 ставилась в точке перехода шейки сосуда в плечо. В тех случаях, когда шея сосуда не выделена, данная метка ставилась в том же месте, что и метка № 3;
- метка № 5 ставилась в месте перехода плеча в тулово сосуда;
- метка № 6 ставилась в месте максимального диаметра сосуда.

После нанесения на все рассматриваемые обломки сосудов меток по изложенной схеме данные об их координатах, которые и описывают все

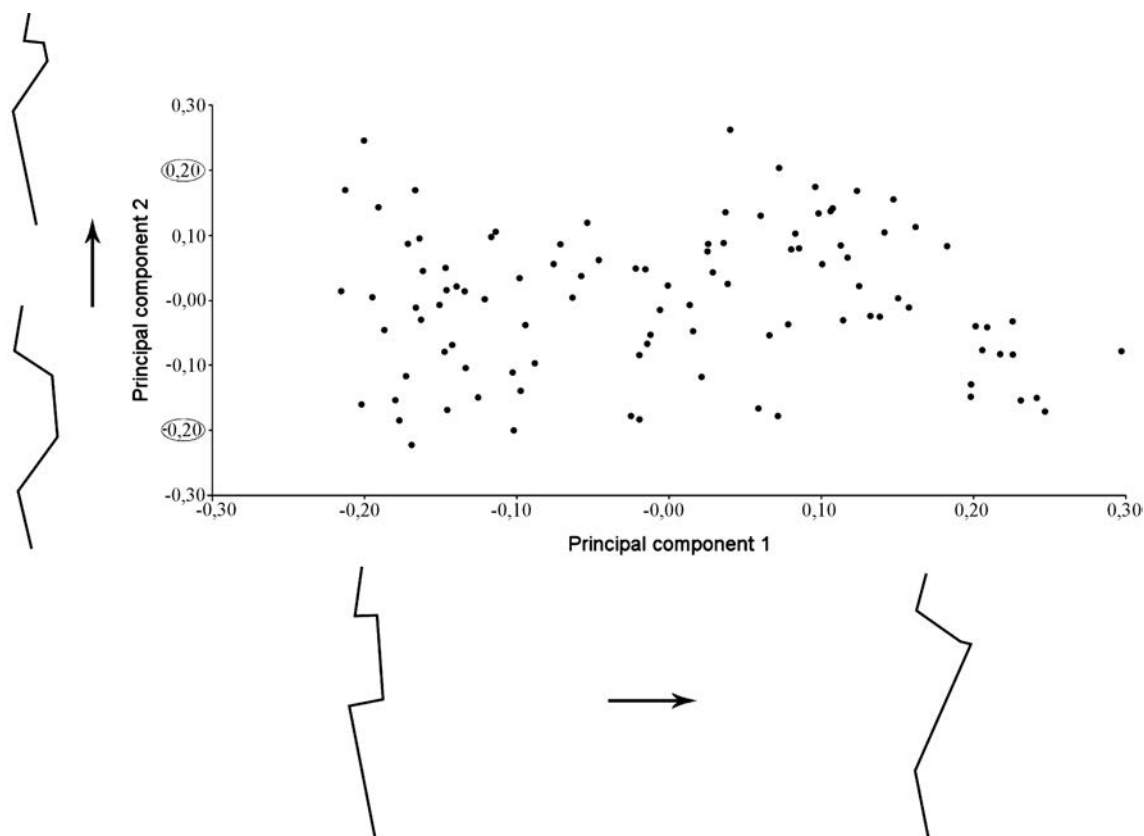

Рис. 5. Результаты анализа методом главных компонент

имеющееся разнообразие форм объектов, анализируются в компьютерной программе *MorphoJ*. Изучение форм объектов средствами геометрической морфометрии реализуется с помощью метода главных компонент. Это один из наиболее информативных методов многомерной статистики, позволяющий сравнивать любое количество объектов сразу по нескольким признакам. Если говорить о сути метода простыми словами, то он из множества переменных, которыми характеризуются изучаемые объекты (в данном случае эти переменные – координаты меток, расставленных на контуре сосудов), создает новые и наиболее важные переменные («главные компоненты»), вносящие наиболее весомый вклад в общую изменчивость этих объектов. Вся процедура реализуется на основании корреляционной матрицы, составляемой компьютерной программой. Таким образом, метод главных компонент позволяет понять, какие из используемых меток в наибольшей степени определяют морфологическое разнообразие изучаемых сосудов, а значит, это поможет выяснить, какие морфологические признаки наиболее целесообразно использовать для группировки и упорядочивания конкретно нашего материала.

Результаты

Теперь перейдем к описанию полученных результатов. По итогам анализа мы имеем график с двумя осями и множеством маркеров, каждый из которых обозначает отдельный сосуд (рис. 5). Горизонтальная ось отражает отличия по первой главной компоненте, вертикальная ось – по второй. Первая главная компонента определяет чуть более 40% общей изменчивости морфологии рассмотренных сосудов. Если рассмотреть нагрузку на эту главную компоненту (рис. 5, схема под горизонтальной осью), выясняется наличие достаточно жесткой взаимосвязи между тремя морфологическими признаками:

- а) степенью выразительности и резкости плеча (в том числе наличием «ребра»);
- б) геометрией перехода от «ребра» на плече к венчику;
- в) профилировкой венчика.

Выраженный и угловатый край плеча (левая часть графика) связан с «вогнутым» внутрь переходом к верхнему краю сосуда и, условно говоря, подтреугольным венчиком с выступающим наружу краем. В тех случаях, когда плечо фактически

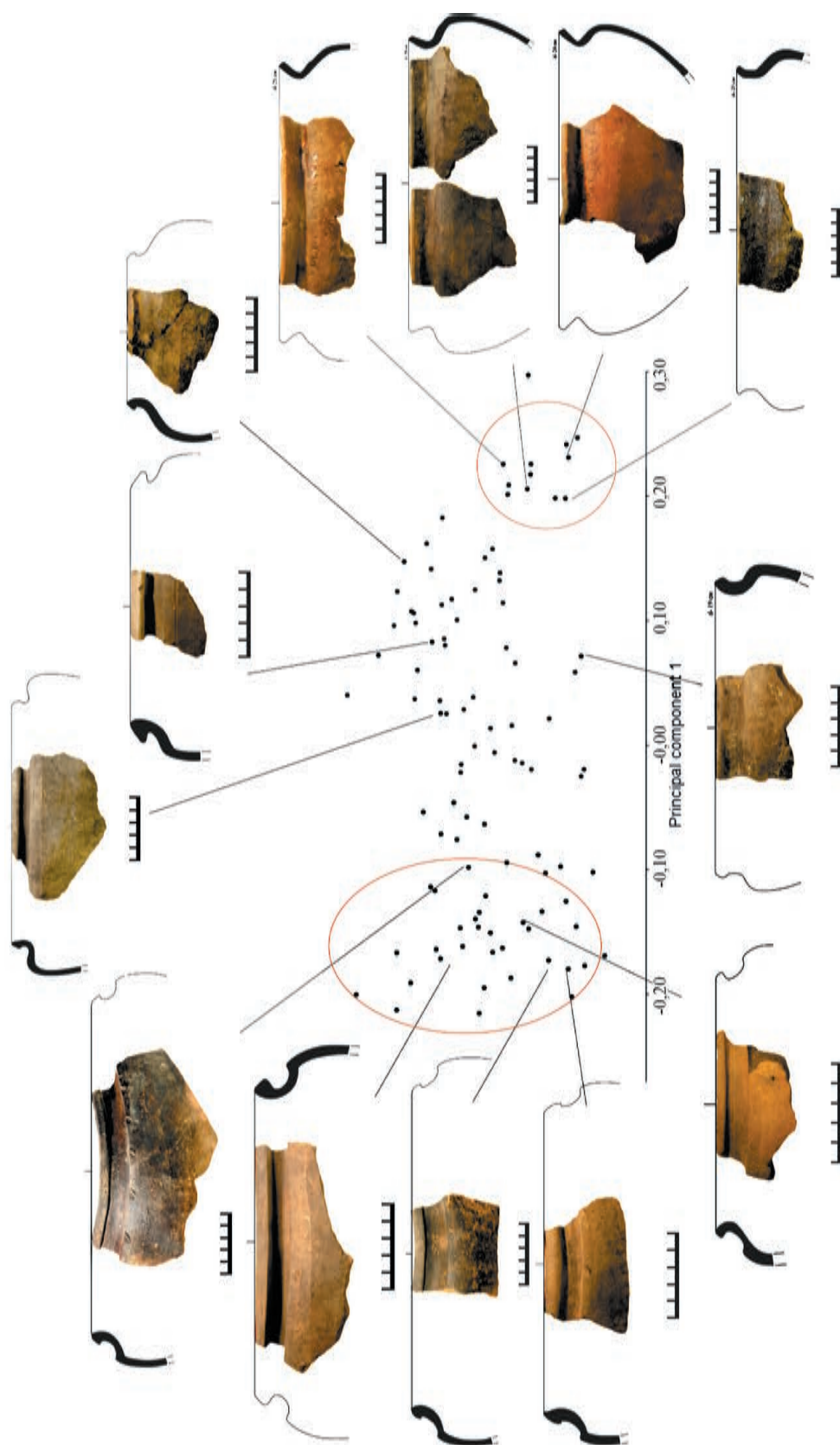

Рис. 6. Результаты анализа методом главных компонент с иллюстрациями конкретных сосудов из разных «скоплений»

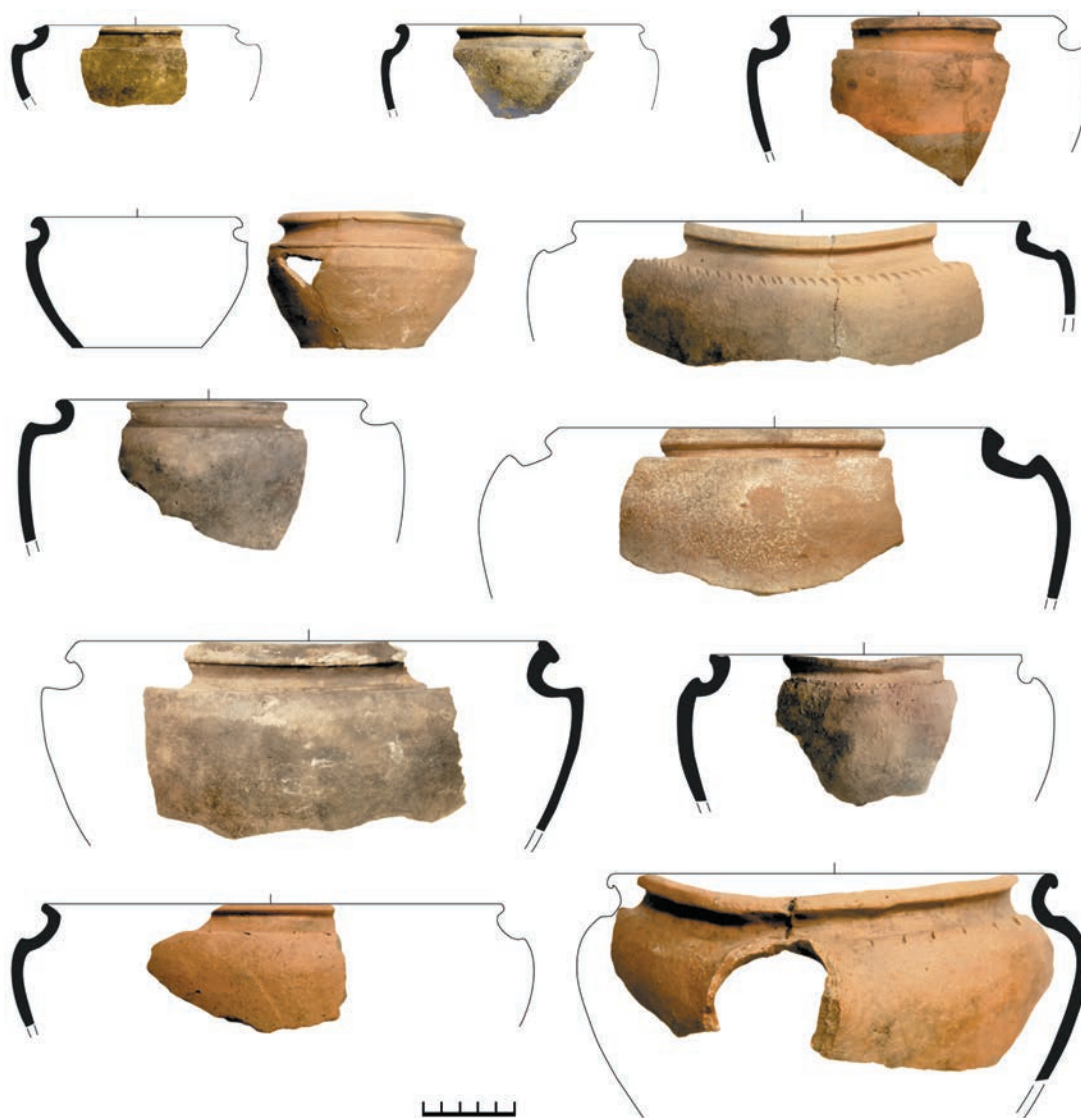

Рис. 7. Селище Микулино 7. Горшки. Группа 1

совпадает с местом максимального диаметра (правая часть графика), оно, напротив, обладает «выпуклой» формой, а венчик прямой с небольшим отгибом внутрь. В описанных изменениях, собственно и заключается главный тренд морфологической variability рассмотренных сосудов.

На данном графике формально все сосуды могут быть разделены на три видимых множества на основании плотности скопления обозначающих их маркеров. Если посмотреть на конкретные формы, вошедшие в состав каждого из этих скоплений, то выяснится следующее (рис. 6):

– левое скопление включает в себя сосуды с выраженным и угловатым краем плеча, которое связано с «вогнутым» внутрь переходом к верхнему краю сосуда и, условно говоря, выделенным венчиком с выступающим наружу внешним краем;

– правое скопление включает в себя сосуды с прямым, немного отогнутым наружу венчиком и плавным, «выпуклым» изгибом плеча.

Сосуды, расположенные в среднем скоплении, весьма разнообразны и не представляют собой нечто цельное. Это либо формы с «плавными» плечиками (характерны для правого скопления) и угловатым выделенным венчиком (характерны для левого скопления), либо горшки с выделенными угловатыми плечами (характерны для левого скопления) и более высоким вытянутым венчиком (характерны для правого скопления).

Таким образом, если обобщить полученные результаты, то с помощью геометрической морфометрии удалось выделить две принципиально разные по формам группы горшков и довольно большую совокупность, представляющую собой нечто сред-

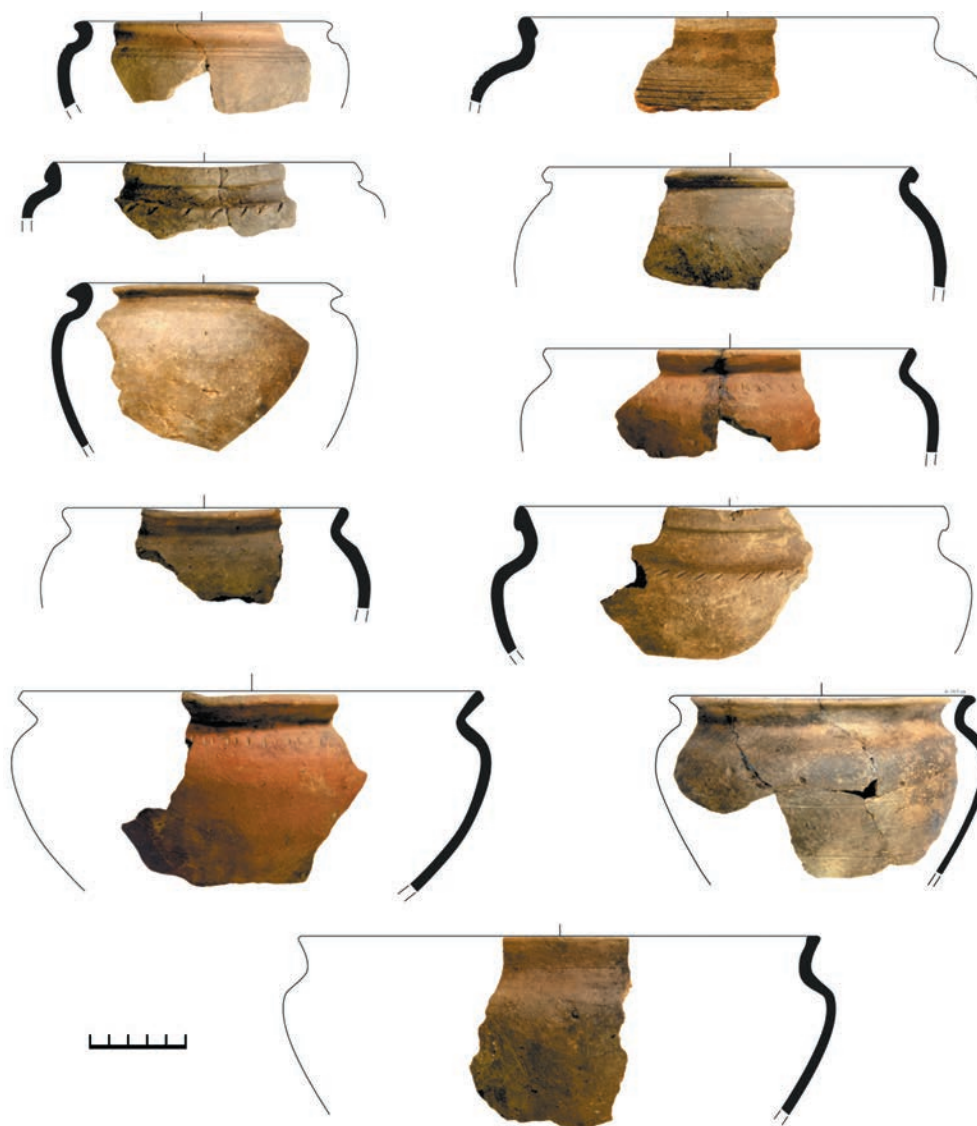

Рис. 8. Селище Микулино 7. Горшки. Группа 2

нее между этими группами и более разнообразную по морфологии. С точки зрения формально-статистических процедур, эта промежуточная группа сосудов по своим формам не представляет собой единое целое, сочетая морфологические признаки, присущие «крайним» группам.

Материалы, морфологически близкие обеим «чистым» группам кухонных горшков (рис. 7; 8), присутствуют в Твери и на многих других памятниках сельской округи в пределах пограничья Тверского и Московского княжеств (Рыбакова, 2010. С. 66, 67. Рис. 11, 12, 15, 16; Рыбакова, Куприяшин, 2015. С. 231, 237. Рис. 36, 44, №№ 231–235; Сиволапова, Иванова, 2010. С. 51. Рис. 2, тип 7), а также в ассортиментном наборе московской керамики (Чернов,

1991. С. 50–61. Табл. 85–86; 104–105; 115) и на сельских средневековых поселениях московского региона (Супренков, Фатков, 2015. С. 260. Рис. 4–9). И в Москве, и в тверских материалах керамические комплексы, содержащие сосуды этих групп, датируются в рамках второй половины – конца XV – XVI в. При этом, несомненно, заслуживает внимания наблюдение О.Е. Рыбаковой о том, что наличие в Тверских комплексах значительного количества горшков с «раздутым» туловом «позволяет сузить хронологические рамки до второй половины XVI – рубежа XVI–XVII вв.» (Рыбакова, Куприяшин, 2015. С. 240). Весь комплекс инвентаря селища Микулино 7 – индивидуальные находки, нумизматический материал – не противоречит этой гипотезе.

Литература

- Громов А. В., Казарницкий А. А., 2014. Применение методов геометрической морфометрии при изучении форм керамической посуды // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. IV. Казань: Отечество. С. 140–142.
- Ивченков В. Л., 1987. Отчет об археологических разведках близ Микулина городища в Лотошинском районе Московской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 12098.
- Казарницкий А. А., Туркина А. А., 2015. Форма могильной ямы и положение скелета: опыт анализа изменчивости методами геометрической морфометрии // КСИА. Вып. 238. С. 277–287.
- Медникова М. Б., Тарасова А. А., 2014. Опыт применения метода геометрической морфометрии в определении степени сходства и биологического родства погребенных в Пепкинском кургане эпохи средней бронзы // КСИА. Вып. 234. С. 338–352.
- Павлинов И. Я., Микешина Н. Г., 2002. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. Т. 63. № 6. С. 473–493.
- Рыбакова О. Е., 2010. Керамический комплекс постройки XVI в. на юго-восточной окраине Загородского посада г. Твери (по материалам исследований 2000 г.) // ТТЗ. Вып. 6. Тверь: Старый город. С. 55–90.
- Рыбакова О. Е., Куприяшин А. В., 2015. Керамический комплекс из постройки XVI – рубежа XVI–XVII вв. близ Архангельского монастыря на Зогородском посаде Твери // ТТЗ. Вып. 8. Тверь: Старый город. С. 209–243.
- Сиволапова А. Б., Иванова А. Б., 2010. Керамическая посуда из жилой застройки «докаменного» периода на территории Успенского монастыря г. Старицы Тверской области // ТТЗ. Вып. 6. Тверь: Старый город. С. 48–54.
- Супренков А. А., Фатков А. М., 2015. Средневековая керамика селища Замятино 2 // ТТЗ. Вып. 8. Тверь: Старый город. С. 251–257.
- Суханов Е. В., Волкова Е. В., 2018. Три примера использования геометрической морфометрии для изучения форм глиняных сосудов (к вопросу о возможностях и ограничениях метода) // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. М.: ИА РАН. С. 214–227.
- Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // МК. М.: ИА РАН. С. 50–58.
- Bookstein F. L., 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge University Press. 198 p.
- Wilczek J., Monna F., Barral P., Burlet L., Chateau C., Navarro N., 2014. Morphometrics of Second Iron Age ceramics – strengths, weaknesses, and comparison with traditional typology // Journal of Archaeological Science. № 50. P. 39–50.

G. N. Pronin, E. V. Sukhanov

Ceramic complex from the excavation of the rural settlement Mikulino 7 (the experience of applying geometric morphometry to the analysis of fragmented material)

Summary

During the excavation of the rural settlement Mikulino 7, a representative collection of mass material was obtained. These are mainly fragments of the upper parts of clay vessels – about 2500 fragments. The most massive and morphologically diverse functional cate-

gory of dishes in the village are pots. Using geometric morphometry, it was possible to distinguish two groups of pots that are fundamentally different in form and a rather large population representing something between these groups and more diverse in morphology.

List of figures

- Fig. 1. The rural settlements Mikulino 7 and Mikulino 11 on the situation plan
- Fig. 2. Rural settlements in the region of village Mikulino (according to V. L. Ivchenkov)
- Fig. 3. The rural settlement Mikulino 7. Topographic plan
- Fig. 4. Scheme for describing the shape of vessels
- Fig. 5. The results of the analysis by the method of principal components
- Fig. 6. The results of the analysis by the method of principal components with illustrations of specific vessels from different “clusters”
- Fig. 7. The rural settlement Mikulino 7. Pots. Group 1
- Fig. 8. The rural settlement Mikulino 7. Pots. Group 2

Н. В. Жилина

Институт археологии РАН, Москва

Пуговицы в костюме Московской Руси XVII – начала XVIII века

Данная статья продолжает предыдущую, посвященную более раннему материалу о пуговицах второй половины XIII – начала XVII в. (Жилина, 2019). Для второй по хронологии части материала используется та же типология, что и при рассмотрении пуговиц предшествующего периода. Здесь учтено всего 343 пуговицы, в том числе 73 пуговицы из музейного и 270 – из археологического материала¹. Таким образом, для всего периода в итоге рассмотрено 509 пуговиц (410 экз. – из археологического и 99 – из музейного материала).

В начале – первой половине XVII в. актуальность сохраняет застежка на воздушные петли, которой соответствуют свисающие крупные пуговицы. Во второй половине XVII в. распространяется застежка на прорезные петли, соответствующая конструкции одежды с запахивающимися полами, что отражается на основном направлении изменения формы пуговиц к плоскостности (Жилина, 2015).

Типология². Типы выделяются по форме пуговицы: I – со сферической нижней частью и удлиненно-цилиндро-конической средней и верхней (грушевидные); II – овальные в продольном сечении; III – сфероконические (яйцевидные); IV – шаровидные (сферические); V – ребристые или лопастные; VI – цилиндрические/палочковидные; VII – биконические; VIII – граненые (четырёхугольные или многоугольные в сечении); IX – с выделенной полусферической или сфери-

ческой застегивающей частью и петлей (грибовидные); X – бидисковидные (запонки, заклепки); XI – дисковидные (плоские); XII – пуговицы-грузики с центральным каналом; XIII – пуговицы-заклепки с верхней полусферической или плоской частью и штырем для закрепления.

Первая половина XVII в. (104 экз.; в том числе 34 экз. из музейного и 70 экз. – из археологического материала). Сферо-коническая форма (тип III) в основном связывается с XVII в. Она, как правило, встречается среди крупных дорогих и роскошно орнаментированных пуговиц (рис. 1, 6, 7, 10–14; 17–19, 30). Опорной датировкой для них являются сведения об изготовлении девяти золотых сфероконических пуговиц из собрания Оружейной палаты – около 1627 г. Ажурный корпус орнаментирован сплошь эмалью в завитково-растительном стиле, розетками из рубинов и алмазов (рис. 1, 11).

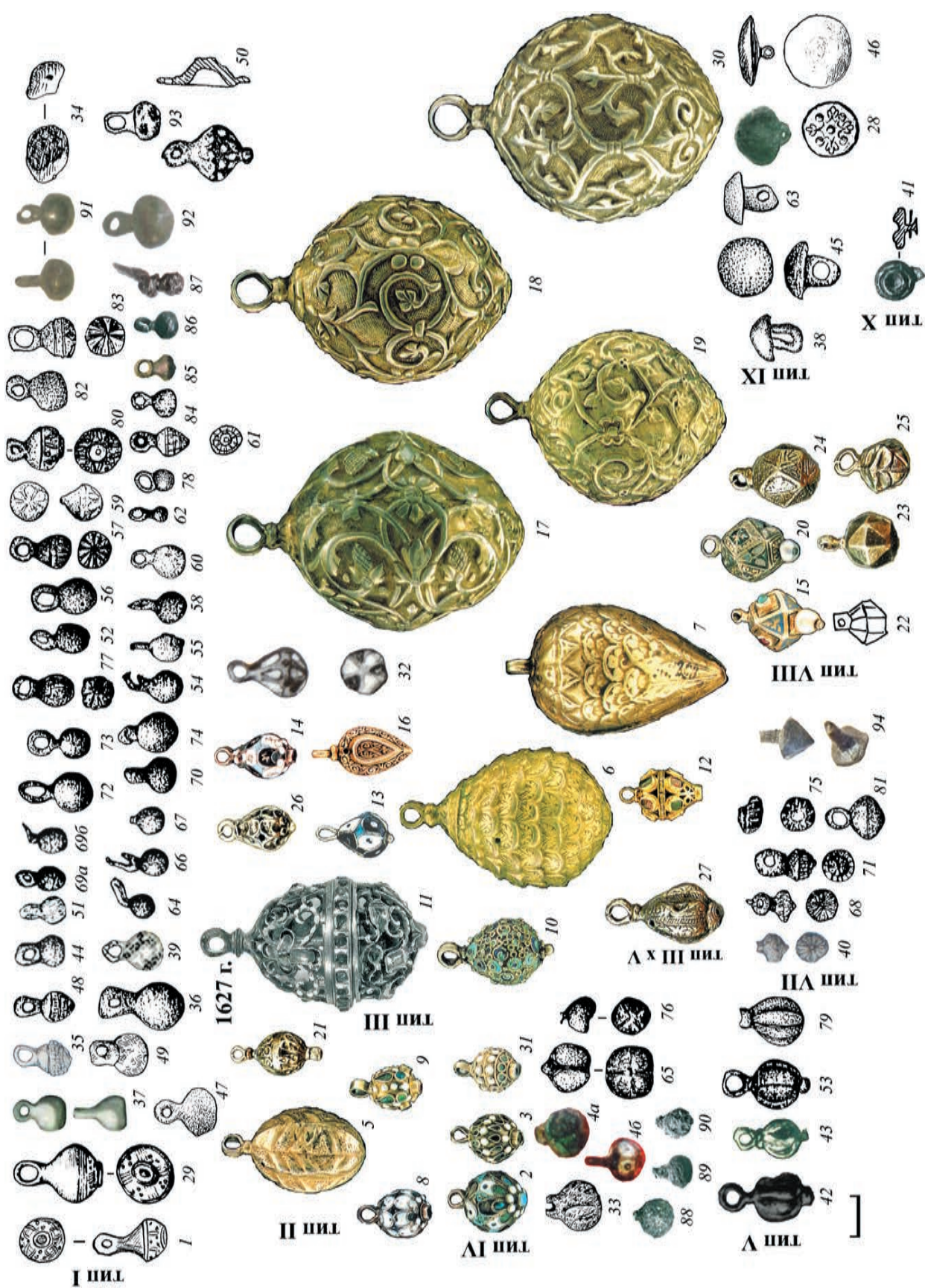
В основном такие формы пуговиц происходят из музейного материала. Но есть примеры происхождения их и из археологического: пуговица с эмалевыми вставками найдена в слое XVII в. Москвы из раскопок на Манежной площади (рис. 1, 32).

Среди дорогих пуговиц можно выделить формы овальных в продольном сечении – тип II (рис. 1, 5, 8, 9, 11). Встречаются и шарообразные – тип IV (рис. 1, 2–4, 31, 33, 65, 76, 88–90). Можно указать важные совпадения музейного и археологического материала: две бронзовые шарообразные пуговицы происходят из раскопок во Владимире (яма

¹ Благодарю авторов раскопок Л. А. Беляева, Д. А., Кабаева, Т. Ф. Мухину, С. В. Томсинского, а также коллектив ЦАИ-ГУОПМ за возможность использовать археологический материал из отчетов. Благодарю М. Н. Фурсова, заведующего отделом «Археология» МОММ, за предоставленную возможность работы с археологическим материалом.

² Отделы пуговиц выделены по технологии и конструкции корпуса пуговицы: 1 – проволоочно-каркасная – на проволоочный каркас напаяются декоративные элементы или декоративные элементы образуют каркас; 2 – со сплошной поверхностью, полая внутри (как правило, тисненая, чеканная); отдел 3 – ажурная; отдел 4 – со сплошной поверхностью и телом (как правило, литая).

с материалом XVII в.), одна из них с полихромной эмалевой инкрустацией (рис. 1, 4а, 4б).

Более просто оформленные шарообразные пуговицы также найдены в московских слоях XVII в. в Белом городе на ул. Дмитровка (рис. 1, 65, 76).

Лопастные пуговицы (тип V) происходят из археологического материала (рис. 1, 42, 43, 53, 79) Москвы: Манежная площадь (слой XVII в.), Садовое кольцо, Театральная площадь (перекоп от XVI–XVII вв.), Белый город (ул. Дмитровка, слой первой половины XVII в.; слой XVII в. с находками XVI в.).

Пуговицы II, IV и V типов по форме приближаются к сферо-коническим III типа, иногда их трудно четко разделить.

Среди граненых пуговиц (тип VIII) известны обильно орнаментированные эмалью, а также с гладкими гранями или украшенные рельефным и линейным орнаментом (рис. 1, 15, 20, 22–25). Одна из пуговиц с гладкими гранями происходит из раскопок в кремле Суздаля (рис. 1, 22)³.

Большую долю в это время продолжают составлять грушевидные пуговицы (тип I), для которых можно отметить продолжение различных модификаций по форме, характерных и для предшествующего периода (Жилина, 2019. Рис. 3). Значительная часть сохраняет классическую грушевидную форму с выделением в верхней части более узкого сферического объема (рис. 1, 1, 29, 39, 57, 77, 80, 82, 83). В других случаях характерная форма сохраняется в основном благодаря крупной вытянутой петле (рис. 1, 36, 44, 49, 52, 56, 72, 91–93). Некоторые формы приближаются к биконическим (рис. 1, 35, 37, 48, 50, 59, 61, 85), намечается уплощение

нижней части (рис. 1, 37, 47). И, наконец, для очень многих пуговиц характерно выделение шарообразного объема в нижней части (рис. 1, 54, 55, 58, 60, 64, 66, 67, 70–74, 78, 91, 92). Петля в ряде случаев становится равна примерно половине длины пуговицы (рис. 1, 62, 64, 66, 72, 73, 78).

Наряду с овальными петлями используются угловатые, подпрямоугольные и многоугольные (рис. 1, 22, 57, 77, 80, 83, 84).

Для целого ряда приведенных в таблице пуговиц типа I можно указать стратиграфическую дату первой половины XVII в. Это довольно крупный комплекс пуговиц из раскопок в Москве на ул. Дмитровке, 17 (рис. 1, 36, 48, 50, 52, 55–62); а также пуговицы с территории Кадашевской слободы (рис. 1, 49, 51); Вознесенского пер. из Занеглименья (рис. 1, 82, 83); Трехсвятительского пер. (рис. 1, 86, 87).

Выделяется серия московских биконических пуговиц, сформировавшихся на базе грушевидной формы – тип VII (рис. 1, 40, 68, 71, 75, 81, 94). Эти пуговицы, как правило, делятся на две части по горизонтали, орнаментируется преимущественно заостренная нижняя часть. Большинство этих пуговиц происходит из раскопок на ул. Дмитровке, 17, одна из них имеет стратиграфическую дату первой половины XVII в. (рис. 1, 40).

Грибовидные пуговицы все еще не составляют большинства – тип IX (рис. 1, 28, 38, 45, 46, 63). Из этой московской серии более половины пуговиц имеют дату первой половины XVII в. или тяготеют к ней: из раскопок на Кадашевской наб. (рис. 1, 38); в Вознесенском пер. (рис. 1, 45); в Климентовском пер. – с территории Большой Татарской ул. (рис. 1,

Рис. 1. Пуговицы 1-й пол. XVII в.

1, 22 – Суздаль, кремль (Седова, 1988а. С. 91, 109, 110, 15; 1988в. Л. 12. Рис. 43: 5; 1988б. Л. 13об. Рис. 26: 11); 2, 3, 5–10, 12–20, 30, 31 – ГИМ (Русские ювелирные... 1987. № 31, 38, 55, 24, 53, 56, 39, 30, 60, 36, 59, 58, 57, 23, 20, 21, 54, 22, 35. С. 34–36, 38, 40, 41, 46, 48–50); 4, 93 – Владимир (Кабаев, 2001. С. 16, 69. Рис. 33, 8, 9; Седова, Мухина, 1993. С. 21, 22, 137, 71); 11 – ГОП (Мартынова, 2002. С. 87. № 56–64); 21, 23–27 – ГВСИАХМЗ (Золотая кладовая, 2008. С. 77. № 57); Москва – 28 – Овчинная Конюшенная слобода (Векслер, 1978а. С. 6, 10; 1978б. Л. 6об. Ил. 12. Табл. 1, 2); 29 – Романов двор (Археология... 2009. Рис. 144, 13); 32, 42, 94 – Манежная пл. (Векслер, 1994а. С. 518, 519; 1994б. Л. 16. Ил. 431. Табл. 2, 1; 1995а. С. 62, 63, 65, 66; 1995б. Л. 40. Ил. 71. Табл. 2, 3; МОММ № 33288/31 – фото Н.В. Жилиной); 33–35, 38, 49, 51 – Кадашевская наб. (Векслер, 2002а. С. 1, 40–43, 34, 67, 54, 73; 2002б. С. 92, 97, 128, 115. Ил. 104, 20; 139, 183; 109, 50; С. 115. Ил. 127, 110; Векслер, 2000в. С. 64, 65, 245, 81, 83, 266); 36, 40, 48, 50, 52, 53–62, 64–79 – ул. Дмитровка (Векслер, 2002и. С. 31, 14, 18, 19, 20, 23, 26, 30, 38, 50, 52, 54–57, 60, 62, 65, 67, 68, 70, 71, 77, 81, 82, 84, 87, 128–130; 2002к. С. 30, 37, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 49, 50, 70, 73, 75, 77, 87, 88, 147; 2002о. С. 74, 75, 79, 158); 37 – ул. Волхонка (Векслер, 1988а. С. 25, 26, 63; 1988б. Л. 44. Рис. 44, 5); 39, 84, 91, 92 – Коломенское (Векслер, 2000а. С. 5, 22; 2000б. С. 98; 2002с. С. 20, 121; 2002г. С. 74; Векслер, Беляев, 2003. С. 74, 104, 115, 108, 117); 41, 85–90 – Трехсвятительский пер. (Векслер, 2004е. С. 50, 51, 56, 62–65, 69, 74–77; 2004ж. С. 101, 102, 119, 122, 128); 43 – Садовое кольцо (Векслер, 1996г. С. 59; 1996д. Л. 17. Ил. 37. Табл. 6, 4); 44, 80, 81 – Молочный пер. (Векслер, 2002н. С. 12, 13, 18, 27, 29, 38, 97, 104, 107); 45, 82, 83 – Вознесенский пер. (Векслер, 2002п. С. 90, 95, 100, 101; 2002р. С. 3, 16, 20); 46, 47 – Климентовский пер. (Векслер, 2004в. С. 102, 119; 2004г. С. 114. Ил. 102, 38; 2004д. С. 93. Ил. 193); 63 – ул. Гончарная (Векслер, 2002е. С. 54, 55; 2002ж. Л. 117)

³ Перемешанный слой содержит материал XIII–XVII вв.

46); из Заязюзя (рис. 1, 63). Не все эти пуговицы приобрели уплощенную форму, а имеют пропорционально длинную петлю, сходную с петлей грушевидных пуговиц, а также шляпку небольшого диаметра (рис. 1, 38, 45, 63). У некоторых изменение формы уже дало свои результаты: петля пропорционально уменьшилась, шляпка, наоборот, уплодилась и расширилась, хотя и сохраняет профильно-объемный характер (рис. 1, 28, 46).

Большое количество грушевидных пуговиц остается неорнаментированным, демонстрируя красоту гладкой металлической поверхности (рис. 1, 91–93).

На некоторых пуговицах типов I, IV и VII представлен геометрический орнамент невысокого рельефа (рис. 1, 1, 29, 47, 57, 59, 61, 77, 80, 83 (тип I); 67 (тип IV); 40, 68, 71, 75 (тип VII). Орнаментация более связана с нижней частью пуговицы и состоит из розеток, лепестковых фигур и бордюров. На крупных чеканных и гравированных пуговицах также использован геометрический и простейший растительно-лепестковый орнамент (рис. 1, 5, 7, 24). На крупных пуговицах развивается завитково-растительный орнамент (рис. 1, 17–19). Многоцветная эмаль стала основной техникой орнаментации дорогих пуговиц. В этот период эмалевая орнаментация сохраняет геометризм, в том числе и в рамках растительно-завиткового орнамента (рис. 1, 2, 3, 8, 10–13, 31).

Середина – вторая половина XVII в. (151 экз.: в том числе 39 экз. из музейного и 112 – из археологического материала). По материалу этого периода особенно хорошо видна разница двух основных

отделов пуговиц, сказывающаяся в величине, назначении и художественном оформлении.

Сферо-коническая форма (тип III) широко бытует, но это последний период ее востребованности (рис. 2, 1–9, 31, 32).

В чеканке, эмали и филигрании крупных пуговиц наблюдается натуралистичный растительный орнамент (рис. 2, 1, 4, 6). Иногда сами пуговицы отображают форму плодов или цветов (рис. 2, 5, 7, 9). Менее крупные пуговицы характеризуются геометрическим или геометризованным орнаментом (рис. 2, 2, 3, 31, 32).

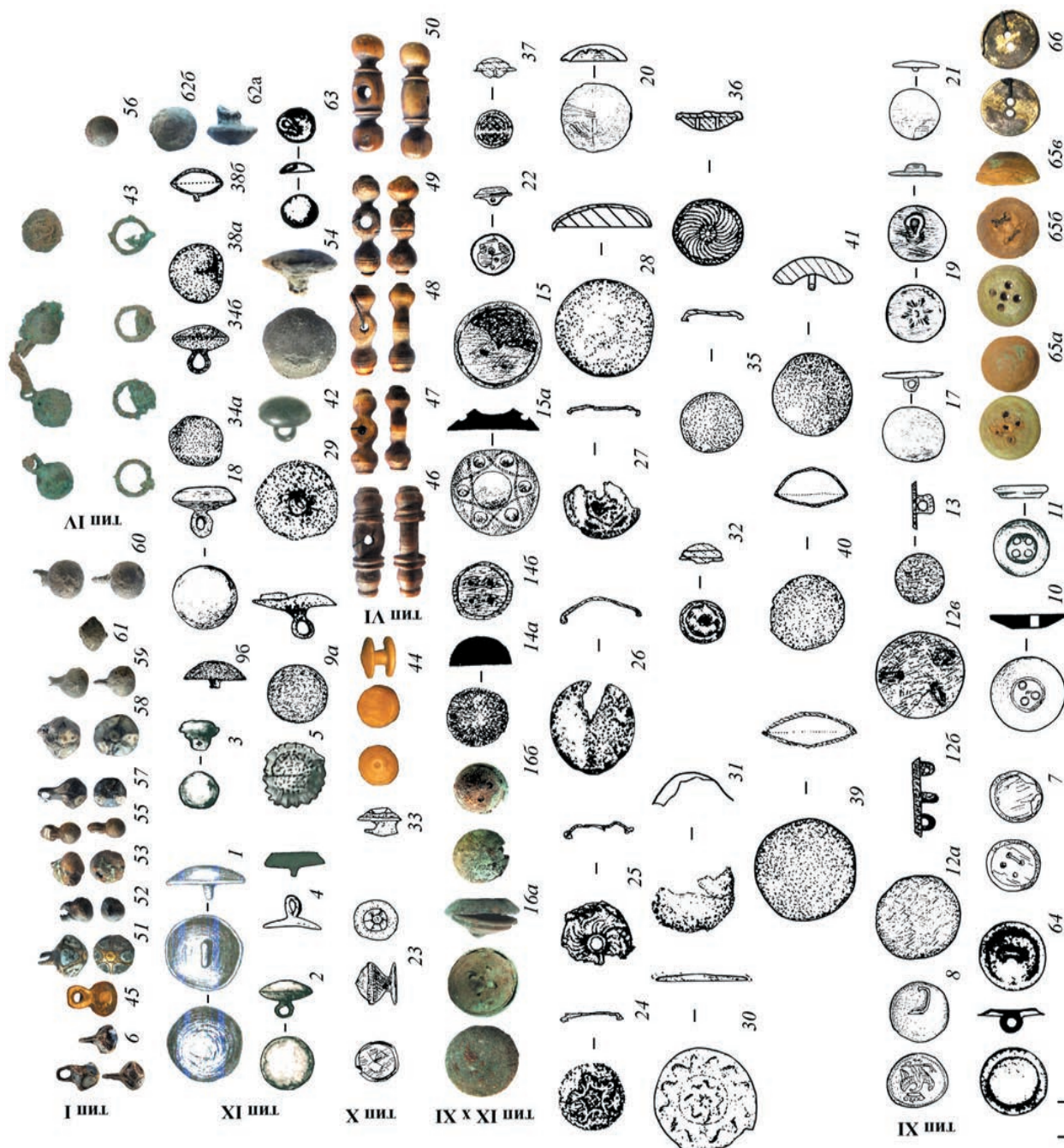
Близка к сферо-коническим по форме и орнаментации пуговица типа II (овально-коническая в сечении) из раскопок в Москве на ул. Знаменке из слоя последней четверти XVII в. (рис. 2, 63). Часть аналогичной пуговицы найдена в Москве, в Турчаниновом пер. в слое конца XVII – начала XVIII в. (рис. 2, 81). Пуговицы данных типов использовались в дорогом костюме.

Массово сохраняются грушевидные пуговицы, которые, по-видимому, долго использовались в более демократическом костюме (рис. 2, *тип I*). Практически все они происходят из археологического материала. У подавляющего большинства московских пуговиц подтверждается стратиграфическая датировка второй половиной XVII в. Это относится к пуговицам с Романова двора (рис. 2, 11, 24, 25–28); Кадашевской набережной и территории Кадашевской слободы (рис. 2, 12, 33, 34, 64–68, 84–89⁴); ул. Дмитровка (рис. 2, 39, 43, 91–101, 103–105); Большого Трехсвятительского пер. (рис. 2, 72).

Рис. 2. Пуговицы 2-й пол. XVII в.

1–4, 8, 9 – ГИМ (Русские ювелирные... 1987. № 28, 29, 33, 18, 19, 25. С. 32, 34, 36–38, 40); 5–7, 31, 32 – ГОП (Мартынова, 2002. № 261, 256–260, 107–114, 374–384. С. 121, 213, 282); 10, 107 – Владимир (Мухина, 1994а. С. 8–14; 1994б. Л. 30. Рис. 44, 7; Седова, Мухина, 1993. С. 40–43, 189, 303); Москва – 11, 24–30 – Романов двор (Археология... 2009. Рис. 144, 3, 4, 5, 8, 9, 12, 19, 11); 12, 13, 33, 34, 37, 43, 64–68, 82–90 – Кадашевская наб. и пер. (Векслер, 2000в. С. 49, 50, 53, 55, 60, 230, 236; 2002а. С. 1, 34, 66, 67; 2002б. С. 90, 91, 94, 95, 109, 115, 124. Ил. 102, 10, 9; 107, 43; 103, 11а, 16, 17; 106, 37; 121, 83; 127, 109, 111; 135, 162; 2000е. С. 26, 31, 163); 14 – Старая Рязань (Даркевич, 1994. С. 186. Рис. 3, 2); 15–19 – Троице-Сергиева лавра (Энговатова, Зеленцова, 2005. С. 82, 87. Рис. 5, 7, 2, 5, 6, 4); Москва – 20, 36 – Казачий пер. (Векслер, 2000д. С. 33, 34, 130, 131); 21 – ул. Народная (Векслер, 2002д. С. 22–24, 196); 22 – ул. Гончарная (Векслер, 2002е. С. 106, 107; 2002з. С. 84. Табл. VI, 2); 23, 106 – Манежная пл. (Векслер, 1994а. С. 28–31, 33, 34; 1994б. Л. 16. Ил. 431, табл. 2, 2, 4); 35, 81 – Турчанинов пер. (Векслер, 2000г. С. 29–31, 84); 38–42, 46, 91–105 – ул. Дмитровка (Векслер, 2002о. С. 32, 39, 49, 50, 56, 59–62, 128, 145, 150, 192; 2002и. С. 12, 14, 17, 26, 28, 38, 46–48, 52; 2002к. С. 15, 16, 22, 23, 25, 69); 44, 45 – ул. Якиманка (Векслер, 2002в. С. 18–22; 2002г. Л. 2); 47, 70–76 – Большой Трехсвятительский пер. (Векслер, 2004д. С. 16–22, 40, 41, 43; 2004е. С. 84, 86, 87, 93, 94); 48–51, 54–62, 78–80 – Коломенское (Векслер, 2000а. С. 34–37; 57, 58; 2000б. С. 128; 2002с. С. 19, 20, 22, 23, 27, 43–46, 59, 69, 77–79, 109, 115, 120, 121, 124, 125, 127–130, 132, 134; 2002т. С. 70, 72, 74, 83, 86, 87, 89, 103, 107; Векслер, Беляев, 2003. С. 23, 74, 115); 52 – Овчинниковская наб. (Векслер, 2002л. С. 40–44; 2002м. С. 45); 53 – Молочный пер. (Векслер, 2002н. С. 34, 114); 63 – ул. Знаменка (Векслер, 2004а. С. 38; 2004б. С. 43); 69 – Климентовский пер. (Векслер, 2004в. С. 89, 92; 2004г. С. 60. Ил. 163); 77 – ул. Ильинка (Векслер, 1997а. С. 302, 314–317; 1997б. Ил. 187, табл. 21, 8)

⁴ Для некоторых датировка продолжается в начало XVIII в. (рис. 2, 67, 68, 84–87).

Пуговицы из слоев Старого Государева двора в Коломенском по археологическим материалам и письменным сведениям о строительстве также относятся ко второй половине XVII в. (рис. 2, 48–51, 54–62)⁵. Серия пуговиц из погребений Троице-Сергиевой лавры (рис. 2, 15–19) датируется серединой – второй половиной XVII в. Пуговица типа I известна также во Владимире (рис. 2, 10).

Можно отметить продолжение изменений в форме пуговиц, известных и в первой половине столетия. Основные части многих пуговиц приближаются к шарообразной форме (рис. 2, 22, 26, 27, 33, 43, 49, 61, 64–66, 72, 85, 87, 92, 94, 98–101, 103–106).

Довольно много представлена и биконическая форма, четко выраженная или сглаженная (рис. 2, 15–19, 23, 30, 34, 48, 56, 58, 77). Нижняя часть некоторых пуговиц заострена и дополнена шипом (рис. 2, 42, 50, 55, 83, 89, 100). Такие модификации сближают грушевидную и сферо-коническую форму.

Можно отметить уплощение нижней части пуговиц (рис. 2, 48, 51, 54, 58, 59, 60). У единичных примеров петля становится более плоской относительно сферического объема нижней части пуговицы (рис. 2, 11, 24). Эти модификации отражают переход к грибовидной форме пуговиц.

Многие грушевидные пуговицы сохранили типичные овальные петли (рис. 2, 10, 12, 15–18, 51, 54, 56, 87 и др.). Но есть группа с отчетливо выделенной круглой петлей, несколько оттянутой от основного корпуса пуговицы, иногда это совпадает с шарообразной формой основного объема (рис. 2, 22, 23, 26–28, 30, 43, 57, 84, 93).

На грушевидных пуговицах орнаментация, как правило, геометрическая. Верхняя и нижняя части

пуговицы, а иногда только нижняя орнаментируется розетками (рис. 2, 17, 18, 28, 51, 54–56).

Некоторые пуговицы можно причислить к шаровидной форме – тип IV, как правило, они оставлены гладкими (рис. 2, 45, 70, 71, 73, 75, 76). Большинство их происходит с территории Большого Трехсвятительского пер. в Москве и связывается со слоем второй половины XVII – начала XVIII в.

Единично представлена лопастная форма – тип V с продольной орнаментацией. Пуговицы найдены при раскопках в Москве на ул. Дмитровке и связываются со слоем середины – второй половины XVII в. (рис. 2, 40, 41). Такая форма, известная по более раннему времени, уходит в прошлое.

Встречена палочковая пуговица – тип VI (рис. 2, 102). Есть пример граненой пуговицы типа VIII (рис. 2, 74).

В этот период больше становится грибовидных пуговиц, в целом плотнее прилегающих к ткани. Пока эти пуговицы не получили стандартных форм, многие из них сохраняют пропорционально большую петлю (рис. 2, 21, 35⁶, 36, 53, 46, 107); характеризуются объемной и широкой полусферической шляпкой (рис. 2, 21, 37, 44, 53, 79, 106, 107). Однако можно указать примеры уплощения шляпки (рис. 2, 38, 46). Пуговицы, найденные в Москве на ул. Дмитровке и Манежной площади, в Коломенском связываются со второй половиной XVII в. (рис. 2, 46, 79, 80, 106); однако большинство пуговиц допускает дату, переходящую в XVIII в.

Встречена бидисковидная форма пуговиц-заклепок, отдельные примеры которой были известны по более раннему материалу – тип X (рис. 2, 14, 47, 82). Одна вещь связывается с усадьбами

Рис. 3. Пуговицы кон. XVII – XVIII в.

Москва – 1 – ул. Дмитровка (Векслер, 2002о. С. 24, 28, 176); 2, 3 – Театральная пл. (Векслер, 1996г. С. 57, 60, 136, 137; 1996д. Л. 17, 41об. Ил. 37, табл. 6, 6; 99, табл. 13, 6); 4 – Малый Толмачевский пер. (Векслер, 1996е. С. 9; 1996ж. Л. 23об. Ил. 26, 4); 5 – ул. Ильинка (Векслер, 1997а. С. 216, 217, 229, 355; 1997б. Л. 131об. Ил. 176, табл. 10, 11); 6 – Котельнический пер., наблюдения (МОММ, № 29068/4 – фото Н.В. Жилиной); 7 – ул. Остоженка (Векслер, 1997в. С. 37, 38; 1997г. Л. 90. Ил. 61); 8 – ул. Гончарная (Векслер, 2002е. С. 19; 2002ж. Л. 86); 9, 10 – Овчинниковская наб. (Векслер, 2002л. С. 22, 25, 31, 32, 36; 2002м. С. 38, 45); 11 – Молочный пер. (Векслер, 2002н. С. 12, 13, 97); 12–15, 24–41 – Коломенское (Векслер, 2002с. С. 29, 31–33, 43, 44, 75, 125, 134; 2002т. С. 74, 80, 83, 92; 2000а. С. 61–63, 66–70; 2000б. С. 159–163); 16 – Богоявленский мон-рь (Беляев, 1989. С. 124; МОММ № 28392/48, 49, 50 – фото Н.В. Жилиной); 17–21 – Климентовский пер. (Векслер, 2004в. С. 34, 47, 74, 78, 95, 100, 119; 2004г. С. 50, 87. Ил. 46, 81; 2004д. С. 19, 72, 82. Ил. 128, 182, 173); 22, 23 – Углич (Томсинский, 1997. С. 2, 3, 34, 44, 45); 42, 43 – Суздаль (Седова, 1986. С. 41–53, 109, 125. Рис. 18, 6; Нестерова, 2001. С. 16–18, 28, 29. Рис. 15, 16); 44, 45 – Александров (Томсинский, 2006. С. 7, 11, 42, 43, 86, 91); 46–62 – Москва, Моисеевский мон-рь (Векслер, 1996а. С. 70, 87, 88, 90, 92, 93, 119, 120, 127, 129, 133, 134, 160, 178; 1996б. С. 4; МОММ, № 33287); 63, 64 – Казачий пер. (Векслер, 2000д. С. 28, 32, 129); 65, 66 – Манежная пл. (Векслер, 1994а. С. 33; МОММ, № 33290/401; Векслер, 1996в. С. 542; МОММ, № 33289/60 – фото Н.В. Жилиной)

⁵ Пуговицы найдены в комплексе Бурниковой палаты, Фряжского погребца (рис. 2, 56–58), Скатерной (рис. 2, 59, 60), Ключничьей (рис. 2, 61).

⁶ Данная пуговица выглядит как продолжение изменения грушевидной формы (рис. 2, 11, 24, 35).

второй половины XVII в. из Старой Рязани (рис. 2, 14). Московские примеры с территории Кадашевской слободы и Большого Трехсвятительского пер. в Москве относятся к слоям второй половины XVII – XVIII в. (рис. 2, 47, 82).

Появляются плоские дисковидные пуговицы на перпендикулярной петле, пока их немного (рис. 2, 20, 29, 69, 78). Пуговица с Романова двора дает стратиграфическую дату второй половины XVII в. (рис. 2, 29). Пуговицы из Казачьева и Климентовского пер. (Большая Татарская ул.) и из Коломенского допускают переход времени бытования в XVIII в. (рис. 2, 20, 69, 78).

Конец XVII – первая половина XVIII в. (81 экз. из археологического материала). Рассмотрение материала данного периода важно для понимания итога развития пуговиц. Пуговицы приспособляются к застежке на прорезные петли, застежки с воздушными петлями уходят в прошлое. Переходу к новым формам пуговиц способствовала и смена костюма в эпоху Петра I. В целом стали преобладать низкие по пропорциям пуговицы и плоскостные формы. Основными типами, широко востребованными с этого времени, являются грибовидные и дисковидные пуговицы.

Несмотря на перемены, к началу – середине XVIII в. известно довольно много пуговиц типа I – грушевидных. Представительная серия найдена при раскопках некрополя Моисеевского монастыря в Москве, существовавшего с конца XVII по 70-е годы XVIII в. (Векслер, 1996а. С. 24–35; 1996б. С. 171–176, 216) (рис. 3, 51–53, 55, 57–61). К XVIII в., вероятно, относится пуговица из Александра (рис. 3, 45).

В орнаментации наиболее красивых экземпляров ощутимо продолжение традиций роскошного оформления XVII в.: округлые разноцветные эмалевые вставки составляют в композиции розетки геометрический орнамент, соответствующий слегка граненой форме пуговицы (рис. 3, 53, 57, 58). Этим пуговицам аналогичен экземпляр из наблюдений в Москве (рис. 3, 6). Как и ранее, есть формы, близкие к шарообразным (рис. 3, 59, 60), биконическая (рис. 3, 61); уплощенная (рис. 3, 52).

Сохраняются шарообразные пуговицы, датируемые от конца XVII по 70-е годы XVIII в.: Моисеевский монастырь, Рождественский собор г. Суздаля (рис. 3, 43, 56). Пуговицы облачения из склепа епископа Геннадия из суздальского собора (ум. в 1775 г.) сохранились вместе с круглыми петлями (рис. 3, 43).

Происхождение этих материалов показывает, что уходящие в прошлое типы пуговиц, соответствовавшие застежке на воздушные петли, сохранялись в более простом или архаичном костюме.

Грибовидные пуговицы данного периода не всегда отличаются рациональностью конструкции, часто состоят из нескольких частей, имеют объемную головку, иногда двустороннюю (рис. 3, 2, 3, 18, 34, 38, 42, 54, 63). Иногда доходят не полные пуговицы, а отдельные части, например, часть с петлей, пришиваемая к ткани (рис. 3, 4, 29). Петли остаются довольно крупными и длинными (рис. 3, 2, 4, 18, 29, 34, 54, 63). Пример с массивной петлей сохраняет сходство с грушевидной формой (рис. 3, 62). Но постепенно происходит рационализация конструкции, полусферические головки становятся однослойными (рис. 3, 1, 9), а также обнаруживают тенденцию к уплощению (рис. 3, 3, 5, 18). Пуговицы из раскопок в Москве на ул. Дмитровке, Театральной площади и из Коломенского относятся к началу – первой половине XVIII в. (рис. 3, 1–3, 29, 34, 38), другие датируются в рамках XVIII в. (рис. 3, 4, 5, 9). Пуговицы из Казачьего пер. и Моисеевского монастыря в Москве, а также из Суздаля соответствуют рассматриваемому периоду – концу XVII – началу – середине XVIII в. (рис. 3, 42, 54, 62).

Можно выделить вариант пуговиц, занимающий переходное место между типами грибовидных и дисковидных: с конусовидно-полусферическим корпусом, без петли, с отверстиями для пришивания (рис. 3, 16). Эти пуговицы состоят из нескольких частей, сохраняют объемность, сходную с головкой грибовидных пуговиц, но уже пришиваются через отверстия, сделанные только в той части пуговицы, которая примыкает к ткани. Чтобы пришивание было возможно, примыкающая часть должна оставаться профильной, конусовидной. Наружная часть не имеет отверстий, сохраняет полусферическую форму и остается похожей на головку грибовидной пуговицы (рис. 4, 1ж).

Свои основные части сохранили пуговицы из склепов некрополя Богоявленского монастыря в Москве⁷, они датируются от XVIII в. (Беляев, 1989. С. 124) (рис. 3, 16; 4, 1в, 12д, 16в). Изучено 13 фрагментов и частей не менее чем от 10 пуговиц более крупного размера (рис. 4, 1–11, 17) и 5 фрагментов не менее чем от четырех экземпляров меньшего размера (рис. 4, 12–16).

На примере этой серии удалось подробно изучить конструкцию. Конусовидная часть пуговицы, при-

⁷ Пуговицы хранятся в МОММ: № 28392.

Рис. 4. Серия пуговиц из раскопок Богоявленского монастыря в Москве (МОММ, № 28392/48, 49, 50).
Фото Н.В. Жилиной

мыкавшая к ткани, состоит из двух плотно соединенных слоев, внутреннего металлического и наружного, вторящего ему, слоя из папье-маше (рис. 4, 1а, 1б, 2). В этой части проделаны четыре отверстия для пришивания. В отверстиях сохранились расположенные крест-накрест нитки, которыми пуговицы были пришиты (рис. 4, 3–10, 12–15). Металлическая часть пуговицы, выступавшая из петли одежды, име-

ет полусферическую или слегка уплощенную форму (рис. 4, 1б, 1ж, 9, 16б). Пространство между двумя частями занимает заполнение из папье-маше, выполненное по форме пуговицы (рис. 4, 1д, 1е, 17). Вероятно, такую же конструкцию имели пуговицы из Коломенского и Углича XVIII в. (рис. 3, 14, 22, 37).

Поскольку конструкция не обладала прочным скреплением, пуговицы часто распадалась на ча-

Рис. 5. Контрасты петель и пуговиц XVII в. (фото Н. В. Жилиной)

1 – фр-т застежки из воздушных петель из погребения, материалы Д. Я. Самоквасова (ГИМ, № 76990, оп. 1011/127); 2 – пуговица из экспозиции Грозовой башни Смоленского кремля (МВИ РВИО); 3 – керамическая фигурка XVI в. (Жилина, 2015. Рис. 13, 3); 4 – сфероконическая пуговица из собрания ГОП; Москва, археологический материал – 5 – Моисеевский мон-рь; 6 – грибовидная пуговица, Климентовский пер.; 7 – Манежная пл.; 8 – фр-т группового портрета участников русского посольства в Англию 1662 г. ГРМ (Русские ювелирные... 1987. С. 33).

сти: в находках обнаружилось довольно много отделившихся частей, чаще всего – наружных полусферических (рис. 3, 15, 20, 24–28, 30–32, 35–36, 65). Большинство этих деталей происходит из Коломенского и относится к началу – первой половине XVIII в. Конструкция и тип ряда пуговиц этого же времени и происхождения остается неясной: либо грибовидные, либо относятся к описанному промежуточному варианту (рис. 3, 39–41). Головки таких пуговиц часто оставались гладкими, иногда

орнаментировались: композиции прямолинейной или криволинейной розетки (рис. 3, 24, 25, 35).

Раскопки Моисеевского монастыря дали замечательную подборку костяных фигурных точеных палочковых пуговиц прекрасной сохранности, происходящих из женских погребений (рис. 3, 46–50). В соответствии с датой некрополя пуговицы относятся к периоду конца XVII – 70-х гг. XVIII в.⁸. Такие пуговицы единично были известны и в более ранних слоях, скорее всего, они использовались для верхней одежды.

⁸ Пуговицы хранятся в МОММ: № 33287.

Бидисковидная форма (тип X) представлена пуговицами-заклепками или запонками. Изделие со стеклянной вставкой из Углича относится к слоям XVIII в., вещь из Коломенского с геометрической розеткой – к первой трети – первой половине XVIII в., деревянная заклепка из Александра – к началу XVIII в. (рис. 3, 23, 33, 44).

Итоговой формой развития пуговиц является рациональная плоская или дисковидная. На первых формах дисковидных пуговиц, как и на более ранних типах, используются петли в количестве до трех (рис. 3, 8, 12, 13, 17, 19, 21, 63). Даты этих пуговиц из Москвы в целом соответствуют XVIII в. Более определенную стратиграфическую ситуацию, соответствующую рассматриваемому периоду, имеют пуговицы из Казачьего и Климентовского пер., а также из Коломенского – конец XVII – начало XVIII в. (рис. 3, 13, 21, 63).

В конце XVII в. появились дисковидные пуговицы с принципиально другим способом прикрепления: со сквозными отверстиями. Основной период их распространения, по-видимому, XVIII в. От двух до четырех отверстий имеют пуговицы, найденные на улицах и Манежной площади в Москве (рис. 3, 7, 10, 11, 66).

Таким образом, параллельно с развитием застежки и конструкции одежды (от стыкующихся пол к полам с запахом) пуговицы развиваются от объемных и свисающих форм к уплощенным и дисковидным, приспособляясь к застежке на прорезные петли (рис. 5). Актуальными все более становятся типы грибовидных (IX) и дисковидных (XI) пуговиц. Наблюдаются разновидности пуговиц, переходные к дисковидному типу. Закрепление пуговиц к одежде с конца XVII – XVIII в. переходит от способа пришивания за петли к способу пришивания через сквозные отверстия.

В костюме широких слоев населения вплоть до начала XVIII в. сохраняются грибовидные и шаровидные пуговицы (типы I, IV). Для их ornamentации используется геометрический орнамент в композиции розетки.

Художественное оформление наиболее дорогих пуговиц движется от геометрических и завитковых орнаментов к растительным, ко второй половине XVII в. все более натуралистичным. Крупные нарядные эмалевые пуговицы вносят свой вклад в стиль русского узора XVII в.

Литература

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

Беляев Л. А., 1989. Отчет о результатах археологических исследований в ходе реставрации памятника истории и культуры собора Богоявленского монастыря в г. Москве за 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12672.

Векслер А. Г., 1978а. Отчет об археологических раскопках в Ср. Овчинниковском пер. в г. Москве в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6750.

Векслер А. Г., 1978б. Иллюстрации к отчету об археологических раскопках в Овчинниковском пер. в г. Москве в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6750а.

Векслер А. Г., 1988а. Отчет об археологических раскопках на объектах, связанных со строительными и реставрационными работами в г. Москве в 1987 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12014.

Векслер А. Г., 1988б. Иллюстрации к отчету об археологических работах на территории развития Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в 1987 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 12014.

Векслер А. Г., 1994а. Отчет об охранно-археологических раскопках на Манежной площади в Москве в 1993 г. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 17708.

Векслер А. Г., 1994б. Альбом иллюстраций к отчету А. Г. Векслера об археологических работах на Манежной площади в Москве в 1993 г. Т. 4 / Архив ИА РАН. Р-1. № 17713.

Векслер А. Г., 1995а. Отчет об охранных археологических исследованиях на Манежной площади в 1994 году. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 18722.

Векслер А. Г., 1995б. Альбом к отчету об охранных археологических исследованиях на Манежной площади в 1994 году. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 18723.

Векслер А. Г., 1996а. Отчет об охранных археологических работах в 1995 году. Т. 1. Кн. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19607.

Векслер А. Г., 1996б. Отчет об охранных археологических работах в 1995 году. Т. 1. Кн. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19609.

Векслер А. Г., 1996в. Отчет об охранных археологических работах в 1995 году. Т. 1. Кн. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19611.

Векслер А. Г., 1996г. Отчет об охранных археологических работах в 1995 г. Т. 2. Кн. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19617.

Векслер А. Г., 1996д. Альбом к отчету об охранных археологических работах в 1995 г. Т. 2. Кн. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19618.

Векслер А. Г., 1996е. Отчет об охранных археологических работах в 1995 году. Т. 2. Кн. 5 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19623.

Векслер А. Г., 1996ж. Альбом к отчету об охранных археологических работах в 1995 году. Т. 2. Кн. 5 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19624.

Векслер А. Г., 1997а. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. 1. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20392.

Векслер А. Г., 1997б. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. 1. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20393.

Векслер А. Г., 1997в. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. 2. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20394.

Векслер А. Г., 1997г. Альбом к отчету об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. II. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20395.

Векслер А. Г., 2000а. Отчет об охранных археологических раскопках Кормового двора на Старом Государевом дворе в Коломенском в г. Москве в 1999 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22463.

Векслер А. Г., 2000б. Альбом к отчету об охранных археологических раскопках Кормового двора на Старом Государевом дворе в Коломенском в г. Москве в 1999 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22464.

Векслер А. Г., 2000в. Исследования в Земляном городе в 1999 г. в г. Москве. Т. 1. Отчет о натурных охранно-археологических работах, связанных со строительством офисного комплекса зданий по адресу: Кадашевская наб., 16/18 / Архив ИА РАН. Р-1. № 22465.

Векслер А. Г., 2000г. Исследования в Земляном городе в 1999 г. в г. Москве. Т. 4. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством подземно-надземной многофункциональной автостоянки с нежилыми помещениями по Турчанинову пер., вл. 6 / Архив ИА РАН. Р-1. № 22468.

Векслер А. Г., 2000д. Исследования в Земляном городе в 1999 г. в г. Москве. Т. 5. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством жилого дома по адресу: 2-й Казачий пер., вл. 10 / Архив ИА РАН. Р-1. № 22469.

Векслер А. Г., 2000е. Исследования в Земляном городе в 1999 г. в г. Москве. Т. 6. Отчет о натурных

охранно-археологических исследованиях, связанных с реконструкцией и реставрацией здания библиотеки и архива ГТГ по 1-му Кадашевскому пер., д. 14/13, стр. 7 / Архив ИА РАН. Р-1. № 22470.

Векслер А. Г., 2002а. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством административного здания по адресу: Кадашевская наб., д. 30 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23365.

Векслер А. Г., 2002б. Альбом иллюстраций к отчету об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством административного здания по адресу: Кадашевская наб., д. 30 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23366.

Векслер, А. Г., 2002в. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством жилищно-коммерческого комплекса по адресу: ул. Б. Якиманка, вл. 22 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23367.

Векслер, А. Г., 2002г. Опись индивидуальных находок / Архив ИА РАН. Р-1. № 23368.

Векслер, А. Г., 2002д. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством административного здания по адресу: ул. Народная, д. 7 стр. 1, 2 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23370.

Векслер, А. Г., 2002е. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания с подземной автостоянкой по адресу: Гончарная ул., 13–17 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23371.

Векслер, А. Г., 2002ж. Альбом к отчету о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания с подземной автостоянкой по адресу: Гончарная ул., 13–17 в 2002 г. Ч. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23372.

Векслер, А. Г., 2002з. Альбом к отчету о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания с подземной автостоянкой по адресу: Гончарная ул., 13–17 в 2002 г. Ч. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23373.

Векслер А. Г., 2002и. Отчет об археологических исследованиях, связанных с реконструкцией здания Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко по ул. Б. Дмитровка, 17 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23375.

Векслер А. Г., 2002к. Альбом к отчету об археологических исследованиях, связанных с реконструкцией здания Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко по ул. Б. Дмитровка, 17 в 2002 г. Ч. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23378.

Векслер А. Г., 2002л. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством банковского делового центра по адресу: Овчинниковская наб., д. 22 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23381.

Векслер А. Г., 2002м. Альбом к отчету о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством банковского делового центра по адресу: Овчинниковская наб., д. 22 в 2002 г. Ч. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23383.

Векслер А. Г., 2002н. Отчет об археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 2. Археологические исследования в Земляном городе. Ч. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23538.

Векслер А. Г., 2002о. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 1. Археологические исследования в Белом городе. Ч. 4 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23542.

Векслер А. Г., 2002п. Отчет об археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 1. Археологические исследования в Белом городе. Ч. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23549.

Векслер А. Г., 2002р. Отчет об археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 1. Археологические исследования в Белом городе. Ч. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23552.

Векслер А. Г., 2002с. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 3. Археологические исследования на территории ГМЗ «Коломенское». Ч. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23553.

Векслер А. Г., 2002т. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 3. Археологические исследования на территории ГМЗ «Коломенское». Ч. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23555.

Векслер А. Г., 2004а. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания по адресу: г. Москва, ул. Знаменка, вл. 3, 5, 7, стр. 1, 2, вл. 9/12, стр. 1, 2 в 2003 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23569.

Векслер А. Г., 2004б. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания по адресу: г. Москва, ул. Знаменка, вл. 3, 5, 7, стр. 1, 2, вл. 9/12, стр. 1, 2 в 2003 г. Т. 3. М. 2004 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23571.

Векслер А. Г., 2004в. Отчет об охранных археологических исследованиях, в связи со строительством здания по адресу: г. Москва, Климентовский пер. вл. 2–4 – Б. Татарская ул., вл. 16/2 в 2003 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23575.

Векслер А. Г., 2004г. Альбом к отчету об охранных археологических исследованиях, в связи со строительством здания по адресу: г. Москва,

Климентовский пер. вл. 2–4 – Б. Татарская ул., вл. 16/2 в 2003 г. Т. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23576.

Векслер А. Г., 2004д. Альбом к отчету об охранных археологических исследованиях, в связи со строительством здания по адресу: г. Москва, Климентовский пер. вл. 2–4 – Б. Татарская ул., вл. 16/2 в 2003 г. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23577.

Векслер А. Г., 2004е. Отчет о предпроектных охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией и капитальным ремонтом здания с устройством подземной стоянки по адресу: г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 1–3, стр. 1 в 2003 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23583.

Векслер А. Г., 2004ж. Альбом к отчету о предпроектных охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией и капитальным ремонтом здания с устройством подземной стоянки по адресу: г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 1–3, стр. 1 в 2003 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23584.

Векслер А. Г., Беляев Л. А., 2003. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных с прокладкой дождевой канализации и дренажей в центральной части ГМЗ «Коломенское» / Архив ИА РАН. Р-1. № 23585.

Даркевич В. П., 1994. Усадьбы XVII в. в Старой Рязани // РА. № 1. С. 180–190.

Жилина Н. В., 2015. Застежки в костюме Московской Руси (предварительный очерк) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 227–253.

Жилина Н. В., 2019. Пуговицы в костюме Московской Руси второй половины XIII – начала XVII века // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 214–226.

Золотая кладовая. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Владимир: Аркаим. 128 с.

Кабаев Д. А., 2001. Отчет об археологических исследованиях в г. Владимире по адресу ул. Большая Московская, дом № 86 в 2000 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 25187.

Мартынова М. В., 2002. Московская эмаль XV–XVII веков. Каталог. М.: МЗ «Московский Кремль». 303 с.

Мухина Т. Ф., 1994а. Отчет о раскопках в г. Владимире в 1994 г. (ул. III Интернационала, д. 19) / Архив ИА РАН. Р-1. № 19635а.

Мухина Т. Ф., 1994б. Отчет о раскопках в г. Владимире в 1994 г. (альбом) / Архив ИА РАН. Р-1. № 19637.

Нестерова Н. В., 2001. Отчет о наблюдениях за земляными работами в Кремле г. Суздаля в 2001 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 25598.

Русские ювелирные украшения 16–20 веков. Из собрания Государственного ордена Ленина

Исторического музея / Науч. ред. М. М. Постникова-Лосева. М.: Советский художник, 1987. 344 с.

Седова М. В., 1986. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции за 1986 год. Т. I / Архив ИА РАН. Р-1. № 11962.

Седова М. В., 1988а. Отчет о раскопках в г. Суздале в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14100.

Седова М. В., 1988б. Альбом к отчету (без названия) / Архив ИА РАН. Р-1. № 14101.

Седова М. В., 1988в. Альбом к отчету (без названия) / Архив ИА РАН. Р-1. № 14102.

Седова М. В., Мухина Т. Ф., 1993. Отчет о раскопках в г. Владимире в 1992–1993 гг. (ул. III Интернационала – Торговые ряды) / Архив ИА РАН. Р-1. № 19630.

Томсинский С. В., 1997. Отчет об археологических раскопках в г. Угличе в 1997 г. Т. II / Архив ИА РАН. Р-1. № 20370.

Томсинский С. В., 2006. Отчет о раскопках Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2005 г. Т. II. Алексеевский монастырь (г. Углич Ярославской области) / Архив ИА РАН. Р-1. № 26358.

Энговатова А. В., Зеленцова О. В., 2005. Исследование участка кладбища XVI–XVII вв. на территории Троице-Сергиевой Лавры // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 78–87.

N. V. Zhilina

Buttons in a suit of Muscovy in 17th – early 18th centuries

Summary

A study of 337 buttons of this period made it possible to see that they develop from volumetric and drooping shapes to flattened and disk-like ones in accordance with the development from fasteners with air loops to fasteners with slotted loops, from the construction of clothes with mating edges to edges, which wrap oneself up.

The types of mushroom- and disk-shaped buttons are becoming increasingly relevant. There are varieties of buttons transitional to a disk-like type. The attachment of buttons to clothes from the end of the

17th – 18th century goes from the sewing way with loops to the sewing way with through holes.

In demotic costume pear-shaped and spherical buttons are preserved until the beginning of the 18th century. For their ornamentation geometric ornament in the composition of rosette was used.

The decoration of the most expensive buttons moves from geometric and curl ornaments to plant ones became more naturalistic to the second half of the 17th century. Large and smart enamel buttons contributed to the style of “Russian uzorochye” of the 17th century.

List of figures

Fig. 1. Buttons of the 1st half of the 17th c.

1, 22 – Suzdal, the Kremlin; 5–10, 12–20, 30, 31 – State Historical museum; 4, 93 – Vladimir; 11 – The Armoury Chamber; 21, 23–27 – State Vladimir-Suzdal Historical, Architectural and Art Museum Reserve; Moscow – 28 – Ovchinnaya Konyushennaya sloboda; 29 – Romanov dvor; 32, 42, 94 – Manezhnaya Square; 33–35, 38, 49, 51 – Kadashevskaya emb.; 36, 40, 48, 50, 52, 53–62, 64–79 – Dmitrovka st.; 37 – Volkhonka st.; 39, 84, 91, 92 – Kolomenskoye; 41, 85–90 – Trekhsvyatitskiy lane; 43 – Sadovoye Circle; 44, 80, 81 – Molochnyy lane; 45, 82, 83 – Voznesenskiy lane; 46, 47 – Klimentovsky lane.; 63 – Goncharnaya st.

Fig. 2. Buttons of the 2nd half of the 17th c.

1–4, 8, 9 – State Historical museum; 5–7, 31, 32 – Armoury Chamber; 10, 107 – Vladimir; Moscow – 11, 24–30 – Romanov dvor; 12, 13, 33, 34, 37, 43, 64–68, 82–90 – Kadashevskaya emb. and lane; 14 – Staraya Ryazan; 15–19 – Troitse Sergieva Lavra; Moscow – 20, 36 – Kazachiy lane; 21 – Narodnaya st.; 22 – Goncharnaya st.; 23, 106 – Manezhnaya sq.; 35, 81 – Turchaninov lane; 38–42, 46, 91–105 – Dmitrovka st.; 44, 45 – Yakimanka st.; 47, 70–76 – Bolshoy Trekhsvyatitskiy lane; 48–51, 54–62, 78–80 – Kolomenskoye; 52 – Ovchinnikovskaya emb.; 53 – Molochnyy lane; 63 – Znamenka st.; 69 – Klimentovsky lane; 77 – Ilyinka st.

Fig. 3. Buttons of the late 17th – 18th c.

Moscow – 1 – Dmitrovka st.; 2, 3 – Teatralnaya sq.; 4 – Malyy Tolmachevskiy lane; 5 – Ilyinka st.; 6 – Kotelnicheskoy lane, observations; 7 – Ostozhenka st.; 8 – Goncharnaya st.; 9, 10 – Ovchinnikovskaya emb.; 11 – Molochnyy lane.; 12–15, 24–41 – Kolomenskoe; 16 – Bogoyavlensky monastery; 17–21 – Klimentovsky lane; 22, 23 – Uglich; 42, 43 – Suzdal; 44, 45 – Aleksandrov; 46–62 – Moscow, Moiseyevsky monastery; 63, 64 – Kazachiy lane; 65, 66 – Manezhnaya sq.

Fig. 4. Buttons from the excavations of the Bogoyavlensky monastery in Moscow

Fig. 5. Contrasts of loops and buttons of the 17th c.

1 – fragment of fasteners from air loops from the burial, D.Y. Samokvasov materials; 2 – button from the exposition of the Gromovaya tower of the Smolensk Kremlin; 3 – ceramic statuette of the 16th c.; 4 – spheroconic button from the Armoury Chamber collection; Moscow, archaeological material – 5 – Moiseyevsky monastery; 6 – fungoid button, Klimentovsky lane; 7 – Manezhnaya sq.; 8 – fragment of a group portrait of Russian Embassy in England in 1662

А. С. Лазарев*, Д. О. Осипов**

* ОГБУ «Наследие», Кострома

** Государственный исторический музей, Москва

Коллекция обувных деталей и других кожаных изделий из раскопок Торговых рядов в Костроме в 2017–2018 годах

В 2017–2018 гг. археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» проводились охранные археологические работы на территории Торговых рядов в г. Костроме.

В настоящее время комплекс Торговых рядов расположен на склоне берега Волги, разделенного за счет резкого перепада рельефа на два участка и относящегося к двум памятникам археологии – «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV–XVIII вв.» и «Участок культурного слоя по нижнему посаду, XIII–XVIII вв.» (рис. 1).

Исследования 2017–2018 гг. проводились на участке нижнего посада в связи с ремонтно-реставрационными работами корпусов Рыбных и Шорных рядов и благоустройством прилегающей территории, включающими прокладку ливневой канализации, на трассе которой было заложено два раскопа – «Мясные ряды» (96 кв. м) и «Малые мучные ряды» (99 кв. м).

В Писцовой книге г. Костромы 1627–1630 гг. территория нижнего посада особо не выделяется, однако упоминаются две церкви: «церковь великого чудотворца Николы древена» и «церковь другая с трапезою древена, клецки Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да предел велико Христово мученицы Екатерины» и «всякое строенье мирское приходных людей и попово» и «земли церковные с кладбищем, и под кельями, и под поповым двором в длину сорок шесть сажен, поперек тридцать семь сажен. А на той же церковной земле пятнадцать келей. А живут в них нищие люди.

Кормятца по миру. Да попова ж Назарьева огорода в длину двенадцать сажен, поперек тож» (Писцовая книга... 2004. С. 284).

Работы на раскопе «Мясные ряды» начались в октябре 2017 г. и завершились в апреле 2018 г. На основной площади раскопа было изучено от 2,5 до 5,5 м культурного слоя. Открыты и изучены остатки трех сооружений, характеризующих застройку г. Костромы в XVII–XVIII вв. В том числе сруб № 1, представленный остатками первого венца, лагами и настилом пола (видимая часть в раскопе 6×12 м), датируемый концом XVIII в. (надежные дендрохронологические даты – 1784, 1782, 1777, 1754 гг.¹). Срубы № 2 и 3 сохранились в виде древесного тлена окладного венца, рубленного в обло.

После разбора построек и доборки слоя на всей площади раскопа зафиксированы контуры 18 ям, имеющих различную форму, размеры и заполнение. Наибольший интерес из них представляют ямы 1 и 9, полностью вошедшие в пределы изученного участка и представляющие собой заглубленные части (подклеты, погреба) жилых построек. Обе ямы содержат представительные коллекции находок.

Работы на раскопе «Малые мучные ряды» проводились в апреле – сентябре 2018 г. На раскопе также открыты остатки постройки, стратиграфически синхронной срубам № 1, изученному на «Мясных рядах», но в отличие от первого раскопа предшествующие ей слои представлены не жилой застройкой, а некрополем XVI–XVII вв., где исследовано 61 непотревоженное погребение (скелетные останки принадлежат 75 индивидам)².

¹ Дендрохронологическое исследование проведено специалистами Института географии РАН под руководством научного сотрудника, кандидата географических наук Е. А. Долговой.

² Определение скелетных останков произведено антропологом А. В. Дедик.

Рис. 1. Фрагмент плана «города Костромы, составленного 12 июня 1773 г. после пожара 18 мая 1773 г.». Участок раскопок отмечен стрелкой

После расчистки всех погребений исследовано еще 12 ям, относящихся к более раннему периоду. Оба раскопа доведены до уровня материка.

Коллекция находок, полученная на обоих раскопах и включающая целые формы керамической посуды, нательные кресты, печные изразцы XVII–XVIII вв., бытовой инвентарь (ножи, ключи, замки, кудельные иглы и др.), монеты (XVI – нача-

ла XX в.), предметы вооружения и конской упряжи, требует специальной публикации.

На обоих раскопах закономерно прослеживается сходная стратиграфия: под балластом второй половины XX в. и мостовой конца XIX – первой половины XX в. наблюдается слой мощностью около 1,5 м, образовавшийся в ходе строительства кирпичных корпусов торговых рядов в первой

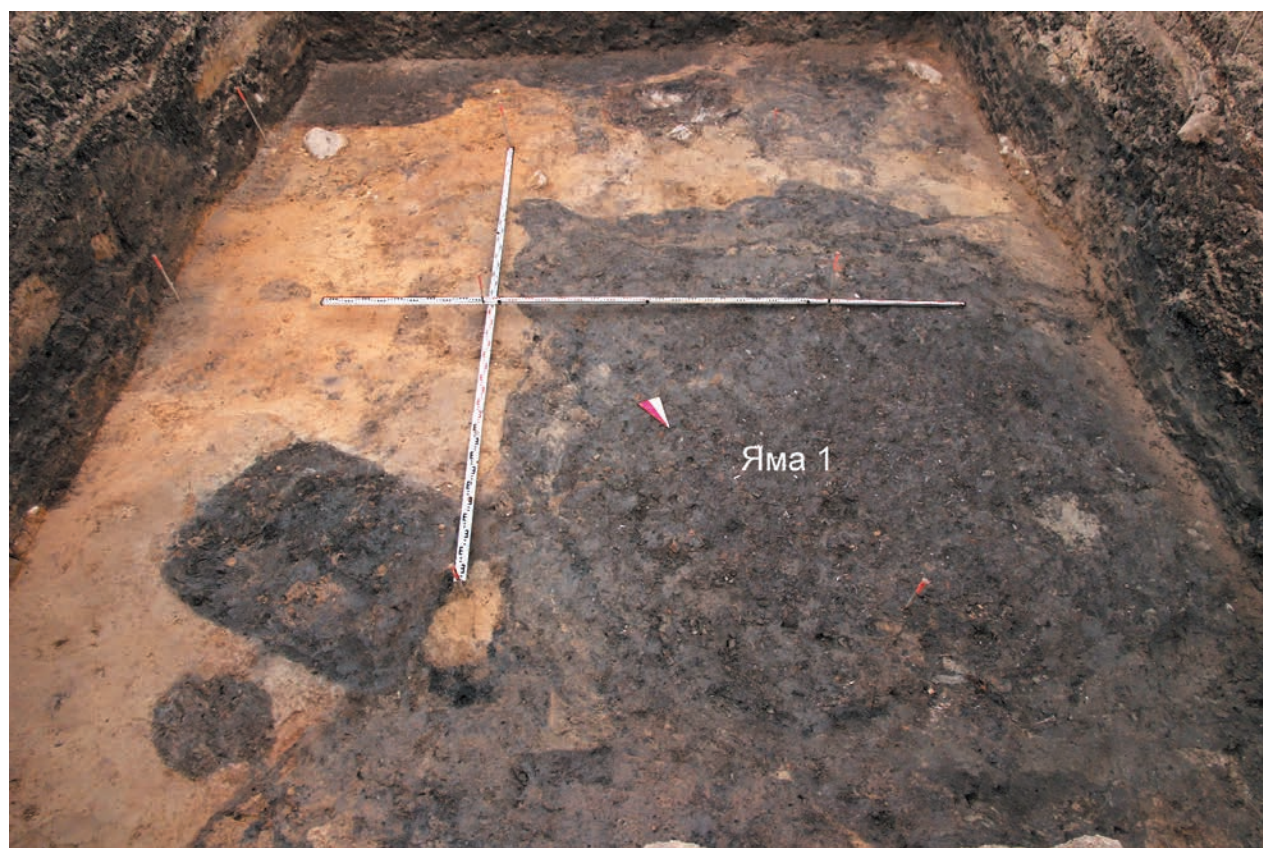

Рис. 2. Раскоп «Мясные ряды». Участок 2 после зачистки пл. 15. Яма № 1. Вид с северо-востока

половине XIX в.; ниже фиксируются остатки деревянной застройки конца XVIII в., возникшей после разрушительного пожара 1773 г. К периоду XVI–XVII вв. на раскопе «Мясные ряды» относятся срубы № 2 и 3, а на «Малых мучных рядах» – некрополь. Наиболее ранние материалы,

Таблица 1. Статистика находок деталей обуви из раскопок Торговых рядов в Костроме в 2017–2018 гг.

Название	Материал	Кол-во
Обувные детали, из них:	Кожа	169
– головка		31
– поднаряд		12
– подошва		52
– подметка		11
– стелька		4
– каблук		27
– задник		32
Рукавицы	Кожа	4
Стельки	Войлок	4
Обувные подковки	Железо	28
Итого		205

предварительно датированные XIII–XIV вв., сохранились в ямах на материке.

Характеристика коллекции. Коллекция обувных деталей, собранная в ходе раскопок на участке у Мясных рядов и Малых мучных рядов, в совокупности насчитывает 205 предметов из кожи, бересты, железа и войлока. Подавляющая часть находок представлена основными и дополнительными обувными деталями, включая фрагменты берестяных и вкладных войлочных стелек, двумя берестяными лаптями косого плетения, а также 28 обувных железных подковок. Кроме обуви при раскопках зафиксировано четыре детали тисненых кожаных рукавиц (табл. 1).

Сырьем для обувных деталей служила кожа крупного рогатого скота толщиной 2–4 мм, дубленая растительными экстрактами. Для деталей верха использовалась более мягкая, относительно тонкая кожа, способная выдерживать множество перегибов. Более толстая и твердая кожа, выделанная методом «нажора», шла на изготовление подошв.

Основной объем находок (70%) происходит из заполнения ямы 1 – заглубленного подклета жи-

Рис. 3. Детали кожаной обуви из раскопок в Костроме в 2017–2018 гг.

лой постройки (рис. 2). Яма 1 имеет в плане прямоугольную форму со скругленными углами и расположена в кв. А–Б/5–7. Основу заполнения составляет слой темно-серой супеси с включениями угля и щепы. На дне ямы сохранились остатки бревен сруба (~2,6 x 2,6 м) и настила пола с фрагментами бересты. Глубина ямы – около 1 м. Все найденные там обувные детали принадлежат сапогам жесткой конструкции со слабозаостренным или округлым носком (рис. 3, 1–3) и жестким задником с заостренным верхом (рис. 3, 5). К более ранним моделям, характерным для второй половины – конца XVI в., относятся сапоги с прямой подошвой и внутрен-

ним каблуком, изготовленным в виде нескольких косо срезанных пластин (рис. 3, 13, 14). Сапожные головки снабжены цельнокроеным или двухчастным поднарядом (рис. 3, 2, 4). Модели с изогнутой подошвой и наборным каблуком (рис. 3, 8, 10, 15), также присутствующие в заполнении ямы, широко распространяются в следующем, XVII столетии, сосуществуя в первой его половине с сапогами на внутреннем каблуке. По стратиграфии и комплексу находок заполнение сооружения датируется второй половиной XVII в., что соответствует найденной там обуви, аналогичной одновременным находкам из других русских городов, в том

Элемент		%
Железо	(Fe)	1,11
Кобальт	(Fe)	0,00
Никель	(Ni)	0,04
Медь	(Cu)	90,15
Цинк	(Zn)	7,11
Мышьяк	(As)	0,00
Серебро	(Ag)	0,36
Олово	(Sn)	0,15
Сурьма	(Sb)	0,10
Золото	(Au)	0,00
Ртуть	(Hg)	0,00
Свинец	(Pb)	0,96
Висмут	(Bi)	0,03

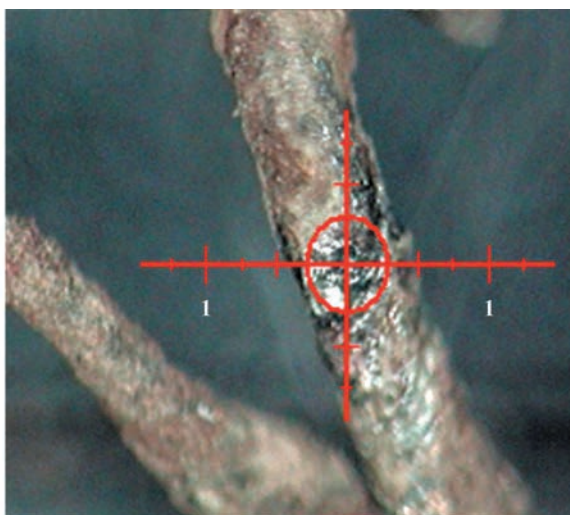

Рис. 4. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа проволоки на заднике сапога с раскопа «Мясные ряды»

числе Москвы (Осипов, 2006. С. 49–51). Это лишний раз подтверждает высокий уровень стандартизации обувной продукции.

На пяточном ранте одного из сапог сохранилась декоративная металлическая проволока (рис. 3, 7). Традиция закрывать нижний обрез задника декоративной проволокой хорошо известна. Такие сапоги зафиксированы при раскопках русских городов, расположенных как в европейской, так и в азиатской части России. Первый в России химический анализ декоративной проволоки из Ивангорода, датированной первой половиной XVI в., проводился в лаборатории спектрального анализа ИИМК³. Установлено, что материалом для проволоки в данном случае служил свинцово-оловянный сплав (Курбатов, 1995. С. 202). Исследования аналогичных деталей, проводившиеся с помощью рентгенофлуоресцентного анализа, показали, что у сапожных деталей, зафиксированных в позднесредневековых напластованиях русских городов декоративная проволока делалась из латуни (Осипов, 2017. С. 214–217). Из нее же изготовлена проволока⁴, сохранившаяся на одном из задников, найденном в заполнении рассматриваемой ямы 1 (рис. 4).

Несмотря на сосуществование в заполнении ямы описанных выше моделей, представляется, что заполнение этого впускного сооружения, скорее всего, не было единовременным. Окончательную засыпку ямы 1 можно датировать не ранее вто-

рой половины XVII в., о чем свидетельствует наличие клейменной подошвы. Нанесенное на подошву клеймо в виде трех продольных линий относится к первому, наиболее распространенному типу, зафиксированному при раскопках многих русских городов, в том числе Москвы (Осипов, 2006. С. 74; 2017. С. 203). По предположению Ю. Сванн, клейма могли использовать и оптовые торговцы обувью (Swann, 2001. Р. 120, 121).

Отметим, что обувь из заполнения ямы 1 отличается крайняя степень изношенности и следы неоднократной починки в виде швов от крепления подметок и заплат. Причем в целях вторичного использования вырезались не только голенища, но зачастую и сапожные головки.

В верхних напластованиях и на участках с переложением слоев сохранились немногочисленные детали обуви XVIII–XIX вв., изготовленные на затяжной колодке. Для этих моделей характерны неизвестные ранее дополнительные детали, такие как рант и вшивная стелька (Осипов, 2014. С. 52). Основная их часть происходит из заполнения сруба 1 («Малые мучные ряды»), появившегося, судя по стратиграфии, уже после пожара 1773 г. К ним принадлежат детали обуви рантовой конструкции (рис. 5, 9–11).

Самой поздней находкой является женская модельная туфля на наборном каблуке, зафиксированная в верхних напластованиях раскопа «Малые мучные ряды» (рис. 5, 8). Судя по форме де-

³ Анализ проведен кандидатом технических наук В. А. Галибиным.

⁴ Анализы выполнены научным сотрудником отдела археологических памятников ГИМ А. О. Шевцовым на микрорентгенофлуоресцентном спектрометре *M-1 Mistral*.

Рис. 5. Изделия из кожи, шерсти и растительных волокон из раскопок в Костроме в 2017–2018 гг.

талей и технологии сборки, ее можно датировать концом XVIII – началом XIX в.

Обувь из погребений. При раскопках городских и монастырских некрополей встречается как обычная (бытовая) обувь, так и специальная (погребаль-

ная), которая отличается качеством материала, особым кроем, типом шва и отсутствием приспособлений для крепления к ноге (Осинов, 2014. С. 69–72). По имеющимся на сегодняшний день сведениям, самые ранние покойницкие туфли зафиксированы

Рис. 6. Раскоп «Малые мучные ряды». Обувь в погребении № 6. Вид с северо-запада

при раскопках в Георгиевском соборе Юрьева монастыря Великого Новгорода. Саркофаги, в которых они найдены, автор раскопок В. В. Седов датирует концом XII – первой третью XIII в. (Осипов, Вдовиченко, 2018. С. 335–347).

Описаний специальной покойницкой обуви в письменных источниках, включая свидетельства иностранных визитеров, не сохранилось. Предположительно их можно соотнести с калигами (от лат. *caliga*), представлявших собой мягкие туфли, которые служили в качестве обуви монахов-странников, а также использовались перед чином пострига, что подчеркивает их ритуальное значение. К XVI в. относятся первые упоминания калиг в качестве погребальной обуви монахов (Срезневский, 1912). И. С. Вахрос, со ссылкой на Кормчую книгу, предполагает, что уже с XV в. в калигах могли хоронить не только представителей духовенства, но и светских лиц (Вахрос, 1959. С. 95).

После Смутного времени такая обувь исчезает. Очевидно, что появление и исчезновение ритуаль-

ной обуви связано с трансформацией погребального обряда, отразившейся на характере погребального инвентаря. В связи с этим особенно интересно выявить модели, относящиеся к начальному и конечному этапу, когда происходит очередная смена традиции, отражавшей определенные религиозные представления населения.

Не исключено, что именно это демонстрируют две туфли (скорее всего, разные полупары), зафиксированные на площади раскопа «Малые мучные ряды». Одна из них найдена в мужском погребении № 6, а другая, сохранившаяся фрагментарно, обнаружена в слое перекопа в кв. Г/4 (рис. 6). Обе туфли изготовлены из тонкой кожи и не имеют приспособлений для крепления к ноге, что характерно для покойницкой обуви. Следует обратить внимание и на тот факт, что найденные туфли не имеют задника. Анализируя материалы раскопок городских некрополей Нового времени, можно заметить, что в качестве погребальной обуви чаще всего использовались мули – туфли без задника⁵.

⁵ Очевидно, такую обувь легче надевать на застывшие ноги покойника.

Рис. 7. Обувные подковки из раскопок в Костроме в 2017–2018 гг.

В отличие от существовавших ранее погребальных туфель, мули принадлежали к бытовой обуви, особенно распространенной в середине XVIII в. По возможности покойника старались проводить в последний путь в новой обуви, хранимой вместе с остальной одеждой, предназначавшейся специально для этого случая.

Изделия из кожи и растительных волокон. Кроме кожаной обуви при раскопках торговых рядов зафиксированы два берестяных лаптя косога плетения (рис. 5, 1). Найденные при раскопках торговых рядов лапти могли принадлежать сельским жителям, приехавшим в город по торговым делам, поскольку для городских жителей обувь из растительных волокон не характерна (Осипов, 2010. С. 303–308).

К деталям костюма принадлежат обрывки двух однодетальных рукавиц, изготовленных из относительно тонкой (1,2–1,5 мм) шкуры молодых особей крупного рогатого скота. В отличие от обычных рабочих рукавиц-голиц⁶, на их лицевой стороне нанесено тиснение в виде косой сетки в сочетании с продольными линиями (рис. 5, 3). Судя по размеру тисненой сетки, найденные фрагменты рукавиц принадлежат к разным парам.

Обувные подковки. Совокупное количество железных обувных подковок, собранных на площади двух раскопов, составляет 28 единиц. Подковки, появляющиеся во второй половине XVI в., связаны с развитием наборного каблука, поскольку существовавший ранее так называемый внутренний каблук чаще всего подбивался гвоздиками (Осипов, 2006. С. 75–79).

В напластовании конца XVI–XVII вв. присутствуют подковки с различной формой пластины (узкая/широкая) и способом ее крепления к каблуку (врезная, комбинированная). Незначительно преобладают подковки с врезным способом крепления (рис. 7, 1–5), характерные для моделей конца XVI в. Узкая датировка представленных здесь подковок затруднительна в силу отсутствия на указанных раскопах условно закрытых комплексов, однако в целом данный материал не противоречит ранее выстроенной хронологии этой категории находок, построенной на материалах раскопок в Москве (Векслер, Лихтер, Осипов, 1997. С. 114–119).

Заключение. Коллекция из раскопок на территории торговых рядов Костромы является первой публикацией «археологической кожи», собран-

⁶ В словаре русского языка XI–XVII вв. слово «голица» присутствует в значении «кожаная рукавица без подкладки» (СлРЯ XI–XVI вв., 1977).

ной при охранных работах в историческом центре этого древнерусского города. Ранее средневековой кожаной обуви из Костромского Поволжья была посвящена публикация С. А. Кабатова, исследовавшего селище Вёжи (Кабатов, 2006. С. 74, 75; 2011. С. 244). К этому материалу имеется ряд вопросов, которые не имеет смысла разбирать в данной статье. Можно лишь выразить сомнения по поводу существования в Вёжах собственного кожевенного (сапожного) ремесла, поскольку для такого утверждения, на наш взгляд, пока нет оснований.

Кроме позднесредневековых моделей при раскопках торговых рядов удалось зафиксировать уличную обувь Нового времени, скупую представленную в археологической литературе, поскольку в верхних напластованиях кожа, как правило, не сохраняется, а в музейных коллекциях

хранится в основном парадная обувь знатных особ.

Ценность собранного материала повышается за счет наличия погребальной обуви переходного типа. Примечательно, что после доклада на семинаре «Археология Подмоскovie» на аналогичные по крою туфли обратили внимание московские коллеги, проводившие охранные раскопки в районе старой Божедомки. В самых ранних погребениях кладбища, возникшего по указу Бориса Годунова, удалось выявить фрагменты классических покойничьих туфель и обуви «переходного типа»⁷.

Очевидно, что даже с учетом московских находок в нашем распоряжении имеются единичные свидетельства, поэтому мы лишь высказываем предположение о существовании обуви, маркирующей переходный этап очередной трансформации представлений о потустороннем мире.

Литература

Вахрос И. С., 1959. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки: Институт по изучению СССР в Финляндии. 271 с.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О., 1997. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в Москве) // РА. № 3. С. 114–119.

Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1999. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.) // ТТЗ. Вып. 3. Тверь: Старый город. С. 214–221.

Кабатов С. А., 2006. Кожевенное ремесло Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Вестник Костромской АЭ. Вып. 2. Кострома. С. 70–84.

Кабатов С. А., 2011. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 222–248.

Курбатов А. В., 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. № 2. С. 198–208.

Осипов Д. О., 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН. 202 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7).

Осипов Д. О., 2010. К истории лаптя на Руси // ТТЗ. Вып. 6. Тверь: Старый город. С. 303–308.

Осипов Д. О., 2014. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: Актон. 269 с.

Осипов Д. О., 2017. Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 199–226.

Осипов Д. О., Седов В. В., Вдовиченко М. В., 2018. Кожаные туфли из погребений Георгиевского собора Юрьева монастыря Великого Новгорода // КСИА. Вып. 253. С. 335–347.

Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. / Сост. Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивокурцева. Кострома: Костромаиздат-850, 2004. 432 с.

Словарь русского языка XI–XVI вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 403 с.

Срезневский И. И., 1912. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб.: Тип. Императорской АН. 996 с.

Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Akademibokhandelsgruppen AB. 357 p.

⁷ Авторы статьи благодарят М. А. Молошникову, под руководством которой проводились исследования на ул. Дурова в Москве в 2019 г., за предоставленную информацию.

A. S. Lazarev, D. O. Osipov

**Collection of shoe parts and other leather products from the excavations
of Torgovyye ryady in Kostroma in 2017–2018**

Summary

The collection of shoe parts, collected during rescue excavations, totals 205 items made of leather, birch bark, iron and felt. They were fixed street shoes and models of shoes in burials in the 17th – 18th centu-

ries. Shoes found in burials can be a transitional type from the one that disappeared at the beginning of the 17th century, special “deceased” shoes for ordinary household models, in which the deceased were worn.

List of figures

Fig. 1. A fragment of the plan “of the city of Kostroma, compiled on June 12, 1773 after the fire of May 18, 1773”. Excavation area is marked by pointer

Fig. 2. Excavation area « Myasnyye ryady». Excavation site 2, sq. 15. Pit No 1. View from the Northeast

Fig. 3. Leather shoes details from excavations in Kostroma in 2017–2018

Fig. 4. The results of X-ray fluorescence analysis of the wire on the back of the boot from the excavation “Myasnyye ryady”

Fig. 5. Leather, wool and plant fiber products from the excavations in Kostroma in 2017–2018

Fig. 6. Excavation area “Malye muchnye ryady”. Shoes in burial № 6. View from the Northwest

Fig. 7. Shoe heelplates from the excavations in Kostroma in 2017–2018

Археология Нового времени

Ю. А. Лихтер

ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

Сосуды из раскопок археологической службы Москвы (1989–2015): открытые формы

При работах Московской археологической службы было найдено почти 19000 предметов из стекла. Преобладают сосуды и связанные с ними крышки и пробки. Затем по количеству находок следуют украшения, в том числе бусы, входящие в состав четок.

Из этого объема нами визуальным образом изучены 5168 находок, среди которых преобладают тарные сосуды: банки, бутылки, флаконы, штофы, относящиеся к более раннему времени (XVII – начало XIX в.). Они сохранились преимущественно во фрагментах, стекло не слишком хорошей сохранности. Привлекают к себе внимание открытые сосуды, которые хотя и не преобладают количественно, но отличаются разнообразием. Их можно разделить на сосуды для питья и еды (блюдца, бокалы, кружки, кубки, рёмеры, рюмки, стаканы, стопки, тарелки, чарки, чаши, чашечки) и предметы сервировки (вазы, солонки).

Темой предлагаемой вниманию читателей статьи являются открытые сосуды, найденные при раскопках в Москве. Большая часть представлена фрагментами, но форму можно реконструировать при сопоставлении с целыми формами, известными по литературе.

Сосуды исследовались по методике, разработанной Ю. Л. Шаповой (1989). Изучена морфология сосудов, технология их изготовления и состав стекла.

Для некоторых фрагментов выполнен анализ химического состава стекла. Результаты анализа и их интерпретация по методике Ю. Л. Шаповой (1989. С. 93–108) представлены в таблице 1. Почти во всех проанализированных стеклах в качестве щелочного сырья использована зола континентальных растений, что служит признаком центрально-европейской стеклоделательной школы. Исключение составляет № 3233, сваренный на золе пустынных растений, что можно считать признаком венецианской стеклоделательной школы.

Сопоставление морфологии, технологии и состава стекла позволило выделить стекла венецианские, центрально-европейские, так называемые черкасские (украинские) и русские.

Описание предметов, где это возможно, приводится в следующем порядке:

- название предмета;
- номер по каталогу стеклянных изделий (сопоставленному автором этой статьи);
- место обнаружения и номер по описи;
- сохранность;
- форма и размеры конструктивных частей сосуда;
- цвет основы и декора;
- техника изготовления;
- место изготовления и аналогии.

Все размеры приводятся в сантиметрах.

Каталог

Редкие формы (рис. 1)

Рёмер, № 44 (Алексеевская роща, 1991 г.; р. 3; № 45). Рис. 1, 1.

Фрагмент, коррозия (помутнение) по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Диаметр тулова внизу – 2,3; толщина тулова внизу – 0,15.

Таблица 1. Химический состав стекла основы сосудов. (Анализ № U1-01; образцы 1-4; № U1-04, образцы 1-5; аналитический метод – микро РФА; авторы Гареев Б., Баталин Г. Анализ 60; аналитический метод – рентгеноспектральный; автор анализа – Чистякова Н.И. Анализы № 748-31; 775-27; 775-29; 801-48; 801-50; 831-26; 894-19 – аналитический метод – спектральный; автор Егорьев А.Н.)

№ по каталогу	№ анализа	№ образца	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	CuO	CoO	PbO	ZnO	Sb ₂ O ₃	SnO ₂	P ₂ O ₅	TiO ₂	Cl	NiO	Sr	Rb	Zr	S	V
1442	60	0	0,33	6,53	18,23	1,97	0,43	0,97	1,1	0,08	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
3233	748-31	0	10	3	2,2	0,6	0,8	0,3	0,4	0	0	0,5		0,02	0	0	0,06	0	0	0	0	0	0	0
4504	775-27	0	0,7	6,5	16	2,7	1,1	0,4	0,6	0	0	0		0	0	0	0,2	0	0	0	0	0	0	0
4467	775-29	0	0,6	6,5	18	2,3	0,9	0,8	0,4	0	0	0		0	0	0	0,2	0	0	0	0	0	0	0
5912	801-48	0	0,9	11	17	4,4	5,4	1,7	0,4	0	0	0		0	0	0	0,3	0	0	0	0	0	0	0
5911	801-50	0	0,2	8	18	2,8	1,6	0,3	0,1	0	0	0		0	0	0	0,2	0	0	0	0	0	0	0
7815	831-26	0	2,2	9	15	2,6	2,7	0,2	0,5	0	0	0,2	0	0	0,2	0	0,07	0	0	0	0	0	0	0
18558	894-19	0	0,1	7,8	14	4,3	2,8	0,4	0,6	0	0	0		0	0	0	0,2	0	0,01	0	0	0	0	0
9812	U1-04	5	1,72	10,08	29,14	0,59	3,56	0,92	1,73	0,01	0	0	0,02	0	0	0	0,41	2,15	0	0,21	0,03	0,02	0	0
9812	U1-04	4	1,57	10,05	29,27	0,79	3,48	0,96	1,78	0	0	0	0,02	0	0	0	0,41	2,28	0	0,21	0,03	0,02	0	0,02
9812	U1-04	3	1,83	10,03	30,81	1,41	2,6	0,96	1,79	0	0	0	0,02	0	0	0	0,42	1,6	0	0,21	0,03	0,02	0	0
9812	U1-04	2	2,02	10,19	29,83	0,94	3,55	0,99	1,79	0,01	0	0	0,02	0	0	0	0,43	2,32	0	0,21	0,03	0,01	0	0
9812	U1-04	1	1,57	10,46	30,03	0,62	3,61	1,13	1,81	0,01	0	0	0,02	0	0	0,58	0,46	4,33	0	0,21	0,03	0,01	0,36	0
9813	U1-01	4	0	19,15	30,96	1,52	1,66	1,51	0,93	0,02	0	0	0,05	0	0	1,65	0,6	0,45	0	0,18	0,02	0,09	0	0
9813	U1-01	3	0	16,63	29,49	1,32	1,55	1,59	0,91	0,02	0	0	0,07	0	0	1,68	0,6	7,73	0	0,19	0,02	0,07	0,38	0
9813	U1-01	2	0	19,03	31,26	1,52	1,64	1,52	0,96	0,01	0	0	0,05	0	0	1,6	0,6	1,35	0	0,17	0,02	0,08	0	0
9813	U1-01	1	0	19,25	31,32	1,69	1,7	1,47	0,93	0,02	0	0	0,05	0	0	1,75	0,61	0,76	0	0,16	0,02	0,08	0,43	0

Рис. 1. Редкие формы. Рёмер

1 – рёмер, № 44 (Алексеевская роща, 1991 г.; р. 3; № 45); 2 – рёмер, № 9812 (пер. Огородная Слобода, 2014 г., № 56); 3 – рёмер, Германия или Нидерланды, 1650–1700 (*Ruempel*, 1991. Р. 186, № 87); 4 – натюрморт с рёмером и трубкой (1625–1635 гг.). Художник Георг Флегель (Heidelberg, 1992. Рис. 101); 5 – «Крылатая рюмка». № 3233 (ул. Якиманка, 22, 2002 г., № с15. Рис. 1, 5); 6 – «Крылатая рюмка», Германия или Нидерланды, XVII в. (*Harksen*, 1980. Fig. 3)

Ножка округлая, конус расходящийся, усеченный снизу; совмещена с туловом, полая. Высота ножки – 3,5; диаметр ножкиверху – 3; диаметр ножкивнизу – 2,3; толщина ножкиверху – 0,15.

Подножка округлая, конус, усеченный сверху; отдельный элемент, полая. Диаметр подножкиверху – 2,6, толщина подножкиверху – 0,1.

Цвет основы: серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Декор выпуклый.

Цвет декора – в цвете основы.

Размещен на ножке – три пояса декора. В месте перехода тулова в ножку наложена горизонтальная полоса с вертикальным рифлением. Ниже на ножку наклеены овальные пластинки, отформованные в виде ягод малины или ежевики. Еще ниже, в верхней части подножки, спирально наложена тонкая стеклянная нить.

Основа сосуда выдута в форму, к ней присоединена также выдутая в форму подножка. Декор выполнен из того же стекла, что основа. Рифленая полоса и овальные пластины отформованы предварительно и затем наложены на основу. Для накладки отформованных лепешек на ножку предварительно наложили капли стекла, на которые затем прикрепили лепешки.

Рёмер, № 9812 (пер. Огородная Слобода, 2014 г., № 56). Рис. 1, 2.

Обломок полый ножки, коррозия (помутнение) по всей поверхности.

Ножка коническая расходящаяся, полая, являлась продолжением тулова. Диаметр ножки сверху – 5; толщина ножки – 0,14.

Цвет стекла: серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Декор выпуклый.

В цвете основы.

Размещен на ножке. Вверху, под туловом, – горизонтальная рифленая линия, ниже – лепешка в виде ягоды малины или ежевики.

Основа сосуда выдута в форму.

Декор выполнен из того же стекла, что и основа. Рифленая полоса и овальная лепешка отформованы предварительно и затем наложены на основу.

Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1).

Ножки относятся к бокалам, так называемым ремерам. Эти бокалы с полусферическим туловом, полкой конической ножкой, внизу которой располагалось дно сосуда, и винтообразной подножкой употреблялись исключительно для рейнских вин. Они были широко распространены в Западной Европе с XVI по XIX в. На ножки, как правило, накладывали выпуклые лепешки в виде ягоды малины или ежевики, расположенные в шахматном порядке (*Mariacher*, 1970. № 72, 1581–1700 гг.; *Vor dem grossen Brand...* 1992. Fig. 100, XVI–XVII вв.; *Ruempel*, 1991. Р. 238, № 81, 89 1750–1800 гг. Р. 186, № F5070, 1625–1700 гг. (рис. 1, 3). Подобный бокал изображен на натюрморте художника Георга Флегеля (рис. 1, 4), написанном между 1625–1635 гг. (*Vor dem grossen Brand...* 1992. Fig. 101).

Типологические параллели и вид щелочного сырья позволяют относить эти сосуды к продукции центральноевропейской стеклоделательной школы.

«Крылатая рюмка», № 3233 (ул. Якиманка, 22, 2002 г., № с15). Рис. 1, 5.

От сосуда сохранилась ножка, образованная переплетенными палочками, украшенными филигранью.

Диаметр палочек – от 0,43 до 1,08.

Цвет основы: серо-голубой слабый, стекло прозрачное.

Филигрань белая, непрозрачная.

При изготовлении стеклянной филигрании на палочки из прозрачного стекла накладывают нити из цветного непрозрачного стекла. Затем палочки вытягивают и закручивают. Такие палочки обычно накладывают на основу стеклянного сосуда. В нашем случае их использовали самостоятельно, для создания ножки.

Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1).

Как параллель можно указать так называемую «крылатую рюмку» XVII в (рис. 1, 6) из Германии или Нидерландов (*Harksen*, 1980. Fig. 3).

Типологические параллели и вид щелочного сырья позволяют относить эти сосуды к продукции венецианской стеклоделательной школы.

Бокалы (рис. 2)

Бокал, № 841 (*Сеченовский пер, 3, шурф 1, 1998 г., № 9*). Рис. 2, 1.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 4,50; толщина края – 0,27.

Тулово граненое, пирамида расходящаяся, усеченная снизу, шестигранная. Высота тулова – 6,77; ширина тулова сверху – 4,50; ширина тулова внизу – 1,64; толщина тулова сверху – 0,27.

Ножка округлая цилиндрическая; полая цельная – продолжение тулова; диаметр ножки – 1,64.

Цвет основы: серо-голубой средний светлый; стекло прозрачное.

Бокал, № 4467 (*Манеж, р. 3, 2004 г., № 45*). Рис. 2, 2.

Обломок, иризация по всей поверхности. Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; толщина тулова – 0,14.

Цвет основы: серо-голубой средний светлый; стекло прозрачное.

Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1).

Рис. 2. Бокалы

1 – № 841 (Сеченовский пер, 3, шурф 1, 1998 г., № 9); 2 – № 4467 (Манеж, р. 3, 2004 г., № 45); 3 – № 4545 (Манеж, 2004 г., р. 8, № 33); 4 – Украина, Волянь, XVI в. (Рожанківський, 1959. Рис. 6д, с. 41)

Бокал, № 4545 (Манеж, 2004 г., р. 8, № 33). Рис. 2, 3.

Обломок, коррозия по всей поверхности. Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; толщина тулова – 0,24.

Цвет основы: серо-голубой средний; стекло прозрачное.

Цвет декора: в цвете предмета.

Декор. На фрагментах исследованных сосудов сохранился выпуклый декор в виде повторяющихся стилизованных листьев или цветочных лепестков, образующих горизонтальный бордюр в нижней части тулова.

Основа сосуда выдута в форму.

Декор представляет отформованную полосу, наложенную на основу.

Как параллель можно привести сосуд, найденный на Украине (Волянь) (рис. 2, 4) и датированный XVI в. (Рожанківський, 1959. Рис. 6д, с. 41).

Опираясь на эту аналогию и результаты анализа состава стекла, наши фрагменты можно отнести к центральноевропейской школе стеклоделия, возможно, к так называемому черкасскому (украинскому) стеклу.

Бокалы (рис. 3)

Бокал, № 1034 (ул. Ильинка, проезж. часть. Зона наблюдений 7, 1998 г., № 175), описан по рисунку. Рис. 3, 1. Фрагмент.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу.

Дно плоское.

Ножка коническая, усеченная сверху.

Как аналогию можно рассматривать бокал из Варшавы (рис. 3, 2), датированный первой половиной XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 01, s. 18).

Бокал или рюмка, № 1569 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский монастырь, № с202). Рис. 3, 3.

Фрагмент (ножка), коррозия локально.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; толщина тулова – 0,13.

Дно: вогнутое. Диаметр – 1,24.

Ножка округлая, сложный профиль, сплошная, цельная, отдельный элемент. Высота ножки – 2,08; диаметр ножки вверху – 1,34; диаметр ножки внизу – 1,82.

Подножка округлая, конус, усеченный сверху, полая, цельная, отдельный элемент. Диаметр подножки вверху – 1,70.

Цвет основы: оливковый сильный светлый; стекло прозрачное.

Рис. 3. Бокалы

1 – № 1034 (ул. Ильинка, проезж. часть, зона наблюдений 7, 1998 г., № 175); 2 – Варшава, 1701–1750 (Ciepiela, 1977. Rys. 01, s. 18); 3 – № 1569 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № с202); 4 – Варшава, 1701–1750 (Ciepiela, 1977. Rys. 04, s. 20); 5 – № 3089 (ул. Б. Дмитровка, 17, 2001 г., р. 1, № с65); 6 – № 4504 (Манеж, 2004 г., р. 5, № 375); 7 – Варшава, 1740–1760 (Ciepiela, 1977. Rys. 10, s. 26); 8 – № 8660 (ул. Чаянова, 22/2 2008 г., зона наблюдений № 15); 9 – № 2108 (Ср. Овчинниковский пер., 4, 1999 г., № 1)

Стержень ножки навит, затем отпрессован пинцетом, подножка выдута отдельно, прилеплена к ножке и отпрессована на шаблоне.

Как аналогию можно рассматривать бокал из Варшавы (рис. 3, 4), датирующийся первой половиной XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 04, s. 20).

Бокал или рюмка, № 3089 (ул. Большая Дмитровка, 17, 2001 г., р. 1, № с65). Рис. 3, 5.

Фрагмент, коррозия локально.

Ножка округлая, сложный профиль, сплошная, цельная. Диаметр ножки внизу – 1,65.

Подножка округлая, шар, усеченный снизу, сплошная, цельная, отдельный элемент. Высота подножки – 0,70; диаметр подножки вверх – 1,65; диаметр подножки внизу – 8,00; толщина подножки вверх – 0,22; толщина подножки внизу – 0,90.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Бокал или рюмка, № 4504 (Манеж, 2004 г., р. 5, № 375). Рис. 3, 6.

Фрагмент (ножка), коррозия локально. Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр тулова внизу – 1,46; толщина тулова внизу – 0,09.

Дно плосковогнутое внутри. Диаметр дна – 1,46.

Ножка округлая, сложный профиль, сплошная, цельная, отдельный элемент. Высота ножки – 2,18; диаметр ножки – min 1,03; диаметр ножки вверх – 1,79; диаметр ножки внизу – 1,82.

Подножка округлая, конус, усеченный сверху, полая, цельная, отдельный элемент. Диаметр подножки вверх – 1,71; толщина подножки вверх – 0,32.

Цвет основы: желто-зеленый средний; стекло прозрачное. Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1; 2).

Техника изготовления фрагментов № 3089 и 4504: стержень ножки навит, затем отпрессован пинцетом, подножка выдута отдельно, прилеплена к ножке и отпрессована на шаблоне.

Как аналогию можно рассматривать бокал из Варшавы (рис. 3, 7), датируемый серединой XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 10, s. 26).

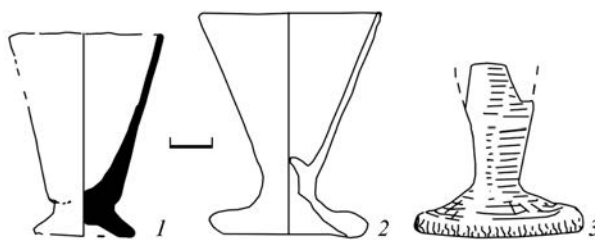

Рис. 4. Бокалы

1 – № 87 (ул. Б. Никитская, ц. Фед. Студита, 1993 г., № 20) (описания нет); 2 – № 1338 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № 289); 3 – Киев, XVII–XVIII вв. (Шовкопляс, 1974. Рис. 2, 4)

Бокал или рюмка, № 8660 (ул. Чаянова, 22/2 2008 г. Зона наблюдений № 15), описан по рисунку. Рис. 3, 8. Фрагмент.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу.

Дно выпуклое.

Ножка винтообразная, коническая, усеченная сверху, полая, цельная, отдельный элемент.

Подножка винтообразная, конус, усеченный сверху, полая, цельная, продолжение ножки.

Цвет тулова: серый слабый, стекло прозрачное.

Ножка и подножка – зеленые, стекло полупрозрачное. Точной аналогии нет, но, как показывают центрально-европейские материалы, высокие ножки, сделанные из навитой нити, были распространены в XVIII в. широко.

Бокал или рюмка, № 2108 (Средний Овчинниковский пер., 4, 1999 г., № 1), описан по рисунку. Рис. 3, 9. Фрагмент.

Край – выпуклый.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу.

Дно выпуклое.

Ножка округлая, цилиндрическая, сплошная, цельная, отдельный элемент.

Подножка округлая, конус, усеченный сверху, полая, цельная, отдельный элемент.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Материал декора – стекло.

Цвет декора: белый ахроматический и синий; стекло непрозрачное.

Место расположения: ножка; внутри стеклянной массы.

Представляет собой двойную спираль из белых нитей, в которую вставлена прямая синяя нить.

Техника изготовления основы: выдувание в форму – тулово; вытягивание палочки – ножка; выдувание в форму – подножка; сварка частей (ножки с туловом и подножкой).

Техника изготовления декора: венецианская филигрань (см. описание технологии № 3233).

Аналогичные сосуды из коллекции ГИМ Н. А. Ашарина относила к продукции завода Орлова, существовавшего в начале XIX в. (Ашарина, 1998. Гл. 6, № 43), но подобные сосуды были широко распространены по всей Европе как минимум со второй половины XVIII в. (см., напр.: Ruempel, 1991. P. 240, № F10048; Англия, около 1750 г.).

Здесь можно привести описание аналогичного бокала в мемуарах С. Т. Аксакова в «Семейной хронике». Описывая приезд Алексея Степановича Багрова (Тимофея Степановича Аксакова) в 1788 г. в родительский дом с молодой женой, упоминает парадный бокал, употреблявшийся в семье в торжественных случаях: «бокал с белыми узорами и синеватой струйкой, которая извивалась внутри стеклянной ножки» (Аксаков, 1987. С. 115).

Бокалы (рис. 4)

Бокал, № 87 (ул. Большая Никитская, ц. Фед. Студита, 1993 г., № 20). Описан по рисунку. Рис. 4, 1.

Полная форма.

Край выпуклый, параллельный, ровный.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу.

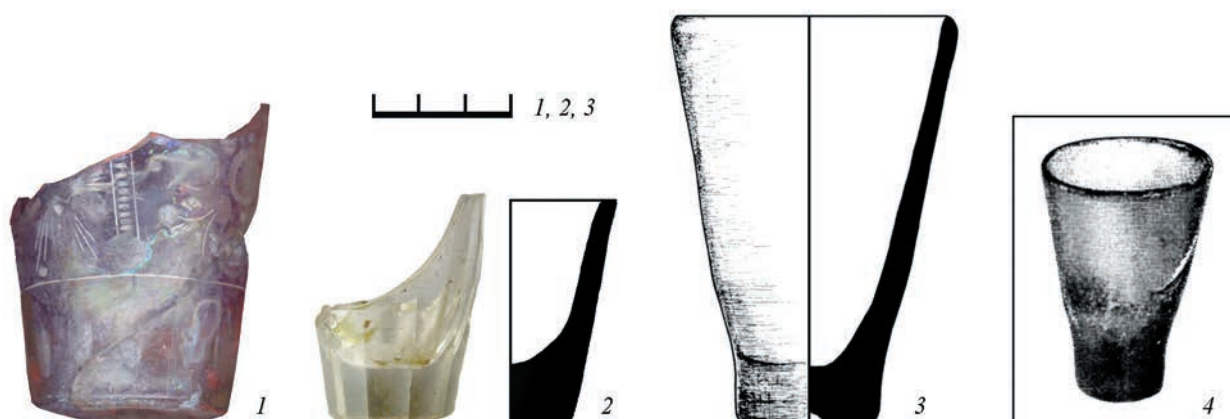

Рис. 5. Бокалы

1 – № 343 (ул. Арбат, 1/7, 1997 г., р. 5, № 41); 2 – № 4503 (Манеж, 2004 г., р. 5, № 154); 3 – № 2110 (Ср. Овчинниковский пер., 4, 1999 г., № 2); 4 – Москва, 1680–1750 (Беляев, 1994. Т. 102, 1)

Дно выпуклое.

Подножка округлая, конус, усеченный сверху, полая, цельная.

Цвет основы – нет сведений.

Бокал, № 1338 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № 289). Рис. 4, 2.

Полная форма; коррозия, иризация по всей поверхности.

Высота общая – 7,2.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 6,14; толщина края – 0,2.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Высота тулова – 5,83; диаметр тулова сверху – 6,14; диаметр тулова внизу – 1,7; толщина тулова внизу – 0,2.

Дно вогнутое, коническое. Диаметр дна – 1,7.

Подножка округлая, шар, усеченный дважды, полая, цельная, продолжение тулова. Высота подножки – 1,37; диаметр – 5,52.

Цвет основы – серо-голубой сильный; стекло прозрачное.

Техника изготовления: выдувание в форму – основа; прессование на шаблон – подножка.

В качестве аналогии можно указать фрагмент из Киева (рис. 4, 3), найденный в слое XVII–XVIII вв. (Шовкопляс, 1974. Рис. 2, 4).

Бокалы (рис. 5)

Бокал, № 343 (ул. Арбат, 1/7, 1997 г., р. 5, № 41). Рис. 5, 1.

Фрагмент, коррозия, иризация.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр тулова внизу – 5,12; толщина тулова внизу – 0,65.

Дно плосковыпуклое внутри. Диаметр дна – 5,12; толщина дна – 0,45.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Цвет декора: серый слабый; стекло непрозрачное.

Декор вогнутый, расположен на тулове, по-видимому, в центральной части. Представляет собой сложную композицию из геометрических и растительных элементов, отделенную от основного поля горизонтальной линией.

Основа выдута в форму, декор резной.

Аналогию пока найти не удалось.

Стопка, № 4503 (Манеж, 2004 г., р. 5, № 154). Рис. 5, 2.

Полная форма, сохранность стекла хорошая. Форма и размеры:

Общая высота – 4,04.

Край – выпуклый, расходящийся, ровный. Диаметр края нельзя установить; толщина края – 0,28.

Тулово граненое, пирамида расходящаяся, усеченная снизу, многогранная. Высота тулова – 4,04; диаметр тулова внизу – 2,31; толщина тулова сверху – 0,28; толщина тулова внизу – 0,33.

Дно плосковогнутое внутри. Диаметр дна – 2,31; толщина дна – 0,87.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму, грани вышлифованы и заполированы.

Стопка, № 618 (Кадашевский 1-й пер., 4–6, 1996 г., р. 1 № с16).

Полная форма, коррозия и иризация по всей поверхности.

Высота общая – 5,8.

Край плоский, расходящийся, ровный. Диаметр края – 5; толщина 1–0,31.

Тулово граненое, пирамида расходящаяся, усеченная снизу. Высота тулова – 5,8; ширина тулова сверху – 5; ширина тулова внизу – 3,58; толщина тулова сверху – 0,31; толщина тулова внизу – 0,44.

Дно плосковогнутое внутри. Диаметр дна – 3,58; толщина дна – 0,90.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму, грани вышлифованы и заполированы.

Бокал, № 2110 (Средний Овчинниковский пер., 4, 1999 г., № с02). Рис. 5, 3.

Полная форма, коррозия во всем объеме.

Высота общая – 9,35; диаметр максимальный 6,34.

Край выпуклый, расходящийся, ровный. Диаметр края – 6,34; толщина края – 0,37.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу, вогнутый; высота тулова – 9,35; диаметр тулова сверху – 6,34; диаметр тулова внизу – 3,96; толщина тулова сверху – 0,37.

Дно плосковогнутое внутри. Диаметр дна – 3,96; толщина – 1,08.

Цвет основы: серо-голубой средний темный; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму.

Как аналогию можно указать стаканчик из раскопок некрополя Даниловского монастыря в Москве (рис. 5, 4), который автор раскопок датирует концом XVII – первой половиной XVIII в. (Беляев, 1994. Т. 102, 1).

Бокалы (рис. 6)

Бокал, № 9794 (пер. Огородная Слобода, 2014 г. Соор. 2; № 3с). Рис. 6, 1.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу, вогнутый. Диаметр тулова внизу – 4,50; толщина тулова внизу – 0,81.

Дно выпуклое внутри. Диаметр – 4,50; высота – 2,89.

Цвет основы: оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

Бокал, № 18790 (Черниговский пер., 3, 2015 г., № 310). Рис. 6, 3.

Полная форма; коррозия по всей поверхности.

Высота общая – 7,89; диаметр максимальный – 7,5.

Край выпуклый, расходящийся, ровный; диаметр края – 7,5; толщина края – 0,34.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу, вогнутый. Высота тулова – 5,04; диаметр тулова сверху – 7,5; диаметр тулова внизу – 4,43; толщина тулова сверху – 0,34; толщина тулова внизу – 0,49.

Дно плосковыпуклое внутри (конус). Высота – 2,85; диаметр – 4,07.

Бокал, № 18221 (Садовническая наб., 57, 2014 г., р. 1, яма 53; № 49с). Рис. 6, 4.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу, вогнутый. Диаметр тулова внизу – 4,26; толщина тулова внизу – 0,69.

Дно плосковогнутое внутри; диаметр дна – 4,26; высота дна – 2,68.

Цвет основы: оливковый сильный светлый; стекло полупрозрачное.

Рис. 6. Бокалы

1 – № 9794 (пер. Огородная Слобода, 2014 г.; № 3с); 2 – Москва, 1680–1750 (Беляев, 1994, т. 102, 1); 3 – № 18790 (Черниговский пер., 3, 2015 г., № 310); 4 – № 18221 (Садовническая наб., 57, 2014 г., р. 1, № 49с)

У двух последних сосудов в нижней части наложены две выпуклые волнистые линии, расположенные горизонтально.

Цвет декора – в цвете предмета.

Все сосуды выдуты в форму, вогнутость дна снаружи залита стеклом, в этой заливке коническое углубление.

Декор – наклад стеклянных нитей.

Как аналогию можно указать стаканчик из Москвы (рис. 6, 2), датируемый автором публикации концом XVII – первой половиной XVIII в. (Беляев, 1994. Т. 102, 1).

Кубок, № 9813 (пер. Огородная Слобода, 2014 г., соор. 2, № 81). Рис. 7.

На большей части сосуда верх обломан, тем не менее можно установить полный профиль.

На стекле основы легкий слой иризации; эмаль росписи сильно разрушена.

Край выпуклый, параллельный, ровный.

Тулово коническое, расширяющееся кверху.

Дно вогнутое.

Размеры: высота – 9,5; диаметр сверху – 9; диаметр внизу – 5,58.

Цвет стекла серо-голубой сильный, стекло прозрачное.

Декор выпуклый.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Материал декора – эмаль, наложенная толстым слоем.

По центру сосуда проходит полоса декора, состоящая из повторяющихся (по-видимому, три раза) сюжетных композиций – собака, стоящая на длинных задних лапах, возле неопределенного растения с наклоненными длинными стеблями с листьями. Эти композиции сверху и снизу обрамлены горизонтальными полосами, к которым сверху (верхняя полоса) и снизу (нижняя полоса) примыкают вытянутые овалы, расположенные наклонно. Полосы и овалы образуют рамку, выделяющую центральное изображение на тулове сосуда (рис. 7, 1, 2).

Техника изготовления основы – выдувание.

Техника декора – роспись.

В некоторых местах эмаль отлетела, но на стекле основы остались углубления, сохраняющие рисунок росписи.

Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1).

Сюжет «собака возле дерева» встречается на стеклянных сосудах разного времени с декором, выполненным в различной технологии: 1) кувшин с росписью (рис. 7, 4); происходит из Богемии и датируется 1597 г. (Gruendig, 1977. № 8, s. 20); 2) штоф с резным декором; найден на Западной Украине, отнесен публикатором к XIX в. (Рожанківський, 1959. Рис. 16а, с. 74).

Рис. 7. Кубок. № 9813 (пер. Огородная Слобода, 2014 г., № 81)

1 – фотографии; 2 – разрез; 3 – развертка декора; 4 – кувшин с росписью, происходит из Богемии и датируется 1597 годом (Glas aus... 1977. № 8, s. 20; 5 – пес, грызущий древо (Эмблемы и символы, 2000. С. 105. № 131)

По-видимому, этот сюжет восходит к эмблеме «Пес, грызущий древо» (рис. 7, 5), опубликованной в неоднократно переиздававшемся в XVII–XVIII вв. сборнике «Эмблемы и символы». Русский перевод 1788 г. недавно перевыпущен (Эмблемы и символы, 2000. С. 105. № 131).

По типологическим параллелям и щелочному сырью кубок можно отнести к продукции центрально-европейской стеколделательной школы, возможно, Богемии.

Чаша на ножках (рис. 8)

Стакан на ножках, № 533 (Кадашевский 1-й пер., 12/11, 1996 г., шурф 4, № 38). Рис. 8, 1.

Фрагмент, иризация по всей поверхности.

Высота общая – 5,2; диаметр максимальный – 7.

Край – плоский, параллельный, неровный. Диаметр края – 7; толщина края – 0,12;

Тулово округлое, цилиндр; высота тулова – 4,2; диаметр тулова – 7; толщина тулова сверху – 0,12.

Дно вогнутое. Диаметр – 7; толщина дна – 0,26.

Ножки (4) бугристые, полусферические усеченные сверху, сплошные, цельные, отдельный элемент.

Высота ножки – 1; диаметр ножки – 1,48.

Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Декор выпуклый.

Цвет декора: в цвете основы.

Расположен на тулове и ножках. Представляет собой шахматную сетку из наибольших трехгранных пирамид.

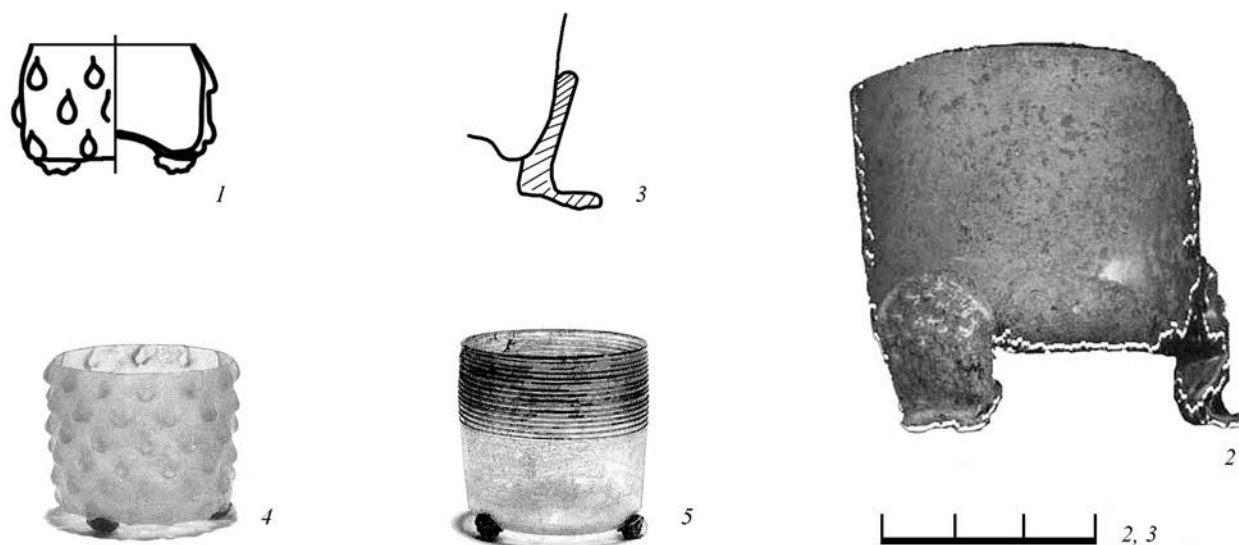

Рис. 8. Чаши на ножках

1 – № 533 (Кадашевский 1-й пер., 12/11, 1996 г., ш. 4, № 38); 2 – № 1442 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № с075); 3 – № 3011 (ул. Б. Дмитровка, 17, 2001 г., р. 1, № 237); 4 – Нидерланды, 1600–1650 (Ruempel, 1991. Р. 192, № 579); 5 – Нидерланды, 1600–1650 (Ruempel, 1991. Р. 191, № 765)

Основа выдута свободно, ножки прилеплены.
Декор оттянут из стекломассы основы.

Стакан (?) на трех ножках, № 1442 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский монастырь, № с075). Рис. 8, 2.
Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Диаметр максимальный – 5,28.

Тулово округлое, цилиндр; диаметр тулова – 5,28; толщина тулова – 0,19.

Дно: вогнутое коническое. Диаметр – 5,28.

Ножки плоские, яйцевидные, изогнутые, сплошные, цельные, отдельный элемент. Высота ножки – 1,6; ширина ножки – 1,48; толщина ножки сверху – 0,85; толщина внизу – 0,30.

Цвет основы: оливковый сильный темный; стекло прозрачное.

Декор выпуклый.

Цвет декора: в цвете основы.

Расположен в верхней части ножек. Представляет собой выступы, образующие сетку.

Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1).

Чаша или стаканчик на ножках, № 3011 (ул. Большая Дмитровка, 17, 2001 г., р. 1, № 237). Рис. 8, 3.
Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, цилиндр; диаметр тулова внизу – 6; толщина тулова внизу – 0,47.

Дно вогнутое, диаметр – 6; толщина дна – 0,69.

Ножка плоская, овал загнутый, сплошная, цельная, отдельный элемент. Высота ножки – 1,00; ширина ножки – 2,25; толщина ножки – 0,71.

Цвет основы: серо-голубой сильный; стекло прозрачное.

Декор выпуклый, расположен в верхней части ножек. Представляет собой выступы, образующие сетку.

Основа выдута свободно, у № 1442 и 3011 ножки сделаны из предварительно сформованных пластин, украшенных выступами. Эти пластины аналогичны лепешкам, наложенным на ножки ремеров (см. выше).

Как аналогии можно рассматривать стаканчики из Нидерландов (рис. 8, 4, 5), датируемые первой половиной XVII в. (Ruempel, 1991. Р. 192, № 579. Р. 191, № 765).

Чарки (рис. 9)

Чарка, № 1397 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № 455). Рис. 9, 1.

Полная форма, коррозия и иризация снаружи и внутри.

Высота общая – 4,8.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 5,86; толщина – 0,32.

Тулово округлое, эллипсоид, усеченный дважды. Высота тулова – 3,7; диаметр тулова вверх – 5,86; диаметр тулова вниз – 2,6.

Дно: выпуклое. Диаметр – 2,6.

Поддон округлый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: под сосудом. Высота поддона – 1,1; диаметр поддона вверх – 2,6; диаметр поддона вниз – 3,26.

Цвет основы: серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму; поддон образован навивкой нити.

Чарка, № 18313 (Садовническая наб., 57, 2014 г., р. 1, яма 1, № 371). Рис. 9, 2.

Полный профиль, коррозия по всей поверхности.

Высота общая – 3,87; диаметр максимальный – 6.

Край выпуклый, сходящийся, ровный. Диаметр края – 6; толщина края – 0,16.

Тулово округлое, эллипсоид, усеченный дважды. Высота тулова – 2,98; диаметр вверх – 6; диаметр вниз – 3,34; толщина тулова вверх – 0,16; толщина вниз – 0,38.

Дно вогнутое. Диаметр дна – 3,34; толщина дна – 0,40.

Подножка округлая, конус, кольцо; сплошная, цельная, отдельный элемент. Высота подножки – 0,89. Диаметр подножки вверх – 3,34; диаметр подножки вниз – 4,05.

Цвет основы: серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное.

Основа выдута в форму; подножка образована навивкой нити.

Чарка, № 5349 (Малый Знаменский пер., 2005 г., зона наблюдений № 24). Рис. 9, 3.

Полная форма, коррозия по всей поверхности.

Высота общая 3,9; диаметр максимальный – 6.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 6; толщина края – 0,36.

Тулово округлое, эллипсоид, усеченный сверху. Высота тулова – 3,11; диаметр тулова вверх – 6; диаметр тулова вниз – 2,36; толщина тулова вверх – 0,36; толщина тулова вниз – 0,49.

Дно выпуклое. Диаметр дна – 2,36; толщина дна – 0,62.

Поддон округлый, конический, лепешка, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: под сосудом. Высота поддона – 0,79; диаметр поддона вверх – 2,36; диаметр поддона вниз – 2,99.

Цвет основы: желто-зеленый сильный темный; стекло полупрозрачное.

Декор плоский.

Материал декора: эмаль.

Цвет: желтый средний (надпись, орнамент), бежевый сильный (рамка) красно-коричневый сильный светлый (фон надписи).

В верхней части тулова, в горизонтальной рамке, образованной двумя линиями желтого цвета, на красном фоне надпись кириллицей «...7 ДНЯ ПОСТРО (ЕН)...». Ниже – бордюр из повторяющихся знаков – прямых и кривых линий, расположенных горизонтально.

Основа отпрессована в форму, поддон образован навитой нитью.

Декор – роспись.

Как аналогию можно предложить стопу с надписью русского производства (рис. 9, 5), датирующуюся 1730-ми годами (Ашарина, 1998. Гл. 3, № 9).

Чарка с ручкой, № 3008 (ул. Большая Дмитровка, 17, 2001 г., р. 1, № 85). Рис. 9, 6.

Полная форма, коррозия и иризация снаружи и внутри.

Высота общая – 3,46.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 5,85; толщина края – 0,30.

Рис. 9. Чарки

1 – № 1397. (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № 455); 2 – № 18313. (Садовническая наб., 57, 2014 г., р. 1, № 371); 3 – № 5349 (М. Знаменский пер., 2005 г., зона наблюдений № 24); 4 – Нидерланды, 1600–1700 (*Ruempel*, 1991. Р. 194, № F5002); 5 – № 3008 (ул. Б. Дмитровка, 17, 2001 г., р. 1, № 85); 6 – Россия, 1730-е (*Ашарина*, 1998. Гл. 3, № 9)

Тулово округлое, сферическое, усеченное сверху. Высота тулова – 2,71; диаметр туловаверху – 5,85; диаметр туловавнизу – 2,1.

Дно вогнутое. Диаметр дна – 2,1.

Поддон округлый, конический, лепешка, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: под сосудом. Высота поддона – 1,1; диаметр поддонаверху – 2,6; диаметр поддонавнизу – 3,26.

Ручка: сечение продольное: угловатая вертикальная острый угол с зацепом; сечение поперечное: плоская, полуовальная, гладкая, одинарная; строение: сплошная цельная. Ширина ручкиверху – 1,08, ширина ручкивнизу – 0,68; толщина ручкиверху – 0,67; толщина ручкивнизу – 0,50.

Цвет основы: желто-зеленый сильный темный; стекло прозрачное.

С противоположной от ручки стороны прилеплена дуга.

Основа выдута в форму, поддон – навивка нити, ручка предварительно отформована из палочки и прилеплена к тулову.

Аналогичная чашечка, которую автор раскопок считает солонкой и датирует концом XVII в., найдена при раскопках на территории Меньшиковского дворца в Санкт-Петербурге (*Грач*, 1957. Табл. XXI-2). Укажем также чашечку с ручкой из Нидерландов (рис. 9, 4), датируемую концом XVII в. (*Ruempel*, 1991. Р. 194, № F5002).

Солонки и баночки (рис. 10)

Солонка, № 4540 (*Манеж*, 2004 г., р. 07, № 254). Рис. 10, 1.

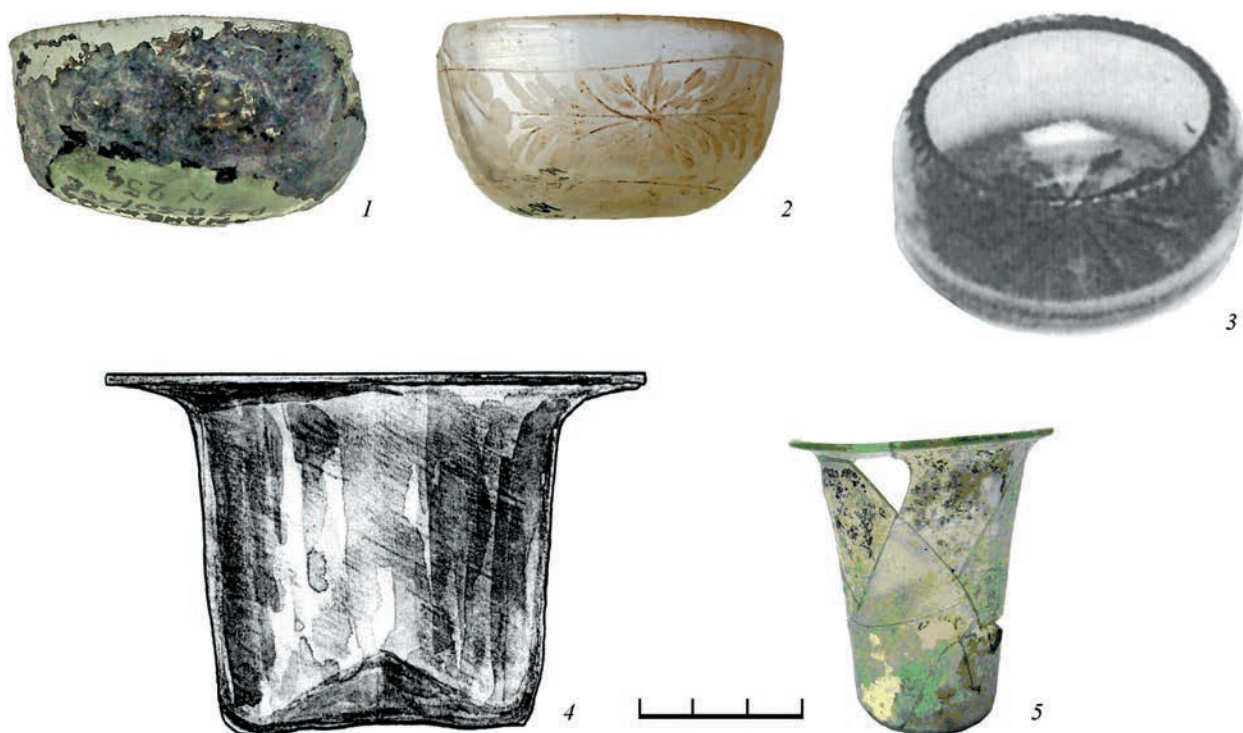
Фрагмент, коррозия по всей поверхности. Край выпуклый, расходящийся, ровный. Диаметр края – 6; толщина края – 0,31.

Тулово округлое, шар, усеченный дважды. Диаметр туловаверху – 6; толщина тулова – 0,31.

Цвет основы: серо-голубой средний; стекло прозрачное. Основа выдута в форму.

Солонка, № 4554 (*Манеж*, 2004 г., р. 10, № 043). Рис. 10, 2.

Полная форма, сохранность стекла хорошая. Высота – 2,89.

Рис. 10. Солонки и баночки

1 – № 4540 (Манеж, 2004 г., р. 07, № 254); 2 – № 4554 (Манеж, 2004 г., р. 10, № 043); 3 – Англия, 1910 г. (Miller's guide, 2004. Р. 232 б/№); 4 – № 1296 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № 41); 5 – Киев, XVII–XVIII вв. (Починок, Чекановский, 2015. Рис. X, 6)

Край плоский, расходящийся, ровный. Диаметр края – 5,66; толщина края – 0,31.

Тулово округлое, шар, усеченный дважды. Высота тулова – 2,89; диаметр тулова сверху – 5,66; диаметр тулова внизу – 1,82; толщина тулова – 0,31.

Дно: вогнутое. Диаметр дна – 1,82; толщина дна – 0,60.

Цвет основы: серый слабый, стекло прозрачное. Декор вогнутый, расположен в центре тулова.

Цвет декора: белый ахроматический непрозрачный. Представляет собой бордюр из расположенных горизонтально цветов, сверху и снизу обрамленных горизонтальными линиями, образующими рамку. На нижнюю линию рамки наложен горизонтальный бордюр из двух рядов повторяющихся наклонных овалов. Основа выдута в форму.

Декор резной.

Как аналогию формы можно предположить солонку из Англии (рис. 10, 3) начала XX в. (Miller's glass... 2004. Р. 232 б/№). Как аналогию декора – декор на бокале из Чехии, начала XVIII в. и декор на графине первой половины XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 12, s. 28. Rys. 72, s. 92).

Банка (?), № 1296 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, погр. 18, № 41). Рис. 10, 4.

Полная форма, коррозия локально.

Высота общая – 5,1.

Край выпуклый параллельный ровный. Диаметр края – 7,8; толщина края – 0,19.

Венчик наклонный наружу, дугообразный. Высота венчика – 0,7; диаметр венчика сверху – 7,8; диаметр венчика внизу – 5,78; толщина венчика сверху – 0,19.

Тулово округлое, цилиндр. Высота тулова – 4,4; диаметр тулова сверху – 5,78; диаметр тулова внизу – 5,37.

Дно вогнутое, коническое. Диаметр дна – 5,37.

Цвет основы: серо-голубой средний темный; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму; венчик прижат и отогнут пинцетом.

Как аналогию можно указать банку из Киева (рис. 10, 5), которую авторы раскопок датируют XVII–XVIII вв. (Починок, Чекановский, 2015. Рис. X, 6).

Рис. 11. Стаканы простые

1 – № 2241 (Коломенское, 2001 г., № 272); 2 – Украина, XVIII в. (Рожанківський, 1959. Рис. 15в, с. 73) – неточно;
3 – № 618 (Кадашевский 1-й пер., 4–6, 1996 г., р. 1, № с16); 4 – № 756 (Голиковский пер., 13, 1997 г., р. 1, № 15);
5 – сосуд, Варшава, 1701–1750 (Ciepiela, 1977. Rys. 35, s. 52)

Кубки или стаканы простые (рис. 11)

Кубок, № 2241 (Коломенское, 2001 г., № 272). Рис. 11, 1.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 7; толщина края – 0,37.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Диаметр тулова вверх – 7; диаметр тулова вниз – 4,70; толщина тулова вверх – 0,37.

Дно вогнутое. Диаметр – 4,70.

Цвет основы: оливковый средний светлый; стекло прозрачное.

Декор выпуклый.

Цвет декора – в цвете предмета.

Материал декора – стекло.

В центре тулова две горизонтальные линии – прямая и волнистая.

Основа выдута (точнее сказать нельзя).

Декор наложен.

Как аналогию, хотя и неточную, можно предложить кружку с Украины (рис. 11, 2), датируемую XVIII в. (Рожанківський, 1959. Рис. 15в, с. 73).

Стопка, № 618 (Кадашевский 1-й пер., 4–6, 1996 г., р. 1, сооп. 4, № с16). Рис. 11, 3.

Полная форма, коррозия и иризация по всей поверхности.

Высота общая – 5,8.

Край плоский, расходящийся, ровный. Диаметр края – 5; толщина края – 0,31.

Тулово граненое, пирамида расходящаяся, усеченная снизу. Высота тулова – 5,8; ширина туловаверху – 5; ширина тулова внизу – 3,58; толщина туловаверху – 0,31; толщина тулова внизу – 0,44.

Дно плосковогнутое внутри. Диаметр дна – 3,58; толщина дна – 0,90.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму, грани вышлифованы.

Бокал (стакан), № 756 (Голиковский пер., 13, 1997 г., р. 1, № 15). Рис. 11, 4.

Полная форма, коррозия локально.

Высота общая – 8,5.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 6; Е1–0,26.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Высота тулова – 8,5; диаметр туловаверху – 6; диаметр тулова внизу – 4,72; толщина туловаверху – 0,26.

Дно плосковыпуклое внутри. Диаметр дна – 4,72; толщина дна – 1.

Цвет основы: желто-зеленый средний темный; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму.

Как аналогию можно указать сосуд из Варшавы (рис. 11, 5), датирующийся первой половиной XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 35, s. 52).

Кубки или стаканы резные (рис. 12)

Кубок, № 59 (ул. Пушкинская (Большая Дмитровка), 5/6, Георгиевский мон-рь, 1990 г., № 48). Рис. 12, 1.

Фрагмент (описан по рисунку).

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу.

Декор вогнутый.

Расположен в нижней части тулова. Представляет собой соединение двух бордюров – внизу крупные повторяющиеся вертикальные овалы, над ними – ряд небольших горизонтальных овалов.

Основа выдута в форму.

Декор резной.

Кубок (верх срезан), № 1288 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, погр. 3; № 17). Рис. 12, 2.

Фрагмент (верх срезан), коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Диаметр тулова внизу – 5,2; толщина тулова внизу – 0,17.

Дно плосковогнутое внутри. Диаметр дна – 5,2.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор вогнутый.

Расположен в нижней части тулова. Над дном – бордюр из повторяющихся полуovalов, расположенных вертикально. Выше – повторяющиеся ячейки, разделенные вертикальными полосами, на которые нанесены мелкие горизонтальные линии. В ячейках помещены стилизованные цветы.

Основа выдута в форму, дно подшлифовано.

Декор резной.

Как аналогию можно указать стаканчик из Варшавы середины XVIII в. (рис. 12, 3) (Ciepiela, 1977. Rys. 47, s. 59).

Стакан, № 18794 (Черниговский пер., 3, 2015 г., № 314). Рис. 12, 4.

Полная форма; коррозия и иризация по всей поверхности.

Высота общая – 8,3; диаметр – 6,13.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 6,13; толщина края – 0,22.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Высота тулова – 8,3; диаметр туловаверху – 6,13; диаметр тулова внизу – 5,65; толщина туловаверху – 0,22; толщина тулова внизу – 0,63.

Дно плоское. Диаметр – 5,65; толщина дна – 0,47.

Цвет основы: серый слабый; стекло полупрозрачное.

Декор вогнутый.

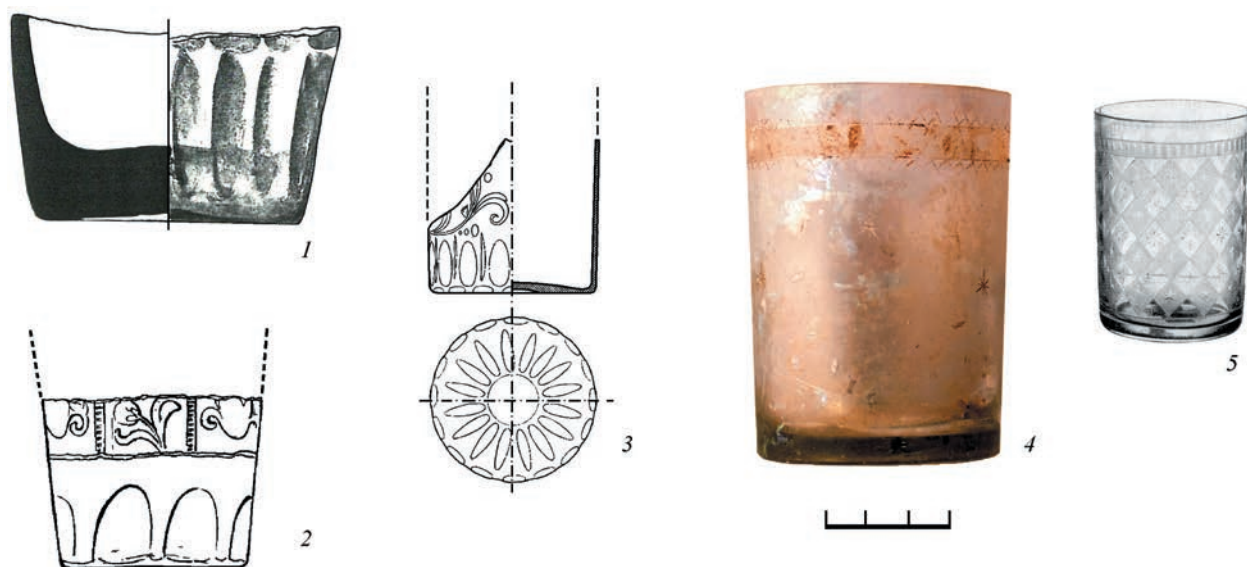

Рис. 12. Стаканы резные

1 – № 59 (ул. Пушкинская (Б. Дмитровка), 5/6, Георгиевский мон-рь, 1990 г., № 48); 2 – № 1288 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № 17); 3 – Варшава, 1725–1775 (Ciepiela, 1977. Rys. 47, s. 59); 4 – № 18794 (Черниговский пер., 3, 2015 г., № 314); 5 – сосуд, Варшава, 1800–1820 (Ciepiela, 1977. Rys. 54, s. 65)

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Расположен на тулове. В верхней части – широкая горизонтальная полоса, с двух сторон обрамленная зигзагами. Ниже – восьмилучевые звездочки, размещенные в шахматном порядке.

Основа – выдувание в форму;

Декор – шлифование и резание.

Как аналогию можно указать стакан из Варшавы (рис. 12, 5), датируемый второй половиной XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 54), однако по сравнению с нашим стаканом декор у него более сложный).

Стопы на поддонах (рис. 13)

Стопа, № 221 (ул. Арбат, 1/7, 1996 г., р. 2, № 60). Рис. 13, 1.

Полная форма, коррозия по всей поверхности.

Высота общая – 6,89.

Край острый, сходящийся, неровный. Диаметр края – 5,18; толщина края – 0,16.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу, вогнутый. Высота тулова – 6,25; диаметр тулова вверху – 5,18; диаметр тулова внизу – 4,54; толщина тулова вверху – 0,16.

Дно вогнутое коническое. Диаметр – 4,54.

Поддон округлый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Высота поддона – 0,64; диаметр поддона вверху – 4,54; диаметр поддона внизу – 5,61; ширина поддона – 0,58.

Цвет основы: оливковый средний светлый; стекло прозрачное.

Декор выпуклый.

Цвет декора: в цвете предмета.

Материал декора: стекло.

Расположен в центре тулова. Представляет собой бордюр из больших овалов, расположенных вертикально.

Основа выдута в форму.

Поддон – навивка нити.

Декор – навивка нити.

Как неточную аналогию можно предложить сосуды с Украины (Волинь) (рис. 13, 2), датируемые XVI–XVII вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 7в, с. 42), и из Германии или Нидерландов (рис. 13, 3) конца XVI – XVII в. (Rietmel, 1991. P. 194, № F5039).

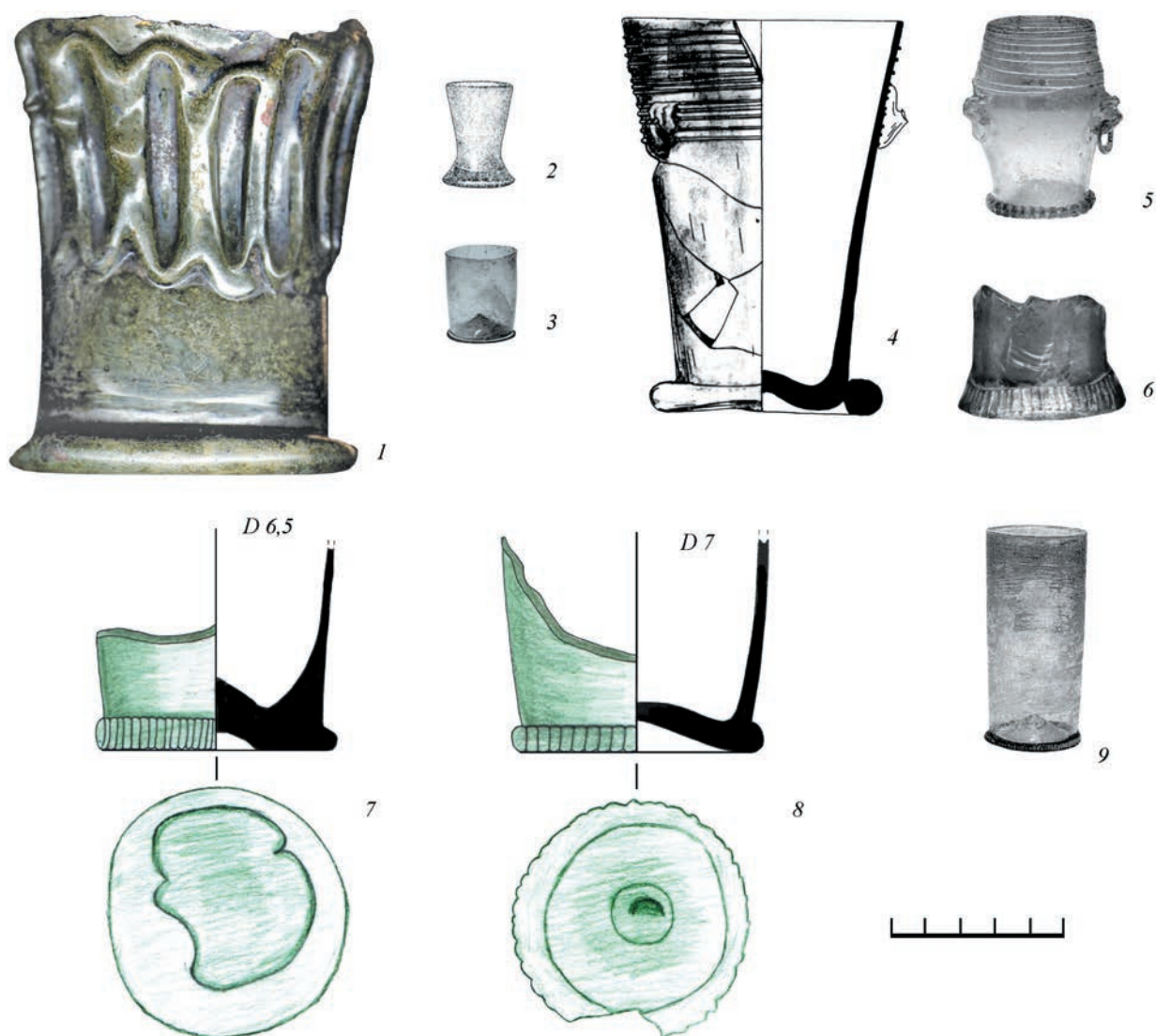

Рис. 13. Стопы на поддонах

1 – № 221 (ул. Арбат, 1/7, 1996 г., р. 2, № 60); 2 – Украина, Волынь, XVI–XVII вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 07в, с. 42); 3 – Германия или Нидерланды, 1575–1700 (Ruempel, 1991. Р. 194, № F5039); 4 – № 842 (Сеченовский пер., 1998 г., ш. 1, № 10); 5 – Германия, 1550–1600 (Ruempel, 1991. Р. 138, № 732); 6 – № 1493 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № с126); 7 – № 5911 (ул. Таганская, 3, 2006 г., зона наблюдений, № с3); 8 – № 5912 (ул. Таганская, 3, 2006 г., зона наблюдений, № с4); 9 – Нидерланды, 1600–1675 (Ruempel, 1991. Р. 192, № F5009)

Стопа, № 842 (Сеченовский пер., 1998 г., шурф 1, № 10). Рис. 13, 4.

Полная форма, коррозия и иризация по всей поверхности.

Высота общая – 11.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 8; толщина – 0,27.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Высота тулова – 10,17; диаметрверху – 8; диаметрвнизу – 4,85; толщинаверху – 0,27; толщинатуловавнизу – 0,43.

Дно вогнутое. Диаметр дна – 4,85.

Поддон округлый, зонный, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Высота поддона – 0,83; диаметр поддона – 6,5; ширина поддона – 1,28.

Цвет основы: серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Декор выпуклый.

Цвет декора: в цвете предмета.

Материал декора: стекло.

В верхней части сосуда горизонтальная спирально навитая линия. Внизу с двух сторон на нити навивки наложены вертикальные выступы, напоминающие ушки для подвешивания. Аналогичный выступ отмечен нами у чарки (см. № 3008).

Основа выдута в форму, поддон образован накладом полосы,

Декор – наклад полосы.

Как аналогию можно указать сосуд из Германии второй половины XVI в. (рис. 13, 5) (*Ruempel*, 1991. P. 138, № 732).

Стопа, № 1493 (Манежная пл., 1995 г, Моисеевский мон-рь, № с126). Рис. 13, 6.

Фрагмент, коррозия и иризация снаружи.

Тулово граненое, призма многогранная; толщина тулова – 0,28.

Дно вогнутое коническое. Ширина дна – 3,38.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Высота – 1,28; диаметр – 4,84; ширина поддона – 1,02.

Цвет основы: серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Стопа, № 5911 (ул. Таганская, 3, 2006 г. Зона наблюдений, № с3). Рис. 13, 7.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, цилиндр; диаметр тулова внизу – 6,33; толщина тулова – 0,38.

Дно вогнутое, коническое. Диаметр дна – 6,33; толщина дна – 0,48.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: под сосудом. Высота поддона – 1,19; диаметр поддона сверху – 6,58; диаметр поддона внизу – 7,23; ширина поддона – 0,79–2,62.

Цвет основы: серо-голубой средний; стекло полупрозрачное.

Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1).

Стопа, № 5912 (ул. Таганская, 3, 2006 г. Зона наблюдений, № с4). Рис. 13, 8.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, цилиндр; диаметр тулова внизу – 6,68; толщина тулова – 0,36.

Дно вогнутое, сферическое. Диаметр дна – 6,68; толщина дна – 0,45.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: под сосудом. Высота поддона – 1,10; диаметр поддона сверху – 6,80; диаметр поддона внизу – 7,12; ширина поддона – 1,03.

Цвет основы: серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1).

Техника изготовления № 1493, 5911, 5912: основа выдута в форму, поддон образован накладной полосой. Ребра нанесены ножом.

Как аналогию можно указать сосуд из Нидерландов (рис. 13, 9), датируемый началом – третьей четвертью XVIII в. (*Ruempel*, 1991. P. 192, № F5009).

Стопы на поддонах (*a la facon de Venice*) (рис. 14)

Стопа, № 726; (ул. Пречистенка, 1997 г., р. 1, № с004). Рис. 14, 1.

Фрагмент, сохранность стекла хорошая.

Тулово округлое, цилиндр; диаметр тулова внизу – 5,5; толщина тулова – 0,19.

Дно вогнутое (?). Диаметр – 5,5.

Поддон ребристый, цилиндрический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Высота поддона – 0,48; диаметр поддона – 6; ширина поддона – 0,42.

Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Декор плоский.

Цвет декора: белый ахроматический, стекло непрозрачное.

Материал декора: цветное стекло.

На всей поверхности основы наклонно расположены полосы.

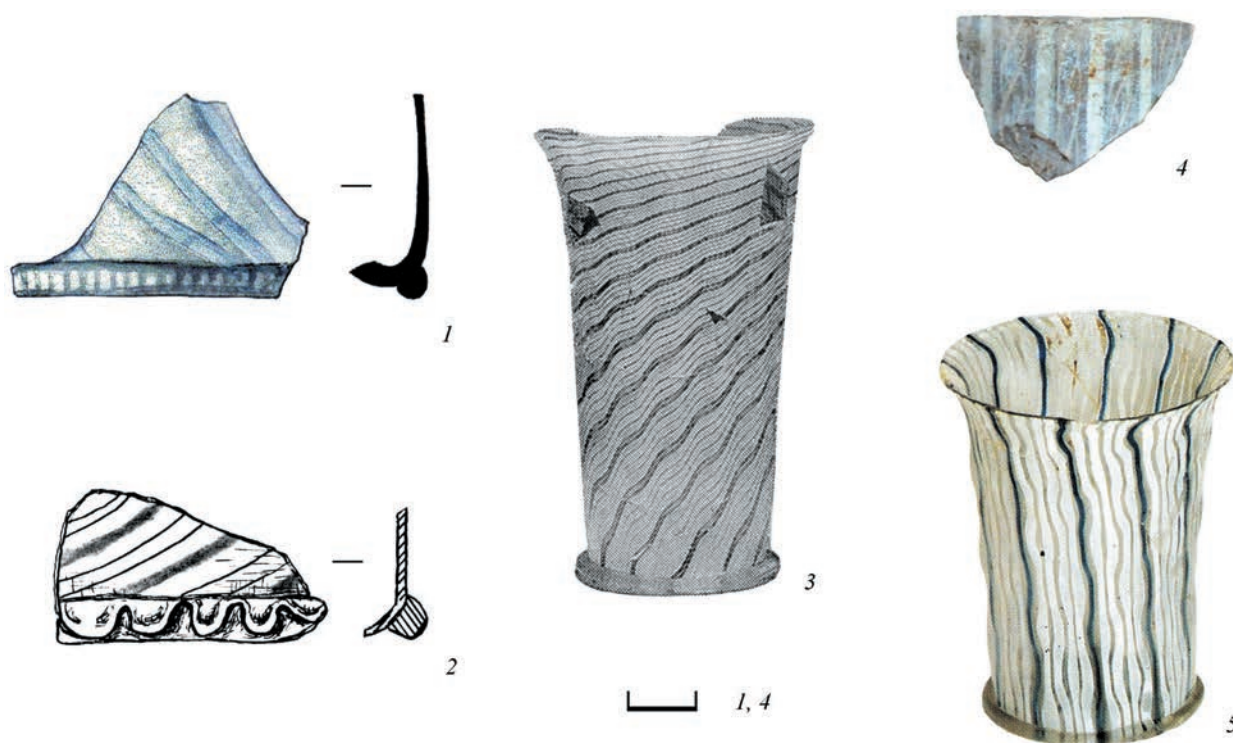

Рис. 14. Стопы на поддонах – *a la façon de Venice*

1 – № 726 (ул. Пречистенка, 1997 г., р. 1, № с004) – R193_1; 2 – № 3066 (ул. Б. Дмитровка, 17, 2001 г., р. 1, № с042); 3 – Нидерланды, 1600–1650 (Ruempel, 1991. Р. 193; № F5044); 4 – № 7815 (ул. Ильинка, 3/8, Теплые ряды, 2008 г., р. 1, № 252); 5 – Гейдельберг, около 1600 г. (Heidelberg, 1992)

Стопа, № 3066 (ул. Большая Дмитровка, 17, 2001 г., р. 1, № с042). Рис. 14, 2.

Фрагмент, иризация по всей поверхности.

Тулово округлое, цилиндр; диаметр тулова внизу – 10,5; толщина тулова внизу – 0,25.

Дно вогнутое (?). Диаметр дна – 10,5; толщина дна – 0,26.

Поддон ребристый, зонный, кольцо; строение: сплошной цельный отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Высота поддона – 0,64; диаметр поддона – 11; ширина поддона – 0,59.

Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Цвет декора: белый ахроматический; сине-фиолетовый средний, стекло непрозрачное.

Материал декора: цветное стекло.

На всей поверхности основы наклонно расположены чередующиеся полосы белого и сине-фиолетового цвета.

Стопа (?), № 4400 (ул. Знаменка, 3–7, 2002 г.; № оп. 65).

Фрагмент. Иризация по всей поверхности.

Край выпуклый, расходящийся, ровный; диаметр края – 8; толщина края – 0,22.

Тулово округлое, коническое; диаметр туловаверху – 8, толщина туловаверху – 0,22.

Цвет основы: серый, стекло прозрачное.

Цвет декора: белый ахроматический; сине-фиолетовый средний, стекло непрозрачное.

Материал декора: цветное стекло.

На всей поверхности основы наклонно расположены полосы.

Основа выдута в форму и закручена;

поддон образует навитая нить, дополнительно отпрессованная ножом.

Декор: полосы образованы наложением палочек из цветного стекла.

Как аналогию можно привести сосуд из Нидерландов (рис. 14, 3) первой половины XVII в. (Ruempel, 1991. Р. 193, № F5044).

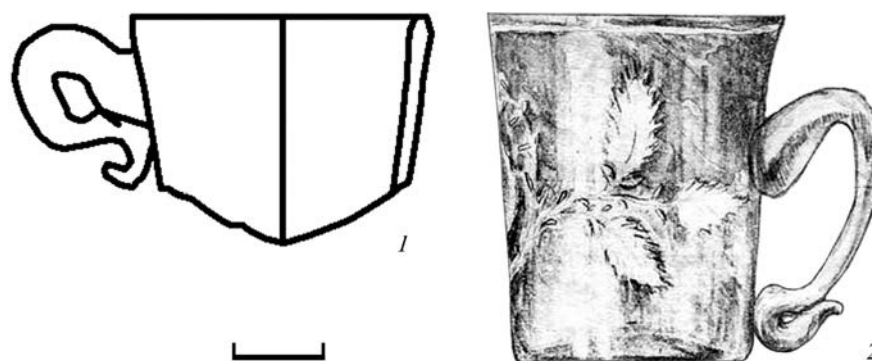

Рис. 15. Кружки

1 – № 394 (Б. Ордынка, 1–5, 1995 г., р. 1, № с008) XVIII в.;
2 – № 1413 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № 584)

Бокал (чаша), № 7815 (ул. Ильинка, 3/8, Теплые ряды, 2008 г., р. 1, № 252). Рис. 14, 4.

Обломок, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр тулова 5; толщина тулова – 0,28.

Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Декор плоский.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

На тулово сосуда наложены вертикально плоские белые непрозрачные полосы, при этом чередуются сплошные и составленные из тонких непрозрачных нитей, наложенных на прозрачную основу.

Основа выдута в форму,

Декор – наклад палочек.

Детально техника изготовления подобных полос описана выше (см. № 3233)

Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1).

Как аналогию можно указать сосуд (*Humpfen*) из Гейдельберга (рис. 14, 5), датирующийся концом XVI в. (Vor dem grossen Brand... 1992).

Судя по аналогиям и источнику щелочного сырья, рассмотренные сосуды можно относить к центрально-европейской школе стеклоделия (в данном случае – Германия).

Кружки (рис. 15)

Чарка или кружка, № 394 (ул. Большая Ордынка, 1–5, 1995 г., р. 1, № с008), XVIII в. Рис. 15, 1.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Край выпуклый, параллельный, ровный. Диаметр края – 5,2; толщина – 0,32.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Диаметр тулова сверху – 5,2; толщина тулова – 0,28.

Ручка: сечение продольное: изогнутая вертикальная; сечение поперечное (прут): округлая, круг; строение: сплошная. Длина ручки – 7,2; высота ручки – 2,05; диаметр ручки сверху – 1,52; диаметр ручки внизу – 0,70.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Для изготовления ручки был отрезан кусок стеклянной палочки, который затем прилепили к основе, а свободные концы завернули на палочку.

Кружка, № 1413 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № 584). Рис. 15, 2.

Полная форма, коррозия и иризация локально.

Высота общая – 6,10; диаметр максимальный – 0,54.

Край плоский, параллельный, ровный. Диаметр края – 5,40; толщина края – 0,6.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу, вогнутый. Высота тулова – 6,10; диаметр сверху – 5,40; диаметр внизу – 4,45; толщина тулова – 0,1.

Дно вогнутое сферическое. Диаметр дна – 4,45.

Ручка: сечение продольное: округлая, вертикальная с загибом вверх и вниз; сечение поперечное: округлая, круг, гладкая одинарная; строение: сплошная цельная. Длина ручки – 8, 52; высота ручки – 2,00. диаметр ручки вверх – 1,24; диаметр ручки вниз – 0,6.

Цвет основы: серый, слабый, стекло прозрачное.

Декор вогнутый.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

На всей поверхности тулова расположен детально изображенный цветок со стеблем и листьями. По краю проходит горизонтальная полоса, отделяющая декор от края.

Основа выдута в форму и раздута. Для изготовления ручки был отрезан кусок стеклянной палочки, который затем прилепили к основе, а свободные концы завернули на палочку.

Декор – резной.

Аналогичную манеру нанесения рисунка на сосуд Н. А. Ашарина именovala «англицкой рисовкой» и считала признаком продукции завода Потемкина/Орлова, датировав самым концом XVIII в. (*Ашарина*, 1998. С. 75; см. также: *Долгих*, 1985. № 106).

Кружки на волнистых поддонах (рис. 16)

Стопа-кружка, № 1026 (ул. Ильинка, проезж. часть. Зона наблюдений 4, 1996 г., № 011). Рис. 16, 1.

Фрагмент, описан по рисунку.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр тулова вверх – 6,5.

Дно вогнутое.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: под сосудом.

Ручка: сечение продольное: вертикальная; сечение поперечное: плоская; строение: сплошная.

Стопа-кружка, № 1211 (Манежная пл., 1994 г., р. 14, № 046). Рис. 16, 2.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; толщина тулова – 0,49.

Дно: вогнутое; толщина дна – 0,83–0,49.

Поддон:

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг сосуда.

Высота поддона – 1,59; диаметр поддона – 7.

Цвет тулова: синий средний; поддон: серо-голубой сильный темный; стекло прозрачное.

Выдувание в форму – основа; навивка нити – поддон; прессование ножом – поддон.

Стопа-кружка, № 1426 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № с010). Рис. 16, 3.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; толщина тулова – 0,71.

Дно плосковыпуклое внутри. Диаметр дна – 3,76.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: под сосудом. Высота поддона – 1,25; диаметр поддона вверх – 3,76; диаметр поддона вниз – 5,7; ширина поддона – 0,95.

Ручка: сечение продольное: вертикальная с загибом вниз; сечение поперечное: плоская, овальная, гладкая одинарная; строение: сплошная. Диаметр ручки вниз – 1,67; толщина ручки вниз – 0,27.

Цвет основы: желто-зеленый сильный темный; стекло прозрачное.

Стопа-кружка, № 4600 (Малый Афанасьевский пер., 4, 6, стр. 1, 2003 г., № 20). Рис. 16, 4.

Полная форма, коррозия по всей поверхности.

Форма и размеры:

Высота – 9,6; диаметр максимальный – 6.

Край выпуклый, расходящийся ровный. Диаметр края – 6; толщина края – 0,32.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Высота тулова – 9,6; диаметр тулова вверх – 6; диаметр тулова вниз – 3,72; толщина тулова вверх – 0,32.

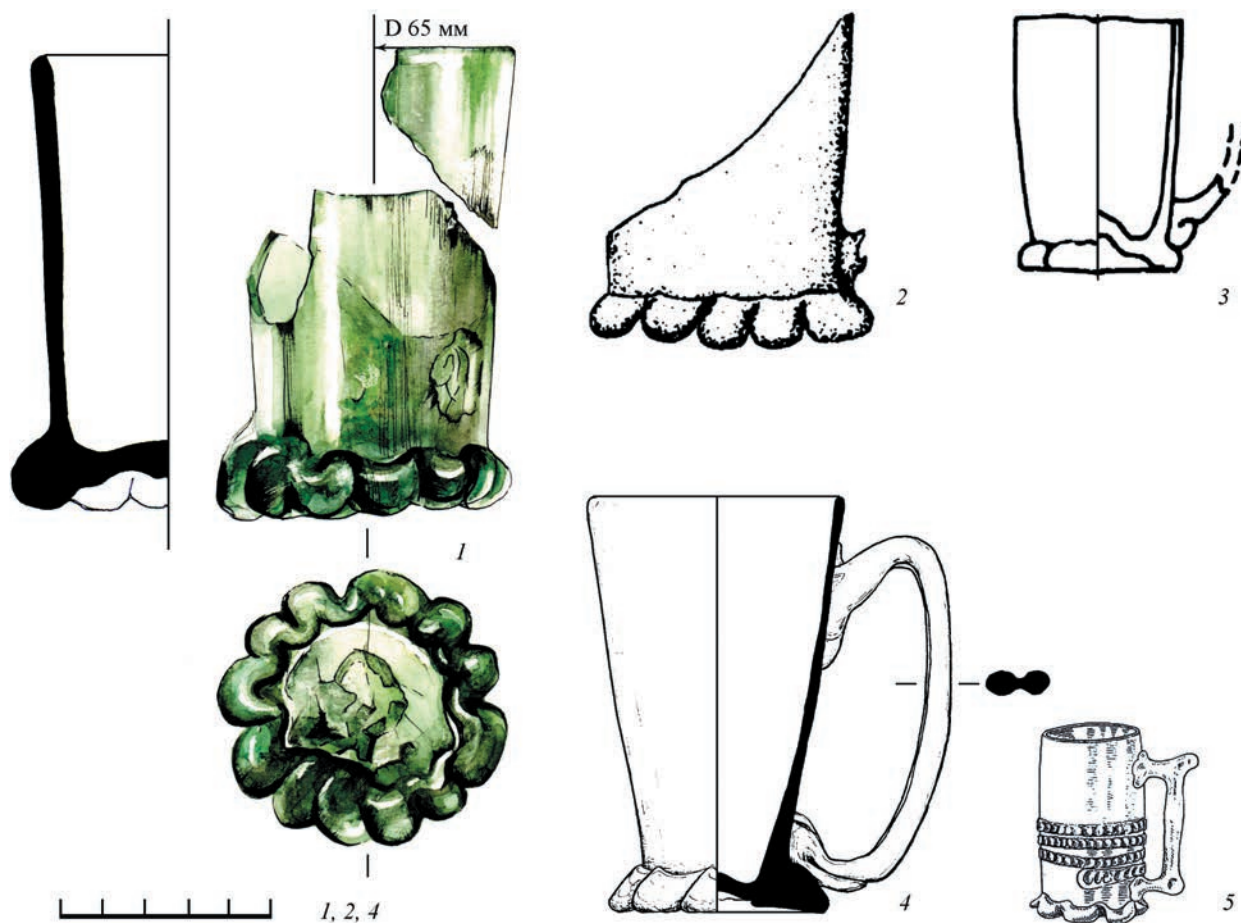

Рис. 16. Кружки на волнистых поддонах

1 – № 1026 (ул. Ильинка, проезд. часть, зона наблюдений 4, 1996 г., № 011); 2 – № 1211 (Манежная пл., 1994 г., р. 14, № 046); 3 – № 1426 (Манежная пл., 1995 г., Моисеевский мон-рь, № с010); 4 – № 4600 (М. Афанасьевский пер., 4, 6, стр. 1, 2, 2003 г., № 20); 5 – Украина, Волынь, XVI–XVII вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 7г, с. 42)

Дно вогнутое коническое. Диаметр дна – 3,72.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Высота поддона – 1,24; диаметр поддонаверху – 4,01; диаметр поддонавнизу – 5,02; ширина поддона – 1,53.

Ручка: сечение продольное: округлая вертикальная; сечение поперечное: плоская; строение: сплошная составная из двух прутков. Длина ручки – 14,5; высота ручки – 2,99; ширина ручки в месте прилепа – 2,87; ширина ручкивверху – 2,11; ширина ручкивнизу – 2,27; толщина ручкивверху – 0,65; толщина ручкивнизу – 0,67.

Цвет основы: серо-голубой сильный; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму и раздута. Поддон образован накладной полосой. Ребра нанесены ножом. Для изготовления ручки был отрезан кусок стеклянной палочки, который затем прилепили к основе, а свободные концы завернули на палочку.

Как аналогии, хотя и не очень точные, можно привести два украинских сосуда (Рожанківський, 1959. Рис. 7в, 7г, с. 42). Первый датируется XVI–XVII вв., второй – XVI в. (рис. 16, 5). Ни один из указанных сосудов не совпадает детально с нашим, однако можно говорить о совпадении многих элементов.

Кружки. Целые формы (рис. 17)

Кружка двуручная, № 18558 (Кадашевский туп./ул. Ордынка, 3/8–14, 2015 г. № 1720). Рис. 17, 1. Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Рис. 17. Кружки. Целые формы

1 – № 18558 (Кадашевский туп. / ул. Ордынка, 3 / 8–14, 2015 г. № 1720; 2 – № 18312. (Садовническая наб., 57, 2014 г., р. 1, № 370); 3 – Киев, XVII–XVIII вв. (Починок, Чекановский, 2015. Рис. X, 1)

Высота общая – более 14,5.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Высота тулова – нельзя указать; диаметр тулова внизу – 8,46; диаметр тулова в середине – 10,2; толщина тулова – 0,41.

Дно вогнутое. Диаметр дна – 8,46.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Высота поддона – 1,37; диаметр поддонаверху – 8,50; диаметр поддонавнизу – 10,1; ширина поддона – 1,09.

Ручка № 1. Сечение продольное: вертикальная, угловатая; сечение поперечное: плоская угловатая; строение: сплошная составная двухжгутовая. Длина ручки – 22; высота ручки – 10,85; ширина ручкиверху – 4,14; ширина ручкивнизу – 2,65; толщина ручкиверху – 0,71; толщина ручкивнизу – 0,48.

Ручка № 2. Сечение продольное: вертикальная, угловатая; сечение поперечное: плоская угловатая; строение: сплошная составная двухжгутовая. Длина ручки – 22; высота ручки – 10,9; ширина ручкиверху – 3,55; ширина ручкивнизу – 2,34; толщина ручкиверху – 1,2; толщина ручкивнизу – 0,50.

Цвет основы: серо-голубой сильный светлый; стекло полупрозрачное (помутневшее).

Декор выпуклый.

Цвет декора: в цвете предмета.

Материал декора: стекло.

Расположен на тулове. В местах прикрепления ручекверху и внизу наложены рифленые полосы. Каждая образует по два витка. Одна – по линии прикрепления ручекверху, другая – над линией прикрепления ручеквнизу.

Образец стекла взят на анализ (см. табл. 1).

Стопа-кружка, № 18312 (Садовническая наб., 57, 2014 г., р. 1, яма 50; № 370). Рис. 17, 2.

Полная форма, коррозия по всей поверхности.

Высота общая – 11,7; диаметр максимальный – 7,9.

Край выпуклый, расходящийся, ровный. Диаметр края – 7,9; толщина края – 0,46.

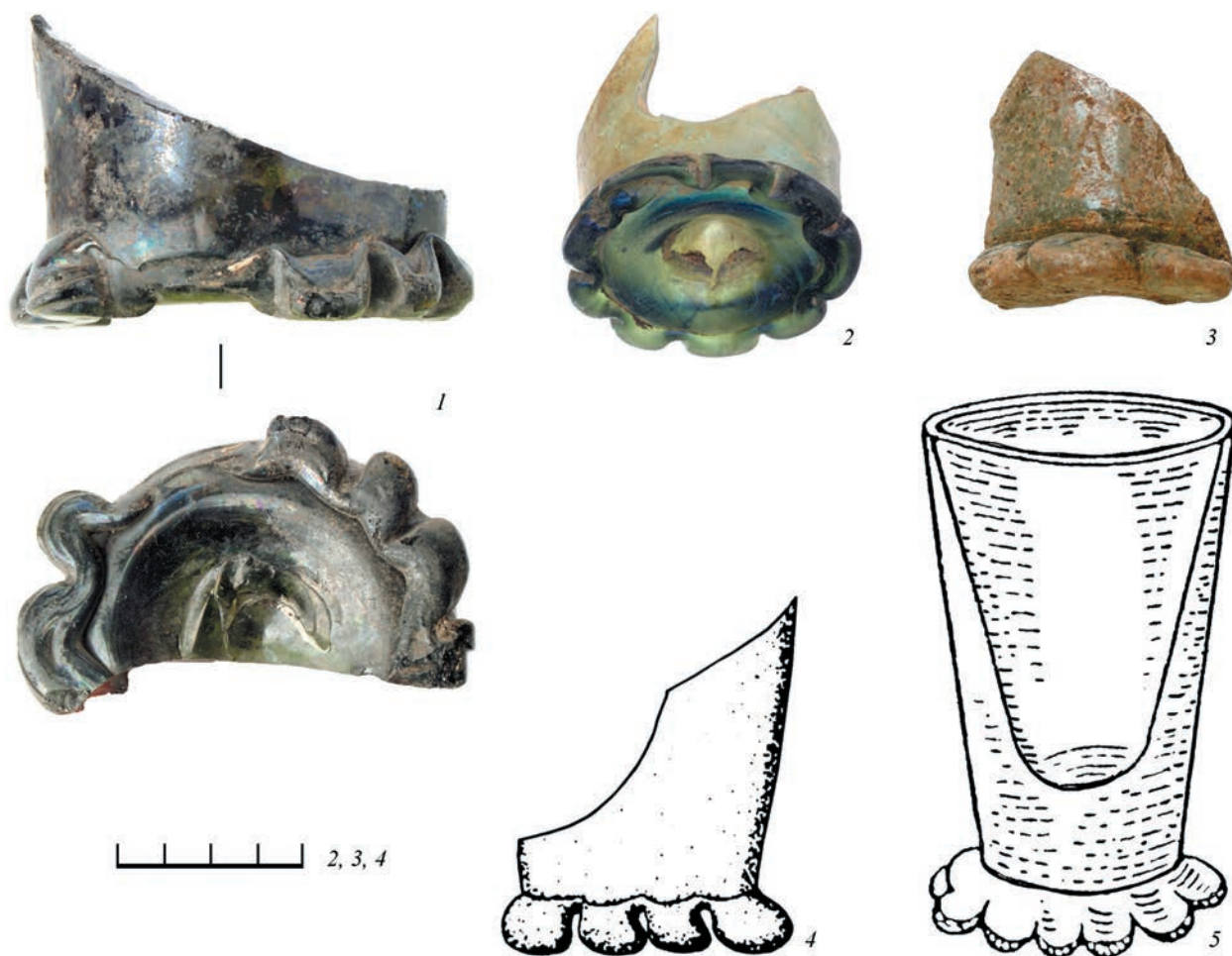
Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Высота тулова – 11,7; диаметр туловаверху – 7,9; диаметр туловавнизу – 6,89; толщина туловаверху – 0,46; толщина туловавнизу – 0,44.

Дно вогнутое, коническое. Диаметр дна – 6,89.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг тулова. Высота поддона – 0,95; диаметр поддона – 7,99; ширина поддона – 0,86.

Ручка: сечение продольное: вертикальная угловатая, уголверху тупой, внизу – острый, внизу петля; сечение поперечное: плоская трехжгутовая; строение: сплошная составная. Длина ручки – 18,5; высота – 9,48; ширинаверху – 4,02; ширинавнизу – 3,39; толщинаверху – 1,48; толщина ручкивнизу – 0,29.

Цвет основы: оливковый сильный светлый, стекло полупрозрачное.

Рис. 18. Стопы или кружки на волнистых поддонах

1 – № 4502 (Манеж, 2004 г., р. 5, № 145); 2 – № 18238 (Садовническая наб., 57, г., № по оп.); 3 – № 4457 (Манеж, г., № по оп.); 4 – № 1159 (Манежная пл., г., № по оп.); 5 – Украина, Волынь, XVI–XVII вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 07в, с. 42)

У обоих сосудов основа выдута в форму; поддон образован накладной полосой. Ребра нанесены ножом. Для изготовления ручек отрезали кусок стеклянной палочки, который затем прилепили к основе, а свободные концы завернули на палочку.

Техника нанесения декора – наклад рифленой полосы.

Как аналогию можно указать сосуд из Киева (рис. 17, 3), относимый авторами к XVII–XVIII вв. (Починок, Чекановский, 2015. Рис. X, 1).

Стопы или кружки на волнистых поддонах (рис. 18)

Стопа (?), № 4502 (Манеж, 2004 г., р. 5, № 145). Рис. 18, 1.

Фрагмент, коррозия локально.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Диаметр тулова внизу – 5,75; толщина тулова внизу – 0,50.

Дно вогнутое. Диаметр дна – 5,75; толщина дна – 0,57.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной цельный отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Высота поддона – 1,26; диаметр сверху – 5,84; диаметр внизу – 6,66; ширина поддона – 1,15.

Цвет основы: оливковый средний; стекло прозрачное.

Стопа (?), № 18238 (Садовническая, 57, 2013 г., яма 47, № 66с). Рис. 18, 2.

Фрагмент, коррозия и иризация по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Диаметр тулова внизу – 5,97; толщина тулова внизу – 0,61.

Дно вогнутое, коническое. Диаметр дна – 5,97.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг тулова. Высота поддона – 0,76; диаметр поддона – 6,76; ширина поддона – 1,19.

Цвет основы: желто-зеленый сильный темный; стекло полупрозрачное.

Стопа или кружка, № 4457 (Манеж, 2004 г., р. 1, № 35). Рис. 18, 3.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Диаметр тулова внизу – 6; толщина тулова – 0,47.

Дно плосковыпуклое внутри. Диаметр дна – 6; толщина дна – 0,60.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Высота поддона – 0,98; диаметр поддона – 7; ширина поддона – 1,60.

Цвет основы: серо-голубой сильный, стекло прозрачное.

Стопа или кружка, № 1159 (Манежная пл., 1993 г., р. 7 № 23). Рис. 18, 4.

Фрагмент, коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу. Диаметр тулова внизу – 3,15; толщина тулова внизу – 0,21.

Дно вогнутое коническое. Диаметр дна – 3,15; толщина дна – 0,21.

Поддон ребристый, конический, кольцо, сплошной, цельный, отдельный элемент. Место: вокруг сосуда. Диаметр поддона – 5,66.

Цвет основы: серо-голубой сильный темный, стекло прозрачное.

У обоих сосудов основа выдута в форму; поддон образован накладной полосой. Ребра нанесены ножом.

Сохранность фрагментов не позволяет сказать, были у этих сосудов ручки или нет, поэтому как аналогии можно рассматривать стопы с Украины с ручкой (см. рис. 16, 5) и без ручки (см. рис. 18, 5) (Рожанківський, 1959. Рис. 7в, 7г, с. 42).

Литература

Аксаков С. Т., 1987. Избранное. М.: Московский рабочий. 542 с.

Ашарина Н. А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX века. М.: ГИМ. 255 с.

Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН. 310 с., 144 табл.

Долгих Е. В., 1985. Русское стекло XVIII века. Собрание Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». М.: Искусство. 246 с.

Починок Э. Ю., Чекановский А. А., 2015. Стекланная посуда из раскопок на территориях киевских монастырей XVII–XVIII веков//Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История. С. 294–299.

Рожанківський В. Ф., 1959. Українське художнє скло. Київ: АН УССР. 152 с.

Шовкопляс А. М., 1974. Некоторые гутные стекланные изделия из Киева//Культура средневековой Руси. Л.: Наука. С. 81–85.

Щапова Ю. Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: МГУ. 120 с.

Махов А. Е., 2000. Вступительная статья//Эмблемы и символы. М.: Интрада. 366 с.

Ciepiela S., 1977. Szkło osiemnastowieczne starej Warszawy. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 141 S.

Gruendig R., 1977. Glas aus zwei Jahrtausenden. Bestaende der Galerie von 700 v. d. Zt bis 1975. Staatliche Galerie Moritzburg Halle: Staatliche Galerie Moritzburg. 98 s.

Harksen S., 1980. Schoenes Glas aus der Staatlichen Galerie Moritz in Halle/Saale. Halle/Saale: Prisma-Verlag, 1980. 43 s.

Vor dem grossen Brand: Arhaeologie zu Fuessen des Heidelberger Schlosses/Lutz Dietrich (ed.). Stuttgart: Landesdenkmalamt Baden-Wuerttemberg, 1992. 144 s.

Mariacher G., 1970. Glass from Antiquity to the Renaissance. Hamlyn publishing group limited. L. – NY – Sidney – Toronto. 1970. 157 p.

Miller's glass buyer's guide. L.: Octopus Publishing group Ltd., 2004. 320 p.

Ruempel A. P. E., 1991. *Ruempel A. P. E., van Dongen A. G. A.*, 1991. *Museum Boymans – van Beuningen Rotterdam: Pre-industrial Utensils 1150–1800.*

Amsterdam: de Bataafsche Leew. 304 p.

Stawiarska T., 1984. *Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski. Studium technologiczne.* Ossolineum. Wrocław etc., 1984. 156 p.; tab., map.

Yu. A. Lighter

Vessels from the excavations of the archaeological service of Moscow (1989–2015): open forms

Summary

The article is devoted to the attribution of open glass vessels found during excavations in Moscow. Most are represented by fragments, but the whole form can be reconstructed by analogy.

Vessels were investigated by the method of Yu. L. Shchapova (1989). The morphology of ves-

sels, manufacturing technology and glass composition were studied. Thanks to this, it was possible to distinguish the glasses of Venetian, Central European, the so-called Cherkasy (Ukrainian) and Russian. The main part of the article is a catalog containing a detailed description of these vessels.

List of figures

Fig. 1. Rare forms. Roemer

1 – roemer, No. 44; 2 – roemer, No. 9812; 3 – roemer, Germany or the Netherlands, 1650–1700 (*Ruempel*, 1991. P. 186, No. 87); 4 – still life with a roemer and a pipe (1625–1635). Artist G. Flegel (Heidelberg, 1992. Fig. 101); 5 – “Winged glass”. No. 3233; 6 – “Winged glass”, Germany or the Netherlands, the 17th c. (*Harksen*, 1980. Fig. 3)

Fig. 2. Footed wineglasses

1 – No. 841; 2 – No. 4467 (*Manege*, p. 3, 2004, No. 45); 3 – No. 4545; 4 – Ukraine, Volyn, the 16th c.

Fig. 3. Footed wineglasses

1 – No. 1034; 2 – Warsaw, 1701–1750 (*Ciepiela*, 1977. Rys. 01, s. 18); 3 – No. 1569; 4 – Warsaw, 1701–1750 (*Ciepiela*, 1977. Rys. 04, s. 20); 5 – No. 3089; 6 – No. 4504; 7 – Warsaw, 1740–1760 (*Ciepiela*, 1977. Rys. 10, s. 26); 8 – No. 8660; 9 – No. 2108

Fig. 4. Footed wineglasses

1 – No 87 (no description); 2 – No 1338; 3 – Kiev, the 17th–18th cc. (*Shovkophyas*, 1974. Fig. 2, 4)

Fig. 5. Wineglasses

1 – No 343; 2 – No 4503; 3 – No 2110; 4 – Moscow, 1680–1750 (*Belyaev*, 1994. T. 102, 1)

Fig. 6. Glasses

1 – No 9794; 2 – Moscow, 1680–1750 (*Belyaev*, 1994, т. 102, 1); 3 – No 18790; 4 – No 18221

Fig. 7. Goblet No 9813

1 – photo; 2 – cut; 3 – brooch of decor; 4 – painted jug from Bohemia, 1597 (*Glas aus...* 1977. No 8, s. 20); 5 – Dog gnawing a tree (Emblems and symbols, 2000. P. 105. No 131)

Fig. 8. Footed bowls

1 – No 533; 2 – No 1442; 3 – No 3011; 4 – Netherlands, 1600–1650 (*Ruempel*, 1991. P. 192, No 579); 5 – the Netherlands, 1600–1650 (*Ruempel*, 1991. P. 191, No 765)

Fig. 9. Rouses

1 – No 1397; 2 – No 18313; 3 – No 5349; 4 – Netherlands, 1600–1700 (*Ruempel*, 1991. P. 194, No F5002); 5 – No 3008; 6 – Russia, 1730s (*Asharina*, 1998. Chapt. 3, No 9)

Fig. 10. Salt shakers and jars

1 – No 4540; 2 – No 4554; 3 – England, 1910 (Miller's guide, 2004. P. 232 without No); 4 – No 1296; 5 – Kiev, the 17th–18th cc. (*Pochinok, Chekanovsky*, 2015. Fig. X, 6)

Fig. 11. Simple glasses

1 – No 2241; 2 – Ukraine, the 18th c. (*Rozhankivsky*, 1959. Fig. 15B, p. 73) – not exactly; 3 – No 618; 4 – No 756; 5 – Warsaw, 1701–1750 (*Ciepiela*, 1977. Rys. 35, s. 52)

Fig. 12. Carved glasses

1 – No 59; 2 – No 1288; 3 – Warsaw, 1725–1775 (*Ciepiela*, 1977. Rys. 47, s. 59); 4 – No 18794; 5 – Warsaw, 1800–1820 (*Ciepiela*, 1977. Rys. 54, s. 65)

Fig. 13. Glasses on pedestals

1 – No 221; 2 – Ukraine, Volyn, the 16th – 17th cc. (*Rozhankivsky*, 1959. Fig. 07B, p. 42); 3 – Germany or the Netherlands, 1575–1700 (*Ruempel*, 1991. P. 194, No F5039); 4 – No 842; 5 – Germany, 1550–1600 (*Ruempel*, 1991. P. 138, No 732); 6 – No 1493; 7 – No 5911; 8 – No 5912; 9 – Netherlands, 1600–1675 (*Ruempel*, 1991. P. 192, No F5009)

Fig. 14. Glasses on pedestals – *a la facon de Venice*

1 – No 726; 2 – No 3066; 3 – Netherlands, 1600–1650 (*Ruempel*, 1991. P. 193; No F5044); 4 – No 7815; 5 – Heidelberg, near 1600 (Heidelberg, 1992)

Fig. 15. Cups

1 – No 394; 2 – No 1413

Fig. 16. Cups on wavy pedestals

1 – No 1026; 2 – No 1211; 3 – No 1426; 4 – No 4600; 5 – Ukraine, Volyn, the 16th – 17th cc. (*Rozhankivsky*, 1959. Fig. 7g, p. 42)

Fig. 17. Cups. Safe forms

1 – No 18558; 2 – No 18312; 3 – Kiev, the 17th – 18th cc. (*Pochinok*, *Chekanovsky*, 2015. Fig. X, 1)

Fig. 18. Glasses or cups on wavy pedestals

1 – No 4502; 2 – No 18238; 3 – No 4457 (Manege, inventory No); 4 – No 1159 (Manegnaya sq., inventory No); 5 – Ukraine, Volyn, the 16th – 17th cc. (*Rozhankivsky*, 1959. Fig. 07B, p. 42)

А. А. Сатурин

Костромской музей-заповедник (КГИАХМЗ), Кострома

«Турецкие» курительные трубки из собрания Костромского музея-заповедника

Небольшая коллекция «турецких» курительных трубок Костромского музея-заповедника (69 экз.) сравнительно полно характеризует особенности среды их бытования на территории Костромского края. Связано это со спецификой формирования собрания: большая часть трубок невысокого качества происходит из археологических раскопок на территории г. Костромы, наиболее дорогие и редкие трубки получены музеем в дар в 1920-х гг. от бывших владельцев, часть предметов происходит из усадеб, расположенных в различных уголках Костромской области.

В конце XVIII в. Кострома становится центром наместничества, а затем и губернии. С этого же времени в отстраиваемом после большого пожара 1773 г. городе постоянно пребывают воинские части Российской императорской армии. Все эти события внесли существенные изменения в бытовую жизнь костромичей. Курительная трубка далеко не сразу стала привычным предметом быта костромского обывателя, о нераспространенности курения трубки в г. Костроме XVII – первой четверти XIX в. свидетельствует отсутствие в культурных отложениях посуда «голландских» белоглиняных трубок, широко известных в материалах раскопок других российских городов. Знакомство костромичей с курением, по-видимому, совпало с появлением моды на употребление так называемых турецких курительных трубок.

Значительное удешевление сырья и контакты с Турцией во второй половине XVIII – начале XIX в. способствовали распространению употребления табака среди различных слоев населения. В этот период дорогие и постоянно бившиеся «голландские» трубки постепенно начинают вытесняться более практичным и доступным «турецким» товаром. Одним из очагов моды на «турецкие» трубки как в Европе, так и в России были питейные заведения и ко-

фейни, где можно было купить табак и воспользоваться имевшимися в них трубками, специально приобретаемыми в больших количествах. Благодаря кабакам привычка курения трубки распространилась даже в сельской местности; один из крестьянских «зароков не пить», скрепленный приговором сельского общества, содержал такую формулировку: «В питейные дома не ходить и в них трубку не курить» (Есипов, 2010).

Большинство исследователей выделяют несколько этапов распространения моды на курение «турецких» глиняных трубок. Первоначально немногочисленные и, как правило, действительно происходившие из Турции, трубки распространились в среде профессиональных военных и торговцев, имевших возможность приобретать их непосредственно в местах традиционного бытования или производства. Затем, в связи с появлением моды на Восток, курение левантийских трубок распространилось в аристократических кругах, представители которых могли заказывать как достаточно дорогие трубки из Константинополя, так и целые наборы для курения. На последнем этапе «стамбулки» стали частью повседневной жизни простых обывателей; возникший массовый спрос побудил местных производителей освоить технологию прессовки и начать изготовление копий популярных образцов. Одними из заказчиков дешевой продукции были мелкие оптовики, которые могли сбывать как новые, так и бывшие в употреблении трубки по достаточно бросовым ценам. Последний этап, как правило, совпадал с началом распространения совершенно новых, неизвестных в Турции, форм, выработанных местными гончарами на основе собственных представлений о функциональности и красоте.

Исследователи разделяют мнение о том, что постоянное пребывание войск на той или иной тер-

ритории являлось одним из основных источников моды на потребление табачных изделий. Показателен пример возникновения саратовской табачной фабрики К. Н. Штафа: Кондратий Николаевич, державший небольшую табачную лавку, решил основать фабрику после перевода в город гусарского полка в 1820 г. (Малинин, 2006. С. 178). В 1829 г. в лавку мещанина Е. И. Волкова, торговавшего в табачном ряду г. Костромы, поступил И. Н. Чумаков. Продажа табака и курительных аксессуаров оказалась настолько выгодной, что в 1836 г. Чумаков открыл собственную лавку в Табачных рядах, а еще через два года нанял помещение для открытия в Костроме первой табачной мануфактуры (Костромские купцы... 2006. С. 20). Несмотря на конкуренцию ярославских фирм Дунаева и Вахрамеева, костромской табак довольно быстро завоевал популярность – В. А. Гиляровский упоминал о нем в книге «Москва и москвичи». С торговли в мелкой лавке начинал и другой известный табачник – Н. Ф. Дунаев, основатель фабрики «Балканская звезда» (г. Ярославль); он торговал табаком, сигарами, трубками, чубуками и различного рода галантерейными товарами (Малинин, 2006. С. 183). Снижение спроса на глиняные трубки связывают с появлением на рубеже 1850–1860-х годов моды на папиросы, которые в целом обходились дороже. В среде малоимущих слоев населения курение трубки могло практиковаться на протяжении достаточно длительного времени. Весьма вероятно существование рынка бывших в употреблении глиняных трубок, о чем свидетельствуют находки изделий со следами использования в Табачных рядах г. Костромы (следы нагара имеют трубки КМЗ КОК-17628/4, 15, 16, 19).

Публикации, посвященные «турецким» курительным трубкам, бытовавшим на территории России в XVII–XIX вв., немногочисленны. Одним из первых к проблеме группировки подобного рода керамических изделий обратился Р. Л. Розенфельдт (1968. С. 56, 57). Большинство рассмотренных московских красноглиняных трубок автор отнес ко второй половине XVIII в., все трубки он разделил на изделия, изготовленные в формах с гладкой поверхностью и орнаментированные вручную при помощи различных штампов, и на трубки, изготовленные в формах с орнаментированной поверхностью, при этом последние, как правило, имели малые размеры. Значительная часть трубок первой группы, которую исследователь считал более ранней, относится к фасону «тахта-чубук» (см. ниже описание этого фасона) или его более поздним вариациям. Трубки небольших размеров Р. Л. Розенфельдт относил к более позднему времени.

Наиболее полную на данный момент типологию «турецких» курительных трубок российского происхождения опубликовали И. В. Волков и Г. Л. Новикова (1996). Исследователи выделили несколько фасонов – устойчивых форм трубок с характерной для них орнаментацией. Также были выделены признаки, маркирующие нетурецкое, предположительно московское, производство трубок по подобию бытовавших в то время оригинальных фасонов; значительное внимание уделено характеристике клейм и калыбов. Позднее И. В. Волков, анализируя частную коллекцию курительных трубок, выделил еще несколько фасонов и указал на признаки, которые необходимо учитывать при составлении развернутых описаний (Волков, 1999).

Среди работ последних лет следует отметить статью Е. В. Спиридоновой и Е. С. Рубан о коллекции керамических трубок из музеев Ярославля, Ростова, Тутаева и Рыбинска, в которой определенное внимание уделено типологии клейм, выделен ряд признаков, указывающих на изготовление подобного рода изделий в самом Ярославле (Спиридонова, Рубан, 2006). Заслуживает внимания статья о глиняных трубках из г. Калуги: ее авторы указали на признаки калужского производства подобного рода изделий, о чем свидетельствует находка бракованной глиняной двухсоставной формы для изготовления трубок фасона «тахта-чубук». В калужских материалах известны также глиняные погремушки, украшенные оттисками концевых штампов «каури» и «розетка», которые могли использоваться для орнаментации трубок (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015).

В зарубежной историографии исследованию керамических трубок традиционно уделялось гораздо больше внимания. Не стремясь к полному обзору иностранной литературы, отметим лишь некоторые, как кажется, наиболее интересные работы.

Р. Робинсон опубликовала каталог «турецких» курительных трубок из раскопок г. Коринфа и афинской Агоры (Robinson, 1985). Автор дала предварительную классификацию глиняных трубок, производимых в различных, преимущественно балканских, провинциях Турецкой империи, выделила некоторые признаки ранних и поздних форм. Исследовательница разделила найденные трубки на три группы по типу пресс-формы: трубки с дисковидным основанием, трубки с округлой чашечкой и лилиевидные трубки. В работе уделено большое внимание вопросу распространения обычая курения глиняных трубок с коротким хвостовиком на территории Османской империи в конце XVI – XVII в., на основании сопоставления письменных и вещественных источников выделены основные центры производства глиняных трубок.

К. Мейза ввела в научный оборот коллекцию курительных трубок из раскопок г. Варшавы (Meuza, 1999), привела данные о производстве «турецких» курительных трубок в Польше в XIX в., указала на одновременность бытования во второй половине XVIII – начале XIX в. трубок северного и турецкого типов.

Ф. Госс опубликовал коллекцию трубок, полученную в ходе подводных раскопок в бухте марсельского порта Помег (Gosse, 2001–2003). Автор выделил основные типы керамических курительных трубок, производимых в провинциях Османской империи на территории Балкан, Ближнего Востока и Северной Африки. При создании типологии исследователь в первую очередь учитывал математические характеристики пропорций венчика и основания чашечки.

М. Белих и М. Керни в статье, посвященной находкам курительных аксессуаров в словацком городе Нитра, дали общую характеристику основных марок и типов трубок, производимых на территории Австро-Венгрии (Bielich, Čurný, 2009). Мода на трубки левантийского типа в Габсбургской империи распространилась через наемные и турецкие войска в XVII–XVIII вв. Так как курение осуждалось католической церковью и было запрещено на законодательном уровне, ранние экземпляры XVII в. производились в анонимных гончарных мастерских. Большинство трубок из Словакии относится к XIX в., в это время на территории Австро-Венгрии действовало несколько десятков специализированных трубочных мануфактур, имевших свои торговые марки и клейма. К концу XIX в. только в словацком городе Банска Штьявница насчитывалось около двадцати независимых трубочных мастерских. Л. Бекич ввел в научный оборот коллекцию глиняных трубок турецкого типа конца XVII – начала XX в. из Словакии (Bekić, 2010). Автор указал на несколько типов трубок, производимых на территории бывшей Австро-Венгрии, форма которых была позаимствована у широко распространенных османских образцов; подчеркнул местную самобытность орнаментального оформления подобных изделий. Трубки из с. Зелово (Хорватия) изготавливались в свинцовых пресс-формах с рельефным орнаментом. По мнению исследователя, стиль трубок из Хорватии сформировался под влиянием итальянских, османских и австро-венгерских производственных традиций трубочных мастеров (Bekić, 1999/2000. S. 271; Bekic, 2000–2001. P. 46).

В. Тодоров опубликовал коллекцию курительных трубок из раскопок болгарского г. Силистра (Тодоров, 2010), указал на проблему классификации

глиняных трубок турецкого типа, происходящую из использования различных оснований, которые используют исследователи при составлении классификаций. По его мнению, одни и те же фасоны у различных авторов называются по-разному и зачастую однотипные трубки относятся к разным группам рабочих классификаций. Как и Ф. Госс, он предложил универсальную типологию трубок – по форме базовых элементов, в основе которых лежат простые геометрические фигуры. Полученные комбинации частей позволили автору выделить несколько основных легкоузнаваемых типов.

А.-М. Груя описала трансформацию образа курильщика в произведениях живописи и прикладного искусства XVII–XIX вв. (Gruia, 2012). В западноевропейском искусстве сюжетам с трубками и курящими людьми первоначально придавалось негативно-комичное значение, позже, когда потребление табака стало довольно распространенной привычкой, изображения курильщиков приобрели нейтрально-бытовую окраску. Проанализировав содержание сюжетов на восточно-европейских изразцах XVII–XIX вв., автор пришла к заключению, что первоначально в странах Восточной Европы образ курильщика связывался с иностранцами или военными: цельноглиняные трубки северного типа изображались в качестве неизменного атрибута западноевропейского человека, тогда как трубки с коротким хвостовиком и деревянным чубуком связывались с образом военного или турка. На изразцах XIX в. курильщиками стали изображаться ремесленники, бродячие артисты и простые обыватели.

Болгарский исследователь К.Н. Батчваров описал коллекцию глиняных трубок, собранную в результате подводных археологических раскопок в бухте болгарского г. Киттен, на месте крушения торгового судна, датированного по монетам султана Селима III (1789–1807) концом XVIII – началом XIX в. (Batchvarov, 2009; 2014). Большая часть трубок была найдена в корме корабля, где располагалась каюта капитана и, возможно, совладельца судна. Большинство предметов имели следы использования.

А. де Винченц представила вариант классификации именных клейм турецких мастеров (Vincenz, 2014). На основании данных письменных источников и серии петрографических анализов исследовательница установила израильское происхождение некоторых трубок распространенных в Османской империи фасонов.

Д.А. Хиггинс охарактеризовал «экзотические» для Англии составные курительные трубки со съемными деревянными чубуками (Higgins, 2014), при-

вел данные об увеличении количества импортных трубок «турецкого» типа во второй половине XIX в., связав это явление с ростом городского населения, развитием торговых сетей и появлением специализированных оптовых торговцев. В обстоятельном исследовании ученый уделил особое внимание османским курительным трубкам, которые никогда не являлись предметами массового импорта в Британию. Кроме турецких в Англии использовались глиняные трубки с короткими хвостовиками из Франции, Италии, а также из стран Центральной и Восточной Европы; автор указал на слияние османских и европейских гончарных традиций изготовления курительных трубок. Особую ценность исследованию придала публикация нескольких узко датированных комплексов предметов из частных коллекций и музеев Великобритании, включающих как глиняные турецкие трубки разных фасонов, так и аксессуары для курения.

Проблема датировки курительных трубок различных форм и фасонов недостаточно разработана в связи с обширным ассортиментом курительных трубок левантйского типа и немногочисленностью узкодатированных комплексов. Как правило, находки курительных аксессуаров приурочены к верхним слоям культурных напластований, не имеют четкого контекста и не могут быть датированы стратиграфическими методами. Не менее важной проблемой остается определение центров производства глиняных трубок турецкого типа как в самой Османской империи и граничивших с ней странах, так и в Европе.

Р. Робинсон указала на документально подтвержденный факт изготовления глиняных трубок в Османской империи с начала XVII по начало XX в. (Robinson, 1985. Р. 152, 153, 161–163). Ранние трубки XVII в., по мнению исследовательницы, изготавливались из светложгущихся глин, имели небольшие размеры, длинный хвостовик и, вероятно, являлись подражанием западноевропейским белоглиняным изделиям. С конца XVII в. трубки производились в Константинополе из красножгущихся глин, более поздние экземпляры стали делать из более высококачественных глин. Часть сырья для стамбульских трубочных мастерских привозилась из окрестностей оз. Ван, специальная глина под названием «весенняя роза» использовалась для придания трубкам богатого рубинового оттенка. В XVIII в. оформились основные турецкие фасоны, в нижней части трубок появился характерный рельефооформленный переход от втулки к чашечке, напоминающий киль корабля или лодки, с конца столетия форма киля могла варьировать от уплощенно-

го до сильно увеличенного. Автор указала основные центры массового производства глиняных трубок на территории Османской империи: ими стали города Люлебургаз (на северо-западе Турции), София (с 1604 г.) и Варна в Болгарии. В самом Стамбуле изготавливались высококачественные трубки, ранние трубки из района Топхане датируются концом XVIII в. По мнению исследовательницы, практически в каждом городе был гончар, производивший трубки; деревенские ремесленники могли заниматься производством трубок время от времени. По замечанию А. де Хаана, во второй четверти XIX в. в Турции наблюдался некоторый спад трубочного производства в связи с появлением моды на курительные трубки европейских мануфактур и заводов (Haan, 2004. Р. 80). Снижение производства глиняных трубок в Турции было связано с распространением сигар и сигарет накануне и во время Первой мировой войны (Robinson, 1985. Р. 152). Падение спроса на дорогие и сложные в изготовлении красноглиняные трубки побудило стамбульских гончаров переориентироваться на более практичную и недорогую продукцию (Haan, 2004. Р. 90).

Раскопки в Северном Причерноморье, в том числе в крепостях, принадлежавших Османской империи, свидетельствуют о широком бытовании турецких курительных трубок на северных окраинах Порты (Зайцев, 2011. С. 24; Гусац, 2013). По оценкам Ш. Пейсонеля, в Крыму в середине XVIII в. продавалось свыше 200 тысяч привозных трубок ежегодно (Peyssonnel, 1787). Распространение в это время турецких трубок на территории европейской части России кажется весьма вероятным, однако до присоединения Крымского ханства к России вряд ли можно говорить о большом количестве курительных трубок, импортируемых из Северного Причерноморья. Вопрос об изготовлении глиняных трубок в Крыму остается открытым: по мнению А. Ибрагимовой, на полуострове нет месторождений глин хорошего качества (Ибрагимова, 2013. С. 335), И. В. Волков считает, что пригодную для прессовки глину могли добывать в крымских пещерах (Волков, 1999).

Большинство опубликованных красноглиняных «турецких» трубок из собрания Музея Москвы датированы в пределах второй половины XVIII – начала XIX в. (Волков, Новикова, 1996. С. 134). Трубки из раскопок других городов центральной и северной частей России чаще всего широко датируются по аналогии с московскими XVIII – первой половиной XIX в.; калужские курительные трубки относят ко второй половине XVIII – XIX в. (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 541); особый ин-

терес представляют изделия с годовыми клеймами (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 544–545; Bekić, 2000–2001. Р. 44).

В фонде «Керамика. Стекло» Костромского музея-заповедника хранится 14 «турецких» курительных трубок, найденных во время реставрации в подвале Овощных (Табачных) рядов в 1962–1963 гг. (Памятники архитектуры... 1996. С. 29). Здание построено в 1819–1824 гг. на месте засыпанного в первой четверти XIX в. рва второго костромского кремля (ГАКО. Ф. 497. Оп. 1. Д. 84.). С 1836 по 1890 г. лавкой в Табачных рядах владели известные костромские купцы Чумаковы. После смерти М. Н. Чумакова магазин, доставшийся В. И. Чумакову, был продан конкурирующей фирме – ярославской фабрике Дунаева (Костромские купцы... 2006. С. 20, 21, 27). Вместе с трубками найдены четыре берестяные табакерки с деревянными донцами (КМЗ КОК-17628/11–14)¹ и одна фарфоровая трубка австро-венгерского типа с высоким цилиндрическим венчиком и чашечкой в форме раковины моллюска (КМЗ КОК-17628/10)². Таким образом, все найденные вещи могут быть датированы не ранее первой четверти XIX в. Практически одновременный комплекс глиняных курительных трубок обнаружен при проведении реставрационных работ в тайнике Калужского гостиного двора (Столяров, 2008. С. 93). Все «турецкие» трубки из Табачных рядов Костромы, вероятно, российского производства; в коллекции нет ни одной трубки хорошего качества с подлинными турецкими клеймами.

По мнению И. В. Волкова и Г. Л. Новиковой, «турецкие» курительные трубки, вероятно, изготавливали в Москве (Волков, Новикова, 1996. С. 136). В первой половине XIX в. трубки «турецкого» типа могли производить на частных заводах Гжельского керамического района; известны фарфоровые, фаянсовые и красноглиняные курительные трубки первой половины XIX в. производства завода Гулиных (Полюях, 2004. С. 88, 89, 97. Рис. 5, 10–14). Есть указания на изготовление глиняных трубок в Калуге в XVIII–XIX вв. (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 541–542) и Москве на фабрике Агафонова с 1830-х годов (Higgins, 2014. Р. 34; Спиридонова, Рубан, 2006. С. 186–187).

Трубки могли изготавливать как в маленьких гончарных мастерских, так и на относительно крупных фарфоровых и фаянсовых заводах и ма-

нуфактурах, где работало от нескольких десятков до нескольких сотен мастеровых и рабочих. Учитывая относительную дешевизну красноглиняных трубок с короткой втулкой, решающим в вопросе целесообразности фабрикации подобной продукции могло быть наличие в районе производства подходящих по качеству глин, пригодных для изготовления трубок методом прессовки.

Вопрос о прекращении производства трубок «турецкого» типа на территории России по-прежнему остается открытым: источники об изготовлении и номенклатуре подобного рода товаров неизвестны. Намеки на продолжение использования «турецких» курительных трубок во второй половине XIX в. содержатся в произведениях отечественной литературы и декоративно-прикладного искусства. В фондах КМЗ хранится посудный шкаф второй половины XIX в., на торцевой стенке которого запечатлен мужчина в сюртуке, курящий «турецкую» трубку (рис. 1). На изразце, произведенном в с. Куты (Украина), изображен работающий за гончарным кругом ремесленник с трубкой восточного типа в зубах, дата изделия угадывается по надписи в правом углу композиции – «1878» (Gruia, 2012. Р. 203, 205. Fig. 5). Глиняные трубки с короткой втулкой упоминает К. Г. Паустовский в автобиографической «Повести о жизни» о событиях начиная с конца XIX в. (Ершов, 2010. С. 411).

В европейской историографии не закрепился общепринятый термин для обозначения трубок турецкого типа. Большинство исследователей считают, что мода на использование глиняных табачных чаш с коротким хвостовиком (втулкой) для съемного деревянного чубука распространилась из стран Восточной Европы, входивших в состав Османской империи или имевших общие с ней границы. По замечанию Д. А. Хиггинса, граница распространения белоглиняных трубок «северного» типа с монолитными чубуками и составных трубок «турецкого» типа прошла к северу от Альп: во всем Средиземноморье, на Балканах и в странах Восточной Европы распространились трубки левантийского облика (Higgins, 2014. Р. 15). Данное утверждение отнюдь не отрицает одновременность бытования «турецких» и «голландских» трубок в странах Средиземноморья и Восточной Европы, как это было и в самой Англии. Раскопки на территории Романова двора (г. Москва) подтвердили факт сосуществования

¹ Табак, хранившийся в берестяной таре, дольше сохранял свои потребительские свойства.

² Наибольшее распространение в Австро-Венгрии в XIX в. получили глиняные трубки с высоким венчиком и чашечкой в форме раковины моллюска типа *Schemnitz* (Bielich, 2009; Bekić, 2010).

Рис. 1. Стенка посудного шкафа, фр-т росписи, 2-я пол. XIX в. Буйский р-н Костромской обл., д. Бариново. Работа местных мастеров-красильщиков (КМЗ КОК-20305)

«голландских» и «турецких» трубок в XVIII–XIX вв. (Жуковский и др., 2009. С. 95, 395. Рис. 149), похожая ситуация наблюдалась в Санкт-Петербурге (Малинин, 2006. С. 44; Богданов, 2007. С. 49–50; Реброва, 2011. С. 317, 323). Ареал простых белоглиняных трубок, форма которых была отчасти позаимствована англичанами у североамериканских индейцев, в целом совпал с территорией протестантских стран Западной и Северной Европы.

В XVIII–XIX вв. производство курительных трубок в «восточном» стиле было налажено в Европе (Robinson, 1985. Р. 152; Gosse, 2001–2003). Начинания европейских фабрикантов были настолько успешны, что «ориентальная» продукция европейских мастерских наполнила даже константинопольские рынки (Haan, 2004. Р. 80). Составные трубки с глиняными чашами и деревянными чубуками изготавливались на территории Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии, Польши и России³.

Мода на сигары и папиросы далеко не сразу вытеснила глиняные трубки с рынков Европы. В Австро-Венгрии в конце XIX в. даже несколь-

ко возросло производство курительных трубок типа *coffeehouse* в связи с модой на курение в кофейнях (Vyšohlíd, 2009. Р. 20). Во второй половине XIX в. увеличился континентальный европейский импорт «турецких» трубок в Великобританию (Higgins, 2014. Р. 52). Последний константинопольский трубочный магазин закрылся только в 1929 г. (Robinson, 1985. Р. 152; Haan, 2004. Р. 80), французские фабрики Бонно и Морелли проработали до середины XX в. (Haan, 2013. Р. 89). В некоторых районах Центральной и Восточной Европы трубочный промысел продолжает существовать и в настоящее время.

Составить классификацию «турецких» курительных трубок, бытовавших на территории европейской части России, не представляется возможным в силу слабой изученности существующих коллекций. Задача осложняется тем, что неизвестен полный ассортимент оригинальных «турецких» и местных фасонов; провести грань между турецкими изделиями и трубками, произведенными в Европе и европейской части России, иногда сложно.

³ Наиболее известные европейские марки курительных трубок турецкого типа: *Bonaud*, *Morelli*, *Gambier*, *Saillard aine* (Франция); *Zachar*, *Leyhn* (Германия); *Schemnitz*, *Coffeehouse*, *Seiler*, а также тюльпановидные трубки из хорватских сел Зелово и Загвозд (Австро-Венгрия); *J Ł S Z. STASZYWO W S.* (Польша) и др.

Рис. 2. Курительные трубки группы 1

1 – КОК ОФ-15290/205; 2 – КМЗ ВХ-42-14/99; 3 – КМЗ КОК-3651;
4 – КМЗ КОК-17628/4; 5 – КМЗ КОК-17628/1; 6 – КМЗ КОК-17628/3

При группировке глиняных курительных трубок из собрания Костромского музея⁴ учитывались форма чашечки, венчика и втулки; в качестве второстепенных признаков рассматривались следующие: наличие и форма киля, наличие и форма валика втулки, наличие или отсутствие типичных клейм и орнаментальных схем. Естественно, по мере накопления материала рабочая группировка «турецких» трубок из коллекции КМЗ будет расширяться.

Для анализа пропорций оснований чашечек взята следующая формула: H/D , где H – высота основания чашечки, D – максимальный диаметр основания чашечки (Gosse, 2001–2003). Математические характеристики венчиков и втулок не учитывались, так как эти части трубок довольно часто имеют повреждения. Вычисление общих пропорций чашечек кажется бесперспективным, так как у морфологически однотипных трубок могут быть разные пропорции.

1. К самой многочисленной группе (39 экз.; рис. 2) относятся трубки с эллипсоидным граненым основанием, десятигранным венчиком, выделенным килем и восьмигранной втулкой, заканчивающейся рельефным валиком. Большинство трубок рассматриваемой группы из коллекции КМЗ были найдены в г. Костроме: из них девять – в подвале Табачных рядов (рис. 2, 4–6). Почти все изделия из отложений городского культурного слоя

обожжены в окислительной среде, исключением является одна мореная трубка.

1а (34 экз.; рис. 2, 1–4). В отечественной историографии за фасоном красноглиняных трубок с граненой втулкой и чашечкой, орнаментированной с помощью типичного набора штампов, закрепилось название «тахта-чубук». И. В. Волков и Г. Л. Новикова предложили это название на основании сопоставления трубок указанного фасона из археологической коллекции музея г. Анапы и упоминания определенного сорта трубок в трактате Шарля Пейсонеля XVIII в. (Волков, Новикова, 1996. С. 135). Французский посол описал два вида трубок, один из которых – «тахта-чубук» – привозился из Константинополя вместе с мундштуками из слоновой кости. Шла ли речь о конкретной форме трубок или о более общем понятии, например, о красных трубках с длинными черешневыми чубуками, судить довольно трудно. По замечанию А. де Хаана, наименование «чубук» применялось к трубкам с длинным деревянным чубуком и ангобированной чашечкой, изготовленной из красной гонимой глины; подобные трубки из пригорода Константинополя Топхане отличались насыщенно-красным цветом (Haan, 2004. P. 79).

Нижняя дата бытования этого фасона трубок нуждается в уточнении. Большинство зарубежных

⁴ В статье представлена первичная (рабочая) группировка, не претендующая на универсальность.

исследователей датируют их XIX в. (Meysa, 1999. S. 15; Robinson, 1985. P. 186–187; Higgins, 2014. P. 28). По мнению Д. А. Хиггинса, данный фасон сформировался не позже начала XIX в.; 1820-ми годами датируются трубки из ящика для курительных принадлежностей, хранящегося в музее Йоркского замка; не позже 1830-х годов – трубка из раскопок нового Вестминстерского дворца (Higgins, 2014. P. 23, 28, 29. Fig. 16, 40–42); ко второй половине XIX в. относится трубка из Вавельского замка г. Кракова (Puziuk, 2015. S. 85. Rys. 9). К периоду не ранее второй четверти XIX в. принадлежат трубки из Табачных рядов г. Костромы.

Трубки с граненой чашечкой и втулкой, украшенные штампами «каури» и «полупальметка», довольно быстро завоевали популярность и стали копироваться во многих странах Европы (Gosse, 2001–2003; Haan, P. 92. Fig. 8; Higgins, 2014. P. 34). Известны трубки, изготовленные в Польше, Франции, землях Османской империи и, вероятно, в России. В каталоге продукции фабрики «Сайяр Эне» (Безансон, Франция) данный вид трубок отнесен к категории красноглиняных изделий Константинополя (Fabrique et entrepot... 1843). На постере последней четверти XIX в. фабрики «Морелли» этот фасон отнесен к категории левантийских тонкостенных красноглиняных трубок (Haan, 2013. P. 92. Fig. 8). Некоторые поздние трубки рассматриваемого фасона имеют цифровые клейма на втулке, одна из них найдена на муниципальной свалке Лондона 1905–1915 гг.; как считает Д. А. Хиггинс, подобные экземпляры импортировались в Британию из Центральной Европы (Higgins, 2014. P. 34–35. Fig. 22, 60–61).

Прототипом трубок фасона «тахта-чубук» могли быть изделия с гранеными втулками и венчиками, орнаментированными двухъярусными полупальметками, их эллипсоидные основания украшались вертикальным или косым рифлением либо выпуклыми медальонами. Трубки данного типа известны в материалах подводных раскопок в бухте г. Киттен (Болгария) на месте крушения торгового судна конца XVIII – начала XIX в. (Batchvarov, 2014. P. 10–12. Fig. 5, 6, 9). На происходящей из Турции трубке с выпуклыми медальонами на основании поставлено клеймо «птичка», традиционно датируемое рубежом XVIII – началом XIX в. (Ayhan, 2015. S. 13, 17). Похожие трубки встречаются в материалах раскопок крепости Алустон (Алядинова, 2013. С. 376. рис. 3, 9), известны в Болгарии (Кузов, Христов, 2016. С. 35. Tabl. III, 21–23), Греции (Robinson, 1985. P. 187, 197) и Румынии (Radu-Lorgus, Radu, Lonescu, 2013. P. 242, 249. Fig. 1, 12). По-видимо-

му, это был довольно распространенный на территории Османской империи и в Северном Причерноморье фасон в конце XVIII – начале XIX в., болгарские исследователи локализуют место производства данного вида трубок в причерноморском городе Варна (Batchvarov, 2014. P. 10; Кузов, Христов, 2016. P. 35. Tabl. III, 21–23 и др.).

Все трубки первой подгруппы имеют эллипсоидное граненое основание (коэффициент пропорциональности – 0,37–0,63), десятигранный венчик, выделенный киль и восьмигранную втулку, заканчивающуюся рельефным валиком. Вынутые из пресс-формы трубки имели также маленький рельефный валик на границе основания чашечки и венчика. Изделия орнаментировались концевым штампом, широким и узким зубчатым колесиком и вертикальными прорезными линиями. Некоторые элементы декора могли упускаться.

Всего восемь трубок из тридцати четырех изделий рассматриваемой группы имеют набор типичных декоративных элементов. Как правило, это трубки хорошего качества, часто с одним или двумя клеймами. Одна трубка, по-видимому турецкого производства, происходит из материалов раскопок 1951 г. М. В. Фехнер в Костроме (рис. 2, 1). Качество изготовления и нетипичная для российских трубок форма клейма «лист» выдает в данной трубке изделие османского происхождения, известно похожее клеймо на трубке фасона «тахта-чубук» из материалов раскопок болгарского г. Силистра (Тодоров, 2010. С. 822. Фиг. 7, 10). М. В. Фехнер датировала костромскую трубку XVIII в. (Фехнер, 1952. С. 106). Вторая качественная трубка имеет прямоугольное клеймо с арабской надписью (рис. 2, 2). Аналогичное клеймо в сочетании с именным оттиском «Амин» и штампом «нишан» известно на похожей трубке предположительно турецкого происхождения, найденной в г. Варшаве (Meysa, 1999. S. 17–19. Tabl. II, 1). Третья трубка принадлежала помещику Апушкину из с. Бедрино Костромской губ. Изделие покрыто темно-красным ангобом, на левой стороне втулки круглое клеймо, внутреннее пространство оттиска заполнено арабской вязью (рис. 2, 3).

Среди сравнительно поздних изделий из датированного комплекса из Табачных рядов нет ни одной трубки хорошего качества с типичной для них орнаментацией, что можно объяснить либо одновременным бытованием трубок разного качества и, по-видимому, разных ценовых категорий, либо приуроченностью изделий хорошего качества к более раннему времени. На этих трубках отсутствует один или несколько типичных для фасона орна-

ментальных мотивов, например, перевернутые оттиски штампа «полупальметка» на гранях чашечки (рис. 2, 4). Трубки с полным набором декоративных элементов, вероятно, копировались с оригинальных турецких образцов. Естественно, небольшая выборка не позволяет делать какие-либо обобщающие выводы; с уверенностью можно говорить только об указанном условно-закрытом комплексе.

1б (5 экз.; рис. 2, 5–6). К категории более поздних по отношению к трубкам фасона «тахта-чубук» хорошего качества относятся, по-видимому, изделия с вариативными наборами декоративных элементов. Коэффициент пропорциональности основания чашечки – 0,38–0,82. Все изделия данной подгруппы происходят из подвала Табачных рядов. Трубки имеют маленький валик между основанием чашечки и граненым венчиком и некоторые декоративные элементы, типичные для фасона «тахта-чубук», например, трехъярусные полупальметки на гранях венчика. Несколько выделяются две трубки (рис. 2, 5–6), изготовленные в орнаментированных пресс-формах одного размера: на гранях основания чашечки легко узнаваемы «каури», втулки украшены орнаментом «волчий зуб», который в данном контексте можно рассматривать как развитие мотива выделения втулки трубок фасона «тахта-чубук» широким зубчатым колесиком. Обе трубки имеют одинаковый дефект на левой грани венчика, вероятно, предметы были изготовлены в одной форме.

2. Ко второй по численности группе относятся трубки с дисковидным основанием, коническим венчиком, выделенным килем и восьмигранной втулкой (рис. 3).

2а (2 экз.; рис. 3, 1–2). Трубки с дисковидным основанием. Коэффициент пропорциональности основания чашечки составляет 0,23–0,33. Подобные изделия традиционно считаются турецкими, также известны близкие по форме европейские курительные трубки (Fabrique et entrepot... 1843. P. 27; Robinson, 1985. P. 188; Gosse, 2001–2003. P. 23, 24). Термин «дисковидное основание» является общепринятым в западноевропейской историографии. В болгарской литературе закрепилось название «нарцисс» (Волков, Новикова, 1996. С. 135) – среди трубок с дисковидным основанием известны формы, напоминающие цветок из семейства лилейных. Трубки с дисковидным основанием, коническим венчиком и граненой втулкой чаще всего датируют XIX в. (Robinson, 1985. P. 188; Higgins, 2014. P. 23–8). Прототипом данного фасона могли быть относительно ранние турецкие трубки начала XVIII в. с небольшим простым диском и цилиндрическим венчиком. В XIX в. диск приобрел более

выраженные черты, появились конические венчики, несколько вариантов окончания кия и оформления полей диска (Higgins, 2014. P. 23).

В собрании КМЗ всего две трубки с дисковидным основанием: одна из них с клеймом саксонской мануфактуры *Leyhn* на нижней стороне втулки (рис. 3, 1), другая с круглым нечетким клеймом на левой стороне втулки, вероятно, турецкая (рис. 3, 2). Аналогичная трубка предположительно турецкого происхождения найдена в среднечешском г. Млада-Болеслав (Vyšohlíd, 2011. S. 73, 74. Obr. 1, 2).

2б (8 экз.; рис. 3, 3–5). Самая многочисленная в данной группе категория трубок относится к так называемому фасону «полунарцисс». По мнению И.В. Волкова и Г.Л. Новиковой, данный фасон получил распространение в московском производстве (Волков, Новикова, 1996. С. 135). Для фасона «полунарцисс» характерны небольшое граненое подэллипсоидное основание чашечки (коэффициент пропорциональности – 0,33–0,41) с довольно крутыми плечиками, отдаленно напоминающими нижнюю часть цветочного бутона. Орнаментация чашечки в большинстве случаев бедна или отсутствует; киль и рельефный валик на граненой втулке, как правило, выделены зубчатым колесом.

Четыре экземпляра из восьми рассмотренных трубок имеют клейма: примечательны круглое клеймо с арабской вязью (рис. 3, 3), оттиск с двумя буквами «ДМ» (рис. 3, 4), по-видимому, указывающий на место производства, и клеймо в виде символа, напоминающего кириллическую букву «Ж» (рис. 3, 5); аналогичный оттиск известен на глиняной трубке из г. Калуги (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 540. Рис. 1, 10). Возможное прочтение первого клейма – Урман-оглу. Практически аналогичные оттиски известны на тюльпановидных трубках из Феодосии в Крыму (Волков, 1999. Рис. 3). Аналогии второму клейму известны в коллекциях, полученных в ходе раскопок в Москве, при этом, как минимум, одна трубка с аналогичным оттиском относится к фасону «полунарцисс» (Волков, Новикова, 1996. С. 137).

3. Трубки с эллипсоидным основанием и круглой в сечении втулкой (9 экз.; рис. 4, 1–2). Небольшие, как правило изготовленные в орнаментированной пресс-форме, трубки. Похожие трубки найдены в отходах фаянсового производства завода Гулиных в Подмосковье (Полюях, 2004. С. 96. Рис. 5, 12, 14).

3а (5 экз.; рис. 4, 1). В коллекции КМЗ довольно четко выделяется группа трубок без кия, к которым относятся изделия с эллипсоидным, обычно рифле-

Рис. 3. Курительные трубки группы 2

1 – КМЗ КОК-3664; 2 – КМЗ КОК-3647; 3 – КМЗ КОК-3657; 4 – КМЗ ОФ-1086/2; 5 – КМЗ ВХ-84-09/18

ным основанием чашечки и рельефным валиком подпрямоугольного сечения на втулке, орнаментированным прокаткой решетчатого штампа-валика.

3б (4 экз.; рис. 4, 2). Остальные трубки имеют выделенный рельефом киль, не столь выразительный, как на трубках фасона «тахта-чубук», в большинстве случаев они довольно бедно орнаментированы. Коэффициент пропорциональности основания чашечки – 0,48–0,51.

4. К четвертой группе относятся небольшие трубки, изготовленные в форме с орнаментированной поверхностью (5 экз.; рис. 4, 3–4). Все трубки данной группы имеют схожие пропорции и малый объем чашечки. По замечанию И. В. Волкова, данный тип трубок не имеет турецких или причерноморских аналогий (Волков, Новикова, 1996. С. 136). Образцом для российских трубок рассматриваемого фасона могли служить маленькие европейские глазурованные трубки XVII–XVIII вв. Р. Робинсон считала небольшим объемом чашечки труб-

ки одним из признаков относительно раннего происхождения (Robinson, 1985. Р. 161). Р. Л. Розенфельдт относил подобные трубки ко второй половине XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 57).

4а (3 экз.; рис. 4, 3). Трубки данной подгруппы имеют небольшие размеры и бедную орнаментацию, нанесенную в большинстве случаев прессформой. Коэффициент пропорциональности основания чашечки – 0,46–0,60. Отечественные исследователи подобные трубки чаще всего относят к так называемому малому фасону (Волков, Новикова, 1996. С. 136; Спиридонова, Рубан, 2006. С. 182). Две трубки «малого» фасона происходят из подвала Табачных рядов.

4б (2 экз.; рис. 4, 4) Антропоморфные трубки являлись подражанием европейским терракотовым и фарфоровым трубкам, датируемым XVII–XIX вв. (Bekis, 1999/2000. S. 263, 267. Tabl. 1, 3, 6; Vyšohlíd, 2011. S. 80, 81. Obr. 2, 1–6; Holub, Kolařík, Lečbychová, 2016. S. 164, 165. Obr. 3,

Рис. 4. Курительные трубки группы 3–5

1 – КМЗ КОК-3656; 2 – КМЗ ВХ-84-09/9; 3 – КМЗ КОК-17628/2;
4 – КМЗ КОК-3663; 5 – КМЗ ОФ-3578/3; 6 – КМЗ КОК-3650

3). Большая часть стилистически близких изделий, найденных на территории Украины, датированы XVIII–XIX вв. (Калашиник, 2015. С. 35).

Подобные трубки были известны как в Старом, так и Новом Свете. В каталоге «Сайяр Эне» 1845 г. представлено не менее тридцати вариантов антропоморфных трубок в виде мужских и женских голов, изображавших турецких вельмож, купцов, военных или наложниц (Fabrique et entrepot... 1843). В США во второй половине XIX в. пользовались спросом трубки в виде голов президентов. О популярности антропоморфных чашечек в Европе и России свидетельствуют находки трубок невысокого качества, прессованных в глиняных формах, изготовленных путем оттиска уже готового изделия (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 541–543). Половинка подобной формы найдена в поморском городе Штральзунд (Moller, 2012. S. 73. Abb. 6).

5. К пятой группе относятся трубки с полусферическим основанием (2 экз.; рис. 4, 5–6). По мнению Ф. Госс, трубки с округлым основанием, как правило, относятся к изделиям греческого происхождения (Gosse, 2001–2003). Для группы характерны сферическое или полусферическое основание чашечки (коэффициент пропорциональности – 0,47–0,57), прямой, обычно короткий венчик и круглая в сечении втулка.

Первая трубка (рис. 4, 5) имеет полусферическое ребристое основание и прямой короткий венчик, она близка типу G1-а по Ф. Госс (Gosse, 2001–2003. Р. 95). Подобные трубки со схожими декоративными схемами Р. Робинсон предварительно датирова-

ла началом XIX в. (Robinson, 1985. Р. 182). Вторая трубка (рис. 4, 6) – чернолощеная, с прямым венчиком и рифленным, почти эллипсоидным основанием, близка типу G2-а по Ф. Госс; данный тип трубок, вероятно, сформировался под турецким влиянием (Gosse, 2001–2003. Р. 108). Относительно большой объем чашечки и неполные аналогии позволяют предварительно датировать данные трубки XIX в.

Несколько фрагментов не вошло в предложенную нами группировку, три из них явно относятся к фасону «тахта-чубук» или «полунарицис».

Девятнадцать трубок из собрания КМЗ имеют клейма (рис. 5). По большей части оттиски поставлены на правой стороне втулки, исключением являются три, вероятно, подлинные турецкие трубки с круглыми клеймами, оттиснутыми на левой стороне (рис. 2, 3; 3, 2–3). Клейма имеют трубки фасона «тахта-чубук» (11 экз.), трубки фасона «полунарицис» (4 экз.) и трубки с дисковидным основанием (2 экз.). Два клейма относятся к фрагментам трубок с граненой втулкой. По-видимому, как имитацию клейма следует рассматривать оттиск штампа «каури» на правой стороне втулки трубки фасона «тахта-чубук» (КМЗ КОК 21013/2). Некоторые клейма имеют изображения, подражающие арабской графике.

Все клейма можно разделить на буквенно-цифровые и изобразительные. По форме оттиски делятся на несколько групп (рис. 5).

1. Клейма круглой и овальной формы можно разделить на три подгруппы: 1а – клейма с арабской вязью и ее имитацией (рис. 5, 1–5); 1б – клейма «розетки» (рис. 5, 6–7); 1в – клейма

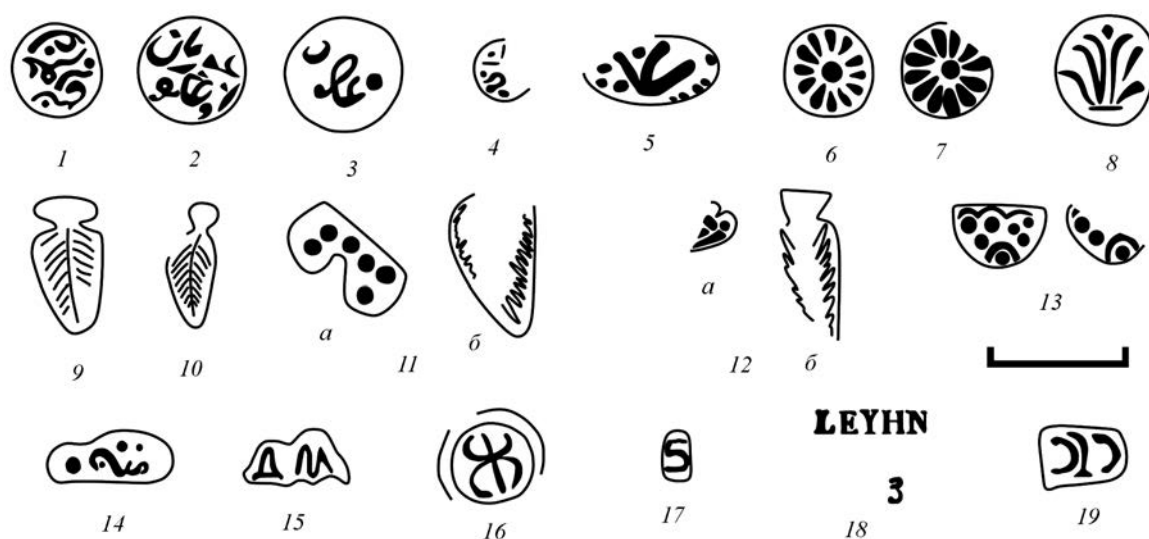

Рис. 5. Клейма на трубках из коллекции Костромского музея-заповедника

1 – КМЗ КОК-3651; 2 – КМЗ КОК-3657; 3 – КМЗ КОК-3647; 4 – КМЗ ВХ-18-09/6; 5 – КМЗ КОК-17628/18; 6 – КМЗ КОК-21013/1; 7 – КМЗ КОК 29205/22; 8 – КМЗ КОК-23148/1; 9 – КМЗ ОФ-681/9; 10 – КМЗ ВХ-38-11/20; 11 – КМЗ ОФ-3576/7; 12 – КМЗ ОФ-15290/205; 13 – КМЗ ОФ-2166/1; 14 – КМЗ ОФ-3478/37; 15 – КМЗ ОФ-1086/2; 16 – КМЗ ВХ-84-09/18; 17 – КМЗ ВХ-5-13/1; 18 – КМЗ КОК-3664; 19 – КМЗ ВХ-42-14/99

с растительным (криновидным) орнаментом (рис. 5, 8).

2. Клейма с оттиском «лист» по расположению прожилок делятся на две подгруппы: 2а – «лист» с прожилками, идущими от подтреугольного «черешка» в сторону сужения листа (рис. 5, 9–11); 2б – «лист» с прожилками, идущими к подтреугольному «черешку» от узкой части листа (рис. 5, 12).

3. Сегментовидные, обычно парные или сдвоенные клейма делятся на две подгруппы: 3а – парные оттиски клейма «нишан» (рис. 5, 13); 3б – сдвоенные клейма с выпуклыми точками и линиями, вероятно, подражаниям клеймам из первой подгруппы (рис. 5, 11а, 12а, 14).

4. Клейма в виде букв и цифр: 4а – в виде оттиска штампа с кириллическими буквами (рис. 5, 15–16); 4б – в виде цифр (рис. 5, 17); 4г – в виде надписи латиницей и цифровой маркировки (рис. 5, 18).

5. Клейма подпрямоугольной формы. К данной группе относится единственный оттиск с арабской надписью (рис. 5, 19).

Не встречаются клейма на трубках, прессованных в орнаментированных формах. Изготовление подобных изделий предполагало массовое тиражирование и не сопровождалось клеймением и декорированием поверхности втулки и чашечки с помощью концевых штампов.

Ранние клейма с именами мастеров известны в Турции с середины XVII в. (Vincenz, 2014. Р. 71). Однако практика маркировки изделий начинается

широко распространяться только со следующего столетия (Robinson, 1985. Р. 161; Kopecký, Dincă, 2012. Р. 171, 172).

Больше всего споров вызывает расшифровка парного клейма «нишан». Трубки со сдвоенными или строеными сегментовидными клеймами, известные в различных частях Османской империи, наиболее типичны для трубок фасона «тахтачубук» (Robinson, 1985. Р. 186). А. Халаби увидел в клейме «нишан» перевернутую надпись «Аллах» (Batchvarov, 2014. Р. 11). Это утверждение дало повод некоторым исследователям предположить, что указанное клеймо является неграмотным копированием арабской графики. Робинсон рассматривала клейма данной группы как простые, ничего не значащие подражания турецким надписям (Robinson, 1985. Р. 186). В отечественной историографии это клеймо интерпретировано как цеховое: «нишан» по-турецки – «клеймо» (Волков, Новикова, 1996. С. 137). Де Винчесс выдвинула оригинальное предположение, что оттиск «нишан» является именным клеймом мастера армянского происхождения – гончар-армянин мог намеренно сократить свою фамилию так, чтобы в зеркальном отображении клеймо читалось как «Аллах» (Vincenz, 2014. Р. 71, 76; 2016, Р. 118, 119). Интересна трубка с личным клеймом «Амин» в сочетании с оттиском «нишан» из материалов раскопок королевского замка в Варшаве (Meysa, 1999. S. 17–19. Tabl. II, 1). Учитывая многочисленные находки и широкий ареал распростра-

нения трубок с клеймом «нишан», его трактовка как цехового кажется наиболее правдоподобной. Владелец клейма «нишан» мог быть также хозяин мастерской или оптовый торговец, на которого работали несколько мелких гончаров-изготовителей.

Вместе с клеймом «нишан» зачастую встречается оттиск в виде листа или дерева с прожилками или ветвями, направленными либо в сторону сужения оттиска, как на табачном листе, либо от узкой части знака к его расширению. Большинство клейм на трубках российского происхождения относится к первому типу (Волков, Новикова, 1996. С. 137). Трубки с оттиском штампа «лист» обычно датируют XIX в. (Robinson, 1985. Р. 197; Gosse, 2001–2003. Р. 60).

Помимо именных в Османской империи были известны трубки с декоративными клеймами в виде различных вариантов розеток, птиц и цветов, известны также оттиски с надписями-пожеланиями или фрагментами поэм (Vincenz, 2014. Р. 87; 2016, Р. 113). Клейма с арабскими надписями, а также с изображениями цветов и розеток встречаются на трубках турецкой крепости Азак (г. Азов) конца XVII – первой половины XVIII в. (Гусач, 2013. С. 379, 381). Традиция клеймения трубок с помощью штампов в виде нейтральных изображений и надписей, возникшая в первой половине XVII в. во время гонений на табакокурение, сохранялась достаточно длительное время.

Цифровые маркировки, встречающиеся на изделиях европейского происхождения (Higgins, 2014. Р. 34), для турецких глиняных трубок не типичны. Единственная западноевропейская трубка из собрания Костромского музея (рис. 3, 1) имеет клеймо с названием мануфактуры LEYHN и цифровую маркировку с нижней стороны втулки. Трубки с клеймом LEYHN производились на фабрике в г. Вермсдорф (Северная Саксония) с 1812 г. (по другим данным – с 1815 г.). Мануфактура, принадлежавшая Филиппу Евгениусу Лейхену, славилась посудой, трубками и мелкой глиняной пластикой, изготавливавшейся из очень твердой после обжига темно-коричневой высокоожегленной глины, которая имела торговое наименование *Siderolith* (Klutting-Altman, 2013. Р. 405, 408). Кроме цифровой маркировки на трубках, по-видимому, ставились годовые клейма. В калужских материалах известна трубка с клеймом в виде овала с цифрами 1845 и точкой. По мнению исследователей, данное клеймо может означать дату производства (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 544).

На трубках российского происхождения встречается клеймо «ДМ». Из собрания «голландских» трубок, найденных при проведении земляных работ

на ул. Басманной в Москве, происходит белоглиняная трубка производства мануфактуры А.К. Гребенщикова с клеймом в виде аббревиатуры из кириллических букв «МГ». По мнению А.А. Полюляха, клеймо читается как «Мануфактура Гребенщикова» или «Москва Гребенщиков» (Полюлях, 2013. С. 293). Похожим образом может трактоваться клеймо «ДМ». С 1744 г. российские промышленники были обязаны ставить клейма в виде русских литер, содержащих информацию о производителе (Полюлях, 2013. С. 299). В Костроме с 1780 г. существовал гончарный завод Д.Д. Масленникова, специализировавшийся на изготовлении печных изразцов (Каткова, 2017. С. 11); побочным продуктом изразцового производства могли быть глиняные курительные трубки с клеймом «ДМ».

Четыре трубки из коллекции КМЗ имеют черешневые чубуки длиной от 25,3 до 89,0 см (рис. 6), один чубук трехсоставной (КМЗ КОК-3657), другой имеет костяной мундштук (рис. 6, а). Условно чубуком можно назвать короткий самодельный деревянный мундштук (рис. 6, в) от антропоморфной трубки. Чубуки изготавливались из различных пород древесины. Излюбленным материалом был жасмин, которому приписывали свойство поглощать никотин, также использовались черешня, шиповник и лещина (Vincenz, 2014. Р. 71). Высококачественные чубуки, изготовленные из специально выращенных для этой цели деревьев, импортировались в Турцию из Ирана (Batchvarov, 2014. Р. 15), в Россию чубуки поставлялись преимущественно с Кавказа (Богданов, 2007. С. 44). Дорогие чубуки украшались шелком или вышитой бисером тканью, инкрустировались драгоценными металлами и камнями (Robinson, 1985. Р. 156). На большинстве чубуков специально оставлялась кора. Известны составные чубуки из нескольких частей, соединенных между собой с помощью металлических переходников. Наибольшая длина чубуков составляла 4 м, обычным делом было использование двухметровых чубуков, в путешествиях и военных походах предпочитали относительно короткие трубки длиной около метра (Batchvarov, 2014. Р. 4). Назначение длинных деревянных чубуков – охлаждение и очищение дыма. Существует мнение об использовании более коротких трубок 20–100 см в странах с прохладным климатом (Batchvarov, 2014. Р. 15).

Чубуки, будучи универсальным товаром, продаваемым в розницу, подходили трубкам различного происхождения. Применение съемных деревянных чубуков позволяло создавать трубки любой длины, одни и те же чашечки могли использоваться в различных обстоятельствах, как в расслабляющей домашней обстановке, так и в поездке.

Рис. 6. Трубки в сборе. Номера предметов сверху вниз: КМЗ КОК-3647, 3664, 3663

Мундштуки, крепившиеся к чубукам (рис. 6, а), не являлись обязательным для курения аксессуаром. Дорогие изделия свидетельствовали о статусе владельца. В Османской империи янтарные мундштуки использовались в качестве взяток (Batchvarov, 2014. Р. 15). Мундштуки изготавливались из янтаря, поделочных и полудрагоценных камней, слоновой кости или кораллов, украшались эмалью (Robinson, 1985. Р. 156).

Большинство трубок из собрания КМЗ имеют признаки незначительного или интенсивного использования. Довольно часто на козырьках от прокалывания дымового канала или на внутренних поверхностях чашечек фиксируются следы нагара. Некоторые сколы на краях венчика и втулки, вероятно, получены в результате выбивания пепла; дешевые разбитые трубки выбрасывались, дорогие экземпляры ремонтировались – поврежден-

ные края чашечки или втулки заключались в бронзовые оправы (рис. 3, 1).

Трубки с металлическими оправками были широко распространены в Европе и на Востоке; изделия с закрывающимися крышками, защищавшими тлеющий табак от ветра и атмосферных осадков, были удобны для моряков и охотников. Кроме того, подобные трубки были менее пожароопасны. В 1788 г. в Австро-Венгрии приняли закон, согласно которому каждая курительная трубка должна была оснащаться крышкой, чтобы предотвратить любую возможность случайного возгорания (Lučić, 2012. Р. 10). По замечанию А. де Хаана, трубки с крышками в начале XX в. производились в Топхане специально для европейского рынка (Haan, 2014. Р. 69). Колечки на металлических оправках втулок предназначались для дополнительного крепления чашечки к чубуку с помощью нити (рис. 6, а). В случае

отсутствия дополнительного кольца использовали шелковый или шерстяной шнурок (Наан, 2014. Р. 69. Afb. 2): трубки имели валики на расширяющихся к концу втулках, препятствующие соскальзыванию крепежной петли, с помощью которой фиксировалось окончание втулки, другой конец шнура привязывали к чубуку или основанию мундштука.

Значительная часть трубок из собрания КМЗ, по-видимому, относится к началу – середине XIX в. Относительно ранними экземплярами, вероятно, являются качественные трубки фасона «тахта-чубук» с устойчивым набором декоративных элементов. Позднее появились изделия с вариативным набором орнаментальных мотивов, декоративная схема которых сформировалась на основе более ранних образцов. Поздними также являются трубки, изготовленные в орнаментированных пресс-формах. Сам способ производства предполагал массовость подобного рода продукции, почти все изделия имеют небрежно срезанный шов и мелкие дефекты формовки. В качестве исключения можно рассматривать «антропоморфный» фасон, длительное время пользовавшийся особой популярностью.

Трубки с гранеными хвостовиками, окончания которых подчеркнуты рельефным валиком с ложбинкой для прокатки зубчатого колеса (фасоны «тахта-чубук», «полунарцисс», «малый»), были

широко распространены на территории европейской части России и, по-видимому, бытовали одновременно. Разные объемы чашечек данной категории трубок и обилие вариантов оформления и клеймения, при обязательном сохранении узнаваемых черт, открывают обширное поле для дальнейших исследований. С уверенностью можно говорить о наличии в фондах КМЗ нескольких оригинальных турецких и европейских экземпляров, как правило, это изящные изделия, имеющие клейма и бронзовые оправы.

Трубки с клеймами различаются по качеству: по-видимому, аккуратно орнаментированные трубки с небольшим количеством формовочных дефектов происходят из специализированных мастерских или гончарных заводов. Как правило, такие трубки имеют клейма с четкими очертаниями и тщательно проработанными мелкими деталями; клейма на неряшливо оформленных трубках чаще всего являются подражаниями.

Вопрос о создании типологии «турецких» курительных трубок, учитывающей данные о времени бытования, местах производства и ареале распространения тех или иных фасонов, – дело далекого будущего. На данном этапе исследований чрезвычайно актуальной является публикация узко датированных комплексов трубок.

Литература

- Алядинова Д. 2013. Керамические курительные трубки османского периода из раскопок на территории крепости Алустан // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні збірник наукових праць. Вип. 22. Ч. I. Київ. С. 372–378.
- Богданов И. А., 2007. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение. 272 с.
- Волков И. В., 1999. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М.: Компания Спутник.
- Волков И. В., Новикова Г. Л., 1996. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вип. 9. М.: МИГМ. С. 134–152.
- Гусач И. Р., 2013. Османские курительные трубки из раскопок в крепости Азак // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 22. Київ. С. 379–383.
- Зайцев И. В., 2011. Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность. Вип. 2 (14). Волгоград: Учитель. С. 13–33.
- Еришов И. Н., 2010. Исследования в исторической части города Подольска в 2008 году // АП. Вип. 6. М.: ИА РАН. С. 398–413.
- Есипов В. В., 2010. Житие великого грешника. Документально-лирическое повествование о судьбе русского пьяницы и замечательного историка-самоучки Ивана Гавриловича Прыжова. М.: Русская панорама. 240 с.
- Жуковский М. О., Кренке Н. А., Молошникова М. А., Рыбина Л. А., 2009. Комплексы XVIII–XIX веков: оранжерея графов Орловых // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М.: ИА РАН. 524 с. (Материалы охраняемых археологических исследований. Т. 12).
- Ибрагимова А., 2013. Материальная культура Бахчирайского ханского дворца (по итогам архитектурно-археологических исследований 2000–2012 гг.) // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні збірник наукових праць. Вип. 22. Ч. I. Київ. С. 335–359.
- Калашиник Е., 2015. Курильні люльки антропоморфного типу // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи. Матеріали XIV Між-

народної студентської наукової археологічної конференції. Чернівці. С. 33–36.

Каткова С. С., 2017. Авторские метки на изразцах XVIII в. // Русский изразец. М.: Академия акварели и изящных искусств Сергея Андрияки. С. 7–11.

Костромские купцы Чумаковы, 2006. Сост. А. В. Бялко. М.: Октопус. 504 с.

Кузов Х., Христов М., 2016. Проучвания по северната крепостна стена и зидан водопровод на късноантичния Одесос // Журнал за исторически и археологически изследвания. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски». С. 5–37.

Малинин А. В., 2006. Табачная история России. М.: Русский табак. 336 с.

Памятники архитектуры Костромской области / Под ред. В. Б. Корозина. Вып. 1. Ч. 1. Кострома: Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома», 1996. 366 с.

Полюях А. А., 2004. Новые материалы о фаянсовом производстве завода Гулиных // Забелинские научные чтения – 2003. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Вып. 143. М. С. 88–98.

Полюях А. А., 2013. К вопросу об атрибуции курительных трубок завода А. К. Гребенщикова в Москве // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 288–301.

Реброва Р. В., 2011. Белоглиняные курительные трубки в коллекции Государственного Эрмитажа // Тр. ГЭ. Т. LVIII. СПб.: ГЭ. С. 317–328.

Розенфельд Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука. 124 с.

Спиридонова Е. В., Рубан Е. С., 2006. Курительные трубки XVIII – начала XIX веков из музеев Ярославской области // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция. Ярославль: Рыбинский Дом печати. С. 178–189.

Столяров Е. В., 2008. Курительные «турецкие» трубки с торговой пристани г. Калуги: к истории одной находки // Научные труды Калужского государственного педагогического университета. Сер. гуманитарные науки. Калуга: КГУ. С. 92–98.

Тодоров В., 2010. Характеристика на колекцията керамични лули от Силистра // Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Supplementum V. Sofiâ: Universitetsko izdaltelstvo Sv. Kliment Ohridski. С. 813–826.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В., 2015. Местные особенности бытования глиняных курительных трубок в Калуге и окрестностях // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 539–546.

Фехнер М. В., 1952. Раскопки в Костроме (к вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении) // КСИИМК. Вып. XLVII. С. 101–108.

Ayhan G., 2015. Lülelerde Görülen Kuş Figürleri Üzerine Bir Araştırma // Sanat Tarihi Dergisi. Bornova. Vol. 24. № 1. April. S. 1–21.

Batchvarov K. N., 2009. The Kitten shipwreck archaeology and reconstruction of a Black sea. Doctoral dissertation. Texas A&M University, College Station. 326 p.

Batchvarov K. N., 2014. Clay Pipes and Smoking Paraphernalia from the Kitten Shipwreck, an Early Nineteenth-Century Black Sea Merchantman // International Journal of Historical Archaeology. Vol. 18. Is. 1. N. Y.: Springer. P. 1–19.

Bekić L., 1999/2000. Uvod u problematiku glinenih lula na području Hrvatske // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu XXXII/XXXIII. № 1. S. 249–279.

Bekić L., 2000–2001. Clay pipes made in Zelovo, Croatia // Society for clay pipe research. Newsletter 57. Worcester. P. 44–49.

Bekić L., 2010. Brief Introduction to Clay Pipe Finds in Croatia With Special Attention to Local Pipes Found at Fort Čanjevo in The Kalnik Hills // Journal of the Academie Internationale de la Pipe. Liverpool. Vol. 3. P. 113–120.

Bielich M., Čurný M., 2009. Pipe finds from Nitra and Nitra pipe production // Studies in Post-Medieval Archaeology. Post-medieval ceramics. Production, assortment, usage. Prague: Archaia. S. 337–362.

de Vincenz A., 2014. Marks on the pipes // Bere e fumare ai confini dell'impero. Caffè e tabacco a Stari Bar nel periodo ottoman. Firenze: All'insegna del giglio. P. 71–87.

Fabrique et entrepot de pipes en terre. Saillard aîné (Besançon, Doubs), 1843. 27 p.

Gosse Ph., 2001–2003. Les pipes de l'Empire Ottoman. Fouilles archeologiques du port de quarantaine. Sur l'Ile de Pomegues.

Gruia A-M., 2012. Depictions of Smokers on Stove Tiles (17th–19th centuries) // Ziridava. Studia archaeologica. 26/1. Cluj-Napoca: Editura MEGA. P. 201–208.

Haan A. R., de, 2004. 19th century clay chinooks made in Tophane // The pipe year book. Paris. P. 79–90.

Haan A. R., de, 2013. Morelli and the Tophane pipe // Journal of the Académie Internationale de la Pipe. Vol. 6. Liverpool. P. 89–95.

Haan A. R., de, 2014. Samengestelde messing deksels uit Thüringen op pijpen uit Tophane, Ruhla en Schemnitz // Jaarboek van de PKN, stichting voor onderzoek historische tabakspijpen. Leiden. P. 69–73.

Higgins D.A., 2014. «Exotic imports»: an initial assessment of detachable tobacco pipe bowls and other smoking exotica used by the British at home and abroad // *Journal of the Academie Internationale de la Pipe*. Liverpool. Vol. 7. P. 15–64.

Kluttung-Altman R., 2013. Archaeology in Pirna: The Systematic Study of Post-Medieval Finds Based on the Example of a Small Town in Saxony // *Historical Archaeology in Central Europe*. Rockville. P. 395–409.

Kopeczny Z., Dincă R., 2012. Tobacco Clay Pipes Discovered in the Historical Center of Timișoara // *Ziridava. Studia archaeologica*. 26/1. Cluj-Napoca: Editura MEGA. P. 167–190.

Lučić B., 2012. Clay pipes from Sirmium // *Journal of the Academie Internationale de la Pipe*. Vol. 5. Liverpool. P. 9–15.

Meyza K., 1999. Fajki z drugiej połowy XVIII i pierwszej połowy XIX w.: z badań archeologicznych Zamku Królewskiego i miasta Warszawy // *Almanach Muzealny*. T. 2. Warszawa: Muzeum Historyczne m. st. Warszawy. P. 5–21.

Moller G., 2012. Von Tobacksaufern und tabakspinnern // *Stralsunder Hefte für Geschichte, Kultur und Alltag*. Stralsund. S. 71–75.

Peyssonnel C., 1787. *Traite sur le commerce de la Mer Noire*. T. 1. Paris. 340 p.

Puziuk J., 2015. Fajki z badań archeologicznych w Krakowie – źródło mówiące o tradycji, obyczajach i handlu mieszkańców nowożytnego miasta // *Zielonogórskie Spotkania Źródłoznawcze*. Na tropie źródła i jego interpretacji. Zielona Góra. T. 1. S. 77–88.

Radu L., Radu-Iorgus C., Ionescu M., 2013. Pipe ceramice descoperite la Mangalia // *Peuce. Studii și cercetări de istorie și arheologie*. Serie Nouă XI. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale. P. 239–254.

Robinson R.A.M., 1985. Tobacco Pipes of Corinth and of the Athenian Agora // *Hesperia*. Athens: ASCSA. Vol. 54. Is. 2. P. 149–203.

Vincenz A., de, 2016. Chibouk smoking pipes – secrets and riddles of the ottoman past // *Arise, walk through the land. Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld on the Tenth Anniversary of his Demise*. Jerusalem: Old City Press. P. 111–120.

Výšohlíd M., 2009. Bohemia // *Journal of the Academie Internationale de la Pipe*. Vol. 2. Liverpool. P. 17–25.

Výšohlíd M., 2011. Dvojdílné keramické dýmky 17–19. století z archeologických nálezů v českých // *Historia výroby fajok a archeologické nálezy fajok na slovensku*, Tekovské múzeum v Leviciach. Levice. S. 80–81.

A.A. Saturin

“Turkish” smoking pipes from the collection of the Kostroma Museum-Reserve

Summary

The article discusses the history of the study of smoking pipes of the 18th – 19th cc. and presents materials from archaeological excavations on the territo-

ry of Kostroma city, as well as donated by the museum to private owners. A grouping of pipes based on their shape and proportions is proposed.

List of figures

Fig. 1. Cupboard wall unit, fragment of painting, 2nd half of the 19th century. Buisky district of Kostroma region, the village of Barinovo. The work of local dyers

Fig. 2. Smoking pipes of group 1

Fig. 3. Smoking pipes of group 2

Fig. 4. Smoking pipes of groups 3–5

Fig. 5. Stamps on pipes from the collection of the Kostroma Museum-Reserve

Fig. 6. Smoking pipe

А. А. Полюлях*, В. А. Беркович**

* Музейное объединение «Музей Москвы»

** ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

Чайник завода Гребенщиковых из археологических наблюдений в Большом Головине переулке в Москве в 1998 году

В 1998 г. в ходе археологических наблюдений, проводимых Центром археологических исследований ГУОП г. Москвы в историческом центре города (в районе между Бульварным и Садовым кольцом и улицами Трубной и Сретенкой), в Большом Головине переулке у д. 2/16 найден расписной майоликовый сосуд, который по наличию носика-слива позволяет атрибутировать его либо как чайник – «сосуд с ручкой и с носиком для заварки чая или для кипячения воды», либо как кофейник – «сосуд для варки или подачи кофе» (Словарь русского языка, 1986. С. 651; 1988. С. 116). В XIX в. был известен способ быстрой заварки кофе подобно чаю, для чего «тонко измолотый порошок обливается кипящей водой и настаивается без кипячения 5–10 минут» (*Брокгауз и Ефрон*, 1895б. С. 451). Форма и конструкция сосуда снабжает найденный сосуд дополнительной функцией: носик-слив в верхней части основного объема тулова позволяет при наклоне наливать в чашку напиток без попадания в нее завариваемого продукта.

По ряду характерных признаков найденный чайник, по-видимому, изготовлен на заводе Гребенщиковых. Открытый в Москве в 1724 г. купцом гостиной сотни А. К. Гребенщиковым завод официально назывался «Ценинная и табачных трубок фабрика» и действовал под руководством его сыновей до 1779 г. Этот завод являлся первой в России мануфактурой, производившей курительные трубки, печные изразцы и плитки, а также фигурки

и разнообразную майоликовую¹ столовую и чайно-кофейную посуду в 1749–1779 гг. В 1750-х завод А. К. Гребенщикова неоднократно получал частные заказы, а также заказы императорского двора, в частности, в 1753 г. поставлял сервизы «с гербами и литерами, с разными цветками» для подмошковых дворцов в селах Алексеевском, Братовщине и Воздвиженском (*Вольф*, 1906. С. 8).

Деятельность завода Гребенщиковых рассматривалась в дореволюционный и советский периоды в работах Н. В. Вольфа (1906), М. А. Безбородова (1950), А. Б. Салтыкова (1952) и Д. М. Лихачевой (1972). На месте его нахождения, в квартале между Большой Алексеевской улицей² и Товарищеским переулком на восточной окраине Москвы в Алексеевской слободе, «за Яузскими воротами, за Земляным городом», не производились археологические исследования и наблюдения. Деятельность завода рассматривалась на основе документальных источников и хранящихся в музейных коллекциях изделий завода, насчитывающих в настоящее время около 70 предметов. Они хранятся в фондах восьми музеев: Государственном историческом музее, Эрмитаже, Русском музее, Музее керамики и «Усадьба Кусково XVIII века», Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике, Егорьевском историко-художественном музее, Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства и в Музейном объединении «Музей Москвы». Это отдельные посудные формы

¹ Подробно вопрос об отнесении к майолике изделия завода Гребенщиковых ранее рассматривался автором в работе «Посуда завода Гребенщиковых из археологических наблюдений в Вознесенском переулке в Москве в 2016 г.» (*Беркович, Полюлях*, 2018. С. 487).

² В настоящее время – ул. А. Солженицына.

столовых сервизов: тарелки, овальные и круглые блюда, миски с крышками, соусник, круглый судок с крышкой, лоток с ручками. На девяти предметах имеются клейма РМФАГ и МФАГ, написанные от руки синей краской или рельефные, которые, по мнению А. Б. Салтыкова, читаются как «Русская мануфактура фабриканта Афанасия Гребенщикова» и «Московская фабрика Афанасия Гребенщикова» (Салтыков, 1952. С. 28–33). Более точным прочтением клейма РМФАГ, по-видимому, является «Работа Московской фабрики А. Гребенщикова».

Выявление новых, ранее не известных изделий завода Гребенщиковых в музейных собраниях или в частных коллекциях маловероятно. В связи с этим особое значение имеет исследование горизонта Нового времени в культурных слоях Москвы XVIII–XIX вв., где возможны находки посуды этого завода. Так, например, Г. П. Латышева в 1957 г. на участке д. 10/23 в 1-м Песчаном пер. в пос. Сокол, где ранее находилось село Всехсвятское, принадлежавшее в XVIII в. князьям Грузинским, нашла десять майоликовых тарелок и крышку суповой миски с гербом грузинских князей Багратионов (Полюлях, 2014). Также при археологических наблюдениях в 2016 г. в Вознесенском переулке у д. 22, в траншее коммуникаций, в слое пожара с кладом медных монет 1731–1759 гг., обнаружены фрагменты майоликовой тарелки и блюда, по ряду характерных признаков атрибутированные как изделия завода Гребенщиковых в Москве 1760–1779 гг. (Беркович, Полюлях, 2018).

Найденный в Большом Головине переулке чайник со сферическим в нижней части туловом и высоким прямым горлом с отогнутым краем имеет небольшие размеры: высота – 13 см, диаметр тулова – 9 см, диаметр дна – 6 см, диаметр венчика – 5 см (рис. 1). От верхней части тулова вверх отходит носик-слив, соединенный с ним спиралевидным завитком (волутой). Носик в верхней части был отбит, но аккуратно, до завитка, горизонтально сточен, и в таком виде чайник еще продолжал, вероятно, использоваться владельцем. С противоположной от носика стороны расположена ручка округлой формы, укрепленная на середине горла и тулова. Чайник, по-видимому, имел крышку сферической формы с произвольным (плоским

круглым, коническим, шаровидным и др.) хватком (рис. 2, 1), характерную для китайских и западноевропейских чайников XVIII в., имеющих шейку (рис. 2, 2, 3³).

Тулово чайника сформовано, по-видимому, на ножном гончарном круге из содержащей песок белоглиняной массы светло-желтого оттенка. Валик у дна и на середине высоты выделен шаблоном в процессе формовки; на середине высоты валик имеет изнутри углубление (рис. 2, б). На внутренней поверхности дна в центре отмечен выступ с углубленными окружностями вокруг него, образовавшимися при вращении на круге. Тулово в сечении имеет неодинаковую толщину стенок (рис. 2, б): дно – 8 мм, на середине нижней сферической части – 7 мм, на середине горла – 4 мм. Размеры и большая толщина стенок при формовке из глины определяют внутренний объем чайника – 250 мл и его довольно значительный вес – 360 г. Для сравнения: при близких значениях истинной плотности⁴ твердого и мягкого фаянса (майолики) и фарфора чайник Т-ва М. С. Кузнецова 1889–1917 гг. объемом 300 мл весит 204 г, объемом 200 мл – 169 г, фаянсовый чайник конца XIX в. объемом 750 мл – 400 г, фаянсовый чайник 1990-х гг. объемом 300 мл – 308 г, а майоликовый чайник 1996 г. объемом 500 мл – 336 г.

Чайник объемом 0,25 л по современным стандартам посуды, основанным на опыте предшествующих столетий отечественной производственной практики, относится к мелким⁵. При одноразовой заварке такого объема чайника хватает на три чайные чашки, использовавшихся в московском быту в XVIII в. Это чашки, найденные в Москве во время археологических раскопок и наблюдений, конической формы из Китая (рис. 2, 4) и сферические, видимо, западноевропейского типа (рис. 2, 5), имеющие объем примерно 70 мл (Векслер, Беркович, 1999. С. 208. Табл. 20, 1, 3, 6, 7, 9). При правильной заварке чая допустима его вторая и третья заварка, и тогда общее количество напитка для этого чайника может составить девять чашек (Похлебкин, 1981. С. 86, 88).

В процессе изготовления чайника приставные элементы формы – носик-слив, волута и ручка – сформованы произвольно вручную и примазаны в соответствующих местах. Носик-слив имеет

³ <https://www.livemaster.ru/topic/311117-iz-istorii-zavarochnogo-chajnika-18-vek>.

⁴ Истинная плотность (удельная масса) – масса единицы объема абсолютно плотного материала (без пор) и является физической константой для данного материала (Мороз, Комская, Сивчикова, 1976. С. 22).

⁵ ГОСТ Р 54575-2011 (Посуда фарфоровая. Технические условия) подразделяет изделия по размерам: на мелкие – вместимостью до 0,25 л, средние – вместимостью от 0,25 до 0,6 л, крупные – вместимостью более 0,6 л.

Рис. 1. Майоликовый чайник из наблюдений в Большом Головине пер. у д. 2/16

изогнутый сквозной канал диаметром 6 мм, проделанный не по центру стержнем в процессе лепки. Формовка полых форм посуды на гончарном круге свидетельствует об отсутствии на заводе Гребенщиковых передовой и более совершенной технологии ручного заполнения массой алебастровой формы, как это описано в работе Д. И. Виноградова «Обстоятельное описание чистого порцелина» (1752) и делалось в середине XVIII в. на Невской порцелиновой мануфактуре (с 1765 г. – Императорский фарфоровый завод), позволяющей изготавливать сложнопрофилированные изделия и изделия с рельефами (Безбородов, 1950. С. 406).

После формовки, сушки и первого обжига внутренняя и внешняя поверхности чайника были полностью покрыты непрозрачной (глухой) белой глазурью, по которой на внешней поверхности выполнен расписной декор синим цветом с коричневой перьевой прорисовкой элементов. У верхнего края горла и по валику на середине тулова, в двух линиях отводки нанесены пояса из синих чешуек с коричневой обводкой. На поясе в середине тулова декор выполнен в двух резервах; под ручкой, в третьем резерве, нарисована половина стилизованного соцветия.

По бокам тулова кофейника изображены корзины с одинаковыми условно-эклотичными композициями букетов, состоящими из четырех соцветий и трехлистных веточек (рис. 2, 8). От дна корзины вниз опускается соцветие с тремя листьями, а от ее краев вверх загибаются два, видимо, стилизованных листа аканта. По носику-сливу и ручке выполнены условные продольные веточки с синими листьями. Валик у дна не имеет декора, выше него нанесены только две коричневые линии отводки.

Подобные композиции с букетами и декоративные пояса известны на нескольких блюдах завода Гребенщиковых из собраний ГИМ, Егорьевского историко-художественного музея, Государственного музея керамики, Сергиево-Посадского музея-заповедника. Некоторые из них имеют клеймо завода Гребенщиковых – РМФАГ. Полной аналогией по методу росписи, изображению корзины и декоративных элементов пояса рассматриваемого чайника является декор круглой миски с крышкой из коллекции Егорьевского музея (рис. 2, 9).

После росписи и второго обжига чайника на его внешней поверхности (непрозрачной белой глазурью) проявился дефект – цек, сетка тонких трещинок (рис. 2, 8). Он связан с неодинаковым коэффициентом теплового расширения массы и самой глазури, нанесением ее толстым слоем, недостаточным обжигом и быстрым остыванием изде-

лия (Августиник, 1975. С. 451–452). Отмечаются отдельные черные точки посторонних включений (засорка). На днище на фоне глазури заметны сколы, являющиеся, видимо, точками установки сосуда на подставки в капсуле перед вторым (после росписи) обжигом с целью исключить его прилипание к поверхности капсулы (рис. 2, 7).

По оценке А. Б. Салтыкова, изделия завода Гребенщиковых характеризуются: 1) большими размерами; 2) желтовато-розовым цветом обожженной формовочной массы (черепка), что отмечается в изломе и на сколах; 3) ровным покрытием белой эмалью синеватого оттенка от слабого до среднего; 4) крупным цеком эмали в виде трещинок на некоторых изделиях (Салтыков, 1952. С. 29). Визуальное исследование чайника из Большого Головина переулкa показало, что по некоторым из этих характерных признаков и по аналогичным композициям и элементам декора его допустимо отнести к продукции завода Гребенщиковых.

В перечнях изделий завода Гребенщиковых, приводимых А. Б. Салтыковым (1952) и основанных на архивных документах, чайники (или кофейники) наряду с тарелками, блюдами, чашами, лотками и пр. как отдельные изделия не встречаются. Но в описи изделий 1751 г. среди разнообразных посудных форм указаны «настольные сервизы» по 126 сосудов в каждом. По-видимому, это были столовые сервизы. Однако в описи вещей Покровского дворца в Москве, составленной в 1760 г., указаны чашки с блюдами «Гребенщикова». Также, согласно описи изделий 1751 г., было сделано 650 штук «уксусников и перешниц и чашек по 10 коп.» (Салтыков, 1952. С. 23, 25). Здесь, видимо, имеются в виду именно чайные чашки. Следует особо отметить указания в книгах московских таможен 1730-х – начала 1740-х годов на изделия, сделанные в Москве и ее округе, к которым относятся оловянная посуда «московской работы», чайные чашки «московского дела» и «московской фабрики», чайники глиняные «московской работы» (Кушева, 1947. С. 100). Таким образом, не исключено, что завод Гребенщиковых производил и чайные, и кофейные сервизы, в состав которых мог входить представленный в этой статье чайник.

Аналогичный по форме и декору чайник выявить в публикациях и музейных коллекциях России пока не удалось. Но если декор на чайник мог быть нанесен произвольно, то форма, видимо, выполнена по какому-то образцу. Формы посуды для заварки чая и варки кофе связаны с появлением и распространением этих напитков в Европе и России. В Европе кофе появился и распространился

Рис. 2. Керамическая посуда XVIII в. из находок в Москве и ее аналоги

1 – майоликовая крышка из раскопок в Царицыно, XVIII в. (Полюлях, 2010, Рис. 11, 9); 2 – чайник, Мейсенская мануфактура, 1722 г.; 3 – чайник, Китай, нач. XVIII в.; 4 – чайная чашка, Китай, 1-я пол. XVIII в., из раскопок в Третьяковском пр., 1999 г. (пол. № 425); 5 – чайная чашка, сер. XVIII в., завод Гребенщиковых (?), из раскопок на Манежной пл., 1995 г.; 6–8 – майоликовый чайник из наблюдений в Большом Головине пер. у д. 2/16; 9 – миска с крышкой, сер. XVIII в., завод Гребенщиковых (Егорьевские диковины... 2008. С. 269)

в конце XVI в., то есть раньше чая (в XVII в.). Посуда для его варки была металлической, медной или латунной, и, видимо, в ней же кофе подавался на стол.

Чай из Китая был завезен в Европу в середине XVII в., видимо, вместе с фарфоровыми чайниками и чашками. Но распространение чайной фарфоровой посуды не могло быть широким из-за высоких цен на фарфор в XVII–XVIII вв. Некоторые восточные керамические чайники, производившиеся в XVIII в. в Китае (рис. 3, 5–6⁶) и Персии (рис. 3, 4⁷), имеют подобную найденному в Москве чайнику грушевидную форму.

Чайники и кофейники этой же формы, но металлические, изображены на некоторых картинах западноевропейских художников XVIII в. Так, на картине фламандского художника П. Я. Хорманса (1700–1776) «Женщина с попугаем на кухне» (1760 г.?) на столе хорошо виден медный кофейник со сферическим туловом и высоким горлом, похожий на кувшин (рис. 3, 1⁸). Сосуд с аналогичной формой тулова, но имеющий в нижней части кран и используемый, видимо, для заварки чая, изображен на картине 1756 г. швейцарского художника Ж.-Э. Лиотара «Завтрак голландской девушки» (рис. 3, 3⁹). Чайник с похожей формой тулова, носиком-сливом и ручкой сверху стоит на столе на другой картине П. Я. Хорманса (1700–1776) «Дама у стола с фруктами» (рис. 3, 2¹⁰). Эти металлические формы медных и латунных чайников и кофейников, видимо, в несколько трансформированном виде послужили образцами для производства фарфора и фаянса на заводах Западной Европы в XVIII в.

В России чай появился, по сведениям историка и этнографа Н. И. Костомарова, «как редкость и новость» в правление царя Михаила Федоровича (1613–1645) и был «прислан в дар от монгольского государя». Во второй половине XVII в., при царе Алексее Михайловиче (1645–1676), чай привозился из Китая вместе с бадьяном и другими травами в небольших количествах и «знатные лица упо-

ребляли его как лекарство и приписывали ему целительную силу». Он продавался фунтами и употреблялся с сахаром в качестве лечебного средства при желудочных расстройствах и против пьянства (Костомаров, 1862. С. 240; 1993. С. 122). Из Китая специально для чаепития ввозился сахар (Силин, 1947. С. 64).

Русский писатель, журналист и собиратель занимательных историй XVIII – первой половины XIX в. М. И. Пыляев сообщает: «Употребление чая стало известно в России только около половины XVII столетия. Сперва употреблялся он при царском дворе как лекарство, и настоящий китайский чай привозим был чрез Сибирь. Его еще тогда употребляли у нас так мало, что Кильбургер, в бытность свою в Москве в 1674 г., покупал его по 30 копеек за фунт» (Пыляев, 1990. С. 6).

Потребление чая в России значительно увеличилось в XVIII в. В Москву в первые три месяца 1726 г. ввезен 131 пуд чая на 3,4 тыс. рублей (Очерки... 1954. С. 130). При его пофунтовой продаже минимальная цена за 1 фунт (409,5 г) могла составлять 65 копеек.

В 1740 г., по данным специальной «Книги записной китайским и сибирским товарам», почти в каждой партии товаров присутствовал чай разных сортов, черный и зеленый, доставлявшийся в «ширях» (кожаных мешках) и в цыбиках (ящиках), распродававшийся оптом очень быстро. Также доставлялась «цениная» и фарфоровая посуда (Кушева, 1947. С. 65).

В 1760-х и 1770-х годах из Китая через сибирский город Кяхту в Россию ввозилось чая уже около 30 000 пудов ежегодно, в 1798 г. – около 47 000, а в 1800 г. – 69 000 пудов (Силин, 1947. С. 146). При этом необходимо учитывать, что часть его употреблялась в Сибири и какая-то часть с московского рынка расходилась по городам европейской России.

Кофе¹¹, как и чай, появился во второй половине XVII в. при царе Алексее Михайловиче и, видимо, также поначалу употреблялся в качестве

⁶ <https://s017.radikal.ru/i409/1511/94/07d96f89c003.jpg>; <http://www.webcity.su/images/img/chinese-porcelain-30.jpg>

⁷ https://p5.storage.canalblog.com/54/90/119589/68920653_p.jpg

⁸ https://siftingthepast.com/wp-content/uploads/2012/07/siftingthepast_kitchen-still-life-with-parrot-and-female-figure_peter-jakob-horemans_1760.jpg

⁹ <https://pbs.twimg.com/media/C2XW9gEXAAuqbY.jpg:large>

¹⁰ https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f7/Peter_Jakob_Horemans_-_A_lady_at_a_table_laden_with_food.jpg

¹¹ Специального подробного научного исследования о появлении и распространении кофе в России в XVIII в., как, впрочем, и чая, автору найти не удалось, в связи с чем использовалась как непрофильная литература (Демиденко, 2011), так и интернет-ресурсы, требующие дополнительных уточнений и дополнений: Молчанова М. История кофе в России. // Исторический журнал «Дилетант». <https://diletant.media/articles/36577000/#> (дата обращения 06.12.2019); Вольтнец А. Хлебали ложками, как ши: история кофе в России // Журнал «Профиль». <https://profile.ru/history/xleballi-lozhkami-kak-shhi-istoriya-kofo-v-rossii-62212/>. (Дата обращения 06.12.2019).

Рис. 3. Западноевропейские и восточные чайники и кофейники XVIII в.

1 – «Кухонный натюрморт с женской фигурой и попугаем». Худ. П. Я. Хорманс. 1760 г. Фр-т; 2 – «Дама у стола с фруктами». Худ. П. Я. Хорманс; 3 – «Завтрак голландской девушки». Худ. Ж.-Э. Лиотар. 1756 г. Фр-т; 4 – чайник, Персия, XVIII в.; 5, 6 – фарфоровые чайники, Китай, XVIII в.

лечебного средства, с чем связано первое упоминание о нем в 1665 г., когда придворный доктор предписал царю Алексею Михайловичу «лекарство против надмений, насморков и главоболений».

По сведениям М. И. Пыляева, «кофе впервые стал известен в начале прошлого столетия (XVIII в. – *Прим. автора*); первый кофейный дом был заведен Петром Великим в Петербурге в 1704 году, но кофе вошел в употребление только с половины нынешнего столетия (XIX в. – *Прим. автора*)» (Пыляев, 1990. С. 6). Петр Первый, видимо, способствовал распространению кофе как повседневного напитка после посещения в 1697–1698 гг. европейских стран с «Великим посольством». Всем подданным приказано было пить кофе и подавать его на официальных ассамблеях; в 1714 г. кофе предлагался посетителям при открытии Кунсткамеры; в 1724 г. в Петербурге по указу

Петра I открылись 15 трактиров для иностранцев, где помимо еды готовился и кофе.

Употребляемый преимущественно в среде дворянства, кофе в 1726 г. ввозился в Россию в количестве 494 пудов (или 8,1 тонны) из Европы через Архангельск и Санкт-Петербург (Посошков, 1937. С. 344). В 1740 г. по указу императрицы Анны Иоанновны, в утреннее меню которой ежедневно входила чашка кофе, в Петербурге открылся первый в России кофейный дом. «Кофе, чай, шеколад и табак» по указу 1745 г. императрицы Елизаветы Петровны должны были подавать во всех гербербах (ресторанах) Петербурга (Демиденко, 2011).

Потребление кофе в России на протяжении XVIII в. быстро росло. По сравнению с 1726 г. ввоз кофе увеличился в 151 раз (!) и составил в 1793 г. 74811 пудов (Небольсин, 1835. С. 230–231). В 1762 г. его было ввезено на 67712 руб. В конце XVIII в.

Рис. 4. Чайники (2, 4) и кофейники (1, 3, 5–7) России XVIII в. и чайная ложка 1856 г.

1 – Урал, 1756 г. (Петрова, 2004. С. 50. № 49); 2 – Урал, 1745 г., (Петрова, 2004. С. 43. № 5); 3 – Урал, 2-я пол. XVIII в. (Медные изделия... 1986. С. 18); 4 – ГИМ, серебро (История Москвы, 1953. С. 237); 5 – Россия, 2-я пол. XVIII в., ГИМ; 6 – Урал, 2-я пол. XVIII в. (Егорьевские диковины... 2008. С. 305); 7 – Урал, 2-я пол. XVIII в. (Медные изделия... 1986. Обложка); 8 – чайная ложка, 1856 г. (ММ)

кофе в России являлся одним из главных предметов импорта наряду с шелком, сукном, сахаром, вином и фруктами. Ввоз этих товаров составлял: кофе – на 1315 тыс. руб., шелк – 1822, сукно – 3978, сахар – 5595, вино – 1137 и фрукты – на 903 тыс. руб. (Очерки... 1956. С. 126–127).

Росло и число «кофейных домов»: в январе 1812 г. в Москве их было 14 (Сытин, 1972. С. 333). Для сравнения: в Париже в XVIII в. было 700–800 кофейен, и в 1787 г. во Францию ввозилось примерно 38 тыс. тонн кофе, из которых 36 тыс. тонн реэкспортировалось и тысяча тонн употреблялась в Париже (Бродель, 2006. С. 226, 228).

Для заварки чая и кофе в России, как и в Европе, использовалась медная посуда, изготовление которой началось уже с 1730-х годов на уральских заводах: казенном Екатеринбургском, частных Акинфия Демидова, Осокиных, Турчаниновых, Строгановых и др. Среди выпускавшихся на этих заводах изделий отмечены чайники и кофейники грушевидной формы (рис. 4, 1–3) (Петрова, 2004. № 5, 49, 51). Чайники аналогичной формы, но серебряные, изготавливались в XVIII в. и в Москве¹².

Один такой чайник, например, относится к 1739 г. (рис. 4, 4).

Следует отметить факт производства на уральском заводе А. Ф. Турчанинова в Соликамске в середине XVIII в. медной и латунной посуды (самоваров, чайников, кофейников), покрытой, в подражание фарфоровой, белой краской и разноцветной росписью. Кофейники этого завода также имели грушевидную форму (рис. 4, 6, 7).

Рост потребления в России в 1760-е годы чая и кофе в среде дворянства косвенно подтверждают сведения о производстве фарфоровой (судя по ценам) чайно-кофейной посуды на фарфоровой фабрике Ф. Гарднера в 1769 г.:

- чайные чашки с блюдцами – 505 дюжин от 2 руб. до 6 руб. за дюжину,
- чайников – 347 штук от 75 коп. до 2 руб. за штуку,
- кофейников – 60 штук от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. за штуку,
- молочников – 284 штук от 50 коп. до 1 руб. за штуку (Черный, 1970. С. 250). Эти изделия от общего выпущенного количества составляли 96%.

¹² Несколько серебряных чайников (кофейников) разных годов XVIII в., имеющих грушевидную форму, хранятся в фондах ГИМ (см. Госкаталог РФ: <http://goskatalog.ru>).

В целом анализ типов керамических и металлических чайников и кофейников XVIII в. показывает широкое распространение грушевидной формы, особенно в фарфоре Мейсенской мануфактуры, изделия которой часто служили образцами для подражания. Одним из таких подражаний, видимо, является небольшой фарфоровый кофейник российского производства из собрания ГИМ (рис. 4, 5¹³).

О ввозе в Россию в 1770-е годы чая и кофе сообщает М. Д. Чулков в труде «Историческое описание российской коммерции». Чай восьми видов («джулан, монихо, лайхой, моджан, луган, черной, кирпичной и каменной») привозился как из Китая, так и из нескольких европейских городов: Амстердама, Лондона, Любека, Гамбурга, Ревеля и др. Кофе («белые бобы») ввозился в Россию морем из Португалии и вышеперечисленных европейских городов. Им упоминаются и «кофейники», привозившиеся из Руана, Амстердама и Любека (Чулков, 1788. С. 108, 110, 242). По-видимому, кофейники из Руана, на северо-западе Франции, где существовал фаянсовый завод, и из Амстердама, рядом с которым в Дельфте работало несколько фаянсовых заводов, могли быть образцами для изготовления аналогичных сосудов на заводе А. К. Гребенщикова.

Производимая майоликовая посуда на заводе А. К. Гребенщикова в 1750–1760-х гг., судя по ценам на отдельные изделия (разных размеров тарелки, блюда, чаши, лотки, тарелки, а также солонки, перечницы и уксусники) от 10 копеек до рубля, а также на «настоленные сервизы» по цене 25 рублей 25 копеек была доступна в первую очередь московскому дворянству и купечеству. Судя по ценам выпускавшихся в 1751 г. на заводе А. К. Гребенщикова майоликовых изделий, найденный в Большом Головине переулке чайник мог стоить 15–20 копеек (Салтыков, 1952. С. 23). По имеющимся наиболее полным данным о составе жителей Москвы в 1788–1795 гг., в эти сословные группы входило 8600 и 11 900 человек соответственно, или 12% жителей города. Если же прибавить к дворянам и купцам разночинцев, военных, приказных и духовенство, то их число в те же годы составляло 48 700 человек, или 28% жителей города (История Москвы, 1953. С. 307).

В 1750–1760-е годы гребенщикова майоликовая посуда в среде московского дворянства и купечества считалась недорогой и становилась повседневной. Спрос на нее в Москве, видимо, оста-

вался устойчивым. Так, в 1749 г., по отчетным данным А. К. Гребенщикова, вся произведенная посуда – 14 320 предметов – была продана. В 1751 г. выпущено в 2,3 раза больше изделий (32 825 отдельных предметов и 65 сервизов), из которых к концу года продали почти половину (46%) – 17 858 штук (Салтыков, 1952. С. 17, 18, 23).

Употребление чая и кофе в среде русской аристократии в XVIII в. входило в ежедневный рацион, но было регламентировано. Эти напитки пили, как правило, один раз в день: утром либо вечером. Так, например, по сведениям П. Ф. Карбанова (1767–1851), коллекционера и известного в свое время собирателя и знатока русской истории и древностей, Екатерина Вторая пила чай «только в болезненном состоянии, кофий ей подавали самый крепкий, называемый мокка; его ровно фунт варили в вызолоченном кофейнике, из которого выливалось только две чашки, чрезмерная крепость умерялась большим количеством сливок». На празднике графа Н. П. Шереметева в Ку斯科во 1 августа 1792 г. вечером гуляющим и танцующим в оранжерее гостям «разносили чай, кофе, мед и потчевали конфетами» (Рябцев, 1998. С. 177, 236). Граф В. В. Головин (1696–1781), живя в 1740–1770-х годах в своем поместье в с. Деденево Дмитровского уезда Московской губернии, пил чай утром, при этом слуги приносили большой медный чайник с горячей водой и большую железную жаровню с горячими углями; около 16 часов, после обеда и десерта, он пил шоколад (Казанский, 1847. С. 63, 65).

В богатой дворянской семье Янковых, владевшей 5000 крепостных крестьян, в усадьбе в с. Боброве вблизи Калуги в 1770-х годах, по воспоминаниям Е. П. Янковой (1768–1861), «чай пили в пять часов... приносили в гостиную большую жаровню и медный чайник с горячей водой. Матушка заваривала сама чай. Ложечек чайных для всех не было; во всем доме и было только две чайные ложки: одну матушка носила при себе в своей готовальне (футляре), а другую подавали для батюшки. Поутру чаю никогда не пили, всегда подавался кофе». По-видимому, употребление чая в повседневной жизни этой семьи к концу XVIII в. стало традицией, и, выходя замуж в Москве в 1793 г., Е. П. Янкова в приданое получила ко всему прочему «столовое и чайное серебро» ([Благово], 1989. С. 24–25, 50).

Месячное потребление чая примерно может быть определено по старой русской средней норме

¹³ <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=402119>

заварки чая для получения настоя средней крепости. По утверждению историка и знатока русской кулинарии В. В. Похлебкина, она составляет на чайник объемом литр (4–5 стаканов) 4 чайные ложки сухого чая с дополнительной ложкой, или около 25 г сухого чая на литр воды, доливаемой затем примерно на 50–75%, т. е. на 1,50–1,75 л. Если же чайник затем не доливать (не заваривать чай вторично), то норму заварки можно сократить до 15–20 г (Похлебкин, 1981. С. 89). Для чайника объемом 250 мл норма заварки чая уменьшается в четыре раза и составит всего 5–6 г. Но эмпирическая проверка показала, что этот расчет В. В. Похлебкина неверен. В стандартную типовую латунную ложку¹⁴ 1856 г. (рис. 4, 8) вмещается не 5, а 3 г сухого среднелистового чая. Для сравнения следует отметить, что столько же чая (3 г) входит и в современную ложку с аналогичной овальной чашкой¹⁵. Таким образом, при одноразовом употреблении чая в день (3 г) владельцу найденного чайника на месяц было необходимо 90 г сухого чая, что при минимальной стоимости одного фунта 65 копеек составляло примерно 14–15 копеек.

Следует отметить, что Большой Головин переулоч, где был найден чайник, в XVIII в. назывался Соболевой улицей и входил в расположенную здесь обширную Пушкарскую слободу (рис. 5, 1, 2). Эта слобода прилегала к ул. Сретенке и насчитывала в 1638 г. 374 двора (Богоявленский, 1930. С. 122). По Переписным книгам Москвы 1737–1745 гг., «в Соболевой улице Сергия Чудотворца, что в Пушкарях», находился 51 небольшой двор нижних чинов артиллерии (канониры, денщики, пушечные мастера, токари, столяры, писари, канцеляристы и т. п.) (Переписные книги... 1881. Стб. 87–90). Для этой категории жителей Москвы, с невысоким среднемесячным доходом, майоликовый чайник и чашки для чаепития были дорогими предметами повседневного обихода, так как минимальная цена на них достигала 50 копеек. К этому следует добавить и ежемесячные расходы на покупку чая, составлявшие минимум 15 копеек. В 1750-е годы для приемлемого существования в день необходимо было иметь

3 копейки, или 90 копеек в месяц. В Москве в это время на копейку можно было купить один из видов продуктов: 615 г ржаной муки, 1,3 кг солонины или 60 г коровьего масла (Прохоров, 1984. С. 166).

В Пушкарской слободе, среди дворов нижних чинов артиллерии, судя по Переписным книгам Москвы 1737–1745 гг., находились и дворы офицеров этого же ведомства. По-видимому, в конце Большого Головина переулоча, на месте находки чайника, располагались дворы «арт. капитана кн. (князя. – Прим. авторов) Александра Вяземского» и двор «арт. комиссара Макара Лутошкина» (Переписные книги... 1881. Стб. 88). Учитывая, что двор комиссара Лутошкина в плане имел неправильную конфигурацию с разной длиной по сторонам, его нужно локализовать в конце переулоча, выходящего к пруду на р. Неглинной (там сейчас проходит ул. Трубная), где и был найден чайник.

Двор «арт. комиссара Макара Лутошкина» по площади (более 300 кв. м) был одним из крупных в Пушкарской слободе, тогда как дворы нижних чинов там в основном имели площадь 60–150 кв. м, а двор капитана кн. Александра Вяземского – 220 кв. м.

На одном из двух вариантов плана Москвы 1767 г. П. Горихвостова на участке в конце Большого Головина и Пушкарского переулочов изображено большое здание, видимо, это и есть дом комиссара Лутошкина, но на другом варианте плана никакой постройки нет и представлена обычная подворная застройка (рис. 5, 3, 4). Весь этот район полностью сгорел во время пожара 1812 г. ([Булгаков], 1813. Карта).

Должность комиссара¹⁶, как чиновника от Сената, видимо, позволяла иметь высокое годовое жалованье, допускающее ежедневное употребление чая и кофе и приобретение для этого майоликовой посуды.

Таким образом, найденный в Большом Головине переулоча у д. 2/16 чайник (или кофейник) по ряду характерных технологических признаков изготовления и стилистических особенностей росписи следует атрибутировать как изделие завода Гребенщиковых в Москве. Оно дополняет немно-

¹⁴ Использованная для измерений ложка имеет клеймо «1856», овальный объем 6 мл и размеры: длина – 4,9 см, ширина – 2,9 см, глубина – 0,9 см.

¹⁵ Использованная для измерений современная ложка из нержавеющей стали имеет овальную чашку объемом 5 мл, и ее размеры: длина – 4,8 см, ширина – 2,8 см, глубина – 0,9 см.

¹⁶ Комиссар – особо уполномоченный чиновник, обладающий единоличной властью, осуществляющий надзорные функции за деятельностью государственного учреждения, например управляющий казенным заводом (Брокгауз и Ефрон, 1895а. С. 864).

Рис. 5. Большой Головин пер. на плане Москвы 1739 г. архитектора И. Мичурина (А), современном плане Москвы (Б) и плане Москвы 1767 г. П. Горихвостова (В, Г)
1 – место находки майоликового чайника; 2 – Большой Головин пер.; 3 – ул. Сретенка

гочисленный музейный комплекс известных изделий завода Гребенщиковых. Майоликовая посуда, с характерной синей росписью производившаяся в России заводом Гребенщиковых в 1749–1779 гг. и имеющая относительно узкую датировку, является маркером культурного слоя второй половины XVIII в. При этом следует учитывать, что она могла бытовать с момента изготовления довольно

продолжительное время и попасть в культурный слой XIX в.

Производство чайно-кофейной посуды в России, как и ее импорт, характеризует общеевропейскую тенденцию распространения в стране трех новых возбуждающих и тонизирующих напитков – кофе, чая и шоколада, бывших поначалу роскошью и ставших позднее напитками повседневными.

Литература

- Августиник А. И., 1975. Керамика. Л.: Стройиздат. 592 с.
- Безбородов М. А., 1950. Д. И. Виноградов – создатель русского фарфора. М.–Л.: АН СССР. 511 с.
- Беркович В. А., Полюлях А. А., 2018. Посуда завода Гребенниковых из археологических наблюдений в Вознесенском переулке в Москве в 2016 г. // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 460–481.
- [Благово], 1989. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.: Наука. 471 с.
- Богоявленский С. К., 1930. Московские слободы и сотни в XVII веке // Московский край в его прошлом. Ч. 2. М.: Общ-во изуч. Московской обл. 128 с.
- Бродель Ф., 2006. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. М.: Весь Мир. 592 с.
- Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А., 1895а. Энциклопедический словарь. СПб. Т. 15А. С. 479–960.
- Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А., 1895б. Энциклопедический словарь. СПб. Т. 16. 480 с.
- [Булгаков А. Я.], 1813. Русские и Наполеон Бонапарт. М.: Тип. С. Селивановского. 132 с.
- Векслер А. Г., Беркович В. А., 1999. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII в. М.: Наука. 427 с.
- Вольф Н. В., 1906. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг. 422 с.
- Демиденко Ю. Б., 2011. Рестораны, трактиры, чайные... Из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX века. М.: Центрполиграф. 155 с.
- Егорьевские диковины: сокровища, редкости, курьезы и прочие замечательные вещи из коллекции М. Н. Бардыгина, ныне собрания Егорьевского историко-художественного музея. М.: Изд. программа «Интерроса», 2008. 383 с.
- История Москвы. Т. 2. М.: АН СССР, 1953. 743 с.
- Казанский П. С., 1847. Село Новоспасское, Деденево тож, именуемое Влахерны, и родословная Головиных, владельцев онога. М.: Тип. С. Селивановского. 229 с.
- Костомаров Н. И., 1862. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.: Николай Тиблен. 299 с.
- Костомаров Н. И., 1993. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Экономика. 399 с.
- Кушева Е. Н., 1947. Торговля Москвы в 30–40-х годах XVIII в. // Исторические записки. Т. 23. М.: АН СССР. С. 44–104.
- Лихачева Д. М., 1972. К истории зарождения частных фарфоровых фабрик в России // Тр. НИИ химической промышленности. Вып. 6. М.: НИИХП. С. 167–184.
- Медные изделия Уральских заводов (XVII–XIX веков). М.: Внешторгиздат, 1986. 28 с.
- Мороз И. И., Комская М. С., Сивчикова М. Г., 1976. Справочник по фарфоро-фаянсовой промышленности. М.: Легкая индустрия. 296 с.
- Небольсин Г., 1835. Статистические записки о внешней торговле России. СПб.: б/и. Ч. 2. 288 с.
- Очерки истории СССР. Т. 3. М.: АН СССР, 1954. 815 с.
- Очерки истории СССР. Т. 6. М.: АН СССР, 1956. 894 с.
- Переписные книги города Москвы. Составлены в 1737–1745 гг., 1881. Т. 5. М.: Мосгордума. 304 стб.
- Посошков И. Т., 1937. Книга о скудости и богатстве. М.: Соцэргиз. 352 с.
- Петрова Л. А., 2004. «Медный век» России. Художественная медь Урала 1730–1770 гг. Каталог-определитель. М.: ГИМ. 127 с.
- Писарькова Л. Ф., 2004. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века // Отечественные записки. № 2. <https://magazines.gorky.media/oz/2004/2/chinovnik-na-sluzhbe-v-konczexvii-8212-seredine-xix-veka.html>.
- Полюлях А. А., 2010. Предметы быта из усадьбы Черная Грязь (по материалам раскопа 5 в Царицыно) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 328–349.
- Полюлях А. А., 2014. Тарелки завода Гребенниковых сервиза князей Грузинских из археологических раскопок на месте бывшего села Всехсвятское // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 460–481.
- Похлебкин В. В., 1981. Чай: Его типы, свойства, употребление. М.: Лёгкая и пищевая промышленность. 120 с.
- Прохоров М. Ф., 1984. Отходничество крестьян в Москву в третьей четверти XVIII в. // Русский город. Вып. 7. М.: МГУ. С. 150–171.
- Пыляев М. И., 1990. Старое житье / Репринтное воспроизведение издания 1897 года. М.: Книга. 320 с.
- Рябцев Ю. С., 1998. Хрестоматия по истории русской культуры. Художественная жизнь и быт XVIII–XIX вв. М.: Гуманитарный изд. центр Владос. 648 с.

Салтыков А. Б., 1952. Первый русский керамический завод. М.: ГИМ. 48 с.

Силин Е. П., 1947. Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркутское обл. изд-во. 196 с.

Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньева. Т. 2. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньева. Т. 4. М.: Русский язык, 1988. 800 с.

Сытин П. В., 1972. Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет. М.: Московский рабочий. 400 с. (История планировки и застройки Москвы. Т. 3).

Черный Н. В., 1970. Фарфор Вербилок. М.: Изобразительное искусство. 295 с.

Чулков М. Д., 1788. Историческое описание российской коммерции. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Тип. Императорской АН. 372 с.

A.A. Polulah, V.A. Berkovich

Grebenshchikov factory teapot from the archaeological observations in Bolshoy Golovin Lane in Moscow in 1998

Summary

In 1998 during the archaeological observation conducted by the Centre of archaeological investigations Main Department for Preservation of Monuments of Moscow, in the historic city center, in Bolshoy Gol-

ovin Lane 2/16 painted majolica teapot was found. According to the characteristic signs it can be attributed as the Moscow Grebenshchikov factory product. The teapot dates from the years 1760–1779.

List of figures

Fig. 1. Majolica teapot from observations in Bolshoy Golovin Lane 2/16

Fig. 2. Ceramic pottery of the 18th c. from finds in Moscow and analogies

1 – majolica lid from the archaeological excavations in Tsaritsyno, 18th c.; 2 – teapot, Meissen, 1722; 3 – teapot, China, early 18th c.; 4 – teacup, China, 1st half of the 18th c., from the excavations in Tretyakovsky proezd, 1999; 5 – teacup, mid. 18th c., Grebenshchikov (?), from the excavations on Manezhnaya sq., 1995.; 6–8 – majolica teapot from the observations in Bolshoy Golovin L. 2/16; 9 – bowl with lid, middle 18th c., Grebenshchikov

Fig. 3. Western European and Eastern teapots and coffee pots of the 18th c.

1 – “Kitchen still life with a female figure and a parrot”. P.Y. Hormans, 1760. Fragment; 2 – “Lady at the table with fruits”. P.Y. Hormans; 3 – “Dutch girl breakfast”. J-E. Liotar, 1756. Fragment; 4 – teapot, Persia, the 18th c.; 5, 6 – porcelain teapots, China, 18th c.

Fig. 4. Teapots (2, 4) and coffee pots (1, 3, 5–7) of Russia 18th c. and teaspoon, 1856

1 – Ural, 1756; 2 – Ural, 1745; 3 – Ural, 2nd half of 18th c.; 4 – State Historical museum, silver; 5 – Russia, 2nd half of 18th cent.; 6 – Ural, 2nd half of 18th c.; 7 – Ural, 2nd half of 18th c.; 8 – teaspoon, 1856

Fig. 5. Bolshoy Golovin L. on the plan of Moscow 1739 by architect I. Michurin (A), on the modern plan of Moscow (Б) and on the Moscow plan of 1767 made by P. Gorikhvostov (B, Г)

1 – find place of majolica teapot; 2 – Bolshoy Golovin L.; 3 – Sretenka st.

Л. И. Федорова, В. А. Ткаченко, В. В. Федоров
Музей архитектуры, ремесла и быта, Калуга

Морфологические особенности глиняной игрушки-лошадки в контексте эволюции технологических приемов изготовления традиционной калужской керамики

Более 28 лет сотрудники Музея ремесла, архитектуры и быта и мастера действующего при Музее народного художественного промысла глиняной игрушки г. Калуги изучают находки игрушек, изготовленных и бытовавших в Калуге и ее окрестностях в Средневековье и Новое время. На сегодня нами изучено более 50 фрагментов и целых экземпляров, передающих образ калужской глиняной игрушки «лошадка», которая отличается условной, но узнаваемой сюжетной проработкой. Она не имеет натуралистических признаков, но формы ее монументальны, движения переданы нарушением симметрии, порой незаметной для глаза. Конечно, такое количество глиняных игрушек «лошадка» достаточно велико для провинциального города и его окрестностей. Но оно несопоставимо с числом глиняных игрушек, обнаруживаемых при исследованиях в Гончарной слободе Москвы. Так, в таблице учета индивидуальных керамических находок из раскопок 1997–1999 и 2002 гг. на ул. Гончарной, которые вел Ю. Г. Кастанян, зафиксирована 651 глиняная игрушка, из них 351 – лошадки (*Векслер и др.*, 2016. С. 278, 279, 475). При раскопках на ул. Володарского и в Свешниковом переулке экспедицией ГИМ под руководством М. Ф. Фехнер в 1948 г. в непосредственной близости от выявленных гончарных горнов найдено 265 глиняных игрушек и их фрагментов. Большинство из них составляли фигурки лошадок различных размеров, с седлом и без него (*Фехнер*, 1949. С. 52). Вероятно это не рабочие, а верховые кони с круто изогнутой шеей. С рубежа XV–XVI вв. игрушки московских гончаров становятся массовой продукцией, производившейся на рынок. Попадая в другие города, они оказывали влияние на продукцию местных мастеров. В Коломне при археологических рас-

копках в 1990–2000 гг. зафиксировано 84 фрагмента монолитных фигурок лошадок и лошадок-погремушек; целых изделий и коников-свистков не обнаружено (*Черкасов*, 2004. С. 310, 311). Значит, наиболее древние фигурки лошадок находят в Москве (*Колызин*, 2002. С. 178, 179; *Розенфельдт*, 1968 С. 24, 27), Владимире, Ярославле (*Стиридонова*, 2010. С. 95, 96), Коломне, Твери (*Хухарев*, 2006. С. 21–29; 2017. С. 294–297), Калуге (*Федорова, Ткаченко, Федоров*, 2011. С. 103, 104) и Воротынске Калужской обл. (*Ткаченко, Массалитина*, 2001. С. 95–99).

Наши исследования позволили разделить серию игрушек лошадок на несколько групп. Первая группа – фигурки, которые можно отнести к составным импровизированным ударным инструментам. Лошадка, имея ножки разной длины, прижималась пальцами к плоской поверхности и движением кисти руки приводилась в колебательное ритмическое качение, при котором ножки начинали выбивать несложную «мелодию» лошадиного бега. Скорее всего, такое свойство дети могли использовать в озвучивании игровых ситуаций. Пластическое решение при изготовлении калужских и воротынских лошадок, бытовавших в этих населенных пунктах в XVI–XVII вв., схоже. Но найденные в Воротынске при археологических работах в 1995–1996 гг. экспедицией Г. А. Массалитиной красноглиняные изделия, покрытые ангобом, больше похожи на некоторые образцы лошадок с мощным крупом из находок М. В. Фехнер в Москве около горна № 1. Такая особенность возникала, если задние ноги лошадки изготавливались отдельно, а к верхней части ноги прикладывался сбоку кусочек глины, как спинка у стула, что позволяло примазывать ее сбоку округлого сплошного тулова, создавая мощный круп (рис. 1, 1, 2). Головы

воротынских лошадок, как и у московских (*Рабинович*, 1987. С. 71), продолжали шеи и имели вид усеченного конуса (рис. 1, 3).

В Калуге зафиксировано не более десятка фрагментов и почти целых фигурок лошадок. Часть из них вылеплена из единого куска глины с выделенными ногами, а мощная грудь, шея с головой и хвост в виде петельки изготовлены отдельно и примазаны. Примером являются найденная в 1994 г. выше переправы под крепостью фигурка мореной лошадки под седлом (рис. 1, 4), а в 2012 г. на Красной Горе во время земляных работ – черно-мореное изделие. Но основные изученные фигурки вылеплены из округлой толстой глиняной «колбаски» тулова, которая надрезалась по краям, образуя «пеньки» ног. Шея с головкой, примазанные кверху «колбаски», позволяли выявлять выпуклую грудь лошадки (рис. 1, 5).

Вторая группа – лошади-погремушки – в Калуге крайне редки. По технологии изготовления они похожи на московские (рис. 1, 6). По мнению М. В. Фехнер, если размер лошадки достигал 14–15 см, то туловище составлялось из частей. Таким образом, игрушки большого размера делались пустотелыми, что облегчало процесс их обжига и уменьшало вес (*Фехнер*, 1949. С. 52, 53). Лошадка, найденная в 2001 г. на границе Калужской и Московской областей, имеет полое туловище с гремющими камушками внутри, мощную шею каплевидного сечения, переходящую в удлиненную круглую морду с прямым срезом в передней части и пастью, обозначенной надрезом, наклепными ушами в виде конуса. Контур гривы заострен, остались следы прилепа утраченного седла, подвнутый хвост петелькой примазан отдельно.

Третья группа представлена лошадками-свистульками с четырьмя или двумя опорными ножками. Технология изготовления свистульки на четырех опорных ножках в большинстве схожа на большей территории Калужского края. Рассмотрим одну из них: толстая «колбаска» с двух противоположных сторон раздваивалась тупым концом рабочей палочки на глубину, позволявшую сформировать четыре опорные ножки. Верхняя поверхность тулова делалась более плоской, намечалось место – углубление для шеи с головкой и для свистка «малый пузырь» (рис. 1, 7). Затем выполнялись

остальные операции по изготовлению свистульки. Две лошадки были найдены при земляных работах в 2003 и в 2004 гг. около церкви Георгия-за-Верхом (рис. 2, 1); третья – в 2001 г. при сносе дома 124 по улице Степана Разина (рис. 2, 2).

Туловище лошадки с двумя игровыми отверстиями, найденной в 1988 г. на Берендяковской улице, изготовлено на палочке (рис. 2, 3). Передние ноги сформованы из глины тулова, а задние – отдельно и примазаны. Круто изогнутая шея прикреплена с небольшим наклоном вперед. Изучены еще две игрушки из Калуги: одна найдена в 1999 г. в Григоровом переулке, другая в 1993 г. при сносе дома на ул. Кавказ. Отличие последней от предыдущих заключается в изготовлении ее на палочке овального сечения или на пальце способом «удлиненный пельмень»¹ с примазкой к тулову всех четырех опорных ножек (рис. 2, 4). Кроме того, у нее на шее нанесены буквы А–Р–С и видны полустертые цифры, похожие на 8–7–3. Такая технология изготовления тулова свистульки-лошадки встречается у обосновавшихся в начале XX в. в Гатчинском р-не Ленинградской обл. переселенцев из с. Громы Черкасской обл. (*Кузнецова*, 1991. С. 94, 95). Для работы мастера использовали круглую в сечении палочку-стержень, на которой мастер лепил свистульку. Затем стержень вынимался, образуя внутреннюю полость, в задней части которой формировался пригубник свистка. Подобную технологию изготовления свистка с двумя игровыми отверстиями мы видим в киевских находках (*Попельницка*, 2003. С. 60).

К третьей группе относится также свистулька, найденная в 2004 г. при работах в районе городской управы (рис. 2, 5). Она имеет два игровых отверстия на круглом свистке, изготовленном на пальце, между отверстиями после обжига процарапан крест. Этот свисток отличается от «малого пузыря» небольшим выступом (рис. 3, 1).

Четвертая группа представлена свистулькой с зеленой поливой (рис. 3, 2), найденной в 1994 г. в районе Красной Горы на углу с ул. Воробьевской. Основу тулова составляет «большой пузырь», вылепленный на пальцах, с оттянутым пригубником сзади, с двумя игровыми отверстиями. Свистулька имеет четыре короткие опорные ножки, шея с головкой вставлена в отверстие сверху спереди свистка.

¹ Так назвал этот тип свистульки мордовский коллекционер и исследователь глиняных игрушек Владимир Колмыков в своей книге «Коняшки-глиняшки» (*Колмыков*, 1993. С. 66, 67). Мы использовали это название, хотя в изготовлении калужской археологической свистульки присутствуют некоторые отличия: вместо зашипов, как у «пельменя» в мордовской свистулке, калужская основа свистульки лепилась на указательном пальце левой руки из лепешкообразного сопочка, но зашипы тоже присутствовали.

Рис. 1. Керамические игрушки-лошадки из Воротынска (1, 3), Калуги (4, 5, 7) и Москвы (2)

1 – задняя нога красноглиняной ангобированной лошадки с удлиненной стенкой для примазывания сбоку крупа лошадки; 2 – красноглиняная ангобированная московского типа с утолщенным крупом (частная коллекция); 3 – голова красноглиняной ангобированной лошадки со следами росписи; 4 – мореная «лошадка под седлом»; у переправы через Оку; 5 – из беложгущейся глины со следами морения; ул. Воробьевская; 6 – погремушка красноглиняная ангобированная. Граница Калужской и Московской обл.; 7 – поливная свистулька из светложгущейся глины; у фундамента ц. Георгия-за-Верхом. 1-6 – XVI-XVII вв.; 7 – XVIII в.

Рис. 2. Керамические лошадки-свистульки из Калуги

1 – обломок поливной свистульки из светложгущейся глины со свистком. Около дома священника ц. Георгия-за-Верхом, XVIII в.; 2 – обломок поливной свистульки из светложгущейся глины со свистком; ул. Степана Разина, д. 124. XVIII в.; 3 – свистулька-лошадка из светложгущейся глины на 4 ножках; ул. Берендяковская, XVII в.; 4 – свистулька-лошадка из светложгущейся глины на 4 ножках; ул. Кавказ, XVIII–XIX в.; 5 – свистулька-лошадка из светложгущейся глины со свистком филимоновского типа; около городской управы

В пятую группу включены две свистульки оригинальной технологии изготовления из д. Дол Козельского р-на (рис. 3, 3). Они сформованы на пальце, большая внутренняя полость приподнята спереди острым концом вверх. Передние опорные ножки поддерживают тулово снизу, позволяя шее и головке лошадки, которые выполнены отдельно на изогнутом колоколе, стать единым целым свистульки, поскольку острый ее конец органично вошел в колокол. Изделие имеет два звуковых отверстия и одно тоновое в передней части.

Свистулек-лошадок с двумя опорными ножками изучено две штуки. Они имеют однотипный свисток «пельмень». Туловище свистульки, обнаруженной в 2006 г. при сносе дома 46 по ул. Знаменской, имеет два игровых отверстия по бокам и одно тоновое по центру. Передние ножки изготовлены из примазанной к брюшку свистульки тонкой согнутой «колбаски». Свистулька приподнята вверх под углом

40 градусов. Ножки слегка прижаты назад и образуют небольшую арку, формируя грудь (рис. 3, 4). Свистулька, найденная в 2004 г. при земляных работах на ул. Смоленской, имеет ножки из согнутой «колбаски», примазанные к брюшку в конце передней части, поэтому тулово приподнято вверх под углом 30 градусов, грудь плоская (рис. 3, 5).

В качестве общих наблюдений отметим, что головки у калужских свистулек-лошадок сформированы из верхней части шеи, уши смоделированы защипами глины головы или наклепные и прижаты с боков. Моделировки голов лошадок имеют пять вариантов.

1. Морда в виде вытянутого конуса прижата к шее (рис. 3, 4).

2. Морда довольно длинная, почти цилиндрическая, опущена вниз параллельно шее (рис. 3, 5).

3. Голова сформирована загибом верхней части шеи (рис. 4, 1).

Рис. 3. Керамические лошадки-свистульки из Калуги

1 – свисток филимоновского типа; 2 – поливная свистулька-лошадка из светложгущейся глины со свистком; ул. Воробьевская; 3 – обломок свистульки-лошадки из светложгущейся глины; дер. Дол, Козельский р-н, Калужская обл.; 4 – свистулька-лошадка из светложгущейся глины, изготовлена в технике «пельмень»; ул. Знаменская; 5 – свистулька-лошадка из светложгущейся глины, изготовлена в технике «пельмень»; ул. Смоленская

4. Голова и шея сформованы так же, как в известных промыслах Центральной России конца XIX в. (рис. 4, 2).

5. Голова образована из столбикообразного куса глины, в верхней части которого вращательным движением пальцев вытянута круглая короткая мордочка, наколоты глаза и ноздри, обозначена пасть (рис. 4, 3). Грива отмечена поперечными рубчатыми насечками, уши представлены вертикальным разрезом гривы и нависают над глазами.

Зафиксированная роспись на свистульках в основном нанесена параллельными полосками. Исключением является свистулька на четырех ножках из с. Букрино Малоярославецкого р-на, на которой полосками изображены по бокам две оглобли, а супонь (шнурок, которым стягивается хомут) завязана в форме креста спереди.

Найденная в Мосальском р-не Калужской обл. (хранится в Кировском музее) свистулька-лошадка дополнила наши наблюдения (рис. 4, 4). Это

Рис. 4. Керамические свистульки-лошадки

1 – лошадка с мордой, перпендикулярной шее. Сел. Букрино, Малоярославецкий р-н, Калужская обл.;
2 – голова с мордой, сформированной загибом верхней части шеи. Калуга, ул. Воробьевская; 3 – круглая короткая морда, вытянутая вращательным движением пальцев из шеи. Калуга; 4 – свистулька-лошадка с датой «1905». Мосальский р-н, Калужская обл. (рис. Хухарева В. В.)

почти целое изделие из светложгущейся глины на двух коротких округлых ножках. Фигурка состоит из двух частей: голова на длинной шее с передними ногами и свистка типа «пельмень» с двумя игровыми отверстиями. На груди лошадки процарапана дата «1905», на брюхе три прорезанных знака неясного значения.

По нашим наблюдениям, среди глиняных игрушек Калужского края в период Нового времени сохраняется целый ряд технологических приемов и художественных традиций гончарного ремесла, зародившегося еще в период позднего Средневековья. Это позволяет нам сделать выводы о длительном существовании традиции и обширном ареале данного типа игрушки.

Литература

Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генинг В. В., 2016. Москва. Раскопки на Великом Посаде. Московская керамика по материалам исследования. М.: Департамент культурного наследия города Москвы. 491 с.

Колмыков В. И., 1993. Коняшки-глиняшки. Саранск: Мордовское книжное издательство. 96 с.

Колызин А. М., 2002. Керамические игрушки XII–XVII вв. из раскопок в Московском Кремле // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 178–182.

Кузнецова И. А., 1991. О двух малоизвестных центрах традиционной глиняной игрушки Ленинградской области // Из истории собирания и изучения произведений народного искусства. Л.: Художник РСФСР. С. 90–98.

Попельницка О. В., 2003. Вироби дрібної пластики XIV–XVIII ст. з Київa // Український Керамологічний журнал. № 2–4 (8–10). С. 60–69.

Рабинович М. Г., 1947. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. (по археологическим материалам) // МИА. № 7. С. 55–76.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 99 с. (САИ. Е1-39).

Спиридонова Е.В., 2007. Керамическая игрушка XIII–XVIII веков из Ярославля // Археология: история и перспективы. Ярославль: ЯМЗ. С. 193–203.

Ткаченко В.А., Массалитина Г.А., 2001. Глиняные игрушки с городища Воротыньск // Материалы II и III Научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора «Родная старина». Калуга: Фридгельм. С. 95–99.

Федорова Л.И., Ткаченко В.А., Федоров В.В., 2011. Калужские зооморфные глиняные игрушки: фигурки, погремушки, свистульки // Краеведение в сфере культуры и искусства. Калуга: ИП Кошелев А.Б. С. 102–107.

Фехнер М.В., 1949. Глиняные игрушки московских гончаров (по материалам раскопок ГИМ 1948 г.) // МИА. № 12. С. 52–56.

Хухарев В.В., 2006. Русская средневековая игрушка // Проблемы сохранения и развития гончарства в России. Вологда: ОН МЦКиПК. С. 21–29.

Хухарев В.В., 2017. Керамические игрушки г. Твери: сходство и различие тверских и калужских керамических изделий // Краеведение в сфере культуры и искусства. Калуга: ИП Кошелев А.Б. С. 294–297.

Черкасов В.В., 2004. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // АП. М.: ИА РАН. С. 309–320.

L. I. Fedorova, V.A. Tkachenko, V.V. Fedorov

Morphological features of a clay toy-horse in the context of the evolution of technological methods for the manufacture of traditional Kaluga ceramics

Summary

The toys (including rattles and whistles) originating from Kaluga and collected under accidental circumstances and construction by museum workers and collectors are presented. They do not have exact

dates, but probably they belong to the late Middle Ages and the New Age. 5 types of toys were distinguished, suggestions were made about the technology of their manufacture.

List of figures

Fig. 1. Ceramic toy horses from Vorotynsk (1, 3), Kaluga (4, 5, 7) and Moscow (2). The 16th – 17th cc. (1–6) and the 18th c. (7)

Fig. 2. Ceramic whistle horses from Kaluga

1, 2 – the 18th c.; 3 – the 17th c.; 4 – the 18th – 19th cc.

Fig. 3. Ceramic whistle horses from Kaluga

Fig. 4. Ceramic whistle horses from Kaluga (2, 3) and the Kaluga region (1, 4). (4 – drawing by V.V. Khukharev)

А. Ф. Кочкина*, В. А. Цибин**

* Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

** ГБУК «Наследие», Самара

Парфюмерные флаконы из погребений Всесвятского кладбища середины XIX – первой четверти XX века в Самаре

В последние годы археологические фонды Самарского областного историко-краеведческого музея (СОИКМ) им. П.В. Алабина пополнились коллекциями Нового времени из раскопок Всесвятского кладбища середины XIX – первой четверти XX в. в Самаре (рис. 1).

Городское кладбище в Самаре было перенесено от Покровской церкви на окраину города в 1860 г. (в настоящее время это район железнодорожного вокзала, т. е. практически центр города). В 1865 г. на кладбище возвели церковь Всея Святых, на строительство которой деньги пожертвовал почетный гражданин Самары купец М.Н. Шихобалов (*Зубова и др.*, 2001. С. 220). По мнению П.В. Алабина, небольшая одноглавая каменная церковь с колокольной на новом самарском кладбище была очень изящной. На кладбище погребены многие знатные жители Самары (*Зубова и др.*, 2001. С. 232). Захоронения там продолжались до конца 1920-х, в течение 1930–1940-х гг. происходило разрушение кладбища, в 1931 г. был взорван храм.

Впоследствии значительная часть территории кладбища застроили заводскими корпусами и жилыми домами. После закрытия ОАО «Волгакабель» началось строительство крупного торгового центра «Гудок», вновь причинившего серьезные повреждения оставшимся захоронениям кладбища. Охранно-спасательные археологические раскопки участков ОАН «Кладбище новое православное, немецкое, военное, старое кладбище православное» – Всесвятское кладбище – проводились в 2013 г. ООО «Гефест» под руководством В.А. Цибина (2014).

На четырех участках раскопано 2400 кв. м, исследованы 891 грунтовое погребение, из них 579 с погребальным инвентарем, четыре склепа

с 22 погребениями, из которых 14 содержали инвентарь. Практически все захоронения совершены по христианскому православному обряду.

Из раскопок происходит более 1000 предметов, включающих нательные и священнические кресты, медальоны, иконки, стеклянную и фарфоровую посуду, монеты и пр.

На территории другого участка этого большого городского кладбища («Кладбище всех сект и холерное»), где также планировались масштабные строительные работы, в 2013–2015 гг. проводились раскопки АНО НИЦ (г. Саратов) под руководством А.Г. Шереметьева и А.И. Юдина. Исследовано около 10000 кв. м, изучено 354 грунтовых захоронения на католическом и старообрядческом участках кладбища, найдено более 300 предметов (*Шереметьев*, 2016. С. 188).

Таким образом, в 2013–2015 гг. исследованиям подверглись следующие участки кладбища: «старое» православное, старообрядческое, военное, немецкое (лютеранское и католическое), «новое» православное, кладбище разных сект и холерное.

Одну из наиболее распространенных категорий находок в погребениях Всесвятского кладбища составляет стеклянная посуда. Всего из раскопок 2013–2015 гг. происходит 280 стеклянных сосудов: бутылки, флаконы, рюмки, стаканы, ампулы и др. Среди них в особую группу можно выделить парфюмерные флаконы.

К группе парфюмерных флаконов отнесено 14 предметов, из них 11 найдены в погребениях, датированных концом XIX – началом XX в. Три флакона, найденные в культурном слое, могут происходить из разрушенных погребений. Всего два парфюмерных флакона обнаружено при раскопках

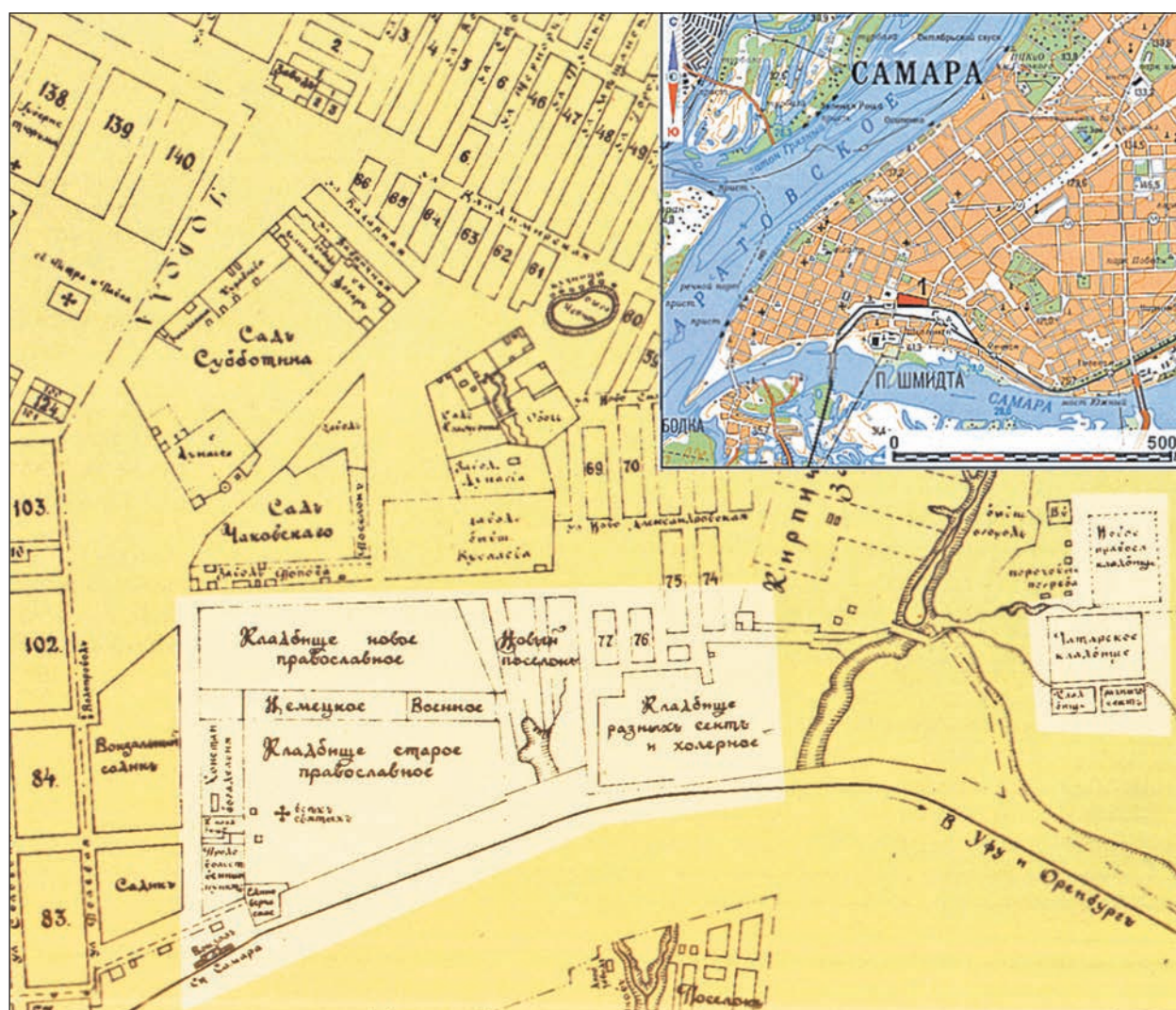

Рис. 1. «Кладбище новое православное, немецкое, военное, старое кладбище православное» – Всесвятское кладбище, г. Самара. План

участка «Кладбище всех сект и холерное». В католических погребениях флаконы не выявлены. Почти все флаконы со следами патины, имеются сколы, трещины, загрязнения. Не останавливаясь детально на технологии изготовления каждого сосуда, отметим, что использована техника выдувания в формы (рельефные, составные) с последующей доработкой (см: *Лихтер*, 2017).

До конца XIX в. духи или одеколоны покупались в простой таре и затем переливались в красивые сосуды. В начале XX в. в России существовало 15 заводов, производивших стеклянную парфюмерную посуду. Большинство заводов располагалось в Москве и Московской губернии. Парфюмеры заказывали необходимые им флаконы по каталогам стекольных заводов (*Ритинг*, 1913), отдельно заказывались этикетки с названиями ароматов.

Флаконы парфюмерных изделий товарищества «А. Ралле и К^о».

При исследовании Всесвятского кладбища обнаружено два флакона от парфюмерной продукции товарищества «А. Ралле и К^о».

Французский подданный Альфонс Ралле построил в Москве парфюмерную фабрику в 1843 г. (*Кожаринов*, 1998. С. 22–23). До этого в России существовали так называемые помадные заведения и небольшие парфюмерные лаборатории, «производившие» в основном спиртовые эссенции, косметические мази и кремы.

С 1855 г. фабрика А. Ралле, которого считают зачинателем парфюмерной индустрии в России, являлась поставщиком Двора его Императорского Величества. Позднее он стал официальным поставщиком для монарших дворов Персии

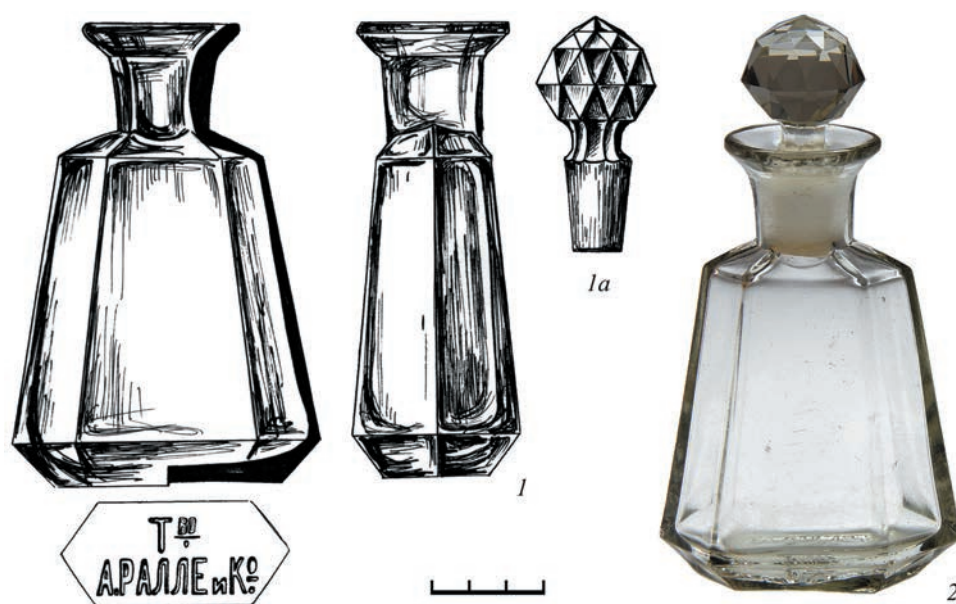

Рис. 2. Флакон для парфюмерной продукции товарищества А. Ралле и Ко. Рисунок (1) и фото (2). Уч. 1, погр. 22. СОИКМ КП-29900/20

и Черногории. На Парижской всемирной выставке в 1878 г. продукцию Ралле удостоили высоких наград, а в 1900 г. она получила гран-при.

После 1917 г. предприятие было национализировано и переименовано сначала в «Государственный мыловаренный завод № 4», а позднее – в «Государственную мыльно-косметическую фабрику “Свобода”».

Один флакон найден в погребении 22 (уч. 1), принадлежавшем женщине 50–65 лет (все половозрастные определения выполнены антропологом, доктором исторических наук А. А. Хохловым). Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, ориентировано головой на запад. Руки согнуты в локтях, кисти обеих рук располагались в области таза. Под костями зафиксирован древесный тлен от гроба. Под крестцом располагался флакон со стеклянной притертой пробкой (рис. 2). В верхней части грудной клетки обнаружены медальон и три клепки от одежды.

Медальон из медно-оловянистого сплава овальной формы размерами 2,1×1,8 см имел изображение св. вмч. Пантелеймона Целителя на одной стороне и образ Успения Пресвятой Богородицы на другой стороне.

Стеклянный флакон (рис. 2) с притертой граненой пробкой шаровидной формы выполнен из бесцветного прозрачного стекла. Флакон имеет форму усеченной пирамиды с двумя широкими противоположающимися поверхностями, в основании которой неправильный шестиугольник. Горловина под-

цилиндрической формы слегка расширяется кверху, венчик резко отогнут наружу, образует воронковидное устье. Основание флакона, или поддон, также имеет форму усеченной пирамиды и сужается ко дну. На слегка вогнутом днище имеется рельефная надпись: «Т^{во} А. РАЛЛЕ и К^о».

Общая высота флакона 12,1 см, размеры основания 8,2×4,4 см, размер верхней части 5,1×3,0 см. Толщина стенок не менее 0,6 см. Высота горловины 2,7 см, диаметр горловины у основания 2,5 см, в верхней части – 2,8 см, диаметр по устью – 4,0 см, толщина – 0,8 см. Высота пробки 6,2 см, диаметр 3,1 см. Размеры дна: 6,1×2,7 см.

Флакон (рис. 3), обнаруженный на кв. В.3 участка 2, изготовлен из бесцветного прозрачного стекла. Флакон имеет тулово призматической формы с выпуклыми боковыми сторонами. В основании – неправильный восьмигранник. Верхняя часть флакона, сужающаяся к подцилиндрической горловине, имеет 12 граней. По краю горловины идет воротничковое утолщение. Поддон также имеет в основании форму восьмигранника. На дне овальное углубление. Общая высота флакона 9,6 см. Высота горловины 2,4 см. Диаметр по венчику – 3,0 см. Размеры тулова: 7,4×5,8×4,5 см. Размеры дна: 5,9×3,5 см, высота поддона – 1,3 см.

На лицевой стороне флакона сохранилась цветная этикетка, частично поврежденная. Основной фон ее терракотового цвета, по краю нанесен

Рис. 3. Флакон для парфюмерной продукции товарищества А. Ралле и Ко. Рисунок (1) и фото (2). Уч. 2, кв. ВЗ. СОИКМ КП-29901/147

бордюр из растительного орнамента, по самому краю прослеживаются фрагменты голубой каймы. Изображения на этикетке нечеткие из-за частичных утрат. По выявленным аналогиям можно уточнить изображения и надписи. В верхнем левом углу наклейки изображен букет цветов. Далее расположены четыре герба, первый – герб Персии, а также гербы России и Черногории. В центре надпись в шесть строк на французском языке: «EAU DE COLOGNE (1 строка) LOXOTIS (2) PREPAREE PAR (3) A.RALLET & CIE (4) FOURNISSEURS DE S.M. L'EMPEREUR (5) ET DE S.M. LE SHAH DE PERSE (6), с правого края между 5-й и 6-й строками – MOSCOU.». [Построчный перевод – Одеколон – «ЛОКСОТИС» – произведен А. Ралле и К^о – поставщик Двора Его Императорского Величества – и двора Шаха Персии – Москва.]. Зачастую подобные этикетки заказывались за границей.

На оборотной стороне в углу слева находится рельефное изображение Российского герба и рельефная надпись «Rallet», расположенная по диагонали.

Судя по сохранившимся рекламным листам парфюмерной продукции начала XX в., одеколон (или туалетная вода) «Локсотис» относился к продукции высшего качества, в одном случае указана цена в 1 руб. 50 коп. Любопытно в этом отношении упоминание этой парфюмерной продукции в литературном произведении, описывающем события начала XX в. Писатель В.В. Лавров в историческом детективе «Железная хватка графа Соколова (Азартная служба)» отмечает, что его герой освежался «дорогим одеколоном «Локсотис» (фирма А. Ралле и К^о, восемнадцать рублей за флакон)...» (Лавров, 1998).

Флакон парфюмерных изделий товарищества «А. Сиу и К^о».

Создатель товарищества Адольф Сиу в 1861 г. открыл собственное парфюмерное отделение «А. Сиу и К^о» на своей кондитерской фабрике (Кожаринов, 1998. С. 22). В начале XX в. фабрика производила более 120 разновидностей духов и 30–40 наименований одеколона, эта парфюмерия считалась элитной. Одними из самых популярных ароматов были «Одор ди фемина» («Запах женщины») и «Флореаль» («Цветочный»). Товарищество Сиу являлось поставщиком императорского двора. После 1917 г. кондитерскую фабрику переименовали в фабрику «Большевик».

Флакон от одеколона производства А. Сиу и К^о обнаружен в погребении 148 (уч. 1). В погребении находился костяк зрелого человека, в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на запад. Руки согнуты в локтях. Древесный тлен от гроба сохранился по периметру могильной ямы. По обеим сторонам от черепа находились фрагменты окисленных металлических пластин прямоугольной формы – накладки на крышку гроба. Сохранились фрагменты одежды из кожи (или замши) с пуговицами и фрагменты кожаной обуви черного цвета. У левой бедренной кости находился стеклянный флакон.

Флакон (рис. 4; 5, 4) из бесцветного прозрачного стекла имеет тулово формы уплощенной пирамиды со сглаженными гранями. Подцилиндрическая горловина с воротничковым утолщением по краю. Горло отделено от тулова выступом. В основании – невысокий поддон овальной формы. Высота флакона 19,0 см. Высота горла 5,0 см. Диаметр горла 1,5 см. Размеры дна 6,9×4,8 см. На дне след понтии.

Рис. 4. Флакон для парфюмерной продукции товарищества А. Сиу и Ко. Уч. 1, п. 148. СООКМ КП-29900/143

На лицевой стороне имеется рельефное геральдическое изображение: корона, щит с двумя скрещенными шпагами на фоне плаща. Над ним по дуге расположена рельефная надпись на французском языке: «AUX ARMES IMPERIALES». Под ним по вогнутой дуге написано: «MARQUE DE FABRIQUE». Ниже этой надписи: «A. SIOU & Co DE PARIS». [Построчный перевод – «К имперскому оружию» – «Произведено фабрикой» – «А. Сиу и Ко» – «Париж»]. Аналогии флакону с этой парфюмерной продукцией не найдены.

Флаконы парфюмерных изделий товарищества «А. Брокер и Ко».

При раскопках Всесвятского кладбища найдено три флакона от парфюмерной продукции «Товарищества Брокер и Ко». Начав свою карьеру в России в 1861 г., Г. Брокер строит в 1869 г. собственную фабрику, а в 1893 г. учреждает Товарищество парфюмерного производства братьев Брокеров в Москве (Кожаринов, 1998. С. 23–32). К началу XX в. товарищество братьев Брокеров завоевало прочное первенство в парфюмерной индустрии России.

Производитель парфюмерии «Товарищество Брокер и Ко» с конца XIX в. и вплоть до 1905 г.

выпускал свой знаменитый «Цветочный одеколон», разливаемый в различные емкости по желанию покупателя. После революции фабрику национализировали, и некоторое время она называлась «Замоскворецкий парфюмерно-мыловаренный комбинат № 5», а затем – «Новая заря».

Флакон (рис. 6, 2) найден в погребении 33 (уч. 1). Захоронение женщины 50–60 лет было совершено в вытянутом положении на спине и ориентировано головой на запад. Череп практически не сохранился, на его месте находился стеклянный флакон. Руки согнуты в локтях. Частично сохранились доски гроба. В погребении обнаружен также цветок из непрозрачного белого стекла.

Флакон (рис. 5, 2; 6, 2) из бесцветного прозрачного стекла имеет призматическую форму с фигурными боковыми гранями, плечики покатые, горловина цилиндрической формы. На месте перехода горловины к тулову имеется рельефный валик шириной 0,5 см, край венчика оформлен полосой в виде воротничкового утолщения. На одной широкой стороне имеется рельефное изображение двуглавого орла с буквой «Н» на щитке. Над гербом надпись по дуге: «ТОВАРИЩЕСТВО» и под орлом: «БРОКАРЪ и Ко ВЪ МОСКВѢ». Дно имеет форму неправильного шестиугольника с небольшим углублением, повторяющим форму дна. В центре – рельефные буквы «Кн. О.». Высота флакона 12,5 см. Высота горла 3,5 см. Диаметр горла 2,7 см. Размеры дна 5,2×2,5 см.

Другой флакон (рис. 6, 1) происходит из погребения 55 (уч. 3). Захоронение женщины 35–45 лет совершено в вытянутом положении на спине, ориентировано головой на запад. Вокруг черепа фиксируются остатки косы. Правая рука слегка согнута, левая вытянута вдоль туловища. От гроба сохранился деревянный тлен. На тазовых костях видны фрагменты полуистлевшей ткани коричневого цвета. Под правой тазовой костью обнаружен стеклянный флакон, между ребрами грудной клетки справа – нателный медный четырехконечный крест с прямыми концами.

Флакон (рис. 5, 1; 6, 1) из бесцветного прозрачного стекла имеет призматическую форму с фигурными боковыми гранями, плечики покатые, горловина цилиндрической формы. На месте перехода горловины к тулову сделан рельефный валик шириной 0,5 см, край венчика оформлен полосой в виде воротничкового утолщения. На одной широкой стороне имеется рельефное изображение двуглавого орла, на щитке которого расположена буква «Н». Над гербом надпись: «БРОКАРЪ и Ко», под ним надпись: «ВЪ МОСКВѢ». Дно имеет форму неправильного шестиугольника.

Рис. 5. Флаконы для парфюмерной продукции Т-ва Брокар и Ко

1 – уч. 3, п. 55; СОИКМ КП-29902/50; 2 – уч. 1, п. 33; СОИКМ КП-29900/26; 3 – уч. 1, ПМ; СОИКМ КП-29900/290;
4 – т-ва А. Сиу и Ко, уч. 1, п. 148; СОИКМ КП-29900/143; 5 – «EXTRAIT J. GREGOIRE»; уч. 1, п. 66; СОИКМ
КП-29900/57; 6 – «IM FARINA COLOGNE»; уч. 2, п. 122; СОИКМ КП-29901/147

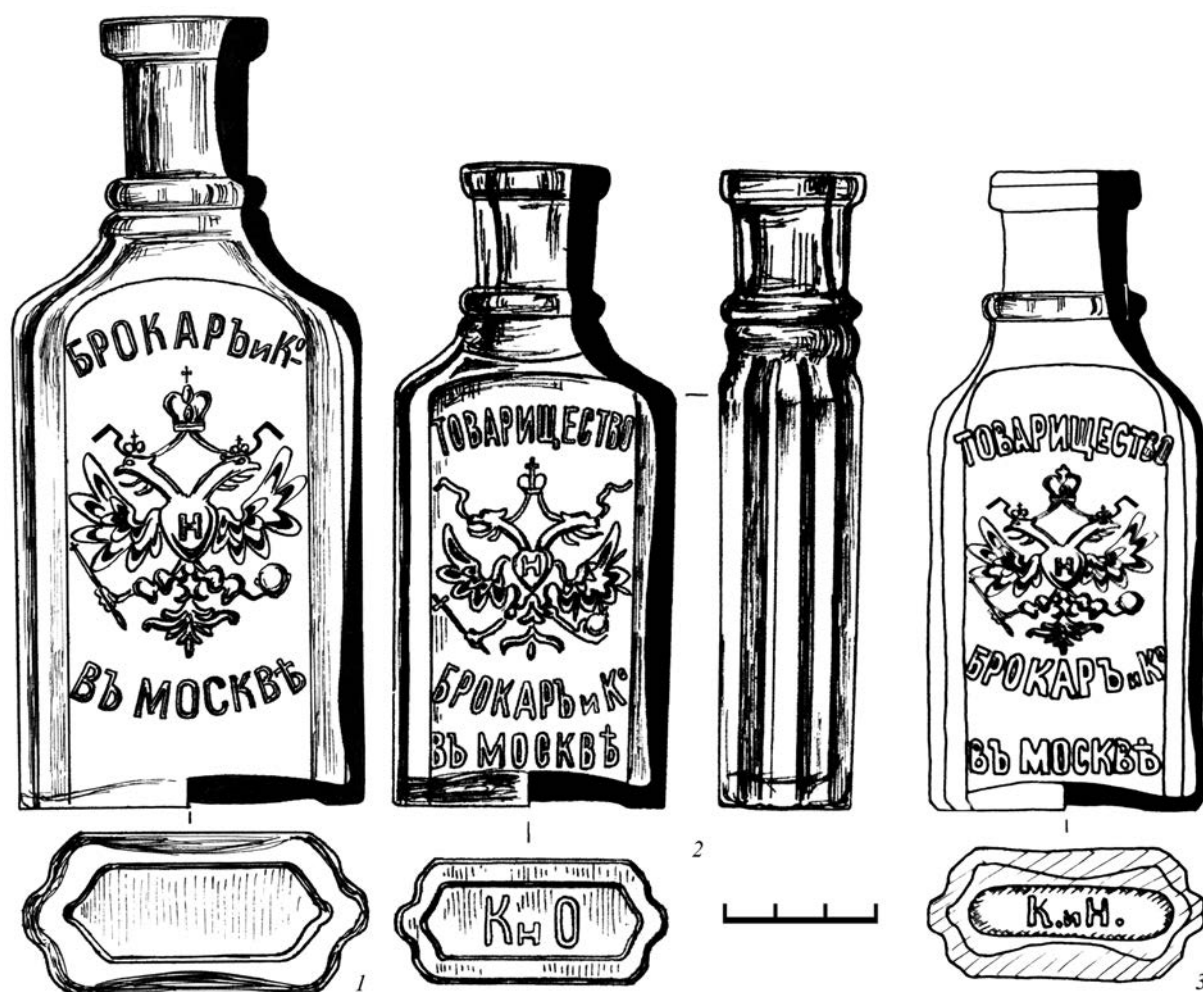

Рис. 6. Флаконы для парфюмерной продукции товарищества Брокар и Ко

1 – уч. 3, п. 55; СОИКМ КП-29902/50; 2 – уч. 1, п. 33; СОИКМ КП-29900/26; 3 – уч. 1, ПМ; СОИКМ КП-29900/290

На дне имеется небольшое углубление по форме дна. Высота 15,5 см, высота горла 3,5 см, диаметр горла 3,1 см. Размеры дна 6,7×3,2 см.

Третий флакон происходит из подъемного материала на уч. 1. Флакон (рис. 5, 3; 6, 3) из бесцветного прозрачного стекла имеет призматическую форму с фигурными боковыми гранями, плечики покатые, горловина цилиндрической формы. На месте перехода горловины к тулову имеется рельефный валик шириной 0,5 см, край венчика оформлен полосой в виде воротничкового утолщения. На одной широкой стороне имеется нечеткое рельефное изображение двуглавого орла, на щитке которого находится буква «Н». Над гербом надпись по дуге: «ТОВАРИЩЕСТВО» и под орлом: «БРОКАРЪ и К° ВЪ

МОСКВѢ». Дно в виде неправильного шестиугольника имеет небольшое углубление по форме дна. В центре – рельефные буквы «К.и Н.». Высота флакона 12,5 см. Высота горла 3,5 см. Диаметр горла 3,0 см. Размеры дна 5,3×2,5 см.

Эти флаконы, различающиеся размерами, аналогичны флаконам в каталоге стекольной продукции завода И. Ритинга (1913. С. 117. № 4003). Они широко использовались в фармации и парфюмерии в соответствии с определенными стандартами размеров. Обилие парфюмерной продукции «БРОКАРЪ и К°» в России начала XX в. подтверждается косвенно и тем обстоятельством, что при растущих масштабах раскопок в исторических городах археологические остатки подобных флаконов являются довольно многочисленными¹.

¹ Томский парфюм от Брокера и Ралле (виртуальная выставка). (Электронный ресурс) https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vvop/vvvtk20190125/ – дата обращения 07.10.2019 г.

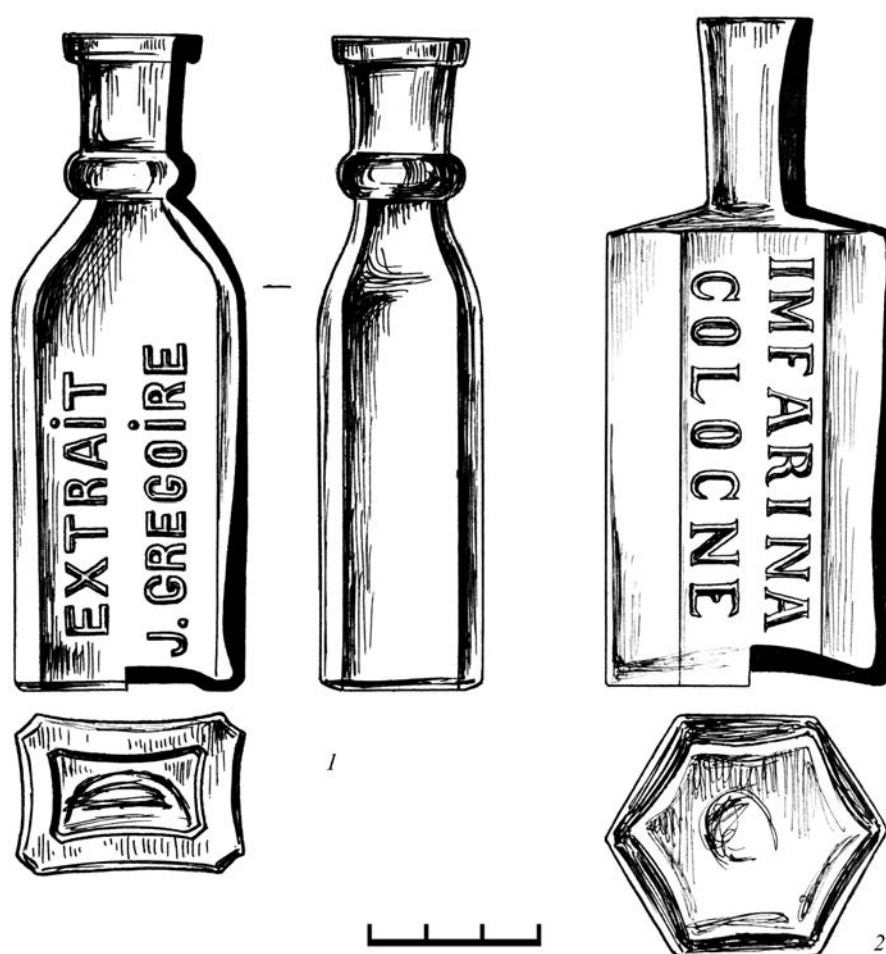

Рис. 7. Флаконы для парфюмерной продукции

1 – «EXTRAIT J. GREGOIRE»; уч. 1, п. 66; СОИКМ КП-29900/57;
2 – «IM FARINA COLOGNE»; уч. 2, п. 122; СОИКМ КП-29901/147

Флаконы других производителей парфюмерных изделий.

Флакон из синего стекла обнаружен в погребении 66 (уч. 1), принадлежавшем мужчине 30–35 лет. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях. Доски гроба сохранились фрагментарно. У левой бедренной кости находился стеклянный флакон. На костях правого предплечья обнаружена бронзовая икона XVIII в. «Святой Никола Можайский».

Флакон (рис. 5, 5; 7, 1) призматической формы с немного вогнутыми стенками. Горловина подцилиндрической формы. Край горловины имеет воротничковое утолщение. Плечики сильно покаты. Горло отделено от тулова округлым валиком. В основании неправильный восьмиугольник. На дне имеется прямоугольное углубление. Внутри – концентрическое изображение полукруга с сегментом в центре, выполненным в слегка углубленном рельефе. На одной широкой сто-

роне тулова имеется рельефная вертикальная надпись в две строки: «EXTRAIT» «J. GREGOIRE». Высота флакона 11,3 см, высота горла 2,7 см, диаметр горла 1,2 см. Размер дна 3,5×2,5 см.

Флакон, вероятно, содержал экстракт, предназначавшийся либо для парфюмерной, либо для фармацевтической продукции и относился к категории дорогостоящих материалов. Аналогии флакону и продукции пока не удалось найти.

Еще один стеклянный флакон происходит из погребения 22 (уч. 2), женщина старше 60 лет. Захоронение совершено вытянуто на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях. Северо-восточная часть погребения разрушена более поздними сооружениями. Под костями грудной клетки обнаружены фрагменты крючков – застежек одежды. Возле левого плечевого сустава находился стеклянный флакон.

Флакон (рис. 5, 6; 7, 2) из бесцветного прозрачного стекла имеет призматическую форму с правильным шестиугольником в основании. Горлови-

Рис. 8. Флакон для парфюмерной продукции в стиле «модерн». «Кладбище всех сект и холерное». Уч. 4, п. 34; оп. 39

на подцилиндрической формы слегка расширяется к устью. На слегка вогнутом дне след понтии. На одной грани имеется вертикальная рельефная надпись в две строки: «IM FARINA COLOC[G]NE». Высота флакона 11,8 см. Высота горла 3,4 см. Диаметр горла 1,8 см. Размеры дна 5,0×5,5 см.

Подобные флаконы принадлежат парфюмерной продукции фирмы «I. M. Farina», старейшего парфюмерного предприятия в мире, производившего знаменитую кельнскую воду².

Иоганн (Джованни) Мария Фарина (1685–1766) – уроженец Италии, создатель одеколона, являлся основателем парфюмерной фабрики в г. Кельне (1709 г.). «Кельнскую воду» (фр. *eau de Cologne*) заказывал высший свет Европы XVIII–XIX вв. Прусский король Фридрих II преподнес одеколон в подарок Екатерине II; одеколон приобретал и Александр I. Поклонником кельнской воды был Наполеон Бонапарт, заказывавший в месяц по 60 сосудов для знаменитой цветочной воды.

Флакон в стиле «модерн» обнаружен в погребении 34 (уч. 2) на территории участка «Кладбище всех сект и холерное».

Флакон (рис. 8; 9) из бесцветного прозрачного стекла трехгранной призматической формы с треугольным в плане дном. Горловина подцилиндрической формы слегка расширяется к устью. Край горловины имеет воротничковое утолщение. Изящная форма флакона поддерживается таким же декором. Для стиля «модерн» начала XX в. характерно использование флоральных (формы растений) мотивов. Все три стороны нашего флакона покрыты рельефным декором с широколиственными растениями, имеющими волнистые контуры (рис. 8; 9). Пространство между ними заполняют плавные линии растительных и геометрических образов. На фронтальной стороне изображены контуры двускатного перекрытия архитектурного сооружения с маковкой по центру наверху. В целом флакон создает впечатление законченного архитектурного образа в стиле «модерн». Свободное пространство на флаконе предназначалось для этикетки. Флаконы в стиле «модерн» использовались разными парфюмерами для продукции, как правило, высшего качества.

² Eau de Cologne. Рождение знаменитого парфюма. (Электронный ресурс) <http://www.nice-places.com/articles/europe/kolon/322.htm> – дата обращения 07.10.2019 г.

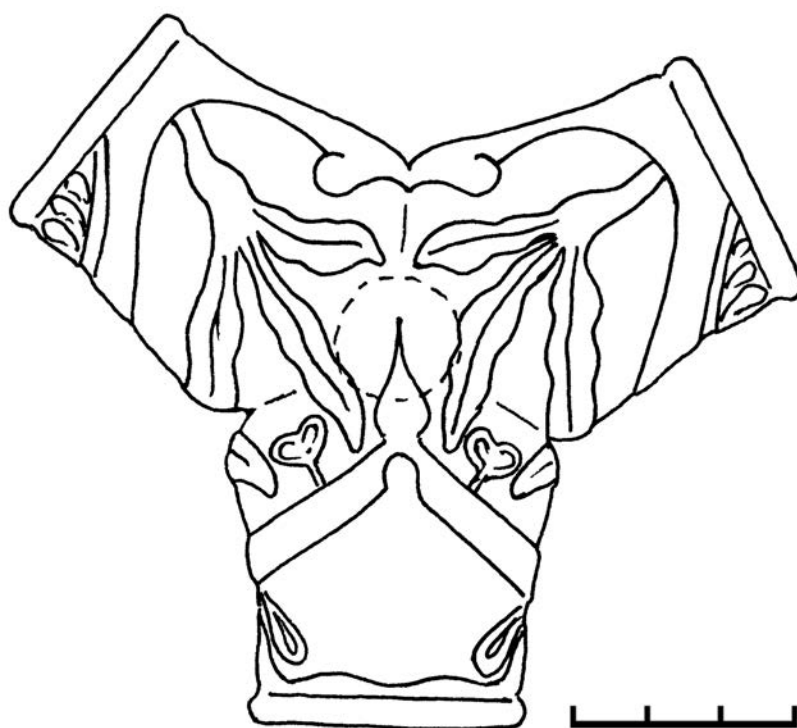

Рис. 9. Декор на флаконе парфюмерной продукции в стиле «модерн» (развертка).
«Кладбище всех сект и холерное», уч. 4, п. 34; оп. 39

Флакончики разных производителей небольших размеров.

В погребении 63 (уч. 1) найден маленький флакончик. Погребение располагалось к северу от склепа № 1 и было сильно потревожено более поздними перекопами. В погребении находилась нижняя часть костяка взрослого человека в вытянутом положении на спине с ориентацией на запад. У левой ноги обнаружен стеклянный аптечный флакон. Под костями найдены стеклянный флакончик и пуговица.

Маленький флакон (рис. 10, 1) из бесцветного прозрачного стекла. Тулово подцилиндрической формы, слегка расширяется к плечикам. Горло отделено от тулова рельефным валиком. Горловина цилиндрической формы, плоский край с воротничковым утолщением. В центре округлого дна – небольшое углубление. Высота флакончика 4,5 см. Высота горла 1,5 см. Диаметр по венчику 1,9 см. Диаметр дна 1,6 см.

Еще один маленький флакончик (рис. 10, 2) найден в погребении 205 (уч. 1) мужчины 55–60 лет, в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях. Гроб сохранился частично. На костяке сохранились полуистлевшие остатки различных видов тканей от одежды и покрытия.

С погребенным кроме флакончика находились и другие предметы. На груди лежала книга – богослужбное Евангелие в металлическом окладе, завернутая в платок из плотной ткани с вышитым растительным орнаментом и бахромой. Под кистью правой руки находился наперсный четырехконечный крест размерами 22,0×13,5 см с эмалевой вставкой с изображением Распятия Христова. Справа у таза обнаружено кадило на цепочке из латуни. Возле южной стенки могильной ямы под тканью найдены фрагменты стеклянного флакона и целый маленький флакончик. В области грудной клетки обнаружено пять пуговиц.

Маленький флакон (рис. 10, 2) из бесцветного прозрачного стекла. Тулово призматической формы с неправильным восьмиугольником в основании. Горловина цилиндрической формы, плоский край с воротничковым утолщением. В середине дна – небольшое углубление. Высота флакончика 6,9 см. Высота горловины 2,0 см. Диаметр по венчику 1,7 см. Размеры дна 3,0×1,6 см.

Небольшой флакон обнаружен в погребении 223 (уч. 1). В погребении костяк женщины 50–60 лет находился в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях. Сохранился древесный тлен от гроба. Стеклянный флакон находился в изголовье слева от черепа.

Рис. 10. Флаконы малых размеров для парфюмерной продукции

1 – уч. 1, п. 63; СОИКМ КП-29902/53; 2 – уч. 1, п. 205; СОИКМ КП-29900/195;
3 – КВСиХ, уч. 3, п. 8; оп. 10; 4 – уч. 3, ПМ; СОИКМ КП-29902/325; 5 – СОИКМ КП-29900/217

Флакончик (рис. 10, 5) из бесцветного прозрачного стекла. Тулово эллипсоидной формы, с овалом в основании, с обеих широких сторон декорировано двойной арочной рельефной линией, повторяющей контур тулова. Горловина цилиндрической формы, слегка расширяется к устью. По краю воротничковое утолщение. Овальное дно имеет углубление. Высота флакона 8 см. Высота горловины 2,7 см. Диаметр по венчику 2,1 см. Размеры дна 3,5×2,5 см.

Флакон из подъемного материала на уч. 3 аналогичен предыдущему флакону из погр. 223. Флакон (рис. 10, 4) из бесцветного прозрачного стекла. Тулово эллипсоидной формы, в основании которого овал, с обеих широких сторон декорировано двойной арочной рельефной линией, повторяющей контур тулова. Горловина цилиндрической формы, слегка расширяется к устью. По краю воротничковое утолщение. Овальное дно имеет углубление. Высота флакона 6,0 см. Высота горловины 1,8 см. Диаметр горловины 1,6 см. Размер дна 2,8×1,8 см.

Такие флаконы входили в ассортимент продукции стекольного завода И. Ритинга (1913. С. 20. № 3052) и выпускались разного объема. В коллекции стеклянных флаконов из погребений Всесвятского кладбища имеются аналогичной формы флаконы более крупных размеров, возможно, какая-то часть из них могла также служить сосудами для парфюмерии и для фармацевтических препаратов.

Стеклянный флакончик найден в погребении 8 (уч. 3). В погребении находился костяк взрослого человека в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на запад. Руки согнуты в локтях. Сохранились доски гроба. На груди найден нательный медный литой четырехконечный крест с барочными очертаниями. Среди находок бутылка из зеленого стекла (высота 27,0 см, диаметр дна 7,5 см) и стеклянный парфюмерный флакончик.

Флакончик (рис. 10, 3) из бесцветного прозрачного стекла имеет форму перевернутого усеченного конуса с узкой горловиной цилиндрической формы, плечики покатые. На месте перехода горловины к тулову – рельефный уступ, край венчика оформлен полосой в виде воротничкового утолщения. Дно круглое. На дне небольшое углубление, в центре – рельефные цифры «2000». Высота флакона 7,0 см. Высота горловины 2,6 см. Диаметр горловины 2,0 см, дна – 2,5 см.

Флакончики малых размеров использовались в качестве пробников для парфюмерной продукции. Идея продажи пробных духов по небольшой цене в маленьких флакончиках принадлежала жене Г. Брокара. Это создавало возможность приобретать парфюмерную продукцию более широким слоям населения, что, естественно, приводило к росту дохода от продаж.

Погребение 205 (уч. 1), очевидно, принадлежало священнослужителю довольно высокого ранга, и маленький флакончик могли использовать для елеосвящения (соборования)³.

Для такой небольшой выборки флаконов довольно затруднительно выявить закономерности расположения их в погребениях в зависимости от пола и возраста. Пять флаконов из 11, обнаруженных в захоронениях, происходят из женских погребений. Возраст одной погребенной – 35–45 лет, остальные старше 50 лет. В мужских погребениях найдено два флакона. К сожалению, в четырех случаях половозрастные характеристики не установлены, но это все взрослые индивиды.

В трех погребениях парфюмерные флаконы находились в паре с другими стеклянными сосудами. В двух случаях (погребения 8 и 34 КВСиХ) они располагались в изголовье погребенных.

Находки стеклянных сосудов в христианских погребениях Нового времени известны и традиционно рассматриваются как слезницы или елейницы (*Лихтер, Балашов, Пономаренко*, 2018). Не противоречит этому и мнение К. И. Панченко о том, что сосуды в погребениях оставались после того, как елей был из них вылит, а сосуд не мог больше использоваться (*Панченко*, 2019. С. 363).

Рассматривая находки флаконов в захоронениях как источник по бытовой культуре населения, можно констатировать, что жителям провинциальной Самары конца XIX – начала XX в. была доступна парфюмерия ведущих производителей России и Европы, продажа которой, судя по рекламным объявлениям в адрес-календарях, табелях и по специальным рекламным изданиям, в основном осуществлялась в аптеках. Не исключено, что отдельную парфюмерную продукцию могли привозить из-за границы.

Литература

Зубова О. В., Мельникова Н. В., Радченко О. И., Бочков В. А., Подмарицын А. Г., 2001. Православные святыни Самарского края. Историко-церковная энциклопедия. Самара. 270 с.

Кожаринов В. В., 1998. Русская парфюмерия. XIX – начало XX века. М.: Советский спорт. 162 с.

Лавров В. В., 1998. Железная хватка графа Соколова. М.: Центрполиграф. 320 с.

Лихтер Ю. А., Балашов А. Ю., Пономаренко А. К., 2018. Погребения со слезницами. Археологические исследования Нового кладбища Спасо-Андроникова монастыря в 2016 году // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 409–413.

Лихтер Ю. А., 2017. Стеклянные сосуды из раскопок 2015 года в Черниговском переулке (Москва) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 284–298.

Панченко К. И., 2019. Традиция погребения

с сосудами на примере некрополя Нового времени Московской Духовной академии // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 356–365.

Ритинг И., 1913. Прейсь-курантъ аптечной и больничной посуды и принадлежностей для ухода за больными Общества Стеклового производства И. Ритинг. СПб. 368 с.

Цибин В. А., 2014. Отчет о раскопках на объекте культурного (археологического) наследия «Кладбище новое православное, немецкое, военное, старое кладбище православное» – Всесвятское кладбище в г. Самара в 2013 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 37201–37218.

Шереметьев А. Г., 2016. Раскопки могильника «Кладбище разных сект и холерное» в г. Самара в 2013–2015 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 14. Саратов. С. 187–197.

³ В 2019 г. при раскопках на сохранившейся территории Всесвятского кладбища (ООО НПФ «АрхГео») обнаружены стеклянные сосуды, содержавшие жидкости и маслянистые вещества. Остатки одного маслянистого вещества со дна сосуда оказались горючими. Любезное сообщение А. В. Вискалина.

A. F. Kochkina, V. A. Tsibin

Perfume bottles from the graves of the cemetery at the All Saints Church in the middle of the 19th – first quarter of the 20th century in Samara

Summary

The article describes a group of perfume bottles from the graves of the cemetery at the All Saints Church – the largest city cemetery in Samara in the middle of the 19th – 1st quarter of the 20th c. It is traditionally believed that bottles and other utensils in

Orthodox burials were used as “teardrop –vases” or eleyynitsy. At the same time, such findings can be considered as a significant source for studying the everyday culture of the population of a provincial Russian towns.

List of figures

Fig. 1. “Cemetery New Orthodox, German, Military, Old Orthodox Cemetery” – the cemetery at the All Saints Church, Samara. Plan

Fig. 2. Perfume bottle of the A. Ralle & Co partnership (А. Ралле и Ко)

1–2 – section 1, grave 22

Fig. 3. Perfume bottle of the A. Ralle & Co partnership

Fig. 4. Perfume bottle of the A. Siou & Co partnership

Fig. 5. Perfume bottles: Brokar & Co partnership (Брокар и Ко)

1 – grave 55; 2 – grave 33; 3 – section 1; 4 – partnership A. Siu & Co, grave 148; 5 – “EXTRAIT J. GREGOIRE”, grave 66; 6 – “IM FARINA COLOGNE”, grave 122

Fig. 6. Bottle of perfumery products of the Brokar & Co partnership (Брокар и Ко)

Fig. 7. Bottles of perfumery products

1 – “EXTRAIT J. GREGOIRE”, grave 66; 2 – “IM FARINA COLOGNE”, grave 122

Fig. 8. Bottle of perfumery products in the Art Nouveau style. “Cemetery of All Sects and Cholera”, grave 34

Fig. 9. Bottle of perfumery products in the Art Nouveau style “Cemetery of All Sects and Cholera”, grave 34

Fig. 10. Small Perfume Bottles

1 – grave 63; 2 – grave 205; 3 – “Cemetery of All Sects and Cholera”, grave 8; 4 – surface finds

Средневековая городская фортификация

В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Методика изучения валов древнерусских городов и попытки реконструкции древних оборонительных сооружений в натуре

Валы древнерусских городов всегда вызывали повышенный интерес как со стороны археологов, так и со стороны городских властей и широкой публики. Но если для археологов они представляют собой научную загадку, требующую грамотного разрешения, то для жителей городов они – прежде всего выраженные в рельефе доминанты городского пейзажа, места массовых гуляний, а в ряде случаев – помехи для транспорта, инфраструктуры и землевладельцев, участки которых примыкают к валам. В последнее время они становятся также привлекательны для местных властей, озабоченных превращением своих городов в туристические объекты. В этом смысле валы рассматриваются ими не в роли ценных музейных объектов, за аутентичностью которых следует строго следить, а главным образом в роли площадок для всевозможных «исторических» реконструкций. При этом все заинтересованные стороны согласны в том, что валы являются значимыми маркерами исторического прошлого города и в этом качестве требуют сохранения и использования. Однако сохранение валов в городском пространстве сталкивается с очень многими проблемами. Назовем только некоторые из них.

1. Массовые гуляния горожан по валам приводят к разрушению их дернового покрова, что в дальнейшем вызывает эрозию поверхности и может привести к серьезному разрушению валов (рис. 1). Попытки строительства лестниц на вершины валов также не всегда помогают решению этой проблемы, поскольку приводят к разрушению вала строителями, закладывающими в поверхности вала фундаменты, забивающими в них сваи и т.п. Щадящие технологии строительства (деревянные лестницы без фундаментов, т.е. подверженные быстрому гниению/разрушению), исполь-

зуются редко. Совершенно не применяются меры к восстановлению дернового покрова, поскольку у городского хозяйства много других дел, кажущихся более важными.

2. Проемы в валах обычно недостаточно широки для прохода масс людей в современном городе и тем более для проезда автотранспорта, что приводит к появлению «естественного» желания «немного» расширить эти проходы/проезды для удобства жителей. Однако любое такое расширение приводит к уничтожению следов существовавших в древности въездных конструкций, об археологических следах которых данных практически нет. Примеры многочисленны, укажем только на такие вопиющие, как Дмитровский кремль в Московской области (рис. 2) и Болгарское городище в Татарстане.

В Дмитрове перед оборудованием бутафорских башен на северо-западном проходе в кремль проводились предваряющие их строительство охранные археологические работы, давшие крайне интересные результаты. Было установлено, что под валом сохранились ранние слои догородского славянского поселения. Однако к моменту проведения раскопок проход в валу был уже значительно расширен по сравнению с его размерами в прошлом, поэтому обнаружить следы деревянных конструкций эпохи Средневековья было уже невозможно.

В Болгаре проходы в валах исследовались в 1967 г. Ю.А. Красновым, однако они носили характер локальных врезок в концы валов рядом с существовавшими проходами, которые также уже давно были значительно расширены. По этой причине, разумеется, никаких конструкций въездов в город при раскопках обнаружить не удалось. Ю.А. Краснов, который не был специалистом в области средневековой фортификации, тем не менее

Рис. 1. Повреждения вала г. Дмитрова (Московская обл.) необорудованными пешеходными тропинками. Фото В. Ю. Коваля, 2019 г.

Рис. 2. Бутафорские башни в валу г. Дмитрова. Фото В. Ю. Коваля, 2019 г.

Рис. 3. Бутафорские башни на въездах в Болгарское городище (Респ. Татарстан). Фото В. Ю. Коваля, 2014 г.

высказал предположение о существовании трех «надвратных башен», не подкрепив его никакой аргументацией, т.е. исходя исключительно из «общих соображений» (Краснов, 1987. С. 117, 118). Им же на основании более чем сомнительных результатов раскопок были сделаны столь же смелые, сколь и слабо аргументированные предположения о размещении непроездных башен на валу Болгара (Коваль, 2019. С. 323–339). С легкой руки этого исследователя совершенно недоказанное предположение о башнях Болгара было воспринято археологами Татарстана и властями, в результате чего появились на свет фантастические реконструкции

башен, возведенные в дереве в 2010–2013 гг. Как в действительности были организованы проезды в валу, до сих пор остается загадкой. При этом строительство фундаментов под бутафорские башни (рис. 3) уничтожило последние остатки следов сооружений, которые могли существовать в XIV в. в местах проходов в валу. Теперь изучить их не будет никакой возможности. Можно лишь констатировать, что все эти реконструкции недостоверны и документально не обоснованы, т.е. являются фантазийными. Что касается башен на валах, то тщательное изучение одного такого места (наиболее перспективного в плане размещения

Рис. 4. Реконструкция башни и части стены в Томске (фото свободного интернет-ресурса)

башни), проведенное широкой площадью в 2015 г., показало, что никакой башни в этом месте никогда не стояло (Коваль, Русаков, 2018).

Подчеркнем, что на сегодняшний день археологические данные о въездных небашенных конструкциях и проездных башнях (за исключением каменных) в древо-земляных стенах средневековых городов Руси имеются только для шести городищ – Райковецкого, Заречьевского, Судовой Виш-ни, Черновки, Сампсониева острова и Снепорода (Гончаров, 1950. Рис. 12; Древняя Русь... 1985. Табл. 80, 4; Моргунов, 2007. С. 115–132. Рис. 55, 56, 61, 66). Чертежи и разрезы по всем остальным известным по литературе въездам в древо-земляные крепости (например, в Любече) не опубликованы, и потому достоверность имеющихся реконструкций таких въездов не может даже обсуждаться. Таким образом, материалов для реконструкции воротных проемов в древо-земляных стенах (не говоря уже о насыпных валах) до сих пор настолько мало, что не приходится говорить о каких-то их «типовых чертах», для этого необходимо подробно изучить и скрупулезно зафиксировать хотя бы еще десяток таких объектов.

3. Периодически у властей и населения городов возникает стремление «восстановить облик» древней фортификации, т. е. использовать валы в качестве основы для неких бутафорских конструкций, призванных «украсить» город, превратить древнейшую его часть в привлекательный для туристов объект экскурсионного показа. В последнее время число примеров такого «градостроительного творчества» растет, что приводит к массивному уничтожению тех валов, которые еще недавно, казалось, находились в прекрасной сохранности. Наиболее известными примерами «восстановления» фортификации являются реконструкции в Болгаре (см. выше) и Томске (рис. 4), меньшей известностью пользуются деревянные новоделы в городах Лух (Ивановской обл.) и Рыбинск (Ярославской обл.), в Елабуге, Кирмене и Иске-Казани (Татарстан) (рис. 5). Причем в большинстве случаев в ходе «реконструкций» наносятся повреждения аутентичным памятникам на участках, где археологические раскопки ранее не проводились. Счастливые исключения составляют реконструированные отрезки деревянных стен в Томске и Лухе, которые были возведены на уже исследованных археологами участках. При этом в Томске новодел поставлен на месте, где реальных следов фортификации при раскопках не было обнаружено¹, а результаты раскопок в Лухе не были опубликованы, не обсуждались специалистами и проводились на столь ограниченной площади, что не дали возможности полностью разобраться с выявленными следами сооружений. В других случаях ущерб, нанесенный памятникам археологии в ходе проведения «реконструкций», можно оценить только словом «невыполнимый».

Кажется, что плохого в том, что возводятся в натуральную величину макеты древних оборонительных сооружений? Они создают зримое представление об историческом прошлом, формируют интерес к истории у широких масс населения, становятся новыми архитектурными доминантами. Однако внимательное рассмотрение вопроса приводит к выводу, что потери от таких реконструкций оказываются существенно выше, нежели приобретения. Рассмотрим эти потери.

1. Как уже было замечено, возвести поверх древнего вала деревянную стену невозможно без существенного повреждения этого сооружения. Сама современная профилировка валов такова, что в подавляющем большинстве случаев на их греб-

¹ Согласно любезной консультации руководителя раскопок М. П. Черной.

1

2

3

4

5

Рис. 5. Реконструкции стен и башен в Лухе (1), Рыбинске (2), Елабуге (3), Иске-Казани (4), Кирмене (5).
Фото из свободных интернет-ресурсов

нях нельзя построить что-либо без выравнивающих подрезок, заглубленных в грунт фундаментов или свай, внедряющихся в тело вала и уничтожающих уникальную структуру этих интереснейших и до сих пор еще очень слабо изученных объектов. Кроме того, подвоз и перемещение строй-

материалов, использование любой современной техники невозможно без земляных работ и повреждения поверхности вала, причем не только в самом месте сооружения новодела, но и по склонам вала. Поверхность вала нарушается при этом колесами тяжелого транспорта, другими механизмами

и по случайным причинам, неизбежно возникающим на любой стройке.

Поверхности валов и особенно их гребни могут сохранять в себе следы древних конструкций из дерева, других органических материалов, сырцового кирпича, дерна или камня, которые можно легко уничтожить даже при малейшем вторжении в поверхность вала. Поэтому любые действия по благоустройству вала должны совершаться без вторжений в грунт, без всяких повреждений дернового покрова, являющегося *единственной* надежной защитой для этих объектов. Допустимы только работы по обдерновке тех участков вала, которые по каким-то причинам оказались лишены дернового покрова.

2. Совершенно недопустимы случаи, когда реконструкции деревянных фортификаций совершаются без предварительного археологического изучения валов и не опираются на информацию об остатках древних сооружений, сохранившихся в этих валах. Без такого изучения все реконструкции являются просто произвольными фантазиями их авторов.

Валы как эпохи Средневековья, так и более древних эпох, и даже Нового времени до сих пор остаются еще очень слабо изученными археологическими объектами; об их структуре, назначении, времени возведения ведутся ожесточенные дискуссии, свидетельствующие о том, что исходных данных для однозначных заключений по этим вопросам еще очень мало. Почему так произошло? В прошлом изучение валов проводилось без тщательной фиксации всех прослоек, следов деревянных конструкций, имеющих в них, поскольку валы рассматривались как бессистемно сооруженные насыпи. Лишь в последние десятилетия, с развитием методической базы археологии пришло понимание, что валы – это чрезвычайно сложные и разнообразные по генезису объекты. Среди них есть «чистые» насыпи (структура которых при этом бывает очень сложной, в основном это насыпи эпохи раннего железного века или бронзы), есть остатки рассыпавшихся средневековых древо-земляных стен, а есть и настоящие «слоеные пироги», включающие горизонты разных периодов – от эпохи бронзы до Нового времени. Поэтому, прежде чем браться за какие бы то ни было реконструкции, вначале тщательным образом надо изучить эти сложнейшие объекты, зафиксировать полученные данные, опубликовать их, обсудить в кругу специалистов. То есть попросту понять, что же они собой представляют. Только после этого можно приступить к решению вопроса о том, какой именно

из этапов формирования вала есть смысл реконструировать, какое сооружение взять за основу реконструкции, а самое главное – в каком месте воздвигать реконструируемое сооружение.

К сожалению, археологическое изучение валов остается большой редкостью. Тому есть три важные причины.

Во-первых, эти работы являются крайне дорогостоящими, поскольку в соответствии с современными методическими требованиями должны проводиться на большой площади (траншеей шириной не менее 6 м), с обязательным полным вскрытием рва перед валом (Моргунов, 2019. С. 28–31). Затраты возрастают из-за большого объема перемещаемого грунта и необходимости последующего восстановления рельефа вала (т.е. возвращения грунта на прежнее место и его тщательной трамбовки) и его искусственной обдерновки (рис. 6). Несоблюдение любого из этих (и многих других) методических требований может привести к катастрофическим последствиям для внешнего вида памятника.

В случае же многолетних (или сезонных осенне-зимних работ) к дополнительным затратам приводит строительство укрытия от атмосферных осадков (кровля с водоотводами) и инженерные мероприятия по предотвращению обрушения вертикальных разрезов. При всем этом надолго сохранить полученные разрезы в наших климатических условиях практически невозможно, следовательно, музеефикация итогов раскопок бесперспективна (ни одного примера успешного проекта такой музеефикации пока нет).

Во-вторых, при раскопках валов лишь в некоторых случаях можно получить сколько-нибудь объемную коллекцию находок, которая пополнила бы коллекции музеев. Лишь в насыпях, созданных из грунта культурных слоев, можно обнаружить какие-либо вещи и керамику, в большинстве же случаев для строительства фортификаций использовали материковый грунт (песок, глина), взятый при выкапывании рва. Поэтому раскопки на валах редко приносят что-либо кроме чертежей и фотографий планов и разрезов. Делать же крупные капиталовложения без уверенности в получении ярких находок готовы далеко не все ни в мире науки, ни тем более в среде финансирующих науку спонсорских организаций. Это особенно печально, поскольку именно раскопки земляных фортификаций позволяют получать совершенно новую (часто сенсационную) информацию о том, как укрепления выглядели в древности, когда они возникли, установить причины их гибели и многое другое.

Рис. 6. Примеры восстановления внешнего вида вала после завершения его прорезки

1 – Болгарское городище (раскоп 205, 2014 г.); 2 – Ростиславльское городище (раскоп 7, 2009 г.). Фото В. Ю. Коваля

Рис. 7. Стена и башня острога в Якутске на открытке начала XX в. (фото из открытого интернет-ресурса)

В-третьих, для проведения исследований валов необходимы хорошо подготовленные специалисты, обладающие опытом таких раскопок. Между тем первые две причины обусловили исключительную малочисленность подобных специалистов. Обращение же к археологам, не обладающим необходимым опытом в таком деле, грозит при крупных финансовых затратах получением ничтожного результата (или, что еще хуже, отрицательного результата).

Таким образом, сформировался замкнутый круг: раскопки валов не проводятся в том числе и потому, что не хватает соответствующих специалистов, но их нет, поскольку раскопки валов не проводятся (или ведутся крайне редко).

3. Третья проблема вытекает из предыдущей. Раз у нас имеется до крайности мало данных о том, что собой представляли валы в древности, поскольку сами валы очень слабо изучены, то отсутствуют и сколько-нибудь объективные основания для научных реконструкций внешнего вида тех фортификаций, которые когда-то стояли на их месте. Тем более нет представления о том, как фортификации изменялись с течением времени, а для каждого отдельного объекта это был процесс индивидуальный, не похожий на то, как шло дело на других подобных крепостях. Внешняя похожесть ва-

лов обманчива и скрывает от зрителя массу различий в истории их «жизни».

У авторов современных реконструкций древних стен, «воссоздаваемых» в наше время, часто отсутствуют знания о том, как выглядели древние защитные сооружения, и понимание того, что за историю жизни любого города они видоизменялись и многократно перестраивались. В подавляющем большинстве случаев за образец принимается уже созданная кем-то ранее подобная «реконструкция». В результате эти реконструкции полностью отрываются не только от археологической, но и всякой иной исторической основы (например, старинных рисунков, карт, описаний фортификаций) и представляют собой полностью фантастические новodelы, опирающиеся на стереотипы, уже сформированные в массовом сознании и визуализированные благодаря трудам современных художников, кинематографистов, дизайнеров. Последние же в лучшем случае опираются на чертежи, художественные зарисовки и фотографии деревянных острогов XVII–XVIII вв., сохранявшихся на Русском Севере и в Сибири иногда до начала XX в. (острог Якутска и т. п.) (рис. 7).

В подготовке проектов «реконструкций» участвуют обычно не авторитетные специалисты в области изучения фортификации (которых, как уже

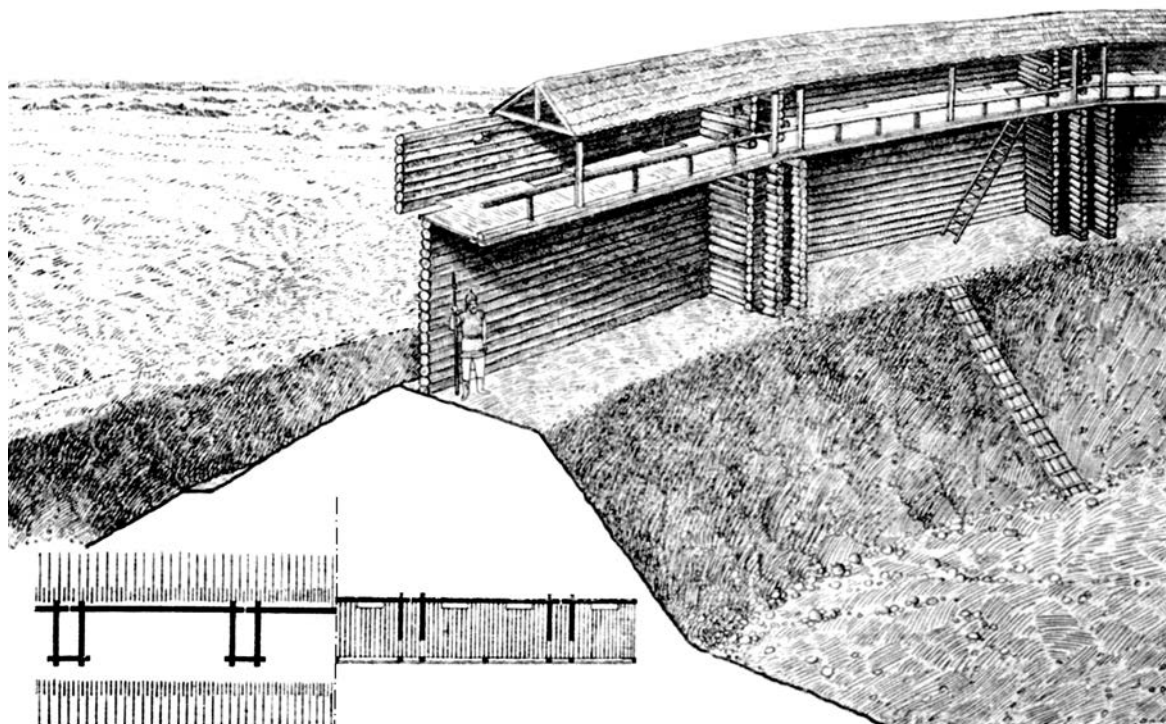

Рис. 8. Графическая реконструкция стены древнерусского города по П. А. Раппопрту (1961. Рис. 108)

отмечалось, крайне мало), а обычные современные архитекторы, вообще не имеющие знаний о древней фортификации, и в особенности – деревянной или древо-земляной. Консультантами же таких проектов чаще всего выступают не археологи, а историки, т. е. опять же люди, не обладающие знаниями о древней фортификации либо представляющие ее себе по летописным текстам или иллюминированным рукописям, древнейшие из которых датируются XV в. Если же в качестве консультантов привлекаются археологи, то нередко такие, которые сами не вели раскопок фортификаций либо вели их, применяя устаревшие методические приемы, не позволяющие разобраться в столь сложном объекте.

В результате получается, что «реконструкторы» даже в самом лучшем случае воспроизводят фактически один и тот же образец – сибирские крепости XVII–XVIII вв., но при этом трактуют его как им заблагорассудится – в виде стен древнерусских или болгарских крепостей XII–XV вв. либо как-то еще иначе. Не удивлюсь поэтому, если тот же образец будет принят такими энтузиастами и для «реконструкции» укреплений городищ раннего железного века, которые стен вообще не имели (Коваль, 2011; Гольева, Коваль, Сыроватко, 2014; Сидоров, 2018. С. 26–31).

Может последовать возражение: археологи уже довольно давно занимаются изучением валов,

и на основании их раскопок написано несколько солидных монографий. При создании ряда реконструкций авторами использовались работы П. А. Раппопорта, выдающегося специалиста по средневековой русской архитектуре, включая оборонительную (Раппопорт, 1956; 1961). Однако П. А. Раппопорт проводил свои исследования в 1950-х гг. на соответствующем тому времени уровне методики (разрезы валов велись узкими траншеями, как правило, без фиксации планов), что в большинстве случаев не позволило ему зафиксировать остатки деревянных городней (срубов, из которых воздвигались деревянные стены с земляной засыпкой внутри) в глубине валов, трактуемых им как насыпи. Открытые же в некоторых случаях остатки хорошо сохранившихся городней он воспринимал как «внутривальные» конструкции, якобы служившие для «укрепления» насыпи.

Укрепления древнерусских городов XII–XIV вв. П. А. Раппопорт представлял, произвольно соединяя в одно целое «насыпные» валы и водруженные на них полые деревянные стены или даже частоколы русских острогов XVII–XVIII вв. (рис. 8) и опираясь на труды русских историков фортификации XIX в. (Ф. Ласковского и др.). Подобные фортификации действительно воздвигались поверх древних валов в эпоху огнестрельного оружия

Рис. 9. Земляная крепость XVIII в. с бастионами (фото из свободного интернет-ресурса)

(XVI–XVII вв.), насколько это известно по письменным источникам, однако они еще ни разу нигде не были встречены археологами. Поздние деревянные фортификации удалось археологически проследить лишь в Сибири (Томский кремль, Албазинский острог) (Черная, 2002; Глинский, Сухих, 1992; Артемьев А. Р., 1992. С. 114, 115; 1999) и в Переяславле-Рязанском (Стрикалов, 2016. С. 124–131), но во всех этих случаях частоколы не были связаны ни с какими валами, а обнаружены на уровне древней дневной поверхности.

Именно реконструкции П. А. Раппопорта послужили базой для современных «реконструкторов» средневековых укреплений. Между тем наука археология не застыла на позициях 1950-х гг., а активно развивается, и представления 70-летней давности уже не соответствуют современному уровню знаний. Настоящий прорыв в понимании древнерусской фортификации совершил Ю. Ю. Моргунов, отработавший методические приемы археологического исследования валов на памятниках Южной Руси (Моргунов, 2019). Во всех тех случаях, когда раскопки валов проводились по современной методике, с попластовой фиксацией всех конструкций, выяснялось, что валы скрывают в себе остатки древних деревянных стен (сгоревших или истлевших, разваленных или неплохо сохранившихся).

К сожалению, сильно устаревшие представления середины XX в. об укреплениях древнерусских городов сохраняются до сих пор и многие археологи продолжают следовать им. Еще одна ошибка исследователей состоит в том, что средневековая фортификация рассматривается вне ее динамики, исторического развития, связанного с появле-

нием огнестрельного оружия и новых европейских технологий фортификации. Нельзя забывать о том, что фортификация XII–XV вв. принципиально отличалась от оборонного зодчества XVI–XVII вв. и тем более – от земляных укреплений Нового времени (редутов, шанцев, бастионов и т. п.). Все это принципиально разные конструкции, которые в археологизированном виде предстают в виде почти одинаковых «валов», при этом разновременные древо-земляные и земляные оборонительные сооружения могли возводиться на одном и том же месте, сменяя друг друга. В ряде случаев датировка валов может определяться по их планировке (планы бастионов трудно спутать с планами средневековых крепостей) (рис. 9), однако часто окончательный вердикт можно вынести только по результатам археологических раскопок.

Исследованиями последних трех десятилетий установлено, что древнерусские города защищались вовсе не насыпными валами, а древо-земляными стенами, т. е. гораздо более серьезными защитными сооружениями, нежели просто насыпи. Обнаруживаемые внутри валов остатки деревянных срубов являются следами не «внутриривальных» конструкций, а собственно древо-земляных стен, т. е. деревянных срубов, заполненных грунтом. Новые исследования, проведенные на современном методическом уровне, показали, что:

- для возведения вала не требуется никаких «внутриривальных» конструкций, все валы городищ раннего железного века и раннего Средневековья являются насыпями без каких-либо «внутриривальных» конструкций;

- не найдено никаких следов башен в стенах древнерусских городов (кроме каменных проездных башен в Киеве и Владимире, являющихся копиями западноевропейских фортификаций, встроженных в русские деревянные стены), а значит, стены русских городов, как правило, не были оборудованы башнями.

Таким образом, то, что мы видим сегодня в виде «вала», в прошлом (на вполне определенных временных этапах и на определенных территориях) могло представлять собой деревянную вертикальную стену. Во всяком случае, именно так обстояло дело на территории Древней Руси в XI–XV вв.

Вернемся, однако, к проблеме реконструкции средневековой древо-земляной фортификации. Посмотрим вначале, как решается реконструкция чисто земляных или древо-земляных фортификаций Нового времени (редуты, флэши и т. п.) либо каменно-кирпичных крепостей. Обычно внешний

вид, часто и внутреннее устройство таких сооружений хорошо известны по рисункам, чертежам и даже фото начала XX в. Реконструкция таких сооружений не вызывает серьезных проблем и может допускать ошибки лишь в деталях. Даже для средневековых каменно-кирпичных фортификаций, как правило, имеются поздние изображения их руин, позволяющих достаточно достоверно восстановить хотя бы внешний облик стен и башен. Хорошие примеры таких реконструкций дают замки на Рейне (разрушенные еще в XVII в.) или генуэзская крепость в Судак (пострадавшая в основном в XX в.), которые реконструировались фактически полностью, от фундаментов, но на основании различных изобразительных источников. Подчеркнем, что в приведенных примерах новодельные стены и башни восстанавливались на древних основаниях, но при этом не проводилось разрушение подлинных древних кладок.

Отличие древо-земляной оборонительной архитектуры состоит в том, что она не оставляет прочных оснований для новодельного строительства, а любая попытка построить что-либо поверх земляных руин приводит к их повреждению, в худшем случае – к полной утрате идентичности древнего сооружения. Выше были приведены примеры варварского подхода к реконструкциям древних укреплений, итогом которых стали бутафорские строения, не имеющие ничего общего с историческими и археологическими реалиями.

Следовательно, *вал* в том виде, как он сохранился до наших дней, является уникальным памятником древности, требующим сохранения в неизменном виде, без малейших нарушений его структуры. Допустимо лишь археологическое изучение отдельных участков этого сооружения, но с обязательным последующим восстановлением его объема и поверхности в прежнем виде. Именно вал является наиболее ценным, аутентичным памятником древности, искажение внешнего вида которого следует признать недопустимым. Такую позицию следует занимать и органам охраны объектов культурного наследия.

Давайте попробуем, однако, смоделировать идеальную ситуацию, когда соблюдены все правила археологического изучения древнего вала. Представим себе, что мы полностью исследовали участок такого вала и надежно установили, что он является руинами стены, построенной, скажем, в XII в., сожженной в 1237 г. и превратившейся в вал (в реальности таких случаев было мало, поскольку чаще всего город возрождался, стену перестраивали, причем не один раз. Однако допустим, что мы нашли остатки подобной «одноразовой» существовавшей

стены). Да, такую стену можно достоверно восстановить и, если задаться такой целью, то для решения этой задачи потребовалось бы на исследованном раскопками участке вала, применив полученные данные о размерах городней, построить из современного дерева стену, а бережно сохраненный грунт вала использовать для засыпки ее городней. Но надо помнить, что уже через 20–30 лет эта стена начнет разрушаться, поскольку на ее строительство вряд ли удастся найти такое количество строевого дуба, которое имелось в Средневековье. Можно, конечно, использовать другую древесину с современными пропитками, но и они не сохранят стену надолго. В результате через 50, 70, 100 лет выстроенная стена снова превратится в вал. Таков был бы результат полностью научной реконструкции участка древней фортификации.

Изложенная выше и явно фантастическая ситуация не означает, что реконструкции облика древних фортификаций не нужны и не имеют научного значения. Напротив, это чрезвычайно интересное и полезное направление исследовательской и общественно-культурной деятельности. Но эта деятельность должна осуществляться не на объекте культурного наследия, который неизбежно будет ею поврежден, а на специально выделенных и подготовленных для этого площадках. Их можно организовать неподалеку от подлинного древнего вала, если, конечно, рядом с ним найдется участок, где нет древнего культурного слоя поселений, обычно примыкавших к укреплениям. По схожей схеме организованы музеи деревянного зодчества в Суздале, Костроме, Иосифо-Волоколамском монастыре и других местах в России. Соседство с древними городищами позволяет наладить визуальную и смысловую связь между аутентичным древним памятником и музеем, сохраняющим не столь древние, но все же не современные, этнографически значимые образцы деревянного зодчества.

И все же лучше всего размещать участки для реконструкций подальше от исторических объектов. По этому пути пошли в тех сообществах, где заботятся о реальном сохранении своего наследия, а не пытаются имитировать такую заботу. Наиболее удачным примером организации такой реконструкторской площадки представляется историко-этнографический комплекс «Фанагория» в районе Аспарухово (Варна, Болгария), где сделана попытка воспроизвести укрепление в виде частокола эпохи раннего Средневековья (рис. 10). Попытка, может быть, не самая удачная, но интересная правильным выбором места для нее на дальней окраине города, при этом в таком месте, добраться до которого

Рис. 10. Реконструкции укреплений

1 – ворота и стена укрепленного лагеря VI–VIII вв. в комплексе «Фанагория» (Варна, Болгария);
2 – поселение в парке Кернаве (Литва). Фото В. Ю. Ковалю

можно без труда как на личном, так и на общественном транспорте. Аналогично поступили в историко-ландшафтном парке Кернаве (Литва), где реконструированное средневековое поселение размещено далеко в стороне от археологических объектов (городищ). Именно эти примеры следовало бы брать в качестве образцов в России.

Научная реконструкция древнего древо-земляного укрепления (а археологов, да и всех серьез-

ных исследователей может интересовать только она) требует, чтобы в ее основе лежали не домыслы и фантазии, а реальные факты, полученные в результате археологического изучения того конкретного вала, который берется за основу. При этом, как уже отмечалось выше, следует помнить о высокой затратности подобных исследований и учитывать ее при планировании подобных мероприятий. В случае успешного проведения такого про-

екта он обещает принести уникальные по научной значимости и социальной аттрактивности результаты. Археологическое исследование вала, содержащего остатки нескольких разновременных стен, позволит реконструировать не одно, а целый ряд оборонительных сооружений, демонстрирующих различные этапы жизни города. Вместо 3D-модели или просто воображаемой фантазии можно было бы попробовать воссоздать исторические укрепления в натуре. Это позволило бы изучить разные строительные приемы, использовавшиеся древними градодельцами, понять, насколько прочными и долговечными были подобные стены. Даже смоделировать пожар, который уничтожил бы такую стену, и увидеть, как его остатки археологизировались в естественных условиях. Трудно просто перечислить, как много новых знаний удалось бы получить в ходе такой реконструкции.

Подведем итоги: валы древнерусских городов являются уникальными памятниками древности,

объектами культурного наследия РФ, носителями ценной исторической информации и при этом ландшафтными памятниками городов. Воссоздание внешнего облика древних стен, руинами которых являются эти валы, – интересная научная задача, требующая значительных капиталовложений. При этом воссоздание таких стен поверх ныне существующих валов недопустимо с точки зрения охраны объектов культурного наследия и сохранения ландшафтной уникальности валов как элементов городского пейзажа. Любые попытки воссоздания деревянных стен поверх валов, которые археологически полноценно не изучены (а значит, не установлено и время их формирования), недопустимы в принципе, т.е. эти новоделы являются не чем иным, как произвольными фантазиями, ради которых наносится непоправимый вред валам (объектам культурного наследия). Повреждать же подлинные памятники древности ради заведомых фантазийных инсталляций просто преступно.

Литература

- Артемов А. Р., 1992. Вопросы преемственности в развитии оборонного зодчества Европейской России, Сибири и Дальнего Востока в советской историографии // Вопросы истории Дальнего Востока России в отечественной и зарубежной историографии. Владивосток: ДВО АН СССР. С. 112–119.
- Артемов А. Р., 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 335 с.
- Глинский С. Г., Сухих В. В., 1992. Реконструкция крепостных сооружений Албазинской крепости по археологическим источникам и опубликованным материалам // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Вып. 7. Благовещенск. С. 17–25.
- Гольева А. А., Коваль В. Ю., Сыроватко А. С., 2014. Городища и валы дьяковской культуры как объекты палеоэкологических исследований: результаты, проблемы, перспективы // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. II. Казань. С. 91–93.
- Гончаров В. К., 1950. Райковецкое городище. Киев: АН УССР. 215 с.
- Древняя Русь. Город, замок, село, 1985. М.: Наука. 430 с. (Археология СССР).
- Коваль В. Ю., 2011 «Ростиславльский курган» (вал городища раннего железного века на Ростиславле) // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 35–58.
- Коваль В. Ю., 2019. Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Под ред.
- С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдикова. Казань – Кишинев: Stratum. С. 323–339.
- Коваль В. Ю., Рушаков П. Е., 2018. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 гг. Казань. 160 с. (Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. 2).
- Краснов Ю. А., 1987. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука. С. 99–123.
- Моргунов Ю. Ю., 2007. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М.: Наука. 303 с.
- Моргунов Ю. Ю., 2019. К методике изучения валов древнерусских городищ. М.: ИА РАН. 31 с. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 10).
- Раннопорт П. А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. 184 с. (МИА. № 52).
- Раннопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. 246 с. (МИА. № 105).
- Сидоров В. В., 2018. Реконструкция укреплений городищ раннего железного века // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 26–31.
- Стрикалов И. Ю., 2016. Острог Переяславля Рязанского в свете исследований 2015 года // КСИА. Вып. 242. С. 124–131.
- Черная М. П., 2002. Томский кремль середины XVII–XVIII вв. Томск: Томский университет. 187 с.

V. Yu. Koval

Methods of studying the earthen walls of medieval Russian towns and attempts to reconstruct old defensive structures in kind

Summary

A study of the walls showed that these are multi-temporal (from the Bronze Age to the New Age) buildings that are very complex in structure, among which medieval earthen walls stand out, which are the ruins of old earthen walls. The walls are still very poorly studied, so most attempts to reconstruct

the old walls are funky, not scientific. It is concluded that the earthen walls should be preserved as unique heritage sites, and their reconstruction that could damage them should not be carried out on the ramparts, but separately from them, on specially equipped sites.

List of figures

Fig. 1. Damage to the wall of Dmitrov town (Moscow region) with unequipped walking paths. Photo by V. Y. Koval, 2019

Fig. 2. Sham towers in the wall of Dmitrov. Photo by V. Y. Koval, 2019

Fig. 3. Sham towers at the entrances to the Bulgar hillfort (Tatarstan Rep.). Photo by V. Y. Koval, 2014

Fig. 4. Reconstruction of the tower and part of the wall in Tomsk (photo from the open Internet resource)

Fig. 5. Reconstruction of walls and towers in Luha (1), Rybinsk (2), Yelabuga (3), Iske-Kazan (4), Kirmen (5). Photo from the open Internet resource

Fig. 6. Wall restoration examples after completion of its cutting

1 – Bolgar hillfort (excavation site 205, 2014); 2 – Rostislavl hillfort (excavation site 7, 2009). Photo by V. Y. Koval

Fig. 7. Wall and tower of the burg in Yakutsk on a postcard from the beginning of the 20th c. (photo from the open Internet resource)

Fig. 8. Graphic reconstruction of the wall of the old Russian town according to P. A. Rappoport (1961. Fig. 108)

Fig. 9. Earthen fortress of the 18th c. with rampart (photo from the open Internet resource)

Fig. 10. Reconstruction of fortifications

1 – gates and wall of the fortified camp of the 6th – 8th cc. in the complex “Fanagoria” (Varna, Bulgaria); 2 – settlement in the Kernava park (Lithuania). Photo by V. Y. Koval

К. С. Носов*, А. Н. Медведь**

* РАНХиГС, Центр изучения истории фортификации

** Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Две крепости Петрока Малого: Себеж и Пронск, 1535 год. Факты и предположения

В 1530-е годы в России работал итальянский зодчий, известный по русским летописям как Петр Фрязин, Петр Малой Фрязин, или Петрок Малой. Настоящее его имя восстанавливается исследователями как Пьетро Франческо де Аннибале (*Киви-мяз*, 1997. С. 238, 240). Самое известное его творение – Китайгородская стена, возведенная сначала в виде древо-земляных укреплений (1534 г.), а позднее из камня и кирпича (1535–1538 гг.). Намного меньше известно о двух других крепостных сооружениях, в строительстве которых принимал участие «архитектон», – крепостях Себеже и Пронске. Недостаток информации об этих крепостях в источниках и несохранившиеся укрепления породили ряд гипотез.

Петрока Малого все исследователи признают незаурядной личностью. Наиболее ярко эту позицию выразил А. Н. Кирпичников: «Собранные данные позволяют судить о творческом портрете этого мастера, который возводил оборонительные сооружения в разной манере, в расчете на разного противника. Его незаурядность проявилась в том, что в Москве он предложил новую конструкцию земляного укрепления, в Себеже применил полукруглые бастеи (само это изобретение связывают с А. Дюрером), в Пронске – стены с изгибами в виде фронта тенального начертания. Если к этому добавить участие Петрока-Петра в сооружении в Москве каменных Китай-города и храма Воскресения, то перед нами вырисовывается фигура архитектора-универсала, может быть, одного из самых значительных итальянских зодчих, работавших в средневековой Московии» (*Кирпичников*, 1979. С. 482). С. С. Подъяпольский также считает, что «имя Петрока Малого твердо связано с решительными нововведениями в фортификационном

деле» (*Подъяпольский*, 1983. С. 46), хотя и не уточняет какими.

Строительство крепостей в Себеже и Пронске велось одновременно с каменно-кирпичной Китайгородской стеной. Шестнадцатого мая 1535 г. под руководством Петрока Малого началось возведение каменно-кирпичной Китайгородской стены (ПСРЛ, 2001. С. 289; 2000. С. 85, 94, 423; 2005а. С. 429; 1965. С. 17, 130), а уже 29 июня того же года Петрок Малой приступил к строительству крепости в Себеже (ПСРЛ, 2005а. С. 430). Завершена крепость в Себеже была менее чем за месяц: по Львовской летописи 20 июля (ПСРЛ, 2005а. С. 430), по Псковской Первой – 25 июля (ПСРЛ, 2003. С. 107). Возможно, к 25 июля достроены были церкви в крепости, так как именно к тому дню относится освящение церквей.

Строителем крепости в летописях назван дворецкий и воевода Иван Никитич Бутурлин (иногда и другие воеводы). О Петроке Малом в связи с Себежской крепостью в большинстве летописей упоминаний нет. Только Вологодско-Пермская летопись сообщает нам имя «городового» мастера: «Иван Микитич Бутурлин на Себеже стоял три недели, и город на Себеже поставили Ивангород, а мастер был городовой Петр Малой Фрязин архитектон» (ПСРЛ, 1959. С. 316) (рис. 1).

Следует заметить, что место для крепости было выбрано не случайно. Более того, можно предположить, что оно уже было подготовлено для строительства крепости. Двадцатого июня 1535 г. канцлер А. Гаштольд сообщал князю Радзивиллу о начале строительства московскими людьми крепости и упоминал, что Себеж ранее был пожалован одному из приближенных Сигизмунда Михаилу с тем, чтоб он там срубил «замочек» (Радзивилловские

Рис. 1. Строительство Себежа. Миниатюра ЛЛС, 2-я пол. XVI в.

акты... 2002. С. 147). Однако из-за неприязненных отношений между этим Михаилом и полоцким воеводой замок не был построен.

Из данных русских источников следует, что крепость в Себеже была в большей степени земляной, чем деревянной. В двух летописях есть прямое указание на материал строительства: «почал град дела-

ти земель» (ПСРЛ, 2005а. С. 430), «на Себеже зделали земляной город китаи» (ПСРЛ, 1978. С. 25). В других летописях материал не указан, применен глагол «поставить/поставлен» (ПСРЛ, 2000. С. 571; 2003. С. 107; 2001. С. 290, 291; 2000. С. 88; 1959. С. 316), но нигде не сказано «срубить/срублен» (что характерно для деревянных рубленых «городов»).

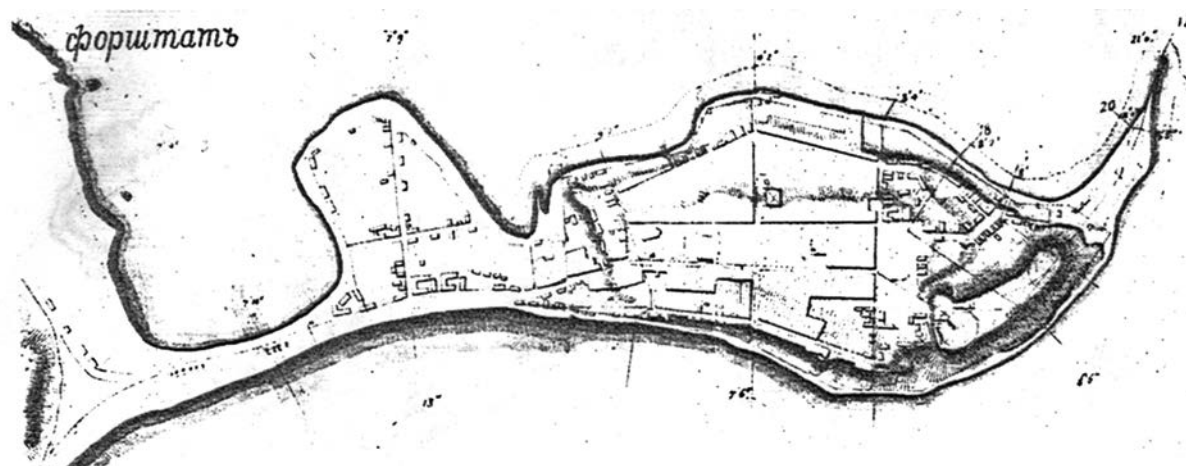

Рис. 2. План Себежа 1811 г. (по А. Н. Кирпичникову)

Однако, по данным литовских источников, Себеж был именно «срублен». Вот как описывали процесс создания этой крепости литовцы: «москва, суть на Себежи, на том городищи Себежском замок рубят и вже деи его обрубили выше стояча ч (е)ловека и в том же и струбе две церкви поставили...» (Радзивилловские акты... 2002. С. 153). Столь явный диссонанс в сведениях московских и литовских источников, вероятно, объясняется тем, что среди литовцев слово «рубить» было общим обозначением для строительства города, крепости. Для примера укажем на еще один литовский источник, касающийся земляной крепости Китай-города. Литовец Войтех, пленный московским войском еще в 1522 г. и бежавший из плена летом 1534 г., докладывал литовским чиновникам, что в «Москве около всех торгов обрублен деревянный замок почон от муру, от стяны замковое подле Неглинны-речки аж до Москвы-реки...» (Радзивилловские акты... 2002. С. 99). При этом точно известно, что Китай-город 1534 г. был земляным с элементами деревянных конструкций. Скорее всего, мы имеем дело с устоявшимся термином «рубить», который литовцы употребляли даже несмотря на то, что собственно деревянных элементов в описываемых ими укреплениях было немного. При этом этот термин показывает, что такие элементы в них были (тыны, сваи, заборы) и именно они как бы обозначали собственно крепость.

А. Н. Кирпичников считает, что Себежская крепость открыла ряд «особых, земляных» крепостей, положив «начало скоростному строительству пограничных крепостей нового типа». По мнению исследователя, крепость уже тогда имела «два полукруглых выступа-бастеи» (Кирпичников, 1979. С. 477, 478, 480). Однако такой вывод сделан лишь на основе плана 1811 г., который, на наш взгляд,

ретроспективно привлекать нужно с большой осторожностью (рис. 2).

Укрепления Себежа не сохранились до наших дней, и их конструкция остается неясной. Ближайшая по времени писцовая книга 1585–1587 гг. не содержит описания укреплений. Крепость не раз подвергалась осаде, перестраивалась и переходила из рук в руки. В 1536 г. Себежская крепость выдержала осаду большого литовского войска (ПСРЛ, 2002. С. 228, 229; 1959. С. 322). После этой осады, в 1541 г. укрепления были усилены (ПСРЛ, 2002. С. 230). В 1562 г. Себеж был сожжен литовцами, но возвращен России, в 1579 г. взят войсками С. Батория, в 1582 г. по мирному договору остался за Россией, но по соглашению 1618 г. перешел к полякам; в 1633 г. был освобожден русскими, однако в 1634 г. уступлен Речи Посполитой; в 1654 г. взят русскими, но возвращен полякам в 1678 г.; с 1705 по 1707 г. Себеж входил в состав России и был укреплен по приказу Петра I; в 1772 г. окончательно присоединен к России (Платонова, 1983. С. 52, 55). При такой бурной судьбе относить какие-либо черты на плане 1811 г. к 1535 г., на наш взгляд, не представляется возможным.

В специальном исследовании, посвященном Себежу, Р. И. Платонова отмечает, что строители Себежской крепости использовали созданные самой природой исключительные защитные качества местности. Расположенная на холме с крутыми склонами, крепость имела очень высокие земляные укрепления, поражавшие своими размерами даже в XVII в. Но вместе с тем, приспосабливаясь к рельефу местности, крепость не имела регулярной планировки. В плане она напоминала овал. Примерно такую же форму в плане имели и посадские укрепления (Платонова, 1983. С. 52, 54, 55).

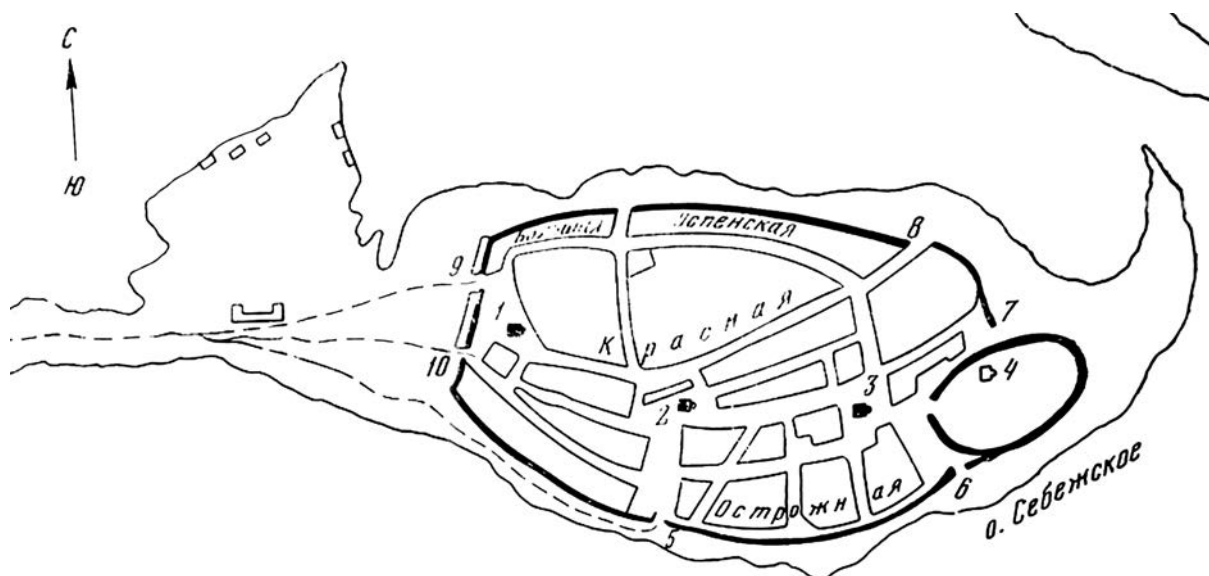

Рис. 3. План-реконструкция Себежа на конец XVI в. (по Р. И. Платоновой)

На представленных в работе Р. И. Платоновой плане-реконструкции конца XVI в. и 1778 г. не видно ни бастионов, ни выступов-бастей (рис. 3).

Крепость в Пронске была заложена осенью то ли 1535 г., то ли 1536 г. В Разрядной книге сообщается, что 10 сентября 7044 г. (1535 г.) «приговорил князь великий на Пронском городище поставить городок Пронеск» и направил туда воевод А. В. Кашина-Оболенского и Н. Б. Туренина с ратью (Разрядная книга... 1966. С. 90). Никоновская летопись также сообщает, что «град на Проне» был поставлен в 7044 г. (ПСРЛ, 2000. С. 428), к тому же году относит это событие Львовская летопись, которая еще уточняет: «поставлен град на Проне на старом городище» (ПСРЛ, 2005а. С. 440). Имя «горододелца» в этих источниках не названо. В Русском хронографе указано имя мастера, но год стоит другой: «В лета 7045, октября в 8 день, повелением государя нашего великого князя Ивана Васильевича вся Руси [и] матерее его великия княгини Елены поставлен город на Пронску, а мастер был Петр Фрязин Малой» (ПСРЛ, 2005б. С. 524). В. М. Неделин логично предположил, что 10 сентября 1535 г. в Пронск для охраны строителей от внезапного нападения татар направили воеводу с ратью, а 8 октября 1535 г. была заложена крепость, сооружение которой завершилось уже в конце осени или в начале зимы того же года, и Петрок Малой вернулся в Москву завершать Китайгородскую стену (Неделин, 2007. С. 59). Однако некоторые исследователи считают, что Пронская крепость была построена в 1536 г.

(Подъяпольский, 1983. С. 35; 1991. С. 228), а иногда даже в 1537 г. (Мильчик, 2009. С. 135).

А. Н. Кирпичников в работе 1979 г. писал: «Примеры включения в периметр стены остроугольных выступов, предвосхищающих фронт тенального начертания, наблюдаются в крепостях Велижа и особенно Пронска, построенных в 1535–1536 гг.» (Кирпичников, 1979. С. 482). По мнению исследователя, Петрок Малой «возводил оборонительные сооружения в разной манере, в расчете на разного противника»: в Себеже применил полукруглые бастей, в Пронске – стены с изгибами в виде тенального начертания (Кирпичников, 1979. С. 482). С ним не согласился В. М. Неделин, который считает: «Подобная конфигурация линии крепостных стен была обусловлена вовсе не проектом Петрока, а рельефом местности, где имеются несколько подтреугольных береговых уступов... Угловое начертание береговых обрывов действительно обеспечивало плотный перекрестный огонь подступов к крепости со стороны ручья, и Петрок Малой лишь воспользовался этим, поставив крепостную стену по трассе древнейших укреплений еще XIII в.» (Неделин, 2007. С. 66.) (рис. 4).

По мнению В. М. Неделина, Петрок Малой ответственен за перестройку в Пронске напольных стен (как Рубленого города, так и острога), которые получили начертание в виде выступавшего наружу тупого угла. Этот вывод сделан на основе плана Пронска XVIII в. Посередине приступной стены Рубленого города Петрок поставил новые крепостные ворота: «Выступавшая вперед в виде тупого

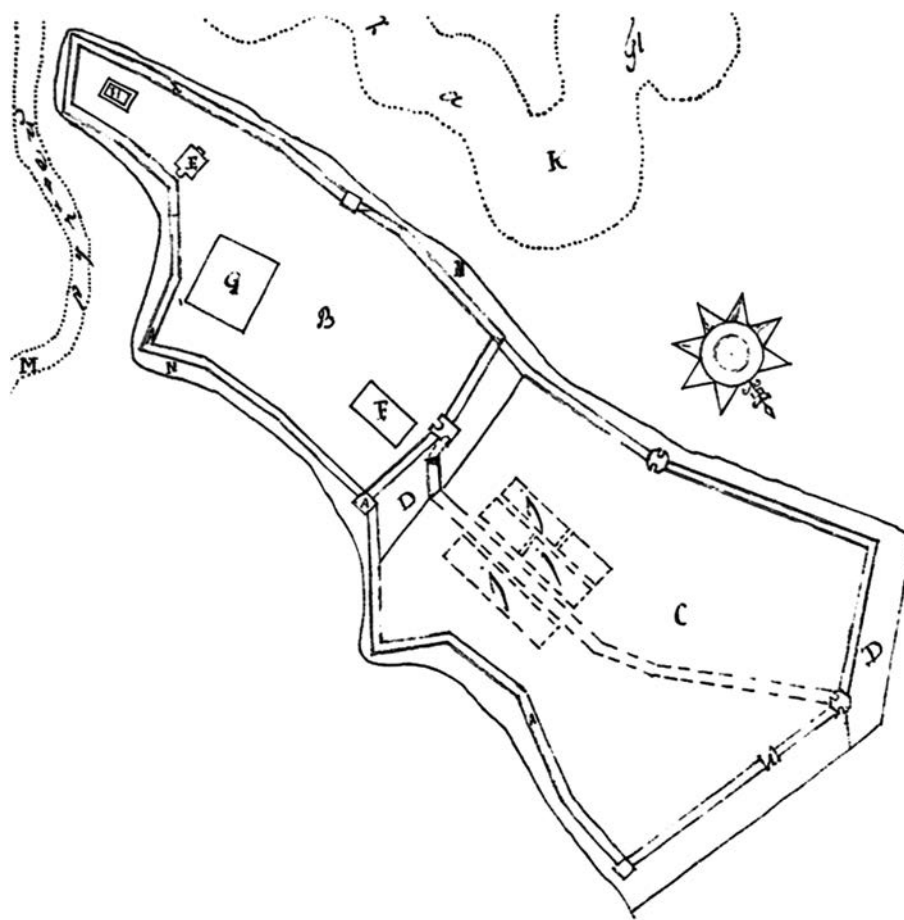

Рис. 4. План Пронска XVIII в.

угла крепостная стена «разбивала» строй атакующих, а с венчавшей угол мощной воротной башни можно было «очищать» фланговым огнем подножие вала и дно рва», — пишет В.М. Неделин. Воротный проезд в этой башне имел «Г-образный план («косые» ворота)». «Косые» ворота, а также бойницы подошвенного боя, ставшие «фортификационной новинкой», примененной Петроком в Пронске. По верху земляного вала с плетневыми конструкциями проходила традиционная для Московии деревянная стена с башнями. Так представляет деятельность итальянского мастера в Пронске В.М. Неделин. А в целом исследователь считает, что Петро Малой внес в отечественную фортификацию следующие «конструктивные приемы и новшества»: земляные валы с плетневой одеждой; прямолинейные прясла стен и равномерную расстановку башен; выступающие в виде тупого угла в «приступную» сторону стены; «косые» ворота; бойницы подошвенного боя, отводную башню (Неделин, 2007. С. 62, 63).

Приписывание большинства перечисленных «фортификационных новинок» Петроку Малому

вызывает серьезные сомнения. Почти все эти «конструктивные приемы и новшества» можно найти в русских крепостях, выстроенных еще до появления в России этого мастера. Прямолинейные участки стен и равномерную расстановку башен можно видеть в Московском Кремле (1485–1495/1499), Ивангороде (1492–1498/99), Тульском кремле (1507–1520) и других крепостях. Восточный фронт Московского Кремля — «приступная» сторона — выступает именно в виде тупого угла со Спасской башней во главе этого угла. «Косые» ворота (с Г-образным проездом) были реализованы еще в Пятницких и Одоевских воротах Тульского кремля (Косточкин, 1960. С. 78, 80) и в Косых воротах Коломенского Кремля (1525–1531 гг.) (Сергеева-Козина, 1952. С. 153; Мазуров, 2015. С. 73). Бойницы подошвенного боя также были реализованы в русском оборонительном зодчестве предшествующего времени: они есть в пряслах Новгородского (1484–1491 гг.), Нижегородского (1500–1512/1517 гг.), Тульского, Коломенского и Зарайского (1528–1531 гг.) кремлей, в Московском Кремле видны на «Кремленаграде» и рисун-

Рис. 5. Венгерская крепость Сабач. Гравюра неизвестного немецкого мастера по эскизу Михаила Вольгельмута (1434–1519 гг.) или Вильгельма Плейденвурфа (ум. в 1494 г.)

ках Мейерберга. Отводные башни были и в Московском Кремле, а положение Отводной башни в Пронске точно не установлено. Таким образом, из всех перечисленных В.М. Неделиным «новинок» остается только одна, которую определенно можно связать с Петроком Малым, – валы с плетневой одеждой.

Выводы В.М. Неделина о конструкции укреплений основаны на сведениях Писцовой книги 1596–1598 гг., составленной через 60 с лишним лет после сооружения крепости, а также плане Пронска XVIII в. Сам исследователь признает: «Несомненно, между 1535 и 1596 гг. городские укрепления ремонтировались, и, вероятно, не раз, особенно после осады 1541 г., но вряд ли облик крепости из-

менился так уж капитально» (Неделин, 2007. С. 59). На наш взгляд, он вполне мог измениться капитально. Поэтому выполненная В.М. Неделиным реконструкция укреплений Пронска представляется безусловно ценной, но только для последнего десятилетия XVI в. Аппроксимировать ее на крепость Петрока Малого, на наш взгляд, не стоит. При временном разрыве более чем в полстолетия ретроспективные выводы следует делать с большой осторожностью.

На плане Пронска XVIII в. острог обозначен как «китай-город». На этот факт впервые обратил внимание А.Н. Кирпичников, который связал название «китай» с работой Петрока Малого и предположил, что первоначально укрепления Пронска были

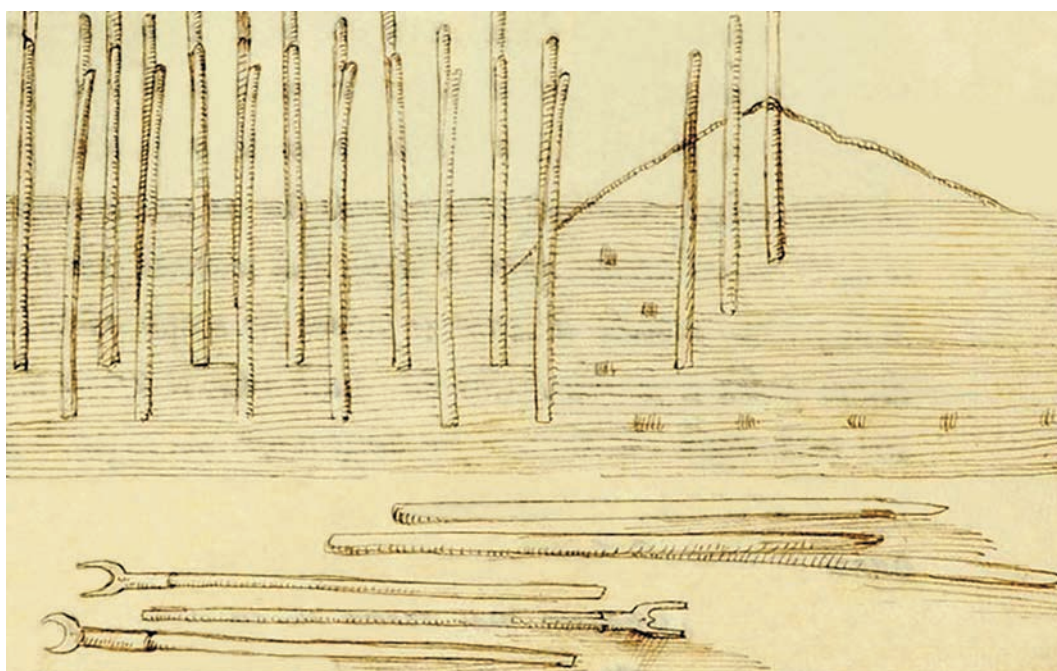

Рис. 6. Свайная конструкция как основа земляной стены.
Рис. из «Трактата о земляных укреплениях» Д. Б. Белуцци. (1540–1554 гг.)

из плетня (Кирпичников, 1979. С. 482). Исследователь также провел параллель между укреплениями Себежа и Пронска и первыми китайгородскими укреплениями, построенными Петроком Малым в Москве в 1534 г. Хорошо известно, что там были сооружены земляные укрепления с плетневой одеждой, что, по мнению исследователей, и дало название «Китай»: слово это в русских говорах обозначало плетеную, наполненную землей корзинку (Тихомиров, 1962. С. 75; Кирпичников, 1979. С. 476).

Когда в 1534 г. началось строительство Китайгородской стены в Москве и сначала (до постройки каменно-кирпичных стен) возвели древо-земляные укрепления, летописец с удивлением отметил «мудрость» конструкции: «и устроиша хитрецы велми мудро: начен от каменныя стены [Кремля], и сплетаху тонкий лес около болшаго древия и внутрь насыпаху землю и велми крепко утверждаху <...> и на версе устроиша град по обычаю» (ПСРЛ, 2000. С. 567).

По данным Ласло Геро, плетневая конструкция «широко применялась в первой половине XVI в. итальянскими фортификаторами, строившими бастионные крепости в придунайских землях» (Подъяпольский, 1983. С. 37). На одной гравюре конца XV или начала XVI в. можно видеть венгер-

скую крепость Сабач. Куртины этой крепости сооружены из плетня, закрепленного вокруг вертикальных столбов (рис. 5).

О том, что земляные укрепления с деревянными элементами были достаточно распространены в Европе эпохи чинквеченто, свидетельствует трактат итальянского фортификатора Джованни Баттисты Белуцци *«Tratato delle fortificationi di terra»* («Трактат о земляных укреплениях»), созданный между 1540 и 1554 гг.¹ В нем автор подробно рассматривает технологию создания полевых укреплений с использованием земли и деревянных конструкций (в том числе плетеных). Особый интерес для нашей темы представляют разделы, где описывается методика создания системы деревянных свай, связанных друг с другом веревками и составляющими основу конструкции стены (рис. 6). Пустое пространство засыпалось землей, после чего стена обкладывалась дерном либо фашинами из веток.

Сверху на стене размещались плетеные корзины-габионы различной формы, позволявшие создавать разнообразные конфигурации укрепления. Причем вместо корзин на стене могли размещаться плетневые стены (рис. 7). Последние, безусловно, не защищали от огнестрельного оружия (в отличие от габионов), но могли стать неплохой

¹ Код доступа: <https://www.wdl.org/ru/item/10651/view/1/1/>.

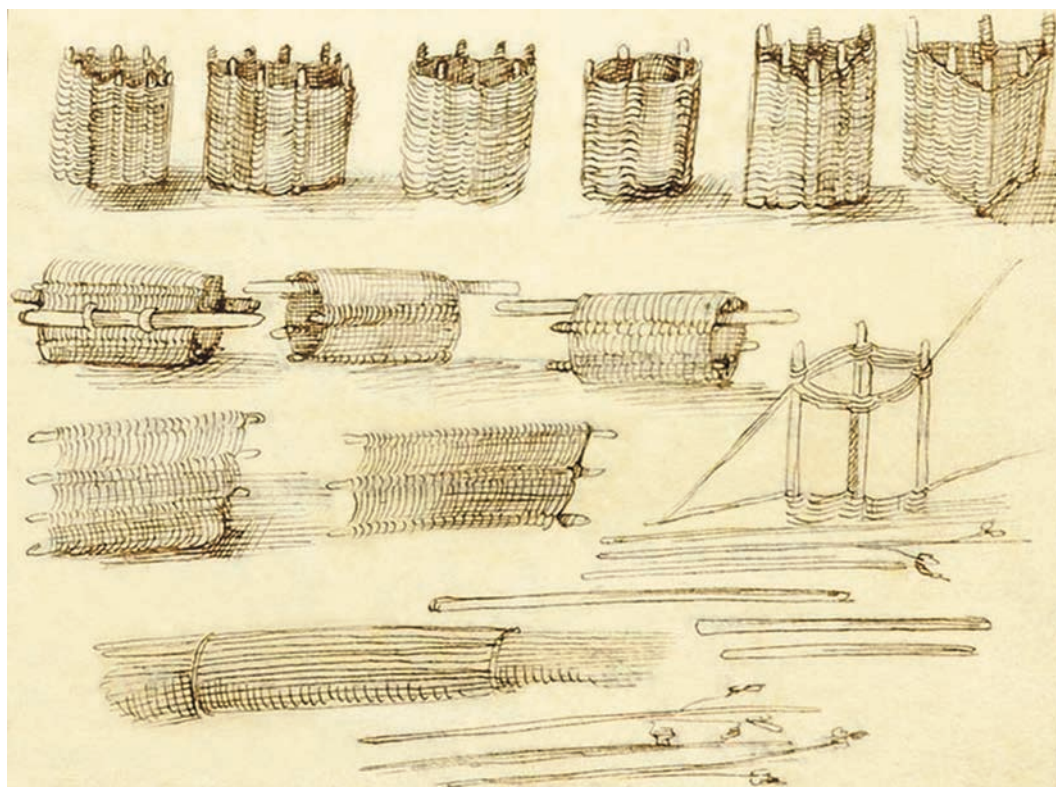

Рис. 7. Плетеные конструкции-габионы, размещавшиеся на верху стены.
Рис. из «Трактата о земляных укреплениях» Д. Б. Белуцци. (1540–1554 гг.)

защитой от стрел, которые все еще использовались в первой половине XVI в.

В целом же конструкция стен, описанная Белуцци, могла использоваться как для обороны от огнестрельного оружия, так и для обороны с использованием оногo. Автор почти не затронул тему конфигурации земляных укреплений, очевидно, предоставив решение этой проблемы в зависимости от конкретной ситуации (рельефа местности, наличия достаточного количества материалов и даже времени года). При этом Белуцци привел довольно много числовых данных, которые могли использоваться строителями: высота и ширина стен, толщина парапетов и т. п. Эти цифры давались им в различных системах отсчета (локтях, футах и шагах), вероятно, для того, чтобы эту систему можно было использовать в разных регионах Италии, не имевшей единой метрологии.

Конечно, трактат Белуцци был создан в более позднее время, чем строились «китай» в Московском государстве, однако можно предположить, что технология создания земляных фортификаций в целом была довольно консервативной и за 20–30 лет претерпела незначительные изменения. Вполне возможно, что Петрок Малый до своего отъезда из Италии в конце 1520-х гг. мог наблюдать (или даже создавать) нечто похожее на севере Италии.

На наш взгляд, важным отличием ситуации в Италии в середине XVI в. от ситуации в Московском государстве являлось использование иногда земляных укреплений лишь в качестве дополнения к старым каменным крепостям. Многие из этих крепостей не были приспособлены для применения огнестрельного оружия. В Московии же земляные укрепления с деревянными элементами были отдельными объектами, не связанными с каменными крепостями.

Подводя итог, отметим, что, на наш взгляд, нельзя делать выводы о конструкции укреплений Себежа и Пронска на основании намного более поздних планов и описей. Единственное, что мы точно знаем об укреплениях в Себеже и Пронске 1535 г.: они представляли собой древо-земляные сооружения плетневой конструкции, хорошо известной итальянским фортификаторам и впервые примененной на русской земле Петроком Малым в Китайгородской стене 1534 г. На это указывает слово «китай», встречаемое для всех трех этих сооружений, указание русских источников о возведении земляной крепости в Себеже и сжатые сроки строительства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00032.

Литература

- Кивимяэ Ю., 1997. Петр Фрязин или Петр Ганнибал? Итальянский архитектор в позднесредневековой Руси и Ливонии // Крепость Ивангород: Новые открытия. СПб.: Наука. С. 236–245.
- Кирпичников А. Н., 1979. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1978 г. М.: Наука. С. 471–499.
- Косточкин В. В., 1960. Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М.: АН СССР. С. 42–96.
- Мазуров А. Б., 2015. Коломенский кремль – символ России и Подмосковья: История выдающегося памятника русского оборонного зодчества. Коломна: Лига. 160 с.
- Мильчик М. И., 2009. Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами // Коломна и Коломенская земля: история и культура. Коломна: Лига. С. 128–146.
- Неделин В. М., 2007. Петрок Малой Фрязин – архитектор крепости Пронск, 1535 год // Архитектурное наследие. Вып. 47. М.: ЛКИ, 2007. С. 57–67.
- Платонова Р. И., 1983. Планировочная структура «псковского пригорода» Себежа в конце XVI в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Стиль, атрибуции, датировки. М.: Наука. С. 51–63.
- Подъяпольский С. С., 1983. Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Стиль, атрибуции, датировки. М.: Наука. С. 34–50.
- Подъяпольский С. С., 1991. Итальянские строительные мастера в России в конце XV – начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря) // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. Вып. 1. М.: ВНИИТАГ. С. 218–233.
- ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: ЯРК, 2000. 728 с.
- ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М.: ЯРК, 2003. 256 с.
- ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: ЯРК, 2001. 312 с.
- ПСРЛ. Т. XIII. Никоновская летопись. М.: ЯРК, 2000. 544 с.
- ПСРЛ. Т. XX. М. Львовская летопись. М.: ЯСК, 2005а. 704 с.
- ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. Русский хронограф. М.: ЯСК, 2005б. 896 с.
- ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-пермская летопись. М.–Л., 1959. 413 с.
- ПСРЛ. Т. XXIX. Летописец начала царства Ивана Васильевича. М.: Наука, 1965. 390 с.
- ПСРЛ. Т. XXXIV. М.: Наука, 1978. 304 с.
- Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. М. – Варшава, 2002. 268 с. (Памятники истории Восточной Европы. Т. VI).
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. С. 90.
- Сергеева-Козина Т. Н., 1952. Коломенский кремль (опыт реконструкции) // Архитектурное наследие. Вып. 2. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре. С. 133–163.
- Тихомиров М. Н., 1962. Россия в XVI столетии. М.: АН СССР. 584 с.

K. S. Nosov, A. N. Medved'

Two fortresses by Petrok Maloy: Sebezh, and Pronsk, 1535. Facts and assumptions

Summary

Two fortresses (Sebezh and Pronsk), built in 1535 with the participation of the Italian architect Pietro Francesco de Annibale, known by Russian sources as Petrok Maloy, are considered in the work. The information of Russian and Lithuanian sources reporting the construction of these fortresses is analyzed. The

reconstructions of the fortresses Sebezh and Pronsk proposed by modern researchers are criticized. It has been suggested that in these fortresses, as well as in the Kitay-Gorod wall of 1534, Petrok Maloy used wattle-and-timber structures, known from the Belucci treatise and other works of Italian fortifiers.

List of figures

Fig. 1. Construction of Sebez. Illuminated Compiled Chronicle miniature, 2nd half of the 16th c.

Fig. 2. Sebez Plan 1811 (by A. N. Kirpichnikov)

Fig. 3. Sebez on the reconstruction plan of the late 16th century and on plan 1778 (by R. I. Platonova)

Fig. 4. The plan of Pronsk of the 18th c.

Fig. 5. Hungarian fortress Sabach. Engraving by an unknown German master according to a sketch by Mikhail Volgelmut (1434–1519) or Wilhelm Pleidenwurf (died in 1494)

Fig. 6. Pile construction as the basis of an earthen wall. Fig. from «Tratato delle fortificatio ni de terra» by D. B. Beluzzi (1540–1554)

Fig. 7. Wicker gabion structures, located on the top of the wall. Fig. from «Treatise on earthworks» by D. B. Beluzzi (1540–1554)

П. Д. Малыгин*, С. В. Богданов**

* Институт археологии РАН, Москва

** Тверской государственный университет, Тверь

Датировка археологизированных средневековых оборонительных сооружений: проблемы и решения (на примере Тверского кремля)

Оборонительные укрепления – это один из важнейших признаков средневекового города. По датировке укреплений определяется зачастую время основания города, летописная дата основания которого неизвестна. В первую очередь это касается княжеских крепостей. Определенно, к таким городам относится и Тверь. Между тем в отношении датировки оборонительных сооружений Твери сложилась непростая ситуация.

В четырех раскопах вдоль берегов Волги и Тьмаки изучены археологизированные оборонительные сооружения Тверского кремля, однако полученные данные весьма противоречивы.

В 1983 г. Н. В. Мясниковой (Жилиной) в раскопе на месте прибрежных укреплений мысовой части кремля было зафиксировано срубное сооружение, интерпретированное как «остатки крепостной башни» (Жилина, 2003. С. 276–278. Рис. 7) (рис. 1). Слой с остатками этого сооружения связали с оборонительной линией Тверского кремля второй половины – конца XIII в. (Жилина, 2003. С. 278). Более древних укреплений на этом участке выявлено не было, как не обнаружены вал и какие-либо вну- тривальные конструкции.

В 2013 г. в раскопе 23 экспедицией ТНИИР-Центра изучены остатки тьмацкой линии оборонительных сооружений Тверского кремля – хаковые конструкции, частокол и «полусрубы». Раскоп располагался на берегу р. Тьмаки примерно в 150 м к югу от берега р. Волги (рис. 1). Протяженность изученного фрагмента оборонительных сооружений по направлению Ю – С составила 10 м (рис. 2). Авторы отчета и последовавшей в 2016 г. публикации характеризовали изученные хаковые конструкции как древнейшие и датировали их по данным радиоуглеродного анализа 20 об-

разцов с дубовых бревен серединой – второй половиной XII в. и не позднее середины XII в. (Хохлов, Иванова, 2016. С. 27, 32–34; Беляев, Сафарова, Хохлов, 2015. С. 89). Исследователи считают, что в конце XII – первой трети XIII в. хаковая конструкция была разрушена, отремонтирована, а после 1238 г. на ее месте построены так называемые полусрубы, заполненные грунтом.

В 1998 г. экспедиция ТНИИР-Центра в раскопе на участке тьмацкой линии укреплений Тверского кремля выявила вал (рис. 1). Древнейший вал, по мнению авторов раскопок, был сооружен поверх культурного слоя конца XI – второй половины XII в. (Хохлов, Нестерова, 2001. С. 272) «без каких-либо деревянных внутренних конструкций» и на его гребне не было крепостной стены (Хохлов, Нестерова, 2001. С. 291). В заполнении тела вала обнаружено шиферное пряслице первой половины XIII в., а также фрагменты венчиков, аналогии которым встречены в Твери в слое первой трети XIII в. (Хохлов, Нестерова, 2001. С. 286). При этом определенной даты возведения вала авторы так и не назвали.

Наконец, южную часть тьмацкой линии укреплений могли выявить в раскопе 1985 г. (руководитель Л. А. Попова), в непосредственной близости от берега р. Тьмаки (рис. 1), но каких-либо следов вала или оборонительных конструкций зафиксировано не было (Попова, 1985). Выявленные здесь древнейшие горизонты застройки по данным дендрохронологического анализа и комплексу находок датированы серединой – концом XIII в. (Попова, 1987. С. 93; Курбатов, 1994. С. 186).

Таким образом, в отношении тьмацкой линии укреплений Тверского кремля возникают две проблемы – датировка хаковых конструкций и существование вала на этой линии укреплений.

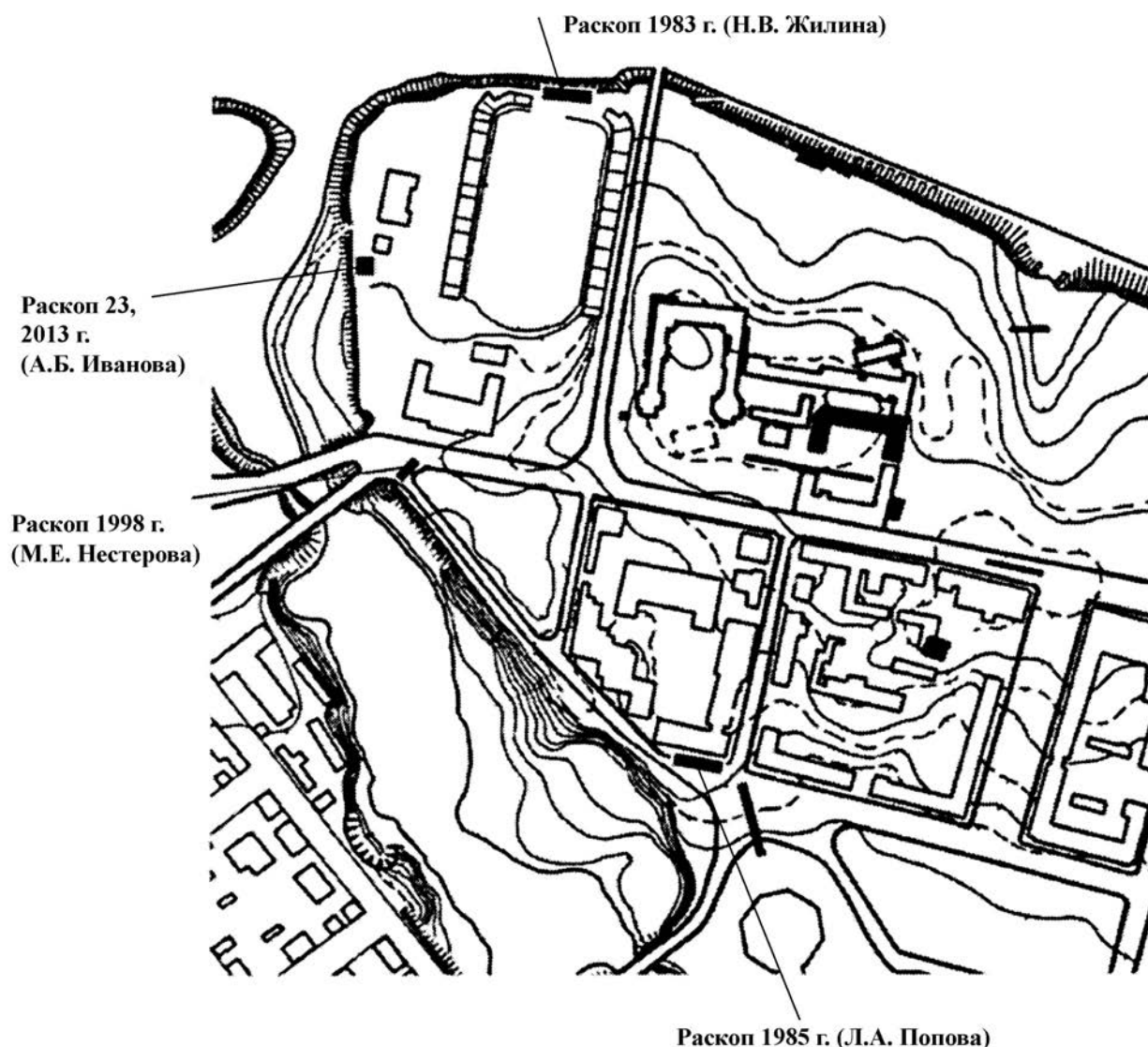

Рис. 1. План расположения раскопов 1983, 1985, 1998 и 2013 гг.

Датировка оборонительных сооружений в раскопе 23 вызывает серьезные возражения. Определяющим в реконструкции для авторов стал северный профиль раскопа, но он не показательный, в нем фиксируется большая западина, куда оплывал культурный слой со всеми конструкциями. Гораздо информативнее южный профиль, авторами почему-то не опубликованный (не считая мелкой фотографии южной стенки в публикации – Хохлов, Иванова, 2016. Цв. вкл., рис. 53).

Между тем анализ и опубликованной фотографии, и фотографий южной стенки в отчете, и стратиграфии западной части южного профиля показывает, что материк здесь имеет горизонтальную поверхность, а древнейшие напластования ничем и никак не нарушены (рис. 3). Очевидно также, что частокол № 1 – конструкция, соору-

женная до хаковой стены, следовательно, и более ранняя. Напомним, авторы публикации датируют его второй половиной XII в., что не согласуется с их датировкой хаковых конструкций не позднее середины XII в.

Таким образом, анализируемая часть южного профиля делает невозможным предположение авторов о том, что «возведена она (частокол № 1. – П. М., С. Б.) была во время ремонта или реконструкции укреплений, через *значительное время* (курсив наш. – П. Д., С. Б.) после строительства первоначальной дубовой стены» (Хохлов, Иванова, 2016. С. 35).

По южному профилю, который, по нашему мнению, является самым информативным, представляется очевидным, что основания хаков и полусрубов лежат на одном уровне и в одном и том же слое,

Рис. 2. Общий план расположения сооружений 1 и 2 в раскопе 23. Вид с севера
(по: Хохлов, Иванова, 2016. С. 29. Рис. 13)

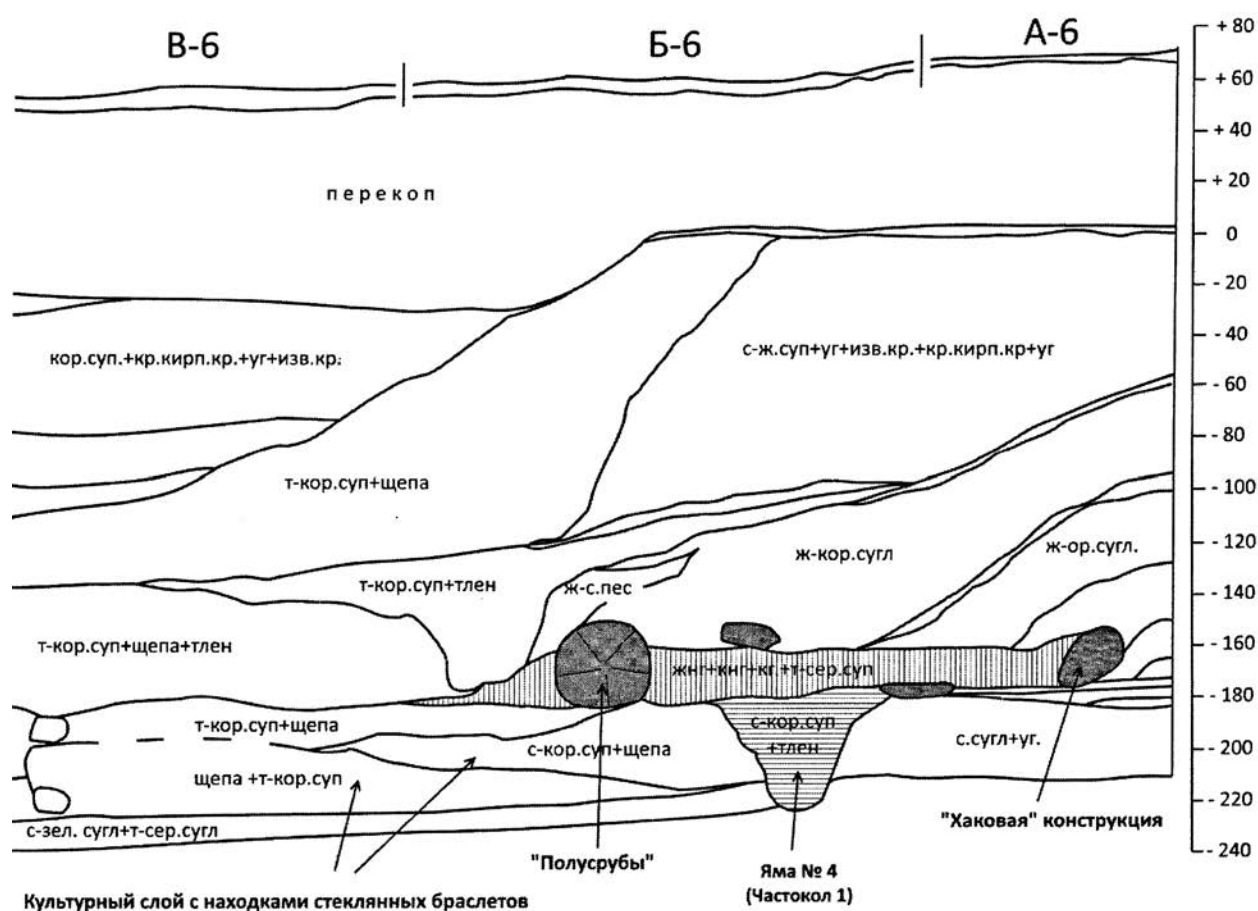

Рис. 3. Фрагмент стратиграфии западной части южного профиля раскопа 23
(прорись по: Иванова, 2014)

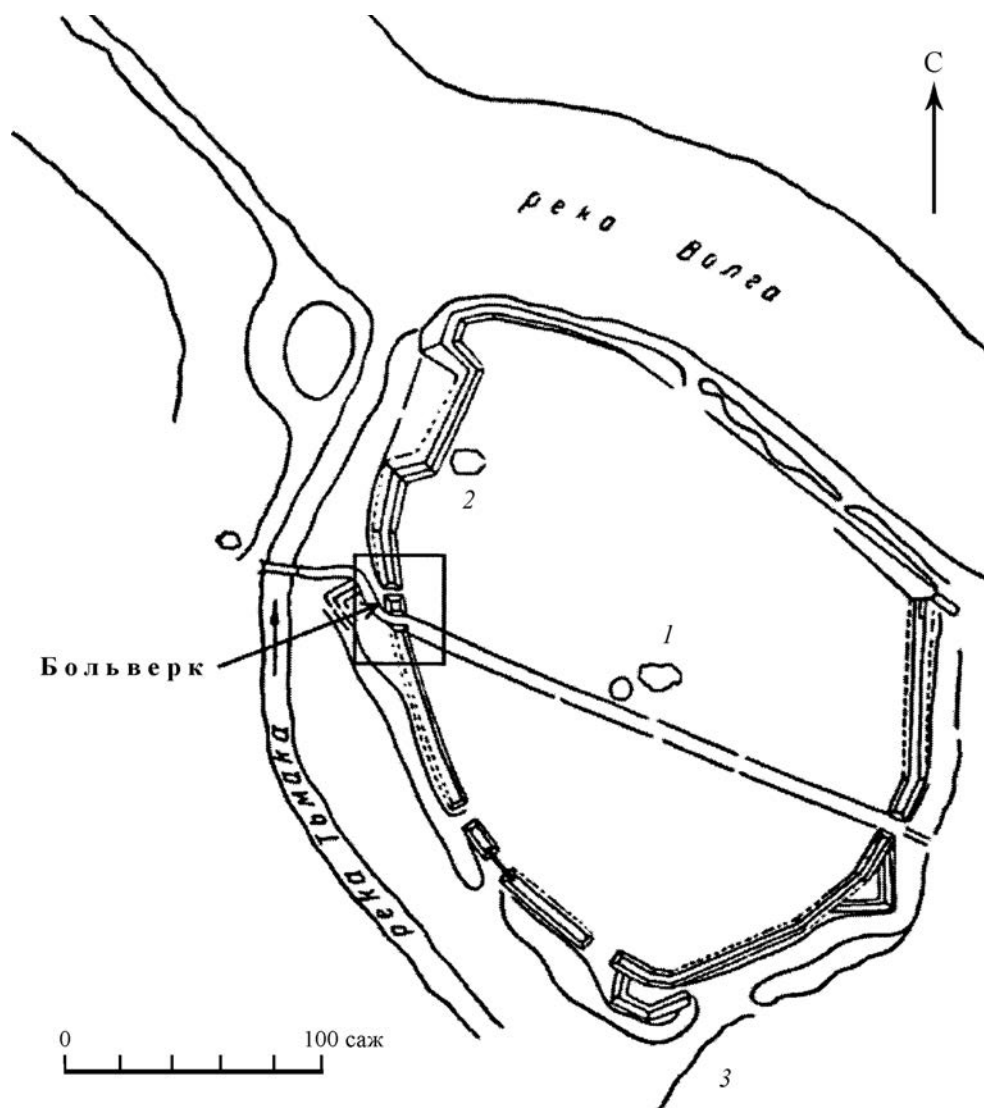

Рис. 5. Болверк на плане Твери А. Пегина 1800 г. (по: Рикман, 1953. С. 40)

перекрытом прослойкой серой супеси с углем (рис. 3). Никаких деталей стратиграфии на чертеже, свидетельствующих о вторичности сосновых полусрубов, мы не видим, это единое с хаковой конструкцией сооружение. Таким образом, дубовую хаковую крюковую конструкцию стены следует датировать по дендродатам сосновых полусрубов, младшая из которых – 1238 г.

Отметим важное обстоятельство: в квадратах Б6 – Б3, В6 – В3, Г6 – Г3 (до границы западины) в пластах 21–23 в культурном слое, отложившемся до сооружения хаковой стены, есть находки стеклянных браслетов (в общей сложности 18 фрагментов), не единичны такие находки и в западине, заполненной оплывавшим культурным слоем явно до сооружения оборонительной стены. По этому критерию (начало бытования стеклянных

браслетов) хаковая стена должна датироваться временем после середины XII в.

Что касается вала тьмацкой линии Тверского кремля, то получается, что он фиксируется только в одном месте. Нам представляется, что это не остатки прибрежного вала. Рискнем высказать предположение, что в 1998 г. были вскрыты следы «Тьмацких ворот», упоминаемых в Рогожском летописце под 1375 г.: «Тако и пошли бьяся кь Тьмацкимъ воротомъ, мость зажъгли» (ПСРЛ, 2000. Стб. 114) (рис. 4). Более того, мы не исключаем, что вскрытая насыпь могла быть связана с сооружением болверка в начале XVIII в. (рис. 5).

Таким образом, данные, полученные на раскопах 1983, 1985, 1998 и 2013 гг., не позволяют говорить о сооружении тьмацкой линии укреплений Тверского кремля ранее середины XIII в.

Литература

- Беляев Л. А., Сафарова И. А. Хохлов А. Н., 2015. Новые сведения о средневековой Твери // Институт археологии: новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН. С. 89–91.
- Жилина Н. В., 2003. Тверской кремль: Этапы строительства укреплений и роста городской территории // Кремли России. М.: ФГУ МЗ «Московский Кремль». С. 271–291.
- Иванова А. Б., 2014. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля г. Твери в 2013 году (ул. Советская, д. 1а, стадион «Химик», раскоп № 23). Тверь / Архив ИА РАН. Р-1. № 40470–40472.
- Курбатов А. В., 1994. Опыт анализа культурных отложений на территории Тверского Кремля (по раскопкам Л. А. Поповой в 1985 г.) // ТАС. Вып. 1. Тверь: Книжно-журнальное изд-во. С. 184–188.
- Попова (Царькова) Л. А., 1987. Исследования в Твери // АО 1985 года. М.: Наука. С. 93.
- Попова Л. А., 1985. Отчет об охранно-археологических исследованиях в г. Калинин на территории б. Тверского кремля. 1985 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11056.
- ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: ЯРК, 2000.
- Рикман Э. А., 1953. Новые материалы по топографии древней Твери // КСИИМК. Вып. 49. С. 39–84.
- Хохлов А. Н., Иванова А. Б. 2016. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2103 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // ТТЗ. Вып. 9. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр. С. 17–86.
- Хохлов А. Н., Нестерова М. Е., 2001. К характеристике Тьмацкой линии укреплений Тверского кремля (по материалам раскопок 1998 г.) // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь: Изд. «1 да». С. 268–293.

P. D. Malygin, S. V. Bogdanov

Dating of archaeological medieval defensive structures: problems and solutions (on the example of the Tver Kremlin)

Summary

The authors consider the problem of the existence of a line of fortifications of the Tver Kremlin in the middle of the 12th c. The analyze of archaeological materials that were obtained by various researchers during excavations in 1980s –2010s allowed the authors

finally conclude that the tmataskaya line of fortifications of the Tver Kremlin was built not earlier than the middle of the 13th c. It is especially emphasized that this part of the fortifications of the Tver Kremlin did not have a rampart.

List of figures

Fig. 1. The layout of the excavations 1983, 1985, 1998 and 2013

Fig. 2. The general plan of the location of structures 1 and 2 in the excavation site 23. View from the North

Fig. 3. Fragment of the stratigraphy of the western part of the southern profile of the excavation site 23

Fig. 4. T'matskiye gate on the Tver plan. Reconstruction of E. A. Rickman (1953. P. 47)

Fig. 5. Bolverka on the plan of Tver (by Rickman, 1953. P. 40)

А. Н. Хохлов*, А. Б. Иванова**

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *ТНИИР-Центр, Тверь*

О датировке тьмацкой линии укреплений Тверского кремля

19 апреля 2019 г. в музее-заповеднике «Дмитровский кремль» в г. Дмитрове на конференции «Оборонительные укрепления малых городов России» состоялся доклад П. Д. Малыгина и С. В. Богданова «Датировка археологизированных средневековых оборонительных сооружений: проблемы и решения (на примере Тверского кремля)». Авторы, рассматривая укрепления Тверского кремля, в том числе и материалы раскопа 23 (2013 г.), где выявлена дубовая стена гаковой конструкции и более поздние сосновые полусрубы (трехстенные срубы), предложили рассматривать обнаруженные в раскопе деревянные конструкции как построенный в одно время единый комплекс и датировать его 1238 г. Все построения П. Д. Малыгина и С. В. Богданова базируются на основании анализа только одной фотографии¹ и *одного чертежа* – стратиграфии южной стенки раскопа, другая документация (чертежи стратиграфии, планы) не используется, при этом не учитываются ни особенности залегания в раскопе слоев и прослоек, ни расположение конструкций в плане.

В своем докладе авторы исходят из следующих тезисов:

1) материк раскопа у южного профиля раскопа 23 имеет горизонтальную поверхность и ничем не нарушен;

2) основание гаковых конструкций дубовой стены и сосновые полусрубы лежат на одном уровне и в одном и том же слое;

3) в культурном слое пластов 21–23, отложившемся до строительства дубовой стены, есть находки стеклянных браслетов, в общей сложности 18 фрагментов, что, по их мнению, указывает на датировку всех конструкций.

Оборонительные сооружения тьмацкой линии Тверского кремля укреплений были вскрыты в раскопе 23 не узкой прорезкой, а площадью в ширину 10 м, работы проводились пластами мощностью 10 см с фиксацией массовых находок в пределах пластов по слоям.

Обратимся к материалам раскопа 23, используя информацию не одного чертежа, а всего комплекса документации – фотографий и чертежей пластов, чертежей выявленных деревянных сооружений в плане, стратиграфических разрезов, связанных с западной частью раскопа, в которой были обнаружены фортификационные сооружения (стратиграфические разрезы по южной, западной и северной стенкам раскопа).

В настоящей публикации рассматриваются стратиграфия и планиграфия тех квадратов, в границах которых сохранились деревянные конструкции, связанные с оборонительной линией Тверского кремля, и прилегающий к ним культурный слой (кв. А²-В/1-6).

Поверхность материка и древнейшего культурного слоя, выявленные в раскопе 2013 г., не горизонтальны, большая часть материка занята западиной естественного происхождения, что оказало

¹ Утверждения авторов доклада о том, что на фотографии хорошо виден горизонтальный материк, основано на недоумении. На этой фотографии представлены конструкции дубовой стены и сосновых полусрубов не на уровне материка, а на уровне пласта 22, имеющего, согласно методике полевых работ, горизонтальную поверхность. Поверхность материка видна только в правой верхней части фотографии, она уже возвышается над уровнем пласта. На остальной площади пласта поверхность материка расположена ниже и она не горизонтальна.

существенное влияние на характер накопления культурного слоя.

Существование на исследованном участке западины естественного происхождения повлияло на характер использования участка. Вероятнее всего, в первую очередь были освоены более высокие участки рельефа. На начальном этапе антропогенного освоения исследованный участок использовался в качестве пахотных земель. Нижняя часть заполнения западины формировалась постепенно, прослойки грунта перемещались под воздействием сил природного характера. Из слоя происходят индивидуальные находки и фрагменты гончарных круговых сосудов, которые датируются по аналогиям соответственно X–XII вв. и рубежом XI–XII – концом XII в. (Хохлов, Иванова, 2016. С. 20).

Пашенная стадия освоения участка через некоторое время сменилась огородной стадией, что предполагает наличие застройки на прилегающих участках. Именно с этим периодом связана активизация антропогенной деятельности и начало формирования культурного слоя еще до начала застройки непосредственно на данной территории.

На период рубежа XI–XII – первой половины – середины XII в. (1-й строительный период) рельеф участка неровный, в его северной части сохраняется западина природного происхождения. В границах раскопа в это время фиксируется только жилая зона застройки (постройка 12, двор которой был ограничен частокколами 2 и 3).

Второй строительный период (середина – вторая половина XII в.) начинается со строительства оборонительной стены в западной части раскопа (рис. 1–4). Изменяется топография участка, жилая и хозяйственная застройка смещается к юго-востоку и северо-востоку (в юго-восточной части постройка 10 сменяет постройку 12, затем ей на смену приходит постройка 9, в северной части участка возводится постройка 11, ей на смену приходит постройка 8, границы усадьбы ограничены частокколом 11. В южной части участка появляется постройка 7, границы этой усадьбы определяет частоккол 14).

Рельеф участка неровный, продолжает фиксироваться западина. До начала строительства оборонительной конструкции западина локально, в месте установки конструкций, засыпается культурным слоем и древней почвой, срезанным с расположенных рядом участков. Срезанный культурный слой содержит фрагменты гончарной круговой керамики (Хохлов, Иванова, 2016. Рис. 21. С. 32, 33), формы которых находят аналогии среди форм первой половины – середины XII в. из Твери, Ростова и рубежа XI–XII – конца XII в. из Торжка (Хохлов,

Иванова, 2016. С. 32). Датировка подобных форм может быть уточнена по материалам Десятинного I раскопа в Новгороде, где они встречены в слоях второй половины XI – первой половины XII в. (Олейников, 2019. С. 13–21, 28–36).

Слои засыпки дубовой стены (рис. 2) содержат вещевые находки и фрагменты гончарной круговой керамики (Хохлов, Иванова, 2016. С. 24. Рис. 5, 9–11, 13–15, 17, 18, 22. С. 32), датировка форм которых также уточнена по материалам Десятинного I раскопа в Новгороде: вторая половина XI – первая половина XII в. (Олейников, 2019. С. 13–21, 28–36).

В слоях, связанных с разрушением сооружения, найдены плетеный браслет с концами, согнутыми в петли, из сплава на основе меди (Хохлов, Иванова, 2016. Цв. вкл. Рис. 22, 1. С. 32), фрагменты гончарных круговых сосудов (Хохлов, Иванова, 2016. С. 24. Рис. 5, 12, 13, 16, 19–21), датировка форм которых также уточнялась по материалам Десятинного I раскопа в Новгороде: вторая половина XI – первая половина XII в. (Олейников, 2019. С. 13–21, 28–36).

Еще одна дубовая конструкция этого периода – столбовая конструкция (или частоккол), зафиксированная в юго-западной части раскопа и связанная нами с реконструкцией или ремонтом оборонительной стены из дубовых бревен. П. Д. Малыгин и С. В. Богданов, основываясь на анализе стратиграфии южной стенки раскопа (рис. 3), считают, что частоккол 1 – конструкция ранняя, сооруженная до строительства дубовой стены. Однако стратиграфия южной стенки раскопа показывает, что частоккольная канавка была опущена с уровня подрезки, на которой стоит дубовая стена. Кроме того, если обратиться к планиграфии частоккола и высотным отметкам его дубовых столбов (которые, собственно, и составляют частоккол), нужно констатировать, что отметки их верхних сохранившихся частей выше нивелировочных отметок подошвы бревен дубовой стены, следовательно, строительство данного сооружения не может быть отнесено к периоду до строительства этой стены, так как частоккол, расположенный в непосредственной близости от дубовой оборонительной стены, лишил бы строителей укреплений возможности свободно заносить и укладывать на необходимое место длинные дубовые бревна, сооружать в них пазы и отверстия и крепить поперечными крюками.

В течение 3-го строительного периода (конец XII – начало XIII в.) в зоне оборонительных сооружений фиксируется повышение поверхности грунта по сравнению с остальной частью участка. Это повышение, по нашему мнению, образовалось

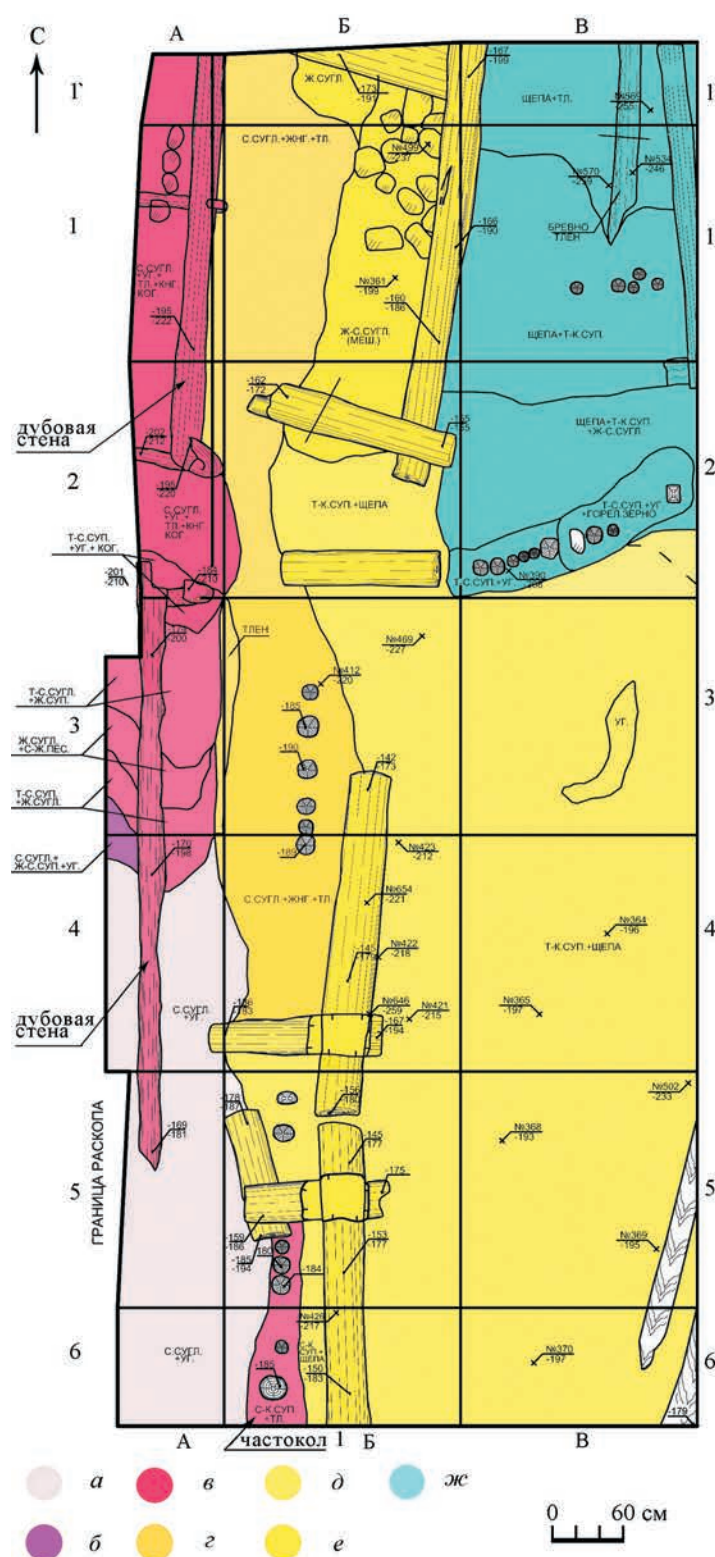
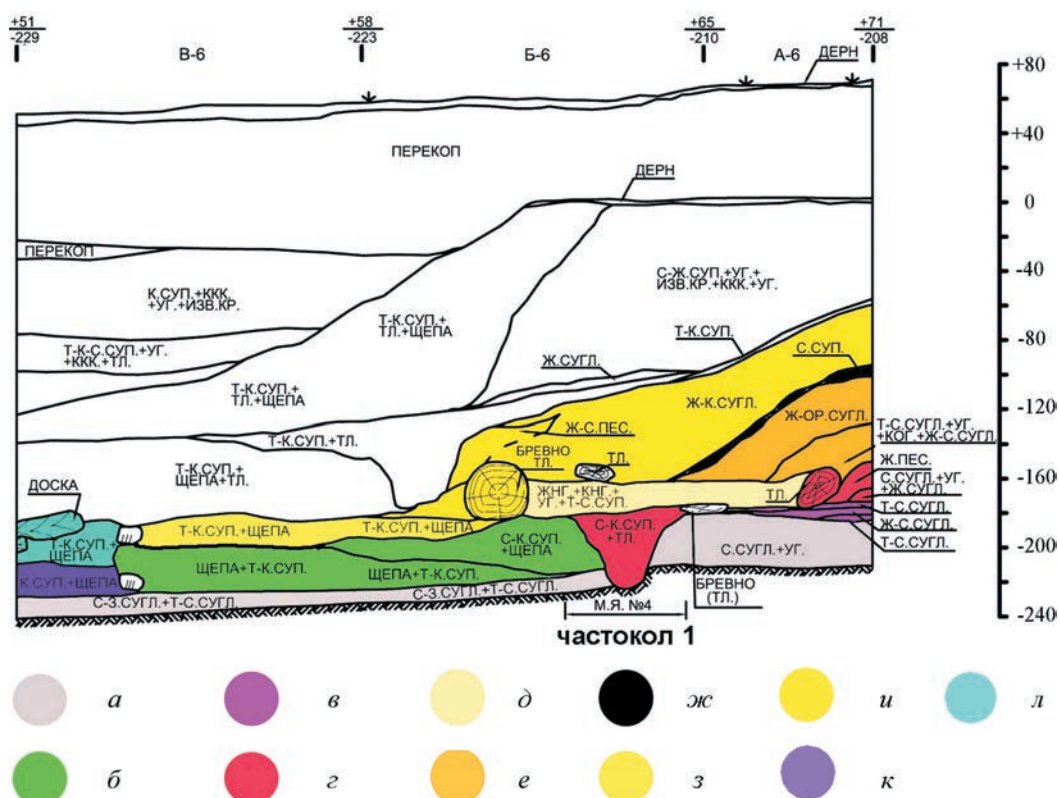

Рис. 1. Сводный план деревянных конструкций оборонительных сооружений (оборонительной стены из дубовых бревен гаковой конструкции, полусрубов из сосновых бревен), частокола, построек, находок стеклянных браслетов и культурного слоя на уровне 19 пласта и в раскопе 23 в Тверском кремле

а – пахотный слой; б – засыпка западины перед строительством сооружения 1; в – засыпка сооружения 1; г – слой разрушения сооружения 1; д – слой планировочных работ перед строительством сооружения 2; е – засыпка сооружения 2; ж – слой, связанный с постройкой 3 (XIII – нач. XIV в.).

Рис. 3. Стратиграфия южной стенки раскопа 23 в Тверском кремле

a – пахотный слой; *б* – слой, отложившийся до строительства дубовой стены; *в* – засыпка западины перед строительством сооружения 1; *г* – засыпка сооружения 1; *д* – слой функционирования сооружения 1; *е* – слой разрушения сооружения 1; *жс* – слой гибели сооружения 1/1; *з* – слой планировочных работ перед строительством сооружения 2; *и* – засыпка сооружения 2; *к* – слой, связанный с постройкой 7 (2-я пол. XII в.); *л* – слой, связанный с сооружением 6 (сер. 2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.)

благодаря постепенному разрушению оборонительной стены из дубовых бревен (сооружения 1), из которой при прогнивании бревен осыпался грунт, составлявший ее засыпку (заполнение, засыпанное внутрь прясел дубовых стен). Возможно, верхнюю часть этой стены разобрали, в результате на ее месте образовались руины в виде земляного вала (осыпи) с погребенными под ними дубовыми бревнами и крюками. Позднее на поверхности руин дубовой стены (сооружение 1) возведено сооружение 1/1 – часть укреплений кремля, в конструкцию которого, возможно, входили клетки. Часть клеток не имела забутовки или засыпки и использовалась для хранения, в том числе и зерна, выявленного в раскопе. Сооружение 1/1 погибло в результате сильного пожара, вероятно, в 1238 г. (рис. 1). Следов других масштабных пожаров в границах раскопа не зафиксировано. Вероятно, после этого большого пожара территорию расчистили под последующее строительство. В зоне жилой застройки сохранялся неровный рельеф с понижением до 0,6 м в районе древней западины.

Постройка 8 перестала функционировать, на ее месте отложился культурный слой. На месте постройки 7 происходило активное строительство, причем при сооружении последующих построек предыдущие, как правило, разбирались хотя бы частично. На месте постройки 7 возникает постройка 6, границы усадьбы маркирует частокол 13 и отдельные участки частокола 14.

В слоях разрушения сооружения 1/1 найдены железный топор (со второй половины XII в.) и шесть миниатюрных костяных колечек (Хохлов, Иванова, 2016. Цв. вкл. Рис. 22, 3, 7); фрагменты гончарной круговой керамики (Хохлов, Иванова, 2016. С. 48. Рис. 31, 1–3), формы которых находят аналогии среди материалов середины XII – начала – 30-х гг. XIII в. из Ростова, Москвы, Твери (Хохлов, Иванова, 2016. С. 47, 48).

В течение 4-го строительного периода (XIII – начало XIV в.) сохранялся неровный рельеф участка: возвышение в зоне оборонительных сооружений и небольшое понижение в зоне жилой застройки, древняя западина постепенно заполня-

лась культурным слоем и стала уже не так заметна. В границах раскопа фиксируются границы двух усадеб и проезд между ними. На месте постройки 8 сооружается постройка 3, усадьба ограничена частоколом 5. Постройку 6 сменяет постройка 5, усадьба в это время ограничена частоколом 7 и отдельными участками частоколов 13 и 14. За пределами усадьбы устраивается деревянная вымостка проулка (сооружение 6).

После гибели стен (сооружения 1/1) в результате пожара требовалось восстановление укреплений. Земляной вал – руины дубовой стены и остатки сооружения 1/1 – использованы в качестве платформы для строительства нового оборонительного сооружения. Для укрепления и расширения земляного основания выполнили подрезку земляного вала и с внутренней стороны, вероятно, для его расширения, возведена цепочка полусрубов из сосновых бревен, которые также были засыпаны грунтом (сооружение 2). Эта подрезка поверхности земляной руины (вала) и выравнивание поверхности, произведенные с целью установки сосновых полусрубов, прослежена в стратиграфии северной и южной стенок раскопа (рис. 3; 4) и в плане на уровне пласта 19 (рис. 1). Слои подрезались ровно настолько, насколько это было необходимо для установки новых деревянных конструкций. В плане хорошо видно, что подрезка для снижения трудозатрат при производстве земляных работ выполнена не в виде прямой, а в виде ломаной линии. Грунт выбирался больше в западную сторону – именно там, где устанавливаются поперечные бревна полусрубов. Сосновые трехстенные срубы (четвертой стеной для них являлась подрезанная старая земляная насыпь) засыпали материковым грунтом и срезанным культурным слоем, в последнем встречен обломок стеклянного браслета (№ 664), фрагменты плиток из красножгущейся глины (Хохлов, Иванова, 2016. Цв. вкл. Рис. 40, 22–24), а также фрагмент верхней части гончарного кругового сосуда (Хохлов, Иванова, 2016. С. 48. Рис. 31, 4), аналогии которому найдены среди форм XII–XIII вв. (Хохлов, Иванова, 2016. С. 54).

Если судить о конструкциях только по стратиграфии южной стенки раскопа, может создаться впечатление, что нижняя часть соснового бревна полусруба и бревно дубовой стены лежат как будто на одном уровне (рис. 3). Однако это впечатление обманчиво, и детальный анализ стратиграфии показывает, что для укладки соснового бревна культурный слой предшествующего времени, накопленный во время функционирования дубовой оборонительной стены, был полностью срезан на глу-

бину около 10 см (рис. 3). Факт более позднего строительства сосновых полусрубов находит более серьезное подтверждение в стратиграфии северной стенки раскопа. Сосновые бревна полусрубов здесь уложены выше хорошо сохранившегося культурного слоя мощностью более 20 см, накопленного за время функционирования дубовой стены, поверх залегавшего на нем подрезанного слоя разрушения дубовой стены (рис. 4).

Важно отметить, что деревянные конструкции дубовой стены и сосновых полусрубов никак не соединены между собой, даже не касаются друг друга; минимальное расстояние между сосновыми и дубовыми бревнами составляет 0,4 м, максимальное – 1,8 м (рис. 1). Соответственно, дубовые и сосновые бревна технологически нигде не сопрягаются между собой с помощью врубок, пазов или иных соединений. В то же время важно отметить, что такие сопряжения выполнены отдельно для массива дубовых конструкций, соединенных между собой с помощью дубовых крюков, отверстий и пазов. Иные технологические сочленения применены для массива сосновых бревен, собранных в полусрубы с выпуском остатков с помощью врубок (чашек). Кроме того, одновременное использование в одной сложной конструкции дубовых и сосновых бревен (причем так, что бревна не смешиваются между собой, а дубовые расположены в западной части конструкции, сосновые – в восточной) также вызывает обоснованное сомнение.

Анализ стратиграфической и планиграфической ситуации в целом (а не по отдельному участку южной стенки) позволяет утверждать, что конструкции из дуба и сосны являются самостоятельными сооружениями, связанными друг с другом только своим расположением и своим функциональным назначением, так как и первая, и вторая конструкции были расположенными в одном и том же месте на берегу р. Тьмаки элементами оборонительных сооружений Тверского кремля на протяжении середины – второй половины XII – конца XIII в.

Рассмотрим планиграфию находок стеклянных браслетов в границах раскопа (находки обозначены в кв. А'-В/1-6). По мнению П. Д. Малыгина и С. В. Богданова, в пластах 21–23 культурного слоя, отложившихся до сооружения дубовой стены, есть находки стеклянных браслетов – в общей сложности 18 обломков. При рассмотрении топографии находок стеклянных браслетов проанализируем западную часть раскопа, где размещались оборонительные сооружения.

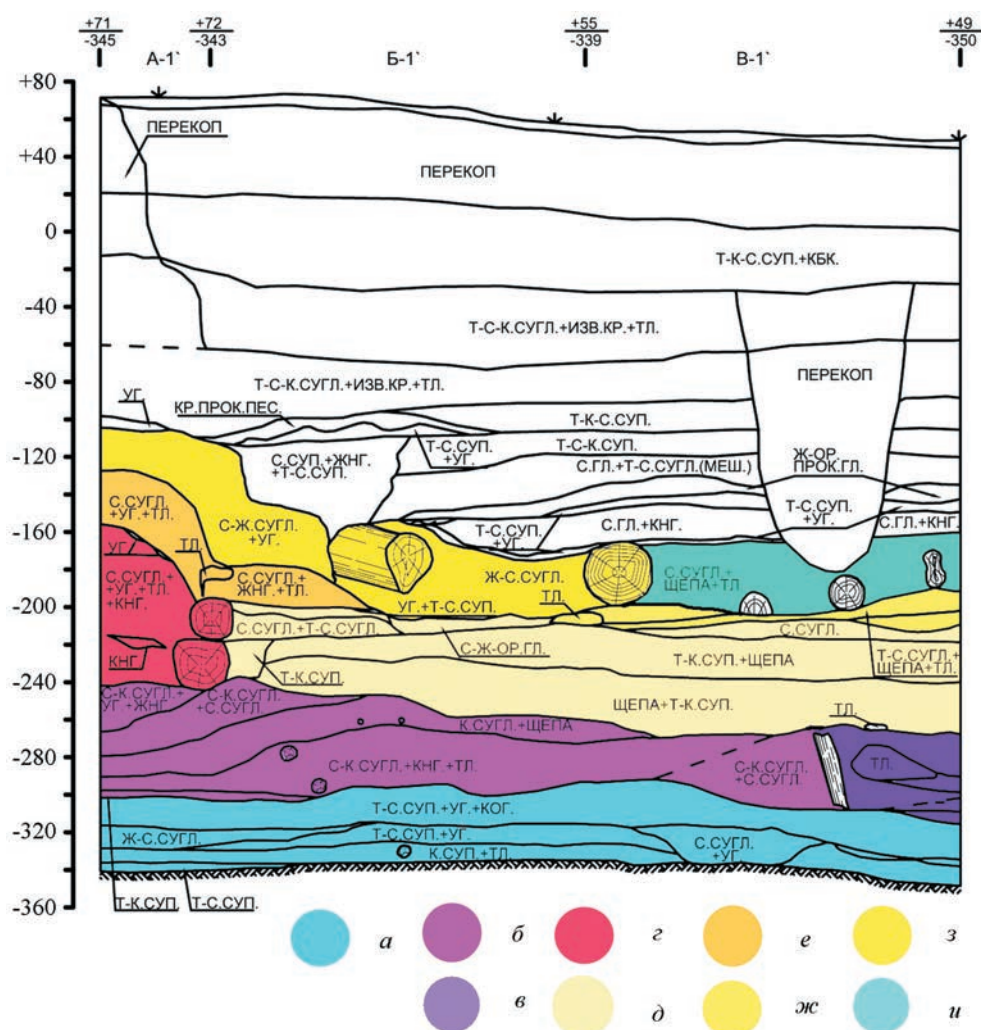

Рис. 4. Стратиграфия северной стенки раскопа 23 в Тверском кремле

а – заполнение придонной части западины; б – засыпка западины перед строительством сооружения 1; в – слой, связанный с постройкой 11 (сер. XII в., дата 1150 г.); г – засыпка сооружения 1; д – слой функционирования сооружения 1; е – слой разрушения сооружения 1; ж – слой планировочных работ перед строительством сооружения 2; з – засыпка сооружения 2; и – слой, связанный с постройкой 3 (XIII – нач. XIV в.).

Шесть фрагментов стеклянных браслетов (№ 570, 569, 534, 499, 502, 469) найдены соответственно на глубине -259 см в кв. В-1; -255 см в кв. В-1' (оба в пласте 26); -246 см в кв. В-1 (пласт 25); -237 см в кв. В-1; -233 см в кв. В-5 (оба в пласте 24); -227 см в кв. В-3 (пласт 23) и происходят из слоя, отложившегося во время функционирования дубовой стены, что не противоречит предложенной датировке стены (середина – вторая половина XII в.).

Шесть обломков стеклянных браслетов (№ 412, 423, 422, 421, 426, 654) найдены соответственно на глубине -220 см в кв. В-3, -212, -218, -215 см в кв. В-4, -217 в кв. В-6, -221 см в кв. В-4 и происходят из слоя, примыкающего к постройке 6 (конец XII – начало XIII в.), и залегает выше уровня

дневной поверхности строительства этой постройки. В свою очередь, постройка 6 перекрывала постройку 9, с определенной по двум образцам спилов порубочной датой – 1149 г. (Хохлов, Иванова, 2016. С. 38). Следовательно, наличие стеклянных браслетов в слое не противоречит хронологии их бытования.

Один фрагмент стеклянного браслета (№ 390) найден на глубине -208 см в кв. В-2 и происходит из слоя, залегающего выше уровня дневной поверхности строительства постройки 3 (XIII – начало XIV в.). Пять обломков стеклянных браслетов происходят из пласта 20 (№ 364, 365, 368–370) в кв. В-4-6, глубина залегания браслетов – от -193 до -197 см. Они происходят из слоя,

примыкавшего к сооружению 6 (середина – вторая половина XIII – первая половина XIV в.) и залегавшего на уровне дневной поверхности функционирования этого сооружения. Наличие браслетов в описываемом слое также не противоречит хронологии бытования этих стеклянных украшений.

Планиграфия находок стеклянных браслетов показывает, что ни один из них не происходит из квадратов с бревнами конструкций дубовой стены (рис. 1). Итак, стеклянных браслетов не обнаружено ни в слое, отложившемся до строительства дубовой стены, ни в слое строительства, ни в засыпке дубовой стены, ни в слое, «заплывшем» в заполнение западины природного происхождения. Обломки стеклянных браслетов начали выпадать в культурный слой раскопа, вероятно, в конце третьей – начале последней четверти XII в., т. е. в период функционирования оборонительной дубовой стены и после ее разрушения.

Таким образом, использование всего комплекса отчетной документации, а не одного чертежа приводит нас к выводу, что оборонительную дубовую стену (построенную на поверхности подрезанного культурного слоя, а не на поверхности земляной платформы-вала) соорудили на берегу р. Тьмаки в Твери значительно раньше, чем полусрубы из сосновых бревен. На это указывает не только культурный слой, выросший у подошвы дубовой стены за время ее функционирования (рис. 3; 4),

но и остатки построенного после ее разрушения еще одного оборонительного сооружения, сгоревшего в большом пожаре, предварительно связанного с событиями 1238 г. (рис. 2). Разновременные оборонительные сооружения выполнены из разной древесины с использованием отличающихся технологических приемов строительства. Время строительства дубовой стены: середина – вторая половина XII в. (Хохлов, Иванова, 2016. С. 34). Эта датировка, основанная на значительной серии (более 20) радиоуглеродных дат, подтверждается хронологией находок, а также результатом комплексного анализа стратиграфии и планиграфии раскопа. На основании 14 радиоуглеродных дат и семи дендродат возведение оборонительных сооружений с полусрубами из сосновых бревен в их конструкции по младшей порубочной дате можно надежно относить ко времени после 1238 г. (Хохлов, Иванова, 2016. С. 55).

Использование исключительно фрагментов документации научного отчета (одного чертежа, характеризующего стратиграфию только одной стенки раскопа) не позволяет понять характер и плановую схему значительных по протяженности конструкций сложных оборонительных сооружений и приводит авторов таких построений к недостоверным выводам и, как следствие, к построению некорректной хронологической модели раскопа.

Литература

Хохлов А. Н., Иванова А. Б., 2016. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // ТТЗ. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-Центр. С. 17–86.

Олейников О. М., 2019. Круговая керамика X – начала XIII вв. Десятичного 1 раскопа в Новгороде (типология и хронология) // ТТЗ. Вып. 12. Тверь: ТНИИР-Центр. С. 6–37.

A. N. Khokhlov, A. B. Ivanova

About the dating of the Tmatskaya line of fortifications of the Tver Kremlin

Summary

In excavation site 23 in the Tver Kremlin in 2013, complex defensive structures were identified. Consideration of stratigraphy, planigraphy, dating of finds, radiocarbon dates and dendrodata allows us to distinguish several stages of the construction of fortifications: initially in the middle of the 12th

century, an earthen wall was constructed of oak logs and hooks, functioning in the second half of the 12th c. This wall burned down in 1238 and it was replaced by fortifications, including half-logs adjacent to the ruins of a burnt wall on the inside of the defensive line and built according to dendrochronology, after 1238.

List of figures

Fig. 1. Summary plan of wooden structures of fortifications (defensive wall of oak logs with hook construction, log house from pine logs), stockade, buildings, glass bracelets finds and layer 19 in excavation site 23 in the Tver Kremlin

Fig. 2. Stratigraphy of the western wall of excavation site 23 in the Tver Kremlin

a – humus layer; *б* – filling of bottom part of cavity; *в* – backfill of cavity before building the facility 1; *г* – filling of facility 1; *д* – facility destruction layer 1; *е* – facility destruction layer 1/1; *ж* – filling of facility 2

Fig.3. Stratigraphy of the southern wall of excavation site 23 in the Tver Kremlin

a – humus layer; *б* – layer deposited before construction of the oak wall; *в* – backfill of cavity before building the facility 1; *г* – backfill of cavity 1; *д* – layer of functioning of facility 1; *е* – layer of destruction of the facility 1; *ж* – layer of destruction of the facility 1/1; *з* – layer of planning work before building the facility 2; *и* – backfill of the facility 2; *к* – layer associated with the construction 7 (2nd half of the 12th century); *л* – layer associated with the construction 6 (middle – 2nd half of 13 – 1st half of 14 century)

Рис. 4. Stratigraphy of the northern wall of excavation site 23 in the Tver Kremlin

a – filling of bottom part of cavity; *б* – backfill of cavity before building the facility 1; *в* – layer associated with the construction 11 (middle of 12 century, 1150); *г* – backfill of construction 1; *д* – layer of functioning of facility 1; *е* – facility destruction layer 1; *ж* – layer of planning work before building the facility 2; *з* – backfill of facility 2; *и* – layer associated with the construction 3 (13 – beginning of the 14th century)

Н. В. Табунова

Музей-заповедник «Дмитровский Кремль», г. Дмитров Московской обл.

Дмитровский кремль на планах города

Коллекция графики и картографии в Дмитровском музее складывалась на протяжении почти 100 лет. Как видно из «Инвентаря предметов музея Дмитровского края 1917 г.» (МЗДК. Архив учета фондов. Б/№), первые предметы поступали в сентябре 1917 г. Это были случайные поступления. Краеведы и местные жители несли во вновь открывшийся музей (и не всегда бесплатно) старые вещи, скопившиеся в домах. Позже коллекция начала формироваться целенаправленно. В 1918 г. новой властью упразднялись земство, городское самоуправление, старосты, полиция и многие другие институты. В музей из архивов земской и городской управ начали поступать планы города, планы селений Дмитровского уезда.

Этот процесс растянулся на несколько лет. В отчете К. А. Соловьева за период с июня 1921 г. по февраль 1922 г. говорится: «Особое внимание было уделено архивам. В это время удалось провести через Исполком постановление об охране архивного материала. ...Свезено в лавку Новоселова три архива: земский, городской и Духовного правления и таким образом удалось спасти от неминуемой гибели ценные краеведные материалы. Взяты на учет полицейский, судебный, монастырский и соборный архивы». На заседании Совета музея 29 октября 1922 г. в его состав, наряду с прочими, были введены как сотрудники Уездного архива М. С. Померанцев и А. Н. Соколов (Архив МЗДК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 31. Л. 2).

Кирилл Алексеевич Соловьев, выпускник историко-филологического факультета, как никто более понимал значимость собранных материалов и, заняв должность директора музея, многое сделал для их сохранности. «Архив в 1920–1921 гг. был с величайшим трудом в самый для него критический момент собран краеведами – работниками музейно-экскур.-архивно-выст. секции, – пи-

шет К. А. Соловьев в 1924 г. – Состоит из 28 фондов; помещается в зданиях, принадлежащих Музею Краеведения и Нарсуду. Имеет из наиболее крупных дореволюционных архивов: б. Судебн. Установлений, Гор. Управы, Земск. Управы и Полиции; из наиболее древних – столбцы 2-й половины XVII в. из архива Борисоглебского монастыря, архив б. Духовного Правления XVIII в. и начала XIX в. Есть архивы и советского времени. Архив ведет тесную и неразрывную работу с музеем, т. к. является документальным базисом научного краеведения. Архив еще не приведен в такой порядок, который представлял бы удобство для нормального использования его в практически-деловом и научном отношении» (Соловьев, 1924. С. 339).

В каждом из перечисленных Соловьевым архивных комплексов содержались архитектурно-графические материалы, прикрепленные к текстовым документам. К сожалению, в последующие годы они были разрознены.

Совет музея стал ходатайствовать перед исполкомом о предоставлении музею дома Милютина, чтобы разместить в нем архив. К. А. Соловьев пишет: «Во флигеле дома Милютина в нижнем каменном этаже помещается ценный краеведный архив, а во втором деревянном этаже проживают лица, так же как и рядом с архивом на первом этаже, вселенные жилищным подотделом Дмитровского Уисполкома. Считая это положение ненормальным и весьма опасным для сохранения Музейного имущества ... музей просит воздействовать имеющимися у вас мерами ... на предмет выселения гр [аждан] ... в противном случае Музей принужден будет снять с себя ответственность за те последствия, которые могут произойти вследствие ненормальности положения, в котором находится в настоящее время архив и музей ...» (Архив МЗДК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 6. Л. 3).

Рис. 1. План г. Дмитрова, восстановленный по чертежу 1784 г. А. П. Любимовым в 1923–1924 гг., иллюстрация для книги М. Н. Тихомирова «Город Дмитров. От основания города до половины XIX века». Изд. Дмитровского отдела Союза Работников Просвещения. Дмитров. 1925 г. МЗДК КП ОФ 10547. Бумага, тушь, перо. 20,5×20,0 см

В 1924 г. Дмитровский уездный и музейный архивы обследовали представители Центрархива. По результатам обследования был составлен акт, рассмотренный на совещании сотрудников музея. В итоге принято постановление, которым поручалось К. А. Соловьеву обратиться к заведующей отделом по делам музеев Н. И. Троцкой с просьбой закрепить за музеем все находящиеся в его ведении усадебные архивы.

Просьбу музея о закреплении за ним документальной коллекции поддержал исполком, и в 1925 г. вопрос решился в пользу музея. В письме от 15.11.1925 за подписью Троцкой говорится: «Вследствии отношения Дмитровского Исполнительного комитета за № 3291 от 18 августа

1925 года отдел по делам музеев Главнауки Наркомпроса предлагает Вам в спешном порядке принять архивы, находящиеся в доме Милютина» (Архив МЗДК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 46).

Архивное собрание представляло собой 300 толстых связок, лежало на восьми деревянных стеллажах. Другая часть архива, поступившая из бывших дворянских усадеб, и научный архив находились в доме князя Гагарина, где размещалась экспозиция музея. С переездом музея в Борисоглебский монастырь туда же был переведен и архив. Под его размещение выделили одну из башен крепостной стены.

Планы города и отдельных селений не всегда рассматривались как предметы хранения. Как правило, их использовали в качестве вспомогатель-

Рис. 2. План схематический г. Дмитрова с указанием кварталов по плану 1784 г., в границах 1800–1854 г. и несуществующих на момент создания плана кварталов. Любимов А. П. 1929 г.
МЗДК КП РФ 10545. Бумага, акварель, тушь. 72,0×97,6 см

ных, экспозиционных, рабочих материалов. Это видно по состоянию сохранности. Лишь изредка встречаются промаркированные, принятые по актам планы, как, например, план города Дмитрова 1854 г., поступивший 26.01.1958 от Екатерины Арсеньевны Поляниновой (МЗДК. Архив учета фондов. Акт 1 от 26.01.1958), родственник которой долгое время был дмитровским городским старостой. Много карт и планов по протоколам в 1923 г. сдал бывший техник-строитель земской управы, а затем служащий земотдела райсовета М. Н. Котов (МЗДК. Архив учета фондов. Б/№).

Ценность этих материалов осознавалась сотрудниками музея, и планы начали копировать, подготавливать для экспозиций и публикаций. Особый вклад в развитие экспозиционной и научно-вспомогательной музейной картографии внес Александр Петрович Любимов, создавший план (рис. 1) для книги «Древний Дмитров» М. Н. Тихомирова (1925). Справедливости ради стоит от-

метить, что остается невыясненным, какой чертеж 1784 г., указанный в названии плана, имеется в виду. Вероятно, Любимов пользовался музейными архивами и затем этот план стал основой другого, более объемного и сложного плана, где одновременно показаны и слободы, и кварталы, появившиеся в конце XVIII – начале XIX в. (рис. 2).

Любимову принадлежит и авторство (после неудачно начатой работы другим художником) макета кремля, одного из самых узнаваемых экспонатов Дмитровского музея. Описание крепости, которым пользовался, вероятнее всего, автор, содержится в книгах И. Ф. Токмакова (1893. С. 49) и М. Н. Тихомирова. С последним А. П. Любимов общался, готовя план для его книги о Дмитрове. В книге автор приводит результаты обмеров дмитровского вала в 1647 г., упоминая «старую осыпь, где прежнее было город и острог»: окружность 459,5 сажень, высота – от 7 до 11 сажень, и обмеры 1665 г. – 451 сажень длины (Тихомиров, 1925. С. 34).

Рис. 3. План города Дмитрова. Ок. 1800 г. Россия, Московская губ., г. Дмитров.
МЗДК КП НВФ 2491. Ткань, бумага, тушь, перо, графитный карандаш. 122×141 см. Фрагмент

Рис. 4. Геометрический специальный план г. Дмитрова по съемке 1801 г. с печатью «Попечением и милостью императора Павла I». Бумага, тушь, гуашь. 102×107 см. МЗДК КП ОФ 9789. Фрагмент

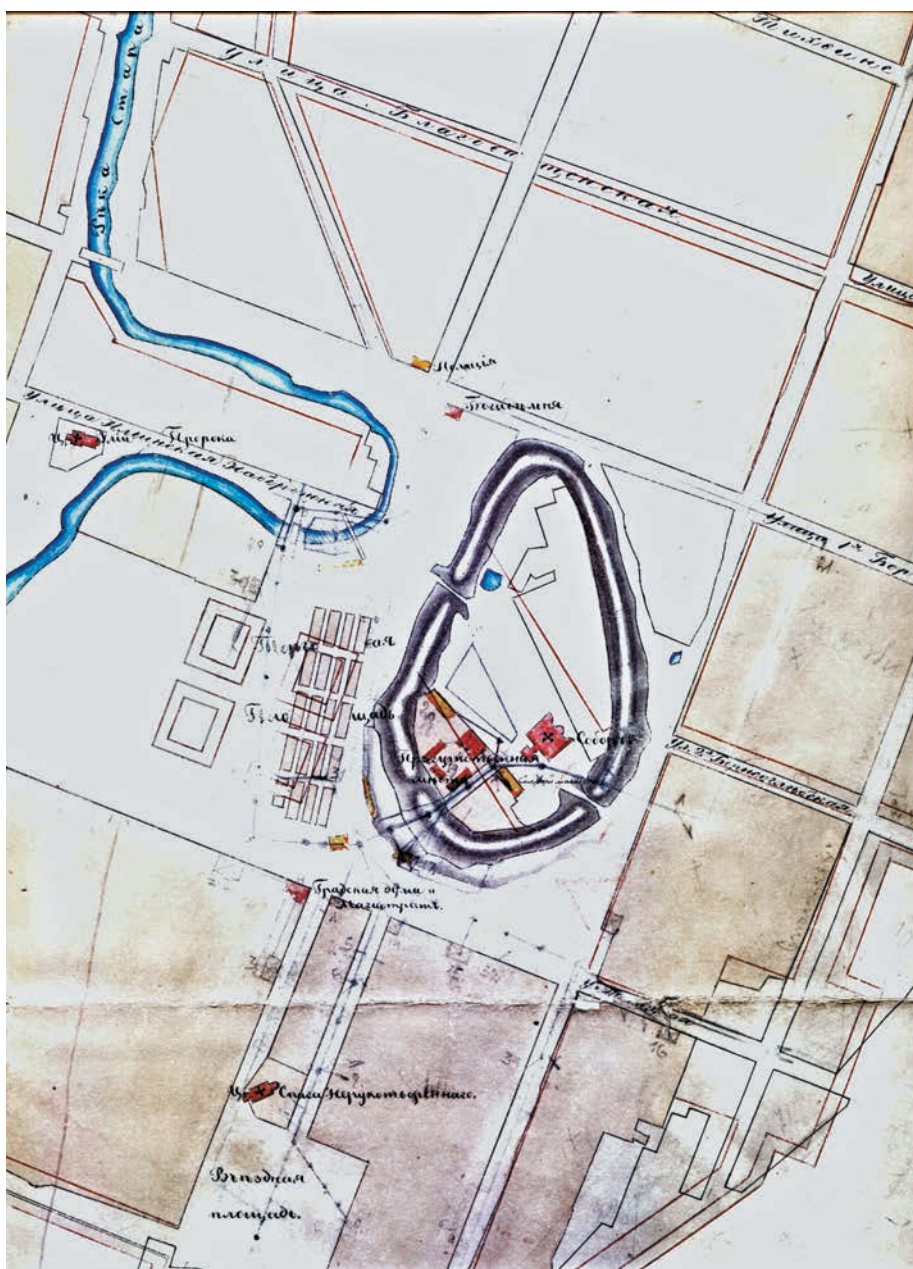

Рис. 5. План общий г. Дмитрова Московской губернии с выгонными землями, сост. со съемки 1852 г. «с означением оброчных податей по поверке их в 1859 г.». Топограф Дричинский (?). МЗДК КП НВФ 1838. Бумага, ткань, акварель, тушь, чернила. 87×87 см. Фрагмент

К концу XVIII в. вал Дмитровского кремля был снова обмерян. В «Новом и полном географическом словаре Российского государства...» приводятся несколько иные цифры: «крепость лежит при подошве довольно высокой горы, и по сему на низком и болотном месте; обнесена валом в окружность на 520, в вышину на 3 сажени, половина ко-его окопана рвом, глубиною в 2 сажени» (Максимович, 1788. С. 247). Эти обмеры проводились, вероятнее всего, для масштабных работ по переустройству Дмитрова по утвержденному Екатериной II плану 16 января 1784 г.

В дневнике дмитровского купца Ивана Алексеевича Толчёнова за 1784 г. записано: «Марта 24 дня получен г. городничим план на наш город апробованной Всеавгустейшею монархинею генваря сего ж года, а с 30 июля землемер Лео начал разбивать линии по оному плану» (Толчёнов, 1974. С. 200). Генеральной перепланировке Толчёнов посвятил отдельную главу в своей «Записке», назвав ее «О перемене важной по городу Дмитрову» (Толченов, 1974. С. 282–285). Он начинает «с самого начала», т.е. с визита в 1782 г. подполковника Щелина, по поручению графа З.Г. Чернышева

Рис. 6. План г. Дмитрова 1858 г. МЗДК КП ОФ 6872.
Холст, бумага, тушь, акварель. 100×67,5 см. Фрагмент

«для учинения прожекта плану дмитровскому». После этого в Дмитров приезжали Я. А. Брюс и П. Д. Еропкин, «но касательно перестройки оно-го не входили». Губернатор П. В. Лопухин, «многа-жды бывший в городе», снисходительно относился к просьбам граждан не «тревожить» их строений. К 1790 г. в Дмитрове по новому плану построили всего 20 домов.

В 1790 г. главнокомандующий Москвы князь А.А. Прозоровский посетил Дмитров, остался крайне недоволен видом «разбросанных порознь

улиц и домов» (Толчёнов, 1974. С. 283) и прислал в Дмитров землемера Ключарёва для составления нового плана, а ему в помощь в 1791 г. дали землемера Стасова. За отсрочку исполнения плана городничий Леццано лишен должности. Вице-губернатор Николай Ефимович Мясоедов берет работы под свой контроль, и в Дмитрове дома начинают строить по кварталам. В 1792 г. план города снова подвергается коррекции губернского землемера Хомякова, начинаются масштабные строительные работы по новому плану.

Рис. 8. План г. Дмитрова Моск. губ. 1900 г. Составлен губернским обществом страхования.
МЗДК КП НВФ 1842. Бумага, ткань, акварель, карандаш. 180,5×143,5 см. Фрагмент

десятилетий. Это общий план г. Дмитрова Московской губернии с выгонными землями, составленный со съемки 1852 г. «с означением оброчных податей по поверке их в 1859 г.». Топограф Дричинский (?) (рис. 5).

На плане г. Дмитрова 1853 г. кремль с его земляными валами и постройками прорисован достаточно детально (рис. 6). Отмывкой показана крутизна склонов вала. Прилегающие кварталы заняты не только жилыми и торговыми строениями, но и садами, огородами. Примечательно, что на плане 1852 г. северо-восточная часть вала свободна от построек, закрашена темно-зеленым цветом и на экспликации указана как «огороды». Пятницкого пролома в валу нет, но ясно прорисована тропинка в виде углубления на его месте.

Этот пролом виден на следующем плане города – «Плане участка земли провизора Бориславского Станислава Иосифовича на Дворянской улице у Главной Конной площади г. Дмитрова Московской губернии 1895 г.» (рис. 7). Здесь справа вверху четко прорисован фрагмент городского вала с Георгиевскими и Пятницкими проходами, Главная (Конная) площадь, кварталы между улицами Пятницкой, Московской, Солдатской («она же Дворянская»), «Проездъ въ Троицко-Сергіеву лавру». На Дворянской улице выделен голубым и красным цветами участок. Длина границ обозначена в саженьях: 27×10. Смежные земли подписаны: «Земля Буронина», «...наследников Бекренёвой и Скудиной», «...Карниевской». Крестом обозначен Пятницкий храм. Внизу слева

Рис. 11. План Дмитрова 1928 г. Изготовлен по заказу музея, скопирован с плана в дмитровском горсовете. МЗДК КП ОФ 12343. Бумага, светокопирование. 170×150 см. Фрагмент

(Архивный отд. адм. Дмитровского ГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 273. Л. 79).

Тема переустройства Дмитрова становится главной. 18 июня 1934 г. прошел субботник по благоустройству. Статья за подписью Молчанова сообщает: «В благоустройстве нашего города активное участие принимает строительство канала Москва-Волга» (газета «Ударник» от 20.06.1934 г. С. 4). В следующих номерах районной газеты рефреном повторяется: «Имея в городе центр строительства канала Москва-Волга... Дмитров должен и может выполнить свои обязательства... очистим наш районный центр от грязи». Строители канала Москва – Волга обязуются замостить щебнем и отремонтировать Почтовую, Загорскую и другие улицы, провести планировку города, посадить 600 лип (газета «Ударник»

от 23.06.1934 г. С. 2). О благоустройстве Исторической площади не упоминается.

12 сентября 1934 г., в день окончания земляных работ на первом – экспериментальном километре канала между Дмитровом и Яхромой появляется статья начальника строительства МВС Л. Когана «Город Дмитров превратим в прекрасный памятник нашему великому строительству», где он декларирует свою позицию: «Не следует ли нам всем поставить себе интересную и полезную общественную задачу – помочь Дмитрову стать образцово-культурным городом? По моему, следует» и предлагает следующее: «1. Создать комиссию содействия горсовету по благоустройству Дмитрова; 2. Как общественный аппарат по проработке финансово-хозяйственных планов города, по разработке санитарных и архитектурных задач, озеленения оформления

Рис. 12. Дмитров. Схема планировки, составлена в Москва-Волгострое. 1934–1935 гг.
МЗДК КП НВФ 1840. Бумага, цветная литография. 93,3×64,4 см. Фрагмент

и т. п. Все эти работы выполняют бесплатно в свободное время». На этой же странице сообщается, что до 1 октября «сего года» будут определены места пристаней (газета «Ударник» от 12.09.1934 г. С. 1).

Вероятно, в то же время разрабатывается схема застройки и перепланировки центра Дмитрова (рис. 12). На ней видно, что пространство вокруг вала предполагалось превратить в зону отдыха, старую застройку снести и открыть вал со всех сторон.

К концу 1930-х, по окончании строительства канала Москва – Волга, сформировался облик Дмитрова, утвердились нормы картографии. Все планы города печатались с разрешения цензуры. Однако есть специальные планы, подготовленные геодезистами, археологами, картографами, которые также хранятся в Музее в качестве вспомогательных рабочих материалов, технической документации. Это чертежи разрезов, сделанные при археологических раскопках Н. П. Милоновым в 1933–1934 гг. по программе исследования территорий трассы ка-

нала Москва – Волга ГАИМК (рис. 13; 14). Впрочем, чертежи могут относиться и к рекогносцировочным обследованиям О. Н. Бадера 1930–1931 гг. (Милонов, 1937. С. 150). К сожалению, они не подписаны и не содержат дат исполнения.

План кремля с поперечными сечениями, составленный в 1989–1990 гг. маркшейдером В. Г. Ростовцевым и научным сотрудником музея И. В. Ширяковым (рис. 15), – прекрасный образец технического чертежа, выполненного неравнодушными профессионалами – геодезистом и музейщиком, имеющим строительное образование. Рабочие материалы реставрационных работ, проводимых на территории Дмитровского кремля в начале 2000-х гг. (рис. 16), также представляют интерес для историков и археологов.

Приведенные в статье планы города и чертежи кремля могут быть использованы в качестве дополнительных источников при исследовании средневековых оборонительных сооружений Дмитрова.

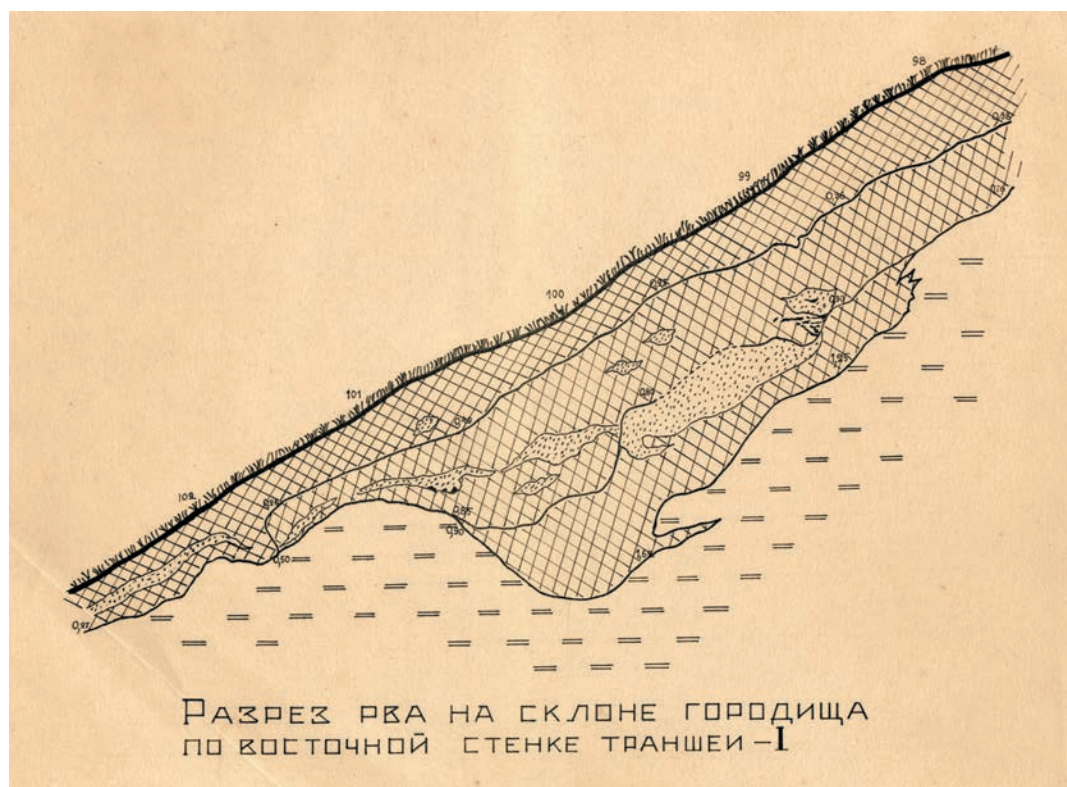

Рис. 13. Рабочий чертеж раскопов Н. П. Милонова. 1933–1934 гг. (?). Бумага, тушь

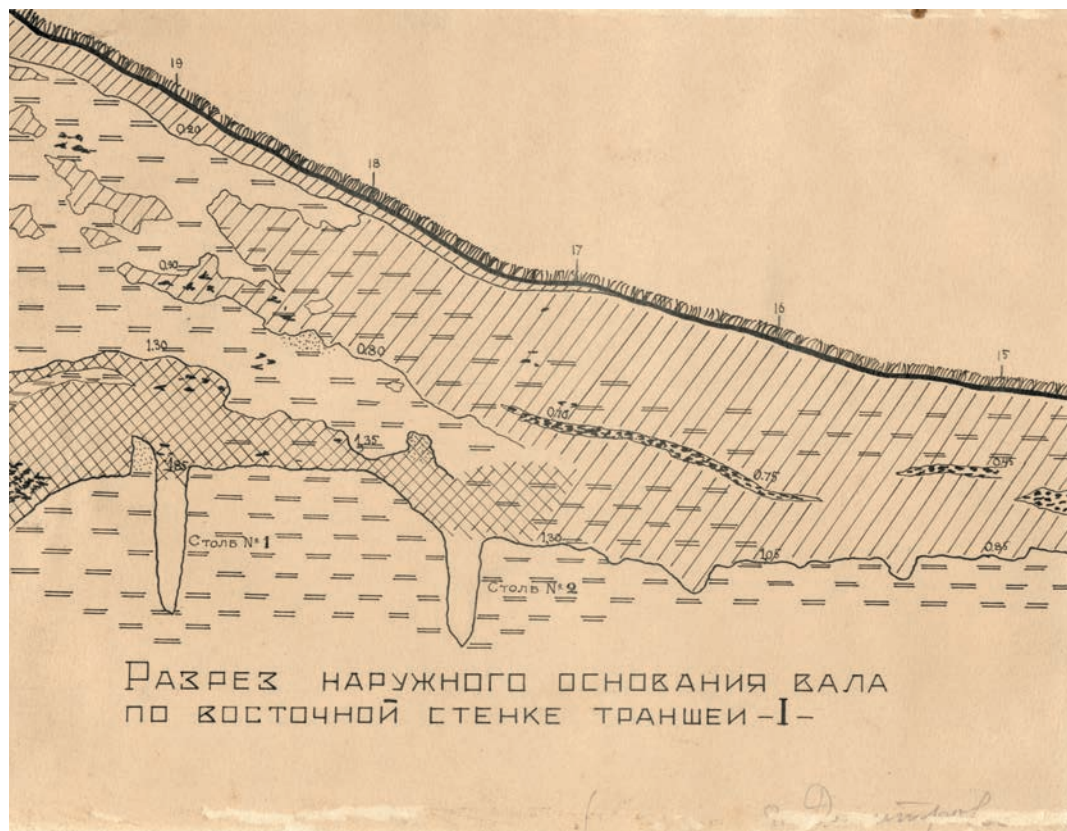
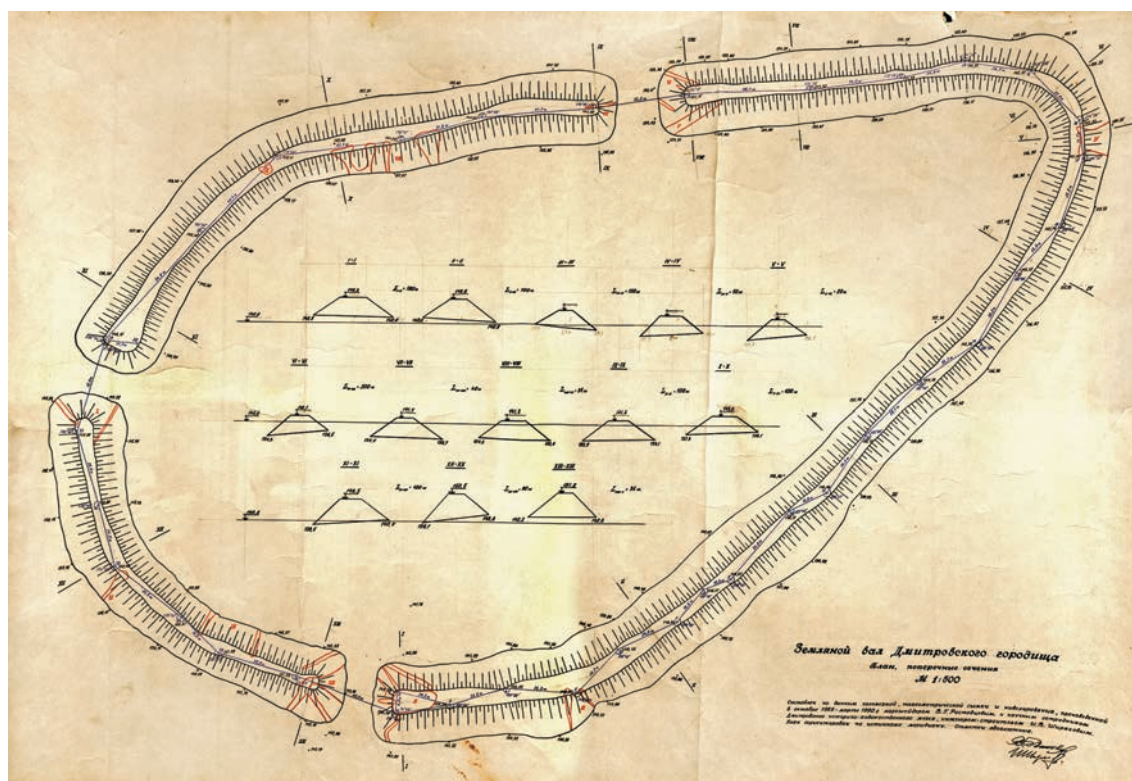

Рис. 14. Рабочий чертеж раскопов Н. П. Милонова. 1933–1934 гг. (?). Бумага, тушь

Литература

Максимович Л. М., 1788. Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. Ч. 1. СПб.: Унив. тип. 292 с.

Милонов Н. П., 1937. Дмитровское городище: Кремль города Дмитрова // СА. № 4. С. 147–168.

Соловьев К. А., 1924. Музеи и архивы // Дмитровский уезд Московской губернии. Дмитров, Дмитровский Уездный Исполнительный комитет. С. 338–341.

Тихомиров М. Н., 1925. Город Дмитров. От основания города до половины XIX века. Дмитров:

Дмитровский отд. Союза работников просвещения. 92 с.

Токмаков И., 1893. Историко-статистическое и археологическое описание города Дмитрова (Московской губернии) с уездом и святынями. М.: Губернская тип. 379 с.

Толченков И. А., 1974. Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченкова. М.: АН СССР. 469 с.

N.V. Tabunova

Dmitrov Kremlin on town plans

Summary

The article introduces the previously unpublished plans of the town of Dmitrov of the 19th – 20th cc., as well as the drawings of the archaeological excavations of the

1930s that were preserved only in the archives of the Dmitrov Museum. The plans clearly show the rampart of the Dmitrov Kremlin and the surrounding city blocks.

List of figures

Fig. 1. The plan of Dmitrov, restored according to the drawing of 1784 A. P. Lyubimov in 1923–1924. 20,5×20,0 cm

Fig. 2. A schematic plan Dmitrov indicating quarters as planned in 1784, in 1800–1854, the boundaries and non-existent at the time of plan quarters. Lyubimov A. P. 1929. 72,0×97,6 cm

Fig. 3. The plan of Dmitrov. Around 1800. 122×141 cm. Fragment

Fig. 4. Geometrical special plan of Dmitrov according to the shooting of 1801. 102×107 cm. Fragment

Fig. 5. General plan of Dmitrov, Moscow province ... 1859. Topographer Drichinsky (?). 87×87 cm. Fragment

Fig. 6. Plan of Dmitrov in 1858. 100×67,5 cm. Fragment

Fig. 7. The plan of the land site of the pharmacist Borislavsky Stanislav Iosifovich on Dvoryanskaya street near the Glavnaya Konnaya Square in Dmitrov, Moscow province. 52,5×35,0 cm

Fig. 8. Plan of Dmitrov. Moscow province. 1900. 180,5×143,5 cm. Fragment

Fig. 9. Plan of Dmitrov. Moscow province. 1900. 57,5×41,0 cm

Fig. 10. Plan of Dmitrov, Moscow province. Compiled in 1925 by an engineer Danilovich. Paper, watercolor, ink. 62×83 cm. Fragment

Fig. 11. Dmitrov's plan of 1928. 170×150 cm. Fragment

Fig. 12. Dmitrov. Planning scheme drawn up in Moscow-Volgostroy. 1934–1935. 93,3×64,4 cm. Fragment

Fig. 13. Working drawing of the N. P. Milonov excavations. 1934–1935 (?). Paper, ink

Fig. 14. Working drawing of the N. P. Milonov excavations. 1934–1935 (?). Paper, ink

Fig. 15. The plan of the Dmitrovsky fortification with cross sections, compiled in 1989–1990. Mineral surveyor V. G. Rostovtsev and museum researcher I. V. Shiryakov

Fig. 16. Working materials for restoration work on the territory of the Dmitrov Kremlin at the beginning of 2000s. Photocopy from presentation list

С. А. Денисов

Институт археологии РАН, Москва

Оборонительные сооружения Альтштадта в XIII–XIV веках (по данным письменных источников)

Покорение Тевтонским орденом прусских земель, происходившее в 1231–1283 гг., опиралось помимо постоянных военных операций на создание укрепленных пунктов, расположенных вблизи водных артерий и обеспечивавших контроль над близлежащей местностью. С течением времени вокруг таких пунктов складывались укрепленные поселения, получавшие городское право. Таков принцип возникновения большинства городских центров в государстве Тевтонского ордена: Торна, Кульма, Эльбинга, Бартенштейна, Христбурга и др. (Масан, 1989. С. 41). Вследствие постоянной военной угрозы, как со стороны пруссов, так и со стороны литовцев, совершавших опустошительные набеги вглубь орденских земель, большое значение при строительстве городов уделялось оборонительным сооружениям, обеспечивавшим безопасность жителей. Вместе с тем интенсивное развитие городов в первой половине XIV в. привело к активному включению этих сооружений в городское пространство, ставит вопрос о составе укреплений и их месте в жизни города в рассматриваемый период.

Перечисленные вопросы рассмотрим на материале источников, касающихся Альтштадта – старейшего города, основанного в 1263 г. рядом с замком Кёнигсберг в Самбии и получившего городское право в 1286 г. Такой выбор обусловлен значением Альтштадта как торгового и ремесленного центра, расположенного рядом с опорным пунктом Ордена. Дело в том, что Кёнигсберг, основанный в 1255 г. в ходе крестового похода под руководством чешского короля Оттакара II Пршемысла (1253–1278), стал основным центром Ордена в Самбии, богатой и густонаселенной прусской земле. Расположенный в устье р. Прегель Кёнигсберг обеспечивал сообщение с основными орденскими

владениями и позволял контролировать важную водную артерию, проходившую на восток, в Скаловию и Надровию (Beckherrn, 1890. S. 405–410; Мамузова, 1999. С. 361). Вследствие своего значения замок подвергся осаде пруссов в 1261–1263 гг., снять ее помогло только войско под командованием графа Вильгельма IV фон Юлиха (1219–1278). После 1263 г. замок активно использовался как опорный пункт для подавления восстаний в отдельных районах Самбии, а также для наступления на соседние прусские земли. Победа над пруссами и создание во второй половине XIII – первой половине XIV в. новых опорных пунктов на восточной границе Самбии (Тапиау, Лабиау), в Надровии (Инстербург, Георгенбург) и Скаловии (Рагнит) уменьшили вероятность новой осады замка и разрушения расположенных рядом поселений. Однако походы, совершенные судовами и литовцами в 1270–1350-х гг. вглубь Самбии, показали, что такая опасность сохранялась.

Сложившаяся ситуация отразилась на развитии поселений, расположенных рядом с Кёнигсбергом. В ходе военных действий 1261–1263 гг. было полностью разрушено первое поселение, существовавшее рядом с замком (Petri de Dusburg, 1861. S. 107. № 106). Сохранявшаяся в дальнейшем опасность военных вторжений делала необходимым поддержание и совершенствование укреплений Альтштадта – одним из гарантов для безопасности его жителей. Таким образом, вопросы о составе и месте оборонительных сооружений в городской жизни Альтштадта во второй половине XIII–XIV в. непосредственно связаны с их значением в обороне интенсивно развивающегося города в условиях постоянной военной угрозы.

В историографии названные вопросы не получили исчерпывающего освещения. К. фон Бекхеррн,

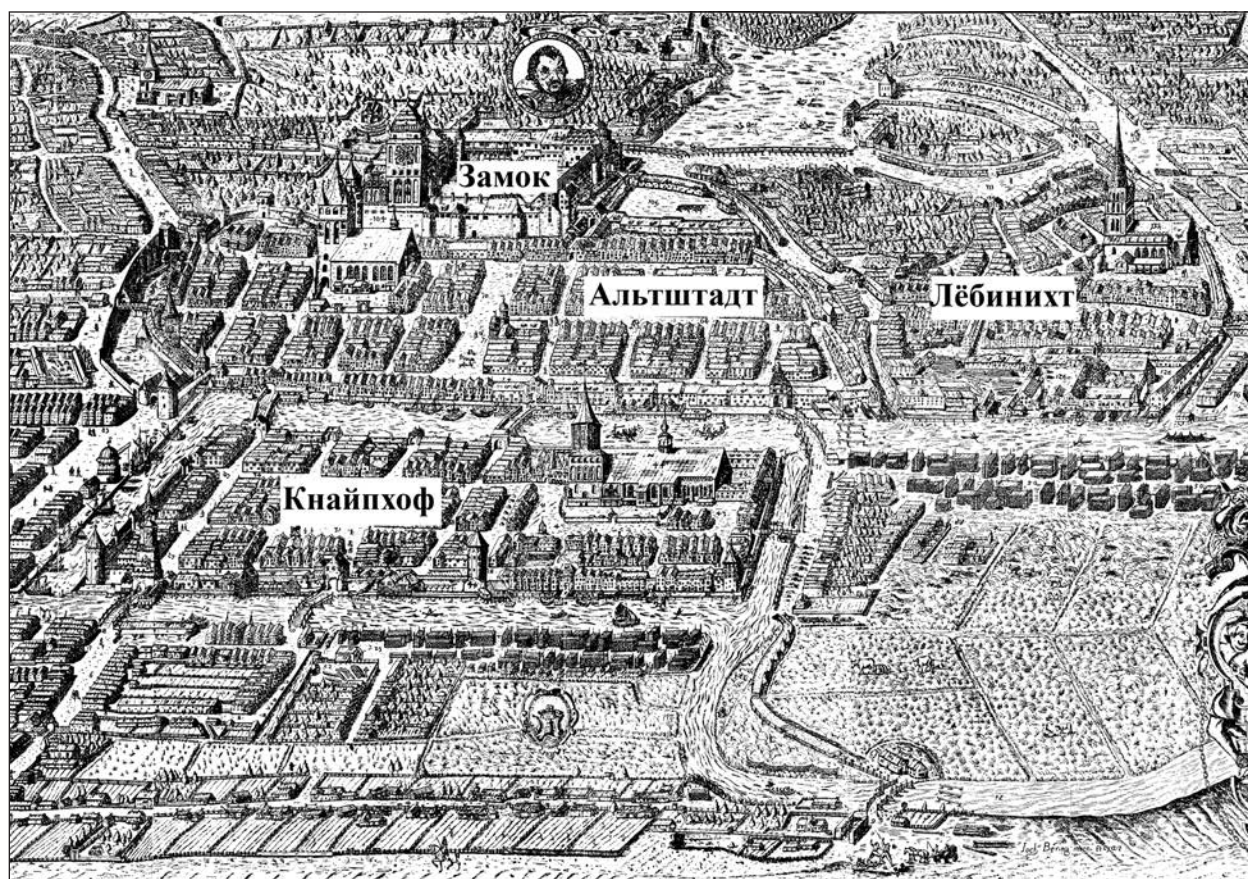

Рис. 1. Городская агломерация Кёнигсберга на плане Иохима Беринга 1613 г. (Klüser A., von, 1855)

Ф. Гаузе, Э. Трауготт, Г. Я. Риер придерживались мнения о том, что до 1330-х гг. укрепления Альтштадта представляли собой земляной вал с деревянной стеной, в 1333–1370 гг. замененные каменной стеной из кирпича и валунов. Новая стена имела башни и подъемные мосты через ров (Beckherrn, 1890. S. 413–423; Puер, 1956. С. 128–131; Гаузе, 1994. С. 5; Traugott, 1960. S. 10–12). Однако подробное описание укреплений, представленное в работах, основано частично на актовом материале, а частично – на плане Иохима Беринга 1613 г. (рис. 1), что ставит под сомнение существование указанных сооружений в рассматриваемый период.

Основными источниками, позволяющими установить состав и назначение оборонительных сооружений Альтштадта, являются акты, изданные великим магистром, Самбийским епископом и городским советом.

Перед тем как обратиться к предмету исследования, определим состав сооружений, понимаемых под термином «укрепления» в рассматриваемых нами источниках. Актом от 24 августа 1326 г. горожанам Эльбинга дополнительно пожалован участок

земли, при этом в документе перечисляются фортификационные сооружения (*fortalicia*), которые запрещено возводить на нем без особого разрешения верховного магистра: каменная стена (*murum*), башня (*turris*), двери или ворота (*valvae sive portae*), небольшое укрепление (*propugnaculum*) или большой каменный дом (*magnum domus lapideum*) (CDW, 1860. P. 383–384. № 228). Этот список дополняется упоминаниями о деревянной стене (*plances*) и рве (*fossatum*), содержащимися в акте Самбийского епископа Зигфрида (1296–1314) от 7 апреля 1299 г. об основании города Шёневик (Фишхаузен) (UBS, 1891. S. 98. № 190). Ключевой элемент укреплений – каменная стена – представляла собой кладку из кирпичей (*lateres*) на основании из валунов. В Эльбинге, согласно акту, датированному 1331–1337 гг., существовали специальные постройки для хранения производимых кирпичей. Владельцы построек были обязаны отдавать в качестве налога часть продукции для строительства стены (CDW, 1860. P. 425–426. № 255). Опираясь на эту терминологию, рассмотрим далее, как представлялись укрепления Альтштадта в источниках.

К началу XIV в. город был окружен деревянными стенами, о которых говорится в акте Самбийского епископа Зигфрида (1296–1314) от 10 января 1303 г., подтверждающем разделение участков в Альтштадте между орденом и канониками диоцеза: «Кроме того, он (ландмейстер Конрад Зак (1302–1306). – С.Д.) передал им (каноникам. – С.Д.) все пространство, которое находится между упомянутым двором и мельничной запрудой, по [всей] длине и ширине. Равным образом [он передал пространство] с другой стороны напротив Прегеля по всей длине и ширине, соответственно таким образом, чтобы без чьего-либо противодействия возводили для себя, если желают строить, свои постройки из дерева или камня на валу [там], где ныне поставлена деревянная стена, так, чтобы стены их были стенами города. И если за старым валом, где ныне стоит деревянная стена, пожелают воздвигнуть постройки, пусть не делают это без согласия комтура и братьев Кёнигсберга» (*“Insuper comparavit eis totum spacium, quod est inter curias premissas et plancas versus aquam molendinarem in longum et latum, similiter et spatium ex alio latere versus Pregoram in longum et latum, ita videlicet quod sine contradictione quorumlibet edificia sua de lingo vel lapide in valle, ubi nunc plance site sunt, prout eis expedierit, valeant construere, ita ut paries eorum sit paries et municio civitatis. Et si ultra antiquum valbom, ubi nunc plance stant, edificare voluerint, hoc non faciant sine consensus commendatoris et fratrum Koningisbergensium”*) (Perlbach, 1878. S. 4–5. № 2). В этом же документе установлена обязанность каноников поддерживать состояние городских ворот (*porta*), выходящих к р. Прегель и необходимых для доставки в город сена, дерева и других необходимых товаров. Эти ворота имели небольшой размер: 4 фута (1,24 м) в ширину и 7 футов (2,17 м) в высоту (Perlbach, 1878. S. 5. № 2).

Представленный документ позволяет сделать выводы о составе и функционировании деревянной стены Альтштадта к началу XIV в. Прежде всего обращает на себя внимание расположение рассматриваемой конструкции на валу. Вероятно, речь идет о разновременных сооружениях: автор документа дважды упоминает, что к моменту составления акта на старом валу возведена деревянная ограда («где ныне стоит деревянная стена»). Сам вал, скорее всего, обветшал и был частично разровнен, так что при его обозначении пришлось указывать дополнительный ориентир. Плохое состояние вала позволило, по всей вероятности, возводить на нем упомянутые постройки, служив-

шие дополнительным укреплением стены. Однако при этом в акте запрещается возведение построек с внешней стороны стены без специального разрешения орденовой администрации, чтобы не нанести вред стене как оборонительному сооружению.

Однако эта регламентация была частично изменена к 1330-м годам, когда вследствие, вероятно, частичного обветшания ограды и расширения площади города, по распоряжению орденовой администрации было начато строительство каменной стены, о чем говорится в акте великого магистра Лютера Брауншвейгского (1331–1335) от 18 сентября 1333 г.: «...и желают [каноники], чтобы между их прежним приходом и деревянной оградой города, или каменной стеной, когда она будет построена, одна повозка могла без помех проехать» (Perlbach, 1881. S. 13. № 24). Как видно, в рассматриваемом документе вводится ограничение уже на строительство рядом с внутренней частью стены.

Аналогичные ограничения упоминаются позднее в актах, относящихся к городскому совету Альтштадта. Так, в документе от 1351 г. говорится о том, что каноники церкви Святого Духа при строительстве ограды приходского двора обязаны оставить перед стеной 5 футов свободной площади (Perlbach, 1881. S. 17. № 32). В другом акте, также датированном 1351 г., приведен договор, заключенный между Самбийским соборным капитулом и городским советом Альтштадта об использовании участка на острове Кнайпхов за ежегодный налог. Согласно этому договору, перед деревянной или каменной стеной должно также оставить 5 футов свободной площади (PUB, 1964. S. 638. № 709).

Как видно, сформулированное орденовой администрацией правило регламентации застройки городского пространства вблизи стен Альтштадта было активно использовано позднее городским советом при планировке.

Приведенные сведения о строительстве оборонительных сооружений позволяют предположить, что замена стен в городской агломерации Кёнигсберга происходила в одно и то же время. Применительно к Альтштадту можно утверждать, что данный процесс происходил постепенно и был связан с расширением площади города. В грамоте великого магистра Винриха фон Книпроде (1351–1382) от 6 августа 1375 г. говорится о передаче в распоряжение горожан Альтштадта участков, расположенных между деревянной оградой и новой каменной стеной при условии, что между стенами будет оставлена дорога и в этом пространстве не будет разведен огонь. Постепенно также заменялись ворота города. В постановлении городского совета

Альтштадта от 14 февраля 1339 г. говорится о трех воротах, которые вели соответственно на Лёбнихт, Кнайпхов и Штайндам. Однако при этом в документе отдельно уточнено, что только ворота на Штайндам были сложены из камня (*Perlbach*, 1881. S. 15. № 28).

Не менее активно велось каменное строительство на Кнайпхове, где согласно постановлению городского совета от 9 августа 1378 г. и разрешению Самбийского епископа Варфоломея (1358–1378) дома, построенные на прилегающей к собору территории должны быть ограждены от остальной части города каменной стеной (*Perlbach*, 1881. S. 21–22. № 46).

Постепенная замена деревянной ограды на каменную стену, наблюдаемая в Альтштадте, характерна также для других городов орденового государства. Так в Эльбинге, получившем городское право в 1249 г., каменная стена упоминается в актах от 14 сентября 1274 г. (*CDW*, 1860. P. 92. № 51) и от 24 августа 1326 г. (*CDW*, 1860. P. 383. № 228). Вместе с тем в акте 1298–1300 гг. говорится о наличии в городе также деревянной стены (*CDW*, 1860. P. 168–170. № 97), что свидетельствует о сосуществовании двух видов укреплений на протяжении длительного периода. При этом в Альтштадте каменную стену возвели только спустя 44 года после получения городского права, в то время как в других городах она появилась значительно раньше: в Эльбинге уже через 25 лет после аналогичного события, а в Новом Торне – спустя 27 лет (*PUB*, 1909. S. 385. № 610).

Причина длительного бытования деревянной стены в данном случае могла заключаться на начальном этапе в отсутствии у ордена и Церкви достаточных средств в Самбии для перестройки городских укреплений, требовавшей организации специального кирпичного производства, как в Эльбинге. В частности, принимая участие в основании новых городов (как в случае с Фишхаузеном), епископ мог со своей стороны гарантировать только обеспечение более дешевыми укреплениями: деревянной оградой и рвом. Показательно, что даже в 1330-е годы, при значительно лучшем материальном положении диоцеза по сравнению с 1260-ми, епископ Иоганн Кларе (1319–1344) продал земельную собственность, принадлежавшую Церкви, с целью получения средств, необходимых для возведения каменного Домского собо-

ра (*UBS*, 1898. S. 230–232. № 311). Лишь позднее, в 1330-е, с ростом торгового значения Альтштадта, орденская администрация выделила средства для возведения каменных оборонительных сооружений в городе.

Итак, опираясь на приведенные сведения, можно выделить следующие виды укреплений Альтштадта и периоды их существования:

1) 1263–1333 гг. – существование деревянной стены с воротами на земляном валу. При этом стена и вал представляли собой, возможно, разновременные сооружения;

2) 1333–1370-е – возведение крепостной стены из кирпича и валунов, с башнями и тремя воротами. Одновременно существовала деревянная стена, окружавшая меньшую площадь и постепенно вытесняемая каменной оградой. Процесс замены деревянной стены на каменную ограду являлся, по всей видимости, частью перестройки оборонительных укреплений во всей городской агломерации Кёнигсберга. Данный процесс происходил постепенно и характеризовался более медленными темпами, чем аналогичные процессы в других орденовых городах, что связано с меньшими возможностями ордена и епископа в Самбии.

Более активным было строительство, проходившее в городе и касавшееся участков, расположенных рядом со стеной, что получало различную оценку со стороны орденовой администрации. Если ландмейстер Конрад Зак разрешал строительство жилых домов внутри стены, в непосредственной близости от нее с тем, чтобы они стали фактически ее частью, то позднее, при Лютере Брауншвейгском, орденские чиновники выступали против расположения дворов и построек рядом с внутренней частью каменной ограды. Вероятно, в этом случае близкое расположение построек к стене препятствовало подходу к ней защитников и подвозу оружия и соответственно уменьшало оборонительное значение сооружения. Ограничения касались не только строительства, но и другой хозяйственной деятельности (например, связанной с огнем), которая могла причинить вред сооружению.

Рассмотренные особенности развития укреплений Альтштадта свидетельствуют об их значительной роли не только как военных укреплений, но и как границ городского пространства, изменявшихся в соответствии с процессами развития местной общины.

Литература

- Гаузе Ф., 1994. Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города / Пер. с нем. В. Хердта и Н. Конрада. Реклингхаузен: Биттер. 300 с.
- Масан А.Н., 1989. Город в государстве Тевтонского ордена в XIII – первой половине XV в. (по материалам средневековой Пруссии). Дисс. ... канд. ист. наук. М. 338 с. / РГБ. № OD 61 91–7/52–X.
- Матузова В.И., 1999. Кёнигсберг – город-крепость Тевтонского Ордена XIII–XIV веков // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. С. 360–363.
- Риер Г.Я., 1956. Кёнигсберг XIII – начала XVI в. – оплот агрессии немецкого рыцарства в Прибалтике. Дисс. ... канд. ист. наук. Минск. 286 с. / РГБ. № ДК 55–7/184.
- Beckherrs C., von, 1890. Die Befestigungen Königsbergs // *Altpreussische Monatsschrift*. 1890. Bd. 93. S. 385–475.
- CDW. Bd. 1 / Hgb. von C. P. Woelky, J. M. Saage. Mainz: Verlag von Franz Kirchheim, 1860. 604 s.
- Klüser A., von, 1855. Gedenkblatt zur sechshundertjährigen Jubelfeier der Königlichen und Haupt-Residenz Königsberg in Preussen. Königsberg / Kunstbibliothek. Staatliche Museen zu Berlin. № 14136079.
- Perlbaach M., 1878. Quellen Beiträge zur Geschichte der Stadt Königsberg im Mittelalter. Göttingen: Verlag von Robert Peppmüller. 215 s.
- Perlbaach M., 1881. Regesten der Stadt Königsberg. Königsberg: Albert Rosbach. 39 s.
- Petri de Dusburg, 1861. Chronicon terrae Prusae // SRP. Bd. 1. Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. S. 21–219.
- PUB. Bd. 1. Hft. 2. Bearb. A. Seraphim. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1909. 724 s.
- PUB. Bd. 4 / Hgb. von H. Koeppen. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1964. 620 s.
- Traugott E., 1960. Die Geschichte der Festung Königsberg / Pr., 1257–1945. Würzburg: Holzner Verlag. 109 s.
- UBS. Hft. 1 / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1891. 131 s.
- UBS. Hft. 2 / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1898. 256 s.

S.A. Denisov

Fortifications in Altstadt in 13th–14th centuries (according to written sources)

Summary

The article is devoted to the composition and place in urban space of fortifications in Altstadt, which was the oldest Order's settlement in Sambia founded near the castle Königsberg in 1263. The main problem of research is the maintenance and improvement of these constructions in the condition of intensive urban development under permanent military threat in the second half of 13th–14th cc. This problem is solved in article on the basis of acts, in which were fixed two periods of development of the

urban wall. At the beginning, in 1263–1333 there was the wooden wall based on the earthen rampart. In the following period in 1333–1370 this construction was replaced by the stone wall consisted of bricks and boulders. The replacement the first type of wall by the second type was slow because scarce financial recourses of Order and bishop of Sambia. During the both periods using of urban space near the walls was strictly regulated in the dependence of defensive capacity of these constructions.

List of figures

Fig. 1. Königsberg agglomeration area on the plan of Joachim Bering 1613 (Klüser A., von, 1855).

Список сокращений

АВ	– Археологические вести
АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова
АН СССР	– Академия наук СССР
АНО НИЦ	– Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия»
АО	– Археологические открытия
АП	– Археология Подмосквья. Материалы научного семинара
АРГ	– Акты Русского государства 1505–1526 гг.
АСВР	– Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
АСЗ	– Акты служилых землевладельцев
АСЭИ	– Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АЭ	– археологическая экспедиция
БГУ	– Брянский государственный университет
БСЭ	– Большая советская энциклопедия
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВДАЭ	– Верхне-Донская археологическая экспедиция
ВК ТСМ	– Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря
ВНИИТАГ	– Всесоюзный научно исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства
ОНМЦКиПК	– Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации
ГАИМК	– Государственная академия материальной культуры
ГАКО	– Государственный архив Костромской области
ГАЯО	– Государственный архив Ярославской области
ГБУК	– Государственное бюджетное учреждение культуры
ГВИПМЗ	– Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник
ГВСИАиХМЗ	– Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМ	– Генеральное межевание
ГОП	– Государственная Оружейная палата
ГосНИИР	– Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ГОСТ	– Государственный стандарт
ГУОП	– Главное управление охраны памятников
ГУП	– Государственное унитарное предприятие
ГЦИ СИ ФГУП «ВНИИМ им. Д. И. Менделеева»	– Государственный центр испытаний средств измерений Федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийский научно-исследовательский институт имени Д. И. Менделеева»
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ЦБТИ	– Центральное бюро технической информации
ЗИАХМ	– Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной академии наук Украины
ІА НАНУ	– Інститут археології Національної академії наук України
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИАЭ ДВО РАН	– Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Российской академии наук

ИРАО	– Известия Русского археологического общества
ИПЭЭ РАН	– Институт проблем экологии и эволюции имени А. Н. Северцова РАН
ИЯЛИ	– Институт языка, литературы и истории, г. Казань
КАЭ	– Камская археологическая экспедиция
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КГИАХМЗ	– Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ККМ	– Каширский краеведческий музей
КМЗ	– Костромской музей-заповедник
КОК	– Костромской областной краеведческий музей
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛКИ	– Ленинградский кораблестроительный институт
ЛЛС	– Лицевой Летописный свод
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук
МВИ РВИО	– Музей военной истории Российского военно-исторического общества
МГУ	– Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МЗДК	– Музей-заповедник «Дмитровский Кремль»
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МК	– Московская керамика. Новые данные по хронологии
ММ	– Музей Москвы
МОММ	– Музейное объединение «Музей Москвы»
МПКМЦ	– Межпоселенческий координационно-методический центр
НАН РК	– Национальная академия наук Республики Казахстан
НАЭ	– Новгородская археологическая экспедиция
НИИХП	– Научно-исследовательский институт химической промышленности
НИП	– Научно-исследовательское предприятие
НОО	– Научная общественная организация
НПЛ	– Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
НПФ	– Научно-производственная фирма
ОГБУ	– Областное государственное бюджетное учреждение
ОГИЗ	– Объединение государственных книжно-журнальных издательств при Наркомпросе РСФСР
ОНТИ НКТП СССР	– Объединение научно-технических издательств Наркомтяжпрома Союза советских социалистических республик
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОУАК	– Орловская ученая архивная комиссия
ПГМ	– Планы Генерального межевания Мышкинского уезда Ярославской губернии
ПГУ	– Пермский государственный университет
ПОКМ	– Пензенский объединенный краеведческий музей
ПИРСС	– Памятники истории русского служилого сословия
ПК УГЛУ	– Писцовые книги Угличского уезда
ПКМГ	– Писцовые книги Московского государства
ПМРУ	– Писцовые материалы Ростовского уезда XVII в. 1629–1631 гг.
ПМЯУ	– Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. Поместные земли
ПЭ	– Подмосковная экспедиция
РА	– Российская археология
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАНХиГС	– Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РГАДА	– Российский Государственный архив древних актов
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
РИ	– Российская история
РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РИО БГУ (РИСО БГУ)	– Редакционно-издательский отдел (совет) Брянского государственного университета
РСМ	– Раннеславянский мир
РФСОН	– Русский фонд содействия образованию и науке
РФЦСЭ	– Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве Юстиции РФ
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СОИКМ им. П. В. Алабина	– Самарский областной историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина
СО РАН	– Сибирского отделения Российской академии наук
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ	– Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТверГУ	– Тверской государственный университет
ТГОМ	– Тверской государственный объединенный музей
ТКДТ	– Тысячная книга и Дворовая тетрадь
ТНИИР-Центр	– Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ТТЗ	– Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ЦАИГУОПМ	– Центр археологических исследований Главного управления охраны памятников г. Москвы
ЦМДРКиИ	– Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени А. Рублева
ЦНРПМ	– Центральный научно-реставрационные проектные мастерские
ЯМЗ	– Ярославский музей-заповедник
ЯРК	– Языки русской культуры
ЯСК	– Языки славянских культур
CDW	– Codex Diplomaticus Warmiensis
PUB	– Preussisches Urkundenbuch
SRP	– Scriptores rerum prussicarum
UBS	– Urkundenbuch des Bisthums Samland

Научное издание

Археология Подмосквья. Выпуск 16
Материалы научного семинара

Корректор: Е. В. Буйда
Верстка: В. Б. Степанов
Художник: А. В. Голикова

Подписано в печать 11.02.2020
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 53,9. Уч.-изд. л. 58,5.
Тираж 250 экз. Заказ № .

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ...

ISBN 978-5-94375-309-1

9 785943 753091

